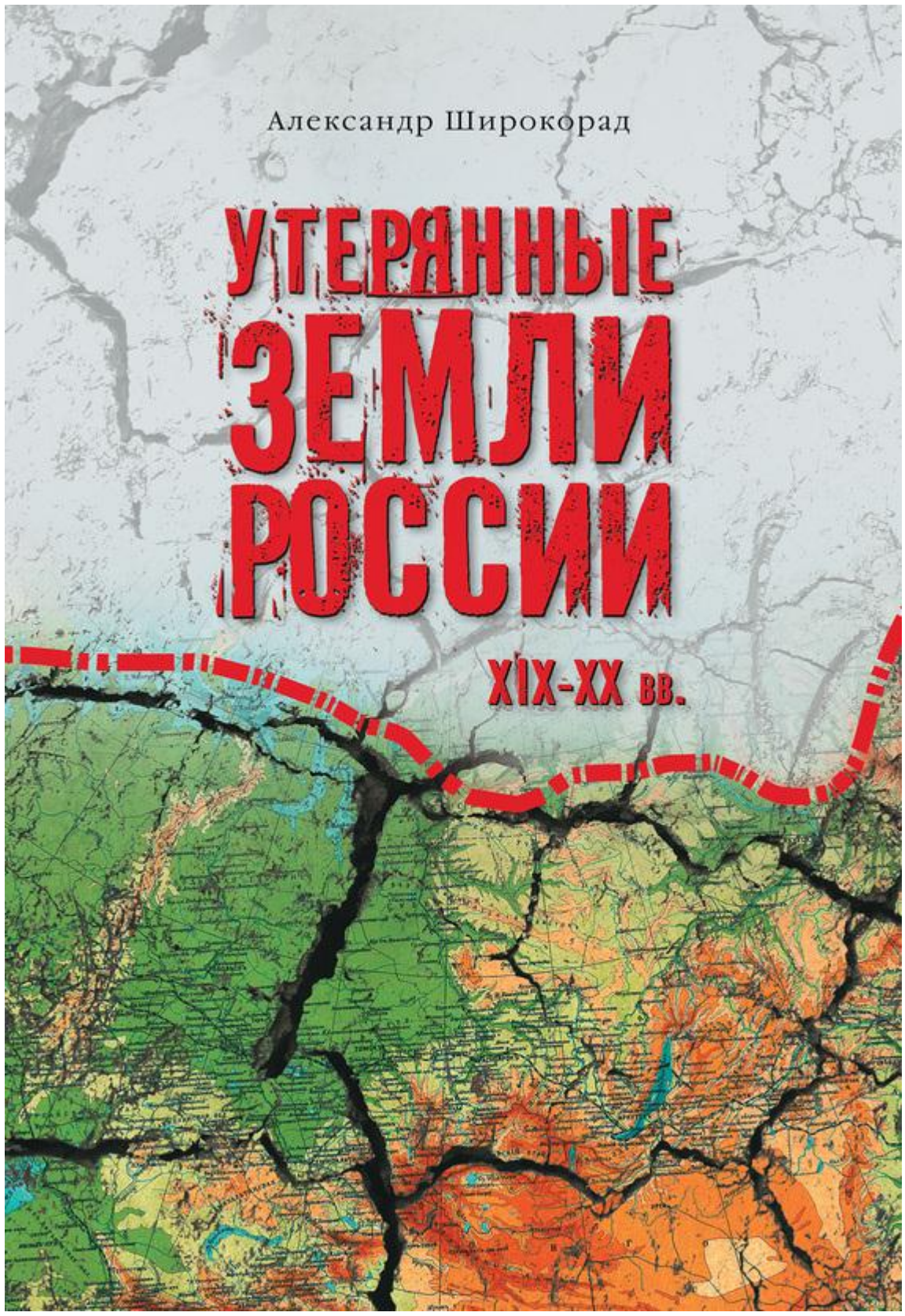

Александр Широкорад

Утерянные земли России. XIX–XX вв.

©Широкорад А.Б., 2012

©ООО «Издательский дом «Вече», 2012

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Раздел I. Финляндия

Глава 1. Финляндия между Швецией и Русью

О том, когда Финляндия попала под русское владычество, у историков нет единой точки зрения. На мой взгляд, это формально произошло в лето 6370 от Сотворения мира, то есть в 862 году от Рождества Христова.

В этом году восточные славяне призвали к себе норманнского конунга Рюрика, известного на Западе как Рёрик Ютландский. А Рюрик, как гласит «Повесть временных лет», привел с собой «всю Русь».

Можно долго спорить о личности Рюрика, хотя я, к примеру, нисколько не сомневаюсь в реальности существования основателя династии русских князей. Однако о руссах (руси) упоминают многие византийские и арабские источники.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

А в финских сказаниях русы именуются рутси (routsi, что в переводе «гребцы»). Все авторы-современники называют руссами судовые дружины, плававшие по Балтийскому, Черному и Каспийскому морям, а также по Ладоге, Днепру, Волге и другим внутренним водным путям России.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море.

Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам было гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Вот такие смешанные отряды византийские авторы называли руссами или русью. После призвания Рюрика постепенно название рус – русь распространилось на все государство[1], подвластное его потомкам – Игорю, Святославу и Владимиру.

В VIII веке русы основали город Ладогу (в настоящее время райцентр Старая Ладога). Чуть позже были основаны Смоленск (первоначально город находился на другом месте, которое сейчас археологи называют Гнездовским городищем), Киев и другие города.

Руси принадлежало и южное побережье Финляндии, и Рюрик принес эти территории «в приданое» славянам. О принадлежности русам всего северного побережья Финского залива свидетельствуют не только скандинавские саги, но и находки археологов. Так, в южной Финляндии были найдены сотни арабских монет VII–IX веков. Точно такие же монеты найдены в районе Старой Ладоги, Гнездовском городище, Киеве и нескольких пунктах на Волге. Наконец, район находок мечей, изготовленных мастерской мастера Ульфберта, – юг Финляндии, Старая Ладога, Гнездово, Киев и некоторые места на Волге.

«Остров русов»

Ряд историков полагают, что легендарный «Остров русов», воспетый скальдами, это Карельский перешеек. В те далекие времена он действительно был островом: с запада его омывали воды Финского

залива, с севера – протекавшая тогда от нынешних Выборга до Приозерска Вуокса, с востока – Ладожское озеро, а с юга – Нева.

Шло время, жители Новгорода постепенно колонизировали север. В XI–XII веках они заселили оба берега Невы. При этом новгородцы принципиально не строили больших крепостей на осваиваемых территориях. Ставить крепость – значит, там надо держать гарнизон, да еще приглядывать, чтобы комендант крепости, какой-нибудь служилый князь, не стал бы сепаратистом и не отложился бы от Господина Великого Новгорода.

Как писал советский историк А.В. Куза: «Первоначально… Новгороду были подчинены лишь Северо-Западное Приладожье и соседние лесные районы. Именно эти земли были поделены на погосты, а огромные пространства северной Карелии от Ботнического залива на западе до побережья Белого моря на востоке такого деления не имели. Но и туда вслед за осваивавшими их корелами постепенно внедрилась новгородская дань»[2].

В XI–XII веках племена в Финляндии, называемые на Руси емь, равно как и карелы, и чудь заволочная, регулярно платили дань Новгороду. Недалеко от современного города Торжок существовала постоянная торговая фактория новгородцев.

Русская колонизация угро-финских народов принципиально отличалась от немецкой и шведской колонизации. Русскую колонизацию можно назвать мягкой, в отличие от жесткой западной колонизации. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что жесткая колонизация сводилась к постройке на территории покоренных племен крепостей (замков), где жили рыцари и их свита. Окрестное население становилось крепостными этих рыцарей и принудительно христианизировалось. Туземцев, которые позже отходили от католичества, вешали, жгли на кострах и т. д.

Мягкая колонизация проводилась русскими совсем по-другому. Естественно, у русских были вооруженные столкновения с угро-финскими племенами. Но в целом колонизация происходила мирно. Русские не подавляли туземные племена, а, как сейчас модно говорить, занимали пустующую экологическую нишу. Слабое заселение северных земель позволяло русским внедряться почти безболезненно. Русские не делали туземцев своими крепостными или рабами, дань, наложенная на них, была очень мала. Как уже говорилось, новгородцы в XI–XIII веках принципиально не строили крепостей и замков в районе реки Невы, в Карелии и Южной Финляндии. И, наконец, русская православная церковь вела миссионерскую деятельность сравнительно вяло и только мирными средствами. Да по– другому и быть не могло – в Новгородских землях царила большая веротерпимость, а значительная часть самих новгородцев в XI–XIII веках была язычниками или полухристианами, то есть поклонялась как Христу, так и Перуну, и выполняла обряды обеих религий.

Благодаря общению с новгородцами в финском языке появились слова raamattu (грамота), pappi (поп), pakana (язычник, поганый). Соответственно, финское слово tanner (земля) у русских превратилось в слово «тундра».

Шведы в XI – начале XII века эпизодически совершали набеги на Финляндию и Приневье. Слабость экспансии с запада объясняется нестабильностью внутри Швеции, наступившей в 1066 г. после смерти короля Стенкиля. Борьба феодалов за власть усугубилась войной между христианами и язычниками. Относительная стабильность в Швеции наступила примерно к 1160 г.

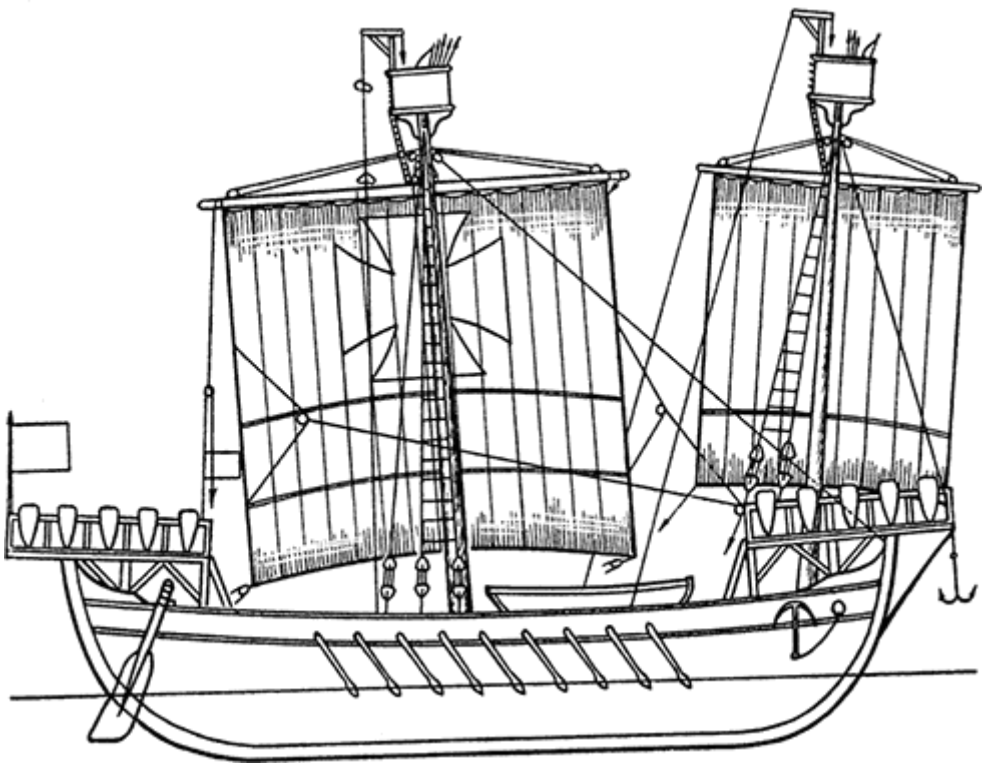
Шведскому королю Эрику Святому очень нужны были деньги, и посему он счел «своей священнейшей обязанностью содействовать распространению христианства не только в своих владениях, но и в странах соседних. Тотчас по вступлении на престол с величайшей ревностью занялся он приготовлениями к походу и на другой же год (1156-й), сопровождаемый епископом упсальским Генрихом и многими монахами, во главе значительного ополчения внес крест и меч на берега Финляндии. Высадка произведена была на самой юго-западной оконечности, при устье реки Авра (Aurajoki), и там, где ныне стоит город Або»[3]. Там и была построена первая шведская крепость.

Успех Эрика в значительной степени был обусловлен слабостью обитавшего там финского племени Суомляна (Сумь по русским летописям). Часть суомлян, подвергшихся внезапному нападению, разбежалась по лесам, а часть подчинилась требованиям завоевателей и приняла крещение. Король Эрик, увидев, что предприятие его не требует особых усилий, на следующий год с большей частью войска возвратился в Швецию, а дело обращения язычников поручил епископу Генриху.

Но финны рвения епископа не оценили, и тому пришлось «принять мученический венец» и быть позже причисленному к лику католических святых.

В 1164 г. шведы провели смелый рейд на город Ладогу. 23 мая шведская флотилия через Неву прошла в Ладожское озеро. Шведское войско осадило город Ладогу. Ладожане сожгли свой посад, а сами с посадником Нежатою заперлись в каменном кремле и послали за помощью в Новгород. Шведы попытались взять кремль приступом, но были отражены с большими потерями и отошли к устью реки Вороной[4] и устроили там укрепленный лагерь.

Через пять дней к лагерю шведов подошел новгородский князь Святослав Ростиславович с посадником Захарием. Атака русского войска оказалась для шведов неожиданностью. Большинство шведов было убито или взято в плен. Из 55 шнек сумели уйти лишь двенадцать.

Шведский корабль XIII – начала XIV века

Новгородцы же были втянуты князьями Рюриковичами в их усобицы и практически не реагировали на экспансию шведов. Лишь в 1188 г. в Центральную и Северную Финляндию ходили новгородские молодцы с воеводой Вышатой Васильевичем и «пришли домой поздорову, добывши полона». В 1191 г. ходили новгородцы вместе с карелами на емь, «землю их повоевали и пожгли, скот перебили». В 1227 г. князь Ярослав Всеволодович пошел с новгородцами на емь в Центральную Финляндию, «землю всю повоевали, полона привели без числа».

Самый сильный удар шведам русские нанесли в ходе таинственного похода на шведскую столицу Сиггуну в 1187 г. Флотилия кораблей с новгородскими, ижорскими и карельскими воинами скрытно прошла по шведским шхерам к Сиггуне. Столица шведов была взята штурмом и сожжена. В ходе боя был убит архиепископ Ион. Надо сказать, что у русских, и особенно у карел, были веские основания разделаться с этим духовным лицом, которое «9 лет воевало с русскими, ижорой и карелами ради господа и святой веры».

Русско-карельская рать благополучно вернулась домой. Шведы даже не стали восстанавливать разрушенную Сиггуну, а начали строить новую столицу Стокгольм. Стокгольм был основан вдовой архиепископа Иона[5] и ярлом Биргером из рода Фолькунгов. (Читатель не должен путать этого Биргера с однофамильцем, противником Александра Невского, этот Биргер умер в 1202 г.)

Карелы ходили с новгородцами на емь не только в 1191 г., когда об этом говорит летопись. Согласно финской епископской хронике, в 1198 г. новгородцы совместно с корелой разгромили шведскую колонию Або, которая после этого не могла оправиться 10 лет.

В 1235 г. против шведов и католических миссионеров выступило племя тавастландуев (по-фински – хямяляйсет).

9 декабря 1237 г. папа Григорий IX отправил главе шведской церкви архиепископу Упсалы Томасу буллу с призывом совершить крестовый поход на «язычников»-емь (тавасотов): «Поскольку, как это следует из содержания присланных нам ваших писем, народ, который называется тавасаты, в свое

время великим трудом и рвением вашим и ваших предшественников обращенный в католическую веру, сейчас под воздействием рядом живущих врагов креста, вернувшись к неверию прошлого заблуждения, вместе с некоторыми варварами [русскими? – *А.Ш.*] при содействии дьявола полностью разрушает новый посев Церкви Божьей в Тавастии… мы предписываем вам, брат наш, настоящим апостолическим посланием, чтобы вы спасительными предписаниями побудили католических мужей, сколько их живет в упомянутом Королевстве [Швеция] и на соседних островах, чтобы они, взяв на себя знак креста, против этих отступников и варваров мужественно и мощно выступили»[6].

Шведских феодалов долго уговаривать не пришлось, и в 1239 г. они в ответ двинулись походом в Тавасланд. Местное население было жестоко подавлено.

В начале лета 1240 г. шведская эскадра с десантом вошла в Финский залив.

Новгородский князь Александр, которому было около 20 лет[7], быстро собрал дружину и двинулся на ладьях по Волхову к Ладоге, где к нему присоединилась ладожская дружина. 12 июля 1240 г. внезапным ударом Александр разгромил шведов, за что и получил прозвище Невский. Отечественные историки XIX – XX веков возвели это сражение в разряд эпохальных событий.

Зато сейчас появились историки, утверждающие, что-де князь Александр совершил агрессию против мирных шведских путешественников. Нет, нет, я не шучу! Вот, к примеру, взгляд на Невскую битву современного либерала, Александра Нестеренко. По его мнению, Александр Ярославич поступил очень нехорошо. «Шведы ни на кого не напали, не грабили. Просто стояли лагерем. Может быть, на берегу Невы и Ижоры расположился обыкновенный купеческий караван поторговать с туземцами (особенно, если предположить, что в этом месте действительно было ижорское поселение)?..

…разбив лагерь и установив шатры, шведы демонстрировали всем, что они пришли с миром. Торговать, а не воевать. Почему же тогда Александр напал на шведов? Летопись не дает ответа на этот принципиальный вопрос. Она только бездоказательно обвиняет шведов во враждебных намерениях. Подозревать можно кого угодно и в чем угодно. Но это вовсе не повод для внезапного нападения.

Если оставить без ответа вопрос о причинах нападения на шведский лагерь, то придется признать, что мирные шведы стали жертвой разбойного нападения со стороны русских»[8].

Но да Бог с ними, с малограмотными туземными либералами. Гораздо хуже, что профессор истории Хельсинского университета Херик Мейнандер (1960 г. рождения) написал в «Истории Финляндии»:

«На востоке ощущалась экспансия со стороны Новгорода под предводительством князя Александра, в 1240 г. победившего шведское войско у берегов Невы и потому получившего почетное прозвище “Невский”»[9].

Итак, сейчас финским студентам внушают, что Александр Невский совершил агрессию 15 июля 1240 г. против мирных шведских путешественников. Замечу, что книга Мейнандера была издана и в РФ при поддержке «Финского литературного и информационного центра» (FILI).

В 1249 г. шведский король Эрик созвал «и рыцарей, и тех, кто близки к рыцарскому званию, а также крестьян и вооруженных слуг»[10] (то есть объявил тотальную мобилизацию для похода на тавастов (емь)). Командовать войском король поручил ярлу Биргеру. Несколько десятков шведских кораблей пересекли Ботнический залив и высадили в Финляндии большое войско. Естественно, тавасты не стали в открытом бою противостоять численно превосходящему и лучше вооруженному шведскому войску. Шведы учинили кровавую бойню. «Всякому, кто подчинился им, становился христианином и принимал крещение, они оставляли жизнь и добро и позволяли жить мирно, а тех язычников, которые этого не хотели, предавали смерти. Христиане построили там крепость и посадили своих людей. Эта крепость называется Тавастаборг – беда от нее язычникам!.. Ту сторону, которая была вся крещена, русский князь, как я думаю, потерял»[11]. Где находилась крепость Тавастаборг (другое название – Тавастгус), и поныне спорят финские историки. Некоторые считают, что это по сей день существующий средневековый каменный замок в городе Хяменлинна[12].

В 1293 г. шведы начинают очередной крестовый поход. Возглавил его фактический правитель страны марскалк (маршал)[13] Торгильс Кнутссон. Время рождения и происхождение его неизвестно. Видимо, он происходил из мелких дворян Вестергетланда (область в Швеции). В 1288 г. Кнутссон был посвящен в рыцари, а в 1289 г. стал марскалком. В декабре 1290 г. умер шведский король Магнус

Ладулос[14], оставив трех малолетних сыновей – Биргера, Эрика и Вальдемара. Официально королем был провозглашен Биргер, но до его совершеннолетия власть находилась в руках регентского совета. Фактически же всем распоряжался Кнутссон.

17 мая 1293 г. шведский ледунг (морское ополчение) во главе с Кнутссоном[15] отправился в крестовый поход к берегам Финского залива. Шведы подошли к небольшой русской крепости Выбор у впадения реки Вуоксы в Финский залив. Тут стоит сделать небольшой экскурс в географию. Ладожское озеро в Средние века соединялось с Финским заливом двумя реками – Невой и Вуоксой. Естественно, что самым быстрым и удобным был путь по Неве. На Вуоксе и озерах, через которые пролегал «вуокский путь», было много мелей, подводных камней и т. д. Тем не менее по «вуокскому пути» купцы ходили еще в VIII–IX веках, что подтверждается в том числе находками арабских монет VII–IX веков в районе Приозерска. Таким образом, на Карельском перешейке было четыре стратегических пункта, контролировавшие коммуникацию Финский залив – Ладога. Это Невское устье и крепость Орешек у истоков Невы, а также место соединения рукава реки Вуоксы с Финским заливом и крепость Корела при впадении Вуоксы в Ладожское озеро.

Шведы то ли штурмом овладели укреплениями Выбора, то ли русские заранее оставили городок, сейчас установить невозможно. Заняв этот стратегический пункт, Кнутссон велел построить каменную крепость на небольшом островке Линнан-Саари (размером всего 1700 на 122 м). Этот островок контролировал речной путь в реку Вуоксу и, соответственно, в Ладожское озеро. Шведы назвали крепость Выборгом.

Замечу, что строили крепость не сами шведы, а сотни или даже тысячи насильно согнанных туда корел. Вестернский епископ Педер Элкви приступил к принудительному крещению корел по католическому обряду.

До прихода Кнутссона все карельские племена были подданными Господина Великого Новгорода. Большинство карел оставалось язычниками, крестились они только по своей воле. Точных данных о числе православных карел нет, но они составляли не менее 20 процентов от общего числа. Новгородская администрация никого не принуждала креститься, но создавала для этого все условия – посылала миссионеров, строила церкви, основывались монастыри, как, например, знаменитый Валаамский монастырь[16].

Был ли Торгильс Кнутссон основателем Выборга – вопрос довольно спорный.

Во всяком случае, ни в одном шведском или русском документе XIII–XV веков нет упоминаний о личном участии Кнутссона в строительстве Выборга и даже о пребывании в нем. Тем не менее в конце XIX века финские националисты начали прославлять Кнутссона.

Возникает естественный вопрос, почему Великий Новгород допустил, чтобы на его территории в важнейшем стратегическом пункте Карельского перешейка шведы спокойно возводили неприступную каменную крепость? Дело в том, что в 1292 г. сын Александра Невского Андрей Городецкий вместе с князем Федором Чермным в очередной раз навели татар[17] на Русь. Кстати, православные иерархи позже причислили известного ордынского прихвостня Федора Чермного к лику святых[18]. Надо полагать, что Кнутссон затевал свой крестовый поход в 1293 г., хорошо зная ситуацию на Руси. Татары заняли Волок Ламский и готовились оттуда идти на Новгород и Псков. Но обе республики прислали богатейшие дары Дюденю и его темникам, и татарское войско в феврале 1294 г. отправилось восвояси.

В начале 1294 г. Андрей Городецкий прибыл с дружиной в Новгород, где бояре поведали ему о затее Кнутссона. Андрей 10 марта 1294 г. отправил к «свейскому городу», то есть к Выборгу, князя Романа Глебовича[19], боярина Юрия Мишинича и тысяцкого Андреяна с отрядом новгородцев. Однако отряд был слишком мал. Дело в том, что сам Андрей Городецкий отправился в поход против своего старшего брата Дмитрия Александровича и взял с собой большую часть новгородского войска вместе с посадником.

За шесть недель новгородцы добрались до Выборга и во вторник «на похвальной неделе» пошли на штурм крепости. Но шведы уже основательно подготовились к обороне. Штурм был отбит. При этом смертельную рану стрелой получил знатный новгородец «добрый муж» Иван Клекачевич.

На следующий день начался разлив талых вод, и подойти к крепости стало невозможно. Кроме того, кони новгородцев страдали от бескормицы. В итоге воеводы решили возвращаться назад.

Шведы, воодушевленные успехом, в конце 1293 г. – начале 1294 г. покорили все карельские земли («14 погостов»). Шведы взяли город Кексгольм (по-русски – Корелу, современный Приозерск), «много язычников было там побито и застрелено в тот самый день». Интересно, что шведы называли язычниками не только язычников-карел, но и православных карел, и даже русских. В Кексгольме был оставлен сильный шведский гарнизон во главе с Сигге Лоне (новгородская летопись называет его «воевода Сиг»). Замечу, что еще около 830 г. на месте Корелы была крепость русов Бярма. Таким образом, шведы полностью взяли под контроль вуокский водный путь из Финского залива в Ладогу.

Вскоре к Кексгольму подошел отряд новгородцев и осадил крепость.

Дальнейшее лаконично описано в летописи: «Новгородцы, придя, крепость разметали, а Сига убили, не выпустив ни человека»[20].

Маршал Кнутссон был взбешен, узнав об уничтожении кексгольмского гарнизона, и решил захватить устье реки Невы. Но поход пришлось отсрочить из-за бракосочетания короля Биргера Магнуссона с Мартой, дочерью датского короля Эрика V.

В начале 1299 г. маршал Кнутссон начал подготовку нового крестового похода на Русь. При этом Рим помогал ему не только морально, по традиции римские папы обещали всем идущим на Восток отпущение грехов и всякие райские блаженства. На сей же раз Бонифаций VIII снял лучших инженеров со строительства своего дворца и замка Святого Ангела в Риме и отправил их в Швецию строить крепости на землях «русских язычников».

30 мая 1300 г. («в троицын день») около 50 шведских кораблей покинули Стокгольм. На корабли было посажено 1100 рыцарей[21], командовал ими сам правитель Торгильс Кнутссон. Флотилия вошла в Неву и стала на якорь у слияния рек Невы и Охты. В то время Охта была полноводной рекой, ширина ее в устье составляла не менее 80 метров, а глубина позволяла кораблям приставать непосредственно к берегу. Шведские корабли были поставлены в устье Охты «борт к борту и штевень к штевню».

На мысу шведы сразу же начали строить крепость, ее требовалось закончить быстро – к концу лета. Зимовать здесь с флотом Кнутссону явно не улыбалось. В шведской хронике говорится, что между Невой и Охтой был прорыт глубокий ров и заполнен водой, а надо рвом возведена стена с восемью башнями. На берегах обеих рек были возведены менее мощные фортификационные сооружения. Точных и подробных данных об укреплениях крепости нет. Но, судя по всему, башни и, возможно, часть стен были каменными. Крепость получила название Ландскрона – «Венец Земли». Место крепости было выбрано удачно, недаром в 1611–1617 гг. шведы на том же самом месте построили крепость Ниеншанц.

С 1869 по 1998 год на мысе Ландскроны находилась Охтинская (позже Петрозаводская) верфь.

Однако в 1301 г. великий князь владимирский Андрей Городецкий со своей дружиной и новгородцами захватил Ландскрону и сровнял ее с землей.

В первой половине 1323 г. в устье реки Невы на Ореховом острове в истоке Невы по приказу князя Юрия Даниловича новгородцы построили крепость Орешек.

В июле 1323 г. в новопостроенную крепость прибыли для переговоров шведские «великие послы» Эрик Туресссон и Хеминг Эдгислассон со свитой. Новгородскую сторону представляли князь Юрий Данилович, посадник Варфоломей Юрьевич и тысяцкий Авраам. В качестве наблюдателей, а, скорее всего, посредников в переговорах приняли участие купцы с острова Готланд Людовик и Фодру. Поскольку Готланд входил в состав Ганзейского союза, послы Готланда должны были представлять интересы Ганзы.

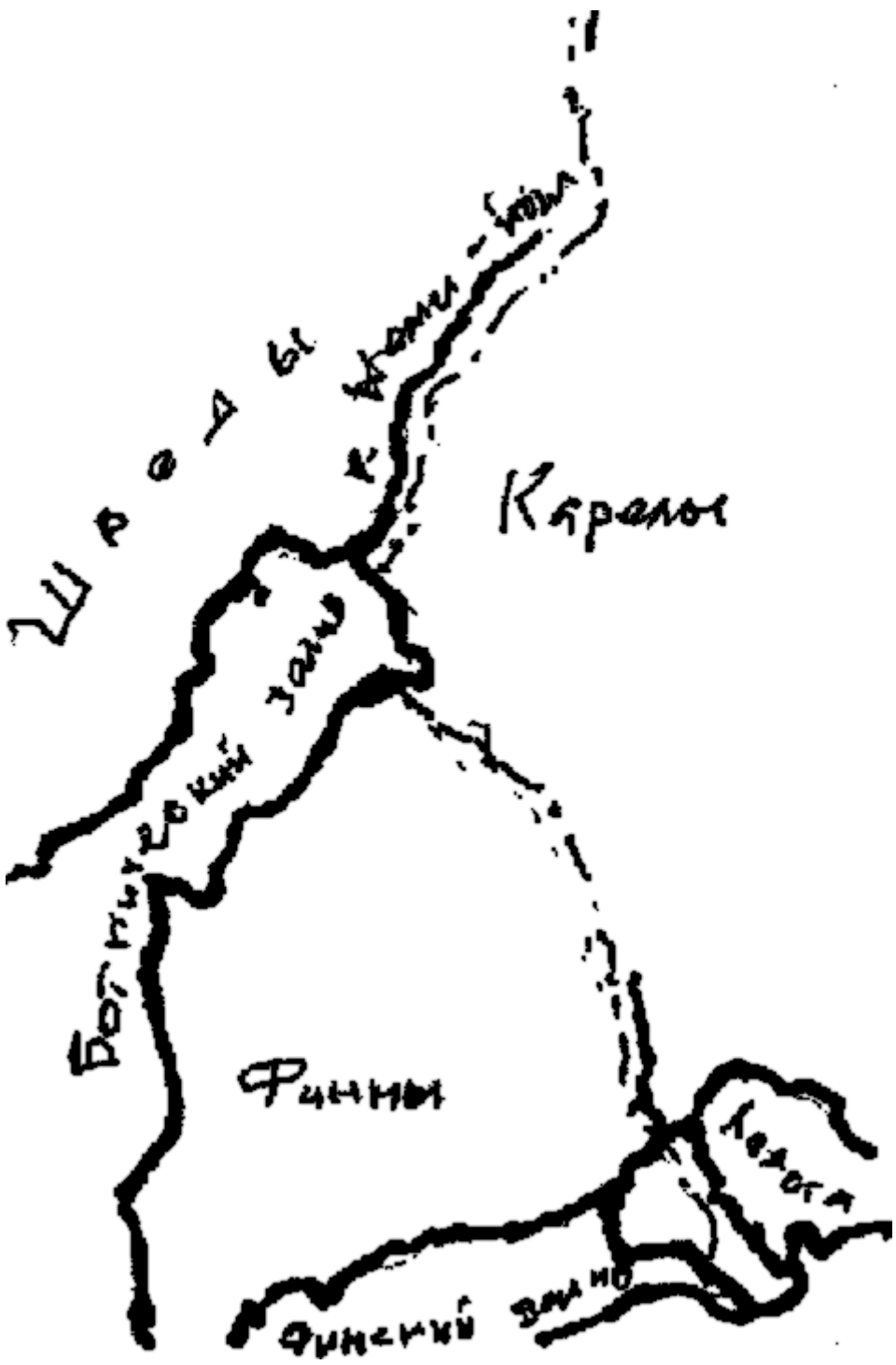
Договор, получивший название Ореховецкий, был подписан 12 августа 1323 г. В его преамбуле приводилось главное содержание договора – заключение обеими сторонами «вечного мира», подкрепленное присягой – «крестным целованием».

Согласно условиям договора, новгородско-шведская граница устанавливалась на Карельском перешейке по следующей линии: от устья реки Сестры на побережье Финского залива и оттуда вверх по течению Сестры (Систербека), вплоть до ее истоков, и далее через болото, откуда брала река Сестра свое начало, до его противоположного конца по водоразделу, вплоть до истока реки Сая, и вниз по руслу до впадения Саи в Вуоксу, а затем по Вуоксе до того пункта, где река делает крутой поворот на север и где расположен гигантский валун – «Солнечный камень».

Таким образом, граница делила пополам Карельский перешеек в направлении с юга на север и шла далее до бассейна озера Сайма, а затем до побережья Ботнического залива там, где в него впадает река Пюзайоки. Это была древняя племенная граница между карелами и финнами – сумью (суоми), и она подтверждалась и сохранялась.

За Новгородом оставались промысловые угодья на отошедшей к Швеции территории, так называемые ловища, богатые рыбой, общим числом шесть, куда должны были иметь свободный доступ новгородцы и карелы, и два бобровых ловища.

Любопытно, что в Ореховецком договоре была зафиксирована только юго-западная граница русских владений у Ботнического залива – река Патойоки. Как далеко на север простирались русские приботнические владения, в договоре указано не было. Однако в позднейших источниках имеются сведения, где проходила внешняя (на севере и западе) граница этих владений. Русские считали своими владениями территории, принадлежащие современной Финляндии от реки Похейоки (Pöhejoki), а оттуда в западную сторону к мысу Бьюрроклубб на западном берегу Ботнического залива, в приходе Шеллефтео, оттуда к северо-востоку до рек Торнео и Кеми, вверх по реке Кеми до речного мыса Рованьеми. По этим данным видно, что, согласно русской официальной точке зрения, сохранившейся к 1490-м годам, Русское государство должно было владеть не только Каянской землей – Эстерботнией, но и обоими побережьями северной части Ботнического залива или даже обеими областями, прилегавшими к северной части этого залива – Эстерботнией и Вестерботнией. Лишь при заключении Тявзинского мирного договора в 1595 г. Каянская земля (Эстерботния) отошла к Швеции.

Фрагмент схемы древней карты представляет нам участок границы, установленной между Русью и Швецией по Ореховецкому договору 1323 г.

До начала XVI века нынешняя Финляндии именовалась в официальных шведских документах как Остерландия (Osterlandia), то есть «Страна на Востоке». Термин «Финляндия» впервые официально упомянут в 1419 г. как обозначение всей восточной половины Шведского королевства. В середине XV века он укоренился и в законодательных документах.

В XIV–XV веках продолжалось насильственное обращение финского населения в католическую веру. Однако в 1525 г. шведский король Густав Ваза вступил в конфликт с Римом. Ссора, как это обычно бывает, началась из-за денег. Густав испытывал большую нужду в деньгах и посягнул на церковную десятину. В итоге в Швеции в 1527–1537 гг. произошла реформация. В 1539 г. было введено новое церковное устройство. Король стал главой церкви. Церковным управлением ведал королевский суперинтендант с правом назначать и смещать духовных лиц и ревизовать церковные учреждения, включая сюда и епископства. Епископом Финляндии был назначен доминиканец Мартти Скютте, который присягнул на верность королю и обещал проповедовать слово Божие, а не папы.

В отличие от большинства европейских стран, реформация прошла на редкость спокойно. Католические монастыри в Финляндии были ликвидированы, а основная часть церковного серебра пошла в казну короля и его наместника в Финляндии. Народ же достаточно равнодушно относился к догмам католицизма и не пытался бунтовать за старую веру.

На Финляндию был распространен общий свод законов Швеции, принятый в 1347 г. и обновленный в 1442 г. Шведский язык был официальным. Финское население облагалось шведскими повинностями. Судьями назначались исключительно этнические шведы. Короли стремились заселить финские города и почти незаселенные районы вдоль границы с Россией шведами, а самих финнов считали «собственностью Бога, короля и шведской короны». В свою очередь за финнами закреплялось право участия в общешведских королевских выборах.

Перед смертью в 1560 г. король Густав Ваза передал королевский титул старшему сыну Эйрику, а остальным сыновьям дал крупные уделы (герцогства). Юхан получил Финляндию, Магнус – Восточную Готландию, а Карл – Зюдерманландию.

При этом все герцоги должны были приносить присягу на верность своему старшему брату, который после смерти отца вступил на престол под именем Эйрика XIV.

Так впервые появился термин «герцогство Финляндское». Герцог получил право от имени короля решать все дела Финляндии по своему усмотрению, командовать финскими войсками, отражать нападения, блюсти границу и расширять территорию своих владений.

Финский язык, не имевший письменности, при шведах был языком крестьян и беднейших горожан. Первая книга на финском языке – «Азбука» – была издала в Германии в 1538 г. В ней приводился финский алфавит и краткие указания о произношении буквенных обозначений, а также азбучные постулаты христианства. В 1548 г. на финский язык был переведен «Новый Завет».

Герцог Юхан женился на дочери польского короля Сигизмунда I Екатерине и начал проявлять сепаратистские тенденции. В результате Эйрик XIV отправил в Финляндию королевские войска. 12 августа 1563 г. Юхан был вынужден сдаться, его заточили в башне Грипсгольского замка. Свободу Юхан получил в 1567 г., а уже в сентябре 1568 г. вместе с братом Карлом сверг Эйрика с престола и сам стал королем под именем Юхана III.

Новый король в 1581 г. вновь дал Финляндии статус Великого княжества и прибавил к своему титулу короля Швеции титул великого князя Финляндии. Финляндия снова стала автономной областью Шведского королевства. Юхан утвердил герб Финляндского княжества, существующий и поныне как государственный герб Финляндии. Любопытно, что этот герб символизирует Финляндию как победителя в борьбе Запада с Востоком. Лев держит в лапе меч западного образца и попирает лапами изогнутый меч Востока.

Осенью 1596 г. в область Похьянмаа началось восстание крестьян против шведской администрации. Оно вошло в историю как Дубинная война, поскольку оружием крестьян были дубины и колья. Восставшие под предводительством крестьянина Яакко Илкка двинулись из Похьянмаа и Центральной

Финляндии в направлении Або, но их главные силы встретили у местечка Нокиа недалеко от Тампере конницу королевского наместника Клауса Флеминга. В сражении, продолжавшемся несколько дней, крестьяне потерпели поражение.

А в феврале 1597 г. Флеминг разгромил остатки восставших в битве при Сантавуори в Похьянмаа. Общие потери повстанцев составили свыше 2500 человек.

В ноябре 1592 г. умер шведский король Юхан III. На престол взошел Сигизмунд III Ваза, который уже был королем Польши с 1587 г.

Понятно, что протестантская Швеция и католическая Польша физически не могли управляться одним монархом. Шведы испугались контрреформации и восстали против короля Сигизмунда III. Во главе восстания стал дядя короля герцог Карл Зюдерманландский (впоследствии король Карл IX). В 1598 г. войско Карла разбило королевскую армию в битве при Стонгебру. В следующем году личная уния с Польшей была официально расторгнута.

Между тем в России началась смута, затеянная боярами Романовыми, выставившими в качестве самозванца своего холопа Юшку Отрепьева. Династия Годуновых была свергнута, но Лжедмитрий I продержался в Москве менее года. Однако затем в Россию вторглись новые части армий польских панов, приведших к Москве нового самозванца, по месту своей резиденции прозванного Тушинским вором.

В Швеции же Карлу IX удалось короноваться лишь в марте 1607 г. Естественно, что шведам поначалу было совершенно не до российских смут. Но как только обстановка стабилизировалась, шведское правительство обратило свои взоры на Россию. Проанализировав ситуацию, шведы пришли к выводу, что русская смута может иметь два основных сценария. В первом в России будет восстановлена твердая власть, но к Польше отойдут обширные территории – Смоленск, Псков, Новгород и др. Не будем забывать, что в то время Польше принадлежала и вся Прибалтика, исключая побережье Финского залива. Во втором случае вся Русь подлежала ополячиванию.

Таким образом, в любом случае Швеции стала бы угрожать серьезная опасность со стороны усилившегося Польского королевства. А ведь весь XVII век Польша для всех шведов, начиная от короля и кончая простолюдинами, была куда более грозным и ненавистным противником, нежели Россия.

Карл IX решает помочь царю Василию Шуйскому, который принял помощь Швеции. Но вместо того, чтобы направить шведов на Польшу через Прибалтику, что вполне соответствовало как личным интересам Карла IX, так и интересам Швеции в целом, царь приглашает шведский корпус Делагарди в центр России для борьбы с поляками.

С 23 по 24 июня 1610 г. в битве у Клушина шведские наемники не пожелали драться с поляками и бежали с поля боя. Зато Делагарди удалось захватить Новгород и ряд других северных городов.

После нескольких лет войны на Севере, шедшей с переменным успехом, Россия и Швеция 27 февраля 1617 г. в селе Столбово заключили мир.

Согласно условиям Столбовского мира, стороны должны:

– Все ссоры, происшедшие между двумя государствами от Тявзинского до Столбовского мира, предать вечному забвению.

– Новгород, Старую Руссу, Порхов, Ладогу, Гдов с уездами, а также Сумерскую волость (то есть район озера Самро, ныне Сланцевский район Ленинградской области) и все, что шведский король захватил во время Смутного времени, вернуть России.

– Бывшие русские владения в Ингрии (Ижорской земле), а именно Иван-город, Ям, Копорье, а также все Поневье и Орешек с уездом, переходят в шведское обладание. Шведско-русская граница проходит у Ладоги. Всем желающим выехать из этих районов в Россию дается две недели.

– Северо-западное Приладожье с городом Корела (Кексгольм) с уездом остается навечно в шведском владении.

– Россия выплачивает Швеции контрибуцию: 20 тысяч рублей серебряной монетой. (Деньги заняты московским правительством в Лондонском банке и переведены в Стокгольм).

Согласно Столбовскому миру, в русских землях, отходящих к шведам, монахи, дворяне, дети боярские и горожане могли в течение 14 дней уехать в Россию, взяв с собой челядь и имущество. А вот крестьянам и приходским священникам категорически запрещалось уезжать. Они теперь должны были жить под властью шведской короны.

Выступая в шведском риксдаге, король Густав II Адольф популярно выразил суть Столбовского мира: «Теперь без нашего позволения русские не могут выслать ни одной лодки в Балтийское море, большие озера Ладожское и Пейпус, Нарвская поляна, болота в 30 верст ширины и модные крепости отделяют нас от них. Теперь у русских отнят доступ к Балтийскому морю и, надеюсь, не так-то легко будет перешагнуть им через этот ручеек»[22].

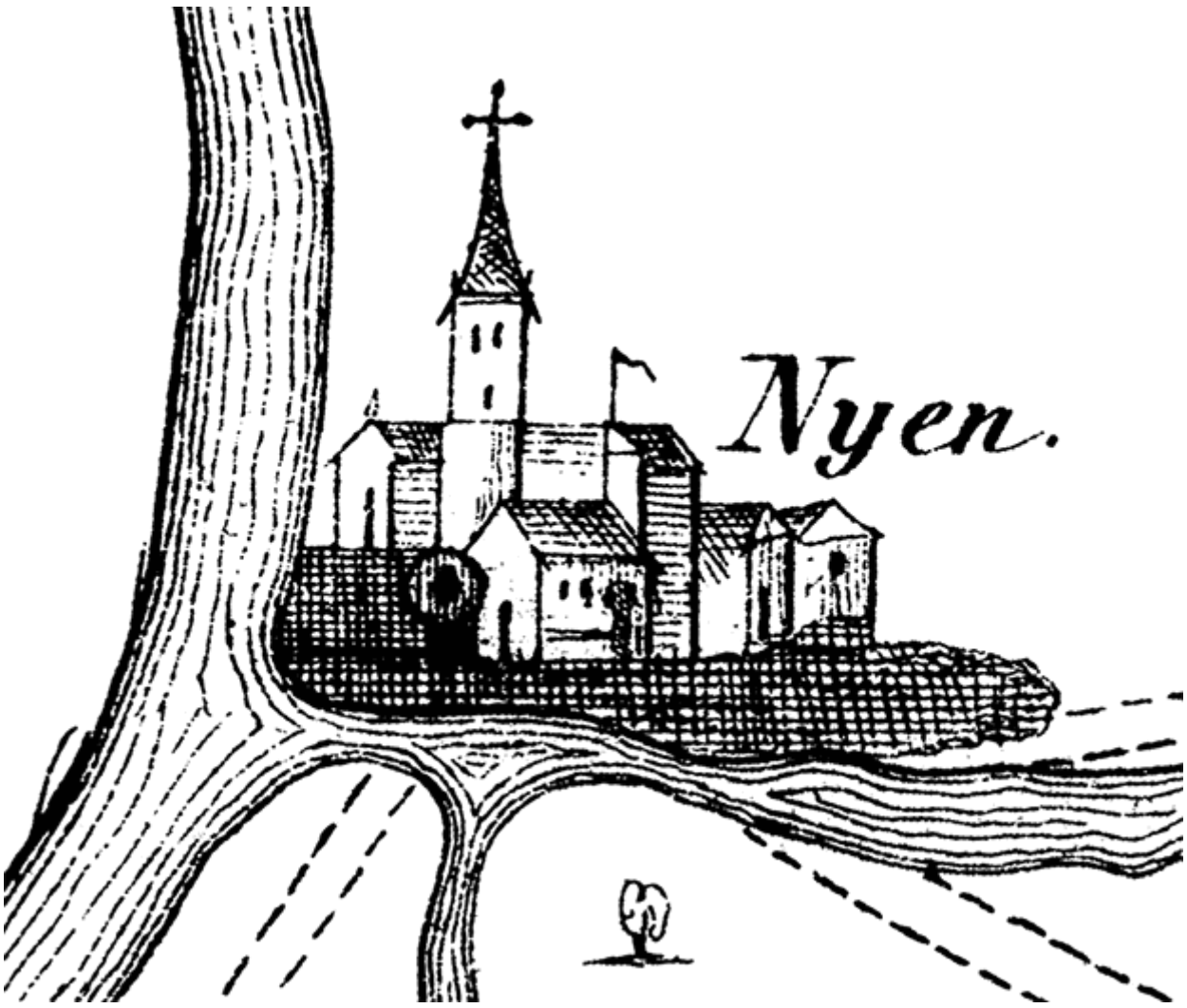
Любопытно, что сейчас финские историки полностью оправдывают завоевания шведских королей как в России, так и в Польше и Германии. Так, в изданной в 2006 г. книге «История Финляндии» утверждается: «Никакой альтернативы экспансионистской и военной политике у Швеции, в сущности, не было. Оборонительная политическая линия потребовала бы значительно больших затрат на фортификационные сооружения и на внутреннее финансирование, чем активные боевые действия: шведские войска в XVII в. кормились в большой степени за счет завоеваний, а также за счет экономической поддержки стран-союзниц, главной из которых была Франция. Нападение считалось лучшей защитой»[23].

В 1611 г. шведы начинают строить замок в устье Охты на месте разрушенного русского городка и еще ранее разрушенной Ландскроны. 12 октября 1617 г. в шведском риксдаге было впервые упомянуто и название этого города – Ниэн[24].

Подробности описания 21-летней Северной войны выходят за рамки нашей работы, и интересующихся я отсылаю к моей книге «Северные войны России».

Здесь же я расскажу лишь о завоевании русскими Финляндии. Профессор Хельсинкского университета Мейнандер писал: «Весной 1710 г. русские начали операцию по завоеванию Финляндии, которая, по причине отсутствия Карла XII и его полного равнодушия к укреплению северо-восточных флангов королевства, была в 1714 г. окончательно завоевана. Государственный совет в Стокгольме обладал ресурсами для более решительного отстаивания Финляндии, но в то же время он не имел власти и заботился лишь о спасении центра государства и своих собственных богатств.

Оккупация Финляндии продолжалась вплоть до Ништадтского мира 1721 года. Положение обязывало русских создать масштабную систему по поддержанию своих войск в стране. Однако скоро обнаружилось, что Финляндия была слишком истощена, чтобы обеспечивать оккупационные силы численностью 25–35 тыс. человек. Поэтому свыше 70 % общего снабжения армии осуществлялось за счет морских перевозок из России. Задачей оккупации было заставить Карла XII поскорее заключить мир и провести новую границу. Этим объяснялось и то, что российская армия в Эстерботнии занялась мародерством.

Ниен на карте начала XVII века

Подобные грабежи происходили во многих частях Европы и, как и в Финляндии, имели стратегическую подоплеку. Их цель заключалась в том, чтобы предотвратить шведское контрнаступление с севера Финляндии, и вместе с тем они обеспечивали солдатам вознаграждение. В глазах местных жителей набеги конных казаков представлялись непонятной жестокостью, особенно когда они сопровождались насильственным угоном гражданского населения. В общей сложности в Россию было угнано около 8 тыс. мирных жителей. Неслучайно период оккупации вошел в историю под названием “великого лихолетья”»[25].

Как видим, у профессора взгляды на Северную войну столь же местечковые, что и у «пикейных жилетов» в Черноморске, искренне считавших, что вся европейская политика вертится вокруг проблемы превращения Черноморска в вольный город[26]. Царь занимает Финляндию, чтобы шведы ужаснулись – как мы будем без Финляндии. А главной заботой короля Карла XII, сидевшего в почетном плену у султана, и Государственного совета в Стокгольме должно было быть благосостояние Финляндии.

И тут же наш профессор утверждает, что нищая Финляндия не могла прокормить и 30-тысячную армию, так что 70 % продовольствия приходилось доставлять из России.

Заняв Финляндию, Петр хотел ее использовать как козырь в дипломатической игре. Русские послы и в Берлине, и в других европейских столицах открыто заявляли: «Кроме Финляндии ничего нельзя отдать».

Но шведы тогда придавали столь же малое значение Финляндии, что и русские. И только тогда Петр I осознал, что выиграть войну можно, только нанеся сильный удар непосредственно по Швеции. Ну а сделать это можно было лишь через Финляндию. В 1710 г. Петр взял Выборг, а в течение следующего года овладел всей Финляндией.

Следует сказать несколько слов о географических особенностях южной Финляндии, которые определяли характер войн как в XVIII веке, так и в XX. Северное побережье Финского залива, Аландский архипелаг и побережье Швеции от Эстхамара до Фигехолма представляют собой почти сплошные шхеры. Плавание в шхерных районах – дело весьма трудное, требующее отличного знания местности, так как навигация в шхерах возможна только по строго определенным путям – фарватерам, чрезвычайно извилистым и таящим массу опасностей. Наиболее трудными являются шхерные районы Финляндии и Або-Аландские, несколько легче плавание по шведским шхерам.

Понятно, что до появления паровых двигателей плавание в шхерах больших парусных судов (кораблей и фрегатов) было крайне затруднено, а в отдельных местах вообще невозможно. В результате этого в обеих русско-шведских войнах – 1700–1721 гг. и 1741–1743 гг. – обе стороны имели по два флота: корабельный и гребной, действовавших в подавляющем большинстве случаев независимо друг от друга. Корабельные флоты сражались в открытом море, а гребные – в шхерах.

Таким образом, классическая теория «владения морем» не действовала на Балтике. Большая флотилия русских кораблей не могла перехватить гребные суда, которые могли пройти шхерами из Стокгольма до Выборга и даже до Березовых островов, находящихся рядом с Кронштадтом. На этом маршруте гребным судам приходилось лишь три раза выходить из шхер на 30–40 км в открытое море. Это пролив Седра-Кваркен между шведским берегом и Аланским архипелагом, а также у двух острых, выдающихся в Финских залив полуостровов Ганге и Поркалаудд. Эти последние два полуострова и были главными стратегическими пунктами в ходе всех войн XVIII–XX веков.

В 1716 г. в Финляндии сухопутными войсками под командованием Голицына был взят город Каяненбург, и неприятельские войска были окончательно вытеснены в Швецию. Галерный флот летнюю кампанию 1716 года простоял у острова Аланд в ожидании десанта в Швецию. В кампанию же 1717 года галерный флот в Финляндии простоял в базах.

В кампании 1719–1721 гг. русские войска, действуя с территории Финляндии, неоднократно высаживались на территории Швеции. Именно эти десанты, а не действия русских войск в Речи Посполитой и Северной Германии заставили шведов пойти на мирные переговоры, закончившиеся 30 августа (10 сентября) 1721 г. подписанием Ништадтского мира.

В части границ договор предусматривал следующее:

Швеция уступала России на вечные времена завоеванные русским оружием провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с Выборгской губернией, включая не только материковую часть, но и острова Балтийского моря, в том числе Эзель (Сааремаа), Даго (Хийумаа) и Муху, а также все острова Финского залива. К России отходила и часть Кексгольмского округа (Западная Карелия).

Устанавливалась новая линия русско-шведской государственной границы, которая начиналась западнее Выборга и шла оттуда в северо-восточном направлении по прямой линии до старой русско-шведской границы, существовавшей до Столбовского мира. В Лапландии русско-шведская граница сохранялась неизменной.

В ходе 21-летней Великой Северной войны Петру Великому удалось вернуть России земли, которые принадлежали ее князьям еще в IX–XI веках, и добиться выхода к морю. Петр поистине «прорубил окно» в Европу. На Балтике появился мощный русский флот.

Тем не менее у Ништадтского мира был и серьезный изъян – Петр, торопясь заключить мир, согласился на границу в 120 верстах от новой столицы – Санкт-Петербурга. Поскольку шведская аристократия не смирилась с поражением в войне и мечтала о реванше, такая граница у Выборга становилась источником нестабильности и постоянной головной боли русского правительства.

Что же касается Финляндии, то, как видим, она почти 8 лет провела под властью русских. Петр не собирался присоединять Финляндию к своей державе, и там действовала только русская военная администрация. Войскам строжайше запрещалось грабить и оскорблять местное население. Хотя Мейнандер прав: казаки, особенно малороссийские, физически не могли жить без грабежа.

При русских в Финляндии быстро восстанавливалась мирная жизнь, расцвела торговля. Впервые была учреждена регулярная почта и приведен в действие почтовый тракт. Вновь открылись традиционные финские ярмарки. Была восстановлена лоцманская часть, поскольку плавание в шхерах являлось основным видом сообщений. По всей Финляндии разрешалось хождение как русских, так и шведских денег. На финское население была наложена контрибуция в виде хлебной и денежной повинностей, контрибуция эта шла на содержание русских войск. Но размер этой повинности был таким же, как и при шведском правлении. Естественно, что этого не хватало, и значительную часть продовольствия и фуража для армии приходилось возить из России.

После возвращения Финляндии Швеции права ее населения были еще больше урезаны. Шведские власти стали жестче проводить ассимиляцию финнов.

Основной причиной войны 1741–1743 гг. было стремление правящих кругов Швеции к реваншу за Северную войну 1700–1721 гг. Боюсь, читатель поморщится от казенного советского стиля этой фразы. Но, увы, это на сто процентов соответствует действительности. До 1700 г. доходы шведского королевского дома и аристократии с Финляндии, Прибалтики и шведских территорий в Германии были гораздо больше, чем непосредственно со Швеции. Кроме того, собственное сельское хозяйство не могло прокормить население Швеции, и волей неволей приходилось закупать зерно и другие сельхозпродукты в утерянных землях.

Однако шведское правительство понимало, что новая война один на один с Россией может закончиться для Швеции катастрофой. Войну можно было начать лишь в коалиции с могущественными союзниками, либо дождаться внутренних потрясений в России, которые подорвут ее военную мощь.

17 октября 1740 г. императрица Анна Иоанновна скончалась в возрасте 46 лет. На следующий день, 18 октября, столица присягнула новому императору-младенцу Ивану Антоновичу.

В Петербурге началась борьба за власть. Шведский король Фредерик I решил, что настал час реванша, и 28 июля 1741 г. объявил России войну. Начальником шведских войск в Финляндии был назначен граф Левенгаупт, сеймовый маршал, самый популярный в это время человек в Швеции. Маршал собирался осень встретить в Петербурге. Однако 23 сентября 1741 г. шведы были наголову разбиты у Вильманстранда (немного севернее Карельского перешейка).

В ночь на 25 ноября 1741 г. в ходе государственного переворота к власти пришла дочь Петра Великого Елизавета. Вопреки ожиданиям шведов и французов новая императрица не только не пошла на уступки Швеции, но и приказала активизировать военные действия в Финляндии. В августе 1742 г. армия фельдмаршала Ласси окружила шведские войска у Гельсингфорса. Теперь шведская армия могла получать подкрепления только морем. Но и эта связь скоро прекратилась, так как шведский флот из-за начавшейся эпидемии ушел из Гельсингфорса в Карлскрону, а эскадра Мишукова заперла шведскую армию с моря.

В Гельсингфорсе было заперто 17 тысяч шведов, русских же было там не более 17,5 тысячи. Тем не менее 24 августа командующий армией генерал Буснет капитулировал. За несколько дней до этого генералы Левенгаупт и Будденброк оставили армию и бежали в Стокгольм «для отчета сейму о своих действиях». По условиям капитуляции шведским военнослужащим было разрешено убыть в Швецию с личным оружием, полковая и крепостная артиллерия шведов (90 орудий) доставалась русским. Финны, служившие в шведской армии, отказались ехать в Швецию и были распущены по домам. Вскоре войска Ласси и Мещерского соединились в городе Або.

В январе 1743 г. в городе Або, захваченном русскими войсками, начались переговоры о мире.

Шведские войска были выбиты из Финляндии, и у командования русских войск возникло естественное желание не пускать туда впредь шведов. 22 февраля 1743 г. Елизавета Петровна велела подать мнение об условиях мира со Швецией высшим военачальникам и чиновникам империи. Фельдмаршал князь Трубецкой заявил, что надо всеми силами удержать всю Финляндию: «Возвратить ее Шведской короне ни по каким правильным причинам невозможно, ибо в противном случае не только всему свету подастся повод рассуждать не к пользе и не к славе оружия ее величества, но и для благополучия и безопасности Российской империи весьма надлежит, чтоб граница была отдалена, ибо опасность от близкой границы нынешняя война доказала; наконец, обыватели финляндские, видя, что их страну возвратили шведам, в другой раз будут противиться всеми силами русским войскам». Как видим, мнение было весьма логично. Его поддержал вице-канцлер граф Бестужев-Рюмин, предложив заключить мир на условиях «uti possidetis» («кто чем владеет») и лишь в крайнем случае присоединить к России районы Або и Гельсингфорса, а на остальных финских землях создать независимое нейтральное государство. По мнению фельдмаршала Ласси, адмирала Головина и других, нужно было бы отдать шведам лишь северные районы Финляндии, а остальные присоединить к империи.

Но каприз Елизаветы, которому успешно подыгрывали шведы, оказался сильнее мнения опытных полководцев и политиков. Дело в том, что король Швеции Фредерик I не имел детей, и шведский риксдаг был сильно озабочен поисками наследника престола. Ряд шведских аристократов предложил

избрать наследником шведского престола любекского епископа Адольфа Фридриха Голштинского. Елизавета пришла в восторг от этой идеи. Во-первых, Адольф был двоюродным дядей юному Карлу Петру Ульриху Голштинскому[27], которого Елизавета назначила своим наследником. Кстати, детские годы он провел у Адольфа в Любеке. Во-вторых, Адольф был родным братом Карла-Августа, который был женихом самой Елизаветы, но умер в июне 1727 г. в Петербурге незадолго до венчания. Нетрудно догадаться, какое впечатление произвела смерть красавца-принца на его семнадцатилетнюю невесту. Елизавета помнила жениха всю жизнь. И тут появилась возможность помочь его родному брату. Разумеется, 33-летняя Елизавета уже не была наивна и сентиментальна, но, как говорится, и на старуху бывает проруха. И Елизавета всерьез поверила, что Адольф, взойдя на престол, будет если не другом, то, по крайней мере, ее союзником.

23 июня 1743 г. король Фредерик и риксдаг единогласно избрали «коронным наследником» принца Адольфа Фридриха.

7 августа 1743 г. в Або был подписан окончательный мирный договор. Согласно Абоскому миру, к России отходили Кюменегордская губерния, то есть бассейн реки Кюмийоки с городами Фридрихсгамом и Вильманстрандом, а также город Нейшлот (по-фински Олавилинна) из провинции Саволакс. Русско-шведская граница, начиная от побережья Финского залива, шла с этих пор прямо на север по руслу реки Кюмийоки, а затем по ее первому притоку слева и по границам бассейна реки Кюмийоки на востоке вплоть до города Нейшлота в Саволаксе, а оттуда по старой русско-шведской границе.

Глава 2. В составе Российской империи

Формальный повод к очередной русско-шведской войне 1808–1809 гг. дали сами шведы. 1 (13) февраля 1808 г. шведский король Густав IV сообщил послу России в Стокгольме, что примирение между Швецией и Россией невозможно, пока Россия удерживает Восточную Финляндию, присоединенную к России по Абоскому договору 1743 года. Спустя неделю Александр I ответил на вызов шведского короля объявлением войны.

Русские войска в очередной раз заняли Финляндию и провели несколько рейдов в собственно Швецию.

В итоге 5 (17) сентября 1809 г. в Фридрихсгаме был заключен мирный договор между Россией и Швецией. От России его подписали министр иностранных дел граф Н.П. Румянцев и посол России в Стокгольме Давид Алопеус; от Швеции – генерал от инфантерии барон Курт Стединк и полковник Андрас Шельдебронт.

Военные условия договора включали в себя уход русских войск с территории Швеции в Вестерботтене в Финляндию за реку Торнео в течение месяца со дня обмена ратификационными грамотами. Все военнопленные и заложники взаимно возвращались не позднее трех месяцев со дня вступления договора в силу.

Военно-политические условия заключались в недопущении входа в шведские порты британских военных и торговых судов. Запрещалась их заправка водой, продовольствием и топливом. Таким образом, Швеция фактически присоединялась к континентальной блокаде Наполеона.

По условиям договора:

1. Швеция уступала России всю Финляндию (до реки Кеми) и часть Вестерботтена до реки Торнео и всю финляндскую Лапландию.

2. Граница России и Швеции должна проходить по рекам Торнео и Мунио и далее на север по линии Мунионiски – Энонтеки – Кильписярви и до границы с Норвегией.

3. Острова на пограничных реках, находящиеся западнее Фарватера, отходили к Швеции, восточнее фарватера – к России.

4. Аландские острова отходили к России. Граница в море проходила по середине Ботнического залива и Аландского моря.

1 февраля 1809 г. император Александр I объявил, что 29 марта в городе Порвоо будет созван Финляндский сейм. Собрание сословий было созвано для провозглашения императора Александра правителем Финляндии и принесения финляндскими сословиями присяги на верность ему. Туда из Петербурга заранее были привезены специальный престол с балдахином, ландмаршальский жезл и мундиры для герольдов.

Прибытие императорской свиты и трона указывало на то, что речь идет о российском государственном акте, в ходе которого осуществляется присоединение завоеванной страны к империи. При этом жители страны, собравшиеся на сейм, признают императора своим государем. Такой акт, согласно тогдашней государственно-правовой доктрине, являлся основным.

Он мог быть скреплен двусторонней присягой и заверениями, даваемыми жителями. Акту этому можно было придать религиозное содержание посредством коронации. Однако никакой коронации в Порвоо не произошло.

16 (28) марта император проследовал из своей резиденции в собор. Тронный балдахин несли четыре русских генерала и шестнадцать офицеров. Александра I сопровождали русские (в зеленых мундирах) и финские (в бело-голубых мундирах) герольды, высшие чиновники и депутация финляндского дворянства, вышедшая навстречу в полном составе. Грохотали пушки и звенели колокола. Представители остальных сословий ожидали в соборе, женщины находились на хорах.

Император в сопровождении высших российских чиновников вступил на возвышение и остановился перед троном, но не сел.

После богослужения шествие направилось в «государственный зал» – актовый зал гимназии. Пока шествие следовало вокруг собора, престол был доставлен в «государственный зал», а покров спинки трона заменили – вместо двуглавого орла появился финский лев.

Каждое сословие приветствовало императора, который затем выступил с речью на французском языке. После этого сейму были зачитаны четыре представления.

На следующий день настал черед принесения присяги. Сословия ожидали в церкви. Александр I в сопровождении российских герольдов и высших чиновников вошел в церковь и прошел под балдахином вдоль военного почетного караула. После музыкального вступления император выступил с речью на французском языке, которую генерал-губернатор переводил на шведский. Затем сословия по очереди выходили вперед и присягали «с поднятыми пальцами» на верность императору.

Так Финляндия попала в «тюрьму народов». Это образное выражение Ленина о царской России стало аксиомой как для советских историков, так и для… либералов-антисоветчиков. Была ли Россия действительно тюрьмой народов? Без ответа на этот вопрос очень сложно разобраться в последующих взаимоотношениях Финляндии и России.

Безусловно, правление Голштинской династии, которую безо всяких законных оснований называют Романовыми, было деспотией и произволом. К императорской власти в России, по крайней мере, до 1906 г., не подходит даже название самодержавие. Самодержавие в понимании европейцев – это образ правления, когда монарх по своему усмотрению вводит законы, а далее государство управляется по этим законам. В России цари устанавливали законы, но вот выполнять свои же указы упорно не желали. В течение XIX века и в начале XX века именно императоры и члены их семейств были главными нарушителями законов Российской империи. Недаром Лев Толстой в 1895 г. образно сравнивал методы управления государством Николая II с методами кокандского хана.

Любопытно, что русско-азиатскую деспотию советские историки представляют как диктатуру буржуазии над пролетариатом или дворянства над крестьянством.

Это верно лишь отчасти, в том смысле, что капиталист или помещик имел привилегию над простым человеком и мог в определенном объеме тоже творить над ним произвол. Но ни большой капитал, ни княжеский титул, ни даже принадлежность к «августейшей» семье не могли никого спасти от царского произвола – тюрьмы, монастыря или ссылки без суда и следствия, насильственного расторжения законно заключенного брака, дети могли быть насильно отобраны у родителей и т. д.

Таким образом, можно согласиться с Лениным, что Россия была тюрьмой народов – русского, татарского, башкирского, мордвы и многих малых народов, проживавших во внутренних губерниях империи.

Однако со времен Петра I русские монархи стали консервировать старые порядки на ряде территорий, присоединенных к империи. Это коснулось Эстляндии, Курляндии, Царства Польского, Крыма, среднеазиатских ханств и Великого княжества Финляндского.

Мало того, население этих территорий получило льготы, которые не могли и сниться жителям внутренних губерний России. Речь идет о налогах, призыве на воинскую службу, приеме войск на постой, послаблении в таможенном контроле, что сейчас именуется «свободными экономическими зонами», и т. д.

В декабре 1811 г. Александр I издал рескрипт о присоединении в начале следующего года к Великому княжеству Финляндскому Выборгской и Кексгольмской губерний. После 1809 г. эти губернии в России называли Старой (русской) Финляндией, в противоположность Новой (шведской) Финляндии.

Главной целью присоединения Финляндии к России было обеспечение безопасности северной столицы империи. Еще в 1810 г. Александр I заявил, что Финляндия должна стать «крепкой подушкой Петербурга». Поэтому главной обязанностью генерал-губернатора, направленного в Финляндию в качестве представителя императора, было командование размещенными в Финляндии войсками, то есть он нес ответственность за этот оборонительный рубеж.

Для гражданского управления Финляндией был создан Комитет по финляндским делам. В 1826 г. была введена должность статс-секретаря. Министр статс-секретарь готовил все касающиеся Финляндии вопросы и представлял их царю.

Важную роль в управлении княжеством играл Императорский Правительствующий Совет, с 1816 г. – Императорский Сенат, который был учрежден на основе принципов, разработанных комитетом во главе с Тенгстремом на сейме в Порвоо, а первые его члены избраны по предложениям сословий. Некоторыми своими чертами этот Сенат напоминал старый стокгольмский Государственный совет, своего рода высшую палату, на что указывало и наименование «Сенат». Кроме того, этот административный орган должен был рассматривать как хозяйственные, так и юридические вопросы. То, что первые члены совета были назначены по представлению сословий, что срок их полномочий составлял три года, что половина членов совета представляла дворянство, а другая половина – остальные сословия, предавали Сенату черты представительского органа – высшей палаты.

Сенат состоял из Правого департамента, который выступал в роли верховного суда, и Хозяйственного департамента, в который входило пять экспедиций: военная, гражданская, финансовая, камеральная и церковная. В состав Сената также входил и прокурор, в обязанность которого входил надзор за соблюдением законов Сенатом и другими чиновниками.

Формально председателем Сената являлся генерал-губернатор, но на практике он никогда не председательствовал главным образом потому, что до 1900 г. рабочим языком в Сенате был шведский, затем – финский, и лишь с 1913 г. – русский.

У каждого департамента был свой вице-председатель. В дальнейшем вице-председатель Хозяйственного департамента стал восприниматься и действовать как премьер-министр.

Во всех учреждениях Великого княжества Финляндского вся документация велась, как и раньше, на шведском языке. Финский же язык был довольно архаичен, да и не было единого языка, а существовало несколько диалектов, среди которых главными являлись диалекты саво-карельский и «низжший диалект» (язык западной Финляндии). Забегая вперед, скажу, что усилиями ряда лингвистов через несколько десятилетий западнофинский язык стал основой современного финского языка.

Став русской, Финляндия поменяла столицу. При шведах административным центром края был город Або (Турку).

Это удобный и самый теплый в Финляндии порт, открытый для навигации в течение 8 месяцев. А самое главное, он был очень близок к метрополии. Последний фактор после 1809 г. из достоинства превратился в недостаток.

Поначалу возникла идея перенести столицу Великого княжества Финляндского в Хяменминна – город, расположенный подальше от моря. Однако из-за ряда технических трудностей первые десять лет существования Великого княжества Финляндского столицей по-прежнему оставался Або.

Тем временем появилась мысль перенести столицу в Гельсингфорс (Хельсинки). У этого города было три серьезных преимущества: во-первых, он достаточно далеко отстоял от устья Финского залива; во-вторых, с моря его прикрывала мощная крепость Свеаборг; а в-третьих, в ходе боевых действий в 1808 г. город полностью выгорел, и его в любом случае надо было планировать и строить заново.

Решение о превращении Гельсингфорса в столицу Финляндии Александр I объяил 27 марта (12 апреля) 1812 г. По этому поводу финский историк Матти Клинге писал: «В 1812 г. работы были начаты, и вскоре Хельсинки превратился в гигантскую строительную площадку. На десятилетия привычными элементами городского пейзажа стали строительные леса. Город был переполнен рабочими: каменщиками, кровельщиками и малярами.

К.Л. Энгель писал в одном из писем своему другу в Германию, что самым типичным звуком для Хельсинки был шум взрывов. Город приходилось строить на скалах прибрежных шхер. Для прокладки широких улиц, которые должны были подчеркивать статус города, для выравнивания и мощения больших площадей, необходимых для парадов императорских войск, было недостаточно осушения небольших болот и сноса городской церкви и других зданий. Нужно было прежде всего взорвать скалы. Постепенно вырисовывались контуры грандиозного замысла.

В 20-х годах XIX века русские власти проводят ряд мер для подъема экономики княжества. Начиная с 1823 г. предоставляются дешевые займы: для основания новых промышленных предприятий, для распашки новых земель, проведения мелиорации, осушения болот и озер. В 1823 г. был основан первый сберегательный банк в Турку. Торнио получил «полные стапельные права» (то есть льготы в судостроении), и был введен новый протекционистский таможенный тариф.

И тут уже появляется финский сепаратизм, пока в виде мелких пакостей. Весной 1825 г. генерал-губернатор А.А. Закревский предложил унифицировать меры длины и на дорогах шведскую версту (1069 м) заменить русской (1067 м). Делалось это в интересах военных, а, кроме того, в Выборгской губернии еще до присоединения Финляндии стояли верстовые столбы и дорожные указатели в русских верстах. Да и разница – всего 2 метра – была ерундовая. Однако финский Сенат из принципа отказался переходить на русскую версту.

Экономическая ситуация в Финляндии радикально изменилась с отделением страны от Швеции.

В 1809 г. рубль был сразу же объявлен официальной денежной единицей Финляндии, однако вплоть до 1840 г. наряду с ним риксталлер оставался законным платежным средством. В 1860 г. страна, в конце концов, получила собственную денежную единицу – марку, а в 1865 г. ее курс стал независимым от рубля. Относительно рано, еще в 1811 г. в Финляндии был создан прообраз Центрального банка.

Во времена шведского владения в Финляндии практически не было собственной промышленности, и эта часть Швеции ориентировалась в основном на сельское хозяйство. Имелось несколько табачных, сахарных, парусиновых заводов и цехов, но и им вскоре пришлось свернуть свою деятельность, так как после присоединения Финляндии к России торговцы стали привозить более дешевые товары из России.

Железоделательные заводы продолжали свою деятельность и после образования Великого княжества Финляндского, поскольку располагались так, что могли использовать энергию воды, поблизости в изобилии имелась древесина для заготовки угля, а также достаточно и дешевой рабочей силы. Такие заводы располагались в основном на южном побережье Финляндии, куда руда привозилась из Швеции, а также в областях центральной и восточной Финляндии, где имелись залежи озерной и болотной руды. Больше всего руды привозилось из шахты в Утё, расположенной на одном из островов Стокгольмского архипелага.

Следует заметить, что царское правительство полностью сохранило все привилегии финского дворянства. Говоря «финское», я имею в виду место проживания дворян. А говорили они в основном по-шведски, позже стали учить русский, а вот с финским языком до 1917 г. у туземного дворянства были большие проблемы.

Русские императоры возвели в графское достоинство несколько десятков представителей финских и шведских дворянских семей.

Для финского дворянства и даже для разночинцев были созданы благоприятные возможности для занятия высших военных и гражданских должностей в империи. «Число находившихся на императорской военно-морской службе финнов, прежде всего – офицеров, в общей сложности составляло 340 человек. Из них 9 были адмиралами, 21 – вице-адмиралами и 46 – контр-адмиралами. Как и во всяких других профессиональных и корпоративных сообществах, многие семейные династии культивировали постоянный интерес к вооруженным силам: в результате чего в Императорских военно-морских силах служило семеро Старков, шесть Гаддов и Нордманов, пять Энквистов, Хеков, Лундов, Сильверсванов, фон Шульцев, Топелиусов, Вильгельмсов и Виренов, четыре Бойсмана, Хястеско, Яниша, Тавастшерны, Виренииуса и т. д.…

Финский Кадетский корпус и Финская Гвардия на протяжении всего имперского периода были важным идейным связующим звеном между Финляндией и финским общественным мнением, с одной стороны, и Российской империей и императорской армией – с другой. Созданная в 1878 г. на принципе всеобщей воинской повинности отдельная армия Финляндии, со своим финским командованием и штабами, поддерживая необходимые контакты, также выполняла эту функцию. В связи с возникшими разногласиями по вопросу о воинской повинности, финские стрелковые батальоны, а затем (в 1901 г.) и драгунский полк были распущены, в 1903 г. последовала очередь кадетской школы и Гвардии (21 октября 1905 г.)»[28].

Царское правительство вместе с финскими властями уделяло большое внимание развитию транспортной структуры Великого княжества. Так, в 1856 г. был открыт для судоходства Сайменский канал. При длине 38 км он имел 28 шлюзов. Канал открыл выход к морю из обширного района Восточной Финляндии судам, ширина которых не превышала 7 м. В 1860-е годы через этот канал стало проходить свыше 3 тысяч судов в год. Затем было построено еще несколько каналов.

В 1862 г. была введена в строй первая финская железная дорога Хельсинки – Риихимяки – Хямеенлинна. «Она соединила с побережьем большую озерную систему Ванаявеси, которая не была связана с морем (река Кокемяки не была судоходной), и когда дорога из Риихимяки достигла Лахти, стало возможным объединение бассейна Пяийянне с южным берегом.

Железнодорожная сеть расширялась таким образом, что три очень длинные ветки, ведущие на север страны, были объединены с основной дорогой, пролегающей из Хельсинки через Риихимяки в Петербург, с дорогой Похьянмаа (Риихимяки – Тампере – Сейняйоки – Оулу и т. д.), с дорогой Саво (Коувола – Миккели – Риексямяки – Куопио – Иисалми – Каяани и т. д.) и с дорогой Карелии (Элисенваара – Сортавала – Йоенсуу и т. д.). Между этими тремя дорогами – в центре и севернее – позже были построены соединяющие железнодорожные линии. В эту систему спустя некоторое время стали входить пути Турку – Тоийала и Пори – Тампере, а еще позже прибрежная железная дорога Хельсинки – Турку. Систему можно охарактеризовать как двухполюсную, центрами которой были Хельсинки и Петербург»[29].

Замечу, что дороги строили с принятой в империи широкой колеей, а не узкой, как в Западной Европе. В 1870 г. сеть железных дорог была соединена с Петербургом. Поезда из Выборга прибывали на Финляндский вокзал. Любопытно, что соединение финской железной дороги с другими дорогами империи произошло лишь в 1910 г., когда был введен железнодорожный мост через Неву.

Задержка с постройкой моста произошла из-за спора петербургских властей с Финским сенатом, кому финансировать строительство моста. В конце концов, заплатило Великое княжество, поскольку для него мост был в экономическом отношении куда важнее.

Замечу, что национальный продукт Финляндии с 1860 г. по 1910 г. возрос более чем в 2 раза, несмотря на сильнейший экономический кризис 1880-х годов.

Благодаря железной дороге, соединившей Гельсингфорс с Петербургом, на торжественном открытии Студенческого Дома 23 ноября 1870 г. можно было полакомиться привезенными из Петербурга деликатесами, например, виноградом. Газета «Хювудстадебладет» писала, что «многих это (дорога в Петербург) приводит в ужас… Она станет нашей ширококолейной дорогой в остальной мир. Если мы

не можем идти по нему, не спотыкаясь, причина в нас. Прочь всякая нетерпимость! Прочь любая ограниченность!»

Увы, не все думали так. То там, то здесь появлялись озлобленные кучки националистов, мечтавших стравить русских и финнов. Так, в 1869 г. поэт А. Алквист в стихотворении «Так могло случиться с Финляндией» призывал финнов ориентироваться на Запад, а не на Россию. Вот, мол, вогулы и вотяки «уберегlись» от западного влияния, в результате чего они погрязли в дикости:

О, вогулы, мордва и вотяки,

И прочие угорские народы,

С которыми мы, финны, свояки —

Вы жалкое подобие породы!

Не знаете вы даже языка —

Не ведаете собственного слова,

И до сих пор никто еще пока

Не навязал вам ничего чужого!

Чего достигли вы своим трудом?

В невежестве и дикости живете…

<…>

Немым подобно тщитесь вы сказать

Бессмыслицу, которую нечаянно

В слова вам удается облекать

Дыханьем смрадным —

хриплым и отчаянным.

Язык ваш как вода в болотной жиже,

Что тухнет без подпитки родниковой!

Финляндией могло случиться так же,

Если б Господь не восхотел иного.

Во второй половине XIX века автономный статус Финляндии укрепился. Согласно манифесту Александра II от 13 июня 1886 г., сейм получил право законодательной инициативы. Общему собранию Сената в 1869 г. было разрешено самостоятельно решать ряд дел, связанных с управлением княжеством.

В 1894 г. в Уголовном уложении Великого княжества Финляндского было закреплено указание на то, что финны являются российскими подданными. Александр III стремился достичь объединения таможенной, почтовой и денежной систем Финляндии с общеимперскими, но не успел завершить начатое дело.

Манифестом от 3 февраля 1899 г. из юрисдикции финляндского сейма были изъяты вопросы, имевшие общегосударственное значение. Например, в ведение Министерства внутренних дел было передано управление почтами на территории Финляндии. В 1899 г. вышел манифест «О порядке издания общих для всей империи со включением Финляндии законов», а 7 июля 1900 г. был издан манифест «О постепенном введении русского языка в делопроизводство».

После русско-японской войны начинается новый этап в строительстве береговых крепостей на Балтике. Так, в 1909 г. началось строительство двух мощных фортов на южном побережье Финского залива у местечка Красная Горка и на финском берегу у деревни Ино. Позже эти форты назвали «Николаевским» и «Алексеевским» в честь царя и наследника престола. Окончательно оба форта были введены в строй к концу 1914 г.

В конце 1912 г. началось строительство артиллерийской Ревель-Поркалаудской позиции, которая получила название «крепость Петра Великого».

В связи с началом мировой войны соглашение о демилитаризации Аландских островов утратило свою силу. В мае 1915 г. русские начали оборудование артиллерийской Або-Аландской шхерной позиции, которая была включена в крепость Петра Великого.

К декабрю 1917 г. число береговых и полевых орудий на территории Финляндии еще увеличилось, однако точное их число указать невозможно из-за неразберихи, царившей в русской армии. На финскую территорию были доставлены часть орудий Кронштадтской крепости, часть орудий Владивостокской крепости, пушки, купленные в Японии в 1915–1916 гг., и даже пушки с разоруженной Амурской флотилии.

Почти все эти орудия и десятки тысяч снарядов к ним достались в исправном состоянии финнам. Таким образом, Финляндия получила артиллерию, по своей мощи превышающую артиллерию нескольких европейских государств – Швеции, Норвегии, Дании и Голландии.

Мешали ли русские крепости финскому населению? Ни в коем случае! Под их территорию отводились каменистые и непригодные для земледелия участки побережья и островов. Зато русские войска давали работу тысячам финнов. Если сами тела артиллерийских орудий в Финляндии не изготавливались, то орудийные лафеты (станки) заказывали финским заводам на очень большие суммы. В XIX веке на верфях в Або, Бьернеборге, Гельсингфорсе и других для Балтийского флота были построены сотни боевых и вспомогательных судов. Так, только за 18 лет, с 1852 по 1870 год, на финских верфях были заложены пароходо-фрегаты «Олаф», «Рюрик» (1853 г.), «Рюрик» (1870 г.); корветы «Калевала», «Варяг», «Витязь»; клипера «Абрек», «Всадник», а также ряд других судов. Финны строили суда неважно, и служили они недолго по сравнению с судами, построенными за рубежом и в Петербурге[30], зато денег финские капиталисты брали в лучшем случае не меньше.

Надо ли говорить, что русские офицеры, солдаты и матросы оставляли в финских лавочках и борделях десятки, а то и сотни тысяч рублей ежегодно.

Тем не менее к концу XIX века в Великом княжестве Финляндском наблюдается рост сепаратистских настроений. Понятно, что объективных причин к этому нет, и, соответственно, нет разговоров об отделении от России ни среди крестьян, ни среди рабочих. Но вот среди студентов такие разговоры идут. Ох, как хочется вместо того, чтобы кропотливым трудом медленно продвигаться в чинах, прыгнуть одним махом к вершине власти!

Ах, скольким интеллигентам-недоучкам, которым не светили успехи в науке и бизнесе, хотелось сделать революционную карьеру и стать «освободителем родины»! Добавим к ним молодежь, которой нужно выпустить пар и просто побузить. А тогда еще не было модно орать «Спартак – чемпион!» и драться на трибунах стадионов.

Ну а о том, куда приведут националистические игры и о том, станет ли народ жить богаче, или дома обратятся в руины, а сотни тысяч погибнут ради блестящей политической карьеры нескольких сотен недоучек, никто не думал.

Националистам обязательно надо было с чем-то бороться. Но примечательно – у финских националистов что-то не видно было экономических лозунгов. Поводы для «бузы» были прямо-таки анекдотичные. Ну, например, давайте в центре Выборга установим памятник маршалу Кнутссону, основателю города. Александр III отказал. По приказу Кнутссона в Финляндии были убиты тысячи русских и финнов. Представьте себе, чтобы сейчас в Казани решили бы установить памятник Ивану Грозному или в Москве – хану Батыю? Кстати, достоверных данных, что именно Кнутссон основал Выборг, нет, и многие историки утверждают, что он вообще не имел никакого отношения к строительству города. Но Бог с ним, с Кнутссоном, и Николай II разрешил ставить этот памятник.

В 1905 г. в России началась революция. Николай II был вынужден пойти на уступки и впервые в нашей истории учредил выборный законодательный орган – Государственную думу. В лагере русских либералов царило ликование. Финляндии было предложено избрать своих депутатов и послать в думу, дабы они отстаивали интересы финского населения. Но тут-то националисты пошли на принцип – никакой демократии нам не нужно, будем слушаться лишь царя-самодержца и его генерал-губернатора, а думу знать не знаем и знать не желаем. В итоге националисты саботировали посылку депутатов от Финляндии в Государственную думу вплоть до 1917 г.

Весной 1904 г. в Великом княжестве Финляндском возникла новая партийная группировка – «Партия активного сопротивления». Лидером ее с первого дня основания стал писатель и журналист Кони Циллиакус (Зиллиакус). «Партия активного сопротивления» действовала нелегально и ставила перед собой цель путем организации вооруженного восстания против России завоевать полную независимость Финляндии.

В 1905 г. после всеобщей стачки националисты основали военное крыло своей партии – организацию «Сила» (Voima). Этот на первый взгляд спортивный союз с помощью стрелковых и лыжных занятий давал своим членам военную подготовку. Наставления по тренировкам этой организации во многом сходны с военными уставами. К весне 1906 г. «Сила» насчитывала уже более 25 тысяч членов и имела филиалы в ряде финских городов. В распоряжении этой организации находилось значительное количество оружия. Поэтому в 1906 г. Сенат по требованию России запретил эту организацию, а некоторые ее руководители были осуждены за сотрудничество с русскими революционерами.

Финские националисты приняли участие в первой общественной организации карел – «Союзе беломорских карел», который был учрежден 3–4 августа 1906 г. в Тампере. К концу 1906 г. Союз уже насчитывал 627 членов, из которых 494 были финнами и 133 – карелами, в основном проживавшими в Финляндии. В уставе Союза говорилось, что цель организации – «улучшение духовного и материального положения беломорских карел». В публичных выступлениях лидеров организации высказывалась мысль о возможности в перспективе объединения «всех финских племен в составе Финляндии».

Этот первый в Карелии националистическо-политический союз в связи с антигосударственным характером его деятельности был запрещен царским правительством в 1911 г. Позже он возродился как «Карельское просветительское общество». Активистов и членов союза объединяла общая соплеменная идея и вопрос о присоединении Восточной Карелии к Финляндии по линии Ладожское озеро – река Свирь – Онежское озеро – Белое море.

В августе 1914 г. началась война, которую во всей Европе сразу же окрестили Великой или Мировой. Ни финскому, ни русскому народу война была не нужна.

У России не было территориальных претензий к Германии и Австро-Венгрии.

Да и в случае победы в войне присоединение любых территорий из этих двух монархий к России принесло бы ей только вред, усилив сепаратистские тенденции поляков. Достойной наградой России за участие в войне могли бы стать только Черноморские проливы. Официально Англия и Франция обещали их России, одновременно подписав между собой секретный договор, по которому Россия никогда не должна была получить Проливы.

Согласно знаменитой формуле Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными средствами». У Николая II же не было никакой последовательной внешней политики, а у России – цели в войне. Любопытно, что и враги, и союзники России в случае своей победы планировали расчленить Российскую империю, лишив ее Привисленского края, Финляндии, Прибалтики, а если повезет, то и Украины, и Кавказа.

Другой вопрос, что правительства стран Антанты не афишировали свои намерения, и финское националисты обратили свои взоры на Германию.

В Финляндии русские власти не проводили мобилизацию. Тем не менее примерно 500 финнов поступили добровольцами в русскую армию. Начался сбор пожертвований в фонд Красного Креста, а на средства, собранные финляндскими промышленниками, был оборудован полевой госпиталь. В больницах княжества выделили несколько сот коек для раненых.

Увы, сепаратисты тоже не дремали. Посол Германии в Стокгольме барон фон Рейзенау в самом начале августа 1914 г., вскоре после начала боевых действий, получил от канцлера Германии Т. фон Бетман-Гольвега задание поднять восстание в Финляндии: «Чтобы создать благоприятное для нас общественное мнение и по возможности вызвать восстание против России, желательно установить контакт с вождями Шведской партии в Финляндии и предложить им возможность сделать Финляндию автономным буферным государством (республикой), в случае удачного для нас завершения войны. Граф Таубе (шведский посол в Берлине, ранее министр иностранных дел) заверяет, что Швеция одобрит такое решение, так как она не хочет аннексии [Финляндии], самое большее – Аландских островов и урегулирования пограничных проблем. Будьте добры, сразу возьмитесь за подготовку»[31].

В качестве лозунгов для этой деятельности предлагалось: «Свобода и безопасность угнетенным Россией народам!» и «Загнать русский деспотизм назад в Москву!»[32]

Работа, проведенная германской стороной и националистами, дала свои результаты. В октябре – ноябре 1914 г. независимо друг от друга началось формирование трех главных националистических центров.

Первый центр образовался в Финляндии. 29 ноября 1914 г. представители университетских землячеств создали «Временный студенческий комитет», который своей главной целью объявил отделение Финляндии от России и начал подготовку вооруженного восстания в Великом княжестве. Члены Комитета считали, что для этого необходимо проводить военную подготовку населения и создать военную организацию, которая начала бы восстание. Единственным возможным союзником Финляндии была Германия, с которой представители Комитета установили тайные контакты. Поэтому перед Комитетом стояли задачи по поддержанию связей с Германией, по сбору разведывательной информации для немцев и по подготовке условий для вторжения немецких войск в Финляндию. Активисты Комитета поставляли в посольство Германии в Швеции информацию о дислокации русских войск в Финляндии и уже с начала 1915 г. стали получать деньги от германской разведки, что тщательно скрывалось обеими сторонами.

Второй националистический центр сформировался в Берлине. Там пронемецки настроенные финские эмигранты 27 ноября 1914 г. основали «Финляндский комитет», во главе которого встали бывший профессор университета в Турку И. Зюнвалль и адвокат Ф. Веттерхоф. Комитет этот в первую очередь осуществлял военную и политическую разведку в интересах Германии на деньги германского Министерства иностранных дел.

Третий центр образовался в Стокгольме, где проживали финские эмигранты Г. Гуммерус, К. Циллиакус и К. Кастрен. Они-то и основали «Центральное правление движения за независимость Финляндии», «Военный комитет» и другие организации.

Следует отметить, что Стокгольмский центр помимо пропаганды занялся в Финляндии террористической деятельностью. «Было установлено, что барон Розен руководил группой по совершению взрывов по линии гужевого транспорта Финляндия – Норвегия, а также деятельностью, направленной к повреждению этого транспорта другими способами, например, отравлением лошадей и пр.

Когда в декабре 1916 г. норвежская полиция арестовала на границе с Россией вышеупомянутого барона Розена (быв. офицер шведской лейб-гвардии), пастора Вестенсона, инженера Графа, конторщика почтовой конной станции Стеркю и немца Муберга, то при них нашли 10 пачек взрывчатого вещества в виде плотничьего карандаша и трубочки с бациллами сапа…

Финн Пекко-Линдберг вместе с финном Суви взорвали склады в Силастуне. Финн Роландер взорвал обоз боевых припасов, перевозившихся из норвежского порта Нарвик в Рованниеми, за то был награжден германским железным крестом. Финн Савпония был командирован в Лапландию для взрывов по пути следования английских транспортов. Финну Танденфельду было поручено взорвать корабль “Полтава”, но он был арестован со всеми взрывчатыми веществами…

В Сибирь, с целью взрыва железнодорожных мостов, был командирован финн Лембум, произведший перед тем взрыв на фабрике “Сименс и Шуккерт” в Петербурге.

На Дальний Восток был командирован также финн Неконен, взорвавший там пароход “Маньчжурия”.

Такого рода примеров можно было бы привести довольно большое количество»[33].

К концу 1914 г. руководящие органы этих трех националистических центров объединились для координации своих действий в борьбе за независимость.

7 февраля 1915 г. в Стокгольм прибыли первые 200 финских добровольцев, желавших воевать на стороне Германии. За переправку добровольцев из Швеции в Берлин отвечал майор фон Авеуд. Посредником между финнами, выезжающими на курсы в Локштедские лагеря, и германским военным атташе в Швеции выступала проживавшая в Стокгольме профессор Алма Сёдерхольм, имевшая псевдоним «официантка Анна». Она получала от Авеуда немецкие паспорта и передавала их добровольцам. Паспорта эти в целях конспирации выписывались на другие фамилии. Получив документы, финны выезжали в Германию.

С 24 февраля 1915 г. германские военные власти открыли для финских добровольцев курсы подготовки разведчиков, так называемые «курсы следопытов». Там преподавалась огневая подготовка, методы ведения разведки и партизанской войны, совершение диверсий и саботажа. Проведение курсов и связанные с ними организационные вопросы возлагались на военное министерство Германии, военного и военно-морского атташе Германии в Швеции, то есть на военное ведомство и органы разведки. В целях конспирации курсы именовались «лагерем скаутов», и курсанты, соответственно, носили скаутскую форму. Руководителем «курсов следопытов» был председатель скаутского движения Германии майор М. Бауер. На курсах училось 189 добровольцев, большинство из которых составляли шведоязычные финны, окончившие лицей и по своему социальному положению относившиеся к высшим слоям общества. Учеба на курсах не прошла даром: при Маннергейме 165 выпускников стали офицерами, из них 25 – генералами, составив костяк финской армии, полиции, спецслужб и шюцкора.

Как видим, число финнов, поддерживавших Россию или Германию в войне, было в целом невелико. А что касается остальных, то они встретили войну с… энтузиазмом. Заводы на юге Финляндии получили крупные военные заказы, и капиталисты ненарадовались непредвиденным барышам. А вот крестьянство и купечество занялось спекуляцией. Тогда постановлением финляндского генерал-губернатора Ф.А. Зейна были установлены предельные цены на продукты и предметы первой необходимости. Таким образом, больших прибылей на внутреннем рынке получить было нельзя. Зато страны Антанты объявили экономическую блокаду Германии и ее союзникам, в результате чего в этих странах начались трудности с продовольствием, а затем и голод.

Дело в том, что перед войной Германия импортировала треть необходимой ей пшеницы и более половины потребляемых ею растительных и животных жиров, значительную часть мяса, рыбы и других продуктов первой необходимости. И тут высококачественные финские сельхозпродукты оказались как раз кстати.

До войны Финляндия поставляла в центральную Россию сливочное масло, сыр и другие продукты и импортировала значительное количество зерна. С началом же войны поставки сельхозпродуктов в Россию существенно уменьшились, а поставки хлеба из России, наоборот, значительно возросли. Надо ли говорить, что все это русское зерно и финское масло шло к кайзеру транзитом через Швецию. Об этом неоднократно докладывали в Петроград и русские жандармы, и пограничники, и военная контрразведка.

Согласно данным шведских исследователей, в военные месяцы 1914 г. вывоз свинины из Швеции в Германию увеличился по сравнению с 1913 г. почти в десять раз, говядины – почти в четыре раза. Увы, какая часть этого мяса была произведена в Швеции, а какая часть доставлена из Финляндии, установить не удалось. По моей оценке – не менее половины. Помимо продовольствия хитрые финны покупали в России дешевый керосин и сбывали его через Швецию в Германию.

Дошло до того, что осенью 1915 г. Англия и Франция решительно потребовали у царя прекратить поставки продовольствия и иных предметов в Германию через Швецию. Однако министр иностранных дел С.Д. Сазонов доказал Николаю II, что блокада затронет интересы Швеции, нанесет ущерб ее торговле с Германией и может привести Швецию к военному союзу с Германией.

На самом же деле шансов вступления Швеции в войну практически не было.

Итак, из-за глупости Сазонова и безволия царя «шведский транзит» процветал и приносил баснословные прибыли шведским и финским дельцам.

Глава 3. Как Ленин дал независимость Финляндии

В 1916 г. на выборах в сейм большинство голосов получила Социал-демократическая партия Финляндии (СДПФ), основанная еще в 1899 г. Левое крыло партии, возглавляемое О. Куусиненом, К. Маннером и Ю. Сиролой, поддерживало тесные связи с большевиками и лично Лениным.

После победы Февральской революции в России в промышленных центрах Финляндии создавались рабочие сеймы, Рабочая гвардия порядка, Красная Гвардия. Руководящими революционными органами были Гельсингфорсский сейм рабочих организаций (созданный в марте 1917 г.) и левое крыло СДПФ, которые сотрудничали с русскими Советами солдатских депутатов, матросскими комитетами Балтийского флота и Советами рабочих депутатов, руководимыми Областным комитетом армии, флота и рабочих Финляндии, с Гельсингфорсским комитетом РСДРП(б), с финским национальным районом Петроградской организации РСДРП(б).

Временное правительство 7 (20) марта 1917 г. восстановило автономию Финляндии, но выступило против ее полной самостоятельности.

По требованию Социал-демократической фракции финский сейм принял 5 (18) июля 1917 г. «Закон о власти», ограничивавший компетенцию Временного правительства вопросами военной и внешней политики. Временное правительство при помощи национальной буржуазии разогнало 18 (31) июля сейм. Буржуазия и националисты приступили к созданию вооруженных штурмовых отрядов, получивших название шюцкор (от шведского слова Skyddskar – охранный корпус).

В октябре 1917 г. состоялись новые выборы в сейм, прошедшие с многочисленными нарушениями со стороны националистов. В результате буржуазия и националисты получили большинство в сейме.

Правление СДПФ и Исполком профсоюзов Финляндии 26 октября (8 ноября) приветствовали победу Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. 31 октября – 6 ноября (13–19 ноября) в Финляндии происходила всеобщая забастовка за претворение в жизнь экономических и политических требований рабочих. Красная Гвардия разоружала отряды буржуазии, занимала административные здания, вокзалы, телеграфные и телефонные станции и взяла на себя охрану общественного порядка. Во многих городах власть фактически перешла к рабочим. Однако Центральный революционный совет (образованный в ноябре), после утверждения сеймом принятых еще летом постановлений о взятии на себя верховной власти и законов о 8-часовом рабочем дне и демократизации системы коммунальных выборов, призвал рабочих прекратить забастовку. 13 (26) ноября сейм утвердил сенат во главе с Пером Эвиндом Свинхувудом.

23 ноября (6 декабря) сейм в одностороннем порядке провозгласил Финляндию независимым государством.

18 (31) декабря в Смольном Ленин подписал «Постановление Совета Народных Комиссаров о признании независимости Финляндской Республики». В постановлении говорилось: «В ответ на обращение Финляндского Правительства о признании независимости Финляндской Республики Совет Народных Комиссаров в полном согласии с принципами права наций на самоопределение постановляет:

Войти в Центральный Исполнительный комитет с предложением:

а) признать государственную независимость Финляндской Республики и

б) организовать, по соглашению с Финляндским Правительством, особую Комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России».

Постановление Совета Народных Комиссаров лично принял в Смольном Пер Эвинд Свинхувуд – премьер-министр новообразованного государства.

Большевистские комиссары не знали, что Свинхувуд еще в декабре 1917 г. вступил в переговоры с немцами и отправил все золото Финляндского банка из Гельсингфорса на север страны. Буржуазное правительство Финляндии в октябре 1917 г. провело тайную операцию по скупке зерна у крестьян по чрезвычайно завышенным ценам. Закупленное зерно было складировано также на севере страны.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Услышав о больших закупках зерна по выгодным ценам, крестьяне фактически прекратили продажу зерна в городах по обычным ценам. В стране начался голод.

Предусмотренные в Постановлении Совета Народных Комиссаров практические мероприятия по отделению Финляндии от России не успели осуществиться образованием паритетной советско-финляндской комиссии, так как в Финляндии началась гражданская война. В ночь на 10 января 1918 г.[34] начались столкновения шюцкора с вооруженными отрядами финских рабочих (Красной Гвардией).

12 января сейм признал шюцкор правительственными войсками. 16 января сенат, получивший от сейма чрезвычайные полномочия, назначил бывшего царского генерала Карла Густава Маннергейма главнокомандующим белой гвардией[35]. В городе Васа (Николайштадт) был создан политический и военный центр контрреволюции.

23 января Партийный совет СДПФ образовал Рабочий исполнительный комитет – высший революционный орган. 26 января комитет отдал приказ Рабочей гвардии о подготовке к захвату всех правительственных учреждений и стратегических пунктов. 27 января комитет обратился с «Революционным воззванием к финскому народу». В этот же день Рабочая гвардия порядка и Красная Гвардия объединились, приняв название последней.

В ночь с 27 на 28 января в Гельсингфорсе отряды Красной Гвардии в ответ на террористические выступления белогвардейских частей заняли здания совета и другие центральные учреждения. Буржуазное правительство бежало из Гельсингфорса. 28 января было сформировано революционное правительство – Совет народных уполномоченных (СНУ) в составе социал-демократа Маннера (председатель), Сиролы, Куусинена и других. Верховный орган власти – Главный рабочий совет из 35 человек (10 – от Партийного совета СДПФ, 10 – от профсоюзов, 10 – от Красной Гвардии, 5 – от Гельсингфорсского сейма рабочих организаций).

На борьбу поднялись рабочие Або, Таммерфорса, Пори, Котки, Лахти, Выборга и других городов юга. Север и большая часть центральной Финляндии остались в руках реакции.

29 января СНУ опубликовал Декларацию, содержавшую программу буржуазно-демократической революции. По инициативе рабочих происходил слом старого государственного аппарата, устанавливался рабочий контроль на предприятиях, железных дорогах и т. д. Революционный подъем финских трудящихся заставил СНУ перейти к более решительной политике. Устанавливался контроль над частными банками, закрывались контрреволюционные газеты, был учрежден революционный суд, сеймы рабочих организаций фактически стали органами диктатуры пролетариата.

23 февраля был опубликован проект демократической конституции. Финляндия провозглашалась республикой. Однако крупные промышленные предприятия и частные банки не были национализированы, не были конфискованы земельные угодья и леса у крупных землевладельцев и лесопромышленных обществ, не решался вопрос о наделении землей малоземельных крестьян и т. д. СНУ не принял необходимых мер по обеспечению государственной безопасности и ликвидации контрреволюционного подполья.

Финская Красная Гвардия, численность которой в революцию достигла 100 тысяч человек, имела все шансы разгромить шюцкор и буржуазные белофинские организации. В ее руках были все основные промышленные центры, включая военные заводы. Подавляющее большинство арсеналов бывшей русской армии также находилось на территории, подконтрольной финской Красной Гвардии. Однако руководство Красной Гвардии придерживалось оборонительной тактики. В результате этого в феврале – начале марта 1918 г. война приобрела позиционный характер. Причем сплошной линии фронта не было, а отдельные отряды белых и красных противостояли друг другу у населенных пунктов и на стратегических дорогах. Условно линию фронта можно провести по прямой от города Бьернеборг – Таммерфорс – Вильмастранд – Иматра – Раутус.

Таким образом, в Финляндии оказалось два правительства и два государства. 1 марта 1918 г. в Смольном Ленин и вице-премьер СНУ Эдвард Гюллинг подписали «Договор об укреплении дружбы и братства между РСФСР и Финляндской Социалистической рабочей республикой».

7 марта 1918 г. белофинское правительство подписало договор с Германией. Еще в январе 1918 г. Германия через Швецию перебросила в район города Васа 27-й егерский батальон, ранее сражавшийся против русских на рижском направлении.

В апреле 1918 г. Германия начала интервенцию в Финляндию и захватила ряд прибрежных городов, включая Гельсингфорс. В самой Финляндии началась гражданская война. Боясь нарушить условия Брестского мира, советское правительство запретило оказывать военную помощь красным финнам, ну а белофинны получали оружие и инструкторов из Германии и Швеции.

25 февраля 1918 г. во всех церквях Финляндии был зачитан указ командующего войсками белофиннов барона Маннергейма, по которому подлежали расстрелу все, кто «оказывает вооруженное сопротивление законным военным силам страны… уничтожает продовольствие» и вообще все, кто хранит дома оружие без разрешения.

По финским чрезвычайно заниженным данным весной 1918 г. было казнено 8400 красных финнов, среди которых было 364 малолетние девочки. В концлагерях в это время погибло 12,5 тысячи человек.

В лагеря было загнано столько народу, что сенат в мае 1918 г. предложил Маннергейму отпустить простых красногвардейцев, чтобы было кому заняться посевной (в Финляндии в это время свирепствовал голод).

В конце апреля 1918 г. белофинны овладели городом и крепостью Выборг. Там они взяли 15 тысяч пленных и около 300 русских пушек (в основном крепостных). Не менее десяти пароходов сумело уйти из Выборга в Кронштадт с красногвардейцами и их семьями.

К началу мая в руках белофиннов оказалась вся территория бывшего Великого княжества Финляндского. Но этого верхушке белофиннов было мало – они мечтали о «Великой Финляндии».

7 марта 1918 г., то есть в разгар гражданской войны, глава финского правительства Свинхувуд заявил, что Финляндия готова пойти на мир с Советской Россией на «умеренных условиях», то есть если к Финляндии отойдут Восточная Карелия, часть Мурманской железной дороги и весь Кольский полуостров.

15 марта генерал Маннергейм подписал приказ о выступлении на завоевание Восточной Карелии трех финских групп вторжения. Маннергейм утвердил «план Валлениуса»[36], то есть план захвата русской территории по линии Петсамо – Кольский полуостров – Белое море – Онежское озеро – река Свирь – Ладожское озеро.

Маннергейм выдвинул также в связи с началом боевых действий финских вооруженных сил против Советской России план ликвидации Петрограда как столицы России и превращения города и прилегающей территории городов-спутников (Царское Село, Гатчина, Петергоф и др.) в «свободный город-республику» наподобие Данцига.

18 марта в поселке Ухта, занятом финскими войсками, собрался «Временный Комитет по Восточной Карелии», принявший постановление о присоединении Восточной Карелии к Финляндии.

15 мая Ставка Маннергейма опубликовала «решение правительства Финляндии объявить войну Советской России».

22 мая, обосновывая решение руководства Финляндии начать войну против Советской России на заседании сейма, депутат и один из руководителей финского Министерства иностранных дел (позднее, в 1921–1922 гг., вице-премьер) профессор Рафаэль Вольдемар Эрих заявил: «Финляндией будет предъявлен иск России за убытки, причиненные войной [имеется в виду гражданская война в Финляндии]. Размер этих убытков может быть покрыт только присоединением к Финляндии Восточной Карелии и Мурманского побережья (Кольского полуострова)».

Но тут вмешалась Германия. Ее правительство здраво рассудило, что захват финнами Петрограда вызовет взрыв патриотических чувств населения России. А прямым следствием этого могло стать падение большевистского правительства и установление власти патриотов, сторонников «единой и неделимой России», которые неизбежно объявят войну Германии. Еще 8 марта 1918 г. император Вильгельм II официально заявил, что Германия не будет вести войну за финские интересы с советским

правительством, подписавшим Брестский мир, и не будет поддерживать военные действия Финляндии, если та перенесет их за пределы своих границ.

В конце мая – начале июня германское правительство в ультимативной форме предложило Финляндии отказаться от нападения на Петроград. Финскому правительству пришлось смириться, а чересчур ретивого «ястреба» барона Маннергейма 31 мая отправили в отставку.

Как писал финский историк Вейо Мери: «Немцы помешали Маннергейму осуществить его главный замысел – захватить Петербург»[37]. В итоге барону пришлось перебраться из Гельсингфорса в «Гранд-Отель» в Стокгольме.

Разумеется, на решение Финляндии повлиял не только германский ультиматум, но и концентрация русских сухопутных сил на Карельском перешейке. Серьезным аргументом стал и Балтийский флот. Большая часть кораблей стояла на Кронштадтском рейде и могла артиллерийским огнем и десантами угрожать правому флангу финских войск в случае наступления на Петроград.

Крейсера «Олег», «Богатырь», «Адмирал Макаров» и миноносцы заняли позиции на Морском канале вблизи Петрограда.

На Неве встали канонерские лодки «Хивинец», «Храбрый» и «Грозящий», эсминцы и сторожевые суда. В Ладожское озеро были введены 12 эсминцев, сторожевые суда и даже подводные лодки «Вепрь» и «Тур». Началось формирование военной флотилии на Онежском озере. Причем подводные лодки были посланы на Ладогу не для устрашения. Глубина озера допускала их эффективное использование. Подводная лодка «Вепрь» длительное время находилась у Сердоболя (с 1918 г. Сортавала), самого крупного порта на северном побережье Ладожского озера. Над Ладожским и Онежским озерами постоянно патрулировали советские гидропланы. Но за всю навигацию 1918 года финские суда ни разу не рискнули появиться на Ладоге и Онеге.

В июне – июле 1918 г. Финляндия и Россия начали предварительные переговоры об условиях заключения мира. 12 июля финский Генштаб подготовил проект переноса финской границы с Россией на Карельском перешейке в обмен за щедрую компенсацию территорией Восточной Карелии. Проект был подписан генерал-майором Карлом Ф. Вилькманом (Вилкмаа) и одобрен немецким командующим генералом Людендорфом. По своей сути сей проект представлял то же самое, что через 21 год предложит Финляндии Сталин.

С 3 по 27 августа 1918 г. в Берлине при посредничестве германского правительства состоялись мирные переговоры между РСФСР и Финляндией. Советскую депутацию возглавлял Вацлав Воровский, а финскую – второй министр иностранных дел Карл Энкель. Однако 21 августа финны отказались заключать договор с Россией. Тогда немцы за спиной финской делегации заключили «Добавочный договор» к Брестскому миру. В статье V этого договора говорилось, что если Россия примет все меры для удаления «боевых сил Антанты с Севера России», то Германия гарантирует, что на «русскую территорию не последует нападения Финляндии». После изгнания войск Антанты на Севере будет установлено русское, то есть советское, правление.

Финская делегация сильно возмутилась, прервала переговоры с Россией, а Германии заявила протест. В результате на русско-финской границе сложилось положение «ни войны, ни мира».

Тем не менее 13 сентября 1918 г. представитель Министерства иностранных дел Германии заявил финскому послу в Берлине, что Германия решительно предостерегает Финляндию от нападения на РСФСР, которая занята борьбой с войсками Антанты.

Несколько слов стоит сказать и о государственном устройстве Финляндии. 18 августа 1918 г. парламент, из которого были исключены все левые депутаты, провозгласил Финляндию королевством. А 9 октября парламент избрал королем гессенского принца Фридриха Карла (1868–1940), шурина кайзера Вильгельма, а регентом – Пера Эвинда Свинхувуда, бывшего председателя финского сената.

Однако в октябре 1918 г. положение Германии становится критическим. Воспользовавшись этим, Финляндия 15 октября оккупирует Ребольскую область в Карелии, принадлежащую СССР.

3 ноября в Германии началось восстание флота в Киле. 10 ноября кайзер Вильгельм II бежал в Голландию, а на следующий день в Компьене было подписано перемирие между Антантой и

Германией. Белые финны осознали, что поставили не на ту лошадку, и решением парламента от 4 декабря 1918 г. король Фридрих Карл был низложен.

Любопытно, что советские лакировщики от истории предлагали забыть о финском королевстве и в послевоенном издании «Большой Советской энциклопедии» утверждали, что Финляндия с самого начала была республикой, а Маннергейм – регентом. На самом же деле она стала республикой только в 1919 г. Как в республике мог быть регент – знали только советские академики-«энциклопедисты».

Сразу после капитуляции Германии финские власти сделали поворот на 180° во внешней политике и стали просить покровительства у «тетушки Антанты». 12 ноября 1918 г. Маннергейм прибыл в Англию, где провел неофициальные переговоры с британскими министрами. В частности, Маннергейм попросил Лондон прислать эскадру на Балтику и желательно побольше.

Глава 4. Как шведский барон создавал Великую Финляндию

Уже в 1918 г. Маннергейм и его окружение высказали ряд территориальных претензий к России. В частности, они требовали присоединения к Финляндии всей Карелии и Кольского полуострова. Маннергейм публично заявил: «Я не вложу меча в ножны, пока вся Карелия не станет финской».

В январе 1919 г. финские войска захватили в Карелии Поросозерную волость, соседнюю с Ребольской волостью. В феврале 1919 г. на мирной конференции в Версале Финляндия потребовала присоединить к ней всю Карелию и Кольский полуостров. Тем не менее в январе – марте 1919 г. финны вели ограниченные боевые операции в основном в районах Реболы и Поросозера.

Под руководством Маннергейма финское командование разработало план нападения на РСФСР. Согласно ему, после схода снегов Южная группа (регулярные части финской армии) начинает наступление в направлении Олонец – Лодейное поле. Северная группа (шюцкор, шведские добровольцы и выходцы из Карелии) наступает в направлении Вешкелица – Кунгозеро – Сямозеро.

Наступление финских войск Маннергейм скоординировал с белым генералом Н.Н. Юденичем, войска которого находились в Эстонии. За союз Маннергейм потребовал у Юденича Карелию и Кольский полуостров. 3 апреля Юденич согласился отдать Карелию, а Кольский полуостров обещал отдать после постройки прямого железнодорожного пути на Архангельск.

21—22 апреля 1919 г. белофинские войска неожиданно пересекли в нескольких пунктах русско-финскую государственную границу. Не встречая на своем пути никакого сопротивления из-за отсутствия на данном участке советских войск, белофинны заняли 21 апреля Видлицу, 23 апреля – Толоксу, вечером 23 апреля – Олонец, 24 апреля крупными силами захватили Вешкелицу и к 25 апреля подошли к Пряже, угрожая непосредственно Петрозаводску. Отдельные финские подразделения, несмотря на завязавшиеся ожесточенные бои вокруг Пряжи и Маньги, прикрывающих Петрозаводск, проникли в течение ближайших двух-трех суток к Сулажгоре, в 7 км от Петрозаводска. Создалось критическое положение: Карельский край мог пасть буквально в считанные дни, учитывая, что с севера в направлении Кондопога – Петрозаводск наступали англо-канадские войска и белогвардейские части. Поэтому в последние дни апреля на подступах к Петрозаводску развернулись ожесточенные бои, в результате которых финское наступление было временно приостановлено.

2 мая 1919 г. Совет Обороны РСФСР объявил Петрозаводскую, Олонецкую и Череповецкую губернии на осадном положении. 4 мая была объявлена всеобщая мобилизация Северо-Западного региона РСФСР.

Весь май и июнь 1919 г. восточнее и севернее Ладожского озера шли упорные бои, в ходе которых малочисленные отряды Красной Армии сдерживали хорошо обученные, полностью экипированные и сильно вооруженные белофинские войска, обладавшие к тому же значительным численным перевесом.

Белофинская Олонецкая армия наступала на Лодейное поле. Нескольким финским отрядам удалось переправиться через Свирь ниже Лодейного поля.

Однако в ходе контратаки Красной Армии к 8 июля 1919 г. Олонецкий участок Карельского фронта был полностью ликвидирован: финские войска отступили за линию границы. Красная армия получила приказ не преследовать финские войска за чертой государственной границы. Замечу, что бок о бок с Красной Армией в Карелии дрался и 6-й финский стрелковый полк.

Провалом закончились все планы Маннергейма организовать поход на Петроград через Карельский перешеек.

21 июля 1919 г. финны создали в Карелии марионеточное правительство «Северо-Карельского государства». В «государство» входило пять северных карельских волостей Архангельской губернии. Столицей «государства» стало село Ухта.

«Временно правительство Архангельской Карелии» заявило о выходе из состава России и обратилось к иностранным государствам с просьбой о дипломатическом признании. Надо ли говорить, что «Северокарельское государство» признала одна Финляндия и даже выдала «государству» заем в размере восьми миллионов финских марок.

18 мая 1920 г. части Красной Армии взяли село Ухту, а «правительство» бежало в деревню Вокнаволок в 30 км от границы и через пару недель перебралось править в Финляндию. Но поскольку в Финляндии скопилось чересчур много карельских «правительств», что, естественно, было слишком накладно, то экономные финны создали в декабре 1920 г. в Выборге «Карельское объединенное правительство». Туда вошли «Олонецкое правительство», «Временное правительство Архангельской Карелии», правительство Ребольской и Поросозерской волостей и т. д.

С 10 по 14 июля 1920 г. в городе Тарту велись мирные переговоры России и Финляндии. Последняя потребовала от России карельские земли. Понятно, что переговоры закончились провалом.

14—21 июля 1920 г. Красная Армия наконец выбила последние отряды финнов с территории Карелии, за исключением двух северных волостей – Реболы и Поросозера.

После экзекуции финны стали сговорчивее, и 28 июля переговоры возобновились. 14 октября 1920 г. стороны подписали Тартуский мирный договор.

Поскольку территориальные споры между Финляндией и Россией имели крайне важное значение, остановимся на них подробнее.

Согласно Тартускому миру, к Финляндии на Севере, в Заполярье, отходила вся Печенгская область (Петсамо), а также западная часть полуострова Рыбачий, от губы Вайда до залива Мотовского, а большая часть полуострова Среднего по линии, проходящей через середину обоих его перешейков. Все острова к западу от разграничительной линии в Баренцевом море также отходили к Финляндии (остров Кий и острова Айновские).

Граница на Карельском перешейке устанавливалась от Финского залива по реке Сестре (Систербек, Райяйоки) и далее шла на север по линии старой административной русско-финляндской границы, отделявшей Великое княжество Финляндское от собственно русских губерний.

Оккупированные финскими войсками карельские волости Ребольская и Поросозерская очищались от войск и возвращались Карельской Трудовой Коммуне (позднее Карельской Автономной области).

Морская граница в Финском заливе между РСФСР и Финляндией шла от устья реки Сестры до Стирсуддена вдоль северного побережья Финского залива, затем поворачивала к острову Сескар и островам Лавенсаари и, обойдя их с юга, поворачивала прямо к устью реки Наровы на южном берегу Финского залива. (Таким образом, эта граница отрезала Россию от выхода в международные воды Финского залива.)

Отметим и несколько важных военных статей договора.

Финляндия должна нейтрализовать в военном отношении принадлежащие ей острова Финского залива, за исключением островов шхерного района. Это означало, что она обязуется не возводить на островах укреплений, военно-морских баз, портовых сооружений, радиостанций, военных складов и не содержать там войска.

Финляндия лишалась права держать в Северном Ледовитом океане авиацию и подводный флот.

Финляндия могла держать на Севере до 15 обычных военных судов водоизмещением не более 400 тонн каждое, а также любые вооруженные суда водоизмещением до 100 тонн каждое.

Финляндия была обязана в течение одного года разрушить форты «Ино» и «Пумола» на Карельском перешейке.

Финляндия не имела права строить артсооружения с сектором обстрела, выходящим за границы финляндских территориальных вод, а на побережье Финского залива между Стирсудденом и Иониеми – на расстоянии менее чем 20 км от береговой кромки, а также любые сооружения между Иониеми и устьем реки Сестры.

Обе стороны могли иметь на Ладожском озере и впадающих в него реках и каналах военные суда водоизмещением не более 100 тонн, и с артиллерией, не превышающей калибр 47 мм.

РСФСР имел право проводить по южной части Ладожского озера и по обводному каналу военные суда в свои внутренние воды.

Финским торговым судам с мирным грузом давалось право свободного прохода по реке Неве в Ладожское озеро из Финского залива и обратно.

К сожалению, правящие круги Финляндии в 1920—1940-х гг. сделали антисоветизм и русофобию основой своей внешней политики. Финляндия в 1928–1939 гг. была более военизирована, чем любое другое государство Европы, включая СССР и Германию. В регулярных частях и военизированных организациях, в том числе и женских, состоял больший процент населения, чем в любом другом государстве мира.

Начало и конец войны в представлении финского художника Юсси Аарнио: 1. «Как много русских! Где мы их всех похороним?»

2. «Черт побери, я по-прежнему утверждаю, что мы победили»

Правящие партии Финляндии открыто ставили целью создание Великой Финляндии. Со шведами они связываться не желали, но зато претендовали на часть советской территории, превышавшую по размерам саму Финляндию 1930-х годов. Что же касается правых партий, то их аппетиты были беспредельны. Так, в уставе молодежной организации Синемуста было записано, что финская граница должна проходить по Енисею.

В 1922–1939 гг. Балтийский флот имел лишь одну военно-морскую базу – Кронштадт. Причем она полностью простреливалась финской береговой артиллерией. Я сам с бывшей финской территории без бинокля видел мачты боевых кораблей в Кронштадте.

Еще в ходе Первой мировой войны Россия в самом узком месте Финского залива, на его южном и северном берегах построила десятки мощных береговых батарей, вооруженных новейшими орудиями калибра 305 мм, 254 мм, 234 мм, 203 мм и 152 мм. Подавляющее большинство этих батарей в целости и сохранности достались финнам и немцам.

С 1922 г. и финны, и эстонцы затратили большие средства на приведение в порядок береговых батарей и их модернизацию. В итоге при попытке прорыва корабли Балтийского флота должны были пройти около 100 км под огнем 305-мм орудий, одновременно стрелявших с финского и эстонского берегов и островов. А на расстоянии около 70 км залив с обеих сторон перекрывался огнем 254-мм, 234-мм, 203-мм и 152-мм орудий. В самом узком месте Финского залива по советским кораблям за 5 минут можно было выпустить до 1000 снарядов крупного калибра.

Руководство финского шюцкора прорабатывало планы атаки кораблей на Кронштадтском рейде в зимний период. Мощные фугасные заряды предполагалось отбуксировать к бортам кораблей по льду на санях.

В архивах Музея артиллерии в Санкт-Петербурге я обнаружил потрясающий документ 1926 года – дело об отправке 57-мм орудий Норденфельда для противокатерной обороны Волховстроя! Финны имели достаточно мощную флотилию на Ладожском озере, и атака ГЭС была вполне реальна.

Обе страны готовились перекрыть залив несколькими рядами минных заграждений. За минными заграждениями на всякий случай должны были дежурить семь современных подводных лодок (пять финских и две эстонские).

Штабы обеих стран до деталей согласовывали проведение операций по заграждению залива. Ежегодно летом, начиная с 1930 г., оба флота проводили секретные маневры по постановке минных заграждений. В ходе учений 1936 г. береговые батареи финнов и эстонцев обстреливали реальные цели в центре Финского залива.

Риторический вопрос – какая великая страна будет терпеть подобную угрозу? Результатом агрессии финского правительства стали две войны. Финны называли их «Зимняя» 1939–1940 гг. и «Продолжительная» 1941–1944 гг.

Результатом «Зимней» войны стал Московский договор, подписанный 12 марта 1940 г.

По территориальным условиям договора государственная граница Финляндии и СССР устанавливалась по новой линии: в состав СССР включались весь Карельский перешеек с городом Выборгом, Выборгским заливом и островами, западное и северное побережье Ладожского озера с городами Кексгольм, Сортавала, Суоярви; острова в Финском заливе; территория восточнее озера Меркиярви с городом Куолаярви; финская часть полуостровов Рыбачий и Средний, которые тем самым полностью вошли в территорию СССР.

По военным условиям договора Финляндия сдала в аренду на 30 лет за ежегодную арендную плату 8 млн марок полуостров Ханко с морской территорией вокруг него радиусом 5 миль к югу и востоку и 3 мили к западу и северу, с примыкающими островами для организации там военно-морской базы СССР с правом содержания необходимых наземных и воздушных вооруженных сил.

Финны в течение 10 дней вывели свои войска с Ханко, и с этого времени полуостров перешел в управление СССР.

Результатом «Продолжительной» войны стал Парижский мир, подписанный 10 февраля 1947 г. Согласно этому договору:

1. Восстанавливалось действие мирного Договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г., статьи 4, 5, 6 которого заменялись следующими постановлениями:

а) область Печенга возвращалась Финляндией Советскому Союзу;

б) аренда полуострова Ханко заменялась арендой территории базы Порккала-Удд сроком на 50 лет с арендной платой со стороны СССР 5 млн финских марок ежегодно.

2. Аландские острова оставались демилитаризованными в соответствии с Советско-Финляндским Соглашением 1940 г.

Отдельно в договоре были выделены постановления, ограничивающие мощь финских вооруженных сил. Так, Финляндии разрешалось иметь:

– Сухопутную армию, включая погранвойска и зенитные части, – 34 000 человек.

– Военно-морской флот с общим тоннажем 10 000 тонн и личным составом в 4500 человек.

– ВВС – 60 самолетов, включая небоевые и резервные, с личным составом в 3000 человек.

Весь личный состав армии, ВМФ и ВВС, превышающий установленные договором нормы, распускался в течение шести месяцев.

Финляндия не имела права производить, использовать и приобретать любые виды атомного оружия, самодвижущегося и самовыбрасываемого (ракетного), в том числе мины, торпеды, подводные лодки, торпедные катера.

26 января 1956 г. СССР в качестве жеста доброй воли передал Финляндии военную базу Порккала-Удд. Это решение было связано в первую очередь с улучшением советско-финских отношений. Определенную роль сыграли и взгляды Н.С. Хрущева, который рассматривал береговую артиллерию, минно-тральные силы и т. п. в качестве анахронизма.

Согласно финским источникам, на базе находилось 10 тысяч советских военнослужащих и примерно столько же гражданских лиц и членов их семей. В СССР и РФ вся информация по базе Порккала-Удд до сих пор (на ноябрь 2011 года) засекречена.

После 1991 г. Финляндия в одностороннем порядке отказалась от выполнения ряда статей Парижского мира. В стране крепнут националистические организации, требующие возвращения земель, утраченных в 1940 г.

Раздел II. Русская Америка

Глава 1. «Колумбы русские»

14 октября 1778 г. знаменитый английский путешественник Джеймс Кук на корабле «Резолюшн» подошел к неизвестному острову у берегов Аляски. Навстречу англичанам с острова двинулись два десятка каноэ с туземцами. Но к великому удивлению «просвещенных мореплавателей», на головной лодке сидел европеец, говоривший на ломаном английском языке. В дневнике Кука он был записан как «Ерасим Грегорев Син Измайлов».

А вот свидетельство другой стороны: Рапорт в Камчатскую Большерецкую Канцелярию Штурманского ученика Герасима Измайлова от 14 (25) октября 1778 г.:

«По прибытии моем к здешним Алеутским островам сего 1778 года, августа 14 числа, но по задолженности моей в реченной канцелярии должности к переписи здешних народов, имел я отбыть из гавани с острова Уналашки сентября 2-го числа на остров Умнак, Четырех сопок и протчие. А по прибытии моем, сентября 23 числа, прибыли на тот же остров Уналашку, и стали не в дальнем расстоянии от гавани моей, на полуношной стороне в бухту два пакетбота с острову Лондону, называются англичанами. А я, по исправлении своей должности, имел к ним прибыть в крайней скорости, а по прибытии находился трои суток, оказывая к ним ласковость и приветствие».

Итак, Куку не повезло: Алеутские острова и Аляска были «терра инкогнито» только для западноевропейцев, русские же уже давно вели там хозяйственную деятельность.

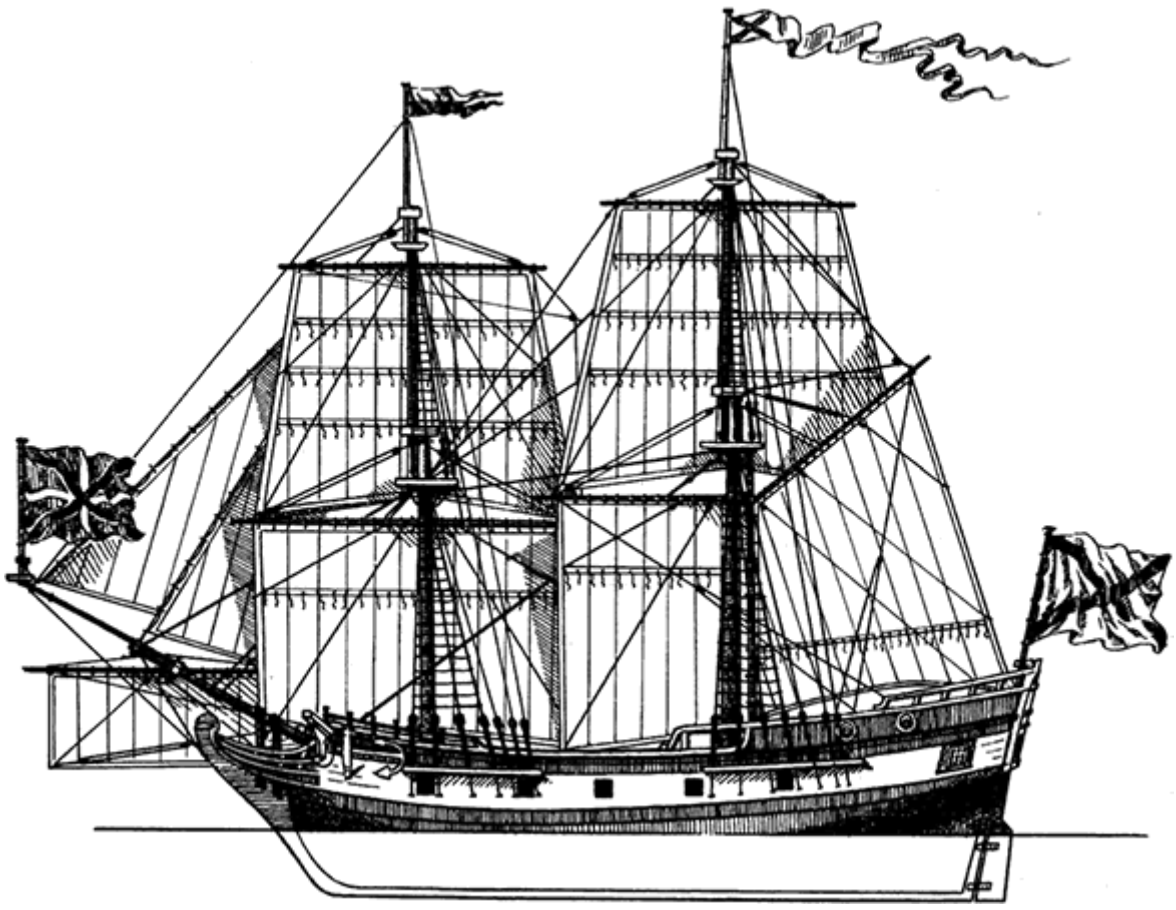
История русских открытий в Северной Америке началась в 1648 г., когда кочи казачьих атаманов Семена Дежнева и Федота Алексеева прошли через пролив, отделяющий Азию от Америки. Вскоре на Чукотке был построен Анадырский острог. А еще раньше, в 1646 г., на западном побережье Сибири в устье реки Охоты было основано русское зимовье, превратившееся в следующем году в Охотский острог, который в 1731 г. был преобразован в первый русский порт на Тихом океане – Охотский порт.

В начале XVIII века на Камчатке были построены Нижнекамчатский, Верхнекамчатский и Большерецкий остроги. Несколько позже появилась Тигильская крепость.

Летом 1740 г. русские исследователи В.И. Беринг и А.И. Чириков независимо друг от друга на пакетботах «Святой Петр» и «Святой Павел» обследовали острова и побережье Аляски.

Уже в 40-х годах XVIII века на Аляску и Алеутские острова устремились русские купцы. Так, к примеру, иркутский купец Никифор Алексеевич Трапезников на паях с московским купцом Андреем Чебаевским и сержантом Охотской нерегулярной команды Емельяном Софроновичем Басовым построили шитик[38] «Петр».

Летом 1743 г. шитик пошел на восток и достиг острова Беринга. Промысел оказался удачным, и в 1744 г. Басов возвратился на Камчатку с 1200 шкурами бобров и четырьмя тысячами шкур котиков, которые были проданы за 64 тысячи рублей.

Пакетбот «Святой Павел»

В 1745–1746 гг. Басов с купцом Евтихеем Санниковым снова отправился в плавание и промышлял на открытом им острове Медном, где были найдены признаки меди. Компаньоном его по-прежнему был купец Трапезников. В 1747–1848 гг. и в 1749–1750 гг. плавания на остров Медный продолжались. В них участвовали Н.А. Трапезников, А. Толстых и Д. Наквасин. На все эти плавания были указы императрицы Елизаветы Петровны. Так, на последнее плавание Е.С. Басова есть указ от 23 декабря 1748 г. посадскому камчадальских острогов Никифору Трапезникову о разрешении совершить такое плавание. В указе также говорится: «…а ежели ж увидит на каких, которые вновь наши найдены будут, на незнакомых островах не ясашной народ, которой не под высокодержавною ея и. в. рукою находится не в подданстве, то в подданство призывать ласкою и приветом».

Вскоре промысловые экспедиции на Алеутские острова стали обычным делом. Всего с 1743 г. по 1797 г. их было не менее девяноста.

С 80-х годов XVIII века начинается новый этап хозяйственного освоения Аляски. Наибольший вклад внесла компания рыльского купца Григория Ивановича Шелихова. В 1781 г. он заключил соглашение с богатым купцом И. Голиковым и его племянником Михаилом об образовании Северо-восточной компании сроком на десять лет. Новым в этом соглашении было то, что компаньоны хотели «основать на берегах и островах американских селения и крепости».

Шелихов на средства компании в устье реки Урик к югу от Охотского порта построил три галиота[39] «Три Святителя», «Святой Симеон Богоприимец и Анна Пророчица» и «Архистратиг Михаил». 16 августа 1783 г. он отправился на этих галиотах «со 192 работными людьми» к острову Беринга.

Шелихов шаг за шагом расширял сферу интересов России на Тихом океане. На северном берегу ближайшего к Аляске острова Кадьяк в Павловской гавани началось строительство крепости и селения. Оттуда было легче плавать к берегам Аляски. Возводились крепости и на острове Афогнаке, и при Кенайской губе. Шелихов, собираясь уходить из Америки после двухлетнего пребывания там, наказывал своим преемникам, в первую очередь енисейскому купцу К. Самойлову, «поступать расселением российских артелей для примирения американцев и прославления Российского государства по изъясненной земле Америке и Калифорнии до 40 градусов».

В 1787 г. Шелихов прибыл в Санкт-Петербург. Для разбора его плаваний там была создана специальная комиссия в составе Александра Воронцова, Христофора Миниха и Петра Соймонова. Комиссия признала справедливым утверждения купцов Шелихова и Голикова о том, что они истратили на исследования Алеутских островов и Аляски 250 тысяч рублей. Комиссия предложила императрице выдать Шелихову и Голикову 200 тысяч рублей ссуды на 25 лет беспроцентно. «Таковое со стороны казны знатное пособие подаст способ совершить им начатое, возвратить им употребленные капиталы, а

при том, сверх распространения державы вашего величества, казна получит от сбора пошлин и десятин приращение доходов, а частные люди приумножение торговли и промыслов»[40].

Комиссия предложила разрешить русским промышленникам строить на Алеутских островах и Аляске «крепостцы». «Комиссия полагает, чтоб пространство для открытий нашим мореплавателям на море оставить безпредельным, ибо ни один народ новых островов в сей части Тихого моря еще не нахаживал, окроме российских мореплавателей. А в разсуждении матерой земли к югу ограничить их путешествии 55-м градусом широты, около котораго в 1741-м году капитан Чириков встретил матерую американскую землю. Сие обстоятельство может служить опровержением всех притязаний других держав на земли к северу, от сказанного градуса широты находящиеся, кои по праву перваго открытия безпрекословно принадлежат владению вашего величества. Таковое в пределах ограничивание, на самой строгой справедливости основанное, будет правилом умеренности и для других держав, к таковым заведениям на американском берегу приступающих, ежели не похотят подвергнуть себя следствиям неприятным.

Другая крепостца на 21-м или 22-м из Курильских островов нужна, во-первых, для того что, имея на ней твердое основание, можно с лутчею удобностью всех окрестных жителей в желаемом устройстве содержать, охранять и защищать; во-вторых, подается чрез то самое удобность со временем к заведению с Япониею торга»[41].

Да, членам комиссии не откажешь в прозорливости – торговать с японцами удобнее всего, имея на Южных Курилах «крепостцу», желательно с комплексом «Искандер».

Фрагмент «Карты Шелехова странствования» из книги «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелехова первое странствие…». СПб., 1793

Увы, императрица оказалась прижимиста и собственноручно начертала на докладе «Комиссии о коммерции о плавании и торговле в Тихом океане»: «Двести тысячи на двадцать лет без проценты…

Под достаточной залог или верное поручительство могут занять и в неказне, а в казне теперь нет денег никаких. Подобной заем похожо на предложение тово, которой слона хотел выучить говорить через тридцатилетней срок и, быв вопрошаем, на что такой долгой срок, сказал: либо слон умрет, либо я, либо тот, которой мне дает денег на учение слона»[42].

Екатерина II прекрасно понимала трудности сухопутного пути из центральной России до Охотска и других острогов на берегу Охотского моря. Поэтому она решила послать на Камчатку эскадру из пяти кораблей. Для этого были специально построены два суда – «Холмогор» и «Турухан», и еще три судна – «Сокол», «Смелый» и «Соловей» – куплены в 1786 г. у русских промышленников. Командовать эскадрой был назначен капитан 1-го ранга Г.И. Муловский. Он должен был обойти вокруг мыса Доброй Надежды и следовать на Камчатку, а затем – на Аляску. Все новооткрытые малые и большие острова Муловский должен был объявлять Владением Государства Российского.

Однако война со Швецией положила конец подготовке первого русского кругосветного плавания. Корабли флотилии Муловского были обращены в транспортные и госпитальные суда Балтийского флота. А сам капитан 1-го ранга Муловский назначен командиром 74-пушечного корабля «Мстислав». Он был убит ядром 15 июля 1789 г. в ходе Эландского сражения.

Чтобы отвести обвинения в монополизме, купец Шелихов в 1790 г. создает дочерние компании – Предтеченскую, а затем и Уналашкинскую. Тогда на остров Кадьяк был послан новый управляющий Северо-восточной компанией каргопольский купец А.А. Баранов, и этот выбор оказался очень удачным. Баранов состоял главным правителем русских колоний в Америке 28 лет и сделал очень много для их развития. Это был человек с большим опытом, энергичный, умелый политик либеральных взглядов. Важным событием в жизни русских американских колоний было утверждение в 1794 г. духовной православной миссии во главе с архимандритом Иоасафом, которая сделала очень много для культурного развития края.

В ноябре 1796 г. скончалась Екатерина Великая. На престол взошел Павел I, решивший делать все наперекор матери. Мать не хотела монополизировать торговлю и промыслы в Русской Америке, и тут сын решил сделать наоборот.

В Охотске и Петропавловске не менее чутко, чем в Петербурге, улавливали перемены при дворе, и вот 7 августа 1797 г. действительный тайный советник князь Куракин объявил президенту коммерц-коллегии Петру Соймонову о желании иркутских купцов учредить компанию под началом Коммерц-коллегии. Это желание передал иркутский гражданский губернатор Л. Нагель, и 8 сентября того же года последовал указ Павла I: «Господин тайный советник и Иркутский губернатор Нагель. Рапорт ваш от 22 прошедшего июля с приложением списков с договоров учрежденной в Иркутске коммерской Американской компании я получил; и как соединение купцов Голикова, Шелихова и Мыльникова для совместного отправления торговли и промыслов и на американских островах почитаю полезным и оное утверждаю, так и мнение ваше по сему случаю изображенное весьма похваляю, пребывая в прочем вам благосклонный Павел».

3 августа 1798 г. в Петербург поступил акт о слиянии Северо-восточной, Северно-американской, Курильской и Иркутской компаний и образование новой Американской Соединенной компании. Акт подписали двадцать семей купцов, в том числе Н.А. Шелихов, И.Л. Голиков, Н.П. Мыльников, П.Д. Мичурин, И.П. Шелихов, В.И. Шелихов, Е.И. Деларов.

8 июля 1799 г. император подписал два важных указа. Первый – об основании компании и даруемых ей привилегиях, а по второму указу представитель семьи Шелиховых должен быть обязательно одним из четырех директоров компании. «Жалуя всемилостивейшее сие право из уважения, что муж ея был из первоначальных заводителей сей торговли», – писал Павел в указе.

Указом от 19 октября 1800 г. Павел I повелел, чтобы Главное управление Российско-Американской компании находилось в столице империи. Естественно, это затрудняло управление факториями, но зато укрепляло связи с правительством.

К 1799 г. Российско-Американская компания располагала большой флотилией мореходных судов, в которую входили «Архистратиг Михаил», «Три Иерарха», «Великомученица Екатерина», «Симеон Богоприимец и Анна Пророчица», «Северный Орел», «Феникс», «Дельфин», «Пегас» и «Олег».

Следует заметить, что помимо частных купеческих судов на Тихом океане к этому времени имелась и военная флотилия из нескольких десятков судов. Так, с 1761 г. по 1801 г. в Охотске были построены для Сибирской военной флотилии 11 галиотов, 8 бригантин, 4 больших бота и 7 разных транспортных судов.

Суда Сибирской военной флотилии регулярно перевозили грузы Российско-Американской компании, а суда компании были вооружены пушками и при необходимости могли участвовать в морских боях.

Правительство Александра I неоднократно выдавало Российско-Американской компании большие ссуды. Так, в царском указе от 10 июня 1803 г. говорится, что «сверх выданной по Указу нашему от 13 августа 1802 года суммы для подкрепления Российско-Американской компании, повелеваем выдать еще оной компании заимообразно под расписку ее директоров из государственного заемного банка сто пятьдесят тысяч рублей на восемь лет с платежом узаконенных процентов».

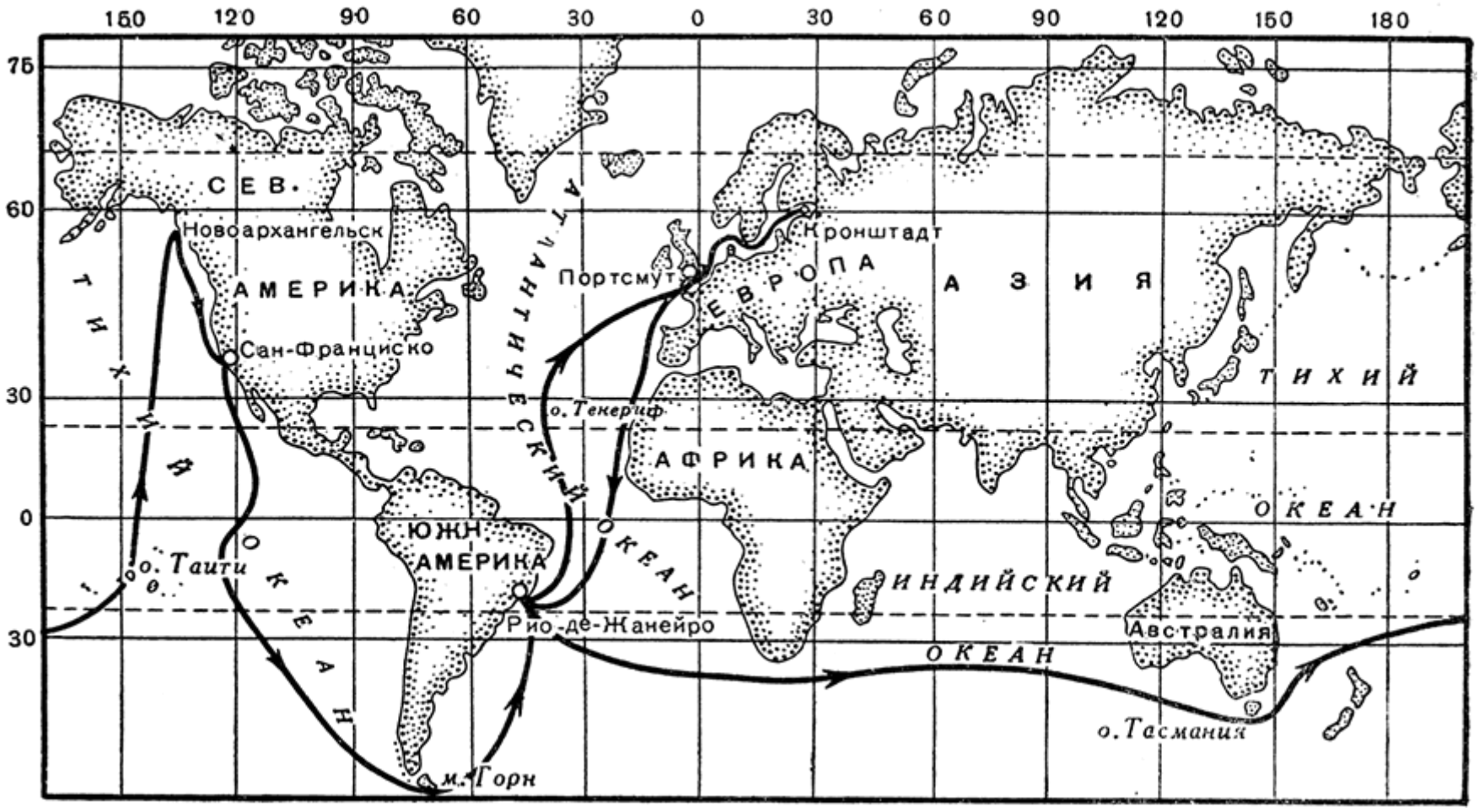
26 июля 1803 г. два шлюпа покинули Кронштадтский рейд. «Надеждой» командовал капитан-лейтенант Крузенштерн, а «Невой» – капитан-лейтенант Лисянский. Русские корабли впервые в истории ушли в кругосветное плавание. Любопытно, что деньги на снаряжение «Надежды» были отпущены по указанию Александра I из казны, а за снаряжение «Невы» платила Российско-Американская компания.

13 июня 1804 г. «Нева» прибыла на остров Кодьяк. Это был первый корабль, прибывший непосредственно из России.

Погрузив на «Неву» товары Российско-Американской компании, Лисянский 1 сентября 1805 г. отправился в Кантон, где в начале декабря встретился с «Надеждой». Успев продать в Кантоне пушнину и закупив китайские товары, оба корабля направились в обратный путь вокруг мыса Доброй Надежды.

В июне 1807 г. шлюп «Нева» вышел из Кронштадта в новое плавание к берегам Аляски. Командовал им на сей раз лейтенант Л.А. Гагенмейстер. Шлюп обогнул мыс Доброй Надежды и в августе 1808 г. прибыл на остров Ситха в Ново-Архангельск, который к 1808 г. стал главным портом Российско-Американской компании на Аляске.

Далее начались регулярные сообщения Кронштадт – Русская Америка. В 1807 г. туда отправился военный транспорт «Диана», в 1813 г. – бриг «Суворов», в 1815 г. – бриг «Рюрик». В последующие годы корабли из Кронштадта на Аляску отправлялись почти ежегодно: в 1816 г. – бриги Российско-Американской компании «Кутузов» и «Суворов»; 26 августа 1817 г. – военный шлюп «Камчатка»; 3 июля 1819 г. вышел отряд кораблей в составе военных шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный»; 28 сентября 1819 г. отправился корабль Российско-Американской компании «Бородино» (вместимостью 600 тонн). Все эти корабли благополучно достигли Ново-Архангельска и Петропавловска и вернулись обратно на Балтику. Еще два брига Российско-Американской компании – «Кутузов» и «Рюрик», отправившиеся из Кронштадта в 1820–1821 гг., остались на Дальнем Востоке.

Маршрут кругосветного плавания фрегата «Крейсер» в 1822–1825 гг.

Ну а в 1822 г. на Аляску отправились 44-пушечный фрегат «Крейсер» и 20-пушечный шлюп «Ладога» под командованием Михаила Петровича Лазарева, будущего знаменитого адмирала.

Появление отряда русских военных судов у берегов Аляски произвело нужное впечатление как на англичан, так и на янки. Тем не менее министр иностранных дел России К. Нессельроде убедил Александра I пойти на существенные уступки в переговорах с ними. В итоге 5 (17) апреля 1824 г. Нессельроде и американский посланник Генри Мидлтон подписали в Петербурге русско-американскую конвенцию. Согласно ее условиям:

1. Декларируется свобода мореплавания, торговли и рыболовства на Тихом океане с правом приставать к берегу в любом еще никем не занятом месте.

2. Граждане США и подданные России не могут приставать к берегам друг друга без соответствующего разрешения местных властей и не могут вести там торговлю.

3. Никакие селения не могут быть основаны или создаваемы в будущем на северо-западном побережье Америки: русскими южнее, а американцами – севернее 54°40′ с. ш.

Таким образом, граница владений и сфер двух стран проводится по линии 54°40′ с. ш. на побережье.

4. В течение 10 лет со дня подписания конвенции гражданам США и подданным России будет позволено заходить в порты друг друга по-прежнему по надобности и вести торговлю.

5. Запрещается торговля спиртными напитками, оружием, порохом и другими боеприпасами, и в связи с контролем за соблюдением этого правила разрешается осматривать суда и грузы и накладывать соответствующие штрафы обеим сторонам.

16 (28) февраля 1825 г. Нессельроде и британский посланник Чарльз Каннинг подписали в Петербурге аналогичную конвенцию о разграничении владений в Северной Америке.

Согласно 1-й статье конвенции, обе стороны в Тихом океане «могут пользоваться беспрепятственно и с полною свободою мореплаванием, производством рыбной ловли и правом приставать к берегам в таких местах, которыя еще не заняты, для торга с природными тамошними жителями».

2-я статья запрещала судам одной стороны приставать к местам заселения другой стороны.

Далее устанавливалась пограничная черта, отделяющая владения Британии от русских владений на западном побережье Северной Америки, примыкающем к полуострову Аляске так, что граница

проходила на всем протяжении береговой полосы, принадлежащей России, от 54° с. ш. до 60° с. ш., на расстоянии 10 миль от кромки океана, учитывая все изгибы побережья.

Таким образом, линия русско-британской границы была в этом месте не прямой (как это было с линией границы Аляски и Британской Колумбии), а чрезвычайно извилистой.

Поясню, что Российско-Американская компания фактически не имела сухопутной границы с Британской Колумбией, а владела лишь кромкой побережья и не осваивала территорию вглубь континента, поскольку этому препятствовал хребет Каменные горы (ныне Скалистые горы), который шел почти параллельно берегу океана, в разных пунктах удаляясь на 11–24 мили от кромки воды. Именно за Скалистыми горами и лежала Британская Колумбия, так что среди русских колонистов, да и местных жителей, считалось, что границей между этими двумя владениями разных государств является естественная граница – вершины хребта Скалистых гор, западные склоны которых находились в области русских владений, а восточные – британских. При этом русская сторона никогда не делала попытки переходить за Скалистые горы, хотя на протяжении почти полустолетия там была абсолютно безлюдная территория.

С начала 20-х годов XIX века английское правительство пыталось захватить прибрежную территорию, осваиваемую Российско-Американской компанией.

Это подало мысль руководителям компании о необходимости установить границу русских и британских владений. При этом компания считала, что такая граница должна будет идти по естественному рубежу – хребту Скалистых гор и поэтому ее установление не представит никаких трудностей. Однако русские дипломаты капитулировали перед англичанами в вопросе проведения сухопутной границы.

По мнению историка Вильяма Похлебкина, уступчивость Александра I не в последнюю очередь объяснялась финансовыми причинами. Англия обеспечила России выплату займов, сделанных русским правительством в период войны с Францией 1796–1815 гг. Замечу, что Россия, не имевшая с Францией территориальных споров, фактически сражалась за британские интересы. Это в свое время признал даже Павел I.

Глава 2. Гавайи и Форт-Росс

В первой четверти XIX века правители Русской Америки, я бы назвал их «кланом Шелихова», предпринимали активные попытки расширения колоний за пределами Аляски и Алеутских островов. Так, Баранов попытался присоединить к колонии Сандвичевы (Гавайские) острова. Острова эти – самый крупный архипелаг Океании, открыты были 18 января 1778 г. Джеймсом Куком по пути к берегам Берингова пролива. Кук назвал архипелаг в честь первого лорда Адмиралтейства графа Сандвича. Позже архипелаг стали называть по имени самого крупного острова – Гавайи.

На обратном пути Кук поссорился с туземцами и вместе с несколькими матросами был ими съеден.

В 1804 г. Сандвичевы острова посетил Лисянский на шлюпе «Нева», а через 12 лет – Коцебу на бриге «Рюрик». В 1806 г. русский промышленник Сисой Слободчиков приходил на остров Оаху на шхуне Российско-Американской компании «Николай». Слободчиков закупил партию сандалового дерева и продовольствие и доставил груз в Ново-Архангельск. В ноябре 1808 г. Баранов отправил из Ново-Архангельска на зимовку на Сандвичевы острова шлюп «Нева» под командованием Гагенмейстера, который установил хорошие отношения с местным королем Камеамеа.

18 июня 1809 г. Гагенмейстер уже с Камчатки отправил министру коммерции Румянцеву рапорт с планом организации на Сандвичевых островах сельскохозяйственной колонии для снабжения продовольствием Русской Америки. По этому плану на первое время вполне достаточно было построить на Гавайях одну крепостную башню-блокгауз с одной пушкой и оставить там гарнизон из двух десятков русских колонистов. А 5 ноября 1809 г. Главное правление Российско-Американской компании обратилось с таким же предложением к императору, но получило отказ.

В 1816 г. Баранов посылает на остров Гавайи с поручением основать факторию врача Георга Шеффера, немца, с 1813 г. состоявшего на службе в Российско-Американской компании. С Шеффером Баранов послал королю Камеамеа большую серебряную медаль на владимирской ленте. Однако из-за происков американских купцов король принял Шеффера довольно прохладно.

Но последнего выручила профессия – король серьезно заболел «грудной болезнью», и немец вылечил его, а заодно и его любимую жену Качуману.

Но все же Камеамеа отказал Шефферу в постройке фактории из-за научений своего «министра» – американского матроса Джорджа Юнга. Тогда Шеффер обратился к «конкурирующей фирме». Шеффер писал: «Король Отувая Тамари не только разрешил создать русскую факторию, но даже сам попросил покровительства русского императора и самым торжественным образом в форме письменного акта вручил верховное главенство над своим островом Его величеству российскому императору Александру Павловичу».

19 (31) января 1818 г. Главное правление Российско-Американской компании сообщило министру иностранных дел Нессельроде со слов ближайшего помощника Баранова и командира корабля компании «Открытие» лейтенанта Якова Аникиевича Подушкина: «Сие событие сопровождено было следующим торжеством: 21 мая 1816 года король на шканцах[43] корабля “Открытие”, вручив доктору Шефферу оный акт покорения, испросил себе, в вящее удостоверение своей покорности, флаг того корабля и мундир… Подушкина со всем прибором и потом отправился к себе на берег при салюте с корабля семью выстрелами из пушек. Когда прибыл он на берег, то флаг немедленно выставил на приготовленном месте при 14 выстрелах из пушек, там же поставленных, причем собранный вокруг короля народ, коему он сие покорение объявил, кричал ура! На другой день король пригласил доктора Шеффера и лейтенанта Подушкина к своему столу и встретил их пред домом своим и со всею своею фамилиею. 30 отборных человек составляли его гвардию и стояли в параде, а всего народа было до 1000 человек. За столом сидели одни мужчины, а женщины удалились. Вместо музыки били в барабан. Король предложил тост за здравие государя императора при громе пушек и ура, потом пит тост за его здоровье».

Согласно этому коммерческому акту, русские получили право учреждать фактории и плантации во владениях Тамари. Король обязался торговать самым ценным предметом экспорта – сандаловым деревом – только с Российско-Американской компанией, а с янки «никакой торговли не иметь».

В августе 1816 г. Шеффер писал Главному правлению Российско-Американской компании: «Может быть его величество император пришлет на Тихий океан один фрегат, который… будет представлять большое значение для Российской империи».

В Петербург письмо пришло только в августе 1817 г. Главное правление компании действовало оперативно, и уже 17 (29) августа направило министру иностранных дел Нессельроде записку о ситуации с Сандвичевыми островами.

29 августа (10 сентября) Нессельроде запросил русского посла в Лондоне Х.А. Ливена о статусе Сандвичевых островов в целом и островов Отувай и Гегау, которыми владел король Тамари. 15 (27) ноября 1817 г. Ливен ответил, что пока ни одна европейская держава не претендует на Сандвичевы острова.

19 (31) января 1818 г. Главное правление Российско-Американской компании направило Нессельроде еще одну записку, в которой говорилось: «Правление Компании подносит при сем на усмотрение Вашего сиятельства историческое, климатическое и стратегическое сведение о Сандвичевых островах… из которого явствует, что все они совершенно свободны от влияния европейских держав…

Если бы из купы Сандвичевых островов имела Россия хотя бы один себе принадлежащим, то суда наши, обуреваемые противными ветрами, могли спускаться к оным со всею благонадежностью и, проводя в теплом, приятном и изобильном для пропитания климате зимние месяцы, прибыли бы к месту назначения благоприятным весенним временем. Равным образом и отсель кругом света идущие суда, особенно же как государю императору благоугодно ныне, чтобы каждый год ходил отсель кругом света один казенный фрегат, когда обогнут Горный мыс, не имеют нигде до самой Камчатки иного на долговременном пути своем собственного пристанища для роздыха и поправления, как токмо на северо-западе холодную нашу колонию на острове Баранова, куда должно нарочито и в сторону склоняться, или, как и все почти мореплаватели, идущих из Европы к северо-западным берегам Америки, по необходимости приставать к помянутым Сандвичевым островам, лежащим почти на самом пути».

Главное правление компании просило Нессельроде довести все вышеизложенное до царя.

Ответ на записку Нессельроде дал 24 февраля (8 марта) 1818 г.: «Государь император изволит полагать, что приобретение сих островов и добровольное их поступление в его покровительство не только не может принесть России никакой существенной пользы, но, напротив, во многих отношениях сопряжено с весьма важными неудобствами».

26 марта (7 апреля) 1818 г. Главное правление компании постановило: «Принимая к исполнению решение Его императорского величества отклонить прошение короля Тамари о присоединении Сандвичевых островов к России, Совет поручает Правлению Российско-Американской компании вернуть королю акт».

Так печально закончилась попытка Российско-Американской компании приобрести Сандвичевы острова. Что повлияло на решение царя – не знаю. В 1818 г. после падения Наполеона Россия была в зените своего могущества, как военного, так и политического, и воевать из-за Сандвичевых островов Англии не было смысла, тем более что «владычица морей» ни до, ни после не пыталась захватить эти острова.

С другой стороны, Александр занялся мистицизмом и совершил целый ряд непонятных историкам поступков. Так что вполне возможно, что отказ от Сандвичевых островов объясняется отклонениями в психике «Благословенного царя».

Сандвичевы же острова были постепенно съедены янки. Официально острова были аннексированы резолюцией конгресса США лишь в 1898 г. в ходе испано-американской войны.

Тут следует заметить, что и в 1818 г., и даже в 1867 г. США были при достаточно развитой экономике карликом в военном отношении. Военно-морской флот янки был слаб, а морские коммуникации крайне уязвимы. Соответственно, и в 1818 г., и в 1867 г. вероятность русско-американского военного конфликта тождественно была равна нулю. Янки могли нанести лишь булавочный укол русской морской торговле, зато русские крейсера были способны парализовать американскую экономику. Вспомним хотя бы действия рейдера конфедератов «Алабама» в 1862–1863 гг., захватившего 68 североамериканских судов. Замечу, что «Алабама» погибла из-за амбиций своего капитана, решившего потопить гораздо более сильный корабль противника.

Более удачно прошла попытка Российско-Американской компании закрепиться на Калифорнийском побережье. В ноябре 1811 г. из Ситки (Аляска) к берегам Калифорнии на шхуне «Чириков» отправилась экспедиция под командованием Ивана Александровича Кускова, в задачу которой входило основание первого русского форта на Калифорнийском побережье. В составе экспедиции были 25 русских мастеровых для постройки зданий крепости и 80 алеутов-охотников для ведения морского промысла.

Место для поселения было выбрано Кусковым севернее залива Бодега, который был переименован им в залив Румянцева, примерно в 100 километрах к северу от залива Сан-Франциско. К 1814 г. были закончены все главные постройки форта, получившего наименование Росс. Замечу, что русские называли это поселение крепость Росс или чаще просто Росс. Название Форт-Росс придумали янки, но поскольку оно столь крепко вошло в отечественные исторические труды, то я не буду ломать традицию и тоже буду именовать русское поселение Форт-Россом.

Территория вблизи Форта-Росс к 1811 г. была ничейная. Первое поселение на территории Калифорнии – Сан-Диего – основали испанцы в 1769 г. Но оно находилось примерно в 800 км от Росса.

В конце XVIII века испанцы основали три религиозные миссии на южном берегу залива Сан-Франциско, они получили названия Сан-Франциско, Санта-Клара и Сан-Хосе. В записке В.М. Головнина для правления Российско-Американской компании от 10 сентября 1819 г. говорилось: «…последнее испанское селение к северу на сих берегах находилось в южной части залива Сан-Франциско под широтою 37°48′4, и что о северной части сего залива они ничего не знали…»[44] Форт-Росс же располагался под 38°33′ северной широты.

28 апреля 1808 г. директор Главного правления Российско-Американской компании М.М. Булдаков отправил записку Александру I, где говорилось: «Калифорния изобилует премножеством хлеба и, не имея никуда оному отпуска, ежегодно оставляет в гнилости более 300 000 пудов [т. е. около 5 тыс. т]; напротив того, американские заселения должны получать хлеб, провозимый через Сибирь одним сухим

путем более 3000 верст, отчего самой компании становится он около 15 рублей пуд. Также и отвозимый в Камчатку казною на тамошние войска становится более 10 руб. пуд.

Калифорния преизбыточествует в рогатом домашнем скоте и лошадях, кои водятся без призрения в лесах и распространились многочисленными табунами даже до реки Колумбии. Правительство гишпанское, чтобы предупредить вред, наносимый сим скотом на нивах, определило каждый год убивать оного от 10 до 30 тыс., напротив того, Охотский и Камчатский край имеет в таковом скорее величайшую нужду, терпя весьма часто всеобщую голодовку».

Булдаков просил царя организовать посылку к берегам Калифорнии не менее двух кораблей в год. При этом Булдаков хотел, чтобы посылка кораблей была согласована с Мадридским двором.

Александр I предложил графу Румянцеву снестись по данному вопросу с русским послом в Мадриде Строгоновым. Тут невольно возникает вопрос, если сотрудники Российско-Американской компании на Аляске не могли знать, что в Мадридском дворе с 90-х годов XVIII века царил полнейший хаос, то почему об этом не знал Александр I?

Тогда в Испании было сразу два короля – формальный Карл IV и фактический Мануэль Годой, он же герцог Алькудиа и князь Мира. Оба этих персонажа делили не только бразды правления, но и постель королевы Марии Луизы. Со временем к власти стал рваться и наследник трона сын Карла IV Фердинанд, принц Астурийский. С марта 1808 г. в Испании начался бунт, и хаос распространился из дворца по всей стране.

Все это разозлило Наполеона, который приказал арестовать всю веселую «шведскую семейку» из трех персон и агрессивного сынка Фердинанда в придачу. Взамен император назначил своего брата неаполитанского короля Жозефа королем Испании. А неаполитанским королем Наполеон назначил своего зятя маршала Мюрата.

И тут-то выяснилось, что испанцам не подходит Кодекс Наполеона, зато они не могут жить без инквизиции. Так что хаос продолжился, но с участием французских войск.

После отречения Наполеона испанским королем стал Фердинанд XII, бывший принц Астурийский. После этого испанцам как в метрополии, так и в колониях инквизиция разонравилась и возникла ностальгия по Кодексу Наполеона. Кроме того, колонии потребовали «незалежности».

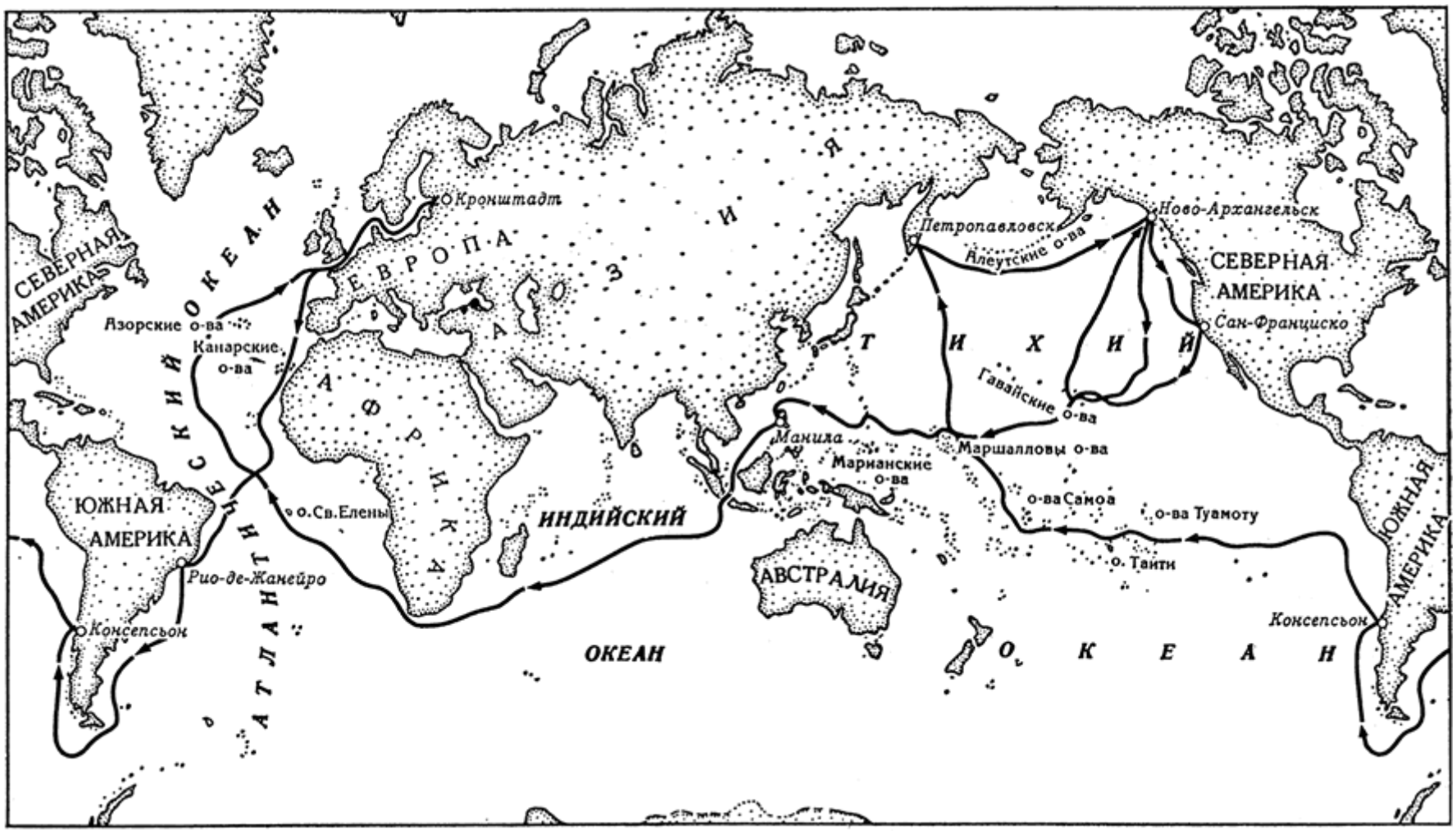
В такой ситуации России было просто нелепо обращаться к испанским властям хотя бы потому, что было неясно, кто у них – законная власть, а кто – мятежники. В Калифорнии нужны были лишь русские корабли и пушки.

С годами Форт разрастался. Вокруг крепости были возведены мастерские, несколько мельниц, кузница, кожевенный завод, конюшни, молочная ферма и даже судостроительная верфь. В 1812 г. в Форт-Росс привезли около сотни семейств ссыльных и старообрядцев-хлебопашцев.

В конце 1824 г. к берегам Калифорнии прибыл шлюп «Предприятие» под командованием Отто Коцебу. Вот как описал Коцебу испанское поселение Сан-Франциско: «Над проливом господствует крепость св. Иоахима, расположенная на высокой скале на его левом берегу. Мы увидели, что над крепостью развевается республиканский флаг. Последнее означало, что и эта, самая северная, колония Испании уже не признает власти метрополии. Мы заметили также несколько кавалеристов и толпу народа; все они, казалось, с напряженным вниманием следили за быстрым приближением нашего судна.

Когда мы подошли на расстояние ружейного выстрела, часовой схватил обеими руками длинный рупор и запросил нас, какой мы нации и откуда прибыли. Его грубый окрик, пушки, направленные на фарватер, маленькое войско, стоящее под ружьем, в том числе находящаяся в боевой готовности кавалерия, наконец, переданное нам требование салютовать крепости – все это могло создать впечатление, будто комендант властен помешать входу в гавань даже военного судна. Однако мы были до некоторой степени осведомлены об истинном положении. Дело в том, что покоящаяся на скале крепость св. Иоахима – самая миролюбивая на свете. Ни одна из ее пушек не годится для точной стрельбы, а ее гарнизон может вести лишь словесные сражения. Все же я из учтивости приказал салютовать крепости, надеясь таким путем обеспечить нам более радушный прием. Каково же было мое удивление, когда на наш салют не последовало никакого ответа! Представитель коменданта, вскоре

прибывший из крепости, разъяснил мне эту загадку: он попросил дать им немного пороху, чтобы они могли надлежащим образом ответить на мое приветствие»[45].

Плавание О.Е. Коцебу на шлюпе «Предприятие»

Как видим, «Предприятие» с его двадцатью четырьмя 6-фунтовыми пушками мог вдребезги разнести Сан-Франциско и притом сделать это совершенно безнаказанно.

А теперь перейдем к описанию Форт-Росса. «Крепость Росс расположена на возвышенном морском берегу, возле устья небольшой речки… Она была основана в 1812 г. с согласия коренных жителей, которые с готовностью помогали подвозить строительные материалы и даже участвовали в возведении построек. Русские поселились здесь для того, чтобы развернуть у побережья Калифорнии охоту на морских бобров, ибо возле более северных наших поселений эти животные были теперь полностью истреблены. Испанцы, не занимаясь сами подобными промыслами, охотно разрешили русским за определенное возмещение поселиться на здешнем берегу, где тогда еще в изобилии водились морские бобры. В настоящее время эти животные даже тут стали редкостью. Все же у побережья Калифорнии, где охота производится из колонии Росс, по-прежнему добывается больше бобров, чем в любом другом месте земного шара.

Крепость представляет собой четырехугольник, окруженный частоколом из высоких и толстых бревен. Она имеет две башни, снабженные 15 пушками. Во время моего пребывании в крепости ее гарнизон состоял из 130 человек, из которых лишь немногие были русскими, а остальные – алеутами…

Испанцы утверждали, что их владения на западном берегу Америки простираются до Северного Ледовитого океана, и угрожали подкрепить свои требования силой оружия. Кусков, основатель и тогдашний командир крепости Росс, благоразумный и неустрашимый человек, дал им весьма решительный ответ. Он сказал, что основал колонию по приказу своих начальников и притом в такой местности, которая ранее не была занята никакой другой державой. Он подчеркнул, что на данную землю могли бы претендовать разве только коренные жители, но они добровольно уступили ее русским. На этом основании Кусков отклонил столь необоснованное требование и предупредил, что на насилие ответ насилием. Испанцы поняли, что не смогут справиться с русскими, а потому отказались от своих смехотворных притязаний и вновь завязали с поселенцами дружеские отношения. В настоящее время эти две нации живут здесь в полнейшем согласии.

Между прочим, селение Росс приносит испанцам большую пользу. Во всей Калифорнии не сыщется ни одного слесаря и ни одного кузнеца. Поэтому все железные орудия испанцев изготовляются или чинятся за хорошую плату в русской колонии. Сопровождавшие нас драгуны тоже привезли с собой для починки множество испорченных ружейных замков…

Обитатели селения Росс живут в мире и согласии с местным населением. Многие индейцы приходят в крепость и работают там за поденную оплату. Ночи они обычно проводят вне крепости. Индейцы охотно выдают своих дочерей замуж за русских и алеутов. В результате возникают многочисленные родственные связи, которые способствуют дальнейшему укреплению их дружбы и взаимопонимания. Обитатели Росса, в одиночку охотясь на оленей и другую дичь, удаляются от крепости на большие расстояния. Они часто проводят ночи среди индейцев различных племен, причем с ними никогда еще не случалось ничего плохого. Испанцы никогда бы на это не решились. Чем разительнее контраст между угнетением индейцев в миссиях и обращением с ними в нашем селении, тем больше должен радоваться всякий гуманный человек, вступая на русскую территорию. Православная церковь не распространяет свое учение силой. Она свободна от фанатизма и проповедует любовь и терпимость. Эта церковь не стремится во что бы то ни стало привлечь людей иной веры, а позволяет им принимать православие лишь по искреннему внутреннему убеждению…

Местность, где расположено селение Росс, отличается мягким климатом. Лишь изредка ртуть в термометре опускается здесь ниже нуля. К сожалению, частые туманы препятствуют развитию на этом побережье садоводства и огородничества. Однако на расстоянии нескольких верст от берега, в тех местах, куда не проникают туманы, очень хорошо произрастают почти все южные растения. Овощи достигают здесь необычайных размеров. Встречаются редьки весом до 50 фунтов (20,5 кг), тыквы весом 65 фунтов (26,6 кг); соответственно велики и другие овощи. Картофель приносит здесь урожай сам-сто или сам-двести, причем его собирают два раза в год. Поэтому голод в селении Росс едва ли возможен. Крепость окружена полями пшеницы и ячменя, принадлежащими отдельным жителям селения. Из-за туманов злаки произрастают здесь не так хорошо, как в миссии Санта-Клара, но все же колонисты имеют возможность ежедневно есть белый хлеб и кашу. Алеуты обычно очень неохотно покидают родину, но этот край им так понравился, что они с удовольствием здесь остаются и не скучают по своим островам»[46].

Судьбу Форт-Росса, равно как и всей Русской Америки, решили два фактора: непонимание правительством экономического и военно-стратегического значения этих земель и наличие крепостного права в России.

Крепостное право уже в XIX веке стало тормозом и экономическому развитию Европейской России. Но еще раньше оно стало препятствием в колонизационной политике империи. В огромной стране не было людей для заселения новых земель. И тут речь идет не только о Россе или Аляске, но даже о Сибири.

В конце XVIII века князю Потемкину не хватало людей для заселения Дикого поля, Причерноморья и Крыма. Тут Екатерина II даже согласилась смотреть сквозь пальцы на прием светлейшим беглых крестьян, но и этого было мало.

В Сибирь же в основном направлялись ссыльные. Так, например, в 1729 г. было велено ссылать в Сибирь разных беглых и бродяг, которых помещики не желают принять обратно, «дабы через то шатающихся и праздных без дел и платежа подушных денег никогда не было», в 1730 г. – пойманных беглых, пытавшихся уйти за границу, в 1733 г. – всех виновных «в делании золотых и серебряных вещей ниже пробы, в подделке их и торговле ими», в 1737 г. – негодных к военной службе лиц, виновных продаже, покупке или отдаче в рекруты чужих людей и крестьян, в 1739 г. – заводских мастеровых и рабочих людей за пьянство и игру в кости и карты. Все эти указы подразумевали административную ссылку. А наряду с ними действовали и старые московские законы, изданные во второй половине XVII века, о ссылке за некоторые уголовные преступления по суду, как-то: за повторную кражу, за разбой и наезд, за укрывательство воров и разбойников, за корчемство, за непредумышленное убийство и т. д. В 1753 г. и 1754 г. императрица Елизавета Петровна добавила к этим законам указы о замене смертной казни за общегражданские преступления политической смертью и ссылкой в Сибирь навсегда. Она же положила начало ссылке крестьян в Сибирь их владельцами.

В 1760 г. был издан указ, предоставлявший право всем лицам и учреждениям удалять в Сибирь своих крестьян, почему-либо для них неудобных, с зачетом их за рекрут и с получением платы из казны по такое за их жен и детей. Этот вид поселенцев получил особое название сосланных «за предерзости».

То же самое продолжалось и в XIX веке. С 1800 г. по 1860 г. на долю ссыльных пришлось почти 67 % мигрантов в Сибирь – 349,6 тысячи человек из 516,8 тысячи[47].

Очевидно, что ссыльных не хватало для заселения Сибири, да и значительная часть этого «контингента» не желала заниматься сельским хозяйством, охотничьим промыслом, торговлей и т. д., предпочитая воровать, попрошайничать и пьянствовать. Собственно, то же происходило и в других осваиваемых частях империи, включая ту же Карскую область с ее православными переселенцами.

Много раз правление Российско-Американской компании обращалось в правительство и лично к царю с просьбой дать разрешение компании на покупку крепостных или на переселение на Аляску и Курильские острова «свободных хлебопашцев». И во всех случаях следовал категорический отказ.

В принципе и при наличии крепостного права Александр I и Николай I могли переселить несколько миллионов человек в Сибирь и на Дальний Восток, а из них 100 тысяч «хлебопашцев» – в Калифорнию. И вот тогда анекдот 80-х годов XX века, пародирующий телепрограмму «Время» – «На полях Калифорщины в закрома Родины колхозники собрали богатый урожай зерновых», – стал бы былью.

Но для этого на престоле должна была быть сильная личность типа Ивана III, Ивана IV или Петра I. Царский указ боярам – выделить столько-то крестьян и столько-то денег – и баста! А ослушники первыми отправились бы на Камчатку. Беда русских царей от Александра I до Николая II в том, что они пытались сочетать деспотические законы с либеральными.

В 30-х годах XIX века Росс постепенно стал угасать. Бобры были выбиты, а землепашцы для развития сельского хозяйства из России так и не прибыли. Мексиканцы (1818 г. инсугеты отделились от Испании) и янки начали все ближе и ближе к Россу основывать свои фактории.

Спору нет, население Росса продолжало трудиться, на его верфи было построено шесть крупных судов (четыре для Российско-Американской компании и два для Испании), а также десятки малых судов. Росс посылал в Аляску кирпичи, деготь, солонину, масло и прочее. Несмотря на это, Российско-Американская компания имела ежегодного убытка от содержания этого поселения до 44 тысяч рублей.

В конце концов петербургские сановники подсунули царю указ о продажи Форт– Росса. 15 апреля 1839 г. Николай I начертал на нем: «Быть по сему».

Теперь возник вопрос, а кому можно «толкнуть» Росс?

Последний комендант Форт-Росса Александр Ротчев и комиссионер Российско-Американской компании Костромитинов начали переговоры о продаже с мексиканским правительством за 30 тысяч долларов, с Гудзонской компанией и с частными лицами. Мексиканское правительство отказалось покупать Форт-Росс на том основании, что земля его принадлежит Мексике.

13 декабря 1841 г. Форт-Росс со всем своим инвентарем был продан Костромитиновым в Сан-Франциско швейцарцу Джону Суттеру из Нью-Гельвеции за 42 857 рублей и 14 копеек. Эти деньги выплачивались в четыре срока: первые две выплаты хлебом, а последние две – деньгами. Из этих денег 15 тысяч рублей были уплачены по требованию русского посла в Соединенных Штатах Бодиско, через русского консула в Сан-Франциско, американца Стюарта, не умевшего говорить по-русски. Всего же Российско-Американская компания получила только 37 484 рублей 45 копеек. После этого Ротчев с частью русских колонистов в январе 1842 г. отплыл в Ново-Архангельск на бриге «Константин».

Передачу Росса Суттеру совершил А. Николач. Вместе с Форт-Россом были проданы и окружавшие его поселения: Костромитиново, Васильево, Хлебниково, Юрьево и Черник. Остались в Калифорнии крещеные индейцы, перешедшие в русское подданство, и русские поселенцы, не пожелавшие вернуться в Россию.

Американцы переименовали Росс в форт Суттер. В 1848 г. свершились два важных события в истории Калифорнии – вхождение в состав США и открытие больших месторождений золота. Началась знаменитая калифорнийская золотая лихорадка.

31 марта 1897 г. развалины Форт– Росса посетил епископ Алеутский и Сан-Францисский Николай. Он писал: «…посетил сие священное для всякого русского место. С грустью взирал на мерзость запустения на месте святе. Господь да упокоит души почивших рабов Божьих и да простит согрешение тем, кто дерзнул отдать сие место, купленное ценою русской крови…»

После окончания Второй мировой войны американцы восстановили часть построек Форт-Росса и в доме «Менеджера» устроили музей. Археологи из Университета Калифорнии и Института приморской археологии западных штатов ведут сейчас раскопки первой калифорнийской судоверфи.

В завершение рассказа о Форт-Россе стоит упомянуть и о романтической истории, связанной с пребыванием русских в Калифорнии. 24 марта (6 апреля) 1806 г.[48] в испанское поселение Сан-Франциско пришел русский фрегат «Юнона», на борту которого находился камергер Николай Петрович Резанов. Целью визита являлась закупка зерна для русских поселений на Аляске. Комендант крепости Аргуелло категорически отказал, ссылаясь на запрет испанского правительства продавать продовольствие русским.

Резанов, зная слабость испанцев, уже подумывал пустить в дело пушки «Юноны», которые, как мы уже знаем, позже навели страху на самураев на Южном Сахалине и Курилах. Но в последний момент Резанов заметил прекрасные черные глаза, неотступно следящие за ним. Это была дочь коменданта пятнадцатилетняя Консипсьён, а для домашних просто Кончита.

Стоит заметить, что Резанов был из хорошей дворянской семьи и с 14 лет служил в Петербурге в лейб-гвардии Измайловском полку. Надо ли говорить, что он сумел произвести впечатление на девочку, выросшую в Богом забытом селении и притом обладавшую бешеным честолюбием. Не последнюю роль сыграло и то, что у Кончиты было еще четырнадцать сестер и братьев. Что ей светило в Сан-Франциско? Выйти замуж за испанского сержанта или в лучшем случае за лейтенанта и всю оставшуюся жизнь влачить жалкое существование. А тут перед ней был 42-летний красивый мужчина, полунезависимый правитель Аляски.

Не мудрствуя лукаво, Николай Петрович сделал Кончите предложение, которое было принято с восторгом. Сейчас историки спорят, состоялась ли в Сан-Франциско только помолвка или свершилось обручение влюбленной пары. С юридической точки зрения Резанов мог вступить в брак – в 1802 г. умерла после родов его жена Анна Григорьевна, дочь основателя компании Шелихова[49]. Но наш камергер был православным, а невеста – католичкой. Тогда Резанов заявил, что он уедет в Россию и будет просить царя ходатайствовать перед папой римским, дабы тот разрешил им вступить в брак. На мой взгляд, камергеру хотелось просто сбежать. К тому времени русские правители, начиная с Ивана III и до Павла I, выдали за католиков и протестантов десятка два своих дочерей, знатные русские вельможи женились на неправославных девицах, например тот же Ибрагим Ганнибал – Арап Петра Великого. Так что вполне можно было и обвенчаться в Сан-Франциско.

А что касается папы римского, то гораздо проще Резанову было дать хорошую взятку Талейрану, тот попросил бы Наполеона, ну а император приказал бы папе римскому обвенчать Резанова.

Ну а пока Кончита строила дерзновенные планы, Резанов заявился в порт и приказал грузить на «Юнону» продовольствие. Тесть-комендант заперся дома и в порту не показывался. Всего было погружено 2156 пудов (35,3 т) пшеницы, 351 пуд (5,7 т) ячменя, 560 пудов (9,2 т) бобовых.

11 июля 1806 г. «Юнона» подняла якоря, а на берегу стояла Кончита. Больше она никогда не увидит Резанова. Он простудится на Сибирском тракте и умрет 1 марта 1807 г. по дороге в Красноярск.

В 1808 г. новый правитель Аляски Баранов прислал письмо Кончите с сообщением о смерти Резанова, но она не поверила и продолжала ждать жениха. В смерти Николая Петровича ее сумели убедить лишь в 1842 г. А в 1851 г. Кончита постриглась в монахини под именем Доменики и основала первый женский монастырь в Калифорнии. Позже католическая церковь канонизировала ее.

Эта драматическая история вдохновила в 1972 г. Андрея Вознесенского на создание поэмы «Авось». Позже в театре «Ленком» был поставлен и спектакль «“Юнона” и “Авось”», где Резанова отлично играл Николай Караченцов.

На самом деле тендер «Авось» не был с Резановым в Сан-Франциско. Ну а «Юнона» благополучно доставила продовольствие в Ново-Архангельск. Фрегат несколько лет плавал в Тихом океане под флагом Российско-Американской компании, но 31 октября 1812 г. в шторм разбился на скалах у берегов Камчатки близ Петропавловской бухты.

Глава 3. Продажа Аляски

К 1 января 1819 г. население русской Америки насчитывало: русских мужчин – 318, русских женщин – 13, креолов – 133, креолок – 111, или всего 451 мужчин и 124 женщины. Местное население на ту же дату состояло из 4062 мужчин и 4322 женщин, или всего 8384 человек. Итого, в Русской Америке проживало 8977 человек[50].

Наиболее заселенными были остров Кадьяк, остров Уналашка, Ново-Архангельск и Форт-Росс. В Россе в 1836 г. проживало 260 человек, в Ново-Архангельске в 1826 г. – 813, из которых 309 человек были русские, а остальные креолы. В селении Уналашка в 1834 г. жило русских и креолов 275 человек, в остальных десяти селениях – 470 человек[51]. К 1858 г. в колонии проживало 10 075 человек.

Отношения русских с местным населением были сложными. С одной стороны, ряд племен охотно сотрудничали с русскими, но, например, с воинственным и кровожадным племенем колошей неоднократно имели место вооруженные столкновения.

В 1861 г. «царь-освободитель» отменил крепостное право, но большая часть земель осталась в руках помещиков. Тут можно было бы сказать «нет худа без добра» – безземельные, но уже лично свободные крестьяне теперь устремятся осваивать окраины империи в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию. Массовая миграция русского населения в эти области в 1861–1904 гг. не только предотвратила бы продажу Аляски, но и позволила бы избежать русско-японской войны. Да и вообще к 1917 г. в составе России были бы Аляска и Маньчжурия, в которых преобладало русское (православное) население.

Но, увы, стратегические интересы империи были диаметрально противоположны интересам нашего правящего класса – помещиков. Начнись массовая миграция – резко упадут цены на земли в Центральной России, а стоимость труда батраков возрастет в несколько раз. Поэтому царское правительство издало ряд законов и положений, которые препятствовали миграции населения из центра империи на ее окраины.

Кстати, и при существовавших условиях Российско-Американская компания приносила прибыль. Так, «с 1822 по 1860 год в казну от Компании поступили 6 508 891 рубль 46 копеек различных сборов. А акционеры получили 4 500 556 рублей 85 копеек дивидендов. Капитал же Компании оценивался в 3 721 400 рублей при годовом доходе в 148 856 рублей серебром»[52].

С начала 60-х годов XIX века в Тихом океане уже постоянно находится мощная эскадра русских паровых кораблей. Русские адмиралы лихорадочно ищут базы в Тихом океане[53]. И тут следует… продажа Аляски.

Более абсурдного решения представить себе невозможно. Что же произошло?

К несчастью для России, тут сошлись интересы двух ключевых фигур империи – великого князя Константина Николаевича и князя Горчакова.

Горчаков до самой смерти панически боялся Англии. Он так и не понял, что наступил век железной брони, нарезных пушек и крейсеров, а главное, сильных правителей, которых меньше всего интересовали какие-то договора.

Горчаков был против любых акций России – посылки эскадр к берегам Америки в 1863 г., продвижения в Средней Азии и т. д. Русская Америка мешала престарелому канцлеру в его химерах дипломатических игр.

Великому князю Константину Николаевичу крайне нужны были огромные средства на внутренние преобразования в империи и на строительство флота, а Российско-Американская компания в 50—60-х годах XIX века, по его мнению, приносила лишь убыток. Пусть убыток этот был невелик, но он покрывался за счет Морского ведомства. Кроме того, властный Константин считал, что все военные суда должны быть в его подчинении. А тут Российско-Американская компания с солидным флотом из десятков парусных и паровых судов. В свое время Герман Геринг заявил: «Все, что летает – мое». Не знаю, говорил ли Константин: «Все, что плавает – мое», но, во всяком случае, он так думал. Его просто раздражали вооруженные пушками пароходы компании.

Тут следует заметить, что и в целом освоение Дальнего Востока в конце XIX – начале XX века было для империи убыточным делом. Те же суда Добровольного флота, курсировавшие с Балтийского и

Черного морей на Дальний Восток, а также Транссибирская магистраль были убыточны и требовали дотации государства. Так что же, России надо было уйти за Уральский хребет?

В итоге великий князь Константин весной 1857 г., отдыхая в Ницце, написал Горчакову письмо с предложением продать Русскую Америку: «Продажа эта была бы весьма своевременна»[54].

Горчаков радостно поддержал план генерал-адмирала. К 29 апреля (11 мая) 1857 г. он подготовил для высочайшего доклада записку «Об уступке Соединенным Штатам наших владений в Северной Америке» с грифом «Весьма секретно». Записка начиналась так: «Министерство иностранных дел вполне разделяет мысль его императорского высочества великого князя Константина Николаевича относительно уступки наших владений…»

В результате сговора двух ключевых фигур империи, имевших почти неограниченное влияние на Александра II, русское правительство заключило 30 марта 1867 г. договор с США о продаже Русской Америки за 7 млн 200 тыс. долларов. Причем сделано это было в секретном порядке втайне от народа.

В числе уступленных по договору Россией Соединенным Штатам территорий на Североамериканском континенте и в Тихом океане были: весь полуостров Аляска (по линии, проходящей по меридиану 141° з. д.), береговая полоса шириной в 10 миль южнее Аляски вдоль западного берега Британской Колумбии; Александра архипелаг; Алеутские острова с островом Атту; острова Ближние, Крысьи, Лисьи, Андреяновские, Шумагина, Тринити, Умнак, Унимак, Кадьяк, Чирикова, Афогнак и другие более мелкие острова; острова в Беринговом море: Св. Лаврентия, Св. Матвея, Нунивак и острова Прибылова – Сен-Пол и Сен-Джордж. Общий размер уступаемой Россией сухопутной территории составлял 1 519 тысяч кв. км. Вместе с территорией Соединенным Штатам передавалось все недвижимое имущество, все колониальные архивы, официальные и исторические документы, относящиеся к передаваемым территориям.

При ликвидации дел Российско-Американской компании в 1868 г. часть русских была вывезена с Аляски на родину. Другая же часть – около 200 человек – оставлена была в Ново-Архангельске из-за нехватки судов.

Позднее оставшиеся на Аляске русские подданные неоднократно обращались с прошениями к представителям русского правительства в Америке с просьбой помочь им в переселении на азиатский берег России, но безрезультатно. Последнее из известных прошений было послано в 1874 г. за подписями 123 человек «русских и креолов, оставшихся в Ситхе, по неимению случая выехать в Россию». К сожалению, обнаружить документы, проясняющие дальнейшую судьбу этих людей, не удалось. Скорее всего, они так и не добрались до родных берегов.

Говорить о тех барышах, которые получили янки на Аляске от добычи пушного зверя, разработки месторождений золота, а в XX веке и от огромных нефтяных залежей, видимо, не стоит. Это общеизвестно.

Менее известно то, что через двадцать лет после продажи Аляски отношения России и США существенно ухудшились.

Раздел III. Царство Польское

Глава 1. Как гонористое панство допекло соседей, и что из этого вышло

Историю Польши с 1764 г. по 1945 г. польские, да и подавляющее большинство западноевропейских историков представляют как время страшных страданий польского народа, ставшего жертвой соседних держав, из которых наиболее агрессивной была Россия. Замечу, что с 1989 г. эту точку зрения разделяют и отечественные либералы. Но еще Вольтер сказал, что если вырывать из контекста куски библии, то ее можно обратить против Бога. Эта фраза прекрасно подходит к истории взаимоотношений как отдельных государств, так и народов. Вот тенденциозный историк показывает нам человека, которого полиция заковала в наручники и грубо швыряет в «воронок». Нам его жалко, но лишь до тех пор, пока мы не узнаем, как он убивал и насиловал.

Историю русско-польских отношений я начну с цитаты из окончания своей книги «Русь и Литва»: «Так закончился XVI век. Польша и Литва вступили при Сигизмунде III в новую эпоху. Сигизмунд

ухитрился насмерть поссориться со шведами, а через несколько лет он на много столетий, если не навсегда, поссорит поляков с Россией.

Внутри страны король объявил войну православной церкви и казакам. Если раньше между русскими, литовцами и ляхами шли споры за различные привилегии, то теперь вопрос стоял по-другому – быть или не быть православной вере, русскому языку и вообще русским людям. У них оставалось три выхода: погибнуть, ополячиться или сломить шею Речи Посполитой.

Обратим внимание на герб Речи Посполитой в царствование Сигизмунда III.

По краям он обрамлен гербами земель, входивших в состав Речи Посполитой. Среди них Великая Польша, Малая Польша, Литва. Но это понятно. Но затем идут Швеция, Россия, причем не кусками, а целиком, Померания, Пруссия, Молдавия, Валахия и т. д.»[55].

И тут дело не в амбициозном и драчливом короле. Эти претензии станут кредо польского правящего класса вплоть до середины XX века.

И в 30-х годах XX века министры правительства Пилсудского неоднократно заявляли, что Балтийское море должно стать Польским морем. К 1938 г. Польша была единственным в Европе государством, которое имело территориальные претензии ко всем без исключения соседним государствам: Германии, вольном городу Данцигу, буржуазной Литве, СССР и Чехословакии.

Соседи Речи Посполитой были беззащитны перед ее агрессией. И дело не в силе ее армии или способностях польских полководцев. Одного агрессора можно умиротворить, отдав ему часть территории, выплачивая дань и т. д. Другому можно накостылять, в крайнем случае для острастки сжечь его столицу и десяток-другой городов и заставить подписать справедливый мир. С Польшей же это все не проходило.

Вот, к примеру, Россия и Речь Посполитая 6 (15) января 1582 г. у местечка Запольный Ям после долгой войны подписали мирный договор. После этого несколько раз происходило подтверждение этого договора, небольшие уточнения и изменения. И лишь в сентябре 1609 г. польский король Сигизмунд III нарушил мир и двинул коронные войска к Смоленску.

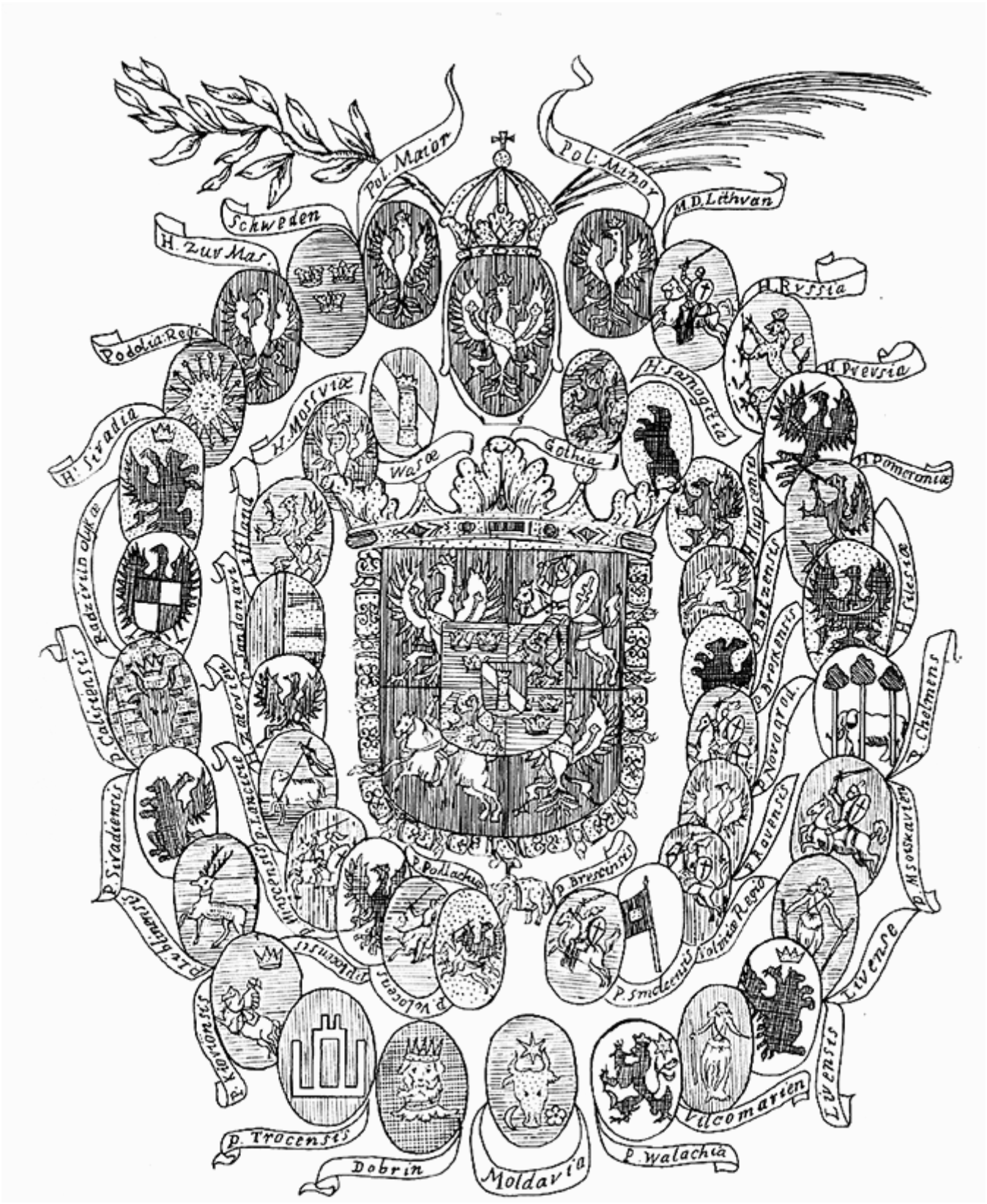
Тут возникает резонный вопрос, а почему уже 5 лет многие десятки тысяч польских панов и малороссийских казаков – подданных его величества Сигизмунда III, вели кровавую войну на Руси?

К сентябрю 1609 г. подданные Речи Посполитой убили сотни тысяч русских людей, из которых подавляющее большинство были мирными жителями, сожгли и разорили десятки городов на большей части Европейской России, и, в свою очередь, десятки тысяч пришельцев сложили буйные головы в «варварской Московии». А между тем эти пять лет король считал себя в мире с московитами. Что же произошло?

Да просто несколько магнатов во главе с Юрием Мнишеком пожелали посадить на московский престол самозванца – беглого монаха Григория, в миру Юшку Отрепьева. Сказано – сделано. Паны несколько месяцев собирали в Речи Посполитой многотысячную армию и в конце 1604 г. форсировали Днепр (русско-польскую границу) севернее Киева и двинулись к русскому городу Чернигову.

А как к этому отнесся его величество Сигизмунд III? Да никак! Ну, шалят паны, а вмешиваться в их личные дела вовсе не королевское дело. Еще в XVI веке в Речи Посполитой было официально закреплено право панов собирать конфедерации и вести с королем войну («рокош»).

Так что поход польских панов с Отрепьевым в Россию, окончившийся захватом Москвы в мае 1605 г., был лишь блестящим успехом частных армий польских магнатов, а не каким-то из ряда вон выходящим событием в политическом и юридическом отношении.

Герб Речи Посполитой в царствование Сигизмунда III

Так, только узкие специалисты-историки знают, что в 1590 г. семейство панов Вишневецких захватило, вопреки договорам короля с царем, довольно большие территории вдоль обоих берегов реки Суллы в Заднепровье. Князь Адам Вишневецкий плевать хотел и на Краков, и на Москву, а 13 лет вел «частную» войну с русскими воеводами. В конце концов Борис Годунов в 1603 г. приказал сжечь спорные городки, а жителей их эвакуировать в глубь России.

В 1605 г. часть панов захватила Москву, а часть, остававшаяся в Польше, учинила рокош и пару лет воевала с королем Сигизмундом. Что поделаешь – «Польша сильна раздорами!»

Как-то на теледебатах вальяжный либеральный профессор воскликнул:

«Но ведь в Северную войну Россия и Польша были союзницами!» Он умный, все знает, а я, грешный, ответить на сей вопрос однозначно не могу. Действительно, польский король Август II Сильный объявил войну Карлу XII. Однако Польский сейм решил, что Речь Посполитая будет держать нейтралитет в Северной войне. Август сильный может воевать со шведами только в качестве саксонского курфюрста и силами саксонской армии. Об этом глава польской католической церкви примас Радзеевский уведомил письмом короля Карла XII.

Читателю, мало знакомому с историей Польши, ситуация покажется бредовой: король Польши воюет со Швецией, через Польшу идут саксонские войска в Лифляндию, Речь Посполитая является тылом армии Августа, а примас и сенат считают страну нейтральной и шлют шведскому королю уверения в любви и дружбе. Увы, повторяю, подобная ситуация была типична для Речи Посполитой XVII–XVIII веков.

Что же касается поляков, то у них шла своя война. Воевода Григорий Огинский поссорился с великим литовским гетманом Сапегой. По сему поводу витебский Каштелян Коцел образовал конфедерацию, которая объявила войну Сапеге. У панов – свои разборки, а тут король некстати полез со шведской войной.

Карл XII весной 1702 г. вторгся в собственно Речь Посполитую. В мае 1702 г. шведы без боя заняли Варшаву. По указанию шведского короля радные паны избрали нового короля – Станислава Лещинского.

Ну а само панство решало, за кого воевать – за короля Августа и русских против шведов или с королем Стасем и Карлом XII против русских. Ну а может паны плевать хотели на обоих королей и занимались междоусобицами – у кого побольше земель оттяпать или хлопов.

Где могло быть еще подобное в течение почти пяти веков? Только в Польше.

В Речи Посполитой королевская власть была выборной, а не передавалась по наследству, как в других монархиях. Но польские паны предпочитали избирательным бюллетеням сабли. Начиная с XVI века на очередные выборы короля с севера, запада и с юга в Польшу устремлялись стройные колонны «избирателей» с пушками и мушкетами. В начале XVIII русские монархи решили, что они ничем не хуже шведов, саксонцев, пруссаков, французов и прочих, и стали тоже направлять свой «электорат» в Польшу для поддержки нужного кандидата на престол.

Да что выборы короля! Польские паны и в личной жизни жили не по законам, а по понятиям. Сильный пан мог отнять у более слабого соседа землю, хлопов, любимую женщину и при этом он плевать хотел на королевскую власть. Вспомним, что поводом к восстанию Богдана Хмельницкого в 1648 г. стало нападение шляхтича Чаплинского на хутор сотника Хмельницкого. Чаплинский умыкнул любовницу Богдана и несколько копен сена. Богдан поехал жаловаться королю Владиславу. Тот немного посочувствовал, а затем спросил, зачем чигиринский сотник носит саблю? Богдан все понял, отправился к запорожцам, и пошло-поехало…

Крупные магнаты прекрасно знали французский язык и литературу, их жены и дочери одевались по последней парижской моде, но это не мешало «его светлости» по своей прихоти устроить виновному или невинному человеку квалифицированную казнь, от которой содрогнулись бы и отцы-инквизиторы, и Малюта Скуратов. Замечу, что в России в царствование Елизаветы Петровны не было приведено в исполнение ни одного смертного приговора.

В 70-х годах XVIII века литовский магнат князь Карл Радзивилл спьяну приказал своим мастерам отчеканить несколько сот червонцев. Внешне они походили на обычные монеты. Но под гордым профилем короля красовалась надпись: «Король Понятовский, дурак по Божьей милости» (Krol Poniatowski, kiep z laski Bozej). Затем червонцы были пущены в оборот. Как король наказал магната? Да никак! У короля Стася не было ни права, ни силы что-либо сделать.

Роль сеймов в управлении страной тоже была невелика. Во-первых, не было сильной исполнительной власти, способной реализовывать решения сеймов. Во-вторых, принцип единогласия при принятии решений – liberum veto – приводил к блокированию большинства предложений и прекращению деятельности сеймов.

Так, с 1652 по 1764 год из 55 сеймов было сорвано 48, причем одна треть из них – голосом всего одного депутата.

К 1764 г. этнические поляки составляли меньшинство населения в Речи Посполитой. Однако представители большинства – русские, малороссы, немцы, евреи и др. – не допускались в местные органы власти. Единство страны сильно подрывало фанатичное католическое духовенство, требовавшее все новых ограничений в правах православных и протестантов.

В начале XVIII века резко ослабла военная мощь Польши по сравнению с Россией и германскими государствами. Существенно возросли эффективность ружейного и артиллерийского огня, коренным образом изменив тактику боя. Решающую роль в сражении стала играть пехота, оснащенная ружьями со штыками, и полевая артиллерия. Польская конница, несмотря на отличную индивидуальную подготовку каждого кавалериста, его храбрость и лихость, оказалась неспособной противодействовать регулярным войскам Пруссии и России.

Политическая и военная слабость Речи Посполитой привела к тому, что ее территория в XVIII веке стала буквально «проходным двором» для армий соседних государств. Я уж не говорю, что в течение двадцати лет Северной войны на территории Польши действовали армии России и Швеции. В ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. русские, турецкие и татарские войска воевали в южных районах Речи Посполитой, а в ходе Семилетней войны с 1757 по 1761 г. русские и прусские войска действовали в северной Польше. В промежутках же между войнами крымские татары регулярно проходили по территории южной Польши и зачастую оттуда переходили на русскую территорию.

Надо ли говорить, что не только в XVIII веке, но и в XXI веке ни одно государство не захочет терпеть такого соседа и будет пытаться как-то изменить ситуацию.

Результатом всего вышесказанного стали три раздела Речи Посполитой: в 1772-м, 1793-м и 1795 годах. Австрия, Пруссия и Россия были просто вынуждены прекратить в 1795 г. само существование Речи Посполитой. Последний ее король Станислав Понятовский был низложен и отправлен в почетную ссылку в Гродно. Его давнишняя любовница выделила ему из российской казны пенсию в 200 тысяч червонцев в год. Пожив несколько лет в Гродно, экс-король перебрался в Петербург, где и умер в феврале 1798 г.

Сразу поставлю точки над «i» – в ходе трех разделов Речи Посполитой Екатерина II не взяла ни одного квадратного метра чужой земли, за исключением небольшой территории, где в X веке проживали этнические литовцы. Все остальные земли входили ранее в состав Древнерусского государства и были населены русскими православными людьми. В XIV веке эти земли вошли в состав Великого княжества Литовского. Однако никаких литовцев, за исключением князей Гедеминовичей, в жилах которых было больше русской крови, чем литовской, там не было. Как образно говорили историки XIX века: «Победила не Литва, а ее название».

Сами литовцы были диким народом, не имевшим собственной письменности до XVI века. Литовцы были последним народом в Европе, перешедшим из язычества в христианство (окончательно в начале XVI века). Но тут речь идет исключительно о небольшом районе, заселенном этническими литовцами. Во всем же Великом княжестве Литовском государственным языком был русский, вся документация писалась на русском языке. Подавляющее большинство жителей Великого княжества Литовского исповедовали православие.

Однако после Люблинской унии 1569 года, объединившей Польшу и Великое княжество Литовское, начинается полонизация Малой и Белой Руси. В первой половине XVII века панам и ксендзам удалось полностью полонизировать русское дворянство на всей территории Великого княжества Литовского и значительную часть горожан. Они перешли в католичество и забыли русский язык, перейдя на польский. Однако местное население оставалось верно православию и русскому языку. Правда, из-за полного отсутствия связей с Россией язык белорусов и малороссов стал отличаться от языка империи (местные анахронизмы, а главное, масса полонизмов).

Таким образом, Екатерина спасла простых жителей Малой и Белой Руси от полной полонизации, как это случилось с их дворянством.

В ходе разделов Речи Посполитой королевство Пруссия получило Западную и Южную Пруссию, а также значительную часть Речи Посполитой вместе с ее бывшей столицей Варшавой.

Австрия получила Галицию и Лодомерию, коренным населением которых были русины – бывшие русские люди, жившие в Древнерусском государстве в IX–XIII веках, а в XIII–XIV веках – в королевстве Даниила Галицкого.

Таким образом, несмотря на приобретения Екатерины Великой, за пределами Российской империи остались русские земли – Галиция и Лодомерия, а также Закарпатская область со столицей Ужгород, которая еще ранее входила в состав Австрийской империи.

14 июня 1807 г. русская армия была разбита Наполеоном при Фридланде, и император Александр I был вынужден вступить в переговоры с Наполеоном.

25 июня (7 июля) в Тильзите (ныне город Советск Калининградской области) был заключен «Русско-французский договор о мире и дружбе». Согласно этому договору, между двумя странами устанавливались мир и дружба, военные действия прекращались немедленно на суше и на море.

Наполеон из уважения к России возвращал ее союзнику, прусскому королю, завоеванные им прусские территории, за исключением тех частей Польши, которые были присоединены к Пруссии после 1772 г. по первому разделу Польши, и тех районов на границе Пруссии и Саксонии (округ Котбус в Лаузице – Лужицкой Сербии), которые отходили к Саксонии.

Из польских округов Пруссии создавалось герцогство Варшавское, которое теперь будет принадлежать королю Саксонии. Восстанавливался свободный город Данциг под двойным управлением – Пруссии и Саксонии.

Россия получала Белостокскую область, ранее принадлежавшую Пруссии.

Герцогство занимало площадь в 1850 кв. миль. Наполеон разделил его на шесть департаментов: «Бугдощь, Познань, Калиш, Варшава, Плоцк и Ломжа. Население составляло 2 319 360 жителей – сплошь поляков, за исключением евреев и незначительного числа немцев»

В 1807 г. Наполеон присваивает титул короля Саксонии саксонскому курфюрсту Фридриху Августу III и одновременно назначает его великим герцогом Варшавским. Поляков император спросить так и не удосужился, но они и без того были в восторге. Во-первых, шляхта была рада хоть какому-то польскому государственному образованию, во-вторых, именно представители династии саксонских курфюрстов должны быть польскими королями по проекту конституции от 3 мая 1781 г., и, в-третьих, курфюрст Фридрих Август III был внуком курфюрста Саксонии Фридриха Августа II, который по совместительству был и предпоследним польским королем Августом III. Вдобавок Фридрих Август бегло говорил по-польски. Замечу, что Саксонское королевство было подчинено Наполеону и непосредственно, и через Рейнский союз.

Как великий герцог Варшавский Фридрих Август II получил имя Августа III? В 1807 г. в Варшаве был опубликован Конституционный статус герцогства, написанный тем же Наполеоном. Согласно статусу, все исповедания объявлялись свободными.

По приказу Наполеона в 1811 г. в Герцогстве Варшавском было сформировано еще 14 тысяч запасных войск, в числе которых было семнадцать батальонов (по одному на пехотный полк), шестнадцать эскадронов (по одному на кавалерийский полк) и батальон артиллерии. Затем была создана милиция численностью 18 тысяч человек, и к началу войны 1812 года Наполеон располагал 85 тысячами польских войск (по другим сведениям, 100 тысячами).

Польское панство давно мечтало о войне с Россией и было несказанно радо походу Великой армии на Россию.

После начала вторжения Наполеон призвал поляков, живших на территории Российской империи, вступать в его армию. В июле 1812 г. он приказал сформировать в Литве национальную гвардию, жандармов, гвардейский уланский полк, четыре пехотных и пять кавалерийских полков. В общем в армии Наполеона собралось не менее 120 тысяч поляков.

Поляки вместе с Наполеоном дошли до Москвы, но на обратном пути полегла большая часть панства.

После отречения Наполеона 18 (30) мая 1814 г. в Париже был подписан мирный договор, по которому Франция возвращалась к границам на 1 января 1792 г. с небольшим приращением, династия Бурбонов восстанавливалась на престоле и т. д. Однако окончательный раздел Европы союзники решили провести на конгрессе в Вене, который был открыт 1 ноября 1814 г.

На Венском конгрессе было решено, что все союзники – Англия, Австрия и Пруссия – получат большие приращения в Европе, а Англия – еще и в колониях, а вот Россия, которая-то и вынесла основную тяжесть войны с Наполеоном, останется ни с чем. Австрия и особенно Англия были категорически против передачи России района Варшавы, а Пруссия – части Саксонии. Спору нет, Александр I требовал земли, которые никогда не принадлежали Русскому государству и были заселены этническими поляками.

Но ведь и оппоненты предлагали не независимость этим районам, а их присоединение к Австрии. Почему же Россия должна была отдавать плацдарм, с которого началось вторжение в 1812 г.?

Сравним, к примеру, Варшавскую область и Мальту. Англия не имела никаких прав на Мальту, и с Мальты никак нельзя было угрожать Британским островам. Единственным аргументом «за» было наличие британских солдат на острове[56]. Так в 1814 г. русские войска были в Париже! Почему бы не восстановить независимость Мальты, которая была там несколько столетий, или, на худой конец, не передать остров королевству обеих Сицилий, которое находилось всего в 90 верстах от Мальты? Но, увы, на Венском конгрессе господствовал двойной стандарт: один – для просвещенной Англии, и совсем другой – для русских варваров.

Тем не менее и такой вариант не устраивал бывших союзников России. 3 января 1815 г. Англия, Австрия и Людовик XVIII, привезенный в Париж в обозе интервентов, заключили военный союз против России и Пруссии.

От новой войны Россию спас «враг рода человеческого». Он бежал с Эльбы и высадился во Франции с одним батальоном солдат.

Людовик XVIII драпанул так быстро, что забыл на туалетном столике оригинал секретного договора от 3 января 1815 г. Наполеон переслал этот договор Александру I. Тот показал договор австрийскому канцлеру Меттерниху и демонстративно бросил его в камин.

18 июня 1815 г. войска Наполеона были разбиты англо-прусскими силами Веллингтона и Блюхера. Через три десятка лет молодой Герцен, рассматривая картину, запечатлевшую встречу и взаимные поздравления Веллингтона и Блюхера ночью на поле битвы у Ватерлоу, сказал: «Как им не радоваться. Они только что своротили историю с большой дороги по ступицу в грязь, и в такую грязь, из которой ее в полвека не вытащат…»

Наполеон напугал союзников, и 21 апреля (3 мая) 1815 г. в Вене были подписаны русско-прусский и русско-австрийский договоры о разделе Герцогства Варшавского. (Многие историки называют эти договоры четвертым разделом Польши.) В итоге Россия уступила Австрии четыре уезда Восточной Галиции: Злочувский, Бржезанский, Тарнопольский и Залешчикский. К Австрии отошел весь Величковский соляной бассейн (включая его подземную часть, заходящую на территорию Российской империи). А король саксонский Фридрих-Август I уступил России большую часть Герцогства Варшавского.

В ноябре 1815 г. Александр I подписал конституцию образованного в составе Российской империи Царства Польского. Высшую законодательную власть осуществляли сейм, собиравшийся раз в два года, и Государственный совет, действовавший постоянно. Русский император, который одновременно был и польским королем, имел право наложить вето на любое решение сейма. Император назначал в Варшаве наместника либо из лиц царской фамилии, либо кого-то из поляков. Конституция вернула многие польские исторические традиции: деление на воеводства, коллегиальность министерств (их функции выполняли правительственные комиссии) и воеводских властей. Согласно конституции, формировалось польское войско, административное и судебное делопроизводство должно было осуществляться на польском языке. Провозглашались неприкосновенность личности, свобода слова и печати. Военную службу следовало отбывать в пределах Царства Польского, то же положение распространялось и на тюремное заключение.

Некоторые авторы козыряют тем, что в Царстве Польском правом голоса обладали около ста тысяч человек, то есть больше, чем было избирателей во Франции времен Реставрации. На самом деле это связано не с демократичностью царя, а с большим процентом дворян в Польше, чем во Франции. Таким образом, даже голодный шляхтич был избирателем, а богатый крестьянин – нет.

Тем не менее на 1816 год польскую конституцию можно считать самой либеральной в Европе, после британской. Русское либеральное офицерство и дворянство тщетно надеялось на введение аналогичной конституции в остальных частях империи.

11 апреля 1814 г., сразу после первого отречения Наполеона, Александр I разрешил всем польским войскам вернуться на родину вместе с войсковым имуществом.

Любопытно, что в 1815–1831 гг. польская армия финансировалась за счет военного бюджета империи, и только после угрозы Александра I лишить Царство Польское финансовой автономии поляки сами стали содержать свою армию.

Кодекс Наполеона, введенный в Герцогстве Варшавском, продолжал действовать и в Царстве Польском. Царское правительство вместе с католической церковью и консервативными польскими аристократами несколько раз пытались изменить кодекс в части брачных отношений и т. д., но каждый раз сейм отклонял эти изменения.

В области экономики Царство Польское было фактически независимо от России. Еще в 1816–1819 гг. имел место свободный обмен товарами, но в 1822 г. была установлена таможенная граница. Другой вопрос, что пошлины на русско-польской границе были ниже, чем на границах с Австрией и Пруссией.

19 ноября (1 декабря) 1815 г. Александр I издал указ о монетной системе в Царстве Польском. Указ сохранял существовавшую в Польше основную денежную единицу – злотый, а также основные принципы польской денежной системы. Вместе с тем он связал монетную систему Царства Польского с монетной системой империи, установив постоянный курс злотого к рублю: польский злотый составлял 15 копеек серебром.

Промышленность в Царстве Польском процветала. Интенсивно шла урбанизация, укрепление финансовой системы, строительство дорог. Население Царства Польского с 1815 г. по 1830 г. возросло с 2,7 млн до 4 млн человек, а население Варшавы —

с 80 тыс. до 150 тыс. человек.

А между тем та же Смоленская губерния до конца царствования Александра I лежала в руинах, Москву же удалось восстановить только к 1830-м годам.

Константин выучил польский язык, хотя нужды особой в этом не было – языком повседневного общения в Царстве Польском был французский. Польским офицерам он говорил: «Я более поляк, чем все вы. Я женат на польке. Я так долго говорил на вашем языке, что с трудом изъясняюсь теперь по-русски»[57].

Тем не менее один из деятелей восстания 1830 года А. Млоцкий считал, что Константин представлял собой «тип настоящего монгола»[58].

Между прочим, Константин Павлович на 94 % был чистокровный немец. Ну, правили Речью Посполитой почти сто лет саксонские курфюрсты, не знавшие польского языка, и никто их в «монголы» не записывал. И такие речи не исключение, а норма для панов. Та же пани Кицкая называет начальника штаба русской армии полковника Муханова «типичный москаль татарского происхождения, с острыми скулами лица и хитростью дикого сына пустыни»[59].

Польские историки, вовсю обличающие «четвертый раздел Польши», не могут привести пример столь спокойного существования Польши за 15 лет, как в 1815–1830 гг. Без рокошей, конфедераций, вторжений иностранных войск, «междусобойчиков» магнатов с применением артиллерии и т. п., не проходило ни одного десятилетия с 1700 г. Риторический вопрос, жилось ли в 1815–1830 гг. этническим полякам в Пруссии и Австрии лучше, чем в Царстве Польском?

Но беспокойные паны над столь глупыми вопросами не задумывались, а продолжали болтать о великой отчизне «от можа до можа». Появились и тайные общества. Наиболее известными были Общества филоматов и филаретов в Виленском университете (1817 год), членом одного из которых являлся польский поэт Адам Мицкевич. В 1821 г. среди офицеров возникает Патриотическое общество, ставившее своей задачей борьбу за восстановление независимой Польши на основе Конституции 3 мая 1791 г. В 1829 г. в Варшаве возникает тайное офицерское общество «Заговор подхорунжих». Что поделаешь, в Европе мода была такая: в Италии – карбонарии, в России – декабристы, во Франции – бонапартисты и т. д.

1830 год ознаменовался революционными выступлениями по всей Европе. 27 июля восстал Париж. Два дня баррикадных боев, и над королевским дворцом был поднят трехцветный флаг революции 1789 г. 2 августа король Карл X отрекся от престола и бежал в Англию. Началась революция в Бельгии, поднялись волнения в германских государствах, активизировались карбонарии в Италии.

Польские заговорщики решили, что их час настал. Подавляющее большинство панов и часть мещан были настроены революционно. Но вот определенных планов ни у кого не было. Одни требовали строго соблюдения царем конституции 1815 г., другие – независимости Польши в полном объеме. Тут

возник вопрос о границах новой Польши, и началась полная бестолковщина. Несколько упрощая ситуацию, можно сравнить панов-заговорщиков с Василием Алибабаевичем из кинофильма «Джентльмены удачи»: «А ты зачем побежал? – Все бежали, и я побежал».

Поводом к восстанию стало распоряжение Николая I о подготовке сбора денежных средств и размещении на постой русских

войск, намеченных для прохода через Польшу с целью подавления революции в Бельгии.

В ночь с 17 на 18 (29 на 30) ноября 1830 года часть польских войск подняла мятеж. Повстанцы захватили арсенал и дворец Бельведер, где проживал Константин Павлович. Тем не менее великий князь сумел бежать из Варшавы. Замечу, что несколько десятков польских генералов и старших офицеров отказались от участия в бунте и были перебиты заговорщиками. Позже по приказу Николая I в Варшаве на Саксонской площади убитым польским военачальникам будет поставлен большой обелиск с восемью львами, сидящими у его подножия.

Русский гарнизон Варшавы состоял из двух гвардейских пехотных полков, трех гвардейских кавалерийских полков и двух батальонов гвардейской артиллерии, всего менее 7 тыс. человек. Из-за бездарности и либерализма великого князя Константина русский гарнизон не оказал должного сопротивления полякам и днем 18 ноября покинул Варшаву.

Великий князь Константин заявил: «Всякая пролитая капля крови только испортит дело» и отпустил верные ему польские части, находившиеся в Варшаве, на соединение с мятежниками. Крепости Модлин и Замостье были переданы полякам, и великий князь с русскими войсками бежал в русские пределы.

В Варшаве образовалось временное правительство во главе с генералом Ю. Хлопицким.

10 декабря 1830 года (новый стиль) самозваный «диктатор» отправил Николаю I условия мира, в случае принятия которых Царство Польское осталось бы под властью царя. Документ буквально потрясающий:

«1. Свободное и полное действие в Королевстве Польском Конституционной хартии, дарованной в 1815 году Его Величеством императором Александром I на основе трактатов.

2. Распространение на основании этих трактатов той же Конституционной хартии на Литву, Волынь, Подолию и Украину.

3. Созыв 1 мая 1831 года генерального сейма, в котором примут участие послы и депутаты не только Королевства Польского, но и вышеназванных провинций.

4. Обязательство императорской армии не вторгаться на территорию Королевства Польского.

5. Полная амнистия всем, кто участвовал в событиях и допускал те или иные высказывания»[60].

В популярном изложении это означало: мы, мол, согласны быть вашими верноподданными, но за это отдайте нам земли и побольше православных хлопов.

Николай ужаснулся подобной наглости, но предложил Хлопицкому решить дело миром, пообещав амнистию всем восставшим. Увы, вполне миролюбивое предложение царя встретило бурю возмущения в Царстве Польском.

В январе 1831 г. Хлопицкий ушел в отставку, а вместо него стал шестидесятилетний Адам-Ежи Чарторыский, тот самый, который был другом Алексан-

дра I и министром иностранных дел России с 1803 по 1807 год. Между прочим, этому Адаму было мало поста главы национального правительства и президента сената, он явно метил в короли. После поражения восстания Адам Чарторыский эмигрировал в Париж, где считался до самой своей смерти в 1861 г. первым кандидатом на польский трон.

21 января 1831 г. (н. с.) сейм официально низложил Николая I с польского престола. Сейм провозгласил лозунг «За вашу и нашу свободу!» как девиз солидарности польского и русского

революционного движения. Но позже сейм «наступил на грабли» – отклонил предложение об отмене крепостного права, чем лишил себя поддержки крестьянства.

А как реагировали в России на польское восстание? Давно пора покончить со сказками советской профессуры, что, мол, все «простые люди России поддерживали борьбу поляков против самодержавия».

Действительно, на сторону повстанцев перешли, по одним сведениям 49, а по другим – 27 офицеров, но все они были поляками.

«Любовь к Польше – неизбежность для русского интеллигента» – так писал в XX веке поэт Давид Самойлов. В том, был ли «русским интеллигентом» Давид Самуилович Кацман, живший и умерший в Эстонии, я спорить не буду.

Но если он прав, то можно ли считать интеллигентами Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Федора Достоевского, Федора Тютчева, Николая Некрасова, Петра Чаадаева, Константина Леонтьева, Василия Жуковского, Владимира Даля, Николая Лескова, Константина Аксакова, Алексея Хомякова, Вильгельма Кюхельбекера?

Цитировать «Клеветников России» или «Бородинскую годовщину» я не буду. Думаю, их наизусть должен знать каждый русский человек. Я говорю «русский» в широком смысле слова, то есть и татарин, и чуваш, и др.

Интересно, что наши мудрые пушкинисты утаили от народа, что поручик Пушкин в составе драгунского Финляндского полка усмирял в 1831 году буйных панов. Александр Сергеевич лично хлопотал, чтобы брата Льва зачислили в этот полк и в письме от 6 апреля 1831 года поэт наставлял братца, застрявшего в Чугуеве: «Ты мог уже быть на Висле. Немедленно поезжай в полк»[61].

За операции в Польше поручик Лев Пушкин был произведен в капитаны.

Поляков же поддержали Герцен и Огарев, кое-кто из декабристов, а из более-менее известных фигур – князь Вяземский.

Богатый русский барин Петр Андреевич в молодые годы любил фрондировать. В польских делах он мало что понимал, но зато обожал выступать в салонах. И по салонам разошлось мудрое княжеское высказывание: «Наши действия в Польше откинут нас на 50 лет от просвещения Европейского»[62].

Вяземский пишет письмо Пушкину, в котором ругает Жуковского: «Охота ему было писать шинельные стихи (стихотворцы, которые в Москве ходят в шинелях по домам с поздравительными обедами) и не совестно ли “Певцу во стане русских воинов” и “Певцу на Кремле” сравнивать нынешнее событие с Бородином? Там мы бились один против 10, а здесь, напротив, 10 против одного»[63]. Обличая Жуковского, он пытается оскорбить Пушкина. Однако, написав mot[64], Петр Андреевич задумался о вспыльчивости Александра Сергеевича, вызывавшего к барьеру за одно обидное слово, и решил письмо не отправлять.

Кстати, о Пушкине. 1 июня 1831 года он пишет из Царского Села в Москву Вяземскому: «Здешние залы очень замечательны. Свобода толков меня изумила. Дибича [командовавшего русскими войсками в Польше. – *А.Ш.*] критикуют явно и очень строго… Но все-таки их [поляков. – *А.Ш.*] надобно задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря»[65].

Сие писание дошло до Петра Андреевича, но он нисколько не возмутился. Мало того, случайно увидев во французском журнале статью о корректном поведении русских войск в Польше, князь побежал с ней к… шефу жандармов Бенкендорфу. И статью, и Петра Андреевича заметили. Вяземскому поручили перевести статью на русский язык для публикации, и в том же году «безработный» князь Вяземский был назначен «чиновником для особых поручений по министерству финансов».

Когда в 1848 г. паны вновь попытались побузить, Вяземский ответил стихотворением «Святая Русь»:

Безумствуя, вражда слепая

На бой нас вызвать ли дерзнет?

Подымется стена живая

И на противников падет.

Ну а в 1863 г. князь напишет в брошюре «La Question Polonaise et M. Pelletan» («Польский вопрос и г-н Пеллетан»): «Русское правительство заслуживает некоторого порицания за проявленные им вначале терпимость и непредусмотрительность: крутые меры, принятые вовремя, избавили бы от суровых мер, к которым силою обстоятельств вынуждены были прибегнуть позднее».

Короче, мало панов били!

Шансов победить русскую армию у поляков не было. Зачем же было бунтовать? Как всегда, паны надеялись на Европу также, как их деды на Карла XII, Луи XV, Луи XVI и Наполеона. Недаром в манифесте польского сейма от 6 декабря 1830 года говорилось: «…не допустить до Европы дикой орды Севера… Защитить права европейских народов».

Но в 1830–1831 гг. в Европе никто и пальцем не пошевелил, чтобы помочь панам. Наоборот, правительства Австрии и Пруссии закрыли свои границы, а их войска преследовали повстанцев, перешедших границу.

Одна из активных участниц восстания панна Кицкая позже написала в мемуарах: «Армия москалей растекалась по всей стране. Не очень уверенная в своей силе, потрепанная в сражениях, она усилилась за счет временного включения в свои ряды прусских офицеров и большого количества солдат прусско-познанского ополчения, переодетых в русские мундиры»[66]. Таким образом, монголообразных москалей не хватило, и подавили бедных ляхов пруссаки.

27 августа 1831 г. войска фельдмаршала И. Ф. Паскевича взяли Варшаву. В сентябре 20 тысяч поляков бежали в Пруссию, где были интернированы.

25 сентября (7 октября) сдался польский гарнизон крепости Модлин. Последней капитулировала крепость Замостье – 9 (21) октября 1831 г.

Так закончились боевые действия в Польше.

После подавления восстания Николай I кардинально изменил политику в отношении Царства Польского. В ноябре 1831 г. император Николай I учредил Временно правительство Польши во главе с И. Ф. Паскевичем. Русский император уничтожил польскую конституцию. В феврале 1832 г. был опубликован Органический статут, согласно которому Царство Польское объявлялось неотъемлемой частью Российской империи, а польская корона – наследственной в русском императорском доме: отдельной коронации императора теперь не требовалось. Управление Польшей возлагалось на Административный совет с наместником императора во главе. Сейм был упразднен. Польскую конституционную хартию Николай приказал хранить в Оружейной палате как историческую реликвию.

В конце 1831 г. вышел императорский указ, объявлявший амнистию участникам восстания 1830 г. Однако амнистия коснулась не всех. Так, не были амнистированы участники событий в Варшаве 29 ноября 1830 г., члены сейма, голосовавшие за детронизацию Николая I, члены «Народного правительства» и офицеры польских частей, бежавших за границу.

Обиженных беглых панов с удовольствием принимали во Франции, Италии и других странах Западной Европы. Но паны желали воевать с московитами немедля, а Европа не хотела. И тогда тысячи шляхтичей обратили взоры на Османскую империю, уже полтора столетия ведшую войны с Россией.

Но чтобы стать пашой, надо принять ислам. Плевать! И праведные католики становились в очередь делать обрезание.

Вот, к примеру, нынешние герои Польши Теофил Липинский и Иосиф Бем приняли ислам и стали, соответственно, Теффин-беем и Амурат Беком.

Любопытна история шляхтича Михаила Чайковского. Тот после восстания 1831 г. бежал в Турцию, принял ислам, стал Саддык-пашой, воевал с Россией в Крымскую войну. Позже решил стать атаманом некрасовцев-старообрядцев, убежавших из России при Петре I. Но казаки послали пана пашу куда

подальше. В 1872 г. Саддык-паша из ислама перешел в православие, был прощен Александром II и окончил свои дни в Киеве.

Продолжать подобные трагикомические истории можно бесконечно. Повторяю, панов, убивавших христиан вместе с басурманами, были многие тысячи. Вот, к примеру, в 1855 году русские взяли крепость Карс на забытой Богом северо-восточной окраине Оттоманской империи, и там, к их удивлению, тоже оказалось два десятка пашей – героев 1831 г.

Любопытно, что даже у известного турецкого поэта Назыма Хикмета был польский прадедушка Константин Боржецкий. Пан перешел в ислам и стал Мустафой Джелламеддин-пашой.

15 февраля 1851 г. вышло Высочайшее повеление о строительстве железнодорожной линии Петербург – Варшава. Трасса этой магистрали проходила через Гатчину, Лугу, Псков, Остров, Двинск, Вильно, Гродно, Белосток. Проектная протяженность составляла 1280 км. В 1859 г. поезда из Петербурга пошли в Псков, в 1860 г. —

в Динабург, а в 1862 г. – в Варшаву. В том же 1862 г. была введена в строй железнодорожная линия Вильно – пограничная станция Вержболово, где произошло соединение с прусской системой железных дорог.

К 1831 г. западные крепости России – Замостье, Модлин, Брест и другие – влачили жалкое существование. Восстание 1831 г. кардинально изменило взгляды Военного ведомства на крепостную оборону западных областей России. При этом имел место и субъективный фактор – император Николай I, будучи еще великим князем, ведал инженерными делами и крепостями. Николай I приказал построить три линии крепостей для защиты западной границы. В первую линию вошли крепости, расположенные в Царстве Польском: Модлин, Варшава, Ивангород и Замостье.

Система русских крепостей непрерывно совершенствовалась с 1830 по 1894 год.

На Западе довольно высоко оценивали состояние инженерной обороны русской границы. Основываясь на данных немецких специалистов, Фридрих Энгельс писал: «Русские, в особенности после 1831 г., сделали то, что упустили сделать их предшественники. Модлин (Новогеоргиевск), Варшава, Ивангород, Брест-Литовск образуют целую систему крепостей, которая, по сочетанию своих стратегических возможностей, является единственной в мире».

По мнению автора, тут классику можно верить: во-первых, он хорошо разбирался в военном деле, а, во-вторых, очень ненавидел царскую Россию, и обвинить его в приукрашивании трудно.

В 1837 г. в русской Польше воеводства были переименованы в губернии, воеводские комиссии стали называться губернскими правлениями, а их председатели – гражданскими губернаторами. Вообще, местные власти получили русские названия, чем выражалась их зависимость от центральных органов империи. Чтобы стереть все признаки обособленности царства, в 1851 г. была уничтожена таможенная граница, отделявшая его от Российской империи.

В 1846 г. Николай I издал указ, запрещавший панам выселять крестьян-земледельцев и уменьшать их поля, отменявший барщину (помочи) и принудительный наем. Император обещал также помощь при заключении оброчных (чиншевых) договоров.

Несмотря на русофобию панства, Николай I, а затем Александр II широко открыли двери для поляков, желавших сделать карьеру внутри России. Так, в середине 1850-х годов доля поляков среди петербургского чиновничества составляла 6 %. Еще больше поляков служило в русской армии. К 1862 г. в армии служило православных – 69,37 %, католиков – 20,06 % и протестантов —

9,33 %. Статистика по национальностям в нашей армии не велась, но католики были почти исключительно поляки, а протестанты – немцы. Таким образом, каждый пятый офицер императорской армии был поляком, хотя поляки не составляли и 6 % населения России.

В 1861–1863 гг. в Польше произошло новое восстание. На сей раз повстанцам не удалось захватить не только Варшаву, но и ни одного крупного города. В отличие от кампании 1831 г. больших сражений в 1863 г. не было, и действия русских сил свелись к преследованию отдельных отрядов повстанцев.

Наряду с военными мерами русское правительство действовало и политическими методами. Объективно говоря, в ходе восстания 1863 г. в роли революционеров выступили не паны и ксендзы, а Александр II и его сановники. Так, 1 марта 1863 г. Александр II объявил указ Сенату, которым в губерниях Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и в четырех уездах губернии Витебской прекращались обязательные отношения крестьян к землевладельцам и начинался немедленный выкуп их угодий при содействии правительства. Вскоре это распространилось и на другие уезды Витебской губернии, а также на губернии Могилевскую, Киевскую, Волынскую и Подольскую. Таким образом, царь резко ускорил ход реформ в губерниях, охваченных восстанием. Подавляющее большинство польских крестьян оставались в стороне от восстания, а многие помогали русским войскам.

Повстанцы отбирали у польского населения под «квитанцию» лошадей, подводы, одежду и продовольствие. Деньги приобретались сбором податей за два года вперед, вымогательством у состоятельных лиц, грабежом касс и другими подобными способами. Сначала повстанцы набрали 400 тысяч злотых (1 злот = 15 коп.), потом, в июне 1863 г. в Варшаве из главной кассы Царства было похищено три миллиона рублей, и в других местах еще около миллиона.

По данным историка А. А. Керсновского, в 1859–1863 гг. повстанцы убили около 5 тысяч мирных жителей, в подавляющем большинстве этнических поляков[67].

29 марта 1864 г. полиции удалось арестовать весь «ржонд народовый» с его председателем Траунутом (бывшим русским подполковником). Официально признано считать военные действия оконченными 1 мая 1864 г.

В ходе боев русские войска потеряли около 4500 человек, из них собственно в Польше 3343 человека (826 убито, 2169 ранено, 348 пропало без вести). Потери польских повстанцев русские генералы оценивали в 30 тысяч человек. Сотни поляков были приговорены военно-полевым судом к смерти, тысячи – сосланы в отдаленные губернии Российской империи. Среди последних был и мой прадед – дворянин Сильвестр Антонович Домброва, сосланный на Кавказ.

Действия царских властей современные интеллигенты могут считать жестокими. Но Александр II не менее жестоко обращался и с русскими нигилистами. А сравнение его с карательной политикой британских властей в ходе подавления восстания сипаев в 1857 г. в Индии делает Александра II чуть ли не либералом.

А мог ли Александр II действовать иначе? Ведь правое крыло руководства повстанцев было склонно к… союзу с самодержавием. Цена же покорности царю – Кресы.

А что такое «Кресы»? 99,99 % населения РФ отродясь не слыхали ни о каких Кресах, ни о западных, ни о восточных. Зато все

100 % поляков знают, что такое Кресы, и для них Кресы – самый больной вопрос.

Как такое могло случиться? Очень просто. Польские правители, дипломаты и деятели искусств постоянно разглагольствуют о Кресах у себя дома, но, пересекая восточную границу Республики Польша, мгновенно забывают это слово.

Ну а руководство наших СМИ также не пропускает слово Кресы сквозь решетки якобы отсутствующей у нас цензуры.

Интересно же, что само по себе слово Kresy – Кресы не несет какой-либо политической нагрузки, а буквально переводится как «конец», «край». Но в XIX–XXI веках Кресы у поляков ассоциируются исключительно с современными Литвой, Беларусью и Украиной, а иногда в состав Кресов включают еще и Смоленскую область.

Для России беда, что мы даже не понимаем, о чем говорят наши западные соседи. В XX веке советские пропагандисты все противоречия между поляками и русскими валили на самодержавие и польских феодалов. Ну а сейчас полонофилы, правящие бал в РФ, винят не только самодержавие, но и советскую власть, ну а польские феодалы у них белые и пушистые.

Между тем польские историки, политики и большая часть населения не считают русских… русскими. Возьмем, к примеру, обращение польских дворян Подольской губернии в 1862 году к царю

Александру II: «Августейший монарх! … Русь соединилась с Польшей торжественным и добровольным Люблинским договором, целыми поколениями принимала формы родственной цивилизации. Образованность и общественная жизнь ее, с незапамятных времен запечатлены характером исключительно польским!»

И вот дворяне Подольской губернии нижайше просят административно воссоединить Русь (!) с остальными землями Польши. Ну а дальше, царь-батюшка, правь нами и далее. Увы, Александр II отказал, да еще приказал ускорить освобождение крестьян в западных губерниях России. Возмущенные паны за это обозвали царя… коммунистом.

Наивные русские либералы – Герцен, Огарев, Бакунин и др. – в 1863 г. утверждали: «Освобождение Польши – половина освобождения России», призывали панов совместно свергнуть «самодержавие – колосса на глиняных ногах».

Увы, панам, за исключением кучки левых, нужны были исключительно Кресы и проживавшие там хлопы. Замечу, что в ходе польских восстаний 1831 и 1863 годов их руководители даже и не помышляли об освобождении от русской «тирании» Польши в этнических границах, то есть по линии, прочерченной в 1919 г. русофобом лордом Керзоном. Ни в 1831-м, ни в 1863 годах подобный вариант не рассматривался даже в качестве программы-минимум. Цель восстаний – границы Речи Посполитой образца 1792 г. Это я говорю об умеренных панах, а остальные требовали границы Великого княжества Литовского времен князя Витовта – «от можа до можа».

В конце концов, намерения восставших дошли и до Герцена, и он 29 апреля 1867 г. в сердцах написал Бакунину, что его поддержка панов «была колоссальной ошибкой», и о своем убеждении «в совершенной неспособности, отсталости, тупости этой доблестной и глупой нации».

В ходе восстаний 1831 г. и 1861–1863 гг. паны больше надеялись не на свои силы, а действовали по принципу «заграница нам поможет». И, надо сказать, что в 1863 г. Англия и Франция всячески морально поддерживали повстанцев и осуждали Россию. Однако посылка двух русских эскадр к берегам США, откуда они могли грозить океанским коммуникациям Англии и Франции, быстро привели в чувство Париж и Лондон. Шестидесятифунтовые пушки русских крейсеров оказались более весомым аргументом, нежели ноты «железного канцлера» Горчакова.

В состав эскадры Атлантического океана, начальником которой был назначен контр-адмирал С. С. Лесовский, вошли фрегаты «Александр Невский», «Пересвет» и «Ослябя», корветы «Варяг» и «Витязь» и клипер «Алмаз». В состав эскадры Тихого океана вошли корветы «Богатырь», «Калевала», «Рында» и «Новик» и клипера «Абрек» и «Гайдамак». Начальником эскадры был назначен контр-адмирал А. А. Попов.

Поход обеих эскадр происходил в обстановке строжайшей секретности. Корабли эскадры Лесовского шли в Америку порознь, причем фрегат «Ослябя» шел не с Балтики, а из Средиземного моря. Зато все суда почти одновременно, 24 сентября 1863 г., оказались в Нью-Йорке. А 27 сентября эскадра контр-адмирала Попова бросила якорь на рейде Сан-Франциско.

Когда через неделю пассажирский пароход привез в Лондон американские газеты с сообщением о прибытии русских кораблей, в Форин офис[68] заявили, что это обычные газетные утки. Позже наступил шок. Судоходные компании резко подняли стоимость фрахтов, страховые компании начали менять правила страховок. К сожалению, никто из современников не посчитал убытки, нанесенные экономике Британии. Замечу, что и без этого английская промышленность находилась в кризисе, вызванном войной в Соединенных Штатах и рядом других причин.

Кстати, наши историки, говоря о походе русских эскадр в Америку, забыли, что часть русских крейсеров находилась на британских коммуникациях и в других районах мирового океана. Так, до конца 1863 г. на Средиземном море крейсировали фрегат «Олег» и корвет «Сокол».

Через три недели после прибытия русских эскадр в Америку Александр II в рескрипте на имя генерал-адмирала

(от 19 октября) назвал Польшу страной, «находящейся под гнетом крамолы и пагубным влиянием иноземных возмутителей». Упоминание в обнародованном рескрипте об «иноземных возмутителях»,

которое до прибытия русских эскадр в Америку могло бы послужить casus belli, теперь было встречено западными державами молча, как заслуженный урок.

Сразу же после прибытия эскадр в Америку антирусская коалиция развалилась. Первой поспешила отойти Австрия, которая, сразу почуяв всю шаткость положения, предвидя близкую размолвку Англии и Франции, побоялась принять на себя совместный удар России и Пруссии. Австрия, круто изменив свою политику, не только пошла на соглашение с Россией, но даже стала содействовать усмирению мятежа в Царстве Польском.

Английским дипломатам с большим трудом удалось задержать на полпути, в Берлине, грозную ноту с угрозами в адрес России, которую должен был вручить Горчакову лорд Непир. Теперь Форин офис пошел на попятную. Так «заграница» в очередной раз подвела буйное панство.

В конце XIX – начале XX века привисленские губернии, как, впрочем, и большинство других районов империи, охватил невиданный экономический подъем. К 1 января 1914 г. в девяти привисленских губерниях проживало 12,24 млн человек, то есть 6,9 % населения империи, однако в 1908 г. там производилось 11 % промышленной продукции, а через четыре года – уже 12,1 %.

Так, к примеру, крупным промышленным центром стал город Лодзь, где к 1890 г. проживало уже более 300 тыс. человек. Недаром Лодзь называли польским Манчестером.

По производству угля и стали Польша стояла на втором месте после Донецкого района. В Польше производились 42 % полотна, в производстве сукна ее доля составляла 29,6 %, шерстопрядении – 77 %, вязальном производстве – 76 %.

Больше половины производимых в Польше товаров сбывалось в Россию. Основу вывоза составляли хлопчатобумажные и шерстяные ткани, пряжа, машины, уголь. Торговля с Россией и немецкие капиталы, инвестированные в польскую промышленность, являлись источниками, из которых питалась польская экономика.

Экономику привисленских губерний существенно поддерживало и… Военное ведомство. Оно строило там железные дороги, крепости, содержало крупные гарнизоны.

Работая в военно-историческом архиве, я наглядно убедился в высокой степени коррумпированности русского генералитета. К примеру, лафеты тяжелых орудий, крепостные узкоколейные железные дороги и другое оборудование для крепостей производились Пермским и другими казенными заводами Горного ведомства по ценам как минимум вполовину меньшим, чем на частных заводах Варшавы и других польских городов. Но заказы почему-то получали поляки, а точнее, жители привисленских губерний, поскольку владельцами заводов в основном были евреи и немцы.

В ходе обсуждения Государственной думой III созыва экономического состояния империи выяснилось, что привисленские губернии являются, как сейчас говорится, дотируемым регионом, то есть сидят на шее центра. Депутат П. В. Березовский при этом заявил: «У нас центр не только не пользуется ничем от окраин, а, напротив, он оскудевает, он беднеет, а окраины наживаются, окраины богатеют». Грустно сознавать, что подобная ситуация перейдет по наследству от «проклятого царизма» к СССР, а затем – к Российской Федерации.

Таким образом, в экономическом плане скорее Россия была колонией Польши, а не наоборот.

Никто в России не мешал развиваться польской культуре. Вместе с русскими в 1906 г. поляки получили возможность выбирать депутатов в Государственную думу. В империи отсутствовали какие-либо ограничения в занятии государственных постов по национальному или религиозному принципу. Например, к 1 января 1862 г. в русской армии среди генералов было: православных – 62,7 %, католиков (в основном поляки) – 8,72 %, протестантов (финны, немцы, шведы) – 27,8 %. Всего же на службе было офицеров: православных – 69,37 %, католиков – 20,06 %, протестантов – 9,33 %[69].

Любой эрудированный человек без труда вспомнит имена десятков поляков среди знаменитых сановников, ученых и путешественников империи в конце XIX – начале XX века.

Обратим внимание, что данные по национальному составу и в военных, и в любых других источниках отсутствуют. В империи никого не интересовала национальность человека, а также его вероисповедание.

Даже правые партии России с уважением относились к правам поляков. В ноябре 1907 г. в Государственной думе граф

А. А. Уваров, представлявший Саратовскую губернию, заявил: «Мы, октябристы, с великим удовольствием дадим Польше все то, что мы сами будем иметь в центре, мы с удовольствием дадим Польше земское самоуправление, широкое городское управление, но, конечно, господа, с таким уговором, чтобы окраины отнюдь не требовали того, что не имеют центральные части России».

Вставьте вместо слова «Польша» «Чечня» или «Татарстан», и слова Уварова будут более чем актуальны в наши дни.

Единственной попыткой правительства несколько изменить статус-кво было выделение в 1912 г. Холмской губернии из состава привисленских губерний. Законопроект о Холмской области был предоставлен 18 мая 1912 г. в думу III созыва и поддержан депутатами. Дело в том, что принадлежность Холмской губернии Польши была довольно спорной. С одной стороны, католиков там было чуть больше, чем православных[70], зато этнические русские, включая малороссов и белорусов, составляли большинство. С учетом этого депутат В. А. Бобринский на заседании думы заявил, что Холмщина должна быть «в бесспорном национальном владении не России, – здесь всё Россия, – но Руси, чтобы это поле было не только частью Российского государства, но чтобы оно было всеми признано национальным народным достоянием, искони русской землей, то есть Русью».

В ответ польский депутат Я. Гарусевич заявил: «Конец этой законодательной трагедии есть вместе с тем начало нашей защиты этой польской губернии. Она есть и будет польская губерния. Хотя станет называться Холмской».

В июне 1912 г. проект был одобрен думой, а затем Госсоветом и утвержден Николаем II. В сентябре 1913 г. началось нормальное функционирование Холмской губернии.

Подавляющее большинство поляков в конце XIX – начале XX века не принимали участия в играх националистов. Замечу, что жизненный уровень населения в привисленских губерниях был куда выше, чем в центральных губерниях империи.

Однако ни ксендзы, ни гонористые паны по-прежнему не унимались. Еще раз замечу, что они никогда не ставили вопрос о воссоздании Польши в ее этнических границах, то есть чтобы во всех ее районах этнические поляки составляли большинство. Но в сложившейся ситуации говорить о Речи Посполитой «от можа до можа» было неуместно. Поэтому в конце XIX века хитрые паны придумали идею создания Федерации, в которую должны были войти привисленские губернии, Литва, Белая Русь, Малая Русь и Курляндия. И тут они впервые столкнулись с литовскими националистами. Уточню, что ранее под Литвой мы понимали территорию, заселенную русскими (белорусами), которые с середины XVI века имели польское или ополяченное дворянство. Но теперь на политическую сцену вышли этнические литовцы, мечтавшие о создании Великой Литвы, в которую должна была войти и Белая Русь, население которой они называли «ославяненными литовцами». Естественно, что литовские националисты не хотели даже слышать о федерации с ляхами.

Глава 2. Детище мировой войны

Первая мировая война стала манной небесной для националистов всех мастей. С началом войны правительства Германии, Австрии, Венгрии и России начали заигрывать с польскими националистами, при этом ограничиваясь лишь декларациями, но не давая конкретных обещаний. Так, австрийцы предложили создать государственное образование в составе Австро-Венгерской империи. Ему должны были присвоить название Королевство Польское или Герцогство Краковское. Столицей должен был стать Краков. В состав образования должны были войти земли, принадлежавшие Австрии и России.

Германские официальные лица в первые дни войны по польскому вопросу публично высказывались весьма путано. Однако 6 августа 1914 г. канцлер Бетман-Гольвег сформулировал лозунг: «Освобождение угнетенных народов России, оттеснение русского деспотизма к Москве», а 11 августа

органы печати получили указание направить пропагандистскую деятельность «в пользу Польского и Украинского буферных государств».

В свою очередь главнокомандующий русской армии великий князь Николай Николаевич в воззвании к полякам 1 августа 1914 г. заявил: «Пусть сотрутся границы, растерзавшие на части русский народ.

Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, языке и самоуправлении».

Позже главнокомандующий пытался присоединить к привисленским губерниям часть захваченной русскими войсками Галиции. Забавно, что это вызвало гнев императрицы Александры Федоровны, которая с подачи Григория Ефимовича стала доказывать мужу, что великий князь Николай Николаевич хочет стать «польским царем».

В 1915 г. большая часть Царства Польского была занята войсками Германии и Австро-Венгрии. К началу 1916 г. в Берлине и Вене окончательно осознали невозможность военной победы и начали поиск политических комбинаций с целью заключения почетного мира или, по крайней мере, изменения военно-политической ситуации в свою пользу. В качестве одной из этих мер, причем второстепенной, было провозглашение 5 ноября 1916 г. самостоятельного Царства Польского. При этом был обойден главный вопрос, интересовавший польскую верхушку, – границы. В качестве органа управления оккупированными польскими территориям в декабре 1916 г. был создан Временный Государственный совет.

В ответ российское Министерство иностранных дел 12 декабря 1916 г. вяло заявило, что Россия стремится к созданию «свободной Польши» из всех ее трех частей. Однако о границе ее тоже ничего не было сказано.

Февральская революция кардинально изменила ситуацию. Уже 14 (27) марта 1917 г. Петроградский совет декларировал право наций на самоопределение. Это решение спровоцировало взрыв сепаратистских настроений по всей империи.

17 (30) марта Временное правительство заявило о необходимости создания независимого польского государства, находящегося в военном союзе с Россией, но планировало сделать это не ранее окончания войны и по решению Учредительного собрания.

6 апреля 1917 г. польский Временный Государственный совет заявил, что одобряет декларацию русского Временного правительство, но принадлежность территорий между Польшей и Россией должна решаться совместно в Варшаве и Петрограде, а не односторонне Учредительным собранием.

12 сентября 1917 г. в Варшаве вместо Временного Государственного совета был создан Регентский совет, он также подтвердил позицию своего предшественника, хотя на тот момент все эти заявления были лишь простой декларацией, так как территория Польши была занята германскими и австро-венгерскими войсками.

Англия и Франция не хотели отдать формирование польской государственности на откуп Германии и Австро-Венгрии, и в августе 1917 г. в Париже был создан Польский национальный комитет. В комитете преобладающим влиянием пользовалась основная партия польской буржуазии – «национальные демократы» (эндеки) и ее лидеры – Р. Дмовский, Ст. Грабский и близкий к ним И. Падеревский. Правительства Франции, Англии, Италии и США признали комитет «официальной политической организацией». Во Франции из поляков, проживавших за границей, была создана «польская армия», командующим которой в 1918 г. стал генерал Ю. Галлер.

29 августа 1918 г. Совет Народных Комиссаров, действуя в развитие Декрета о мире и Декларации прав народов России, принял декрет об отказе от договоров, заключенных бывшей Российской империей о разделах Польши. «Все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами Королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся раздела Польши, – говорилось в декрете, – ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признающим за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, – отменяются настоящим бесповоротно».

В феврале 1918 г. в Брест-Литовске Советская Россия и Германия подписали сепаратный мир. Условия этого «похабного» мира достаточно хорошо известны, поэтому я лишь уточню некоторые нюансы. В договоре упомянута Украинская народная республика, но нет ни слова ни о Польше, ни о Белоруссии.

Куда менее известен советско-германский добавочный договор к Брест-литовскому миру, подписанный 17 августа 1918 г. в Берлине советским представителем Адольфом Абрамовичем Йоффе и статс-секретарем МИДа Германии Паулем фон Гинце. Там сказано:

«Германия очистит оккупированную территорию к востоку от р. Березины по мере того, как Россия будет уплачивать взносы, указанные в ст. 2 русско-германского финансового соглашения от 27 августа 1918 г.

Германия не будет вмешиваться в отношения Русского государства с национальными областями и не будет побуждать их к отложению от России или к образованию самостоятельных государственных организмов.

Россия предпримет немедленные действия, чтобы удалить из своих северорусских областей боевые силы Антанты».

Как видим, ситуация того времени была крайне запутанной и менялась как в калейдоскопе. Заключенные договора переставали соответствовать реальности ранее, чем высыхали чернила на подписях сторон. История этих месяцев еще ждет своих исследователей, причем очень многих.

Революция в Германии и выход ее из войны в очередной раз резко изменили обстановку в России и Польше.

13 ноября 1918 г. Постановлением ВЦИК РСФСР Брестский мир был аннулирован. Германские войска начали эвакуацию из оккупированных территорий бывшей Российской империи. Сразу же на этих территориях началась конфронтация левых и правых, то есть социалистически настроенных «советов» и буржуазных националистов[71].

Так, в начале ноября во многих польских городах создаются Советы рабочих депутатов и отряды Красной гвардии. 5 ноября начал свою деятельность Совет в Люблине, 11 ноября – в Варшаве. За короткое время образовались Советы в Радоме, Лодзи, Ченстохове и многих других центрах страны – всего свыше 120 Советов. Однако в большинстве Советов преобладали социалисты меньшевистского толка.

7 ноября 1918 г. в Люблине в противовес Советам образовалось «народное правительство» во главе с лидером СДПГиС[72]

И. Дашиньским. Правительство Дашиньского провозгласило создание Польской народной республики. Оно пообещало внести на рассмотрение будущего сейма предложения о национализации ряда отраслей промышленности, проведении аграрной реформы и других прогрессивных преобразований. Но Люблинское правительство просуществовало недолго.

14 ноября 1918 г. находившийся в Варшаве Регентский совет передал власть возвратившемуся из Германии в Варшаву Юзефу Пилсудскому.

Юзеф Клемент Пилсудский родился 5 декабря 1867 г. в городке Зулуве в Литве. Отец его Юзеф Винцент был нищим шляхтичем, сумевшим поправить свои дела женитьбой на богатой паненке Марии Билевич. Пилсудские происходили из древнего литовского боярского рода, полонизированного еще в XVII веке. (По крайней мере, так утверждал сам Пилсудский, а его оппоненты оспаривали знатность его рода.)

В 1885 г. Юзеф младший окончил гимназию и под влиянием своего брата Бронислава связался с подпольными кружками. Оба брата оказались, по меньшей мере, причастными к боевой эсеровской организации. Их арестовали в Вильно 22 марта 1887 г. по делу «вторых мартистов», то есть участников покушения на Александра III 1 (13) марта 1887 г. в Петербурге. Любопытно, что братья Пилсудские проходили по одному делу с Александром Ульяновым. Ульянов и Бронислав Пилсудский были приговорены к повешенью, но позже царь заменил Брониславу смертную казнь на 15 лет сибирской каторги, а Юзефу в административном порядке вкатили 5 лет ссылки в Восточную Сибирь.

В июне 1892 г. Юзеф Пилсудский возвратился в Вильно и решил «пойти другим путем», то есть связался с националистами. С началом русско-японской войны он предложил свое сотрудничество японской разведке и даже ездил в Токио. В 1910 г. под эгидой австрийской разведки в Кракове и Львове были созданы польские военизированные отряды, куда немедленно устремился и Пилсудский. В декабре 1912 г. он становится «Главным комендантом всех польских военных сил» в Австро-Венгрии.

В 1914–1917 гг. Пилсудский воюет против России на стороне Австро-Венгрии, командуя 1-й бригадой Польских легионов.

Теперь Пилсудскому был присвоен титул «начальника государства». Надо ли говорить, что при отсутствии сейма, да и вообще конституции, он стал ничем не ограниченным диктатором. Сразу же возник традиционный вопрос о польских границах. Границы на западе в значительной мере определялись в Париже, а вот на востоке царил хаос, и все новые государственные образования были не прочь половить рыбку в мутной воде. Причем, обратим внимание, ни одна из сторон не только не желала проведения на спорных территориях референдума, но даже не пыталась ограничить свои претензии областями, где преобладали ее этнические представители – русские, поляки, украинцы и др.

Так, к примеру, 31 октября 1918 г. украинские националисты захватили город Львов. Утром 1 ноября горожане, проснувшись, обнаружили реющий над ратушей «желто-блакитный» флаг и узнали, что теперь все главные городские учреждения в руках украинцев. Они прочитали на расклеенных на всех углах плакатах, что теперь они являются гражданами украинского государства. Нечто подобное произошло и в других местах Восточной Галиции.

Украинское население восторженно встретило события 1 ноября 1918 г. Евреи признали украинский суверенитет или же оставались нейтральными. Зато поляки, оправившись от потрясения, начали во Львове активное сопротивление. В городе развернулись жестокие бои между украинскими войсками и отрядами польской военной организации буквально за каждый дом. На северо-западе, на границе между Восточной Галицией и собственно польской территорией, поляки захватили главный железнодорожный узел – Перемышль. Тем временем румынские войска овладели большой частью Буковины, Закарпатье оставалось в руках венгров. И все же большая часть Восточной Галиции еще принадлежала украинцам, настойчиво продолжавшим создавать свое государство.

22 ноября поляки выбили украинцев из Львова. Так началась польско-украинская война. Замечу, что большевики в ней не участвовали. Зато французы перебросили в Польшу 60-тысячную армию Йозефа Галлера. Солдатами в этой армии были поляки, а офицерами – в основном французы, армия была оснащена французским оружием. Франция отправила ее для борьбы с большевиками, а Пилсудский послал ее к Львову. В итоге в апреле – мае 1919 г. польские войска прорвали фронт украинцев у Львова и отбросили их за реку Збруч. 16 июля украинцы («Галицкая армия») перешли через Збруч в Восточную Украину. Вооруженная борьба за Восточную Галицию, стоившая около 15 тысяч жизней украинцам и 10 тысяч полякам, завершилась.

На западе польские националисты неминуемо должны были столкнуться с большевиками. На момент заключения Брестского мира Советская республика не имела регулярных войск, способных противостоять немцам, поскольку царская армия к тому времени окончательно развалилась. Однако уже в марте 1918 г. для объединения управления всеми отрядами был создан штаб Западного участка отрядов завесы. Задача этого штаба в боевом отношении заключалась в охране и обороне западной границы Советской республики, а в организационном отношении предстояло перестроить все эти партизанские отряды и свести их в однотипные, регулярные войсковые соединения, согласно декрету о формировании Красной Армии. В результате проведенных мероприятий Западный участок завесы преобразовался в Западный район обороны со штабом в Смоленске.

Осенью 1918 г. в состав Западного района обороны уже входили находившиеся в стадии формирования дивизии: Псковская, 2-я Смоленская и 1-я Витебская, объединенные затем в 17-ю стрелковую дивизию.

Диктатор Пилсудский был слишком умен, чтобы открыто объявить о создании Речи Посполитой «от можа до можа». Ту же идею он решил подать под другим соусом и выдвинул план создания федерации из ряда государств, созданных на территории бывшей Российской империи («от Гельсингфорса до Тифлиса»). Доминировать в этой федерации, естественно, следовало Польше.

В Москве понимали неизбежность столкновения с Польшей, и сразу после революции в Германии (15 ноября 1918 г.) Западный район обороны был преобразован в Западную армию.

В состав Западной армии к моменту начала ее наступления входили: 2-й округ пограничной охраны (3156 штыков, 61 сабля); Псковская дивизия общей численностью 783 штыка при восьми орудиях; 17-я стрелковая дивизия (5513 штыков, 200 сабель). Всего 10 тысяч штыков и несколько сотен сабель с десятком орудий.

Наступление советской Западной армии в декабре 1918 г. надо скорее назвать продвижением, поскольку она не встречала никакого сопротивления. Поначалу с поляками не было ни мира, ни войны. Из-за отсутствия дипломатических отношений советское правительство попыталось договориться с Пилсудским по линии русского Красного креста. Предполагалось вначале достигнуть соглашения об обмене военнопленными[73], а затем – о перемирии. Однако по приказу польского правительства 2 января 1919 г. делегация Красного Креста во главе с Брониславом Весоловским (псевдоним Smutny – Печальный)[74] в составе четырех человек была арестована в Варшаве и расстреляна в Бельском лесу.

А тем временем части Красной Армии 9 января 1919 г. заняли Вилькомир, а 13 января вступили в Слоним. Лишь в конце января на фронте передовых частей Западной армии появились небольшие конные и пешие части польских легионеров.

Но они не могли задержать Западную армию и лишь немного замедляли ее продвижение. К 13 февраля части Западной армии вышли на фронт Поневеж – Слоним – Картузская Береза – железнодорожная станция Иваново (западнее Пинска) – Сарны – Овруч.

18 февраля 1918 г. под нажимом Франции в Познани было подписано польско-германское перемирие, это позволило полякам перебросить войска на восток. 2 марта 1919 г. польские части генерала С. Шептицкого заняли Слоним, а 5 марта части генерала А. Листовского заняли Пинск.

15 марта 1919 г. командование РККА установило для армий Западного фронта в качестве основной линии фронта линию Рига – Якобштадт – Двинск – Молодечно – Минск – Бобруйск – Жлобин – Гомель. В качестве передового рубежа следовало закрепить за собой линию Туккум – Либава – Поневеж – Вилькомир – Вильно – Ландварово – Лидп – Барановичи – Лунинец.

15 апреля 1919 г. Пилсудский предложил буржуазным националистам Литвы восстановить польско-литовскую унию, но получил фактический отказ. Поэтому, когда 19–21 апреля польские войска под командованием генерала Рыдз-Смиглы выбили из Вильно большевиков, литовские земли попали под юрисдикцию польских оккупационных властей.

После занятия Вильно на советско-польском фронте наступило длительное затишье. Вообще говоря, вопреки мнению некоторых авторов, сплошного фронта в 1919 г. между большевиками и поляками попросту не было, те есть никакого сравнения с линией фронта в 1915–1917 гг. между русскими и немцами быть не может. А в 1919 г. были кое-где локальные линии укреплений, а в основном части противников располагались в населенных пунктах и рядом с ними.

Затишье 1919 г. было выгодно обеим сторонам. Советская Россия воевала в кольце фронтов с Деникиным, Колчаком, Юденичем и Миллером. Поляки на западе воевали с немцами, а в Галиции – с украинцами. К этому прибавился и сильный неурожай 1919 г. в Польше. В августе 1919 г. в Силезии восстали шахтеры. Регулярные польские войска подавили восстание, но напряжение там не ослабло. В известной мере Пилсудского напугал и марш Деникина к Москве. А Деникин, в отличие от ряда белых генералов, не только на словах, но и на деле стоял «за единую и неделимую»[75]. Поэтому Пилсудский в 1919 г. предпочитал видеть в Москве Ленина и Троцкого, но никак не Деникина.

8 декабря 1919 г. Верховный совет Антанты огласил Декларацию о временных восточных границах Польши, согласно которой границей стала линия преобладания этнического польского населения от Восточной Пруссии до бывшей русско-австрийской границы на Буге.

22 декабря 1919 г. советское правительство направило в Варшаву очередную ноту, в которой снова предложило «немедленно начать переговоры, имеющие целью заключение прочного и длительного мира». Не дождавшись ответа, советское правительство 28 января 1920 г. обратилось к польскому правительству и народу с заявлением о том, что политика Советской России в отношении Польши исходит не из случайных военных или дипломатических комбинаций, а из незыблемого принципа

национального самоопределения, и что советское правительство безоговорочно признает независимость и суверенность Польской республики. Правительство РСФСР от своего имени и от имени правительства Советской Украины заявило, что в случае начала переговоров и во время их проведения Красная Армия не переступит занимаемой ею линии фронта: Дрисса – Дисна – Полоцк – Борисов – местечко Паричи – железнодорожные станции Птичь и Белокоровичи – местечко Чуднов – местечко Пилявы – местечко Деражня – Бар. В своем заявлении советское правительство выразило надежду, что все спорные вопросы будут урегулированы мирным путем.

В ответ на это заявление польское правительство заявило о необходимости обсудить его с правительствами Англии и Франции. Замечу, что еще 26 января 1920 г. Англия заявила Пилсудскому, что не может рекомендовать Польше продолжать политику войны, поскольку РСФСР не представляет военной угрозы для Европы.

2 февраля 1920 г. ВЦИК РСФСР принял обращение к польскому народу, снова повторив предложения о заключении мира с Польшей. 22 февраля Советская Украина также предложила Польше заключить мир, и еще раз повторила свое предложение 6 марта. Поэтому Верховный совет Антанты заявил 24 февраля, что если польское правительство на переговорах с советским правительством выставит чрезмерные требования, то Антанта не будет ей помогать в случае, если Москва откажется от мира.

Тем временем Красная Армия наголову разбила войска Колчака и Деникина. Колчак был расстрелян, а Деникин сдал командование и отправился в эмиграцию. Остатки деникинских войск под командованием барона Врангеля укрепились в Крыму. 2 февраля 1920 г. буржуазное правительство Эстонии подписало мир с РСФСР. Почти одновременно было заключено и перемирие с Латвией.

В марте 1920 г. Пилсудский решил, что настал час воссоздания Великой Польши. Для начала было решено захватить Украину, после чего захват Литвы не представлял особых проблем. 21 апреля 1920 г. Пилсудский подписал соглашение с Симоном Петлюрой, проживавшим в Польше и согласным на все условия ляхов. Через 4 дня польская армия вторглась на Украину. Через две недели пал Киев. Но вскоре контрнаступление Красной Армии привело к полному разгрому поляков, и уже к 13 августа большевики оказались под Варшавой.

Однако усталость красноармейцев, отрыв от баз снабжения, с одной стороны, а также мобилизация всех ресурсов Польши и помощь стран Антанты позволили Пилсудскому переломить ситуацию и нанести большевикам поражение под Варшавой.

В результате обе стороны оказались неспособны к дальнейшему ведению боевых действий. 12 октября 1920 г. в Риге было подписано соглашение о перемирии. Постоянный же мирный договор между Россией и Польшей был подписан 18 марта 1921 г. и тоже в Риге. По этому договору государственная граница между Польшей, с одной стороны, и РСФСР, УССР и БССР – с другой устанавливалась по линии г. Дрисса – г. Дисна – 30 км западнее Полоцка – ст. Загатье, откуда граница шла в юго-западном направлении до Радошковичей и Ракова (западнее Минска 30 км), а оттуда поворачивала на юг до истоков реки Морочь и по ней до впадения ее в реку Случ, откуда почти прямо на юг до города Корец в 30 км западнее Новоград-Волынского, затем в юго-западном направлении шла через города Острог, Кунев на Ямполь, откуда в южном направлении проходила через Щасновку – Волочиск – Сатанов – Гусятин до Хотина.

Стороны взаимно отказывались от возмещения своих военных расходов.

Россия освобождала Польшу от ответственности по долгам и иным финансовым обязательством Российской империи.

Россия и Украина обязались уплатить Польше 30 млн рублей золотом в качестве польской части золотого запаса бывшей Российской империи и как признание отделения Польши от России.

Россия и Украина возвращали Польше 300 паровозов, 260 пассажирских и 8100 товарных вагонов. Кроме того, Россия оставляла на территории Польши тот подвижный состав, который принадлежал РСФСР и УССР, приспособленный для широкой («русской») колеи и ранее принадлежавший Российской империи. Этот состав насчитывал 255 паровозов, 435 пассажирских и 8859 товарных вагонов. Таким образом, Россия передала Польше в общей сложности 555 паровозов, 695 пассажирских и 16 959 товарных вагонов. Общая сумма стоимости возвращаемого или передаваемого в виде дара

подвижного состава от России для Польши оценивалась в 13 млн 149 тыс. золотых рублей в ценах 1913 г., а общая сумма всего другого железнодорожного имущества, передаваемого вместе с вокзалами, оценивалась в 5 млн 96 тыс. золотых рублей, то есть объединенная сумма железнодорожного имущества, поступившего от России в Польшу, составила 18 млн 245 тыс. рублей золотом в ценах 1913 г.

В недоумении: Как же это так? Хозяин, кажись, я, а они без меня землю делить стали. (Рис. М. Андреева) Карикатура 1917 г.

Любопытно, что даже в капитальных трудах польские историки дипломатично не упоминают о требовании Польши на передачу ей всех ценностей, когда-либо вывезенных за время, прошедшее после первого раздела Польши. Поляками были предъявлены требования на многие памятники, хранившиеся в Артиллерийском историческом[76] и Суворовском музеях. Им отдали 57 пушек XVI–XVIII веков, 67 знамен и штандартов. При тщательном сличении гербов, девизов и других геральдических символов на знаменах и штандартах историк П. И. Белавенец установил, что все они не польские, а шведские, и представил польской стороне такие убедительные доказательства, что поляки от претензий отказались. Но в 1932 г. требование возобновили, и русская сторона, «чтобы не портить отношений», все же несправедливо требуемое отдала.

Из собрания Суворовского музея, хранившегося в это время в Артиллерийском историческом музее, поляки забрали ключи от Варшавы и серебряные литавры, поднесенные А. В. Суворову варшавским магистратом в 1794 г., много польских знамен, оружия и других предметов тех времен. Кстати, пищаль «Инрог», взятую поляками у нас под Смоленском, русские купцы выкупали потом золотом.

К слову, все эти ценности, силой вытащенные из русских музеев, впрок ляхам не пошли. В 1939 г. они стали трофеями немцев и в основном были приватизированы германским командованием. Так что ключи и литавры Суворова достались новым победителям Варшавы.

На этом возрождение независимой Польши можно считать завершенным.

Но прежде чем ставить точку, отмечу, что все границы нового государства были установлены грубой силой и не соответствовали ни этническим, ни географическим, ни историческим границам. В границах Польши оказалось свыше 40 % представителей иных национальностей. Но ляхи, сто с лишним лет вопившие о правах наций на самоопределение и т. д., не дали им ни территориальной, ни даже культурной самостоятельности. Формально в новой Польше не оказалось ни немцев, ни русских, ни украинцев, ни белорусов, ни кашубов, ни лемков и т. д., а были лишь поляки.

Мало того, у поляков оказались территориальные претензии ко всем своим соседям – Литве, Вольному городу Данцигу, Германии, Чехословакии и СССР. Польские политики, включая министров, публично заявляли, что новая Польша родилась в огне мировой войны, а в следующей войне она превратится в Речь Посполитую с границами «от можа до можа».

Но вот отгремели последние залпы Второй мировой войны. А в 1991 г. распался Советский Союз. РФ теперь не имеет общих границ с Польшей, за исключением Калининградской области.

Казалось бы, почему не дружить «братьям славянам»? Тем более что в послевоенные годы, в 1945–1990 гг., весь советский народ любил поляков. И это вовсе не преувеличение. Их любили за интересные фильмы, «польскую моду», косметику, за роман Сенкевича «Крестоносцы», за то, что они так же, как и мы, славяне.

Советские ученые мужи выхолостили историю русско-польских отношений. Они постарались вырезать из нее негативные моменты, а там, где этого физически нельзя было сделать, сваливали все на царское самодержавие и на польских феодалов. А поскольку русский народ избавился от царя в 1917 г., а польский народ от феодалов – в конце 1940-х годов, то теперь отношения между народами должны быть братскими. Так, кстати, думали около 90 % населения России и никто (!) в Польше.

Польская косметика, шампуни, «тряпки», духи, цветы, мороженое, овощи и фрукты пользовались огромных успехом у советских женщин. Благоухать духами «Пани Валевская» (стоившими, кстати, как французские «Клема» – 25 рублей) считалось высшим шиком.

Многие звезды польской эстрады 1960—1970-х годов получили международное признание именно в Советском Союзе. У нас их любили почти как своих артистов, а Анну Герман и вовсе считали своей. С нетерпением ждали гастролей польских певцов, болели за них на международных конкурсах. Наверно, в каждом доме были грампластинки с голосами Анны Герман, Веславы Дроецкой, Ирены Сантор, Рены Рольсокой и др.

Польские кино и гастроли театров вызывали огромный интерес у нашей интеллигенции, подавляющее большинство которой не разбиралось в драматургии и кинематографии. Причин интереса к ним было две – антисоветчина, или, по крайней мере, «фига в кармане», и секс.

А в ответ с 1991 г. с Запада на Россию обрушился поток дикой злобы, лжи и ненависти. Русские должны платить за все… За Варшавское восстание, за Катынь, за «сибирские лагеря» и т. п.

Чего хотят поляки от России? В польской газете «Газета выборча» опубликована статья «Комплекс России». Ее автор – журналист-международник Петр Сквечиньский является председателем Польского агентства печати (ПАП).

В статье автор признает, что по сути дела какие бы позитивные шаги в польско-российских отношениях ни предпринимались российской стороной, они все равно не получат одобрения в Польше. «Что же касается российского правительства, то может создаться впечатление, что единственным его решением, которое могло бы удовлетворить поляков, стало бы провозглашение роспуска собственного государства и призыв к собственным гражданам в массовом порядке покончить с собой. Тогда бы над Вислой все были удовлетворены»[77].

Публицист Олег Неменский писал: «Поляки не помнят русского “золотого века”, они не помнят русского единства и для них его просто нет. А то, что оно есть для самих русских, вынуждает их к активному отрицанию русскости. Русских нет, есть россияне, украинцы и белорусы. Русской земли нет, есть российская и польская, на которой живут украинцы и белорусы. И т. д. Так, даже в самом польском языке невозможно выразить существование русского народа. Например, как перевести на польский язык фразу 70 % россиян составляют русские”? Дословный перевод невозможен. Для поляков русских просто нет»[78].

Польское руководство постоянно твердит о диалоге с Москвой, но фактически идет разговор о том, что, мол, позволено Юпитеру (пану), то не позволено быку (хлопу). Панам позволено заключать пакт о нападении с Гитлером, а русским нет. Паны могут пригласить Геринга в Варшаву, а Беку ездить в Берлин и делить Украину с Гитлером, а вот русские – преступники, они пригласили Риббентропа в Москву, а Молотов ездил в Берлин.

Надо ли говорить, что если диалог Москвы и Варшавы пойдет на равных, то все польские претензии автоматически рухнут, как карточный домик.

На мой взгляд, лучшим проявлением польского реваншизма является фильм Анджея Вайды «Катынь». О том, что офицеры Красной Армии и войск НКВД представлены там дегенератами, я уж не буду говорить – это норма для поляков. Интересно другое, чего не заметили ни российские полонофилы, ни патриоты.

В фильме действие происходит в собственно Польше, оккупированной немцами, и в Кресах, то есть в Белоруссии и на Украине, занятых Красной Армией. Так вот в Кресах снято два десятка массовых сцен, в которых действуют одни поляки и ни одного украинца или белоруса. Представим себе немецкий фильм об оккупированном Смоленске в 1942–1943 гг., где на улицах города будут исключительно немцы. В Германии никогда не снимут подобную чушь. Зато Вайда показывает, как по улицам неизвестного города в Кресах ездит советский агитационный автомобиль с радиостанцией и на польском языке обращается к полякам. Да с какого перепугу? Там и до войны поляков было не более 20 %, а после 17 сентября 1939 г. и тех половина разбежалась.

То есть никогда не было Западных Украины и Белоруссии, а было лишь Польское государство, незаконно захваченное советами.

На мой взгляд, фильм Вайды следует в обязательном порядке прокрутить во всех классах белорусских и украинских школ и спросить, а где там ваши деды и прадеды? И вообще, на чьей земле вы все живете – на польской или на своей собственной?

Раздел IV. Украина и Белоруссия

Глава 1. Русы и Русь

В 1982 г. генсек Леонид Брежнев сделал очередной подарок Украине – устроил торжества по поводу 1500-летия основания Киева. Киев-де основал некий Кий вместе со своими братьями Щеком и Хоривом и сестрой Лыбедью. По сему поводу «дорогой Леонид Ильич» заявился в Киев, вдоволь нацеловался с товарищем Щербицким и прочими представителями местной партноменклатуры, выступил с очередной «исторической речью» и благополучно убыл в Москву.

Спору нет, был миф о Кие, и он вошел в «Энциклопедию мифов» (Москва, Советская энциклопедия, 1980 г.). «Кий – герой восточнославянских мифов». Но русский летописец относит основание Киева к 854 г.

Лучший советский специалист по древней Руси профессор В. В. Мавродин писал: «Раскопки древнего Киева обнаружили на территории города три древнейших поселения VIII–IX вв., не представлявших собой еще единого центра. Эти три поселения, расположенные на Щековице, на горе Киселёвке и на Киевской горе, три городища дофеодального Киева, по преданиям, записанным летописцем, связывались с Кием, Щеком и Хоривом. Они не покрывались общим названием “Киев” и только к концу X в. одно из них, расположенное на Киевской (Андреевской) горе, втянуло в орбиту своего влияния все остальные, и только тогда складывается Киев как единый крупный городской центр»[79].

Постепенно Киев все более «старел» в трудах советских историков. И вот уже в «Большой Советской энциклопедии» (1973 г.) говорится, что Киев был основан в VI–VII веках. Не прошло и 10 лет, как Брежнев велел считать датой основания Киева 482 год – не больше и не меньше. Какие основания? Да, собственно, никаких. С 1945 г. по 1982 г. не было сделано никаких археологических открытий, не было найдено ни одного древнего документа, подтверждающего основание Киева в V веке. Понятно, считать одну (!) византийскую монетку времен византийского императора Юстиниана, найденную (или подкинутую?) в районе Киева, серьезным доказательством древности Киева более чем смешно. Итак, «V век» – просто подарок генсека.

Киевские ученые мужи немедленно объявили, что князья Аскольд и Дир (IX век) – прямые потомки Кия. Таким образом, с V по IX век в Киеве княжила династия Кия. Но, увы, соседи-византийцы ничего о княжестве, Кие и его потомках не знали, хотя Днепр в V–IX веках был большим торговым путем, заканчивавшимся в Константинополе.

Тут, правда, у «самостийных» историков была маленькая зацепка – труд польского историка Яна Длугоша, где говорится, что Аскольд и Дир – потомки Кия. Но Длугош ничего не говорит про V век, а еще хуже – именует Кия… польским князем[80], потомком знаменитого Леха. Кстати, тот же Длугош упоминает о древней славянской легенде, повествующей о родных братьях Леха Чехе и Русе. Естественно, эта легенда не имеет под собой никаких реальных оснований, но зато показывает историкам помять народов о том, что когда-то поляки, чехи и восточные славяне были одним братским народом.

Однако нынешние самостийники никак не хотят иметь общих предков с русским народом. Поэтому и было придумано два десятка вариантов появления украинского народа, начиная с переселенцев с Венеры, выходцев с Атлантиды и прочая, и прочая. Они-то и стали великим украинским народом, но держали это в секрете и во всех документах писали, что они – русские. А вот позже какие-то московиты – «смесь угро-финнов с монголами» – без каких-либо оснований украли это название у украинцев. Так появились «россияне». Между прочим, такой же версии придерживаются и националисты других стран – Беларуси и прибалтийских лимитрофов. Только прибалты не поминают о происхождении русских от угро-финнов, дабы не иметь с русскими общих предков.

Что же говорят отечественные и зарубежные письменные источники и данные археологических раскопок о появлении «русов»?

В лето 6370[81] от Сотворения мира пошли кровавые свары у северных славян. «И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готладцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Бело-озере, а третий, Трувор, – в Изборске…

…И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро. Варяги в этих городах – находники, а первые поселенцы в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Бело-озере – весь, в Муроме – мурома, и тем всеми правил Рюрик. И было у него два мужа, не родичи его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: “Чей это городок?” Тамошние же жители ответили: “Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам”. Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян. Рюрик же тогда княжил в Новгороде»[82].

Вот так описано становление государственности на Руси в «Повести временных лет». Поскольку, кроме летописи, никаких других данных о призвании Рюрика нет, то по сему поводу отечественные историки уже два столетия ведут жестокую войну между собой. Тех, кто поверил летописи, окрестили норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов – вымысел, и князь Рюрик – мифологический персонаж, соответственно, стали звать антинорманистами.

Еще в XVIII веке спор историков получил политическую окраску. Несколько немецких историков, состоявших на русской службе, имели неосторожность намекнуть, что вот-де без европейцев русские не смогли создать своего государства. Против них грудью встали «квасные» патриоты. Мы, мол, сами с усами и вашего Рюрика знать не знаем, а история наша начинается со славянских князей Олега и Игоря. Ряд историков, начиная с В. Н. Татищева, придумали Рюрику деда – славянина Гостомысла, жившего то ли в Новгороде, то ли в славянском Поморье. Исторические споры норманистов и антинорманистов не уместятся даже в самый пухлый том, поэтому я изложу наиболее вероятную версию событий.

Начнем с того, что выясним, а кто такие варяги? У нас принято отождествлять варягов с викингами – скандинавскими разбойниками. В VIII–X веках викинги (норманны) наводили ужас не только на побережье северной Европы, но и на весь средиземноморский бассейн. В IX веке корабли викингов достигли Исландии, а в X веке – Гренландии и полуострова Лабрадор. Вожди викингов – конунги –

захватывали земли в Западной Европе и зачастую оседали там, становились князьями, графами и даже королями.

Немного в ином качестве викинги появлялись в землях восточных славян за несколько десятилетий до явления туда Рюрика. Набеги на земли славян и грабежи, безусловно, имели место, но не были основным видом деятельности викингов. Здесь они чаще всего выступали в роли купцов и наемников.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а, скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Поэтому славяне и называли викингов варягами. Варяг – это искаженное норманнское слово «Vaeriniar», а норманны позаимствовали это слово от греческого «φοισεγατοι», означающего «союзники», а точнее – наемные воины-союзники. Заметим, что среди скандинавских племен не было никаких варягов, и ни один народ Западной Европы не называл так норманнов. Итак, слово «варяг» отражает специфику славяно-норманнских отношений.

Разобравшись с варягами, обратимся к личности Рюрика. Ряд историков, включая Б. А. Рыбакова, отождествляет летописного Рюрика с Рёриком Ютландским из семьи мелкого датского конунга, владевшего местечком Дорестад во Фрисландии.

Полное имя Рюрика Herraud-Hrorekr Ludbrandson Srgnjotr Thruvar (Геррауд-Сокол Людбрандович Победоносный Заслуживающий доверия). Он происходил из скандинавского рода Скьелдунгов.

Теперь возникает вопрос, а какую это «русь» привел Рюрик? В книге «Викинги», изданной в Москве в 1995 г. огромным для нынешнего времени тиражом 50 тысяч экземпляров, говорится: «Славяне называли викингов русами, поэтому территория, где расселились русы, получила название Русь (впоследствии – Россия)»[83]. Мягко выражаясь, это буйная фантазия господ Филиппы Уингейт и Энна Милларда, как, впрочем, и иных иностранных и отечественных историков[84]. Дело в том, что в Скандинавии не было не только племени варягов, но и руси. А русью или русами норманнов называли только в Восточной Европе.

Некоторые историки связывают слово «рос» – «рус» с географической и этнической терминологией Поднепровья, Галиции и Волыни, и утверждают, что именно там существовал народ рос или русь. Но, увы, эта версия не соответствует ни летописям, ни фактам. Автор придерживается мнения тех историков, которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «routsi», что означает «гребцы» или «плаванье на гребных судах». Отсюда следует, что русью первоначально называлось не какое-то племя, а двигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» – «русь» происходит от слова «корабль».

Мне меньше всего хотелось бы утомлять читателя пересказом истории Древнерусского государства, я лишь хочу привести ряд общеизвестных фактов, опровергающих творения самостийных историков.

Начнем с того, что термин Киевская Русь – это выдумка историков. В самом деле, ни в одном письменном русском и зарубежном источнике не упоминается государство с таким названием. Везде говорится о Руси, Русском государстве и т. д. Лишь в XVIII–XIX веках наши историки выдумали термин «Киевская Русь». Им попросту понадобилась метка для обозначения Русского государства IX–XII веков, чтобы не путать его с Русским государством со столицей Москва.

Таких меток, являющихся антинаучными терминами, у наших историков более чем достаточно. Возьмем, к примеру, термин «древний боярский род» в применении к Московскому княжеству. Боярство – чин, присваиваемый великим князем, а позднее – царем за те или иные заслуги, как позже

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

стали присваивать чин генерала или статского советника. Но никому не приходит говорить, что, скажем, Сидоров происходит из древнего генеральского рода. Сын генерала мог кончить карьеру в чине полковника или даже поручика, равно как и сын боярина мог дослужиться до чина стольника или даже рынды (в бою убьют или за пьянство со службы выгонят). Тем не менее термин «боярский род» стал удобной меткой и применяется в нашей истории, и я сам, каюсь, им иногда пользуюсь.

Так вот метка «Киевская Русь», неосторожно введенная русскими историками, стала козырной картой самостийников, превративших Русское государство IX–XII веков в украинское государство «Киевская Русь».

Русский летописец утверждал, что Русская земля «…до Венгрии, до Польши и до Чехии; от Чехов до Ятвягов [прусско-литовское племя] и от Ятвягов до Литвы, до Немцев и до Карел, от Карелии до Устюга… и до Дышючего моря [Ледовитый океан]; от моря до Черемис, от Черемис до Мордвы – то все было покорено великому князю Киевскому Владимиру Мономаху…»[85].

И на таком огромном пространстве был единый народ с единым языком, письменностью, религией, культурой и системой власти.

К началу правления князя Владимира Святого на Руси установилось единовластие князей Рюриковичей. Естественно, что до прихода Рюрика на территории Руси существовали десятки местных князей, правившие отдельными племенами или даже племенными союзами. Рюриковичи их всех убили, заставили бежать за пределы Руси или, в лучшем случае, сделали их своими подданными, заставив забыть о своем происхождении.

Русские летописцы обычно не акцентировали внимание на войнах Рюриковичей с местными князьками. Исключения крайне редки: убийство Ольгой, вдовой князя Игоря, древлянского князя Мала и убийство Владимиром Святым полоцкого князя Рогвольда.

После Владимира Святого в письменных источниках нет упоминаний о каких-либо князьях на Руси, не относившихся к роду Рюриковичей, нет упоминаний и о боярах и дружинниках, ведущих свой род от каких-либо местных князей.

Рюриковичи будут безраздельно править всей Русью до середины XIV века, а потом в южной и западной Руси уступят власть потомкам литовского князя Гедимина.

Любопытно, что у Рюриковичей до XV века преобладала горизонтальная система наследования власти, при которой престол переходил не от отца к старшему сыну, а от старшего брата к следующему по старшинству брату. Представим себе, что в Киеве правил старший брат Иван, в Смоленске – средний брат Петр, а в Вязьме – младший брат Федор. Умирает Иван, и его стол в Киеве занимает не старший сын Александр, а средний брат Петр. На место Петра в Смоленск едет младший брат Федор, а на место Федора в Вязьму спешит старший сын покойного Ивана Александр.

Такая система наследования имела много преимущество по сравнению с вертикальной. Так, многие князья умирали в молодом возрасте, и сын-подросток, а то и младенец, не мог самостоятельно править княжеством. Естественно, что средний брат – опытный воин и политик – был лучшим правителем княжества.

Смена князей не всегда происходила в связи с их смертью. Довольно часто князей сгоняли со «столов» собратья-Рюриковичи или даже горожане. Понятно, что такие эксцессы увеличивали «миграцию» князей.

Замечу, что уже Владимир Святой где-то между 980-м и 986 годом разделил земли между сыновьями. Вышеслава он направил в Новгород, Изяслава в Полоцк, Святополка в Туров (в летописи указан Пинск), Ярослава в Ростов. Следует заметить, что Владимир делал сыновей не независимыми правителями областей, а всего лишь своими наместниками.

Между 1001-м и 1010 годами умерли своей смертью два старших сына Владимира Вышеслав и Изяслав. В 1010 г. Владимир производит второе распределение городов. В Новгород направлен из Ростова Ярослав, в Ростов якобы Борис из Мурома, а на его место Глеб, Святослав – к древлянам, Всеволод – во Владимир Волынский, Мстислав – в Тмутаракань (в Крыму).

А вот, к примеру, биография князя Ростислава Мстиславича (около 1110–1167). В 1125 г. он стал смоленским князем, с 1153 г. – князем новгородским, с 1154 г. Ростислав – великий князь в Киеве, откуда в 1155 г. он был выбит князем Изяславом Давидовичем и бежал в Смоленск. С 1157 г. Ростислав вновь княжил в Новгороде, с 1159 г. он опять на великом княжении в Киеве, в 1161 г. выбит из Киева и бежал в Белгород. В 1161 г. Ростислав в третий раз занял киевский престол и на сей раз пожизненно.

И, надо сказать, биография Ростислава Михайловича типичная для XII века.

Надо ли говорить, что князья Рюриковичи не были похожи на чиновную номенклатуру XXI века, которую кремлевский хозяин постоянно тасует по регионам и которая очень часто даже не берет с собой семей, отправляясь из Нижнего Новгорода, скажем, в Хабаровск. Князья же переходили на новый стол обязательно с дружиной и административным аппаратом (боярами, тиунами и т. д.), а те в свою очередь брали семьи, слуг и др.

Таким образом, по территории Руси (то есть по территориям современных Российской Федерации, Белоруссии, Украины и Прибалтики) в X–XIV веках почти ежегодно перемещались из одного города в другой тысячи людей. Такая ротация автоматически способствовала развитию языкового, культурного и, как ни странно, политического единства Руси. Пусть один князь Рюрикович уходил, но на его место приходил его близкий или дальний родственник.

Тут стоит упомянуть и о чисто русской специфике – наших густых и зачастую непроходимых лесах. Главной, а зачастую и единственной коммуникацией наших предков были реки. Летом славяне плыли на судах, а зимой ехали по льду на санях. Реки Восточной Европы в VIII–XII веках были гораздо полноводнее, и славянские челны ходили там, где сейчас текут маленькие ручейки – курице по колено. Собственно реки, каналы (копанки) и волоки и стали нашим государствообразующим фактором. Ну а реки текут не в пределах границ нынешних республик. Тот же Днепр течет через РФ, Беларусь и Украину, и волей-неволей все прибрежные жители говорили на одном языке, пусть и на разных диалектах.

Увы, вместо единой Руси самостийники подсовывают нам какую-то федерацию из украинских земель и славянизированных угро-финнов. Причем последние регулярно нападали на мирных украинцев. Так, взятие Киева в 1169 г. князем Андреем Боголюбским в трудах «щирых» историков представляется как агрессия москалей против украинцев. На мой взгляд, комментировать такие перлы – дело не историков, а психиатров.

Русское государство в конце X века отличало и единство религии. Еще в начале своего княжения Владимир Святой попытался реформировать пантеон славянских богов и сделать язычество государственной религией. Потерпев в этом неудачу, князь в 988 г. принял христианство и крестил Русь. Сам Владимир получил христианское имя Василий, однако и современники, и потомки помнили только его языческое имя.

Христианизация Руси шла довольно медленно и затянулась почти на два века, но сопротивление этому было связано с языческими верованиями, а не с какими-то национальными особенностями жителей Новгорода, Полоцка, Ростова и т. д. Церковное управление на Руси было жестко централизовано, служители церкви подчинялись киевскому митрополиту. Церковная централизация и миграция духовных лиц также способствовали сплочению единой страны.

На каком же языке говорили на Руси в IX–XIII веках? Естественно, на украинском – отвечают нам самостийники. Правда, в вопросе, откуда взялся украинский язык, в кругах творческой интеллигенции единства нет. Одни считают, что это язык древнего племени укров, от которых и пошло название «украинец», другие утверждают, что это язык атлантов, третьи грешат на Венеру – не богиню, а планету, разумеется. Нет! Нет! Я не шучу! А может, это выдержки из «форумов» Интернета? Нет. Это вроде бы серьезные, массовые издания:

«Украинский язык – один из древнейших языков мира… Есть все основания полагать, что уже в начале нашего летосчисления он был межплеменным языком». («Украинский язык для начинающих». Киев, 1992). «Таким образом, у нас есть основания считать, что Овидий писал стихи на древнем украинском языке» (Гнаткевич Э. «От Геродота до Фотия» // «Вечерний Киев» за 26 января 1993 г.). «Вполне возможно, что украинская лексика… несла терминологические, колонизационные,

жизнеутверждающие заряды на все четыре стороны Света-Первокрая, осваивая и оплодотворяя иноязычные и малоязычные территории…

Мы можем допустить, что украинский язык стал одной из живых основ санскрита… Украинский язык – допотопный, язык Ноя, самый древний язык в мире, от которого произошли кавказско-яфетические, прахамитские и прасемитские группы языков» (Чепурко Б. «Украинцы» // «Основа», Киев, № 3. 1993). «Украинская мифология – наидревнейшая в мире. Она стала основой всех индоевропейских мифологий точно так же, как древний украинский язык – санскрит – стал праматерью всех индоевропейских языков» (Плачинда С. «Словарь древнеукраинской мифологии». Киев, 1993). «В основе санскрита лежит какой-то загадочный язык “сансар”, занесенный на нашу планету с Венеры. Не об украинском ли языке идет речь?» (Братко-Кутынский А. «Феномен Украины» // «Вечерний Киев» за 27 июня 1995 г.).

Ну ладно, на каком языке говорил Ной – вопрос спорный, пусть даже на украинской мове. Ну а русские в Киеве в IX–XIII веках? Ведь остались же книги, берестяные грамоты, надписи на иконах, стенах храмов и другие «граффити». Увы, нигде нет намека на украинский язык. Все надписи сделаны на старославянском (древнерусском) языке.

До 1990 г. ни один серьезный ученый, в том числе и на Украине, не сомневался, что в Киеве, равно как и в Новгороде, говорили и писали на одном и том же языке. «Таким образом, на момент принятия христианства и широкого развития культуры язык восточных славян отличался фонетическим, грамматическим и лексическим единством на огромной территории его распространения… Следовательно, язык Киевской Руси XI–XII ст. можно изучать по многочисленным письменным документам. Они в определенной степени отражали живой язык русского населения того времени»[86]. «Древнерусский язык далек от специфики современных украинских говоров, и нужно поэтому признать, что словарь последних во всем существенном, что отличает его от великорусских говоров, образовался в позднейшее время»[87].

А вот цитата другого украинского ученого: «В связи с формированием древнерусской народности, складывался и общий по своему происхождению, характеру живой язык этой народности, который на разных славянских землях имел местную окраску, диалектные отличия. Древнерусский литературный язык развивался на общенародной восточнославянской языковой основе»[88].

А вот с 1991 г. именитые самостийные профессора и академики доказывают, что на Руси в XI–XIII веках было два языка – разговорный (естественно, украинский!) и книжный (древнерусский или церковнославянский). А профессор И. П. Ющук доказывает, что устных языков было тоже два: «Детей князей, бояр, воинов, купечества, священников учили в этих школах не языку смердов, а церковнославянскому (староболгарскому) языку, на котором были написаны книги. Одни овладевали им лучше, другие – хуже, но уж между собой, чтобы отличаться от простонародья, общались если не на чистом церковнославянском языке, то на церковнославянско-украинском суржике». Не многовато ли четыре языка для бедных киевлян?

Украинский историк Анатолий Железный[89] в своей книге «Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине» едко высмеял лингвистов-самостийников: «А вот теперь рассмотрим подробнее теорию украинских филологов о широком распространении украинского языка уже во времена Киевской Руси, который, по их утверждению, был господствующим и явился основой всех разновидностей славянских языков. Действительно ли уже тогда украинский язык существовал, или мы имеем дело с результатом предвзятого толкования древних письменных источников?

Существование церковно-славянского и древнерусского языков ни у кого сомнений не вызывает, так как сохранилось достаточно много древних текстов, написанных на этих языках. В то же время науке неизвестен ни один достоверно древний, подлинный документ на украинском языке. Украинские филологи вынуждены объяснять этот крайне неудобный для них факт тем, что в те времена будто бы считалось неприличным и разговаривать и писать на одном и том же языке, поэтому люди между собой разговаривали на украинском языке, а когда брали в руки перо, то те же самые мысли записывали на том или ином письменном языке – церковнославянском или древнерусском (видимо, в зависимости от настроения).

В таком случае возникает вполне законный вопрос: если украинский язык не зафиксирован ни в одном древнем документе, то как же украинские филологи догадались о его существовании?

Для доказательства того, что наши далекие предки – жители Киевской Руси разговаривали на украинском языке, была придумана весьма оригинальная теория, которую я назвал бы “Теорией описок и ошибок”, или “Теорией рассеянных писарей”. Ее смысл заключается в том, что будто бы древние писари, которые писали и переписывали книги и прочие тексты, абсолютно случайно, нечаянно, невольно, вследствие своей невнимательности и рассеянности иногда допускали описки и ошибки, и вместо тех слов, которые им диктовали, или которые были в переписываемых оригиналах, употребляли совсем иные, хотя и одинаковые по смыслу слова. Делали они так будто бы потому, что в повседневной жизни привыкли разговаривать на украинском языке и поэтому при рассеивании внимания случайно вписывали “украинизмы”. Вот эти-то вкравшиеся “украинизмы”, по твердому убеждению наших филологов, будто бы неопровержимо доказывают подспудное существование устного простонародного украинского языка. Вот такая очень убедительная теория!

Странно, однако, выглядит эта писарская “рассеянность”: меняя лишь форму слова, писари почему-то старались сохранить его смысл в точном соответствии с текстом.

Нетрудно заметить, что вся система доказательств в этой “теории” базируется на полной, безоговорочной уверенности в том, что мы имеем дело с действительно случайными описками и ошибками и что сделаны они именно в те древние времена, а не столетия спустя при переписывании. И вся эта тщательно выпестованная “теория” мгновенно рушится, как только мы узнаем, что построена она на анализе не подлинных древних документов, а лишь их позднейших копий!..

…Продолжим рассмотрение “Теории описок и ошибок”. Представьте себе такую картину: сидит писарь, ему диктуют какой-то текст, а он из-за своей невнимательности вместо церковнославянских или древнерусских слов время от времени пишет “украинизмы”. Не странно ли? Или иначе: писарь снимает копию, скажем, со “Слова о полку Игореве”. Вот он дошел до фразы “На второй день с самого утра кровавые звезды рассвет предвещают…” Тут мысли у него смешались, и он неожиданно для себя старательно вывел: “Другаго дни велми рано кровавые зори свет поведают…”

Давайте же, наконец, будем реалистами: рассеянность ли была причиной появления “украинизмов”? И почему эти так называемые “украинизмы” так странно похожи на полонизмы?

Нет, панове украинские филологи.

Не было на самом деле никаких писарей, пораженных болезнью массовой рассеянности. Были люди, тщательно и вполне квалифицированно выполнявшие свои профессиональные обязанности. Переписывая старые тексты, они совершенно сознательно (а не по рассеянности) заменяли устаревшие слова, вышедшие уже из употребления, на современные, но одинаковые по смыслу слова, изменяли форму некоторых слов, меняли отдельные буквы и вносили другие изменения и уточнения в соответствии с правилами современного выговора и современной грамматики. Словом, старались по возможности осовременивать старые тексты для того, чтобы сделать их полностью понятными читателю. “Появлялись литературные редакции того или иного памятника…, редактировался язык рукописей, при этом часто на полях к тем или иным словам делались глоссы (лексические, словообразовательные), которыми при дальнейшем переписывании текста заменялись устаревшие или малопонятные слова” (Г. С. Баранкова “О начале русской книжности”. Русская словесность № 1, 1993/ С. 27)…

…Василь Яременко утверждает, что в “Повести временных лет”, созданной в XI – начале XII ст., “…украинская лексика льется сплошным потоком” (с. 493). И в качестве примера приводит вот такие слова: жыто, сочэвиця, посаг, вабыты, пэчэра, вэжа, голубнык, стриха, рилля, мыто, пэрэкладаты, вино…

А теперь, в полном соответствии с изложенной здесь версией о формировании украинского языка в XV–XVII веках как следствия полонизации славянорусского языка, открываем польский словарь и читаем: zyto (рожь), soczewica (чечевица), posag (приданое), wabić (манить, привлекать), pieczora (пещера), wieza (башня), golębnik (голубятня), strych (чердак), rola (пашня), myto (плата, пошлина), przekladać (переводить), wiano (приданое)… Неужели кому-нибудь все еще не ясно, откуда появились в нашем языке все эти “украинизмы”?»[90].

Глава 2. От батыевой рати до Люблинской унии

Нравится нам или нет, но именно хан Батый стал «дедушкой» незалежных Украины и Беларуси. Результатом его похода стало уничтожение последних остатков первой системы управления Древней Руси. После Батыевой рати князья перестали ездить по столам с востока на запад и наоборот. Вместо этого в Твери, Рязани, Смоленске, а позже и в Москве появились свои династии. Ну а на юго-западе возникло королевство Даниила Галицкого.

Эти династии мало уделяли внимания малым западным и южным русским княжествам. В итоге они были захвачены воинственными литовскими князьями. Причем примерно в половине случаев горожане сами призывали к себе литовских князей. Кстати, и северные города нередко призывали к себе литовских князей. Так, в Новгороде служило их до десятка, а литовский князь Довмонт прославился как защитник Пскова и сразу после своей смерти в 1299 г. был канонизирован. Ну а внук Витовта князь Остей был призван защищать Москву в 1382 г., когда, испугавшись рати Тохтамыша, из столицы бежали Дмитрий Донской и вся его родня.

Но если в Пскове и Новгороде литовские князья выполняли функцию служилых князей, то в Западной и Южной Руси они стали полноправными правителями.

С начала XIV века в состав Великого княжества Литовского постепенно входят земли западной, центральной и южной Руси. Я лишний раз подчеркиваю, что литовская экспансия началась в XIV веке, а не сразу после 1240 г., как вещали царские и советские историки. Шестьдесят лет – это жизнь двух поколений!

В 1307 г. литовский князь Витень изгоняет тевтонских рыцарей из Полоцка, и там в 20-х годах XIV века правит полоцкий князь Воин, брат Гедимина.

В 1319 г. литовский князь Гедимин захватывает древний русский город Берестье (Брест).

На следующий год литовцы занимают Витебск. Замечу, что в 1281–1297 гг. Витебское княжество было в вассальной зависимости от смоленских князей. Последний витебский князь Ярослав Всеволодович, внук великого князя владимирского Андрея Ярославича, умер в 1320 г., не оставив мужского потомства, поэтому княжество перешло к князю Ольгерду, женатому на Марии, дочери Ярослава Всеволодовича.

В 1323 г. к Литве была присоединена Черная Русь (Поднеманье) и Поляшье (Подлесье).

В середине XIV – начале XV века к Литве отходят несколько небольших княжеств, образовавшихся в середине XIII века после распада Черниговского княжества: Брянское, Новгоро-Северское, Рыльское, Путивльское, Новосильское и т. д.

Почему же маленькая дикая Литва сумела захватить русские земли, в несколько раз превосходившие территорию, где жили этнические литовцы? И советские, и националистические историки Украины, Белоруссии и Литвы сводят дело к татарскому фактору. Первые, как я уже говорил, утверждали, что-де татары так разорили Русь, что она не могла сопротивляться, а националисты утверждают, что, мол, русское население видело в литовцах освободителей от татарского ига.

Обе точки зрения не выдерживают элементарной критики. Начну с того, что Полоцкое, Брестское и другие княжества Западной Руси пострадали от татар куда меньше, чем Владимиро-Суздальские земли. Тем не менее великие князья владимирские сумели в XIII–XIV веках дать отпор и литовцам, и Тевтонскому ордену, и шведам.

Что же касается мнения националистов, то захваченные литовцами русские земли продолжали платить дань Золотой Орде. Только теперь это делали не местные князья Рюриковичи, а литовские князья. Так, к примеру, летописец сообщает о выплате в 1362 г. (!) Орде дани с Киевской, Черниговской и Волынской земель.

Так как и почему русские земли вошли в состав Великого княжества Литовского? Начну с того, что документальных сведений событий XIV века в захваченных Литвой землях до нас дошло крайне мало. Тем не менее можно примерно обрисовать процесс перехода русских княжество под власть Великого княжества Литовского.

Как уже говорилось, Великое княжество Владимирское еще в середине XIII века буквально плюнуло на западные и южные русские земли. Дети, внуки и правнуки Александра Невского непрерывно воевали между собой за владимирский престол. Предел их мечтаний – выбить побольше денег из Господина Великого Новгорода, отправить побольше дани и подарков золотоордынскому хану и выпросить у него ярлык на владимирский стол. Между тем все великие князья владимирские, в том числе и Иван Калита, считали себя и князьями киевскими, но это была лишь пустая формальность, делами своей «отчины» они никогда не интересовались.

Литовские князья были смелыми и опытными полководцами, а их дружины хорошо закалены непрерывными войнами с тевтонскими рыцарями. Естественно, жители русских городов были заинтересованы иметь такого князя в качестве защитника.

Вопреки мнению советских ученых, никакого закабаления русского народа «литовскими феодалами» попросту не было. В присоединенных к Литве русских княжествах происходила лишь замена князей Рюриковичей на литовских князей Гедиминовичей. Как писал советский историк Н. М. Иванов: «Явление это напоминает появление на Руси несколькими столетиями раньше Рюриковичей».

В ряде случаев литовцы оставляли на престолах и князей Рюриковичей, ставших вассалами Великого княжества Литовского. У литовских князей около 80 % жен были княжны Рюриковны.

Не только литовские князья, но и их дружинники быстро научились говорить по-русски. Нет никаких данных о переселении этнических литовцев на захваченные русские земли. Мало того, процент этнических литовцев в дружинах великих князей литовских и их вассалов, княживших в русских землях, в течение XIV века неуклонно падал, и в начале XV века литовцы там не составляли и пяти процентов.

Литовские бояре и дружинники, приехавшие вместе со своими князьями в русские города, женились на русских и обрусевали в первом или втором поколении.

Официальным языком Великого княжества Литовского был… русский, а вся документация велась на кириллице, поскольку литовцы вообще не имели своей письменности.

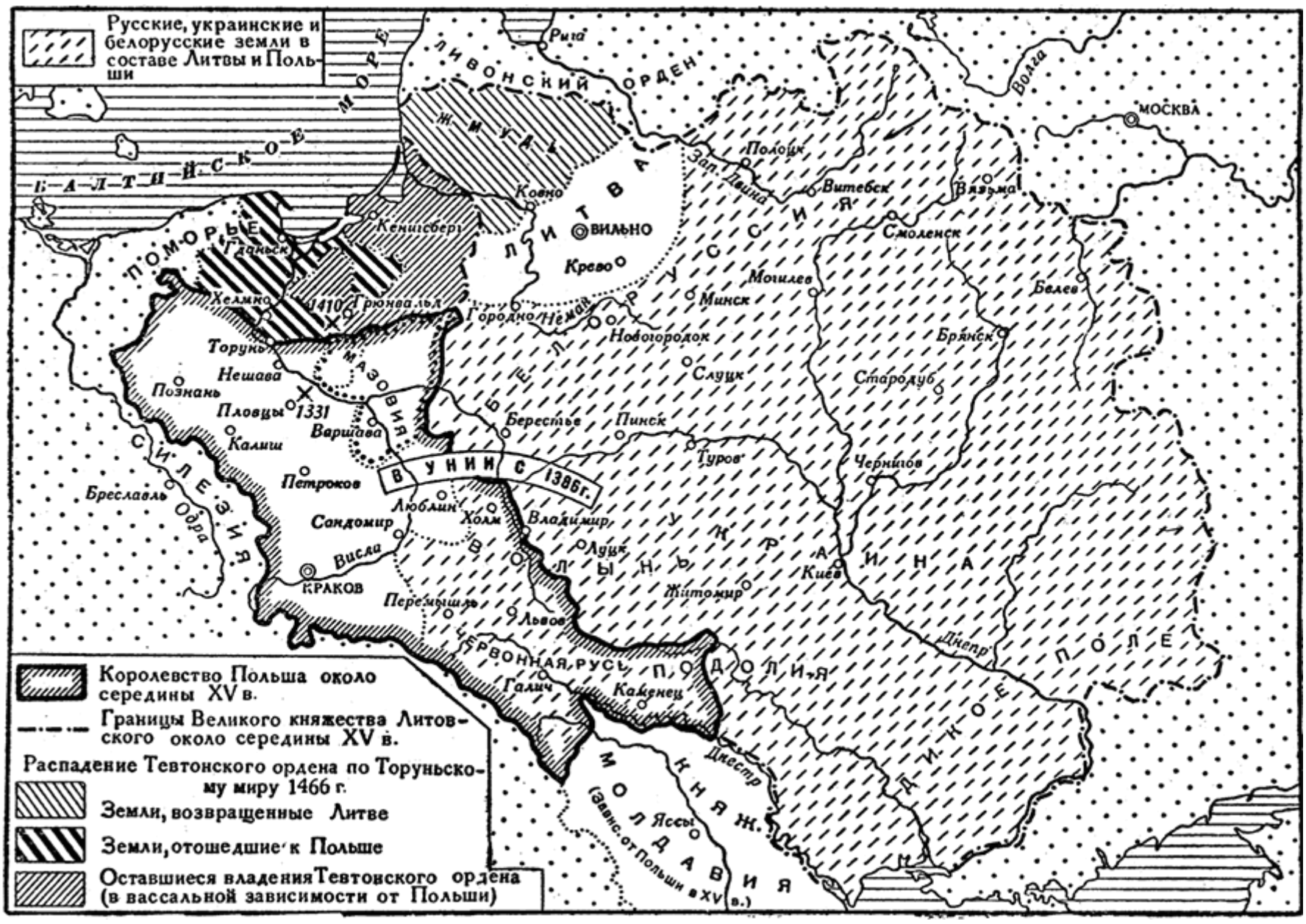
Некоторые проблемы возникали с религией. Дело в том, что население этнической Литвы было убежденными язычниками. Литва крестилась в конце XIV – начале XV века, то есть литовцы стали последним в Европе народом, принявшим христианство.

Однако литовские князья не только не пытались принудить русских принять язычество, но даже не пропагандировали его. Мало того, литовские князья начали исповедовать двоеверие, а то и троеверие. Причем речь идет не о попытках сочетать христианские обряды с языческими, как это было, скажем, на Руси в XI–XII веках. Литовские князья в русских землях соблюдали все православные обряды, а, переезжая в Литву, немедленно становились язычниками. А при необходимости, например, заключая договор с крестоносцами или поляками, принимали католичество, что, впрочем, никак не отражалось на выполнении ими православных и языческих обрядов. Большинство князей Гедиминовичей были крещены по православному обряду.

Великий князь Гедимин (годы правления 1315–1340) имел две официальные жены. По одной версии первой женой была Винда, дочь жмудского бортника Виндиминда, а второй – Ольга Всеволодовна, княжна смоленская (или Ольга Глебовна, княжна рязанская). По второй версии первой женой была Ольга Всеволодовна, княжна смоленская, а второй – Евна Ивановна Полоцкая.

Тот факт, что у Гедимина была одна или даже обе жены русскими, означает, что он принял православие: выдача княжей дочери за язычника была невозможна на Руси. Другой вопрос, что Гедимин и его потомство, тот же Ольгерд, относились к смене вер очень спокойно, и производили их по мере надобности. Нужно жениться или заключить союз с соседом – выполняют христианские обряды, нужна поддержка местной знати – начинали публично выполнять языческие обряды.

Гедимин имел семерых сыновей[91]: Монвида (ум. 1340), Нариманта (1277–1348), Ольгерда (1296–1377), Кейстута (1298–1381), Корьята (ум. 1390), Любарта (1312–1397) и Евнута (Евнутия) (1317–1366).

Польша и Литва в XIV–XV веках

Формально все сыновья Гедимина были крещены и имели православные имена, так Наримант был Глебом, Ольгерд – Александром, Корьят – Михаилом и т. д. Немцы уже с XIV века стали называть Вильно[92] «русским городом», а польские хронисты – «столицей греческого [православного] отщепенства».

Большинство сыновей Гедимина женилось на русских княжнах, а позже их потомки служили как польским королям, так и московским великим князьям. Так, от Монвида пошли такие известные на Руси фамилии, как Хованские, Корецкие, Голицыны, Куракины, Булгаковы, Щенящевы. От Ольгерда пошли князья Чарторыские, Несвижские, Трубецкие, Вишневецкие и другие.

В XIX веке среди русских историков был в ходу афоризм: «Победила не Литва, а ее название». Таким образом, с начала XIV века до середины XVI века на огромной территории от Бреста до Вязьмы и от Торопца (на севере) до Киева существовало русское православное государство, именуемое Великим княжеством Литовским.

В конце 60-х годов XVI века усилилось движение польских панов за создание единого государства с Великим княжеством Литовским. Сейчас «самостийные» белорусские историки утверждают, что-де создание польско-литовского государства стало реакцией народов этих стран на агрессию Ивана Грозного. Спору нет, война с Москвой сыграла в этом определенную роль. Но московский вектор Люблинской унии не был решающим. Русско-литовская война несколько лет велась вяло, а четыре года перед самой унией не велась вообще. Армия Ивана Грозного по тактике полевого боя и по вооружению заметно отставала от армий западных государств. Москве в ходе Ливонской войны приходилось одновременно действовать против шведов в Эстляндии, крымских татар на юге, турок в Астрахани и т. д. Наконец, террор психически нездорового царя, в том числе уничтожение десятков самых лучших русских воевод, серьезно ослабил русскую армию[93]. Так что ни Россия, ни страшный Иван не угрожали в 1568 г. ни Польше, ни Литве. Кстати, это мы сейчас знаем о чудовищных расправах Ивана над своими подданными. А польские и литовские паны через несколько лет после унии пожелают видеть Ивана… своим королем.

Куда ближе к истине тот же С. М. Соловьев: «Бездетность Сигизмунда-Августа заставляла ускорить решением вопроса о вечном соединении Литвы с Польшею, ибо до сих пор связью между ними служила только Ягеллонова династия»[94].

В январе 1569 г. польский король Сигизмунд II Август созвал в городе Люблине польско-литовский сейм для принятия новой унии. В ходе дебатов противники слияния с Польшей литовский протестант князь Криштов Радзивилл[95] и православный русский князь Константин Острожский со своими сторонниками покинули сейм. Однако поляки, поддерживаемые мелкой литовской шляхтой, пригрозили ушедшим конфискацией их земель. В конце концов, «диссиденты» вернулись. 1 июля 1569 г. была подписана Люблинская уния. Согласно акту Люблинской унии, Польское королевство и Великое княжество Литовское объединялось в единое государство – Речь Посполитую (республику) с выборным королем во главе, единым сеймом и сенатом. Отныне заключение договоров с иноземными государствами и дипломатические отношения с ними осуществлялись от имени Речи Посполитой, на всей ее территории вводилась единая денежная система, ликвидировались таможенные границы между Польшей и Литвой. Польская шляхта получила право владеть имениями в Великом княжестве Литовском, а литовская – в Польском королевстве. Вместе с тем Литва сохраняла определенную автономию: свое право и суд, администрацию, войско, казну, официальный русский язык.

Согласно 9-му параграфу унии, король обещал должности в присоединенных землях предоставлять только местным уроженцам, имеющим там свою оседлость. «Обещаем не уменьшать должностей и урядов в этой Подляшской земле, и если что из них сделается вакантным, то будем предоставлять и давать шляхтичам – местным уроженцам, имеющим здесь недвижимое имение»[96].

Киевское княжество по желанию поляков было «возвращено» Польше, как будто бы еще задолго до княжения Ягайло принадлежащее польской короне. Поляки говорили: «Киев был и есть глава и столица Русской земли, а вся Русская земля с давних времен в числе прочих прекрасных членов и частей присоединена была предшествующими польскими королями к короне Польской, присоединена отчасти путем завоевания, отчасти путем добровольной уступки и наследования от некоторых ленных князей». От Польши, «как от собственного тела», она была отторгнута и присоединена к Великому княжеству Литовскому Владиславом Ягайло, который сделал это потому, что правил одновременно и Польшей, и Литвой.

Фактически акты Люблинского сейма 1569 г. явились конституцией нового государства – Речи Посполитой. Как писал В. А. Беднов: эти акты, «с одной стороны, подтверждают всем областям Великого княжества Литовского все те законы, права, вольности и сословные привилегии, которыми раньше определялось их юридическое положение, а с другой стороны, уравнивали их с коронными областями во всем том, чего эти первые не имели в сравнении с последними до Люблинской унии. Дух веротерпимости, господствовавший в эпоху среди польско-литовского общества, а затем и политические расчеты покрепче связать с Польше богатые и обширные области, населенные православно-русскими обывателями, не позволили римско-католическому духовенству поставить какие-либо ограничения религиозной свободе русского населения; правительство стояло за религиозную свободу и проявляло свою веротерпимость, но эта веротерпимость являлась не столько добровольной, сколько вынужденной. Она вытекала не столько из уважения к религиозным убеждениям населения, сколько из простого расчета сохранить внутренний мир и спокойствие государства, так как при том разнообразии религиозных верований, какое царило при Сигизмунде Августе в Польше и Литве, подобное нарушение этого мира религиозных общин могло привести к страшным расстройствам и опасным для государства замешательствам»[97].

Возможно, кому-то слова православного священника и профессора богословия Варшавского университета о веротерпимости в Речи Посполитой во второй половине XVI века покажутся странными, если не сказать жестче. На самом же деле он прав. Вот два достаточно характерных примера из жизни Речи Посполитой того времени. Константин Константинович Острожский был не только одним из богатейших магнатов, но и одним из светских идеологов православия в Речи Посполитой. Однако женат он был на католичке Софии Тарновской, дочери краковского каштеляна. Его сын Януш тоже стал католиком. Зато одна дочь вышла замуж за кальвиниста Криштофа Радзивилла, а другая – за Яна Кишу, сторонника социан[98].

А возьмем того же Юрия Мнишка, которого наши историки называют фанатичным приверженцем католицизма. Действительно, пан Юрий был католиком, но одна его сестра вышла замуж за

краковского воеводу – кальвиниста Яна Фирлея, другая – за арианина[99] Страдницкого, сам Мнишек женился на Ядвиге Тарло, отец и братья которой также были ариане.

Попробую подвести, наконец, итоги. Начну с того, что дала Уния русскому населению? Именно русскому, поскольку никаких белорусов и украинцев к 1569 г. в Великом княжестве Литовском не было. Был один язык, одна культура, одна религия, один митрополит, одни обычаи и т. д. Так вот для русского населения ничего плохого в текстах Люблинской унии не было. Наоборот, она подтверждала их прежние права. И трудно сказать, в каком направлении пошла бы история Восточной Европы, если бы польские короли строго выполняли все параграфы люблинских актов 1569 г.

Но польские паны тем и отличались, что любили принимать хорошие законы, но органически не желали исполнять ни хороших, ни плохих законов.

В результате Люблинская уния вопреки всем ее актам стала началом католической агрессии на русские земли, входившие ранее в состав Великого княжества Литовского. Увы, этого русские люди не могли предвидеть даже в страшном сне, поэтому и князья, и шляхта, и духовенство пассивно отнеслись к принятию унии.

На секунду перенесемся на два века вперед. Екатерина Великая присоединяет к России правобережную Малороссию и Белоруссию и обнаруживает там хлопов – православных и униатов, говорящих на диалектах русского языка, и дворян – исключительно поляков-католиков. А куда же делись тысячи русских дворян? Может, поляки поголовно всех вырезали? Увы, никакой резни не было. Поляки и заезжие иезуиты соблазнили русское дворянство, и за первую половину XVIII века русские князья, бояре и дворяне полонизировались на 98 процентов.

Почему же это произошло? Тут, несомненно, сыграли роль и притеснения православных дворян, проводимые польскими властями, а главное то, что ляхи предложили просвещение, политическую свободу, вольности обычаев и нравов.

Не последнюю роль сыграл и секс.

Рассмотрим все по порядку. С притеснениями православной шляхты все понятно – запрет на занятие многих должностей, препятствия в карьере тем, кто служил королю или в выборных органах, лишение ряда привилегий, данных католической шляхте, дополнительные налоги и подати, и т. д.

Замечу, что речь идет не только о «мрачном средневековье». В октябре 1766 г. на сейме глава польской католической церкви епископ Солтык официально заявил, что «религиозная разность вредна для государства, и потому он ни за что не даст своего согласия на такое нечестивое дело, как расширение диссидентских прав. “Если бы я увидел отворенные для диссидентов [т. е. православных. – *А.Ш.*] двери в сенат, избу посольскую, в трибуналы, то заслонил бы я им эти двери собственным телом, пусть бы стоптали меня. Если бы я увидел место, приготовленное для постройки иноверного храма, то лег бы на это место, пусть бы на моей голове заложили краеугольный камень здания”»[100].

Ну а теперь от системы принуждения перейдем к методам совращения дворянства. Начнем с просвещения. Культурный уровень домонгольской Руси был намного выше, чем в Польше. Речь идет и о просвещении, и о литературе. Замечу, что первые польские литературные произведения относятся ко второй половине XIII века.

Однако татаро-монгольское нашествие, а также культурная и экономическая блокада Руси, осуществленная на севере – шведами, на западе – поляками, а на юге – татарами, а позже – турками, существенно замедлила развитие науки и искусства в Московском государстве. Замечу, что немалую роль в этой блокаде сыграл и Рим.

До нас дошло множество папских булл (посланий) к шведам, ганзейцам и полякам с призывами не пропускать из западных стран к схизматикам товары, книги, мастеров и ученых.

Конец XV и XVI века в Западной Европе – время Великих географических открытий, эпоха Возрождения в искусстве и резкий скачок в науке и технике. Все западные новшества свободно попадали в Речь Посполитую и с огромным трудом – в Московию.

Еще в 1400 г. в Кракове был открыт университет (академия). При короле Стефане Батории просвещение в Речи Посполитой оказывается в руках иезуитов. Отцы-иезуиты в 1570 г. открывают в Вильно коллегию (школу), которая в 1578 г. королевским указом была преобразована в университет (академию) и уравнена в правах с Краковским университетом.

Замечу, что против этого преобразования категорически выступали высшие должностные лица Великого княжества Литовского – канцлер Николай Радзивилл Рыжий (кальвинист) и вице-канцлер Евстафий Волович (православный). Они-то прекрасно понимали, что цели иезуитов – не просвещение польского юношества, а насаждение католической реакции.

В 1579 г. иезуиты основали коллегию в Полоцке, а в 1582 г. – в Риге.

Иезуиты «всецело захватили воспитанию юношества в свои руки. Им давали своих детей не только католики, но и разноверцы, в том числе и православные, а они делали их горячими приверженцами латинства, преданными и послушными своими слугами. Под влиянием иезуитов знатные диссидентские и православные фамилии начали быстро переходить в лоно католической церкви. Как легко и быстро в первой половине XVI века польско-литовские паны принимали реформацию, так теперь легко они обращались к Риму и оставляли свои протестантские воззрения. Католическая реакция росла все больше и больше; католичество усиливалось и торжествовало над своими врагами»[101].

В коллегиях или университетах юные русские шляхтичи оказывались в окружении толпы сверстников, в совершенстве овладевших польским языком, знакомились с родней однокашников-католиков.

Юные польки были куда более раскованы и фривольны, чем православные шляхтянки. В итоге повсеместно заключались смешанные браки, причем венчание обязательно проводилось по католическому обряду, и жениху приходилось переходить в латинскую веру.

Главное, что иезуитские коллегии и университеты прививали презрение к православным людям – как к хлопам, так и к дворянам и попам. Во врата коллегии входили православные юноши, а выходили католики, считавшие всех православных невежественными схизматиками.

«Речь Посполитая» буквально переводится как «власть народа», то есть республика. Какой же народ правил в сей республике?

«В Польше искони веков толковали о вольности и равенстве, которыми на деле не пользовался никто, только богатые паны были совершенно независимы от всех властей, но это была не вольность, а своеволие. Даже порядочная и достаточная шляхта должна была придерживаться какой-нибудь партии, т. е. быть под властью какого-нибудь беспокойного магната, а мелкая шляхта, буйная и непросвещенная, находилась всегда в полной зависимости у каждого, кто кормил и поил ее, и даже поступала в самые низкие должности у панов и богатой шляхты, и терпеливо переносила побои, – с тем условием, чтобы быть битым не на голой земле, а на ковре, презирая, однако ж, из глупой гордости, занятие торговлей и ремеслами, как неприличное шляхетскому званию. Поселяне были вообще угнетены, а в Литве и Белоруссии положение их было гораздо хуже негров»[102] – таков ответ шляхтича Булгарина.

Я уточню – «вольности» были привилегией лишь магнатов. Что мог позволить себе богатый пан? Всё! Да, да, я вовсе не преувеличиваю. Пан, разумеется, католик, мог делать все, что угодно. Например, русский боярин и при Иване Грозном не мог убить своего холопа, а в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 года за это ему светили суровые статьи. А вот пан мог крестьянина повесить, посадить на кол, подвесить на крюке за ребро, короче, делать все, на что у него хватит фантазии.

Любой пан со времен королей Пястов и до 1815 г. мог сформировать частную армию. Численность ее зависела исключительно от содержимого кошелька оного пана. Пан мог вооружить ее артиллерией, как полевой, так и осадной. Мог устроить орудийный завод в своем поместье. Паны строили крепости, иной раз даже приглашая для этой цели французских инженеров, которые считались тогда лучшими в мире фортификаторами.

Из какого же контингента составлялись частные армии? В первую очередь из голозадой голодной шляхты. При необходимости магнат мог любого хлопа произвести в шляхтичи. В этнической Польше и

в Малороссии в XV–XIX веках существовали десятки еврейских контор, где за небольшую сумму могли состряпать любую родословную, причем на самом высоком техническом уровне.

При необходимости в частные армии нанимались иностранцы, в первую очередь немцы. В XVII–XVIII веках у панов большим спросом пользовались драгуны, дезертировавшие из русской армии.

Если польский король объявлял войну иностранному государству, то каждый пан был волен участвовать или не участвовать в ней. Несколько раз в XVI–XVIII веках польский сейм объявлял, что Речь Посполитая нейтральна, это, мол, польский король ведет свою частную войну.

Ну а если заведомый агрессор вторгся в Польшу? То и тогда пан имел право решать, за кого воевать – за неприятеля или за своего короля.

Вторжение неприятеля в польские пределы – немцев, шведов, русских – почти всегда приводило к междоусобице панов, воевавших между собой. Вот, к примеру, сейчас белорусские националисты любят говорить о «геноциде белорусского народа», совершенном русскими войсками в 1654–1655 гг. Утверждают, что «русские варвары» убили половину населения современной Беларуси. Причем откуда взята эта цифра, нам никто не говорит. Так что эти 50 процентов – сплошная «липа». Тем не менее война была чрезвычайно кровавая. При этом русские войска без особых потерь заняли западные районы Речи Посполитой, а местные паны в большинстве своем принесли присягу царю Алексею.

Но вот несколько месяцев спустя многие паны решили вернуться назад, к своему «крулю». Началась отчаянная война между польскими подданными и русскими подданными панами. И тем, и другим было плевать и на «круля», и на царя. Драка шла за земли, замки и хлопов. В довершение всего в Белоруссию хлынули многие тысячи казаков Хмельницкого, тоже, кстати, бывшего подданного Речи Посполитой. В этом междусобойчике было убито во много раз больше людей, чем в сражениях между регулярными русскими войсками и королевской армией.

Мне до сих пор не удалось встретить ни одного случая, чтобы польские короли в XVII–XVIII веках казнили хоть одного знатного пана за участие в войне на стороне иностранного государства. Знатных панов начали казнить лишь с конца XVIII века в ходе восстаний против «русских поработителей».

Формально в Речи Посполитой имелись суды, которые должны были судить шляхту. Но подавляющее большинство панов «плевали на них с высокой колокольни». Даже наш «эмигрант» Андрей Курбский быстро сориентировался и стал игнорировать судебные решения. Мало того, публичное издевательство над польской фемидой в XVII–XVIII веках стало модным. Так, некий пан Самуил Лящ (Лащ) за убийство шляхтичей, изнасилование их жен и дочерей, захваты имений был приговорен польскими судами 236 раз к баниции (изгнание из страны) и 37 раз к инфамии (лишении чести). Приговоры тогда писали на пергаменте. Не лишенный юмора пан Лящ собрал приговоры и велел сшить из них себе кафтан. В оном кафтане Лящ появился в Кракове на балу у короля и даже сетовал дамам, что-де кафтан у него коротковат.

Итак, шляхта могла сама решать, на чьей стороне ей воевать в случае конфликта между Польшей и иностранным государством. Ну а если король и сейм заключали мир с соседней державой? Ну, тогда пан мог вести свою частную войну. О частных войнах панов с Россией в XVI – начале XVII века мы уже говорили. Ну а внутри страны вести частные войны сам Бог велел! И вот столетия паны жили «по понятиям».

Представители польской знати XVI в.

Обратим внимание, что поводом ко всем казацким войнам XVI–XVIII веков в Малороссии становился очередной панский беспредел.

Жила-была в городе Остроге семья мещанина Наливайко. У него было два сына. Старший Дамиан (Демьян) состоял придворным попом у князя Константина Острожского. А младший Северин служил пушкарем в частной армии у того же Константина Острожского и отличился в войне Острожского против казаков Косинского. Все бы было хорошо. Отличил бы его пару раз Острожский, и стал бы Северин польским шляхтичем, и воевало бы его потомство 400 лет с Россией, а сейчас служило бы в войсках НАТО. Но судьба-индейка распорядилась иначе. У старика Наливайко был небольшой участок земли в Гусятине.

Он приглянулся богатому шляхтичу Калиновскому. Пан, не долго думая, захватил надел, а старика велел избить палками так, что тот на следующий день отдал Богу душу.

Узнав о гибели отца, Дамиан нашел утешение в монашестве, а Северин взялся за саблю. Казачья война под началом Северина Наливайко велась с 1 июля 1594 г. по 24 мая 1596 г. Замечу, что Наливайко, равно как и другие казацкие вожди, вел себя с панами по-пански – сажал на кол, убивал их детей, насиловал панн и паненок.

Как говорится, «с волками жить – по волчьи выть».

Секс был не последним аргументом в совращении русского дворянства. Ведь в сексуальном отношении нравы православных русских в XIV–XVI веках, как в Московском государстве, так и в ВКЛ, были более чем суровы. Хотите, называйте это целомудрием, хотите – ханжеством или сексофобией, суть от этого не меняется.

Дабы избежать поношений со стороны квасных патриотов, я приведу обширные цитаты из официального источника – журнала «Родина», учредителями которого являются правительство РФ и Администрация Президента РФ.

«Любые формы интимных контактов воспринимались как блуд. Не был исключением и секс между супругами. Любое начало интимной жизни рассматривалось как растление души и тела, понижение нравственного состояния человека. Приведем типичные примеры начала исповедного чина. “Как чадо

и братие, впервые растил девство свое и чистоту телесную осквернил, с законною женою или с чужою”. “Как в первых растлил девство свое: блудом ли или с законною женою, ибо блуд бывает всякий” (Вопрос мужам и отрокам / «А се грехи злые смертные…». Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России. Документы и исследования. М., 1999. С. 62, 63)…

Священнослужители допускали секс в браке как единственно возможное средство продолжения рода – любое проявление чувственности, не имеющее своей целью воспроизведение потомства, строго осуждалось. Количество сексуальных контактов стремились ограничить. По подсчетам Пушкаревой, если бы русский человек соблюдал все церковные предписания, то он не мог бы заниматься сексом более пяти раз в месяц. Причем иметь больше одного интимного контакта за ночь также признавалось достаточно серьезным грехом»[103].

У православных в XIV–XVI веках жены не имели права участвовать в пирах и званых обедах.

Ну а у поляков женщины еще в XIV веке пользовались большой свободой. Так, польский историк XIX века Кароль Шайноха писал, что «жена была любовницей, другом, “благодарным и милым другом, драгоценностью, главой короны”, пишет Лозиньский. В XVI–XVIII вв. существовало много эротизма в литературе, порнография распространялась в частных рукописях. Спали обнаженными, лишь позже стали надевать ночные рубашки. Были известны многочисленные возбуждающие средства, злоупотребление которыми приводило к плачевным результатам. Например, гетман Консипольский “умер через несколько недель после женитьбы от стимулятора, который он употреблял ради молодой жены”.

В XVIII в. при дворе последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа, а также при многочисленных дворах аристократии обычаи обрели далеко идущую свободу. Ролле отмечает, что, например, при дворе киевского воеводы “продолжался непрерывный банкет, на котором не было недостатка в женщинах… тот, кто хотел, играл в идиллию – уходил в отдаленные комнаты, освещенные алебастровыми лампами, бросающими полусвет… Расставленные в них апельсиновые и лимонные деревья, беседки, оплетенные плющом, удобные сиденья, хотя и выполненные в миниатюре, создавали удобную обстановку для воркующей пары”.

Женщины появлялись в прозрачных, легких одеждах. Нарядные и остроумные, а вместе с тем злые, вмешивающиеся в политику, они легко завязывали романы с дипломатами соседних государств. Возмущенный Китович восклицал: “До сих пор польские дамы не вмешивались в общественные дела, сегодня они подражают французским женщинам… Женщины становятся депутатами сейма… целые сессии просиживают на крыльце… делают знаки своим доверенным лицам с помощью губ или мимики, ведут себя, как им хочется”. Широкое распространение получили измены, разводы, сексуальные оргии.

В этот период, пишет Василевский, супружеская верность рассматривалась как оскорбление хорошего тона, девственница как аномалия, голубая гетера как норма. Волна разводов докатилась до мелких аристократов, шляхты, низших слоев. Мода все больше обнажала бюст, колени, не соблюдалась даже видимость скромности. Свобода нравов царила в среде аристократии и связанных с ней кругах шляхты»[104].

Уже в XVI веке в Польше дамы по французской моде появляются в декольте, из Франции, Германии и Италии поступает эротическая литература и порнографические гравюры.

Понятно, что это не может не привлекать молодых православных русских шляхтичей и особенно шляхтянок. Результат тот же: переход в католичество, смешанные браки и постепенная полная полонизация знатных семейств.

Вот несколько характерных примеров. Начнем с самого знаменитого и богатого польского рода – князей Чарторыских[105]. Их в XVIII веке именовали просто Фамилией, подразумевая, что Чарторыские фактически правят Речью Посполитой.

Они происходили из рода Рюриковичей – боковая ветвь волынских князей. Есть неподтвержденные сведения, что они породнились с Гедиминовичами. Фамилию они получили от родового владения – старого русского города Чарторыска на берегу реки Стырь на Волыни. Впервые город упомянут в летописи под 1100 годом, тогда он был передан князю Давыду Игоревичу. Сейчас это село Старый Чарторыйск.

До 1622 г.[106] все князья Чарторыские были православными. А в 1622 г. князь Юрий Иванович перешел в католичество и стал «оказывать сильно покровительство иезуитам». Вместе с ним перешел в католичество и его сын воевода волынский Николай-Юрий. Второй сын Юрия Андрей стал монахом Адрианом в ордене бернардинцев. Наконец, сын Николая Казимеж-Фрориан стал архиепископом гродненским, а с 1673 г. – примасом Польши.

Как видим, с переходом в католичество у Чарторыских русские имена менялись на польские. Внуки русского князя Юрия Ивановича говорили только по-польски и считали себя поляками.

А теперь перейдем к еще одному знаменитому польскому аристократическому роду – Вишневецким. Род свой они ведут от Дмитрия (Корибута)[107], князя Новгород-Северского, сына великого князя литовского Ольгерда. Правнук Корибута Солтан построил замок Вишневец. После смерти бездетного Солтана замок перешел к его племяннику Михаилу Васильевичу, который и стал первым князем Вишневецким. Все князья Вишневецкие были православными. Православными – мало сказать, их в ВКЛ и Московском государстве величали «ревнителями православия».

А внук первого князя Вишневецкого, староста Черкасский и Каневский, Михаил Александрович стал предводителем запорожцев. С некоторой натяжкой его можно назвать «батькой войска запорожского». Именно он построил крепость на острове Малая Хортица.

А вот племянник «казака Байды» воевода русский Константин Константинович первым в роду Вишневецких в 1595 г. перешел в католичество.

Другой знаменитый представитель рода Вишневецких – Иеремия-Михаил – в 1631 г. в возрасте 19 лет после учебы у иезуитов перешел в католичество, за что был проклят своей матерью. Иеремия, или, как его звали казаки, Ярёма, стал палачом украинского народа в ходе войны с Богданом Хмельницким. Замечу, что Ярёма командовал не королевской, а собственной частной армией.

Сын же Ярёмы Михаил-Томсен (1640–1673) в 1669 г. был избран королем Речи Посполитой.

В первой четверти XVII века католичество принимают представители знатных русских родов – князья: Януш Заславский, Петр Збаражский, Самуил и Карл Корецкие, Симон Сангушко и т. д. Напомню, что и тысячи простых православных шляхтичей «добровольно-принудительно» перешли в католичество.

К середине XVIII века в Малой и Белой России богатых православных шляхтичей можно было пересчитать по пальцам. Наиболее известный из них киевский воевода Адам Григорьевич Кисель. Он верно служил польскому королю и выступал против национально-освободительной борьбы малороссийских казаков. В итоге он заслужил ненависть украинского народа и подозрения шляхты в связях с Хмельницким.

Ряд историков считают последним русским шляхтичем Даниила Братковского.

Он был прекрасно образованным православным человеком. В книге «Мир, пересмотренный по частям» он изобличает пороки шляхты – пьянство и продажность: «…не наука, не заслуги, а деньги у нас господствуют – говорит он. – Кто заплатит или угостит, тот прав в суде, тот слывет Демосфеном на сейме, тот получает староства и должности, тот везде пользуется почетом и уважением, если он горд, то имеет право презирать каждого, хотя бы умнейшего, бедняка. Остальные же только и делают, что пьют, дерутся, да ищут кому бы продать свой голос на сейме или свое мнение в суде. Безнравственность растлила все шляхетское общество, семью и государство: красноречие заменяется скучным риторством, честность – мошенничеством, правосудие – сутяжничеством. Казну грабят сборщики податей, войско без жалованья – грабит свой же край. Равенство шляхетское – только фраза, покрывающая олигархические замашки богатых панов. “Вольности шляхетския” состоят в том, что шляхтич может чинить зло и не подчиняться даже требованиям разума. Крестьяне порабощены окончательно; даже, смешно сказать, боль их пан обращает в статью дохода для себя, ибо если двум крестьянам случится подраться, то штраф за нанесенные побои шляхтич забирает себе. Русский элемент до того подавлен, что “если русин нуждается в чем-нибудь, то он должен притаиться, льстить, и успевает только в таком случае, если в нем русина не узнают”»[108].

Поначалу Братковский пытался защитить православие в Киевском[109] и Волынском воеводствах, но, увы, сделать это в Речи Посполитой было невозможно. Тогда Братковский поддержал движение белоцерковского полковника Семена Палия и даже в начале 1702 г. встречался с ним в Фастове.

В октябре 1702 г. волынская шляхта схватила Братковского. Даниила зверски пытали и 26 ноября 1702 г. казнили на Луцком рынке.

Таким образом, в Речи Посполитой сложилась уникальная ситуация – на большей части территории страны польское дворянство стало инородным телом. Оно говорит на другом языке, исповедует другую веру, имеет кардинально разнящиеся с мещанами и крестьянами культуру и нравы. В довершение всего паны открыто презирают хлопов и православие – «мужицкую веру».

Итак, начиная с середины XVII века в Речи Посполитой осознают себя русскими и православными лишь крестьяне, часть мещанства в городах и казачество. Казаки в Малороссии делились на реестровых, находившихся на службе польского короля, и запорожцев, являвшихся независимой военной силой.

В XX веке и советские, и националистические историки, подтасовывая и перевирая факты, исказили историю казачества. Первые доказывали, что действия казаков были исключительно элементом классовой борьбы крестьян против феодалов, а вторые утверждали, что как запорожские, как и реестровые казаки представляли собой особый класс украинского народа, который боролся за национальную независимость «вильной Украины» в границах 1991 года.

Как видим, цели у «совков» и националистов были разные, а мифологию они создавали примерно одинаковую.

Замечу, что и в России кое-кто пытается объявить донских казаков особым народом. С тем же успехом можно объявить народом и поморов, и потребовать для них государственного суверенитета. На самом деле в XV–XVIII веках запорожские казаки считали себя русскими, говорили и писали по-русски с небольшими вкраплениями местных выражений, то есть можно говорить о говоре запорожцев, а точнее – «сленге». Запорожские казаки часто уходили на Дон и наоборот, донские – на Днепр, и никто никого не считал иностранцами.

Прием в запорожские казаки был очень прост – надо было правильно перекреститься и говорить по-русски, все равно, на каком диалекте.

В XVII веке ни в Белой, ни в Малой Руси никто не думал о национальной независимости и создании собственного государства. Хлопы мечтали стать запорожским «лыцарством» или реестровыми казаками, казаки хотели стать помещиками, а казацкие старшины – крупными магнатами, причем такими же независимыми, как и польские паны.

Польские же паны жили «по понятиям», на уровне мелких среднеазиатских ханов. Причем беспредел польские магнаты творили не только по отношению к крестьянам и казакам, но и по отношению к дворянам, владевшим землями в Малороссии, причем независимо от их этнического происхождения и вероисповедания. В итоге детонатором большинства казацких восстаний становилась обида, нанесенная магнатом шляхтичу или представителю казацкой верхушки.

Перечислю лишь наиболее крупные восстания:

1591–1593 гг. Украинский шляхтич Кристоф Косинский поднимает казаков и крестьян. Восставшие захватывают города Белая Церковь, Триполье, Переяслав, Богуслав и осаждают Киев.

1594–1596 гг. Восстание поднимает казацкий атаман Северин Наливайко. Летом 1595 г. восставшие овладевают Слуцком, Бобруйском, Могилевым и др. Восстание охватило огромный район от Запорожской Сечи до Могилева и от русской границы на востоке до Луцка и Кременца на западе. Лишь в мае 1596 г. польским войскам удалось подавить восстание. Сам Наливайко был казнен в Варшаве 1 (11) апреля 1597 г.

И пошло-поехало… Вся первая половина XVII века – это казацкие восстания с небольшими перерывами.

Однако бесчинства магнатов не только не прекращаются, но и принимают все больший размах. Вот, к примеру, крупный магнат Иеремия Вишневецкий в 1643 г. захватил у городельского старосты А. Харлезского городище Гайворон с окрестными селами, присоединив их к своим огромным заднепровским владениям. В следующем году он отобрал у надворного маршала А. Казановского город

Ромны «с волостью», кроме того, в разное время занял над реками Оржицей и Хоролом «наймней 36 миль».

Глава 3. Феномен Богдана Хмельницкого

Польский шляхтич чигиринский подстароста Даниэль Чаплинский в 1645 г. напал на хутор Субботово, принадлежавший его соседу чигиринскому сотнику Богдану Хмельницкому. Чаплинский захватил гумно, где находилось четыреста копен хлеба, и вывез его. Но хуже всего было то, что подстароста умыкнул любовницу сотника. Богдан недавно овдовел и вроде не прочь был жениться еще раз. Скорей всего причиной налета и был спор из-за бабы, а не из-за копен хлеба. К тому же Чаплинский велел высечь плетьми десятилетнего сына Богдана, после чего мальчик расхворался и вскоре умер. Самого Богдана Чаплинский четыре дня держал в цепях, но потом отпустил.

Богдан Хмельницкий с десятью казаками в январе 1646 г. прибыл в Варшаву и лично бил челом королю Владиславу на обидчиков своих.

По сведениям московского лазутчика Кунакова, бывшего в то время в Варшаве, старик Владислав посетовал Хмельницкому на свое бессилие перед беспределом панов. Король одарил казаков сукнами, а Хмельницкому, кроме того, подарил саблю со словами: «Вот тебе королевский знак: есть у вас при боках сабли, так обидчикам и разорителям не поддавайтесь и кривды свои мстите саблями; как время придет, будьте на поганцев и на моих непослушников во всей моей воле».

Задам риторический вопрос – могло ли быть такое в России, что при Алексее Михайловиче, что при Петре I или Екатерине II? Да физически быть не могло! И не только в России, но и в любом сильном централизованном европейском государстве. Беспредел магнатов – это свидетельство слабости государства и предвестник его гибели.

Богдан правильно понял короля. Он отправляется в Сечь, собирает там казаков, вступает в союз с крымским ханом Ислам Гиреем II. Весной 1648 г. запорожцы и татары вторглись во владения Речи Посполитой, чем положили начало многолетней кровопролитной войны.

Войско Хмельницкого в 1648–1651 гг. активно действовало на правом берегу Днепра. В 1651 г. его войско осаждает Львов и Замостье.

Одновременно отряды казаков под командованием Головацкого, Гладкого, Голоты и других атаманов вели операции на территории Белой Руси. К ним присоединялись местные крестьяне и мещане. Восставшие заняли Гомель, Лоев, Брест, Бобруйск, Мозырь, Пинск, Туров, Речицу, Кобрин, Чечерск и другие города и местечки на юге и юго-востоке Белой Руси. Жители этих городов почти не оказывали сопротивления восставшим. Зато «из литовских городов из всех паны, и державцы, и урядники и ляхи, и жиды все выбежали с женами и з детьми з Днепр в королевские городы…».

Поляки направили в Белую Русь 24-тысячное войско. При взятии Пинска поляки убили более трех тысяч мещан и членов их семей. Подобная же расправа произошла и при взятии Бреста. В Турове всех жителей, не успевших уйти с казацкими отрядами, гетман Я. Радзивилл приказал перебить. В Чечерске он приказал 150 казакам отсечь «правые пути по запястья, а 50 де человек на колья посажали, а достальных де казаков и их жен и детей порубили всех».

Жители Бобруйска без сопротивления открыли ворота города. Но и это их не спасло. По приказанию Радзивилла восьмистам горожанам отрубили руки. Кроме того, «постинал 50 человек, на паля повзбиял 100 человек, и такую де невинную кровь пролил без ума, для своей корысци».

С 1648 г. по 1653 г. Россия держала строгий нейтралитет в войне казаков с поляками, несмотря на многочисленные прошения Хмельницкого о приеме Малороссии в русское подданство.

Потерпев несколько поражений от поляков, Богдан Хмельницкий пришел к выводу, что ему нужен сильный союзник в борьбе с Речью Посполитой. Крымский хан уже в счет не шел – казаки убедились, что татар кроме грабежа ничего не интересует.

Поскольку Москва по-прежнему отказывалась принимать Украину в свое подданство, Хмельницкий отправил послов к турецкому султану. И вот в 1651 г. Махмед IV признал Украину и запорожцев своими вассалами, пожаловав им тот же статус, которые имели Крым, Молдавия и Валахия.

Надо ли говорить, что православное население Украины не желало считать себя подданными басурманского царя, а запорожцы к тому же лишались своего основного промысла – добычи «зипунов» у татар и турок. Спору нет, Богдан страдал запоями, и, судя по фамилии, алкоголизм у него был наследственный, он был склонен к резким поступкам, но в этом случае гетман решил лишь попугать Москву. И, надо сказать, его замысел полностью оправдался. Алексей Михайлович и его бояре поверили, что гетман решил податься к туркам, и начали форсировать мероприятия по возможному соединению Украины с Россией.

Осенью 1653 г. в Москве был созван Земской собор. На Соборе было решено удовлетворить просьбу Богдана Хмельницкого и Войска Запорожского и принять православный украинский народ «под высокую руку» русского царя. 1 октября при закрытии Собора царь Алексей торжественно заявил, что Россия будет вести войну с Польшей, если последняя будет удерживать Малороссию силой.

31 декабря 1653 г. царское посольство прибыло в Переяслав. А незадолго до этого Хмельницкий разослал по всем казацким полкам универсал с указанием прибыть в Переяслав на великую раду представителям казачества, горожан, духовенства и других слоев населения. Все выборные должны были прибыть в начале января 1654 г.

Вечером 7 января 1654 г. (по старому стилю) у Богдана Хмельницкого с полковниками, судьями и есаулами состоялась тайная рада, и все собравшиеся единодушно «под государеву высокую руку поклонились». После тайной рады в тот же день была назначена и явная.

Гетман стал посреди круга, войсковой есаул велел всем молчать, и гетман начал говорить: «Паны полковники, есаулы, сотники, все Войско Запорожское и все православные христиане! Ведомо вам всем, как бог освободил нас из рук врагов, гонящих церковь божию и озлобляющих все христианство нашего восточного православия. Вот уже шесть лет живем мы без государя, в беспрестанных бранях и кровопролитиях с гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить церковь божию, дабы имя русское не помянулось в земле нашей, что уже очень нам всем наскучило, и видим, что нельзя нам жить больше без царя. Для этого собрали мы Раду, явную всему народу, чтоб вы с нами выбрали себе государя из четырех, кого хотите: первый царь турецкий, который много раз через послов своих призывал нас под свою власть; второй – хан крымский; третий – король польский, который, если захотим, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть православный Великой России государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец восточный, которого мы уже шесть лет беспрестанными моленьями нашими себе просим. Тут которого хотите выбирайте!»

Исход выборов был предрешен заранее: толпа закричала: «Волим под царя восточного православного! Лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!»

Однако в церкви во время церемонии принятия присяги у Хмельницкого с Бутурлиным возник конфликт. Казацкая старшина требовала, чтобы боярин дал за царя присягу казакам, как это делали польские короли. Бутурлин категорически отказался: «Польские короли подданным своим присягают, но этого в образец ставить не пристойно, потому что это короли неверные и не самодержцы, на чем и присягают, на том никогда в правде своей не стоят».

Хмельницкий был раздосадован, но делать было нечего.

Решение Переяславской рады не могло не вызвать большой русско-польской войны. Русские войска заняли Минск, Гродно, Вильно (с 1939 г. Вильнюс) и вышли к Бресту. Сложившаяся обстановка крайне благоприятствовала русским войскам. В конце 1655 г. шведские войска вторглись в пределы Речи Посполитой и заняли Познань, Краков и Варшаву. Польский король Ян-Казимир бежал в Силезию.

Царь Алексей Михайлович, которого отечественные историки почему-то именуют Тишайшим, на самом деле был очень тщеславным человеком. К тому же в то время царь был под жесткой опекой фантастически честолюбивого и властного патриарха Никона. Царь Алексей уже считал себя властителем Волыни, Подолии, всей Белой Руси и всего Великого княжества Литовского. Мало того, царь и патриарх всерьез думали о присоединении и остальных земель Речи Посполитой.

Шведский король Карл X Густав предложил царю поделить Речь Посполитую. Это было почти идеальное предложение для России, даже если бы большая часть бывших польских земель досталась

шведам. В любом случае России потребовалось не менее 20–40 лет, чтобы переварить даже небольшие территории, побывавшие под властью Речи Посполитой. А вот шведы бы гарантированно подавились польским пирогом, благо, польское панство – еще та публика!

Увы, рассудок покинул царя, и он предъявил шведам заведомо невыполнимые требования.

17 мая 1656 г. под звон московских колоколов царь Алексей Михайлович объявил войну шведскому королю Карлу X Густаву. Русский корпус под началом Петра Потемкина двинулся для занятия берегов Финского залива. На помощь Потемкину был направлен большой отряд донских казаков. При отправке казаков патриарха Никона занесло – он благословил казаков не более не менее, как идти морем к Стокгольму и захватить его.

Мало того, Алексей и Никон, не дюже разбираясь в обстановке на Украине, начали с ходу закручивать гайки. Надо ли говорить, что малороссийские старшины, да и простые казаки не затем поднимали бунт против ляхов, чтобы становиться московскими холопами.

Разумеется, какая-то унификация системы управления на Украине по образцу Москвы должна была произойти. Но делать это следовало лишь после окончания войны и крайне медленными темпами.

В результате значительная часть украинской шляхты и казачества выступили против царских войск. Шведская армия еще в Тридцатилетней войне закрепила за собой звание лучшей в Европе. Шведы без труда поколотили воинство Тишайшего.

Шведская авантюра Тишайшего провалилась, и 21 июня 1661 г. на мызе Кярун (в русских источниках – Кардис) был заключен Кардисский мирный договор, по которому Россия уступала Швеции все свои завоевания в Прибалтике.

Однако война с поляками продолжалась. Боевые действия носили весьма ожесточенный характер. Это дало возможность русофобствующим историкам Белоруссии утверждать, что-де москали учинили «геноцид белорусского народа». Даже сравнительно умеренный историк П. Г. Чигринов пишет: «В Беларуси погибло 52 процента населения, т. е. каждый второй житель. В восточной ее части – каждые 80 из 100 человек. Многие были выселены в Московское государство… Количество населения Беларуси сократилось с 2,9 млн человек до 1,4 млн. В таких поветах, как Полоцкий, Витебский, Мстиславльский, пустовало до 70 % крестьянских изб. В смолевичском имении Радзивиллов, расположенном недалеко от Минска, до войны было 16 деревень с 1087 домами. В 1664 г. осталось только 216 домов»[110].

Однако винить русские регулярные войска в гибели белорусского населения надо в последнюю очередь. Польские воеводы считали белорусское население бунтовщиками и, соответственно, творили расправу в число «польском стиле». Много народу погибло от казацких сабель. Посланные в Белую Русь отряды Хмельницкого почти не подчинялись русским воеводам и своей главной целью считали «добывание зипунов».

Больше же всего белорусов погибло в ходе «междусобойчиков» литовских феодалов, которые по четыре и более раз переходили со стороны поляков к русским и обратно. Опять же, они не столько воевали, сколько грабили соседей-дворян и местное население.

Аналогичная ситуация сложилась и в Малороссии. После смерти 27 июля 1657 г. Богдана Хмельницкого на Украине за последующие 20 лет сменилось десятка три гетманов. Причем параллельно существовало по два, три и даже четыре гетмана, отчаянно боровшихся между собой за власть. Это время украинские историки назвали «Руиной». Действительно, междусобойчики казаков превратили страну в руину.

Но вот в отличие от белорусских писак, «незалежные» историки не решаются обвинить Россию в «геноциде украинского народа».

Дело в том, что еще 20 (30) января 1667 г. между Россией и Речью Посполитой было подписано Андрусовское перемирие, а русские войска и до него, и после по несколько лет не участвовали в малороссийских «междусобойчиках».

Это дало повод украинским историкам объявить, что 60—70-х годах XVII века существовала незалежная… Украина. Я уже не буду повторять, что термин «Украина» никогда не употребляли ни поляки, ни Москва, ни даже запорожские казаки, которые везде себя именовали русскими. Поляки считали Малую Русь своей собственностью, а Алексей Михайлович – своей.

«В монастыре под Батуриным долгое время хранилась запись одного из архимандритов XVII века. Название ее говорит само за себя: “Руина”, и содержит она описание “деяний и злодеяний гетманов и прочих вождей народа малороссийского”, давая следующий их перечень:

Выговский Иван – клятвонарушение, братоубийство, привод татар на уничтожение народа малороссийского, продажа Руси католикам и ляхам, сребролюбец велий.

Хмельницкий Юрий – клятвопреступник трижды, христопродавец веры и народа ляхам и бусурманам; привод татар.

Дорошенко Петр – мздоимец, лихоимец, клятвопреступник, виновник братоубийства и мук народных от татар претерпленных, слуга бусурманский.

Тетеря Павел – сребролюбец, клятвопреступник и холоп добровольный ляшский. Подстрекатель Ю. Хмельницкого на измену.

Многогрешный Дамиан – раб лукавый, двоедушный, к предательству склонный, благовременно разоблаченный и кару возмездия понесший»[111].

Согласно Андрусовскому перемирию, Польша получала Витебск и Полоцк с уездами, Динабург, Лютин, Резицы, Мариенбург и всю Ливонию, а также всю правобережную Украину. К России отходили воеводство Смоленское со всеми уездами и городами, повет Стародубский, воеводство Черниговское и вся Украина с путивльской стороны по Днепр. Причем остававшимся там католикам разрешалось беспрепятственно отправлять свое богослужение у себя в домах, а шляхта, мещане, татары и жиды имели право продать свои имения и уйти на польскую сторону.

Киев с окрестностью в одну милю до 5 апреля 1669 г. оставался у русских, а затем передавался полякам.

Южная граница России и Польши должна была идти по линии от Днепра (у Киева) на восток до южных границ Путивльского округа, то есть по линии Киев – Прилуки – Ромны – Недригайлов – Белополье и до стыка с нынешней границей России.

Левобережье к югу от этой линии и до современного Запорожья было объявлено территорией запорожских казаков. Сами же запорожские казаки должны были находиться «под послушанием обоих государей» и быть готовыми служить против неприятелей и королевских, и царских. Но оба государя должны были запретить запорожцам, как и вообще всем черкесам, выходить в Черное море и нарушать мир с турками.

Андрусовский мир был благоприятен для Московского государства, и официальные русские и советские историки давали восторженные его оценки. На самом же деле из-за грубой ошибки царя Алексея, ввязавшегося в войну со Швецией, был упущен шанс подлинного воссоединения с Украиной. Фактически царь Алексей вернул России то, что отдал его отец Михаил. Севернее Киева по Андрусовскому миру граница пролегла по старой русской границе, существовавшей еще со времен Ивана III и Василия III. Разница была максимум в 20 верст по ширине. Лишь на юге левобережной Украины были присоединены небольшие куски территории в районах Переяслава, Лубны и Полтавы. Замечу, что район Харькова никогда не был под владычеством Польши и никогда не считался ни Малороссией, ни Украиной.

Но Андрусовское перемирие не дало мира Малороссии. В 1668 г. там было сразу четыре гетмана: Демьян Многогрешный, ориентировавшийся на Россию, Михаил Ханенко, поддерживаемый поляками, и Петр Дорошенко, обратившийся за помощью к турецкому султану. К тому же у запорожцев был еще гетман Петр Суховненко – неопределенной ориентации.

В марте 1672 г. турецкий султан Мехмед IV прислал польскому королю Михаилу Вишневецкому грамоту с выговором, что поляки «беспокоят» владения гетмана Дорошенко, который вступил в число

«невольников высокого порога нашего», то есть стал подданным Турецкой империи. Поляки ответили, что Украина «от веков была наследием наших предшественников, да и сам Дорошенко не кто иной, как наш подданный».

Весной 1672 г. турецкая армия перешла Дунай и вторглась в Подолию, на территорию Речи Посполитой. Армией формально командовал сам султан Мехмед IV. Вскоре к туркам присоединилась орда крымского хана Эльхадж-Селим Гирея и казаки Дорошенко. Современники оценивали численность турецкой армии в 300 тысяч человек.

Первым был взят город Каменец, «православные и католические церкви его были обращены в мечети, знатные женщины забраны в гаремы, многие христианские мальчики обрезаны и обращены в мусульманскую веру; один обрезан был даже в соборной церкви, в присутствии самого султана»[112].

28 сентября 1672 г. турки взяли Львов и собирались идти на Киев. Ляхи срочно запросили мир.
5 октября в Бугаче (Восточная Галиция) был подписан мирный договор. Польша уступала Турции Каменец с прилегающими землями и признала Петра Дорошенко подданным турецкого султана. Само собой, что ляхи выплатили огромную контрибуцию.

Москва адекватно восприняла угрозу захвата всей Малороссии турками. Возможно, сейчас подобная угроза кому-то покажется странной. Но не следует забывать, что в конце XVII века турецкие войска оккупировали весь Балканский полуостров, захватили Венгрию и периодически показывались под Веной. В Северном Причерноморье туркам принадлежали несколько крепостей, самыми сильными из которых были Азов и Очаков.

Надо ли доказывать, что если бы не «злыдни москали», то сейчас на Украине отмечали бы «День воссоединения братских турецкого и украинского народов». Но, увы, Россия вмешалась, и басурмане получили достойный отпор.

Турки ушли, а Малороссия была поделена рекой Днепр между речью Посполитой и Россией. На правом берегу лишь Киев с небольшим анклавом принадлежали России.

На Правобережье существовало гетманство, то есть небольшая узкая полоска земли, управляемая малороссийскими гетманами, фактически назначаемыми Москвой. Восточнее гетманства находилась так называемая Слободская украина. Название это произошло, разумеется, не от слова «украинец» или часть Украины. Это была украина, то есть окраина русского государства. Вот передо мной интересная, до предела пропитанная литовским национализмом книга Эдвардаса Гудавичюса «История Литвы». Там есть интересный абзац: «Смоленская, Витебская, Подольская, Киевская земли имели статус так называемых окраинных земель. Их дворяне призывались в войско по отдельным спискам и слушались своих воевод»[113].

Как видим, Смоленск, Витебск и Киев были окраинными или, как тогда произносили, украинными землями и имели одинаковое административное устройство. Любопытно, что по сему поводу пробалакают самостийники? Что, Эдвардас Гудавичюс – русский шовинист? Или Смоленск и Витебск – древние украинские города?

Кстати, Грушевский, не мудрствуя лукаво, писал: «Ослабленной, более бледной, так сказать, копией Гетманщины XVIII века была соседская Украинская Слободщина, занимавшая нынешнюю Харьковскую губернию с соседними частями Курской и Воронежской. Мы уже не раз слышали о ней, знаем, что она заселялась украинскими выходцами, которые в тяжелые моменты выходили из украинских земель, находившихся под властью Польши, за московскую границу и селились за линией пограничных крепостей, построенных московскими правителями – за так называемой “белгородской чертой”, заграждавшей татарам дорогу в московские земли. Оседая здесь на татарских дорогах, наши выходцы брали на себя сторожевую службу и военную оборону этого пограничья, а за это от московского правительства получали разные права и привилегии»[114].

Итак, Курская и Воронежская губернии оказались тоже заселены украинцами, в смысле – малороссами.

На самом же деле заселение и освоение Слободской украины велось по повелению русских царей, на русские деньги и в подавляющем большинстве русскими людьми.

С 1580 г. по 1590 г. русские строят южную линию городов-крепостей – Белгород, Воронеж, Валуйки, Елец, Кромы, Курск, Лебедянь, Ливны, Оскол, Царев-Борисов. Города-крепости соединялись между собой малыми укреплениями и «засечными чертами».

Слободская украина никогда не принадлежала ни гетманству, ни Речи Посполитой, а только Московскому государству, а еще раньше была Диким полем. Ну а малороссийские казаки и крестьяне сотнями тысяч в XVI–XVII веках голосовали за русского царя ногами, перебегая в Московию.

Казаки, крестьяне и мещане из Малороссии перемешивались с потоком переселенцев из центральных районов России. Активно участвовала в переселенческой политике и русская православная церковь. Так, например, Святогорский Успенский монастырь на Донце ниже Изюма существовал уже в 1624 г. Раньше других селений был основан и Дивногорский монастырь на Дону в 7 верстах ниже Коротояка. Со времен царствования Петра II началась раздача в этих районах обширных поместий петербургской знати, которые переселяли туда своих крестьян из великорусских губерний. Так, например, возникли села Андреевка и Старый Салтов, принадлежащие Апраксину и Шафирову.

Откроем великолепное описание Российской империи, сделанное в 1725–1727 гг. обер-секретарем Сената Иваном Кирилловым. Вот, к примеру, описание «Белогородской провинции»: «Прежде разделения губерней до 710 году был украинский Белогородский полк или Белогородский разряд… А с 724 году все те украинцы положены в подушной оклад на полки армейские и гваризонные против крестьян, да с них же вместо помещикова дохода до 40 копеек з души и содержится на тех четырегравенных деньгах выбранная ис тех укранцов конная лантмилиция»[115].

Показать бы это описание самостийным историкам. То-то бы они радовались: оказывается, Белгород в 1725 г. был украинским городом! Увы, нет, не украинским, а украинным, то есть пограничным, и конная ландмилиция была пограничной охраной. Русский язык нужно знать, господа самостийники, – «Сидоров поехал ЗА границу: в Малороссию, в Германию, а Петров – НА границу (на украину)»!

Любопытна история основания Харькова, данная националистом Грушевским: «В 1654 году встречаем первых поселенцев в Харькове, на следующий год они строят здесь город»[116].

Вот и все. Сами, мол, щирые украинцы пришли и город основали.

Позже возникла целая мифология об основании Харькова. По одной из версий город основал атаман Иван Каркач, по другой – некий Харитон по прозвищу Харько. Наиболее романтична история о неком Андрее Квитко, который якобы похитил малолетнюю дочь киевского воеводы и бежал с ней в места не столь отдаленные, где и основал город.

На самом деле на месте нынешнего Харькова было русское городище домонгольского периода. 28 марта 1656 г. царь Алексей Михайлович отправил указ чугуевскому воеводе Сухотину (Чугуевская крепость в 86 верстах от Харькова) строить крепость Харьков. Строителем крепости был назначен Воин Селифантов. Крепость была построена к 1658 г.

Если бы большевики росчерком пера не отдали бы Харьков Украине, стоять бы воеводе Сухотину и военному инженеру Воину Селифантову на пьедестале в центре Харькова. Но москалям не место на современной Украине, даже если они построили первую столицу УССР.

Из всех мифологических персонажей самостийники выбрали Харько. Кандидатура Квитко тоже рассматривалась, но у него с происхождением нелады – есть в роду москали, да и не должен щирый украинец соблазнять дочек московских воевод. И вот 22 августа 2004 г. в Харькове был открыт конный памятник гарному казаку Харько с копьем в руке и колчаном с луком и стрелами. Автор памятника – вездесущий Зураб Церетели.

К середине XVIII века Слободская украина все больше походит на центральные губернии империи, хотя часть населения с малороссийскими корнями сохраняет свои бытовые особенности и малороссийский диалект русского языка. Екатерине II оставалось лишь законодательно уравнять административное устройство Слободской украины с остальной империей.

Указом российской императрицы от 28 июля 1765 г. был принят манифест «Об учреждении в слободских полках приличного гражданского устройства, и о местопребывании канцелярии губернской и провинциальной». Этим манифестом было ликвидировано деление Слобожанщины на полки и

образована Слободско-Украинская губерния. Она состояла из пяти провинций: Ахтырской, Изюмской, Острогожской, Сумской и Харьковской. Административным центром губернии стал Харьков.

25 апреля 1780 г. Указом Екатерины II вместо Слободско-Украинской губернии было учреждено Харьковское наместничество (губерния) с центром в Харькове. Торжественное открытие наместничества состоялось 29 сентября 1780 г. Его лично открыл генерал-губернатор граф П. А. Румянцев-Задунайский. А 21 сентября 1781 г. был утвержден герб наместнического города и гербы уездных городов.

Глава 4. Как Правобережная Украина и Белая Русь объединились под скипетром Екатерины Великой

Решающую роль в истории Украины и Белоруссии сыграли разделы Польши, в ходе которых большинство русских земель, которыми ранее владели князья Рюриковичи, было объединено в составе Российской империи.

Актуальность этой темы не теряется уже два с половиной века. Польские и западноевропейские историки все это время с удовольствием ищут виноватых в разделе Речи Посполитой. В числе «злодеев» оказались Богдан Хмельницкий, монархи Пруссии, Австрии, России и другие, вплоть до… Молотова и Риббентропа. Когда так много виноватых, поневоле задумаешься и о жертве.

Как уже говорилось, деградация Польского государства началась еще в XV веке, а в XVII веке Речь Посполитую можно считать государством с очень большой натяжкой.

Все те безобразия, о которых говорилось ранее, не только не прекратились, но и усилились. Сильный пан мог отнять у более слабого соседа землю, хлопов, любимую женщину, и при этом он плевать хотел на королевскую власть. Говоря современным языком, паны жили не по законам, а «по понятиям».

Значение королевской власти при Августе II и Августе III еще больше упало. И отцу, и сыну куда милей была тихая Саксония, чем буйные паны. Оттуда и «правили» Речью Посполитой оба короля.

Роль сеймов в управлении страной тоже была невелика. Во-первых, не было сильной исполнительной власти, способной реализовывать решения сеймов. Во-вторых, принцип единогласия при принятии решений – liberum veto – приводил к блокированию большинства предложений и прекращению деятельности сеймов. Так, с 1652 по 1764 год из 55 сеймов было сорвано 48, причем одна треть из них – голосом всего одного депутата. Финансовое положение королевства хорошо характеризует факт прекращения в 1688 г. чеканки польской монеты.

Единство страны сильно подрывало фанатичное католическое духовенство, требовавшее все новых ограничений в правах православных и протестантов.

Убедившись, что все попытки создания в Польше лояльного к России режима обречены на неудачу, Екатерина II согласилась с требованием Пруссии и Австрии отобрать часть земель у Речи Посполитой. После долгих согласований вопроса о территориях, отходящих к участникам раздела, 6 (17) февраля 1772 г. в Петербурге была подписана секретная конвенция с Пруссией, а 25 июля (5 августа) – с Австрией.

По этим конвенциям Пруссия получала: всю Померанию, исключая город Данциг с округом. Часть Великой Польши между Вислой на востоке и рекой Ницей (Нитце) на юге, так что она составляла границу между Пруссией и Польшей. Юго-западную часть Восточной Пруссии, включая Мариенбург и Эльбинг. Епископство Вармское и воеводство Кульмское, но без города Торна (Торунь), который остался за Польшей.

Австрия получала: Правобережье реки Вислы от Силезии до Сандомира и до впадения реки Сан, откуда граница шла по прямой линии на Фрамполь до Замостья, а оттуда на город Грубешов и до реки Западного Буга, западнее города Владимира Волынского. От Западного Буга граница Австрии с Польшей теперь проходила по исторической границе Червонной Руси, которая ныне является границей Польши с Подолией, до окрестностей города Збараж, а оттуда на юг по прямой линии до реки Днестр вдоль небольшой речки Подгорче, которая отделяет незначительную часть Подолии до своего впадения в Днестр. Отсюда граница шла по старой австрийской границе с Молдавией.

Россия получала часть Литвы, то есть Литовского княжества, состоящую из воеводств Полоцкого и Витебского с границей по реке Западная Двина, а оттуда на юг по прямой линии до Орши, и затем граница России с Польшей шла по естественным рубежам по реке Друти до впадения ее в Днепр, а затем по течению Днепра, так что все Левобережье Днепра осталось за Россией и в пределах Белоруссии, и в пределах Малороссии, где сохранялась старая граница – от Лоева по Днепру. Киев (на Правобережье) как анклав сохранялся, как и по миру 1686 г., за Россией.

6 (17) августа 1772 г. Екатерина II в Царском Селе подписала «Указ о включении в состав Российской империи отошедших от Польши территорий по первому разделу Польши». Позже эту акцию назовут первым разделом Польши.

За ними последовал второй раздел Речи Посполитой. 12 (23) января 1793 г. в Петербурге вице-канцлер граф Иван Андреевич Остерман и посланник Пруссии граф Генрих-Леопольд фон дер Гольц подписали секретную конвенцию о втором разделе Польши. Конвенция начиналась традиционно: «Во имя Пресвятой и нераздельной Троицы…» Ради Троицы Россия получала левобережную Украину и значительную часть Белоруссии. Соответственно, Пруссия получала западную часть Польши, в том числе Данциг и Данцигский округ, а также территорию по линии Ченстохов – Рава – Солдау. Австрия во втором разделе Польши не участвовала.

Восстание Костюшко в Польше подтолкнуло трех соседних монархов к новому разделу и к окончательной ликвидации Речи Посполитой. Король Станислав-Август 14 (25) ноября 1794 г. отрекся от престола и 29 декабря по указанию Екатерины II выехал из Варшавы в Гродно. Екатерина велела оплатить все личные долги короля и назначить ему пенсию – 200 тысяч червонцев в год. Пожив некоторое время в Гродно, экс-король перебрался в Петербург. После смерти Екатерины Павел I отдал ему на жительство Мраморный дворец (рядом с Эрмитажем).

14 декабря 1795 г. Екатерина Великая издала «Указ о присоединении к России Литвы и Черной Руси». Согласно указу, новая русская граница шла от границы Волыни (верховье реки Припять, севернее польского города Хелм) до Брест-Литовска, а оттуда по течению реки Западный Буг до границы Подляшья (село Янув-Подляски) и отсюда поворачивала в северо-восточном направлении вдоль Подляшской границы до верховьев реки Нарев (Беловежье), и оттуда на север до пересечения реки Неман у Гродно, а затем по течению Немана до пересечения Неманом прусской границы, а далее вдоль старой литовско-прусской границы к Балтийскому морю до города Полангen (Паланга). Все земли к востоку от очерченной линии входили в состав Российской империи и подчинялись генерал-губернатору Литовского края – генерал-фельдмаршалу князю Репнину.

Отходящая к России территория Великого княжества Литовского разделялась на две губернии с центрами в городах Вильно и Слоним.

По поводу раздела Польши Грушевский писал: «Итак, в конце XVIII века украинские земли очутились под властью двух великих держав – России и Австрии, – государств прочно централизованных и бюрократических… Всякая политическая обособленность украинских земель была уничтожена, самоуправление или отменено вовсе, или сведено к размерам самым ничтожным, да и в этих тесных пределах им почти не могли бы пользоваться украинские элементы, так как украинскими остались одни низы общества: темное крестьянство, несознательное, обобранное и лишенное всяких прав, почти такое же убогое мещанство и невежественное и темное сельское духовенство»[117].

Блестящее фальсифицирование истории – 50 % правды и 50 % наглой лжи. Раз Петербург и Вена уничтожили политическую обособленность и самоуправление правобережной Украины, то оно должно было быть при польском правлении в 1680–1793 гг.? А может, самоуправление было во время Руины, или до восстания Хмельницкого? Как можно лишить население того, чего оно никогда не имело?

Опять же из-за москалей с 1793 г. в Правобережье усилился помещичий гнет, что нам доказывают Грушевский и советские эрзац-историки? Так что, русские завезли с Рязани злыдней-помещиков и раздали им «вольных украинских хлеборобов»? Увы, помещиками на Правобережье остались те же польские паны. Другой вопрос, что русские власти существенно урезали права панов в отношении крестьян, запретили их убивать и т. д. Прекратились налеты вооруженной панской дворни на соседей и небольшие городки, равно как и набеги гайдамаков и крымских татар. Стрельба на Правобережье начнется через 125 лет – в 1918 году. В результате четыре поколения украинцев (!) на обоих берегах Днепра будут мирно и спокойно жить, чего не было от Рождества Христова!

Оставление польских помещиков на Правобережье и в Белоруссии стало серьезным просчетом царского правительства. Значительная часть польских панов оказалась причастна к заговорам и мятежам, а конфискация земель у мятежных феодалов была общеевропейской нормой уже много столетий. Верным же панам можно было предложить более богатые поместья в Центральной России. Жадность панов общеизвестна, и уже во втором поколении из польского пана получился бы рязанский или тамбовский помещик с польской фамилией. Соответственно дворяне – уроженцы центральных губерний могли получить поместья на Правобережье.

Увы, это сделано не было. Еще хуже было оставление на Правобережье и в Белоруссии сети польских учебных заведений. Замечу, что к 1792 г. там была довольно эффективная система образования, объединившая учебные заведения разного уровня: высшего (университеты), среднего (4—6-классные училища) и низшего (трехклассные школы, в том числе и приходские школы при монастырях).

Таким образом, и после крушения Речи Посполитой Правобережная Украина и Белоруссия осталась под властью польских панов, дворянство и горожане говорили по-польски и находились под влиянием польской культуры.

Большинство поляков ненавидело русских, хотя многие старательно это скрывали. Поэтому они всеми силами настраивали местное население против царской администрации, русского языка и русской культуры. Поляки доказывали населению, что они не русские, а принадлежат совсем к другой национальности. Кстати, именно ляхи придумали национальность «украинец». До 1792 г. ни один житель Малороссии, Волыни или Галиции никогда не называл себя украинцем, а только русским или русином.

Лишь в царствование Николая I на Правобережье постепенно вводится обязательное изучение русского языка, а в гимназиях ксендзов сменяют православные священники.

После подавления польского восстания 1831 г. ликвидируется система польского образования. В 1832 г. закрывается Виленский университет, а вместе с ним и большинство академических школ, пансионов для девочек и т. д., которые рассматривались как «очаги латинско-польской пропаганды»[118]. Лицей в Кременце также закрывается, а на его базе в Киеве создается русский университет святого Владимира, одной из задач которого стало противодействие польскому влиянию на Правобережье. Увы, в 60-х годах XIX века в Киевском университете около 70 % студентов были этническими поляками.

В Виннице закрывается польская гимназия и открывается русская. В 1837–1839 гг. ликвидируются приходские школы, а те средние школы, которые содержали католические монахи, преобразуются в православные семинарии, как было, например, в Шаргороде. Одновременно появляются новые русские гимназии и начальные школы, к примеру, в Немирове.

«Однако наладить эффективную систему начального образования на Украине российскому правительству так и не удалось, несмотря на то, что у русской школы был мощный союзник в лице православной церкви. Причина крылась в недостатке как средств, так и русских учителей, способных заменить поляков, а отсюда мизерное количество школ, а также отсутствие продуманной программы народного просвещения»[119].

К сожалению, польскому дворянству и польским учителям удалось посеять ростки ненависти к России среди определенной части населения Правобережья.

Отдельно стоит рассказать о запорожских казаках.

Летом 1711 г. началась русско-турецкая война. Вскоре русская армия вместе с царем была окружена на реке Прут. В результате Петру пришлось заключить невыгодный мир с турками. Русские должны были вывести все войска с территории Речи Посполитой и впредь не вмешиваться в польские дела.

Русские срыли приднепровские крепости Каменный затон, Новобогородицкую и другие. Запорожцы были признаны законными подданными турецкого султана и фактически могли пользоваться всеми степными угодьями, которые они контролировали в XVII веке. Турки не вмешивались в дела запорожцев, лишь запретив им совершать большие походы в Россию и Польшу. Мелкие же стычки казаков с ляхами, москалями и татарами, естественно, продолжались.

Вернулись в русское подданство запорожцы лишь в 1734 г. с согласия русского правительства.

Анна Иоанновна приказала передать запорожцам во владение урочище Красный Кут в четырех верстах от старой Чертомлыцкой Сечи. Там казаки и устроили новую и последнюю в их истории Сечь.

Запорожцы обязались охранять большой участок русской границы от татар, за что получили прежние земли, которые поделили на 5 паланок (округов), каждую под началом полковника и его старшины. В 1734 г. запорожцев насчитывалось 7268 человек, впоследствии их было уже 13 тысяч. Быт казаков значительно изменился: большинство уже имели жен. Однако женатые казаки не пользовались ни правом голоса на раде, ни правом избрания на должности и были обязаны выплачивать в сечную казну «дымовое», своего рода налог с семьи. Полноправные же, то есть холостые запорожцы, жили либо в Сечи, либо поселками по паланкам (в зимовниках).

Запорожцам было разрешено управляться своей выборной старшиной, которая непосредственно была подчинена главнокомандующему русскими войсками в Малороссии. С 1750 г. запорожцы были подчинены последнему гетману Малороссии К. Г. Разумовскому. Братья Кирилл и Алексей Разумовские родились в крестьянской семье в селе Лемеши Черниговской губернии. Алексея за прекрасный голос взяли в придворную капеллу в Петербург. Там его заметила цесаревна Елизавета Петровна. Вскоре Алексей становится любовником, а позже и тайным супругом императрицы. По его протекции Кирилл был назначен гетманом. Замечу, что после 1703 г. выборы гетмана на Левобережье проводились так же, как и раньше, но это стало чистой формальностью – гетманов назначали в Петербурге.

Запорожцы хорошо проявили себя в войнах с турками и татарами в 1736–1739 гг. и в 1769–1774 гг. За участие во Второй турецкой войне 1769–1774 гг. кошевой атаман запорожских войск Петр Иванович Кальнишевский был награжден императрицей золотой медалью, осыпанной бриллиантами.

В 1772 г. Григорий Потемкин решил в очередной раз начудить, а может, устраивая какую-то интригу, прибыл в Сечь и записался в казаки. Запорожцы должны были иметь прозвища, и генерал-майор Потемкин стал «Лыцарем Грицком Нечесой». Выбор прозвища, видимо, связан с буклями его парика.

В 1770 г. императрица Екатерина II повелела построить новую оборонительную линию – Днепровскую. Она шла от Днепра к Азовскому морю по Конским Водам и Берде и пересекала Ногайскую степь приблизительно по старым ее границам с Запорожьем. По Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. земли у Днепровской линии отошли к России вместе с Керчью-Еникале, Кинбурном и побережьем Черного моря между Днепром и Бугом. Приобретенное Азовское побережье вместе с землями запорожских казаков на левой стороне Днепра образовали Азовскую губернию с провинциями Азовской, Бахмутской и Славянской, а запорожские земли на правой стороне Днепра с приобретенным Черноморским побережьем – Новороссийскую губернию с провинциями Елизаветинской и Херсонской.

Екатерина и Потемкин прилагали большие усилия для заселения причерноморских земель русскими и украинскими крестьянами, а также колонистами из различных европейских стран – немцами, сербами, греками и т. п.

Запорожское войско стало инородным телом внутри Российской империи.

Крымское ханство стало независимым от Турции, и в Крыму был дислоцирован «огромный контингент русских войск». Таким образом, полностью отпала всякая угроза татарских набегов.

Князь Потемкин планировал постройку крупных городов в низовьях Днепра, а Запорожское войско стало мешать Светлейшему в создании Новой России, и Потемкин буквально заставил императрицу уничтожить Запорожскую Сечь.

Необходимость этой меры Потемкин мотивировал самозахватом казаками непринадлежавших им земель, грабежами населения Новороссийской губернии, насильственным уводом в земли войска 8 тысяч «мужского и женского пола людей» (кого казаки действительно уводили силой, а кто и сам к ним бежал).

У Потемкина, разумеется, были и другие мотивы упразднения Сечи. Так, запорожцы препятствовали уничтожению лесов в своих владениях. А лес был крайне нужен на строительство флота и новых

городов. Наконец, Светлейшему нужно было очень много денег как на флот и Новую Россию, так и на содержание своего огромного двора и различные чудачества. А у казаков была богатая казна. 20 апреля 1776 г. Потемкин докладывал Екатерине, что при уничтожении Сечи захватил 120 тысяч рублей золотом (то есть огромную по тем временам сумму). А сколько еще сумели увезти казаки, и сколько тысяч утаил от матушки Светлейший? Да и те 120 тысяч Потемкин просил у императрицы пустить на строительство новых городов, то есть отдать ему в бесконтрольное пользование. На докладе рукой императрицы было начертано: «Быть по сему».

5 июня 1775 г. по приказу Потемкина войска генерала П. А. Текелли вошли в Запорожскую Сечь. Ликвидация Сечи прошла мирно. Отношение к казацкой верхушке у Екатерины и Потемкина было дифференцировано – кто-то окончил свои дни в дальних монастырях, кто-то получил офицерский чин и исправно делал карьеру далее. Однако все материалы о ликвидации Запорожской Сечи были засекречены, а к настоящему времени либо утеряны, либо лежат в архивах по грифом «секретно» или «сов. секретно».

Значительная часть запорожцев отказалась служить царице и решила уйти в Турцию. Они группами по 50 человек стали обращаться к генералу Текелли с просьбой выдать «билет» (то есть разрешение отправиться ватагой на заработки). Простодушный серб обрадовался: «Ступайте, запорожники, с Богом… Зарабатывайте себе». Билет выдавался на 50 человек, но к каждой группе присоединялось еще несколько десятков казаков. Все они потихоньку добрались до турецких владений.

Чтобы избежать конфликта с Россией, султан повелел запорожцам селиться не на границе, а в устье Дуная на Георгиевском острове и в его окрестностях. Турки стали называть запорожцев Буткальскими казаками. Однако вскоре запорожцы поссорились с соседями – казаками Некрасовцами (потомками донских казаков, ушедших к туркам после разгрома Булавинского восстания). Тогда турки перевели запорожцев выше по Дунаю в окрестности крепости Гирсово, в урочище Сеймены.

Следует заметить, что меньшая часть «неверных» запорожцев в ходе войны 1787–1792 гг. перешла на сторону русских, но большинство храбро сражались в турецкой армии. Как ни прискорбно, но запорожцы решительно подавляли антитурецкие восстания в Османской империи. Так, в 1820 г. в ходе греческого восстания, когда Байрон сражался вместе с повстанцами, запорожцы были на стороне турок. В 1822 г. пятьсот запорожцев под началом кошевого атамана Мороза устроили резню греков на острове Хиос, там кошевой и сложил свою буйную головушку.

В 1783 г. Потемкин, готовясь к войне с Турцией, созвал на службу оставшихся в России запорожцев и основал войско под названием «Коша верных казаков Запорожских». («Неверными» именовали казаков, ушедших в Турцию).

20 апреля 1788 г. поселенное на Таманском полуострове войско «Коша верных казаков Запорожских» было переименовано в «Войско верных казаков Черноморских». Через три недели Черноморскому войску были пожалованы клейноды бывшего Запорожского войска.

22 августа 1799 г. Павел I повелел «причислить к Черноморскому войску бродяг из малороссийских, польских и бывших запорожских людей».

В 1828 г. началась новая русско-турецкая война, и русская армия двинулась к Дунаю. Для «неверных» запорожцев наступило время выбора. В мае 1828 г. почти все «неверные» запорожцы перешли на сторону царских войск.

Николай I повелел отвести «неверным» запорожцам земли на Азовском море, и они стали именоваться «Азовским казачьим войском».

После покорения Кавказа Азовское войско было переселено на завоеванные земли для защиты от разбойничьих племен горцев.

19 ноября 1860 г. Александр II повелел Черноморское казачье войско переименовать в Кубанское казачье войско. 11 октября 1864 г. Азовское казачье войско вошло в состав Кубанского.

Любопытно, что еще раньше, 2 февраля 1861 г., были сформированы Лейб-Гвардейские 1-й, 2-й и 3-й казачьи эскадроны Собственного Его Величества Конвоя, в котором было положено иметь 75 %

казаков Кубанского войска и 25 % казаков Терского войска. Так бывшие запорожцы стали личной охраной русских императоров.

Как видим, все потомки запорожцев, как «верных», так и «неверных», в 60-х годах XIX века оказались в составе Кубанского войска. Соответственно, их потомки проживают сейчас в Краснодарском крае на территории Российской Федерации. В районах же прежних Сечей на Днепре с конца XVIII века селились пришлые люди, ничего общего не имевшие с запорожскими казаками. Так, на острове Хортица и вблизи его поселились немцы-колонисты.

Так что попытки самостийников объявить себя наследниками казаков-запорожцев представляют собой очередную фальсификацию. Ни один запорожец до ликвидации Сечи в 1775 г. не называл себя украинцем, а считал себя только русским. Писали запорожцы по-русски, а разговаривали или по-русски, или на своем сленге – варианте суржика, а нынешний язык официального Киева запорожцы просто бы не поняли. И живут потомки запорожских казаков на Кубани. Так какое же отношение к ним имеют «жевто-блакитные» самозванцы?

Глава 5. Украина в «тюрьме народов»

Прежде чем переходить к гражданской войне на Украине, придется хотя бы кратко ответить на два принципиальных вопроса: была ли Украина колонией России, как утверждают это историки-самостийники, и почему пало самодержавие.

Начну с того, что юридически все малороссы и великороссы были уравнены в правах. В России вообще ни в паспортах, ни в любых других документах не указывалась национальность, а лишь вероисповедание, а оно у подавляющего большинства великороссов и малороссов было одно.

Неизвестно ни одного случая, чтобы малороссийское происхождение помешало кому-либо в военной или гражданской карьере. Вспомним, что еще в конце XVIII – начале XIX века среди вельмож, правивших империей, было много малороссов: братья Разумовские, граф Безбородко, генерал Милорадович и др.

Единственной дискриминацией было отсутствие местного самоуправления на Правобережье. На Левобережье земства были введены в 1864 г., как и по всей империи. Правительство боялось, что помещики-поляки захватят всю полноту власти на местах, поэтому земство на Правобережье ввели лишь в 1911 г.

С 1861 г. правительство прилагало большие усилия к развитию образования в Малороссии. К 1897 г. там насчитывалось 16 798 начальных школ разных типов и 129 гимназий, из которых 52 мужских и 77 женских. В 1865 г. на базе Ришельевского лицея в Одессе открылся Новороссийский университет. Появились высшие специальные учебные заведения для подготовки специалистов в экономической, юридической и духовной сферах. В 1875 г. Нежинский юридический лицей был преобразован в Историко-филологический институт и долгое время готовил учителей классических языков, русского языка и словесности и истории для средних школ. В 1885 г. в Харькове открылся первый на Украине Южнороссийский технологический институт. В этом институте, кстати, учился и мой дед Широкорад Василий Дмитриевич. В 1898 г. политехнический институт появился в Киеве, а в Екатеринославе в 1899 г. открылось Высшее горное училище.

Темпы развития экономики в Левобережье и Донбассе были существенно выше таких же показателей в Великороссии. Так что говорить о какой-то колониальной политике царизма в Малороссии – нелепейший бред. Правда, тут самостийники могут возразить, мол, украинцы – другая нация, более трудолюбивая, поэтому у них и экономика развивалась быстрее.

Тут мне придется огорчить как самостийников, так и русскоязычных либералов. К 1913 г. длина казенных (государственных) железных дорог составляла 46 284 км, а частных – 19 592 км. Причем все основные магистрали были государственными. Процент двойной колеи на государственных дорогах составлял 30,5 %, а на частных – 14,1 %[120].

Морской торговый флот, в том числе на Черном море, фактически принадлежал государству и в значительной степени был на дотации казны.

Многие крупные заводы на территории современной Украины также принадлежали государству, это Киевский арсенал, Севастопольский морской завод и др. Многие заводы, в том числе и верфи в Николаеве, формально считались частными, но были созданы с помощью государства и существовали в основном за счет госзаказа и субсидий казны. Так что создание промышленности и транспортной сети в Малороссии в основном дело рук «проклятого царизма».

Во второй половине XIX века и в начале XX века наблюдалось интенсивное перемещение великороссов и малороссов. Так, воспользовавшись льготами, предоставленными правительством Столыпина, около двух миллионов малороссов переселились в Сибирь, на Дальний Восток и в Туркестанский край.

М. С. Грушевский в период учреждения Государственной думы активно внушал малороссам, что только национально-территориальная автономия обеспечит им процветание, но столкнулся с тем, что эта его идея вызвала у крестьян – депутатов от Малороссии «тревожный вопрос, не создаст ли это каких-либо преград праву переселяться с Украины на свободные земли как колонизационные территории азиатской России и Уральской области»[121].

А при заселении по указу 1883 года государственных земель в Левобережных губерниях их сельскохозяйственное население в среднем на одну четверть пополнилось выходцами из Великороссии. Однако к межэтническим столкновениям это не привело, а наоборот, увеличило тягу всех крестьян, как малороссов, так и великороссов, к переделу земли. Н. И. Костомаров писал: «В слободах, населенных обеими народностями, никогда не происходит ни ссор, ни драк, которые бы указывали на племенную вражду между ними»[122].

Историк И. В. Михутина указывала: «Малороссы на индивидуальном уровне не испытывали дискриминации, что вместе с чувством этнического родства с великороссами, по-видимому, и определяло двойную идентичность большинства из них. “Я сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская, – признавался великий сын Малороссии Н. В. Гоголь. – Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены богом, и… каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой – явный признак, что они должны пополнять одна другую”.

Современный польский исследователь на основе социологического анализа ситуации на Волыни в начале XX в. так описал этот феномен, пользуясь понятием “русин” в значении “малоросс”: “С большой долей достоверности можно полагать, что подавляющее большинство сельского населения считало себя «русинами» и православными, не видя при этом противоречия между русинством и русскостью… Также большинство интеллигентов украинского происхождения оставались лояльными участниками российской культурной и политической общности, если даже заявляли о приверженности к украинству, понимаемому часто как региональный (малороссийский) вариант общерусской культуры”. “Россия – наше отечество, Малороссия – наше дорогое, родное гнездо”, – поэтически выразил эту мысль земский деятель, депутат Государственной думы из Полтавы М. И. Коваленко, а Г. В. Скоропадский, один из потомков гетманского рода, декларировал с трибуны Государственной думы: “В русском государстве, колыбелью которого был наш Киев, мы такой же державный народ, как и великороссы”»[123].

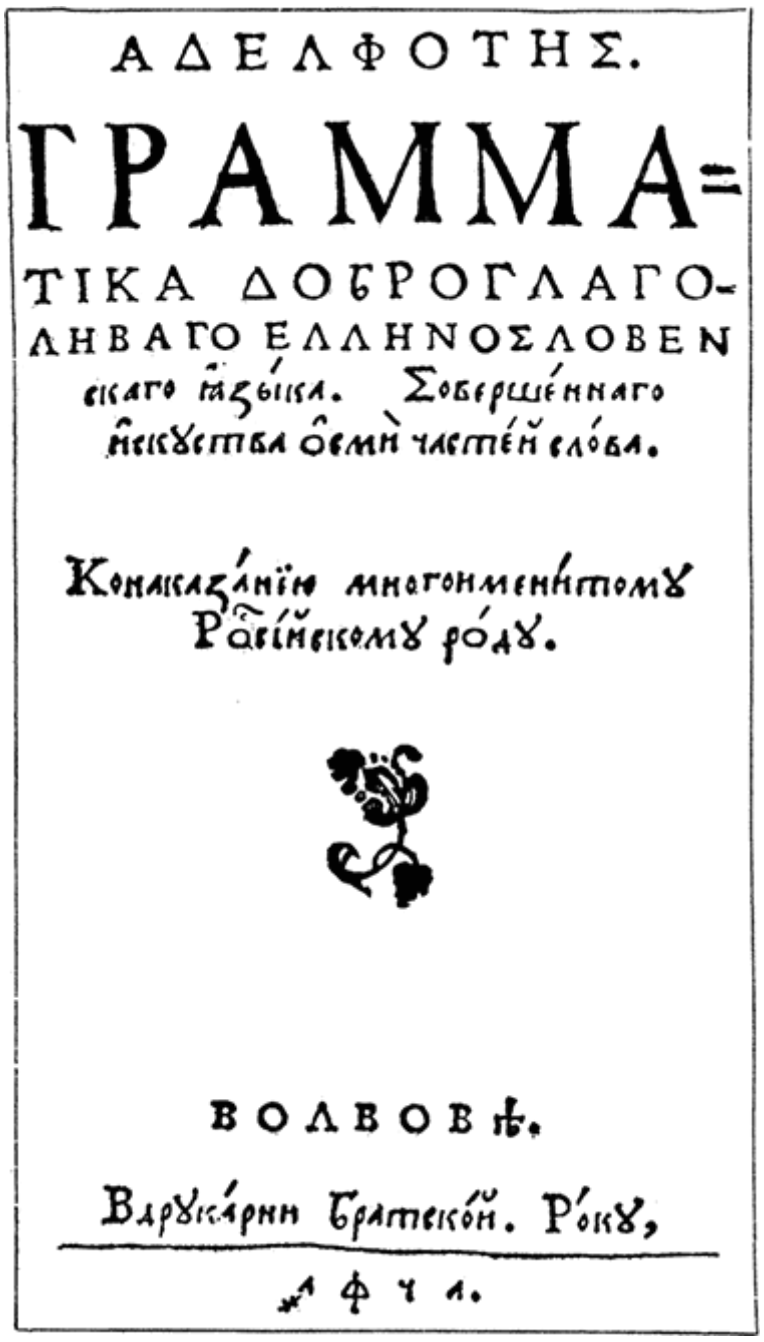
Так что если и говорить о колониях, то можно сказать, что Правобережье во многом осталось колонией поляков – свыше половины земли там принадлежало польским помещикам Браницким (250 тыс. десятин), Потоцким (170 тыс. десятин), Саданкиским, Сангужко и др.

В целом украинцы жили как минимум не хуже русских из центральных губерний.

Но недаром методы правления Николая II Лев Толстой сравнивал с Кокандским ханством. Естественно, произвол царя, губернаторов и жандармов в полной мере испытывали на себе и украинцы.

Подобный беспредел был как нельзя кстати националистам и сепаратистам. Вот каковы «воны москали, як воны катуют нас». Избавиться от царя-неудачника, его свихнувшейся жены и «старца» мечтали 99 % образованных людей России. Но в Малороссии всякие там Грушевские предлагали избавиться от Николая II и его сатрапов не с помощью общероссийской революции, а путем отделения от России и создания независимого государства.

В свою очередь, русские либералы и революционеры мало обращали внимание на сепаратистские настроения в Малороссии, считая их неадекватной реакцией на политику царизма. Ненависть к Николаю II у просвещенной части русского населения была столь велика, что они автоматически считали союзником каждого, кто выступал против царя.

АΔΕΛΦΟΤΗΣ.

ГРАММА=

ТІКА ΔОБРОГЛАГО-

ЛНВАГО ЕЛЛНNОСЛОВЕN

ѣскаго ꙗ҃зыка. Совершéннаго

ѣмскѹства ѻ҃емѝ чаcтéй слóва.

Конакса́нїю многопмéнитомѹ

Рѡ҃сíйскомѹ рóдѹ.

ВОЛВОВѢ.

Вдрѹка́рнн Братскóй. Рóкѹ,

ѧ ф ч л.

Очередная фальсификация М. С. Грушевского «Из иллюстрированной истории Украины». Подпись под рисунком: «Греческо-украинская грамматика 1591 г., составленная в львовской братской школе» не соответствует рисунку. На самом деле это русская грамматика, по которой учились в Малой и в Великой России

Еще в феврале 1904 г. профессор Петербургских высших женских курсов предложил устроить молебны о даровании победы императору Николаю над Японией. Курсистки же немедленно созвали сходку, на которой единогласно отказались от участия в молебне. Мало того, несколько курсисток послало поздравительную телеграмму… Микадо.

Поздравительный адрес японскому императору направила и группа петербургских студентов-путейцев. В конце концов, Министерство внутренних дел России категорически запретило служащим телеграфа принимать приветственные телеграммы в адрес японского правительства, а имена «подписантов» велело сообщать в местные жандармские управления.

В чем же дело? Почему наша левая молодежь так симпатизировала Японии? Увы, и курсистки, и путейцы знали о Японии не больше, чем о папуасах в Новой Гвинее или готтентотах в Африке. Всех их «допек» самодержавный строй, доведенный неспособным Николаем до абсурда.

К сожалению, и революционеры, и либералы видели в финских, польских, малороссийских и кавказских сепаратистах друзей и союзников в борьбе с «проклятым царизмом», не понимая, что это лишь временные попутчики и злейшие враги России и всея Руси.

Поэтому, когда в Киеве 1 августа 1914 г. на улицы вышли «украинствующие» с транспарантами «Да здравствует Австрия», либералы сделали вид, что ничего не произошло, а большевики сами выдвинули пораженческие лозунги.

Глава 6. Комедия с Центральной Радой

8 марта (23 февраля) 1917 г. в Петрограде началась революция. Николай II был вынужден отречься от престола. Власть перешла к Временному правительству. Советские историки утверждали, что Февральской революцией руководили большевики, и восхваляли их. Современные демократические историки вторят им, но при этом большевиков ругают.

Увы, у всех лидеров большевиков есть стопроцентное алиби. Кто-то сидел «во глубине сибирских руд», кто-то писал статейки в Нью-Йорке, а кто и прогуливался по берегу Женевского озера с Инессой Арманд.

Нравится нам или нет, но Февральская революция – это масонский переворот, в результате которого к власти пришло масонское Временное правительство.

А в свидетели призовем… Ленина. Да ведь он же ни разу не употреблял слово «масоны»! Ну и что. Так ведь и сами масоны своих соратников (подельщиков) масонами не называли, а выражались всегда как-нибудь иносказательно. Так вот что писал вождь: «Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, “разыграна” точно после десятка главных и второстепенных репетиций; “актеры” знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия»[124]. Замените слово «актеры» на «братья» – и все встанет на свои места.

По данным масона Н. Берберовой[125], в первый состав Временного правительства (март – апрель 1917 г.) вошло десять «братьев» и один «профан». «Профанами» масоны называли близких к ним людей, которые, однако, формально не входили в ложи. Таким «профаном» в первом составе Временного правительства оказался кадет П. Н. Милюков, назначенный министром иностранных дел.

Орест Субтельный писал: «Весть о падении царизма пришла в Киев 13 марта 1917 г. В течение нескольких дней представители основных городских учреждений и организаций сформировали Исполнительный комитет, взявший на себя роль блюстителя порядка в качестве местного органа Временного правительства. Практически одновременно леворадикальные силы сгруппировались в Киевском Совете рабочих и солдатских депутатов. Однако, в отличие от Петрограда, в Киеве на историческую сцену вышел третий актер: украинцы создали собственную организацию – “Центральную Раду”. Ее учредителями стали умеренные либералы из ТУП, возглавляемые Евгеном Чикаленко, Сергием Ефремовым и Дмитром Дорошенко, и социал-демократы во главе с Володимиром Винниченко и Симоном Петлюрой. Несколькими неделями позже в Центральную Раду вошла набиравшая вес “Українська партія соціалістів-революціонерів”, представленная Миколой Ковалевским, Павлом Христюком и Микитой Шаповалом. Президентом Центральной Рады был избран вернувшийся из ссылки Михайло Грушевский, пользовавшийся широкой известностью и уважением. Таким образом, в отличие от русских в Киеве, разделившихся на умеренных в Исполнительном комитете и радикалов в Совете, украинцы всех идеологических течений объединились в едином представительном органе…

19 апреля в Киеве открылся Украинский национальный конгресс, на который съехались 900 делегатов со всей Украины, от украинских общин бывшей империи, различных экономических, просветительских, военных и благотворительных организаций. На конгрессе были избраны (уже чисто формально) 150 представителей в Центральную Раду, Грушевского утвердили ее президентом»[126].

Прекрасная рождественская сказочка, придуманная в Канаде для детей украинских эмигрантов. Население Малороссии вовсе не собиралось объединяться в «едином представительском органе», что и показали последующие события. Масон высокого градуса Михайло Грушевский прибыл не из ссылки, а из Москвы. Впрочем, может, для канадца Москва – это и есть захолустье, куда ссылали «щирых украинцев».

Забегу немного вперед, чтобы более не возвращаться к господину Грушевскому. Менее чем через год, оказавшись не у дел, он, подобно «брату» Керенскому, отправился в эмиграцию, зато, в отличие от незабвенного Александра Федоровича, решил вернуться в СССР. И вот Грушевский в марте 1924 г. объявляется в Киеве. Большевики назначают сепаратиста и русофоба руководить исторической секцией Украинской Академии наук и рядом ее комиссий. Грушевский возобновляет прерванное революцией и

Гражданской войной издание журнала «Украина» (естественно, на родной мове). В 1929 г. его избирают действительным членом академии наук СССР.

В 1931 г. Грушевского арестовывает ОГПУ по обвинению в контрреволюционной деятельности и связи с эмигрантами. Но, увы, наш историк оказывается не по зубам чекистам, как и в 1914 г. – русской контрразведке. По распоряжению «сверху» его отпускают (опять помощь братьев). Грушевский тихо умирает на курорте в Кисловодске на 69-м году жизни.

Но вернемся к Центральной Раде. 23 июня 1917 г. Рада издала свой первый Универсал:

«Народ украинский! Народ крестьян, рабочих, трудящегося люда!

Волей своей ты поставил нас, Украинскую Центральную Раду, на страже прав и вольностей Украинской Земли…

Пусть будет Украина свободной. Не отделяясь от всей России, не порывая с державой Российской, пусть народ украинский на своей земле имеет право сам устраивать свою жизнь. Пусть порядок и устройство в Украине дает избранное всенародным, равным, прямым и тайным голосованием Всенародное Украинское Собрание (Сейм). Все законы, которые должны дать тот порядок здесь у нас, на Украине, имеет право издавать только Украинское Собрание.

А те законы, которые должны давать порядок по всей Российской державе, должны издаваться во Всероссийском Парламенте.

Никто лучше нас не может знать, что нам нужно и какие законы для нас лучшие.

Никто лучше наших крестьян не может знать, как распоряжаться своей землей. И потому мы хотим, чтобы после того, как по всей России будут конфискованы все помещичьи, казенные, царские, монастырские и иные земли в собственность народов, когда будет издан об этом закон на Всероссийском Учредительном Собрании, право распоряжения нашими украинскими землями, право пользования ими принадлежало только нам самим, нашему Украинскому Собранию (Сейму)»[127].

Який гарный набор слов, вроде все будет хорошо. А на самом деле – смесь вранья и несуразиц.

Начну с того, кто такой «народ украинский»? До 1917 г. термина «народ украинский» не было ни в одной энциклопедии. Так что любой честный политик для начала сформулировал бы понятия «народ украинский» и «Земля украинская». Надо ли говорить, что радные жулики сознательно отказались от четких формулировок.

Центральную Раду выбирал не народ, а несколько сот функционеров украинской партии социалистов-федералистов, украинской социал-демократической партии, украинской партии социалистов-революционеров и ряда совсем малых объединений. К 1917 г. все эти партии состояли из нескольких десятков, в лучшем случае сотен членов. Замечу, что перечисленные партии не были частями общеимперских партий социал-демократов, социал-революционеров и др. Это были автономные группировки, руководимые, как правило, масонами. Главой Генерального Секретариата (Совета Министров) стал масон В. К. Винниченко. Замом (товарищем) масона Грушевского в Раде был А. Ниховский, тоже из ложи «Великий Восток Народов России». Замечу, что когда в 1910 г. обсуждалось название ложи, то Грушевский не захотел, чтобы в названии упоминалось слово Россия, поскольку такого государства вообще быть не должно, и масоны решили назвать ложу «Великий Восток Народов России». Таким образом, братья каменщики Керенский, Некрасов, Грушевский и Ко уже заранее предполагали развал государства Российского.

Но вернемся к первому Универсалу.

По мысли его создателей, на Украине должны были действовать только законы, изданные местным Сеймом. А при чем тут «Всероссийский парламент»?

Самым важным вопросом для крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения Великороссии и Малороссии, был земельный вопрос. И что же предложили самостийники? Ждать, пока в России будет создано Учредительное собрание, принят закон о земле, наконец, фактически «будут конфискованы все помещичьи… земли», и только тогда наша Рада возьмется за передачу

земель крестьянам на Украине. Блеск! Вроде бы братья масоны и обещают крестьянам землю, а на самом деле подсовывают фигу!

А когда «селяне» с топорами спросят, где же обещанная землица, то уж и ответ готов: виноваты злыдни-москали, никак не решат сей вопрос. Бей кацапов!

Естественно, киевские масоны прекрасно знали, что их петроградские братья во Временном правительстве не желают давать землю крестьянам и будут «тянуть резину» до последнего.

Как же реагировало Временное правительство на действия Центральной Рады? С одной стороны, признать фактическое отделение Украины для «временных» означало подписать себе смертный приговор. С другой стороны, как не порадеть братьям по ложе! В Киев выяснять отношения едет А. Ф. Керенский. Замечу, в ложе «Великий Восток» он занимался координацией деятельности столичных и киевских масонов и по делам ложи ездил в Киев в 1913, 1915 и 1916 годах.

После переговоров с Центральной Радой Керенский признал право Генерального Секретариата управлять пятью украинскими губерниями – Киевской, Полтавской, Подольской, Волынской и Черниговской.

8 ноября 1917 г. Центральная Рада отказалась признать большевистское правительство в Петрограде.

10 ноября отряды киевских рабочих и революционных солдат подняли восстание в Киеве против командования штаба Киевского военного округа, поддерживавшего правительство Керенского. В ходе боев за Киев Центральная Рада первоначально держала нейтралитет. После трехдневных боев штаб Киевского военного округа вместе с частью войск бежал из города на Дон. Тем временем Центральная Рада подтянула верные ей войска и подавила восстание.

Однако большевикам удалось взять власть в Харькове, Донбассе и Криворожье.

20 ноября Центральная Рада издала третий Универсал, в котором провозгласила образование Украинской Народной Республики (УНР).

Глава 7. В тихом омуте черти водятся

В Белоруссии в XIX веке рост националистических настроений был мало заметен. В среде интеллигенции в конце века имели место четыре течения. Сторонники первого – «западнорусисты» – считали белорусов частью русского народа.

Второе движение – «Белорусское общество» – занимало промежуточную позицию. Целью его провозглашалось объединение всех представителей белорусской народности без различия сословий, званий и вероисповедания на единой национально-культурной платформе. Белорусы признавались самостоятельной народностью, однако их родным языком объявлялся «язык Пушкина и Гоголя», а свой родной им предлагалось «оставить истории».

В 1902 г. молодежь из культурно-просветительских кружков сформировала «Белорусскую социалистическую громаду» (БСГ). При этом прилагательное «социалистическая» в название партии было введено в чисто пропагандистских целях. Это была партия классических националистов. Формально она выступала за автономию Белоруссии в составе России, но с самого начала имела в виду полное отделение.

Наконец, четвертое движение – сторонники вхождения Белоруссии в Польское государство, хотя и на федеральных началах.

Общим для первых трех движений была крайняя узость социальной базы.

Н. А. Зенькович, бывший «кэгэбэшник», сменивший в 1991 г. коммунистическую идеологию на национализм, писал: «Городская интеллигенция… в Белоруссии была либо польской, либо еврейской. Да и сами белорусские города за время пребывания то в составе Речи Посполитой, то России потеряли свой белорусский характер»[128].

Естественно, царское правительство не воспринимало всерьез кучку интеллигентов, считавших себя «выразителями чаяний белорусского народа». Поэтому при выборе земств на территории Белоруссии

православных белорусов включили в русскую, а белорусов-католиков – в польскую курии. В результате земские органы в Могилеве, Витебской и Минской губерниях, избранные в 1911 г., состояли преимущественно из местных уроженцев, считавших себя русскими или поляками. Это же повторилось и при выборах в IV Государственную думу в 1912 г., в результате которых никто из левых депутатов от белорусских националистов в Думу избран не был.

Замечу, что царское правительство, по крайней мере, после 1905 г. не препятствовало распространению националистических изданий в Белоруссии. Так, в 1906 г. только в Вильно издавалось 11 польских газет и журналов, в 1910 г. – уже 18, а в 1914 г. – 28 периодических изданий.

Любопытно, что в польских изданиях утверждалось, что движение белорусских националистов инспирировано русским правительством.

Сразу же после Февральской революции в Петрограде несколько белорусских националистов объявили себя Белорусским национальным комитетом. Главой его стал крупный помещик Р. Скирмунт.

25—27 марта 1917 г. в Минске прошел «национальный съезд». На нем присутствовали около 150 делегатов, в основном от БСГ, католической демократической партии и Народной демократической партии. Как и аналогичные съезды на других окраинах бывшей империи, съезд не представлял никого, кроме нескольких сот, в крайнем случае, тысяч партийных функционеров. Разумеется, и большевики не проводили демократических избирательных кампаний, но на их съезды делегаты выбирались прямым голосованием рабочих больших заводов, личного состава полков, дивизий, кораблей и флотилий.

Делегаты съезда видели будущее Российского государства «в федеративной демократической республике, в которой отдельные национальности будут иметь свои национальные парламенты для решения всех местных потребностей края». Беларусь должна была получить в обновленной России статус автономной государственно-территориальной единицы с включением в нее Минской, Могилевской, Гродненской, Витебской губерний, большей части Виленской губернии, а также некоторых уездов Смоленской и Черниговской губерний.

Делегаты приняли постановление о создании в Минске Белорусской краевой рады, а до ее выборов съезд объявил себя «высшей краевой институцией», исполнительным органом которой стал Белорусский национальный комитет в составе 18 человек во главе с тем же Скирмунтом.

Съезд попытался организовать переговоры с Временным правительством в Петрограде, целью которых было признание Белорусского национального комитета в качестве высшего органа государственной власти в Белоруссии. Но председатель Временного правительства князь Львов демонстративно не принял белорусскую делегацию. Также поступил и министр юстиции Керенский.

В свою очередь, буржуазные сторонники единства с Россией стали создавать свои организации. Так, в Гомеле появился «Союз белорусской демократии», в Могилеве – «Белорусский национальный комитет», в Витебске – «Союз белорусского народа» и др. Все эти организации выступали за «слияние белорусов, великороссов и малороссов в одну мощную и несломимую народность русскую», а решения Белорусского национального комитета считали вредными для народа. Против этого комитета высказались также Минский комитет Всероссийского крестьянского союза и исполком Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний.

Как и повсеместно в России, в Белоруссии в марте 1917 г. были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов, где ведущую роль играли большевики.

После перехода власти в Петрограде к большевикам в Минске образовалось двоевластие – пробольшевистский Минский совет и «Комитет спасения революции» во главе с меньшевиком Т. Колотухиным. Комитет не признал советской власти и выступил за сохранение Временного правительства, необходимость выборов в Учредительное собрание и его созыва. Комитет этот получил поддержку Кавказской дивизии.

В свою очередь большевики обратились за помощью к частям 2-й армии, дислоцированным в районе города Несвижа. Революционные части отправили в Минск бронепоезд, несколько бронеавтомобилей, два пехотных полка и сводный отряд «революционных солдат».

Деятели из «Комитета спасения революции» разбежались, а власть перешла к Военно-Революционному комитету Северо-Западной области и Западного фронта. Как видим, не «независимой республики», не «автономии», а «области»! В конце октября – начале ноября (по ст. стилю) 1917 г. советская власть победила на всей неоккупированной части Белоруссии. (Линия фронта проходила в 80 км западнее Минска.)

19—21 ноября 1917 г. в Минске состоялся съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области, которая была создана (с центром в Минске) еще в мае 1917 г. на съезде Советов Минской, Витебской, Могилевской и части Виленской губерний.

Из 560 делегатов съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 460 поддерживали большевиков. Они одобрили декреты советской власти о мире и земле и потребовали безоговорочного подчинения советской власти служащих и чиновников старых государственных учреждений.

26 ноября 1917 г. был создан Совет народных комиссаров области и фронта. Его председателем стал большевик К. Ландер. В конце 1917 г. – начале 1918 г. были сформированы уездные органы власти – Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В январе – марте 1918 г. в основном было завершено создание и волостных Советов. А все органы Временного правительства (городские думы, земские управы) при этом ликвидировались.

Серьезную проблему для большевиков и мирного населения создало присутствие на территории Белоруссии 1-го польского корпуса легионеров, который был сформирован по указанию Керенского в июле 1917 г. В его составе были три пехотные дивизии, конные и артиллерийские части, всего до 26 тыс. человек. С августа 1917 г. корпусом командовал генерал-лейтенант Юзеф Довбор-Муснинский.

Польский корпус грабил местное население, проводил карательные операции по жалобам польских помещиков.

21 января (3 февраля) 1918 г. командующий Западным фронтом А. Ф. Мясников (Мясникян) отдал приказ о расформировании польского корпуса и демобилизации его личного состава. Генерал Довбор-Муснинский отказался повиноваться, что во всех странах мира считалось военным мятежом.

В ночь на 31 января (13 февраля) революционные войска разбили 1-ю Польскую дивизию и заняли Рогачёв. 2-я и 3-я Польские дивизии к середине февраля 1918 г. после упорных боев отступили в направлении Бобруйска и Слуцка. Но 18 февраля, нарушив условия Брестского перемирия, начали наступление австро-германские войска. Воспользовавшись этим, мятежники при участии отрядов Белорусской рады в ночь с 19 на 20 февраля овладели Минском, а 21 февраля в город вступили немецкие войска.

Польские части по соглашению с германским командованием оставались в Белоруссии в качестве оккупационных войск. В мае 1918 г. Польский корпус был расформирован немецким командованием.

С приходом немцев в Минске буржуазные[129] националисты во главе с И. Воронко создали самозваное правительство – Народный секретариат Белоруссии.

Отношения белорусских «самостийников» с германским командованием были весьма сложными. Ведь вообще оккупация Белоруссии официально считалась как бы взятием земель в залог до окончания выплаты Советской Россией контрибуций, определенных Брестским договором. А как брать в залог то, что не принадлежит должнику? Поэтому официального признания самозваное правительство не получило, однако во многих хозяйственных и административных вопросах оккупационные власти сотрудничали с ним.

В марте 1918 г. националисты созвали Всебелорусский съезд. Естественно, «всебелорусским» он физически не мог быть. Немцы стояли на линии Орша – Могилев – Гомель, и Восточная Белоруссия была в составе Советской России. А что касается недовольных в Западной Белоруссии, то об этом свидетельствует создание немцами концлагерей, в которых содержалось 3600 человек.

9 марта съезд провозгласил Белорусскую Народную Республику (БНР), а свой исполнительный комитет назвал радой БНР. 25 марта 3-й Уставной грамотой БНР объявлялась «независимым и свободным государством». Все прежние государственные связи, позволявшие «чужому правительству подписывать за Белоруссию трактат в Бресте», считались утратившими силу. А 28 апреля на заседании

Народного секретариата были утверждены государственные символы Белоруссии – бело-красно-белый флаг и герб «Погоня».

Германское правительство не восприняло всерьез эти игры. Оно лишь согласилось на национальное представительство при немецкой оккупационной администрации и на некоторые второстепенные функции. На посланные в Берлин три грамоты рейхсканцлер сообщил Народному секретариату, что Германия рассматривает Белоруссию как «часть Советской России».

Вскоре у Рады появился конкурент – в Минске образовалось Белорусское народное правительство (БНП) во главе с Р. Скирмунтом, А. Алексюком, ксендзом Гандлевским, Ф. Верниковскм и другими.

Не дремали и большевики – в оккупированной части Белоруссии ширилось партизанское движение. А в апреле 1918 г. в Смоленске собрался 2-й съезд Советов Западной области. Он принял декларацию, обращенную к белорусским рабочим и крестьянам, в которой заклеймил исходивший от Рады «дьявольский план представительства трудящихся масс», «позорные замыслы и действия буржуазных наймитов». Съезд заявил, что «Белорусская рада представляет собой группу самозванцев, а не народных представителей».

13 ноября 1918 г. было принято постановление ЦИК, в котором говорилось: «Насильнический мир в Брест-Литовске уничтожен». А уже 22 ноября Красная Армия начала наступление на Могилев и Минск. Лидеры БНР попытались создать свою армию под командованием генерала Кондратовича, но из этой затеи ничего не вышло. 10 декабря Кранная Армия вошла в Минск. В тот же день Минский Совет, избранный накануне, еще в условиях подполья, объявил о восстановлении советской власти в городе. Руководство БНР к этому времени уже было далеко на Западе.

2—3 февраля 1919 г. в Минске состоялся 1-й Всебелорусский съезд Советов, на котором присутствовало 230 делегатов, в том числе 213 большевиков. Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов объявил постановление Президиума ВЦИК «О признании независимости Белорусской Советской Социалистической Республики» от 31 января 1919 г. Были приняты декларации ко всем народам и правительствам признать независимость БССР, об установлении федеративной связи между БССР и РСФСР. 3 февраля съезд утвердил конституцию БССР, основанную на принципах конституции РСФСР, избрал ЦИК (председатель Мясников), который в свою очередь избрал Малый и Большой президиумы.

В феврале 1919 г. польские войска вторглись на территорию Белоруссии и Литвы. Польский диктатор Пилсудский решил создать «конфедерацию» Польши, Литвы и Белоруссии. Я взял слово «конфедерация» в кавычки потому, что фактически польские националисты ни в XIX веке, ни сейчас, в 2012 году, не желали и не желают признавать в составе своего государства иных национальностей. Так что болтовня о конфедерации была лишь фиговым листком для Версальской компании и обманом для населения Белоруссии и Литвы.

В ответ ЦИК БССР принял решение об объединении с Литовской социалистической советской республикой. 27 февраля 1919 г. в Вильно было провозглашено создание Литовско-Белорусской социалистической советской республики (Литбела).

В середине февраля 1919 г. поляки заняли Брест, Гродно, Пружаны и Волковыск. Правительство Советской республики предложило Польше решить проблему мирным путем, и с конца марта до 20 апреля 1919 г. в Москве шли переговоры. Однако, узнав о поражениях Красной Армии на Восточном фронте, поляки сорвали переговоры и продолжили наступление. 17 апреля они прорвали фронт и захватили Лиду и Барановичи, 19 апреля бои завязались в окрестностях Вильно, и после трехдневного сопротивления части Красной Армии отошли.

Польша, опираясь на помощь Англии и Франции, продолжала наступление, стремясь достигнуть границы Речи Посполитой по состоянию на 1772 год. 29 апреля 1919 г. Пилсудский обратился с воззванием «К населению бывшего Великого княжества Литовского», в котором пообещал установить свободу «в этом крае». В Виленской декларации, принятой польским сеймом, говорилось: «Отечество Костюшки, Мицкевича и Траугута принадлежит Польше, как часть неделимая».

8 августа польские войска взяли Минск. В августе – сентябре 1919 г. они захватили Игумен, Новоборисов, Бобруйск, Жлобин, Рогачёв и Речицу. Фронт стабилизировался на линии реки Березины.

Лидеры БНР еще в феврале 1919 г. прибыли в Варшаву и стали проситься во власть. Однако поляки их игнорировали. Только в конце октября Пилсудский издал декрет об образовании «войсковой комиссии».

Для белорусского войска доставили американскую униформу. Декретом от 22 октября 1919 г. оное войско было ограничено двумя пехотными батальонами. Но и тех собрать не удалось. Воевать на стороне ляхов белорусы не желали. Зато по всей Белоруссии действовали партизанские отряды.

Взамен распущенной рады поляки создали новую – Высшую раду. В мае 1920 г. она подписала с Польшей договор, согласно которому Белоруссия должна была стать автономной единицей в хозяйственных и культурных вопросах в составе восстановленной в пределах 1772 года Речи Посполитой.

Глава 8. «Все против всех»

20 ноября 1917 г. мы справедливо можем назвать днем начала Второй Руины. На Украине началась война всех против всех. В общих чертах ситуация на Украине мало отличалась от ситуации в середине XVII века.

Центральная Рада не пользовалась достаточной поддержкой населения и не могла противостоять большевикам, и, как гетманщина XVII века, призвала иностранные войска. А по всей Украине с осени 1917 г. начали формироваться большие и малые банды. Их атаманы утверждали, что борются за права «угнетенного селянства» и делились частью добычи с местным населением. Нравится ли современным историкам или нет, но большинство «селянства» поддерживало бандитов, прятало их и награбленное имущество, а главное, постоянно пополняло ряды бандитов.

К 15 (28) января 1918 г. Красная Армия подошла к Киеву со стороны Дарницы. Рабочие оружейного завода «Арсенал» подняли восстание. При приближении большевиков В. К. Винниченко и члены его кабинета струсили, подали в отставку и вместе с М. С. Грушевским бежали из Киева. Власть захватили два студента – Голубович, который сделался главой «правительства», и Ковенко, ставший комендантом Киева. Они в течение почти двух недель довольно активно защищали Киев, но когда убедились в бессмысленности дальнейшего сопротивления, сели в автомобили и укатили в Житомир.

Германия находилась в тисках Антанты, и ей срочно требовалось продовольствие, которое можно было найти на Украине. Германское правительство не могло допустить перехода Украины под власть большевиков. Поэтому 27 января (9 февраля) 1918 г. Германия и Австро-Венгрия подписали с правительством Центральной Рады мирный договор. От имени Рады подпись поставил какой-то студент Севрук.

Согласно этому договору, Центральная Рада обязалась поставить Германии и Австро-Венгрии до 31 июля 1918 г. 60 млн пудов хлеба, 3 млн пудов живого веса рогатого скота, 400 млн штук яиц, сотни тысяч пудов сала, масла, сахара и других продуктов.

Германские войска двинулись к Киеву, а австрийские – к Одессе. Мониторы и канонерские лодки австрийской Дунайской флотилии пришли в Одессу и попытались подняться вверх по Днепру, но не сумели пройти пороги.

16 февраля (1 марта) первый батальон саксонской пехоты появился на киевском вокзале. Давняя мечта австрийских и германских политиков осуществилась:

Од Кыева до Берлина

Простяглася Украина.

В Киеве обосновалась главная квартира германского командования во главе с генерал-фельдмаршалом Германом фон Эйхгорном. Вслед за саксонской пехотой в Киеве объявилось и правительство Голубинского.

Но, увы, немцы быстро убедились, что Рада ничего не представляет. По данным германского штаба, войска Украинской Народной Республики насчитывали лишь «две тысячи бывших солдат и офицеров, безработных и авантюристов». Как писал А. Царинный: «…все в Малороссии прекрасно знали, что

украинское войско – это действительно миф, сочиненный для удовольствия “щирых” украинских шовинистов, так как нельзя же серьезно называть войском появившиеся впереди немцев кучки глупых людей в шапках со свесившимися на спину красными шлыками, в театральных костюмах, в каких щеголяли в исторических пьесах из жизни старой Малороссии корифеи малорусской сцены Кропивницкий или Тобилевич-Садовский, и в широких поясах, из-за которых торчали чуть ли не аршинные кривые кинжалы. Появление украинских гайдамаков – это была шутовская интермедия в тяжкой кровавой драме мировой войны и “русской” революции, но никоим образом не один из ее важных актов»[130].

Красная Армия на Украине была куда более боеспособной, но все равно не могла противостоять германо-австрийским частям. Мало того, Советская Россия по рукам и ногам была связана Брестским миром и не могла открыто вести боевые действия на Украине. Поэтому местные левые с согласия Москвы создали ряд полунезависимых республик: Донецко-Криворожскую Советскую республику (ДКСР), Одесскую Советскую республику, Таврическую Советскую республику и Донскую Советскую республику.

К лету 1918 г. германо-австрийские интервенты оккупировали Украину, Крым, Донскую область, часть Таманского полуострова, часть Воронежской и Курской губерний. На востоке оккупационная зона ограничивалась линией Батайск – Дон – Северный Донец – Дёгтево – Осиновка – Новобелая – Валуйки – Грушевка – Белгород – Суджа – Рыльск. В «сферу влияния» Австро-Венгрии (по соглашению от 29 марта 1918 г. между Берлином и Веной) входили часть Волынской, Подольская, Херсонская и Екатеринославская губернии. (Управление и эксплуатация угольных и горнорудных районов здесь были совместными.) Николаев, Мариуполь и Ростов-на-Дону занимали смешанные части (германское командование в Николаеве и Ростове-на-Дону, австро-венгерское – в Мариуполе). Остальные губернии Украины, Крыма, а также Таганрог оккупировали германские войска. Железнодорожный и водный транспорт на всей оккупированной территории ставился под контроль германского командования.

Вскоре германские оккупационные власти решили заменить Центральную Раду более эффективным «туземным» правительством. Генерал-фельдмаршал Эйхгорн решил дать Украине… гетмана. Кстати, это слово было вполне понятно и немцам, поскольку происходило от германского слова гауптман (Hauptmann) – начальник. На должность гауптмана Эйхгорн предложил генерал-лейтенанта Павла Петровича Скоропадского. Тот происходил по прямой линии от Василия Ильича Скоропадского, родного брата бездетного гетмана Левобережья Ивана Ильича Скоропадского (1708–1722). Павел Петрович владел богатейшими имениями в Полтавской и Черниговской губерниях. Кроме всего прочего, он был еще и масоном высокого градуса и ранее пребывал в тех же ложах, что и Грушевский, и Петлюра.

Избрание гауптмана-гетмана состоялось 29 апреля 1918 г. в цирке Крутикова на Николаевской улице в Киеве. Режиссером представления был тот же Эйхгорн. В цирке были собраны «хлеборобы-собственники». Несколько «хлеборобов» выступило с речами, требуя спасти Украину от хаоса, а сделать это может только гаупт…, то есть гетман. И тут в одной из лож цирка появился одетый казаком Скоропадский. «Хлеборобы» дружно «прокричали его гетманом».

А Центральная Рада была без единого выстрела разогнана германским караулом. Ни один человек на всей Украине не встал на ее защиту. Началась эпоха новой гетманщины, или, как шутили киевляне, «гетманшафт». Сам гетман поселился в доме киевского генерал-губернатора. Любопытная деталь: под кабинетом гетмана на втором этаже находилось помещение германского караула. Так что Павел Петрович Скоропадский сидел на германских штыках не только в переносном, но и в прямом смысле.

Скоропадский немедленно «сменил вывеску на лавочке». Ему как-то неудобно было быть гетманом «Украинской Народной Республики», и название это было заменено на «Украинскую державу». Срочно была набрана сердючная дивизия для охраны особы гетмана, дивизия генерала Патнева (в Харькове), 1-я пехотная дивизия, сформированная австрийцами из военнопленных во Владимире-Волынском, а также несколько «охранных» и пограничных сотен. Кроме того, гетман начал формировать и отряды из белых офицеров.

Оккупационные германо-австрийские войска приняли решительные меры для наведения порядка на Украине. Немедленно были возвращены помещикам захваченные крестьянами земли, скот и инвентарь. Карательные отряды проводили массовые расстрелы. Однако эти меры не успокоили население, а лишь

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

только озлобили его. Именно при гетмане резко возросла активность банд, по сравнению со временами Центральной Рады.

Банда, или, лучше сказать, армия батьки Махно, действовала на огромном пространстве современной Украины – от Лозовой до Бердянска, Мариуполя и Таганрога, и от Луганска и Гришина до Екатеринослава, Александровска и Мелитополя. Большую известность получили банды Зеленого, Струка, Соколовского и Тютюнинна, атаманши Маруси и др.

Однако судьба «гетманшафта» решилась не на полях Северной Таврии, а в Берлине. 9 ноября 1918 г. в Германии была провозглашена республика, а на следующий день кайзер Вильгельм II бежал в Голландию. 11 ноября было подписано Компьенское перемирие между странами Антанты и Германией.

Гетман Скоропадский оценил ситуацию и 14 ноября назначил новый кабинет министров, уже без самостийников, и провозгласил Акт федерации, по которому обязался объединить Украину с будущей небольшевистской Россией. Принимая это решение, Скоропадский надеялся получить поддержку со стороны главнокомандующего Добровольческой армией генерала А. И. Деникина и стоявшей за его спиной Антантой.

В ответ националисты, собравшиеся в городе Белая Церковь, в тот же день организовали альтернативный временный верховный орган Украинской Народной Республики – Директорию. Председателем был избран В. Винниченко, главным атаманом – С. Петлюра; в состав Директории также вошли Ф. Швец, А. Андриевский и А. Макаренко. Директория призывала народ к восстанию против гетмана и двинула на Киев свои отряды.

Опереточная гетманская армия – сечевые стрельцы под командованием Е. Коновальца и Серожупанная дивизия – перешла на сторону Петлюры. Скоропадский срочно переоделся в мундир германского офицера, замотал лицо бинтами и бежал в Берлин. Немногочисленные русские дружины, состоявшие из офицеров, учителей и гимназистов, не захотели умирать за гетмана и разошлись. Все это прекрасно описано в пьесе Булгакова «Дни Турбиных».

На следующий день воинство Директории вступило в Киев. Начались массовые грабежи и убийства. Петлюра провозгласил воссоздание «Украинской Народной Республики».

Краткая справка – Петлюра Симон Васильевич, сын сапожника, учился в семинарии. Бросив семинарию, работал журналистом и бухгалтером в фирме, торговавшей чаем. По совместительству с руководством Директорией занимал должность Великого магистра ложи Святого Андрея (Великой Ложи Украины).

«Селянство» активно поддерживало Петлюру, получив возможность безнаказанно и на идейных основаниях грабить помещиков, русских сельских врачей и учителей, евреев, отступающие германские части. Об истинных же его целях «селянство» имело крайне смутное представление. Любопытно, что население многих сел считало Симона Васильевича… женщиной. «Вона Петлюра усим кацапам, немцам и жидам покаже…».

А теперь перенесемся на территорию Австро-Венгерской империи. Развал ее начался на несколько недель раньше, чем революция в Германии. 16 октября 1918 г. венгерский парламент провозгласил независимость Венгрии. 21 октября депутаты австрийского парламента объявили себя временным Национальным собранием и высказались за присоединение Австрии к Германии. 28 октября была провозглашена Чехословацкая республика. На следующий день от империи отделились сербы, хорваты и словенцы.

Ранним утром 1 ноября 1918 г. украинские части австрийского гарнизона заняли центр и все стратегические пункты Львова, вывесив на ратуше желто-голубое знамя. Все военнослужащие прочих национальностей либо были интернированы, либо заявили о нейтралитете. Между прочим, около 60 % населения Львова составляли этнические поляки и около 30 % – евреи. Евреи в конфликте между украинскими националистами и поляками в основном держали нейтралитет, хотя и создали свои военные формирования.

В начале ноября во Львове была провозглашена Западноукраинская Народная Республика (ЗУНР). Руководить республикой должен был «генеральный секретариат» во главе с Костей Левицким. Замечу,

что никто эту власть не выбирал, а группа активистов из национальных партий распропагандировала около 1500 солдат, и те захватили город. Австрийский гарнизон не сопротивлялся, а наоборот – покинул Львов.

Через неделю польское население Львова восстало, а еще через неделю подошли подкрепления с севера, и части ЗУНР были выбиты из Львова.

«Генеральный секретариат» ударился в бега. В декабре 1918 г. он ненадолго обосновался в Тернополе, затем полгода был в городе Станислав (с 1962 г. Ивано-Франковск), а закончил свое существование в Каменец-Подольском.

Любопытно, что националисты ЗУНР, хватаясь за соломинку, попытались договориться с местными сионистами. В частности, они предлагали создать ЖНР («Жидівська Народна Республіка»). Был даже сформирован батальон из галицийских евреев – «Жидівський пробоєвий курінь». Дело в том, что галицийские евреи называли себя жидами и считали название «еврей» оскорбительным.

Зато на территориях, контролируемых Директорией, регулярно устраивались еврейские погромы. На Украине от рук петлюровцев и бандитов погибло, по разным данным, от 50 до 100 тысяч евреев. Наиболее серьезные погромы произошли в Проскурове, Житомире, Черкассах, Ривном, Фастове, Коростене и Бахмаче. Самым диким и жестоким был погром в Проскурове в феврале 1919 г., спровоцированный атаманом Семесенко, во время которого погибло несколько тысяч евреев.

В целях укрепления террористической диктатуры Директории Петлюра и Винниченко всячески раздували пропаганду зоологического национализма, разжигали ненависть к русскому народу.

«Петлюровская печать широко пропагандировала среди украинского населения идею “великой соборной Украины”, разжигая аппетиты на чужие земли у украинских кулаков и буржуазии. В печати открыто обсуждались планы выселения с Украины всех русских и восстановления “естественных” границ Украины от Карпат до Дона и от Черного моря до Вислы. При этом к украинским землям причислялись территории Воронежской, Курской, Новороссийской губерний, Ставропольского края, Дона, Кубани, Бессарабии и некоторые польские губернии, населенные белорусами и поляками. Петлюровцы включали в состав “великой Украины” огромную территорию, заселенную народами самых различных национальностей. Кроме того, они требовали себе колоний в Туркестане и Сибири»[131].

Директория активно поддерживала группировки попов, решивших порвать с православной церковью. Они решили создать независимую украинскую церковь. Богослужение раскольники перевели на «украинську мову». Тарас Шевченко был объявлен «святым пророком», дни его рождения и смерти (25 и 26 февраля по старому стилю) были включены в число церковных праздников. Осмеяние «мовы» постановлено было карать отлучением от церкви.

Не забыли самостийные попы и себя. Отменялось обязательное повседневное ношение ряс и разрешалось ходить в любой приличной одежде по желанию; отменялось обязательное ношение длинных волос и бород; разрешались разводы с женами, а также вторые и третьи браки; отменялись привилегии монашества; разрешалось занятие епископских кафедр женатыми лицами из белого духовенства.

Священников же, придерживавшихся основ православной веры, начали шантажировать, а кое-где дело дошло до физической расправы.

22 января 1919 г. Директория и ЗУНР устроили «Акт злуки», то есть объединения. Сейчас в Киеве это событие считается днем основания «незалежной Украины».

На самом деле руководство обоих гособразований не испытывало друг к другу особых симпатий, а объединилось, лишь оказавшись в критическом положении.

2 февраля, то есть через 11 дней после «злуки», правительство Директории бежало из Киева в Винницу. 11 февраля Винниченко оставил пост формального главы Директории и передал свои полномочия Петлюре. Затем заводчики «борьбы за незалежность» Грушевский, Винниченко, Чехновский и Шаповал благополучно убыли «за бугор».

28 ноября 1918 г. в городе Суджа (Курская область) было создано Временное рабоче-крестьянское правительство УССР во главе с Г. Л. Пятаковым. В начале 1919 г. войска УССР вместе с Красной Армией освободили большую часть территории Украины. Утром 5 февраля 1919 г. части 1-й Украинской советской дивизии торжественно вступили в Киев.

Сейчас национальные историки всячески пытаются дискредитировать представителей советской власти, не брезгуя разжиганием националистической розни. Тот же Орест Субтельный пишет: «Новое правительство, почти сплошь состоявшее из русских, евреев и других неукраинцев, пыталось проводить здесь политику, опробованную в России»[132].

Как раз все наоборот. Русских в правительстве УССР практически не было, тот же Г. Л. Пятаков родился в 1890 г. в Черкасском уезде Киевской губернии. Дело в том, что до 1917 г. в Малороссии никто, кроме кучки интеллигентов-образованцев, не называл себя украинцем, а считал себя русским или, реже, малороссиянином. Таким образом, нынешние историки-самостийники имеют возможность назвать любого неугодного им человека русским, ну, в крайнем случае, как Нестора Махно – «русифицированным мужиком».

Теперь о евреях. Все украинские правители с 1991 г., от Кравчука до Ющенко, заявляли, что-де народ Украины един, то есть все евреи, живущие на Украине, являются украинцами. А, с другой стороны, украинские историки считают евреев, живших столетиями в Малороссии, чуть ли не москалями.

Деникинскими офицерами было установлено, что из 26 членов Киевской ЧК 25 человек были евреями. Действовали они справедливо или нет, это вопрос спорный, выходящий за рамки книги. Речь о другом: это что, москали завезли на «вильну Украину» евреев из Тамбова и Астрахани? Нет. Все они были коренными жителями Малороссии. Так что в правительстве УССР и Киевской ВЧК сидели малороссы (украинцы) еврейской национальности. Наоборот, все лица еврейской национальности, правившие в СССР, родились на Украине: Троцкий, Зиновьев, Каганович и другие. (Лишь малая часть прибыла из Белоруссии, Латвии и т. д.)

Так что пора дать по рукам историкам-самостийникам, пытающимся объединить антисемитизм с русофобией.

К концу марта 1919 г. вся территория «Петлюрии» (так население назвало остатки «державы») ограничивалась несколькими городами и местечками Подолии и Волыни, удерживавшимися с помощью галицийских сечевиков, и западными участками железных дорог, по которым курсировали остатки петлюровского воинства. Поезда с сечевиками на вокзалах встречали улюлюканьем: «В вагоне Директория, под вагоном территория». Министры Директории кочевали из Винницы в Каменец-Подольский, затем в Ровно, позже – в Здолбуново, в июле 1919 г. – опять в Каменец-Подольский. От полного уничтожения петлюровцев спасло только наступление деникинской Добровольческой армии.

30 августа 1919 г. советские войска без боя оставили Киев. На следующий день в город вошло диковинное войско. «По направлению к Крещатику стал спускаться военный оркестр, вслед за которым двигались под желто-голубыми украинскими значками жидкие колонны пехоты, одетой в австрийские серо-голубые мундиры и кепки. Верхом ехали офицеры, и один из них, подскакав к кучке публики, собравшейся на тротуаре, стал задавать вопросы по-немецки. Кто-то ему ответил. Это были петлюровцы, пришедшие из Галиции отвоевывать Киев от большевиков во имя неньки-Украины. Повернув с Фундуклеевской улицы на Крещатик, они дошли до городской думы и на балконе ее водрузили украинский флаг. Киевское население отнеслось так холодно к этим освободителям, что на улицах вдоль их прохода было совершенно пусто и нигде не раздавались приветственные крики. Тем не менее все предполагали, что петлюровцы пришли по соглашению с деникинцами – им помогать. Никто не подозревал их враждебных замыслов.

В тот же день часа в три пополудни вступили на Печерск через Цепной мост и Панкратьевский спуск передовые отряды деникинцев. Навстречу им по Александровской улице потянулась необозримая толпа народа, предшествуемая духовенством с иконами, крестами и хоругвями. На площадке у Никольских ворот, где стоял разрушенный большевиками памятник Кочубею и Искре, произошла трогательная встреча.

Между тем конная партия деникинцев спустилась на Крещатик и, увидев на балконе городской думы украинский флаг, решила убрать его и на его месте водрузить русский трехцветный. На площадке

балкона завязалась свалка из-за флагов, кончившаяся тем, что украинский флаг был сброшен на землю. Обозленные “украинцы” принялись стрелять, и чуть было дело не дошло до кровопролития. Однако переговоры между петлюровским и деникинским командованием привели к мирному соглашению, и петлюровцы в тот же вечер покинули Киев и отошли к Жулянам»[133].

Деникинцам в городе надолго удержаться не удалось. 16 декабря 1919 г. красная 44-я стрелковая дивизия, состоявшая в основном из украинцев, выбила белых из Киева. 7 февраля 1920 г. кавалерийская бригада Г. И. Котовского ворвалась в Одессу.

Части ЗУНР, находившиеся в районе Бирзулы (северо-восточнее Одессы) и Винницы, перешли на сторону Красной Армии. Части Галицийского корпуса вместе с их командирами были влиты в состав 45-й дивизии Красной Армии. Петлюра с остальными членами Директории бежал в Польшу.

21 апреля 1920 г. Петлюра в Варшаве заключил с «начальником государства» Пилсудским соглашение, по которому Директория отказывалась от всех претензий на Галицию, признав ее польской территорией. Мало того, Петлюра фактически признал границы Речи Посполитой 1772 года, и, соответственно, Правобережье Украины передавалось Польше. Пилсудский в свою очередь признал Петлюру главой Левобережья.

Через три дня, 24 апреля, Петлюра подписал военную конвенцию, которая определяла место и роль петлюровцев в ходе предстоявшего вторжения поляков на Украину. Главное командование польских войск предоставляло вооружение и полное снаряжение для трех дивизий Петлюры, которые должны были находиться в подчинении польского командования. 6-й пункт конвенции гласил: «С момента начала общих действий против большевиков украинское правительство, оперируя на той территории, обязывается доставлять продукты для польской армии в количестве, согласно оперативному плану главной раскладки: мясо, сало, муку, хлеб, крупу, овощи, сахар, овес, сено, солому и т. п., на основании продовольственных норм, обязательных в польском войске, а также необходимое количество подвод». Конвенцией подробно был разработан порядок оккупации Украины польскими войсками, распределения будущей военной добычи и т. д.

25 апреля 1920 г. 52-тысячная польская армия без объявления войны вторглась на территорию УССР. Вместе с ляхами действовали около 12 тысяч петлюровцев. Полякам удалось занять Житомир, Коростень, Бердичев. 7 мая польские войска заняли Киев. В Белоруссии ляхи захватили Речицу, Мозырь и Калиновичи. Однако в начале июня Красная Армия перешла в решительное наступление по всему фронту. 11 июня большевики вошли в Киев, через месяц – в Минск, 14 июля в – Вильно, 1 августа – в Брест. Поляки бежали аж до самой Варшавы.

Англия, Франция и США направили в Польшу сотни танков и самолетов, тысячи орудий. Полякам удалось мобилизовать население на борьбу с «такими-то растакими-то» Троцким и Склянским, которые ведут на Польшу орды красноармейцев.

Командование красных, опьяненное успехом, действовало бездарно и несогласованно. В результате под Варшавой Красная Армия потерпела поражение.

12 октября 1920 г. в Риге было подписано перемирие. Постоянный мирный договор между Россией и Польшей был подписан 18 марта 1921 г. и тоже в Риге. По этому договору государственная граница между Польшей, с одной стороны, и РСФСР, УССР и БССР – с другой, устанавливалась по линии г. Дрисса – г. Дисна – 30 км западнее Полоцка – ст. Загатье, откуда граница шла в юго-западном направлении до Радошковичей и Ракова (западнее Минска 30 км), а оттуда поворачивала на юг до истоков реки Морочь и по ней до впадения ее в реку Случ, откуда почти прямо на юг до г. Корец в 30 км западнее Новоград-Волынского, затем в юго-западном направлении шла через г. Острог, Кунев на Ямполь, откуда в южном направлении проходила через Щасновку – Волочиск – Сатанов – Гусятин до Хотина.

Стороны взаимно отказывались от возмещения своих военных расходов.

Россия освобождала Польшу от ответственности по долгам и иным финансовым обязательством Российской империи.

Россия и Украина обязались уплатить Польше 30 млн рублей золотом в качестве польской части золотого запаса бывшей Российской империи и как признание отделения Польши от России. Фактически это была военная контрибуция.

Польша вышла победительницей из войны. Теперь в ее границах этнических поляков было менее 66 %, остальное население составляли немцы, русские, украинцы, белорусы и евреи. Точные цифры установить невозможно, поскольку польские власти считали поляками всех католиков и униатов. Вновь начались преследования «диссидентов», то есть не католиков.

По данным польских историков Дарьи и Томаша Наленча, настроенных, кстати, весьма патриотично, «…некогда униатские, а более ста лет православные церкви на Волыни были превращены в католические костелы и целые деревни стали польскими. Только на Волыни к 1938 г. были превращены в костелы 139 церквей и уничтожено 189, осталось лишь 151»[134].

Рижский договор фактически поставил Петлюру вне закона. В отчаянии он попытался «спасти лицо», продолжая войну с Красной Армией на небольшом плацдарме на Волыни. «Самостоятельные» боевые действия петлюровцев продлились немногим более двух недель. Части красных произвели перегруппировку, и 21 ноября 1920 г. последние остатки петлюровцев переправились через реку Збруч у Волынска и реку Серет у Тернополя. Там они были разоружены польскими частями.

В ноябре 1920 г. Красная Армия покончила с Врангелем, а летом – осенью 1921 г. Украина была очищена от бандформирований. Так закончилась Руина № 2.

История Гражданской войны на Украине крайне сложна и запутана. Вряд ли в Российской Федерации и на Украине найдется сейчас два десятка людей, которые наизусть знают даты смены власти в Киеве, да и правильно смогут перечислить названия этих властей.

Советские историки переврали суть Гражданской войны как в целом, так и в отдельности на Украине, представив ее в виде борьбы украинского пролетариата и беднейшего крестьянства против буржуазии, помещиков и кулаков. А теперь историки-самостийники пытаются навязать принципиально иную и еще более далекую от истины схему. Мол, украинский народ боролся за независимость против москалей. Причем историки-антисемиты прибавляют в союзники к москалям еще одну национальность.

На самом же деле Руина-2 в общих чертах мало отличалась от Руины-1. Там – кучка старшин и атаманов, а здесь – кучка образованцев во главе с масонами задумали захватить власть. Правители Центральной Рады, а затем и Директории не имели народной поддержки и призвали на помощь немцев, австрийцев, а затем поляков. Соответственно, рабочих и беднейшее крестьянство поддерживали великорусские большевики.

Людские потери Украины были ужасны, но подавляющее большинство погибло от рук своих соседей, то есть людей, родившихся на территории современной Украины. На 90 процентов это была внутренняя гражданская война, всех против всех, то есть очередная Руина.

Глава 9. Насильственная украинизация

Чтобы правильно оценить значение русской революции в мировой истории, сравним ее с Великой французской революцией. Давайте спросим какого-либо маститого историка-демократа, что изменилось во Франции за двадцать лет – с 1768 г. по 1788 г.? Он будет пыхтеть, ссылаясь на то, что он не готовился к такому вопросу. И в самом деле, там практически ничего не изменилось. Ну, правил Луи XV, у которого был Олений парк с сотней малолетних девиц, а затем стал править Людовик XVI, который не мог переспать даже с собственной женой. Чуть-чуть изменилась мода, стиль в живописи… да, собственно, и всё.

А что изменилось во Франции за двадцать лет с 1789 г. по 1809 г.? Тут не нужен профессор, любой отличник-десятиклассник отбарабанит – изменились строй, флаг, гимн. Франция стала великой державой, в несколько раз возрос ее валовой продукт. Были отменены феодальные законы, в том числе право первой ночи, обязанность крестьян по ночам бить лягушек, чтобы те не квакали и не будили сеньора, и т. д. Смертная казнь через колесование была положена за 30 видов преступлений. Все это было отменено, и введен Кодекс Наполеона, который позже переняли все страны Европы.

За двадцать лет Франция перескочила из одной эпохи в другую, так же как и Россия с 1914 г. по 1934 г.

Но, к сожалению, между этими революциями было и одно важнейшее различие. Современные русские и французские историки сильно лукавят, представляя королевство Францию мононациональным государством. На самом деле в XVII – середине XVIII века королевство было многонациональным государством и в этом очень походило на Российскую империю.

На классическом французском языке население говорило лишь в окрестностях Парижа. В Бретани люди говорили на бретонском (кельтском) языке, на северо-востоке – на валлийском, на западе в Эльзасе и Лотарингии – на немецком, на юге (побережье Средиземного моря) – на провансальском языке, на юго-западе – на баскском и гасконском языках, ну а на Корсике – на диалекте итальянского. Разговор д'Артаньяна с де Тревилем на гасконском языке ни Атосу, ни Портосу был непонятен. Да и сам Бонапарт начал учиться французскому языку с 8 лет и до конца жизни говорил с сильным акцентом.

К 1789 г. Франция была разделена на большие провинции. В каждой был свой парламент, свои законы, налоги, меры веса и длины и т. д. Конгломерат провинций был связан лишь королевской властью.

Французские революционеры хорошо знали жизнь своей страны, и в первой статье революционной конституции было записано: «Французская республика едина и неделима».

Огромные провинции были ликвидированы и заменены небольшими префектурами. Население получило больше прав в самоуправлении, но только в своем маленьком районе. Все префектуры были подчинены напрямую Парижу. Повсеместно было введено единое законодательство, единые налоги и единая система мер и весов.

С началом Революции в рядах ее вождей началась кровавая свара. В 1791–1799 гг. во Франции погибло в процентном отношении больше людей, чем в России в 1918–1921 гг. Но все партии – якобинцы, термидорианцы, брюмерианцы и прочие – горой стояли за 1-й пункт конституции.

Уже в 1808 г. префекты докладывали императору о резком сокращении использования местных языков на окраинах. Французский язык стал доминировать во всей стране. Можно без преувеличения сказать, что Революция и Империя из разноплеменных подданных французского короля сделали французскую нацию.

Большевики же сделали все наоборот. Они искусственно создали большие республики – Украинскую, Казахскую и т. д. Такие государства никогда ранее не существовали и были плодом большой фантазии кабинетных теоретиков, вождем которых был Ленин. Спору нет, это был очень образованный человек гениального ума. Однако молодость вождя прошла в Симбирске и Казани, кроме этого, он был в Петербурге и селе Шушенском, затем большую часть жизни провел в эмиграции. В 1917 г. Ленин приехал в Петроград, а затем отправился в Москву и более никуда не выезжал. О жизни в Малороссии, Средней Азии и на Кавказе он судил по газетным статьям.

Ленин и другие кабинетные теоретики не желали слышать людей, родившихся и проживших долгие годы на национальных окраинах империи. Тот же уроженец Черкасского уезда Г. Л. Пятаков утверждал: «Партия должна напрочь отказаться от права наций на самоопределение». Кавказцы Сталин и Орджоникидзе предлагали не вводить республики, а заменить их автономиями. Но, увы, Ильич был непоколебим.

В Малороссии с 1921 г. началась украинизация. Я умышленно не использую термин Украина, поскольку к 1917 г. на территории Малороссии менее одного процента населения считало себя украинцами. Часть считала себя русскими, часть – малороссами, а многие вообще не задумывались над своей национальностью, ведь в Российской империи в официальных документах национальность никогда не указывалась, а указывалось только вероисповедание. К 1917 г. на украинском языке выходило несколько газет, было издано несколько десятков художественных произведений, и всё.

Несколько другая ситуация сложилась в Галиции, но там термин украинец и русский (русин) означали не национальность, а политическую ориентацию.

И вот победившие большевики присоединяют к Малороссии Донбасс, Криворожье и другие территории и называют все это Украинской ССР. Столицей республики делают Харьков. Замечу, что

Харьков, как русская крепость, основан в XVII веке и не входил никогда ни в состав Великого княжества Литовского, ни Речи Посполитой, ни Малороссии (в составе России). Лидеры большевиков свои территориальные фокусы объясняли довольно цинично: «Надо было увеличить процентный состав пролетариата в УССР».

В подавляющем большинстве своем население УССР не умело ни говорить, ни читать на мове. А большевики им всем навязали искусственный украинский язык, созданный в Австро-Венгрии на средства имперской разведки.

Украинец стало означать не только национальность, но и партийность – каждый, кто смел называть себя малороссом или употреблять термин Малороссия, рисковал отправиться в советский концлагерь.

Об украинизации хорошо написал киевский журналист Александр Каревин: «Вплоть до начала XX века украинский литературный язык был в Украине (за исключением австрийской Галиции) практически неизвестен. “На 15 миллионов нет и 50 человек, которые бы дорожили своим родным языком”, – возмущался галицкий украинофил Владимир Барвинский. Причина столь прискорбной для украинофилов языковой ситуации заключалась, однако, не в массовом языковом отступничестве. Все было проще. Родным для украинского народа являлся другой язык. “Многие украинцы совершенно искренне считали себя русскими и язык свой, с некоторыми, скажем, уклонами и особенностями, не большими все же, чем в первой попавшейся другой губернии, русским”, – вынужден признать украинский исследователь.

И в этом не было ничего странного. Русский литературный язык изначально формировался как язык общерусский, общий для всей исторической Руси, в том числе и для той ее части, которая сегодня называется Украиной. Вклад украинцев в развитие этого языка огромен. Естественно, потому что он воспринимался здесь как свой. Разумеется, люди малообразованные употребляли не литературные формы речи, а местные просторечия. Последние не слишком отличались от русского литературного языка. К тому же лексикон их ограничивался минимумом, необходимым в быту. Если возникала потребность затронуть в разговоре тему, выходящую за рамки обыденности, простолюдины черпали недостающие слова из языка образованного общества, то есть из того же русского литературного.

И сколько бы ни пытались украинофилы изменить сложившееся положение, им это не удавалось. Ничего не поменялось и после установления советской власти. В революционном запале украинские большевики объявили было войну русскому языку (“вчерашнему языку буржуазной культуры”, “языку угнетения украинцев”), принявшись украинизировать все и всех. Но вскоре новые правители Украины сообразили, что стараются себе во вред. Октябрьский (1922 года) пленум ЦК КП(б) У признал необходимым для пропаганды в украинском селе коммунистических идей издавать газету “Селянська правда” не только на украинском, но и на русском языке, поскольку крестьяне “недостаточно привыкли к украинскому литературному языку”. Пленум также постановил, что “язык преподавания в школах должен вводиться в соответствии с организованным волеизъявлением населения”. Казалось, украинизация закончилась, едва начавшись. Однако языковое “перемирие” длилось не очень долго»[135].

Вскоре большевики договорились с националистами типа Грушевского. «Интересами внутренней политики компартийные вожди пожертвовали ради мировой революции. В результате и появилось вышеупомянутое постановление о содействии украинскому языку. “Признававшееся до сих пор формальное равенство между двумя наиболее распространенными в Украине языками – украинским и русским – недостаточно”, – говорилось в нем, ибо “жизнь, как показал опыт, приводит к фактическому преобладанию русского языка”. Получалось, как в анекдоте: раз жизнь противоречит линии партии, то тем хуже для жизни. Но это был не анекдот. Борьба с русским языком началась всерьез…

Поначалу, правда, не очень свирепствовали. Быстрому проведению украинизации мешали объективные причины. “Особенно нужно знание украинского языка, потому что его никто хорошо не знает, а часто и не хочет знать”, – писала украинская пресса. Украинцы отказывались признавать “рідну мову”. “Они оправдываются тем, что говорят: это язык галицкий, кем-то принесенный, и его хотят кому-то навязать; шевченковский язык народ давным-давно уже подзабыл. И если бы учили нас шевченковскому языку, то, может быть, еще чего-то достигли, а галицкий язык никакого значения не имеет”, – отмечалось на I Всеукраинском учительском съезде (1925 год).

Претензии к украинскому литературному языку были небеспочвенными.

Он разрабатывался в основном галицкими украинофилами, делавшими все возможное, чтобы подальше увести свое “творение” от общерусского корня. Искусственно вводились в оборот заимствования из польского, немецкого, латинского, других языков, выдумывались (“ковались”) новые слова. Как вспоминал Михаил Драгоманов, одно время принимавший участие в “языкотворчестве”, целью была “оригинальность языка, а не его понятность”. Такой язык даже в Галиции прививался с трудом, а уж в российской Украине – тем более.

Игнорировать эту проблему власти не могли. “Нам необходимо приблизить украинский язык к пониманию широких масс украинского народа”, – заявил председатель Совета народных комиссаров УССР Влас Чубарь. Но приближать стали не язык к народу, а наоборот. Руководствовались тезисом Агатангела Крымского: “Если на практике мы видим, что люди затрудняются в пользовании украинским языком, то вина падает не на язык, а на людей”…

Став в апреле 1925 года первым секретарем ЦК КП(б) У, Каганович взялся за украинизацию со свойственной ему решительностью. Всем служащим предприятий и учреждений было предписано перейти на украинский язык. Замеченные в “отрицательном отношении к украинизации” немедленно увольнялись (соблюдения трудового законодательства в данном случае не требовалось). Исключений не делалось даже для предприятий союзного подчинения. В приказном порядке украинизировались пресса, издательская деятельность, радио, кино, театры, концертные организации. Вывески и объявления запрещалось даже дублировать по-русски. Ударными темпами переводилась на украинский система образования. Мова стала главным предметом всюду – от начальной школы до технического вуза. Только на ней разрешалось вести педагогическую и научно-исследовательскую работу. Украинский язык, как восторженно писал известный языковед-украинизатор Алексей Синявский, “из языка жменьки полулегальной интеллигенции до Октябрьской революции волей этой последней становится органом государственной жизни страны”.

Сам язык тоже не стоял на месте. Продолжался процесс “очищения” от слов русского происхождения. Группа академиков ревизовала словари, было разработано новое правописание. Обсуждался вопрос о введении латинского алфавита, но такой шаг сочли преждевременным.

Ход украинизации тщательно контролировался сверху. Специальные комиссии регулярно проверяли государственные, общественные, кооперативные учреждения. Контролерам рекомендовалось обращать внимание не только на делопроизводство и прием посетителей, но и на то, на каком языке сотрудники общаются между собой. Когда, например, в народном комиссариате просвещения обнаружили, что в подведомственных учреждениях и после украинизации преподавательского состава технический персонал остался русскоязычным, то распорядились, чтобы все уборщицы, дворники, курьеры разговаривали на украинском.

А Каганович все не унимался. Особую ненависть вызывали у него русскоязычные украинцы. Если к выходцам из Великороссии хотя бы на первом этапе допускались методы убеждения, то на коренное население Лазарь Моисеевич требовал “со всей силой нажимать в деле украинизации”. Украинцы отвечали взаимностью. Они сопротивлялись, как могли. Если была возможность, детей из украинизированных школ переводили в те учебные заведения, где преподавание еще велось по-русски. (Следствием этого стала гораздо большая наполняемость русскоязычных классов в сравнении с украиноязычными.) Украиноязычные газеты теряли читателей. “Обывательская публика желает читать неместную газету, лишь бы не украинскую, – записывал в дневник Сергей Ефремов. – Это отчасти и естественно: газету штудировать нельзя, ее читают, или, точнее, пробегают глазами наспех, а даже украиноязычный обыватель украинский текст читать быстро еще не привык, а тратить на газету много времени не хочет”. Та же картина наблюдалась в театрах. Посещаемость украиноязычных спектаклей резко упала. Чтобы заполнить зрительные залы, властям пришлось организовывать принудительные “культпоходы” в театр рабочих коллективов.

Холодный прием встретили украинизаторы и в селах. “Было бы ошибочно думать, что процесс украинизации, в том числе в части продвижения украинской книжки, не является актуальным и для села, – отмечалось в прессе. – Ведь русификация, проводимая на протяжении многих лет царским правительством, пустила корни и среди сельского населения. Украинская книжка на селе, хоть и не в такой мере, как в городе, должна еще завоевать себе место”. “Наша украинская газета еще мало распространяется на селе, – жаловался на I Всеукраинском учительском съезде делегат из Харьковской губернии. – У нас на Харьковщине в селе русская газета “Харьковский пролетарий” лучше

распространяется, почему-то ее больше выписывают, чем “Селянську правду»” (вновь ставшую исключительно украиноязычной). “Украинская литература широко не идет, приходится силой распространять ее”, – вторил коллеге делегат от одного из округов Киевской губернии.

В ответ на сопротивление коммунистический режим ужесточал репрессии. Официально было объявлено, что “некритическое повторение шовинистических великодержавных взглядов о так называемой искусственности украинизации, непонятном народу галицком языке и т. п. является русским националистическим уклоном” (обвинение, грозившее тогда серьезными последствиями).

Справедливости ради надо сказать, что утвердить украинский язык без принуждения не представлялось возможным. Украинцы не принимали “рідну мову” добровольно. Большевикам приходилось насильно вводить ее во все сферы государственной и общественной жизни. “Ни одна демократическая власть не достигла бы либеральными методами таких успехов на протяжении такого короткого промежутка времени”, – признает современный сторонник украинизации, комментируя деятельность Кагановича и его подручных.

Не замедлили и последствия “успехов”. Резко снизился уровень культуры. Многие специалисты, будучи не в силах привыкнуть к новому языку, покинули республику. Мощный удар нанесен был процессу обучения. Попадая из русскоязычной среды в украинизированные учебные заведения, дети калечили свою речь. “Имел возможность наблюдать речь подростков, мальчиков и девочек, учеников полтавских трудовых и профессиональных школ, где язык преподавания – украинский. Речь этих детей представляет собой какой-то уродливый конгломерат, какую-то невыговариваемую мешанину слов украинских и московских”, – замечал один из украинизаторов.

Председатель Всеукраинского ЦИК Григорий Петровский еще хорохорился: “Всегда вновь рождающееся связано с болезнями, и это дело не составляет исключения. Пока дождешься своих ученых или приспособишь тех специалистов, которые должны будут преподавать у нас на украинском языке, несомненно, мы будем иметь, может быть, некоторое понижение культуры.

Но этого пугаться нельзя”»[136].

Любопытно, что украинствующие (в большинстве своем не имевшие корней в Малой России) пытались ввести свою цензуру и в Москве. Так, П. М. Керженцев, зам. зав. агитпропотдела ЦК опубликовал 9 февраля 1929 г. в «Правде» статью «К приезду украинских писателей»: «Наш крупнейший театр (МХАТ I) продолжает ставить пьесу, извращающую украинское революционное движение и оскорбляющую украинцев. И руководство театра и Наркомпрос РСФСР не чувствуют, какой вред наносится этим взаимоотношениям с Украиной». Речь шла о пьесе «Дни Турбиных».

Дело дошло до того, что Сталину лично пришлось защищать Булгакова от травли украинствующих.

Нынешние самостийники напрочь забыли об украинизации Малой России и, наоборот, утверждают, что шла русификация Украины. Мало того, злыдни москали решили вообще извести украинских селян и учинили там в 1932–1933 гг. «голодомор». Замечу, что слова «голодомор» не было ни в древнерусском языке, ни в малороссийской мове. Это типичный новояз националистов. Да, действительно, в это время в ряде районов СССР был голод. Но был он не только на Украине, но и на Дону, Кубани, Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге и в Казахстане, то есть в самых развитых сельскохозяйственных районах Советского Союза.

Неоспоримо, что одной из причин голода стали безграмотные действия коммунистических функционеров при проведении коллективизации.

Но не следует забывать, что периоды голода возникали и в царской России, особенно в конце XIX века.

При этом несоизмеримо большая часть вины за голод в 1932–1933 гг. лежит на кулаках и середняках. Еще до явления большевиков малороссийские националисты и российские интеллигенты объявили крестьянина «священной коровой». У него-де высокая нравственность, аналитический ум, первоклассный патриотизм и т. д. Большевики лишь подхватили этот миф.

Увы, все было далеко не так. Вспомним, как в «Анне Карениной» мужичок хотел обобрать барина Стиву Облонского и купить лес за десятую часть цены, и лишь вмешательство помещика Левина остановило «кидалу».

Риторический вопрос, кто устроил «голодомор» в конце 1916 – начале 1917 г.? Может, Ленин из Женевы и Сталин из Сибири руководили срывом поставок продовольствия в России?

В 1916–1917 гг. шла жесточайшая невиданная ранее война. Германия до войны была одним из крупнейших импортеров продовольствия, а Россия – крупнейшим экспортером. Антанта зажала Германию в тисках продовольственной блокады, что, кстати, противоречило международному военному праву того времени. Но германский крестьянин честно выполнял свои обязанности перед государством и поставлял ему свыше 90 % сельхозпродукции. В 1914–1918 гг. в Германии не было никаких аграрных беспорядков.

А в России мужичок, воспользовавшись войной, решил «кинуть» свою армию и всю страну, так же как и Облонского. Крестьяне уже в 1915 г. из-за инфляции рубля и сужения потока товаров из города начали прятать зерно «до лучших времен». Действительно, какой смысл отдавать зерно по строго фиксированным ценам за «деревянные»[137] рубли, на которые практически нечего было купить? Между тем, если зерно умело хранить, то оно может лежать несколько лет. Наконец, его можно пустить на самогон или на корм скоту и птице.

А с другой стороны, без хлеба не могут существовать ни армия, ни промышленность, ни население крупных городов.

Ни Николай II, ни его малокомпетентные министры и генералы не смогли решить хлебной проблемы.

Мало того, «русские предприниматели» начали крупные поставки продовольствия (зерна, сахара и др.) в… Германию. Огромные объемы продовольствия шли из России по маршрутам Финляндия – Швеция – Германия и Персия – Турция – Германия.

Воспользовавшись НЭПом, мужичок начал «кидать» советскую власть и в конце 20-х годов. Согласно современному украинскому учебнику истории, «кризисы хлебопоставок в 1927–1928 гг…. были вызваны тем, что крестьяне отказывались продавать хлеб государству по низким (в 8 раз ниже рыночных) ценам, предпочитая сгноить его или кормить свиньям. Чтобы преодолеть кризис в 1927 г., советская власть пошла на уступки крестьянству; закупочные цены были повышены, и крестьяне продали припрятанный хлеб.

Но через год ситуация повторилась: желая дождаться повышения цен, крестьяне снова не спешили продавать его хлебозаготовителям. К январю 1928 г. было заготовлено на 128 млн. пудов хлеба меньше, чем к январю 1927 г. Срыв плана хлебозаготовок грозил серьезными провалами как во внутренней, так и во внешней политике»[138].

До сих пор ни один либерал не посмел открыто сказать, что «индустриализация была не нужна СССР». Никто и не предлагал альтернативный план индустриализации.

Риторический вопрос, можно ли было без индустриализации создать сильную Красную Армию? Можно ли было без индустриализации во второй половине 1930-х годов защитить Дальний Восток и Сибирь от японского вторжения? Ведь сражения на озере Хасан и реке Халхин-Гол были не случайным конфликтом, а пробой сил перед большой войной. Наконец, мог СССР без индустриализации выстоять в войне со всей Европой в 1941–1945 гг.?

У Сталина не было альтернативы коллективизации, хотя, повторяю, большевики наделали при этом много глупостей. Кулаки ответили массовым забоем скота, сокрытием и уничтожением зерна, убийствами колхозной администрации и сельских активистов. Результат – сильный голод 1932–1933 гг.

Спору нет, и в Великороссии, и в Малороссии было тогда тяжелое время. Но сведение всей истории огромной страны к «голодомору» и репрессиям – это чудовищная ложь, почище, чем у Геббельса.

Небольшой пример. У меня есть три знакомые дамы, у них раскулачили деда в Тамбовской области. Все его внучки при советской власти получили высшее образование и отдельные двух– и трехкомнатные квартиры в Москве и ближнем Подмосковье. Возникает вопрос, имели бы они это без раскулачивания? В 1990 г. местные власти хотели отдать дамам-наследницам землю их деда. Увы, никто из них не пожелал ехать в тамбовскую глубинку и стать там «кулачками». Тем не менее, собираясь за праздничным столом, дамы с чувством ругают советскую власть.

Вопрос о репрессиях 1930-х годов сложный и деликатный. Начну с того, что объем репрессий на Украине, в Белоруссии и в европейской части СССР был примерно одинаков. В верхах шла жестокая борьба за власть. (Вспомним события во Французской республике в 1792–1799 гг.) В России и на Украине есть тысячи историков, брызжущих слюной при одном упоминании о Сталине и его репрессиях. Но, увы, никто из них пока не доказал: ах, если бы победил Троцкий или Зиновьев, какая была бы прекрасная жизнь. На гребне революционной волны поднялась грязная пена – всякие там Яши Блюмкины, Ляльки Рейснеры, Левки Задовы, Раскольниковы и т. д. Куда они могли завести страну? Можно ли было их убрать, используя законные способы? Да, многих обвинили облыжно в шпионаже и вредительстве. Но посмотрим, что происходило с «народными героями», когда они оказывались за кордоном, что врангелевцы, что самостийники, что троцкисты. Там они быстро вставали на содержание германской, польской, французской и других разведок. Все они мечтали вернуться назад в обозе оккупационных войск.

Наконец, в СССР остались сотни тысяч бандитов: матросов, сжигавших людей в пароходных топках только за их происхождение, махновцев, струковцев и прочих «зеленых». Никто из них не собирался строить социализм.

Еще раз процитирую современный украинский учебник: «Согласно данным Коллегии КГБ СССР, “в 1930–1953 годы по обвинению в контрреволюционных государственных преступлениях судебными и всякого рода несудебными органами вынесены приговоры и постановления в отношении 3 778 234 человек, из них 786 098 человек расстреляно”.

Всего с 1930 по 1953 г. в лагерях побывало около 18 млн человек, из них 1/5 – по политическим мотивам.

Репрессии сверху дополнялись массовым доносительством снизу… Донос, особенно на вышестоящих начальников, становился удобным средством продвижения по службе для многих завистливых карьеристов. Подсчитано, что 80 % репрессированных в 30-е годы погибли по доносам соседей и коллег по службе»[139].

Лишь замечу, что число доносов подсчитано только на Украине, а в Российской Федерации все сведения о доносах и доносчиках ФСБ хранит под грифом «совершенно секретно». Но и так ясно, что число доносов, которые писали профессора и писатели, на порядок, а то и на два превосходит число доносов, написанных рабочими и крестьянами, имеется в виду «на душу населения».

Кстати, почему-то никто не пишет о суровых репрессиях за ложный донос. А вот в 1930-х – 1950-х годах в НКВД подлежал проверке не только тот, на кого донос, но и сам доносчик. Мне еще в 15 лет один старый оперативник рассказал, что в отдельных случаях за ложные доносы арестовывали до 30 % стукачей.

Итак, Украина никогда не была колонией, ни при «проклятом царизме», ни при большевиках. Писать о том, что промышленность и энергетика Украины в 1940 г. выросли во много раз по сравнению с 1913 г., скучно, это неинтересно. Взамен я предлагаю читателю достать дедушкины и прадедушкины старые фотографии. Посмотрим на радостные лица на первомайских демонстрациях (их, что, туда под дулом револьвера загоняли чекисты?), отдых в санатории по бесплатным путевкам, купание в Черном море, студенческие аудитории и т. д., и т. п. В каком украинском селе не найдется земляков, которые из босоногих мальчиков сделались директорами предприятий, учеными, генералами…

Ну что ж, типичная судьба туземцев в бедной колонии…

Глава 10. Борьба за «вильну Украину»

Сейчас украинские власти буквально силой насаждают культ борцов за независимость – бендеровцев, эсэсовцев из дивизии «Галичина» и членов различных бандформирований.

Откуда же взялась вся эта публика? Сразу же после оккупации Польши осенью 1939 г. германские власти начали создавать опорные базы украинских националистов на завоеванных территориях. Естественно, что все сидевшие в польских тюрьмах террористы, в том числе Степан Бандера, были освобождены немцами.

Бывший заместитель начальника отдела «Абвер-2» Эрвин Штольце показал на допросе в декабре 1945 г.: «Выполняя упомянутые выше указания Кейтеля и Йодля (об использовании агентуры для разжигания национальной вражды между народами СССР), я связался с находившимися на службе в германской разведке украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских группировок, которых привлек для выполнения поставленных выше задач.

В частности, мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка “Консул-1”) и Бандере организовать сразу после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение о происходящем якобы разложении советского тыла…»[140]

В 1940 г. при «Абверштелле Краков» немцами была организована школа по подготовке разведчиков и диверсантов для проведения подрывной и шпионской работы против Советского Союза. Школа комплектовалась из украинцев – жителей Польши, участников ОУН. Подбор агентов для учебы в школе осуществляли специальные вербовщики из числа оуновских руководителей. Школа была разбита на четыре лагеря (отделения), которые находились в местечках Криница (100 км юго-восточнее Кракова), Дукла (125 км юго-восточнее Кракова), Барвинск (15 км южнее Дукла) и Каменица (50 км севернее Дукла). В каждом отделении школы одновременно обучалось 100–300 человек. В местечках Дукла, Каменица и Барвинек обучались оуновцы-бандеровцы, а в местечке Криница – мельниковцы. Агенты проходили военную подготовку и изучали методы разведки, диверсии и организации повстанческого движения. После окончания школы агенты – выходцы из западных областей УССР – посылались на дополнительные четырехнедельные курсы, находившиеся при соединении «Бранденбург-800» в местечке Аленцзеи, а затем перебрасывались с заданиями в Советский Союз. Переброску агентов осуществляли специальные резиденты через пункты Абвера в Венгрии и Словакии. С началом войны против Советского Союза «Абверштелле Краков» и его филиалы на советской границе были ликвидированы, а школа расформирована.

Зимой 1940/1941 г. на территории бывшей Польши немцы сформировали из украинских националистов ОУН батальоны «Нахтигаль» (командир сотник Р. Шухевич) и «Роланд» (командир сотник Р. Ярый). Поначалу их вооружение и униформа ничем не отличались от пехотных батальонов вермахта, и лишь для парада во Львове им нашили на погоны небольшие желто-голубые полоски.

30 июня 1941 г. в оставленном частями Красной Армии Львове деятели из ОУН провозгласили создание Украинской Державы. Премьером «державы» стал ближайших соратник Бандеры Ярослав Стецько.

Немцы обалдели от такой наглости своих наймитов, но вскоре пришли в себя и разогнали самозваное правительство. Стецько и Бандера были арестованы. Позже националисты будут козырять тем, что Степан Бандера находился в 1941–1944 гг. в концлагере Заксенхаузен. Там действительно был концлагерь, но Бандера пребывал не в концлагере, а в «бункере Целенбау». Там содержались наиболее ценные пленники рейха, такие как экс-премьер Франции Леон Блюм, бывший канцлер Австрии Курт Шушинг и др. В «Целенбау» регулярно приходила помощь от Красного Креста, заключенные получали посылки от родственников. Бандера также получал помощь и от своей организации, в том числе и денежную. Украинские националисты имели возможность свободно передвигаться по лагерю, встречаться друг с другом, носили гражданскую одежду. Немцы разрешали им покидать пределы лагеря для «конспиративных» встреч со связными ОУН, тем более что замок Фриденталь, где располагался центр подготовки кадров для ОУН(б), находился в двухстах метрах от Заксхаузена. Так что это трудно назвать даже заключением. Сами немцы именовали пребывание в бункере «почетной изоляцией».

После ареста Бандеры обязанности «Проводника», то есть начальника ОУН, исполнял Николай Лебедь. Сейчас наследники ОУН утверждают, что эта организация боролась против Гитлера и Сталина. Поверим им на секунду. Кучка людей, контролировавших несколько сельских районов, без промышленности, без помощи иностранных государств выступила против двух сильнейших в мире армий. Шансы на успех были тождественно равны нулю. И вот сейчас людей, которые повели малограмотных селян на заведомую гибель, именуют во Львове героями!

Но на самом деле ОУН и другие организации националистов и не пытались вести войну с немцами. Да и вообще, создание отрядов ОУН стало возможным лишь благодаря уникальной ситуации, сложившейся в Галиции и на Волыни.

Руководство Третьего рейха еще до войны приняло решение не создавать даже марионеточных государственных образований на территории Украины и Великороссии. В августе 1941 г. Гитлер решил разделить территорию УССР (в границах 1940 г.) на несколько административных единиц. Наибольшая из них получила название «Рейхскомиссариат Украины». В него первоначально вошли Волынь, Полесье, Правобережье и часть Полтавской области. Столицей Рейхскомиссариата стал город Ровно, а правителем – Эрих Кох.

Формально Рейхскомиссариат подчинялся Министерству восточных оккупированных территорий. Но фактически Кох управлял своими владениями, не контактируя с А. Розенбергом, с 1941 г. возглавлявшим это министерство.

Административно Рейхскомиссариат разделялся на «генеральбецирки» во главе с генерал-комиссарами. Генеральбецирки делились на «крайхы», возглавляемые гебитскомиссарами. Местная администрация состояла из районных местных управ и сельских старост. Украинская вспомогательная полиция подчинялась немецкой полиции и немецким гражданским властям.

Все территории УССР и РСФСР, оккупированные немцами и расположенные восточнее Рейхскомиссариата, находились под управлением Вермахта, а точнее, командования соответствующих групп армий.

Галиция вошла в Генерал-губернаторство. Эта административная единица была создана после разгрома Польши в 1939 г. Тогда одна часть польских земель была включена в состав рейха, а другая часть – в состав Генерал-губернаторства.

Буковина и часть Одесской области вплоть до Днепро-Бугского лимана были переданы Румынии. Румыния включила эти области в состав своего королевства под названием Транснистрия.

Как видим, немцы на Украине создали довольно сложную систему управления.

Но дело усугублялось еще и соперничеством различных государственных и военных структур рейха, каждое из которых пыталось проводить свою национальную политику на Украине. К примеру, абвер давал оружие националистическому формированию, а оккупационная администрация принимала меры к разоружению этого формирования. В результате происходил конфликт, который сейчас самостийники представляют «борьбой с Гитлером».

Начнем с того, что районы действий всех националистических банд ОУН, УПА и т. д. находились в основном на территориях, вошедших в состав СССР в 1939 г.

На остальных областях УССР их практически не было.

Немцы физически не имели возможности жестко контролировать территории Генерал-губернаторства и Рейхскомиссариата. В сельских районах на десятки километров не было ни одного германского солдата. На территориях, присоединенных к СССР в 1939 г., польская администрация была полностью уничтожена большевиками, а советская администрация не сумела укорениться. С приходом немцев в этих краях оказалось полное безвластие. Зато вышли из подполья агенты ОУН, которые действовали там еще в 1920—1930-х годах. Надо сказать, что борьба ОУН против поляков ранее пользовалась популярностью у большинства украинского населения.

Таким образом, ОУН стала контролировать значительные территории Галиции и Волыни. Бандеровцы создали эдакое мини-государство, которое по уровню тоталитаризма несравнимо ни с рейхом, ни с СССР. В селах ОУН создало какой-то гибрид совхоза с колхозом. У них была жесткая плановая система. Заранее давалось задание, кто и что должен вырастить, посадить, заготовить, а осенью сдать. Всей этой службой заготовки в селе руководил господарчий, он был главный заготовитель-хозяйственник. После заготовки все сдавалось под расписку станичному села. Станичный в селе был в роли председателя колхоза, который ведал всеми ресурсами. Обычно все заготовленное хранилось в лесу, в схронах, на высоком сухом месте, хорошо замаскированное. Все тщательно учитывалось, велись записи по приходу и расходу материальных ценностей, и станичный всегда знал, какими

запасами и на какое количество людей он располагает. В случае надобности он ехал в лес, привозил необходимое количество припасов и распределял среди тех домов, у которых были на постое боевики. Обычно на селе стоял рой (соответствовавший взводу в Красной Армии), поэтому размещение боевиков в селе не ложилось нагрузкой на семьи. Снабжением одеждой, продовольствием занимался станичный.

Любопытно, что все население делилось на две части – женскую и мужскую, и у каждой части были свой господарчий и станичный. Женщины занимались ремонтом и пошивом одежды, стиркой белья, перевязочного материала, уходом за ранеными. Среди населения села велась в обязательном порядке политработа по разъяснению идей ОУН-УПА, а занимались ей политработники ОУН, причем для каждой категории населения разные, отдельный для мужского населения, отдельный для женщин (обычно женщина), а также раздельно среди юношей и девушек. Помогали им в этом все священники греко-католической церкви, говоря в своих проповедях, что надо слушаться своих защитников, так как они несут свободу и право владения землей.

Следующий уровень – это станица, объединение трех сел. Руководство станицы находилось в одном из этих сел и состояло из станичного станицы, ведавшего размещением, постоем и снабжением всем необходимым сотни УПА (это 100–150 человек боевиков), и господарчего станицы, руководившего службой заготовки припасов в этих селах. В каждой станице была боёвка СБ (служба безопасности) из 10–15 человек, тщательно законспирированных, с виду местных жителей.

На уровне подрайона и района в УПА содержались кош и курень, по войсковому уставу Красной Армии – это пехотный полк численностью до 2000–3000 человек.

ОУН постоянно держало население сел в состоянии страха. За малейшее неподчинение следовало жесткое убийство ослушника, а в некоторых случаях и членов его семьи.

Откуда же боевики брали оружие? Ведь на территориях, контролируемых ОУН, не было производства даже стрелкового оружия. Какая-то часть оружия была припрятана населением еще с Гражданской войны. Советские войска, отступая, бросили в сельской местности огромное количество вооружения, достаточное для оснащения нескольких дивизий. Наконец, немцы создавали формирования полицаев, некоторые из которых бежали к ОУН вместе с оружием.

Следует заметить, что и в районах Генерал-губернаторства, заселенных преимущественно поляками, были созданы свои военизированные формирования – Армия Крайова.

Чем первоначально занимались ОУН и Армия Крайова? В основном формированием и обучением своих подразделений. В Армии Крайовой это состояние именовалось «держать ружье у ноги».

Конечно, отдельные стычки с немцами у обеих организаций были, но ни о какой серьезной «борьбе с оккупантами» в 1941–1943 гг. и речи не шло.

Для сравнения приведу данные по деятельности советских партизан на территории УССР: «С осени 1941 г. на Черниговщине и Сумщине развернул активные действия объединенный отряд под командованием А. Ф. Федорова, который до зимы успел уничтожить около 1 тыс. фашистов, сотни единиц вражеской техники, 5 складов с боеприпасами, 5 эшелонов с живой силой и техникой и подорвал несколько мостов. Там же начал свою деятельность объединенный отряд под командованием С. А. Ковпака и С. В. Руднева. На стыке Черниговщины, Сумщины и Орловщины действовал партизанский отряд во главе с А. Н. Сабуровым, созданный из попавших в окружение военнослужащих Красной Армии. За первые шесть месяцев 1942 г. соединение Сабурова уничтожило 32 эшелона, подорвало 32 моста, 9 цистерн с горючим и уничтожило 1500 солдат и офицеров противника.

Активно действовали партизаны в Киевской, Полтавской, Житомирской, Ровенской, Волынской, Винницкой, Одесской и Харьковской областях, в Донбассе и в Крыму. На 1 мая 1942 г. советское армейское командование имело сведения о 766 партизанских отрядах в Украине численностью свыше 26 тыс. бойцов и 613 диверсионно-истребительных группах, насчитывавших около 2 тыс. человек. Эти отряды и группы в течение первой половины 1942 г. разгромили 13 вражеских гарнизонов, несколько штабов воинских частей, уничтожили более 30 тыс. оккупантов и полицаев, пустили под откос 85 немецких эшелонов, взорвали 227 мостов, сожгли 86 складов, подбили 159 танков и бронемашин…

К концу августа 1942 г. было сформировано еще 230 партизанских отрядов… В Киевской области в течение второй половины 1942 г. количество отрядов увеличилось в 8 раз, а общая численность их состава выросла до 6600 человек. В Ровенской области партизанили отряды под руководством М. С. Корчева, М. И. Мисюры, Д. С. Попова, отряд особого назначения под командованием Д. Н. Медведева. Опираясь на этот отряд, в Ровно активно действовал советский разведчик Н. И. Кузнецов, имевший задание ликвидировать рейхскомиссара Э. Коха и его помощников.

С начала войны и до ноября 1942 г. волынские партизаны пустили под откос 60 вражеских эшелонов, разгромили около 30 полицейских участков, 30 складов с горючим и продовольствием, уничтожили 5 тыс. гитлеровцев и их пособников.

Всего в течение лета и осени 1942 г. партизаны Украины разгромили 35 вражеских гарнизонов, штабов, комендатур и полицейских участков, взорвали 117 мостов, 69 складов, пустили под откос 158 эшелонов, повредили 52 самолета, 116 танков, 759 машин, вывели из строя 29 предприятий. Своими действиями в тылу противника они сковали немецкие части общей численностью до 120 тыс. человек.

В сентябре 1942 г. на совещании командиров партизанских отрядов в Москве было решено провести глубокий рейд на Правобережной Украине соединениями Сабурова и Ковпака. Для участия в рейде из отряда Ковпака было выделено 1075 человек, из отряда Сабурова – 1617. 26 октября соединения вышли из сел Старая Гута и Белоусовка и двинулись параллельными дорогами сначала на юг, а потом на запад. Ведя упорные бои, отряды за две недели прошли 300 км, успешно форсировали Днепр и Припять. К концу года они завершили рейд в районе Житомирского Полесья.

За месяц партизаны уничтожили 2127 фашистов, подорвали 55 мостов, пустили под откос 2 эшелона»[141].

Обратим внимание, что я привожу данные по советским партизанам не из советских источников, а из современного украинского учебника, написанного с умеренно-националистических позиций.

К концу 1942 г. вооруженные формирования ОУН окрепли, а вожди движения в основном разделались с соперниками. И тогда ОУН приступила к этническим чисткам на Волыни и в Галиции. Русских, приехавших из СССР, там было мало, и их быстро перебили еще раньше. Теперь настала очередь евреев и поляков. В итоге только на Волыни было вырезано около 80 тысяч поляков.

Так, в конце марта – начале апреля 1943 г. в Дубенском, Ровненском, Луцком, Здолбуновском, Кременецком уездах и на Полесье было убито 2 тысячи человек. «Особенно кровавой датой стало 11 июля 1943 г. Тогда на рассвете отделы УПА при активной поддержке украинского населения окружили и напали на 167 населенных пунктов одновременно. Началась кровавая резня. Польское население гибло от пуль, топоров, вил, кос и ножей, а те из них, кто защищался в собственных домах или костелах, были сожжены заживо.

По данным Эвы и Владислава Семашкив, на протяжении июля и августа были убиты 17 тысяч людей. Эти авторы описывают три способа проведения нападений. Первый – это нападение на отдельных людей и малые группы. Второй – нападения на небольшие (несколько семей) группы поляков. Третья разновидность – нападения на большие скопления польского населения, что требовало концентрации больших сил. Во время этих операций действовали внезапно, выбирая такое время, когда жители были дома, чаще всего на рассвете или ночью. Прежде всего село или поселение окружалось вооруженными людьми, которые должны были отстреливать беглецов. Оставшихся в селе налетчики собирали в ригах или школах, чтобы легче было их убивать. Как пишет Т. Ольшанский, дело доходило и до актов извращенной жестокости, включая случаи резания пилой и сажания на кол. Поляки, которым удавалось спастись от резни, убегали в большие населенные пункты, создавая там базы самообороны, прятались в лесах и на болотах, или же обращались под покровительство немцев. Последние пользовались тяжелым состоянием польского населения и вывозили работоспособных на принудительные работы в рейх.

Учительницу школы Майю Соколив, жену заведующего школой, которую прислали из Советского Союза, русскую, вместе с мужем, матерью и годовалым сыном Славиком утопили в колодце. Из семьи Морелевских бандеровцы убили родителей, невестку Ирену (19 лет) и сына Юзефа (20 лет). Всех, кроме Ирены, убили недалеко от леса. Ирену забрали в хату руководители банды, держали ее в подвале, насиловали, а потом выбросили в колодец. Ирена была беременной. Смешанные семьи также убивали.

Е.П. из Польши прислала выписку из парафиальной книги села Мосты Великие около Жовквы, в которой обозначено 20 убитых. В селе Рокитна в вербное (католическое) воскресенье было убито топорами 16 человек, а три человека: Казимир Витицкий, паламарь, его жена и ребенок были утоплены в проруби.

К.И. из Великобритании: “Германовка. Нападение имело место в сентябре 1943 г. на рассвете. Напали на меня близкие соседи – Костецкий, Головатый и Заплетный. Побили меня и ограбили. 14 февраля 1944 г. была свадьба моей двоюродной сестры, недалеко от меня, на нашей улице. Молодой работал на почте и пригласил своего начальника, а когда тот отъезжал, то бандеровцы убили его выстрелом. Началась стрельба, бросали гранаты.

Все свадебные гости были убиты, хату сожгли. Убиты были также и музыканты, шесть их было, среди них было несколько украинцев. Среди гостей также было несколько украинцев, их тоже убили. Убито 26 человек. Один украинец, сосед, позволил мне ночевать в его хате, но однажды, придя из церкви, сказал, что дальше не может меня прятать, так как священник сказал: «Братья и сестры, пришло время, когда можем отплатить полякам, жидам и коммунистам». А мой сосед работал в совхозе, так его считали коммунистом. Фамилия этого попа Волошин. Была одна польско-украинская семья, так ее, как и всех поляков, уничтожили. До войны совместная жизнь с украинцами была хорошая, вражда настала, как начали организовывать УПА. В конце ноября 1944 г. на воротах был прибит листок, на котором было написано, чтобы я в три дня убрался из села, а то убьют и сожгут. Я оставил все и убежал”»[142].

Виктор Полищук, украинский эмигрант из Канады, в своей книге «Горькая правда. Преступления УОН-УПА (исповедь украинца)» пишет: «30 августа 1943 г. Купы, польское село в Любомльском уезде, утром было окружено “стрельцами” УПА и украинскими крестьянами, главным образом из села Лесняки, которые устроили массовую резню поляков. Убивали всех, в том числе женщин, детей, стариков. Убивали в хатах, во дворах, в хозяйственных помещениях, используя топоры, вилы, дрючки, а по убегающим стреляли. Целые семьи бросали в колодцы, засыпая их землей. Павла Прончука, поляка, который выскочил из убежища, чтоб защитить мать, поймали, положили на лавку, отрубили ему руки и ноги и оставили так, чтобы дольше мучился. Зверски замучили там украинскую семью Владимира Красовского с двумя детьми.

Из 282 жителей села убито 138 человек, в том числе 63 ребенка.

В Воле Островецкой в этот же день из 806 жителей убито 529, в том числе 220 детей».

И вот теперь бандеровцев объявляют на Украине героями и образцом для подражания. Гражданин Канады, сопредседатель Львовского краевого совета Руха Валентин Мороз, заявил: «Бандера – это Шевченко XX века». Ну что ж, канадскому подданному виднее. Но из математики следует, что если A = B, то и B = A, то есть Шевченко – это Бандера XIX века!

Помимо ОУН украинские националисты активно вступали и в чисто германские формирования. К февралю 1942 г. около 14,5 тысячи националистов состояли в полицейской организации «Мурава». В июле 1944 г. из личного состава «Муравы» был сформирован батальон № 23, введенный в состав 30-й пехотной дивизии СС.

28 апреля 1943 г. рейхсфюрер Гимлер подписал приказ о формировании дивизии СС «Галиция». Вступить в дивизию пожелали 82 тысячи добровольцев из украинцев, проживавших к 22 июня 1941 г. на территориях УССР и Генерал-губернаторства. Из них немцы отобрали 35 тысяч человек. Позже часть из них была отсеяна, а часть направлена в другие формирования.

Дивизия «Галиция» действовала на Восточном фронте в составе 14-го германского корпуса. В середине июня 1944 г. Красная Армия окружила под Гродами восемь германских дивизий, в числе которых была и «Галиция». Из 14 тысяч солдат этой дивизии вырваться из окружения удалось лишь трем тысячам.

В ноябре 1943 г. из остатков «галиценцев» и нового пополнения самостийников была сформирована 14-я пехотная дивизия СС численностью около 15 тыс. человек. 14-я дивизия не использовалась на Восточном фронте. Она воевала против партизан в Чехословакии, затем в Югославии, а в мае 1945 г. сдалась в плен англичанам на севере Италии.

Осенью 1943 г. Красная Армия начала освобождение Украины. 23 августа 1943 г. был взят Харьков, а 6 ноября – Киев. В феврале – марте 1944 г. в ходе Второго Сталинского удара было освобождено Правобережье.

С приближением Красной Армии подразделения ОУН начали отход на запад. А вот части Армии Крайовой, наоборот, двинулись на восток.

18 февраля 1944 г. польское эмигрантское правительство в Лондоне утвердило план «Бужа» («Буря»). Согласно этому плану части Армии Крайовой при приближении фронта к территории бывшего польского государства должны были нападать на немцев, а на освобожденных территориях устанавливать власть эмигрантского правительства. Естественно, что приоритет отдавался захвату власти.

В рамках плана «Буря» в конце января 1944 г. 27-я Волынская пехотная дивизия Армии Крайовой численностью около 7 тыс. человек начала наступление на районы, контролируемые ОУН. Вскоре поляки выбили самостийников в районах от Ковеля до Буга. Поляки считали ОУНовцев бандитами и не брали пленных.

Глава 11. Разгром самостийников на Украине и в Польше

После окончания Второй мировой войны руководство ОУН – УПА не пожелало сложить оружие, а продолжало борьбу как против Красной Армии, так и против поляков.

В военных академиях всего мира зубрят знаменитую фразу Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными средствами». Но война ОУН – УПА была исключением, поскольку не имела ни цели, ни смысла. Шансы на победу были тождественно равны нулю. Даже в пьяном бреду трудно предположить ситуацию, когда отряды ОУН разгромили бы Красную Армию и Войско Польское.

Традиционной надежды самостийников – «заграница нам поможет» – тоже не было. Третий рейх прекратил свое существование. Американцы и англичане в конце 40-х годов стали помогать националистам, но по «мелочевке». Воевать же с СССР западные союзники явно не хотели. Да и если предположить, что в 1945 г. или 1946 г. разразилась бы Третья мировая война, то и тогда вероятность прихода армий западных союзников на Украину была равна нулю. Советская армия обладала большим превосходством в силах. Во Франции и Италии в 1945–1950 гг. значительная часть населения поддерживала коммунистов. В конце 1945 г. американцы имели одну атомную бомбу, а к концу 1946 г. – около двадцати. Если добавить к этому, что атомная бомба может при удачном попадании вывести из строя батальон пехоты или роту танков, то придется признать, что ядерное оружие в случае конфликта в 1945–1946 гг. сыграть существенную роль не могло.

Рассматривая возможность конфликта в конце 1940-х годов, можно спорить лишь о том, когда советские танки могли бы выйти к Ла-Маншу, Бресту и Лориану – через неделю или через две.

На самом же деле плохо разбирающиеся в политике и охваченные манией величия Бандера и Ко в 1941–1943 гг. надеялись на победу Германии и мечтали получить от Гитлера в награду власть над Украиной. Вспомним старичков в пикейных жилетах у Ильфа и Петрова – те тоже были уверены, что все политики Европы мечтают о превращении Черноморска в вольный город.

Когда же немцы начали терпеть поражение, то большая часть руководства ОУН всеми силами попыталась оттянуть свой конец, жертвуя обманутыми бойцами. Ну а сами верхи надеялись оказаться за границей на содержании разведок западных стран.

Впервые с ОУН Красная Армия и части НКВД столкнулись в конце зимы 1944 г. Командующий 1-м Украинским фронтом генерал Ватутин 29 февраля 1944 г. выехал в штаб 60-й армии в сопровождении нескольких офицеров и восьми человек охраны. Около 8 часов вечера недалеко от селения Милятын на колонну штабных машин напали бандеровцы (17–27 человек). По другим данным, это были не бандеровцы, а неорганизованные бандиты, грабившие захваченный ими красноармейский обоз. Водитель машины командующего Богомолов дал задний ход и выехал из зоны огня. Но Ватутин все же успел получить ранение в бедро выше колена и потерял много крови, прежде чем в ближайшем поселке ему была оказана помощь. В киевском госпитале командующий перенес несколько операций, но спасти его не удалось, и 15 апреля Ватутин умер.

В ответ на это нападение в марте 1944 г. командование 1-го Украинского фронта провело зачистку своих тылов силами кавалерийской дивизии с приданными ей восемью танками и двадцатью бронеавтомобилями.

Из отчетов войск НКВД: «16 февраля 1944 г. отряд под командованием помощника начальника штаба 2-го полка старшего лейтенанта Игнатова, действуя по проческе лесного массива в районе населенных пунктов Ромейки, Переспан, Большие Вербы, столкнулся с вооруженной бандой УПА до 300 человек, вооруженной пулеметами, автоматами и винтовками. Несмотря на численное превосходство в живой силе и вооружении бандитов, старший лейтенант Игнатов принял смелое решение: окружить и уничтожить банду. В результате боя было убито бандитов 46 и ранено до 100. Захвачены 13 лошадей, секретные документы и вооружение.

6 марта 1944 г. отряд под командованием командира 2-го погранполка подполковника Мульчевского, выполняя задачу по розыску и ликвидации бандгруппы УПА. прочесывая населенные пункты и лесные массивы, обнаружил бандгруппу УПА в количестве 100–120 человек. В результате правильно принятого решения, смелых и энергичных действий отрядов банда была полностью ликвидирована, 84 бандита убиты и 25 пленены»[143].

Из справки от 9 июня 1944 г.: «На территории Выжницкого района в апреле сего года бандитами полностью уничтожена телефонная связь, срезаны столбы, сожжен стратегически важный мост через р. Черемош, соединяющий м. Выжницу с г. Куты Станиславской области. В м. Выжница бандой УПА сожжены три магазина с товарами и все склады с запасами лесоматериалов на лесопильном и фанерном заводах. В с. Бергомет Выжницкого района бандиты сожгли совхоз.

14 апреля сего года в с. Милиево Выжницкого района бандиты учинили зверскую расправу и уничтожили семью бывшего председателя сельсовета Шендро, ныне находящегося в рядах Красной Армии. В этом же селе бандиты вырезали семью еврея Шефера.

17 апреля сего года в с. Глинице Вашковского района бандитами сожжено здание сельсовета.

20 апреля сего года банда УПА неустановленной численности обстреляла райцентр Выжницу…

В ночь на 23 апреля сего года вооруженная банда численностью в 20 человек, одетых в форму солдат немецкой армии, совершила налет на с. Карапатчина Вашковского района, убила председателя колхоза, трех бойцов истребительного батальона, сторожа сельсовета и одну женщину»[144].

28 августа 1944 г. командование 104-го погранотряда получило сведения, «что в Карувском лесу в полосе Карув – Рпниска Рава-Русского района сконцентрировалась банда УПА. Бандгруппа имела цель: нападение и уничтожение органов Советской власти, НКВД, НКГБ и гарнизона пограничников в г. Рава-Русская…

К 13.00 29 августа 1944 г. все поисковые группы отряда втянулись в бой с бандой…

В ходе дневного боя 20 августа и показаниями пленных было установлено, что в Карувском лесу, начиная с 25 августа, сосредоточилась банда, состоящая из двух куреней (крупное бандформирование УПА, состоявшее из нескольких сот человек) “Эмма” и “Железняка”.

В состав куреней входили сотни: 1) в курень “Эмма”: сотня “Перемога” (до 160 человек), сотня “Беркута” (до 170 человек), сотня “Кулеша” (до 150 человек); 2) в курень “Железняка”: сотня “Скола” (до 150 человек), сотня “Громовой” (до 160 человек), сотня “Железняка” (до 140 человек). Кроме указанных куреней, банда имела в своем составе две учебные сотни во главе с “Богдановым”. В каждом курене было по одному пулеметному взводу и группе разведчиков из 20–30 человек. Каждая сотня, входящая в состав куреня, вооружена от 12 до 20 пулеметов, а весь личный состав автоматами и винтовками, некоторые сотни имели по несколько станковых пулеметов.

За время пребывания в Карувском лесу (с 25 по 29 августа 1944 г.) курени банды и учебные сотни располагались рассредоточено…»

К лесу было подтянуто несколько гаубичных батарей. «После начала артобстрела Карувского леса куренные “Эмма” и “Железняка” перед личным составом куреней поставили следующую задачу: в случае окружения или столкновения с частями Красной Армии занять оборону и держаться до

наступления темноты; с наступлением темноты разбиться на мелкие группы и, не бросая оружия, выходить из окружения для дальнейшего сосредоточения в с. Мосты Малы (Польша).

Однако выполнить бандитам поставленную задачу не удалось. В результате дневного боя 29 августа, а также активных действий малых групп наших частей в ночь на 30 августа и проческе всего Карувского леса 30 августа банда понесла большие потери…»[145]

В августе – сентябре 1944 г. в Драгобычской области войска НКВД вместе с войсками 4-го Украинского фронта провели ряд крупных войсковых операций, в ходе которых с 18 августа по 9 сентября были убиты 1174 бандита, 1108 бандитов взяты в плен и задержано около 6 тысяч человек, уклонявшихся от мобилизации в Красную Армию.

Следует заметить, что мобилизация мужчин призывного возраста в занимаемых РККА районах Западной Украины тоже была эффективным средством борьбы с бандитами. Другой вопрос, что такая мобилизация проводилась повсюду, в том числе и в освобожденных районах РСФСР, Белоруссии и т. д.

Особый размах в западных областях Украины приобрела деятельность СМЕРШа (военной контрразведки). Так, на территории Киевской, Житомирской и Ровенской областей в начале 1944 г. СМЕРШ 1-го Украинского фронта вскрыл ряд подпольных организаций и арестовал до 150 их участников.

В октябре 1944 г. после освобождения Красной Армией Западной Украины от немцев там создается следующая система репрессивно-карательных органов: шесть областных управлений НКВД (Волынское, Дрогобычское, Львовское, Ровенское, Станиславское, Тернопольское); городские отделы НКВД; районные отделы НКВД (61 отдел); местечковые (поселковые) отделения и участки НКВД. Основными звеньями аппарата НКВД были областные управления и городские отделы, имевшие свою структуру.

С апреля 1944 г. снова заработали Волынский, Львовский, Ровенский, Тернопольский и Черновицкий обкомы партии и облисполкомы. На 1 сентября 1944 г. в западных областях УССР имелось уже 1556 первичных парторганизаций, 32 кандидатские и 2 партийно-комсомольские группы, в которых состояло 5709 членов и кандидатов в члены ВКП(б). Они и стали основой партийно-советского аппарата на местах.

Одновременно возобновила свою деятельность и сеть территориальных органов НКВД и НКГБ УССР. Основными структурными подразделениями НКВД УССР были управления: по борьбе с бандитизмом; по делам военнопленных и интернированных; милиции; пожарной охраны; тюрем; исправительно-трудовых лагерей и колоний; местной ПВО; государственных архивов; шоссейных дорог; хозяйственное управление.

3 марта 1946 г. НКВД и НКГБ были преобразованы в Министерство внутренних дел СССР (МВД) и Министерство государственной безопасности СССР (МГБ). 5 марта 1953 г. МВД и МГБ были объединены в одно МВД. Такие же кадровые изменения произошли и в УССР.

С лета 1946 г. против ОУН – УПА началось проведение широкомасштабных акций силами всех подразделений и органов МВД УССР. К этому привлекалось и местное население, которое иногда и силой загоняли в истребительные батальоны. К июню 1946 г. в этих батальонах насчитывалось до 35 тысяч человек.

Согласно директиве МВД УССР от 15 июля 1946 г., в западных областях Украины были введены формы действий, характерные для МГБ, как то: физическое уничтожение руководителей подполья ОУН и командования УПА с помощью агентов-боевиков; создание «параллельной агентурной сети» (деятельность секретных сотрудников МВД, МГБ и их агентов под видом подполья ОУН); перевод многих оперативников в категорию «негласных работников» (обычно они работали под видом представителей всевозможных заготовительных организаций или добровольных товариществ в больших городах, имея агентуру численностью 30–40 человек в прилегающих районах).

28 января 1947 г. вышло секретное постановление Совмина СССР, по которому вся дальнейшая борьба с националистическими движениями относилась исключительно к компетенции органов госбезопасности. Принятые от МВД западных областей Украины отделы по борьбе с бандитизмом и отделения второго отдела МВД УССР были реорганизованы в единые отделы. Всего МГБ было

передано 1617 оперативных работников, агентурная сеть численностью 17 945 человек, оперативный учет на 12 714 участников подполья, оперативные внутренние войска МВД (более 25 тысяч человек), а также истребительные батальоны (свыше 35 тысяч человек). В органах же МВД на Западной Украине осталось всего 312 человек оперативного состава уголовного розыска милиции. То есть в каждом из 206 административных сельских районах работой по борьбе с уголовной преступностью занимался один оперативник уголовного розыска и по одному участковому уполномоченному на три-пять сел.

Постепенно НКВД и партийные органы стали привлекать к борьбе с бандитами и население Западной Украины. В соответствии с решением ЦК КП(б) Украины от 1 июня 1948 г. с целью «охраны государственной и кооперативно-колхозной собственности и сельского актива» органы МВД стали создавать вооруженные группы для охраны общественного порядка (ГООП). Истребительные батальоны, подчиненные МГБ, ликвидировались, а их личный состав вместе с вооружением передавался в ГООП. На 1 января 1949 г. в УССР действовало уже 6437 таких групп общей численностью 86 527 человек. Поначалу их вооружили трофейным оружием, а затем ГООП получили 15 тысяч винтовок со складов МВД СССР. Всего в ГООП насчитывалось 50 226 единиц оружия, в том числе 330 ручных пулеметов, почти 3 тысячи автоматов, 46 тысяч винтовок, более тысячи пистолетов.

НКВД активно создавал и агентурную сеть. По состоянию на 1 июля 1945 г. на учете органов НКВД западных областей Украины состояло 175 резидентов, 1196 агентов и 9843 информатора. Всего 11 214 человек. НКГБ располагало значительно большей агентурной сетью. Только в Станиславской области на 25 июля 1946 г. в нее входило 6405 человек, в том числе агентов – 641, резидентов – 142, информаторов – 5572, содержателей явочных и конспиративных квартир – 50. С 1 января 1945 г. по 1 июля 1946 г. НКГБ завербовало 5671 человека, в том числе 596 агентов, 93 резидента, 4941 информатора и 41 содержателя явочных и конспиративных квартир.

Основной задачей НКВД и НКГБ являлась ликвидация первых лиц областных, надрайонных и районных Проводов ОУН, командиров УПА, уничтожение боевых групп и службы безопасности ОУН.

Безусловно, это были правильные меры, но доктринеры коммунисты не учитывали ни национальный фактор, ни психологию людей. Они явно путали Западную Украину с Тамбовской губернией. В ходе боевых действий с тамбовскими бандитами с обеих сторон действовали русские люди, и разжигание национальной ненависти было невозможно. А на Западной Украине националисты в ответ на любые акции НКВД или Красной Армии твердили местному населению – вот, мол, пришли москали, которые хотят нас всех перебить.

В сложившихся условиях даже введение постов или групп военных в село не гарантировало безопасности мирных граждан, лояльных к новой власти. Придут ночью бандиты, убьют человека, и ищи их в лесу.

Тут явно нужна была гибкая тактика кнута и пряника. Никаких колхозов, временное упразднение налогов и реквизиций с лояльных граждан. Передача лояльным гражданам имущества и земель бандитов и, наконец, передача гражданам стрелкового оружия для самозащиты от бандитов. Причем не бойцам каких-либо местных формирований, а именно мирному населению. Спору нет, какая-то часть оружия могла в этом случае попасть к ОУНовцам. Но морально-психологический эффект от передачи оружия в десятки раз превзошел бы все издержки.

К примеру, убили ОУНовцы ночью главу семейства за сотрудничество с властями, вступление в партию и т. д. А рано утром жена и сыновья убитого берут в руки ППШ и идут выяснять отношения с соседями, члены семей которых находятся в лесу с бандитами. Деревня – не город, там все всё знают и невинным мстить не будут. А через полчасика после начала стрельбы заявляются грузовики с солдатами. И вот лейтенант МВД урезонивает членов семьи убитого: «Як же це можно, что же вы наробили 30 чоловиков поубывалы. Будя, идыте по хатам».

Террор можно уничтожить, лишь лишив его подпитки продовольствием и новыми рекрутами. И кровная месть – серьезный аргумент в борьбе с террором. Пример – та же Чечня.

Но новая власть, не мудрствуя лукаво, продолжала действовать грубой силой. Весной 1944 г. на территории Западной Украины были сконцентрированы следующие силы внутренних войск НКВД:

В Волынской области: одна стрелковая дивизия, три полка и одна бригада, всего 5285 человек. В Ровенской области: одна стрелковая дивизия и четыре бригады (8754 человека). Во Львовской области: четыре бригады и один кавалерийский полк (6525 человек). В Тернопольской области: три бригады (3057 человек). В Станиславской области: одна бригада (1328 человек). В Черновицкой области: две бригады (1355 человек). Кроме того, весной 1944 г. в Волынскую и Ровенскую области с Северного Кавказа перебросили 19-ю стрелковую бригаду НКВД численностью 2278 человек и 21-ю стрелковую бригаду НКВД (2958 человек).

Всего к этому времени в перечисленных областях дислоцировалось 31 540 человек внутренних войск НКВД с вооружением и боевой техникой.

По штату 1945 г. стрелковая дивизия НКВД полного состава насчитывала 5–6 тыс. человек, фактически же ее численность была намного ниже штатной. В дивизию входили три стрелковых полка, артиллерийская бригада (два артиллерийско-минометных полка), четыре дивизиона – самоходно-артиллерийский, истребительно-противотанковый, артиллерийский и зенитной артиллерии, саперный батальон, учебный батальон, батальон связи, подразделения обеспечения и тыла. При наступлении стрелковая дивизия, как правило, усиливалась одним – двумя гаубичными артиллерийскими полками, танками (до бригады) и полком самоходной артиллерии.

Стрелковый полк НКВД по штату 1945 г. имел три стрелковых батальона, две роты автоматчиков, три батареи – минометную, истребительно-противотанковую и артиллерийскую, а также взвод крупнокалиберных зенитных пулеметов. Всего в стрелковом полку НКВД по штату должно было быть 2398 человек, 108 ручных пулеметов, 54 станковых пулемета, 6 крупнокалиберных пулеметов, 27 противотанковых ружей, восемнадцать 82-мм минометов и шесть 120-мм минометов, двенадцать 45-мм и шесть 57-мм противотанковых пушек, шесть 76-мм полевых пушек.

Стрелковая бригада НКВД полного штата имела четыре стрелковых батальона, артиллерийский и минометный дивизион, роту автоматчиков, подразделения специальных войск и тыла, общей численностью до 5 тыс. человек.

Против УПА также был направлен танковый батальон 2-й мотострелковой дивизии (22 танка и 163 человека личного состава). Затем из внутренних областей СССР прибыли пять бронепоездов: № 46 – в Ровно, № 73 – в Каменну Струмиловку (Львовская обл.), № 26 – в Станислав, № 42 – во Львов и № 45 – в Тернополь. Личный состав этих бронепоездов насчитывал 770 человек.

Перед большой блокадой зимы – весны 1946 г. войска НКВД дислоцировались на Западной Украине следующим образом:

Во Львовской области: 17-я стрелковая бригада, три батальона 25-й стрелковой бригады, 18-й кавалерийский полк, 18-й отдельный стрелковый батальон 18-й стрелковой бригады, 66-й и 219-й отдельные стрелковые батальоны 24-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД. В Станиславской области – 19-я стрелковая бригада внутренних войск НКВД. В Черновицкой области – 192-й отдельный стрелковый батальон 19-й стрелковой бригады, 237-й и 240-й отдельные батальоны 23-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД. В Ровенской области – 16-я и 20-я стрелковые бригады, 228-й отдельный стрелковый батальон 21-й стрелковой бригады и три батальона 24-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД. В Волынской области – 9-я стрелковая дивизия (три полка) и 189-й отдельный стрелковый батальон 18-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД. В Тернопольской области – три батальона 21-й стрелковой бригады, два батальона 25-й стрелковой бригады, 174-й и 193-й отдельные стрелковые батальоны 19-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД.

Для усиления вышеперечисленных частей НКВД СССР дополнительно выделило два стрелковых полка и один отдельный стрелковый батальон. А нарком внутренних дел УССР Рясной как руководитель всей агентурно-оперативной работы НКВД и НКГБ в западных областях Украины имел право по своему усмотрению передислоцировать внутренние войска в пределах региона.

По плану от 15 июля 1946 г. организационных мероприятий по усилению борьбы с подпольем части и соединения внутренних войск МВД, находившиеся в западных областях Украины, оставались на местах до января 1947 г. После этого все оперативные внутренние войска МВД, то есть более 25 тыс. человек, были переданы МГБ.

Армейские части, внутренние и пограничные войска НКВД, партизанские и истребительные отряды проводили совместные операции – блокады, большие и малые облавы. Однако основные боевые действия вели внутренние войска НКВД (МВД). В больших облавах участвовали по несколько частей и подразделений внутренних войск, привлекались и подразделения Красной Армии. Такая облава обычно охватывала большой лесной массив или один-два района, которые окружали и прочесывали.

Тактика облав была таковой. За несколько дней до начала собственно облавы на территорию действий бандформирований проникали небольшие подразделения внутренних войск, обычно не более роты, которые провоцировали столкновение с отрядами УПА. Убедившись в наличии этих отрядов, внутренние войска отступали. Затем к данному району подтягивалась артиллерия и танки, вызывалась авиация, и начиналось одновременное концентрическое наступление со всех сторон. В одном месте создавался «мешок». С его стороны всегда наступали меньшими силами, чтобы заманить отряды УПА в ловушку. Операция длилась обычно с неделю, в течение этого времени внутренние войска прочесывали всю окруженную ими территорию.

Малые же облавы проводились силами одной роты или батальона районного НКВД после того, как уже прошла большая облава. Главной задачей малой облавы было преследование разделившихся отрядов УПА, поиск в селах раненых бандитов, подпольщиков, выявление местных жителей, сочувствующих УОН – УПА.

Так, 7 апреля 1945 г. началась большая облава, в которой приняли участие 40 тысяч человек под командованием пяти генералов. Облава продолжалась до конца мая. В ней участвовали партизанские отряды «Красная метла» и «Рубака», специалисты по вскрытию бункеров и складов.

Подобные облавы проводились и на территории Волыни. В июле 1944 г. – в районе Острожина, в августе – в Пустомитских лесах Ровенщины, в январе 1945 г. – на Кременчине, в феврале – опять на Ровенщине, в апреле – в окрестностях Коростеня, в мае – в Черниговских лесах.

Советская власть применяла и меры психологического воздействия. Так, правительство УССР трижды (12 февраля 1944 г., 27 ноября 1944 г. и 19 мая 1945 г.) объявляло амнистию ОУНовским подпольщикам.

По советским данным, добровольно сдалось 55 тысяч человек.

Еще одно обращение к повстанцам издал нарком НКВД Абакумов в феврале 1946 г.

Сейчас националисты всеми силами спекулируют на так называемой депортации 1946–1947 гг. бандитов и членов их семей. Сразу замечу подлог: слово «депортация» иностранное, и оно означает выселение людей из одного государства в другое.

Но тут речь шла о переселении внутри СССР, и переселенных следует именовать переселенцами или спецпереселенцами, как их называли в официальных документах, ну, наконец, ссыльными. Но жулики от политики жить не могут без красивых и пустых слов – «голодомор», «депортация» и т. д.

Осенью 1947 г. МГБ действительно провело переселение семей «националистов». В начале октября 1947 г. генерал-лейтенант МГБ Рясной утвердил «План мероприятий МВД УССР по перевозке спецпоселенцев из западных областей УССР». Планом предусматривалось вывезти 25 тысяч семей общей численностью до 75 тысяч человек. К 26 октября 1947 г. переселение было завершено. Всего в 44 эшелонах было вывезено 76 586 человек (18 866 мужчин и 35 441 женщина старше 17 лет, 22 279 детей и подростков обоего пола).

Руководство ОУН пыталось проводить террористическую деятельность и за пределами Украины. Так, «главнокомандующий УПА» Роман Шухевич направил в Москву одну из своих любовниц – Дарью Гусяк. В июне 1949 г. Дарья с чужим паспортом приехала в столицу и две недели жила в гостинице «Метрополь». У нее в номере хранились взрывные устройства. В течение этих двух недель она неоднократно посещала Красную площадь в поисках подходящей «мишени». Позже она доложила Шухевичу, что не было подходящего объекта. Скорее всего, Дарья просто струсила. Бомбу можно было кинуть даже в смену почетного караула у мавзолея.

Так что Дарья по приезде явно наврала Шухевичу. В марте 1950 г. Дарья застрелила на улице деревни под Львовом лейтенанта МГБ Ревенко, который пытался за ней ухаживать. Толпа местных жителей

схватила ее и устроила самосуд. Вовремя подъехавшим сотрудникам МГБ с трудом удалось ее отбить. Дарья выдала Шухевича, и группа захвата во главе с генералом Судоплатовым окружила сельпо, где прятался «главнокомандующий». Ему предложили сдаться, пообещав сохранить жизнь. В ответ Шухевич кинул две ручные гранаты и был убит автоматной очередью.

Между тем с лета 1945 г. бывшие союзники СССР начали помогать деньгами и оружием ОУН. Так, американские и британские спецслужбы организовали тайные резидентуры бандеровцев в Мюнхене и Лондоне. Спецслужбы обучали ОУНовских диверсантов, а американские и британские транспортные самолеты сбрасывали с парашютами людей и грузы на территорию Западной Украины.

Руководящую роль в этом играла британская секретная служба МИ-6, в которой русским отделом с 1944 г. по 1950 г. руководил Ким Филби. За успешную работу в МИ-6 Ким Филби был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени и значком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Англичане обеспокоились потерей связи с Шухевичем, и в ночь с 14 на 15 мая 1951 г. у села Вышки Тернопольской области британский самолет сбросил шестерых парашютистов. Группу возглавлял начальник ОУНовской службы безопасности Мирон Матвиейко. В эту ночь ПВО страны получила приказ пропустить все самолеты-нарушители.

Парашютисты беспрепятственно достигли цели, а затем отправились на явочную квартиру. Там их радостно встретили повстанцы. Началась большая пьянка. Наутро «гости» проснулись во внутренней тюрьме областного управления МГБ.

Замечу, что в том же 1951 году чекистам удалось изловить еще 35 парашютистов.

Матвиейко был доставлен в Москву, где его допрашивал сам Абакумов. Вскоре генералу Судоплатову удалось склонить Матвиейко к сотрудничеству. В результате в июне 1951 г. чекисты начали радиоигру с Лондоном, в которой участвовали Матвиейко и ряд других высокопоставленных ОУНовцев. В МГБ игра получила шифр «Метеор» и продолжалась до октября 1960 г.

Впоследствии Матвиейко начал новую жизнь – работал бухгалтером, женился, вырастил троих детей и тихо скончался в 1974 г.

С весны 1950 г. повстанческое движение на Западной Украине стало затихать, и ко времени смерти Сталина оно было окончательно ликвидировано.

Тут стоит добавить, что после мая 1945 г. ОУН действовала не только на территории СССР, но и в Польше.

В июле 1945 г. Польское правительство направило в юго-восточные воеводства страны три дивизии неполного состава для обеспечения безопасности польского населения. Однако ни во второй половине 1945 г., ни в начале 1946 г. поляки не сумели добиться существенных успехов в борьбе с ОУН – УПА.

5 апреля 1946 г. польское военное командование начало специальную операцию под кодовым названием «Жешув», в ходе которой главный удар наносился в Жешувском воеводстве, где сконцентрировались наиболее крупные силы УПА. Многие повстанческие отряды ушли из Польши в СССР или Чехословакию. Оставшиеся бойцы начали так называемую бункерную войну.

Польское командование верно оценило ситуацию и поняло, что пока местное украинское население кормит ОУН – УПА и поставляет ему рекрутов, полной победы добиться нельзя, и приняло наиболее оптимальное решение – депортировать украинцев в СССР. Только из Жушевского воеводства за время проведения операции «Жешув» были отправлены в СССР около 250 тысяч этнических украинцев.

28 марта 1947 г. бандеровская сотня «Гриня» устроила засаду на шоссе у Балигородова. В нее попал конвой с министром обороны Польши генералом Каролем Сверчевским. Министр был убит[146].

В ответ поляки начали большую операцию под кодовым названием «Висла». Регион операции «Висла» разделялся на две главные зоны операций – зону «S» (со штабом в г. Сянок) и зону «R» (со штабом в г. Жешуве, там же размещался и главный штаб отряда особого назначения «Висла»). Силы безопасности

состояли из 12 полковых операционных групп. Общая численность отрядов особого назначения «Висла» составляла 17 440 солдат и офицеров. На северо-востоке страны действовали другие отряды.

Операция «Висла» проходила в два этапа. Первый этап включал только действия в зоне «R» (южная и юго-восточная часть Жешувского воеводства и несколько районов юго-восточнее части Люблинского воеводства), вдоль советско-польской границы. Отряды особого назначения должны были ликвидировать повстанцев в зоне «R» и полную депортацию оттуда украинского населения. В течение месяца операция в этой зоне была завершена, формирования УПА потерпели поражение, а их остатки в последующие месяцы постепенно распались. Параллельно проводилась рекогносцировка в зоне «S».

Во время первого этапа операции было уничтожено более 900 повстанцев и еще больше взято в плен. Несколько групп общей численностью до 200 человек перешли польско-чехословацкую границу и с боями пробились в американскую оккупационную зону в Германии и Австрии. Отряд из 100 человек перешел на территорию УССС, где влился в состав УПА-Запад.

За три месяца проведения операции «Висла» на север и запад Польши на место изгнанного немецкого населения были переселены более 140 тысяч украинцев.

К концу 1947 г. с отрядами ОУН – УПА в Польше было окончательно покончено.

Попробуем сравнить успехи поляков и советских войск. Бойцов ОУН – УПА на территории Польши было не меньше, чем в СССР. Местное украинское население поддерживало повстанцев в Польше гораздо больше, чем в СССР. Наконец, польские силы были во много раз слабее, чем части НКВД (МГБ) и Советская армия. А результат вроде бы парадоксальный – поляки окончательно покончили с бандитизмом за два года, а Советскому Союзу на это потребовалось более семи лет. Причиной этого явилась полная высылка групп населения, поддерживавших повстанцев.

Глава 12. Украина между 1945 и 1991 годами

В ходе Великой Отечественной войны УССР потеряла значительную часть своих людских ресурсов. Кроме миллионов мобилизованных в армию и погибших на фронтах солдат, огромными были потери среди мирного населения. Фашисты уничтожили 3 млн 265 тыс. мирных жителей, вывезли в Германию 2,3 млн остарбайтеров. Множество людей умерло от голода и болезней в связи с невыносимыми условиями жизни, созданными оккупантами на захваченных территориях. Общее число погибших граждан Украины составило 5,3 млн человек, то есть погиб каждый шестой.

Огромный ущерб был нанесен народному хозяйству УССР: разрушено 714 городов и местечек, более 28 тысяч сел, 16 тысяч промышленных предприятий, 18 тысяч медицинских учреждений, почти 33 тысячи школ, техникумов и вузов. Оккупанты разорили 30 тысяч колхозов, совхозов и МТС. Прямые убытки составили 285 млрд рублей, а общая сумма потерь, понесенных населением и экономикой республики, составила 1,2 трлн рублей.

К началу 1945 г. на Украине оставались неповрежденными лишь 19 % промышленных предприятий. Поэтому на восстановление тяжелой промышленности в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) советское руководство направило 80–85 % всех капиталовложений. Как писал Губарев: «Говоря о восстановлении народного хозяйства Украины, как и других районов ССР, пострадавших от войны, следует учитывать, что оно проходило на основе тесной интеграции и взаимопомощи всех союзных и автономных республик. В Украину непрерывным потоком шли эшелоны с оборудованием, машинами, стройматериалами, семенами и скотом, прибывали квалифицированные специалисты, инженеры и рабочие.

Жестко централизованная командно-административная система управления народным хозяйством позволяла рекрутировать рабочие кадры через организованный набор. Существенным источником пополнения трудовых коллективов в промышленности и на транспорте стали демобилизованные военнослужащие. Из общего числа 2,2 млн демобилизованных в 1945–1948 гг. в промышленность УССР направились работать 350 тыс. человек, а на транспорт – около 100 тыс. человек. В течение четвертой пятилетки количество рабочих, инженеров, техников и служащих увеличилось до 6,9 млн человек (что на 700 тыс. превышало их количество в 1940 г.)»[147].

Силами всей страны восстанавливали гиганты украинской металлургии – «Азовсталь», «Запорожсталь», Краматорский и Енакиевский металлургические заводы.

В восстановлении взорванной Днепрогэс приняли участие 120 промышленных предприятий Союза, и уже в марте 1947 г. был получен ток от первого агрегата станции, а в 1950 г. Днепрогэс был полностью восстановлен, и его мощность превысила довоенную.

В годы четвертой пятилетки были почти полностью восстановлены все шахты и заводы Донбасса, Харьковский тракторный и Приднепровский машиностроительный заводы, авиационные, химические, судостроительные и другие предприятия, а также транспортная система.

Большое внимание советское правительство уделяло восстановлению судостроительных заводов в Николаеве, Херсоне и Севастополе. Было начато и строительство новых судостроительных заводов в поселке Жовтневое под Одессой, в Феодосии и Керчи.

21 ноября 1948 г. в Николаеве на заводе № 444 был заложен головной крейсер проекта 68бис «Дзержинский». 31 декабря 1951 г. в Николаеве заложили огромный крейсер «Сталинград» водоизмещением 36 тыс. тонн. Пушки «Сталинграда» должны были стать самыми дальнобойными в мире.

9 мая 1951 г. было принято Постановление Совмина СССР «О передаче Министерству вооружения СССР Днепропетровского автомобильного завода Министерства автомобильной и тракторной промышленности». Вроде бы рутинное постановление, но в этот день Украина стала ракетно-космической державой. А уже через три недели заводу № 586 было поручено наладить серийное производство баллистических ракет Р-1 (8Ф11) конструкции С. П. Королева.

30 ноября 1951 г. вышел приказ министра вооружений Д. Ф. Устинова о развертывании на заводе производства баллистических ракет Р-2 (8Ж38). Первые ракеты Р-1 были сданы заказчику уже в июне 1952 г.

13 февраля 1952 г. Постановлением Совмина СССР конструкторскому отделу завода № 586 поручена разработка проекта ракеты средней дальности Р-12 (8А63). Теперь на украинской земле не только делались ракеты, спроектированные в Подлипках под Москвой, но и проектировались свои.

К концу четвертой пятилетки в УССР производилось больше, чем до войны, проката черных металлов, железной руды, электроэнергии и минеральных удобрений. Довоенных показателей достигло производство стали, чугуна, каменного угля и ряда других важнейших видов промышленной продукции.

Объем валовой продукции промышленности Украины в течение 1946–1950 гг. увеличился в 4,4 раза и превысил объем довоенного 1940 г. на 15 %, в том числе в металлургии – на 16 %, машиностроении и металлообработке – на 44 %, производстве стройматериалов – в 2,3 раза. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции республики почти в 1,5 раза превышали общесоюзные показатели, что соответствовало установленным планам развития отдельных экономических районов страны. Производство электроэнергии возросло на 23 %.

Гораздо медленнее шло развитие легкой и пищевой промышленности. К 1950 г. валовое производство в легкой промышленности составило 79 % от уровня 1940 г.

В 1946 г. страшная засуха поразила Украину. Во многих районах республики был голод. Следующие 1947-й и 1948 годы по погодным условиям были относительно неплохими, и в Москве решили, что стоит провести комплекс работ, которые бы снизили воздействие природно-климатических условий на сборы урожая, и значительная часть проблем окажется решенной. В 1948 г. возник широко разрекламированный «сталинский план преобразования природы». Предусматривалось провести лесозащитные мероприятия, развивать оросительные системы, строить пруды и водоемы. В дальнейшем этот план дополнился решениями правительства о строительстве крупных каналов. В начале 1950-х годов выдвигаются грандиозные проекты строительства гигантских гидроэлектростанций на Днепре и Волге, каналов в степной зоне Украины, в пустыне Кара-Кум и между Волгой и Доном, план создания лесозащитных насаждений на многих сотнях тысяч гектаров.

С 1962 г. многие журналисты и ученые специализируются на критике мероприятий времен культа личности. Например, ах, сколько деревень, сколько сельхозугодий было затоплено в результате строительства каналов и гидроэлектростанций! Возникает резонный вопрос: если эти мероприятия были экономически невыгодными, то что мешает вернуть «статус кво»? Воду из водохранилищ и

искусственных морей можно спустить за несколько месяцев, и мы на следующий год получим те же сельхозугодия, да еще удобренные илом. Но, увы, критиканов хоть пруд пруди, но никто и не заикается ни в России, ни на Украине о спуске воды.

В 1950-х годах как на Украине, так и по всему Союзу не хватало жилья. В городах значительная часть населения жила в коммуналках, полуподвалах, бараках. С другой стороны, коммунальная плата была предельно низкой, а качество вновь возводимых домов – крайне высоким. Это не моя субъективная оценка. Сейчас стоимость квартир в «сталинском» доме существенно выше, чем в доме, построенном во времена Хрущева или Брежнева.

21 ноября 1949 г. Президиум Верховного Совета УССР одобрил и принял символы государственности – герб, флаг и гимн УССР. Еще ранее УССР стала членом ООН. Рассматривая проект ООН, Сталин предложил Черчиллю и Рузвельту принять в ООН все Советские Республики. Западные лидеры начали торговаться, в конце концов было решено, что кроме СССР членство в ООН получат две наиболее пострадавшие от нападения Германии республики – Украина и Белоруссия.

В самом начале 1954 г. в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией Н. С. Хрущев решил сделать подарок ставшей ему родной республике и передал Украине Крымскую область, за исключением Севастополя, который напрямую подчинялся Москве.

Современные украинские историки упрекают власти за преследование национализма на Украине. Тот же Губарев пишет: «29 августа 1947 г. ЦК КП(б) У принял постановление “О политических ошибках и неудовлетворительной работе Института истории Украины Академии наук УССР”. В нем были подвергнуты острой критике все научные достижения института, в частности, “Краткий курс истории Украины” под редакцией С. Белоусова, однотомный “Очерк истории Украины” под редакцией К. Гуслистого, первый том четырехтомной “Истории Украины” под редакцией М. Петровского. Историки обвинялись в националистических уклонах, возрождении “реакционных домыслов” В. Антоновича и М. Грушевского.

По инициативе партийных органов в Украине были проведены идеологические кампании, направленные против творческой интеллигенции. В 1946–1947 гг. ЦК КП(б) У принял серию постановлений: “Про спотворення та помилки у висвітленні історії літератури в книзі «Нариси історії української літератури»”, “Про журнал сатири і гумору «Перець»” и т. д. Оперу

К. Данкевича «Богдан Хмельницкий» подвергли критике за то, что русским в ней было отведено недостаточно заметное место. Украинские энциклопедические издания обвинялись в сосредоточенности на узконациональных темах»[148].

Действительно, Сталин боролся со слишком зарвавшимися националистами. Но в целом Сталин продолжал политику украинизации, начатую еще в 1920-х годах Кагановичем. Многие писатели, художники, кинорежиссеры сделали карьеру благодаря своей национальности. В 1951 г. на экраны Союза вышел фильм режиссера И. Савченко «Тарас Шевченко». Образ поэта был до предела романтизирован, о русофобии Тараса Григорьевича, естественно, не было ни слова. Фильм получил Сталинскую премию, а исполнитель главной роли молодой актер Сергей Бондарчук стал народным артистом СССР и лауреатом Сталинской премии.

О деятельности большевиков на Украине один из карпаторусских эмигрантов с грустью писал, что «Советское правительство создало украинскую державу при помощи лиц, поддавшихся галицкой польской украинской пропаганде, стремившихся сделать карьеру на украинской авантюре или в особенности таких, которые опасались восстановления какого-либо небольшевистского порядка и ненавидели Россию…

Окончательная заслуга создания Советской Незалежной Украины принадлежит тов. Сталину, во время “царствования” которого была сформирована Советская Украина. Итак, хай живе товарищ Сталин и хай живе святейший папа Лев XIII, их портреты заслужили себе место в самом центре “украинского пантеона”»[149].

В 1960-х годах жизненный уровень всех народов СССР постепенно стал повышаться. Замечу, это связано не столько с деятельностью Н. С. Хрущева, сколько с общим подъемом экономики страны.

Трудные условия жизни в 1945–1953 гг. были обусловлены войной и разрухой, а не каким-то злым умыслом. Хорошо бы заставить нынешних либералов посмотреть итальянские и французские фильмы 1945–1953 гг. Там хорошо показана жизнь простых людей, и где им было хуже – во Франции, Италии или Западной Германии в тот период, или в СССР – вопрос спорный. К тому же можно добавить, что Советскому Союзу пришлось создавать ракетно-ядерный щит, а страны Западной Европы по плану Маршалла получали огромные суммы из американской кормушки.

Не следует забывать и о психологическом моменте. В СССР люди, восстанавливавшие экономику, были примерно все равны. Даже дети членов политбюро и министров имели немногим больше, чем дети рабочих и крестьян. В 1950-х годах практически каждое крупное предприятие Украины имело свой дом отдыха или санаторий на берегу Черного или Азовского моря. А мог ли сын парижского рабочего в 1945–1953 гг. отдохнуть на Лазурном Берегу?

Опять процитирую Губарева: «В 1954 г. было принято решение о массовом строительстве жилья индустриальными методами. Выросла площадь новых жилых домов, позже прозванных в народе “хрущевками”. Люди начали переселяться из “коммуналок”, бараков, подвалов и полуподвалов в индивидуальные квартиры. Если в 1918–1940 гг. в Украине было введено в эксплуатацию 78,5 тыс. кв. м жилой площади, то в 1956–1965 гг. – более 182 тыс. кв. м. Получили и построили себе жилье почти 18 млн человек…

Велось строительство метрополитена. В быту проявились наручные часы, фотоаппараты, радиоприемники, телевизоры, швейные и стиральные машины, холодильники. В структуре потребления населения выросла доля непродовольственных товаров. Если при Сталине уровень личного потребления ежегодно увеличивался примерно на 1 %, то при Хрущеве – на 4 %.

Все же производство отечественных товаров широкого потребления не обеспечивало возросших потребностей населения и часть компенсировалось импортом. Отставало от роста потребления населения и развитие сферы услуг, торговли, общественного питания…

Неуклонно продолжало расти количество школ, вузов и техникумов. Если в 1950 г. в общеобразовательных школах УССР работало 291,3 тыс. учителей, то в 1960 г. – около 408 тыс. В период с 1950 г. по 1959 г. количество студентов возросло с 201,9 тыс. человек до 643,8 тыс. человек. Педагогические кадры готовились в 7 университетах, 36 педагогических институтах и 43 педучилищах. Было осуществлено укрупнение вузов, в результате чего вместо 160 их стало 140; это способствовало консолидации научно-педагогических кадров, укреплению вузовских кафедр, более рациональному использованию средств. В 1958 г. в высшей школе работало 805 докторов наук и 8103 кандидата наук.

С 1961 по 1966 г. в 132 вузах и 697 техникумах Украины набор увеличился в 1,5 раза. В них обучался 1 млн 336 тыс. студентов и учащихся. В 1963 г. в Харькове был открыт Институт искусств, в 1964 г. – основан Донецкий государственный университет (ныне Донецкий национальный университет)»[150].

А вот Губарев сокрушается: «Школьный закон, принятый Верховным Советом УССР в апреле 1959 г., предоставил родителям право выбирать для своих детей язык обучения. Объективно это вело к тому, что русский язык в школах Украины стал постепенно вытеснять украинский язык»[151].

Обратим внимание на сей пассаж. 35 лет народ украинизировали, но он все равно хочет говорить и читать по-русски. Так надо было эдаких несознательных в национальном отношении детишек гнать в украинские школы под дулами автоматов!

А чуть ниже Губарев противоречит сам себе: «С 1957 г. украинские историки приступили к изданию собственного “Українського історичного журналу”. С 1959 г. по 1965 г. продолжалось издание 17 томов “Української Радянської Енциклопедії”. Появились многотомные “Словник української мови”, “Історія української літератури”, “Історія українського мистецтва”, “Історія міст і сіл Української РСР”. Творческую активность украинской интеллигенции стимулировало также появление новых общественно-политических, научных и литературных журналов (“Прапор”, “Знання та праци”, “Всевіт” и др.). Массовыми тиражами издавались произведения А. Малышко,

О. Гончара, М. Рыльского, М. Бажана, П. Воронько, М. Стельмаха, Ю. Яновского, В. Сосюры, П. Тычины, О. Вишни и С. Олейника»[152].

К сожалению, ни Губарев, ни кто другой из украинских историков нам не скажет, какой процент книг Рыльского, Бажана и др. расходился в розничной торговле, а какой процент в принудительном порядке отправлялся в различные библиотеки или, пролежав несколько лет на полках в магазинах, утилизировался.

Я лично в 1960—1980-х годах видел в украинских магазинах полки, забитые книгами на украинском языке – Гомер, Дюма, Сименон и т. д. За эти книги в Москве на «толкучке» давали треть зарплаты инженера, естественно, если они были на русском. Я попробовал было в книжном магазине прочесть вслух кусок из «Илиады», но, увидев глумливые улыбки покупателей, быстро положил книгу на место.

Вновь передаю слово Губареву: «Заметным событием в культурной жизни республики стало проведение в марте – мае 1958 г. фестиваля “Первая украинская театральная весна”, в котором участвовали десятки театральных коллективов, в том числе Харьковский академический театр им. Т. Шевченко, Львовский театр оперы и балета им. И. Франко, Винницкий областной музыкально-драматический театр им. М. Садовского.

Развивалось украинское киноискусство. Если в 1951 г. было выпущено лишь 9 фильмов, то в 1956 г. на Киевской, Одесской и Ялтинской киностудиях ежегодно снималось 4–7 фильмов, а в конце 50-х годов – 16–20 картин. Очень популярными были фильмы “Мать” режиссера М. Донского, “Тревожная молодость” режиссеров А. Алова и В. Наумова и “Весна на Заречной улице” Ф. Миронера и М. Хуциева. Начали действовать студии хроникально-документальных и научно-популярных фильмов. В январе 1963 г. состоялся учредительный съезд Союза работников кинематографии Украины.

Среди украинских композиторов указанного периода можно выделить Б. Лятошинского, Г. Майбороду, К. Данкевича, С. Дюдкевича, А. Кос-Анатольского.

В УССР сложилась разветвленная сеть научно-исследовательских учреждений. Только в период с 1959 г. по 1965 г. в республике было создано 73 научных заведения, а всего действовало более 830 научных учреждений, в которых работало 95 тыс. человек (в том числе около 2 тыс. докторов наук и почти 20 тыс. кандидатов наук). Базовым центром научных исследований являлась Академия наук Украины, в состав которой входило около 50 научно-исследовательских учреждений. В середине 50-х годов в составе АН УССР работали 81 академик и 100 членов-корреспондентов. В 1962 г. на базе компьютерного центра, открытого в Киеве еще в 1957 г., был создан Институт кибернетики.

Развернули свою деятельность Украинское государственное издательство, Издательство Академии наук Украины, Государственное издательство изобразительного искусства и музыкальной литературы УССР (с 1964 г. – издательство “Веселка”), областные издательства в Харькове, Одессе, Львове, Донецке и других городах. За период с 1950 по 1958 г. количество изданных книг (по названиям) выросло с 4136 до 6618 (из них 3975 – на украинском языке), а их тираж увеличился с 77,6 млн до 116,2 млн экземпляров»[153].

Будучи студентом 1-го курса МИФИ, я сам столкнулся с одной из уродливых форм украинизации. У меня была курсовая работа по теме «Компьютерная обработка результатов экспертных оценок» (цитирую по памяти). Суть методики неинтересна большинству читателей, и я лишь скажу, что этой темой занимались в Москве человек сорок, в Ленинграде – двадцать, и одна лаборатория из пяти человек в Киеве. Догадайтесь с трех раз, на каком языке публиковала статьи эта «великолепная пятерка»? Тема новая, терминология не устоялась, да еще и переводи с украинского. А может, они считали, что так их лучше поймут в Западной Европе?

Мы тогда считали подобное забавными ляпами, а между тем определенные круги на Украине использовали украинизацию в своих целях, стремясь вбить клин между республиками Союза.

В 1960—1980-х годах на Украине продолжался экономический рост. Так, в 1970 г. там было добыто 207 млн тонн угля, 14 млн. тонн нефти, 111 млн тонн железной руды, произведено 41 млн тонн чугуна, 46,5 млн тонн стали, вырабатывалось около 138 млрд. кВт-ч электроэнергии. Удельный вес республики в народном хозяйстве СССР составлял: по добыче угля – 33 %, железной руды – 57 %, выплавке чугуна – 48 %, стали – 40 %.

В 1966–1970 гг. закончилось строительство крупнейших в Европе Приднепровской, Бурштынской, Старобешевской и Ворошиловградской тепловых электростанций, первой очереди Трипольской ГРЭС.

С 1966 г. начался переход школы на обязательное среднее образование. В то время на Украине насчитывалось более 34 тысяч общеобразовательных школ.

Несмотря на все потуги киевских и московских властей, престиж украинского языка постепенно падал. По данным Губарева, «если в 1960 г. школы с украинским языком обучения охватывали 68,7 % учащихся, то в 1970 г. – 60,4 %, в 1976 г. – 57,8 %. В то же время на русском языке учились соответственно – 30,4 %, 38,8 %, 41,3 %»[154].

Спору нет, не все было гладко в экономике, многие предприятия работали неэффективно. В конце 1980-х годов возникла проблема с продовольствием и товарами народного потребления.

Однако Украина никогда не была колонией ни РСФСР, ни какой-либо другой республики. Хороша колония, которая строит самые крупные в мире авианосцы после американских, самые лучшие в мире танки и, наконец, самые мощные в мире баллистические ракеты Р-36, которым американцы не зря дали название «Сатана». Но, увы, сейчас украинским школьникам вдалбливают – Россия поработила Украину.

Глава 13. Что дала «незалежность» народам Украины

Нравится нам или нет, но Украинская ССР была искусственным образованием, созданным Кагановичем и Сталиным.

Я в 1980-х бывал около двадцати раз в Харькове в служебных командировках и украинскую мову слышал только на железнодорожном вокзале. При этом не было никакой принудительной русификации. Предположим, сотрудники НИИ, где я бывал, были обязаны на службе говорить по-русски. Но кто их заставлял болтать по-русски во время тайных застолий на рабочих местах по случаю дней рождений и других праздников, разговаривать по-русски по дороге домой, в трамвае и т. д.?

Я четыре раза в 1980-х годах был в командировке в городе Северодонецке и, хотите верьте, хотите нет, узнал, что город сей находится на территории Украины, а не в Российской Федерации, лишь в 1998 г.

От скуки в поездах Москва – Харьков я несколько раз просил проводников показать, где проходит русско-украинская граница, но никто этого не знал. Зато сейчас все знают – постоите часок ночью в Казачьей Лопани, проведут у вас пару шмонов, и поневоле вспомнишь спокойные годы «застоя».

В 1991–1992 гг. из административной единицы Украина превратилась в независимое и, что самое страшное, в унитарное государство. Да, да, страшное! Государство, границы которого не складывали веками, а были когда-то «от банки» проведены какими-то малограмотными наркомами, государство, официальный язык которого для большинства граждан не является родным, государство, в котором одна племенная группировка, составляющая менее 10 % от всего населения, пытается править всеми другими национальностями, представляет опасность как для собственного населения, так и для соседей.

Такое унитарное государство не может долго просуществовать в обстановке мира и демократии. Если не применять силу, то жители Украины станут говорить на своих родных языках – русском, суржике, русинском языке, карпатских диалектах и т. д. Бизнесмены из Донбасса и Крыма, естественно, будут устанавливать экономические связи с Российской Федерацией, а не с Закарпатьем, а крымские татары – с Турцией.

Чтобы сплотить все регионы, киевским властям нужен образ страшного врага, который все время пытается обратить незалежную Украину в свою колонию. Чтобы сохранить унитарное государство, любая партия, пришедшая к власти, вплоть до коммунистов, будет искать врага.

Сейчас единственный кандидат на роль недруга Украины – Российская Федерация. К великому сожалению, правящая верхушка в Кремле не может понять, что никакие уступки не заставят Киев перестать считать врагом Россию. Пусть Путин отдаст базу в Севастополе, пусть продает газ по 0,01 копейке за кубометр, пусть отдаст Кубань – все равно самостийники будут недовольны.

Унитарная Украина не может физически существовать без угрозы вражеского порабощения. Самостийники все время должны бороться с внешним врагом и его «пятой колонной» внутри державы.

В самом начале «незалежности» президент Кравчук сказал: «Чтобы русские в Украине были хорошими украинцами, надо, чтобы они жили лучше, чем в России». Пусть это касается не всех русских, но в целом заявление достаточно мудрое.

Но вот беда, после получения незалежности экономика Украины легла на бок. В России жизнь 95 % населения резко ухудшилась, но все же жизненный уровень оказался куда выше, чем на Украине.

В ходе перестройки по улицам украинских городов ходили парни с довольно дебильными физиономиями и с плакатами «Кто зъив мое мясо?» Подразумевалось, что мясо съедено злыднями-москалями, в чем ни капельки не сомневалось 90 % населения УССР. Справедливости ради скажу, что также думали и подмосковные колхозники, и жители малых городов близлежащих к Москве областей. Мы-де Москву кормим, у нас все продовольствие отбирают и везут в Москву. После перехода к рыночной экономике выяснилось, что Москва сама себя кормит и питается в основном импортными продуктами.

В 1995–1997 гг. я три раза подряд плавал на теплоходе по Днепру и был во многих городах и поселках Украины. Жена из любопытства заглядывала в продовольственные магазины, но нигде не встречала мяса.

На вопрос, кто же «зъив» все мясо, продавцы и местные покупатели обычно поминали Кравчука и других самостийников, а также их любимых мам.

Понятно, что после отделения Украины многие русские начали продавать свои дома и квартиры и уезжать в Россию. Но вот что удивительно – десятки, если не сотни тысяч украинцев ринулись искать работу в России строителями, мелкими торговцами и прочая… от звезд шоу-бизнеса до проституток.

Стремясь отвлечь внимание населения от провалов в экономике и резкого ухудшения жизни, киевские власти и националистические партии Западной Украины начали разжигать многочисленные конфликты в стране и всячески провоцировать Россию.

Любопытно, что еще в начале XX века австро-венгерские самостийники, объявившие себя украинцами, выдвинули теорию, что Галиция станет украинским Пьемонтом. Такое сравнение вызвано чисто австро-венгерской ментальностью. Дело в том, что в начале XIX века значительная часть Италии принадлежала Австрии, но постепенно одна за другой итальянские области присоединялись к Пьемонтскому королевству, и 17 марта 1861 г. король Пьемонта Виктор Эммануил II был провозглашен королем Италии. На австрийцев это произвело огромное впечатление, зато 99 % жителей Малороссии в 1861 г. и не подозревали о существовании Пьемонта и короля Виктора Эммануила.

Между прочим, кроме переезда в Рим потомков Савойской династии, Италия почти ничего не получила от Пьемонта ни в культурном, ни в политическом отношении.

Галицийским же самостийникам, как австрийскоподданным, была хорошо известна история с Пьемонтом. Но они, проводя аналогию Италии с Малороссией и называя Галицию Пьемонтом, имели в виду совсем другое – им хотелось играть роль спартанцев, а всех жителей Малороссии сделать илотами.

«Пьемонтцы» еще до 1914 г. мечтали навязать и русским, и малороссам свой диалект, свою культуру и стать высшей расой в новой Украинской державе. Лозунг новых пьемонтцев – «Украина для украинцев!»

К 1992 г. на русском языке говорило две трети населения Украины. Русский язык был родным не только для русских и украинцев, но и для евреев, поляков, греков и других наций, веками живших на Украине.

С 1991 г. киевские власти и галицийские экстремисты начали крестовый поход против русского языка. Самостийные профессора доказывают, что Киевскую Русь населяли только украинцы, хотя сами и не знали об этом. Так, профессор, доктор филологических наук Андрей Бурячок в самой категорической форме отрицает общепринятую и вполне отвечающую историческим реалиям концепцию, согласно которой до татаро-монгольского нашествия на всей Руси, несмотря на некоторые племенные и диалектные различия, существовал один древнерусский народ с единым древнерусским языком. Разделение Руси на изолированные друг от друга части привело к постепенному образованию трех

ветвей единой русской народности – русских, украинцев и белорусов, говорящих на хотя и сходных, но все же отличающихся один от другого языках.

По мнению Бурячка, никакого древнерусского народа никогда в природе не существовало, а были одни лишь древние украинцы (так называемые «руськие»). А россияне – именно так сейчас на Украине официально именуют русский народ – возникли значительно позже из слегка ославяненных и окрещенных украинцами угро-финских племен. Кроме того, нынешние россияне не имеют никакого права называть себя ни русскими, ни даже россиянами, так как до Петра I их государство называлось Московией, а его жители, соответственно, «московитами». Московиты умышленно приняли древнеукраинский этноним «руськие» для того, чтобы таким путем распространить на себя древнюю украинскую историю и, приписав себе лишние столетия, узаконить свои притязания на территорию соседнего государства – Украины. Путем таких вот ухищрений бывшая Московия превратилась в Россию и стала «імперией»[155].

А сколько ерничанья и оскорбительных выпадов по поводу татарских слов в русском языке! Мол, русские – это татары с небольшой примесью славянской крови.

В XIII–XIV веках татарские рати действительно вторгались во Владимиро-Суздальскую Русь, но число этих вторжений было несоизмеримо мало по сравнению с числом татарских походов за тот же временной отрезок в Южную Русь (на территорию современной Украины). Главное же в другом. После набегов на Владимиро-Суздальскую Русь татары всегда уходили. А вот зато после взятия Киева в 1240 г. в районе Канева и ниже его по Днепру татары остались, и местное население управлялось непосредственно татарами, то есть оставалось под татарской оккупацией, а не платило ежегодную дань, как в Великом княжестве Владимирском.

А в конце XIV – начале XV века татары буквально хлынули в Великое княжество Литовское (то есть на территорию нынешних Украины и Беларуси) по приглашению великого князя литовского Витовта.

«В целом же в период княжения Витольда [Витовта. – *А.Ш.*] татарское переселение в Литву имело массовый характер. Его поводом были затяжные войны между потомками Чингисхана. Причины этого объяснил сам великий князь в 1427 году в письме на имя великого магистра Павла фон Руссдорфа. Он писал, что на территорию его государства прибыло множество татар, которые в Литве ищут спокойствий»[156].

Огромное влияние тюрков испытали и запорожские казаки, которых нынешние самостийники считают элитой украинского народа. Начнем с того, что в XIII–XV веках подавляющее большинство казаков было… тюрками, то есть потомками половцев, татар и т. д. Да и позже, в XVI–XVII веках, в ряды запорожских казаков регулярно вливались тысячи выходцев из Оттоманской империи. Это хорошо известно по расправам турецких султанов над пленными казаками: казаков тюркского происхождения обязательно отделяли от славян и казнили особо садистскими способами.

Наконец, казаки, как запорожские, так и реестровые, из походов на турок и татар регулярно приводили в Малороссию десятки тысяч пленниц и продавали их польским панам и малороссийским старшинам, а те расселяли пленниц по своим малороссийским имениям.

Риторический вопрос – у кого больший процент тюркской крови? Тут не надо никаких исторических изысканий. Посмотрите на лица сельских жителей Правобережья и колхозников Владимирской, Вологодской и Новгородской областей. Кто из них более похож на тюрок?

Полемизируя с самостийним историком Шевчуком[157], современный украинский историк А. И. Железный в книге «Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине» писал: «Не буду подробно анализировать Ваши идеи насчет “незаконных” притязаний русского народа на древнерусское культурно-историческое наследие и славянорусский язык своих предков. Сколько можно ломиться в открытую дверь? Сколько ни кричи, глухой все равно не услышит. И все-таки, если у Вас еще не полностью атрофировалась способность к непредвзятому, объективному восприятию, попробуйте вникнуть в следующие аргументы.

1. Сравните русскую бревенчатую избу-пятистенку (с ее деревянной или металлической кровлей и дощатым полом) с украинской хатой-мазанкой (с ее соломенной стрихой и земляным полом). После

этого познакомьтесь со срубной архитектурой древнерусских жилищ и скажите: где – в России или на Украине продолжилась древнерусская традиция постройки срубных жилищ?

2. Вы, как писатель, лучше других должны знать, что основными персонажами украинского фольклора являются казаки, турки, ляхи, чумаки, татары и т. п. А в русских былинах мы видим таких персонажей древней Руси, как Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич, Владимир Красно Солнышко, Вольга, Микула Селянинович… Что бы это могло значить, пан Шевчук? Может быть, то, что историческая память русского народа демонстрирует этим свою преемственность по отношению к древнерусской культуре?

3. Известно ли Вам, пан Шевчук, что великорусский крестьянин вплоть до 1917 г. не имел собственного надела, так как вся земля принадлежала общине и ежегодно перераспределялась в зависимости от изменения количества едоков в семье? А вот на Украине селянин имел свой собственный участок земли и “его нельзя было согнать с земельного надела. К тому же крестьянин мог продать или завещать свой надел в наследство” (Орест Субтельный “Украина: история”. Киев, 1992, с. 81).

А как обстояло дело в Киевской Руси? Цитирую: “По принципам южнорусского государственного строя земля принадлежала не отдельному лицу…, а считалась собственностью общины” (Д. И. Яворницкий. “История запорожских казаков”. Киев, 1990, т. 2, с. 13).

Как Вы думаете, пан Шевчук, где продолжилась древнерусская традиция общинного землевладения: на Украине или все-таки в России?»[158].

«Теперь о “мощном влиянии угро-финского языка”, как Вы изволили написать. Решив проверить Вашу идею, я взял свой русско-финский словарь и принялся искать в нем финские слова, сходные по звучанию (и по смыслу) с русскими. Но, увы! Я нашел одно-единственное финское слово “kuula” (пуля), которое, согласитесь, больше напоминает польско-украинское “ку́ля”! Что-то не похоже на “мощное влияние”…

А что касается “татаризации” русского языка, то да, Вы правы, в русском языке есть какое-то количество слов татарского происхождения. Но сколько их: десять, двадцать, сорок, пятьдесят? Возможно. А известно ли Вам, сколько татарских (вернее, тюрко-половецких) слов имеется в украинском языке? Если нет, то я Вам скажу: по приблизительным подсчетам того же филолога-любителя Георгия Майданова, их в украинском языке более двухсот. Вот примеры: курінь, куркуль, кавун, кош, килим, бугай, майдан, казан, кобза, козак, лелека, ненька, гаманець, тин, байрак, галаган, капщук, могорич, кохана… Слова эти выглядят такими родными, украинскими, не правда ли? Так что если мы зададимся целью проследить “татарский след” в наших языках, то начинать нужно скорее с украинского»[159].

Естественно, что наступление на русский язык не исчерпывается научными дискуссиями. Еще в начале 1990-х годов было запрещено преподавание на русском языке в высшей школе. В той же Российской Федерации есть еврейские, татарские, чувашские и прочие университеты, где преподавание ведется на соответствующих языках, а на Украине, где две трети населения говорят по-русски, получить высшее образование на родном языке запрещено.

В прессе мелькают заметки, что преподаватели запрещают студентам беседовать по-русски в коридорах вузов даже на личные темы. Нельзя в стенах института говорить на «чужой мове». Это пока относится ко Львову и другим «западенским» городам. А в Донецке, к примеру, за такое «щирый» доцент может и схлопотать от студента.

В Киеве и Львове число школ, где преподавание ведется на русском языке, сократилось во много раз. Где-то детей принудительно записывают в украинские школы, где-то родители боятся отдавать детей в русские школы.

Издевательства над русскими и их языком граничат с идиотизмом. В 1995 г. меня поразили двуязычные названия улиц в Киеве. Они были на украинском и на… английском языках.

В советское время на всех госучреждениях в Киеве были таблички с названиями на русском и на украинском языках и, соответственно, сделаны специальные ниши для табличек. Теперь в обеих нишах рядышком две идентичные таблички на «державной мове».

В 1995 г. на теплоходе «Ватченко», шедшем по Днепру, было 95 % русских туристов, а остальные – югославы, хорошо знавшие русский, и украинцы. Так вот путевая информация на теплоходе транслировалась на трех языках в строгой последовательности – на украинском, английском и русском. Причем не в записи, а «в прямом эфире». Гид часто в украинском тексте называла реку Днепром, испуганно осекалась и дважды скороговоркой повторяла: «Днипро! Днипро!»

Но ситуация в лучшую для самостийников сторону не изменилась. В мае 2011 г. мы с женой совершили круиз на теплоходе «Принцесс Днепра» по маршруту Киев – Одесса – Севастополь. Туристов поделили на группы, к каждой из которых был приставлен свой гид: итальянскую, испанскую, французскую, греческую, немецкую и самую многочисленную… русскоязычную (!) – порядка 30 туристов из России и столько же с Украины. Руководство турфирмы правильно просчитало, что у всех украинских туристов, включая детей, проблем с русским языком не будет, невзирая на 20 лет «языковой украинизации».

Но языковая украинизация лишь внешне представляется комедией. На самом деле это трагедия миллионов людей. Сейчас на Украине началась замена паспортов, при этом имена и фамилии принудительно украинизируются. К примеру, были вы Николаем Железняком, а стали Мыколой Зализником. В Крыму человеку с фамилией Пушкарь выдали паспорт с польским переводом Гармаш. Самостийники не щадят и мертвых. Матрос Кошка у них стал Кишкой, а адмирал Нахимов – Нахименкой и т. д.

Наконец, есть и физические жертвы языковой агрессии – больные старики. Сколько писем пенсионеров было отправлено властям или в СМИ Украины с просьбами в инструкциях по применению лекарств давать и русский перевод с «мовы». Предположим, старику стало плохо, но ни он, ни его старуха не могут понять перечень противопоказаний, написанный по-украински.

Самое интересное, что под названием «украинский язык» официальный Киев подразумевает старый Галицкий диалект, перенасыщенный полонизмами и англицизмами. Тот же Анатолий Железный писал: «в качестве “правильного” украинского языка преподносится неизвестный на Украине западный, сильнее всего ополяченный его вариант, на котором изъясняется украинская диаспора. К тому же именно сейчас в наших средствах массовой информации стало модным вводить все новые и новые полонизмы. С какой стати? Нас, что, хотят превратить в поляков? Хотят довести до конца процесс ополячивания, прерванный воссоединением с Россией?

…Следует также отметить, что множество полонизмов было введено в наш язык искусственно, умышленно, с единственной целью углубить разницу между украинским и русским языками. Из множества таких слов для примера возьмем одно: “гу́ма” (резина). Резина была создана в те времена, когда Украина давно уже вернулась в лоно единого общерусского государства, следовательно, новое, во всех отношениях полезное вещество и в русском, и в украинском языках должно было называться одним и тем же словом “резина”. Спрашивается, каким же образом резина стала называться по-украински точно так же, как и по-польски – гума (guma)? Ответ ясен: в результате целенаправленной, умышленной политики ополячивания под фальшивым названием “дерусификация”. Таких примеров есть немало…

Есть, правда, отдельные случаи, когда и хочется убрать какое-нибудь уж больно “по-москальски” звучащее слово, но и соответствующее польское не подходит. Вот два характерных примера. Для замены дерусификаторами “неправильного” слова аэропорт польское слово явно не подходит, так как звучит точно так же: aeroport. Пришлось выдумывать совершенно новое, небывалое слово “лэто́вище”. Или вот для украинской эстрады ранее общепринятое обозначение вокально-инструментального ансамбля словом “группа” (по-украински “група”) для дерусификаторов показалось неприемлемым. Но и польское аналогичное слово звучит слишком уж по-москальски – grupa. И вновь пришлось обходиться собственными ресурсами: применить скотоводческий термин “гурт” (стадо). Пусть, мол, новый термин и ассоциируется со стадом баранов, лишь бы он не был похож на русский! Кроме того, иначе чем безумным окарикатуриванием украинского языка трудно назвать навязываемую ныне новую транскрипцию многих собственных названий и имен: пустыня Сагара, пирамида Геопса, Шерлок Голмс, миссис Гадсон и т. п. Горькие плоды “дерусификации”!»[160].

Зато язык, на котором в XIX – начале XX века говорили селяне Киевской губернии (горожане-то говорили по-русски) с пренебрежением именуется «суржиком». Почему? Нетрудно догадаться. Суржик – это смесь русских и украинских слов. Суржик прекрасно понимают и русские, и украинцы. А это

бесит самостийников. На суржике запрещают говорить в школах и в госучреждениях. В СМИ регулярно публикуются призывы бойкотировать артистов, которые употребляют на сцене суржик.

1 июня 2004 г. на Украине состоялся грандиозный общественный суд над суржиком. Акция приурочена к Международному дню защиты детей и прошла в Киевском академическом молодом театре. Организатором выступила Ассоциация защиты украинской культуры «Український світанок».

Очередной всплеск украинской языковой войны состоялся в мае 2000 г. во Львове. Поводом стала пьяная драка в ночь на 9 мая у кафе «Цисарська кава». Пьяный композитор Игорь Билозир со своей компанией стал приставать к группе людей, сидевших за другим столиком и певших песни Розенбаума и Высоцкого. Билозир пытался заглушить их песнями на «мове». В кафе возникла потасовка, которую прервал прибывший наряд милиции.

Через некоторое время Билозир с компанией покинули кафе, но на улице возникла новая потасовка, в ходе которой Билозир при падении на асфальт получил тяжелую черепно-мозговую травму и через 20 дней умер во львовской больнице.

Такого рода эпизоды тысячами случаются и во Львове, и в Москве, и в Жмеринке и обычно не попадают даже в хронику городских происшествий. Как композитор Билозир был явно не звездой первой величины. О том, что он давно спился, открыто писали украинские газеты. Я же поискал информацию о Билозире в Интернете и нашел сотни статей, но во всех их говорилось только о смерти композитора. Я не нашел ни одного документа, где бы говорилось о его творчестве до 9 мая 2000 г.

Фашистские элементы во Львове используют пьяную драку как повод для антирусского шабаша. Билозира-де убили москали за его вклад в украинскую культуру. Увы, предполагаемыми участниками драки оказались старший лейтенант Воронин, служивший в военной контрразведке при штабе Западного оперативного командования, и местный бизнесмен Калинин. К тому же Воронин был сыном начальника львовской полиции. Как видим, на роль «агентов Москвы» оба явно не тянули.

Но куда там…

Начались погромы магазинов и палаток, где торговали русские продавцы. В лучшем случае на стены клеились листовки «Осторожно! Московский яд! Русификация!» Пытались громить даже железнодорожные кассы, где продавались билеты в Россию.

Депутаты Львовского областного совета быстро приняли резолюцию о запрете песен на русском языке на предприятиях общественного питания, улицах, средствах транспорта и т. д. Но по зрелому размышлению решили замаскировать русофобию и запретили петь «непристойные» песни на иностранных языках. Ну, представляете, идет по Львову патруль и прислушивается – в кафе поют непристойную песню на испанском языке, а в ресторане напротив – по-чувашски. Оба заведения платят большой штраф. Ну, смех сквозь слезы. А еще самостийники обижаются, когда над ними все смеются.

На похоронах Билозира фашисты несли лозунги «Чемодан – вокзал – Россия», «Москалей на виселицу», «Смерть москалям». А ведь таких лозунгов не было даже в Третьем рейхе, по крайней мере, с 1933 г. по июнь 1941 г.

Одна из старейших националистических газет Галиции «За свободную Украину» публикует написанное в день похорон Билозира стихотворение некоего Василия Щеглюка «Вместо реквиема». Приведу лишь две последних строфы (оригинал, естественно, на украинском, перевод дословный):

Москаль еще сеет мор и смерть,

И свой матерный «язык»

(кавычки почему-то именно здесь)

Но уже звучат небесные трубы

И боевой слышится клич.

В песнях воскресли измордованные,

Никто еще нас не расколол.

Ветры разносят возмущенные слова:

Палачам – не жить! Кровь – за кровь!

(2 июня 2000 года)

То же издание публикует резолюцию «веча» участников похорон. «Заявляем: уничтожение украинцев-патриотов в независимой Украине… это продолжение шовинистической политики России, которая уничтожила Симона Петлюру, Евгена Коновальца, Степана Бандеру… и других украинских лидеров… Причиной разгула терроризма является то, что оккупанты еще не выселены с наших земель… Терпению настал конец!»

И далее: «Требуем:…Выселения из Львовщины оккупантов и в первую очередь всех кагебистов, разведчиков, военных российской имперской армии и других антиукраинцев. Запрещения трансляции через национальные телерадиоканалы русскоязычных передач, фильмов и других антиукраинских программ… Провести городской референдум по вопросам: а) выселения оккупантов с территории Львовской области (участие в референдуме могут принять исключительно украинцы); б) увольнения из Службы безопасности Украины, милиции, прокуратуры, украинской армии всех неукраинцев, которые… не владеют украинским языком, а также лиц, чьи родители пришли к нам как оккупанты». Разумеется, не забыли потребовать и запрета во Львове русской музыки, а одновременно – денежной компенсации от России.

Боюсь, что кто-то из читателей решит, что я сгущаю краски, по опыту зная о хорошем отношении украинцев к русским. Святая правда. Девяносто процентов украинцев (по происхождению, а не по гражданству) доброжелательно относятся к русским.

Это признал и самостийник Орест Субтельный, говоря о Рухе: «Основная сфера его влияния ограничивалась Западной Украиной и киевской интеллигенцией»[161]. Вот они-то и есть русофобы.

Я часто вспоминаю, как нас – туристов с теплохода – повезли в плавни под Херсоном и там, в маленькой деревеньке на одном из островов среди плавней русские туристы и украинские местные жители после принятия изрядной дозы самодельной горилки пели русские и украинские песни, и никто никого не перебивал и не спорил. У меня нет слуха, и я очень редко пою, но там я с огромным удовольствием пел «Распрягайте, хлопцы, кони…» и т. д. И русским, и украинцам тогда в плавнях неясно было лишь одно – как они оказались в разных государствах?

Говоря о фашиствующих самостийниках, которые призывают к депортации русского населения с Украины, нельзя не сказать и об их пособниках в Москве, окопавшихся на Воробьевых горах в здании исторического факультета МГУ. Они по-прежнему пишут монографии и вещают с кафедр об украинском народе и Украине применительно к XV–XIX векам, а иногда даже и к XIII–XIV векам. А ведь мы уже знаем, что таких понятий как «Украина» и «украинцы» не знали ни Даниил Галицкий, ни Богдан Хмельницкий, ни Ярёма Вишневецкий – воевода русский. Украинцами ни разу не называли себя запорожские казаки.

Представьте на секунду, что профессор Сорбонны написал бы, что в I веке до н. э. итальянская армия под командованием Юлия Цезаря вторглась во Францию и осадила французский город Алезию. Естественно, вся Европа закатилась бы хохотом, а сей профессор оказался бы в лучшем случае безработным, а в худшем – пациентом психбольницы. Неужели нашим мэтрам не ясно, что Пушкин не мог приехать в Ленинград, Февральская революция не могла случиться в Петербурге, а немцы в 1941 г. не могли блокировать Петроград?

Соответственно, территории, входящие ныне в состав Украины, в X – XVI веках назывались Русью, позже – Литовской Русью, а в XVII–XIX веках – Малой Россией. И только с 1917 г. допустимо название Украина. Так что русские и есть самое коренное население Украины.

Глава 14. Подкарпатье – осколок Древней Руси

Сейчас в России мало кто знает о русинах – небольшом народе в Закарпатье (иногда называемом Подкарпатьем), где любят Россию, русскую культуру и считают себя русскими, а по-местному – русинами. Закарпатье оказалось реликтом, осколком Древней Руси!

Племена восточных славян с незапамятных времен населяли Закарпатье. В середине IX века Закарпатье вошло в состав Великоморавского государства. В 60—70-х годах IX века большая часть закарпатцев приняла крещение от Византии. Видимо, в этом лично участвовали братья Кирилл и Мефодий.

В связи с ослаблением Великоморавской державы Закарпатье на несколько десятилетий попало под протекторат Древнерусского государства. А в 896 г. в Закарпатье впервые вторглись племена венгров. Как гласит венгерская хроника второй половины XII века, венгры разбили войско славянского князя Лабореца и овладели его столицей – городом Ужгородом. По некоторым сведениям, первоначально Ужгород назвался Унгоград по названию реки Унг, что по-славянски означает «быстрая». Позже название Унг трансформировалось в Уг, а затем – в Уж.

Во времена владычества венгерских королей население Закарпатья оставалось славянским и именовало себя русскими. В 1393 г. из Подолии в Закарпатье прибыл князь Федор Корианович с русской дружиной. Он был изгнан из Великого княжества Литовского Витовтом и поступил на службу к венгерскому королю, который дал Федору во владение Унгоград с окрестностями.

В 1526 г. (после битвы при Могаче) Западная Венгрия вместе с Угорской Русью отошла под власть Австрии. В 1614 г. начинается и по 1649 г. продолжается отчаянная борьба православных карпатороссов против попыток унии. Первое время униаты просто изгонялись ими, однако в 1649 г. 63 священника-русина подписали документ об унии с Римом, после чего подтвердились обструкции со стороны народа. Карпаторусское национальное движение сразу же активизировалось при малейших послаблениях австрийской ассимиляторской политики. (Вена считала, что русины будут противостоять польскому влиянию.)

Так, как только императрица Мария-Терезия разрешила преподавать в униатских семинариях на русском языке и произносить проповеди по-русски, сразу же начали свою просветительскую деятельность знаменитые карпаторусские «будители» – Иван Орлай (1770–1829), Михаил Балудянский (1764–1847), Петр Лодий (1764–1829), Юрий Гуца-Венелин (1802–1839) и др. Из-за австрийских репрессий, учиненных императором Леопольдом II, эти «будители» переселились в Россию. Лодий стал ректором Санкт-Петербургского университета, Балудянский – воспитателем великого князя (будущего императора Александра I). Орлай – доктор философии Кёнигсбергского университета, почетный член Российской Академии наук, действительный член общества Истории и Древностей Российских – важен для нас как первый карпаторусский историк. Его статья «История о карпато-россах, или о переселении россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся» («Северный вестник», 1804 г.) стала национальным катехизисом подкарпатских русинов.

После распада Австро-Венгерской империи Подкарпатская Русь была присоединена к Чехословацкой республике согласно международному договору, подписанному 10 сентября 1919 г. в Сен-Жермене Великой Антантой и присоединившимися к ней державами, с одной стороны, и представителями Чехословацкой республики – с другой. От имени Чехословакии договор был подписан доктором Бенешем, ставшим потом президентом страны.

Сен-Жерменским договором Подкарпатской Руси была гарантирована «полнейшая степень самоуправления, совместимая с понятием единства Чехословакии» (статья 10). Подкарпатской Руси должен был быть предоставлен свой собственный законодательный сейм (в ведение которого должны были входить все вопросы, касающиеся языка, школы и вероисповеданий, местной администрации, и все другие вопросы, определенные законами чехословацкого государства) и автономное правительство, ответственное перед сеймом (статья 11). Во главе администрации должен был быть губернатор, назначаемый президентом республики и ответственный перед карпаторусским сеймом (статья 11). Чиновники в Подкарпатской Руси должны назначаться, по возможности, из местного населения (статья 12). Сен-Жерменский договор гарантировал Подкарпатской Руси право быть соответствующе представленной в чехословацком парламенте (статья 14). Контроль за выполнением Договора вменялся Лиге Наций (статья 14).

Все эти установления были проигнорированы Чехословакией. Вопреки договору русинские территории были разделены между субъектами федерации: их часть (так называемая Пряшевская Русь с 250

тысячами карпатороссов) была присоединена к Словакии. Никакого сейма создано не было. На руководящие должности в администрации назначались чехи. Чехословацкое правительство начало проводить искусственную украинизацию Карпатской Руси, видя в этом средство для отсрочки предоставления автономии и ослабления национально-культурного единства карпатороссов.

Правительство специально выписывало и командировало в Закарпатье галицийских самостийников. Вплоть до 1937 г. было запрещено преподавание в школах на русском языке. Самостийники имели в Чехословакии три учебных заведения, финансируемые правительством, русины – ни одного. Галицкие самостийнические издательства, культурные общества также финансировались за счет государства, в то время как, к примеру, профессор Г. Ю. Геровский, авторитетнейший карпаторусский лингвист, находился в 1936 г. под домашним арестом.

Невзирая на систематическую двадцатилетнюю политику насильственной украинизации, осуществлявшейся силами чешского правительства, римско-католической церкви, социал-демократов и коммунистов, результаты украинизации к 1938 г. оказались ничтожными. Из восьми депутатов и сенаторов, представлявших русинов в чехословацком парламенте, семеро были русские патриоты, и только один, избранный чешскими и мадьярскими избирателями, считал себя украинцем. На Пряшевской Руси, переданной Словакии, все население голосовало за депутатов-русофилов. «Украинцы» даже не осмеливались выдвигать своих кандидатов. А на референдуме, проведенном на Подкарпатской Руси в 1938 г., 76 % опрошенных высказались за русский литературный язык как язык официальный, язык преподавания и т. д.

1938–1939 гг. перед лицом германской угрозы Чехословакия пошла на уступки – в мае 1938 г. была провозглашена автономия Подкарпатской Руси, а в октябре того же года создано первое автономное правительство Подкарпатской Руси.

Однако 14 марта 1939 г. в Закарпатье с разрешения Гитлера вошли венгерские войска. По свидетельству карпаторусского общественно-политического деятеля Михаила Прокопа: «Венгерские власти желали ликвидировать в самый короткий срок не только русский литературный язык, но и весь русский народ, живущий на южных склонах Карпатских гор, превратив его в мадьярский. И при этом они совершенно чистосердечно удивлялись тому сопротивлению, какое оказывал их планам русский народ… Разрушались памятники Пушкину, Добрянскому, Митраку, сжигались русские городские, сельские и общественные библиотеки, уничтожали русскую кооперацию… Русская молодежь протестовала. Мадьярские жандармы и полицаи брали учеников гимназий с уроков и избивали их… В конце 1939 г. Польша была разделена между Германией и СССР. На Подкарпатской Руси питали немалые иллюзии относительно СССР. Особенно молодежь начала вести себя по отношению к мадьярским властям вызывающе».

В 1941–1943 гг. созданные архимандритом Алексием Кабалюком «православные комитеты», охватившие всю Подкарпатскую Русь, стали выдвигать требования о присоединении к СССР. Архимандрит Алексий был убежденным приверженцем идеи национального единства карпатороссов с русским народом и присоединения Подкарпатской Руси к России.

В 1944 г. он становится инициатором и вдохновителем Православного съезда, который состоялся 18 ноября 1944 г. в Мукачево. Его делегатами были 23 православных священника, известные ученые и общественные деятели Георгий Геровский и Петр Линтур. Съезд принял обращение к Сталину, которое подписали: игумен Феофан Сабов, заместитель епископа и администратор Мукачевско-Пряшевской епархии и другие.

В этом послании говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся представители православных общин Карпатской Руси, выражая волю всего православного русского народа, просим включить Карпатскую Украину (Карпатскую Русь) в состав СССР в форме: Карпаторусская Советская Республика. Желания и мечты наших предков были всегда, чтобы наша область за Карпатами, заселенная русинами, т. е. Руси сынами, возвратилась в лоно Великой Руси. Но наши поработители всегда тому препятствовали. Таким образом, мы целые столетия оставались в германо-венгерском рабстве вплоть до 1919 года. В 1919 году на мирной конференции наша область, именуемая Карпатская Русь, согласно Сен-Жерменскому договору, на автономных правах была присоединена к Чехословацкой республике. Уже тогда нашу область признали Карпатской Русью, ибо здесь живет искони русское племя. Сам народ именует себя “карпаторусс”, “русин”, т. е. “Руси-сын”, “вера русска”, “жена русска”, “мама русска” и т. д. С названием “Украина” наш народ был познакомлен только под чешским владычеством, после Первой

мировой войны, и то интеллигенцией, пришедшей из Галичины. Этих галичан само чешское правительство призвало в Карпатскую Русь и их идеологию, за все время существования Чешской Республики, серьезно финансировало.

Очень интересно, что галицкие украинствующие сепаратисты избивали карпаторусское население и его интеллигенцию и говорили: “Кацапи, маскали, вам мисто у Москви, у вашего Сталина”. Мадяре при избиении нас тоже говорили: “Муско, комуништо, иди в Москву к твоему Сталину”. Карпаторусский народ с великим терпением и болью сердца переносил все это, ожидая своего спасения именно от Москвы…

Наш народ-русин – Руси-сын. Наши матери не рождали нерусских сыновей. Наша русскость не моложе Карпат… Только тем и можно объяснить эту несказанную радость при встрече русской Красной армии. Но эта радость молниеносно была убита в нашем народе вестью, что наша Карпатская Русь, под названием ЗАКАРПАТСКАЯ УКРАИНА, войдет в состав Чехословацкой Республики. Оказывается, что мечты наших предков остались только мечтами и для нас. Но, наученные горьким опытом, мы решительно заявляем, что политическая, экономическая, культурная и социальная жизнь нашего народа может успешно развиваться только в пределах великого, родного нам Советского Союза, и ни в коем случае не в каком-либо чужом государстве. Чаша нашего терпения переполнена: довольно играли нами наши недруги, бросая нас из рук в руки.

ВОЛЯ КАРПАТОРУССКОГО НАШЕГО НАРОДА: ХОТИМ РАЗ И НАВСЕГДА СВЯЗАТЬ СВОЮ СУДЬБУ С СУДЬБОЮ НАШИХ СОПЛЕМЕННИКОВ В СССР и определить нам Карпаторусскую Советскую Республику от Ясиня до Попрада и от Ужка до Доброчина (Дебрецена). Выражая великую радость и глубокую благодарность по поводу освобождения Великому вождю и освободителю всего славянства и Европы товарищу Маршалу Сталину и Красной Армии, мы просим принять Карпатскую Русь в состав Советского Союза.

В Мукачеве дня 18 ноября 1944 года».

Православный съезд принял решение направить свою представительную делегацию в Москву для решения всех вопросов, в нее вошли все подписанты письма к Сталину. Днем раньше в Мукачеве состоялось общее собрание делегатов местных комитетов – «о воссоединении Закарпатской Руси с великим братским русским народом».

Увы, Сталин не оценил чувства русинов и решил записать их в украинцы. Что послужило причиной такого решения, сейчас сказать трудно. То ли неверно понятые геополитические интересы России, то ли пропахший нафталином ленинский «пролетарский интернационализм»…

В итоге 25 июня 1945 г. СССР и Чехословакия подписали договор «О Закарпатской Украине» (без какого-либо участия присоединяемого государства), согласно которому Закарпатская Украина присоединялась к СССР. Не успели стороны обменяться грамотами, как 22 января 1946 г. Президиум Верховного Совета Украины принял постановление «Об образовании Закарпатской области в составе УССР». Таким образом, суверенная русинская республика с президентом и органом законодательной власти – Народной Радой – без всякого волеизъявления народа была ликвидирована и присоединена к Советской Украине как обыкновенная область.

Как, иронизируя, писал один из карпаторусских эмигрантов: «Папский Рим построил фундамент для украинского сепаратизма, а товарищ Сталин закончил дело Рима… Советское правительство создало украинскую державу при помощи лиц, поддавшихся галицкой папской украинской пропаганде, или авантюристов, стремившихся сделать карьеру на украинской авантюре или в особенности таких, которые опасались восстановления какого-либо небольшевистского порядка, и по этой причине ненавидели Россию.

Окончательная заслуга создания Советской Незалежной Украины принадлежит тов. Сталину, во времена “царствования” которого была окончательно сформирована Советская Украина. Итак, хай жіве товарищ Сталин и хай жіве святейший Лев XIII. Их портреты заслужили себе место в самом центре будущего украинского пантеона»[162].

Всем известен подарок Хрущева Советской Украине – Крым, но почему-то забыли о другом подарке той же Советской Украине, сделанном Сталиным, – о Закарпатье.

В XX веке в Закарпатье шла упорная борьба за духовную свободу. Согласно Сен-Жерменскому договору, церковные отношения регламентировались карпаторусским правительством. Огромную роль в невыполнении Чехословакией Сен-Жерменского договора сыграла чешская римско-католическая клерикальная партия «Лидова Страна», возглавляемая кардиналом Шрамеком, и римско-католическая партия патера Тиссо, примкнувшая затем к Гитлеру. Шрамек поддерживал Масарика, а затем Бенеша – лидеров Чехословакии при условии, что правительство будет подавлять Православную церковь и не предоставит автономию Подкарпатской Руси.

Склеенная насильно греко-католическая конфессия при ослаблении государственной поддержки начинала разваливаться. Даже массовые австро-венгерские репрессии не смогли остановить процесс перехода русинов в православие. Православные христиане мадьярской части Австро-Венгерской империи находились в юрисдикции Сербской православной церкви. В 1920-е годы Сербия стала «второй Россией». Эта славянская держава приютила и армию генерала Врангеля, и Высшее Церковное Управление Русской православной церкви за границей.

Самую братскую поддержку оказала Сербская церковь и Карпатской Руси – туда был направлен епископ Нишский Досифей: после многих веков поуподпольного существования православной церкви это был первый легальный православный епископ в Подкарпатской Руси. В 1921 г., как только Досифей прибыл на Карпаты, сотни тысяч человек покинуло унию и вернулось в православие. Опорой Досифея стал архимандрит Виталий (Максименко – бывший начальник типографии Почаевской лавры, знаменитый миссионер и лидер правых русских партий).

Чешское правительство поддерживало унию, пыталось спровоцировать раскол в православной церкви. Константинопольский патриарх Мелетий (Метаксакис) – сторонник «реформации», поддержавший советских обновленцев в борьбе с патриархом Тихоном, пытался подчинить себе в 1928 г. всех православных христиан Чехословакии, поставив туда своего архиепископа Савватия. Однако авторитет епископа Досифея, архиепископов Алексия (Кабалюка) и Виталия (Максименко), солидарность карпатороссов и поддержка Сербии позволили нейтрализовать эти действия.

7 декабря 1944 г. православная делегация закарпатцев в Москве была принята патриархом Алексием. 26 декабря в газете «Закарпатская правда» было помещено интервью с членом делегации отцом Феофаном.

Он сказал: «До настоящего времени мы подчинялись Сербскому Священному Синоду, который нас серьезно поддерживал, от всей души, и с развитием Русской Православной Церкви в Закарпатской Украине принято решение о присоединении к Советской Украине, что подразумевает, что Церковь тоже должна перейти к Московскому Священному Синоду. Мы решительно против присоединения нашей территории к Украинской ССР. Мы не хотим быть чехами, ни украинцами, мы хотим быть русскими (русинами) и свою землю желаем видеть автономной, но в пределах Советской России».

Как жилось закарпатцам в УССР при советской власти? Да так же, как приднепровцам в Молдавской ССР, армянам в Карабахе и абхазам в Грузинской ССР. Были неприятные моменты украинизации, но на Киев, как и на Баку и Тбилиси, всегда находилась управа в Москве. Зато усилиями всего Союза в Закарпатье были построены десятки заводов, особенно электронной промышленности, крупное мебельное производство.

Когда началась перестройка, Рух не играл особой роли в Закарпатье. Осенью 1991 г. Закарпатье посетил Леонид Кравчук. Он сулил русинам «златые горы», если они проголосуют за незалежность Украины, и даже обещал автономию для Закарпатья.

В результате в ходе референдума 1 декабря 1991 года 92 % избирателей проголосовали за независимость Украины, но при этом 78 % высказались за автономию Закарпатья в составе Украины.

Как утверждает доктор философских наук, профессор, народный депутат Украины Иван Иванович Мигович, волеизъявление людей было грубо проигнорировано.

В 1921 г. из 604,5 тыс. человек русинами (или русскими) себя идентифицировало 62 % населения; украинцами – чуть более 1 %. Однако спустя четверть века при вхождении Закарпатья в состав Украинской ССР вопрос этнической принадлежности русинов был решен чисто административным методом: не по своей воле все они стали украинцами. И уже тогда власти Украины изъяли особый

русинский язык из сферы образования, информации, официального делопроизводства. Но, несмотря на это, еще и сегодня большинство русинов общаются на языке своих отцов и дедов, на языке, который отличается от украинского, ничем ему не уступая в литературном отношении.

Более того, языковед, историк Николай Грицак составил словарь, который, к сожалению, до сих пор не издан; словарь из 240 тысяч русинских слов, и доныне употребляемых в крае. Это, кстати, почти в два раза превышает лексический состав украинского литературного языка!

Официальные филологи навязывают мнение, что это, мол, диалект украинского. Нет, русинский язык представляет собой уникальную ветвь, исходящую от старославянского, некогда официального языка Древней Руси. В русинском языке огромный массив старославянских слов. И несмотря на то что многие стали уже архаизмами, они по-прежнему воспринимаются людьми.

Обострение русинской проблемы имеет много причин, и одна из них это – социально-экономический кризис региона. Развалена промышленность, жалкое существование влачит сельское хозяйство, массовая безработица, неконтролируемые миграционные процессы. Сейчас большая часть населения Закарпатья не имеет постоянной работы! Раньше была единая страна, единое гражданство; ты был полноценным человеком, мог поехать на Урал, в Сибирь, получить достойную работу. Теперь этого нет. Ну а в Европе к «заробітчанам» относятся, как к людям третьего сорта.

Следующая причина – приватизация. Самые выгодные предприятия, отрасли захватили более предприимчивые соседи из Галиции или киевские дельцы. Крайне негативную для Закарпатья роль в этом процессе сыграли Медведчук и Суркис. Будучи народными депутатами, они сумели прибрать к рукам и минеральные воды, и мебельные предприятия – все лакомые кусочки. Сегодня Медведчук открещивается, говорит, что у него нет своих структур. Но не секрет, как это делалось через подставных лиц. И кто представляет там его интересы? А хозяйственники, руководители-патриоты края, оказались не у дел.

Далее – насилие в культуре, которое началось с 1990-х годов, оголтелая украинизация, десанты из Львова, разрушение памятников… Все это чуждо закарпатцам; они люди культурные, толерантные, они не воспринимают эту дикость.

Сейчас в Закарпатье около 800 тысяч русинов. По сведениям протоиерея Дмитрия Сидора, на 1300 тысяч всех жителей Закарпатской области приходится свыше миллиона христиан, из которых 65 % православных Украинской православной церкви Московского патриархата, 20 % – греко-католиков, примерно 2 % – римо-католиков и остальные – протестанты и последователи автокефальных церквей.

Ну а что балакают по поводу русинов «щирые» украинцы? В Интернете и прессе распространяются заявления профессора Ужгородского университета Михаила Тиводора: «Закарпатская Украина, которая была политически оторвана от основного украинского этнического массива, выжила, потому что определяла свое этническое сознание как русское (русские люди, русский язык, русская вера и т. п.), то есть используя современную терминологию – украинское сознание».

Браво, пан профессор! Только об этом надо говорить не в Ужгороде, а в Киеве на майдане Незалежности (бывшем Козьем болоте). Действительно, всегда были «русские люди, русский язык, русская вера и т. п.», но язык здорово засорили своими словами ляхи, турки и татары, а в XX веке Грушевский с Кагановичем ввели «современную терминологию» – «украинские люди», «украинский язык», «украинская вера» и т. п.

Ранее же термин «Украина» был только краевым топонимом, которым называли граничащие с Диким Полем средненадднепрянско-восточноподольские земли – казацкие территории. Он и означал, собственно, «граница», а не «окраина» или «страна», о чем детально писал еще Михаил Грушевский.

Между прочим, до XIV века междуречье Волги и Оки называли на Руси «Залесская Украина», и населяли ее славяне вятичи и кривичи, финоязычные народы меря, мещёра, мурома.

А как быть с «амурскими украинами» царя Алексея Михайловича, часто упоминавшимися в казацких челобитных XVII века?

В середине XIX века в записанной на Черниговщине песне кобзаря Андрея Шута «Хмельницкий и Василий Молдавский» говорится: «Що ж то в нас гетьман Хмельницький, русин».

Глава 15. Национализм по-белорусски

В настоящее время российские СМИ, говоря о Белоруссии, уже практически забыли о проблемах создания союзного государства Россия – Белоруссия, а акцентируют внимание на трениях экономического характера между обоими государствами и борьбе президента Лукашенко с оппозицией.

К сожалению, национализм и русофобия белорусской оппозиции остаются в тени и практически неизвестны широкому читателю.

Начну с элементарных вещей. Кто является титульной нацией в Республике Беларусь? Согласно переписи, проведенной 17 января 1979 г., в Белоруссии проживало 9 532 тыс. человек. Из них белорусов было 79,4 %, русских 11,9 %, поляков 4,2 %, украинцев 2,4 % и евреев 1,4 %[163].

Как это всё считалось – я не знаю. Но я три раза в 1989–1991 гг. по несколько дней бывал в командировках в городе Гродно (на границе с Польшей) и там слышал русскую и польскую речь, но ни разу не слышал белорусской мовы. В 2009 и 2010 годах, путешествуя по Беларуси, в том числе и по Западной Беларуси, я также ни разу нигде не слышал пресловутой мовы. Другой вопрос, что многие из собеседников несколько иначе произносили русские слова. Мало того, я там много раз слышал по радио и телевидению выступления многих националистически настроенных белорусских депутатов, но они все говорили по-русски. Наконец, в одном из узкоспециальных военных изданий я прочел, что в 1990-х годах лишь 5 % призывников могли свободно разговаривать по-белорусски. Поэтому понять, откуда в Белоруссии взялось 80 % белорусов, невозможно.

Зато с конца 1980-х годов часть националистов начала утверждать, что такой нации, как белорусы, вообще нет. А на самом деле там проживают… литвины (?!). А белорусами литвинов назвала Екатерина Великая, и с того времени начались «обознатушки-перепрятушки».

Эти новоявленные историки ссылаются на то, что в XV–XVII веках в Московском государстве выходцев из Великого княжества Литовского периодически именовали литвинами. А поскольку белорусы считают себя наследниками Великого княжества Литовского, то, соответственно, они – литвины.

При этом одна группка националистов считает, что литвины и литовцы – два разных народа, а другая – что литвины и литовцы – один народ, но литвины ославянились, литовцы же так и остались литовцами. Третьи утверждают, что в Беларуси сейчас живут литвины – особый народ, и белорусы – это примазавшиеся к литвинам русские, которых давно пора отправить в Россию вместе с их батькой Лукашенко.

Между тем ни в русских, ни в польских источниках никогда не встречается в одном месте два термина – «литовцы» и «литвины», которые тогда считались синонимами. Для жителей же Великого княжества Владимирского, а затем Московского литвины, литовцы, а также «литва поганая» обозначали не народ, а подданных великий князей литовских.

Большие проблемы у националистов возникают с языком. По мнению ряда «авторитетных историков», литвины с незапамятных времен разговаривали на «древнебелорусском языке», который у них позже украли русские.

Вот, например, любопытный перл:

«По мнению академика Е. Ф. Карского, высказанного еще в начале XX века, беларуский этнос составлял около 80 % населения ВКЛ. Соответственно, представители данного этноса говорили на своем собственном языке, существенно отличавшемся от русского языка»[164].

Любопытно, а как насчет остальных 20 %? Ведь этнические литовцы, а также жители городов Торопец, Смоленск, Вязьма, Белев, Карачев, Брянск и многих других русских городов, входивших в состав Великого княжества Литовского, численно превышали 20 % от общего числа подданных Гедиминовичей. А куда делись тогда украинцы? Или они тоже литвины?

Кстати, в историко-этнографическом справочнике «Народы мира» (Москва, Советская Энциклопедия, 1988 г.) говорится, что на территории Полесья существуют субэтнические группы литвинов и

полещуков. Причем литвины проживали исключительно на территории УССР, а полещуки – как в БССР, так и в УССР. Подчеркиваю: речь идет об очень малых – субэтнических – группах населения.

Большие проблемы возникают у нынешних белорусских историков с тем, кого из исторических деятелей IX–XIII веков считать белорусами. Вот перед мной энциклопедический справочник «Асветнікі зямлі Бєларускай X – пачатак

XX ст.» (Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2001), то есть «Просветители земли Белорусской». Кто же там оказывается среди просветителей? Несколько великих литовских князей. Причем им даны белорусские имена, например, Ольгерд – Альгерд, Гедимин – Гедзимин и т. п. Польские короли Александр, Казимир IV, Сигизмунды I и II и т. д. Представители польских аристократических фамилий: Огинские, Радзивиллы, М. М. Пржевальский, Адам Мицкевич, Тадеуш Костюшко и т. д. Каким-то боком в «асветнікі» затесался князь Андрей Курбский и Румянцау Микалай Пятрович. Поди догадайся, что последний – это министр иностранных дел России граф Николай Петрович Румянцев.

Еще раз повторяю: бредовую идею о литвинах выдвигает не правительство Беларуси, не белорусский народ, а несколько десятков человек, равно ненавидящих как русских, так и белорусов. Однако эта группка чересчур криклива: западные спонсоры дают им деньги на издание десятков книг и на время в телеэфире.

Но белорусских националистов не удовлетворяют «открытия» в области истории и этнографии, они решили взяться и за географию, а конкретно считают, что границы республик проведены совсем не так по всему их периметру.

Что же касается границ БССР, равно как и всех других республик, то проводились они по воле советских вождей почти по глобусу.

Так, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Н. К. Пономаренко писал, что при обсуждении судьбы территорий, отнятых у Польши осенью 1939 г. Первый секретарь ЦК Компартии Украины Н. С. Хрущев внес в ЦК свое предложение о границе между УССР и БССР: «…граница между западными областями должна была пройти значительно севернее естественной общепринятой этнографической границы, причем настолько севернее, что города Брест, Пружаны, Столин, Пинск, Лунинец и Кобрин, а также большая часть Беловежской Пущи отходили к Украине. С этим никак нельзя было согласиться…»[165]

Пономаренко, естественно, предпочел, чтобы эти территории отошли к БССР. 22 ноября 1939 г. этот вопрос рассматривался в Кремле в приемной Сталина. Там Пономаренко сказал, что «мы предлагаем границу в соответствии с этнографическим составом населения, и что граница, по нашему мнению, должна пройти южнее Пинска, Лунинца, Кобрина, Барановичей и Бреста, а посему эти города и Беловежская Пуща должны остаться в составе Советской Белоруссии…

Хрущев рассвирепел и со злостью стал кричать: “Ага, вы ученым не верите, вы что, больше других знаете? Да что вы знаете? А слышали ли вы о том, что, начиная со средних веков, на территориях, которые вы хотите включить в состав Белоруссии, жили и продолжают жить украинцы, что Наливайко, Богдан Хмельницкий и другие включали население этих территорий в свои войска, что исторические книги вовсе не упоминают в связи с этими районами о белорусах”…

В этот момент нас позвали к Сталину.

Он сидел в кабинете один. После нашего приветствия он ответил: “Здорово, гетманы, ну, как с границей? Вы еще не передрались? Не начали еще войну из-за границ? Не сосредоточили войска? Или договорились мирно?”

Потом Сталин предложил нам сесть и доложить свои варианты. Хрущев и я вытащили тексты предложений и схемы. Первым докладывал Никита Сергеевич. Он развернул на столе схемы, но, излагая содержание своего проекта, ни разу не сослался на них.

Сталин выслушал, поднялся, принес свою карту и попросил Хрущева показать на схеме, как пройдет граница.

После моего выступления и ответа на ряд вопросов Сталин твердо заявил: “Граница, которую предлагает товарищ Хрущев, совершенно неприемлема. Она ничем не может быть обусловлена. Ее не поймет общественное мнение. Невозможно сколько-нибудь серьезно говорить о том, что Брест и Беловежская Пуща являются украинскими районами. Если принять такую границу, то западные области Белоруссии по существу исчезают. И это была бы плохая национальная политика”.

Потом, обращаясь к Хрущеву, чтобы несколько смягчить свое заявление, он заметил: “Скажите прямо, выдвигая эти предложения, вы, наверное, имели в виду другое: вам хотелось бы получить лес, его на Украине ведь не так много?”

На это Хрущев ответил: “Да, товарищ Сталин, все дело в лесе, которым так богато Полесье, а у нас леса мало”.

“Это другое дело, – заметил Сталин, – это можно учесть. Белорусы предлагают правильную, обоснованную границу. Объективность их варианта подчеркивается, в частности, и тем фактом, что они сами предлагают район Камень-Каширска отнести к Украине. Мы утвердили границу, в основном совпадающую с проектом товарища Пономаренко, но с некоторой поправкой в соответствии с желанием украинцев получить немного леса”.

Он взял карту и прочертил линию границы, почти совпадающую с нашими предложениями. Только в одном месте сделал на зеленом массиве карты небольшой выгиб к северу и сказал: “Путь этот район отойдет к Украине”.

Хрущев выразил свое согласие»[166].

Лично я не уверен, что Пономаренко в 1978 г. абсолютно точно помнил события сорокалетней давности, но любопытна общая обстановка и мотивация принятия решений о границах советских республик.

А вот еще интересная цитата из книги Н. А. Зеньковича: «В октябре 1939 года правительство СССР передало Литве Виленский край с городом Вильно. После образования Литовской ССР он стал столицей новой союзной республики. Кроме того, ей были переданы в ноябре 1940 года из состава БССР три района – Гадутишковский, Паречский и Свентянский – с преимущественно литовским населением.

Вильно в 1921–1939 годах было политическим и культурным центром Западной Белоруссии, ее неофициальной столицей. Там работали белорусские гимназия и музей, редакции газет и журналов, культурно-просветительские организации.

После присоединения Западной Белоруссии в 1939 году в Вильно начали выходить газета “Виленская правда” – как и в других белорусских областных центрах. Предполагалось, что Вильно войдет в состав БССР. Но не тут-то было.

Виленский край с населением 457 тысяч человек был передан Литве. Нарком иностранных дел В. Молотов отметил тогда: “Мы знаем, что большинство населения этой территории не литовское. Но историческое прошлое и стремления литовского народа тесно связаны с городом Вильно, и правительство СССР сочло необходимым уважить эти моральные факторы”.

И снова пострадали прежде всего белорусы. Литовская пропаганда утверждала, что они не белорусы, а “потерянные литвины”, что им нужно лишь сменить фамилии, добавив “ас”, “ис” или “ус”. После окончания Второй мировой войны в Вильно были закрыты белорусская гимназия, белорусский Музей имени И. Лучкевича, начала выходить газета “Червоны штандар” на польском языке. Белорусам-католикам вбивалось в головы, что они самые настоящие поляки. Менялась белорусская топонимика: Медники стали называться Мединкай, Свентяны – Швенченис и т. д.»[167].

В августе 1944 г. возник вопрос о создании Полоцкой области с центром в городе Полоцке и включении ее в состав РСФСР. У Зеньковича приводится пересказ историка Г. Куманева версии Пономарева. Цитирую: «Тут Маленков заметил:

– Пономаренко возражает против передачи Полоцкой области в состав РСФСР.

– Почему? Вы считаете Полоцк исконным белорусским городом? – спросил Сталин, обращаясь ко мне.

Сдерживая, как всякий раз, внутреннее волнение, но внешне спокойно, я стал излагать продуманные мной мотивы. Прежде всего подчеркнул, что Полоцк принято считать старинным белорусским городом.

Но это можно оспаривать, поскольку Полоцк существовал задолго до того времени, когда в силу исторических причин от одного могучего ствола, именовавшегося Русью, пошли три ветви: русская, украинская и белорусская. Следовательно, когда Полоцк называют старинным русским городом – это тоже правильно. Крайность в этих толкованиях отдает либо национализмом, либо великодержавным шовинизмом. Однако во все времена исторического существования Белоруссии Полоцк был в ее составе, включая и 25 лет существования Советской Белоруссии…

– Из Полоцка, – добавил я, – происходят многие другие виднейшие деятели культуры Белоруссии, в том числе немало известных современных писателей.

Это важное, хотя тоже не главное обстоятельство.

– Когда же вы скажете главное? – спросил, улыбаясь, Сталин.

– Главное, по-моему, – сказа я в заключение, – состоит в следующем… Тяжелейшие жертвы на фронтах, в партизанской и подпольной борьбе понес и белорусский народ. И вот к окончанию войны Белоруссия территориально и по населению сокращается за счет отхода ряда районов и г. Полоцка к РСФСР. Мне кажется, что это не будет народом понято и многих обидит. Тем более что это будет ассоциироваться с тем, что на западе Белостокская область и часть Беловежской Пущи, как известно, могут отойти к Польше…

Сталин нахмурился, наступила тягостная пауза, все молчали и ожидали его решения. Наконец он поднялся, медленно прошел туда и обратно вдоль стола, потом остановился и сказал:

– Хорошо, покончим с этим вопросом. Полоцкую область надо образовать, но в составе Белоруссии. Народ хороший и обижать его, действительно, не следует»[168].

Обратим внимание, что вот так, без учета мнения специалистов, без обсуждения в СМИ, я уж не говорю о референдумах или каких-либо опросах населения, регулярно производились изменения границ советских республик.

Но стоит ли особенно осуждать Сталина, Хрущева, Пономаренко и других партийных боссов? Ведь речь шла исключительно об административных границах, которые мало затрагивали интересы населения. У меня, к примеру, есть дача в Московской области, но чтобы туда попасть, я дважды пересекаю границу Владимирской области. И делаю это без всякого дискомфорта, без пограничных и таможенных проверок. Так же я до 1991 г. пересекал границы Украины и Белоруссии. Но вот отделится Владимирская область, и быть мне без моих милых шести соток.

Естественно, превращение административных границ в государственные всегда приводило к конфликтам и даже войнам. Этим пользуются белорусские националисты и предъявляют территориальные претензии по всему периметру белорусской границы – к России, Литве и Украине. Так, например, официальный лидер парламентской оппозиции Зенон Позняк до эмиграции в США в органе Верховного Совета Республики Беларусь «Народной газете» ставил вопрос о возвращении в состав Белоруссии Смоленской, Псковской, Брянской областей, Вильнюса, Белостока и других территорий[169].

Комментировать мотивацию территориальных претензий националистов просто скучно. Естественно, что соединение Белоруссии и России могло бы решить и территориальные споры между народами, равно как и улучшить их уровень жизни, а также повысить безопасность от внешней угрозы. Но, увы, процесс сближения идет очень медленно и вяло. Хочется надеяться, что наши внуки будут все-таки жить в едином государстве.

Раздел V. Крым

Глава 1. Крым между Москвой и Константинополем

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Со времен горбачевской перестройки лидеры крымских татар объявили себя «коренным населением Крыма» и теперь требуют особых льгот и привилегий для «коренных жителей».

Однако русские появились в Крыму еще за три века до татаро-монгольского нашествия. В 964–966 гг. киевский князь Святослав совершил большой поход на Волгу и в Хазарию. Как писал академик Б. А. Рыбаков: «…русские войска воевали в Волжской Болгарии, в земле Буртасов и в Хазарии, где взяли Итиль и древнюю столицу каганата – Семендер на Каспийском море. Затем были покорены народы Северного Кавказа – ясы (осетины) и касоги (адыгские племена). Поход был закончен на Таманском полуострове, который с этого времени стал русской Тмутараканью»[170].

Ряд историков считает, что русское Тмутараканьское княжество возникло не при Святославе, а при его сыне Владимире. Как бы то ни было, но в конце X века обе стороны Керченского пролива принадлежали киевским князьям. При этом русские князья опирались в Тмутараканьском княжестве не столько на свои гарнизоны, сколько на местное русское население.

Не лишены интереса и летописные сведения об осаде в 988 г. князем Владимиром Херсонеса, который удалось взять только с помощью его жителей, раскрывших русским секрет обороны города.

Князь Владимир посадил наместником в Тмутараканьском княжестве своего сына Мстислава. Считается, что развалины города Тмутаракани расположены у станции Тамань на Таманском полуострове. Там найдены остатки каменных стен и, по крайней мере, двух христианских храмов. Один из них – это церковь Богородицы, построенная в 1023 г. князем Мстиславом Владимировичем.

Точная граница Тмутараканьского княжества в Крыму составляет предмет спора современных историков. Вполне возможно, в его состав входили и земли за пределами Керченского полуострова. Так, на холме Тепсель близ современного поселка Планерное в Крыму археологи обнаружили славянское поселение XII–XIII веков. Отрытый на холме христианский храм по своему плану близок к храмам Киевской Руси[171].

15 июля 1015 г. князь Владимир Красное Солнышко скончался. Его многочисленные сыновья начинают большую усобицу[172]. Мстислав Тмутараканьский поначалу держит нейтралитет в войне. Но, разделавшись с другими братьями, Ярослав Мудрый в 1023 г. идет войной на Мстислава. В ходе кровопролитной битвы у города Листвена Мстислав наголову разбил дружину Ярослава, состоявшую в основном из варяжских наемников. В конце концов, братья разделили Русскую землю по Днепру, как хотел Мстислав. Он взял себе восточную сторону с главным столом в Чернигове, а Ярослав – западную сторону с Киевом. «И начали жить мирно, в братолюбстве, перестала усобица и мятеж, и была тишина великая в Земле», – говорит летописец.

В 1036 г. князь Мстислав Владимирович умер, не оставив наследника. Поэтому все его земли попали под власть брата Ярослава. Тмутараканьское княжество вошло в состав Черниговского княжества.

Последовавшая за смертью Ярослава Мудрого усобица не обошла и Тмутаракани, которая то становилась независимой, то вновь попадала под власть черниговских князей. После 1094 г. Тмутаракань в русских летописях не упоминается. Примерно в это время княжество было захвачено половцами.

Первый набег на Тавриду (Крым) татары совершили в 1223 г. в ходе похода темника Субэдэя против половцев. Тогда дело ограничилось разграблением Судака (Сугдеи).

При Батые татары произвели еще несколько набегов – в 1238-м, 1248-м и 1249 годах. В конце концов татары подчинили себе Судак, обложили его данью и посадили туда наместника. А в Солхате (Старый Крым) во второй половине XIII века обосновалась татарская администрация, город же татары переименовали в Кырым. В XIV веке название города Кырым перешло постепенно на весь полуостров Таврида. С конца XIII века происходит исламизация татарского населения Крыма.

Поначалу татарское влияние ограничивалось лишь Восточным Крымом, причем зависимость от татар не шла дальше выплаты дани, поскольку татары-кочевники еще были не в состоянии экономически господствовать в жизни края.

На юге полуострова по-прежнему существуют венецианские и генуэзские города-колонии, возникшие еще в начале XIII века в связи с захватом в 1204 г. Константинополя крестоносцами.

Между итальянцами и татарами неоднократно возникали конфликты, причем в большинстве случаев улусские эмиры терпели поражение. С одной стороны, прибрежные города-крепости были хорошо укреплены и могли получать подкрепление с моря, а с другой стороны, торговля с итальянцами приносила эмирам неплохие барыши, так зачем же резать курицу, несущую золотые яйца.

В 1292 г. между Венецией и Генуей началась семилетняя война, закончившаяся победой Генуи. В 1299 г. республики заключили «вечный мир», по которому единственным владельцем итальянских колоний в Крыму стала Генуя.

На Южном берегу Крыма татары впервые появились в 1299 г., когда орда хана Ногая[173] разрушила Херсонес. В начале XIV века татары постепенно начинают оседать в Крыму. В это время в восточном (около Судака) и юго-западном районах Крыма появляются первые феодальные поместья полуоседлой татарской знати – беев и мурз. И только в конце XVI века, а особенно в XVII–XVIII веках переход к оседлому земледелию у татар принял массовый характер. Процесс этот шел повсеместно как в Восточном, так и в Западном Крыму. В районе Бахчисарая еще на рубеже XIII–XIV веков возник татарский бейлик (вотчинное землевладение) бея из рода Яшлавских. Бейлик этот представлял собой полунезависимое княжество с центром в Кырк-ор (Чуфут-Кале).

В первой половине XV века Золотая Орда не только фактически, но и формально перестала быть единым государством, распавшись на отдельные ханства, где утвердились собственные династии. Среди отдельных ханств был и Крымский улус Золотой Орды.

Основатель династии Гиреев Хаджи-Девлет Гирей родился в 20-х годах XV века в литовском замке Троки, куда бежали его родственники в ходе ордынских усобиц.

Хаджи Гирей был не то сыном, не то внуком золотоордынского хана Таш-Тимура. Сам Таш-Тимур был прямым потомком Тукой-Тимура, тринадцатого сына хана Джучи и внука Чингисхана. Поэтому впоследствии Гиреи считали себя Чингизидами и претендовали на власть над всеми государствами, возникшими на развалинах Золотой Орды.

В Крыму Хаджи Гирей впервые появился в 1433 г. По мирному договору от 13 июля 1434 г. генуэзцы признали Хаджи Гирея крымским ханом. Однако через несколько месяцев ногайский хан Сейид-Ахмет выбил Гирея из Крыма. Гирей был вынужден бежать на «родину» в Литву. Там в 1443 г. он и был провозглашен крымским ханом. Затем при военной и финансовой поддержке великого литовского князя Казимира IV Гирей двинулся в Крым. Вновь став крымским ханом, Хаджи Гирей сделал своей столицей город Крым-Солхат. Но вскоре Сейид-Ахмет вновь изгнал Хаджи Гирея из Крыма. Окончательно Хаджи Гирей стал крымским ханом лишь в 1449 г.

В Крыму Хаджи Гирей основал новый город Бахчисарай («Дворец в садах»), ставший при его сыне Менгли Гирее новой столицей государства.

А между тем на другом краю Черного моря 29 мая 1453 г. турецкий султан Мехмед II взял Константинополь. Так окончательно пала Византия – наследница Римской империи. По приказу султана главный храм империи и всего православного мира – собор Святой Софии – был обращен в мечеть.

С момента своего восшествия на престол Мехмед II мечтал стать наследником Римской империи. Завоевания Константинополя материализовало его мечты.

Как уверял Мехмеда греческий историк Георгий Трапезундский: «Никто не сомневается, что вы являетесь императором римлян. Тот, кто законно владеет столицей империи, тот и есть император, а Константинополь есть столица Римской империи». Мехмед II одновременно объявил себя Римским императором, наследником Августа и Константина, и падишахом, что по-персидски означает «тень бога на земле».

При Иване III Русь окончательно свергла ордынское иго. И теперь Москва сумела ответить на идеологический вызов турецких султанов. Ведь султаны вполне серьезно считали себя повелителями всех мусульман, в том числе и в Крыму, Казани, Астрахани и даже в Касимове, под боком у Москвы. Бороться с идеологической агрессией только с помощью пушек было довольно бесперспективно, поэтому русские начали ответное идеологическое наступление под лозунгом «Москва – третий Рим».

В окончательном варианте этот тезис прозвучал в послании монаха псковского Елизарова монастыря Филофея в 1514 г. к великому князю Василию III. Следуя тезису о богоустановленном единстве всего христианского мира, Филофей доказывал, что первым мировым центром был Рим старый, за ним Рим новый – Константинополь, а в последнее время на их месте стал третий Рим – Москва. «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертого не бывать», – писал Филофей. Заметим, что Филофей знал, к кому обращаться. Мать Василия III София Палеолог была племянницей последнего византийского императора.

Итак, к концу XVI века две великие империи – Россия и Порта – еще не имея общей границы, стали великими антагонистами. Султан считал себя властелином миллионов русских подданных мусульман, а царь – защитником миллионов православных турецких подданных и владельцем константинопольской вотчины, которая по совместительству была султановой столицей.

Глава 2. Присоединение полуострова к России

По указаниям царей и генсеков наши ученые мужи обращались с отечественной историей как с публичной девкой. Но независимо от них в народной памяти всегда оставались самые важные события. Так, еще в середине XIX века самым страшным ругательством малороссийских крестьян было: «Чтоб тебя крымская сабля посекла!»

В советской исторической литературе истории Крыма с античных времен до XIII века посвящены десятки изданий, а по истории Крымского ханства не было издано ни единой книги до 1990 г. В изданиях же по русской истории авторы лишь вскользь касались Крымского ханства.

Это было связано как с депортацией крымских татар в 1944 г., так и с несоответствием истории ханства марксизму-ленинизму. Марксисты считали, что в Средние века существовало два класса – феодалы и крепостные крестьяне. Причем первые жили за счет непосильного труда вторых. Но Маркс утверждал это, имея в виду феодальные отношения в Западной Европе, а вот Ленин и К°, не мудрствуя лукаво, перенесли это положение на народы всего мира.

Когда говорят «феодализм», «капитализм», «социализм» и т. п., автоматически подразумевается, что основной способ производства – феодальный, капиталистический или, соответственно, социалистический. В Крымском же ханстве феодальный способ производства имел место, но он не приносил и половины валового дохода ханства. Основным же способом производства был грабеж соседей. Такой способ производства не описан Марксом по той простой причине, что подобных государств в Западной Европе в XIII–XIX веках вообще не было. Вот, к примеру, Швеция и Русь вели между собой почти два десятка больших и малых войн. В ходе боевых действий обе стороны жгли и грабили деревни, насиловали женщин, убивали мирных жителей. Но все это было побочными продуктами войны. Целью же войны было подписание мира, сопряженного с территориальными приобретениями, льготами в торговле и т. п. Средством достижения мира было уничтожение вооруженных сил неприятеля и взятие его крепостей. За несколькими годами войны между Швецией и Россией следовали лет 50 мира, а то и 100–200 лет. То же самое было и у других европейских государств, например, у Франции и Испании.

Крымские же татары совершали набеги на соседей практически ежегодно.

Они никогда не осаждали крепостей и вообще не стремились к генеральным сражениям с основными силами противника.

Их стратегическая и она же тактическая цель войны – награбить и благополучно увести награбленное. Регулярных войск крымские ханы практически не имели. Войско в поход собиралось из добровольцев. Как писал историк Д. И. Яровицкий: «Недостатков в таких охотниках между татарами никогда не было, что зависело главным образом от трех причин: бедности татар, отвращения их к тяжелому физическому труду и фанатической ненависти к христианам, на которых они смотрели, как на собак, достойных всяческого презрения и беспощадного истребления»[174].

Историк Скальковский подсчитал, что общее число татар в XVIII веке в Крыму и ногайских степях составляло 560 тысяч человек обоего пола или 280 тысяч человек мужского пола. Историк Всеволод Коховский полагал, что крымский хан для больших походов в христианские земли поднимал почти треть всего мужского населения своей страны.

А в середине XVI века Девлет Гирей вел с собой на Русь и по 120 тысяч человек. Таким образом, в разбоях участвовали не крымские феодалы, как утверждали советские историки, а собственно все без исключения мужское население Крыма. Это, кстати, подтверждают запорожские и донские казаки, нападавшие на Крым во время походов хана на Россию. В Крыму они видели очень мало мужчин, кроме, разумеется, десятков тысяч рабов, угнанных из Московского государства, Малороссии, Польши и других стран.

Между прочим, Маркс и Энгельс не стеснялись называть крымских татар разбойниками. Но вот наши отечественные марксисты так и не решились выговорить это слово ни при Ленине, ни при Сталине, ни при Хрущеве.

Впервые в союз с турками вступил крымский хан Хаджи Гирей в 1454 г., всего через несколько месяцев после падения Константинополя. В июне 1456 г. была проведена первая совместная турецко-татарская операция против генуэзцев в Кафе (современная Феодосия). Эта акция закончилась подписанием мирного договора, согласно которому генуэзцы стали платить дань туркам и татарам.

А в мае 1475 г. турецкая эскадра под командованием верховного визиря Кедука-паши высадила десант в Кафинском заливе. С берега десант поддерживали татарские отряды Менгли Гирея. На пятый день Кафа пала. Город стали называть по-турецки – Кефе. Он стал главным опорным пунктом Турции в Крыму. Турецкие войска разгромили и заняли княжество Феодоро и все города южного побережья Крыма. С генуэзским присутствием в Крыму было покончено. Затем турки захватили Таманский полуостров.

Весной 1484 г. объединенные войска султана Баязида II и крымского хана Менгли Гирея напали на Польшу. 14 июля 1484 г. они захватили важнейший порт в устье Дуная – крепость Килию, 4 августа заняли Аккерман (современный Белгород-Днестровский) – крепость в устье Днестра. Теперь Турция и Крымское ханство владели всем побережьем Черного моря от устья Дуная до устья Днестра. Во всех завоеванных городах были оставлены большие турецкие гарнизоны. Крымские татары на захваченных землях образовали свое государство – Буджицкую Орду.

23 марта 1489 г. Польша подписала мирный договор, по которому Турция оставляла за собой захваченные земли в Северном Причерноморье.

Таким образом, в конце XV века Турции удалось закрепиться в Крыму и Северном Причерноморье. Крымское ханство на 300 лет стало вассалом Турции. Большинству отечественных историков зависимость Крымского ханства от Оттоманской империи представлялась минимальной. Кстати, также думали беи и простые татары. Дело в том, что интересы Турции и Крымского ханства в подавляющем большинстве вопросов совпадали. Фактически ханство находилось на длинном, но жестком поводке Константинополя. Султан был религиозным главой крымских мусульман. Многие члены семьи Гиреев постоянно жили в Турции, и у султана всегда было в запасе несколько претендентов на ханский престол. Для ханства Константинополь являлся фактически единственным окном в мир. Турция была единственным скупщиком захваченных татарами пленных и награбленного имущества (если не считать выкупа за пленников). И, наконец, Турция была «крышей» разбойничьей конторы Гирей и К°. Не будь Оттоманской империи, Россия и Речь Посполитая, поодиночке или объединившись, сумели бы покончить с этой «конторой» еще в XVI веке или, по крайней мере, в XVII веке.

Все это накрепко привязало Бахчисарай к Константинополю, куда крепче, чем, к примеру, Алжир или Египет, которые формально были частями Оттоманской империи.

Крымские татары стали на три века страшным бедствием для Московского государства и Польши.

В первой половине XVI века, как и раньше, Крымское ханство было неспособно само обеспечить себя продовольствием. Ханы абсолютно не заботились о развитии экономики ханства, видя источник существования государства и своего обогащения в грабеже других народов и в войнах.

Когда турецкий султан однажды запретил крымскому хану Мухаммеду Гирею I (1513–1523) нападать на дружественные ему тогда государства, тот цинично спросил сюзерена: «Не велишь поити на московского и волошского [князей], чем быть [тогда] сыту и одету?»

Не менее страдало от набегов и Московское государство. Так, в 1521 г. хан Мухаммед Гирей подошел к Москве и раскинул стан на Воробьевых горах. Московские бояре и царевич Петр вступили в

переговоры с Гиреем. Оказавшись в сложном положении, Василий III был вынужден подписать унизительный мирный договор – формально признать зависимость Московского государства от крымского хана и платить ему дань «по уставу древних времен», то есть так, как платили ханам Золотой Орды.

По людским потерям поход Мухаммеда Гирея был сопоставим с батыевым нашествием. Хан похвалялся, что взял у московского государя 800 тысяч пленников.

Весной 1572 г. хан Девлет Гирей I собрал 120-тысячную орду и двинулся на Русь.

Иван Грозный поспешил уехать «по делам» в Александровскую слободу, а оттуда – в Ростов. При этом в походе хана он обвинил «изменников бояр», назвавших татар.

24 мая хан подошел к Москве. В предместьях города завязался бой, и татары сумели поджечь окраины Москвы. Был сильный ветер и жара, и за три часа пожар истребил громаду сухих деревянных строений. Уцелел только Кремль. По сведениям иностранцев, в огне погибло до 800 тысяч человек. Данные эти, видимо, преувеличены, но не следует забывать, что в Москву, спасаясь от татар, сбежало много народу из окрестностей. По русским данным, людей погорело бесчисленное множество. Митрополит с духовенством просидели в соборной церкви Успения. Первый боярин, князь Иван Дмитриевич Бельский, задохнулся на своем дворе в каменном погребе. Других князей, княгинь, боярынь и всяких людей кто перечтет? Москва-река мертвых не пронесла: специально были поставлены люди спускать трупы вниз по реке. Хоронили только тех, у кого были родственники или знакомые.

Ликвидировать угрозу Центральной России можно было, только заняв Крым. В январе 1769 г. 70-тысячная орда хана Крым Гирея вторглась в русские пределы. Это был последний набег татар на Русь. Екатерина Великая приказала занять Крым Второй армии, командующим которой был назначен князь Василий Михайлович Долгоруков.

Сосредоточение войск на Днепровской линии закончилось к концу мая. 27 мая Сивашский отряд двинулся к Геническу, а главный корпус 9 июня начал движение к Перекопу. 12 июня он вышел к крепости Орь, а в это время Сивашский отряд начал погрузку на корабли Азовской флотилии вице-адмирала А. Н. Сенявина.

Укрепления Перекопа защищало 50 тысяч татар и 7 тысяч турок под начальством крымского хана Селим Гирея III.

Разделив свой корпус на семь колонн, Долгоруков в ночь с 13 на 14 июня начал штурм Перекопской линии. К 15 июня Перекопская линия пала, а гарнизон крепости Орь капитулировал. Так же успешно действовал Сивашский отряд, который высадился на косе 17 июня, а в ночь на 18 июня штурмом овладел крепостью Арабат. Действия войск прикрывались с моря эскадрой Сенявина.

После разгрома татарских войск на Перекопе Селим Гирей бежал в Румелию, поручив защиту Крыма командующему турецкой армией Ибрагиму-паше. Последний предлагал сначала защищаться в Карасубазаре, но затем отошел к Кафе, надеясь на прибытие подкреплений из Константинополя.

29 июня основные силы Долгорукова подошли к Кафе и начали бомбардировку ее укреплений. Стоявшие на рейде турецкие корабли после обстрела русской артиллерией ушли в море.

Русские войска стремительно атаковали Кафу, и комендант отдал приказ сдать крепость.

Узнав о взятии Кафы, турки, находившиеся в Керчи, поспешили отплыть на кораблях в Константинополь. Русские войска без боя заняли Керчь и Еникале.

22 июня отдельным отрядом генерала Брауна был взят Козлов (Евпатория). Вскоре русские войска заняли восточный и южный берега Крыма, включая Судак, Ялту, Балаклаву и Ахтиар.

Быстрое продвижение русских войск в Крыму в известной степени было обусловлено раздорами среди татар. Так, еще до начала похода Долгорукова, едисанцы, бубжаки и джамбулуки (орды, кочевавшие в Северном Причерноморье) объявили себя сторонниками России. В худшем случае они держали нейтралитет. Естественно, что тут не обошлось без подкупа. Только едисанской орде Екатерина отстегнула 14 тысяч рублей, якобы за обиды, чинимые орде запорожцами.

В самом Крыму после бегства Селим Гирея царило безвластие. Несмотря на продолжение боевых действий, с конца июня крымская верхушка находилась в переписке со штабом Долгорукова. Фактически с конца июля большая часть крымских татар согласилась на перемирие.

28 июля к Долгорукову прибыли два знатных татарина с вестью об избрании в Карасубазаре нового хана – Сагиба Гирея II. Посланные от имени всего общества ручались за верность избранных как не имеющих никакой привязанности к Порте, от которой вовсе отторглись, что подтвердили клятвой перед целым обществом, с Русскою же империей вступили в вечную дружбу и неразрывный союз под высочайшую протекцию и ручательство императрицы.

Долгоруков потребовал от нового хана немедленного освобождения русских и вообще христианских рабов. «Чтобы не возбудить негодования черни», татарские мурзы и духовенство решили платить владельцам за отпущенных рабов-христиан: за мужчину – 100 левков, за женщину – 150 левков. Как видим, даже «чернь» в Крыму была рабовладельцами. Вот еще одно доказательство неприменимости марксистских теорий к крымским татарам. Посредством такого выкупа в армию приведено было мужчин и женщин 1200 человек. Многие солдаты, особенно из поселенных гусарских и пикинерских полков, нашли среди них своих жен и детей.

Но как только между рабами пронеслась весть, что их освобождают, те не стали дожидаться определенного для выкупа срока и бросились бежать к русским. Таких беглецов в августе месяце 1769 г. при армии было уже до 9 тысяч душ. По уговору с крымцами русский главнокомандующий велел поднять кресты на двенадцати греческих церквях в Кафе и снабдить их колоколами. Также по всем городам и селам начали восстанавливать греческие церкви.

Нетрудно догадаться, насколько «приятными» оказались сии «новшества» для татар. Немедленно же начались столкновения с новым ханом. Князь Долгоруков уведомил Сагиб Гирея, что в крымских крепостях останутся русские гарнизоны для защиты от турок и что крымцы должны доставлять этим гарнизонам топливо.

10 июля 1774 г. Россия и Турция подписали Кючук-Кайнарджийский мир. Этот договор привел Крым в метастабильное положение. Формально Крымское ханство было объявлено независимым. Но турецкий султан по-прежнему был духовным главой татар. Крымский хан, вступающий на престол, должен был быть утвержден султаном. Профиль султана по-прежнему чеканился на крымских монетах. За него продолжали молиться во всех мечетях.

С другой стороны, в нескольких районах Крыма остались русские войска, а из Петербурга в Крым не пересыхал золотой ручеек, заканчивавшийся в бездонных кошельках татарских мурз. Естественно, что в Крыму образовались две враждующие между собой партии: русская, стоявшая за дружбу с Петербургом, и турецкая, призывавшая татар вернуться в подданство Турции.

В апреле 1783 г. Екатерина II издала манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу». В нем говорилось: «В прошедшую с Портой Оттоманскую войну, когда силы и победы оружия Нашего давали нам полное право оставить в пользу Нашу Крым, в руках наших бывший, Мы сим и другими пространными завоеваниями жертвовали тогда возобновлению доброго согласия и дружбы с Портою Оттоманскую, преобразив на тот конец народы татарские в область вольную и независимую, чтобы удалить навсегда случаи и способы к распрям и остуде, происходившим часто между Россиею и Портою в прежнем татар состоянии… Но ныне… по долгу предлежащего нам попечения о благе и величии Отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством, навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир между империями Российскою и Оттоманскою заключенный, который мы навсегда сохранить искреннее желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков Наших, решилися Мы взять под державу Нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону».

Екатерина блестяще закончила дело Дмитрия Донского, Ивана III и Ивана Грозного. Екатерина писала, что по приобретении Крыма «исчезает страх от татар, которых Бахмут, Украйна и Елисаветград поныне еще помнят».

За прошедшие 200 лет нашлось немало историков, как за рубежом, так и у нас, осуждавших Екатерину Великую за «захват Крыма и лишение татар независимости».

Не будем напоминать, как в XVIII и XIX веках Англия и Франция захватывали территории в Африке и Азии, не будем вспоминать истребление индейцев в Америке. Скажем лишь, что даже по меркам современной морали и права Екатерина поступила вполне лояльно с татарами, принесшими столько горя Руси.

Григорий Потемкин в ордере командующему русскими войсками в Крыму генералу де Бальмену от 4 июля 1783 г. указал: «Воля ее императорского величества есть, чтобы все войска, пребывающие в Крымском полуострове, обращались с жителями дружелюбно, не чиня отнюдь обид, чему подавать пример имеют начальники и полковые командиры».

Великая императрица была и великой конформисткой. Она без лишней огласки, даже не спросив мнения русского дворянства, дала все дворянские права всем татарским мурзам. Позже русские историки XIX века острили, что в первые годы после присоединения Крыма дворянство давалось каждому, кто носил саблю на боку и орал, что он «балшой человек».

Мало того, многие из татар были поставлены военными и гражданскими чиновниками. Так, Метша бей Ширинский был временно назначен областным предводителем дворянства и получил чин коллежского советника (чин VI класса, соответствовавший военному званию полковника).

Согласно «Очерку военной службы крымских татар с 1783 по 1899 г.» татарского историка Измаила Мурзы Муфтийзаде, опубликованному в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» № 30, 1899 г.: «В январе 1787 г. были произведены в Крыму первые дворянские выборы, на которые съехались со всего Крыма до ста мурз, и закрытыми шарами были избраны:

Уездными предводителями дворянства:

Симферопольским – Абдувели ага Топечокракский.

Феодосийским – майор Атай мурза Ширинский (владелец д. Учкуй).

Перекопским – Уссин бей Мансурский.

Евпаторийским – Арсланша мурза Ширинский.

Уездными судьями:

Симферопольским – Черкес Мегмед ага.

Феодосийским – Мамбет мурза Ширинский.

Перекопским – Мердимша мурза Мансурский.

Евпаторийским – Батыр ага (владелец д. Кабач)

Уездными исправниками:

Симферопольским – капитан Болат бей.

Феодосийским – Темирша мурза.

Перекопским – Сеит Ибрам ага Тащи-оглу.

Евпаторийским – капитан Абдураман ага Мамайский.

Все места депутатов, заседателей как дворянских опек, так и верхних и нижних земских судов, были замещены молодыми мурзами с чинами. Перечень их имен считаю лишним помещать здесь, но позволю себе упомянуть, что до 1840 года большинство выборных мест по Крыму было занято мурзами».

Екатерина II отменила для крымских татар рекрутские наборы, распространенные на все губернии, заселенные этническими славянами. С другой стороны, для всех татар, желавших добровольно служить в русской армии, согласно указу военной коллегии от 1 марта 1784 г., было создано Национальное татарское войско в составе 5 дивизионов.

Могли ли о таком мечтать русские крестьяне? Причем замечу, что даже для старших офицеров из татар не требовалось перехода в православие. До 1917 г. в русской армии постоянно служило несколько генералов мусульманского вероисповедания.

Риторический вопрос, мог ли какой-либо западноевропейский монарх, в той же Англии и Франции, в конце XVIII века дать дворянство и чины вождям и знати племен на вновь присоединенных территориях, например, арабам, готентотам, бушменам и др.?

Наконец, крымским татарам было оставлено собственное судопроизводство. Им предоставлялось право разбирать взаимные тяжбы у улемов. Мусульманское духовенство навсегда освобождалось от уплаты податей.

Итак, татары в Крыму получили те же права, что и остальные жители империи, но были избавлены от рекрутских наборов и ряда других тягот. Никто не покушался на их веру, на их скот, на их земли. Но у них отняли самое главное их право – грабить соседей и торговать рабами. Этого они никогда не простят русским.

Татарские историки при всем желании не могут припомнить каких-либо притеснений, а не то что расправ со стороны русских с 1783 г. по 1853 г. Но вот 31 августа 1854 г. англо-французский флот появился у Евпаторийского побережья. Сразу после высадки первого небольшого отряда в Евпатории английские офицеры увидели с пристани 350 татарских телег и несколько сотен лошадей. Видимо, кто-то заранее организовал сбор транспортных средств. Затем татары стали ежедневно пригонять в район Евпатории десятки, а то и сотни лошадей и телег.

В то время не было специальных десантных кораблей, и высадившиеся союзные войска имели крайний недостаток в лошадях и повозках для обоза. Именно благодаря помощи татар союзная армия сумела обогнуть с юга Севастополь и получила отличные места стоянки для боевых кораблей и транспортов почти рядом с Севастополем.

В ходе всей Крымской войны вооруженные татарские отряды, точнее банды, не представляли непосредственной угрозы для наших регулярных войск. Однако татары вместе с десантными отрядами союзников сильно нервировали русское командование, которое чувствовало себя в Крыму как в осажденной со всех сторон крепости.

Татары терроризировали русское население почти во всех частях Крыма, вне расположения наших войск. Уже 5 сентября 1854 г. к имению помещика Ракова у деревни Майрык приехали татары из деревни Тузлы и заявили, что «посланы англичанами забирать у русских помещиков весь скот; но когда им ответили, что скота не дадут, то они сказали, что скоро прибудут другие подобные им и разделаются иначе»[175].

Из отчета губернатору евпаторийского исправника графа Мамуна: «Некоторые из татар в угождение неприятелю приняли на себя обязанность за условное вознаграждение выдавать чиновников в руки неприятеля, разыскивая их по уезду…

3 сентября Евпаторийский уездный судья Стойкович с делами уездного суда отправился в Перекоп. Ночью с 4 на 5 сентября в д. Бейбулат госпожи Фесенковой, где он остановился с семейством, произошло нападение взбунтовавшихся татар, причем дела и книги уездного суда были разбиты и почти уничтожены. Сам Стойкович был избит, взят в плен и увезен в Евпаторию…

2 сентября татары задержали в Кара-Чора-Молда дворянского заседателя Комаровского и не пустили в Перекоп под угрозой смерти. Вооруженные ружьями, они разъезжали в большом числе по всем дорогам и говорили, что поступили на службу к своему султану»[176].

Комаровского татары отвезли в Евпаторию, занятую союзниками. Там он узнал, что «уездный судья Стойкович взят татарами в плен и отвезен в Евпаторию, что имение его разграблено, постройки разрушены, и находившиеся там дела уездного суда уничтожены».

Комаровскому удалось спрятать от татар часть денег, и в Евпатории он дал взятку в 60 рублей какому-то турецкому чиновнику, представлявшему «новую власть». Турок велел освободить Комаровского, и через несколько часов тот оказался под защитой эскадрона русских улан.

В губернаторском отчете за сентябрь – октябрь 1854 г. говорится о грабежах «имений русских помещиков и нападения буйными толпами на проезжающих до самого Армянского Базара… Большое имение генеральши Поповой Караджа в Евпаторийском уезде было совершенно разграблено татарами. Они отняли весь рогатый скот, овец, лошадей, забрали весь хлеб урожая двух лет, смолоченный в амбарах и немолоченный в скирдах, разорили виноградный и фруктовый сад, рыбный завод, разграбили имущество, мебель, серебро. Убытку было сделано свыше чем на 17 000 р. 4 сентября было разграблено татарами имение Аджи-Байчи, а владелец Весинский с братом отведены в Евпатории»[177].

Обратим внимание, данных о нападениях на военных нет, татары нападали лишь на мирных граждан.

«Исполняющий должность ялтинского уездного стряпчего Щербак 17 сентября доносил прокурору, что производство дел в ялтинских присутственных местах приостановилось, в присутствии никто не бывает и многие чиновники выехали из города после того, как неприятель взял Балаклаву и Байдары. “Слухи носятся, что тамошние татары начали заниматься грабежом, а 16 сентября доставлен в Ялту из Байдарского поста раненный татарами донской казак». Прокурор, со своей стороны, доносил министру юстиции, что, «как видно из поступающих сведений, некоторые из крымских татар в местах, занятых неприятелем, поступают предательски, доставляя во враждебный стан на своих подводах фураж, пригоняя туда для продовольствия стада овец и рогатого скота, похищаемые насильственно в помещичьих экономиях, указывают неприятелю местности, предаются грабежу и вооруженной рукой противоборствуют нашим казакам”»[178].

Выведенный из себя бесчинствами татар император Николай I приказал всех «подозрительных» татар выслать на жительство в Курскую или иную губернии. Однако смерть императора и успехи союзников помешали провести это мероприятие в полном объеме. В Курск было выслано около 100 татар, в екатеринославскую тюрьму отправлено 78 татар и т. д.

Император Александр II в связи с окончанием войны приказал амнистировать всех татар, участвовавших в нападениях на русские войска и гражданских лиц в Крыму.

Глава 3. Гражданская война

Получив известие о Февральской революции в Петрограде, крымские татары приступили к созданию параллельных органов власти. 25 марта 1917 г. в Симферополе в торжественной обстановке открылся съезд мусульман Крыма. На съезде был создан Крымский мусульманский исполнительный комитет (КМИК), в состав которого вошли Челеби Челебиев (избран также комиссаром духовного правления и Таврическим муфтием), Джафар Сайдамет, А. Озенбашлы, С. Меметов и другие, в основном члены национальных татарских партий крайне левого, и к тому же сепаратистского, направления.

Между тем на Крымский полуостров стала претендовать и Центральная Рада. Собственно украинского населения на полуострове проживало немного, но среди части матросов и солдат, призванных из малороссийских губерний, распространялись националистические настроения.

8 августа в Севастополе было созвано собрание украинцев – солдат, матросов, офицеров и рабочих. На собрании было принято постановление, в которой говорилось, что «в случае какого-либо насилия над Центральной Радой они все, как один человек, с оружием в руках выступят на ее защиту». Собрание также потребовало учредить при штабе командующего Черноморским флотом должность Генерального комиссара по украинским делам.

В октябре 1917 г. в Севастополь прибыл «украинский» комиссар флота капитан 2 ранга Е. Н. Акимов, вывесивший над своей резиденцией флаг Центральной Рады. Украинский войсковой комитет прямо агитировал за полную «украинизацию» Черноморского флота и передачу его Украине на правах собственности. Этой пропаганде в ноябре поддались экипажи линкоров «Воля», «Евстафий», «Борец за свободу», крейсера «Память Меркурия», эсминцев «Завидный», «Звонкий» и нескольких других судов. В ответ на решение большинства команды крейсера вместо Андреевского поднять 12 ноября флаг Украины «великороссы и несочувствующие подъему украинского флага» решили покинуть корабль. Судовой комитет просил Исполком Совета назначить на крейсер матросов-украинцев взамен ушедших, но Совет и Центрофлот отвергли эти домогательства.

Иностранец, приехавший в Севастополь осенью 1917 г., решил бы, что в бухту вошли флоты как минимум четырех стран: «Одни корабли еще стояли под Андреевскими флагами, другие под красными, третьи подняли “жовто-блакитные” самостийной Украины, четвертые – черные флаги анархистов».

С 8 по 15 сентября в Киеве проходил съезд народов России. Фактически это было сборище сепаратистов, требовавших разорвать Россию на куски. Собралось 92 делегата, среди которых были и представители Крыма. Руководитель группы крымских татар А. Озенбашлы выступил с докладом по вопросу о национально-государственном устройстве. Он подтвердил позицию Милли-фирки, что «Крым должен быть субъектом Российской Федеративной республики». Центральная Рада подтвердила право крымских татар строить свою государственность на полуострове.

В течение весны 1917 г. почти во всех крымских городах и частях расквартированной в Крыму 38-й запасной пехотной бригады были созданы национальные мусульманские комитеты – филиалы Крымского мусульманского исполнительного комитета.

18 мая 1917 г. КМИК и организованный в его составе военный комитет, возглавляемый подполковником 32-го запасного пехотного полка Алиевым, постановил создать из солдат – крымских татар отдельные воинские части и перевести в Крым запасной эскадрон Крымского конного полка, подчинив его КМИКу.

38-я запасная пехотная бригада, состоявшая из 32-го, 33-го и 34-го полков, бригадной школы прапорщиков, находившейся в Симферополе, 35-го полка, расквартированного в Феодосии, и ряда других более мелких подразделений, насчитывала более 20 тысяч солдат-запасников из Таврической губернии и Украины. Крымские татары составляли в этой бригаде довольно большой процент.

В июле 1917 г. большинство татар из 38-й бригады вышли из повиновения командования. Они заняли под казармы Татарскую учительскую школу и ряд других зданий в Симферополе. Татарские подразделения демонстративно маршировали по городу. Любопытно, что Керенский сообщил по телефону Крымскому мусульманскому военному комитету, что он ничего не имеет против формирования татарских частей.

В Севастополе татар обывателей практически не было, но, тем не менее, 8 июня на собрании матросов и солдат – мусульман был создан «Мусульманский военный комитет».

С 6 по 19 октября 1917 г. в Севастополе в здании Морского собрания прошел 1-й общечерноморский съезд военных моряков. Всего было 88 делегатов, из них 27 левых эсеров, 22 большевика, 17 украинских эсеров, 16 беспартийных и 6 социал-демократов. По первому вопросу о власти приняли резолюцию: «I черноморский съезд признает II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и его решения вполне правомочными, считает вновь избранный ЦК Всероссийского съезда Советов единственным представителем власти».

По решению съезда 19 ноября все суда Черноморского флота спустили Андреевские, черные и «жовто-блакитные» флаги и на следующий день подняли только красные.

Между тем Центральная Рада по-прежнему считала Крым своей территорией. В ноябре 1917 г. генеральный комиссар Украины по внутренним делам В. К. Винниченко объявил бывшие органы Временного правительства на полуострове подчиненными Центральной Раде, а 1 ноября для контроля над Черноморским флотом создается Генеральная Рада по морским делам.

В Киеве на заседании «генерального секретариата» было официально заявлено: «Морской секретариат должен руководить Черноморским флотом, который будет охранять берег Украинской республики и тех держав, которые имеют с нею границу по берегу Черного моря. Содержание флота должны взять на себя все те державы, интересы которых он охраняет. Для этой цели достаточно двух броненосцев и флотилии миноносцев с командой 10–12 тыс. матросов. Прочие корабли демобилизовать и перевести в государственный торговый флот, развитие которого находится в ближайших интересах Украинской республики»[179].

29 декабря 1917 г. Центральная Рада принимает универсал, по которому Черноморский флот объявляется флотом УНР, все военные и транспортные корабли обязаны поднять флаги республики. Генеральному секретариату международных дел поручалось довести содержание документа до сведения всех государств.

26 января (8 февраля) 1918 г. красные взяли Киев, а руководство рады бежало на Волынь – сначала в Житомир, а затем в Сарны. Любопытно, что перед бегством эти персонажи провозгласили независимость Украины. По сему поводу в Севастополь была отправлена директива: «Предупреждаем организации и начальников украинского флота в Севастополе, что все сношения с представителями чужеземных держав, как с Россией, так и с другими, будут преследоваться отныне как государственная измена»[180].

Но из далекого Киева, а тем более с Волыни Центральная Рада могла лишь слать универсалы в Крым. Зато татары собрали 26 ноября 1917 г. курултай, который объявил себя учредительным собранием Крыма и даже сформировал Национальное правительство, более известное под именем Директории (не путать с украинской Директорией).

Татарское правительство возглавил Ч. Челебиев, а директором по военным и внешним делам стал Джафер Сайдамет. 21–22 декабря все части Крымской конной бригады и полк «Уриет», согласно приказу Крымского штаба № 6, в торжественной обстановке были приведены к присяге «на защиту основных законов Курултая».

У татар не было командующего войсками, который был бы военным специалистом и имел хоть какой-то политический вес. Посему они предложили принять начальство над татарским воинством… барону П. Н. Врангелю. Собственно, ничего удивительного в этом не было. Объявил же себя другой немецкий барон Унгерн монгольским ханом, наследником Чингисхана, так почему бы генерал-майору фон Врангелю не стать наследником Гиреев? Однако Петр Николаевич благоразумно отказался. Далее он выждал несколько месяцев, а затем вступил в Добровольческую армию.

В 20-х числах декабря 1917 г. татарские подразделения начали разоружать все войска, находившиеся на полуострове и не подчинившиеся Курултаю.

Татарские отряды 23 декабря вошли в Евпаторию и после короткой перестрелки разоружили находившиеся там части, в том числе Киевскую школу летчиков-наблюдателей, школу стрельбы по воздушному флоту и 1-ю Украинскую казачью батарею.

9 января 1918 г. татарские подразделения за несколько километров до железнодорожной станции Бахчисарай разоружили эшелон с семьюстами матросами Черноморского флота. Эти матросы демобилизовались, то есть без всякой санкции сверху захватили в Севастополе эшелон, естественно, не забыв взять с собой трехлинейки и «Максимы». Они собирались проехать через Бахчисарай и Симферополь и далее за Перекоп.

Татар тоже можно понять. Пропускать через город такую массу пьяных, никому не подчиненных и хорошо вооруженных людей было крайне опасно.

Понятно, что разоружение «братишек» у Бахчисарая вызвало взрыв возмущения у моряков в Севастополе. Но это было еще полбеды. Воодушевленные легким успехом в Евпатории, татары двинулись на Севастополь. Через два часа после разоружения семисот матросов татарские части – 2-й конный полк и две роты полка «Уриэт» – перешли границу Севастопольского крепостного района у села Дуванкой и попытались захватить Камышловский железнодорожный мост. Мост охраняла дружина рабочих Севморзавода. Вскоре на помощь к ним из города пришел отряд красногвардейцев. Совместными усилиями им удалось отбить атаку татар.

10 января татары выбили отряд матросов из имения графа Мордвинова. Матросы отошли за реку Качу, а затем, после часовой перестрелки, погрузились в железнодорожный эшелон и убыли в Севастополь.

В Севастополе большевики и анархисты поняли, что надо экстренно спасать ситуацию. Срочно был создан Военно-революционный штаб и сформированы десантные отряды из моряков. Присутствие кораблей Черноморского флота решило все дело.

31 января гидрокрейсер «Румыния»[181], а также вооруженные транспорты «Трувор», «Данай» и «Геркулес» вышли с десантом из Севастополя в Евпаторию. Десанту матросов без особого труда удалось выбить татар из Евпатории.

Кроме Евпатории, матросы Черноморского флота высадились в Ялте и Феодосии. Особенно упорные бои шли в районе Ялты, где войска курултая были поддержаны боевиками мусульманской организации

«Тан». Руководил татарами полковник Е. И. Достовалов. Ялта два раза переходила из рук в руки. Окончательно большевики захватили ее лишь 15 января, а переодевшийся в штатское Достовалов бежал в Симферополь.

13 января моряки штурмом овладели Бахчисараем и двинулись к Симферополю. Войска курултая начали разбегаться. При подходе красных к Симферополю на татарские части напали учебная команда 33-го запасного полка и боевая дружина завода «Анатра».

Город был взят почти без боя. У красных при занятии Симферополя был убит один человек, в татарских войсках – один офицер и трое рядовых. Тем не менее большевики начали массовые расстрелы в городе, коснувшиеся в первую очередь лидеров татарских националистов и офицеров старой русской армии, как помогавших татарам, так и просто подвернувшихся по руку. Среди расстрелянных татар стоит отметить Ч. Челеблева, штаб-ротмистра Биарсланова Осман бея, подполковника Алиева, прапорщика Сеид-Амет Сулейман Батбуртлы. А Джаферу Сайдамету удалось скрыться.

Итак, в середине января 1918 г. весь Крым стал советским.

Через несколько недель придут немцы, затем – корабли «тетушки Антанты», потом – опять красные, потом – белые, германские войска, и в ноябре 1920 г. красные окончательно присоединят Крым к Советской Республике.

Однако за это бурное время о самостийниках в Крыму ничего не было слышно, а крымские татары до поры до времени забыли о своих притязаниях.

Глава 4. Коллаборационизм и «депортация»

Согласно данным Академии наук СССР за 1930 г., в Крыму проживало русских – 301 398 человек, украинцев – 77 405, немцев – 43 631, татар – 79 094 человека, а всего, включая представителей других национальностей, около 710 тыс. человек. Таким образом, татар было 11 %, а украинцев – и того меньше (10,8 %). Однако татары очень быстро размножались, а тысячи русских были раскулачены и высланы с полуострова, и по переписи 1939 г. татар уже было 19,4 % от всего населения Крыма.

Еще до нападения на СССР Гитлер решил судьбу Крыма – полуостров должен был стать местом отдыха «истинных арийцев».

«“Крым должен быть освобожден от всех чужаков и заселен немцами”, – заявил Гитлер на совещании в ставке 19 июля 1941 г. По его предложению, Крым превращался в имперскую область Готенланд (страна готов). Центр области Симферополь переименовывался в Готсбург (город готов), а Севастополь получал название Теодорихсхафен (гавань Теодориха, короля остготов, жившего в 493–526 гг.).

По проекту Гиммлера, Крым присоединялся непосредственно к Германии. 9 июня 1942 г. на совещании начальников СС и полиции Гиммлер заявил, что война не имела бы смысла, если бы после нее, в частности, Крым не был в течение 20 лет полностью колонизован немцами, и притом только по расовому принципу, по принципу крови.

16 июля 1941 г. Гитлер принял решение о создании на первом этапе генерального комиссариата Тавриды, включая Крым и Мелитополь с прилегающими к нему землями, в составе рейхскомиссариата Украины. Начальником гражданского управления был назначен Альфред Фрауенфельд, хотя фактическая власть в период оккупации была в руках военного командования»[182].

Тем не менее, чтобы привлечь крымских татар и Турцию к борьбе с «большевиками», руководство рейха с лета 1941 г. начало использовать Крым в качестве приманки. В конце лета 1941 г. сотрудники германского посольства в Турции встретились с лидерами крымско-татарской эмиграции. Способствовал положительному решению вопроса о вовлечении крымско-татарской эмиграции в активную германскую политику визит в Берлин в октябре 1941 г. турецких генералов Али Фуад Эрдена (начальник военной академии) и Хусню Эмир Эркилета. В ходе переговоров Али Фуад высказал надежду, что после окончания военных действий в Крыму будет сформирована администрация, в которой бы в значительной степени участвовали крымские татары. Это, в свою очередь, могло сильно повлиять на турецкое правительство в пользу решения о вступлении Турции в войну на стороне Германии.

Красноречиво заявление активного члена прогерманской группы в Турции Нури Паши (брата Энвер Паши): «Предоставление свободы такой небольшой области, как Крым, явилось бы для Германской империи не жертвой, а политически мудрым мероприятием. Это была бы пропаганда в действии. В Турции она нашла бы тем больший отклик»[183].

Необходимо отметить имевшую место двойственность в германской пропаганде по «восточному вопросу». С одной стороны, вторжение в СССР началось под лозунгом «уничтожения большевистско-азиатской бестии», и в этом направлении строилась пропаганда. Среди германских солдат в огромном количестве распространялись листовки и брошюры с фотографиями советских солдат различных азиатских национальностей и следующим текстом: «Вот каковы татаро-монгольские твари! От них тебя защищает солдат фюрера!» Органами пропаганды СС в качестве справочного пособия для немецких войск были издана брошюра «Недочеловек» («Der Untermensch»). Солдат призывали смотреть на местное население как на вредных микробов, которых нужно уничтожить. Народы Востока именовались в брошюре «грязными монголоидами, скотскими ублюдками».

Но, с другой стороны, именно по отношению к так называемым «восточным» народам германское командование требовало на местах проявлять максимум уважения. Так, Манштейн 20 и 29 ноября 1941 г. издал два приказа, в которых требовал уважительного отношения к религиозным обычаям татар-мусульман и призывал не допускать каких-либо неоправданных действий против мирного населения.

Немецкая пропаганда принесла свои плоды. Из мобилизованных в Красную Армию в июле – августе 1941 г. 90 тысяч жителей Крыма 20 тысяч были татары. Все они вошли в состав 51-й армии, действовавшей в Крыму, и при отступлении почти все дезертировали.

После оккупации Крыма немцы организовали пункты вербовки крымских татар в германскую армию и местные военизированные формирования. Работа вербовочных комиссий завершилась в феврале 1942 г. В итоге в 203 населенных пунктах было зачислено в татарские добровольческие формирования около 6 тысяч человек и в пяти лагерях для военнопленных около 4 тысяч человек (в Николаеве 2800 чел.), всего около 10 тысяч добровольцев. К 29 января 1942 г. в германскую армию рекрутировано 8684 крымских татар, а остальные были разведены по маленьким группам по 3—10 человек и распределены между ротами, батареями и другими войсковыми частями, дислоцировавшимися под Севастополем и на Керченском полуострове.

По данным Симферопольского мусульманского комитета, старосты деревень организовали еще около четырех тысяч человек для борьбы с партизанами. Кроме того, около пяти тысяч добровольцев должны были позже отправиться для пополнения воинских частей. Согласно германским документам, при численности населения Крыма около 200 тысяч человек крымские татары дали германской армии 20 тысяч. Если учесть, что около 10 тысяч человек еще до начала войны были призваны в Красную Армию, то можно считать, все боеспособные татары в 1942 г. были полностью учтены[184].

Было сформировано 14 татарских рот «самообороны» общей численностью 1632 человека, вскоре эти роты были преобразованы в десять батальонов по 200–250 человек каждый. Батальоны эти использовались для несения караульной службы, охраны тюрем, объектов СД, в операциях против партизан.

147-й и 154-й татарские батальоны дислоцировались в Симферополе, 148-й – в Карасубазаре, 149-й – в Бахчисарае, 150-й – в Старом Крыму, 151-й – в Алуште, 152-й – в совхозе «Красный» (лагерь СД), 153-й – в Джанкое, 155-й – в Евпатории, 156-й – в Ялте.

С началом оккупации Крыма нацистская служба безопасности (СД) сразу же создала «Мусульманский комитет», а затем на его базе «Татарский комитет» с центром в Симферополе. Председателем был назначен Джелял Абдураимов. Комитет имел шесть отделов: по комплектованию добровольцев для немецкой армии; по оказанию помощи семьям добровольцев; культуры; религии; пропаганды и агитации; административно-хозяйственный и канцелярия. В некоторых городах и населенных пунктах были созданы также местные комитеты.

У «Татарского комитета» имелся ряд печатных органов, в том числе газета «Азат Крым» («Освобожденный Крым», редактор Мустафа Крутыев) и журнал «Ана-Юрт» («Родина-мать»), которые агитировали за создание татарского государства под протекторатом Германии.

Что же писал «Освобожденный Крым»? Вот, например, 3 марта 1942 г.: «После того как наши братья – немцы перешли исторический ров у ворот Перекопа, для народов Крыма взошло великое солнце свободы и счастья».

10 марта 1942 г. Алушта. На собрании, устроенном мусульманским комитетом, «мусульмане выразили свою благодарность Великому Фюреру Адольфу Гитлеру – эфенди за дарованную им мусульманскому народу свободную жизнь. Затем устроили богослужение за сохранение жизни и здоровья на многие лета Адольфу Гитлеру – эфенди».

В этом же номере: «Великому Гитлеру – освободителю всех народов и религий!» 2 тысячи татар деревни Коккозы и окрестностей «собрались для молебна… в честь германских воинов. Немецким мученикам войны мы сотворили молитву… Весь татарский народ ежеминутно молится и просит Аллаха о даровании немцам победы над всем миром. О, великий вождь, мы говорим Вам от всей души, от всего нашего существа, верьте нам! Мы, татары, даем слово бороться со стадом евреев и большевиков вместе с германскими воинами в одном ряду!.. Да благодарит тебя Господь, наш великий господин Гитлер!»

20 марта 1942 г. «Совместно со славными братьями – немцами, подоспевшими, чтобы освободить мир Востока, мы, крымские татары, заявляем всему миру, что мы не забыли торжественных обещаний Черчилля в Вашингтоне, его стремления возродить жидовскую власть в Палестине, его желания уничтожить Турцию, захватить Стамбул и Дарданеллы, поднять восстание в Турции и Афганистане и т. д. и т. п. Восток ждет своего освободителя не от солгавшихся демократов и аферистов, а от национал-социалистической партии и от освободителя Адольфа Гитлера. Мы дали клятву идти на жертвы за такую священную и блестящую задачу».

А вот перл от 10 апреля 1942 г.: «Освободителю угнетенных народов, сыну германского народа Адольфу Гитлеру. Мы, мусульмане, с приходом в Крым доблестных сынов Великой Германии с Вашего благословения и в память долголетней дружбы стали плечом к плечу с германским народом, взяли в руки оружие и начали до последней капли крови сражаться за выдвинутые Вами великие общечеловеческие идеи – уничтожение красной жидовско-большевистской чумы до конца и без остатка.

Наши предки пришли с Востока, и мы ждали освобождения оттуда, сегодня же мы являемся свидетелями того, что освобождение нам идет с запада. Может быть, первый и единственный раз в истории случилось так, что солнце свободы взошло с запада. Это солнце – Вы, наш великий друг и вождь, со своим могучим германским народом. Президиум Мусульманского Комитета»[185].

Крымские татары активно участвовали в штурме Севастополя в июне – июле 1942 г. Вот что пишет по этому поводу севастопольский историк капитан 2-го ранга И. С. Манюшин: «2 июля катер, на котором находились старший лейтенант В. К. Квариани и сержант П. Судак, получил пробоины в корпусе, стал оседать от принятой воды. Заглох один мотор, и катер пришлось поворачивать к берегу, занятому фашистами. Все это произошло в районе берега неподалеку от Алушты. На берегу произошел бой между десантниками и вооруженной группой татар. В результате неравного боя все, кто остался в живых, были пленены. Раненых татары расстреливали в упор. Подоспевшие итальянские солдаты часть пленных отправили на машине, а часть на катере в Ялту»[186].

«В. Мищенко, шедший в одной из колонн пленных, свидетельствует, что из трех тысяч их колонны до лагеря в Симферополе “картофельное поле” дошла только половина пленных. Остальные были расстреляны в пути конвоем из немцев и предателей из крымских татар»[187].

«В Судакском районе группа самообороны привлекалась для ликвидации десанта. При этом 12 парашютистов были сожжены заживо. Одна из карательных экспедиций завершилась длительной блокадой партизан, в результате которой 90 человек умерли от голода»[188].

Хватит. Думаю, и сказанного вполне достаточно.

Летом 1942 г. взятие Севастополя и выход Паулюса к Сталинграду вскружил головы заправилам рейха, и многие из них стали предлагать избавиться от татарских союзников: «Мавр сделал свое дело…»

В июне 1942 г. крупный чиновник Альфред Фрауефельд направил на имя Гитлера обширный меморандум о будущем устройстве Крыма, в котором предлагал переселить в Крым немцев из Южного

Тироля. 2 июля Гитлер заявил, что считает это предложение весьма полезным. Также предполагалось разместить на полуострове 140 тыс. немцев из Трасистрии и 2 тыс. немецких переселенцев из Палестины, однако затем было решено использовать заднестровских немцев.

В предложениях о преобразовании Крыма в 1942–1943 гг. недостатка не было. Так, руководитель Трудового фронта и шеф организации «Kraft durch Freude» Роберт Лей предлагал переоборудовать Крым в гигантский курорт для немецкой молодежи.

Для обоснования исконной принадлежности Крыма Германии А. Фрауенфельд в июле 1942 г. организовал археологическую экспедицию под руководством бригаден-фюрера СС фон Альвенслебена и армейских офицеров полковника Калька и капитана Вернера Баумельбурга. Они провели обследование окрестностей Бахчисарая и средневековой крепости Магнул-Кале.

5 июля 1942 г. состоялось совещание командования вермахта и полиции, где обсуждался вопрос о методах выселения из Крыма расово «неполноценных» жителей. Решено было создать специальные лагеря для проведения «расового обследования» населения[189].

К июлю 1942 г. германское руководство окончательно отказалось от своих планов предоставления крымским татарам самоуправления. 27 июля в ставке «Вервольф» за ужином Гитлер заявил о своем желании «очистить» Крым.

В 1970—1980-х годах ряд русских «диссидентов», разоблачая «сталинские преступления», доказывали нам, что, дескать, не все татары служили немцам, а лишь «отдельные группы», а другие в это время партизанили. Однако в Германии тоже существовало антигитлеровское подполье, так что, теперь немцев записывать в наши союзники по Второй мировой? Давайте посмотрим конкретные цифры.

Обратимся к данным «демократического» историка Н. Ф. Бугая: «В подразделениях немецкой армии, дислоцировавшейся в Крыму, состояло, по приблизительным данным, более 20 тыс. крымских татар»[190]. То есть практически все крымско-татарское население призывного возраста. Показательно, что это неблаговидное обстоятельство фактически признается в весьма характерном издании («Книга составляет документальную историческую основу проводимых в Российской Федерации мер по реабилитации поруганных и наказанных народов»)[191].

А сколько же крымских татар находилось среди партизан? На 1 июня 1943 г. в крымских партизанских отрядах было 262 человека, из них 145 русских, 67 украинцев и… 6 татар[192].

На 15 января 1944 г., по данным партийного архива Крымского обкома Компартии Украины, в Крыму насчитывалось 3733 партизана, из них русских – 1944, украинцев – 348, татар – 598[193]. Наконец, согласно справке о партийном, национальном и возрастном составе партизан Крыма на апрель 1944 г., среди партизан было: русских – 2075, татар – 391, украинцев – 356, белорусов – 71, прочих – 754[194].

Итак, даже если взять максимальную из приведенных цифр – 598, то соотношение татар в немецкой армии и в партизанах будет больше чем 30 к 1.

В связи с наступлением Красной Армии с октября 1943 г. лидеры татарских националистов начинают покидать Крым. В ходе эвакуации с полуострова вместе с немецкими частями в марте – апреле 1944 г. выехало не менее трех тысяч крымских татар. Большая часть из них, как и беженцы 1943 г., осела в Румынии, некоторым разрешено было перебраться в Германию.

Вывезенные из Крыма в Румынию татарские подразделения в июне 1944 г. были сведены в Татарский конно-егерский полк СС трехбатальонного состава. Но позже, на территории Венгрии, полк был переформирован в Первую татарскую горно-егерскую бригаду СС (около 2500 человек) под командованием штандартенфюрера Фортенбаха. 31 декабря 1944 г. бригада была расформирована и вошла в состав Восточно-тюркского соединения СС (боевая группа «Крым» в составе двух пехотных батальонов и одной конной сотни). Эти соединения постоянно несли потери, и остатки татар в марте 1945 г. влились в Азербайджанскую боевую группу в качестве отдельных подразделений.

Часть крымских татар была перевезена во Францию и вошла в запасной батальон Волжско-татарского легиона, который дислоцировался у города Ле-Пюи. В конце войны несколько сотен татар вошли в 35-ю полицейскую дивизию СС и в состав вспомогательной службы ПВО во Франции.

Стоит упомянуть весьма любопытный нюанс. С начала 1944 г. в оккупированном Крыму среди русских из РОА[195] и крымских татар, служивших немцам, стали распространяться слухи о «третьей силе», то есть западных союзниках, которые придут в Крым и окажут помощь власовцам и татарам.

В отчете Штаба пропаганды «Крым» – главного органа по проведению немецкой психологической войны на полуострове – говорилось, что «среди населения имеется много сторонников… “третьей силы”. Это – люди, ожидающие окончательного завершения войны, которое наступит после полного поражения Германии и Советского Союза… Совершенно определенно, эти идеи косвенно или прямо направлены против немецких интересов. Несмотря на это, “Голос Крыма” опубликовал уже несколько статей, посвященных этому вопросу и созвучных общему мнению населения. Последней из таких статей является статья “Третья мировая война” в номере от 7 января 1944 г., где речь идет о том, что Англия и Америка третью мировую войну будут вести против СССР… А Германия… вычеркивается»[196].

Как видно из документа, это не «деза» германской пропаганды. Тогда что?

А вот еще весьма любопытный и никем из историков не отмеченный факт. К 9 мая 1944 г. Крым силами 51-й и Приморской армий окончательно освобожден от германской оккупации. В августе 1944 г. капитулировала Румыния. Война на Черном море закончилась, на западе Красной Армии еще предстояли жесточайшие бои. Но по каким-то причинам Приморская армия, взявшая Севастополь, так и осталась в Крыму. Может, были большие потери и потребовалось переформирование?

Да нет, потери Приморской армии были не больше, а, скорее, меньше, чем в других армиях в 1944 г.

И стояла Приморская армия на полуострове аж до окончания войны. А затем в Крыму был создан Таврический военный округ с центром в Симферополе. Представим себе огромные военные округа – Московский, Прибалтийский, Киевский, Уральский, и вдруг мини-округ – Таврический. Зачем?

Зачем сразу же после 9 мая 1944 г. в Крым стали стягиваться отовсюду части береговой обороны и ПВО? Ведь у немцев не было ни сил, ни возможностей покушаться на полуостров ни с моря, ни с воздуха.

Видимо, население Крыма и советское командование всерьез рассматривали вариант высадки в Крыму «третьей силы». Подробности же находятся в документах, хранящихся в наших в архивах под грифом «совершенно секретно».

Могло ли советское правительство оставить в Крыму вполне боеспособные татарские подразделения численностью около 20 тысяч? Пока они разбежались по домам, а в день «Д» они объявятся, как в 1854 и 1941 годах.

Да и можно ли было оставлять безнаказанными убийц десятков тысяч русских, евреев, украинцев и советских граждан других национальностей. У меня как-то в книжном магазине вышел спор с вальяжным «демократом»:

– Так надо было татар судить.

– Как судить? Откуда взять летом 1944 г. армию прокуроров, судей, адвокатов и т. п. на 20 тысяч человек?

– Надо было найти!

Увы, сделать все законно было физически невозможно, а суд превратился бы в фарс. Сейчас либералы стенают, что, мол, женщины и дети были невиновны, а их Сталин и Берия отправили в ссылку. Цифры же говорят, что практически в каждой семье были мужчины, воевавшие на стороне немцев. И пусть либералы обратятся в ФСБ и спросят, что сейчас, в XXI веке, делают с теми, кто кормит, поит и иными способами обеспечивает деятельность террористов. Так что взрослые члены семьи были пособниками бандитов, и пусть спасибо скажут, что с ними поступили столь гуманно. А что касается детей, их что, нужно было оставлять в чистом поле?

К тому же в освобожденный Крым стали возвращаться жители из эвакуации, а потом вернулись бы и демобилизованные солдаты Красной Армии. Как бы отнеслись они к татарам, увидев свои сожженные дома и могилы близких?

После освобождения Крыма органы госбезопасности провели переселение крымских татар в Узбекскую ССР. Вопрос этот сейчас весьма деликатный, и я процитирую следующий документ:

«Государственный Комитет Обороны товарищу Сталину И. В.

10 мая 1944 г.

Органами НКВД и НКГБ проводится в Крыму работа по выявлению и изъятию агентуры противника, изменников Родины, пособников немецко-фашистских оккупантов и другого антисоветского элемента.

По состоянию на 7 мая с. г. арестовано таких лиц 5381 чел.

Изъято незаконно хранящегося населением оружия 5995 винтовок, 337 пулеметов, 250 автоматов, 31 миномет и большое количество гранат и винтовочных патронов…

Из частей Красной Армии к 1944 г. дезертировали свыше 20 тыс. татар, которые изменили Родине, перешли на службу к немцам и с оружием в руках боролись против Красной Армии…

Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения Государственного Комитета Обороны о выселении всех татар с территории Крыма.

Считаем целесообразным расселить крымских татар в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР для использования на работах как в сельском хозяйстве – колхозах, совхозах, так и в промышленности и на строительстве.

Вопрос о расселении татар в Узбекской ССР согласован с секретарем ЦК КП(б) Узбекистана т. Юсуповым.

По предварительным данным, в настоящее время в Крыму насчитывается 140–160 тыс. татарского населения. Операция по выселению будет начата 20–21 мая и закончена 1-го июня. Представляю при этом проект постановления Государственного Комитета Обороны, прошу Вашего решения.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия»[197].

Согласно Постановлению Комитета Обороны, было предложено: «Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР. Обязать НКВД СССР (тов. Берию) выселение крымских татар закончить до 1 июня 1944 г.

Установить следующий порядок и условия выселения:

Разрешить спецпоселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 кг на семью.

<…>

Обязать НКПС (тов. Кагановича) организовать перевозку спецпереселенцев из Крыма в Узбекскую ССР специально сформированными эшелонами по графику, составленному совместно с НКВД СССР. Количество эшелонов, станции погрузки и станции назначения по заявке НКВД СССР. Расчеты за перевозки произвести по тарифу перевозок заключенных.

Наркомздраву СССР (тов. Митереву) выделить на каждый эшелон со спецпереселенцами, в сроки по согласованию с НКВД СССР, одного врача и двух медсестер с соответствующим запасом медикаментов и обеспечить медицинское и санитарное обслуживание спецпоселенцев в пути.

Наркомторгу СССР (тов. Любимову) обеспечить все эшелоны со спецпереселенцами ежедневно горячим питанием и кипятком. Для организации питания спецпереселенцев в пути выделить Наркомторгу продукты…

<…>

Обязать секретаря ЦК КП (б) Узбекистана тов. Юсупова… обеспечить наделение прибывающих спецпоселенцев приусадебными участками и оказать помощь в строительстве домов местными стройматериалами.

<…>

Обязать Сельхозбанк (тов. Кравцова) выдавать спецпереселенцам, направляемым в Узбекскую ССР, в местах их расселения ссуду на строительство домов и на хозяйственное обзаведение до 5000 рублей на семью с рассрочкой до 7 лет.

Обязать Наркомзаг СССР (тов. Субботина) выделить в распоряжение СНК Узбекской ССР муки, крупы и овощей для выдачи спецпереселенцам в течение июня – августа с. г. ежемесячно равными количествами… Выдачу спецпереселенцам муки, крупы и овощей в течение июня – августа с. г. производить бесплатно, в расчет за принятую у них в местах выселения сельхозпродукцию и скот»[198].

2 апреля и 11 мая 1944 г. Государственный Комитет Обороны принял постановления № 5943сс и № 5859сс о выселении крымских татар из Крымской АССР в Узбекскую ССР.

Операция была проведена быстро и решительно. Выселение началось 18 мая, а уже 20 мая Серов и Кобулов докладывали:

«Телеграмма на имя народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берии 20 мая 1944 г.

Настоящим докладываем, что начатая в соответствии с Вашими указаниями 18 мая с. г. операция по выселению крымских татар закончена сегодня, 20 мая, в 16 часов. Выселено всего 180 014 чел., погружено в 67 эшелонов, из которых 63 эшелона численностью 173 287 чел. отправлены к местам назначения, остальные 4 эшелона будут также отправлены сегодня.

Кроме того, райвоенкомы Крыма мобилизовали 6000 татар призывного возраста, которые по нарядам Главупраформа Красной Армии направлены в города Гурьев, Рыбинск и Куйбышев.

Из числа направляемых по Вашему указанию в распоряжение треста “Московуголь” 8000 человек спецконтингента 5000 чел. также составляют татары.

Таким образом, из Крымской АССР вывезено 191 044 лиц татарской национальности.

В ходе выселения татар арестовано антисоветских элементов 1137 чел., а всего за время операции – 5989 чел.

Изъято оружия в ходе выселения: минометов – 10, пулеметов – 173, автоматов – 192, винтовок – 2650, боеприпасов – 46 603 шт.

Всего за время операции изъято: минометов – 49, пулеметов – 622, автоматов – 724, винтовок – 9888 и боепатронов – 326 887 шт.

При проведении операции никаких эксцессов не имело места.

Серов, Кобулов»[199].

Итак, в мае 1944 г. у крымских татар было изъято оружие, достаточное для стрелковой дивизии военного времени (без артиллерийского полка). А сколько еще оружия было спрятано в разного типа схронах? Ведь только наивные люди могли хранить его дома. А войскам НКВД в ходе депортации было не до поисков оружия.

С 70-х годов XX века татарские националисты и их сторонники среди «либеральной интеллигенции» постоянно нагнетают вопрос о «депортации крымского татарского народа», «геноциде» оного народа и т. д. и т. п.

Но к чему нагнетать истерию и заниматься словоблудием? Начнем с того, что такое депортация. Ни в одном русском (до 1917 г.) и советском (до 1991 г.) официальном документе такого слова просто нет. Раскроем «Словарь иностранных слов», изданный в Москве в 1979 г. Там говорится: «Депортация – высылка из государства как уголовное или административное наказание». Вопрос: из какого в какое государство выселяли крымских татар? Из СССР в СССР. Как любил говаривать кот Бегемот: «Поздравляю вас совравши».

Теперь, что такое геноцид? Это истребление или существенное уменьшение числа людей данной национальности. Давайте считать: выселено, арестовано и мобилизовано в Красную Армию в мае 1944 г. менее 200 тысяч крымских татар. А вот в 1991 г. хотело вернуться в Крым по разным данным от 2 до 5 миллионов (!) людей, считающих себя крымскими татарами. Замечу при этом, что с XV века по 1941 г. численность татарского населения в Крыму была относительно стабильной. Так что если говорить о численности татарского населения, то Сталин учинил не геноцид, а демографический взрыв, невозможный, если бы татары остались в Крыму.

Нелишне отметить, что совсем не все крымские татары были выселены в Узбекистан. Так, по данным Влады Селиной, «От статуса спецпоселенец освобождались и участники крымского подполья, действовавшие в тылу врага, члены их семей. Так, была освобождена семья С. С. Усеинова, который в период оккупации Крыма находился в Симферополе, состоял с декабря 1942 г. по март 1943 г. членом подпольной патриотической группы, затем был арестован гитлеровцами и расстрелян. Членам семьи было разрешено проживание в Симферополе»[200].

Крымские татары – фронтовики сразу же обращались с просьбой освободить от спецпоселений их родственников. Такие обращения направляли зам. командира 2-й авиационной эскадрильи 1-го истребительного авиационного полка Высшей офицерской школы воздушного боя капитан Э. У. Чалбаш, майор бронетанковых войск Х. Чалбаш и многие другие… Зачастую просьбы такого характера удовлетворялись, в частности, семье Э. Чалбаша разрешили проживание в Херсонской области.

Освобождались от выселения и татарские женщины, вышедшие замуж за русских.

Я уж не буду говорить о татарине, дважды Герое Советского Союза Амет-хан Султане, спокойно проживавшем в Москве и даже довольно вольно обращавшимся со Сталиным, и которому Сталин приказал поставить памятник в Крыму.

История не любит сослагательного наклонения, но попробуем представить себе, что произошло бы в случае победы Гитлера. Боюсь, что тогда татарам пришлось бы поехать не на восток на свою историческую родину, а на запад в культурные европейские города Освенцим, Бухенвальд, Дахау и т. д.

Наконец, нелишне вспомнить, как во Франции, почти не воевавшей, в 1944–1945 гг. патриоты без суда и следствия расправлялись с коллаборационистами, то есть со всеми, кто хоть немного сотрудничал с немцами. Весь мир обошло фото расправы над француженкой, которая родила ребенка от германского солдата. И французская интеллигенция предпочла обо всем этом напрочь забыть.

А те же поляки и чехи разве не депортировали миллионы ни в чем не повинных германских граждан в 1945–1946 гг.? Ну и что? Стенает там туземная интеллигенция о геноциде и депортации? Предлагает вернуть депортированных и их потомков и ставить памятники депортируемому народу?

Понятно, что вся эта истерия – дело рук политиков и бизнесменов, разжигающих в корыстных целях межнациональные конфликты.

Глава 5. Говорить ли Крыму на мове или по-татарски?

В самом начале 1954 г. Н. С. Хрущев буквально огорошил население полуострова, объявив о присоединении автономной Крымской области, издавна входившей в состав РСФСР, а еще раньше – Российской империи, к Украине. Произошло это по решению Хрущева в связи с общесоюзными торжествами, связанными с трехсотлетием воссоединения Украины с Россией, провозглашенного 8 января 1654 г. гетманом Украины Богданом Хмельницким на Переяславской Раде.

Вскоре после обнародования соответствующего указа в Крыму стали появляться надписи и вывески на украинском языке, дублирующие русские названия. Поначалу ничего, кроме недоумения и неудобства у населения они не вызывали. Но потом крымчане свыклись с ними, так и не усвоив в своем житейском обиходе украинские названия, а используя привычные – русские. Приезжие, правда, удивлялись, видя двойные наименования: «Как, разве вы относитесь к Украине?.. Странно!..» Население же всегда смотрело на «укранизацию» Крыма и особенно Севастополя как на явно несерьезное решение «верхов», принятое ими на каком-то застолье с обильного возлияния.

Замечу, что подобное дарение русских земель нашими властителями – не новость. Так, в 1810 г. император Александр I решил сделать подарок новоприсоединенной Финляндии и подарил ей Выборгскую губернию. Эта территория принадлежала Руси еще в V–XIII веках, а позже была захвачена шведами, но возвращена России Петром I в ходе Северной войны.

Логика Александра I и его советников была незатейлива – Выборгская губерния переходила из одной части Российской империи в другую. Видимо, также мыслил и пьяный Хрущев, «даря» Крым Украине.

Однако, воспользовавшись временным ослаблением нашей страны, финны отторгли Выборгскую губернию от России. Возвращать ее пришлось большой кровью в 1939–1940 гг. и в 1944 г. Аналогия с Крымом не может не напрашиваться!

Однако в целом ряде статей, опубликованных в начале XXI века, говорится и о другой мотивировке поступка Хрущева[201].

В начале 1920-х годов в Крыму появилась американская еврейская организация «Джойнт», предложившая советскому правительству предоставить большие займы в обмен на создание в Крыму еврейской автономии.

С 1922 г. в Симферополе функционировал филиал банка «Агро-Джойнт», финансировавший перемещения новых еврейских переселенцев, а также подготовку национальных кадров в учебных заведениях Крыма. В Джанкое обосновался крупнейший филиал фирмы «Агро-Джойнт». Именно в это время в степном Крыму появилось более 150 поселков, которые заселялись исключительно «лицами еврейской национальности».

Деятельность эта вскоре приобрела масштабы межгосударственных отношений. В 1923 г. в СССР и США почти одновременно начали обсуждать идею создания национальной автономии и переселения евреев из Белоруссии, Украины, России на земли в район Черного моря. Согласно найденным в архивных собраниях Крыма документам, а также другим источникам, сейчас можно отчасти восстановить ход тех давних событий.

О переселении евреев в Крым активно заговорили в элитарных кругах столичной интеллигенции. Из Америки прибыл один из руководителей «Джойнта», выходец из России Розен, убеждавший председателя КрымЦИК Гавена выделить в качестве эксперимента пустующие земли для переселения тысячи еврейских семей в обмен на финансовую и техническую помощь. Катастрофическая ситуация в Крыму, сложившаяся после голода 1921–1922 гг., отсутствие помощи из Центра не оставляли руководителям Крыма возможности для выбора.

Одним из главных идеологов реализации идеи стал видный член Советского правительства Юрий Ларин (Михаил Лурье), уроженец Симферополя, будущий тесть Н. И. Бухарина. Им разрабатывался план создания еврейской республики в Крыму и расселения на его территории 280 тысяч евреев. В то же время через близкого Марии Ульяновой и Николаю Бухарину по редакции газеты «Правда» Абрама Брагина, руководителя еврейской секции РКП(б), была поднята пропагандистская шумиха вокруг «Еврейского павильона» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1923 года. Финансировал его все тот же «Джойнт». Примечательно, что в свой последний приезд в Москву в октябре 1923 г. полупарализованный Ленин объехал еврейскую экспозицию на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Анализ заказываемой в то время литературы для Ленина свидетельствует о повышенном его внимании к еврейскому вопросу и Крыму.

В ноябре 1923 г. Брагин подготовил проект документа, в соответствии с которым к десятилетнему юбилею Октябрьской революции предлагалось образовать автономную область евреев на территории Северного Крыма, южной степной части Украины и Черноморского побережья вплоть до границ

Абхазии, общей площадью 10 млн десятин, с целью переселения сюда 500 тысяч евреев. На его основе Брагин, Розен и замнаркомнаца Бройдо представили через Льва Каменева в Политбюро докладную записку, в которой подчеркивалось, что образование еврейской государственности «окажется политически выгодным для Советской власти». В случае реализации замысла авторы записки гарантировали поступление десятков миллионов долларов «через посредство еврейских, американских и международных организаций», так как это «вызовет небывалый интерес всех экономически и политически мощных организаций в Америке и Европе».

Политбюро неоднократно обсуждало проект. Активными его сторонниками выступали Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Рыков, а также Цюрупа и Чичерин. В ходе обсуждения акцент постепенно сместился на использование Крыма, так как на Украине еще свежи были воспоминания о еврейских погромах времен Гражданской войны и не исчезла опасность повторения тех трагических событий.

В январе 1924 г. речь уже шла об «автономном еврейском правительстве, федерированном с Россией», был подготовлен проект декрета о создании в северной части Крыма Еврейской Автономной ССР. Еврейское телеграфное агентство (ЕТА) 20 февраля 1924 г. распространило за рубежом соответствующее сообщение.

С началом Великой Отечественной войны одним из важнейших вопросов стало пропагандистское и общественно-политическое обеспечение обороны страны.

«Крымская проблема» обсуждалась с американцами практически на каждой серьезной встрече. Речь шла о проекте «Крымская Калифорния», не осуществившемся до войны, но реанимированном в 1943 г. Так, Д. Розенберг признался во время беседы: «Крым интересует нас не только как евреев, но и как американцев, поскольку Крым – это Черное море, Балканы и Турция». Судя по всему, делегации ЕАК дали понять, что приближается время выплаты долга СССР, но ситуацию можно изменить в случае возвращения к идее создания в Крыму еврейской республики. Речь шла о поддержке на фантастическую сумму – 10 миллиардов долларов!

После возвращения Михоэлса в Москву проект «Крымская Калифорния» перешел на новую стадию. В феврале 1944 г. на стол Молотова ложится документ, написанный в Москве, в доме на Кропоткинской, 10, штаб-квартире Еврейского антифашистского комитета. Там говорилось:

«Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем:

1. Создать еврейскую советскую социалистическую республику на территории Крыма.

2. Заблаговременно, до освобождения Крыма назначить правительственную комиссию с целью разработки этого вопроса.

Мы надеемся, что Вы уделите должное внимание этому вопросу, от осуществления которого зависит судьба целого народа.

Председатель президиума

Еврейского антифашистского комитета СССР С. Михоэлс

Ответственный секретарь Ш. Эпштейн

Заместитель председателя президиума И. Фефер 15 февраля 1944 г., Москва».

Молотов отправил в архив письмо ЕАК, но не саму идею. В июне 1944 г. в Москве состоялась встреча Эрика Джонстона и американского посла Аверелла Гарримана со Сталиным и Молотовым. Американцы предложили инвестировать в экономику Крыма 10 млрд долларов, а также создать там республику, куда могли бы переселяться евреи со всего мира. Шла речь и о Михоэлсе как возможном руководителе этой республики. Сталин настаивал, чтобы инвестиции направлялись не только в Крым, но и другие районы СССР, пострадавшие в результате войны, и, в свою очередь, предложил фигуру Кагановича на пост лидера республики.

До июня 1945 г. «Крымский проект», казалось, оставался в силе и в перспективе мог стать ключевым условием распространения на СССР «плана Маршалла». Идея создания в Крыму еврейской республики при поддержке США получала все более широкое хождение и среди советских евреев. Центром этих

настроений по-прежнему являлся ЕАК во главе с Михоэлсом. Отдельные его руководители начали неосторожно распределять между собой высшие посты в будущей республике.

30 июня 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область РСФСР. Когда в ноябре 1945 г. Гарриман попытался связаться со Сталиным через Молотова, чтобы обсудить вопросы экономического сотрудничества, его просьба о личной встрече была отклонена: Сталин уже выбрал иную политическую линию. СССР стал активно выступать в поддержку создания государства Израиль на части территории Палестины.

Срок возвращения долга «Джойнту» истекал в 1954 г., когда Сталина уже не было в живых. «Советский Союз, восстанавливавший разрушенное войной народное хозяйство, – пишет Борис Сибирский, – едва ли мог завершить все выплаты по займу в положенные сроки. Назревал крупный скандал как для СССР, так и для “Джойнта”, нежелательный для обеих сторон.

Ни одна из них не хотела оглашения всех подробностей “Крымского проекта”.

Решение Н. С. Хрущева о передаче Крыма Украине в связи с 300-летием воссоединения России с Украиной оказалось, как говорится, “дорогим яичком ко Христову дню”. Это был удачный случай, позволяющий СССР разрешить весьма сложную проблему, тяготевшую над советским руководством с начала 1920-х годов. Хрущев воспользовался тем, что при составлении договора между СССР и “Джойнтом” не была предусмотрена возможность передачи Крыма из состава РСФСР под юрисдикцию Украины. Кроме того, решение о переселении евреев в Крым принимал ВЦИК РСФСР, а его решение для Украины не было обязательным. Таким образом, передав Крым Украине, правительство СССР обретало формальное право закрыть, и теперь уже навсегда, вопрос об обязательствах Советского Союза перед еврейскими организациями в США о создании в Крыму еврейской государственности».

Материалы о том, как Хрущев решил передать Крым Украине, до сих пор секретные, поэтому я не могу оценить, насколько повлияла на проблему история с «Джойнтом». Но в любом случае Никита Сергеевич грубо нарушил конституции СССР, УССР и РСФСР, что было официально подтверждено Постановлением Верховного Совета России от 21 мая 1992 г.

Крымские татары уже в 1960—1970-х годах стали проникать на территорию Украины и Крыма. Добавлю, что у татар куда более высокий уровень рождаемости, чем у русских и украинцев. В результате в 1970 г. на Украине[202] проживало 3,5 тысячи крымских татар; в 1979 г. – 6,6 тысячи, а в 1987 г. – 47 тысяч, то есть численность татарского населения возросла в 13,4 раза.

При этом надо заметить, что количество украинцев в целом по Украине с 1979-го по 1989 г. выросло на 2,4 %, русских – на 8,3 %, а представителей некоторых национальностей (например, евреев, поляков, греков) уменьшилось[203]. На 1989 г. в Крыму проживало 26 % украинцев и 67 % русских.

За колонками цифр и официальной статистикой СССР надо различать украинцев-«западэнцев» и людей с восточной Украины, которые по различным субъективным причинам записывали себя в анкетах в украинцы, но говорили по-русски и считали русскую культуру своей.

Киевские власти с чувством глубокого удовлетворения прикарманили Крым, отданный им Ельциным в Беловежской Пуще. Но вот что с ним делать, они просто не знают. «Согласно данным опроса, проведенного сотрудниками Крымского Центра гуманитарных исследований (КЦГИ) в 1994 г., на вопрос “Каким вы видите будущее Крыма?” 31 % крымчан ответили – в рамках бывшего СССР; 43 % – в составе России; 17 % хотят видеть Крым самостоятельным государством, и только 9 % связывают будущее Крыма с его существованием в составе Украины»[204].

Естественно, в Киеве больше всего мечтают, в свое время, об украинизации Крыма. Для этого проводились самые различные мероприятия – от закрытия русских школ на полуострове и замены их украинскими до предложения президента Ющенко формировать украинский флот только «западэнцами» с тем, чтобы они обязательно привезли с собой невест с Западной Украины. Тот же Ющенко предложил расчленить Севастополь. При этом Балаклавский район города должен был присоединиться к Ялтинскому району, Северная сторона должна была отойти к Евпаторийскому району, а Инкерманский район – к Бахчисарайскому району. А территорию Севастополя предполагалось свести к его историческому центру.

Однако ни эти, ни другие мероприятия по «украинизации» Крыма не дали особого эффекта. Поэтому киевские политики с 1991 г. разыгрывают «татарскую карту».

Председатель Народного Руха Украины В. Чорновил открыто заявил: «Преобразование республики Крым из территориальной в национальную, крымско-татарскую – совпадает с позицией Руха по этому вопросу. Именно эту идею мы проповедуем, отстаиваем, стремимся реализовать, поощрять возвращение татарских семей из республик бывшего СССР и Турции и этим постепенно изменять в процентном отношении этническую ситуацию в Крыму в пользу крымских татар»[205].

В ходе выборов в Верховную Раду Украины в 2002 г. «…сторонники В. Ющенко и его блока “Наша Украина” устраивали в Киеве митинги под лозунгами “Лучше Крым татарский, чем москальский”»[206].

С 2004 г. киевские власти выдают украинские паспорта десяткам тысяч крымских татар, проживающим в Узбекистане, и выделяют средства для переселения их в Крым. Тот же Ющенко предложил переселить несколько десятков тысяч татар из Узбекистана в… Севастополь!

Татары незаконно создали в Крыму свои государственные органы, тот же меджлис и вооруженные отряды. Еще в октябре 1992 г. в интервью газете «Остров Крым» Мустафа Джемилев глубокомысленно заявил: «Если начнутся открытые нападения – всякое может быть – у нас найдется все – и отряды, и военные специалисты. Кроме того, мы получили заверения от некоторых общественных организаций, которые я не буду сейчас назвать, что в случае чего они могут прийти на помощь».

Крымские татары давно бы устроили из Крыма Косово, но дело в том, что полуостров живет в основном за счет туризма и Российского флота, базирующегося там. Так, к примеру, бюджет города Севастополя в 2005 г. на 60 % составлен из поступлений из Российской Федерации. Начнись в Крыму партизанские действия – и о туризме можно забыть на долгие годы. Стоит упомянуть, что западных туристов в Крыму отдыхает крайне мало, а основные деньги крымчанам приносят туристы из Российской Федерации, которые в Крым ездят по привычке. Да и я сам грешен – считаю Крым своей второй родиной. Я отдыхал там с 8-го класса, облазил почти все побережье от Керчи до Евпатории.

Естественно, татары боятся зарезать курицу, несущую золотые яйца. Поэтому они пока лишь изредка применяют грубую силу. Речь идет о погромах государственных органов, самозахватах земель и т. д.

Российскому обывателю трудно понять словосочетание «самозахват земель». А крымские власти куда смотрят? На самом деле механизм самозахвата крайне прост. Приезжает, скажем, из Узбекистана татарский клан из двух-трех десятков семей и селится на приглянувшемся участке крымской, в основном заповедной земли. Живут себе поживают в палатках и фанерных домушках, не обращая ни малейшего внимания на требования властей освободить территорию заповедника. Если же власти грозят применить силу, то объявляется коллективная голодовка всего клана, и моментально откуда ни возьмись налетает толпа журналистов, в том числе и западных, чтобы запечатлеть «несчастных людей, готовых умереть голодной смертью, но на родной земле». Во избежание международного скандала крымские власти вынуждены отступить. И вот уже на месте палаток и времянок строятся капитальные каменные дома, проводятся коммуникации – на карте Крыма появился новый татарский поселок. Любопытно, что через пару лет от 30 до 50 % «захватчиков» продают землю предков и пускаются в новые авантюры.

Татары требуют для себя особый статус в Крыму. Программа-минимум татарских националистов – создание автономной татарской республики в Крыму в составе Украины, а программа-максимум – создание независимого татарского государства. Какого? Ясно – мусульманского, и, скорее всего, ханства. Недаром в Турции уже в 1990-х годах начали ставить памятники ханам Гиреям. (С опозданием на 200 лет!)

В 1991 г. на 2-м Курултае крымских татар была принята Декларация о национальном суверенитете крымских татар. В ней недвусмысленно говорится: «Крым является национальной территорией крымско-татарского народа (все остальные «коренные», понятно, не в счет), на которой ТОЛЬКО ОН (ТАТАРИН. – *А.Б.*) обладает правом на самоопределение так, как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом. Политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымско-татарского народа возможно только в его (ТАТАРИНА) суверенном национальном государстве».

Уже сейчас наряду с официальной властью в Крыму есть параллельная власть во главе с центральным «Меджлисом крымско-татарского народа». Ему подчинена сеть региональных меджлисов: городских, районных и сельских.

Украинские власти не рискнули дать Меджлису официальный статус, поскольку это противоречило бы конституции Украины и подтолкнуло бы другие народы, тех же русских, к созданию аналогичных органов. Тогда самостийники пошли на хитрую уловку. Они создали «Совет представителей крымско-татарского народа при Президенте Украины» (СПКН), таким образом фактически легализовав Меджлис, все члены которого вошли в состав Совета (СПКН).

Надо ли говорить, что представители Меджлиса разъезжают по миру, где встречаются и ведут переговоры с высокопоставленными лицами не только мусульманских стран, но и ряда стран НАТО.

Татары требуют создания этнократического государства в Крыму. Высшей расой там должны быть татары, а все остальные – чем-то вроде «неграждан» в Прибалтике. Идеологическим обоснованием этого является утверждение, что крымские татары – коренная нация, а все остальные – чужаки. Кроме того, десятки тысяч татар были насильственно выселены из Крыма и за это должны теперь иметь особые права.

Маленький штришок: татарские лидеры столь малограмотны, что в своих претензиях постоянно используют словосочетание «депортированы с территории Украины». О том, что такое депортация, я уже писал, а вот сообщили бы они хоть одну фамилию татарина, действительно депортированного с территории УССР в 1944 г. – Крым тогда был в составе РФСР! Татары требуют реституции, то есть возвращения собственности, утерянной ими в 1944 г. Причем платить им должна не столько Украина, сколько Россия.

Представим себе картинку: Татарин N требует компенсацию за дом, который еще в 1941–1944 гг. ему подарили немцы или он сам захватил. Ранее этот дом принадлежал русскому, еврею или украинцу, убитому немцами или татарами. И теперь Россия должна платить пособнику фашистов.

С 1991 г. Крым находится в метастабильном состоянии, которое, видимо, продлится еще не один год. Единственный разумный выход – это предоставление Крыму независимости под патронажем России и Украины, исключая любые проникновения туда третьих стран.

Раздел VI. Молдавия и Приднестровье

Глава 1. Откуда взялись Молдавия, Бессарабия и Румыния

В междуречье Прута и Днестра к концу I тысячелетия нашей эры жили многочисленные племена, включая славян. Автор «Повести временных лет», говоря о славянах, живших в карпато-дунайских областях, отмечает, что они прошли уже долгий исторический путь. Так, к югу от дулебов-волынян и до Черного моря жили уличи и тиверцы, которые «седяху бо по Днестру приселяху к Дунаеви; бе множство их, седяху бо по Днестру, или до моря, и суть гради их и до сего дне»[207].

Баварский географ X века также приводит ценные сведения об отдельных славянских землях, в том числе о землях уличей. Он отмечает, что уличи (unlizi) – «народ многочисленный», имеющий большое количество «городов» (городищ) – 318. Эти «города» продолжали существовать и в XII веке, когда составлялась «Повесть временных лет». Автор ее так прямо и говорит, что уличей «множство… и суть городи из и до сего дне»[208].

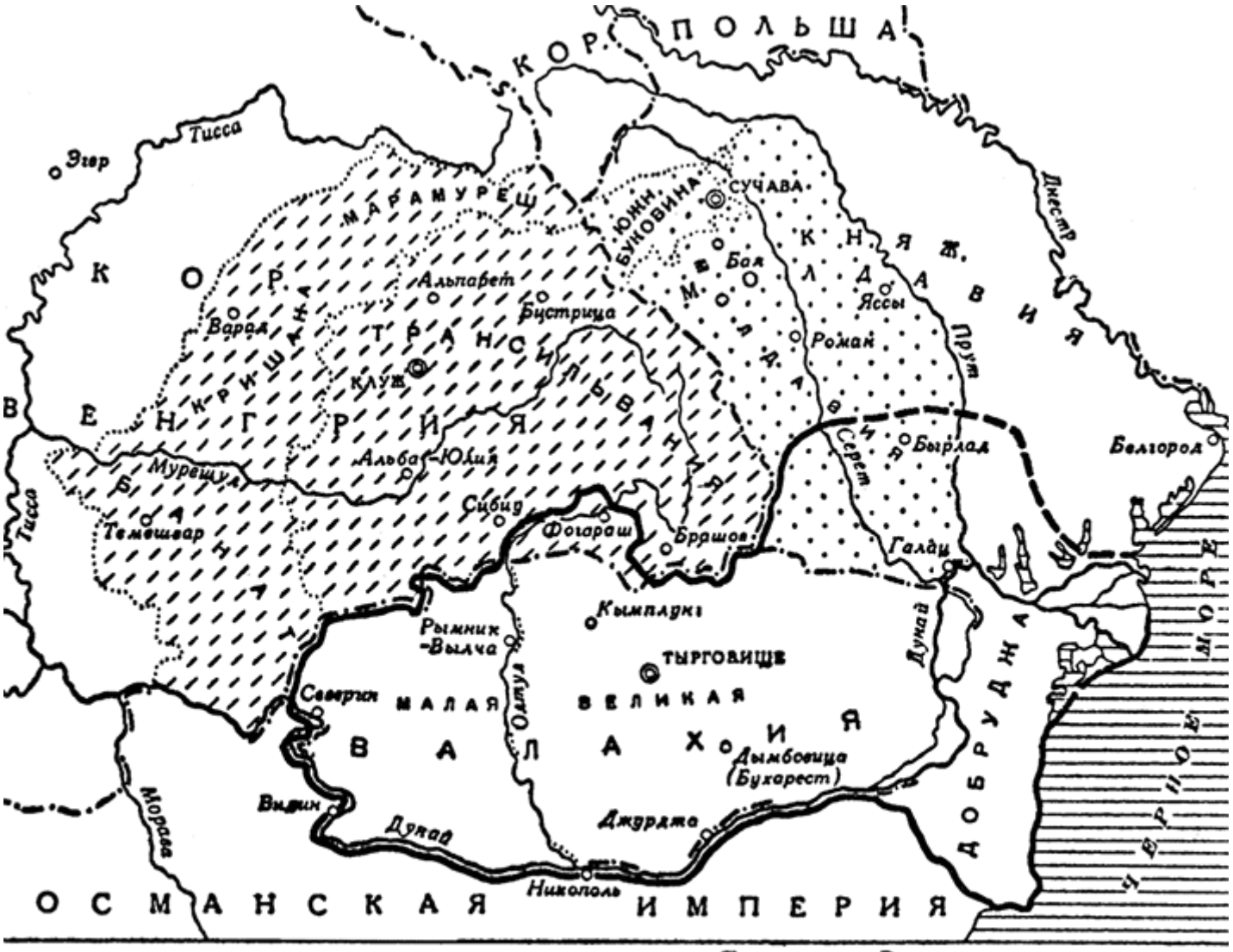
Есть достаточные основания полагать, что славянские племена тиверцев, составлявшие большую часть населения, проживавшего восточнее Прута и на обоих берегах Днестра, входили в состав Древнерусского государства (по крайней мере, в качестве вассалов).

Кстати, тиверцы жили и на правом берегу Прута, вместе с молдаванами. Откуда пошло название Молдова (Молдавия) – окончательно не выяснено. Видимо, это связано с рекой Молдова – правым притоком реки Серет, которая в свою очередь впадает в Дунай. Далее, когда мы будем говорить о княжестве Молдова, речь будет идти не о территории современной республики Молдова, а о большой территории, ограниченной с востока Днестром, а с запада – Восточными Карпатами. Большая часть княжества Молдова в настоящее время является территорией Румынии.

Тиверцы и молдаване участвовали в 907 г. в походе князя Олега на Константинополь. В 911 г. в договоре Олега с греками фигурировали и представители местной знати дунайско-днестровских земель Карн, Руал, Лидвул, которые были посланы от Олега, «великого князя русского… и от всех иже суть под рукою его светлых бояр»[209].

То, что оные бояре представляли дунайско-днестровские земли, подтверждается не только их именами романского происхождения (Лидвул, Руал, Карн), но и топонимическими данными. С именем Карн связан ряд владений и населенных пунктов, существовавших еще в конце XIV века, а согласно Воскресенской летописи, город Карн находился в дунайско-днестровском бассейне.

В летописных известиях о походе киевского князя Игоря на Константинополь в 944 г. тиверцы упоминаются уже не как союзники, а как население Древнерусского государства, обязанное участвовать в военных предприятиях киевских князей. В летописи говорится: «Игорь совокупи воя многы», в том числе и тиверцев, «и поиде на грекы в лодьях и на конех»[210]. Для заключения договора с Византией Игорь посылает и представителей местной знати. Это «бояре и сановники» Адул, Гомол, Руалд. Они были посланы «от Игоря великого князя Рускаго и от всякоя княжья»[211].

Княжества Молдавия и Валахия в XIV–XV веках

Таким образом, при киевском князе Игоре дунайско-днестровские земли были включены в состав Древнерусского государства.

В начале XII века территория между Прутом и Днестром входит в состав Галицкого княжества. Со времени походов Батыя в 1241 г. территория современной Молдовы попала под власть татар. Причем она стала не вассальным владением с национальной администрацией, а находилась под непосредственным управлением ордынских феодалов.

В конце XIII века – первой половине XIV века Молдавия стала ареной борьбы между татарами и венграми. К 1350 г. татары были окончательно изгнаны, а Молдавия стала вассальной территорией венгерского короля. Резиденцией королевского наместника Драгоша был город Бая.

В 1359 г. молдавский боярин Богдан изгнал венгров и сам стал править. Однако его преемникам пришлось стать вассалами польского короля Владислава (Ягайло). В конце XIV века в городе Сучаве была создана молдавская православная митрополия.

Южная часть Молдавии входила в состав княжества Валахия в царствование Мирчи Старого (1386–1418). В конце XV века Валахия попадает в вассальную зависимость от турок.

Молдавский князь Стефан Великий (1457–1504) пытался добиться независимости для своего княжества. В 1467 г. он разбил войско венгерского короля Матвея Корвина, а в 1497 г. – польское войско. Стефан попытался получить помощь и от Москвы. В 1483 г. он выдал свою дочь за Ивана Молодого, сына Ивана III. Однако из-за ранней смерти Ивана Молодого и последующего заточения и убийства его сына Дмитрия Ивановича союзные отношения были прерваны.

К концу своего правления Стефан Великий был вынужден окончательно признать вассальную зависимость своего княжества от турок и возобновил выплату дани султану.

Еще в 1484 г. турецкие войска захватили Килию и Белгород с прилегающей к ним территорией. В 1538 г. турки отторгли от Молдавского государства значительную территорию в междуречье Прута и Днестра – Буджак (Бессарабию)[212] и Бендеры.

По требованию султана Молдавия обязана была поставлять свои войска для участия в турецких походах. В 80-х годах XVI века молдавские господари должны были выступать по зову султана во главе 10 тысяч конных воинов.

Молдавия поставляла людей и материалы для ремонта турецких крепостей. Так, при укреплении Очакова в XVI веке Молдавия единовременно предоставила туркам 15 тыс. человек и 3 тысячи подвод. Молдавские крестьяне должны были ремонтировать дороги и строить мосты для нужд турецкой армии.

Молдавия ежегодно платила туркам огромную дань в виде сельскохозяйственных продуктов, а именно: рогатый скот, хлеб, масло, сыр, воск и др. Обязательны были также поставки корабельного леса и «коней добрых» для турецкой конницы.

В начале XVI века Молдавия лишилась на северо-востоке территории Покутья, населенной русскими. Ее господарь Богдан III передал польскому королю.

Любопытно, что до XVI века вся официальная документация и частная переписка в Молдавии и Валахии велась кириллицей на церковно-славянском языке. Господарь Василий Лупу учредил Славяно-греко-латинскую академию в Яссах и ряд других школ.

Русское и малороссийское культурное влияние проявлялось в насаждении просвещения и книгопечатания. Из Киева в Молдавию были привезены первые типографии. Киевский митрополит Петр Могила помогал развитию книгопечатания в Молдавии и созданию там школ.

И лишь в XVI веке появляются книги на диалекте молдавского языка. В середине XVI века намечается тенденция к постепенному складыванию единого литературного языка, основой для которого служил валашский диалект. Этот язык лишь в середине XIX века назовут румынским. В 1561 г. появилась первая печатная книга на валашском диалекте – Евангелие.

Молдавский господарь (князь) Василий Лупу в борьбе против турок решил вступить в союз с запорожскими казаками и в 1652 г. выдал свою дочь Розанду за Тимофея Хмельницкого, сына знаменитого Богдана. Казацкий отряд под командованием Тимофея оказывал активную помощь молдаванам в борьбе с валашскими и венгерскими войсками, вторгшимися в 1653 г. в Молдавию.

Вступление царских войск в Малую Россию обратило взоры молдавских правителей к Москве. 15 марта 1656 г. новый молдавский господарь Георгий Стефан послал грамоту к царю Алексею Михайловичу с просьбой принять Молдавию в российское подданство. Стефан писал: «Мы, не знающи в всих вселенских странах иншего православнаго царя, развя царское ти величество, днес прибегаем и припадаем под славна и висока, и честна царска ти рука»[213].

29 июня 1656 г. Алексей Михайлович отправил Стефану «жалованную» грамоту с согласием принять княжество Молдавское в русское подданство: «…мы, великий государь… велели тебя, Стефана

воеводу, с Молдавскою землею принять под нашу царского величества высокую руку в вечное подданство.

И тебе б, Стефану воеводе, бытии под нашею царского величества высокою рукою со всею Молдавскою землею навеки неотступно…»[214]

7 июля 1656 г. посланники Стефана митрополит Гедеон и боярин Логофет Григорий Нянул в Успенском соборе Кремля присягнули на верность России от лица господаря и всего молдавского народа.

Однако господарь Стефан вскоре был свергнут с престола, а русские войска погрязли в длительной войне в Малороссии. В результате заключенный в Москве договор о присоединении так и остался на бумаге.

Дальше – пошло-поехало. Как только Россия объявляет войну Оттоманской империи, так сразу господари и бояре Молдавии пишут слезные прошения о принятии в русское подданство.

Так, в 1711 г. обратился к царю Петру господарь Дмитрий Кантемир. Однако Прутский поход царя кончился большой конфузией, и присоединение не состоялось.

В 1735 г. началась очередная русско-турецкая война, и 25 апреля (6 мая) 1737 г. валахские бояре обратились к императрице Анне Иоанновне с просьбой о принятии подданства. Подписали митрополит Стефан и 15 бояр.

5 сентября 1739 г. в городе Яссы был подписан «Договор между штатами духовными и светскими Молдавского княжества и фельдмаршалом Минихом о вступлении княжества в подданство Российской державы».

Война 1735–1739 гг. была выиграна Россией. Однако подписание Австрией сепаратного мира с Турцией, подготовка Швеции к войне с Россией и династические неурядицы заставили Россию заключить 29 сентября 1739 г. в Белграде мир с Оттоманской империей. Молдавия и Валахия так и остались в турецком подданстве.

В ходе войны 1768–1774 гг. ситуация повторилась в точности. В 1769 г. митрополит Молдавский Гавриил и бояре опять послали в Петербург «просительную грамоту». В том же году состоялся указ Екатерины Великой о присоединении княжества Молдавского к Российской империи. Войска фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского заняли Молдавию. Но, несмотря на блестящие успехи русской армии и флота, Молдавию и Валахию пришлось вернуть туркам. Правда, в одной из статей Кючук-Кайнарджийского мира 1774 года говорилось, что Россия имеет «право заступничества за христиан в Молдавии и Валахии».

После новой Войны с Турцией 1787–1791 гг., согласно Ясскому миру, границей между двумя странами стала река Днестр от самого Черного моря. На правом берегу Днестра находилась Очаковская область. В 1792 г. русские войска на Днестре основали крепость и город Тирасполь.

Екатерина II, присоединив к империи практически пустынную Очаковскую область, предприняла активные меры по ее заселению, не обращая внимания на национальность поселенцев. Туда «добровольно-принудительно» отправляли казенных крестьян из Ярославской, Костромской и Владимирской губерний. Туда же селили отставных солдат и матросов.

А теперь я процитирую известного русского историка М. К. Любавского (1860–1936): «Что касается иностранцев, то первое место в ряду колонистов Очаковской области заняли *молдаване*. Они устроились на жительство в городах и селениях по Днестру – *Овидиополе* (на месте прежнего Аджибера), *Новых Дубоссарах, Тирасполе* и др. Тогда же 26 молдавских бояр и чиновников получили в Тираспольском и Ананьевском уездах до 260 тыс. десятин земли и основали 20 деревень и несколько хуторов. Каждый из них обрел по нескольку тысяч десятин (от 4 до 24 тыс.); свои деревни молдавские помещики заселили по большей части русскими крестьянами; они сумели также закрепить за собой и до 1000 свободных своих земляков. Живя смешанно с русским населением, молдаване скоро обрусели»[215].

Итак, 75 лет назад профессор Любавский поставил точки над «i»: молдаване в Приднестровье – иностранцы!

24 января 1802 г. молдавское боярство и духовенство обратились к Александру I с просьбой о защите от турецкой тирании.

В ноябре 1806 г. русская армия перешла Днестр, в течение двух месяцев овладела важнейшими турецкими крепостями Яссы, Бендеры, Аккерман, Килия, Галац, Бухарест и вышла к Дунаю. Однако война затянулась, и лишь 19 октября 1811 г. в городе Журже начались переговоры о мире. Александр I потребовал присоединить к России оба княжества – Молдавию и Валахию. Однако турки уперлись. Александр I был поставлен перед дилеммой – продолжать войну с Турцией (в этом случае он мог даже заполучить Проливы) или продолжать интриги в Германии. Царь выбрал второе, рискнув вызвать гнев Наполеона и новую войну на Западе. В этом случае пришлось мириться с турками.

5 мая 1812 г. в Бухаресте был подписан мир. Россия вернула султану завоеванные ею Молдавию и Валахию, а взамен получила междуречье Днестра и Прута, причем часть Бессарабии (Буджака), то есть южный угол остался за Турцией.

Повторяю, Россия в 1812 г. получила только небольшой кусок княжества Молдова. Возник вопрос, как его именовать, и, не мудрствуя лукаво, его обозвали Бессарабией. Таким образом, Бессарабия из восточного угла Молдавии превратилась в название междуречья Днестра и Прута. Заранее извиняюсь перед читателем за столь хитрые переименования XIX–XXI веков, но не я их выдумал.

С 1812 г. по 1818 г. Бессарабия входила в состав Бессарабско-Новороссийского губернаторства с центром в Одессе, а затем, в 1818–1828 гг., существовала как самостоятельная Бессарабская область с административным центром в городе Кишиневе, впервые «поднятом» в административном отношении из уездного города до ранга областного центра.

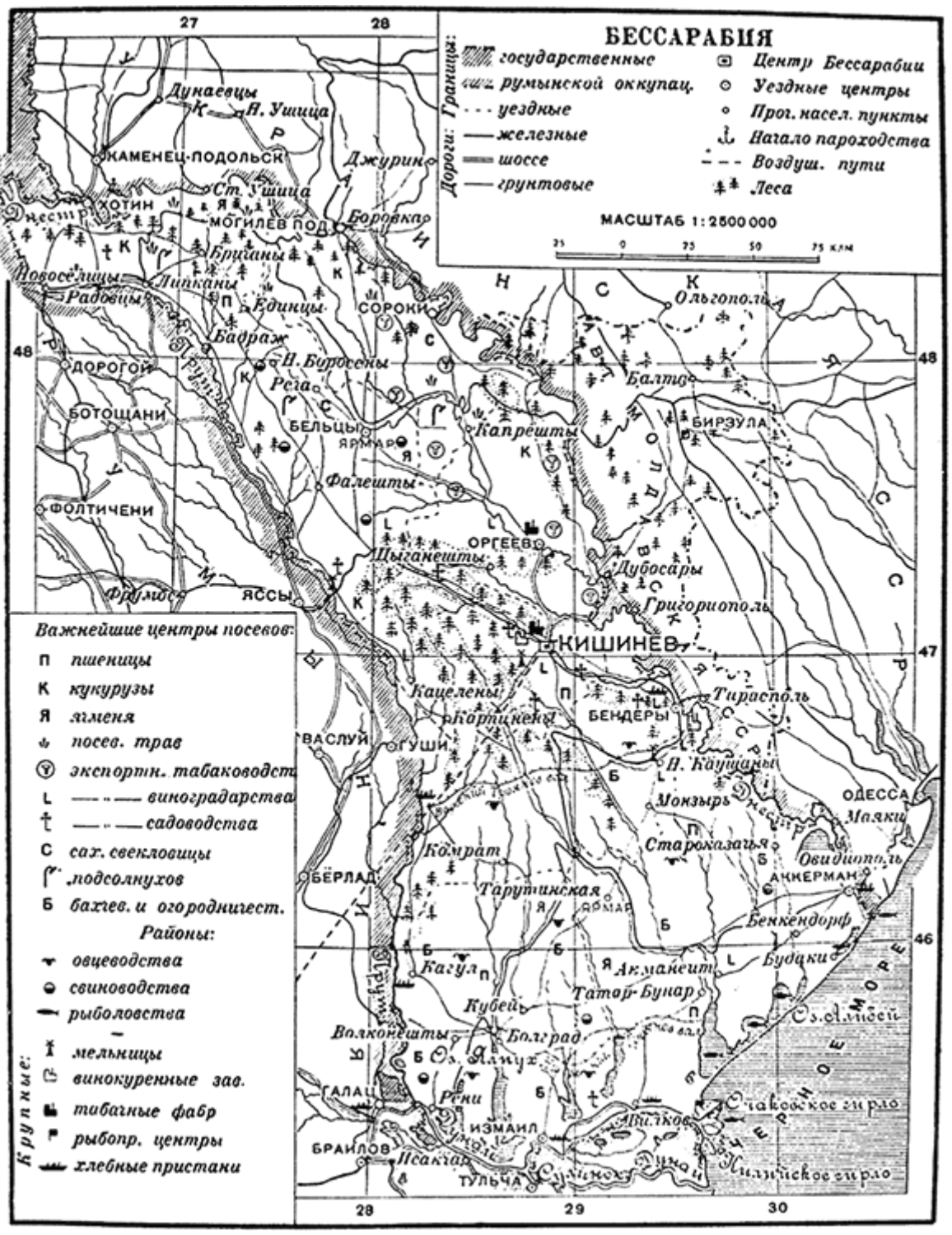
Бессарабская область получила широкую внутреннюю автономию, собственные законы и управлялась Верховным советом наряду с генерал-губернатором, который, однако, был здесь не главой исполнительной власти, а лицом, представлявшим интересы империи.

После очередной войны с турками, в 1829 г., по Адрианопольскому миру к России отошла дельта Дуная и прилегающая к ней остальная часть Буджака, еще остававшаяся турецкой. Эта территория была присоединена к Бессарабии.

После неудачной для России Крымской войны, согласно Парижскому миру 1856 г., была установлена новая граница между Россией, Турцией и Молдавским княжеством, которое продолжало оставаться вассалом Оттоманской империи.

Россия уступала Турции часть Буджака, но в 1878 г. этот кусок был возвращен России. Однако к этому времени соседом России стало уже новое государство – Румыния.

20 ноября (по ст. стилю) 1861 г. султан принял «Фирман об административном устройстве Молдовы и Валахии», который утвердил политическое и административное объединение Молдовы и Валахии, как автономных территорий, находящихся в составе Османской империи. 11 декабря 1861 г. Александру Иоан Куза, будучи одновременно правителем Молдовы и Валахии, опубликовал прокламацию, утверждавшую образование румынской нации. Через два дня, 24 января 1862 г., государственные собрания Молдовы и Валахии объявили Бухарест столицей страны. С этого дня Молдавское княжество перестало существовать. Из политических соображений Куза заменил в Валахии и Молдавии кириллицу на латинский шрифт.

Бессарабия

В ночь с 10 на 11 февраля 1866 г. в новоявленном государстве произошел военный переворот. Несколько офицеров ворвались в спальню Кузы и заставили его отречься от престола.

Затем пришедшая к власти клика начала поиски короля из иностранных принцев. В конце концов, остановились на 27-летнем принце Карле – представителе боковой (швабской) ветви рода Гогенцоллернов.

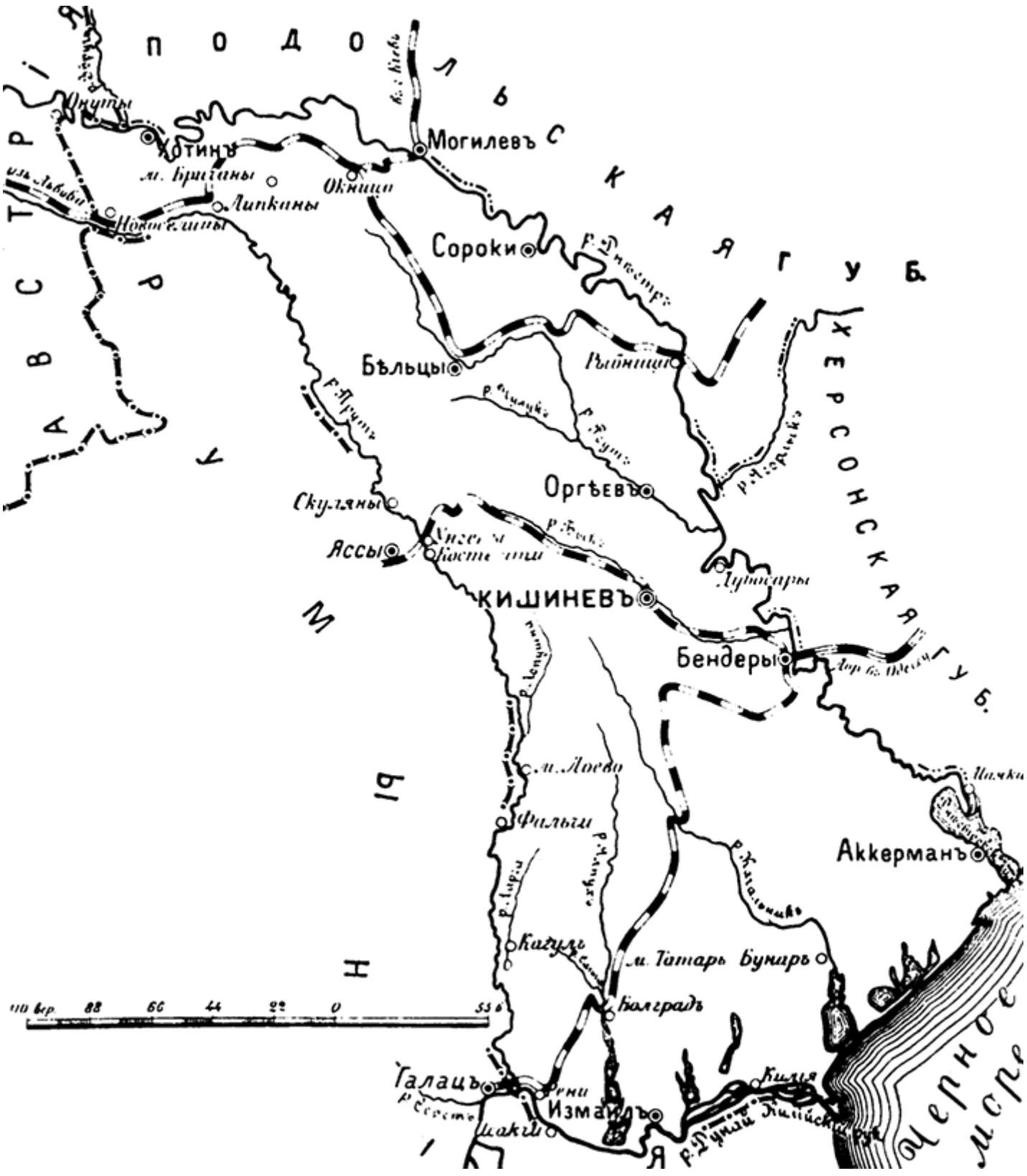

Схема железных дорог Бессарабской губернии

В это время принц служил капитаном в прусском драгунском полку. Принц, переодетый в одежду приказчика, тайно поехал по Дунаю в Бухарест. Там он был переименован в Кароля I и стал основателем династии румынских Гогенцоллернов. 22 мая 1881 г. Кароль I объявил Румынию королевством, а сам сделался из князя королем.

В 1873 г. указом Александра II Бессарабская область была преобразована в одноименную губернию. Восточной границей ее по-прежнему была река Днестр. Причем до реки Ягорлык (левого притока Днестра) была территория Херсонской губернии, а далее к северу – Подольской губернии. Таким образом, нынешняя Приднестровская республика находилась в Херсонской и Подольской губерниях.

Приведу некоторые статистические данные по Бессарабской губернии: «Население (1 января 1900 г.) составляет 2043 тыс. жителей обоего пола. Плотность населения – 61 чел. на кв. версту. Племенной состав: русских – 27,8, турко-татар – 2,9, поляков – 0,6, евреев – 11,8, германцев – 3,1 и румын (молдаван) – 53,7 %. Православных – 84,25 %.

Около 75 % населения земледельцы… Сбор хлебов характеризуется в среднем за пятилетие (1903–1907 гг.) остатком за вычетом посева на одну душу населения – 13,71 пуд. Домашними животными район хорошо обеспечен (на 100 жителей – 20 лошадей, 26 голов крупного и 70 мелкого скота, 13 свиней).

Искусственными путями сообщения Бессарабия небогата. Железные дороги района, пересекая Днестр у Могилева, Рыбницы и Бендер, подходят к нашей государственной границе четырьмя линиями: 1) Могилев – Окница – Новоселицы;

2) Рыбница – Бельцы – Окница и далее на Новоселицы; 3) Бендеры – Кишинев – Унгени; 4) Бендеры – Рении.

По своему направлению все эти железнодорожные линии более способствуют наступательным действиям, облегчая сосредоточение наших войск к границе, чем обороне района»[216].

Глава 2. Как Бессарабия стала румынской

В преддверии и в начале Первой мировой войны страны Тройственного союза предлагали румынскому правительству за участие в войне на их стороне – Бессарабию, а страны Антанты – Трансильванию, Банат и часть Буковины, принадлежавшей Австро-Венгерской империи. Король Кароль I, как Гогенцоллерн, решил воевать на стороне Вильгельма II, но этого не хотели правящие классы страны.

10 октября 1914 г., то есть спустя 9 дней после начала войны, Кароль I внезапно умер. В ящике его письменного стола остался составленный королем текст, который он не успел прочесть на заседании Коронного совета. «Положение в Румынии приняло в последнее время столь угрожающий оборот, что я не могу больше нести ответственность за ее судьбу, – писал Кароль. – Бывшие министры, университетские профессора, представители всех социальных классов видят сегодня перед собой только одну цель: овладеть Трансильванией… Я не могу более оставаться во главе страны, которая отказывает мне в своем доверии»[217].

Поскольку у Кароля I была только одна рано умершая дочь, ему наследовал племянник – 49-летний Фердинанд I.

14 (27) августа 1916 г. Румыния объявила войну Австро-Венгрии, и уже на следующий день румынская армия перешла в наступление в Трансильвании, которое продолжалось до 13 (26) сентября. Затем австрийцы нанесли контрудар, а с юга двинулись болгарские войска. Лишь переброска из России в Румынию 35 пехотных и 13 кавалерийских дивизий помогла удержать фронт.

К сентябрю 1917 г. почти вся Румыния (72,4 %) была захвачена противником, а фронт проходил в нескольких километрах от дельты Дуная, а дальше – в 80—120 км от русской границы. К этому времени на румынском фронте, считая тылы, находилось почти 2 миллиона русских и 458 тыс. румынских солдат.

О Февральской революции в России в Тирасполе узнали 8 (21) марта 1917 г. В тот же день возник местный Совет в Бендерах, 12 (25) марта – в Тирасполе, а на следующий день – в Кишиневе. К началу же мая 1917 г. Советы были созданы во всех уездах Бессарабии. Не дожидаясь указаний из Петрограда, крестьяне уже в апреле 1917 г. явочным порядком стали делить помещичьи земли.

В конце марта 1917 г. в Бессарабии помещики, буржуазия и часть интеллигенции создали Молдавскую национальную партию (МНП). Мне так и не удалось пока выяснить, почему в названии партии было прилагательное «молдавская», а не «бессарабская». Видимо, члены МНП загодя готовили Бессарабию к включению в Молдавию, то есть в часть Румынии.

МНП в августе 1917 г. приступила к созданию «молдавских батальонов», которым руководил созданный 23 июля (5 августа) в Кишиневе Центральный молдавский военно-исполнительный комитет. Командование Румынского фронта и Одесского военного округа направило в эти батальоны солдат и офицеров-молдаван.

7 (20) октября Центральный молдавский военно-исполнительный комитет начал созыв военно-молдавского съезда. Временное правительство и Ставка Верховного главнокомандования были против проведения этого съезда, однако 20 октября (2 ноября) открылось его первое заседание. На съезд прибыло около 600 делегатов, хотя по нормам выборов от 250 тыс. военнослужащих из Бессарабии должно было быть не менее 7500 делегатов. Большинство прибывших делегатов составляли офицеры. На съезд также пригласили группу военнопленных австро-венгерской армии, а именно трансильванцев. Они стали провозглашать здравицы в честь румынского короля и петь национальные румынские песни, что не понравилось большинству делегатов. 21 октября (3 ноября) съезд вынес решение создать «Сфатул Цэрий» и добиться автономии Бессарабии.

9 (22) ноября 1917 г. Совнарком РСФСР отправил в войска телеграмму с приказом заключить перемирие на фронте. Командование Румынского фронта и Ставка Верховного главнокомандования

отказались выполнить этот приказ, но солдаты отказались воевать. Фронт начал разваливаться. Поэтому помощник при номинальном командующем Румынским фронтом румынском короле Фердинанде I генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев с согласия румынского правительства и представителей Антанты 21 ноября (4 декабря) начал переговоры о перемирии с австро-германским командованием. И уже 26 ноября (9 декабря) 1917 г. в городе Фокшаны стороны подписали перемирие на Румынском фронте.

В декабре 1917 г. румынские войска начали наступление на Бессарабию под видом выполнения приказа командующего румынским фронтом генерала Щербачева об охране складов и дорог и восстановлении порядка. Щербачев таким путем надеялся завершить разоружение революционных войск и помочь Каледину, Краснову и другим в борьбе против Советов. Активную помощь румынским войскам оказывали войска Центральной Рады. Продвижение румынских войск в Бессарабии встречало вооруженный отпор со стороны отходящих революционных частей и населения. После боев 13 (26) января 1918 г. был занят Кишинев, затем другие города. Продвижение румынских войск сопровождалось расправами над крестьянством, захватившим после Октября помещичьи земли.

27 марта 1918 г. «Сфатул Цэрий» проголосовал за присоединение Бессарабии к Румынии.

Чтобы остановить контрнаступление со стороны находившихся за Днестром советских войск и многочисленных ушедших с ними бессарабских крестьян и рабочих, Антанта предложила советской власти посредничество в переговорах с Румынией. В феврале 1918 г. был подписан протокол о ликвидации русско-румынского конфликта, 5–9 марта – соглашение между РСФСР и Румынией об очищении Румынией Бессарабии. Согласно протоколу, Румыния обязывалась вывести свои войска из Бессарабии в двухмесячный срок.

26—28 февраля австрийские войска внезапно перешли в наступление. По соглашению между румынским и австро-германским командованием северная часть Бессарабии (Хотинский и часть Сорокского уездов) была занята австро-германскими войсками. Через северные районы Бессарабии на Киев двинулись австро-венгерские войска 25-го армейского корпуса, через центральные районы Бессарабии на Рыбницу, Бирзулу и Одессу – 27-го австро-венгерского корпуса, а через Бендеры и Одессу – 52-го германского армейского корпуса.

25 января (7 февраля) командующий австро-германскими войсками фельдмаршал Макензен потребовал от румынского правительства не позднее чем через четверо суток доложить о своей готовности начать мирные переговоры. На следующий день, 26 января, было создано правительство генерала А. Авереску, а 1 (14) февраля в Бухаресте начались переговоры о мире.

18 февраля фельдмаршал Макензен лично заверил генерала Авереску в том, что румынскому королю ничего не угрожает, и Румыния может оставить свои войска в Бессарабии. Одновременно румыны получили предварительные условия мира:

1. Не возобновлять войны со странами Четвертного союза[218].

2. Уволить из румынской армии офицеров Антанты и принять германского офицера связи в румынском генштабе.

3. Поддерживать вывоз сельхозпродуктов с Украины.

4. «Вся румынская армия получает свободу рук для операции против большевиков или против Петроградского правительства до тех пор, пока последнее не подпишет мира с центральными державами и Румынией. Она будет поддержана, если это станет необходимым с военной точки зрения, подразделениями союзных правительств»[219].

Договор между Румынией и странами Четвертного союза был подписан 5 марта 1918 г. в местечке Буфта под Бухарестом. Согласно этому договору: 1. Румыния уступала Четвертному союзу Добруджу.

2. Державы Четвертного союза обязывались предоставить Румынии торговый выход к Черному морю через Констанцу. 3. Румыния в целом соглашалась на австро-венгерские требования исправления австро-венгерско-румынской границы. 4. Румыния признала экономические требования. 5. Румыния обязалась немедленно демобилизовать 8 дивизий и поручить проведение демобилизации румынскому и германскому командованию. Остальная румынская армия подлежала демобилизации после

восстановления русско-румынского мира. 6. Румыния согласилась на немедленный вывод своих войск с австро-венгерской территории.

7. Румынское правительство обязалось всеми силами поддержать перевозку войск держав Четвертного союза через Молдавию и Бессарабию в Одессу. 8. Румыния обязалась уволить всех находившихся на румынской службе офицеров Антанты. 9. Договор вступал в силу немедленно. Не позднее 14 дней Румыния обязана заключить окончательный мирный договор.

В октябре 1918 г. начался развал Австро-Венгерской империи. Румынские националисты ликовали. 18 октября в Будапеште, в парламенте, зачитали декларацию о суверенных правах румынского народа Трансильвании, а 31 октября в Араде организовался Румынский национальный совет Трансильвании, отказавшийся выполнять распоряжения венгерского правительства. Во второй половине ноября в Трансильвании прошли выборы в Великое национальное собрание, которое открылось 1 декабря в Абла-Юлии. 23 ноября румынская армия вступила на территорию Трансильвании и продвинулась до верховьев реки Муреш.

18—24 ноября в Буковину были введены румынские войска. 28 ноября Генеральный конгресс Буковины в составе 74 местных румын, 7 немцев, 6 поляков и 13 лояльных к Румынии украинцев принял решение «безусловно присоединиться» к Румынии.

18 ноября австро-германские войска ушли из Северной Бессарабии, а румынский премьер Маргиломан приказал по телеграфу румынским войскам перейти нейтральную границу на севере Бессарабии и занять ее до Хотина.

Понятно, что большевики тоже не сидели сложа руки. 7 марта 1919 г. советские войска заняли Бердичев и Казатин, 10 марта – Херсон, 14 марта – Николаев, 15 марта – Житомир и Умань, 18 марта – Винницу, 20 марта – Жмеринку, 30 марта – Вапнярку.

30 марта 1919 г. на фронте Новая Ушица – Могилев-Подольский – Ямпль была развернута 1-я отдельная Бессарабская бригада, которая 24 апреля вошла в состав 1-го Украинского фронта.

17 апреля красные вступили в Каменец-Подольск, 18 апреля заняли Раздельную, Тирасполь, Овидиополь, 20 апреля – Дубоссары, 23 апреля – Маяки, тем самым обеспечив бесперебойное снабжение Одессы водой.

22 апреля 1919 г. командующий 1-й Украинской армией докладывал, что «весь левый берег Днестра от Белочь в 20 верстах севернее Рыбница до устья с переправами в наших руках. Петлюровские банды ушли за Днестр, часть их разоружена. Румынские части прорвались в Галицию. Три румынских монитора обстреливали Овидиополь и берег лимана до Бугаза, разбили и увезли в этом районе все лодки, баржи»[220].

5 мая 1919 г. на территории Тираспольского уезда Херсонской губернии и Балтского и Ольгопольского уездов Подольской губернии большевики создали Бессарабскую Советскую Социалистическую республику – БССР. (Эти земли сейчас принадлежат Приднестровской республике.) Столицей республики стал город Тирасполь.

С 11 мая части советских 2-й и 3-й Украинских армий несколько раз пытались форсировать Днестр. 27 мая красные даже было взяли Бендеры, но вскоре были оттуда выбиты и переправились на левый берег Днестра.

К середине июля 1919 г. ситуация на Бессарабском фронте стабилизировалось. Однако в связи с наступлением Деникина и активностью банд на Украине советским войскам к началу октября пришлось уйти с левого берега Днестра. В сентябре самораспустилось и правительство Бессарабской Советской Социалистической республики.

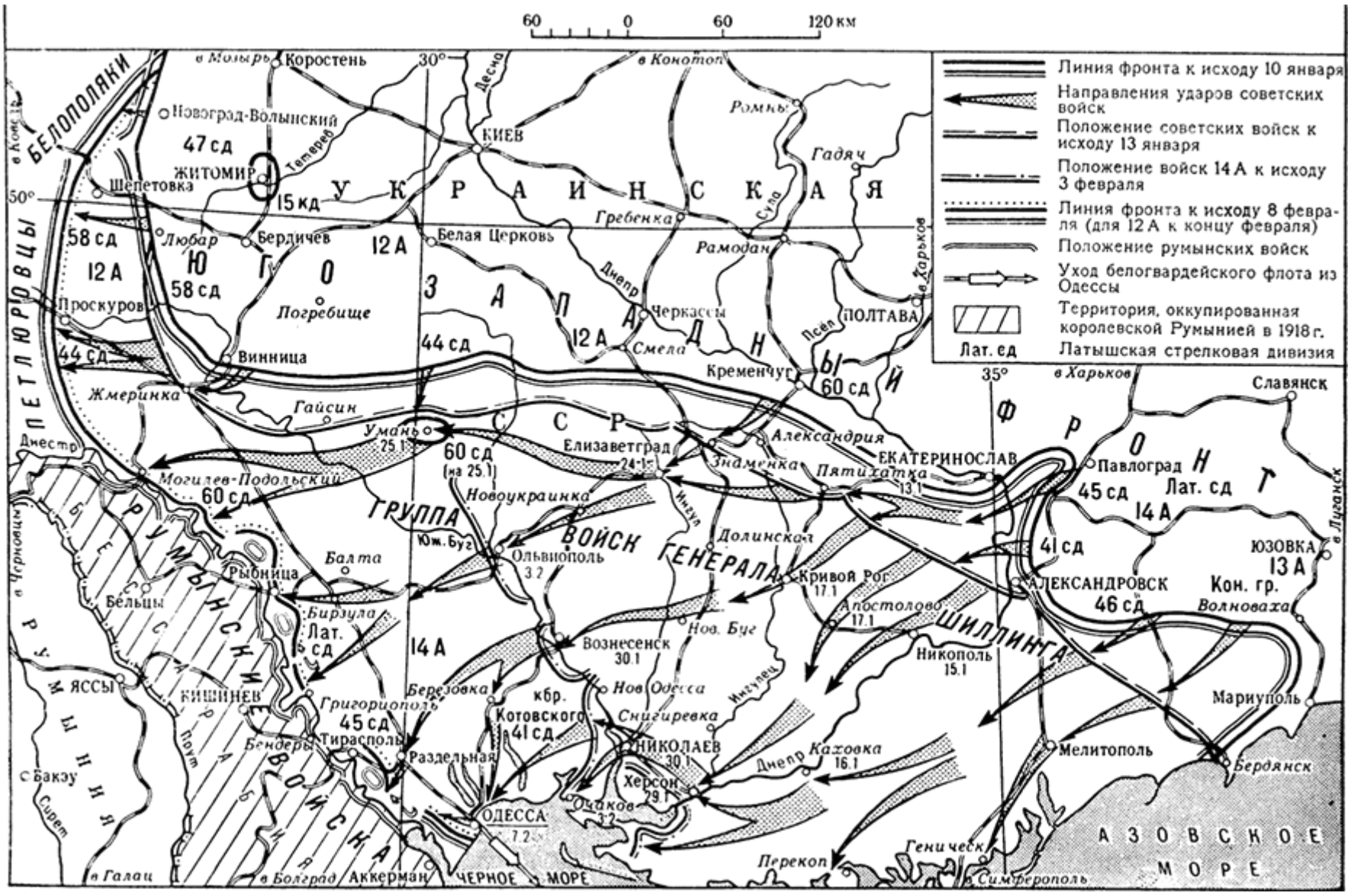
А тем временем бессарабский вопрос рассматривался на мирной конференции в Версале. Страны Антанты предложили Румынии провести плебисцит в Бессарабии по поводу присоединения ее к Румынии. Однако румынские представители категорически возразили, сославшись на то, что большинство населения и без того согласно на объединение с Румынией. Министр иностранных дел Братиану заявил, что он «в принципе… не против любого плебисцита в Бессарабии, поскольку Бессарабия, во-первых, является румынской как с исторической, так и с этнической точек зрения, во-

вторых, она в условиях полной свободы выразила желание объединиться с Румынией, в-третьих, плебисцит способствовал бы сохранению атмосферы неуверенности и беспокойства»[221].

«В конце концов, Румыния согласна на плебисцит, – закончил Братиану, – но при условии проведения аналогичных мероприятий в других странах». Это был сильный аргумент. Антанта практически нигде не проводила плебисцитов и референдумов, кромсая карту Европы по своему усмотрению.

После разгрома Деникина части Красной Армии 13 февраля 1920 г. заняли Тирасполь и Парканы и вышли к Днестру. В тот же день у Аккермана были разбиты остатки Добровольческой армии, отступившие из Одессы к Днестру, чтобы уйти в Бессарабию, однако румыны их не пропустили за реку.

К 18 февраля 1920 г. все левобережье Днестра от Рыбницы до Черного моря было занято частями Красной Армии. Однако начинать полномасштабную войну с Румынией из-за Бессарабии советское правительство не спешило. В тылу советских войск, в Крыму, оказалась врангелевская «Русская армия», а на западе поляки начали наступление на Белоруссию и Украину.

Боевые действия на юге Украины и в Приднестровье в январе – феврале 1920 г.

Не надеясь на свою армию, румынское правительство лихорадочно искало опору на Западе. В октябре 1920 г. у румын родился план создания Малой Антанты – союза восточноевропейских стран, в который вошли бы Польша, Чехословакия, Румыния и Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия). Английскому и французскому правительствам, создававшим в тот момент «санитарный кордон» в Восточной Европе, сей план пришелся по душе.

Желая поддержать Румынию, союзные страны 28 октября 1920 г. подписали Парижский протокол, согласно которому они признавали суверенитет Румынии над бессарабской территорией, лежащей между нынешней границей Румынии, Черным морем, течением Днестра и его устья.

Советская Россия и Украина направили в Париж, Лондон, Рим и Бухарест протест: «Советские республики Россия и Украина, узнав, что подписан договор о присоединении Бессарабии к Румынии, объявляют, что не могут признать имеющим какую-либо силу соглашение, состоявшееся без их участия, в отношении Бессарабии и что они никоим образом не считают себя связанными этим договором, заключенным другими правительствами»[222].

В ответ румынское правительство заявило о Бессарабии, что «эта провинция, столь же румынская, сколь и остальная часть королевства, от которого она была отделена актом произвола 1812 г., воссоединилась с Родиной-матерью по своей собственной воле, выраженной ее представителями». И так как это присоединение признано великими державами, «вопрос о воссоединении Бессарабии с Румынией окончательно закрыт, и Румынское Правительство впредь обсуждать его не намерено»[223].

Румыны нагло врали. После воссоединения с «родиной-матерью» из Бессарабии только в 1919–1925 гг. бежали 350 тыс. человек, то есть более 10 % населения страны. Основное число этих людей уходило в Украинскую ССР, на левый берег Днестра, но часть уезжала в Америку (преимущественно в Бразилию).

Постановлением ЦИК УССР от 12 октября 1924 г. была образована Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика (МАССР) из части территории Балтского и Одесского округов Одесской губернии и Тульчинского округа Подольской губернии. Границей МАССР на западе и юго-западе была объявлена линия рек Прут и Дунай. Таким образом, в состав МАССР формально входила и Бессарабия, оккупированная в то время Румынией. Левобережье реки Днестр, на котором фактически существовала советская власть, занимало 8288 кв. км.

Административным центром республики до 1929 г. был город Балта, а в 1929–1940 гг. – Тирасполь. Официальной же столицей республики считался город Кишинев, расположенный на территории Бессарабии.

Причины создания МАССР не особенно скрывались большевиками. Так, газета «Правда» писала: «У ворот Румынии, где свирепствует самая черносотенная в Европе буржуазия, зажглась советская звезда. Ее лучи будут светить далеко на Запад, и она будет служить путеводной звездой всему населению Бессарабии и пролетариату Румынии».

В связи с тем, что Франция дала гарантии территориальному статус-кво Румынии, Наркомат иностранных дел СССР 2 октября 1926 г. через посольство СССР в Париже заявил, что «…народы СССР, равно как и все население Бессарабии, никогда не соглашались и никогда не согласятся считать законно оккупацию Бессарабии, равно как и ее аннексию Румынией».

В 1934 г. Советский Союз установил дипломатические отношения с Румынией, но его позиция в отношении Бессарабии не претерпела изменений: эта территория так и продолжала считаться незаконно оккупированной советской территорией, и на административно-политических картах СССР она окрашивалась тем же цветом, что и вся остальная территория Союза, но заштриховывалась синей или фиолетовой сеткой, указывавшей на состояние этой области под румынской оккупацией.

С советских времен у нас повелось считать Гитлера единственным виновником развязывания мировой войны, ну, само собой разумеется, поминаются Рим и Токио. Однако до 1 апреля 1940 г. Гитлер занял лишь земли, веками принадлежавшие Германии и Австро-Венгрии. Напав в 1941 г. на СССР, Гитлер стал агрессором, равно как и Наполеон в 1812 г. Однако никому еще не приходило в голову считать Францию и генерала Бонапарта агрессором в 1793–1799 гг.

Как советские, так и западные историки с 1945 г. старались выгородить малых поджигателей войны – Финляндию, Польшу, Венгрию и Румынию. Та же Финляндия в 1919–1941 гг. имела притязания на Мурманскую, Архангельскую, Вологодскую и Ленинградскую области, а также на Карельскую АССР. Польша имела претензии по всему периметру своих границ. Венгрия имела территориальные претензии к Югославии, Румынии и СССР. Соответственно, Румыния имела территориальные споры с Чехословакией, Венгрией, Югославией и СССР. Причиной такого положения были, с одной стороны, безграмотно и несправедливо проведенные границы в 1919–1920 гг., а с другой – крайняя агрессивность националистов малых стран.

Историк О. Райле писал о министре иностранных дел и фактическом главе правительства Польши (после смерти Пилсудского) Юзефе Беке: «Все больше и больше Бек склонялся к тезисам историка Адольфа Боженского, который провозглашал политику кровопролития как единственно верную для Польши. Он задумал с помощью держав Запада снова ввергнуть Европу в большую войну. Поскольку Первая мировая война дала Польше самостоятельность и вернула часть исконных польских земель, следовало надеяться, что другая большая война подарит Польше остальные территории, на которые она могла притязать»[224].

Так что мировая война была неизбежна, даже если бы Гитлер бросил политику и занялся исключительно живописью и любовью.

Из малых поджигателей войны Румыния была единственной монархией, и смена королей существенно влияла на политический расклад сил в стране.

20 июля 1927 г. умер король Фердинанд I, племянник Кароля I. По закону ему должен был наследовать 34-летний сын Кароль.

Но, увы, о его похождениях можно было составить не один десяток детективных романов. Кароль страдал довольно редкой болезнью – приапизмом[225], а также эротоманией. В довершение всего он был бисексуал. Видимо, на принца оказал дурное влияние его гувернер швейцарец Мерле, о гомосексуализме которого при дворе узнали слишком поздно.

В 1918 г. принц Кароль женился в Одессе на проститутке Иоане (Зизи) Ламбрино. Узнав о браке сына, король Фердинанд произнес единственное слово: «Негодяй». Зизи выслали в Париж и пообещали платить ежемесячно солидное пособие с тем, чтобы она только не появлялась в Румынии, а принца отправили на гауптвахту на целых 75 суток.

Выйдя с гауптвахты, принц на время притих. И в 1921 г. он наконец-то составляет приличную партию – вступает в брак с греческой принцессой Еленой. Вскоре у них родился сын Михай. Но буквально через несколько месяцев – новый мезальянс! На автогонках эффектная женщина бросает в его машину букет цветов! Это была Елена Лупеску, которая затем оставалась рядом с Каролем до конца его дней.

В декабре того же года король Фердинанд лишил его права на наследование престола. Около четырех лет принц-плэйбой Гогенцоллерн вместе со своей подругой прожил в Италии и Франции как обычный обыватель под именем Кароля Караимана. Среди прочих занятий бывшего принца – участие вместе с Еленой Лупеску в съемках американского кинофильма, посвященного его собственным амурным похождениям.

В итоге на престоле оказался сын Кароля шестилетний Михай I, при котором был назначен Регентский совет. Правление малолетки продолжалось только три года. В 1930 г. пришедшая к власти партия цэрэнистов пригласила на престол Кароля. Тот немедленно вернулся в Румынию и провозгласил себя королем Каролем II, а девятилетнему сыну в утешение присвоил титул «великого воеводы Алба-Юлии».

Огромное влияние на внешнюю и внутреннюю политику королевства оказывала Елена Лупеску. Замечу, что законная жена короля Елена Греческая находилась в эмиграции. В результате интриг Лупеску в Румынии сменилось не менее двадцати правительств. В 1938 г. Кароль II отменил конституцию, распустил парламент и политические партии, провозгласив «королевскую диктатуру». В том же 1938 г. министром обороны был назначен 56-летний генерал Йон Антонеску.

После мюнхенского сговора Англии и Франции с Гитлером Румыния попыталась отхватить кусок от Чехословакии. Однако 2 ноября 1938 г. 1-й Венский арбитраж передал южные районы Словакии и Закарпатскую Русь Венгрии.

Румынское правительство в 1939 г. пыталось балансировать между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией, с другой. 13 апреля Англия и Франция предоставили гарантии независимости Румынии и Греции. 14 апреля Бухарест уведомил Берлин о том, что «Румыния не присоединится к британской политике окружения Германии» и для нее «нежелательна военная помощь со стороны СССР». 17 апреля Польша и Румыния подтвердили, что их союзный договор направлен только против СССР.

С началом польской кампании Румыния в январе 1939 г. объявила о намерении «строго соблюдать правила нейтралитета, выработанные международными конвенциями по отношению к воюющим странам, участвующим в нынешнем конфликте».

14 сентября румынское правительство обратилось к Гитлеру с просьбой передать Румынии трофейное польское оружие в обмен на дополнительные поставки нефти и зерна. Эти поставки Бухарест обещал продолжать в течение всей войны, чем хотел «дать Германии лучшее доказательство своей доброй воли».

Перед войной румынская нефть шла в Германию в основном морем из Констанцы в Гамбург (74,5 % поставок), по Дунаю (21,5 %) или по железной дороге (4 %). С началом войны транспортировка нефти в Гамбург морем стала невозможна, а Италия имела слишком мало танкеров, и их едва хватало для обеспечения нефтью своей страны. Кроме того, из общего тоннажа танкеров на Дунае (220,7 тыс. т) Германия контролировала лишь 45 %. Чтобы привязать к себе Румынию и сократить поставки ее нефти в Германию, Лондон предложил Бухаресту договор о больших закупках нефти. Однако румынское правительство сорвало переговоры.

Король Кароль II и генерал Антонеску были хорошо осведомлены о планах нападения Англии и Франции на СССР. В Бухаресте явно перепутали 1940 год с 1918-м. В Румынии была начата мобилизация. Войска концентрировались в районах Бессарабии и Буковины.

С большой помпой была отмечена 22-я (дата-то не круглая!) годовщина захвата Румынией Бессарабии. В Кишинев по сему поводу прибыл в полном составе совет министров, а затем и сам король. Тогда-то официально и было объявлено, что Одесса является… исконно румынским городом.

Гром грянул 26 июня 1940 г., когда нарком иностранных дел В. М. Молотов вызвал румынского посла Давидеску и передал ему заявление советского правительства. Там говорилось: «В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (Россия) часть его территории – Бессарабию – и тем нарушила вековое единство Бессарабии, населенной главным образом украинцами, с Украинской Советской Республикой.

Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем Правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром.

Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрейшего разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов… Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной, как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава…

Правительство СССР предлагает Королевскому правительству Румынии:

1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу.

2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте.

Правительство СССР выражает надежду, что Королевское правительство Румынии примет настоящие предложения СССР и тем даст возможность мирным путем разрешить затянувшийся конфликт между СССР и Румынией.

Правительство СССР ожидает ответа Королевского правительства Румынии в течение 27 июня с. г.»[226].

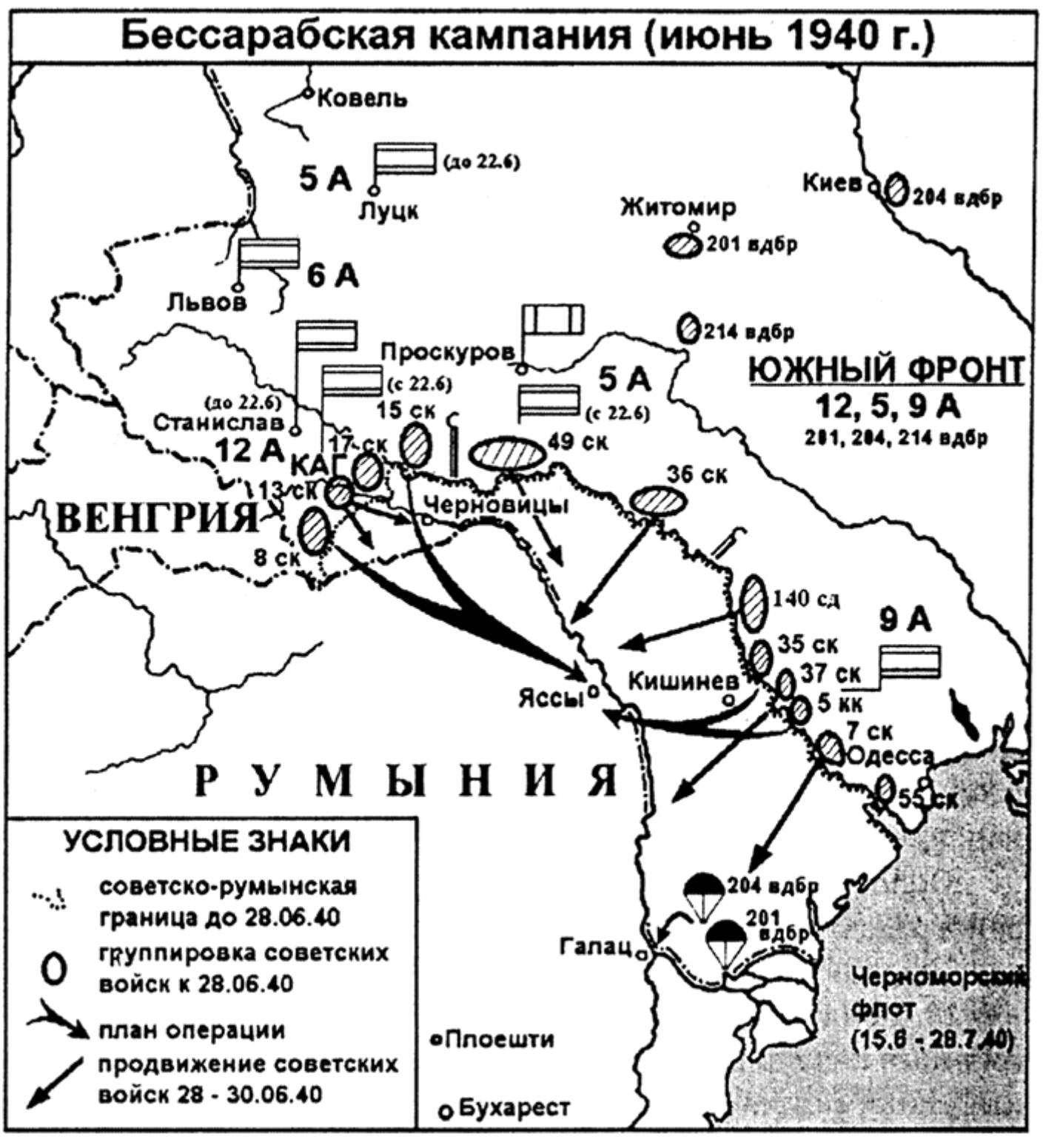
Фактически это был ультиматум, но понимала ли мадам Лупеску и ее опереточное правительство иной язык? Замечу, что за день до ультиматума (26 июня) Молотов обсуждал требования Советского Союза к Румынии с германским послом Шуленбургом. Граф сделал «кискин нос», что-то пробормотал насчет Буковины, мол, она ранее не принадлежала России, но в целом не возражал.

Время ультиматума было выбрано весьма удачно. 22 июня 1940 г. в Компьенском лесу представители Франции подписали условия капитуляции, а еще раньше, 19 июня 1940 г., Гитлер обратился к Англии с предложением заключить мир. Таким образом, основные силы вермахта находились во Франции, а на восточной границе рейха имелось лишь одиннадцать слабых пехотных дивизий. Другой вопрос, что немцы потихонечку помогали Румынии. В частности, они передали ей значительную часть вооружения бывшей польской армии. При этом немцы ничем не рисковали, поскольку в сентябре – октябре 1939 г. тысячи польских солдат и офицеров с оружием в руках перешли румынскую границу, а несколько десятков самолетов сели на румынские аэродромы. Поди разберись, какую часть польского вооружения доставили в Румынию немцы, а какую – ляхи.

К 26 июля 1940 г. на советско-румынской границе была развернута крупная группировка румынских войск. В полосе от Валя-Вишейляй до Сокиряны располагались войска 3-й армии со штабом в городе Роман. В состав 3-й армии входили: механизированный корпус (1-я и 4-я мехбригады), 8-й и 10-й армейские корпуса (5, 6, 7, 8, 29, 34, 35 пехотные и 2 кавалерийская дивизии). Вдоль реки Прут от Сокиряны до Черного моря были развернуты войска 4-й армии (штаб в городе Текуч) в составе 1-го, 4-го и 11-го армейских корпусов (2, 11, 12, 13, 14, 15, 21, 25, 27, 31, 32, 33 пехотные, 3-я, 4-я кавалерийские дивизии). Обе армии входили в состав 1-й группы армий, объединяли 60 % сухопутных войск Румынии и насчитывали около 450 тыс. человек.

Поздно вечером 27 июля румынский посланник Давидеску явился на Кузнецкий мост в здание МИДа и заявил Молотову: «Королевское правительство заявляет, что оно готово приступить немедленно, в самом широком смысле к дружественному обсуждению, с общего согласия, всех предложений, исходящих от Советского правительства. Соответственно Королевское правительство просит Советское правительство соблаговолить указать место и дату, которые оно желает фиксировать для этой цели»[227].

Вячеслав Михайлович сразу понял, что румыны попросту тянут время. Ведь переговоры могут затянуться на долгие недели, а то и месяцы, в то время как международная обстановка кардинально менялась за недели больше, чем в предвоенное время за десятилетия. Поэтому нарком заявил, что «если посланник считает румынский ответ положительным, то 28-го советские войска должны занять определенные пункты и трех-четырех дней им будет достаточно для того, чтобы занять остальную территорию. Приняв советские предложения, Румынское правительство должно гарантировать, что оно не допустит разрушения предприятий, железных дорог, аэродромов, телеграфа и телефона, не допустит повреждения государственного и частного имущества, находящегося на переходящей к Советскому Союзу территории. Смешанная советско-румынская комиссия может договориться о деталях реализации намеченных мероприятий. Соглашение об этом могло бы быть подписано сегодня же»[228].

Давидеску начал всячески увиливать от ответа, и беседа закончилась безрезультатно.

Пока Давидеску беседовал с Молотовым, в правящих кругах Бухареста шли горячие дебаты. Поздно вечером 27 июня, реально оценив военные возможности Румынии и опасность социальных потрясений в случае войны с Советским Союзом, Коронный совет 27 голосами против 11 решил согласиться на уступку требуемых СССР территорий. Как позже заявил в парламенте премьер-министр Татареску, «мы решили отступить из Бессарабии и Верхней Буковины, чтобы спасти сегодня румынское государство и уберечь от опасности будущее румынской нации».

В результате 28 июня в 11 часов утра Давидеску передал Молотову ответ, где говорилось: «Румынское правительство, для того чтобы иметь возможность избежать серьезных последствий, которые повлекли бы применение силы и открытие военных действий в этой части Европы, видит себя обязанным принять условия эвакуации, предусмотренные в советском ответе.

Румынское правительство желало бы однако, чтобы срок, предусмотренный пунктами 1 и 2, был продлен, принимая во внимание, что эвакуацию территорий было бы крайне трудно осуществить в течение четырех дней вследствие дождей и наводнений, которые попортили пути сообщения»[229].

Молотов заявил, что «ровно в 2 часа 28 июня советские войска начнут переход через румынскую границу для занятия городов: Черновицы, Кишинев и Аккерман»[230].

28 июня, начиная с 9 ч 30 мин утра, румынские пограничники начали покидать свои пикеты и уходить вглубь страны. Наши пограничники в 10 ч 20 мин приступили к разминированию мостов и дорог на сопредельной стороне. Между 14 ч 00 мин и 15 ч 30 мин войска Южного фронта перешли старую границу и в тот же день заняли Черновицы, Хотин, Бельцы, Кишинев и Аккерман.

Советские войска двигались быстро и зачастую обгоняли отступавшие румынские войска. Больших столкновений с румынами не было, дело ограничилось несколькими перестрелками, потери Красной Армии в которых, а также от несчастных случаев за период с 11 июня по 6 июля 1940 г., по неполным данным, составили 119 человек (убито 29, самоубийств 12, ранено 69, членовредительство 6, утонуло 3).

Уходя, румынские войска грабили местное население, особенно досталось евреям. Многие солдаты и офицеры продавали населению казенное имущество и даже оружие.

К 8 июля советские погранотряды заняли свои пункты дислокации и с 21 ч 00 мин того же дня приступили к охране государственной границы с Румынией.

При занятии Бессарабии трофеями Красной Армии стали 52 796 винтовок и карабинов, 4480 пистолетов, 1 автомат, 1071 ручных пулеметов, 326 станковых пулеметов, 149 малокалиберных винтовок, 1080 охотничьих ружей, 6 зенитных пулеметов, 40 минометов, 258 артиллерийских орудий и множество другого военного и гражданского имущества. Позже советская сторона согласилась вернуть вооружение румынской армии. И действительно, с 20 сентября по 15 ноября 1940 г. было возвращено 51 644 винтовок, 1080 ручных и 130 станковых пулеметов, 4248 пистолетов, 36 минометов, 157 орудий. Как видим, было возвращено далеко не все. Следует заметить, что среди брошенного румынами в июле 1940 г. оружия было много орудий и стрелкового вооружения, захваченного ими в 1918 г. в России.

Советский Союз получил территорию площадью 50 762 кв. км с населением 3 776 тыс. человек, и 2 августа Верховный Совет СССР принял закон об образовании Молдавской ССР и включении в состав Украинской ССР Северной Буковины и трех уездов Бессарабии на Черноморском побережье.

А 12 января 1941 г. на территориях, возвращенных Румынией России, состоялись выборы в Верховный Совет СССР, а в Молдавской ССР – еще и выборы депутатов Верховного Совета Молдавской ССР, в которых из 1 561 872 избирателей приняли участие 1 555 914 (99,6 %) и за предложенных кандидатов проголосовали 1 543 880 (99,2 %) человек. Понятно, что никаким административным нажимом и даже террором добиться таких результатов физически невозможно.

Глава 3. Явление и гибель великой Румынии

Обиженной Румынии срочно потребовался козел отпущения. Генерал Антонеску стал премьер-министром с диктаторскими полномочиями. 6 сентября 1940 г. генерал заставил Кароля II отречься от престола. «Воплощению морального разврата», как короля публично называл Антонеску, пришлось эмигрировать в Мексику. Перед этим Кароль II подписал акт о передаче власти своему сыну Михаю, но в этом документе не фигурировало слово «отречение». Вместо этого стояла довольно спорная фраза: «Я передаю тяжкие обязанности царствования моему сыну». Это дало право Каролю и в Мексике считать себя королем.

Уже в середине сентября 1940 г. Антонеску обратился к Гитлеру с просьбой ввести части вермахта в Румынию. Румыния официально примкнула к Тройственному пакту. И в первой декаде октября в Румынию прибыли германские войска общей численностью 22 430 человек. А к весне 1941 г. численность германских войск в Румынии была доведена до 200 тыс. человек.

На запросы советского правительства немцы отвечали, что сосредоточение германских войск в Румынии необходимо для защиты Балканского полуострова от английской агрессии. На это Молотов съязвил германскому дипломату фон Типпельскирху, что «в настоящее время Англия имеет другую заботу, нежели нападение на Румынию». Увы, воспрепятствовать оккупации Румынии германскими войсками правительство СССР не имело возможности.

22 июня 1941 г. Румыния совершила нападение на СССР одновременно с Германией с точностью до минуты. Так, в 4 ч 45 мин с полуострова Сату-Ноу румынская артиллерия открыла ураганный огонь по порту и городу Измаил. Одновременно румынская и германская авиация бомбила город.

22 июня румынская авиация (около 300 самолетов) атаковала советские города и аэродромы. Румынские летчики заявили, что сбили в воздухе и уничтожили на земле 60 советских самолетов. По нашим же данным ни один самолет не был сбит румынами. По послевоенным данным румынская авиация потеряла в этот день 11 самолетов.

Любопытно, что 23–24 июня в дельте Дуная суда советской флотилии контратаковали противника и высадили несколько малых тактических десантов на румынской территории. Как правило, румынские солдаты разбегались, а местные жители с красными флагами приветствовали красноармейцев и краснофлотцев. Если бы это произошло во время освобождения Бессарабии, то тут еще могла идти речь о заранее спланированной акции советской разведки и т. д. А как насчет 23 июня 1941 г.?

Румыны оказались никудышными солдатами, и отступление советских войск в Причерноморье в 1941 г. происходило под ударами вермахта и люфтваффе.

22 июня 1941 г. генерал Антонеску отдал войскам приказ: «Наступил час самой священной борьбы, борьбы за права наших предков и церкви, борьбы за исконно румынские земли. Приказываю: перейти Прут. Разбить врагов с Востока. Освободить из-под красного ига большевизма ваших порабощенных братьев. Будьте достойными румынского прошлого».

В состав Великой Румынии вошли не только земли, утраченные в 1940 г., но также вся область между реками Южный Буг и Днестр (включая города Балта, Винница и Одесса), которую назвали Транснистрией (Заднестровьем).

19 августа 1941 г. вышел декрет о создании румынской администрации в Транснистрии: «Мы, генерал Йон Антонеску, верховный главнокомандующий армией, постановляем:

Ст. 1. Территория, оккупированная между Днестром и Бугом, за исключением района Одессы, граничащая на севере по линии Могилев – Жмеринка, обозначенной на прилагаемой карте, входит в состав румынской администрации.

Ст. 2. Назначаем нашим представителем в Транснистрии с предоставлением ему всех полномочий господина профессора Георге Алексяну…

Ст. 5. Чиновники, назначенные на работу в Транснистрию, будут получать двойное жалованье в леях и жалованье в марках, не превышающее жалованья в двойном размере в леях.

Ст. 6. РККС (марка) является единственной монетой, имеющей хождение на территории Транснистрии.

Ст. 7. Назначаем резиденцию управления Транснистрией в г. Тирасполе.

Ст. 8. Наш представитель непосредственно подчиняется нам и Президиуму Совета министров».

Губернатором Транснистрии был назначен профессор Г. Алексяну.

Не лишен интереса диалог между маршалом (сам себя произвел) Антонеску и Алексяну об управлении Транснистрией:

«Маршал И. Антонеску, глава государства:

– Господин Алексяну, каково положение в Транснистрии?

Господин профессор Г. Алексяну, губернатор Транснистрии:

– Положение в Транснистрии очень хорошее. Полный порядок. Мы, господин маршал, работаем там с мыслью, что владеем этой областью твердо и окончательно.

Господин маршал И. Антонеску, глава государства:

– То есть румынская нация завладеет ею.

Господин профессор Г. Алексяну, губернатор Транснистрии:

– Это зависит только от Вас.

Господин маршал И. Антонеску, глава государства:

– Зависит не только от меня, но и от всего румынского государства. Действуйте там так, будто власть Румынии установилась на этой территории на два миллиона лет. Что будет потом, увидим.

Господин профессор Г. Алексяну, губернатор Транснистрии:

– Именно это я хотел услышать от Вас.

Господин маршал И. Антонеску, глава государства:

– А население помогает в проведении сельскохозяйственных работ?

Господин профессор Г. Алексяну, губернатор Транснистрии:

– Я недоволен этой помощью населения… Мы оказались перед фактом, что должны выводить людей на работу насильно. Вывели их насильно, и теперь они начали выходить, ибо мы в этом нуждаемся. Я попросил в одном из своих донесений, чтобы в отношении жандармерии Вы нам разрешили перестроить систему администрирования в Транснистрии. Сегодня мы остро нуждаемся в жандармах и армии, которые бы принуждали людей выходить на работу. Когда Вы установили порядок администрирования, в августе, армия была занята в Одессе. Сейчас у нас достаточное количество войск в Транснистрии, которые бездействуют. Мы с армией работаем в полном согласии и между нами установлена полная гармония.

Господин маршал И. Антонеску, глава государства:

– Вы там – полный хозяин. Если обстоятельства там изменились, делайте так, как находите нужным. Вы должны выводить людей на работу даже кнутом, если не понимают иначе. Если в Транснистрии дела пойдут плохо, Вы будете отвечать. Основа там – земледелие. Если крестьянин не выходит на работу, выгоняй его даже пулей. Для этого Вы не нуждаетесь в моем разрешении… Превыше их интересов стоят интересы румынского государства, и эти интересы требуют, чтобы мы выкачали [из Транснистрии] как можно больше для покрытия экономических нужд войны, и особенно для проведения будущих операций, чтобы мы могли прокормиться за ее счет.

Стенографы: С. Михаил и И. Василеску.

Подлинник. Перевод с румынского»[231].

По указу Антонеску в Транснистрии устроили свыше 30 концлагерей и еврейских гетто. Румыны убили свыше 50 тысяч мирных жителей. А теперь в Кишиневе туземные демократы собираются поставить памятник славному маршалу Антонеску.

Увы, злодеи-большевики не осознали мотивов «освободительного похода румынской армии» и немного их побили под Сталинградом, в Крыму и во многих иных местах.

20 августа 1944 г. началось грандиозное наступление 3-го и 2-го Украинских фронтов, в ходе которого в междуречье Днестра, Прута и Серета были окружены 22 немецкие дивизии. Наши войска, захватив в Румынии города Бакеу, Роман, вышли на линию Тура – Гумола, Тыргул – Окна, Рымник, Галац, Тулча. Общие безвозвратные потери противника составили 256 тыс. человек.

Румынский диктатор Антонеску был настроен на продолжение борьбы, но король Михай и его окружение имели совсем другое мнение на сей счет. Король через местных коммунистов связался с Москвой и попытался узнать, как в случае перехода Румынии на сторону союзников Сталин отнесется к монархии в Румынии, к королю Михаю лично, к проблеме Трансильвании, и согласна ли Москва при расчете военных репараций учесть тяжесть состояния румынской экономики? Получив положительный ответ на все четыре вопроса и надеясь, что западные союзники не бросят Румынию на произвол судьбы, король начал активную подготовку к перевороту по итальянскому образцу.

23 августа 1944 г. король Михай вызвал Антонеску на аудиенцию в «желтый салон» бухарестского дворца. Беседа была недолгой. Король потребовал немедленного перемирия с Советским Союзом, а маршал считал, что прежде необходимо задержать Красную Армию на линии Фокшань – Нэмолоасэ – Галац, с тем, чтобы выторговать более выгодные условия. Кроме того, Антонеску настаивал на том, что необходимо уведомить Гитлера за 15 дней о выходе Румынии из войны.

«Господин маршал, мы оба дадим ответ перед Богом и историей!» – этими словами король закончил аудиенцию и вышел из «желтого салона». Тут же в салон вошел майор Антон Димитреску с тремя сержантами и заявил маршалу: «Именем короля вы арестованы!» Антонеску быстро сунул руку в карман, но был тут же скручен.

На следующий день немецкие войска попытались изловить взбунтовавшегося короля, но Михай бежал из Бухареста и укрылся в горах Олтении близ Крайовы.

Румынская армия сразу же потеряла боеспособность. Ни одна часть не вступилась за арестованного маршала. Даже охранный полк Антонеску поддержал короля.

12 сентября 1944 г. в Москве было подписано официальное перемирие между СССР, США и Великобританией, с одной стороны, и Румынией – с другой.

Ради присоединения к Румынии Молдавии и Одесской области с 22 июня 1941 г. по 1 сентября 1944 г. погибло 480 тыс. румын, а 201,8 тыс. попали в плен, где умерло свыше 40 тысяч. Главный виновник нападения на СССР маршал Йон Антонеску был казнен в 1946 г. по приговору Народного трибунала Бухареста.

29 января 1947 г. в Париже был подписан мирный договор с Румынией. Со стороны союзников его подписали: СССР, США, Великобритания, Австралия, Белоруссия, Канада, Чехословакия, Индия, Новая Зеландия, Украина, Южно-Африканский Союз.

Согласно этому договору, границы Румынии устанавливались по состоянию на 1 января 1941 г., за исключением румыно-венгерской границы, которая восстанавливалась по состоянию на 1 января 1938 г., а решения Венского Арбитража о ней от 30 августа 1940 г. объявлялись недействительными.

Советско-румынская граница устанавливалась в соответствии с Советско-Румынским соглашением от 28 июня 1940 г. и Советско-Чехословацким соглашением от 29 июня 1945 г.

Как видим, СССР имел все возможности установить любые границы, в том числе мог, и это было исторически справедливо, расширить Молдавскую ССР до границ княжества Молдова, существовавших веками. Однако Сталин лишь ограничился возвращением территорий, захваченных Румынией в 1918 г.

В ходе войны румынские вооруженные силы нанесли огромный ущерб народному хозяйству СССР. Однако Сталин, не желая обидеть румын, ограничился символическими репарациями – 300 млн долларов с погашением в течение 8 лет, начиная с 12 сентября 1944 г., товарами (нефть, зерно, речные суда и др.).

Одним из итогов Второй мировой войны стало восстановление Молдавской СССР в прежних границах и полное признание этих границ Англией и США, согласно Парижскому договору.

Глава 4. Молдова и Приднестровье

В Молдавской ССР я побывал дважды. В 1978 г. я провел две недели на курорте под Кишиневом – в Ваду воды Луй, а в 1984 г. пять дней находился в командировке в республиканском Министерстве торговли в Кишиневе. На курорте на Днестре было существенно скучнее, чем на Крымском и Кавказском побережьях, но в целом впечатление от обеих поездок осталось прекрасное. Более добрые и доброжелательные люди, чем в Москве. Молдаванского языка я не слышал нигде, а может, не обращал внимания.

Во всяком случае, языковой проблемы у меня не возникало. Ни разу не замечал и русофобии, столь открыто высказывавшейся в Прибалтике.

В книжных магазинах Кишинева у меня буквально «слюньки текли». Там я видел десятки дефицитных книг по смешным ценам – 50 коп., 1 руб. 50 коп., за которые в Москве на «черном» рынке давали по 50—100 рублей. Но, увы, книги были на молдавском языке. Довольно часто этот дефицит брали оптом рыночные торговки, чтобы из листочков свертывать кулечки для продажи ягод, семечек и т. д.

Но вот прошло несколько лет, и Кишинев украсили лозунги типа: «Русских – за Днестр! Евреев – в Днестр!», «Молдавия от гор до моря!», «Утопим русских в жидовской крови!», «Гагауз хорош только мертвый!».

Понятно, что эти лозунги выдвигали не агенты ЦРУ.

Инициаторами погромов и убийств стали… молдавские писатели. «Газета писателей “Литература ши арта” дышала ненавистью к немолдованам. Те, кому не дано было свидетельствовать, свидетельствовали. Те, кому Господь не дал таланта, равного таланту Гёте или Толстого, сами назначали себя гениями. А кто попытался усомниться в их гениальности – враг. Народный фронт, скроенный по образу и подобию КПСС, исповедующий животный национализм, возглавили писатели и журналисты – И. Хадыркэ, Г. Виеру, Д. Матковский, А. Цуркану, В. Нэстасе, Л. Лари. Многолетняя политика искусственного выращивания национальных литератур наконец-то дала свои плоды. Те, кому внушили, что они должны писать, написали. Стихи и проза большинству из них не принесли всемирной славы. А ведь так хотелось. Впрочем, хотелось, видимо, не изнурительного литературного труда. Хотелось стать глашатаями народной воли…

А потом была эта свадьба.

Гуляли по вполне понятным причинам прямо на площади, при большом скоплении народа. Много было хмельных, благо щедрые молдавские виноградники еще не устали поить. Много было веселых, но каким-то странным, почти дьявольским весельем. Свершалось все по установленному обряду. Бракосочетанием руководил православный священник. Невеста красовалась в роскошном белом платье под фатой. А жених… Жених…

Короче, молдавская поэтесса Леонида Лари, заявив, что возрождение нации дороже собственных детей, развелась со своим русским мужем, с которым нажила двоих ребятишек, и вышла замуж за памятник Стефану Великому. Священник постучал обручальным кольцом по постаменту, затем надел его на палец Леониде и объявил молодых мужем и женой.

Временами казалось, что пятисотлетний Стефан готов запустить свой тяжелый крест, который он долгие десятилетия держит над Кишиневом, в толпу и убежать куда глаза глядят. Но памятники не умеют бегать. И не умеют кричать. Они умеют только грустно смотреть.

Газета “Цара” напечатала “Десять заповедей бессарабского румына”, в которых проповедь национальной исключительности принимает уже гротескные формы. Одна из самых забавных

заповедей гласит: “Не торопись связать свою судьбу с человеком другой нации. Скрещивание улучшает лишь породу животных. А людскому роду вред наносит. Если же ты создал семью с представителями другого народа, сделай все возможное, чтобы в твоей семье победил твой дух, румынский! ”»[232].

И вот отказ лидеров страны предоставить официальный статус языкам национальных меньшинств – русскому, украинскому и гагаузскому – даже в местах их компактного проживания (Гагаузии и Приднестровье) приводит к разжиганию национальной розни и открытой вражды.

На левобережье Днестра, которое экономически, исторически и этнически отличается от остальной Молдавии, местная администрация и руководители предприятий используют резонные опасения населения за свое будущее и стихийное недовольство действиями республиканской исполнительной и законодательной власти, идущей навстречу любым требованиям националистических организаций, для того чтобы объединить местное население и противопоставить его центральным властям Молдавской ССР. Эти действия получают поддержку со стороны центрального руководства СССР. В промышленных центрах Приднестровья возникают зародыши новых органов власти – объединенные советы трудовых коллективов.

16 февраля 1989 г. был опубликован предложенный Союзом писателей Молдавии законопроект «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», предусматривающий административную и уголовную ответственность за использование в официальном общении иного языка, нежели государственного – молдавского.

В декабре 1989 г. – январе 1990 г. в Рыбнице и Тирасполе прошли референдумы по вопросу о целесообразности создания Приднестровской АССР. Противостояние между Молдавией и Приднестровьем усилилось с избранием нового состава Верховного Совета Молдавской ССР. Представители Приднестровья, будучи в меньшинстве, не имели возможности влиять на законотворческую деятельность и вскоре покинули молдавский парламент. Тем временем Верховный Совет Молдавии изменил название республики, ее государственные символы, принял Декларацию о суверенитете и фактически вышел из состава СССР. В Приднестровье явочным порядком создаются параллельные органы власти и при поддержке большинства населения провозглашается Приднестровская АССР (позднее переименованная в Приднестровскую Молдавскую Республику).

Правительство Румынии объявило о существовании «двух румынских государств», имея в виду собственно Румынию и Молдавию. Для молодежи Молдавии были зарезервированы места в румынских вузах, естественно, бесплатно и без экзаменов. Румынские власти направо и налево раздавали всем желающим румынские паспорта. Всего в Молдавии с 1990 г. по 2004 г. их получили, по различным данным, от 300 до 600 тыс. человек. Верхушка молдавской элиты, состоявшая из интеллигентов-образованцев, уже запланировала в апреле 2000 г. объединение с Румынией.

Однако эти планы вызвали сопротивление не только русских, но и значительной части молдаван. А кто, собственно, такие румыны? На это хорошо ответил историк Николай Балилунга: «– Вообще-то румынами на территории средневековой Молдавии называли не “потомков римлян”, а ромэнов, то есть цыган. В отличие от свободных молдавских крестьян, цыгане в Молдавии были крепостными – самыми бесправными и униженными. Обратите внимание, как меняется смысл слова при замене шляпки над буквой “a”: на румынском слово “român” читается как “ромэн”, а слово roman – как “румын”. “Все дело в шляпе”, но в очень важной шляпе.

Так вот, в середине XIX века представители молдавского-валашского “образованного класса”, начитавшись французских революционно-просветительских книг, решили: “Да здесь же была римская провинция – Дакия! Мы – потомки образованных римлян! ” В поисках родства с французами и итальянцами они стали требовать перевода своей графики на латинскую. Впервые название Румыния появляется в 1859 году с образованием единого государства во главе с господарем Александром Кузой. В 1862 году министр внутренних дел Румынии Гика своим распоряжением запретил совершать церковные службы на славянском языке. Все церковнославянские книги изымались, уничтожались монастырские типографии с кириллическим оборудованием, было запрещено даже совершать службы в честь русских святых и вообще поминать их. В первую очередь это коснулось древнейшего Нямецкого монастыря.

– Это встретило какое-либо сопротивление среди молдавского православного духовенства?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– Конечно! Наш знаменитый Ново-Нямецкий монастырь в Кицканах был создан монахами – беглецами из Нямецкого монастыря во главе с архимандритом Андроником и иеромонахом Феофаном, не пожелавшими терпеть бесчинства румынских властей по отношению к православию и его святыням. И это только один из множества известных случаев! И народ, и духовенство всеми силами сопротивлялись лингвистическим нововведениям, поэтому властям приходилось насиловать, насиловать и еще раз насиловать.

– Насколько безболезненно с лингвистической точки зрения проходил процесс латинизации?

– А разве может безболезненно проходить процесс искусственного помещения чего-либо в чужеродные рамки? В первую очередь латинская графика не передает многих звуков. Звук “ы” в молдавском языке есть, а буквы такой нет. Мягкий знак есть, а буквы нет. То же самое касается букв “т”, “ц”. Поэтому и пришлось выдумывать различные диакритические знаки над буквами – всякие шляпки, птички, хвостики и так далее. Вообще румыны за 150 лет провели 70 (!) реформ своего языка…

Молдаване, а точнее даже, их предки, волохи, приняли кириллицу вместе с принятием христианства в зоне влияния Византийской империи. Волохи переняли православное богослужение от южных славян, что повлекло за собой и восприятие славянской письменности. Молдаване пользовались славянской графикой вплоть до 1852 года. Более того, церковнославянский язык просуществовал в Молдавии в качестве государственного вплоть до Дмитрия Кантемира. Первая книга на молдавском языке появилась в 1647 году. Таким образом, вся история молдаван как самобытного народа связана с православием и славянской письменностью. В Венском музее хранится знамя Стефана Великого, отправленное им туда после победы над турками. На знамени изображен святой Георгий Победоносец и сделана надпись на церковнославянском языке. Если бы кто-нибудь предложил этому великому молдавскому господарю написать на том знамени хоть одно слово латинскими буквами – этот человек лишился бы головы. Любая попытка латинизации воспринималась в Молдавии как католическая ересь»[233].

Атака на русский язык велась неспроста. Обратимся к тому же Бабилунге:

«– В чем же причина агрессивности, с которой представители молдавской “интеллигенции” добивались отказа от собственного языка и традиционной графики?

– Люди просто профессионально отрабатывали вложенные деньги. Проблема ведь не в языке. Вся затея с переводом письменности, как и в 1862 году, как и в 1989-м, имеет отчетливую геополитическую направленность. Все это делалось с целью переориентировать Молдавию (как когда-то Румынию) с Востока на Запад, создать новый санитарный кордон вокруг России, окружить ее железным кольцом и раздробить на целый ряд мелких “княжеств”. Язык – это матрица, с помощью которой в сознание нации закладывается “культурный код”, передающийся через поколения.

– Как сегодня молдавская школа в Правобережной Молдавии изменяет сознание людей, тот самый “культурный код” нации?

– Простой пример: возьмем смешанную семью, где отец – молдаванин, мать – русская. Их сын идет в обычную кишиневскую школу. Возвращается он из нее убежденным, что его мать – “оккупантка”, а отец – человек “с искаженным Сталиным сознанием, словом, что родители его – “ущербные люди”. И эти выпускники школ лет через 20–30 будут определять судьбу Молдавии, ее политику.

– Но ведь перевод письменности на латиницу был поддержан основной массой молдаван, не так ли?

– В том-то и дело, что нет! Народ просто никто не стал спрашивать, как и во время референдума 17 марта! Когда в 1968 году 99 рабочих завода “Авто-Прага” обратились с письмом к Леониду Брежневу с просьбой ввести в Чехословакию советские войска, весь мир возмущался, как эти 99 человек могут решать судьбу целого народа. Но никого не смущает тот факт, что судьбу молдавского народа решили 66 литераторов, написавших “коллективку” в 1988 году. Никто не проводил никакого референдума среди молдаван»[234].

Кучка интеллигентов-образованцев и банды грабителей жаждали крови, и она пролилась. К несчастью для жителей обоих берегов Днестра, в регионе к 1991 г. имелось слишком много оружия.

В Молдавской ССР была развернута большая часть 14-й гвардейской общевойсковой армии. На начало 1991 г. управление этой армии, помимо формирований «армейского комплекта», объединяло 59-ю гвардейскую Краматорскую и 180-ю Киевскую мотострелковую дивизии, дислоцированные в Тирасполе (Молдавская ССР) и Белгороде-Днестровском (Одесская обл. Украинской ССР) соответственно.

На 19 ноября 1990 г. 14-я гвардейская общевойсковая армия располагала 229 танками, 305 БМП и БТР, 328 орудиями, минометами и РСЗО, а также 43 боевыми и 31 транспортным вертолетами армейской авиации[235].

Молдавские ультранационалисты в конце 1991 г. – начале 1992 г. первым делом захватили оружие 14-й армии. Правда, не все у них выходило гладко. Так, 16 марта 1992 г. командир дислоцированного в городе Унгены артиллерийского полка подполковник Скамин, подполковник Снегирев и майор Ермаков вертолетом отправили в Приднестровье несколько ящиков с орудийными прицелами и спусковыми механизмами. Десятки орудий были, по выражению одного из румынских журналистов, «превращены в металлолом». В Кишиневе личный состав 300-го парашютно-десантного полка переходу под республиканскую юрисдикцию предпочел передислокацию в Сибирь. 26 реактивных установок 9П140 «Ураган» из 4-го артиллерийского полка в городе Унгены оказались без снарядов, которые хранились на складах в Приднестровье.

В 1991 г. конфликт между молдавскими националистами и населением Приднестровья обостряется. На задержания политических активистов и руководителей самопровозглашенной республики власти Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) отвечают формированием собственных вооруженных формирований (Республиканской гвардии и казаков), переводят под свой контроль местные органы милиции. Продолжаются вооруженные столкновения, вызванные попытками молдавских силовых структур восстановить контроль над мятежной территорией.

А в 1992 г. началась полномасштабная война. Вот как ее описывает очевидец Ефим Баршин. «Война за эту дорогу, соединяющую Тирасполь с блокированными с двух сторон Дубоссарами, велась уже давно. Снайперы с правого берега отстреливали не только машины, но и велосипедистов, и пешеходов. Но этого, по-видимому, показалось недостаточно. И тогда был высажен десант в левобережные села Кошница и Дороцкое. Молдавская армия перешла к прямым атакам, во что бы то ни стало пытаясь перерезать дорогу и сомкнуть кольцо вокруг Дубоссар.

Еще при выезде из Тирасполя мы посадили в свой «рафик» голосовавшую у обочины почти слепую старуху. Старуха все время причитала на полумолдавском-полурусском языке. С трудом разобрали, что пустилась она в этот небезопасный путь потому, что в Григориополе сегодня хоронят ее племянника – Владимира Циню. Он в последнее время работал в Бендерах инженером. Но его похитили молдавские волонтеры, которые во множестве бродят у городской черты. Родственникам он достался уже мертвым и изуродованным.

– При Гитлере не было такого, – рыдала старуха. – Людей уродуют, жгут. У нас снаряд в церковь попал, теперь и помолиться негде.

Восклицая через слово: “Где ты, Господи!”, старуха нещадно ругала Москву и всех московских начальников, которые отдали ее землю на поругание. Мы ей долго объясняли, что Москва теперь столица совсем другого государства и “начальникам” вроде как и не с руки лезть в чужие дела. Но старуха так ничего и не поняла. Она не хотела знать про то, что Антарктида раскололась на айсберги, она продолжала жить в единой стране. Так и умрет с этим…

…В этом городе прямо на улицах совершенно наивно растут абрикосы и вишни. Даже многоэтажные дома увиты виноградом – настоящий виноградный лес с прорезями для окон.

В этом городе висят над головами персики и груши, и каждый желающий может снять небольшой урожай. Никто слова не скажет.

По этому городу ездит на тракторе обросший щетиной человек с тяжелым взглядом. Он не стал почему-то называть своего имени, и его прозвали Никифором. А трактор его – лодкой Харона. Никифор беспрепятственно переезжает – взад и вперед – проходящую прямо по городским улицам линию фронта, потому что его уже знают и те, и другие и не стреляют при его появлении.

Он не замечает винограда и персиков. Он ездит по городу и собирает в кузов урожай трупов.

Пока мы во время короткого затишья лежали на траве возле полуразрушенного здания Бендерского горсовета, Никифор каждые десять – пятнадцать минут подвозил убитых. Старика с банкой, зажатой в уже мертвых руках. Где-то он добыл молока. Может быть, для внука. Так и привезли его с банкой. Только молоко расплескалось. Еще одного старика, одноногого. Он лежал в кузове, испачканный землей, уже тронутый разлагающим беспощадным солнцем. А рядом лежали новенькие костьми. Потом – мальчишку лет тринадцати с широко раскрытыми удивленными глазами и маленькой дырочкой во лбу.

Это уже не жертвы минувших боев. Это жертвы снайперов, засевших на крышах и чердаках, а то и прямо в квартирах многоэтажных домов и с какой-то особой тщательностью отстреливающих именно мирное население – женщин, стариков, детей. А после первых трех дней погрома в Бендерах, когда трупы на улицах валялись вразброс, председатель горсовета Вячеслав Когут дал команду хоронить людей прямо на месте гибели. Стояла жара, трупы разлагались, возникла угроза эпидемий. И людей хоронили во дворах, в скверах, у подъездов домов.

Так Бендеры стали кладбищем…

…Первую попытку отбить город гвардейцы и черноморские казаки предприняли двадцатого июня. Тремя танками и одним БТРом они ринулись через мост в лобовую атаку против сорока БТРов и десяти танков. Это была, конечно, авантюра. Тем более что сразу за мостом стояла противотанковая пушка, которая первым же выстрелом подбила головной танк. Тот споткнулся и, не разворачивая башни, пополз назад через реку, к Парканам. Уже на другой стороне моста экипаж успел выскочить буквально за несколько минут до того, как танк превратился в факел.

Остальным каким-то чудом удалось углубиться на два квартала, дойти до автостанции и завязать бой уже внутри города. Но долго продержаться не удалось. Слишком неравными были силы. Тем не менее расстреливаемый город понял, что его не бросят.

А национальная армия Молдовы продолжала жечь и взрывать предприятия, вывозя из города станки, аппаратуру и всю, представляющую какой-либо интерес, технологию. Здесь, на правом берегу Днестра, в городе, который молдавское правительство считает исконно своим, это выглядело дико.

Но главное – люди. За трое суток погибло примерно 650 человек. Около полутора тысяч ранено. Из города ушло сто тысяч. Две трети всего населения. Остались только немощные и те, кто с оружием в руках встал на его защиту. Многих беженцев долго еще можно было увидеть на вокзалах Одессы и Тирасполя. Полуодетые, часто голодные женщины, старики и дети – вот коллективный и действительно непривлекательный портрет “сепаратистов с берегов Днестра”.

Как очевидец, могу утверждать: Бендеры уже стали в один ряд с Лидице и Хатынью. Но понять, ради чего молдавские министры Косташ и Плугару отдали этот приказ, не могу. Ради языка? Ради единой и неделимой?..

…Операция по деблокированию Бендер завершилась в два часа ночи 21 июня. А наутро уцелевшие жители увидели страшную картину. Развороченные дома с черными проемами вместо окон. Разрушенные и разграбленные магазины. Перешибленные осколками снарядов столбы. Преображенский собор, выщербленный пулями. И улицы и площади, заваленные мертвыми жителями. Меж трупами пританцовывала, по-видимому, сошедшая с ума женщина, напевая песенку “Три танкиста, три веселых друга”. Как объяснили уведшие ее соседи, минувшей ночью погиб ее сын»[236].

В том же 1990 г., но уже в ноябре Бершину пришлось пережить в Кишиневе еврейский погром. Погром этот, насколько я помню, был тотально замолчан всеми «демократическими СМИ» и официальной советской периодикой. Рассказали о нем лишь приднестровские газеты да оппозиционные Горбачеву мелкие радикально-коммунистические издания. Но им никто не верил, их голоса никто не слышал.

Из Кремля была дана установка: поддерживать борьбу «молдавских демократов» со «сталинистами» и «нинандреевцами». Сегодня об этом погроме в Израиле пишут как о само собой разумеющемся: дескать, что вы удивляетесь, что из Молдавии все евреи в Израиль сбежали, – у них же там погромы были!

Погром готовили загодя, по спискам: «На дверях красовались белые, нарисованные мелом кресты. Дверь соседки была чиста. Войдя к нам, она рассказала, что накануне в жилищное управление, где она как раз и работала, ворвались какие-то молодые люди и, угрожая паспортистке, потребовали списки жильцов. Зачем – не сказали.

– Начальник сначала не даваль, – рассказывала соседка, по-молдавски смягчая в конце глаголов русское “л”, – потом даль. Испугался».

У этой соседки Бершин и хозяева квартиры, где он остановился, и спрятались. «Часа через два, когда шум окончательно стих, мы осторожно вышли на лестничную площадку, огляделись, а потом уже через проем сломанной двери вошли в квартиру. Осколки люстры сразу затрещали под ногами. Шкафы были вывернуты наизнанку.

На месте экрана старенького “Рекорда” зияла дыра. Стекол не было. На полу вперемешку валялись книги, подушки и осколки посуды. Искать пропавшие вещи мы не стали. Не было времени. Хотя соседка и предлагала пожить у нее, мы решили, что нужно уезжать. Хотя бы на время. Кое-как приладили дверь к петлям и даже умудрились закрыть их на ключ. Вдруг за спиной послышался странный всхлип. В проеме соседней, тоже помеченной крестом двери, стояла смуглая пожилая женщина, прижимая к себе ребенка лет пяти. Женщина смотрела на нас безумными глазами и повторяла окровавленным ртом: “Готыню! Готыню!” (Боже! Боже! – идиш)»[237].

Из зарубежной истории хорошо известно, как легко и быстро фашисты переходят от избиений к убийствам. В демократической Молдавии этот процесс был облегчен тем, что фашисты были не в оппозиции, а у власти.

«С марта 1992-го здесь (в Бендерах) начали пропадать люди. Многих находили под городом – в садах или в Гырбовецком лесу – мертвых и изувеченных. Группы террористов, сформированные Министерством национальной безопасности Молдавии, называемые там, что естественно, “группами по борьбе с терроризмом”, похищали и убивали бендерчан. 1 апреля состоялась, как выяснилось впоследствии, репетиция погрома. Два молдавских бронетранспортера в шесть часов утра ворвались в город и на пересечении улиц Мичурина и Бендерского восстания расстреляли из пулеметов милицейский пост и автобус с рабочими хлопкопрядильной фабрики. Несколько человек, включая полковника милиции Таранова, капитана Ечина, рабочих Бубуека и Барбакаря, – погибли. Поразило еще одно: в автобусе в числе погибших рабочих оказалась женщина-молдаванка, муж которой, полицейский, принимал участие в нападении и расстреле. И может быть, именно он и убил свою жену»[238].

Зверства молдаван заставили взяться за оружие почти всех мужчин Приднестровья. Им помогали казаки и личный состав 14-й армии. Понеся большие потери, националисты бежали за Днестр.

21 июля 1992 г. было подписано российско-молдавское соглашение «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова», в соответствии с которым 29 июля в зону конфликта был введен российский миротворческий контингент в составе шести батальонов для наблюдения за соблюдением условий перемирия и содействия поддержанию законности и правопорядка.

Первоначально миротворческие подразделения прибывали на замену каждые полгода из Приволжского военного округа. Однако их перевозка оказалась слишком дорогостоящей. С июля 1996 г. ротация стала осуществляться на основе Оперативной группы российских войск в Приднестровье (ОГРВ). В конце 1996 г. в связи со стабилизацией обстановки общая численность российских миротворческих сил была сокращена до двух батальонов. Любопытно, что примерно 80 % прапорщиков в российских войсках, дислоцированных в Приднестровье, – местные уроженцы.

Руководство воинским контингентом «миротворцев» осуществляло Объединенное военное командование миротворческих сил, в которое вошли представители России, Молдовы и Приднестровской Молдавской Республики, а на правах наблюдателей работали украинские офицеры. В зоне безопасности, протянувшейся вдоль Днестра на 225 км и на 20 км вглубь, действовало 17 постов. Из них: российско-приднестровских – 1, российско-молдавских – 3, российских – 2, приднестровских – 2, молдавских – 1, трехсторонних – 8.

В батальонах и комендатуре создавались оперативные группы, которые при возникновении каких-либо экстренных ситуаций через 15–20 минут готовы были прибыть на место и выполнить задачу. В необходимых случаях при приближении бандформирований или незаконных вооруженных формирований миротворцы по трехстороннему решению имели право задерживать, преследовать их и применять оружие, вплоть до пулеметов боевых машин.

К началу 1999 г. контингент миротворческих сил России состоял из объединенного штаба, военных наблюдателей, двух отдельных мотострелковых батальонов и подразделения обслуживания. Общая численность личного состава – 508 человек, бронетехники – 32 единицы, автомобильной техники – 56 единиц и 4 вертолета.

Потери российских «миротворцев» при выполнении миротворческих задач в этом регионе с 1992 г. по 1999 г. составили: 24 погибших и 25 раненых. Кроме того, эта миротворческая операция только за 1992–1997 гг. обошлась России в 176 296,9 тыс. руб.[239].

Кроме «миротворцев» в Приднестровье расквартирована Оперативная группа российских войск (ОГРВ) численностью около 1500 человек в составе отдельной мотострелковой бригады, зенитного ракетного полка, полка связи и авиагруппы. Ее основная задача – охрана крупнейшего в Европе (более 100 гектаров) арсенала оружия в Колбасно (Рыбинский район).

В Приднестровье на складах бывшей 14-й армии на 1996 г. находилось 49 476 единиц стрелкового оружия, 805 артсистем, 655 единиц боевой техники, 4000 автомобилей, тысячи тонн всевозможных боеприпасов. Одних ПТУР около 14 тысяч штук. Этого достаточно, чтобы вооружить четыре дивизии.

Техника эта понемногу вывозится в Россию, понемногу уничтожается на месте и, разумеется, понемногу разворовывается, тоже, разумеется, на месте. Так, например, осенью 1995 г. в Тирасполе из имущества 59-й дивизии украли вагон нового типа гранат РГО-8, 74 автомата АК с глушителями и пистолеты Сечкина с глушителями, ящики с патронами.

Между тем у Приднестровской Молдавской Республики есть свой ВПК: завод «Прибор» (город Бендеры), производящий минометы и реактивные системы залпового огня БМ-21 «Град»; заводы «Электромаш» и «Металлорукав» (пистолеты ПМ, ТТ, ПСМ, автоматы АК, АКМ, боевой комплект «Полисмен», противотанковые гранатометы СПГ-9). В СМИ сообщалось, что на «Электроаппаратном» и на Заводе им. Кирова в последнее время осваивалось производство гранатометов «Пчела» и «Гном», переносных минометов «Катран» и «Василек», ПЗРК «Дуга».

В ведении министерства обороны Приднестровья находятся: 4 пехотные бригады; танковый батальон (село Глиное), противотанковый дивизион (город Тигина); артиллерийская часть и инженерно-саперная часть (село Парканы); отдельная авиационная эскадрилья (Тирасполь). На вооружении 18 танков Т-64, 69 бронетранспортеров; 18 гаубиц калибра 122 мм; 12 пушек калибра 85 мм, 69 минометов. Авиация состоит из 6 вертолетов Ми-8Т, вооруженных ракетными установками, двух вертолетов Ми-2, одного самолета Ан-26, двух самолетов Ан-2 и двух Як-18. Численный состав армии в мирное время составляет 4500–5000 человек, по штатам военного времени эта цифра возрастает в несколько раз.

Численность молдавской армии, по официальным данным, составляет 6800 человек. В молдавской армии три мотопехотные бригады, одна артиллерийская, одна ПВО и смешанная авиационная. Имеются еще полк связи, инженерно-технический батальон, отдельный батальон охраны и обеспечения, батальон «голубых касок» и спецназ – батальон «Фулджер». Еще в республике 11-тысячный корпус карабинеров, спецназ МВД (2500 чел.), пограничные войска (около 7 тыс. чел.).

На вооружении у Молдовы 229 единиц бронетехники, 226 артиллерийских орудий, около 30 вертолетов Ми-8, 6 старых самолетов польского производства Vilga 35 (из которых после катастрофы в мае 2005 г. используется только один – главным образом для обучения и тренировок персонала). Свои 26 МИГ-29 молдаване уже давно продали. Из средств ПВО – зенитные ракетные системы и комплексы С-200, С-125, С-75, есть ПЗРК «Игла», 24 установки реактивной системы залпового огня «Град», противотанковый полк (54 пушки «Рапира»).

На базе хранения под Кишиневом имеется также 220 бронетранспортеров и около 12 тыс. единиц стрелкового оружия.

Как видим, силы сторон примерно равны, и нападение Молдовы на ПНР сейчас маловероятно.

Возможно ли воссоединение Приднестровья с Молдовой? На мой взгляд, мирным путем сделать это уже невозможно. В обеих странах уже выросло поколение с разным менталитетом. Вот, к примеру, к июню 1997 г. Министерство образования и науки Республики Молдова (название министерства менялось неоднократно) разработало и утвердило «Школьный куррикулум», то есть типовые учебные программы по всем дисциплинам. В объяснительной записке авторы программы по истории, подчеркивая важное значение предмета, определили главную цель изучения истории – «содействие развитию личности с высоким уровнем национального самосознания». Куррикулум содержит не только подробное изложение общих целей исторического образования, его базовых направлений (понимание и представление исторического времени и пространства, факты, события, личности и т. д.), но и предлагает методические рекомендации по контролю и оценке знаний учащихся. Так, к концу 4-го класса ученик должен не только «знать выдающихся личностей из истории румын», но и «выражать свое отношение» к ним, «осознавать гражданский долг сегодняшнего поколения перед историческими личностями»[240].

Румынизация стала не только важнейшей составляющей исторической науки и образования Молдовы, она явственно проступает во всей общественно-политической жизни республики. Латинская графика изменила культурный облик молдавских городов. Исчезли названия улиц советской эпохи, их заменили имена румынских и молдавских деятелей – господарей, писателей, церковников. В Кишиневе появились названия, связанные с эпохой Древнего Рима, – бульвар Децебала, проспект Дикая. Главная улица Кишинева – бывшая улица Ленина – теперь носит имя молдавского господаря Штефана чел Мааре ши Сфынт (Великого и Святого). А перед входом в Национальный музей истории Республики Молдова установили изваяние – волчица, кормящая Ромула и Рема, – скульптурный символ «латинского синдрома».

Зато символом Приднестровья был и остается памятник Суворову. К 2006 г. в Приднестровье проживает 31,9 % молдаван, 30,3 % русских и 28,8 % украинцев. Замечу, что это касается только их паспортных данных, но языком общения у подавляющего большинства приднестровцев является русский. Обучение в школах ведется на русском и молдавском языках, причем в обоих случаях – кириллицей.

В августе 2004 г. правительство ПМР закрыло четыре молдавские школы, в которых преподавание велось на латинице. В ответ президент Молдовы Владимир Воронин, кстати, коммунист, объявил экономическую блокаду Приднестровья.

Через некоторое время украинский президент Ющенко поддержал санкции Кишинева. В ответ приднестровские власти запретили транзит грузов между Молдовой и Украиной в обоих направлениях. ПМР имеет 486 км границы с Украиной, и объезд ее в копеечку влетел как молдаванам, так и украинцам.

25 марта 2005 г. в Тирасполь прибыла автоколонна с гуманитарной помощью из России. Машины с гуманитарной помощью вышли из подмосковного Ногинска утром 22 марта. Для населения ПМР передано более 230 тонн медикаментов и продуктов питания. МИД Молдовы заявил, что считает необоснованным предоставление Россией гуманитарной помощи Приднестровью, МИД Украины считает это пропагандисткой акцией.

Руководство ПМР создало благоприятные условия для проникновения в непризнанную республику российского капитала, надеясь, что это будет способствовать укреплению экономической независимости и росту доходов населения.

В 2003 г. Тирасполь провел приватизацию 14 крупных предприятий и пополнил казну на 10 миллионов долларов. В 2004 г. были приватизированы еще 75 предприятий мелкого и среднего бизнеса, в том числе Калашарский винно-коньячный завод.

Руководство ПМР считает продажу Молдавской ГРЭС весьма выгодной приватизационной сделкой. Российско-бельгийская компания «Saint Gidon Invest» выиграла в конкурсе, заявки на участие в котором подавали «Газпром» и РАО «ЕЭС России».

Она заплатила 29 миллионов долларов и обязалась вложить в развитие станции 100 миллионов долларов в течение двух лет.

«Молдавкабель» купила питерская компания «Севкабель», и предприятие за три месяца работы увеличило производительность в два раза. Завод «Прибор» приобретен московским оборонным предприятием «Салют». Примечательно, что «Салют» выразил готовность закупать продукцию местных плодово-овощных заводов. Так, было достигнуто соглашение о продаже «Салюту» указанной продукции приднестровской фирмой «Рустос». Она приобрела на аукционе обанкротившийся консервный завод «Октябрь», заплатив 111 399 долларов (стартовая цена 110 399 долларов).

Московский торговый дом «Арома» выиграл тендер на винзавод «Букет Молдавии» в Дубоссарах. (90 % продукции завода реализуется в Белоруссии, России и на Украине.)

Приднестровье предоставило владельцам приватизированных предприятий право полностью распоряжаться их имуществом. Так, российская компания «ИТЕРА» перепродала в апреле 2004 г. 75 акций Молдавского металлургического завода (ММЗ) в Рыбнице за 50 миллионов долларов австрийско-украинскому металлотрейдеру Hares Group, который контролирует около 90 % акций завода. Примерно треть этого пакета находится в руках Алишера Усманова, генерального директора «Газпроминвестхолдинга». «Уральская сталь», входящая в империю Усманова, занимается сбытом продукции ММЗ. Около 60–70 % этой продукции реализуется в странах Западной и Восточной Европы. Эксперты оценивают стоимость всего завода в 250 миллионов долларов, а пакет Усманова без учета дисконта из-за политических рисков – в 75 миллионов долларов. Этот пакет, подчеркивают они, Усманов может продать в любой момент какому-нибудь западному инвестору.

Инвесторы, рассуждают в Тирасполе, приходят с рынками сбыта, поэтому проблема реализации продукции снимается. В целом же промышленное производство в республике за январь – апрель 2004 г. к тому же периоду прошлого года выросло в долларовом выражении на 28 %.

Особая ситуация сложилась с долгом Приднестровья за российский газ. Президент ПМР Игорь Смирнов отмечает, что долг за газ, который возник в трудное время начала 1990-х годов, составляет 400 миллионов долларов. Но надо учитывать, что Российская Федерация уже вывезла с территории ПМР вооружений и боеприпасов на 2 миллиарда долларов. Тем не менее Смирнов утверждает, что республика готова расплатиться с этим долгом, если его реструктуризировать, скажем, на 30 лет. Сейчас ситуация с текущими расчетами нормализована, газоснабжение продолжается, продолжается и газификация республики.

Выполняет эти работы «Стройтрансгаз». 25 августа 2005 г. он сдал 50-километровый газопровод Красненькое – Рашково – Каменка на севере республики.

Отношения между Россией и Приднестровьем развиваются в направлении установления консульских отношений. В феврале 2004 г. тогдашний посол РФ в Кишиневе Зубаков посетил Тирасполь и отметил, что порядка 100 тысяч жителей уже получили гражданство РФ и десятки тысяч стоят в очереди. В этой связи он констатировал, что нет политических аргументов против открытия в Тирасполе российского консульства.

Блокада Приднестровья к осени 2006 г. существенно уменьшилась. Таким образом, при сохранении российского миротворческого контингента в Приднестровье, у республики есть достаточно хорошие шансы на выживание.

В заключение я бы хотел уточнить авторскую позицию к ПМР. С точки зрения политики и элементарной справедливости правительство непризнанной республики ведет правильную политику. Но я бы не хотел представлять ее президента Смирнова «белым и пушистым». В молдавских СМИ проходит много материалов об авторитарном стиле управления в ПМР, о коррупции в верхних эшелонах и т. д. Надо полагать, «нет дыма без огня». Но это не может быть поводом для российского правительства отдать Приднестровье на расправу молдаванам. Ведь и в РФ не все в порядке с демократией и законами. И почему то, что позволено Чубайсу, не может быть позволено Смирнову? Да и не стоит забывать стандартную фразу, повторенную несколькими президентами США о нескольких правителях Латинской Америки: «Сомоса (Батиста и др.) – сукин сын, но это наш сукин сын».

А ситуация с демократией и коррупцией в ПМР может существенно улучшиться лишь после признания ее Россией и Западной Европой и установления нормальных рыночных отношений.

Раздел VII. Закавказье

Глава 1. Закавказье – арена кровавых войн

Армянский народ образовался в конце II – начале I тысячелетия до н. э. на Армянском нагорье в результате постепенного слияния проживавших на нем издревле племен и их союзов, а также некоторых других племен, осевших здесь в конце II тысячелетия до н. э.

Особенно важен вклад хуррито-урартских племен, как наиболее многочисленного и широко распространенного этнического элемента нагорья, который именно благодаря этому составил физическую основу находившегося в процессе становления народа. Сюда следует причислить исконное население бассейна озера Ван – урартские племена; далее, близко родственные им племена хурритов, проживавших в долинах Арацани и верховьях Тигра, хурритские или близкие к ним племена долины Аракса и верховьев Куры, образовавшие крупные племенные союзы Этиуни и Диаухи, и другие менее значительные племена или их объединения этого же географического ареала. Важен вклад также и хетто-лувийских племен, населявших страны, расположенные в долине Верхнего Евфрата – Куммух, Ишува, Сухме и другие. От племенного союза Хайаса, помимо прочего, армянский народ унаследовал и свое самоназвание «хай».

Наряду с этими этническими элементами в образовании армянского народа приняли участие также индоевропейские племена арменов, давшие народу его второе имя – «армяне», которым называют его другие народы. В период известных переселений «народов моря» (XIII–XII вв. до н. э.) армены проникли в Малую Азию вместе с родственными им фракофригийскими племенами из Балкан. (Хотя есть мнение, что прародина индоевропейцев находилась именно в восточной части Малой Азии.) Затем они продвинулись дальше на Армянское нагорье. Обо всем этом говорят сообщения ряда древнегреческих авторов, начиная с «отца истории» Геродота.

Ассирийские клинописные надписи (V в. до н. э.) называют часть этих протоармян уруме (по их наименованию), другую часть – мушку (по одному из названий родственных им фригийцев). В 1115 г. до н. э. ассирийский царь Тиглатпаласар I впервые столкнулся с племенами мушку, двадцатитысячное войско которых под предводительством пяти вождей из занятых ими за 50 лет до этого юго-западных областей Армянского нагорья вторглись в Ассирийскую державу. В следующем году войска этого царя сражались уже с воинами племен уруме, утвердившихся в этих же областях.

Таким образом, на территории, тянувшейся от западной излучины Евфрата на восток по долинам Арацани и Тигра, где уже раньше жили хурритские и хетто-лувийские предки армян, с XII века до н. э. начинается постепенный процесс этнической консолидации и слияния всех названных племен.

Замечу, что часть страны, где начался процесс образования армянского народа, ассирийцы по названию племен уруме переименовывают в Уруме, а урарты, соприкасавшиеся с этими племенами несколько позднее, называли ее Урме.

Урартское государство почти со времени своего возникновения сталкивалось со страной Урме. Минуа возвещает о победе над ней, Аргишти I заявляет о том же, Сардури I сообщает об овладении страной, разрушении населенных пунктов, угоне населения.

Около 520 г. до н. э. встречается в клинописных табличках упоминание армянского государства Армины, или, как именовали ее древние греки, Армении. Однако, судя по ряду данных, оно возникло ранее, в начале VI века до н. э., заменив собой государство Урарту, поскольку территория последнего уже была вовлечена в процесс образования армянского народа.

Это армянское царство вышло на историческую арену в качестве союзника могущественной тогда Мидии. Но такой союз просуществовал недолго: Мидия стремилась овладеть наследием Урарту. Борьба завершилась в пользу Мидии, и Армения попала под ее верховное владычество с условием выплаты дани, предоставления военной помощи и отказа от сооружения укреплений. Территория Армении в этот период на юго-востоке была сопредельна с Мидией, а на северо-востоке достигала земель причерноморских халдейских племен.

В III веке до н. э. возникает сильное Армянское царство. В I веке до н. э. армянский царь Тигран II владел не только «классической» Арменией, но и Киликией, и Финикией. Его земли простирались от Каспийского моря до Средиземного.

Первый раз римляне вторглись в Армению в 69 г. до н. э. В I–IV веках н. э. Армянское царство попеременно становилось вассалом то Рима, то Парфии, балансируя между ними.

В 301 г. при царе Тигране III произошло важнейшее событие национальной истории – в Армении принимается христианство, ставшее государственной религией. Сформировалась армянская церковь, первым главой которой стал Григор Просветитель (Лусаворич). В IV веке персидский царь Шапух II начал войну против Армении, которая длилась с небольшими перерывами 30 лет.

В конце концов, Рим и Персия пришли к соглашению и в 387 г. разделили Армению между собой. Персии досталась бóльшая часть армянской территории. Хотя в персидской части некоторое время еще существовала царская власть, однако положение страны было безнадежным. Города были разрушены, экономика развалена, государственная власть ослаблена. Воспользовавшись этим, Персия в 428 г. упразднила вассальное Армянское царство. Страна распалась на множество княжеств, которые подчинялись правителю, назначаемому персидским царем.

В 640–650 гг. начались вторжения арабов в Армению. Армяне упорно сопротивлялись, но к концу VII века арабы подчинили себе Армению, превратив ее в одну из административных единиц Арабского халифата. Страна была разграблена. В Армении началась экономическая разруха. Арабское владычество продолжалось около 200 лет.

Но арабское иго не сломило свободолюбивого духа армянского народа. В 703 г., затем в 748–750 гг., 774–775 гг., 850–855 гг. вспыхивали восстания. В 855 г. из Армении был отозван наместник халифата. Спарапетом Армении (вассалом халифата) был признан Ашот Багратуни. В 885 г. он был провозглашен армянским царем. Византийская империя также послала Ашоту царскую корону. Это означало, что армянское царство нашло международное признание. Была основана династия Багратидов[241] (885—1045). Ашот I (годы правления 885–890), а затем и его преемник Смбат I (годы правления 890–914) сумели объединить многие армянские княжества.

Арабы в начале X века несколько раз пытались подчинить Армению, но в 925 г. были окончательно изгнаны из страны.

Но сравнительно мирный период длился недолго. Еще в X веке тюркские кочевые скотоводческие племена объединились вокруг своего вождя Сельджука. В XI веке турки-сельджуки захватили Среднюю Азию, вторглись в Иран, а в 1047 г. вторглись в Армению, разорив и разграбив страну. Они захватили большинство армянских провинций, заняли Ани.

В ходе упорной борьбы армянам удалось в начале XIII века освободить бóльшую часть своей территории.

В конце XI века, когда вся Армения, за исключением Сюникского и Таширского царств, находилась под игом чужеземных захватчиков, на северо-восточном берегу Средиземного моря, в Киликии, возникло новое армянское государство, просуществовавшее три столетия, с 1080-го по 1375 год.

С древних времен Киликию населяли малоазиатские племена. Впоследствии значительную часть ее населения составили греки и сирийцы. Армяне впервые поселились в Киликии при Тигране II (95–55 гг. до н. э.). В VIII–XII веках здесь появляются арабы и сельджуки, а с начала XIII века – итальянские ремесленники и купцы.

Численность армянского населения в Киликии в XI веке и особенно в начале XII века быстро увеличивалась – значительная часть малоазиатских армян, спасаясь от сельджуков, находила убежище в горных районах Киликии. Позднее, вследствие татаро-монгольского нашествия, здесь обосновался большой поток переселенцев из центральной Армении.

В XI веке в Киликии существовал ряд армянских княжеств, из которых наиболее жизнеспособным и значительным было княжество, основанное в Горной Киликии князем Рубеном, одним из приближенных Гагика II – последнего царя династии Багратидов. Временем основания этого княжества, ставшего ядром Киликийского армянского государства, принято считать 1080 г., когда

Рубен вытеснил византийцев из Горной Киликии и провозгласил независимое армянское княжество. Преемник Рубена, его сын Константин завладел рядом новых областей и крепостей.

Киликийское армянское княжество вело длительную борьбу с окружавшими его врагами – Византийской империей, сельджуками, Иконийским султанатом и латинским Антиохийским княжеством (образованным в ходе крестовых походов).

Постепенно Киликийское армянское княжество усилилось и расширилось, и в 1198 г. в Тарсе, известном городе Равнинной Киликии, оно было торжественно провозглашено независимым государством, а князь Левон – царем (? —1219) под именем Левона II. Это историческое событие современники расценили как восстановление царства Багратидов в новых условиях, на новой территории, где сосредоточилось многотысячное армянское население – дворяне, церковнослужители, воины, шинаканы-крестьяне, ремесленники и купцы. Приток армян из Армении и других областей в Киликию увеличился. Киликийское армянское государство стало крупным центром политической и культурной жизни армянского народа.

В годы своего царствования Левон II расширил границы государства, включив в его состав как горные, так и равнинные районы Киликии. За это время была создана сильная регулярная армия, построен ряд крепостей в пограничных районах, создан торговый флот, заключены торговые соглашения с Венецией, Генуей и другими городами и странами.

В 1359–1375 гг. Киликийское армянское царство было разгромлено мамлюками (Египетским султанатом).

А теперь вернемся в собственно Армению.

В 1474–1475 гг. турецкие войска вторглись в западные области Армении. В 1502 г. Персия также захватила часть Армении. В 1512 г. начались турецко-персидские войны, которые с перерывами длились более века. В 1555 г. был заключен мирный договор, по которому Армения была разделена между Турцией и Персией.

Но турки, не удовлетворившись полученным, в 1578 г. начали новую войну против Персии. В 1604 г., когда турецкая армия начала теснить персов, персидский шах, отступая, стал насильно переселять армян в Персию, чтобы туркам оставить лишь пустынные земли. Турецко-персидские войны с небольшими перерывами продолжались до 30-х годов XVII века. По договору, заключенному в 1639 г., Армения во второй раз была разделена между Турцией и Персией. Восточная Армения попала под власть Персии, Западная – Османской Турции.

Переходя к Грузии, следует отметить, что под общим названием «грузины» объединено более двадцати субэтносов, причем проживающие в Западной Грузии сваны и мегрелы настолько отличаются в языковом и культурном плане от остального грузинского населения, что правильнее было бы рассматривать их как отдельные народы (подобно чехам или сербам по отношению к русским). Поэтому является вполне обоснованным мнение тех отечественных и зарубежных ученых (Дж. Хьюитт и др.), которые предлагают использовать для обозначения формирующейся грузинской нации не термин «грузины», а самоназвание «картвелы», которое включает в себя говорящих на языках картвельской группы (но не взаимопонятных между собой) грузин Восточной Грузии, мегрелов и сванов.

В IV–V веках грузинские княжества принимают христианство. При этом церковь в западных княжествах подчиняется Константинопольскому патриарху, а в восточных становится автокефальной (независимой), хоть кое в чем и признает верховенство Антиохийских патриархов.

В конце X века царь Картли Баграт III (975—1014) сумел объединить грузинские княжества в единое государство. С XI века по 1212 год этим государством правила династия Багратидов. Происхождение династии и ее конец вызывают много споров, порождаемых националистической идеологией и сиюминутными политическими выгодами.

Так, армяне и ряд западных историков считают, что грузинские Багратиды происходят от армянских Багратидов, а конкретно от Васана Багратуни, в середине VIII века бежавшего из Армении в город Тайк, спасаясь от нашествия арабов.

Естественно, что грузинские историки не желают признавать такое родство и выводят родословную Багратидов кто от ассирийских владык, а кто и от самого Ноя.

В 980 г. Баграт III захватил Абхазское царство. Позднее, к 1010 году, к царству были присоединены Кахетия и Эрети, где властвовали кахетинские цари. Таким образом, за политическими границами царства оставался Тифлисский эмират, находившийся в руках эмиров – вассалов арабского эмирата.

При царе Давиде IV (1089–1125) государство Багратидов достигло наибольшего размера. В 1122 г. его войска разгромили Тифлисский эмират. Сам город Тифлис был взят и стал столицей государства Багратидов.

Внук Давида IV Георгий III (1156–1184) не имел сыновей, а имел лишь дочь Тамару. Заручившись поддержкой духовенства и феодалов, он еще при своей жизни, в 1178 году, возвел ее в царское достоинство. Таким образом, царица Тамара, самостоятельно правившая с 1184 го 1213 год, стала последним монархом из династии Багратидов. Хотя в дальнейшем осетинские правители без всяких на то оснований присвоили себе фамилию Багратионов.

Чтобы не пререкаться со «знатоками», процитирую П. Н. Петрова, автора «Истории родов русского дворянства», изданной в Петербурге в 1886 г.: «Находя возможным прямее допустить происхождение дошедших до наших дней Багратионов от Осетинских владетелей, мы разделяем роды князей Багратионов на самостоятельные ветви: Имеретинскую, Мухранскую, Багратионов-Давидовых и просто Багратионов – и думаем теперь обозреть последних.

Происхождение их мы только ведем от царя карталинского Иессея, принявшего ислам с новым мусульманским именем Али-Кули-хана, умершего в 1727 г. От брака его с кахетинской царевной Еленой родились четыре сына, из которых второй – Александр – был русской службы полковником и родоначальником русского рода князей Багратионов, теперь существующих; тогда как со смертью князя Петра Романовича старшая линия рода Багратионов прекратилась. Князь Александр Иессеевич Багратион оставил двух сыновей: младшего – Кирилла и старшего – Ивана Александровича, отца: 1) героя отечественной войны, князя Петра Ивановича, генерала от инфантерии, умершего 7 сентября 1812 года, 47 лет от роду, от раны, полученной при Бородине, и 2) Романа Ивановича, сын которого – князь Петр Романович, бывший последним остзейским губернатором, умер в январе 1876 года»[242].

Таким образом, все ныне существующие представители фамилии Багратионов, в лучшем случае, потомки Али-Кули-хана и польских евреев Злотницких. А к древним царям Багратидам, что к грузинским, что к армянским, они не имеют никакого отношения.

В начале XIII века грузинские княжества завоевали монголы, и с середины XIII века по середину XIV века они были вассалами монгольского государства Хулагуидов.

Во второй половине XV века завершился распад прежде относительно единой Грузии на три царства: Картли с центром в городе Тифлисе (владение прежнего «царя царей» Грузии), Кахетии (на востоке Грузии, в бассейне реки Алазани) и Имерети (в Западной Грузии). В 1490 г. это разделение было окончательно признано постановлением дарбази (совета высших феодалов) царя Картли Константина.

Кроме того, получили самостоятельность владетельные княжества (самтавро) Абхазия, Мегрелия (Мингрелия), Гурия (все три в Западной Грузии) и Самцхе-Саатабаго (атабекство Месхети в Юго-западной Грузии). Все грузинские княжества дробились еще на отдельные сеньории (сатавадо), которые постоянно боролись друг с другом и с царской властью, что сильно ослабляло страну.

В XV–XVI веках грузинские княжества были предметом спора между Оттоманской империей и Персией. В 1555 г. Персия и Турция заключили между собой договор, по условиям которого Грузия оказалась разделенной на две части: турецкую (Лихтимерети и западная часть Месхети) и персидскую (Картли, Кахетия и восточная часть Месхети). А по турецко-персидскому договору 1590 года вся Грузия перешла под власть Турции. Однако в 1612 г. турки и персы приняли «мирные условия», по которым в Грузии восстанавливались прежние турецко-персидские границы.

Только перечень войн турок с персами в Закавказье в XV–XVIII веках занял бы целую страницу. А сюда надо включить и «междусобойчики» туземных феодалов, и систематические набеги разбойничьих племен с гор Кавказа.

Описывая этот период, и русские, и грузинские историки до 1991 г. обычно перечисляли немалые невзгоды, которые выпали на долю грузинского народа – нашествия персов, турок, лезгин, кызылбашей; грузин убивали, угоняли в рабство и обкладывали данью. И в этом они совершенно правы. Однако значительная часть грузин-феодалов жила не так-то уж и плохо.

Так, в Персидской империи картвельские княжества и по сути, и по форме не были колониями, а являлись частью персидского государства – его провинциями, такими же как коренные ираноязычные регионы Хорасан, Балх или Фарс. Ими правили по тем же законам, что и в основной Персии, а назначаемые шахом чиновники практически всегда были картвельского происхождения – омусульманенные грузинские князья и дворяне. Считалось, что князья находятся у шаха на службе, они получали жалование, им дарились дорогие подарки и имения как в Персии, так и в Грузии.

Об отношении шахов к Грузии можно судить по тому, что по их приказам и на их средства в Картли и Кахетии содержалось войско, которое обязано было охранять границы Грузии от набегов горских племен, если войска не хватало, шах присылал помощь.

Налоги, собираемые с грузинских княжеств, были такими же, а иногда и меньшими по сравнению с налогами на других территориях как Персидского, так и Турецкого государств. Так, знаменитый турецкий путешественник Эвлия Челеби пишет, что Имеретинское царство, одно из турецких вилайетов, «до сегодняшнего времени» свободно от хараджа и урфа (так называемых обычных налогов), «только ежегодно они посылают в Стамбул [в качестве подарков] невольников, соколов [разных видов], ястребов, мулов, а также грузинских женщин редкой красоты». Имеются неоднократные примеры снижения налогов и в персидской части грузинских княжеств.

Выставляемые в качестве угнетателей и гонителей христианской веры, персы не уничтожали христианскую церковь полностью, а лишь поставили ее в определенные рамки и заставили согласовывать утверждение грузинских католикосов в Персии. Есть немало свидетельств того, что шахская власть являлась неким верховным судьей, арбитром в церковных, хозяйственных и административных вопросах.

Грузинская знать на правах равных входит в высшее сословие Персии. Были распространены династические браки – немало грузинских княжон стали женами шахов, а в крови знатнейших грузинских родов текло немало персидской крови. Так, у одного из величайших исторических фигур в истории Грузии, основателя Тифлиса, в честь которого сейчас назван высший орден Грузии – Вахтанга Горгасали, – мать была персиянка. Кстати, само слово «Горгасали», или «Волкоголовый», тоже имеет персидское происхождение.

Представители грузинской знати мальчиками росли при шахском дворе, они назначались чиновниками в провинции, причем не только в грузинские, но и в исконно персидские, выступали в роли крупнейших персидских военачальников и даже предводителей всего персидского войска в походах в Индию и Афганистан. При шахском дворе находились целые группы высокопоставленных чиновников-картвелов.

«Центр династической жизни Грузии находится в Тегеране и Исфагане – здесь процветают грузинские интриги, заключаются брачные союзы, приобретаются выгодные государственные должности, получаются и теряются царства. Так, в первой половине XVII века царь кахетинский и картлийский Теймураз из-за интриг шахского двора трижды получает и трижды теряет свой царский скипетр. Персидское влияние проникает во все уголки грузинского общества – архитектура принимает иранские формы, высшее и среднее сословия говорят на персидском языке, заводят персидские библиотеки, да и сама грузинская литература начинает следовать не изначальным византийским, а персидским канонам, например, персидское происхождение источника знаменитого “Витязя в тигровой шкуре” сам Шота Руставели даже не скрывает:

Это повесть из Ирана, занесенная давно,

По рукам людей катилась,

как жемчужное зерно.

Спеть ее грузинским складом

было мне лишь суждено.

И хотя в монастырях церковь сохраняет остатки грузинской иконописи и церковной письменности, нравы светского мира к концу XVIII века уже почти полностью копируют персидские»[243].

С конца XV века, когда Черное море стало «турецким озером», грузинские феодалы наладили экспорт в Оттоманскую империю крайне выгодного товара, сопоставимого сейчас лишь с нефтью и газом. Речь идет о рабах. «Пленопродавство» (работорговля) получило в описываемое время исключительное распространение в Западной Грузии. Феодалы присваивали себе право продавать крепостных на иностранные рынки с целью приобретения предметов роскоши. Это приводило к катастрофическому уменьшению количества крестьян. Население Западной Грузии за XVI век не только не увеличилось, но уменьшилось вдвое.

К середине XVI века в Западной Грузии «пленопродавство» приняло настолько угрожающие размеры, что стало предметом обсуждения на специально созванном церковном соборе. Принятая на соборе мера наказания за «пленопродавство» (смертная казнь) показывает, что участники собора понимали всю опасность этого социального зла для самого господствующего класса. Несмотря на подобные мероприятия, «пленопродавство» в Западной Грузии практиковалось почти до второй половины XIX века.

Глава 2. Русских зовут, и они приходят

12 ноября 1638 г. царь дидиянский Леонтий прислал в Москву грамоту к царю Михаилу Федоровичу: «И было де в Ыверской земле 5 государей и из них-де перской шах побил 2 государей, а достальных де 3-х государей государствы Божиею помощию и его царским многолетным счастьем владеет он, Леонтей царь. И желал-де он от многово времяни, чтоб ему служити его великому царствию, да не изыскал такова времяни, как ему государю о том побить челом. А ныне-де он послал к его великому царствию крестового своего попа имянем Гаврила»[244].

Краткая справка. Дадианская земля – это Мегрельское княжество на северо-западе Грузии, которое включало территорию от реки Цхенисцхали на востоке и реки Риони на юге до реки Ингури.

«Пять государей» – цари: Кахетии – Теймураз I, Картли – Луарсаб II, Имерети – Георгий III; владетели: Мегрелии – Левон II Дадиани и Гурии – Мамия (Мануил).

В 1614 и 1616 годах персидский шах Аббас I предпринял два похода в Восточную Грузию. Во время первого похода, в 1614 г., Аббас I разорил Кахетии, захватил царя Картли Луарсаба II. А Теймураз I был вынужден укрыться в Имерети под покровительством царя Георгия III. После попыток Теймураза I восстановить свою власть Аббас I весной 1616 г. вновь появился в Кахетии, и Теймураз снова бежал в Имерети. Царем Картли был назначен мусульманский царевич Баграт. Аббас I упразднил царство в Кахетии и разделил его на две части. Восточную часть он передал правителю Гянджи Пейкар-хану, а западную – картлийскому царевичу Баграту[245].

Вот и попросился царь Леон в русское подданство и послал в Москву попа Гавриила Гегенаву.

А в 1635 г. царь Кахетии Теймураз I отправил в Москву посольство во главе с митрополитом Никифором с просьбой о покровительстве и оказании военной помощи. 23 октября 1735 г. посольство прибыло в Терский городок, а 8 октября 1636 г. – в Москву. 11 октября 1636 г. митрополит Никифор был на аудиенции у царя Михаила Федоровича.

Русское посольство во главе с князем Ф. Ф. Волконским и дьяком А. Хватовым выехало из Москвы вместе с митрополитом Никифором 25 июня 1637 г. Послы имели проект крестоцеловальной записи, то есть договора с Теймуразом I. 10 октября 1637 г. послы приехали в Терский городок, 5 августа 1638 г. в сопровождении посланцев Теймураза I они добрались до лагеря Теймураза I. 2 сентября прибыли к Алавердскому монастырю, а 9 сентября состоялся прием послов Теймуразом I.

Переговоры затянулись до 23 апреля 1639 г. В итоге Теймураз I торжественно подписал крестоцеловальную запись, и 28 апреля посольство выехало из Грузии, прибыв в Москву в конце 1639 года[246].

В 1648 г. царь Имерети Александр III отправил в Россию послов Василия и Давида с просьбой о принятии его вместе с царством в подданство. В ответ на эту просьбу в Имерети отправилось русское посольство – Н. М. Толочанов и дьяк А. И. Иевлев. Они выехали из Москвы вместе с имеретинскими послами 10 июня 1650 г. и 10 октября прибыли в Терский городок, откуда выехали 15 апреля 1651 г. Александр III принял послов в Кутаиси 24 июня 1651 г. Послы вручили царю грамоты и подарки. А 28 июня состоялся второй прием русского посольства. 14 сентября имеретинский царь Александр III целовал крест на верность московскому царю. 9 октября 1651 г. Александр III подписал крестоцеловальную запись. 10 октября 1651 г. Н. М. Толочанов и А. И. Иевлев в сопровождении имеретинских послов Л. Джапаридзе и архимандрита Евдемона отправились в путь и к концу ноября прибыли в Терский городок[247].

В январе 1657 г. от правителей тушин, хевсуров и пшавов к царю Алексею пришла грамота: «И ныне великий государь наш Теймураз царь живет под вашею царскою высокою рукою. И мы, Тушинские земли и Кевсурскии и Пшавскии все три християнские государства, соединачилися и послали к тебе, великому государю, посланников своих заодно Султана да Григорья и Павла и хоти быть в холопстве под вашею царского величества высокою рукою и ваше царское повеленье слушать, только иметь единого Бога да своего прежнего Теймураза царя. А ныне недруги ево разорили, а наше место ничем не вредимо, живем в крепях, многожды и на нас помыслили разорить…»[248]

Весной 1723 г. русские войска занимают персидские территории на юге Каспийского моря. Чтобы получить «сухопутную коммуникацию» между русскими войсками в Дербенте и Реште, Петр I решил занять город Баку и прилегающую часть побережья. Царь приказал генерал-майору Михаилу Афанасьевичу Матюшкину: «Идтить к Баке как наискорее и тщиться оный город, с помощию божиею конечно, достать, понеже ключ всему нашему делу оный, а когда бог даст, то оный подкрепить сколько мочно и дожидаться новых гекботов с провиантом и артиллериею, которой быть в городе и с людьми. Велено послать 1000 человек, но ежели нужда будет, то прибавить сколько надобно и беречь сие место паче всего, понеже для него все делаем. Всех принимать в подданство, которые хотят, тех, чья земля пришла к Каспийскому морю».

В июле 1723 г. двадцать русских судов появились перед Баку. Матюшкин отправил в город письмо, где утверждал, что он пришел защищать Баку от мятежников, действовавших против персидского шаха.

Но местные власти отвечали, что они верные подданные шаха и четыре года отбиваются от мятежника Сауда, так что не нуждаются ни в чьей помощи и защите.

Тогда Матюшкин приказал высадить десант. Атака персидской конницы, стремившейся помешать высадке, захлебнулась под огнем судовой артиллерии. У стен Баку русские выстроили две осадные батареи. 22 июля началась бомбардировка города, в которой помимо осадных батарей приняли участие и семь гекботов[249] с тяжелыми мортирами. Семидневная бомбардировка подействовала на персов, и 28 июля Баку сдался.

Русские батальоны вступили в город с распущенными знаменами и барабанным боем. В Баку было взято 80 пушек. Начальник гарнизона и его 700 подчиненных попросились на русскую службу. Матюшкин удовлетворил их просьбу.

Вслед за Баку русские войска высадились в устье Куры и заняли прилегающий район побережья.

Согласно договору с Персией, заключенному в 1723 г., Каспийское побережье от устья Терека до Астрабада, включая Дербент, Баку, Ленкорань и Решт, отошло к России.

Однако позже правительство Анны Иоанновны, готовясь к войне с Турцией, решило вернуть шаху эти земли. В 1735–1739 гг. русские войска оставили южное побережье Каспия, а также Баку и Дербент.

В 1723 г. патриархи Исайя и Нерсес, и «прочие знатнейшие особы армянские» обратились к Петру I с просьбой принять Армению в русское подданство. 10 ноября 1724 г. Петр ответил: «И понеже мы честный армянский народ ради христианства во особливо нашей милости содерживаем, того ради мы на сие ваше прошение всемилостивейше соизволяем»[250].

Петр планировал начать в Закавказье войну против турок, но, увы, через несколько месяцев императора не стало. В Петербурге началась борьба за власть, и новым правителям было не до Армении.

В 1768 г. царь Имерети Соломон I, потерпев поражение от турок, отправил императрице Екатерине II кутаисского митрополита Максима для испрошения помощи. Это обращение совпадало с планами русского правительства, которое решило привлечь к совместным действиям против турок христианские народы Кавказа. С этой целью в начале 1769 г. к царям Соломону I и Ираклию II (царю Картли и Кахетии) был отправлен поручик князь Хвабулов с письмом управляющего коллегией иностранных дел графа Панина.

Оба царя «с великим приятством» выслушали письмо Панина, но заявили, что сами, без помощи России, не могут предпринять активных действий и просили прислать русские отряды. Но так как основные силы русских находились на главном, Дунайском, театре войны, не было возможности отправить в Грузию сильный отряд.

В Моздоке собрали одну роту пехоты, две роты конницы, терских казаков, четыре 3-фунтовые пушки; всего до 500 человек. Этот отряд под командованием генерал-майора графа Тотлебена 12 августа 1769 г. двинулся из Моздока через Главный Кавказский хребет долинами рек Терек и Арагви по направлению нынешней Военно-Грузинской дороги.

Царь Ираклий выехал навстречу и 29 августа недалеко от Гудаурского перевала встретил русский отряд. Отсюда Тотлебен пошел в Имеретию. Грузины и имеретины обещали русским разобрать дороги и заготовить продовольствие, но выполнено это не было. Поэтому отряд шел через хребет, преодолевая огромные трудности, и нашел разоренную страну.

Тотлебен осадил сильную, удачно защищенную рельефом местности крепость Шорапань, занятую малочисленным турецким гарнизоном. А царь Соломон, больше занятый внутренними раздорами, не только не оказал помощи русскому отряду, но даже не соизволил обеспечить его продовольствием. В отряде начались голод и болезни. Через 4 дня Тотлебен после нескольких попыток взять крепость был вынужден снять осаду и 13 октября отошел на зимние квартиры в Карталинию.

Между тем царь Ираклий просил прислать ему отряд для совместных действий против турок. Отряд Тотлебена, ослабленный болезнями, не годился для этого, и потому в начале 1770 г. закавказский корпус решено было увеличить до одного полка пехоты, одной мушкетерской ротой, двумя эскадронами карабинеров, двумя эскадронами гусар, двумя сотнями донских казаков и тремя сотнями калмыков, а также артиллерией; всего 3767 человек.

17 марта 1770 г., по прибытии небольшой части подкреплений, Тотлебен соединился у Сурама с семитысячным грузинским войском и двинулся с ними против главного оплота турок в Закавказье – крепости Ахалцих, защищаемой семитысячным гарнизоном.

Однако между Тотлебеном и Ираклием возникли разногласия, приведшие к тому, что Тотлебен внезапно повернул назад и отвел отряд обратно к Сураму. Грузинский же отряд без помощи русских разбил турок в бою при селении Аспиндза, но Ираклий не воспользовался успехом и вместо того, чтобы захватить беззащитный теперь Ахалцых, вернулся в Тифлис.

Затем русские и имеретинские войска заняли крепости Багдат и Кутаис. От них отряд Тотлебена направился к побережью Черного моря. Турецкие крепости Рухи и Анаклия сдались без боя. Но сильно укрепленную крепость Поти взять не удалось, и после 3,5-месячной осады Тотлебен велел отступать. В начале 1772 г. русские войска были выведены из Закавказья.

Замечу, что 30 декабря 1771 г. царь Картли и Кахетии Ираклий присягнул Екатерине II со всеми положенными формальностями. Эта присяга была подтверждена им в грамоте от 21 декабря 1782 г.

24 июля (4 августа) 1783 г. в русской крепости Георгиевск в 35 верстах от города Пятигорска был подписан трактат «О признании царем карталинским и кахетинским Ираклием и покровительства и верховной власти России», так называемый «Георгиевский трактат». При подписании этого договора Россию представляли Командующий войсками на Кавказе Павел Сергеевич Потемкин (брат Потемкина-Таврического) и подполковник Томара, а представителями царя Ираклия были Иван Багратион-Мухранский, Гарсеван Чавчавадзе и архимандрит Гаиос.

По условиям трактата грузинское войско было обязано всегда быть готовым нести императорскую службу. Внутреннее управление, суд и сбор податей оставались за царем.

Первой заботой Григория Потемкина после присоединения Грузии стало устройство Военно-Грузинской дороги. К октябрю 1783 г. дорога была улучшена, и 3 ноября в Тифлис вступил русский отряд в составе двух батальонов при 4 орудиях.

Весной 1794 г. в Грузию вторглись персы, предводительствуемые Ага-Магометом, первым шахом Казжарской династии. Шаху удалось разорить всю Грузию. Силы русских на Кавказе в тот момент были невелики и разобщены: полковник Сырохнев с двумя батальонами пехоты, тридцатью казаками и шестью пушками находился в Грузии, а генерал-майор Савельев с пятью батальонами пехоты, тысячью казаков и шестью пушками – в Дагестане.

Однако весной 1796 г. был сформирован Кавказский корпус под командованием графа Валерьяна Зубова. Часть этого корпуса (6 батальонов, 4 полка драгун при 21 орудии) была направлена к Дербенту, а часть (2 батальона, 4 конных полка при 6 орудиях) двинулась через Грузию.

С моря Кавказский корпус поддерживала Каспийская флотилия.

7 мая 1796 г. был взят Дербент. Но смерть Екатерины Великой прервала наступление русских войск. Павел I в пику покойной матери отозвал русские войска из Закавказья.

Однако вскоре взбалмошный царь понял, что без русских войск мира на Кавказе не будет, и уже в ноябре 1799 г. в Грузию вошел генерал Лазарев с 17-м егерским полком, а через несколько дней прибыл Кабардинский мушкетерский полк.

1 ноября 1800 г. эти два полка на реке Иора разгромили пятнадцатитысячное войско Омар-хана, состоявшее из аварцев и лезгин.

Несколько слов стоит сказать об изменении статуса Грузии. 11 января 1798 г. умер царь Ираклий II, и на престол Картли (Карталинии) и Кахетии вступил Георгий XII. Однако через год он серьезно заболел и обратился с письмом к императору Павлу I, в котором заявлял, что грузинский народ желает навсегда вступить в подданство России.

Манифест о присоединении Грузии был подписан 18 декабря 1800 г., а 28 декабря скончался Георгий XII.

Манифест умалчивал о династических правах династии Багратидов, и поэтому царевич Давид после смерти отца отправил в Петербург своих послов Авалова и Палавандова, чтобы те выяснили, кого из царевичей российский император назначит правителем Картлии и Кахетии.

Император Александр I передал вопрос на усмотрение Государственного совета, который «не нашел возможным сохранить звание царя» в Картлии и Кахетии. Поэтому 12 сентября 1801 г. Александр I издал новый «Манифест об учреждении внутреннего управления Грузии», в котором говорилось: «Вникая в положение ваше и видя, что посредство и присутствие войск российских в Грузии и доныне одно удерживает пролитие крови нам единоверных и конечную гибель, уготованную вам от хищных и неверных сопредельных вам народов, желали мы испытать еще, нет ли возможности восстановить первое правление под покровительством нашим и сохранить вас в спокойствии и в безопасности. Но ближайшие по сему исследования наконец убедили нас, что разные части народа грузинскаго, равно драгоценным нам по человечеству, праведно страшатся гонения и мести того, кто из искателей достоинства царского мог бы достигнуть его власти… А посему, избрав нашего генерал-лейтенанта Кнорринга быть главноуправляющим посреди вас, дали мы ему полныя наставления открыть сие правление особенным от имяни нашего объявлением…

Все подати с земли вашей повелели мы обращать в пользу вашу, и что за содержанием правления оставаться будет, употреблять на восстановление разоренных городов и селений. Каждой пребудет при преимуществах состояния своего при свободном отправлении своей веры и при собственности своей неприкосновенно. Царевичи сохранят уделы свои, кроме отсутствующих, а сим годовой доход с уделов их ежегодно производим будет деньгами, где бы они ни обретались, лишь бы сохраняли долг присяги»[251].

Главнокомандующим в Грузию был назначен генерал-лейтенант Кнорринг, а собственно правителем – действительный статский советник Ковалевский.

К 1802 г. во всем Закавказье находились только четыре русских пехотных полка, из которых два «охраняли спокойствие» в Карталинии, один занимал Кахетию и один стоял против Гянджи и Эривани. Этих войск оказалось недостаточно, и в 1803 г. туда отправили подкрепление.

Поддерживаемый Персией гянджинский хан Джевад своими набегами терроризировал Закавказье. В конце 1803 г. главнокомандующий в Грузии и на Кавказе князь Цицианов предпринял поход на Гянджу и 3 января 1804 г. взял ее штурмом. Хан Джевад на предложение сдаться стал расписывать Цицианову мощь Персии, на помощь которой он надеялся: «Персидский шах, слава Аллаху, близко. Если ты хвастаешься своими пушками, то и мои не хуже твоих. Если твои пушки длиною в один аршин, то мои в три и четыре аршина, а успех зависит от Аллаха. Откуда известно, что ваши войска лучше персидских? Вы только видели свои сражения, а войны с персиянами не видели»[252]. В результате хан Джевад был убит, а Гянджа в честь императрицы Елизаветы Алексеевны переименована в Елизаветполь[253].

Ликвидация Гянджийского ханства вызвала беспокойство персидского шаха за вассальные Карабахское и Эриванское ханства. В мае 1804 г. шах Фет-Али прислал князю Цицианову ультиматум, требуя вывести русские войска из Закавказья. В ответ Цицианов решил захватить Эривань и двинул туда отряд в 3600 человек пехоты и шесть эскадронов конницы при 12 пушках. Русские разбили персов, но взять Эривань не смогли. Цицианов в ноябре 1804 г. был вынужден снять осаду, понеся большие потери.

В 1805 г. персидские войска вторглись в Грузию. Шах Баба-хан поклялся «выгнать из Грузии, вырезать и истребить всех русских до последнего человека»[254]. У Цицианова было всего 8 тысяч человек, да и то разбросанных по всему Закавказью. А только главные силы персов – армия наследного принца Аббас-Мирзы – насчитывали 40 тысяч человек. Эта армия двинулась на Тифлис. Но на речке Аскерани персы встретили отряд полковника Карягина в составе 17-го полка и Тифлисских мушкетер. С 24 июня по 7 июля они отбивали атаки 20 тысяч персов, а потом прорвались сквозь их кольцо, перевезя по своим телам, как по живому мосту, обе свои пушки. У Карягина было 493 человека, а сейчас в строю оставалось не более 150. Отряд закрепился на татарском кладбище в урочище Карагач, откуда, страдая от жажды и отбивая атаки, совершал смелые вылазки. В ночь на 28 июня отряду Карягина внезапной вылазкой удалось овладеть замком Шах-Булах, где они держались десять дней до ночи на 8 июля, когда скрытно вышли оттуда, незамеченные противником. Вполне допускаю, что персов было куда меньше, чем 20 тысяч, но Карягин, безусловно, молодец.

С началом навигации 1805 г. в Астрахани была сформирована эскадра из фрегата, четырех галиотов, яхты и шкоута под командованием капитан-лейтенанта Ф. Ф. Веселаго. На суда эскадры был посажен десант под командованием генерал-майора И. И. Завалишина (около 800 человек при трех пушках).

23 июня 1805 г. эскадра подошла к персидскому порту Энзели. Три галиота под огнем персов высадили десант. Персы, не приняв боя, бежали. Однако попытка Завалишина овладеть городом Рештом провалилась, и десантный отряд был принят на суда.

Русская эскадра отправилась в Баку. После безуспешных переговоров о сдаче города был высажен десант, а суда начали бомбардировку, на которую крепость отвечала огнем своей артиллерии. Русский десант, преодолев упорное сопротивление бакинцев, овладел господствующими над крепостью высотами, на которые, за неимением лошадей, орудия пришлось втаскивать людям. Бомбардировка крепости продолжалась, при этом две мортиры разорвались, а снаряды оставшихся четырех 12-фунтовых пушек не приносили серьезных повреждений трехаршинным массивным стенам Бакинской крепости. Поэтому, когда пришло известие о приближении на помощь Баку войска кубинского хана, русский десант возвратился на суда.

Тем временем Цицианов сумел собрать войска и 28 июля 1805 г. при Загаме (в двух переходах от Елизаветполя) разбил войско Аббас-Мирзы, и персидская армия в беспорядке бежала.

Князь Цицианов приказал Завалишину вновь осадить Баку и сам двинулся к нему на помощь с 1050 пехотинцами, 332 кавказскими казаками и конными татарами при 10 орудиях. Подойдя к Баку, Цицианов потребовал у бакинского хана Гуссейн-Кули присягнуть русскому царю, в противном случае угрожая взять крепость штурмом. 8 февраля 1806 г. Гуссейн-Кули согласился встретиться с Цициановым, но во время переговоров приближенные хана убили Цицианова и открыли огонь из крепости по русским. Завалишин не решился на штурм и отступил.

В сентябре 1806 г. русские войска под командованием генерала Булгакова вновь двинулись на Баку. Местный хан Гуссейн-Кули бежал в Персию, а 3 ноября город сдался и присягнул русским. Бакинское, а затем и Кубинское ханства были объявлены русскими провинциями, и, таким образом, к концу 1806 г. русское владычество было утверждено на всем побережье Каспийского моря до устьев Куры. К тому же времени была окончательно присоединена к Грузии (имеется в виду русская Грузия) Джаро-Белоканская область.

На место князя Цицианова был назначен граф Гудович, которому пришлось со слабыми силами вести войну на два фронта – против Персии и против Турции (с которой к тому времени началась война), и одновременно поддерживать порядок в только что усмиренной стране.

В течение 1806 г. были заняты Куба, Баку и весь Дагестан, а персидские войска, попытавшиеся снова наступать, разбиты у Каракапета.

В 1807 г. Гудович воспользовался несогласованностью действий противников и заключил с персами перемирие. Теперь остался один противник – турки. Гудович двинул войска одновременно по трем направлениям – на Карс, Поти и Ахалкалаки, но нигде не добился успеха. Тогда турецкий Юсуф-паша с 20-тысячным войском перешел в наступление. Но Гудович успел собрать свои силы и 18 июня на реке Арпачае разбил турков.

Кампания 1808 г. была менее удачной. Гудович осадил Эривань, занятую персами, но безуспешно. Второй раз за эту войну русские отступили от Эривани.

В 1809 г. главнокомандующим был назначен генерал Тормасов. В эту кампанию боевые действия велись в основном на Черноморском побережье. С персами шли безрезультатные переговоры, а турки постепенно вытеснялись из Закавказья.

В 1810 г. отряд маркиза Паулуччи разбил турок под Ахалкалаками. Русские овладели турецкой крепостью Поти, а в июле 1810 г. после бомбардировки с суши и с моря сдался Сухум.

В конце 1811 г. с турками было заключено перемирие, а в мае следующего года – Бухарестский мир. Но с Персией война продолжалась.

19 октября 1812 г. генерал Котляревский дерзкой атакой разбил персидскую армию при малой крепости Асландуз. Историк А. А. Керсновский писал: «У Котляревского было 2221 человек при 6-и орудиях.

При переправе через Аракс одно орудие завязло, и солдаты тщетно пытались его вытащить. “Эх, братцы, – сказал Котляревский, – если будем хорошо драться, то и пятью орудиями побьем персиян, и тогда, вернувшись, вытащим это, а если не вернемся, то оно нам и совсем не нужно”. У персов было 30 000 при 12-и орудиях и полсотне фальконетов. Бежавший из персидского плена унтер-офицер предложил провести войска к той стороне лагеря, где у персов не было артиллерии. “На пушки, братец, на пушки!” – отвечал Котляревский. Наш урон 127 человек. На поле сражения осталось до 9000 убитых персиян (пощады не давали), но Котляревский в своем донесении пометил неприятельский урон всего в 1200 убитых (“напрасно писать 9000 – не поверят”, – сказал он). Захвачено 5 знамен, 11 орудий, 35 фальконетов и 537 пленных. Перед боем было приказано колоть всех персиян, кроме Аббаса-Мирзы. Персидские историки, описывая это печальное для них событие, объясняют витиевато, что их часовые “были охвачены рукою сети беспечности”, а в укрепленном лагере “зрачки счастья сарбазов находились под влиянием сна”. Повествуя о бегстве персов, они передают, что конь Аббаса-Мирзы споткнулся и он “перенес свое величие со спины коня на землю” (т. е. упал)»[255].

9 августа 1812 г. персидское войско под командованием сердара Эмир-хана, при котором состояли английские инструкторы во главе с майором Гарриссом, завладело крепостью Ленкорань. (Забавно – Наполеон шел на Москву, а офицеры союзной Англии воевали в Ленкорани!)

Русское командование решило отбить Ленкорань. 17 декабря 1812 г. генерал Котляревский с двухтысячным отрядом выступил из Ах-Оглана и после тяжелого похода в стужу и метель через Муганскую степь 26 декабря подошел к Ленкорани.

В ночь на 1 января 1813 г. русские пошли на штурм крепости. С моря Ленкорань обстреливали корвет, бомбардирский корабль, люггер и шкоут Каспийской флотилии.

Как написано в «Военной энциклопедии»: «В результате оказалось почти поголовное истребление гарнизона: сам Садык-хан и более 2500 персиян пали на стенах и внутри крепости, остальные погибли в речке и в море, пленных же не было. Трофеями были: 2 знамени, 8 английских орудий и большие запасы пороха, снарядов и провианта. Но и мы потеряли убитыми и ранеными 41 офицера и 909 нижних чинов, то есть более половины отряда, причем в некоторых частях потери достигали 75 %. Извлеченный из-под груды трупов Котляревский, с вытекшим правым глазом, с раздробленной верхней челюстью и с простреляннной ногой, все же остался живым и за свой беспримерный подвиг был пожалован орденом Святого Георгия 2-й степени»[256].

12 октября 1813 г. в урочище Гюлистан на реке Зейве Россия и Персия подписали трактат (Гюлистанский мир). Россия окончательно приобрела ханства Карабахское, Гянджинское, Ширванское, Шикинское, Дербентское, Кубинское, Бакинское, часть Талышского, Дагестан, Грузию, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию.

Кроме того, Персия отказывалась иметь военный флот на Каспийском море. «В рассуждении же военных судов, то как прежде войны, так равно во время мира и всегда российский военный флаг один существовал на Каспийском море, то в сем уважении и теперь предоставляется ему одному прежнее право с тем, что кроме российской державы никакая другая держава не может иметь на Каспийском море военного флага»[257].

Однако Гюлистанский мир не способствовал установлению добрососедских отношений между Россией и Персией. Персы не желали мириться с потерей вассальных закавказских ханств, и пограничные инциденты случались довольно часто.

Весной 1826 г. в Персии одержала верх воинственная партия наследника престола Аббаса-Мирзы. Российский посланник в Тегеране князь Меньшиков был арестован, и 16 июля персидские войска перешли Аракс. Главные силы Аббаса-Мирзы (40 тыс. человек) вторглись в Карабахское ханство.

Русские были вынуждены отступить к Гумрам (Александрополю) и оставить Елизаветполь. Но персидские войска были задержаны у крепости Шуши. Ее маленький гарнизон под командованием полковника Реута геройски отражал все атаки во много раз превосходившего противника. У Реута было всего 2000 егерей из его 42-го полка и ширванцев.

3 сентября авангард Действовавшего корпуса (3 тыс. человек) под начальством князя Мадатова разбил при Шамхоре 15-тысячную армию персов и 5 сентября занял Елизаветполь.

Основные силы персидской армии подошли к Елизаветполю. 13 сентября генерал от инфантерии Н. Ф. Паскевич атаковал их и наголову разбил. Против 35 тысяч персов (из них 15 тысяч регулярной пехоты) при 24 орудиях у русских было 10 319 бойцов, тоже при 24 орудиях. Потери персов составили 2000 человек убитыми, а 1019 человек с четырьмя знаменами и четырьмя орудиями попали в плен. Остальные разбежались. Русские потеряли 295 человек.

Сражение под Елизаветполем решило исход кампании. Крепость Шуша после 47-дневной обороны была деблокирована, а в октябре 1826 г. вся территория империи очищена от персов.

К началу кампании 1827 г. Николай I отозвал с Кавказа генерала А. П. Ермолова, который был главнокомандующим русскими войсками на Кавказе с 1816 г. Император подозревал кавказского героя в связях с декабристами и, замечу, не без оснований. Фактически Ермолов был отстранен от дел еще в начале 1826 г. А теперь вся власть в Кавказском регионе принадлежала Паскевичу.

В мае 1827 г. Паскевич стянул войска к Эчмиадзину и в июне выступил оттуда на город Аббас-Абад, выслав 20-ю дивизию генерала Красовского блокировать Эривань.

Аббас-Абад был взят 7 июля, но под Эриванью дела складывались хуже некуда. Солдат и офицеров 20-й дивизии косила лихорадка, и в строю оставалось не более 4000 человек. Красовский снял осаду и отвел дивизию на Ашатаракские высоты. Аббас-Мирза с тридцатитысячным войском двинулся за ним. Он не решился атаковать сильную русскую позицию в лоб, обошел ее и стал между Красовским и Эчмиадзином. Тогда Красовский 16 августа пошел в атаку на Аббаса-Мирзу, с огромными потерями пробился сквозь его войско и прикрыл Эчмиадзин. Русские потеряли при этом 24 офицеров и 1130 нижних чинов. Это были самые большие потери за все войны с Персией.

Обеспечив войска провиантом, Паскевич приступил к решительным действиям. 19 сентября 1827 г. он взял сильно укрепленный Сердар Аббас, 23 сентября подошел к Эривани и 1 октября штурмом овладел ей. Трофеи составили 48 орудий и 4 знамени. В плен взято около 3 тысяч человек, среди которых и комендант крепости Гуссан-хан.

Местность вокруг Сердар Аббаса не позволяла обложить крепость со всех сторон. Тогда Паскевич подверг ее сильной бомбардировке, вынудившей остатки гарнизона бежать. Из полуторатысячного гарнизона 650 персов были перебиты и 100 взяты в плен. Русским достались 14 орудий.

За всю осаду русские потеряли не более 100 человек. За отличие при штурме Эривани 7-й карабинерский полк стал называться Эриванским, а Паскевич был возведен в графское достоинство и награжден орденом Святого Георгия 2-й степени.

Взятие Эривани нанесло Персии окончательный удар. В октябре 1827 г. русским покорилась вся ее северо-западная часть. 14 октября был взят Тавриз, и 21 октября персы запросили мира.

Мирные переговоры длились около четырех месяцев, и 13 февраля 1828 г. в Туркманчае ровно в полночь был подписан мир. Этот момент предложил персидский астролог, как наиболее благоприятный для прочного мира. И астролог не ошибся – с тех пор Россия больше не воевала с Персией.

По Туркманчайскому миру Персия уступала России ханства Нахичеванское и Эриванское и выплачивала 20 миллионов рублей контрибуции, а также закреплялась статья Гюлистанского договора о запрещении Персии держать военные суда на Каспии.

Боевые действия русской армии против турок на Кавказе в кампаниях 1828–1829 гг., 1853–1854 гг. и 1877–1878 гг. относительно полно изложены автором в книгах «Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны» и «Тысячелетняя битва за Царьград». А здесь я упомяну лишь об их результате.

Так, в 1829 г., согласно Адрианопольскому миру, Россия на Кавказе получила города Анапу, Ахалцих и Ахалкалаки. Крымская война окончилась неудачей, и границы на Кавказе остались без изменений.

Наконец 27 января 1879 г. в Константинополе был подписан окончательный мирный договор между Россией и Турцией. Согласно ему Ардаган, Карс и Батум присоединялись к России. Жители уступленных России земель должны были иметь возможность покинуть их в трехлетний срок с правом продажи недвижимого имущества.

Глава 3. Закавказье под сенью двуглавого орла

В начале XIX века управление Кавказом, включая Закавказье, осуществлялось VI отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярией. На 27 декабря 1844 г. указом Николая I было образовано Кавказское наместничество – высший орган государственной власти, подчиненный лишь императору.

Первым кавказским наместником был назначен 63-летний генерал-лейтенант Михаил Семенович Воронцов. С 1823 г. Воронцов служил новороссийским генерал-губернатором и, надо сказать, преуспел там в административной и хозяйственной деятельности. Но, увы, он не поладил с Пушкиным и был навсегда припечатан эпиграммой: «Полумилорд, полукупец, полуподлец, полуневежда».

Положение о наместничестве было разработано при личном участии Воронцова, и он предоставил сам себе почти неограниченные полномочия. В руках наместника находилась неограниченная военная, административная и судебная власть в регионе.

После Воронцова наместником на Кавказе стал Николай Николаевич Муравьев (1854–1856), а с 22 июля 1856 г. по 6 декабря 1862 г. – князь Александр Иванович Барятинский.

Затем на 20 лет наместником в Тифлисе становится великий князь Михаил Николаевич, младший сын императора Николая I.

Закавказье в XIX веке

Новый император Александр III вообще упразднил наместничество и приказал образовать Кавказскую администрацию во главе с главнокомандующим гражданской частью, одновременно главнокомандующим и наказным атаманом казачьих войск Александром Михайловичем Дондуковым-Корсаковым (с 1 января 1882 г. по 3 июня 1890 г.). Его сменил Сергей Алексеевич Шереметев (с 3 июня 1890 г. по 6 декабря 1896 г.), а затем Григорий Сергеевич Голицын (с 12 декабря 1896 г. по февраль 1905 г.)

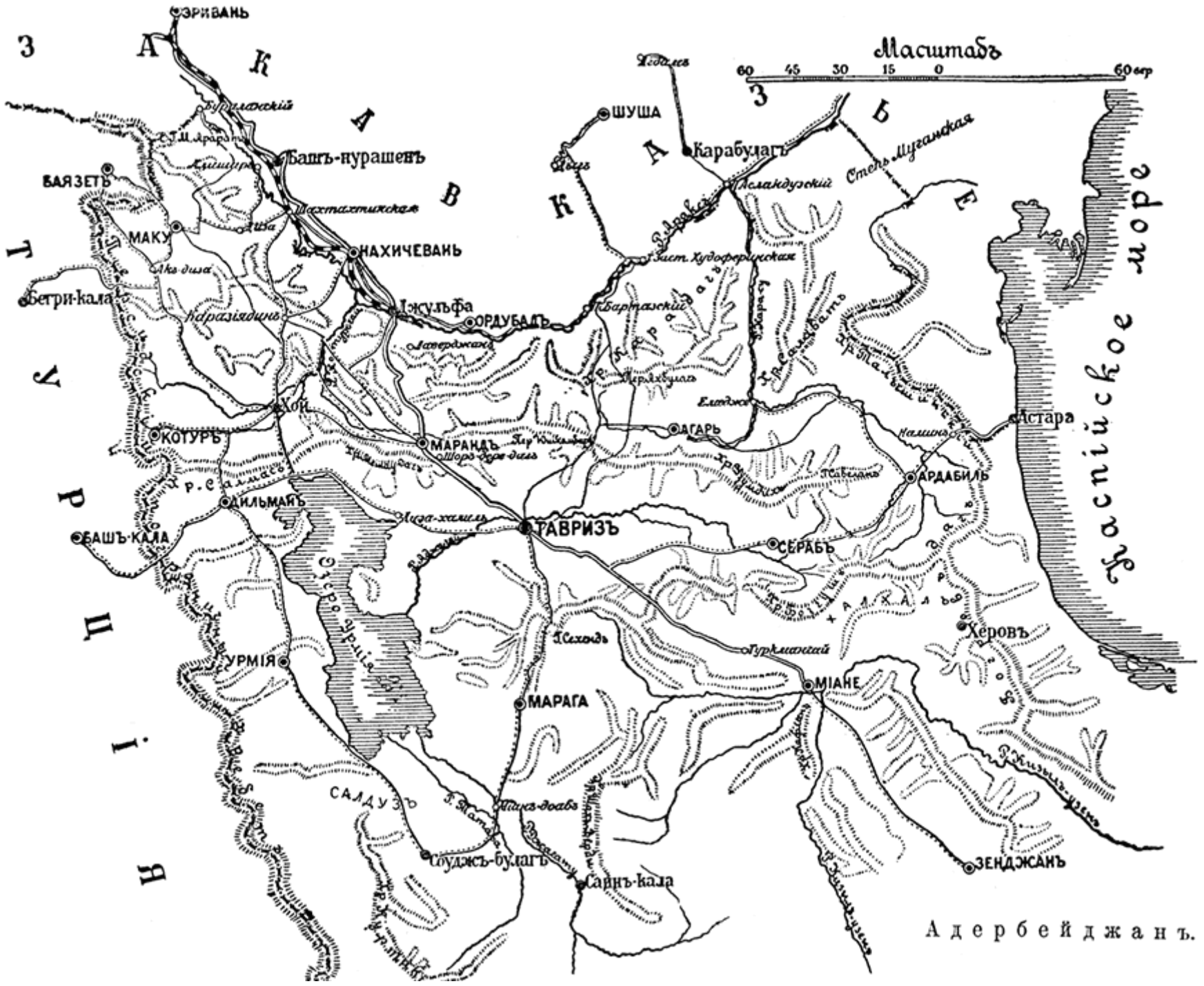
Наконец 26 февраля 1905 г. Николай II повелел вновь ввести наместничество. Наместником был назначен граф И. В. Воронцов-Дашков.

23 августа 1915 г. последним наместником на Кавказе стал великий князь Николай Николаевич. Николай II снял его с должности главного командующего русской армией и отправил в почетную ссылку на Кавказ.

А теперь перейдем к административно-территориальному делению наместничества. Сразу попрошу извинения у читателя за массу скучной информации, но, увы, сие скучное деление XIX века имеет более чем актуальное значение в XXI веке.

На 1844 год в наместничество входила одна губерния и две области: Грузино-Имеретинская губерния с центром в Тифлисе, Армянская область с центром в Эривани и Каспийская область с центром в Шемахе.

В 1846 г. Каспийская область была разделена на Шемахинскую и Дербентскую области с центрами в городах Шемаха и Дербент соответственно.

Азербайджан. Карта из «Военной энциклопедии» 1911 г.

28 февраля 1847 г. Грузино-Имеретинская губерния была преобразована в Тифлисскую с центром в Тифлисе.

9 июня 1849 г. Армянская область преобразована в Эриванскую с центром в Эривани.

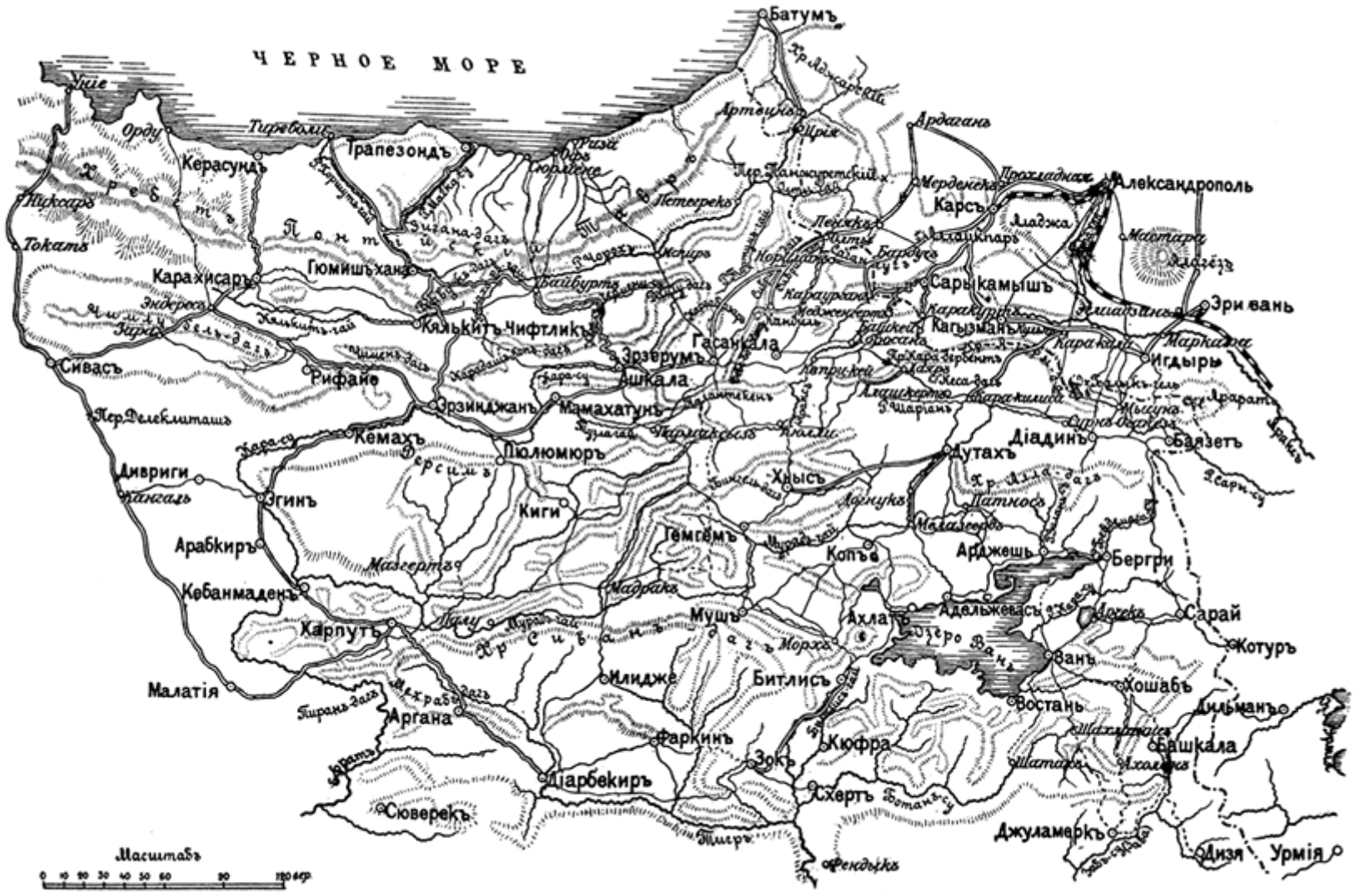
2 декабря 1859 г. Шемахинская область переименована в Бакинскую с центром в Баку.

Тифлисская губерния, согласно переписи 1897 г., имела 1 051 032 жителей, из которых грузин – 465 537, армян – 196 189, татар – 107 383, русских – 85 772 (в том числе малороссов – 5443), осетин – 67 268, аваро-андийцев – 34 130, греков – 27 118, турок – 24 722 и др. Более половины населения (грузины и русские) принадлежали к православному исповеданию (584 821 человек); армяно-григориан было 210 161, магометан – 189 028, армян-католиков – 20 216, староверов (русские) – 16 209, римско-католического исповедания – 11 544, иудейского исповедания – 9760, лютеран – 8747.

Русские жили главным образом в городах, а также в Тифлисском и Ахалкалакском уездах. В 1899–1900 гг. часть русских (духоборы) выселилась из Ахалкалакского уезда в Америку. Замечу, что в Тифлисе в начале XX века жил и мой прадед ссыльный поляк Сильвестр Антонович Домброва, и его жена Генриетта, урожденная фон Бастиан. На их дочери Станиславе и женился мой дед малоросс Василий Дмитриевич Широкорад. В 1917 г. у них в Тифлисе родился сын Борис, которого записали в метрике русским. Вот неплохой, на мой взгляд, пример смешения народов в Закавказье.

В Тифлисской губернии леса занимали 33,4 % площади, сады – 1,3 %, пастбища – 20,2 %, пахотные земли – 19 %, неудобья – 26,1 %. По сведениям за 1893 г. в Тифлисской губернии (без Закатальского округа) под посевами состояло 292 517 десятин земли, в том числе крестьянской 71,7 %. Высевали озимую и яровую пшеницу, озимый и яровой ячмень, рожь, просо, табак, горох, картофель, хлопчатник, коноплю, кукурузу, полбу, лен, рис, кунжут, фасоль, овес, гречиху, эспарцет, дикий овес, рыжик, сурепку, подсолнечник, клещевину. Наиболее важное значение имела пшеница, посевы которой

занимали 60 % засеянной площади. Далее следовал ячмень (24 %), кукуруза и просо (10 %), картофель (2 %), овес (1 %) и рожь с гречихой (1 %). Оставшиеся 2 % приходились на все остальные растения.

Армения.

Армения. Карта из «Военной энциклопедии» 1911 г.

Под виноградниками было около 25 000 десятин земли, из которых более половины – в Сигнахском и Телавском уездах. Вина получали 2,5–3 млн ведер в год. Большая часть его потреблялась на месте. Виноделие, особенно в крестьянских хозяйствах, производилось первобытными способами. Ухода за вином, сохраняемым обыкновенно в глиняных, зарытых в землю кувшинах, почти не было. Во всех районах имелись, однако, хозяйства, где виноградарство и виноделие велось правильно или даже образцово. Например, хозяйства удельного ведомства в Кахетии (Цинандали, Напареули), хозяйства князей Джорджадзе, князей Андрониковых и графа Шереметева в Кахетии, князя Багратиона-Мухранского в Душетском уезде. В общем, вина Тбилисской губернии, за исключением предгорий в долине Алазани, не отличались высокими качествами. Сусло часто перекуривалось на спирт, которого получалось до 100 тысяч ведер.

Промышленное плодоводство было развито слабо, местные плоды, в общем, не отличались хорошими качествами.

Табаководство было развито главным образом в Сигнахском уезде, где, кроме сортов Трапезонд и Самсун, культивировались местами (сигнахская опытная плантация департамента земледелия) ценные Дюбеки, не уступающие по качеству привозным из-за границы. Всего в губернии на 1898 г. получали до 48 тыс. пудов табака.

Шелководство в небольших размерах существовало в Телавском, Сигнахском и Борчалинском уездах. Стоимость получаемых продуктов не превышала 150–200 тыс. рублей.

Главными предметами вывозной торговли были хлеб, вино, лес, кожевенный товар, шерсть, табак; ввозной – мануфактурный товар, галантерея, посуда, металлические, фарфоровые и фаянсовые изделия, керосин, бакалейный и колониальный товар.

Доходы в 1898 г. семи городов губернии составили 1 261 тыс. рублей, расходы – 1 185 тыс. рублей.

Больниц было 64, аптек – 35, врачей – 122, фельдшеров – 40, повивальных бабок – 21.

Церквей православных – 534, мужских монастырей – 8, женских монастырей – 2. Римско-католических церквей и богослужебных зданий – 46. Евангеле-лютеранских церквей – 1. Армяно-григорианских церквей – 267. Мечетей – 98. Синагог – 37.

Учебных заведений в 1898 г. – 357, с 29 000 учащихся (19 400 мальчиков и 9600 девочек), в том числе три мужские гимназии, одно реальное училище, шесть средних женских учебных заведений, учительский институт, три ремесленных училища, 189 начальных училищ министерства народного просвещения, 120 учебных заведений других ведомств.

Из 1252 новобранцев призыва 1898 г. грамотных и полуграмотных оказалось 242.

Периодических изданий на русском языке выходило 11, на грузинском – 5, на армянском – 4. Все они издавались в Тифлисе.

Кутаисская губерния к началу XX века занимала почти все западное Закавказье площадью 32 тыс. кв. верст. Губерния отделена от остального Закавказья Сурамским хребтом (Грузино-Имеретинские горы), разделяющим бассейны Черного и Каспийского морей. Губерния представляла в общем обособленную, большей частью низменную, открытую к Черному морю полукотловину, которая своим влажным и мягким климатом и роскошной растительностью значительно отличалась от остальных частей Закавказья. Котловину эту на севере обрамляет Главный Кавказский хребет, а на юге – горная окраина Малого Кавказа.

Население Кутаисской губернии на 1892 г. составляло 1 048 940 человек, проживавших в шести городах, четырех местечках и 1613 селах. В этнографическом отношении, в процентах, население распределялось следующим образом (на 1886 г.): русские – 0,53; греки – 0,72; армяне – 1,77; евреи – 0,76; грузины – 1,48; имеретины – 44,83; гурийцы – 8,24; аджарцы – 6,43; мингрельцы и лазы – 23,23; сваны – 1,52; абхазы – 6,54; турки – 3,0; остальные – поляки, персы, курды, осетины. Русские и армяне жили преимущественно в городах.

Около 86,6 % населения Кутаисской губернии исповедовали православие, 10,5 % – магометанство, остальные 3 % приходятся на евреев, католиков, армяно-григориан, армяно-католиков и проч. В действительности же православных было меньше, так как религия отнесенных к ним абхазов состояла, в сущности, из смеси мусульманских, христианских и языческих обрядов.

Князья составляли 1,4 % населения, дворяне – 5,3 %, духовенство —1,8 %, мещане – 4,3 %, купцы – 1,3 %, крестьяне – 84,1 % (на казенной земле – 23,5 %, на владельческой и монастырской землях —

23,2 %, временно обязанные – 1,8 %, крестьян-собственников – 35,6 %) и хизане – 1,6 %.

Наиболее густо были населены равнинные плодородные местности Сенакского (69,4 человека на 1 кв. версту), Кутаисского и Шаропанского уездов. Слабее всего были населены гористые и лесистые Рачинский уезд, Батумский и Артвинский округа, а самым малонаселенным был Сухумский округ (8,1 человека на 1 кв. версту).

Наибольшее значение для края имели предприимчивые, бойкие и подвижные имеретины, отличавшиеся, в противоположность грузинам, незаурядными способностями к торговле. Поэтому армяне в Кутаисской губернии не играли такой роли, как, например, в Тифлисской губернии, хотя большая часть крупных предприятий в губернии принадлежала именно армянам или иностранцам.

Землевладение в Кутаисской губернии, как дворянское, так и крестьянское, было весьма мелкое, чересполосное. Так, у дворян семи уездов насчитывалось 9240 владений площадью 815 376 десятин. 6970 владений (более 75 %) были не более 19 десятин, 22 % владений – от 19 до 380 десятин и только около 3 % владений были свыше 380 десятин. Из владельческих земель около 3,24 % земли отводилось под сады, около 81,17 % – под поля и до 15,59 % составляли леса и пастбища.

У крестьян в тех же семи уездах земли имелось 157 027 десятин. Из них садовых земель – 14,86 %, полевых – до 54,15 %, лесных и пастбищных – около 31 %. Средний размер крестьянского надела составлял: у казенных крестьян – 4,23 десятины, у бывших помещичьих крестьян – 4,4 десятины, у крестьян-собственников – 2,5 десятины.

В Сухумском округе местному населению отводились земельные наделы в размере 3—10 десятин «на дым», а всего было отведено 127 410 десятин, из которых 15 291 десятин оставались в запасе. Привилегированному сословию, в числе 600 семей, отводилось в надел 67 195 десятин, не считая дополнительных наделов. Пришлому крестьянскому населению в Сухумском округе отводились земли в размере 1—30 десятин на двор, а всего в 1893 г. в пользовании 1560 дворов пришлого населения находились 23 839 десятин земли.

В Батумском и Артвинском округах местное население сохраняло земли, которыми оно пользовалось при турецком владычестве (93 000 десятин). Пришлого населения в этих округах было немного. Так, из двух русских поселений одному (Смекаловка) при местечке Чурук-су было отведено по 11 десятин на двор, а в другом (слобода Холодная, около города Батума) поселенцы наделялись только усадебной землей.

Рыболовство в Кутаисской губернии не играло сколько-нибудь значительной роли. Так, рыбы в Черном море вылавливалось не более 540 тысяч пудов, некоторое значение имел и дельфиний промысел.

Главнейшими центрами внешней торговли были Батум, Поти и некоторые другие порты (Сухум, Очамчири, Гудаут). Наибольшее значение имел Батум. Это был первостепенный вывозной порт не только губернии, но и всего Кавказского края. Его торговые обороты увеличивались с каждым годом. Доходы Батумской таможни с 1881 по 1890 г. возросли с 56 тыс. рублей до 1977 тыс. рублей, то есть в 37 раз. В 1892 г. из Батума было вывезено 53 403 тыс. пудов грузов на сумму 25 474 022 рублей, в том числе керосина, нефти, нефтяных остатков и вообще нефтяных продуктов 51 402 438 пудов (в Англию, Австрию, Турцию, Индокитай, Китай, Японию, Яву и т. д.), солодкового корня 89 9045 пудов, руды марганцевой 443 452 пуда, дерева орехового 109 928 пудов, хлеба 157 652 пуда. Ввоз в 1892 г. составил 5 336 тыс. пудов на сумму 8 575 443 рублей, в том числе дерева 3 185 109 пудов (из этого количества привезено из-за границы 2 396 109 пудов, каботажем 789 тысяч пудов), кирпича 208 287 пудов, каменного угля 103 193 пуда, серы 273 555 пудов, жести 1 712 243 пуда. По ценности привоза первое место занимала жесть (более трех четвертей всей его суммы).

Следующее место по вывозу занимал порт Поти, через которого вывозились, в противоположность Батуму, почти исключительно сырье и товары, произведенные в Кутаисской губернии. В 1892 г. из Поти было вывезено 11 692 тысячи пудов на сумму 6 609 098 рублей, в том числе кукурузы 4 222 765 пудов, марганцевой руды 7 432 340 пудов, дерева орехового 27 145 пудов. Привоз в Поти и в остальные порты был незначителен.

Из Сухума в 1892 г. было вывезено за границу 520 тыс. пудов на сумму 355 551 рублей, в том числе 495 213 пудов кукурузы. Из Очамчир вывезено 1 620 тыс. пудов на 889 175 рублей, в том числе 1 370 тыс. пудов кукурузы.

Марганец вывозился в Англию, Голландию, Францию, Германию и Северо-Американские Соединенные Штаты; кукуруза – в Италию, Турцию и Францию. Заграничная торговля совершалась почти исключительно на иностранных судах. В 1892 г. в Батум пришло 1288 судов, в том числе 778 заграничного плавания; отошло 1277 судов, в том числе 776 заграничного плавания. В Поти пришло 431 судно, в том числе 92 заграничного плавания, ушло – 434, в том числе 100 заграничного плавания.

Внутренняя торговля в Кутаисской губернии проводилась в основном в местечках и ярмарочных пунктах, куда привозили мануфактуру, соль, галантерейные товары и др. Из местных товаров на ярмарках сбывались кукуруза, шелк, шерсть, вино, щетина, кустарные изделия и т. п. Местные металлические и деревянные кустарные изделия, а также сукна и шелковые ткани, изготовляемые домашними средствами, постепенно вытеснялись фабричными товарами и сохранялись в основном в глухих и труднодоступных местностях. Крупным торговым центром был и город Кутаис, откуда товары распространялись по уездам.

В Кутаисской губернии действовали Михайловский дворянский земельный банк (в Кутаисе), кутаисское и потийское общества взаимного кредита, батумское отделение государственного банка и отделение коммерческого банка.

На 1000 человек, населявших губернию, грамотных из привилегированных сословий было 35,7 человека, из податных – 21,8 человека, то есть всего 57,5 человека, что составляло 5,75 % всего

населения. По-русски говорило на 1000 человек: из привилегированных сословий – 8,7 человек, из податных – 3,7, то есть всего 12,4 %.

Кроме средних учебных заведений в городе Кутаисе, в губернии имелись еще: сухумская горская школа (193 учащихся), батумское ремесленное (44 учащихся) и мариинское (147 учащихся) училища, потийские мореходные классы, городские училища в Кутаисе, Батуме, Озургетах и Поти, 128 начальных училищ (9362 учащихся), до 500 приходских училищ различных вероисповеданий. В мусульманских медресе обучалось более 6 тысяч человек, а в школах остальных вероисповеданий – более 9 тысяч человек.

В 1891 г. в Кутаисской губернии насчитывалось 600 каменных православных церквей и 477 деревянных, 13 каменных монастырей и два деревянных, 26 каменных часовен и 7 деревянных. У армян-григорианцев было 9 церквей, у армян-католиков – 2, римско-католическая церковь располагала одним храмом, а вот синагог насчитывалось 12, мечетей – 5 (без Батумского и Артвинского округов).

Население Эриванской губернии (название города заменено на Ереван только в 1931 г.), согласно переписи 1897 г., состояло из 429 689 мужчин, 375 068 женщин.

Из них: армян – 56 %, азербайджанских татар[258] – 37,5 %, курдов – 5,5 % и русских – 0,6 %. Остальные 0,4 % приходились на айсоров, греков, грузин, евреев и цыган.

Армяно-григорианскую религию исповедовали 55 % населения Эриванской губернии, армян-католиков было 0,9 %, мусульман – 41 % (36,7 % шиитов, 4,3 % суннитов), езидов – 1,7 % (часть курдов), православных – 0,5 %, сектантов – 0,4 %, остальные 0,5 % приходились на другие религии

Армяне проживали преимущественно в северо-западной части губернии, татары – в юго-восточной, курды – в юго-западной. Большинство населения жило оседло. Часть татар и в особенности курдов вели полукочевой образ жизни. Главные занятия населения были земледелие и скотоводство.

К 1913 г. население губернии возросло до 480,8 тыс. мужчин и 434 тыс. женщин.

Озимая пшеница разводилась преимущественно на низменности, яровая – на плато, на неполивных участках. В 1900 г. пшеницей было засеяно 166 154 десятины; собрано около 17,5 млн пудов. Ячмень высевался преимущественно на возвышенности, местами на высоте до 7,5 тыс футов (2300 м). В 1900 г. под ячменем состояло 58 586 десятин, давших 4 млн пудов. Рис разводился в наиболее теплых местностях с избытком воды, главным образом в Эриванском уезде. В 1900 г. под рисом было 8737 десятин, давших около 2,5 млн пудов зерна.

В 1900 г. в Эриванской губернии 10 298 десятин земли находилось под виноградниками и 2868 десятин под садами. Большая часть виноградников располагалась в Эриванском и Эчмиадзинском уездах. Урожай винограда в 1900 г. составил 2 664 587 пудов. Около 50 % винограда шло на виноделие, до 30 % – на еду и около 20 % – на спиртокурение. В 1900 г. в губернии имелось 498 винокуренных заводов.

Курды и часть азербайджанских татар, занимающихся скотоводством, вели кочевой образ жизни, переходя вместе со стадами, в зависимости от времени года, с летних пастбищ на зимние и обратно. Площадь пастбищ, принадлежащих почти исключительно казне и сдаваемых в пользование населению, составляла 597 тыс. десятин; из них 325 тыс. десятин приходится на летние пастбища, 272 тыс. десятин – на зимние.

В 1900 г. в губернии насчитывалось 3469 промышленных заведений, объем производства которых составлял 1 336 640 рублей, из которых более 1 млн рублей приходилось на мукомольное (409 тыс. руб.), виноградно-водочное (390 тыс. руб.), шелкомотальное (117 тыс. руб.) и спиртоочистительное (98 тыс. руб.) производства. В некоторых районах губернии хорошо была развита ремесленная и в особенности кустарная промышленность. Несмотря на мелкие размеры производства, она имела довольно важное для населения значение. Общий оборот этой промышленности исчисляется в 309 тыс. рублей. Наиболее значительными ее отраслями были башмачное, портняжное, серебряное и ковровое производства.

Эриванская губерния имела довольно многочисленные и богатые залежи руды, но разработка их развивалась слабо. Так, к началу XX века были известны месторождения медных, серебросвинцовых,

свинцовых, железных и кобальтовых руд, серы и каменной соли, но в значительном количестве добывалась только соль. Каменную соль добывали в Сурмалинском уезде у селения Кульп, на правом берегу Аракса, и в двух местах в окрестностях селения Суст Нахичеванского уезда. В 1901 г. в Кульпинском месторождении, где добывалась лучшая соль, добыто 1 754 500 пудов, в Нахичеванском – 82 659 пудов, в Сустинском – 27 125 пудов каменной соли. На Сицимаданском медеплавильном заводе Александропольского уезда в 1901 г. было добыто руды 49 650 пудов.

В Бакинской губернии по переписи 1897 г. проживало 789,6 тыс. человек, из них мужчин – 437,8 тысячи и женщин – 351,9 тысячи. Фабрик и заводов в 1900 г. было 1515, на них трудились 14 633 рабочих, а объем производства составлял 98 878 тыс. рублей.

В городе Баку на 1897 г. проживало 45,7 тысячи человек. Имелось три православные церкви, две армяно-григорианские церкви и одна лютеранская, а также один католический молитвенный дом и 11 мечетей. В городе было 23 керосиновых завода. Кроме того, заводов для приготовления смазочных масел – 6 (производство на 1 491 тыс. руб.), механических – 4, приготовляющих серную кислоту – 3, одиннадцать паровых мельниц (производство на 3 млн руб.) и три табачные фабрики.

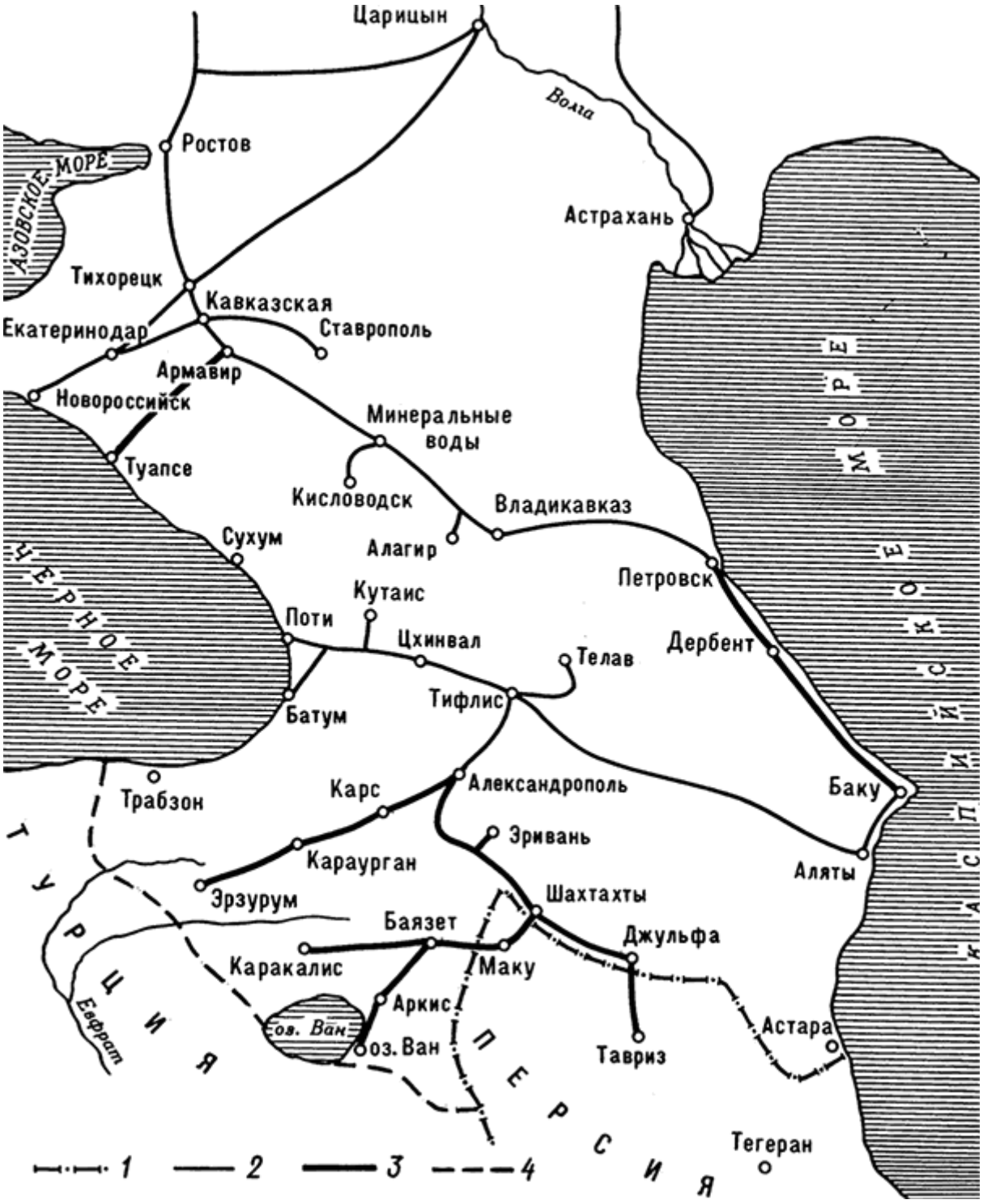

Схема железных дорог Кавказского района:

1. Государственная граница до 1917 г.

2. Дороги, построенные до 1900 г.

3. Дороги, построенные в 1900–1917 гг.

4. Линия фронта во время Первой мировой войны

Первая железная дорога в Закавказье была построена в 1865–1872 гг. 309 км дороги соединили черноморский порт Поти со столицей наместничества городом Тифлисом. Вслед за этой дорогой 11 лет (с 1872 по 1883 г.) строилась 549-километровая дорога Тифлис – Баку.

В 1875 г. вошла в эксплуатацию Владикавказская железная дорога длиной 698 км, соединившая Ростов-на-Дону с Владикавказом. Однако Баку с Владикавказом удалось соединить железной дорогой лишь в 1900 г.

В 1883 г. Тифлис был соединен с портом Батум. В 1899 г. вступила в строй 300-километровая железнодорожная ветка Тифлис – Александрополь – Карс. А через два года Александрополь был соединен с Эриванью.

К январю 1917 г. железная дорога из Карса была доведена до Эрзерума, занятого к тому времени русскими войсками, а из Александрополя – до Баязета, Караклиса, Арииса, озера Ван и персидского Тавриза.

Стоит подчеркнуть, что добыча нефти в районе Баку была начата русскими и велась на русские деньги. Первая буровая скважина на Апшероне была пробурена в 1844 г. горным инженером Ф. Семеновым в поселке Биби-Эйбат.

В 1871 г. на Апшеронском полуострове пробурили нефтяную скважину глубиной 64 м. С этого момента началось усиленное бурение, которое привело к падению цен на нефть. Так, если в начале 1873 г. цена за пуд составляла 45 копеек, то после открытия 13 июня 1873 г. в Балаханах знаменитого вермишевского фонтана, залившего за короткое время окрестности и образовавшего несколько нефтяных озер, она снизилась до 2 копеек. Скважина нефтепромышленника И. А. Вермишева в течение 13 дней извергала нефтяной фонтан высотой 611 м и выбросила в течение трех месяцев более 90 млн пудов нефти.

В 1901 г. бакинский нефтяной район давал 95 % общеимперской добычи нефти. В этот год добыча нефти в России распределялась следующим образом: 667,1 млн пудов из Бакинской губернии и около 34,7 млн пудов из Терской области. Число рабочих, занятых на нефтяных промыслах Российской империи, увеличилось от 7 тысяч человек в 1894 г. до 27 тысяч в 1904 г., из которых 24,5 тысячи трудились в бакинском нефтяном районе. В 1904 г. в России было 150 нефтеперерабатывающих заводов, из них 72 находились в Баку.

Но добыть нефть мало, надо ее доставить в Россию. Нефть начали перевозить по Волге еще в 70-х годах XIX века в очень ограниченном количестве. Перевозка ее была неудобной и дорогой, так как нефть транспортировалась в эмалированных бочках по 20–25 пудов. Цена на перевозку нефти (с укупоркой и перегрузкой) от Астрахани до Нижнего Новгорода доходила до 30 копеек с пуда, не считая доставки до Астрахани и стоимости самих бочек (12–14 рублей за штуку). К началу 80-х годов XIX века вместе с начавшимся увеличением добычи нефти был найден и более удобной и дешевый способ ее перевозки.

В 1873 г. братья Николай и Дмитрий Ивановичи Артемьевы, занимавшиеся перевозкой нефти из Баку в Астрахань обычным в то время способом – в бочках на парусных шхунах, впервые устроили, в виде опыта, в трюме лодки «Александр» особые ящики для налива нефти. Стенки ящиков и борта лодки имели воздушный промежуток, предохранявший лодки от затопления в случае повреждения обшивки. Выгрузка нефти из ящиков производилась ручным насосом. Опыт оказался удачным. В том же году Артемьевы построили баржу с такими же приспособлениями для перевозки нефти с астраханского взморья до Царицына, а в следующем, 1874 году, подобная баржа была отправлена ими с нефтью уже до Нижнего.

Вскоре на новшество Артемьевых обратила внимание крупнейшая нефтепромышленная фирма «Братья Нобель». В 1876 г.

Л. Э. Нобель, приехавший из Петербурга по приглашению брата на нефтеперегонный завод в Баку, заинтересовался новой технологией перевозки нефти братьев Артемьевых. Развив их идею, он вскоре разработал проект морского наливного парохода для перевозки керосина и предложил каспийским судопромышленникам построить его, гарантируя эксплуатацию парохода высоким фрахтом. Но из-за нерешительности судовладельцев это предложение не было принято. Тогда Нобель заказал в Швеции

на заводе «Мотала» первую в мире наливную шхуну «Зороастр», которая в 1878 г. и прибыла по Мариинской системе и Волге на Каспий.

Для транспортировки керосина по Волге Л. Э. Нобель приспособил сначала деревянные баржи с поставленными в их трюмах круглыми железными цистернами емкостью в 32 тысячи пудов. В 1881 г. им были построены два специальных наливных парохода – «Калмык» и «Татарин», грузоподъемностью каждый от 40 до 50 тысяч пудов с наливом керосина уже прямо в трюмы судов, разделенные железными переборками на ряд отсеков. Мазут также стали перевозить наливом – по Каспийскому морю в шхунах, а по Волге – в деревянных баржах.

С появлением флота наливных судов цена керосина в России упала с 2 рублей за фунт в 1877 г. до 25 копеек в 1885 г.

К 1917 г. на Каспии плавало уже несколько десятков танкеров, которые тогда назывались наливными шхунами. В районе Астрахани нефть с наливных шхун перегружали на речные суда и баржи, которые доставляли ее до Рыбинска, а по Мариинской системе каналов – и до Петербурга.

Альфред Нобель и братья Ротшильды построили нефтепровод Баку – Батум. Русская нефть пошла в Европу, где успешно конкурировала с американской нефтью.

Сейчас националисты, особенно грузинские, утверждают, что Закавказье было «колонией» Российской империи. Тут им может позавидовать и доктор Геббельс, выведший формулу: «Чем чудовищнее ложь, тем больше ей верят».

В этой книге мне удалось упомянуть лишь о сотой части войн, происходивших в Закавказье только за последние два тысячелетия. Попробовали бы туземные историки найти хотя бы один год без войны за этот период! И лишь с 1828 г., с присоединением региона к России, в Закавказье воцаряется мир. Даже войны в 1878–1879 гг. и 1914–1917 гг., которые вела Российская империя с турками, происходили вне Закавказья. Исключение представляет собой лишь Батум с областью в 1877–1878 гг.

Англия, Франция, Голландия и другие колониальные державы грабили свои колонии, высасывая из них огромные суммы. Но Россия с 1828 г. по 1914 г. не вернула себе за счет налогов с населения Закавказья и 5 % средств, затраченных правительством на строительство шоссейных и железных дорог, портов, благоустройство городов, здравоохранение, просвещение и т. д.

За все платил русский мужик. Так что можно сказать, что центральные губернии России были колониями Закавказья.

Наконец, население «колоний» имело одинаковые права с этническими русскими. В Закавказье были организованы губернии точно такие же, как и в центральной России. Спору нет, наместничество представляло собой феодальный атавизм.

Но особого вреда наместники Закавказью не приносили.

Мало того, русское правительство автоматически, чохом, записало в дворяне не только представителей старинных аристократических фамилий Закавказья, но и каждого проходимца, который махал саблей и орал, что он есть «балшой человек». Такого в Центральной России не было со Смутного времени начала XVI века.

В результате, по данным переписи 1897 г., в Центральной России потомственные дворяне составляли 0,95 % населения, в Сибири – 0,28 %, в Средней Азии – 0,15 %, даже в Польше – 1,44 %, а на Кавказе – аж 1,84 %[259]. То есть в процентном отношении в «колонии» было в два раза больше дворян, чем в метрополии. Анекдот какой-то!

Могли ли быть среди высшего генералитета, министров и членов парламентов Англии, Франции и Голландии готтентоты, папуасы, туземцы из Нигерии, Берега Слоновой Кости, Голландской Индии и т. п.?

Ни одного! А вот у нас в России их были десятки! Одним из лучших полководцев России был Петр Багратион. Вторым лицом в империи после Александра II стал армянин граф Лорис-Меликов и т. д., и т. п.

Ну и «колонию» же имела Российская империя!

Глава 4. Карская область

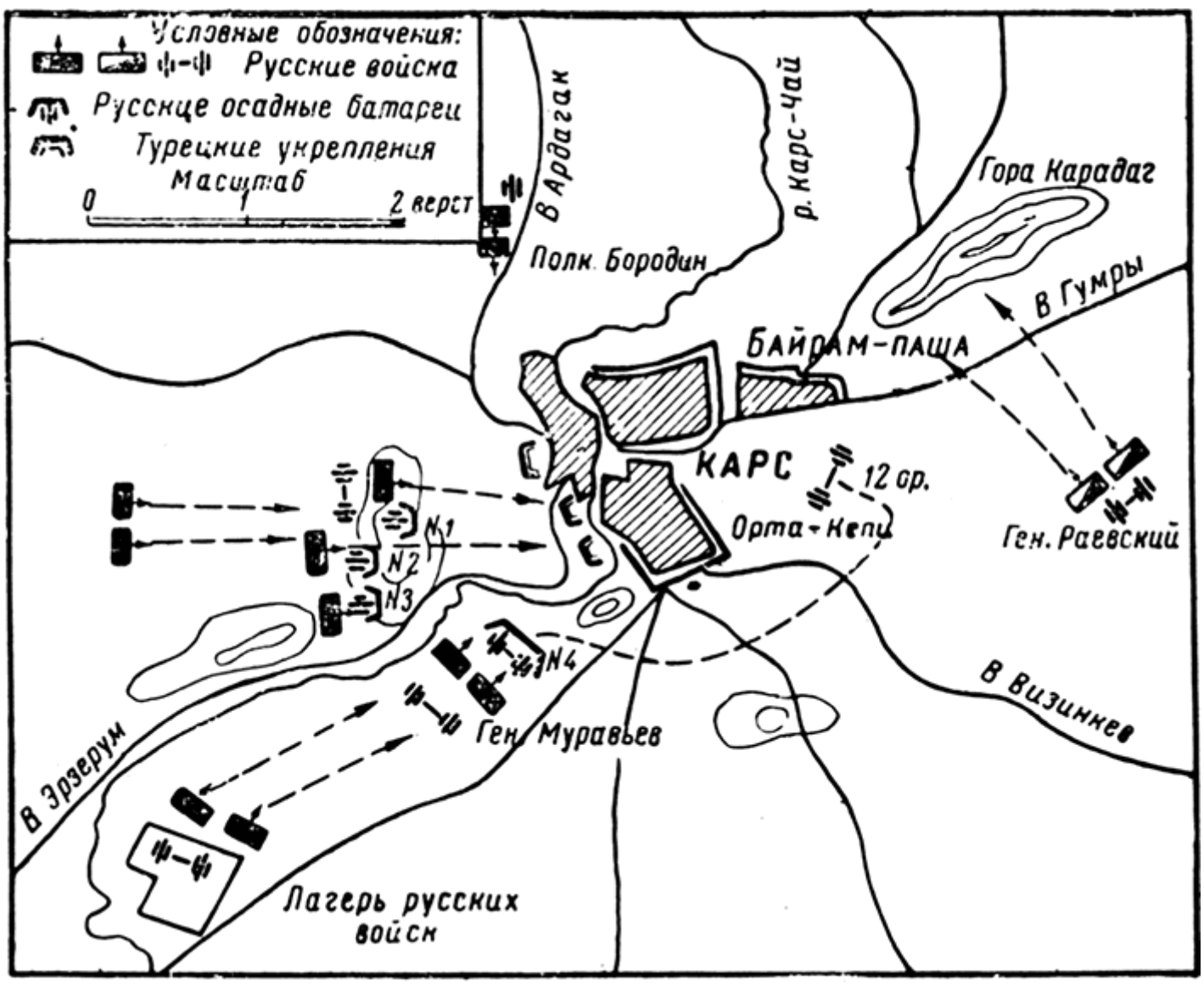
Карская область с незапамятных времен имела важное стратегическое значение.

Она фактически была воротами в Закавказье и на Кавказ. Город Карс был основан армянами в IV веке. Какое-то время он даже был столицей армянского царства. Затем Карская область оспаривалась Византией и Персией, но в XVI веке окончательно перешла к Турции.

В 1597 г. султан Мехмет III перестроил крепость Карс. Турки считали Карс ключом к обладанию Малой Азией. Между прочим, первоначальное название города Карс – Калак, то есть «Город дверей».

Впервые русские войска подошли к «Городу дверей» 16 марта 1807 г. Отряд генерал-майора Несветаева в составе пяти батальонов пехоты и двух казачьих полков при шести пушках форсировал реку Арпачай у города Гумры и двинулся к Карсу.

Штурм крепости начался 25 марта 1807 г. Два батальона (15-го егерского и Кавказского гренадерского полков) под командованием подполковника Нечерского сбили передовой турецкий отряд на Карадагских высотах и на его плечах ворвались в предместье Байрам-паша, истребили весь его гарнизон и захватили одно полевое орудие.

Осада и штурм Карса в 1828 г.

Несветаев с остальными силами поспешил развить этот успех, но получил в этот момент категорическое предписание Гудовича «не предпринимать экспедиции на самую крепость, ежели не уверен будет о сдаче, дабы при решительном деле, каков есть штурм, не потерпеть большой потери в людях». Тогда Несветаев прервал начатый штурм и на следующий день отступил к селению Палдыран, а затем к Гумрам. Турки не рискнули преследовать русских.

После войны турки существенно укрепили Карс.

В 1828 г. началась очередная русско-турецкая война. 19 июня 1829 г. 12-тысячный русский сводный корпус под командованием графа Ивана Федоровича Паскевича осадил Карс. Для непосредственного участия во взятии крепости было выделено 5080 человек пехоты и 38 орудий. Остальная артиллерия находилась в лагере.

23 июня 1828 г., еще до наступления рассвета, русская артиллерия начала обстрел турецких укреплений. Наибольший эффект производили двухпудовые мортирные бомбы батареи № 4.

Одновременно с началом действия осадных батарей пехота, поддержанная легкой артиллерией, начала бой за овладение предместьем Темир-паша и укрепленному лагерю турок. Наступление развивалось успешно.

К 8 часам утра крепость пала. Остатки ее гарнизона во главе с комендантом крепости Эмином-пашой заперлись в цитадели, но и они через два часа сдались.

Победителям досталось: 22 мортиры, из которых было три 5-пудовых, и гаубицы, из которых три 5-пудовых; 22 пушки и гаубицы от 48– до 12-фунтовых; 98 разных крепостных орудий меньшего калибра и 9 полевых орудий. Кроме того, в крепости было захвачено до 7 тысяч пудов (около 115 тонн) пороха и много других боеприпасов, вооружения и продовольствия. Турки потеряли до 2 тысяч человек ранеными и убитыми и 1361 человека пленными. Потери русских войск составили до 300 человек убитыми и ранеными, в том числе 15 офицеров.

К моменту падения крепости Карс войска спешившего ей на помощь Киоса-Магомета-паши находились уже в пяти километрах от Карса. Узнав о капитуляции крепости, они повернули и отошли к Ардагану.

17 июля основные силы Паскевича выступили через Ахалкалаки на Ахалцих. 22 июля, после тяжелого перехода по горному маршруту, русские войска подошли к Ахалкалаки.

Крепость Ахалкалаки размещалась при слиянии двух рек: Тапа-Раван-чай и Гендары-су. Длина крепости составляла около 300 м, а ширина 80—120 м. Укрепления крепости находились в запущенном состоянии и были довольно слабы, предместья разрушены. Гарнизон крепости насчитывал около тысячи человек при 14 орудиях.

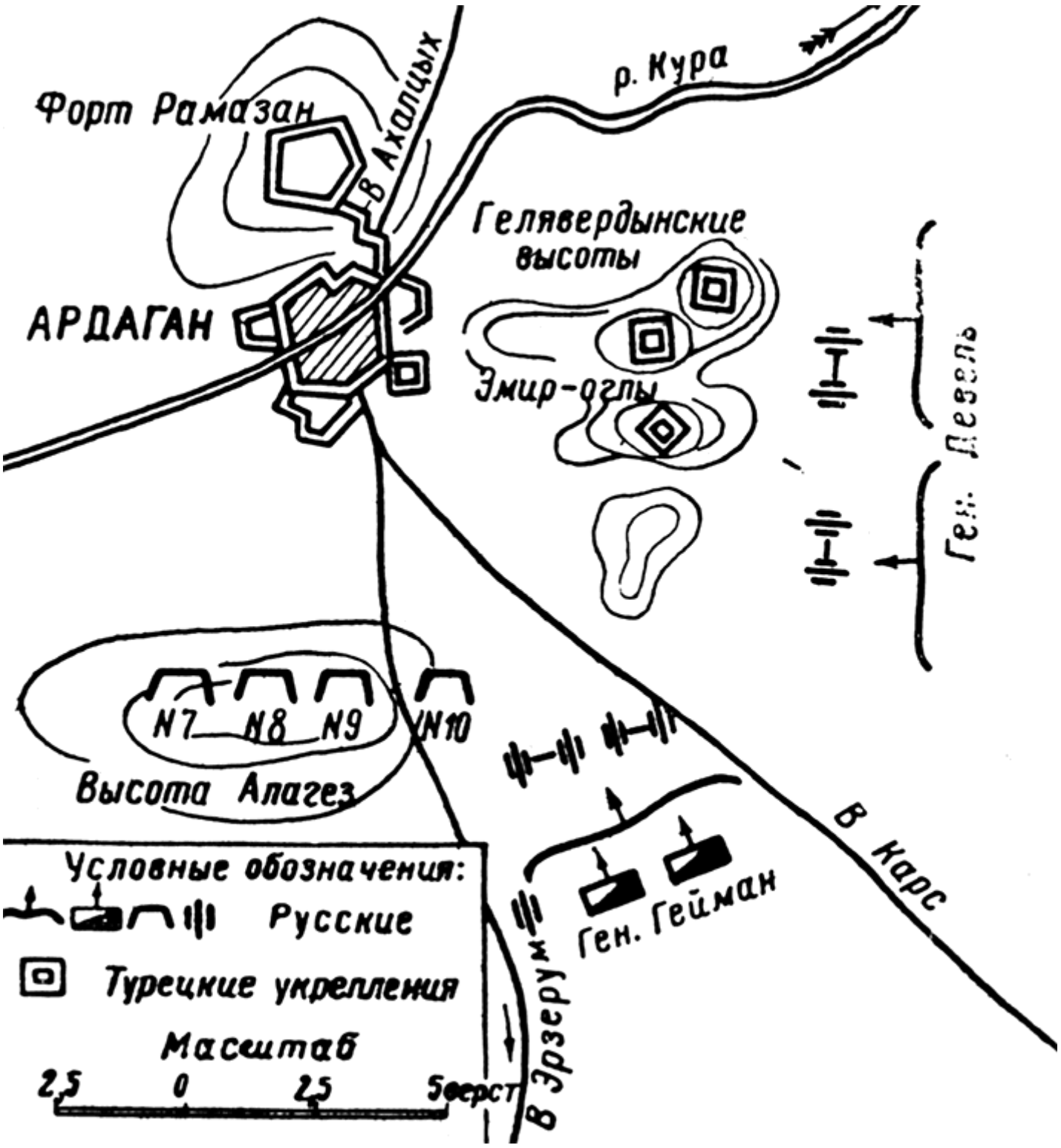
Подойдя со своими войсками к крепости, генерал Паскевич предложил гарнизону сдаться, но получил категорический отказ. Утром 23 августа русские войска штурмом взяли Ахалкалаки. Трофеями Паскевича стали 14 орудий, 21 знамя, большое количество различного оружия и артиллерийских припасов. Турки потеряли до 600 человек ранеными и убитыми и 300 человек пленными. Потери русских войск составили убитыми и ранеными 13 человек.

После взятия Ахалкалаки Паскевич двинулся к крепости Ахалцих. За три дня главные силы русских одолели 50-километровый путь и вечером 4 августа оказались в 7 км от Ахалциха. 16 августа Ахалцих сдался. В крепости было найдено 66 пушек.

Через два дня после овладения Ахалцихом русские войска заняли крепость Ацкур, прикрывавшую вход в Боржомское ущелье. 22 августа турки сдали Ардаган, а 28 августа – Баязет. В сентябре 1828 г. русскими войсками были заняты крепости Топрах-Кале и Диадин. Наступление зимы прервало в конце октября военные действия. Оставив в отбитых у турок крепостях гарнизоны общей численностью 15 батальонов, 4 казачьих полка и 3 роты артиллерии – всего около 8,5 тысячи человек, – генерал Паскевич с остальными частями в начале ноября 1828 г. вернулся в Грузию.

Ну а в следующем году – 26 июня 1829 г. – русские войска овладели Эрзерумом, где был взят в плен сам сераскир Салех-паша и четыре паши, до 15 тысяч человек и 150 орудий. Со взятием Эрзерума, собственно, и закончилась кампания 1829 года.

2 сентября 1829 г. в Адрианополе был подписан мир между Россией и Турцией, который по названию места его подписания стали называть Адрианопольским. Приобретения России по Адрианопольскому миру были ничтожны. В Европе Россия приобрела все острова, находящиеся в устье Дуная, при этом правый берег реки оставался по-прежнему у турок. На Кавказе Россия получила Анапу, Ахалцих и Ахалкалаки, но Карс и Ардаган были возвращены Турции.

Штурм Ардагана в 1877 г.

В Крымскую кампанию 1853–1855 гг. русские войска вновь оказались в Карской области. На сей раз Карс взять было еще трудней. Любопытно, что среди осажденных находилось несколько сот польских панов и венгерских повстанцев войны 1848 г. Тем не менее 16 ноября 1855 г. Карс капитулировал.

13 февраля 1856 г. в Париже начался Конгресс. 18 марта, после семнадцати заседаний конгресса, в Париже был подписан мирный договор. Россия потеряла право держать военный флот на Черном море. Граница России и Турции в Азии восстанавливалась в том виде, в котором она существовала до войны.

Это был закономерный итог Крымской войны. Николаевская Россия потерпела поражение на всех театрах военных действий, кроме Кавказского. Захваченная Карская область была единственной козырной картой России в Париже.

Русская армия вновь ушла из Карса.

24 апреля 1877 г. Россия объявила войну Оттоманской империи.

Кавказский театр военных действий по установившейся традиции считался второстепенным. В этом были единодушны и русские, и турецкие генералы. Соответственно, обе стороны ставили перед собой ограниченные задачи.

Для русской армии конечной целью боевых действий на Кавказе было взятие крепостей Карс и Эрзерум.

Алахцихский отряд генерала Девеля 16 апреля подошел к крепости Ардаган и осадил ее. Ардаган являлся важным узлом дорог, прикрывающим коммуникации из Карса на Батум, и из Ахалциха и Ахалкалаки на Эрзерум.

Численность гарнизона крепости составляла 8100 человек. В крепостной артиллерии имелось 95 орудий, в числе которых было 19 нарезных 6-дюймовых пушек, 35 нарезных пушек калибра от 4,8 до 3,8 дюйма и 16 гладких мортир калибра от 8,8 до 5,8 дюйма. Кроме того, в крепости находилось 12 нарезных 3-фунтовых полевых орудий.

Крепость Ардаган, расположенную по обеим берегам реки Куры, кольцом опоясывали полевые и долговременные укрепления (форты), соединенные между собой насыпным валом высотой около 5 метров. Основу обороны города составляли десять фортов, из которых восемь непосредственно примыкали к городу. Городская цитадель и передовые форты имели брустверы высотой 4,5 метра и толщиной 11,5 метра, окружались рвами шириной в 23 метра и глубиной до 5 метров и имели на вооружении от 4 до 20 крепостных орудий.

Форты Ардагана, сами по себе сильные, с учетом рельефа местности не могли поддерживать друг друга огнем. Кроме того, в фортах и цитадели отсутствовали казематированные укрытия пехоты.

Русские сосредоточили под Ардаганом 76 орудий. Из них к осадным орудиям относились только пять 6-дюймовых мортир обр. 1867 г. Остальные (47 девятифунтовых и 24 четырехфунтовых пушек) были полевыми.

4 мая 1877 г. в 8 часов утра после отклонения ультиматума о садче крепости русские осадные батареи по сигналу ракетой начали бомбардировку укреплений Ардагана. Наши артиллеристы действовали тактически грамотно и, несмотря на перевес противника в огневой мощи, подавляли одну за другой турецкие батареи. Особо стоит отметить действия русской конной артиллерии, оказывавшей непосредственную огневую поддержку штурмовавшим колоннам пехоты.

4-фунтовые конные пушки 5-й конной батареи Кубанского казачьего войска, с трудом преодолевая крутой подъем, лихо развернулись в цепи стрелков и с дальности 600 метров открыли по форту огонь картечными гранатами. Таким образом, вопреки всем тогдашним уставам, конная артиллерия выполняла функции батальонной и полковой артиллерии, которую у нас создали лишь в 1915–1917 гг. Расчеты конной артиллерии понесли большие потери, зато пехота быстро овладела фортом Эмир-оглы.

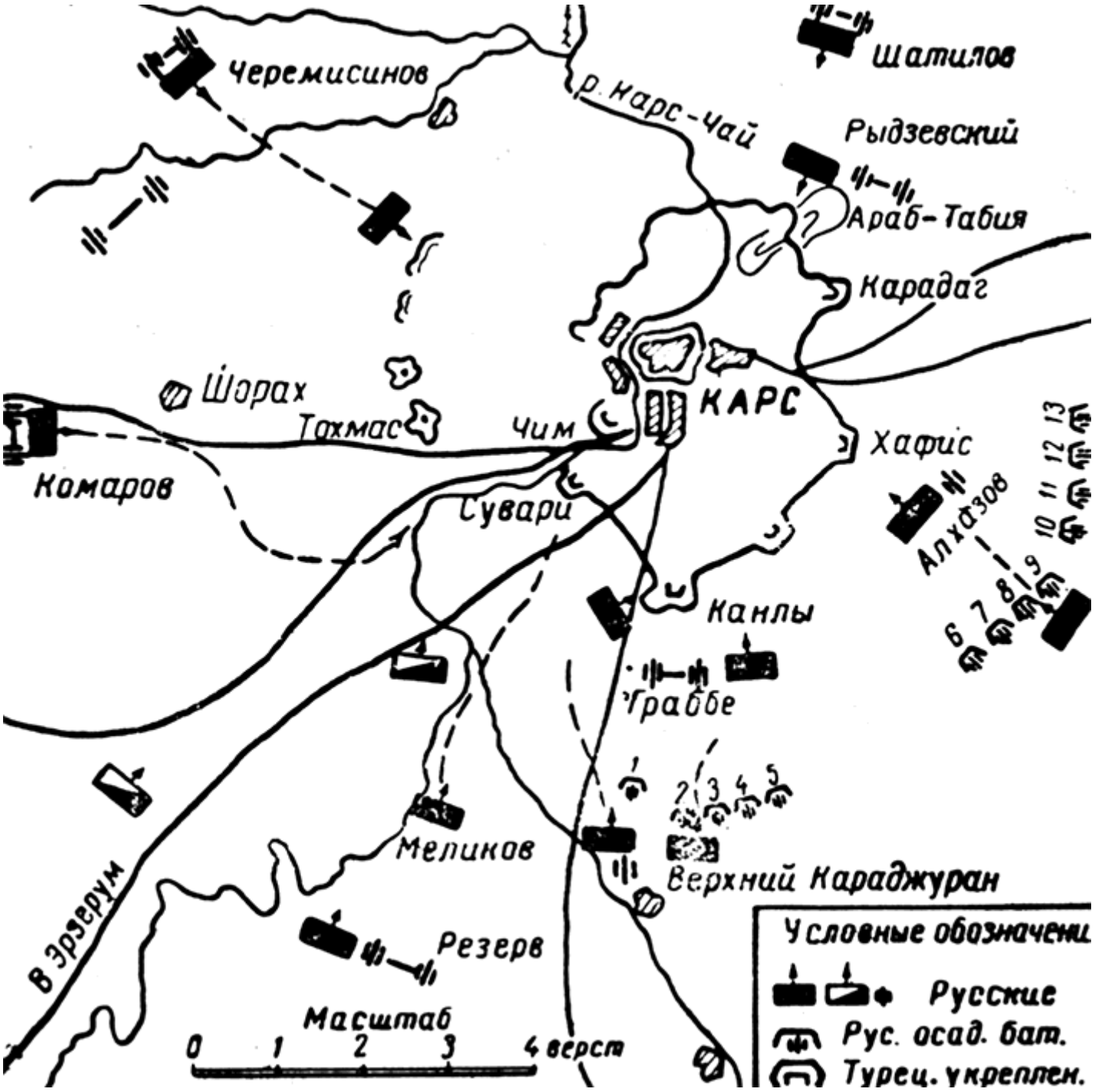
К вечеру 5 мая крепость Ардаган была взята штурмом. Все турецкие орудия стали нашими трофеями. Было убито около двух тысяч турок, причем большинство – артиллерийским огнем. Взято 300 пленных. Остальные турки бежали. Причем несколько десятков человек утонуло в Куре при переправе.

9 октября отряд генерала Лазарева подошел к Карсу. К октябрю 1877 г. Карс был сильнейшей крепостью в Азиатской Турции. Крепость имела четыре группы укреплений с высотой валов до 6 метров и толщиной до 10 метров с каменными стенами, казармами и пороховыми погребами.

Укрепления (форты) были связаны между собой системой траншей полного профиля. В промежутках между укреплениями были поставлены полевые батареи. Впереди укреплений и траншей имелись рвы глубиной до 3 метров и шириной до 18 метров, волчьи ямы в 3–5 рядов, самовзрывные фугасы (петарды), сетки и другие препятствия.

Крепостная артиллерия состояла из 192 нарезных и 111 гладкоствольных орудий. Среди нарезных орудий было пятьдесят 24-фунтовых пушек, пятнадцать 12-фунтовых пушек, 122 пушки калибра от 4 до 6 фунтов, а также пять 3-фунтовых горных пушек. Большую часть (77 из 111) гладкоствольных орудий составляли мортиры 5-, 2-, 1– и полупудового калибра. К началу осады гарнизон Карса составлял около 25 тысяч человек. Комендантом крепости был Гуссейн-Хами-паша.

Русские войска, обложившие Карс, имели 28 тысяч штыков и сабель. В составе полевой артиллерии было пушек образца 1867 г.: 56 девятифунтовых, 82 четырехфунтовых и 8 трехфунтовых.

Осада и штурм Карса в 1877 г.

С 13 по 20 октября к крепости Карс подошел осадный артиллерийский парк, в составе которого было: пять 6-дюймовых пушек весом в 190 пудов (их тогда называли дальнобойными), 24 медные 24-фунтовые пушки обр. 1867 г., 28 стальных 9-фунтовых пушек и шесть 6-дюймовых мортир.

С 30 октября началась интенсивная бомбардировка турецких укреплений. В 9 часов вечера 5 ноября начался штурм крепости. В нескольких местах штурмовые колонны сопровождались 3-фунтовыми горными пушками. К 8 часам утра 6 ноября уцелевшие при штурме турки капитулировали. Удалось бежать только небольшой группе всадников и коменданту крепости Гуссейну-Хами-паше.

Всего при штурме Карса было взято в плен 18 тысяч турецких солдат и офицеров, в том числе начальник артиллерии крепости Гуссейн-бей. Кроме того, турецкий гарнизон потерял убитыми и ранеными около 7 тысяч человек. Русские войска взяли всю артиллерию Карса (303 орудия), несколько тысяч ружей и огромные склады с различными запасами. Потери войск русского корпуса составили: 1 генерал, 17 офицеров, 470 нижних чинов убитыми, ранены 1 генерал, 58 офицеров и 1726 нижних чинов.

Штурм Карса стал последним крупным сражением на Кавказском театре военных действий.

27 января 1879 г. в Константинополе был подписан окончательный мирный договор между Россией и Турцией. Согласно ему, Ардаган, Карс и Батум присоединялись к России. Жители уступленных России земель должны были иметь возможность покинуть их в трехлетний срок с правом продажи недвижимого имущества.

Из новоприобретенных земель на Кавказе Александр II повелел создать две области – Карскую и Батумскую. В некоторых изданиях говорится о Карской губернии, но это неверно. Была только область с «военно-народным управлением». Фактически же в области было военное управление во главе с военным губернатором.

Карская область была разделена на четыре округа – Карский, Кагызманский, Ардаганский и Олтикинский. В свою очередь округа делились на участки. Округами управляли окружные начальники, а участками – участковые начальники. Все они назначались военным губернатором. Губернаторы были подчинены кавказскому наместнику. С 6 декабря 1862 г. по 1 января 1882 г. им был великий князь Михаил Николаевич, младший сын императора Николая I. Затем новый император Александр III вообще упразднил наместничество и приказал образовать Кавказскую администрацию во главе с главнокомандующим гражданской частью, одновременно главнокомандующим и наказным атаманом казачьих войск Александром Михайловичем Дондуковым-Корсаковым (с 1 января 1882 г. по 3 июня 1890 г.). Его сменил Сергей Алексеевич Шереметев (с 3 июня 1890 г. по 6 декабря 1896 г.), а затем Григорий Сергеевич Голицын (с 12 декабря 1896 г. по февраль 1905 г.)

Наконец 26 февраля 1905 г. Николай II повелел вновь ввести наместничество. Наместником был назначен граф И. В. Воронцов-Дашков.

23 августа 1915 г. последним наместником на Кавказе стал великий князь Николай Николаевич. Николай II снял его с должности главного командующего русской армией и отправил в почетную ссылку на Кавказ.

Выборными были лишь старшины в больших и малых населенных пунктах. В больших селах население выбирало башмухтара, а в малых – просто мухтара. Выборные мухтары утверждались царской администрацией. Если мухтар не нравился властям, его просто смещали и заменяли назначенцем, обычно таковым становился молоканин.

После присоединения Карской области к России значительная часть мусульманского населения покинула ее. Точное число их неизвестно. Однако в Карсе до 1877 г. проживало 15–20 тысяч человек, а в 1897–1902 гг. 5,5–6 тысяч человек (без военнослужащих).

В Карской области общей площадью 16 475 квадратных верст, согласно переписи 1897 г., проживало 290 654 человека. Из них мужчин 160 571 и женщин 130 083. Такая разница мужского и женского населения была связана с тем, что многие женщины прятались от переписчиков. Население области быстро росло. Так, в 1897–1902 гг. число рождений превышало число смертей примерно на 4,5 тысячи человек.

В результате к 1 января 1914 г. численность населения Карской области составила 349 тыс. человек, из них 186 тыс. мужчин и 163 тыс. женщин.

К 1893 г. русские в Карской области составляли только 6 % населения, армяне – 21 %, турки – 24,1 %, курды – 17 %, греки – 13 %. Кроме того, в области проживали лезгины, евреи, эстонцы, немцы и т. д. К примеру, у немцев было одно село и у эстонцев одно село.

Край был очень беспокойным. Турки и курды ненавидели армян и друг друга, а все вместе косо посматривали на русских. Поэтому ни о каком гражданском управлении, особенно о земствах, речь идти не могла.

Военные власти поощряли иммигрантов-русских, благожелательно относились к приезду греков из Трапезундского вилайета[260] в начале 80-х годов. (До этого греков в районе Карса практически не было.) Значительная часть армян как из Турции, так и из Русской Армении, пожелала переселиться в Карскую область, но военные власти отказали. Исключение представили 500 димов (больших семейств) из Алашкертской долины, где курды особенно притесняли армян. Только этим армянам было разрешено переехать из Османской империи.

Население области было многоконфессиональным. Большую часть православного населения составляли греки. На одного русского православного приходилось восемь русских сектантов. Подавляющее большинство армян (97,5 %) принадлежало к армяно-григорианской церкви, и, естественно, были католики и протестанты. Турки и курды почти все числились суннитами. Любопытно, что большинство турок были этническими грузинами, принявшими ислам. Большинство из них еще не забыло грузинский язык, но они осознавали себя турками и очень обижались, когда русское начальство расспрашивало об их грузинском прошлом.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Несмотря на такую многонациональность и многоконфессиональность, крупные этнические и религиозные конфликты в области отсутствовали. Понятно, что такое миролюбие было связано с присутствием «ограниченного контингента» русских войск.

А вот разбои и угон скота в области были повсеместным явлением. Поэтому военная администрация каждому русскому поселенцу, независимо от вероисповедания, выдавала винтовку системы Бердана.

Она была однозарядная и, соответственно, скорострельность была ниже, чем у магазинной винтовки Мосина, но поражающее действие из-за большего калибра было выше.

Думаю, многие читатели уже удивились, откуда в области оказалось столько русских сектантов? Дело в том, что православных переселенцев из центральных губерний России было очень мало, и они основали только четыре селения. А еще хуже была их беспросветная бедность. Военная администрация периодически выдавала им в долг, а чаще безвозмездно хлеб, муку, зерно и т. д. Земля в крае была государственной, и переселенцы получали наделы бесплатно. Но, увы, многие православные, вместо того чтобы работать, пошли по миру просить подаяния.

Тогда военные надавили на центральную власть и добились разрешения на приезд сектантов, большую часть которых составляли духоборы и молокане. В небольшом количестве имелись и «прыгуны», «субботники» и другие сектанты.

Сектанты, в отличие от православных, приехали с деньгами, скотом и утварью. Особенно много денег было у духоборов. Духоборы быстро освоились на новом месте. Они вывели новые породы коров и лошадей. Так, Карская духоборская лошадь была не особенно велика ростом, но очень сильна, имела покладистый нрав и легко шла в упряжку.

Духоборы и молокане впервые в области завели фургоны и даже фаэтоны.

До этого местное население знало только арбы. Впервые сектанты завели и огороды, где выращивали картофель, капусту, лук, свеклу и другие овощи, ранее неведомые туземцам.

Духоборы и молокане монополизировали как грузовой, так и пассажирский извоз, что очень нравилось военным властям. Ведь Карская область должна была стать в ближайшие годы плацдармом для наступления на турецкие владения, и гужевой транспорт был крайне необходим армии в ходе боевых действий.

Насколько духоборы и молокане были схожи в хозяйственной деятельности, настолько они отличались в быту. Как уже говорилось, все семьи духоборов и молокан были вооружены для защиты от разбойников. Когда у духоборов мусульмане крали скот или лошадей, то они обязательно находили вора, но не пускали, за исключением редких случаев, в ход оружие, а шли жаловаться властям. Замечу, что в отличие от современной милиции, военные власти эффективно помогали духоборам. А вот молокане сами ловили воров и сурово расправлялись с ними. Так что угоны скота у молокан случались крайне редко.

Духоборы брили бороды, грамотных среди них было мало, зато они ели свинину и очень любили водку. Молокане носили бороды, почти все были грамотны, но ни под каким видом не употребляли свинину и водку.

Духоборы были противниками военной службы, и местное начальство быстро оставило их в покое, зато молокане привлекались к воинской повинности.

И сектанты, и армяне, и мусульмане активно занимались скотоводством и земледелием, что было довольно тяжелым делом в условиях резко континентального климата. Среднегодовая температура в Карсе была +3,7°С, в августе +17,5°С, в январе же -16,4°С. Однако зимой морозы достигали 30–35° ниже нуля, а летом иной раз стояла жара до +35°. В Карской области выращивали пшеницу, как озимую, так и яровую, ячмень (яровой), лен и в небольших объемах рожь.

В долинах рек Аракс и Олтычай выращивали кукурузу, пшено, табак, просо, рис и хлопок. Из фруктов наиболее были распространены яблоки, груши, вишня, персики, айва, виноград, инжир, слива, а также орехи.

Еще Пушкин отметил бедность и низкую степень развития местного населения. К 1878 г. по сравнению с 1829 г. практически ничего не изменилось. Русские застали в Карсе 2200 домов на грязных и кривых улицах. За первые 20 лет правления военной администрации в городе было построено несколько десятков современных домов. Естественно, что власти в основном строили дома для собственных нужд.

В 1881 г. русские архитекторы составили план реконструкции Карса. На новых прямых улицах должны были быть построены новее каменные дома. Однако жители-мусульмане не желали благоустраивать свой город и заламывали завышенные цены за свои дома и хозяйственные строения. В результате к 1902 г. удалось построить новые дома лишь на одной новой улице длиной полторы версты.

К этому времени был разбит большой городской сад, а улицы стали освещаться керосиновыми фонарями. Однако водопровода в 1902 г. в городе еще не было.

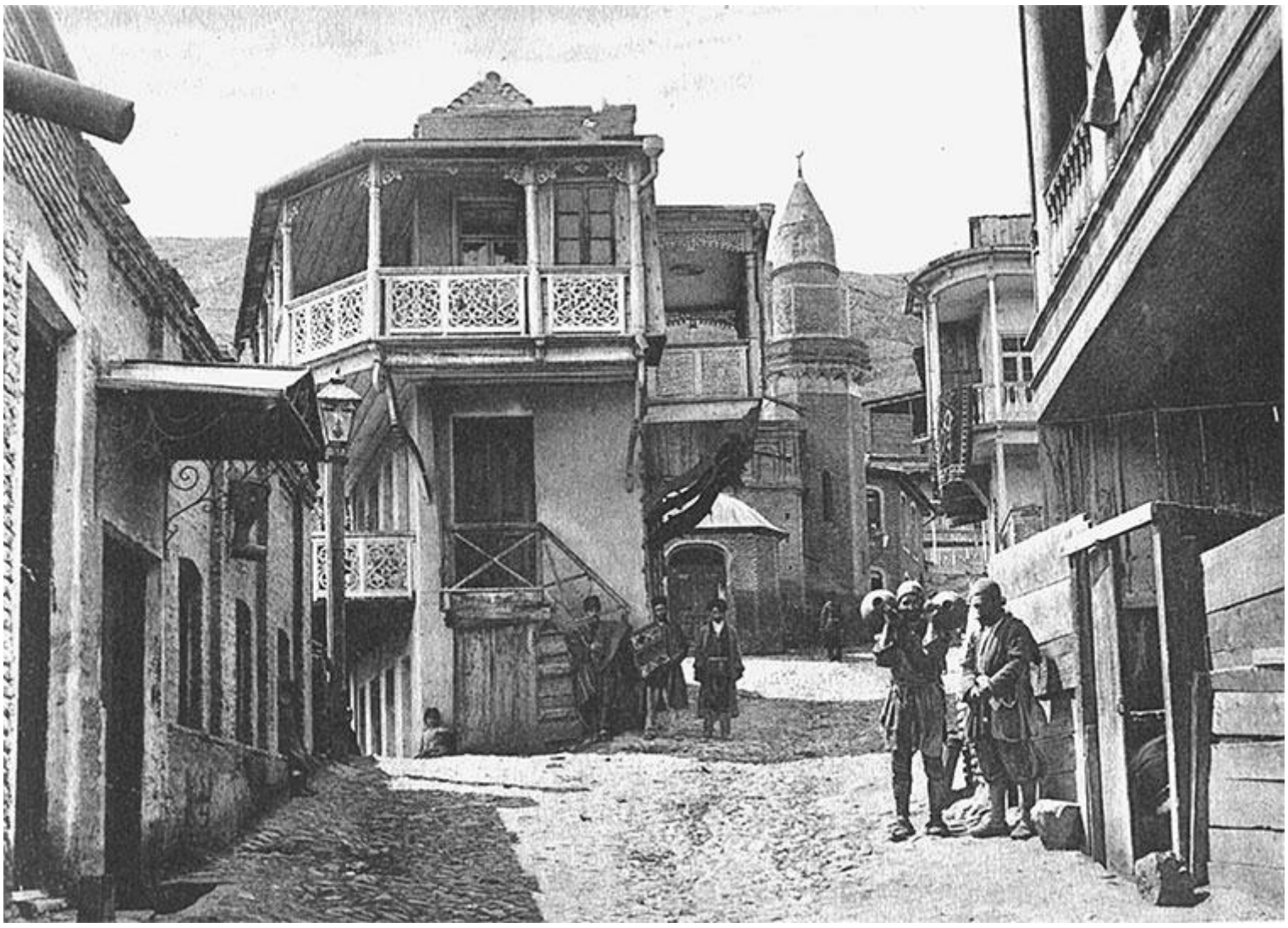
Уже в 1879 г. в Карсе открылась первая школа. Она была частная, и там учились как мальчики, так и девочки. Но на следующий год открылись две казенные школы (для мальчиков и девочек отдельно). К 1902 г. в них обучалось 550 мальчиков и 270 девочек. Это были дети русских, армян и греков. Мусульмане своих детей в школы не пускали, у них было одно свое медресе. 1 сентября 1902 г. в Карсе открылась женская гимназия, первоначально принявшая 95 девочек.

К 1902 г. в городе еще не было театра, но с открытием в 1899 г. железнодорожного сообщения с Тифлисом в Карс стали приезжать на гастроли артисты из России. Играли они на сценах Военного и Гражданского собраний – в эдаких городских клубах, в советское время их называли Дворцами культуры.

С 1883 г. в области издавалась еженедельная газета «Карс». В местной типографии было напечатано несколько десятков книг В 1889 г. через реку Карс-чай был построен большой железный мост, вместо деревянного моста, снесенного в наводнение 1887 г.

В 937–942 гг. в центре Карса армяне построили большой каменный храм в «византийском» стиле. В XV веке турки обратили его в мечеть Кюмбет-джам. Любопытно, что в 1877 г. сами турки стали использовать ее как склад боеприпасов. Может, надеялись, что русские артиллеристы не будут стрелять по мечети?

В 1878 г. великий князь Михаил Николаевич посетил Карс и высказал пожелание восстановить храм. Местная мусульманская община заявила, что у них нет претензий к возвращению храма христианам. Военная администрация выдала 20 тысяч рублей на реставрацию храма, и 6 января 1879 г. он был освящен в честь архистратига Михаила. Понятно, что название было взято с намеком на великого князя. Древний собор стал военной церковью карского гарнизона.

Старый Тифлис

В 1887 г. местные греки собрали деньги и приступили к строительству второго собора. Еще два собора (один григорианский и один католический) построили армяне.

Развития промышленности в области, по крайней мере в первые 20 лет, практически не было. К 1902 г. самым крупным предприятием являлся мыловаренный завод производительностью 8,2 тонны в год. В Карсе были пивоваренный и два лимонадных завода, а также одна медно-литейная мастерская, выпускавшая медную посуду. Естественно, эти предприятия были частными. Само собой разумеется, что в крепости и на железной дороге были свои казенные мастерские. Кроме того, в крае велась в больших объемах заготовка леса. Славилась Карская область и ковровым производством.

Экономический и культурный подъем в Карсе пришелся на 1907–1917 гг. Население города к 1917 г. составляло 37 тысяч человек. Функционировало двенадцать церквей (русских, греческих и армянских), шесть мечетей, десять библиотек, один театр и два кинотеатра.

В 1910 г. в городе был открыт красивый памятник русским солдатам, павшим при штурмах Карса в 1828, 1855 и 1877 годах, работы скульптора Бориса Михайловича Микешина, сына скульптора Михаила Осиповича Микешина.

В 80—90-х годах XIX века в Карской области проложили несколько хороших дорог, включая шоссе Александрополь – Карс – Саракамыш. А в 1899 г. вступила в строй железнодорожная ветка длиной в 300 км Тифлис – Карс. Теперь Карская область соединилась со всей империей сетью железных дорог. В Карсе и на других станциях были возведены железнодорожные вокзалы в стиле «модерн».

Согласно постановлению Государственной думы от 19 апреля 1911 г., весной следующего года началось строительство стратегической железной дороги Карс – Саракамыш, на строительство которой было затрачено 3 633 645 рублей. Конечная станция этой железной дороги находилась в двух верстах от турецкой границы. «Правильное» пассажирское и товарное движение по новой дороге было введено 23 июня 1914 г. Дорога была одноколейной и рассчитана при коммерческой нагрузке на 8 пар поездов в сутки, а в военное время – на 18 пар поездов из расчета 35 вагонов в эшелоне.

Уже в ходе войны в 1916 г. в Карской области проложили железную дорогу Саракамыш – Эрзерум – Мамахатун длиной 270 км, часть которой шла по турецкой территории, и железную дорогу Шахтахты – Какаклис.

Как уже говорилось, русское правительство рассматривало область в первую очередь как плацдарм для войны с Турцией. Поэтому крепость Карс была капитально перестроена, вокруг нее на расстоянии 5—10 верст перед войной построили цепь фортов. Форты были соединены между собой, цитаделью и узкоколейной железной дорогой Инженерного ведомства.

Карс стал самой мощной русской сухопутной крепостью в Азии. К началу 1888 года на вооружении крепости имелась 491 пушка.

Стремясь к безопасности кавказской границы империи, Россия в 1900 г. добилась заключения соглашения с Турцией, запрещавшего строительство железных дорог в граничащих с Россией северных и северо-западных вилайетах.

По настоянию великого князя Александра Михайловича в 1912–1913 гг. в районе Карса были начаты испытательные полеты первых русских военных аэропланов, а к апрелю 1914 г. сформирован первый Карский авиаотряд.

Глава 5. Большие междусобойчики в Закавказье

28 октября 1914 г. турецкие корабли без объявления войны обстреляли Севастополь и Одессу. На следующий день турки обстреляли Новороссийск. Так началась новая русско-турецкая война.

К началу 1917 г. русские войска углубились на турецкую территорию на расстояние 200–250 км. Ими были заняты окрестности озера Ван, города Битлис, Муш, Эрзерум и важный порт Трапезунд.

Февральская революция в России поставила крест на наступательных планах русского командования. С лета 1917 г. начался развал Кавказской армии. Пехотные части самовольно покидали позиции и отправлялись в тыл. Казачьи части организованно уходили на Кубань и Терек. После Октябрьской революции развал армии резко усиливается.

2 (15) ноября 1917 г. Бакинский совет взял власть в городе и образовал первую в Закавказье Советскую республику. 25 апреля 1918 г. Бакинский совет создал «орган пролетарской диктатуры» в Азербайджане – Совет народных комиссаров (СНК) под руководством С. Г. Шаумяна.

– Что вам от меня надо?

– Вас, именно вас! У нас не хватает одного человека для объявления самостоятельной республики!

(Карикатура 1917 г.)

15 (28) ноября 1917 г. меньшевиками, эсерами, дашнаками и мусаватистами в Тифлисе создается Закавказский комиссариат. Фактически это было националистическое правительство Закавказья (Азербайджана, Армении и Грузии). Закавказский комиссариат приступил к разоружению пробольшевистски настроенных частей Кавказской армии.

5 (18) декабря 1917 г. в городке Эрзинджан в Анатолии было подписано перемирие между русскими и турками. При этом турецкое командование обязалось заставить курдов выполнять договор. В случае враждебных действий курдов русские войска имели право поступать с ними как с разбойниками.

29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.) Совет Народных Комиссаров (Совнарком) Советской России опубликовал, в свою очередь, за подписью Ленина «Декрет о Турецкой Армении», в котором провозглашалось право Западной Армении на автономию: «Совет Народных Комиссаров объявляет армянскому народу, что Рабочее и Крестьянское Правительство России поддерживает право армян оккупированной Россией турецкой Армении на свободное самоопределение вплоть до полной независимости». В том же декрете устанавливался ряд гарантий для нормализации обстановки, например: вывод российских войск и формирование армянского ополчения, свободное возвращение в Турецкую Армению беженцев и лиц, изгнанных турецким правительством, установление границ демократически избранными представителями армянского народа. Наконец, Степан Шаумян был назначен чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа.

Однако 3 марта 1918 г. Советская России была вынуждена заключить с Германией «препохабнейший» Брестский мир. Статья 4 мирного договора гласила: «Россия сделает все, что в ее силах, чтобы обеспечить скорый вывод войск из западных провинций Анатолии и их возвращение Турции. Ардаган, Карс и Батум будут незамедлительно освобождены от российских войск». В этом договоре Армения ни разу не упоминалась.

Закавказский сейм не признал Брестский договор и направил на имя Совнаркома в Петроград телеграмму, извещавшую, что «он не признает Брестский мир, так как Закавказье никогда не признавало большевистской власти и Совета Народных комиссаров». Турция, основываясь на статьях Брестского договора, предъявила ультиматум Закавказскому сейму о немедленном очищении Карса, Батума и Ардагана. В этих условиях 14 марта 1918 г. в Трабзоне открылась мирная конференция между Турцией и Закавказьем.

В феврале 1918 г. Закавказский сейм принял решение сформировать Грузинский, Армянский, Мусульманский и Русский корпуса, а также Греческую дивизию. Однако это решение осталось на бумаге. Грузинский корпус вообще не был создан, мусульманские отряды перешли на сторону турок. В Закавказье оказалось множество русских офицеров, гимназистов, казаков и т. д., которые хотели и могли воевать с турками. Но сейм позже запретил создание Русского корпуса. Единственной боеспособной частью стал Армянский корпус. Причем его ударной силой стал отряд Андраника Сасунского, сформированный в начале 1918 г. в Александрополе.

Во время трабзонских переговоров военные действия продолжались. Русских солдат к этому времени в Карской области практически не осталось, а фронт держали 20–30 тысяч армянских добровольцев под командованием генерала Назарбекяна.

Силы были неравны, и 30 января турки заняли Эрзинджан, 4 февраля – Байбурт, 8 февраля – Мемахатун, 29 февраля – Эрзерум, а в марте ими была занята вся турецкая территория, оккупированная русскими в Первую мировую войну.

И тут председатель Закавказского правительства А. Чхенкели отдал приказ генералу Назарбекову отступать.

15 апреля турецкие войска без боя заняли Батум, а 25 апреля – Карс. Армянские войска могли удерживать самую мощную на Ближнем Востоке крепость как минимум несколько месяцев. Но из-за преступного приказа они покинули Карс. Туркам досталось около 600 исправных русских орудий, десятки тысяч винтовок, десятки автомобилей, склады, забитые боеприпасами и обмундированием. В Карсе турки устроили массовые грабежи среди мирного населения и резню армян.

Однако 24 мая 1918 г. у Сардарапата армянская армия наносит поражение туркам и спасает свою столицу Ереван. Решающую роль в разгроме турок сыграл генерал Андраник Сасунский.

Любопытно, что продвижению турецких войск на Кавказе препятствовала… Германия. В планы немцев не входило уступать бакинскую нефть и чиатурский марганец Турции.

Вспомним, что 29 апреля 1918 г. немцы заняли Севастополь. Русский Черноморский флот частично был затоплен у Новороссийска, а большей частью захвачен немцами в своей главной базе. Черное море с этого момента стало германско-турецким озером.

15 мая в порт Поти прибыли германские транспорты, с которых высадился десант. К началу лета отряд немцев был введен даже в Тифлис.

27 апреля 1918 г. Германия принудила Турцию заключить секретное соглашение в Константинополе о разделе сфер влияния. Турции отводилась юго-западная часть Грузии и почти вся Армения, а остальная часть Закавказья доставалась Германии.

Лоскутная Закавказская демократический федеративная республика (ЗДФР) 8 июня 1918 г. официально прекратила свое существование. 8 июня образовалась Грузинская республика, 9 июня – Азербайджанская республика и 10 июня – Армянская республика.

4 июня 1918 г. в Батуме Турция подписала с Армянской и Грузинской республиками договоры «о мире и дружбе», по которым к Турции, кроме Карской, Ардаганской и Батумской областей, отходили: от Грузии Ахалкалакский уезд и часть Ахалцихского уезда; от Армении Сурмалинский уезд и части Александропольского, Шарурского, Эчмиадзинского и Эриванского уездов. Турецкие войска получили право беспрепятственных железнодорожных перевозок.

28 мая правительство Грузии было признано Германией, и в Поти подписали шесть договоров, по которым Германия получала монопольное право на эксплуатацию экономических ресурсов Грузии, а порт Поти и железная дорога поступали под контроль германского командования.

10 июня германские войска вошли в Тифлис, к 15 июня там их было уже около 5 тысяч. Германские гарнизоны разместились в Кутаиси, Гори, Сигнахе, Самтреди, Новосенаки, Очамчире и в других населенных пунктах. В Поти дислоцировались войска с артиллерий (свыше 10 тысяч человек). Всего в Грузии германских войск было (включая военнопленных и мобилизованных немецких колонистов) около 30 тысяч человек. Командовал ими генерал-майор Ф. Кресс фон Крессенштейн.

Германские интервенты взяли под контроль почту, телеграф, банки, военные и финансовые ведомства. К грузинской армии были прикреплены германские инструкторы.

По договорам с грузинским правительством от 12 июля Германия получала в эксплуатацию Чиатурские марганцевые рудники на 30 лет, порт Поти – на 60 лет, железную дорогу Шорапан – Чиатура – Сачхере – на 40 лет.

С мая по сентябрь 1918 г. германские интервенты вывезли из Грузии на 30 млн марок меди, табака, хлеба, чая, фруктов, вина и другой продукции, в том числе 31 тонну марганца, 360 тонн шерсти, 40 350 штук овечьих шкур.

15 июля 1918 г. чиновник из Тифлисского уезда доносил: «В Белоключенском районе немцы, жители села Асуреты, в количестве 25 человек с 15 германскими солдатами и одним германским лейтенантом разоружили ряд селений в Белоключенском районе, причем во время разоружения применяли к крестьянам самые репрессивные меры: избивали женщин, мужчин розгами до крови, убивали крестьянских собак, врывались в дома и проводили обыски… Германцы совершенно не считаются с администрацией и заявляют, что они сами хорошо наведут порядок у нас…»

Еще пример: в августе 1918 г. немецкий отряд потребовал от жителей села Сарван уплатить 150 тысяч рублей в пользу немецких колонистов, грозя иначе поджечь село. Местные жители в ужасе бежали. Надо полагать, что колонисты неплохо поживились их имуществом. Зато в сентябре 1918 г. министр иностранных дел Грузии Акакий Чхенкели был награжден немецким орденом.

До 1918 г. граница Кутаисской губернии на севере шла не по реке Псоу, где позже проходила граница Грузинской ССР, а чуть севернее реки Бзыбь, то есть между Гагрой и Пицундой. Новоявленным тбилисским правителям это не понравилось, и грузинские войска двинулись на север, и даже захватили Туапсе. Но там 1-я колонна красной Таманской армии разоружила грузинскую дивизию и захватила 16 пушек и 10 пулеметов. Этот эпизод отражен в романе Серафимовича «Железный поток».

Красные, пробыв несколько дней в Туапсе, ушли в Армавир. А 8 сентября 1918 г. в Туапсе вошли части Добровольческой армии. После этого Тифлис пошел на переговоры с командованием Добровольческой армии, которые состоялись 25–26 сентября в Екатеринодаре и были совершенно бесплодными. Белые без обиняков потребовали от грузин убираться вон и очистить территорию по реке Бзыбь. Так как грузины не соглашались, командование Добрармии 26 сентября прервало «переговорный процесс», и отряды белых заняли Лазаревскую (ныне часть северного Большого Сочи).

Конфликт начал затягиваться, а белые не имели возможности выставить крупные силы против грузин в разгар борьбы с красными.

Грузинское командование тоже не решалось на крупное наступление, а лишь помогало деньгами и оружием бандам «зеленых», действующим в тылу белых.

Разбив красных в начале 1919 г. на Северном Кавказе, Добрармия приступила к зачистке Черноморского побережья от «зеленых» и грузин. В районе Гагр шли ожесточенные бои. Однако вмешались англичане и заставили Деникина прекратить наступление. Демаркационная линия между белыми и грузинами была установлена южнее Адлера, в районе которого устанавливалась «нейтральная зона».

В 1921 г. в Лондоне вышла книга Бехофера «В деникинской России». Ее автор писал: «Свободное и независимое социал-демократическое государство Грузии всегда останется в моей памяти как классический пример империалистической малой национальности и по отношению к захватам территорий вне своих пределов, и по отношению к бюрократической тирании внутри государства. Шовинизм его превосходит всякие пределы».

Внутри республики начались остервенелые гонения на все русское: увольнения с работы, лишение избирательных прав, аресты, выселения. Дошло до того, что созданный в 1918 г. Русский национальный Совет организовал русский корпус, целью которого было защитить русских крестьян от истребления.

Уже в июне 1918 г. восстали осетины и грузины Цхинвали, поднялись жители Абхазии, опрометчиво подписавшие договор с Грузией, когда к ним подходили большевики. Теперь они просили Добровольческую армию избавить их от грузин.

Разговор с восставшими у грузинских властей был коротким. «Казаки этого отряда (отряд Мазниева, направленный на усмирение восстания в Абхазии) врывались в мирные абхазские деревни, забирая все мало-мальски ценное, совершая насилия над женщинами. Другая часть этого отряда… была занята разрушением бомбами домов тех лиц, на которых кто-либо доносил. Аналогичные же насилия были произведены в Гудаутском уезде. Начальник грузинского отряда, поручик Купуния, бывший пристав города Поти, избил целый сход в селении Ацы, заставив всех лечь под пулеметный огонь, и прошелся затем по их спинам, нанося удары шашкой плашмя; затем приказал с ходу собраться в кучу, верхом во весь карьер врезался в толпу, нанося побои кнутом…» Это из доклада абхазских меньшевиков, единомышленников грузинского правительства, то есть ни в коей степени не может быть большевистской пропагандой.

Впрочем, бывший пристав города Поти был просто приставом и действовал соответственно. Гораздо интереснее наблюдать за тонкими движениями души известного меньшевистского деятеля Валико Джугели, усмирявшего восстание в Осетии. Вот выдержки из его дневника: «…Теперь ночь. Всюду видны огни. Это горят дома повстанцев. Но я уже привык и смотрю на это почти спокойно…»; «…Всюду вокруг нас горят осетинские деревни… В интересах борющегося рабочего класса, в интересах грядущего социализма мы будем жестоки. Да, будем. Я со спокойной душой и чистой совестью смотрю на пепелище и клубы дыма… Я совершенно спокоен. Да, спокоен»; «…Теперь всюду огни… Горят и горят. Зловещие огни… Какая-то страшная, жестокая и феерическая красота… И,

озираясь на эти ночные, яркие огни, один старый товарищ печально сказал мне: “Я начинаю понимать Нерона и великий пожар Рима…”»[261].

От Грузии перейдем к ситуации в Бакинской губернии. 31 октября (13 ноября) 1917 г. Бакинский Совет рабочих и солдатских депутатов первым в Закавказье вынес постановление о переходе всей полноты власти к Совету. 2 (15) ноября вся власть в Баку перешла к Совету. 30 марта (нов. ст.) 1918 г. мусаватисты подняли в Баку вооруженный мятеж против Совета. Три дня в Баку шли бои. На стороне Совета действовала и Каспийская флотилия. Канонерские лодки «Карс» и «Ардаган» вели интенсивный огонь по мятежникам.

25 апреля 1918 г. на заседании Бакинского совета под председательством П. А. Джапаридзе было принято решение о создании Бакинского Совета Народных Комиссаров – высшего органа советской власти в Бакинском районе.

В июне 1918 г. Бакинский Совнарком издал декреты о национализации нефтяной промышленности и Каспийского торгового флота. Был введен 8-часовой рабочий день, повышена зарплата рабочим, созданы народный университет и школы для взрослых.

Советские войска заняли Кубу и Дербент, с боем взяли Ленкорань и рассеяли банды ханши Талышинской. В результате ожесточенных боев была занята Шемаха, а затем и весь Шемахинский уезд.

В мае 1918 г. 13 тысяч турок при 40 орудиях вместе с 5 тысячами мусаватистов при 10 орудиях двинулись на Баку. Столицу Азербайджана обороняли пробольшевистские силы СНК (18 тысяч человек, 19 орудий, 3 бронепоезда). В июне 1918 г. из Советской России в Баку прибыли 4 броневика, 13 самолетов, а в следующем месяце – 800 человек при 6 орудиях. Однако моральный дух защитников Бакинской коммуны был весьма слаб. 20 июля турки без боя заняли Шемаху. Сравнительно небольшая большевистская прослойка в Баку оказалась в сложной ситуации. С одной стороны, у большевиков не хватало сил для отражения турецкого наступления, а с другой – они формально не имели права сражаться с немцами в силу Брестского мира. Большинству же населения Баку не улыбалось увидеть турок на улицах города. Поэтому Бакинский совет принял решение позвать на помощь английские войска, которые к тому времени уже находились на севере Персии.

31 июля Совет Народных Комиссаров сложил свои полномочия. Власть в Баку перешла в руки правоэсеровско-меньшевистско-дашнакского блока, сформировавшего 1 августа правительство «Диктатуры Центрокаспия и Президиума Временного Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов».

К тому времени англичане заняли южное побережье Каспийского моря и приступили к формированию военной флотилии в персидском порту Энзели. Командовал английскими морскими силами командор Норрис. Задача создания флотилии на Каспии для англичан облегчалась наличием британской военной флотилии на реке Тигр. Перевезти на Каспий канонерские лодки они, естественно, не могли, зато сняли с них морские орудия калибра 152, 120, 102, 76 и 47 мм.

Англичане захватили в Энзели несколько русских торговых судов и приступили к их вооружению. Команды поначалу были смешанные – русская вольнонаемная команда и английские расчеты орудий. Командовали всем судами английские офицеры, на второстепенные должности брали и русских морских офицеров.

4 августа в Баку высадился британский отряд, прибывший на военном транспорте из Энзели.

После перехода власти «Диктатуре Центрокаспия» оставшиеся верные советской власти подразделения были стянуты на Петровскую площадь в Баку, превращенную большевиками в военный лагерь. Войска же «Диктатуры Центрокаспия», состоящие в основном из армянских национальных частей, с каждым днем теряли свою боеспособность, усиливалось дезертирство и мародерство. Ввиду того, что шансов на успешный политический или военный контрпереворот, изгнание англичан и удержание фронта практически не было, общегородская партийная конференция большевиков, состоявшаяся 12 августа, приняла решение эвакуировать остатки советских войск в Астрахань.

17 августа 1918 г. главнокомандующий британскими войсками генерал Денстервиль и штаб командора Норриса на пароходах «Президент Крюгер» и «Орел» отправились в Баку. Перед выходом на «Крюгере» англичане поставили четыре 102-мм сухопутные пушки.

Уже при подходе к Баку был слышен отдаленный гул артиллерийской стрельбы. Город был обложен войсками турецкого генерала Нури-паши. В это время суда бывшей царской Каспийской флотилии обстреливали турецкие войска в районе Петровска (с 1922 г. Махачкала). Только канонерка «Ардаган» стояла в Баку и лишь изредка выходила обстреливать турецкие позиции.

15 сентября 1918 г. турецко-мусаватистские войска почти без боя заняли Баку. Англичане и руководство «Центрокаспия» бежали на судах Каспийской флотилии сначала в Петровск, а затем в Энзели. Турки и местные татары три дня грабили Баку, при этом было убито около 30 тысяч мирных жителей.

Пока в Баку правил Совет, самозваное мусаватистское правительство (Временный национальный Совет) заседало в Тифлисе, где оно 28 мая 1918 г. провозгласило Азербайджан независимым государством.

4 июня 1918 г. в Батуме между делегациями Азербайджана и Турции был заключен договор о мире и дружбе Азербайджанской Республики и Оттоманской Турции. Согласно статьи Батумского договора, Турция, выполняя свои союзнические обязательства перед азербайджанским государством, 5 июня 1918 г. ввела в Гянджу (Елизаветполь) части 5-й турецкой дивизии под командованием Мюрсель-паши. 6 июня в Гянджу из Иранского Азербайджана прибыл семитысячный отряд Назим-паши. Азербайджанское правительство с помощью турецких офицеров, еще до этого времени находившихся в Гяндже под командованием Нури-паши, смогло в короткий срок сформировать Особый Азербайджанский корпус, объединенный с турецкими войсками в Кавказскую исламскую армию. Общая численность этой армии достигала 20 тысяч человек.

Мусаватистское правительство 16 июня 1918 г. переехало их Тифлиса в Гянджу, а 17 сентября – в оккупированный турками Баку.

5 октября 1918 г. Совет Министров Азербайджанской республики принял постановление о денационализации нефтяной промышленности, согласно которому нефтяные промыслы и заводы, корабли Каспийского торгового флота возвращались нефтяным фирмам и судовладельцам. Важным шагом правительства в аграрном вопросе была отмена декрета Баксовнаркома о земле. Земля признавалась нерушимой собственностью землевладельца.

Однако к этому времени песенка османов – покровителей мусаватистов – была спета. После захвата 15 сентября Баку советское правительство разорвало Брестский договор в части, касающейся Турции.

19 октября турецкий кабинет министров во главе с великим визирем Талаат-пашой, военным визирем Энвер-пашой и морским министром Джемаль-пашой ушел в отставку в полном составе. Новое турецкое правительство обратилось к Антанте с просьбой о перемирии.

27 октября начались мирные переговоры с Антантой. Они проходили в порту Мудрос на острове Лемнос. Вел переговоры командующий британским Средиземноморским флотом вице-адмирал С. Калторп. 30 октября 1918 г. в Мудросе на борту английского броненосца «Агамемнон» была подписана капитуляция Турции. Формально она имела вид перемирия.

В первой статье предусматривалось открытие Черноморских проливов для Антанты. Суда Антанты могли свободно проходить в обе стороны и выходить в Черное море.

По статьям 6, 9 и 12 все военно-экономические и стратегические центры страны подлежали оккупации Антантой. В статье 5 предусматривалась демобилизация всей турецкой армии, а контингент, могущий обеспечить хотя бы как факт суверенитет Турции, подлежал особому определению.

Антанта отказалась признавать какие-либо государственные образования, созданные с участием турок на Кавказе.

По Мудросскому перемирию Турция вывела свои войска из Закавказья, а мусаватистское правительство вновь драпануло в Гянджу. 17 ноября 1918 г. в Баку опять вошли англичане во главе с

генералом В. Томсоном, объявившим себя военным губернатором Баку. Ф. П. Коккерель был назначен комиссаром полиции союзных держав в Баку, майор Браун стал управляющим транспортом Каспийского флота. Общая численность союзных войск в Баку составила 5 тысяч солдат.

При вступлении войск в Баку генерал Томсон, заметив, что на пристани вместе с флагами Англии, США, Франции, Италии вывешен и флаг Азербайджанской Демократической Республики, приказал тотчас же его убрать.

Приказом генерала Томсона в Баку вводилось военное положение до того момента, когда «гражданская власть окажется настолько сильной, чтобы освободить войска от ответственности за поддержание общественного порядка». С введением в Баку военного положения, английское командование фактически всю административную власть в городе и в Бакинской губернии брала в свои руки. Вся судебная и исполнительная власть оказалась сосредоточенной в руках генерала Томсона. 29 ноября 1918 г. все торговые суда Каспийского флота перешли в распоряжение английского командования. За девять месяцев, с декабря 1918 г. по август 1919 г., англичанами было вывезено из Баку до 30 млн пудов нефти на сумму в 113,5 млн рублей.

Британское правительство равно не желало перехода Закавказья под контроль как большевиков, так и Деникина. Поэтому с декабря 1918 г. по август 1919 г. английским командованием в Баку постепенно были сняты все ограничения к деятельности азербайджанского правительства. Англичане сняли свой контроль с управления водного транспорта и нефтяной промышленности, вернули правительству также и право контроля над печатью. В споре Азербайджана и Армении о Карабахе, Зангезуре и Нахичевани английское командование взяло сторону азербайджанцев (декларация генерала Шатерворта, апрель 1919 г.) о распространении власти генерал-губернатора Хосров-бека Султанова на все уезды Карабаха и Зангезура и поддержке его англичанами.

4 июня 1918 г. между Турцией и Арменией был заключен «Союз мира и дружбы». Турки согласились признать само существование Армении под сильным нажимом правительства Германии, которое понимало, что вынимать из Закавказья нефть и другие полезные ископаемые можно только в условиях относительной стабильности.

Условия договора были крайне тяжелыми и унизительными для армян. Туркам передавались все железные и часть шоссейных дорог. Армении оставлялась только часть ее нынешней территории: Араратская равнина – Арагац – Караклис – Севан. Ее армия сильно урезалась и должна была располагаться в местах, которые укажут турки.

Генерал Андраник Сасунский не подчинился диктату турок. Его небольшой отряд (2 тыс. человек при 9 горных пушках) двинулся на юг. С ним пошли свыше 20 тысяч беженцев-армян, опасавшихся турецкой расправы. От армянских общин Нахичевани, Зангезура, Карабаха к нему направлялись делегации, просившие взять их края под защиту. Ведь эти области не вошли в состав урезанной Армении. Их жители оказались брошены на произвол судьбы.

Андраник решил пробиться в советское Баку. 14 июля он направил телеграмму Чрезвычайному комиссару по делам Кавказа Степану Шаумяну, в которой говорилось, что Нахичеванский уезд «объявил себя неотъемлемой частью Советской Республики» и сам он со своим отрядом переходит в распоряжение и подчинение Центрального Российского правительства.

Об этой телеграмме турки конечно же узнали, что вызвало среди них сильный переполох. 17 июля Энвер-паша издал приказ: «Для установления нашей власти на Кавказе мобилизуйте всех магометан, умеющих обращаться с оружием. Закройте все дороги… перед Андраником, чтобы он со своим отрядом не смог прийти на помощь Степану Шаумяну… Если эти две силы объединятся, завоевание Баку будет уже невозможным». И на Нахичевань были спешно брошены две дивизии во главе с Залил-беем и Али-Мурад-беем. 19 июля, после ожесточенных боев, турки захватили Нахичевань и Джульфу. Андранику Сасунскому пришлось отступить в горы Зангезура.

Когда Андраник узнал о капитуляции Турции, он немедленно стал готовиться к походу на Шушу с целью освобождения Карабаха. Однако английский генерал Томсон прислал армянскому генералу ультиматум с требованием прекратить боевые действия.

А между тем английский десант 23 декабря 1918 г. высадился в Батуме. Вскоре англичане взяли под контроль и железную дорогу Батум – Баку, ну и, самой собой разумеется, нефтепровод.

26 апреля 1919 г. Андраник распустил свой отряд и в мае с группой своих соратников отплыл на пароходе из Батума в Европу. Больше на Кавказ он не вернется. На чужбине генерал написал пророческие слова: «На протяжении многих дней, недель и месяцев я часто задавался вопросом: действительно ли русские ушли навсегда, вправду ли, что ушли и не вернутся и что Кавказ останется предоставленным собственной судьбе… и когда я снова задаю эти вопросы, не могу поверить, что русские умерли для нас, ушли навсегда. Начиная с 1827 и до 1917 года русское государство пожертвовало 700 тысячами своих воинов, кровью которых окрашен каждый камень, да и вся земля Кавказа… Мысленно перебирая все это, я все больше убеждаюсь в том, что Россия не может оставить Кавказ»[262].

Андраник Сасунский умер в Америке, позже был перезахоронен в Париже, а в феврале 2000 г. его торжественно перезахоронили на родине – в Ереване на Красном Холме.

28 апреля Бакинский ревком обратился за помощью к Совнаркому РСФСР. Однако «помощь» начала оказываться на день раньше (!) – 11-я армия в составе 26-й, 28-й, 32-й стрелковой дивизий и 2-го конного корпуса (всего свыше 30 тыс. человек) вторглась на территорию Азербайджана[263].

Однако 11-й армии и Волжско-Каспийской флотилии практически не пришлось воевать, ибо войну выиграли… четыре бронепоезда.

26 апреля отряд в составе легких бронепоездов № 61 «III Интернационал», № 209 «Красная Астрахань» и тяжелых (с корабельными пушками) № 55 «Красный Дагестан»[264] и № 65 «Тимофей Ульянцев» собрался у разъезда Самур (район Белиджи) на границе Азербайджанской республики.

Рано утром 27 апреля на поезда погрузили десант в составе двух стрелковых рот, а также руководителей компартии Азербайджана А. И. Микояна, Г. М. Мусабекова и Г. П. Джалебекова. В 10 ч 05 мин бронепоезда двинулись в путь.

Бронепоезда без боя пересекли границу и проехали через Самурский мост. Мусаватисты даже побоялись открыть огонь, лишь сообщили начальству по телефону на станции Ялама. При подходе к Яламе противник пустил паровоз-брандер навстречу красным бронепоездам. Но огнем головного бронепоезда брандер был разбит, а десантная группа сбросила его остатки с путей.

На станции Ялама трофеями красных стали гаубичная батарея и 500 пленных. В районе станции Худат навстречу красным выдвинулись два мусаватистских бронепоезда, но после короткой артиллерийской дуэли они ретировались. На станции Худат красные бронепоезда захватили пять артиллерийских батарей.

Наконец бронепоезда достигли узловой железнодорожной станции Баладжары. Оттуда 2 бронепоезда были отправлены в сторону Гянджи, а 2 других пошли на Баку. Рано утром 2 красных бронепоезда ворвались в Баку. Мусаватистская армия капитулировала перед двумя нашими бронепоездами. Эшелон с лидерами мусаватистов и иностранными дипломатами был задержан на пути в Гянджу.

Лишь 29 апреля к Баку подошла красная конница.

В ночь на 30 апреля корабли Волжско-Каспийской флотилии начали медленно выходить на рейд Петровска.

Азревком под председательством Н. Н. Нариманова провозгласил создание независимой Азербайджанской ССР. 5 мая Азревком опубликовал декрет о национализации земли и конфискации всех бекско-ханских земель с передачей их в пользование «трудящимся крестьянам». 24 мая был принят декрет о национализации нефтяной и всей крупной промышленности. Уже к концу 1920 г. рабочие всей нефтяной промышленности – опора советской власти в Азербайджанской ССР – дали стране 2 915 тыс. т нефти.

В Азербайджанской ССР были отменены сословные и религиозные привилегии, уничтожены национальные ограничения и неравноправие женщин. Азревком приступил к созданию вооруженных сил Азербайджанской ССР.

Бедой новой республики была полная неопределенность с границами. Посему советская 11-я армия 11 мая 1920 г. получила приказ: «Ввиду спорности границы между Грузией и Азербайджаном вступивших в Закатальский округ частей 11-й армии из пределов округа не выводить впредь до установления границы между Грузией и Азербайджаном особой комиссией и не допускать перехода грузинскими войсками западной границы этого округа.

Для прекращения армяно-мусульманской резни в шушинском и зангезурском районах левому флангу 11 армии выдвинуться в район Нахичевань – Ордубад – Шуша и впредь до разрешения вопроса о границе между Азербайджаном и Арменией смешанной комиссией правительств обоих этих государств иметь в указанном районе гарнизоны достаточно сильные для поддержания порядка и недопущения национальной резни»[265].

Между тем 23 мая 1920 г. командующий Кавказским фронтом В. М. Гиттис в докладной записке Троцкому откровенно писал: «Что касается Азербайджана, то хотя и ведутся мирные переговоры с Грузией, рассчитывать на прочное между ними соглашение не приходится, так как интересы мусульман и христиан в Закавказье и Среднем Кавказе прямо противоположны и поддержать между ними равновесие можно только опираясь на вооруженную силу, каковой являются наши части, так как армия старого азербайджанского правительства с приходом наших войск разложилась и разбежалась, организация же красных азербайджанских войск – дело будущего»[266].

Между тем ряд частей бывшей мусаватистской армии, «механически зачисленные» в состав Красной Армии, 25 мая подняли мятеж. В ночь на 27 мая они захватили железнодорожную станцию и часть города Гянджи. Параллельно в Карабахе поднял мятеж бывший турецкий генерал Нури-паша. В течение 5 дней части 11-й армии подавили мятеж.

А теперь вернемся в Грузию. В марте 1919 г. в Тифлисе было созвано Учредительное собрание, в котором из 130 делегатов 109 представляли меньшевиков. Эти, с позволения сказать, социалисты оставили полностью промышленность и торговлю в руках буржуазии, аграрная реформа была проведена по урезанной программе российских кадетов. Ни один из народов, проживавших на территории Грузии, не получил права на самоопределение и обучение в школе на родном языке. В Грузии царили коррупция и казнокрадство.

12 мая 1919 г. грузинские войска генерала князя Каралова вторглись в Южную Осетию. Осетины не оказали вооруженного сопротивления, но все равно подверглись жестокой расправе.

7 мая 1920 г. правительство Советской России заключило с Грузией мирный договор. Надо полагать, что, заключая сей договор, ни Ленин, ни Троцкий не имели понятия о ситуации в регионе. Буквально на следующий день южноосетинский Ревком провозгласил советскую власть. 16 мая командующий Кавказским фронтом Гиттис доносил Главкому Каменеву: «Передаю телеграмму командарма 10-й армии: “В Южной Осетии вспыхнуло восстание. В селениях по Тереку (юго-западнее горы Казбек) Реси, Гимара, Абано, Алмазы объявлена Советская власть. Беженцы-осетины, находящиеся у нас, рвутся домой на поддержку. Срочно сообщите, какую поддержку материальную пока можем оказать”.

Принимая во внимание полученные мною в Москве от вас и предревсоветресп[267] указания, а также мирный договор с Грузией, командарму 10-й армии по данному вопросу не вмешиваться во внутренние дела Грузии. Однако не подлежит сомнению, что оставшееся без поддержки восстание бедняков горной Осетии будет задушено Грузией и горский советский элемент жестоко поплатится и будет уничтожен»[268].

17 мая 1920 г. нарком иностранных дел Чичерин направил вялую ноту Грузии, но активной помощи Южной Осетии оказано не было.

18 мая «юго-осетинский Ревком» отправил телеграмму Ленину: «У коммунистических отрядов Южной Осетии истощились все патроны. Большой недостаток в пулеметах, нет ни одного орудия. Между тем, если бы у повстанцев было бы достаточно названных материалов, похабное правительство Грузии было бы быстро и решительно ликвидировано. Трудовая Южная Осетия с первых дней Октябрьской революции состоит с правительством меньшевистской Грузии в состоянии открытой борьбы. В состав меньшевистской Грузии Южная Осетия никогда не входила и не входит, считая себя неотъемлемой частью Советской России.

Озверевшие банды меньшевиков под предводительством Джугели сожгли дотла селения Конис, Цунар, Тбет, Хеит и т. д. Всего сожжено 25 крупных сел, не считая мелких. Жители от мала до велика истребляются. Таков гнусный приказ грузинского правительства. Трудовая Южная Осетия, вконец истекая кровью в неравной тяжелой борьбе, ждет решающей помощи»[269].

Но, увы, Ленин в помощи отказал!

Еще в феврале 1919 г. лидер армянских дашнаков Аветис Агаронян обратился к державам Антанты с предложением создать «Армянскую демократическую республику» с выходом к Черному морю и с включением в ее состав некоторых турецких анатолийских земель.

Общественность западных стран давно симпатизировала армянам и была настроена антитурецки. 10 августа 1920 г. в Севре близ Парижа был подписан мир между Турцией и странами Антанты, среди которых не было Советской России, зато присутствовала буржуазная Армянская республика. Севрским миром были определены новые границы Турции. Армении отходила значительная часть, границы которой должен был определить президент США. Согласно Севрскому мирному договору, президент США принял третейское решение присоединить к Армении Ванский, Битлисский и часть Эрзерумского и Трапезундского вилайетов Турции.

Между тем армянские войска еще 9 марта 1919 г. заняли город Карс, оставленный турками, а затем и всю Карскую область. 28 мая 1919 г. по случаю первой годовщины независимости парламент и правительство объявили о присоединении Турецкой Армении к новообразованной республике.

Стамбульское правительство подписало и ратифицировало Севрский договор, но, увы, оно не контролировало положение в стране. Самозваное правительство Мустафы Кемаля 29 апреля 1920 г. объявило себя «единственным представителем интересов турецкого народа».

А 20 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль обратился с письмом к… Ленину! Он просил помочь турецкому народу в его борьбе против империализма. И Ленин вступил в союз с Кемалем.

Формально наш мудрый вождь поступил правильно. Ведь кемалисты боролись с Англией и Францией, то есть с врагами Советской Республики. На самом же деле советское правительство совершило непростительный просчет и проигнорировало вековые стратегические цели Государства Российского.

С 1919 г. Ленин и Троцкий были охвачены параноидальной идеей поднять Восток (то есть всю Азию) против Англии.

В секретном докладе от 5 августа 1919 г. Троцкий писал: «Международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии»[270].

Естественно, что привлечение Турции к разжиганию «мирового пожара» стало навязчивой идеей Владимира Ильича и Льва Давыдовича. К сожалению, из-за секретности архивов до сих пор нам неизвестны подлинные масштабы «турецкого флирта» наших вождей.

26 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль обратился к советскому правительству с просьбой о помощи. Он писал: «Мы принимаем на себя обязательство соединить всю нашу работу и все наши военные операции с российскими большевиками, имеющими целью борьбу с империалистическими правительствами и освобождение всех угнетенных из-под их власти. Для того чтобы изгнать империалистические силы, которые занимают нашу территорию, …и чтобы укрепить нашу внутреннюю силу для продолжения общей борьбы против империализма, мы просим Советскую Россию в виде первой помощи дать нам пять миллионов турецких лир золотом, оружие и боевые припасы в количестве, которое следует выяснить при переговорах…»

Осенью 1920 г. в Анкару поступило 200 кг золота из Советской России. Позже поступило еще несколько таких «посылок». В 1920–1922 гг. большевики поставили кемалистам 40 тысяч винтовок, 327 пулеметов и 54 орудия.

17 сентября 1920 г. в Новороссийск пришла турецкая канонерская лодка «Айдин-Рейс», в 13 октября – вторая канонерка «Превези». Они пришли по личному приказанию Кемаля, спасаясь от англичан. 27

октября обе канонерки под названиями «Луч Востока» и «Восставший» были включены в состав Морских сил Черного моря, а 11 мая 1921 г. возвращены Турции.

Связь с Турцией в 1921–1922 гг. поддерживалась как советскими надводными кораблями, так и подводными лодками. Так, с июля 1920 г. по 9 февраля 1923 г. подводные лодки АГ-23, АГ-24 и АГ-25 совершили 17 секретных походов в порты Инебола и Самсун.

Заручившись поддержкой, кемалисты первым делом начали резать армян. 9 июня 1920 г. Кемаль двинул войска к границам Армении. Началась новая армяно-турецкая война.

29 сентября турки заняли Саракамыш, а затем Ардаган. Армяне могли несколько месяцев держаться в Карсе, но по неясным причинам не сделали этого. 30 октября турки заняли Карс и устроили там трехдневную резню. Турки взорвали бронзовый памятник русским солдатам работы скульптора Микешина. Был разграблен древний собор Архистратига Михаила. С 1921 г. службы там уже более не велись.

7 ноября пал Александрополь. Турки шли на Ереван. 18 ноября Армения вынуждена была пойти на перемирие. Согласно официальным советским источникам, 29 ноября в Армении объявился какой-то «Ревком» под руководством Касьяна (настоящая фамилия Тер-Каспарянц).

На самом деле оный Касьян в ноябре 1920 г. был членом заграничного бюро ЦК КП(б) Армении, а сам Ревком был «за границей». Первым делом Ревком призвал Красную Армию на помощь «крестьян, поднявших знамя восстания». Красная армия оперативно вошла в Армению и привезла с собой «ревком» в полном составе. 29–30 ноября в Армении была установлена советская власть. А 2 декабря Ленин дал телеграмму Председателю Ревкома Касьяну: «Приветствую в лице вас освобожденную от гнета империализма трудовую Советскую Армению. Не сомневаюсь, что вы приложите все усилия для установления братской солидарности между трудящимися Армении, Турции, Азербайджана»[271]. Видимо, болезнь вождя начала прогрессировать.

Ввод Красной Армии в Армению советская историография рассматривала как интернациональную помощь трудящимся Армении, но одновременно это была и серьезная помощь правительству Мустафы Кемаля. Ведь, несмотря на отступление, армянская армия представляла серьезную угрозу режиму в Анкаре.

Не менее важной целью кремлевского руководства была победа левых сил в Турции. Однако уже 28 января 1921 г. по приказу Кемаля были убиты 15 руководителей компартии Турции во главе с председателем ЦК М. Субхи. Параллельно турецкая армия начала жестоко расправляться с крестьянскими отрядами левого толка.

Заботливые: Автономисты: – Не плачь, Россия. По крайней мере, так тебе ноги негде будет протянуть. (Рис. А. Радакова.) Карикатура 1917 г.

В итоге все планы Кремля рухнули, и тем не менее 16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор между РСФСР и Правительством Великого Национального Собрания Турции. По этому договору Батум закреплялся за Грузией, а Турции отдавались Карс и Ардаган.

Таким образом, Ленин и Троцкий предали и расчленили армянский народ. Одновременно они отдали значительную часть русской территории, принадлежавшей империи до 1914 г., ее злейшему врагу – Турции.

Возможно, читателю, привыкшему ко лжи советских историков, эти утверждения автора покажутся резкими. Но вот что писал в конце 30-х годов XX века профессор военно-морской академии им. Ворошилова флагман 2-го ранга А. В. Шталь: «Сочувствие советской республики национально-освободительному движению и борьбе турецкого народа за свою независимость позволило Кемалю, после ликвидации армянского восстания на своем восточном фронте и в войсковых частях в Карсе, Александрополе, Ардагане, Артвине быть спокойным за восточную границу и стянуть все силы для борьбы на западе»[272].

Говоря о разделе Армении, все же следует сказать, что Москва существенно помогла населению Армянской ССР. В конце 1920 г. – начале 1921 г. в Армению было послано 40 вагонов товаров первой необходимости, 12 вагонов медикаментов, 325 тыс. пудов зерна, 7 вагонов риса, 5 тыс. пудов сахара, 1500 голов скота, 26 тыс. пар белья, свыше 1 200 тыс. пудов нефти и бензина. Азербайджанская ССР в первые дни советской власти в Армении послала в республику 50 вагонов хлеба, а затем 36 тыс. пудов нефти.

После крушения дашнакского режима в Армении в Закавказье оставалась еще меньшевистская Грузия. 14 февраля 1921 г. Ленин телеграфировал Реввоенсовету 11-й армии: «Цека склонно разрешить 11-й армии активную поддержку восстания в Грузии и занятие Тифлиса при соблюдении международных норм и при условии, что все члены РВС 11-й армии после серьезного рассмотрения всех данных ручаются за успех»[273].

Любопытно, что «трудящиеся» подняли восстание 12 февраля 1921 г. в так называемой «нейтральной зоне». Эта зона – район Лори – была объявлена нейтральной англичанами еще в ходе армяно-грузинского конфликта зимой 1918/1919 г. В ноябре 1920 г. в связи с армяно-турецкой войной район Лори был оккупирован грузинскими войсками.

Почти одновременно с восстанием против грузинских войск в Лори 14 февраля 1921 г. началось восстание дашнаков в Армении. Дашнаки, бежавшие в ноябре – декабре 1920 г. в Грузию, создали там «Комитет спасения родины». Отряды дашнаков, поддержанные грузинами, численностью до 6 тыс. человек 18 февраля захватили Эривань. А части Красной Армии под прикрытием двух бронепоездов отошли в направлении Нахичевани на станцию Камерлу. «Комитет» объявил себя правительством Армении. Главой его стал С. Врацян.

16 февраля части Красной Армии вошли в Грузию. Наступление велось вдоль железной дороги Баку – Тифлис, со стороны Владикавказа и вдоль Черноморского побережья со стороны Сочи. От Пойлинского моста на границе Азербайджана было двинуто 5 бронепоездов (№ 7 «Стенька Разин», № 94, № 5, № 77 и № 61), а по параллельно идущему шоссе двигался 55-й дивизион броневиков. Однако грузинам удалось повредить мост, и лишь 23 февраля через него прошел первый бронепоезд.

Грузины создали сильную оборону у речки Сасхексис. Однако огонь четырех бронепоездов и атака трех красных танков решили дело. Вечером 25 февраля Тифлис был взят Красной Армией.

8 марта Серго Орджоникидзе заявил: «Меньшевистской армии нет. Она разошлась по домам, а небольшие остатки ее не выдерживают малейшего соприкосновения с поступательным движением Красной Армии».

Одновременно Красная Армия нанесла удар по дашнакам. 2 апреля 1921 г. был отбит город Эривань. Остатки дашнаков бежали в горный район Зангезур. Там еще 25 декабря 1920 г. дашнаки провозгласили «Республику Нагорной Армении». Из внешнеполитических соображений большевики несколько месяцев не трогали дашнаков в Зангезуре. Но в июне 1921 г. началась операция по очищению Зангезура. В середине июля остатки дашнаков бежали в Иран.

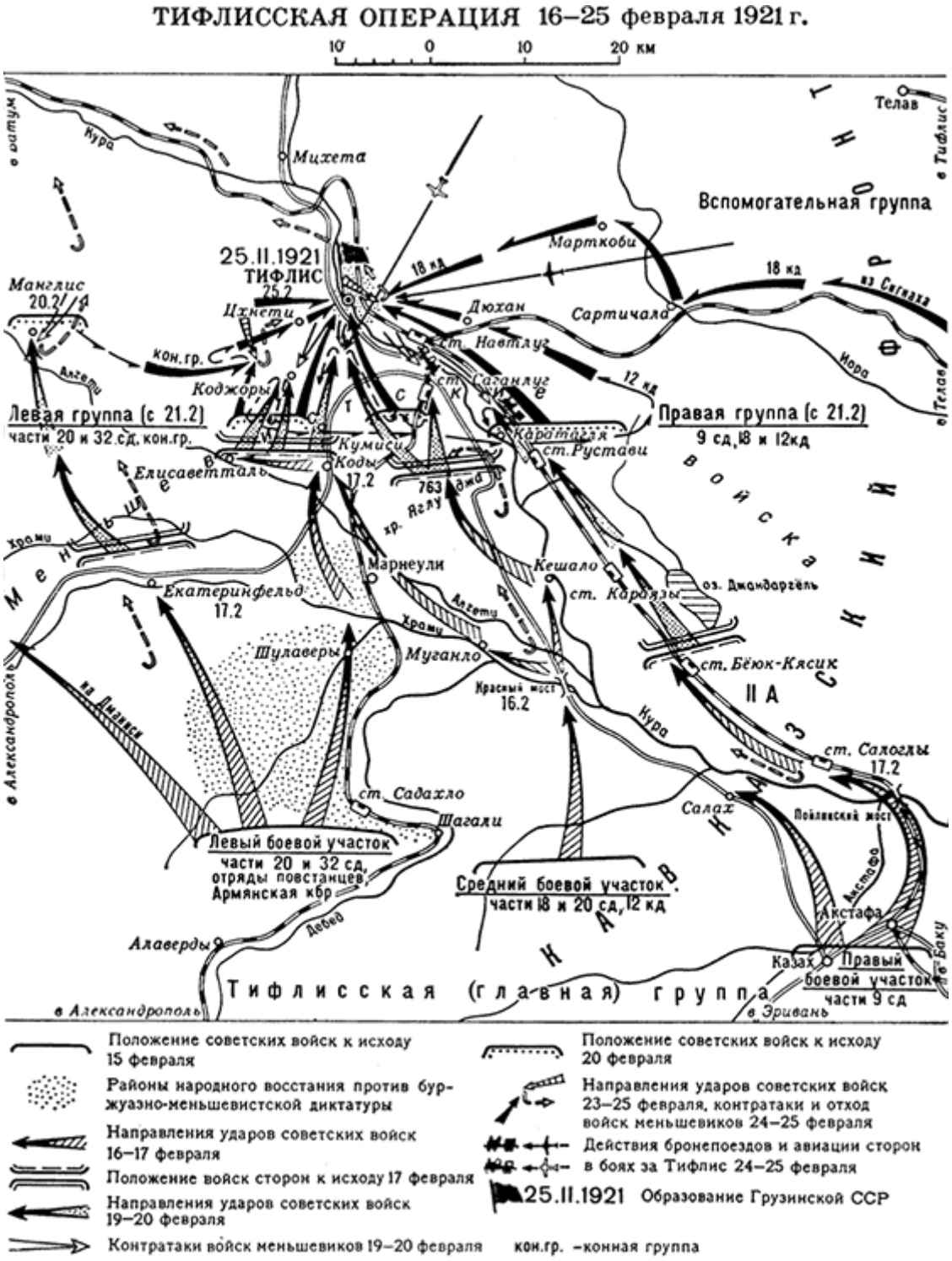

Схема участка, на котором действовала бронегруппа 11-й армии в феврале 1921 г.

Любопытная ситуация сложилась в Батумской области. 14 апреля 1918 г. Батум был захвачен турками. 15 августа султан издал фирман (указ) о том, что область «на вечные времена» закрепляется за Турцией. Однако турки не продержались там и четырех месяцев.

16 декабря 1918 г. в Батумский порт пришли английские корабли. Англичане создали в Батуме марионеточный административный орган – «Совет по управлению Батумской областью» под руководством кадетского лидера П. Маслова. Однако 28 апреля 1919 г. англичане распустили «Совет».

13 сентября 1919 г. «Комитет освобождения мусульманской Грузии» образовал в Батуме меджлис Аджарии. 8 апреля 1920 г. решением Верховного совета Антанты Батумский порт был объявлен свободным, так называемым порто-франко, а Батум и приморская область Аджарии – территорией под покровительством Лиги Наций, с нахождением там войск Великобритании, Франции и Италии.

Тифлисская операция 16–25 февраля 1921 г.

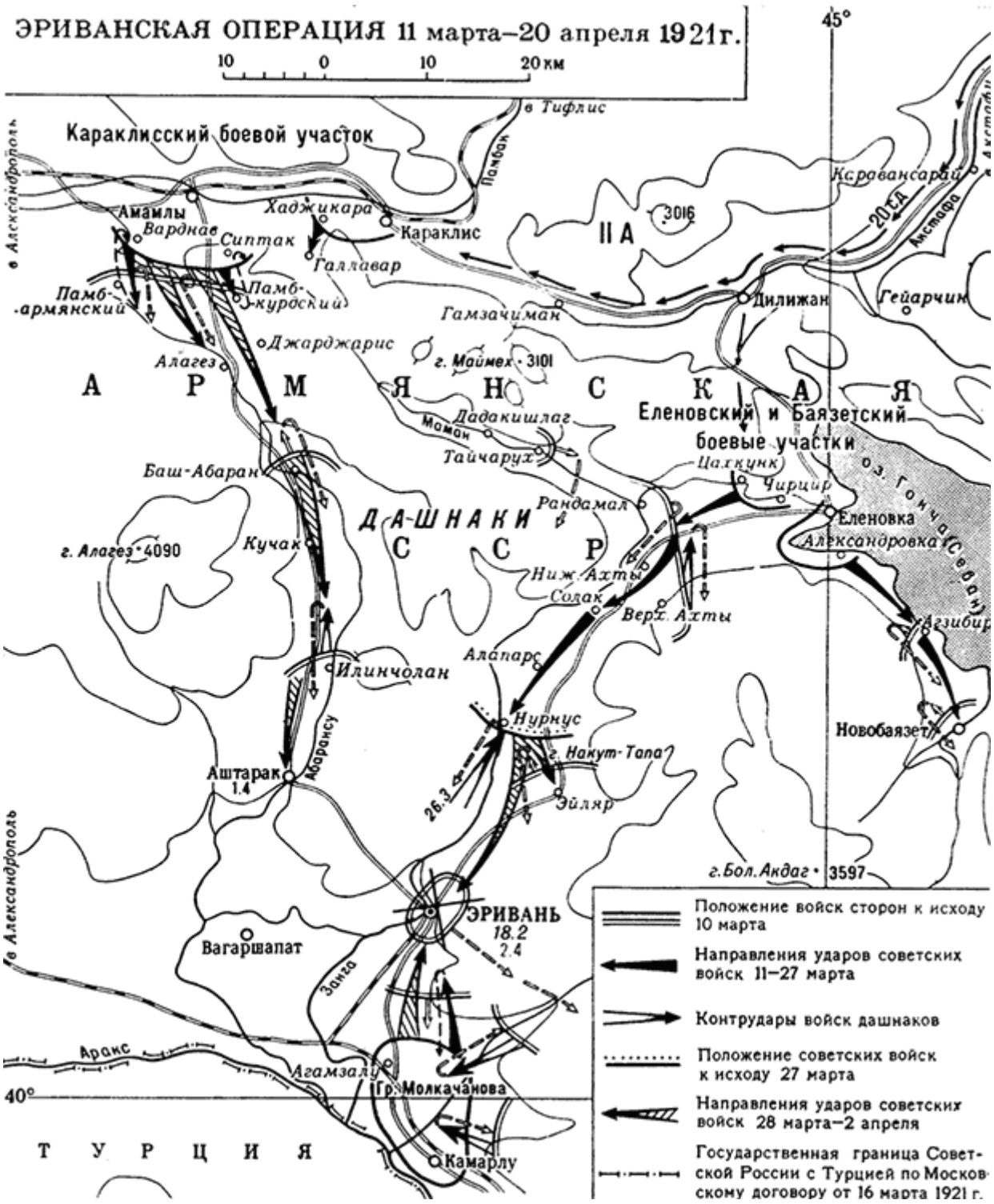
14 июля 1920 г. союзники объявили о передаче Аджарии Грузии. Вошедшие туда грузинские войска устроили кровавый террор – массовые расстрелы и выселения местных жителей.

После взятия Тифлиса большевиками меньшевистское правительство Грузии бежало в Батум. Но с приближением красных в ночь на 18 марта оное правительство бежало в Турцию.

19 марта части 11-й армии (около 2500 человек при 4 пушках) заняли Батум. На следующий день в Батуме был создан областной Ревком. В сентябре 1921 г. официально был высшим органом власти Ревком Аджарской АССР.

12 марта 1922 г. в Тифлисе конференция представителей ЦИК Азербайджанской ССР, ЦИК Армянской ССР и ЦИК Грузинской ССР утвердила договор о создании Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья (ФСССРЗ).

13 декабря 1922 г. 1-й Закавказский съезд Советов, проходивший в Баку, преобразовал ФСССРЗ в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику при сохранении самостоятельности входивших в нее республик. Съезд утвердил Конституцию ЗСФСР, образовал Закавказский ЦИК и правительство – Совет народных комиссаров ЗСФСР. Столицей ЗСФСР стал город Тифлис (с 1936 г. Тбилиси).

Эриванская операция 11 марта – 20 апреля 1921 г.

Во всех советских изданиях указывается, что идея объединения Закавказских республик принадлежала Ленину, уверен, что и Троцкий не остался в стороне. Но в любом случае инициатива создания ЗСФСР принадлежала Москве.

30 декабря 1922 г. был образован СССР, и ЗСФСР вошла туда вместе с другими республиками. В итоге получилась какая-то идиотская (мягче не скажешь) иерархическая система. Так, в XIX веке, к примеру, Абхазия подчинялась наместнику на Кавказе, а тот – непосредственно царю. Теперь же Абхазская Автономная ССР подчинялась Грузинской ССР, та в свою очередь подчинялась ЗСФСР, а последняя – СССР.

По мнению автора, сама по себе идея создания ЗСФСР в целом неплоха, но она должна была состоять не из республик, а из областей. Причем границы этих областей следовало провести с учетом географических особенностей местности – хребтов, рек, железных и шоссейных дорог. В Закавказье проживали десятки национальностей, и все они должны были быть представлены в Верховном совете ЗСФСР.

Большевики забыли старый принцип: «Разделяй и властвуй», и сами создали малые «империалистические» республики – Грузию, Азербайджан и Армению, власти которых начали подавлять и принудительно ассимилировать жителей нетитульной нации.

Глава 6. Карабах

К 1990 г. в Закавказье располагалась мощная группировка советских войск, входившая в Закавказский военный округ.

В состав войск окружного подчинения входил 171-й гвардейский окружной учебный центр (Тбилиси). Учебный центр располагал на 19 ноября 1990 г. 228 танками (32 Т-72, 80 Т-55, 116 Т-54), 148 БМП (138

БМП-1, 10 БРМ-1К), 30 БРТ (4 БТР-80, 24 БТР-70, 2 БТР-60), 24 орудиями Д-30, 24 минометами ПМ-38 и 17 РСЗО БМ-21 «Град».

4-я общевойсковая армия, базировавшаяся в Азербайджане, включала в себя 3 мотострелковые дивизии (23-ю гвардейскую, 60-ю и 295-ю). На 19 ноября 1990 г.

4-я армия располагала 384 танками (в том числе 309 типа Т-72), 733 БПМ и БТР, 385 орудиями, минометами и РСЗО, 13 боевыми и 10 транспортными вертолетами.

В Армении была расквартирована 7-я гвардейская общевойсковая армия. В нее входили три мотострелковые дивизии (15-я, 127-я и 164-я). На 19 ноября 1990 г.

7-я армия располагала 258 танками (из которых 246 типа Т-72), 641 БМП и БТР, 357 орудиями, минометами и РСЗО, а также 55 боевыми и 37 транспортными вертолетами.

В Грузии до 1990 г. находилась 9-я общевойсковая армия, но затем она была переформирована в 31-й армейский корпус. На вторую половину 1991 г. в подчинении управления 31-го корпуса находились 3 мотострелковые дивизии (10-я гвардейская, 145-я и 147-я). На 19 ноября 1990 г. корпус располагал 415 танками (из которых 187 типа Т-72), 696 БМП и БТР, 231 орудиями, минометами и РСЗО, а также 80 транспортными вертолетами.

На начало 1991 г. в Закавказье функционировали управления четырех укрепленных районов.

В Грузии в подчинении 31-го армейского корпуса находились:

– 6-й укрепрайон (управление объединяло 48-й и 54-й отдельные пулеметно-артиллерийские батальоны);

– 8-й укрепрайон (был обозначен штабом).

В Армении в подчинении 7-й гвардейской общевойсковой армии находились:

– 7-й укрепрайон (управление объединяло 69-й и 78-й пулеметно-артиллерийские батальоны);

– 9-й укрепрайон (управление объединяло 1555-й и 1581-й отдельные пулеметно-артиллерийские батальоны).

Что произошло с частями советской армии в союзных республиках, прекрасно описано в книге В. Н. Баранца «Генштаб без тайн»[274]. Полковник Баранец с 1983 г. служил в Генеральном штабе, был экспертом-советником начальника Генштаба, начальником информационно-аналитического отдела, начальником пресс-службы и пресс-секретарем Министерства обороны России.

«Судьба единых Вооруженных сил была предрешена, – пишет Баранец. – Их стали растаскивать по национальным квартирам с такой быстротой и силой, что Москва еле успевала вертеть головой и панически отдавать приказы командирам соединений и частей не допускать мародерства и насильственной приватизации – “вплоть до применения оружия”.

Но это уже не помогало: процесс зашел так далеко, что некоторые командиры во избежание вооруженных столкновений своих подчиненных с местными захватчиками специально выводили личный состав на “учения”, подальше от военных городков, зная о том, что готовится очередной налет на часть. Такая политика приводила к колоссальным потерям вооружений, но позволяла уберечь солдат и семьи военнослужащих от террора.

В некоторых республиках разворовывали не то что роты, батальоны или полки, а целые армии, как, например, это было с 19-й отдельной армией ПВО, дислоцировавшейся в Грузии, или 4-й общевойсковой армией в Азербайджане».

В 1990 г. огромные запасы боеприпасов хранились в Азербайджане. Так, «на стратегическом складе в Килязи было свыше 7200 вагонов, на окружных складах в Агдаме и Насосном – примерно по 1100 вагонов на каждом из дивизионных складов (Гюздек, Гянджа, Ленкорань, Нахичевань) – по 150–200 вагонов боеприпасов. В общей сложности – свыше 11 000 вагонов.

Чтобы представить, что стоит за этими цифрами, достаточно сказать, что азербайджанской армии хватило бы и 1 тысячи вагонов, чтобы в течение года вести ежедневные боевые действия высокой интенсивности. И если взять теперь все количество боеприпасов и прикинуть, на сколько лет их хватит азербайджанцам, то получится, что их армия не будет испытывать голода в боеприпасах еще, по крайней мере, лет десять».

Согласно данным переписи 17 января 1979 г., в Армянской ССР проживало 2 725 тыс. армян (89,7 %) и 161 тыс. азербайджанцев (5,3 %). Русских было 70 тыс. человек, то есть 2,3 % населения.

Еще 475 тыс. армян проживало в Азербайджане, где они составляли 7,9 % всего населения. Из них 123 тысячи проживали в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР, что составляло 75,9 % населения области. Сами армяне называл Карабах Арцахом. Таким образом, внутри Азербайджана существовал сравнительно большой армянский анклав, не имевший границ с Армянской ССР.

В сталинско-брежневские времена о проблеме Карабаха советским СМИ писать было запрещено. Поэтому слово Карабах у подавляющего большинства населения СССР ассоциировалось с превосходным портвейном «Карабах».

Горбачевская «перестройка» осложнила все проблемы в Закавказье. С января 1989 г. Карабах фактически вышел из-под контроля азербайджанских властей. Область представляла собой мозаику из армянских и азербайджанских деревень. Летом 1989 г. в Карабахе начались столкновения между жителями этих деревень.

Впрочем, армянские погромы творились по всему Азербайджану, а армяне в своей республике тем же отплачивали азербайджанцам.

Мне как-то неудобно повторять азбучную истину – два народа, враждовавшие много веков и исповедующие различные религии, могут мирно жить лишь в двух случаях. Во-первых, в тоталитарном государстве с нормально функционирующими спецслужбами. А во-вторых, если их сумеют развести по собственным квартирам, как это было сделано, например, с турками и греками в начале 20-х годов XX века.

Поначалу Москва пыталась действовать, как и в былые времена, силой. Весной 1991 г. руководство Минобороны и МВД СССР приняло решение о ликвидации базовых районов армянских отрядов в Карабахе. К совместной операции Советской армии и внутренних войск республиканских правоохранительных органов были привлечены ограниченные силы: мотострелковый полк 23-й мотострелковой дивизии Закавказского военного округа, отдельные части спецназ из состава 19-й дивизии внутренних войск МВД СССР, подразделения ОМОН МВД Азербайджана (всего не более 6000 военнослужащих и сотрудников).

Ближайшей задачей ставилась нейтрализация армянских формирований в северном и южном секторах Карабаха. Последующая задача частям и подразделениям поставлена не была. До начала операции ее план по неустановленным каналам был доведен до армянской стороны. В этих условиях объединенные силы армии – внутренних войск – ОМОН 30 апреля 1991 г. начали выдвижение в район опорных пунктов противника Геташен и Мартунашен (северный сектор). К 3 мая после ожесточенных боев армянские отряды были вытеснены с этого участка. В южном секторе (Гадрут) части азербайджанского ОМОН 1—10 мая также сумели ликвидировать ряд опорных пунктов. Три мотострелковых полка 23-й и 295-й мотострелковых дивизий были развернуты в первой декаде мая вдоль армяно-азербайджанской границы, взяв под контроль ее ключевые участки. В результате задача полной нейтрализации армянских формирований решена не была, базовые районы сохранены. К 15 мая 1991 г. операция была свернута.

После провала так называемого «августовского путча» организованные действия Советской армии и внутренних войск в Карабахе практически прекратились. Армяне вооружались, захватывая арсеналы расквартированных в Карабахе советских воинских частей. Часть вооружения была взята у четырех полков внутренних войск МВД СССР, размещенных в Карабахе в 1991 г. 22 декабря группа вооруженных армян ворвалась в казармы полка внутренних войск в Степанакерте, захватила склад боеприпасов и бронетехнику и заставила российских солдат покинуть Карабах без оружия. В

перестрелке погиб один русский водитель. По крайней мере, такова официальная версия событий – вполне вероятно, что эта вылазка была лишь прикрытием для тайной сделки.

В регулярных частях 4-й армии Азербайджана, укомплектованных призывниками из разных концов Советского Союза, царил беспорядок. Солдаты из провозгласивших независимость союзных республик просто оставили казармы и уехали домой. В Степанакерте с августа 1988 г. базировался 366-й мотострелковый полк. Офицеры этого полка начали помогать армянам, а военнослужащие подразделений 23-й дивизии в Гяндже стали сотрудничать с азербайджанцами. Анатолий Шабад стал очевидцем этой, по сути дела, приватизации Советской армии: «Части 23-й дивизии фактически воевали друг с другом: те подразделения, которые базировались в Степанакерте, открыто поддерживали армянские вооруженные силы. Для меня это было очевидно… и я наблюдал, как командир воинского подразделения в Степанакерте обеспечивал боевую поддержку армянской стороне, в то время как командир Будейкин в Гяндже, без сомнения, помогал азербайджанцам»[275].

Около 50 из примерно 350 оставшихся солдат 366-го полка были армянами, включая и командира второго батальона майора Сейрана Оганяна. Для карабахских армян сам полк и его обширные запасы боевой техники были даром богов.

В конце января 1992 г. армянские формирования приступили к захвату последних азербайджанских населенных пунктов Карабаха, находившихся в полной изоляции. При этом они опирались на поддержку 366-го гвардейского мотострелкового полка 23-й мотострелковой дивизии, отдельного батальона химзащиты Степанакертского гарнизона бывшей Советской армии, а также 42-го пограничного отряда Гадрут. Пользуясь разложением личного состава и соглашательской позицией командиров частей, «силы самообороны» получили в свое распоряжение штатную технику и вооружение 366-го мотострелкового полка.

В течение первой половины февраля армяне при поддержке артиллерии и бронетехники захватили пригород Степанакерта Кяркиджахан, населенные пункты вдоль дороги Шуша – Ходжалы и вокруг Шуши. Так началась Карабахская война. Азербайджанские войска, обладая превосходством в личном составе и военной технике, особенно в авиации, провели несколько наступательных операций. Однако в конце концов армянам удалось занять не только Карабах, но и ряд азербайджанских районов.

С 16 апреля по 6 мая армяне захватили несколько населенных пунктов севернее города Агдам и к западу от города Тергер.

К этому времени обе стороны основательно выдохлись. 12 мая 1994 г. активные боевые действия на армяно-азербайджанском фронте прекратились.

Как видим, армяно-азербайджанская война окончилась победой Армении.

Ее вооруженные силы полностью контролируют Нагорный Карабах, а также Кубатлинский, Зангеланский, Джебраильский, Физулинский, Кельбаджарский и Агдамский районы Азербайджана, создав там так называемые «зоны безопасности». Азербайджанское население (свыше 350 тысяч человек), опасаясь расправ, покинуло все эти территории.

Обе стороны вели войну на 99 % советской военной техникой и с помощью славянских наемников (летчиков, танкистов, ракетчиков), особенно это касается Азербайджана. Азербайджанская сторона утверждала, что с 1992 г. (или с 1993 г.) РФ поддерживала в войне Армению. На самом деле до 12 мая 1994 г. Россия поставляла каким-то образом оружие обеим сторонам, и притом в больших количествах. А каким образом? Это предстоит узнать будущим историкам, хотя лучше, если бы этим занялись нынешние прокуроры.

В войне по разным отчетам погибло от 20 до 25 тыс. человек с обеих сторон, причем 60–70 % из этого числа были азербайджанцы.

В июне 2005 г. на территории Нагорного Карабаха состоялись выборы Национального Собрания НКР в присутствии зарубежных наблюдателей, включая ряд депутатов Госдумы РФ. Нагорно-Карабахская Республика (НКР) является президентско-парламентской республикой. Глава государства – президент, а исполнительная власть принадлежит правительству во главе с премьер-министром.

По результатам переписи населения РКР 2005 года численность ее населения составляет 137 737 человек, из них 99,74 % – армяне. Азербайджанцев осталось всего 6 человек, русских – 171, греков – 22, украинцев – 21, грузин – 12 человек и т. д. По оценке СМИ, к 2009 г. население НКР увеличилось до 141 тысячи человек.

НКР признает республики Абхазию, Южную Осетию и Приднестровскую Молдавию. Любопытно, что сама Армения пока не признала НКР. Экономика НКР держится на добыче золота, сельхозпродукции и производстве неплохой тутовой водки. Тем не менее бюджет республики датируется Арменией.

Кроме того, армянская диаспора по всему свету собирает средства для поддержания НКР. Так, ежегодно Всеармянский фонд устраивает телемарафон и собирает деньги армян со всего мира на восстановление и развитие республики.

Московские армяне ежегодно отправляют крупные суммы в НКР. Так, московский девелопер Левон Айрапетян, сделавший из своей родной деревни Ванк «маленькую Швейцарию», платит землякам зарплаты и пенсии, восстанавливает коммуникации и местную промышленность. Недавно он устроил массовую свадьбу: в старинном монастыре Гандзасар венчались сразу более 700 пар.

Любопытно, что параллельно азербайджанская диаспора под предлогом скорого начала военных действий «за отвоевание Карабаха» собирает деньги с азербайджанских торговцев на московских рынках.

Итак, помимо своей воли мы, москвичи, вынуждены финансировать карабахский конфликт из-за преступного бездействия российских властей, неспособных поставить на место мафиозные армянские и азербайджанские группировки.

Правительство Азербайджана с 1994 г. непрерывно угрожает применить силу для «освобождения Карабаха».

30 августа 2011 г. в Баку прошел военный парад, посвященный Дню Вооруженных сил Азербайджана и 20-летию восстановления независимости. В параде приняли участие шесть тысяч военнослужащих личного состава Вооруженных сил, до 400 единиц военной техники и систем вооружения, в том числе около 50 единиц модернизированной военно-боевой техники, около 60 произведенных и модернизированных в Азербайджане видов оружия, 14 бронетранспортеров, 35 боевых вертолетов, 22 боевых, восемь учебно-тренировочных самолетов, 28 кораблей, катеров и другой техники.

Так, перед трибунами площади «Азадлыг» прошли приобретенные Азербайджаном у России установки зенитно-ракетного комплекса «С-300».

Наряду с боевыми вертолетами и истребителями впервые продемонстрированы и беспилотные самолеты азербайджанской армии, закупленные в Израиле.

На военном параде выступил Верховный главнокомандующий президент Азербайджана Ильхам Алиев: «Война в Карабахе еще не окончена. Наш государственный бюджет увеличился в 16 раз. Наши расходы на военные нужды увеличились в 20 раз и составляют 2 582 959 470 манатов (3 млрд 270 млн долларов США), и это не предел. Сегодняшние военные расходы Азербайджана на 50 % превышают весь государственный бюджет Армении».

Каковы же перспективы решения карабахской проблемы? Мирное решение в стиле «натовских миротворцев» – создание процветающего Карабаха, где будут бок о бок мирно жить армяне и азербайджанцы, на мой взгляд, несбыточно. Ни одна сторона не хочет отдавать Карабах. Так что куда вероятнее военное решение проблемы. Однако в ближайшие годы внезапное нападение одной из сторон можно исключить. Зато любой сильный внешний толчок может привести к новой полномасштабной войне. Ну, например, США решат напасть на Иран, и им понадобится если не помощь азербайджанских вооруженных сил, то, по крайней мере, базы на территории республики. В качестве платы США могут пообещать «нажать» на Армению. А может, и само правительство Азербайджана решит, что помощь в войне с Ираном стоит Карабаха.

Глава 7. Абхазия и Южная Осетия

Грузинская ССР занимала территорию площадью 69 700 кв. км, то есть всего 0,31 % площади СССР. На территории этой республики было три автономных образования – Абхазская АССР (8600 кв. км), Аджарская АССР (2900 кв. км) и Юго-Осетинская АО (3900 кв. км). Суммарная территория автономий в Грузии составляла 15 400 кв. км, то есть 22 % ее общей площади.

Все три автономии Грузинской ССР были образованы почти одновременно. Так, Абхазская АССР образовалась 4 марта 1921 г. и лишь 16 декабря того же года вошла в состав Грузии. Аджарская АССР как субъект советской Грузии сформировалась 16 июня 1921 г., а Юго-Осетинская АО – 20 апреля 1922 г.

Замечу, что попытки получения автономии другими народами, населявшими Грузинскую ССР, жестоко подавлялись советскими карательными органами. Так, в конце 1920-х – начале 1930-х годов мингрельская интеллигенция поднимала вопрос об автономии Мингрелии на основании того, что мингрелы имеют свою историю, самобытную культуру и т. д. В XIX веке была издана мингрельская азбука из 35 букв (тогда же была создана и сванская азбука), в 1931–1935 гг. для мингрелов издавалась ежедневная газета тиражом в 10 тыс. экземпляров. В те годы идея мингрельской автономии пользовалась большой популярностью в среде мингрельской интеллигенции и местной партийной верхушки. Но в конце 1930-х годов мингрелы были подвергнуты массовым репрессиям, и идея автономии канула в лету. За автономию боролись и армянские анклавы в Грузии, но результат был тот же, что и с Мингрелией.

Конечно, дело тут не в личной неприязни Сталина к мингрелам, сванам или армянам. Дело в другом. Создание хотя бы четвертой автономии на территории Грузинской ССР еще больше подчеркнуло бы искусственность образования этой республики в обозначенных Сталиным административных границах, что никоим образом не соответствовало стремлениям идеологов советской национальной политики.

Годы и национальный состав жителей Абхазии[276]

Количество человек	На 1886 г.	На 1926 г.	
Абхазы	58 963	55 918	
Грузины	4166	67 494	
Русские	971	20 456	
Армяне	1049	30 048	
Греки	2149	27 085	

В Абхазии грузины с начала XX века стали выживать абхазов. В таблице приведены статистические данные.

После распада СССР Временный Военный Совет Грузии с целью оформления прекращения правовых связей с бывшей метрополией в феврале 1992 г. принял решение о переходе Республики Грузия к Конституции Грузинской Демократической Республики 1921 года, в которой Абхазская АССР как субъект государственно-правовых отношений не предусмотрена. В результате принятия органами власти Грузии вышеперечисленных актов Грузинская ССР, с которой Абхазская АССР находилась в государственно-правовых отношениях, фактически перестала существовать, и образовалось новое государство – Грузинская Демократическая Республика, с которой Абхазская АССР никакими документами или обязательствами не связана. После прекращения действия Конституции СССР и Грузинской ССР конституция Абхазской АССР лишилась правового основания и перестала соответствовать сложившимся к этому времени политическим и юридическим реалиям. Во взаимоотношениях Абхазии и Грузии возник недопустимый правовой вакуум.

Чтобы преодолеть этот вакуум, а также стремясь установить межгосударственные отношения между Грузией и Абхазией, выраженные в Декларации «О Государственном суверенитете Абхазии» от 25 августа 1990 г., Верховный Совет Абхазии 23 июля 1992 г. признал Конституцию Абхазской АССР 1978 года прекратившей свое действие и до принятия новой Конституции Абхазии восстановил

Конституцию Советской Социалистической Республики Абхазии 1925 года, сохранив действующую систему органов законодательной, исполнительной и судебной власти.

Одновременно Президиуму Верховного Совета Абхазии было поручено внести на утверждение сессии Верховного Совета предложение по составу рабочей группы по разработке договора между Абхазией и Грузией.

Как видим, абхазы поступили логично и вполне законно. Однако грузинское руководство решило устроить абхазам кровавую бойню.

Поводом для нападения на Абхазию стали действия сторонников бывшего («законно избранного») президента Грузии Гамсахурдиа. Поддерживающие его мингрелы уже дважды пытались поднять мятеж в западной Грузии – Зугдиди, Сенаки. В третий раз это произошло 10 августа 1992 г., тогда были захвачены в плен грузинские полицейские и члены комиссии по переговорам между звиадистами и сторонниками Шеварднадзе. Шеварднадзе предъявил звиадистам ультиматум, срок которого истекал 13 августа. Он заявил, что армия из 25 тысяч человек войдет в Мингрелию, чтобы найти заложников.

13 августа Шеварднадзе в разговоре с Ардзинба пообещал, что в Абхазию войска введены не будут. Однако в планах Шеварднадзе не было мирного решения проблемы, он был готов провести операцию «Меч» по молниеносному захвату Абхазии. По этому плану в ночь на 14 августа по железной дороге должны были быть введены войска, высажены десанты во всех ключевых пунктах Абхазии с тем, чтобы наутро «блицкриг» закончился.

Плану не суждено было сбыться, так как именно в ту ночь был взорван железнодорожный мост через реку Ингур. Есть версия, что взрыв был организован звиадистами, говорят и о российских саперах, предупредивших и задержавших начало агрессии.

Тем не менее в ночь на 14 августа 1992 г. грузинские войска вошли в Абхазию и уже к полудню были в Сухуме.

15 августа морской десант (из Поти) был высажен в районе Цандрыпш (Гантиади). Несколько десятков абхазских ополченцев, вооруженных охотничьими ружьями, более пяти часов противостояли десятикратно превосходящим по численности и неизмеримо по вооружению грузинским десантникам с четырьмя единицами бронетехники. В тот же день грузинские войска вышли на российскую границу на реке Псоу.

15—17 августа проходили переговоры между С. Багапшем, З. Лабухуа – с абхазской стороны, и Т. Китовани, Д. Иоселиани, Т. Надарейшвили – с грузинской стороны. Была достигнута договоренность о прекращении огня и отводе вооруженных формирований сторон от Сухума.

Однако грузины нарушили перемирие и 18 августа захватили Гагру, а затем – Сухум.

На оккупированной территории грузинские войска устроили массовый террор абхазов, русских и армян. В 1993 г. вышла «Белая книга Абхазии», где собраны десятки документов, перечислены фамилии убитых грузинами местных жителей. Открываю страницу навскидку и цитирую:
«М. К. Джинджолия (избиение руками, ногами, автоматами, велосипедными цепями, имитация расстрела, угрозы абхазам выселением в Турцию с обращением оставшихся в рабство, присутствие при зверских пытках, которым подвергли гульрипшского милиционера – мингрела Т. Джаганджагава, отказавшегося принимать участие в уничтожении абхазов, прохождение “сквозь строй” в драндской тюрьме и др.), Л. И. Топуридзе (основная вина – санинструктор абхазского ополчения; в течение суток избивали, насиловали, расстреливали долго и мучительно – судмедэкспертизой отмечено множество огнестрельных ран с повреждением спинного мозга, влагалища, костей конечностей, костей носа, ушибы головы, отказывали в медицинской помощи, вызвав смерть наперекор сопротивлявшемуся гибели здоровому девичьему организму) и т. д.

Из показаний работника “Гидропроекта” С. А. Жиба: “Был взят в плен у села Цугуровка… Взяв меня в плен, боевики начали хлопать в ладоши, танцевать и кричать, что поймали «абхазскую обезьяну»… Меня били постоянно, грозя автоматами увозили на мусоросвалку на расстрел, стреляли справа и слева, били опять, говоря «Война все спишет». Затем вновь помещали в одиночную камеру. В день один раз давали кушать кусок хлеба и пол-миски первого. Затем меня перевели в ИВС Сухумского УВД, где по очереди били его работники. Когда меня брали в плен, ударили саперной лопаткой по лицу, оставив

глубокий шрам… Однажды пришел надзиратель с автоматом и сказал, что поведет меня на расстрел. Я ответил: «Часто выводите, а никак не можете расстрелять!» Он повел меня на третий этаж, завел в кабинет, где находилась девушка в очках с Сухумского телевидения. Она стала беседовать со мной, спросила, кто я, и когда я сказал, что я абхаз, то она ответила:

“Ты апсуа, а я – абхазка”. Она хотела, чтобы я ей сказал, что население заставили взять оружие, но я ответил, что добровольно пошел защищать Абхазию. Тогда она взяла дубинку у солдата и ударила меня по спине, а потом солдат (со знаком лейтенанта милиции) сильно ударил еще раз, в результате чего я потерял сознание. Мне сделали укол, и допрос продолжался… Журналистка все повторяла: «За что мы воюем – знаем, а вы за что воюете?» И я всякий раз отвечал:

«За Родину воюю». В ответ шли новые оскорбления и побои…”»[277]

Читаю далее: «В период оккупации разграблены все ведущие научно-исследовательские институты, разработки которых пользовались мировой известностью, – Сухумский физико-технологический институт, Институт экспериментальной патологии и терапии Академии медицинских наук России, Сухумский филиал Московского НИИ “Атолл” и т. д. Разграблено и сожжено здание единственного в мире специализированного центра абхазоведения – Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа вместе со всей документацией, библиотекой, этнографическими, археологическими и антропологическими коллекциями, архивом персоналий, исторических документов, рукописей, фольклорных записей, фотоархивом и т. д. Разграблено и сожжено здание Абхазского государственного архива, в котором погибли сотни тысяч страниц уникальных документов, отражающих жизнь многонационального, в том числе и грузинского, населения Абхазии. Как и Абхазский институт, госархив был окружен гвардейцами, залившими бензин в архивохранилище, а затем отгонявшими горожан, пытавшихся потушить пожар. Разграблены и сожжены базы и хранилища археологических экспедиций – всеабхазская (на Лечкопском плато), Тамышская и Цебельдинская, вместе с которыми погибли уникальные коллекции, отражающие замечательную культуру древнеабхазских племен и их разнохарактерные связи с соседними народами Кавказа, со Средиземноморьем и Европой»[278].

А вот показания начальника охраны Института экспериментальной патологии и терапии АМН РФ А. П. Горбунова о нападении на институт 16 августа 1992 г. грузинских гвардейцев: «Проходя мимо лабораторного корпуса, командир спросил, что это за здание, на что я дал пояснение. Тогда он приказал своим товарищам “прочесать” здание лабораторного корпуса и в случае, если двери кабинетов будут закрыты, то взорвать эти двери. Проходя мимо обезьяньих домиков, он вновь спросил, что это за домики. Я пояснил, что в них содержатся обезьяны. На это командир гвардейцев отдал распоряжение – взорвать эти домики. Я стал убеждать его, что животные ни в чем не виноваты, и что они представляют собой достояние государства. На это он мне заявил: “Тогда их надо выпустить, и пусть они погрызут абхазцев”… На КПП командир гвардейцев стал выяснять у охранников, где ключи от гаражей и автомашин. Под навесом около КПП стояло несколько автомашин, в том числе два автобуса, бортовые автомашины и др. …командир грузинских гвардейцев приказал своим подчиненным вскрыть гаражи любым способом и угнать все автомашины, а где не удастся взломать гаражи и угнать автомашины – все взорвать… Одна из автомашин была угнана в направлении с. Михайловка… 16 августа после моего ухода с дежурства был устроен настоящий погром, а именно были взломаны гаражи, угнаны все автомашины, взломаны служебные кабинеты всех руководителей ИЭПИТа и работников института, похищены личные вещи из кабинетов, оргтехника (калькуляторы), телевизоры, кондиционеры. Несколько клеток обезьян были вскрыты, и часть обезьян разбежалась… в одну из ночей в клетке был застрелен грузинскими гвардейцами взрослый самец павиан-гамадрил… гвардейцы ежедневно требовали от руководителей ИЭПИТа Агрба Виолеты Зосимовны и Бедия Зураба Варламовича выдать им детенышей обезьян бесплатно…»[279].

Территориальные притязания Грузии (1992 г.) к России (1), Азербайджану (2), Армении (3) и Турции (4). (Из гагрских трофеев)

И это «гвардейцы»? Нет, это скорее примитивные дикари-людоеды из каменного века!

1 октября 1992 г. абхазы переходят в наступление и берут поселок Колхида (сейчас Псахара). На следующий день была взята Гагра. 6 октября абхазские части освобождают Леселидзе (Гечрипш) и Гантиади (Цандрипш). Абхазия восстанавливает контроль над своим сектором абхазо-российской границы. Отступающие войска Госсовета Грузии, бежав из Абхазии, переходят пограничную реку Псоу, сдают оружие российским военнослужащим и объявлены интернированными.

С октября 1992 г. по июль 1993 г. в Абхазии шли позиционные бои. 2—15 июля абхазы проводят наступательную операцию. Они форсировали реку Гумисту и установили контроль над шоссе Шрома – Сухум. 27 июля в Сочи подписано соглашение о прекращении огня и механизме контроля за его соблюдением.

Грузинская сторона нарушает условия соглашения, и 16 сентября абхазы начинают наступление на Очамчирском направлении.

20 сентября абхазское командование предлагает грузинским войскам прекратить сопротивление и по безопасному коридору выйти из блокированного Сухума. Однако ответа не последовало. 21–26 сентября шли уличные бои в Сухуме, проведены успешные операции на Очамчирском фронте. 27 сентября освобождена столица Республики Абхазия город Сухум. Второй армейский корпус грузинской армии разбит. Государственный флаг Республики Абхазия водружен на фронтоне здания Верховного Совета. 28 сентября Эдуард Шеварднадзе бежал из Абхазии. В итоге вся территория Абхазии была очищена от грузинских войск.

Участвовала ли Россия в Абхазской войне? Ответ на этот вопрос дает тот же полковник Баранец: «И тем не менее, когда грянула грузино-абхазская война, в армии Ардзинбы были десятки танков, бронетранспортеров, артиллерийских систем, с помощью которых были обращены в бегство грузинские части (у абхазов было примерно 50 танков, более 80 БМП и около 75 артустановок). Вот тогда и выяснилось, что не все это было захвачено в российских частях, дислоцированных на территории республики. Многое абхазам досталось “официально и законно”…

На аэродроме “Бомбора” базировались российские боевые самолеты Су-27 и Су-25, вертолеты Ми-24. Спецслужбы Грузии установили, что с этого аэродрома уходили российские штурмовики на бомбежку позиций грузинской армии во время войны с абхазами. С бомборского аэродрома доставлялись и боеприпасы абхазам во время их знаменитого похода на Гагру. Грузинская военная разведка утверждала также, что дислоцирующаяся на “Бомборе” десантно-штурмовая бригада участвовала в

боях на стороне абхазов. Эти утверждения подкреплялись фотографиями, документами, показаниями многочисленных свидетелей. Опровергать их было бессмысленно.

Но самое опасное и парадоксальное состояло даже не в этом.

В критические моменты войны на подмогу грузинским правительственным войскам посылались… российские военнослужащие, танки и другая боевая техника. Происходила странная вещь: Шеварднадзе публично заявлял, что в его армию Россия поставляет новейшее российское вооружение, а российское военное руководство категорически отрицало это.

К этим поставкам наибольший интерес проявляла американская разведка – в районе конфликта под журналистской “крышей” работало несколько ее сотрудников (один из них погиб при странных обстоятельствах). Именно тогда в американской прессе появлялись сообщения о новых российских танках с экипажами, которые использовались в боевых порядках грузинских войск.

Генералы и офицеры российского Генштаба часто спрашивали друг друга:

“На чьей же мы стороне? ” Получалось, что мы были по обе стороны линии фронта. Как когда-то на учениях. Но там была игра. А здесь – война. Там “убивали” в шутку. Здесь – всерьез…»

Действительно, 8 августа 1993 г. был убит высокопоставленный офицер ЦРУ Фредди Вудрофф, работавший под дипломатической «крышей». Грузинские власти объявили, что он был убит случайно, когда некий Шармаидзе в пьяном виде палил из автомата Калашникова.

Также как с Абхазией грузинские власти решили поступить и с Южной Осетией. Первый и ключевой пункт принятого 11 декабря 1990 г. Верховным Советом Республики Грузии «Закона» четко формулировал: «Упразднить Юго-Осетинскую автономную область».

Как и абхазов, осетин никто не спрашивал, хотят ли они выйти из состава СССР.

До 1991 г. граница между РСФСР и Грузинской ССР была фактически административной, а теперь осетинский народ оказался в двух независимых государствах – Грузии и Российской Федерации.

Банды грузин еще до распада СССР начали геноцид осетинского народа. Вот рассказ 80-летней Плион из села Мамитыкау: «С начала декабря 1990 года мы почти каждую ночь ночевали в лесу. Врывались грузинские бандиты, устраивали погромы, угрожали перебить всех до одного. Среди прочих приходил даже учитель хеитской школы Зубашвили и грузин-ювелир, работавший в Цхинвале».

Летом же 1992 г. в Южную Осетию вошли регулярные грузинские части, до зубов вооруженные советским оружием, которое им любезно уступили (за весьма скромное вознаграждение) наши герои-генералы. Далее процитирую полковника Баранца: «К пригородам Цхинвала (столица Южной Осетии) грузины подтащили системы залпового огня, танки и артиллерию и открыли огонь по жилым кварталам города.

Руководство Южной Осетии экстренно проинформировало об этом Кремль и попросило вмешательства. Ельцина в Москве не было. Он находился с визитом в США. “На хозяйстве” оставался вице-президент Александр Руцкой.

Руцкой приказал заместителю министра обороны генерал-полковнику Георгию Кондратьеву (отвечавшему в то время в Минобороны РФ за миротворческие акции) немедленно убыть в район Цхинвала, изучить ситуацию и принять меры “для предотвращения расстрела города”.

Генерал Кондратьев с группой офицеров в тот же день вылетел на юг. Уже через четыре часа после вылета с подмосковного военного аэродрома Чкаловский Кондратьев по закрытой связи проинформировал Руцкого, что “идет массированный обстрел Цхинвала грузинскими боевиками”. Несколько снарядов попали на территорию аэродрома, на котором базировался наш вертолетный полк. Руцкой и Кондратьев обсудили возможные меры, которые в той ситуации можно было оперативно принять, чтобы остановить бомбежку города и российских военных объектов.

Кондратьев, всегда отличавшийся решительностью, предложил поднять эскадрилью вертолетов и нанести ракетные удары по позициям грузинской артиллерии. Вице-президент согласился. Но, перед тем как вертолеты изготовились к нанесению ракетного удара, Руцкой позвонил Шеварднадзе и

предупредил, что, если бомбардировка города не прекратится в течение ближайших 30 минут, он отдаст распоряжение уничтожить подразделения грузинской армии.

Шеварднадзе заявил, что войска, которые штурмуют Цхинвал, “не являются грузинской армией”.

Такое утверждение развязывало руки Руцкому, и он не без ехидцы сказал грузинскому президенту, что в такой ситуации ничего не сдерживает его от того, чтобы помочь “дружественному южно-осетинскому народу противостоять неизвестному агрессору”. И тут же отдал приказ Кондратьеву:

– Вертолеты – огонь!

Авиаторы сработали снайперски, уже во время первого вылета сумев сжечь две установки “Град” и несколько танков. Как только генерал Кондратьев доложил о результатах работы вертолетчиков вице-президенту, в Кремле тут же раздался звонок из Тбилиси. Шеварднадзе потребовал от Руцкого “не вмешиваться во внутренние дела суверенного государства Грузия”.

В ответ Руцкой в откровенно издевательском тоне выразил удивление такой “отеческой заботой” Шеварднадзе о жизни и сохранности безымянной войсковой группировки. И более того, вице-президент приказал генералу Кондратьеву снова поднять в воздух вертолетную эскадрилью и еще раз нанести ракетный удар по артиллерии, обстреливающей столицу Южной Осетии.

Гневу Шеварднадзе не было конца.

Он снова звонил Руцкому и, уже не слишком заботясь о дипломатических выражениях, кричал в телефонную трубку, требуя прекратить удары авиации. В свою очередь, Руцкой упорно требовал остановить огонь грузинской артиллерии по Цхинвалу. В конце концов, перемирие наступило…»

24 июня 1992 г. в Дагомысе было заключено российско-грузинско-осетинское соглашение о прекращении огня и направлении в район конфликта Смешанных сил по поддержанию мира (ССПМ) для осуществления контроля за прекращением огня, выводом вооруженных формирований, роспуском сил самообороны и обеспечением режима безопасности в зоне контроля.

Для решения этих задач 9 июля 1992 г. в зону конфликта был введен российский парашютно-десантный полк. В состав миротворческих сил вошли грузинский и осетинский батальоны. В грузинских селах стояли грузинские миротворцы, в осетинских – осетинские. Российские блокпосты располагались между конфликтующими сторонами, что исключало предвзятое отношение к российским миротворцам.

Коллективные миротворческие силы довольно быстро ликвидировали вооруженное противостояние и добились свободного перемещения людей по всей территории, активизации торговли и хозяйственной деятельности. Стало сокращаться и количество постов, занимаемых миротворцами. Так, если в 1992 г. в зоне конфликта было 40 застав и постов, то к началу 1996 г. их оставалось только 12, из которых 3 грузинских, 5 осетинских и 4 российских.

На многих участках российских миротворцев сменили представители правоохранительных органов.

К началу 1999 г. в состав российского контингента Миротворческих сил входили: объединенный штаб, военные наблюдатели, мотострелковый батальон. Общая численность личного состава – 531 человек, боевой техники – 47 единиц, автомобильной техники – 55 единиц.

Только с 1992 г. по 1999 г. российские миротворцы в Южной Осетии потеряли 10 человек убитыми и 4 ранеными. Затраты России на проведение этих операций за 1992–1997 гг. составили 86 918 тыс. рублей.

Глава 8. Операция «Чистое поле» и ее последствия

В ночь на 8 августа 2008 г. грузинские вооруженные силы напали на Южную Осетию и на располагавшиеся там посты российских миротворцев.

Вина Грузии в конце концов была доказана даже специальной комиссией ЕС.

Эта комиссия год «думала» и лишь 30 сентября 2009 г. опубликовала доклад с признанием факта нападения Грузии на Южную Осетию.

Но зададим себе вопрос, а могла ли РФ предотвратить нападение Грузии в 2008 г.? Да, могла, и тогда были бы спасены сотни жизней русских, осетин, абхазов и грузин. Я уж не говорю, что война 2008 г. обошлась России в круглую сумму.

Разумеется, дело не в каких-то мелких просчетах русских дипломатов, а в генеральной репетиции блицкрига в Аджарии, проведенной режимом Саакашвили в марте 2004 г.

Аджария никогда до 1922 г. не входила в состав Грузии (княжества Картли). Как писал А. Френкель в книге «Очерки Чурук-Су и Батума» (Тифлис, 1879): «Слово “гурджи” (грузин) – ругательное у кобулетцев»[280].

В 1873 г. в Батуме проживало 4500 мусульман, 350 греков и 120 армян, итого 4970 человек. (А грузин и на дух не было.) Ко времени прихода русских часть мусульман уехала в Турцию, и в городе находилось около трех тысяч человек.

Как уже говорилось, Аджария вошла в состав Российской империи лишь в 1878 г.

По указанию Александра II Батум был объявлен порто-франко. Он стал портом, пользовавшимся правом беспошлинного вывоза и ввоза товаров. Аджария стала Батумской областью и не имела никакого отношения к соседней Кутаисской губернии, где проживали грузины.

Воспользовавшись беспределом в Закавказье, вызванным политикой «перестройки» Горбачева, Аджария уже во второй половине 1990 г. стала фактически независимым гособразованием Закавказья. Во главе этого непризнанного государства стал А. И. Абашидзе.

Аслан Ибрагимович Абашидзе родился 20 июля 1938 г. Он принадлежал к роду аджарских «тавади» (князей, мусульманских феодальных правителей) Абашидзе, правивших в Аджарии с 1463 г. в качестве эристави (суверенных властителей), а после подчинения в XVII в. туркам – как санджак-беги (губернаторы) Батуми и Трабзона.

К этому времени население Аджарии составляло более 400 тыс. человек. Из них русских в целом – 15 %, а в Батуми – 44 %.

Батуми в конце 1999 г. прекратил отчисления в бюджет Тбилиси. Затем на волне предвыборной гонки налоги частично платились, но с лета 2001 г. Батум вновь не перечисляет в центральную казну мобилизованные в автономии средства, мотивируя это тем, что министерство финансов Грузии задолжало автономной республике в виде трансферов 22 миллиона лари.

В 2002 г. Абашидзе добился относительного процветания Аджарии на фоне нищей Грузии. Если в Грузии средняя зарплата составляла 30 долларов США, то в Аджарии – 60–70 долларов.

«Батумский торговый порт среди бывших советских портов на Черноморском побережье единственный, которому был присужден международный сертификат качества. А в конце июля 2002 года порт, как одна из лучших бизнес-компаний, заслужил во Франции платиновую награду.

При Аслане Абашидзе развивался также авиационный транспорт. Осуществляются как местные рейсы, так и в направлении Москвы, Киева, Краснодара, Красноярска, других городов СНГ. Были разработаны проекты реконструкции аэропорта по международным стандартам.

По мнению специалистов американской компании “Анадарко”, в Аджарии имеются месторождения углеводородов (около 400 миллион тонн нефти и газа).

Аджарская автономная республика располагает широкой сетью банков. Банковская система охватывает 22 учреждения – “Грузинский морской банк”, “Черноморский аукционный банк”, “Центральный банк Аджарии” и т. д. Банковские учреждения Автономной республики включены в сеть кредитных учреждений ведущих зарубежных стран. У акционерного общества “Грузинский морской банк” открыты корреспондентские счета в 20 странах, в том числе в США, Германии, Великобритании, Японии, Турции и др. Батумский филиал акционерного общества “Грузинский банк” включен в международную службу “Вестерн-Юнион” и владеет карточками “Визакард”».

Как заявил генерал В. Н. Борисов, который с осени 1998 г. был начальником 12-й военной базы, «…когда были трудности с финансированием, по решению Абашидзе из бюджета Аджарии в долг

выделялись средства для выплаты денежного довольствия военнослужащим и зарплаты гражданскому персоналу. Вместо старых зданий штаба базы, госпиталя, которые в связи с реконструкцией прибрежной зоны пришлось снести, выделили другие прекрасно отремонтированные здания. В новый штаб не пришлось завозить даже мебель – все, вплоть до штор на окнах, обеспечила местная власть….

Намечались перспективы расширения экономического и социокультурного взаимодействия между столицами РФ и Аджарии, усиления связей на уровне городов Москва – Батуми, массового заезда московских и вообще российских курортников в роскошные и дешевые санатории и пансионаты Аджарии и поставки дешевых цитрусовых на московские рынки. Правительством Москвы была даже разработана специальная программа взаимного сотрудничества и конкретных мероприятий – участие российских специалистов в проекте благоустройства и озеленения, коммунального строительства в Батуми, сотрудничество в энергетической, бытовой, хозяйственной отраслях, организация совместных предприятий».

В конце 1990-х годов Абашидзе выступал против проведения учений НАТО в Аджарии, одновременно предоставляя максимально льготный режим дислоцированной около Батуми российской военной базе № 12.

Во время событий в Грузии в ноябре 2003 г. Аслан Абашидзе выступает с поддержкой правительства Шеварднадзе.

Он организовывает приезд в Тбилиси 2–3 тыс. аджарцев для участия в продлившемся несколько дней митинге, который должен был стать альтернативой массовым выступлениям по всей стране сторонников протестовавшей против тотальной фальсификации парламентских выборов оппозиции.

После отставки президента Шеварднадзе и приходу к власти Саакашвили в Аджарии указом Аслана Абашидзе было введено чрезвычайное положение, и начался этап вялотекущей конфронтации с новым правительством Грузии.

В ночь на 16 марта 2004 г. грузинские войска с моря и с суши вторглись в Аджарию.

17 марта посол Турции в Азербайджане Унал Чевикоз заявил, что, согласно Карсскому договору 1921 г., Турция и Российская Федерация оставляют за собой право ввести войска в Аджарию и Нахичевань – автономии соответственно в Грузии и Азербайджане, в случае военного вторжения других государств в эти регионы. «Я думаю, нет необходимости прояснять в этой связи что-либо. Просто соглашение остается в силе, и сказать это достаточно», – сказал Чевикоз.

Генерал-лейтенант Юрий Неткачев, находившийся весной 2004 г. в Аджарии, позже рассказал журналистам:

«– Я был у Абашидзе советником по безопасности. Руководил его личной охраной. Это около шестисот человек. Они охраняли не только Абашидзе, но и важные объекты – заводы, порт и т. п. Кроме этого, в моем ведении находился антитеррористический батальон – человек восемьсот. Учитывая непростые условия, это было вполне естественно.

– Именно эти силы и противостояли регулярным грузинским войскам, когда Саакашвили готовил свой поход на Аджарию?

– Абашидзе поддерживали все население и все структуры, находившиеся на территории Аджарии, – милиция, пограничники, руководство 25-й мотопехотной бригады, дислоцированной в Батуми. У него были отличные отношения с командованием 12-й российской военной базы, личный состав которой на две трети укомплектован местными жителями. Если бы Абашидзе принял решение оказать сопротивление войскам Саакашвили, он бы смог удержать власть. Но цена этого была слишком высока, и Россия его здесь не поддержала»[281].

Итак, судьба Аджарии решалась не в Тбилиси или Батуми, а в Москве. Путин решил сдать Абашидзе. В ночь на 6 мая 2004 г. глава Аджарии Аслан Абашидзе покинул свой пост и улетел в Москву в сопровождении своего сына Георгия (являвшегося до того момента мэром города Батуми) и секретаря Совета безопасности РФ Игоря Иванова. Батум был окончательно захвачен Грузией.

За урегулирование кризиса в Аджарии, а также за ее предательство Путин получил благодарность США. «Администрация Джорджа Буша отметила роль российского руководства в успешном урегулировании кризиса в Аджарии… Мы очень признательны России, в особенности Владимиру Путину и Игорю Иванову, за конструктивную роль, которую они сыграли в этом вопросе», – сказал официальный представитель госдепартамента США Ричард Баучер на брифинге в Вашингтоне.

Ряд СМИ дали негативную оценку действиям правительства РФ.

«То, что произошло в ночь с 5 на 6 мая 2004 года в Батуми, – это очередное предательство интересов России в Грузии, в Закавказье. Были все возможности сохранить Аслана Абашидзе во главе Аджарии, но Путин предпочел сдать дружественную автономию проамериканским силам»[282].

Итак, Москва в марте – апреле могла только цыкнуть на Тбилиси, да и послать в Батум с дружественным визитом пару – тройку кораблей Черноморского флота, и Аджария стала бы если не «незалежной» деревней, то, по крайней мере, чисто формально бы входила в состав Грузии.

Риторический вопрос – рискнул бы после такого афронта Саакашвили нападать в августе 2008 г. на Южную Осетию?

Так Кремль, следуя указаниям «вашингтонского обкома», спровоцировал августовскую войну 2008 г.

Детали хода августовской войны я опускаю, а интересующихся отсылаю к моим книгам «Грузия. Закавказский тупик?»

(М.: Вече, 2010), «Кавказский капкан» (М.: Вече, 2008) и «Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет» (М.: АСТ, 2009).

Ну а здесь лишь скажу, что 7 августа в 23 ч 30 мин грузинская артиллерия открыла шквальный огонь по Цхинвалу. Командующий ССПМ Марат Кулахметов заявил о начале войны.

Ночью, в 1 ч 30 мин, грузинское телевидение объявило, что в Южной Осетии началась операция «по восстановлению конституционного порядка в Цхинвальском районе Грузии… Потерь среди грузинских военных нет».

Саакашвили удачно выбрал время наступления – в день открытия летней Олимпиады в Пекине. В Тбилиси надеялись, что Олимпиада отвлечет внимание СМИ всего мира от войны в Закавказье.

Вскоре после полуночи 8 августа по Цхинвалу нанесла удар грузинская авиация, и началось наступление пехоты. Одновременно были атакованы осетинские села по всему региону.

В 4 часа утра 8 августа Россия потребовала экстренного созыва заседания Совета Безопасности ООН и подняла по тревоге части 58-й армии Северокавказского военного округа. Тревогу объявили и в Абхазии.

8 августа в 11 часов утра Михаил Саакашвили заявил, что бои идут в центре Цхинвала.

А далее последовал ввод в Южную Осетию российских войск, и одновременно вооруженные силы Республики Абхазия очистили верхнюю часть Кодорского ущелья от грузинских войск. Дело в том, что в июле 2006 г. грузинские войска разогнали самоуправление сванов в Кодорском ущелье и ввели туда регулярные войска в нарушение соглашения о прекращении огня в Абхазии. Мало того, Кодорское ущелье было переименовано Саакашвили в «Верхнюю Абхазию», и туда из Тбилиси перевезли марионеточное абхазское правительство. Естественно, это вызвало справедливое возмущение в Абхазии, но правительство РФ уговорило Сухум не предпринимать активных контрмер в Кодорском ущелье. Ну а в августе 2008 г. пришел конец опереточному правительству «Верхней Абхазии».

Иная ситуация сложилась на южной границе Абхазии. С 1993 г. на участке шириной 8—10 км на границе с Грузией у реки Ингури (Ингур) находился российский миротворческий контингент и, согласно соглашениям о прекращении огня между грузинами и абхазами, туда не допускались абхазские войска.

Исходя из каких-то неведомых россиянам соображений, Кремль не пожелал, чтобы абхазы двинулись через реку Ингур на Зугдиди и Поти.

Подлинную историю войны 2008 года наше поколение вряд ли узнает. Ну а чтобы меня не обвинили в очернительстве, приведу лишь один эпизод – единственное столкновение на море в ходе «августовской войны».

В ночь с 7 на 8 августа 2008 г. из Севастопольской бухты вышел в море «отряд дежурных сил» Черноморского флота и направился к берегам Абхазии. В его составе находились: большой десантный корабль «Цезарь Куников» проекта 775 с усиленной ротой морпехов на борту, малый противолодочный корабль «Муромец» и малый ракетный корабль «Мираж». Уже в море к ним присоединился большой десантный корабль «Саратов», вышедший из Новороссийска.

А вечером 9 августа произошел первый в истории бой между Черноморским флотом и флотом Грузии. Вот как его описал Аркадий Мамонтов – автор программы «Специальный корреспондент». Ему каким-то (каким, он не называет) способом «удалось выяснить неизвестные подробности боя»: «В тот день рано утром группа кораблей Черноморского флота вышла из порта Новороссийска и взяла курс на Сухуми (Абхазия). На борту двух больших десантных кораблей находилось 500 миротворцев с боевой техникой и оборудованием.

Их перебрасывали в Абхазию для того, чтобы обеспечить безопасность местного населения и предотвратить нападение грузинской армии на эту республику. Их сопровождали два корабля охранения, в том числе малый ракетный корабль “Мираж”.

В это же время из порта Поти навстречу им вышли пять быстроходных грузинских катеров. Их задача – атаковать и потопить наши корабли. Тактику этого нападения разработали американские военные спецы: быстроходные малые катера, оснащенные мощными противокорабельными ракетами, внезапно наносят удар по большому десантному кораблю и уходят. При удачном раскладе результат – шок и трепет. Сотни погибших десантников, сгоревший корабль и победные реляции Саакашвили: “Мы предотвратили интервенцию”, “У русских нет флота, они ни на что не способны”.

Но получилось все наоборот. “Вестям” удалось собрать подробную информацию от участников этого сражения.

18 часов 39 минут. Российской радиолокационной разведкой было обнаружено несколько морских быстроходных целей, идущих боевым курсом на строй наших кораблей.

18: 40. Катера противника приблизились на критическое расстояние. Тогда с флагманского корабля “Цезарь Куников” была дана команда открыть предупредительный огонь. С одного из кораблей выпущена зенитная ракета [комплекса «Оса». *–А.Ш.*], которая падает между грузинскими катерами. Но это их не останавливает, они прибавляют скорость и пытаются достичь так называемой “мертвой зоны”, где ракетное оружие бесполезно. И вот тогда малый ракетный катер “Мираж” получает приказ уничтожить противника. Расстояние до цели – 35 километров. Подготовка к удару, расчеты – все было сделано буквально за несколько минут. Морской бой всегда скоротечен.

18: 41. Командир “Миража” дает команду “Залп! ” У грузинских моряков преимущество было в скорости, у наших – в реакции. Первая ракета пошла к цели. Через несколько секунд – вторая. Подлетное время до грузинского катера “Тбилиси” – всего 1 минута 20 секунд. Расстояние между противниками – около 25 километров.

Попадание первой ракеты в машинное отделение катера “Тбилиси”. Через секунду – еще один доклад – попадание второй в ходовую рубку. На радаре нашего корабля в течение 30 секунд была сильная засветка, что означает полное уничтожение цели, сопровождаемое большим выбросом тепловой энергии.

18: 50. Командир “Миража” отдает команду на смену позиции. Корабль на большой скорости уходит в сторону берега, совершая разворот, и вновь ложится на боевой курс. Радар показывает только 4 цели. Одна из них – грузинский катер, увеличив скорость, идет на сближение с нашим кораблем. “Мираж” открывает огонь. Залп зенитным комплексом “Оса”.

В это время расстояние сократилось до 15 километров. Первая ракета попадает в борт грузинского катера, который сразу же задымил, сбавил скорость и попытался уйти с линии огня. Остальные грузинские суда выходят из боя, резко разворачиваясь в обратную сторону. Как отмечали наши моряки,

этот маневр был выполнен очень грамотно. “Мираж” не преследует подбитого противника, приказа на добивание нет.

В 19: 28 после проверки морского пространства “Мираж” занимает свое место в строе наших кораблей, идущих в Сухуми. Из доклада флагману: “Из пяти целей одна уничтожена, одна повреждена, три вышли из боя. Расход ракет: противокорабельных – две, зенитных – одна, потерь среди личного состава нет. Повреждений корабля нет»[283].

Официальных комментариев к сообщению Аркадия Мамонтова не было. Зато в Интернете на форумах возникло множество вопросов: «Почему грузинские ракетные катера при обнаружении противника не нанесли удар крылатыми ракетами? Они могли выпустить одновременно 16 ракет и утопить все наши корабли. Почему грузины не обстреляли МРК “Мираж” даже после того, как он сблизился на дистанцию 13 км (дальность действия зенитных ракет комплекса “ОСА-МА”) явно с недружественными намерениями? Почему «Мираж» не применил артустановку АК-176, имеющую соразмерную с “Осой” дальность действия и скорострельность 90 выстрелов в минуту?»[284]

Я попробовал реконструировать этот бой, используя данные Интернета, информацию независимых украинских историков флота, а также рассказ командира корабля, участвовавшего в инценденте.

Наши корабли шли у берегов Абхазии, то есть в ее 12-мильных терводах или у кромки их, когда были обнаружены 4 или 6 грузинскими катерами. Задача грузин до сих пор не ясна. Может, они действительно хотели нанести ракетный удар по кораблям, но, скорее всего, хотели высадить десант или обстрелять побережье Абхазии и не подозревали о подходе российских кораблей.

С дистанции в 38 км «Цезарь Куников» из пусковой установки А-215 (морской вариант «Града») дал «предупредительный» залп по грузинским катерами сорока 122-мм НУРСами «увеличенной дальности».

Минут через 10–15 с МРК «Мираж» (проекта 1234.1) по грузинским катерам была выпущена одна крылатая ракета П-120 «Малахит». К этому времени расстояние между противниками составило 20–24 км, а минимальная дальность стрельбы «Малахитом» – около 20 км, максимальная – 110–120 км. Позже «Куников» дал еще один залп сорока 122-мм НУРСами.

У единственной выпущенной ракеты «Малахит» головка самонаведения по халатности была поставлена не на «ближний», а на «дальний» режим, то есть включилась, пролетев над грузинскими кораблями. И на пределе дальности ее головка захватила цель. Ею оказался молдавский теплоход «LOTOS 1», перевозивший 1475 тонн пшеницы из Ейска в Поти. В тот момент «LOTOS 1» находился в 30 милях к северо-западу от грузинского Поти, в 25 милях от берега.

«Малахит» рванул в 50—100 м с левого борта сухогруза на высоте примерно 20–30 метров, его осколки нанесли незначительные повреждения надстройке. Все члены экипажа остались живы. Судно при этом не потеряло хода и, выйдя через некоторое время из зоны боевых действий, благополучно дошло до Керчи. На палубе судна были сфотографированы обломки ракеты.

Как сообщил автор, офицер – участник боя, пожелавший остаться анонимным: «Наши корабли не имели связи с базой, воздушного прикрытия не было никакого, над соединением безнаказанно летал грузинский беспилотник. Позже абхазские береговые батареи обстреляли российские корабли с дистанции 4–5 км, приняв их за грузинские. Попаданий не было, и наши отошли мористее на 12 км об берега, после чего обстрел прекратился».

После окончания боевых действий ракетный катер «Мираж» направился в Севастополь. Однако президент Украины Ющенко распорядился не пускать в бухту российские корабли, участвовавшие в конфликте с Грузией.

И вот навстречу МРК «Мираж» из глубины Севастопольской бухты выдвинулся украинский МРК «Каховка» с бортовым номером U-154. Но вот посреди фарватера у «Каховки» заглохли двигатели. Какой-то корреспондент уже сообщил в Москву: «Украинский флот загородил русским вход в Севастополь». Однако тут лишившаяся хода «Каховка» начала дрейфовать к волнолому. На помощь срочно двинулся незалежный ржавый буксир «Краснoперекопск». Но фортуна опять отвернулась от украинских моряков – выяснилось, что ни на МРК, ни на буксире нет буксирных концов. Пришлось «Краснoперекопску» бортом отжимать «Каховку» от волнолома.

И тут показался геройский «Мираж». Там не разгадали маневра «украинской ударной группировки» и сыграли боевую тревогу. Стволы орудий повернулись в сторону «Каховки».

Вскоре на «Мираже» все поняли, и под гомерический хохот команды боцман начал демонстрировать незалежникам буксирный конец.

Короче, в ходе августовской войны российский, грузинский и даже нейтральный незалежный флот показал все свои боевые возможности.

По окончании же боевых действий президент Грузии Саакашвили заявил о блестящей победе грузинского оружия: «Грузинская армия впервые после Второй мировой войны заставила бежать с поля боя русских генералов».

Ну, согласно донесениям командования Сухопутных войск РФ, в результате боевых действий в период с 8 по 12 августа в качестве трофеев было захвачено до 150 единиц боевой техники грузинских вооруженных сил, из них 65 танков, 44 грузинских танка Россия забрала себе. Остальные захваченные танки были уничтожены, поскольку были либо неисправны, либо представляли собой явное старье. При этом всего до начала войны вооруженные силы Грузии располагали 230–240 танками разных типов, часть из которых была модернизирована израильской компанией Elbit Systems до версии Т-72-SIM-1.

Значительное количество техники было также взято в качестве трофеев на грузинских военных базах. Сообщалось о брошенных в Гори 15 танках (вероятно, модернизированной версии Т-72-SIM-1), нескольких десятках бронированных машин и артиллерийских системах вместе с боеприпасами. Часть боеприпасов была уничтожена, часть вывезена в Россию. С базы Сенаки вывезено 1728 единиц стрелкового оружия, включая 764 американских карабина М4, 28 пулеметов М-40 и 754 автомата АК. Западные СМИ сообщают также о том, что российские подразделения уничтожили 15 единиц надводных судов, в том числе несколько торпедных катеров.

Что произошло в отношениях России и Грузии с 1 октября 2008 г. по 1 декабря 2011 г., то есть за 38 месяцев? Да, собственно, ничего – никаких сенсаций. Ни мира, ни войны. Вроде и писать не о чем. Но уж довольно сильно ходит ковер по опустевшей сцене в ходе столь затянувшегося антракта.

Начну с того, что надежды Кремля и прогнозы многих западных политологов о том, что, придя к власти, Обама уволит Саакашвили, не оправдались. Каюсь, что и я сам, грешный, считал наиболее вероятным именно такой вариант.

В конце июля 2009 г. вице-президент США Джозеф Байден прибыл в Грузию. Замечу, что Байден – фигура на вашингтонском Олимпе вовсе не декоративная, он слывет довольно жестким и сильным политиком.

В присутствии Саакашвили Байден заявил, что «победа Грузии – это победа США, а поражение Грузии – это поражение США». Вице-президент заявил, что после августовской войны США уже оказали финансовую помощь Грузии в размере 1 млрд долларов.

Байден вместе с Михо посетил детей беженцев из зоны грузино-осетинского конфликта. Джозеф угостил детишек конфетами и посоветовал им брать пример с «очень умного и талантливого президента Грузии».

Визит Байдена показал, что после паузы в 10 месяцев США решили по-прежнему поддерживать Саакашвили, хотя и существенно укоротили поводок.

Престиж Саакашвили после августовской войны 2008 г. серьезно упал, но Михо успешно борется со своими противниками методом кнута и пряника. Пряник – это всеобщая приватизация, где самые лакомые куски получают сторонники нынешней власти. Ну а кнут – это борьба с коррупцией. Разумеется, подобный метод придумал не Михо. Так с политическими противниками борются путем обвинения в коррупции во всех странах СНГ и особенно в РФ.

Но Грузия и до 1991 г. была самой коррумпированной республикой Союза, и сейчас в экономических преступлениях можно обвинить любого грузина даже среднего достатка. Понятно, что коррупцию в

Грузии победить невозможно, но зато, борясь с ней, легко терроризировать всех своих политических противников.

РФ официально признала республики Абхазию и Южную Осетию. На территории обеих республик дислоцируются российские части, а на границе с Грузией – наши пограничники. Что делать бедному Михо? И вот он в 2009 г. с горя занялся… пиратством. Пограничные суда Грузии стали захватывать нейтральные суда, посетившие Абхазию. Причем храбрые грузины боятся делать это в территориальных водах Абхазии, а нападают в открытом море за десятки миль от берегов Кавказа. Кстати, иногда они маскируются под… российские пограничные суда.

Так, в ночь с 5 на 6 апреля 2009 г. в нейтральных водах Черного моря грузинские морские пограничные катера задержали турецкое судно «Денфа Демет», доставившее в Абхазию до 1000 тонн горюче-смазочных материалов. «В воскресенье вечером, около 18.00 пустой танкер покинул Сухумский порт. После того, как судно вошло в нейтральные воды, его захватили грузинские морские пограничники. Это – очередной захват судна грузинскими военными в нейтральных водах», – заявили в Абхазском морском пароходстве.

Турецкое судно отбуксировано в грузинский порт Поти. Десять членов экипажа были задержаны.

Кроме того, 8 апреля 2009 г. стало известно, что камбоджийское судно с российским экипажем «В. Успенский» было задержано «за вход в закрытый для судоходства участок грузинских территориальных вод». В погранделартаменте Грузии сообщили, что капитана после окончания следствия будут судить.

Однако после предупреждения со стороны РФ судебное разбирательство было прекращено, и судно отпущено.

В 2009 г. грузины задержали еще несколько турецких судов: в конце апреля – сухогруз «Нью Стар-1», доставлявший в Абхазию свинину и стройматериалы, а в начале июля – танкер «Карагал». Владельцу последнего, как сообщалось, грозит штраф в 50 тыс. лари (около 30 тыс. долларов).

Действия грузинских властей представляют собой акты пиратства как по сути, так и по форме. Вот, к примеру, как происходило захват турецкого танкера «Букет», шедшего из Турции в Сухум под панамским флагом с грузом 2 тыс. т бензина и 700 т дизельного топлива.

В ночь на 16 августа 2009 г. в нейтральных водах в 250 км от грузинского порта Поти к танкеру направился грузинский сторожевой катер. «Грузинские пограничники, прежде чем подойти к танкеру, отключили все навигационные приборы во избежание их радиообнаружения. Более того, грузинские пограничники представились турецким морякам, как экипаж российского сторожевого корабля. Подробности захвата свидетельствуют о его планировании», – заявил 3 сентября руководитель госкомпании «Абхазское морское пароходство».

Абхазский лидер Сергей Багапш пожаловался на захват «Букета» в Совет Безопасности ООН и Евросоюз. По его словам, танкер был задержан в нейтральных водах, что является нарушением международного законодательства. «Грузия дестабилизирует ситуацию в регионе», – заявил в своем обращении Багапш и пригрозил «пропорциональным ответом», если мировое сообщество не даст «адекватную оценку действиям Грузии» и не потребует вернуть судно.

«Мы тоже можем задерживать суда, идущие в Грузию, и мы это делали во время войны, у нас есть свой военно-морской флот, – отметил министр иностранных дел Абхазии Сергей Шамба. – Да, мы не хотели поощрять пиратство на Черном море, но Грузия занимается откровенным пиратством – только пираты за выкуп отдают суда и моряков, а грузинские власти взяли выкуп в виде штрафа, да еще забрали судно и арестовали экипаж».

Следует заметить, что летом 2009 г. в порту Сухум находились и корабли Черноморского флота – морской тральщик «Турбинист» и малый противолодочный корабль «Суздалец». Но они не пытались предотвратить пиратские акции грузин, видимо, по политическим соображениям. К октябрю 2009 г. их сменили тральщики «Пикуль» и «Захарьин», а также малый противолодочный корабль «Касимов». Замечу, что все эти корабли базируются в Новороссийске. Видимо, командование ЧФ, опасаясь протестов Украины, не хочет привлекать к походам в Абхазию суда, базирующиеся в Севастополе.

После захвата «Букета» началось усиление группировки боевых кораблей Береговой охраны ФСБ в районе Сочи. Это связано как с мерами по обеспечению безопасности предстоящей олимпиады, так и с действиями грузинской стороны. Азовско-черноморское управление Береговой охраны ФСБ комплектуется в настоящее время по усиленному штату.

Ну а что происходит сейчас в юго-восточном углу Черного моря? Честно скажу – не знаю! Отечественные и зарубежные СМИ как воды в рот набрали. Никто не сообщает ни о новых актах пиратства, ни о том, что грузины перестали играть во флибустьеров.

Судя по всему, тут имеет место очередная подковерная игра Кремля и Тбилиси. Результатом подковерных игр стало секретное соглашение РФ и Грузии об условии вступления России в ВТО[285]. Кремль согласился разместить на своей стороне границы Абхазии и Южной Осетии швейцарских контролеров, которые будут досматривать грузы, идущие в эти республики.

Видимо, у нас в правительстве не понимают, что это соглашение означает потерю суверенитета России. Надо ли говорить, что ни один русский царь или советский генсек не согласились бы на подобное унижение.

Возникает резонный вопрос, а будут ли швейцарцы проверять военные грузы? Увы, все детали соглашения Кремля держатся в строжайшем секрете. Зато Саакашвили ликует! Он заявил, что это соглашение частично восстанавливает суверенитет Грузии над Абхазией и Южной Осетией.

А вот еще совершенно необъяснимая акция руководства России. Казалось бы, сразу после дипломатического признания Абхазии с ней будет установлено нормальное воздушное, железнодорожное и морское сообщения. Я сам, грешный, в 1970—1980-х годах ездил на экспрессе Москва – Сухуми и трижды ходил в Сухумский порт на пассажирских лайнерах «Колхида», «Молдавия» и «Армения».

Аэропорт Бабушары в 18 км от Сухума считается самым лучшим аэропортом на всем Кавказском побережье. Так, в отличие от Сочинского аэропорта, окруженного горами, Бабушары с юга, востока и севера окружены Колхидской низменностью, а с запада – морем. Это позволяет производить взлет и посадку самолетов с двух направлений. Длина взлетно-посадочной полосы с усиленным бетонным покрытием – 3,64 км.

С 1993 г. аэропорт Бабушары не функционирует. Однако в августе 2008 г. на нем интенсивно осуществлялись посадки и взлеты тяжелых военно-транспортных самолетов России. 14 августа 2008 г. в Сухуме сел первый авиалайнер, доставивший туда министра иностранных дел России

С. В. Лаврова.

С 2008 г. в российских СМИ регулярно публикуются материалы о том, что Сухумский аэропорт вот-вот войдет в строй, но, увы, к декабрю 2011 г. воз и ныне там. Сейчас идет болтовня уже о 2012 годе.

Еще в конце мая 2008 г. на территорию Абхазии была переброшена часть железнодорожных войск РФ численностью около 400 человек. Они занялись восстановлением железнодорожного пути, ведущего в Сухум. Пути восстановлены. Результат: лишь в июле 2011 г. запустили одну электричку Адлер – Сухум. О скором поезде «Москва – Сухум» болтовня в СМИ идет 3 года, но реально ничего не сделано.

Самым простым было восстановить морское сообщение между Россией и Сухумом. Правда, сейчас у России на Черном море нет ни одного не то что лайнера, нет ни одного большого пассажирского судна. Так хоть пустили бы автомобильный паром Сочи – Сухум. Это всего 4 часа ходу, а по горным дорогам ехать долго и себе дороже. И опять ничего не делается. Лишь с июля 2011 г. началось сообщение между Сочи и Гагрой (Абхазия) на скоростном катамаране «Сочи-2». Время в пути – 1,5 часа. Увы, катамаран маленький, да и ходит нерегулярно.

А между тем число россиян, желающих отдыхать или путешествовать в Абхазии, растет. Старшее поколение мечтает побывать в местах, связанных с самыми счастливыми моментами своей юности. Ведь в Абхазии в советское время отдыхали десятки миллионов людей со всего Союза. Значительная часть молодого поколения предпочитает экзотику. И всем нравятся низкие цены. В 2009 г. в Абхазии побывало свыше миллиона (!) отдыхающих и туристов из России.

Любой пятиклассник понимает, что установление интенсивных железнодорожных, воздушных и морских коммуникаций России с Абхазией свяжет обе страны самыми крепкими – экономическими – узами. А Вашингтон и Тбилиси, организовавшие экономическую блокаду Абхазии, только укрепят эти узы, за что им большое спасибо!

Но в Кремле предпочитают болтать о развитии коммуникаций, а местные российские власти закрыли «на реконструкцию» один из двух мостов через пограничную с Абхазией реку Псоу.

А теперь на Псоу заявятся еще и швейцарские «наблюдатели», что в разы замедлит переход людей и перевозку грузов, которые и так длятся часами.

Ну, это еще цветочки. Ягодки появятся ближе к Сочинской олимпиаде в 2012–2013 гг. Тут уж Михо и «вашингтонский обком» вовсю начнут шантажировать Кремль. Нетрудно предсказать реакцию Москвы. Интерес лишь в том, сдаст ли новый-старый президент Абхазию целиком или по частям.

Раздел VIII. Средняя Азия

Глава 1. Предыстория Средней Азии

История Средней Азии уходит в глубь тысячелетий. Археологи и сейчас откапывают развалины городов неизвестных доселе цивилизаций. Тут сразу стоит сделать маленькое отступление. В настоящее время термин «Средняя Азия» выходит из употребления, но я буду использовать его по старинке и применительно к среднеазиатским республикам СССР.

В V веке до н. э. большая часть Средней Азии попала в состав Персидской державы Ахмедов.

В 330 г. до н. э. Александр Македонский, преследуя персидские войска, вторгся в Среднюю Азию и подчинил себе Бактрию и Согдиану. Именно македонский царь основал город Александрию Крайнюю, позже получившую название Ходжент, а с 1936 г. по 1991 г. – Ленинабад. После смерти Александра в 323 г. до н. э. южная часть Средней Азии входит в состав эллинистического государства Селевкидов.

Рассказ о государствах, возникавших на территории Средней Азии в III веке до н. э. – VII веке н. э., очень интересен, но, увы, он выходит за рамки темы. Здесь же стоит упомянуть, что все эти государства не были национальными в современном понимании. И правители, и население их были полиэтничны.

В Средней Азии в то время сравнительно мирно сосуществовали несколько религий – зороастризм (огнепоклонники), буддизм, в V–VIII веках было сильно движение маздакидов. Так, в начале VIII века в городе Хорезме под предводительством некоего Хурзады произошло восстание маздакидов.

Историки православной церкви утверждают, что в I веке н. э. в Средней Азии проповедовали апостолы Фома и Андрей Первозванный. На территории современных Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана, Таджикистана и Восточного Туркестана (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая) археологами выявлено множество памятников древнего и средневекового христианства. Среди них руины храмов и монастырей, фресковая иконопись, иконы на ткани (занданачи), евангельские сюжеты на керамике, богослужебная утварь, нательные крестики и медальоны, монеты государственного чекана с христианской символикой. Тысячами насчитываются находки кайраков – надгробных камней с высеченными на них крестами. Большинство их датируется IV–XIV веками.

Существовали целые города с преобладающим христианским населением. Например, Винкерд; или располагавшийся на месте современного Бишкека, столицы Кыргызстана, Тарсакент, название которого так и переводится: «Город христиан». В Ургутских горах под Самаркандом располагалось христианское селение Вазкерд со своим монастырем, ведшим разнообразную хозяйственную деятельность. Две монашеские обители находились в Восточном Туркестане. В горах Тянь-Шаня сирийскими иноками был построен монастырь Таш-Рабат, здание которого ныне считается одним из самых замечательных архитектурных памятников Кыргызстана.

Войска Арабского халифата, завоевав Иран и захватив Мервский оазис, в 651 г. дошли до реки Амударьи. Сначала арабы совершали из Мерва набеги на среднеазиатские владения лишь с целью захвата военной добычи, но в начале VIII века наместник восточных областей халифата Хаджжадж

послал в Среднюю Азию своего полководца Кутейбу ибн Муслима, который между 705 и 715 годами завершил завоевание большей части Средней Азии.

Эта часть Средней Азии оказалась в составе халифата вначале под властью династии Омейядов, а затем Аббасидов. Граница Арабского халифата проходила от юго-восточной части Каспийского моря, по извилистой линии шла к южному берегу Аральского моря, затем шла на юго-восток в междуречье, потом вновь поворачивала к северо-востоку, доходя до реки Чу. Вся излучина Сырдарьи была арабской территорией. Затем граница резко поворачивала на юг, уходя в Индию.

Правление арабов в Средней Азии продолжалось до X века. Впервые в Средней Азии появилась государственная религия – ислам, существенно потеснивший остальные верования.

В конце XI века тюрок по происхождению Мухаммед Кутбад-дин стал первым хорезмшахом, то есть владетелем Хорезма и прилегающей области. Затем хорезмшахами были пять поколений его потомков.

Пока речь шла только о юге Средней Азии. А что же происходило севернее – на территории нынешнего Казахстана? С VII века до н. э. до I века н. э. там кочевали скифы. Затем их сменили аримаспы. Примерно в то же время возникло государство, точнее, племенное образование Хунну. Потом был Восточно-тюркский каганат, Уйгурское царство и государство киданей.

В первой четверти XIII века Восточный Туркестан был занят войсками Чингисхана и вошел в его империю. Судя по всему, это было мирное завоевание. Тем не менее Туркестан в своем развитии был отброшен намного назад. Под влиянием монголов исчезают города и увеличиваются пастбища. Монголы принесли населению Туркестана не спокойствие, а разорение в ходе непрерывных междоусобных войн чингизидов. К примеру, война между двумя «великими ханами» Ариг-Бугой и Хубилаем в 60-х годах XIII века совершенно опустошила Туркестан.

А теперь вернемся на юг Средней Азии. В начале XIII века государство хорезмшахов объединяло большую часть Средней Азии, весь нынешний Афганистан, весь Иран (кроме Хузистана). Оно простиралось от Аральского моря и низовьев Сырдарьи на севере до Персидского залива на юге и от Памира и Сулеймановых гор на востоке до гор Загроса на западе. Это был конгломерат стран и народностей, объединенных вокруг Хорезма.

Чингисхана привлекали богатство и выгодное географическое расположение государства хорезмшахов. Ведь через него шла вся караванная торговля Запад – Китай. Чингисхан в 1218 г. послал к хорезмшаху Мухаммеду два посольства, но шах счел их разведчиками и приказал казнить.

Тогда летом 1219 г. Чингисхан на реке Иртыш собрал 120—150-тысячную армию и в сентябре двинулся в поход. С февраля 1220 г. по весну 1221 г. монголы разрушили большую часть городов юга Средней Азии – Отрару, Сыгнак, Узгенд, Бухару, Самарканд, Хорезм и десятки других.

В результате монгольских завоеваний в Среднюю Азию проникли большие массы кочевников, и не столько самих монголов (из монгольских племен здесь поселились джалаиры у Ходжента, барласы на Кашка-Дарье, каучины в верховьях Амударьи и орлаты к югу от верхнего течения Амударьи), сколько пришедших с ними тюркских племен из Восточного Туркестана и нынешнего Казахстана.

Пять веков Средняя Азия находилась под властью Чингизидов, однако это не дало покоренным народам ни процветания, ни даже стабильности. История этого региона пестреет непрерывной чередой войн.

Орды кочевников постоянно вторгались на юг Средней Азии. Происходило интенсивное перемешивание пришлых и коренных народов. Вождь кочевых племен Мухаммад Шейба-ки-хан, используя вражду между потомками Тимура, в 1500–1507 гг. завоевал южную часть Средней Азии. При нем государство состояло из уделов, самые большие – Ташкент, Самарканд, Бухара и Балх, во главе которых стояли члены шейбанидской династии и крупные феодалы.

И только во второй половине XVI века страна была объединена. С 1557 по 1598 г. Средней Азией правил шейбанид Абдулла-хан. Своей столицей он сделал Бухару, образовав Бухарское ханство. В 1598 г. Абдуллу-хана убили, и власть перешла к династии аш-тарханидов. А в 1738 г. власть в Бухаре захватил Худойнар-бий – вождь племени Мангыт. Он и стал основателем династии правителей в Бухаре до 1920 г. Поскольку Мангыты не принадлежали к Чингизидам и первое время признавали

вассальную зависимость от персидского Надир-шаха, они отказались от титула хан и приняли титул амир ул-муминин, то есть по-русски эмир.

В 1511 г. султаны Ильбарс и Бальбарс основали хивинское ханство. Они происходили от Егидир-хана, который в свою очередь вел род от Арабшаха ибн Паллада, сына Шайбана.

В 1710 г. вождь племени минглян шейбанид Шахрук-бий захватил город Коканд и основал Кокандское ханство, которое первое время вассально зависело от Бухары, но при внуке Шахрука Иордан-бие стало полностью независимым. По политическим соображениям Шихрук объявил себя потомком Тамерлана.

Северную часть Средней Азии, то есть территорию нынешнего Казахстана, к середине XVII века занимали на западе орды калмыков, чуть южнее – Каракалпакское ханство, на востоке находилось Джунгарское ханство.

Ряд исследователей считают, что русы, то есть дружины, состоявших из варягов и славян, появились на реке Яик (Урал) еще в IX веке. Само же пребывание руссов на Каспии никем никогда не оспаривалось и подтверждено многими свидетельствами арабских историков IX–XII веков. Современные археологи обнаружили на реке Урал развалины шести городищ с захоронениями воинов с вооружением европейского типа и северной ориентацией могил.

Во второй половине XVI века русские казаки заселили берега реки Яик. В 1615 г. царь Михаил Федорович прислал яицким казакам Царскую грамоту на вечное владение рекой Яик.

В 1622 г. казаки перенесли свою столицу с острова Кош-Яик (Голубое городище) ниже по течению на 50 верст, к устью реки Чаган. Новый город получил название Яик (Яицкий городок). Казаки жили военной добычей, получали жалованье из Москвы, владели большими рыбными промыслами и занимались скотоводством. После 1622 г. часть яицких казаков основала Илецкий и Сакмарский городки, где казаки занялись земледелием и продажей лесоматериалов.

В 1640 г. купец Гурий Назаров построил острог в устье реки Яик, получивший название Гурьев городок[286]. Позже он стал называться Гурьевым, а великий друг России Назар-бай переименовал его в Атырау.

В 1773 г. подавляющее большинство яицких казаков приняли участие в восстании Емельяна Пугачева, однако сам Яицкий городок самозванцу взять не удалось.

15 января 1775 г. Екатерина II издала указ «по просьбе оставшихся верными казаков»: «…для совершеннаго забвения, бывшаго в прошлом году вероломнаго происшествия на Яике, войско это впредь именовать *Уральским*, реку Яик – Уралом и г. Яик – Уральском».

Вторжение киргизов Букеевской орды заставило Уральское войско устроить в 1815 г. ряд пикетов по реке Малый Узень. Местность эта изобиловала богатыми пастбищами, и зажиточные казаки стали нагуливать здесь свой скот, а позже переселились сюда на постоянно жительство.

В 1816 г. для охраны солевозного тракта от Илецкой защиты на Самару и конвоирования казенных транспортов соли была устроена Новоилецкая дистанция, часть которой – форпосты Затонный, Сухореченский и Озерский – заселили уральские казаки.

К 1816 г. на низовой линии жило 6000 человек, на верхней, выше Уральска – 6000 человек, в самом Уральске – 17 тысяч человек. В 1857 г. на низовой и внутренней линиях жило 12 тысяч человек, по верхней линии и до города Уральска – более 45 тысяч жителей, а в самом Уральске – 11 тысяч. Таким образом, более населенными оказались северные хлебородные районы земли войска Уральского.

Как писал академик М. К. Любавский: «До половины XVIII в. пришлое население большей частью попадало в ряды казачества. Но с тех пор как казачество консолидировалось в особое сословие, пришлые люди уже не смешивались с казачеством и составили невойсковое, или иногороднее население земли войска Уральского. Резкое увеличение оседлого невойскового населения последовало с 1867–1868 гг., когда невойсковым лицам было разрешено приобретать на казачьей земле недвижимую собственность (усадебные места). Большая часть этих людей держалась в городах, занимаясь торговлей и ремеслами. Несмотря на быстрый рост, численность невойскового населения не смогла превысить численности казачества. В 1900 г. войсковое население насчитывало 126 313 душ

обоего пола, невойсковое – около 105 744. Главная причина этого – исконные общинные порядки пользования землей и угодьями. Они держались у уральских казаков крепко и не допускали развития частной собственности и частной промышленной деятельности»[287].

Глава 2. Покорение Средней Азии

В 1723 г. джунгарский хан Галдан-Церер с большим войском двинулся на кочевья киргиз-кайсаков (их большевики позже назовут казахами). Историк Ч. Валиханов писал: «Преследуемые повсюду свирепыми джунгарами, киргизы подобно стадам испуганных сайгаков…, бегут на юг, оставляя на пути своем имущество, детей, стариков, домашний скарб и исхудалый скот, и останавливаются: Средняя Орда около Самарканда, Младшая Орда – в Хиве и Бухаре… Не находят в среднеазиатских странах пастбищ и, вступив во вражду с новыми соседями, они обращаются к границам могущественной России, чтобы искать ее помощи и покровительства»[288].

В 1728 г. к границам России, на земли Башкир, прикочевала Младшая Орда, предводительствуемая ханом Абдулхаиром, и попросила принять их в русское подданство.

2 января 1731 г. Абулхаир-хан (Младшая орда) и Шемяка (Семке) хан (Средняя Орда) отправили всеподданнейшее донесение о принятии ими русского подданства: «Великой государыне императрице нашей и наследникам ее всегда и справедливо служить обещаемся».

Абдулхаир-хан обязался платить ясак в 4000 лисиц, Шемяка-хан – по 2000 лисиц и 1000 корсаков[289], зять Абдулхаира Батыр-Мухаммед Салтан, владелец еще одной орды, тоже собирался платить 1000 лисиц и 1000 корсаков. Учитывая обширность края, занятого киргиз-кайсацкими ордами, ясак был явно необременительным.

Русское правительство выделило для кочевий киргиз-кайсаков земли по реке Илеку, левому притоку Яика, и часть башкирских земель. Но с поселением киргиз-кайсаков у Яика начались их непрерывные кровавые стычки между волжскими калмыками и башкирами. На этот же район зарился и джунгарский хан. Отношения России и Джунгарии осложнились.

По просьбе Абулхаир-хана для защиты его орды от калмыков, башкир и других кочевников русские в 1735 г. построили на реке Оре вблизи впадения ее в Яик крепость, названную Оренбургом. Однако выбор места для крепости оказался неудачным. Оренбург был расположен вдали от торговых путей и на низменности. Тогда в 1739 г. в 181 версте ниже, на реке Яик в урочище Красная гора была построена новая крепость, получившая название Оренбург, а прежнюю крепость переименовали в Орск. Но и новое место оказалось неудобным из-за климатических условий, и спустя три года крепость перенесли на третье место – в 71 верстах от Красной горы.

Новая Оренбургская крепость имела земляные бастионы и деревянную ограду. К 1794 г. на ее вооружении состояло 112 орудий. Гарнизон составляли 4 батальона пехоты и 164 артиллериста.

Понятно, что одной, пусть даже сильной, крепости было недостаточно. Поэтому для защиты от орд кочевников построили огромную линию крепостей, разделенную на три участка. На первом участке – «Нижнеяицкий участок» – от Гурьева до Оренбурга на протяжении 746 верст было построено 29 крепостей. По внешнему виду эти крепости были похожи на Белогорскую крепость, описанную Пушкиным в «Капитанской дочке».

Вторая линия – «Верхнеяицкий участок» – протяженностью 559 верст располагалась от Оренбурга до крепости Верхоянская. Там было построено 22 крепости, среди которых крепость Магнитная, в XX веке она станет городом Магнитогорском.

Третья линия – «Уйский участок» – имела протяженность 383 версты. Там находилось 17 крепостей, среди них была Петропавловская крепость, которая в 1807 г. станет городом Петропавловском.

Крепости охраняли как регулярные, так и казачьи войска. Приказом императрицы Анны Иоанновны 11 февраля 1736 г.

«в новоустроенных городах Оренбурге и Тобынске учреждены казаки из Уральских новокрещенцев-мещеряков, отставных солдат, охотников и беглецов из Яицких и Сибирских казаков».

В 1742 г. две сотни уфимских казаков перевели в Оренбург. А в апреле следующего года туда было переведено все самарское казачество.

В 1744 г. «Оренбургские казаки усилены причислением к ним казаков Исетского войска, охотников Яицкого войска, Сибирских городов дворянских и казачьих детей, беглых холопей, отставных солдат и т. п.».

И, наконец, 24 мая 1748 г. все казачьи части Оренбургской губернии были объединены в «Оренбургское нерегулярное войско под командованием назначаемого из Петербурга атамана».

В 1741 г. джунгарский хан Галдан-Церен опустошает киргиз-кайсацкие орды по Ишиму, истребляет или захватывает в плен население, угоняет скот. Попал в плен и султан Аблай, и только по настоянию русских властей он получает освобождение. В 1742 г. войска Галдан-Церена вновь напали на киргиз-кайсаков, и только вмешательство русских властей предотвратило катастрофическое поражение киргизов, которые бежали под защиту русских крепостей, чем и спаслись от физического уничтожения. Россия направила в Сибирь регулярные войска под командованием генерала Киндермана.

К 1 января 1856 г. в Оренбурге казачье войско насчитывало всего 97 846 мужчин и 99 046 женщин. Из них войскового сословия 96 161 мужчина и 97 305 женщин.

С 1736 г. в районы крепостных линий отправляли ссыльных и бродяг. Беглые крестьяне не отправлялись за Урал, а наоборот, их наделяли землей и освобождали от податей на три года.

Историк М. К. Любавский писал: «Русские крепости и военные посты облегли кочевья киргизов с запада, севера и востока, но не изолировали их от ханств Хивинского, Бухарского и Кокандского, откуда шли враждебные России влияния и внушения. Поэтому киргизы продолжали тревожить своими нападениями русские окраины, угоняли скот, уводили в плен жителей, жгли их селения и грабили имущество.

Для обуздания киргизов русское правительство решило не ограничиваться номинальным их подчинением, а так или иначе осуществлять над ними действительную власть.

В 1822 г. был утвержден выработанный Сперанским устав о сибирских киргизах. Он ослаблял родовое начало и умалял власть ханов, обычно падких на всякие соблазны и внушения извне, со стороны хивинцев, бухарцев и кокандцев. Устав предоставлял народу выбирать себе правителей и переносил русские административные пункты по управлению краем вглубь степей»[290].

Для установления реального контроля над ордами киргизов строились новые крепости на расстоянии 150–300 км южнее старой линии крепостей. Так, в 1824 г. были основаны Кокчетав и Караралы, в 1831 г. – Аягуз, в 1832 г. – Кокпекты, Баяп-Аул и Акмолы.

В 1833 г. на пост оренбургского военного губернатора и командира Оренбургского корпуса был назначен генерал-лейтенант Василий Алексеевич Перовский (1795–1857). Он был внебрачным сыном графа Алексея Кирилловича Разумовского от М. М. Соболевской и получил фамилию по названию подмосковного имения отца – Перово. Перовский отличился в Отечественной войне 1812 г. и в русско-турецкой войне 1828 г.

Новый губернатор энергично взялся за дело обеспечения безопасности русских границ. Его беспокойство вызывали не только постоянные набеги кочевников, но и попытки проникновения англичан в Среднюю Азию.

Так, в 1832 г. в Бухару под видом армянского купца прибыл английский офицер А. Бернс. Он встретился с эмиром Мир-Насруллой и попытался открыть торговый дом Ост-Индийской компании. Замечу, что обычно после проникновения в восточную страну Ост-Индийской компании следовало прибытие британских войск. Параллельно Бернс провел топографическую съемку местности на правом берегу Амударьи.

«Просвещенные мореплаватели» вмешались в афганские междоусобицы, и афганский шах Дост-Мухаммед в 1834 г. обратился за помощью к России. В декабре 1837 г. в Афганистан прибыл поручик Виткевич со специальной миссией.

1 октября 1838 г. Англия официально объявила войну Афганистану. Для похода туда была сформирована специальная Бенгальская армия под командованием генерала Фэйна (всего свыше 21 тысячи солдат). Однако вторжение в Афганистан закончилось в 1842 г. полным крахом. Лишь немногим англичанам удалось уйти. Война стоила британцам свыше 18 тысяч человек убитыми и 15 миллионов фунтов стерлингов.

Узнав о поражении англичан в Афганистане, бухарский эмир Насрулла приказал казнить двух британских эмиссаров: дипломата Коколли и полковника Штоддерта. Оба прибыли ко двору эмира, чтобы устроить конфликт между Бухарой и Россией. 17 июня 1842 г. Штоддерт и Коколли были публично обезглавлены на базарной площади.

В начале 1840-х годов Кениссары, один из султанов киргизской Большой Орды, учинил несколько нападений на русские территории. В ответ русские в 1845 г. построили Оренбургское укрепление на реке Тургае (позже ставшее городом Тургаем) и Уральское укрепление на реке Иргизе. Года через три был построен форт Карабутакский на Верхнем Иргизе.

Нападения киргизов Кениссары вскоре прекратились, так как враждебные ему султаны Большой орды, чтобы сохранить за собой власть, обратились к русскому правительству с просьбой принять их в русское подданство. Николай I изъявил свое согласие, и летом 1846 г. пять родов Большой Орды принесли присягу на верность России. Одновременно к озеру Балхаш и на реку Или были отправлены русские отряды, чтобы разгромить непокорного султана Кениссары. Тот бежал в Китай, но там был захвачен каракиргизами и убит. Тогда и остальные киргизы Большой Орды пожелали принять русское подданство. Русское правительство направило к ним несколько сотен казаков. Пройдя весь Илийский край, они в 30 верстах от китайской границы в 1847 г. заложили город Копал. В 1854 г. для защиты новых подданных от набегов каракиргизов Заилийского Алатау на месте древнего города Алма-Аты (Яблонный) была построена крепость Верный. После этого в подданство России перешла часть каракиргизов, живших в бассейне озера Иссык-Куль.

Для закрепления этого края за Россией сюда была переселена часть западно-сибирских линейных казаков, составивших Семиреченское войско. Чтобы пополнить это войско, всем желающим крестьянам западносибирской губернии русское правительство предложило переселиться в Семиречье с зачислением в казаки. Однако желающих оказалось мало. Тогда в 1858 и 1859 годах вышли царские указы о переселении в киргизскую степь с обращением в казаки всех крестьян, самовольно поселившихся в Западной Сибири, а также и тех, за кем числились недоимки в размере более годового оклада. Предписывалось давать переселенцам льготы по службе и получению провианта, а также денежное пособие на первое обзаведение.

Параллельно Россия встала твердой ногой и на восточном побережье Каспия. В 1842 г. на острове Ашур-аде в Астрабадском заливе в юго-восточном «углу» Каспийского моря была основана станция (база) Каспийской флотилии. (В настоящее время остров Ашур-аде и примыкающий район побережья – территория Ирана). Как было сказано в официальном документе, станция основана «для наблюдения за неспокойными туркменами». На станции Ашур-аде постоянно базировались два военных судна, а гарнизон составлял 130 человек при двух пушках.

В 1846 г. крепость и порт Новоалександровское на Мангышлакском полуострове были эвакуированы. А взамен в том же году на месте крепости святого Петра, основанной еще в 1716 г., был построен форт и порт Новопетровское. Причем при строительстве форта использовались укрепления петровских времен. Были вырыты колодцы, снабжавшие крепость пресной водой. Гарнизон крепости состоял из двух рот пехоты и двух сотен казаков, а также нескольких артиллеристов и 31 орудия. В защищенной Новопетровской гавани могло поместиться свыше сорока больших кораблей. В 1857 г. Новопетровская крепость была переименована в форт Александр, а в 1939 г. – в форт Шевченко.

В 1845 г. в устье реки Сырдарьи новый оренбургский губернатор генерал от инфантерии В. А. Обручев приказал построить укрепление Аральское (Раим) и… основать флотилию на Аральском море. В донесении в Петербург Обручев четко сформулировал необходимость этих мер: «Если мы не займем низовье Сыр-Дарьи, это сделают англичане».

Увы, Перовский приказал полковнику Ивану Федоровичу Бларамбергу отправиться в Раим и оттуда внезапно напасть на Ак-Мечеть. (Расстояние между обеими крепостями около 350 км). В отряд

Бларамберга вошли полурота пехоты и две сотни казаков при пяти пушках. Всего 12 офицеров и 457 нижних чинов.

Отряд выступил из Аральска (Раима) 3 июля 1852 г. Но лишь 27 июля 1853 г. русские войска под началом самого Перовского штурмом овладели Ак-Мечетью. Генерал Перовский за взятие кокандских крепостей получил рескрипт Николая I с благодарностью и решением о переименовании Ак-Мечети в форт Перовский. (В 1925 г. большевики переименовали город в Кзыл-Орду.)

С началом Крымской войны турецкие эмиссары пытались поднять среднеазиатских ханов на «священную войну» с неверными. Перовский доносил Николаю I о ситуации в Бухаре: «Между прочими средствами к возбуждению в народе религиозного фанатизма кокандские муллы пустили в ход древнее мусульманское поверье, заключающееся в том, что в Софийской мечети в Константинополе хранится меч Али, зятя Мухаммеда, и что когда настанет время восстать всем правоверным против гяуров, то меч этот сам должен выйти до половины из ножен. Теперь чудо это совершилось, проповедуют фанатики, обрекая проклятию всех, кто не послушается такого очевидного знака воли божией. Ту же идею стараются распространить в Бухаре турецкие послы, подтверждая справедливость сказанного чуда».

Активные действия англо-турецких эмиссаров в Средней Азии заставили царское правительство опасаться прямого вторжения британских или турецких войск в районы Средней Азии, ибо это нарушало планы Российской империи. Так, русский пристав при «киргизах Большой Орды» сообщал 23 января 1855 г. командиру Сибирского корпуса Гасфорду, что в конце 1854 г. к бухарскому эмиру приехал английский посол. Этот посол потребовал пропуска британских войск из Афганистана через Бухару на север, к русской границе. Эмир якобы сначала отверг это требование, но «когда английский посланник привез ему фирман турецкого султана, то он и разрешил». Указывая на эти обстоятельства, Гасфорд в письме военному министру подчеркивал реальную угрозу того, что при «согласии бухарского хана и афганских владетелей англичане как союзники турецкого султана под предлогом поддержания прав магометан пришлют кокандскому хану своих или турецких инструкторов и оружие и тем, конечно, смогут усилить и направить действия необразованных и неустроенных кокандских ополчений».

Чтобы обезопасить себя от нападений киргизов и кокандцев, русские войска двинулись на юг и в 70 км севернее озера Иссык-Куль основали в 1854 г. крепость Верный (с 1921 г. Алма-Ата).

Военно-политическая экспансия Англии в Среднюю Азию сочеталась с экономической. Департамент внешней торговли России указывал на сокращение русского вывоза в Среднюю Азию в 1845 г. в связи с «усилившимся привозом на бухарский рынок ост-индских и английских товаров, которым цены далеко ниже наших». Отчет этого департамента за 1847 г. констатировал: «Совместничество английских товаров по бухарским и хивинским рынкам препятствовало выгодному сбыту русских бумажных изделий и некоторых других товаров».

Купец Ключаров, автор «Описания Кокандского ханства», утверждал: «Товары российские в нынешнем 1852 г. во всей Средней Азии, как в Кокании, Ташкенте и Бухаре, упали ценой до чрезвычайной степени, так что противу прежних цен выручали 80 коп. из рубля из самых лучших товаров; продажа более в кредит, за наличные продажи совсем не было, причина оному более полагают – в нынешнем году необыкновенно большой вывоз во все азиатские провинции Средней Азии аглицких бумажных мануфактурных товаров; ихние комиссионеры – персиане, ширванцы и афганцы – продают здесь в кредит на 12 и 18 месяцев, и тем более успевают продавать свои товары, хотя набивные ихние бумажные товары и миткали очень слабой доброты и краски более линючие, но рисунки ситцев самые азиатские во вкусе».

Ключарев подчеркивал, что англичане продают свои товары по более дешевым ценам, «потому и торговля наша со здешним краем становится для нас самой безвыгодной, из бумажных товаров нет ни одного товара в особенном требовании, чтобы можно было здесь с выгодой продать, кроме металлических товаров, как то: медь, железо, сталь, чугун, олово, которые всегда имеют здесь цену и требование на оные постоянное…»[291].

Деятельность англичан в Средней Азии вызвала серьезные опасения у русского правительства. Любопытно, что, анализируя результаты Крымской войны, Карл Маркс в своем «Конспекте книги Бакунина “Государственность и анархия”» писал: «Итак, для Всероссийской империи путь в Европу

ныне закрыт… Но если закрыт путь северо-западный, то остается южный и юго-восточный, Бухара, Персия, Афганистан, Ост-Индия, наконец, Константинополь»[292]. Не надо быть марксистом, чтобы оценить прозорливость классика.

Продвижение на юг в Средней Азии отвечало не только геополитическим и военным интересам русских, но и интересам отечественных промышленников.

В 1857 г. видный экономист Ю. А. Гагемейстер в статье «Взгляд на промышленность и торговлю России» писал, что темпы развития «азиатской» торговли значительно выше, чем «европейской». Он подчеркивал, что «половина всего отпуска в Азию состоит из товаров обработанных, которых по европейской границе отпускается самое ничтожное количество».

В 1860 году в Бухару прибыло несколько представителей Англии, чтобы добиться от эмира Насруллы согласия на организацию английского судоходства по Амударье. Одновременно с этим через Каратегин и Дарваз проник в Коканд британский разведчик Абдул Маджид, которому поручалось установить контакт с правителем Коканда Маллябеком и передать ему подарки и письмо с предложением поддерживать связь с Британской Индией.

Из Коканда непрерывно поступали сведения о развернувшейся там подготовке к военным действиям против России весной 1860 г. В город Туркестан прибыл из Афганистана специалист по оружейному делу, предложивший местному беку помощь в изготовлении пушек, мортир и артиллерийских снарядов европейского образца. Военные власти Оренбурга не без оснований полагали, что этот мастер был прислан из Британской Индии.

О подготовке Кокандского ханства к войне сообщал в Петербург также и генерал-губернатор Западной Сибири. Кокандские чиновники, разъезжая по киргизским селениям, под страхом смертной казни отбирали скот и лошадей для своей армии. Пунктом сосредоточения кокандской армии был назначен Ташкент. Одновременно укреплялись аванпосты Кокандского ханства в киргизских землях – в Пишпеке, Мерке, Аулие-Ате и др.

Для изучения складывавшейся обстановки царское правительство отправило разведывательные отряды к Иссык-Кулю и в район Пишпека. Руководителю рекогносцировки у Иссык-Куля капитану Венюкову было предписано уклоняться от каких-либо военных действий.

В июне 1860 г. рекогносцировка побережья озера Иссык-Куль была завершена без каких-либо происшествий, но в районе Токмак – Пишпек начались столкновения между царскими и кокандскими войсками. Воспользовавшись нападением кокандских отрядов на селение Кастек, небольшой отряд полковника Циммермана в сентябре 1860 г. захватил Пишпек и Токмак, разрушил находившиеся там укрепления и вернулся в Верный.

В 1868 г. русские войска без боя овладели древним городом Самарканд.

2 июня 1868 г. бухарский эмир Музафар подписал мирный договор с оренбургским генерал-губернатором Кауфманом. Узнав о договоре с бухарским эмиром, канцлер князь Горчаков традиционно запаниковал и стал стращать царя гневом Альбиона. В результате в августе 1868 г., когда Кауфман выехал из Ташкента в Петербург для личного доклада, на одной из почтовых станций в степи его встретил фельдкурьер с категорическим предписанием царя немедленно вернуть Самарканд и Катта-Курган бухарскому эмиру. Генерал-губернатор прочитал предписание и, не сделав никакого распоряжения, двинулся дальше.

Позже Кауфман заявил: «Наша дипломатия, да и все правительство поддались угрозам и беснованию Англии. Выяснилось же главное – полное непонимание положения России в Средней Азии… Да, это бюрократическое невежество наше поразительно… само беснование Англии должно было не пугать наше правительство, а радовать его»[293].

Ну а царю ничего не оставалось, как утвердить договор с бухарским эмиром.

К 1869 г. наиболее враждебным России государственным образованием в Средней Азии стало Хивинское ханство. Хивинский хан помогал оружием и деньгами бандитским шайкам туркмен и киргизов, действовавших на русской территории. В итоге в 1869 г. русское правительство приняло решение унять агрессивного хана.

Действовать против хана было решено с двух сторон: из Туркестана и с восточного побережья Каспийского моря. Последнее направление было стратегически более удобным.

С 5 по 7 ноября 1869 г. в Красноводском заливе с кораблей Каспийской флотилии высадился русский десант в составе одного батальона пехоты и полусотни казаков при шести пушках. Командовал десантом полковник Н. Г. Столетов. На этом месте был основан форт Столетов, а позже – город Красноводск.

26 мая 1873 г. русские войска подошли к Хиве. Первый штурм был отбит с большими потерями. Пошли разговоры об отступлении. Но нашелся лихой подполковник М. Д. Скобелев, который, никого не спросясь, повел две роты солдат на штурм Хивы. Генерал Веревкин отправил к ослушнику ординарца с приказом остановиться, пригрозив расстрелом за неповиновение. Скобелев послал ответ начальнику: «Идти назад страшно, стоять на месте – опасно, остается взять ханский дворец». И скобелевские молодцы лихо взяли крепость и ханский дворец.

Однако хану удалось скрыться. Кауфман предложил беглому хану вернуться. Встреча Мохаммеда Рахима II с туркестанским генерал-губернатором состоялась 2 июня 1873 г. недалеко от Хивы в тенистом Гандемианском саду – загородной резиденции хана.

Стороны подписали мирный договор, в котором говорилось: «Хан признает себя покорным слугой императора всероссийского, отказывается от всяких непосредственных дружеских сношений с соседними владетелями и ханами и от заключения с ними каких-либо торговых и других договоров и без ведома и разрешения высшей русской власти в Средней Азии не предпримет никаких военных действий против них. Весь правый берег Аму-Дарьи и прилегающие к нему хивинские земли уступаются России… Русским пароходам и другим судам как правительственным, так и частным, предоставляется свободное и исключительное плавание по Аму-Дарье, а суда хивинские и бухарские пользуются этим правом не иначе, как с разрешения русской высшей власти в Средней Азии»[294].

Финалом покорения Средней Азии можно считать взятие сильнейшей текинской крепости Геог-тепе (Денгиль-тепе) 12 января 1881 г.

Глава 3. Повседневная жизнь русского Туркестана

Как уже говорилось, 11 июля 1867 г. в Средней Азии было создано Туркестанское генерал-губернаторство. Тогда же был принят «Проект положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями». Генерал-губернатор являлся одновременно и командующим войсками Туркестанского военного округа. Он наделялся правом ведения дипломатических отношений с соседними государствами.

Управление делилось на областное и частное – по городам, селениям, волостям и аулам. Во главе областей стояли военные губернаторы, имевшие и гражданские полномочия. Так, в Семиреченской области губернатор был одновременно и наказным атаманом Семиреченского казачьего войска. Областное правление являлось коллегиальным учреждением, соединяло в себе права и обязанности губернского правления, казенной и судебной палат.

В 1886 г. было принято новое «Положение об управлении Туркестанским краем», разработанное после первой сенаторской ревизии Туркестанского генерал-губернаторства тайным советником Н. К. Гирсом. По представлению Гирса в 1884 г. была создана особая комиссия, которая в 1886 г. и подготовила новое «Положение…». Члены комиссии исходили из того, что завоевание Средней Азии закончено, край уже достаточно обрусел и может управляться на основе общеимперского законодательства при сохранении для коренного населения отдельных традиционных учреждений. Комиссия посчитала, что необходимость в максимально широких полномочиях для туркестанского генерал-губернатора отпала.

В том же 1886 году создается новый орган – Совет Туркестанского генерал-губернатора, которому предоставлялось право законодательной инициативы в вопросах управления краем. К его ведению относились и вопросы поземельно-податного устройства, земских повинностей, а также другие общеадминистративные задачи.

Полномочия генерал-губернатора и его канцелярии по внешнеполитическим вопросам значительно урезались. В январе 1886 г. учреждается Российское императорское политическое агентство в Бухаре – орган Министерства иностранных дел. А с 1899 г. внешнеполитические вопросы в Туркестане в целом

также были поставлены под контроль МИДа. Они перешли в ведение дипломатического чиновника, находившегося в двойном подчинении и непосредственно занимавшегося связями с сопредельными странами. За начальником Закаспийской области оставалось право самостоятельно решать вопросы пограничных сношений с Ираном, а за начальником Амударьинского отдела сохранялся статус дипломатического представителя при хивинском хане. В 1900 г. учреждается должность помощника туркестанского генерал-губернатора, назначаемого императором. Помощник заменил генерал-губернатора на посту председателя совета.

Положением 1886 года все оседлое население Туркестана в уезде разделялось на волости, а волости – на сельские общества (аксакальства).

Уездный начальник имел административные и полицейские полномочия, следил за сохранением порядка в уезде, сбором податей, за состоянием здравоохранения, торговли, собирал статистические сведения об уезде, в ряде городов выдавал купцам и мещанам из русских торговые документы.

Волостные управители и аульные старшины избирались среди кочевников на три года. На эти должности мог быть избран каждый, «кто пользуется уважением и доверием народа, не опорочен по суду, не находится под следствием и имеет от роду не менее 25 лет». В каждом ауле хозяева 10 кибиток избирали выборного, а сход этих выборных – аульного старшину и его кандидата. Для выбора волостного и его кандидата в каждой волости хозяева 50 кибиток избирали одного выборного, съезды этих выборных избирали волостного. Выборы производились путем баллотировки. Избранным считался тот, кто получил большинство избирательных шаров. Волостных утверждал в должности военный губернатор, аульных старшин – уездный начальник. Военный губернатор мог в случае злоупотреблений и неисполнения обязанностей отстранить от должности волостных управителей, а уездный начальник – аульных старшин.

Волостные управители имели полицейскую и распорядительную власть, наблюдали за порядком, соблюдением законов, вели сбор податей, выполняли указания уездных начальников, приводили в исполнение судебные решения и постановления народных судов. Волостные управители за неповиновение властям или драки могли подвергать виновных аресту до трех дней и штрафу в размере трех рублей. Аульные старшины исполняли в ауле те же обязанности, что волостные в волости.

Полицейская и распорядительная власть над оседлым населением в городах и селениях Сырдарьинской области сосредоточивалась в руках аксакалов, которые избирались сроком на три года и утверждались в своей должности военным губернатором. Выборы были аналогичны выборам среди кочевого населения. Города и крупные селения разделялись на кварталы, от каждого избирался один аксакал, имевший те же права и обязанности, что и волостной управитель у кочевников.

Управление в казачьих селениях Семиреченского казачьего войска определялось особым «Положением».

В Семиреченской и Сырдарьинской областях действовали три вида суда: военный, суд на основании общих законов империи и суд народный. В сырдарьинских городах и селениях создавались общественные хозяйственные управления из 3–5 выборных членов. Они избирались на три года одновременно с аксакалами и утверждались уездными начальниками или ташкентским городским начальником. Это был совещательный орган управления, призванный вести раскладку сборов и податей, заниматься общественным хозяйством.

В Семиреченской и Сырдарьинской областях кочевое население платило кибиточный сбор – по 2 руб 75 коп в год с кибитки; а оседлое – поземельные сборы и налоги (харадж и танап). Харадж устанавливался в размере десятой части урожая, танап – в зависимости от вида и сорта земледельческих продуктов.

В Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях кочевое и оседлое население платило разные виды налогов. Кроме кибиточной подати в 3 рубля кочевники отдавали по 50 копеек подводной повинности, а также выполняли земские повинности по содержанию чинов местного управления, ремонту и строительству дорог, поставляли лошадей для разъездов чиновников и военнослужащих.

В 80-е годы XIX в. произошли некоторые изменения в системе управления краем: в июле 1881 г. упраздняется Оренбургское генерал-губернаторство, а главное управление Уральской и Тургайской областями переходит к Министерству внутренних дел. Менее чем через год ликвидируются Западносибирское генерал-губернаторство и Совет главного управления Западной Сибири и создается Степное генерал-губернаторство. Вводится должность степного генерал-губернатора, которому подчиняются Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская области (последняя передана из ведения туркестанского генерал-губернатора). Эти области управлялись на основании временных постановлений 1867–1868 гг., не получивших законодательного утверждения.

Согласно принятому в 1891 г. «Положению об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями», во главе областей стал степной генерал-губернатор. Ему принадлежала распорядительная власть, право утверждать должностных лиц, проекты и сметы на строительные работы – до 20 тыс. рублей, а также высылать неблагонадежных в Сибирь на срок до пяти лет.

Местное управление возглавляли военные губернаторы и областные правления.

Уездами управляли уездные начальники, назначенные степным генерал-губернатором, а в Уральской и Тургайской областях – военные губернаторы, которые приравнивались к уездным исправникам и управляли сельским населением на правах уездного по крестьянским делам присутствия, контролировали решения волостных, аульных и сельских сходов, налагали на виновных арест до семи дней и штраф до 15 рублей.

Города управлялись депутатами от городских обществ при уездных начальниках под наблюдением губернаторов и областных правлений; здесь функционировали полицейские управления, а в более мелких городах – приставства и полицейские команды из вольнонаемных.

«Степное положение» 1891 года ввело для кочевого и оседлого населения следующие подати и повинности. Сельские общества, образованные из русских, дунган и уйгуров, за отведенные им в надел государственные земли платили оброчную подать наравне с государственными крестьянами – по количеству используемой земли. Раскладка причитавшейся с каждого сельского общества суммы между ее членами производилась на сельских сходах.

В кочевых районах кибиточная подать собиралась волостными управителями и аульными старшинами. Они составляли списки кибитковладельцев, которые затем проверялись уездными начальниками, областными правлениями. Назначенная сумма кибиточной подати на волость распределялась между аульными обществами волостным съездом, а в аулах – аульными съездами с учетом благосостояния каждого.

Значительно возросли земские сборы. На средства населения содержались полицейско-административный аппарат на местах, земские учреждения, школы, больницы, пожарная охрана; сюда же были отнесены содержание и ремонт дорог, мостов; подводная и почтовая повинности и т. п. Земские повинности несли кочевое население, а также сельские общества, владельцы недвижимого имущества в городах, владельцы фабричных и заводских помещений и т. д.

По «Степному положению» в областях учреждались общеимперские суды, действовавшие по общегосударственным законам, и суды биев, руководствовавшиеся нормами адата – обычного права. Общеимперские суды включали в свой состав мировых судей; окружные и мировые суды являлись высшей инстанцией судебной власти в областях. Мировые судьи, появившиеся в Казахстане в 1886 г., назначались и смещались Министерством юстиции после согласования со степным генерал-губернатором. Они существовали во всех уездах областей и в городах Семипалатинске, Верном, Уральске, решая все уголовные дела и пользуясь широкими полномочиями при рассмотрении гражданских дел. Суд биев был единоличным и коллективным, когда решение дела выносилось на волостные или чрезвычайные съезды биев. Суды биев по Положению 1886 года должны были судить «по обычаям», но фактически судили по законам шариата, на что власти смотрели сквозь пальцы.

Города Туркестанского и Степного генерал-губернаторств в отличие от городов Европейской России не пользовались правом самоуправления. В 1877 г. исключение в этом отношении было сделано лишь для Ташкента: здесь действовало городское положение, по которому избиралась городская дума, состоявшая из городского головы и гласных. Но только одна треть гласных избиралась от «азиатской»,

а две трети – от «русской» части города. При этом в выборах проявлялись ограничения по этническому, имущественному и образовательному признакам: так, например, гласными могли быть только представители купечества, из предпринимательской среды и интеллигенции.

Русские власти в Туркестане никогда не вмешивались в дела мусульманского духовенства и конфессиональных мусульманских школ. Первый туркестанский генерал-губернатор Кауфман придерживался принципа невмешательства в дела веры, а мусульманское духовенство попросту игнорировал. Кауфман считал мусульманскую религию отсталой и примитивной, которая со временем должна деградировать под воздействием внешних обстоятельств. Так что вмешиваться в этот процесс не стоит. Поэтому к исламскому духовенству русское правительство изначально относилось нейтрально. Правительство имело опыт государственного управления «магометанством», создав подчиненные Министерству внутренних дел муфтиаты для руководства делами татарских и кавказских мусульман. Поначалу и Кауфман хотел создать муфтиаты в Туркестане, но позже счел это нецелесообразным.

Схема железных дорог Среднеазиатского района:

1. Дороги, построенные до 1900 г.;

2. Дороги, построенные в 1900–1917 гг.

К тому же в 1868 г. Кауфман разорвал все отношения с оренбургским Магометанским духовным собранием, которому подчинялось духовенство Туркестана. Кауфман стремился укрепить автономное положение исламского духовенства, чтобы не допустить какого-либо, пусть даже через департамент духовных дел, вмешательства МВД в деятельность туркестанской администрации. Эти постоянные

противоречия между МВД и туркестанской администрацией, стремившейся к независимости, привели к тому, что вплоть до 1917 г. в Туркестане сохранялось автономное положение мусульманского духовенства, а все попытки Уфимского муфтиата установить там свой контроль заканчивались неудачей.

Образование коренного населения Туркестана до начала XX века находилось в ведении мусульманских школ. Кауфман считал отсталой мусульманскую школу, как и Ислам в целом, поэтому он ее терпел, но не поощрял. Кауфман пытался развивать среди мусульманского населения российскую систему образования, а мусульманская школа должна была существовать сама по себе. Поэтому по настоянию Кауфмана на Туркестанский край не были распространены Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев от 26 марта 1870 г. А по этим правилам мусульманские школы могли рассчитывать на правительственную поддержку. Кауфман пытался создавать для местного населения русские школы, но мусульмане предпочитали вообще не учить своих детей, нежели отдавать их в русские школы. Кочевники, населявшие Туркестан, если уж и отдавали детей учиться, то в мусульманские школы.

Для развития экономики Средней Азии требовались надежные транспортные артерии. В то время ими могли стать железные дороги и пароходства на азиатских реках. Понятно, что транспорт имел и важное военно-стратегическое значение. До 1907 г. Россия и Англия постоянно находились на грани войны.

Англичане тянули железные дороги на север Индии. Несколько раз они собирались их строить даже на территории Афганистана, но так до сир пор (на 2006 год) и не построили.

В свою очередь Россия также начала интенсивно строить железные дороги в Средней Азии. Так, строительство Закаспийской железной дороги было начато с прибытием в Красноводск Скобелева. К 4 октября 1880 г. железнодорожный путь был уложен от Красноводска до Мулла-кары, на протяжении 22,5 версты, а к началу января 1881 г. – уже до 115-й версты. В 1885 г. железная дорога достигла Ашхабада, в 1886 г. – Чарджоу, а в 1888 г. – Самарканда.

Российские железные дороги были протянуты и к главным портам Каспийского моря. В 1883 г. вошла в строй линия Поти – Баку, а в мае 1894 г. Ростов-на-Дону был соединен с Петровском.

В 1909 г. вступила в строй линия (552 км) Астрахань – Красный Кут для транспортировки грузов, доставляемых на пароходах вглубь страны. Это было особенно важно, поскольку с ноября по апрель Волга замерзала даже в низовьях.

Оренбург был соединен железной дорогой с Центральной Россией еще в 1877 г.

А в 1900 г. началось строительство Оренбург-Ташкентской железной дороги. Она была разделена на две части: северную – от Оренбурга до станции Кубек, и южную – от Кубека до Ташкента, протяженностью, соответственно, 1010 км и 842 км. Строительство северной части линии проходило в условиях резко континентального климата. Особенно мешали сильные морозы и мощные бураны в зимнее время. В южной же части строительство осложнялось необходимостью устройства земляного полотна практически в пойме Сырдарьи. Характер этой реки с ее разливами и блуждающим руслом, многочисленные арыки доставляли строителям много хлопот. Повсеместно приходилось укреплять берега, спрямлять излучины русла, делать полузапруды, траверсы, возводить акведуки, виадуки и другие сложные сооружения. Прокладка магистрали затруднялась из-за отсутствия лесоматериалов и качественного водоснабжения, а также малонаселенностью района. Поэтому регулярное железнодорожное сообщение было налажено лишь в 1906 г.

В 1900 г. самая южная точка Семиречья Кушка была через Мерв соединена железнодорожным сообщением с Закаспийской железной дорогой. Экономического значения эта 335-верстная линия почти не имела. Зато Кушка стала важным опорным пунктом для борьбы с Англией. Кушка была превращена в крепость. 30 мая 1893 г. там сформировали отдельную крепостную артиллерийскую роту, а к 1 февраля 1902 г. там было уже три крепостных артиллерийских роты. К этому времени вооружение крепости состояло из 26 легких полевых пушек (обр. 1877 г.), десяти 6-дюймовых (152-мм) полевых мортир и шестнадцати полупудовых (152-мм) гладких мортир обр. 1838 г. Вооружение это не шло ни в какое сравнение с западными крепостями России, такими, как Ивангород или Брест, но огневая мощь крепостной артиллерии Кушки превышала мощь всей артиллерии Афганистана.

Кроме того, в Кушке было сосредоточено и отделение осадного артиллерийского парка в составе шестнадцати 6-дюймовых (152-мм) осадных пушек в 120 пудов, шестнадцати легких полевых пушек (обр. 1877 г.), четырех 8-дюймовых (203-мм) полевых легких мортир и шестнадцати полупудовых гладких мортир. На случай войны с Афганистаном нужды в тяжелых 6-дюймовых пушках и 8-дюймовых мортирах не было. Эти орудия предназначались для индийских крепостей.

Наконец, в 1915–1916 гг. Бухара была соединена с Термезом железной дорогой в 490 км, а от станции Карши этой дороги до города Китаб была проложена 122-километровая ветка.

Как уже говорилось, большую роль в военных перевозках в 60—70-х годах XIX века играла Аральская военная флотилия. С 1865 г. по 1879 г. включительно флотилией было перевезено 1 724 414 пудов (более 28 тыс. т) грузов и 29 146 пассажиров. Содержание флотилии по штату 1866 г. обходилось в 163 089 рублей, а по штату 1880 г. – в 261 366 рублей.

Однако в 1883 г. Аральская флотилия была упразднена. Это было связано в первую очередь с планами создания Аму-дарьинской флотилии, а Сырдарья и Арал уже перестали быть границами империи. Морское ведомство не имело средств содержать два флотилии в Средней Азии и отдало предпочтение Амударье.

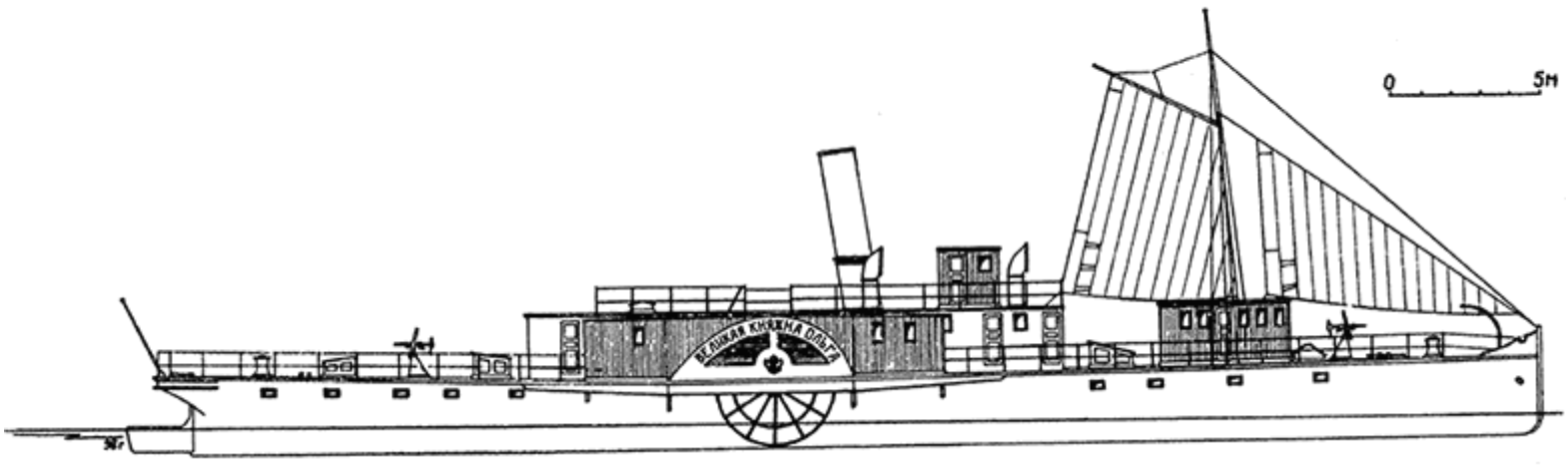
Официальное назначение Амударьинской флотилии заключалось в снабжении русских гарнизонов в Петро Александровске и в верхнем течение Амударьи в Керки, Термезе и т. д. Базой флотилии стал город Чарджуй, куда в 1886 г. пришла железная дорога из Красноводска.

Создание в 1885 г. новой флотилии было одним из элементов войны с Англией, то есть вторжение в Индию. Не стоит забывать, что в 1885 г. случился очередной кризис, когда Россия и Альбион были на грани войны, и в Атлантическом и Тихом океанах русские и британские крейсера при встречах наводили друг на друга заряженные пушки.

В 1887 г. в строй вступили буксиропассажирский пароход «Царь и Царица» водоизмещением 165 т, грузоподъемностью 82 т и с осадкой 0,91 м, а также две железные баржи грузоподъемностью 164 т. В следующем году этот пароход с баржами на буксире совершал регулярные рейсы от Петро-Александровска до Керки.

Первоначально личный состав Аму-дарьинской флотилии комплектовался моряками, а суда ходили под Андреевским флагом. Оперативно же флотилия подчинялась командующему Туркестанским военным округом, и посему 23 апреля 1894 г. флотилия была передана Военному ведомству. С этого времени личный состав ее комплектовался из офицеров и солдат военного округа.

Получилась вроде бы забавная ситуация – армия имеет военную флотилию! Но в конце XIX – начале XX века русская армия имела не только эту флотилию, но и десятки пароходов, моторных и паровых катеров на Балтике, Черном море и Тихом океане.

Пароход «Великая княжна Ольга»

И на Амударье армия повела себя куда деятельнее, чем моряки. С 1895 г. по 1901 г. флотилия пополнилась новыми буксиропассажирскими пароходами «Цесаревич Алексей», «Великий князь», «Великая княжна Ольга» и «Император Николай II», двумя паровыми катерами, паровым барказом и десятью баржами.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Флотилия под армейским командованием поддерживала срочные рейсы: пассажирские (почтовые) и грузовые на участке Чарджуй – Петро-Александровск (410 верст) одним пароходом и на участке Чарджуй – Керки – Келиф – Термез (433 версты) пятью пароходами. Продолжительность навигации на нижнем плесе составляла 8,5 месяца (с 1 марта до середины ноября), а на верхнем плесе – 10 месяцев (кроме ноября и декабря). Продолжительность буксирного рейса по расписанию от Чарджуя до Термеза – 10 дней и обратно 6 дней, а от Чарджуя до Петро-Александровска – 5 дней и обратно 7 дней. Отдельные пароходы флотилии ходили через Аральское море в Сырдарью и вверх по реке до Сарая.

Пароходы флотилии питались исключительно нефтью. На пути были устроены плавучие нефтехранилища. За четыре года, с 1905 по 1908 г., в среднем ежегодно делалось 77 рейсов и перевозилось 17 тысяч пассажиров и 530 тыс. пудов (8,7 тыс. т) казенного и частного груза.

Общая грузоподъемность флотилии составляла: 125 пассажиров 1-го класса, 3650—3-го класса, 43 тыс. пудов (704 т) полезного груза.

В начале XX века у армейской флотилии появился конкурент – акционерное пароходное общество «Хива». Однако и грузов, и пассажиров хватало как казенным, так и частным пароходам.

Понятно, что сами по себе воинские части, железные дороги и речные пароходы не могли закрепить Среднюю Азию за империей без интенсивной колонизации ее славянским населением.

Первыми русскими поселками в киргизских степях стали города и городки-укрепления, населенные военными, главным образом казаками. Но вслед за ними появлялись и мирные земледельцы – иногда случайно, но чаще по вызову своих родственников казаков. Это были мещане разных сибирских городов, но большей частью крестьяне Тобольской губернии из Курганского и Ишимского уездов, прилегавших к Акмолинской области. В этих уездах при установившемся экстенсивном землепользовании стала уже ощущаться относительная земельная теснота. Обычно желающие переселиться в Акмолинскую область высылали туда ходоков, которые высматривали подходящие места, арендовали у киргизов небольшие участки, делали распашки и посевы и, убедившись в доброкачественности почвы и угодий, законтрактовывали эти земли на определенные сроки и вызывали к себе земляков или принимали странствующих русских переселенцев. Таким образом среди киргизских степей возникали русские крестьянские поселки со всем деревенским обзаведением. На почве таких арендных соглашений колонизовались и другие местности киргизской степи – Тургайская область и Павлодарский уезд Семипалатинской области.

Со временем между арендаторами-переселенцами и хозяевами-киргизами возникали недоразумения, вызывавшие вмешательство администрации и ходатайство русских поселенцев об образовании самостоятельных русских поселков. В 1879 г. такое ходатайство было удовлетворено, поскольку отвечало намерениям правительства. Генерал-губернатор Западной Сибири Казнаков в 1875 г. сделал правительству представление о необходимости заселения края русскими земледельцами. Он писал: «Доколе киргизы будут одиноко совершать в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочевок, вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию и будут числиться русскими только по переписям». Выход из этого положения Казнаков видел в заселении края крестьянами-земледельцами: «Осторожное, без стеснения кочевого населения, водворение внутри степей оседлого населения, частое общение русского населения с киргизами и наглядный пример более удобной жизни представляет единственное средство, могущее смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа».

Это представление Казнакова встретило в Петербурге поддержку. Решено было образовать на киргизских землях русские поселения, главным образом при почтовых и коммерческих трактах.

Переселенцы направлялись в основном «на Ишим», где были прекрасные пахотные земли, заливные луга, достаточное количество леса, в старицах и озерах было много рыбы, а на лугах много дичи. Число переселенцев возрастало с каждым годом: в 1879 г. – 1800 душ, в 1890 г. – 12 тыс. душ.

В 1891 г. в Акмолинскую и Семипалатинскую области прибыла часть западно-сибирского переселенческого отряда, которая отвела для 11 тысяч человек, переселившихся в Акмолинскую область, 250 тысяч десятин и под четыре участка в Семипалатинской области 33 тысячи десятин.

С проведением Сибирской железной дороги переселение в киргизские степи еще увеличилось. В последние пять лет XIX века в одной только Акмолинской области возникло 754 новых села, насчитывавших 629 473 жителя. Главную массу переселенцев дали соседние Пермская и Тобольская губернии, населившие ту часть края, где растут леса. В южную, чисто степную часть края переселялись из губерний черноземной полосы.

Колонизация западной части края (Тургайская и Уральская области) началась с конца 1860-х годов, но не достигла таких масштабов, как в Акмолинской и Семипалатинской областях, так как там было сравнительно мало мест, пригодных для земледелия. Больше всего переселенцев поселялось в Кустанайском уезде (город Кустанай был основан в 1881 г.), как самом плодородном во всей западной части края.

В Туркестанском крае первыми пунктами русской оседлости также были города, которые русское правительство или строило вновь, или же отнимало у туземцев и снабжало военными гарнизонами. Первыми русскими поселенцами здесь, как и на других присоединенных территориях, были военные – казаки и солдаты. Вновь построенных русских городов в Туркестане было немного – Копал, Верный, Казалинск, Красноводск, Петро-Александровск, форт Александровский (на Мангышлаке), Скобелев (Новый Маргелан). Основные же города края существовали тут задолго до появления русских и после присоединения к России заселялись военными, чиновниками и служащими разных ведомств, а также торговцами. Это русское население в большинстве случаев устраивалось обособленно от местного, жившего в так называемой туземной части города.

Русских в туркестанских городах до 1914 г. было немного. Так, в Ташкенте на 236 тыс. жителей приходилось в 1911 г. 47,5 тыс. русских; в Мерве на 16 тыс. местных – 5,5 тысячи русских и т. д.

Во всех областях русского Туркестана, кроме Семиречинской и Ферганской, городское русское население было многочисленнее сельского. В Закаспийской области в 1911 г. в городах проживало 27 176 русских, а в уездах только 14 495; в Сырдарьинской – соответственно 66 982 и 36 518; в Самаркандской – 16 783 и 6146; в Ферганской – 16 565 и 17 635; в Семиреченской – 49 868 и 154 439. В общем число всего русского населения по сравнению с туземным – киргизами, сартами, таджиками, татарами, кипчаками, туркменами, каракалпаками, кашгарцами, таранчами и монголами (в Семиречье) было ничтожным. В 1911 г. в Закаспийской области на 472 500 человек населения приходилось 41 671 русских, то есть менее десятой части. В Сырдарьинской области – 103 500 на 1 816 550, то есть опять-таки менее десятой части. В Самаркандской области – 22 903 на 960 202, то есть менее сороковой части, а в Ферганской области – 34 200 на 2 041 900 – менее одной шестидесятой. В только в Семиреченской области, наиболее вклинивавшейся в Западную Сибирь, наиболее близкой к ней по климатическим и почвенным условиям и поэтому захваченной общим колонизационным течением, направлявшимся в Западную Сибирь, в 1911 г. было 204 307 русских на 1 201 540 человек всего населения.

По сведениям, собранным к 1 марта 1890 г., общая площадь городской территории Ташкента составляла 176 кв. верст, население города – 12 880 человек в русской части города, без войск, и 120 585 человек туземного населения в азиатской части. В русских учебных заведениях училось 1 018 человек обоего пола, а в азиатских школах и медрессе 8 305 человек. Фабрик и заводов в Ташкенте насчитывалось 666, вырабатываемых на них изделий производилось на сумму 2 289 915 рублей.

К сожалению, деятельность Русской православной церкви по русификации Туркестанского края была в целом негативна. Так, «миссионерской деятельности в Туркестане практически не велось: случаи перехода местных жителей в Православие, как и русских в мусульманство – единичны. Робкая попытка епископа Григория (Полетаева) организовать миссию среди имевшихся в Кыргызстане язычников была пресечена указом генерал-губернатора Вревского о “передаче религиозных дел кара-киргизов в ведение сартского (то есть узбекского) мусульманского духовенства”»[295].

А, с другой стороны, православное духовенство мешало заключению межконфессиональных браков. До 1741 г. русскому человеку, сменившему православную веру на иную, грозила смертная казнь, а до 1907 г. – длительное или даже бессрочное заключение в государственной или монастырской тюрьме. Если русский (русская) вступал в брак с неверной (неверным), то дети должны были исповедовать православие, в противном случае их силой отбирали у родителей.

В 1902 г. была учреждена специальная комиссия для составления нового Положения об управлении краем. Члены комиссии считали, что сам факт существования народных судов в Туркестане – явление отрицательное, а деятельность народных судов на основе законов шариата и местных народных обычаев нарушает единство права в государстве. Применение законов шариата ведет к укреплению связи населения Туркестана с мусульманским миром, а не с российским общеимперским центром. Поэтому необходимо постепенное поглощение народного суда общеимперским.

Однако местная администрация неоднозначно отнеслась к выводам комиссии. Многие чиновники считали, что только шариат может удержать мусульманское население края в повиновении царским властям. Так, А. И. Термен писал: «…народ, оставшийся на той же ступени развития, лишь почувствовал, что с него сняты наказание, что ему нечего бояться своего закона, так как он для него необязателен, наказания же, налагаемые на него русскими законами, для него совершенно не являются наказаниями, и любой мусульманин всегда скажет, что “русский закон слаб”»[296].

А вот прокурор Ташкентской судебной палаты писал, что «введение для всего Туркестана общеимперского русского суда послужило бы самым надежным средством к уничтожению обособленности, к объединению и слиянию инородцев с русскими».

Революция 1905 г. не обошла и Туркестан. Наибольшего накала революционное движение в Северном Туркестане достигло осенью 1905 г. К этому времени относится возникновение первых социал-демократических групп. В октябре – ноябре бастовали железнодорожные рабочие Ходжента. В декабре 1905 г. восстали солдаты понтонной роты Ходжентского гарнизона, в марте 1906 г. – крестьяне кишлака Чорку Исфаринской волости.

Тут следует отметить крайне важную деталь – в Туркестане русские и туземцы бастовали порознь. Если русские железнодорожные служащие, чиновники и др. выступали за республиканское правительство, конституцию, свободу печати и т. п., то местные крестьяне, включая баев, хотели попросту пограбить русских и, в частности, отнять у них землю, скот и молодых женщин. Позже продажные советские историки будут сводить эти принципиально разные движения в одно «революционное движение в Средней Азии».

Бездарная политика царских властей привела не к интеграции русских и коренного населения, а воздвигла между ними еще больше барьеров. Между тем можно было править совсем иначе.

Во-первых, следовало налаживать контакты с лояльным мусульманским духовенством. С помощью материальных вложений и поддержки в борьбе с конкурентами (особенно с сектантами) добиться превращения ислама в инструмент поддержки империи.

Во-вторых, резко увеличить переселение славянского населения. При этом организовать и обратный процесс – помощь беднякам-туземцам в поиске работы и переселение их в центральные районы России и в Сибирь.

В-третьих, следовало поощрять смешанные межконфессионные браки. Возражения же православных иерархов на сей счет, мягко говоря, неуместны. Они в XIV–XVII веках не допускали браков с протестантами и католиками, но с изменением конъюнктуры при Петре Великом стали смотреть сквозь пальцы на двойное венчание по разным обрядам и т. д. То же самое можно было сделать и в Средней Азии. Я лично знаю семью, где 50 лет назад поженились русская и узбек. Обе дочери и даже внуки носят узбекские имена и фамилии. В трех семьях одновременно соблюдаются и мусульманские, и православные обычаи, и никаких конфликтов при этом не возникает.

В-четвертых, следовало завести светские школы и высшие учебные заведения, без преподавания религии.

В-пятых, следовало с самого начала привлекать местных мужчин на службу в русскую армию. Ничего невыполнимого в этом не было. Так, по данным С. В. Волкова[297], в 1862–1903 гг. в русской армии были мусульмане не только офицеры, но и генералы. Однако за 40 лет количество офицеров-мусульман так и осталось на уровне 1 %. Между тем бедняки-туземцы за сравнительно небольшую плату с удовольствием пошли бы служить в армию. При этом из них не нужно было формировать «дикие дивизии», а наоборот, вводить в подразделения, укомплектованные славянами. Так они овладели бы русским языком, многие бы женились на славянских девушках. В результате после отставки часть их

оставалась бы в прежних местах службы, а остальные возвращались бы домой и становились проводниками русской культуры среди соплеменников.

Естественно, имелись и другие меры по интеграции населения в Средней Азии.

Но, увы, ничего сделано не было.

Идеологический и культурный вакуум, которые начали создавать русские власти для народов Средней Азии с начала XX столетия, стал заполняться исламистами из Стамбула, Крыма и Казани. Так, крымский татарин Исмаил Бей Гаспрали (Гаспринский) основал движение «Усул-аль джадид» («Новый метод»). Он даже начал с 1883 г. издавать в Бахчисарае газету «Тэрджиман» («Переводчик»). Татарские учителя из Казани, на которых «Усул-аль джадид» оказал наибольшее влияние, были также активны в городах Туркестана. Многие семьи казанских татар переехали в Туркестан после прихода русских, и школы с новыми методами, которые они основали, стали образцами для местных жителей. Очевидно, что эти татарские школы были даже более эффективны, чем русские.

Особо стоит рассказать о жизни Бухарского ханства в составе Российской империи.

В 1885 г. в Бухаре создается «Российское императорское политическое агентство», выполнявшее функции посольства. Через политического агента как официального представителя России в ханстве осуществлялись все связи Ташкента и Петербурга с бухарским правительством. Ему также поручался контроль за русско-афганской границей: он следил за соблюдением условий договора, заключенного между двумя государствами в 1873 г., за беспошлинным провозом российских товаров через зону протектората в соседние восточные государства, регулировал взаимоплатежи российских и бухарских торговцев, обеспечивал оплату исков по векселям, предъявляемым российскими подданными, осуществлял судебные функции, связанные с интересами российского купечества в ханстве.

В созданной судебной комиссии, состоявшей из российского политического агента и куш-беги, решались по взаимному согласию сторон уголовные и гражданские дела, возникавшие между российскими и бухарскими подданными.

В Бухаре и при русском протекторате эмир имел неограниченную власть и управлял страной на основании правил шариата и обычного права. Для ближайшего исполнения воли эмира при нем состояло несколько сановников, действовавших каждый в своей отрасли управления. В административном отношении Бухарское ханство делилось на области, управляемые беками и называемые бекствами. Бек вносил ежегодно в казну эмира определенную сумму и посылал определенное количество подарков (ковры, лошади, халаты), оставаясь затем полным самостоятельным правителем своего бекства. Наиболее значительными бекствами являлись Шаарское, Гиссарское и Каршинское, в которых беками сидели или родственники эмира, или лица, пользующиеся его особым доверием. Бекства разделялись на амлякдарства, тумени и т. д. Низшую ступень в администрации занимали аксакалы (белая борода), исполняющие полицейские обязанности.

Беки не получали никакого содержания и были обязаны содержать себя и всю администрацию бекства на сумму, остающуюся от податей населения за вычетом денег, отправляемых эмиру. Население платило херадж (десятую часть урожая) натурой, танап с садов и огородов – деньгами и зякет, в размере 12 % стоимости товаров. Кочевники вносили зякет натурой – 1/40 скота (за исключением лошадей и крупного рогатого скота).

Бюджет ханства не только не контролировался русскими, но бухарские сановники и скрывали его. К началу XX века русские чиновники оценивали бюджет в 5–6 млн рублей. Однако в декабре 1910 г. «секретным путем» сотрудники Политического агентства в Бухаре получили точные данные о бюджете, о чем и доложили в Ташкент А. В. Самсонову. Всего доходная статья бюджета составляла 7 349,5 тыс. рублей. Расходы составляли по статьям:

1. На содержание двора Его Высочества Эмира и придворного штата в Кермине – 900 000 руб.

2. На содержание двора в Бухаре, братьев Эмира, Кушбеги и штата служащих – 800 000 руб.

3. На содержание войска – 1 000 000 руб.

4. На содержание сановников и чиновников в Ханстве – 250 000 руб.

5. На содержание принца Сеид-Мир-Мансура – 6000 руб.

6. На содержание русско-туземной лечебницы в Бухаре – 30 000 руб.

7. На содержание русско-туземной школы – 2500 руб.

8. На содержание Самарканд-Термезской дороги – 15 000 руб.

9. На содержание ветеринарного и технического надзора – 5000 руб.

10. На содержание шоссе между Старой и Новой Бухарой – 7500 руб.

11. На экстраординарные нужды – 105 000 руб.

Итого: 3 221 000 руб.

И кроме сего ежегодно расходовалось на выдачу пособий духовенству, сановникам, чиновникам и школам по положению и рангу, подарками приблизительно 1 млн рублей. Таким образом, весь расход выражается около 4 221 000 рублей, следовательно, чистый остаток за 1908 г. имел 3 128 000 рубля.

Население Бухарского эмирата на начало XX века составляло около 3 млн человек.

По племенному составу население можно разделить на две группы: тюркско-татарское – узбеки, туркмены, киргизы – составляло главную массу, до 85 % всего населения; и иранское, главные представители которого – таджики – до 12 %. Остальные 3 % составляли русские (около 1 % с войсками), евреи (около 0,5 %), афганцы, персы, индусы, армяне и другие народности. Население, кроме русских, евреев, индусов, армян, исповедовало мусульманскую религию, причем тюркские народности были суннитами, а иранские – шиитами. Грамотным было только духовенство.

Оседлые жители составляли до 65 % населения и жили преимущественно в равнинных районах. Кочевники же, обитавшие главным образом в предгорьях и на склонах Гиссарского хребта и в западных степях эмирата, составляли около 20 %. К кочевникам принадлежали некоторые роды узбеков, туркмен и киргизов. Полукочевое население составляло около 15 % и состояло из узбеков, туркмен и горных таджиков. Сельские жители (в основном оседлое население) составляли 85 %.

Наиболее крупными городами эмирата были Бухара, Карши, Гиссар, Гузар, Бальджуан, Чардуй, Керки и Куляб. Жилище городского жителя представляло собой обычную глинобитную саклю с плоской камышовой крышей. Сакли располагались вдоль «узких и грязных улиц, которые по небрежности и неопрятности населения заваливались отбросами, распространяющими невыносимое зловоние и служащими источниками всякого рода болезней»[298].

Промышленность в Бухарском ханстве имела сельский, кустарный характер. Фабрик и заводов не существовало, и все изделия изготавливались ручным способом или на станках первобытного устройства.

На первом месте по значению стояла хлопчатобумажная промышленность. Значительное количество местного хлопка перерабатывалось на различные бумажные материи (бязь, алача, дака, каляма, чит и т. п.), в которые и одевалось, за исключением самых богатых, почти все население Бухарского ханства. Из шелка получали шелковые и полушелковые ткани (шаи, атлас, бикасаб, адряс, бенаряс и т. п.), последние из которых имели широкое распространение. Шерсть использовалась главным образом кочевниками на войлоки (кошма), грубые сукна, ковры, мешки и т. п. Из других видов промышленности можно упомянуть производство обуви, кож, седел, сбруи, металлической и гончарной посуды, чугунных и слесарных изделий, различного рода растительных масел и, наконец, красильное дело.

Денежной единицей служила серебряная теньга, номинальная стоимость которой равнялась 20 копейкам. 20 тенег составляет тиллю, золотую монету, которая в обращении встречается довольно редко.

Колесных дорог в Бухарском ханстве было немного, да и те находились главным образом в северной и северо-западной частях страны. В основном передвигались на арбах – двухколесных телегах на высоких колесах и с широким ходом, прекрасно приспособленных к плохим дорогам.

По караванным путям грузы перевозились на верблюдах, а по горным дорогам – на ослах и вьючных лошадях.

На территории эмирата находился Самаркандский участок Закаспийской железной дороги и порт Аму-Дарьинской флотилии.

По договору с Россией 1876 года численность бухарской армии была определена в 10 тыс. человек. Но в 1885 г. с согласия Петербурга ее увеличили до 13 тыс. человек. Комплектование армии производилось из жителей, совершивших какое-либо преступление. В случае же побега новобранца его заменяли одним из родственников. Служили в бухарской армии пожизненно. Начальником всех вооруженных сил эмирата был топчи-баши (начальник артиллерии). Соединений свыше батальона не было, а во главе каждого батальона стоял минг-баши, ротами же и сотнями командовали юз-баши. Части, расквартированные в резиденции эмира, подчинялись непосредственно топчи-баши, а остальные части подчинялись местным бекам.

Офицеры комплектовались производством из нижних чинов из числа комнатной прислуги эмира. Никакого образовательного ценза для этого не предусматривалось, так что большинство офицеров были совершенно неграмотными. Офицерское жалованье составляло от 8 до 30 рублей в месяц. Нижние чины получали около 3 рублей в месяц. На эти деньги они должны были еще и покупать себе продовольствие.

Большая часть бухарской пехоты к 1910 г. была вооружена русскими 7-линейными гладкоствольными ружьями обр. 1850 г. В 1883 г. туркестанский генерал-губернатор подарил эмиру тысячу 4-линейных винтовок системы Бердана № 2, которые получили на вооружение два батальона пехоты.

Артиллерия эмира состояла из 60 медных и чугунных гладкоствольных пушек, изготовленных на пушечном заводе в Бухаре. Кроме того, в 1904 г. Николай II подарил эмиру четыре 2,5-дюймовые горные пушки обр. 1883 г., которые тогда начали снимать с вооружения русской артиллерии.

Хивинский хан был еще более зависим от туркестанского генерал-губернатора, чем бухарский эмир. В Хивинском ханстве за ханом наблюдал специальный русский офицер – начальник Амударьинского округа, который постоянно находился в Петро-Александровске (с 1920 г. город Турткуль), примерно в 50 км от Хивы.

В 1887 г. принимается «Положение об управлении Туркестанским краем», по которому Амударьинский отдел включался в состав Сырдарьинской области, его начальник приравнивался к уездному начальнику, но с сохранением особых полномочий. Он оставался начальником войск отдела и в военных делах подчинялся туркестанскому генерал-губернатору, являясь также дипломатическим представителем России в Хивинском ханстве.

Во главе Хивинского ханства оставался хан с наследственной властью, хотя его права и были урезаны Диваном и начальником Амударьинского отдела. Управление осуществлялось через дворцовых чиновников и высших духовных лиц. Главным сановником был куш-беги, «заведовавший» оседлым населением южной половины ханства. За ним следовал мехтер, которому подчинялось оседлое население северной части страны. Важной являлась также должность диван-беги – управлявшего государственной канцелярией.

Сохранялся здесь и местный суд. Верховный судья – кази-калян – назначался ханом, как и остальные судьи в государстве. Судьи выполняли также нотариальные функции, заверяли печатями имущественные сделки, наследственные дела. Им были поручены надзор за вакуфным имуществом и опека за малолетними и неправоспособными наследниками. Судьи не состояли на содержании у хана, а жили на денежные сборы за совершение юридических актов. Они решали дела по шариату – мусульманскому религиозному праву, основанному на Коране и сборниках судейских решений. Приговор был окончательным и не подлежал апелляции. Судья в процессе выслушивал свидетелей, при этом показания двух женщин приравнивались к показаниям одного мужчины. Он выносил приговор немедленно и тут же приводил его в исполнение. В качестве мер наказания применялись штрафы, тюремное заключение, наказание палками, отсечение рук или ног. Предварительное следствие, как и защита обвиняемого, отсутствовало. Смертная казнь совершалась только с разрешения хана. Должности судей в городах выполняли казии, подчинявшиеся верховному судье. В кочевых районах судебные функции выполняли также казии. Некоторые племена имели своих казиев, например,

каракалпаки решали свои судебные дела в Чимбае, если они касались межродовых отношений. Судебные наказания тоже были суровыми: отсечение головы, избиение палками, отрезание носа.

К 1910 г. население Хивинского ханства составляло около 800 тысяч человек, из которых только 600 (!) человек были русскими. Коренное население ханства составляли две большие национальные группы – узбеки и туркмены. Туркменские племена использовались для охраны государственных границ, а за это они получали жалованье, и их земли не облагались податями. Узбеки в основном занимались земледелием, и в их обязанности входило регулярно чистить каналы, орошающие туркменские земли.

В 80-х годах XIX века Хивинское ханство оказалось внутри Российской империи и лишь на небольшом участке по обоим берегам Амударьи граничило с Бухарским эмиратом. Соответственно, потребность в защите границ отпала сама собой. Поэтому Мухаммед Рахим-хан (годы правления 1865–1910) начал постепенно упразднять привилегии туркмен.

Глава 4. Революция и гражданская война в Средней Азии

Известие о революции в Петрограде и отречении Николая II произвело на русское население Туркестана такое же воздействие, как и на Центральную Россию. Либеральная интеллигенция и чиновничество приветствовали создание Временного правительства, а радикальная интеллигенция и рабочие начали создавать Советы. Уже 2 марта 1917 г. рабочие ташкентских железнодорожных мастерских произвели выборы депутатов в Совет, а на следующий день к железнодорожникам присоединились и другие рабочие. В результате был организован Ташкентский Совет рабочих депутатов. 6 марта Совет рабочих депутатов возник и в Кизыл-Кия, а 7 марта по инициативе рабочих депо был создан Совет рабочих депутатов в Асхабаде, 9 марта – в Чарджуе, 12 марта – в Верном.

В ряде мест уже в марте 1917 г. были созданы Советы солдатских депутатов (4 марта – в Ташкенте, 6 марта – в Асхабаде и Пишпеке). В крепости Кушка также был создан Солдатский Совет, причем солдаты одновременно переизбрали весь командный состав. Забегая вперед, скажу, что летом 1917 г. попытка Временного правительства отправить солдат Туркестанского военного округа на германский фронт привела к серии военных бунтов.

Параллельно с Советами в Туркестане организовывались и исполнительные комитеты Временного правительства. Так, 5 марта 1917 г. ташкентская городская дума избрала исполнительный комитет Временного правительства Туркестанского края.

По распоряжению Временного правительства 31 марта (13 апреля) 1917 г. было упразднено Туркестанское генерал-губернаторство. Вся полнота власти в крае была передана исполнительному комитету, избравшему местопребыванием город Ходжент. В области и уезды были назначены комиссары Временного правительства, но царские чиновники в большинстве своем смещены не были, а функционировали вместе с комиссарами.

В делах Средней Азии министры Временного правительства разбирались не больше, чем Николай II, Александра Федоровна и Распутин. В Декларации Временного правительства в общих словах говорилось об отмене всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений. Но ни о какой государственности народов Туркестана не было ни слова. К тому же Временное правительство, ссылаясь на «своеобразные условия землепользования» в Туркестане, отказывалось принимать какие-либо меры к разрешению земельно-водного вопроса.

25 октября 1917 г. в Петрограде большевики свергли Временное правительство, а в тот же день, еще не зная о перевороте, большевики и левые эсеры на закрытом заседании президиума Ташкентского Совета разработали план захвата города. 25 октября (7 ноября) в Ташкенте началось вооруженное восстание рабочих и солдат за установление советской власти в городе и крае.

Большая часть городов Туркестана в последующие две недели перешла под контроль Советов, а 15 ноября 1917 г. в Ташкенте открылся III краевой съезд Советов, на котором присутствовало 114 делегатов.

Съезд избрал первое советское правительство Туркестанского края из 15 членов – Совет народных комиссаров. В него вошли пять большевиков, а также два максималиста и восемь левых эсеров. Представителей коренного населения в этом правительстве попросту не было.

3 ноября петроградское правительство опубликовало «Декларацию прав народов России», где провозглашалось их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения. Хорошо или плохо отделяться от России полякам, финнам, прибалтам – вопрос спорный, но отделение их было технически возможно. А представим на секунду, что все десятки среднеазиатских народов решили бы в ноябре 1917 г. реализовать свое право на отделение?! Немедленно началась бы страшная война всех против всех.

На счастье большевиков, 99 % населения Средней Азии сию декларацию не читали, а десятилетия пребывания в Туркестанском генерал-губернаторстве приучили народы к мирному совместному проживанию, и требовалось время, чтобы националистам удалось начать войну.

1 (14) ноября 1917 г. полковник А. И. Дутов, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска, поднял казаков против большевистской власти и на следующий день овладел Оренбургом. Казаков поддержали башкиры. К январю 1918 г. силы повстанцев достигали 7 тыс. человек. Ими были заняты, кроме Оренбурга, Челябинск, Троицк и Верхнеуральск. Восстание Дутова прервало железнодорожное сообщение Туркестана с Центральной Россией.

Правда, оставался другой путь – через Красноводск и Каспий, но и он был вскоре закрыт. Железнодорожные служащие Закаспийской железной дороги не приняли советской власти и образовали стачечные комитеты. Постепенно власть в городах на Закаспийской железной дороге от Мерва до Красноводска перешла в руки стачкомов.

9 октября 1918 г. английские войска в составе 800 штыков и 300 сабель, 12 орудий и двух бронепоездов атаковали части Красной Армии в районе железнодорожной станции Душак северо-восточнее Асхабада и заняли ее.

14 октября советские войска отбили станцию, а англичане потеряли около полвины личного состава. После такого поражения генерал Маллесон запретил британским силам вступать в бой с частями Красной Армии.

Согласно решению британского Кабинета, в марте 1919 г. начался вывод английских войск из Закаспийской области. К 1 апреля все англичане покинули Закаспий, один британский гарнизон оставался в Красноводске до августа 1919 г.

К декабрю 1919 г. большая часть Средней Азии оказалась в руках большевиков, исключение составляли Хивинское ханство и Бухарский эмират.

В апреле 1917 г. Временное правительство отправило в Хиву нового командующего русскими войсками Амударьинского отдела и хивинского гарнизона генерал-майора Мирбадалова, татарина по национальности.

Небольшому числу либералов-младохивинцев, всего около 50 человек, удалось 5 апреля 1917 г. спровоцировать массы на первую в истории ханства демонстрацию, официально имевшую цель «поздравить гарнизон русских солдат с переходом власти к Временному правительству».

Лидер младохивинцев П. Юсупов обратился к начальнику хивинского гарнизона с просьбой «помочь свергнуть хана и провозгласить свободу». Начальник гарнизона согласился на провозглашение конституционной монархии при условии, что «хана не тронут». Юсупов пообещал.

После переговоров с ханом Асфандияром комиссией, состоявшей из трех казиев и группы младохивинцев, был составлен манифест, провозгласивший некоторые реформы в государственном управлении и создание меджлиса (парламента). Некоторые консервативные министры были арестованы и заменены младохивинцами. Меджлис получил право решать важнейшие государственные вопросы и осуществлять контроль за деятельностью министров. Манифест также отменял практику «кормления» чиновников и беков, теперь им полагалось жалованье. Манифестом провозглашалась свобода объединений и союзов и декларировалась необходимость работы «новометодных» школ при поддержке государства.

Меджлис из 52 человек начал свою работу 26 апреля. Понятно, что никаких выборов в ханстве не было, а депутатами стали сами младобухарцы и представители бекств. Однако все младобухарцы были узбеками, и они не включили туркмен в меджлис.

По настоянию генерала Мирбадалова семь туркменских племенных вождей все же были включены в состав конституционного собрания. Но эта уступка не удовлетворила йомудских туркмен.

В августе из Афганистана с отрядом в несколько десятков человек возвратился уже известный нам Джунаид-хан. Он сумел объединить под своей властью йомудских туркмен и провозгласил борьбу за их освобождение. Воспользовавшись ситуацией, хан Асфандияр под предлогом установления в данный момент единоличной власти решил окончательно распустить меджлис.

Туркестанский комитет Временного правительства сменил начальника русскими войсками Амударьинского отдела генерал-майора Мирбадалова на полковника И. М. Зайцева и ввел в ханство дополнительные войска.

19 сентября состоялись переговоры Зайцева с туркменами. Джунаид-хан пообещал прекратить набеги на Хиву и вести борьбу с противниками хана. Но туркмены притихли лишь на время. Представители Временного правительства в Хиве вскоре утратили всякий авторитет, а младохивинцы были постепенно арестованы ханом, однако большая их часть бежала в Ташкент.

Получив сведения о свержении Временного правительства в Петрограде, русские войска, находившиеся в Хиве, взбунтовались. Ни солдаты, ни казаки не желали ни свергать, ни защищать хана Асфандияра, а требовали одного – «домой!» В итоге в начале 1918 г. русские войска покинули Хивинское ханство. Теперь узбеки и туркмены оказались предоставленными самим себе. Джунаид-хан, которому подчинялись практически все туркменские кочевья, понял, что отныне он может де-факто управлять ханством. После ухода русских у хана Асфандияра остался лишь небольшой отряд верных ему людей.

Джунаид-хан изгнал из Хивы всех своих соперников, туркменских вождей Кошмамед-хана и Гулям-хана, взял под свой контроль один из экономических центров ханства – город Ново-Ургенч. Однако Хиву он оставил Асфандияру и сохранил ему ханский титул, чтобы не заполучить себе в противники всю узбекскую аристократию, да и все узбекское население ханства в целом. Но вскоре Асфандияр-хан чем-то разгневал Джунаид-хана, и тот 1 октября 1918 г. приказал его убить, а на престол возвел младшего брата убитого хана Сеида Абдуллу.

В развернувшейся в 1918 г. борьбе между большевиками и их противниками Джунаид-хан старался держать строгий нейтралитет. Однако большевики постарались привлечь ханство на свою сторону. В Хиву прибыла «Особая Чрезвычайная комиссия», возглавляемая членом Туркестанского ЦИКа А. Ф. Христофоровым. 9 апреля 1919 г. был подписан мирный договор, а 10 апреля «формальным» ханом Хивы стал Сеид Абдулла.

Договор предусматривал установление дипломатических отношений между Хивинским ханством и Туркестанской республикой и признавал право Хивы на самоопределение. Хивинское правительство обязывалось поставить некоторое количество войск на Закаспийский (Ашхабадский) фронт в том случае, «если российское [Туркестанское] правительство возьмет на себя связанные с этим расходы». В Хиве учреждалось постоянное дипломатическое представительство Туркестанской республики, возглавляемое Христофоровым.

Весной 1919 г. Петро-Александровский комитет младохивинцев объявил о создании Хивинской революционной партии. Ближайшей своей целью она ставила свержение диктатуры Джунаид-хана.

По договоренности с Амударьинским Советом Петро-Александровский комитет получил на вооружение 500 винтовок и организовал собственную военную дружину, состоявшую в основном из хивинских беженцев.

12 июля 1919 г. Хивинская революционная партия объявила себя хивинской секцией… коммунистической партии Туркестана.

Между тем среди туркменского населения ханства начались волнения. Их племенной вождь Моллааразх Ходжимамедов прибыл в Петро-Александровск и через городской совет обратился к правительству Туркестанской Советской республики с просьбой направить в Хиву части Красной Армии для помощи восстанию.

Большевики решили провести интервенцию в Хивинское ханство, но при этом официальной целью вторжения была объявлена борьба с узурпатором Джунаид-ханом, а не с законной властью хана Сеид Абдуллы.

В конце декабря 1919 г. части Красной Армии перешли границы Хивинского ханства. Через месяц Джунаид-хан потерпел окончательное поражение и с отрядом в сто нукеров скрылся в каракумских песках. Сеид Абдулла был вынужден послать в Ново-Ургенч делегацию с просьбой прислать в Хиву части Красной Армии.

1 февраля 1920 г. отряды младохивинцев, перекрасившиеся в коммунистов, туркменская конница и 800 красноармейцев вошли в город Хиву. Формально хан Сеид Абдулла правил еще несколько дней, а его вынудили отречься от престола. Вся полнота власти перешла к Временному революционному правительству, в которое вошли два младохивинца, представитель духовенства и два предводителя туркменских отрядов (Кошмамед-хан и Моллааораз Ходжимамедов). Председателем этого правительства стал глава Петро-Александровского комитета младохивинцев Д. Султанмурадов. Ревком должен был определить порядок выборов и будущий меджлис.

30 апреля 1920 г. в Хиве собрался первый Всехорезмский народный курултай, который объявил Хивинское ханство упраздненным и провозгласил независимую Хорезмскую Народную Советскую Республику. Курултай принял первую Конституцию Хорезмской республики, утверждавшую в стране советские принципы управления. Одновременно утверждалось право частной собственности, в том числе и на землю, и сохранялся суд шариата. Избирательное право получили все, включая представителей частного капитала. Лишались его только крупные феодалы.

13 сентября 1920 г. хорезмское посольство, прибывшее в Москву, подписало союзный договор и военно-политическое соглашение с РСФСР.

А теперь перейдем к Бухарскому эмирату. В 1932 г. великий князь Александр Михайлович записал: «Какой бы ни казалось иронией, что единство государства Российского приходится защищать участникам III Интернационала, фактом остается то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику»[299].

Что бы ни говорили большевики, они собирали в одно государство все территории бывшей Российской империи. Так что судьба Бухарского эмирата была заранее предрешена.

Февральская революция мало что изменила в жизни Бухарского эмира. Временное правительство переименовало Политическое агентство Бухары в Резидентство и обратилось с пожеланием к эмиру Алим-хану о проведении реформ.

Зато в Новой Бухаре, местечке в 10 км от Бухары[300], где жили компактно русские, и в других анклавах с русским населением были созданы Советы.

Консервативная часть феодалов и духовенства распускала среди населения слухи, что реформы навязываются стране из Петрограда, и что за ними последует присоединение эмирата к России и принудительное насаждение христианства.

7 апреля 1917 г. эмир Алим-хан провозгласил манифест, согласно которому упорядочивалась налоговая система, устранялись ограничения для развития промышленности и торговли, вводились меры по поощрению «распространения наук и полезных знаний». В качестве основы проведения реформ брались принципы шариата. О представительном органе власти в манифесте говорилось, что в его компетенции должны находиться вопросы, связанные лишь «с благоустройством столицы ханства». О конституции и ограничениях полномочий эмира вообще ничего не говорилось.

В конце марта 1917 г. младобухарцы создали новую организацию «Шура-и-Ислам» с центром в Новой Бухаре, под крылышком русского гарнизона. 10 апреля младобухарцы во главе с председателем партии Мухитдином Мапсуровым заявились во дворец к эмиру и потребовали передать им власть. Алим-хан отказался с ними говорить, а десятитысячная толпа окружила дворец, требуя выдать ей и немедленно казнить младобухарцев. Русскому резиденту Миллеру пришлось вызвать войска из Новой Бухары, и младобухарцы были под конвоем доставлены в расположение русского гарнизона. Тем не менее 16 апреля толпа «революционных» солдат арестовала и сместила Миллера «за потворство старому

режиму». Его место занял временно управляющий делами Резидентства заместитель Миллера Введенский, а затем – Чиркин.

Октябрьский переворот в Петрограде и установление советской власти в Туркестане вызвали недовольство эмира и его приближенных. По сему поводу Алим-хан написал довольно резонно: «Законы большевиков ни узнать, ни понять невозможно, поскольку все их усилия и стремления направлены на разрушение власти и порчу государства, на уничтожение людей и храмов, и всюду, где они видят человека почитаемого и имеющего власть из любого сословия, грабят его и разоряют»[301].

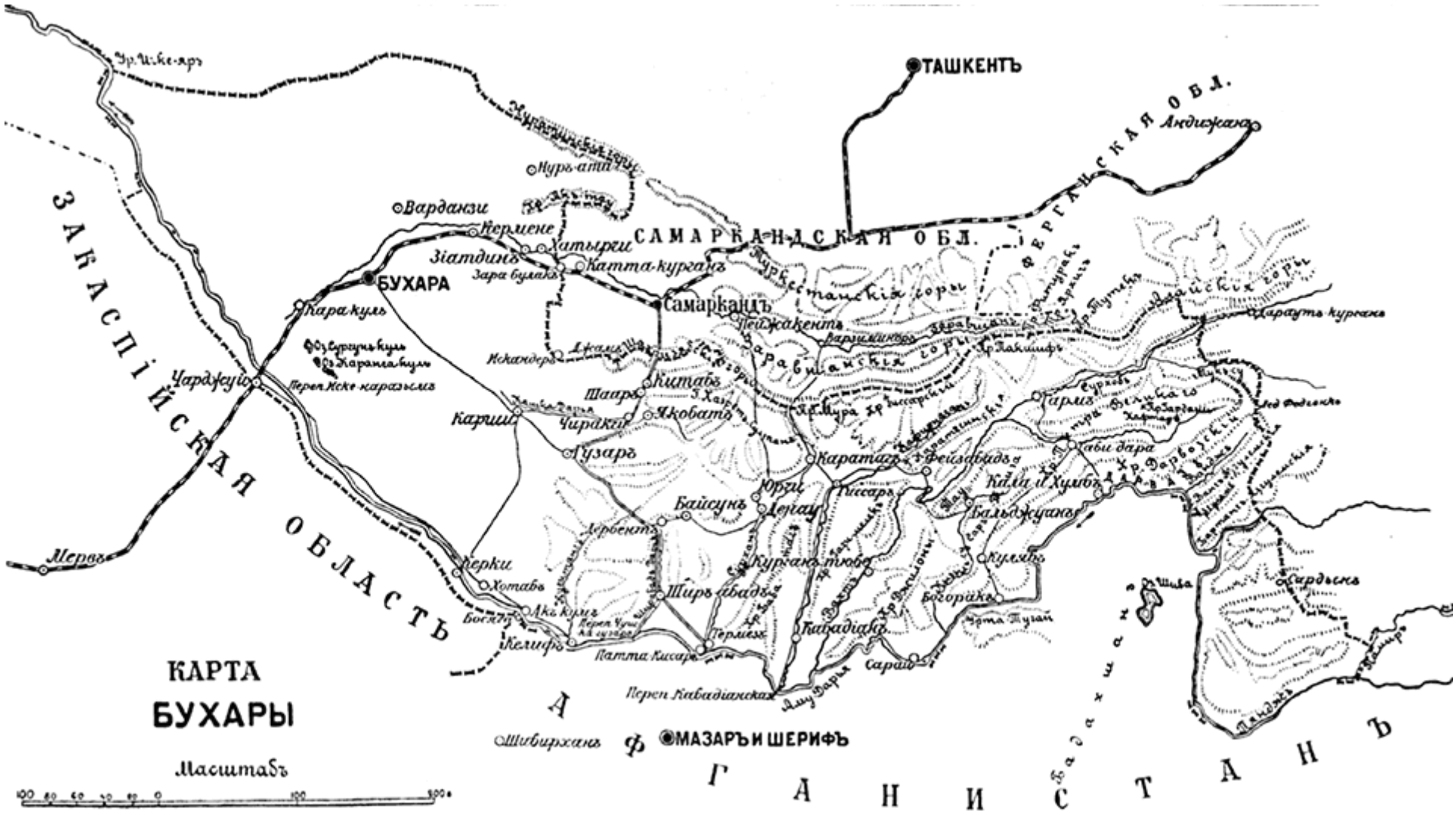
Сама по себе революция ударила по карману эмира. Алим-хан вложил более 100 миллионов рублей в российские промышленные и финансовые предприятия и железнодорожные компании.

В ноябре – начале декабря 1917 г. советская власть была установлена в русских поселениях эмирата: Новой Бухаре, Эмирабаде, Новом Чарджоу, Керки и Термезе. Власть там перешла от исполкомов Временного правительства к временным революционным комитетам, подчинявшимся городским Советам рабочих и солдатских депутатов, в которых большинство составляли левые эсеры и большевики. Тем не менее Алим-хан занял выжидательную позицию и не собирался вставать на чью-либо сторону в гражданской войне.

Однако младобухарцы, оказавшиеся в Новой Бухаре, вошли в контакт с Ф. И. Колесовым – председателем Совнаркома Туркестана. Колесов приехал в Новую Бухару и предложил устроить, так сказать, «частную войну». Официально Туркестанская республика должна быть в мире с эмиратом, но ее вооруженные отряды вторгнутся на территорию Бухары и, соединившись с местными русскими гарнизонами и младобухарцами, свергнут Алим-хана. Позже такие мероприятия большевики будут называть «оказанием интернациональной помощи».

Отряд из 700 солдат, набранных Колесовым, вторгся в марте 1918 г. в эмират. Однако на борьбу с красногвардейцами и младобухарцами поднялась почти вся страна. Колесову с остатками отряда удалось бежать. Но разъяренная толпа начала резать младобухарцев, русских, татар и т. д. Всего было убито около 1600 человек. Население разрушило на десятки километров полотно Среднеазиатской железной дороги, проходившей через эмират.

25 марта 1918 г. на железнодорожной станции Кызыл-тепе Колесов и представители эмира подписали мирный договор. Он предусматривал признание независимости Бухары, обмен военнопленными, обмен дипмиссиями, признание властями Бухары советской власти в русских поселениях эмирата, восстановление разрушенных железных дорог, беспрепятственное передвижение советских войск по Бухарской и Среднеазиатской железной дороге, предоставление Бухарой 100 вагонов пшеницы в распоряжение правительства Туркестанской республики.

КАРТА
БУХАРЫ

Бухарский эмират

Как видим, несмотря на поражение отрядов Колесова, бухарское правительство все же сделало Ташкенту ряд существенных уступок, не желая дальнейшего развития конфликта.

Вместе с Колесовым из Новой Бухары бежали еще 8 тысяч русских жителей, младобухарцев, инородцев и иноверцев. Часть русских бежала в Афганистан. Все они спасались от резни, учиненной туземцами.

Алим-хан в основном выполнил все пункты договора. Так, в 1918–1919 гг. через бухарские территории Красная Армия осуществляла переброску грузов и войск.

В связи с Гражданской войной в России эмират испытывал серьезные экономические трудности. Накопившиеся запасы хлопка, под который была занята большая часть посевных площадей эмирата, не могли теперь продаваться в Россию в прежних объемах. В свою очередь, в 1917 г. резко сократился подвоз в эмират российского хлеба, а позже и промышленных товаров, древесины, керосина и т. д. В 1918–1919 г. Россия, сама испытывавшая острую нехватку хлеба и промышленных товаров, уже ничего не продавала в Бухару. Над Бухарой, как и над Туркестаном, нависла угроза голода. Во избежание этого в 1918 г. половина земель, занятых ранее хлопком, была засеяна хлебом. К 1920 г. посевы хлопка составляли всего 10 % от уровня 1917 г., остальные земли засевались хлебом.

Зато резко увеличился товарооборот эмирата с Персией и Афганистаном. В сентябре 1918 г. общая стоимость английских товаров, провезенных через афганскую границу, достигла 4 млн рублей в неделю, а чуть позднее – и 6 млн рублей. В свою очередь из Бухары в Афганистан было вывезено свыше 2 млн пудов различных товаров и сырья, в основном хлопка и шерсти.

Серьезной проблемой стало отсутствие валюты в эмирате. Уже в 1918 г. персидские, афганские и британские купцы отказывались принимать деньги, выпущенные царем и Временным правительством.

Чтобы сохранить независимость страны, эмир решил увеличить армию и вооружить ее современным оружием. К середине 1919 г. численность его армии возросла до 20 тыс. человек. Оружие покупали английское, обучение производили офицеры царской армии и пленные офицеры (австрийцы, чехи и др.), оказавшиеся в 1917 г. на территории эмирата.

В апреле 1918 г. в Ташкенте состоялся съезд младобухарцев, который вместо единения привел к расколу. В конце апреля часть младобухарцев во главе с Усманходжой Пулатходжаевым образовали левоэсеровскую партию, а группа Азимджана Якубова – Бухарскую коммунистическую партию. После

разгрома левых эсеров в Москве в июле 1918 г. в сентябре развалилась и бухарская левоэсеровская партия, а значительная часть ее членов перешла к коммунистам.

В начале августа 1920 г. командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе неоднократно запрашивал Ленина и Троцкого о дальнейших действиях в отношении эмирата.

По поводу Бухары 10 августа состоялось специальное заседание Политбюро, на котором было принято весьма «хитрое» предписание Фрунзе «не брать инициативу нападения на бухарскую территорию и военные части», но в то же время «сделать все возможное для защиты русского населения эмирата». Также в предписании говорилось: «Наступление по нашей инициативе может произойти лишь при наличии более или менее популярного бухарского революционного центра (хотя бы на нашей территории) …и не иначе как с согласия новых членов Туркомиссии»[302].

Таким образом, вся инициатива в нападении на Бухару предоставлялась Фрунзе и зависимой от него Туркомиссии (Г. Сафонов, Г. Сокольников, Я. Петерс). Тут же подсказывались и два предлога для нападения – хотя бы символическая буза бухарской эмиграции, ну а за отсутствием таковой, какие-нибудь притеснения русских в эмирате.

Операция против Бухары облегчалась наличием нескольких советских гарнизонов на территории эмирата и канонерских лодок Амударьинской флотилии.

Советские историки в течение 70 лет врали, что трудящиеся Бухары подняли восстание, и лишь тогда им на помощь пришла Красная Армия. Самое забавное, что подобные сказки распространяются и сейчас: «…первыми выступили бухарские революционеры, поднявшие восстание в Чарджуйском бекстве 25–26 августа 1920 г. Чарджуйский район был выбран неслучайно. Именно здесь были наиболее сильными антиправительственные настроения среди дехканского населения… Восстание начали добровольческие отряды бухарских революционеров, отряды туркмен (под началом Кул-Махаммедова) и присоединившихся к восстанию дехкан»[303].

Однако еще 12 августа 1920 г. в 11 ч 15 мин в Ташкенте командующий Туркфронтом Фрунзе подписал директиву: «Командарму 1 из войск, состоящих в его распоряжении, создать Чардуйскую группу в составе не менее одного пехотного полка, одного дивизиона текинской конницы и одного дивизиона легкой артиллерии. Командование группой возложить на комбрига 3-й 1 Туркестанской стрелковой дивизии т. Никитина с его штабом. С 24 часов 12 августа т. Никитину поступить в оперативное подчинение командующего Самаркандской группой т. Коновалова. Кроме 5 стрелкового полка, батальона 8 стрелкового полка, артиллерийского дивизиона и кавалерийского дивизиона туркмен в состав Чарджуйской группы включить: а) отряд бухарских красных войск т. Куль-Мухамедова, б) отряд судов Аму-Дарьинской флотилии, в) гарнизон г. Чарджуя, г) гарнизон г. Термеза, д) гарнизон Керки…

Задача Чарджуйской группы: в момент, который будет указан в особом приказании, т. Куль-Мухамедову занять г. Старый Чарджуй, действуя далее согласно данным ему лично мной инструкциям. Одновременно с занятием Старого Чарджуя отрядом т. Куль-Мухамедова т. Никитину часть своих сил и частями сил т. Куль-Мухамедова занять г. Кара-куль и железную дорогу до ст. Якка-тут…

Отряду судов Аму-Дарьинской флотилии [4 канонерские лодки. – *А.Ш.*] с момента, который будет указан дополнительно, наблюдать участок р. Аму-Дарья от Керки до Термеза, не допуская никаких переправ на указанном участке, отражая огнем всякие попытки. В случае нападения на укрепления Керки или Термеза огнем содействовать отражению противника»[304].

Любопытна и директива Фрунзе от 25 августа 1920 г.: «Начальнику Каганской группы т. Белову, по получении известия о революционном перевороте в Старом Чарджуе, немедленно двинуть части на Старую Бухару и Сатари-Махассе, где решительным и сокрушительным ударом уничтожить все военные силы старобухарского правительства и не позволить противнику организовывать новое сопротивление. В бою преследовать полное уничтожение сил противника, использовать все боевые средства для морального уничтожения противника, вселяя в него ужас и сознание невозможности какого бы то ни было сопротивления.

Особой задачей ставится захват самого эмира и его правительства. Один из наиболее мощных бронепоездов (№ 28) использовать на старобухарской ветке. Широко использовать авиаотряды в

составе боевой эскадрильи для бомбометания, пулеметного обстрела и преследования противника. Аппараты к Кагану должны быть сосредоточены к 6 часам утра 29 августа распоряжением командующего Бухаро-Самаркандской группой т. Коновалова»[305].

Далее все шло по плану. В ночь на 28 августа «восставшие» захватили Старый Чарджуй, действуя из Нового Чарджуя в нескольких километрах от Старого. Несколько бухарских коммунистов во главе с Бяшим Сардаром объявили себя Временным революционным комитетом и обратились за помощью к РСФСР.

Войско эмира и местное население оказывало упорное сопротивление «освободителям». При штурме Бухары был использован тяжелый бронепоезд, броневики из 53-го бронеотряда, 25-й, 26-й и 43-й авиаотряды и 2-й мортирный дивизион (152-мм тяжелые гаубицы). Только 31 августа красные военлеты сбросили на Бухару более 200 авиабомб, а 1 и 2 сентября было произведено 59 самолето-вылетов и сброшено 170 авиабомб.

2 сентября Фрунзе телеграфировал Ленину и Троцкому: «Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победно развевается красное знамя мировой революции»[306].

Откуда взялись «черносотенцы» в Бухаре – оплоте ислама – осталось тайной Михаила Васильевича, Льва Давыдовича и мудрого Ильича.

Эмир Алим-хан из Бухары бежал еще 31 августа на Гыдж-Дувац под охраной отряда численностью до тысячи всадников, захватив с собой огромные ценности и бросив на произвол судьбы свой многочисленный гарем.

А в Бухаре началось заседание Ревкома и Совета народных назиров (так в Бухаре называли комиссаров) во главе с Ф. У. Ходжаевым. 6–8 октября 1920 г.

I Всебухарский курултай «народных представителей» (19 150 делегатов-назначенцев) провозгласил Бухарскую Народную Советскую Республику (БНСР). В октябре 1920 г. правительство РСФСР признало БНСР суверенным государством.

В ноябре 1920 г., согласно «Временному договору о бывших русских поселениях в Бухаре», города Новая Бухара, Чарджуй, Термез и Керки с находившимися в них предприятиями передавали Бухарской республике.

В свою очередь БНСР обязывалась поставлять для текстильной промышленности РСФСР хлопок, шерсть и другие продукты сельского хозяйства.

Глава 5. Борьба с басмачеством

Большевики силой захватили Среднюю Азию в 1918–1920 гг. Но это было еще полбеды. Хуже всего было то, что они не понимали ситуации в регионе и попросту не знали, что делать. Они принимали то один, то другой проект переустройства Средней Азии, а через несколько месяцев или недель отвергали его, выдвигая новые химеры.

Вот, к примеру, в январе 1920 г. в Ташкенте собралась конференция коммунистов-мусульман. Конференция постановила изменить название республики и именовать Туркестанскую Автономную Советскую республику Тюркской Советской республикой. Как следствие, было предложено изменить название компартии Туркестана, назвав ее Компартией тюркских народов. Отсюда следовали и другие предложения, связанные с пересмотром Конституции Туркестанской республики, созданием отдельной мусульманской Красной Армии, выводом из Туркестана всех немусульманских частей.

Переименование республики Москва бы проглотила без труда, а вот создание тюркской компартии наших вождей изрядно испугало. Ленин и Троцкий желали, чтобы на просторах бывшей Российской империи, а затем и во всем мире все коммунисты подчинялись только им. Естественно, конкурирующую контору терпеть не стали.

И вот 22 февраля 1920 г. в Ташкент прибывает Фрунзе и предлагает вернуть «статус-кво». Протоколов не велось, и какие аргументы привел командующий Туркфронтом, можно только догадываться.

Во всяком случае, все вожди «тюркских коммунистов» после короткой беседы изменили свое мнение, и старое название было немедленно восстановлено.

В 1920 г. власть Советов в Средней Азии ограничивалась окрестностями городов, отдельными долинами и полосой в несколько километров вдоль железных дорог и рек.

Об этом лучше всех свидетельствует сам Фрунзе: «Дерзость басмачей переходит всякие границы. Стою с поездом в Джалал-Абаде, а в четырех верстах несколько минут назад шайка басмачей ограбила кишлак. Не хватает конницы для действия в поле». В четырех верстах от ставки диктатора его власти уже нет! А что делать? Тут же Михаил Васильевич пишет Ленину: «Параллельно с решительными военными мероприятиями должно идти советское строительство, находящееся ныне в безнадежном состоянии. Дело не подвинется вперед, если Вы не пошлете из России хотя простых середняков – рабочих»[307].

Согласитесь, фраза какая-то бестолковая. И дело не в том, что Фрунзе не был силен в эпистолярном жанре. Как администратор и военачальник он видит, что порядок можно навести, лишь русифицировав край и разместив там сотни тысяч, а лучше миллионы русских переселенцев. Но как коммунист и «интернационалист» выговорить членораздельно он это не может и пишет «хотя простых середняков – рабочих». Тут вроде бы и суть ясна, а придерутся в Москве, можно ответить, что речь шла не о русификации, а об усилении пролетарской прослойки.

Москва могла помочь с людьми, отправив рабочих и крестьян на помощь местному населению в подъеме экономики, создать «революционное казачество» для борьбы с бандитами и т. п.

Увы, Москва вместо переселенцев непрерывным потоком слала в Среднюю Азию новые части, бронепоезда, артиллерийские полки и авиацию. Почему-то Троцкий думал, что к частям с нерусским личным составом туземцы будут лучше относиться. Поэтому из Поволжья в Туркестан была переброшена Татарская конная бригада, еще одну кавалерийскую бригаду сформировали на месте из бывших военнопленных, в основном из австро-венгерской армии.

Кроме всего прочего, в Среднюю Азию были направлены канонерские лодки ГВИУ[308], построенные в 1916 г.

Однако результатом увеличения военной мощи большевиков стало лишь ожесточение борьбы на территории Средней Азии. Так, в августе 1920 г. басмачи разрушили 32 версты железной дороги и сожгли 9 хлопкозаводов, а в сентябре – 31 версту и 15 хлопкозаводов. В начале августа 1920 г., по неполным данным, басмачи сожгли только в Андижанском районе 100 тыс. пудов хлопка, 33 тыс. пудов хлопка-сырца, 12 тыс. пудов посевных семян. В октябре басмачи напали на угольные копи Шураб и на нефтепромысел Чимион. В начале ноября шесть басмаческих отрядов напали на вторые по значению в республике угольные копи Сулюкта, расположенные на юге Ферганской долины. Тогда же басмачи окружили район Посьетовки, где строилась ватная фабрика, и напали на нефтепромысел Санто. В середине ноября они напали на озокеритовые промыслы близ станции Мельниково, в результате чего работы на промыслах пришлось приостановить. В это же время в Туркмении и Каракалпакии басмачи нападали на рыбные промыслы на полуострове Муйнак в Аральском море.

Война шла с переменным успехом. Селения и даже города по много раз переходили из рук в руки.

Осенью 1921 г. одним из лидеров басмачей стал Энвер-паша. Его действия на посту военного министра Турции в 1914–1918 гг. достаточно хорошо известны. А вот чем он занимался в 1919–1920 гг., до сих пор толком неизвестно благодаря советским историкам, сделавшим все, чтобы «спрятать концы в воду». Известно, что палач армянского народа в 1920 г. приезжал в Москву и встречался с руководством большевиков. 1 сентября 1920 г. Энвер-паша выступал в Баку на Съезде народов Востока, организованном Коминтерном. Совковые историки пишут, что, мол, большинство делегатов не поддержали Энвер-пашу и т. д. Так зачем такую «бяку» вообще пустили на съезд?

Да и как Энвер-паша свободно разъезжает по Советской России во время дикого террора «чека»? Из Баку Энвер отправляется в Берлин, а в марте 1921 г. он вновь в Москве, вновь ведет переговоры с партийным и военным руководством.

В ходе последнего визита Энвер-паша окончательно разошелся с большевиками и отправился в Кабул, надеясь с помощью басмачей создать «Великий Туран», то есть халифат, объединяющий всех мусульман Азии.

В Афганистане Энвер-паша вошел в доверие к бухарскому эмиру Алим-хану. Эмир решил отправить турка в район Бухары к одному из лидеров басмачей Ибрагим-беку. Однако после первых же попыток Энвер-паши объединить басмаческое движение, бывший бухарский эмир и Ибрагим-бек начали интриговать против турка. Объединение мусульманских сил в Средней Азии так и не состоялось. А Энвер-паша был убит 4 августа 1922 г. в случайной стычке с красными в Кулябском районе.

К 1924 г. движение басмачей стало затихать. В связи с этим большевики приступили к организационным реформам. 19 сентября 1924 г. V Всебухарский курултай Советов принял решение о преобразовании БНСР в Бухарскую Советскую Социалистическую Республику и 29 сентября – о вхождении ее в состав СССР. Однако советские республики Средней Азии были созданы по территориальному признаку в рамках старых административных границ. Национальная разобщенность создавала трудности в экономическом и культурном развитии и национальной консолидации народов, в укреплении советской власти на местах.

Как утверждали большевики, интересы трудящихся всех национальностей Средней Азии и задачи социалистического строительства настоятельно требовали создания национально однородных советских социалистических республик. Чрезвычайная сессия Туркестанского ЦИК рассмотрела в сентябре 1924 г. вопросы национально-территориального размежевания и решила перестроить Туркестанскую АССР в национально однородные государства. 14 октября 1924 г. сессия ВЦИК утвердила постановление ЦИК Туркестана об образовании Таджикской АССР в составе Узбекской ССР. Окончательно национально-государственное размежевание советских республик Средней Азии было узаконено 27 октября 1924 г. сессией ЦИК СССР.

Таджикская АССР образовалась из ряда районов Туркестана и Бухары. В нее вошли 12 волостей Самаркандского и Ходжентского уездов и почти вся Восточная Бухара.

По решению президиума ЦИК СССР 2 января 1925 г. в состав Таджикской АССР включена территория Северного Памира как Горно-Бадахшанская автономная область. Северные районы современного Таджикистана вошли в состав Узбекской ССР и в 1926 г. объединены в Ходжентский округ.

26 ноября 1924 г. в качестве высшего органа власти был образован Революционный комитет Таджикской АССР (председатель Н. Максум). Столицей республики стал город Душанбе. 15 марта 1925 г. на митинге в Душанбе была торжественно провозглашена Таджикская АССР. В 1926 г., после «ликвидации басмачества», на всей территории Таджикистана прошли выборы в Советы. Созданные в 1925 г. для борьбы с басмачеством ревкомы заменены представительными органами власти трудящихся. В декабре 1926 г. I Учредительный съезд Советов Таджикской АССР принял Декларации: «Об образовании Таджикской АССР»; «О национализации земель, вод, недр земли и лесов»; «О раскрепощении женщин»; «О введении всеобщего обучения трудящихся». Сформированный съездом ЦИК избрал свой Президиум, а также Совнарком.

Я недаром взял в кавычки фразу «ликвидация басмачества». Об этом большевики громогласно объявляли в 1923-м, 1926-м, 1929-м и последующих годах. Рамки работы не позволяют рассказать об этой многолетней войне. Но вот только отдельный эпизод.

«Басмачи выступили в Туркмении во второй половине марта 1931 г. Своеобразным сигналом послужил приход из-за границы группы Хак Мурада. На пути басмачи громили советские учреждения, терроризировали и грабили население.

Для предотвращения дальнейших действий этой группы в Красноводский район был направлен небольшой отряд (52 бойца) из состава 85-го дивизиона войск ОГПУ под командованием Цейтлина. Прибытие отряда и арест нескольких баев вызвали переполох среди контрреволюционеров. На тайном совещании вожаков басмачей было решено уничтожить отряд и бежать за границу. Об этом сообщили руководителю зарубежного басмачества – Джунаид-хану.

19 апреля 400 басмачей напали на чекистов. Отряд был обстрелян из засады с расстояния 30–40 метров. Командир и два бойца были убиты, остальные заняли круговую оборону. Бой длился трое суток. 15 раненых бойцов попали в руки басмачей и были зверски убиты…

Нападение на чекистский отряд активизировало всех басмачей. В конце апреля небольшие шайки ограбили несколько кооперативов, захватили караваны с хлебом, в отдельных кишлаках убили партийных и советских работников.

Подняла голову контрреволюция в Хивинском оазисе. С помощью прибывших туда из-за границы басмачей ей удалось сколотить группировку в 875 человек.

Но главные события развернулись на территории Туркмении, где сконцентрировались основные байско-кулацкие и басмаческие силы. В районе Кизыл-Арвата оперировала банда до 200 человек. Сюда Джунаид направил отряд Ишик-хана.

Центром басмаческих выступлений стали Красноводский и Казанджикский районы. Там сосредоточилась иомудо-казахская группировка, имевшая в своем составе около 1500 человек. Начались массовые погромы и террор. 22 апреля басмачи уничтожили постройки, разграбили склады в Ходжа-Суфи, причинив большой материальный ущерб. 27 апреля они разграбили промыслы треста “Кара-Бугаз сульфат”.

В результате антисоветской агитации, шантажа, угроз и прямого насилия баям удалось пополнить ряды басмачей. К началу июня 1931 г. только в Красноводском районе действовали три крупные группы общей численностью 1960 человек. В этот же район прорвалась зарубежная банда в 60 человек»[309].

Любопытно, что авторы труда «Басмачество: возникновение, сущность, крах» проявили элементарную порядочность и воздержались от эффектной концовки: «В 19… году с басмачеством было окончательно покончено». Они остановились на небольшом эпизоде – набеге 11 октября 1933 г. Утан-бека на территорию Туркмении и на том скромно закончили.

Наряду с военными мерами правительство СССР, используя угрозы и экономическую помощь, в 1934 г. добилось принятия ряда мер против басмачей в Иране и Афганистане. Из докладной записки Управления НКВД по Средней Азии об обстановке на границе с 1 октября 1933 г. по 1 октября 1934 г.: «В сопредельных странах ряд бандитских шаек разоружены и выселены вглубь страны»[310].

С 1934 г. басмачи изменили тактику, прорывы стали осуществляться небольшими группами по 15–30 человек. К примеру, в 1937 г. пограничники на туркменской границе имели 50 боестолкновений с басмачами и контрабандистами.

Стычки с небольшими бандами на южной границе продолжались и в дальнейшем. Вот выдержки из Сводки Главного управления пограничных войск:

«18 мая 1939 г. на участке деятельности пограничного комиссара по Бухарденскому району из Ирана перешла вооруженная банда в числе 11 человек, которая направилась в наш тыл. Встретившись с пограничными нарядами, после боевого столкновения возвратилась в Иран…

17 августа 1939 г. на участке деятельности пограничного комиссара по Бахарденскому району из Ирана перешла на нашу территорию бандитская группа в составе пяти человек. Во время боестолкновения с нашим пограничным нарядом был убит красноармеец, после чего банда, обратившись в бегство, скрылась на иранской территории.

13 августа 1939 г. на участке деятельности пограничного комиссара по ленкоранскому району в результате столкновения с бандой, перешедшей из Ирана, был убит один красноармеец.

10 октября 1939 г. на участке деятельности пограничного комиссара по Каахкинсскому району наш пограничный наряд обнаружил банду в числе пяти человек, перешедшую из Ирана, вступил в нею в перестрелку, в результате чего банда была полностью ликвидирована. При ликвидации этой банды был убит один командир»[311].

В начале сентября 1941 г. среди киргизов племени хадырша, расселенных в Аличурской долине Восточного Памира, усилились «антисоветские настроения». «Антисоветская активность в сентябре сего года приняла формы открытых бандитских выступлений.

9 сентября в районе оз. Булункуль убили помощника начальника отделения Мургабской комендатуры Урумбаева и сопровождавшего его красноармейца Дубовицкого…

20—21 октября сего года была проведена операция по ликвидации бандгрупп. В результате действий групп на Большом Памире убито восемь бандитов, в том числе главарь бандгруппы Ахметов Знабетдин. Захвачено шесть бандитов, в том числе помощник главаря Герисаев Комбар… Уничтожены 53 человека басмаческого элемента и брат организатора и руководитель группировки Камчибека Аильчибеков Игамберды…

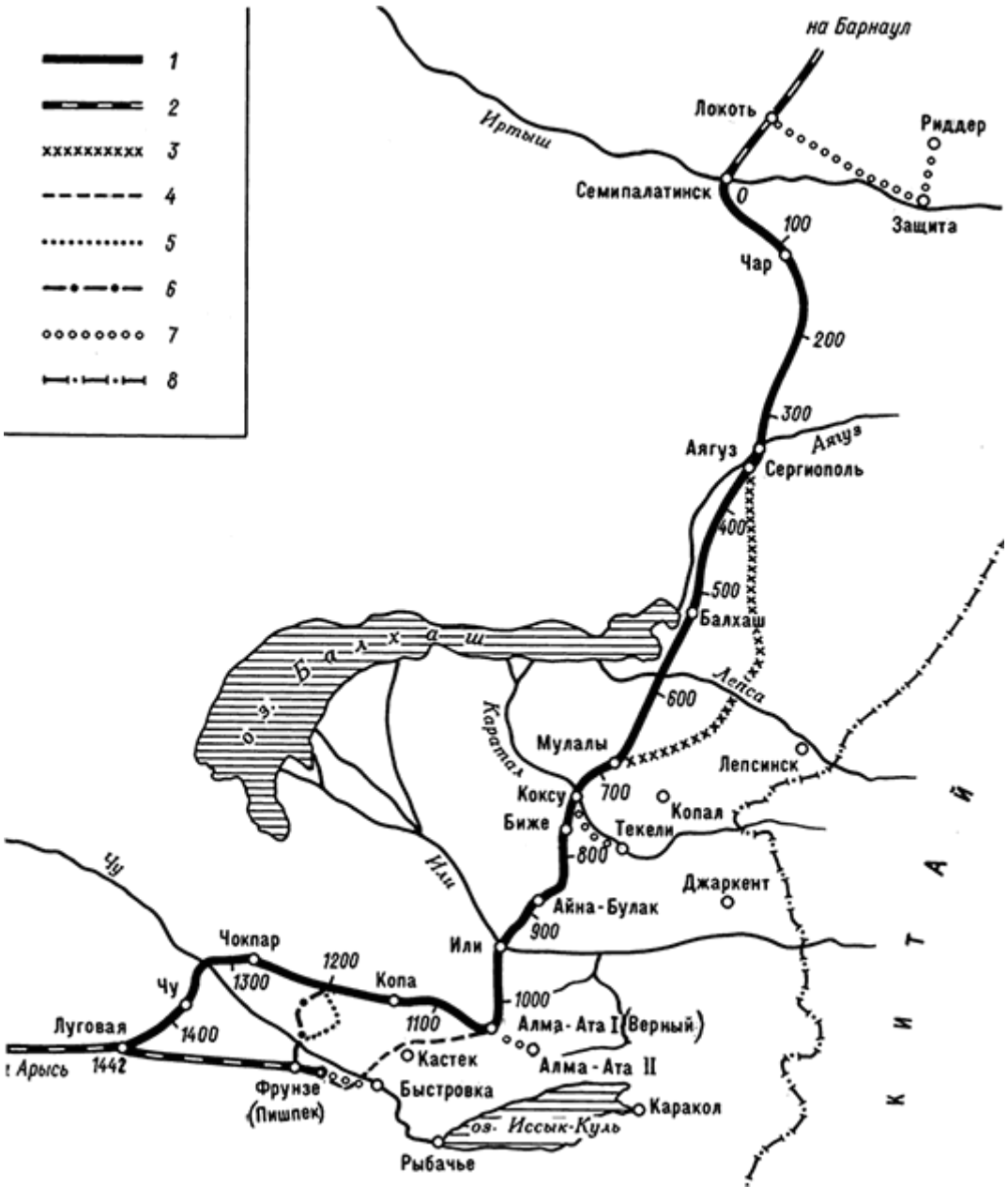

Схема Туркестано-Сибирской железной дороги: 1. Основная трасса (1930 г.); 2. Существовавшие подходные железнодорожные линии; подварианты трассы: 3. Лепский; 4. Кастекский; 5. Курдайский; 6. Какпатасский; 7. Последующее развитие Турксиба (1940 г); 8. Государственная граница

Генерал-майор Яценко»[312].

Таким образом, вооруженное сопротивление в Средней Азии в 1933 г. не закончилось, а лишь резко уменьшилось и приняло иные формы.

О строительстве социализма в Средней Азии, да и во всех социалистических республиках страны старшее поколение помнит очень хорошо, а младшее может найти множество материалов советского времени. Вряд ли нужно доказывать, что царская и советская Россия за одно столетие вывела среднеазиатские ханства из XV века в XXI век с гидроэлектростанциями, космодромами и полигонами, где испытывались системы космического оружия (перехватчики спутников, мощнейшие лазеры и т. д.).

В виде примера возьмем строительство Турксиба. Необходимость освоения рынков сбыта продукции (ввоза хлеба, леса, угля и вывоза хлопка, живности, шерсти, кожи, фруктов) требовала расширения железнодорожной сети в центре Средней Азии и строительства железных дорог на юго-востоке Казахстана, где до 1930-х годов их вовсе не было. Поэтому Совет Труда и Обороны СССР 3 декабря

1926 г. признал сооружение магистрали Луговая – Семипалатинск (Туркестано-Сибирской железной дороги) стройкой общесоюзного значения.

Укладка рельсов на трассе Турксиба. 1929 г.

Весной 1927 г. начались земляные работы на Северном участке, а осенью того же года – на Южном.

Преодолев все трудности, удалось завершить работы раньше намеченного срока, и 26 апреля 1930 г. на станции Айна-Булак произошла «смычка» Северного и Южного участков трассы. Завершилось строительство железной дороги длиной 1442 км от Семипалатинска до Луговой. Суммарные затраты за три года составили 175 млн рублей. Всего на строительстве было занято около 100 тыс. человек. Коллектив строителей Турксиба был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

31 декабря 1930 г. Туркестано-Сибирская железная дорога была введена в постоянную эксплуатацию. На юг Казахстана, в Узбекистан и другие среднеазиатские республики пошли эшелоны с углем Кузбасса, сибирского леса и хлеба, а в обратном направлении, из Красноводска, шли поезда с бакинской нефтью.

После сооружения Туркестано-Сибирской магистрали к ней были проложены линии: в 1931 г. Алма-Ата I – Алма-Ата II, в 1934 г. Чимкент – Ленгер, в 1939 г. Локоть – Защита, в 1941 г. Коксу – Текели.

Следует заметить, что хотя горбачевская «перестройка» и привела к ряду кровавых этнических конфликтов, но в целом среднеазиатские республики не были готовы к принятию независимости. И события в Беловежской Пуще в 1991 г. стали для руководителей этих республик громом среди ясного неба.

Кстати, читатель уже заметил, что я ни слова не сказал о соглашении в Беловежской Пуще и других событиях 1991 г. – начала 1992 г., приведших к распаду СССР. Я лишь хочу задать вопрос, почему население РФ, якобы демократической страны, и через 20 лет практически ничего не знает об этих событиях? Почему ни одна партия и ни один серьезный общественный деятель не требует раскрыть секретные архивы и попросить отчет у Ельцина и Горбачева за эти события? Достойна ли существования в XXI веке страна, не желающая знать того, что произошло с ней в конце XX века?

Раздел IX. Прибалтика

Глава 1. Вторжение Тевтонов

Палеолитические племена появились в Прибалтике около 10 тысяч лет назад, вслед за отступившим ледником. В III тысячелетии до н. э. сюда проникает культура ямочно– гребенчатой керамики, которая, как полагают, была характерна для финских охотничьих племен, мигрировавших с востока. Тогда же, в III тысячелетии до н. э., на территорию Эстонии пришли предки славян, скотоводы и земледельцы балтославяне, с их ладьевидными каменными топорами и шкуровой керамикой. Стоянки и родовые (групповые) грунтовые могильники балтославян III–II тысячелетия до н. э. обнаружены по всей Эстонии.

Предположительно в I тысячелетии до н. э. здесь появляются и восточные славяне, возможно, слившиеся с балтославянами.

В VI–VII веках в Прибалтике появляются славяне-кривичи. Практически вся материковая Эстония покрыта их длинными курганами. В 1979 г. на территории Эстонии насчитывали 1432 каменных могильника, 984 длинных кургана и 306 грунтовых могильников балтославян; соотношение русских (славянских) и эстонских могильников – один к одному.

В VIII–X веках через Финский залив и Западную Двину проходил знаменитый путь «из варяг в греки». По нему русы, то есть дружины из норманнов и славян, проходили в обоих направлениях из Северной Европы по Днепру и дальше в Византию, на Волгу и дальше в восточные страны.

В устье Западной Двины, в Гробини у Либавы найдено поселение скандинавского типа, находка датируется 650–850 гг. Такие же поселения найдены на острове Сааремаа (Купигуста), на западном побережье Эстонии (Лизула) и на крайнем северо-западе (Прооза на территории Таллина).

С созданием Древнерусского государства все течение Западной Двины переходит под контроль киевских князей. В «Повести временных лет» сказано: «И се суть инии языце, иже дань дают Руси: Чудь (эсты) … Ямь (емь – финны), Литва (Аукштайте), Зимегола (Земгалия), Корсь (литовское племя на Нижнем Немане), Нерома (Жемайте), Либь (Ливы)»[313].

Особого значения действиям русских князей в Прибалтике русские летописи не придавали. Вот, к примеру, краткая запись под 1030 годом: «В то же лето пошел Ярослав на чудь, и победил их, и поставил град Юрьев»[314].

В данном случае под термином «чудь» подразумеваются эсты. Вообще же чудью (чухонцами) русские именовали все угро-финские племена. Юрьевым город был назван в честь самого князя. Юрий – это христианское имя Ярослава Мудрого. Первые два века христианства на Руси князья в большинстве случаев имели два имени – русское языческое и христианское.

Видимо, тогда же был основан и город Колывань на месте нынешнего Таллина. Эсты стали данниками русских князей. Русские, в отличие от немцев, ограничивались выплатой дани, практически не вмешиваясь в быт и религиозные верования населения Прибалтики.

После смерти киевского князя Владимира Святого бассейн Западной Двины в ее среднем и нижнем течении попадает под власть его внука полоцкого князя Брячислава Изяславича. Ярослав Мудрый, а затем и его преемники несколько раз пытаются подчинить себе Полоцкое княжество, но каждый раз терпят неудачу.

При князе Всеславе, сыне Брячислава Изяславича, на Западной Двине в городках Герцике, Кукейнойсе и других находятся полоцкие гарнизоны. В жизнь же местного населения – семигаллов и ливов – русские не вмешиваются, за исключением сбора небольшой дани.

Полоцкий князь Всеслав умер 14 апреля 1101 г. и, чтобы избежать усобицы, дал старшему сыну Роману Полоцк, а другим сыновьям – уделы в составе полоцкой земли: Витебский, Минский, Городецкий (центр – нынешний город Гродно) и Друцкий. Однако эта мера лишь ослабила Полоцкое княжество. Роман Всеславич умер в 1114 г. бездетным, и его братья вступили в войну за полоцкий престол.

В довершение смут внутренних на Полоцкое княжество в течение всего XII века совершали набеги литовские племена.

В 1158 г. к устью Западной Двины, где обитали племена ливов, платившие дань полоцким князьям, был прибит бурей корабль бременских купцов. Ливы, согласно бытовавшему в те времена «береговому

праву», попытались захватить корабль, но были отбиты немцами. После этого началась торговля. Обмен оказался столь выгодным для бременцев, что они стали постоянно ездить с товарами к устью Двины. Торговля была выгодна и ливским вождям, и они разрешили купцам построить в устье Двины укрепленную торговую факторию Укскуль, а затем и вторую факторию Далеп.

О постройке факторий и о выгодной торговле с ливами вскоре узнал и бременский архиепископ. Упустить такую выгоду архиепископ никак не мог, но на всякий случай обратился за санкцией на вторжение в земли ливов к римскому папе. Надо ли говорить, что папа Александр III согласился с мнением архиепископа и велел направить в Ливонию миссионеров.

Вскоре миссионеры с отрядом воинов прибыли в Укскуль. Возглавлял их монах-августинец Мейнгард. Монах был хитер, и прежде чем начать проповеди среди ливов, отправился за разрешением к полоцкому «королю» Владимиру. Монах прибыл в Полоцк вместе с бременскими купцами и был тих и кроток. Князь, не мудрствуя лукаво, дал разрешение на «проповедь слова Божьего». Кроме того, монах обещал «королю» помощь германских рыцарей в борьбе с набегами литвы. Владимир дал согласие. Оправдывая ошибку князя, следует сказать, что только столетие прошло с момента разделения православной и католической церкви (в 1054 г.), в Полоцке могли и не знать нюансы взаимоотношений константинопольского патриарха и римского папы. Да и полоцкие князья отличались от киевских веротерпимостью. Историки не располагают данными о каких-либо преследованиях язычества в Полоцком княжестве и на его вассальных территориях.

Мейнгард начал вести проповеди среди ливов. А чтобы проповедовать, нужны церкви. Немцы построили их на самых крутых холмах. А чтобы защитить церкви, вокруг них возвели каменные стены с многочисленными башнями. Так появились каменные крепости Укскуль, Гольм и другие. Все шло хорошо, да ливы не изъявляли особого желания креститься. Мало того, уже крещеные туземцы стали перекрещиваться обратно – погружаться в воды Двины, дабы смыть с себя крещение и отослать его обратно в Германию. А поскольку ливы платили дань полоцкому князю, то платить еще десятину в пользу папы римского им явно не улыбалось.

Мейнгард попытался применить силу, но у ливов был многократный перевес. Тогда Мейнгард по традиции обратился к папе с просьбой организовать хотя бы небольшой крестовый поход и заставить ливов платить. Но в 1196 г. Мейнгард умер, так и не дождавшись крестоносцев. На его место из Бремена оперативно прислали нового епископа Бартольда.

По прибытии Бартольд велел собрать ливских старейшин и объявил им, что надо креститься и платить, а то, мол, братва крестоносная из-за моря прибудет. Когда Бартольд удалился, вожди начали думать, что делать. Разгорелся жаркий спор. Одни предлагали Бартольда сжечь вместе с его храмом, другие без лишних церемоний хотели утопить епископа в Двине. Пока шли дебаты, какая-то добрая душа побежала к епископу, а тот, естественно, кинулся на корабль и убыл в Германию.

Бартольд написал папе слезное послание о своем печальном положении. Папа объявил отпущение грехов всем, кто отправится в крестовый поход против ливов, и вокруг Бартольда собрался значительный отряд крестоносцев, с которыми он и отправился назад в Ливонию. Туземцы вооружились и послали спросить епископа, зачем он привел с собой войско? Бартольд ответил, что войско пришло для наказания отступников, на что ливы сказали ему: «Отпусти войско домой и ступай с миром на свое епископство: кто крестился, тех ты можешь принудить оставаться христианами, других убеждай словами, а не палками». В ответ конные крестоносцы построились «свиньей» и двинулись на толпу ливов. Впереди скакал с копьем сам епископ. В сражении Бартольд был убит, но крестоносцам удалось одержать победу.

Немцы предали огню и мечу окрестные земли. Ливы были вынуждены креститься, и их обложили большой данью. Но, как только основные силы крестоносцев убыли в Германию, ливы начали отмываться от крещения в Двине. Расставленные у дорог массивные деревянные распятия клали на плоты и отправляли вниз по течению в Балтийское море. Всем католическим священникам и рыцарям было приказано отдать награбленное и без багажа садиться на корабли. Купцов и их имущество ливы не тронули.

Но через несколько месяцев в устье Двины появилось 23 корабля с рыцарями-крестоносцами. Вместе с ними прибыл и новый епископ Альберт фон Буксгевден. Последний оказался довольно гибким и умным политиком. Он заменил ливам зерновую десятину небольшим натуральным оброком. Вместе с

тем епископ понял, что удержать край в повиновении с помощью набегов крестоносцев невозможно. Нужно было стать твердой ногою на новом месте, строить города и замки.

В 1200 г. епископ Альберт основал при устье Двины город Ригу. Но мало было основать город, его надо было заселить, и Альберт сам ездил в Германию набирать колонистов. Но одного города, населенного немцами, было недостаточно. Население его не могло придаваться мирным занятиям, так как должно было вести непрерывную борьбу с ливами, следовательно, нужно было военное сословие, которое бы приняло на себя обязанность постоянно бороться с коренным населением. Для этого Альберт стал вызывать рыцарей из Германии и давать им замки в ленное владение. Но рыцари ехали крайне неохотно. Тогда Альберт решил основать орден «воинствующей братии» по образцу военных орденов в Палестине. Папа Иннокентий III одобрил эту идею, и в 1202 г. был основан орден рыцарей Меча, получивший устав Храмового ордена. Рыцари ордена носили белый плащ с красным мечом и крестом, вместо которого позже стали нашивать звезду. Первым магистром ордена был Винно фон Рорбах.

Первое время отношения между орденом и рижским епископом были хорошие, но через несколько лет они испортились, и фон Рорбах перенес свою резиденцию из Риги в крепость Венден.

Полоцкие князья вовремя не осознали угрозы, которую им и другим русским княжествам несут немцы. Лишь в 1203 г. полоцкий князь Владимир с дружиной внезапно осадил Укскуль. Немцы выплатили ему большой выкуп, и Владимир пошел осаждать крепость Гольм. Однако там немцы отразили штурм с помощью метательных машин, бросавших на осаждающих тяжелые камни и бревна. Владимир был вынужден увести свою дружину в Полоцк.

В 1206 г. полоцкий «король» Владимир осадил замок Гольм. «Русские же, не знавшие арбалетов, но привычные к стрельбе из луков, бились много дней и ранили многих на стенах; собрав большой костер из бревен, они старались поджечь укрепления, но старания эти были тщетны, а при сборе дров многие из них пали, сраженные арбалетчиками. Поэтому король послал гонцов к жителям Торейды, к летам и к окрестным язычникам, чтобы все они выступили в поход против рижан. Люди из Торейды тотчас же с радостью собрались к королю, и тем, кто пришел, было поручено единственное: собрать дрова для поджога замка. А так как доспехов у них не было, то, пока они собирали, многие из них были убиты неожиданными выстрелами. Леты же и сами не пришли, и гонцов не прислали. Сделали русские и небольшую метательную машину, по образцу тевтонских, но, не зная, как метать камни, они ранили многих своих, попадая в тыл. Тевтоны из-за своей малочисленности – их было всего двадцать человек – опасались предательства со стороны ливов, которых было много с ними в замке, днем и ночью оставались на стенах в полном вооружении, охраняя замок и от друзей внутри, и от врагов снаружи. Ливы же вместе с королем ежедневно искали способа, как бы, захватив их хитростью, передать в руки русским, и если бы не сократились дни войны, то едва ли рижане и жители Гольма при их малочисленности могли бы защищаться…»[315]

Лишь когда разведчики донесли «королю», что в море у Риги замечена эскадра кораблей, он приказал снять осаду Гольма.

Любопытно, что о деятельности полоцкого «короля» Владимира мы знаем исключительно из германских рифмованных хроник, которые упоминают о нем на протяжении 32 лет. В русских же летописях и родословных о князе Владимире нет ни слова. Это связано с тем, что полоцкая династия Брячиславичей была обособлена от остальных князей Рюриковичей, и те периодически пытались захватить Полоцк. А позже, к концу XIII века, Полоцкое княжество попало под власть литовских князей, которых мало интересовали архивы их предшественников. Мало того, литовские князья утверждали, что Полоцк был их исконной вотчиной и, скорей всего, старые летописи были сожжены по их приказу.

Любопытно, что в германских рифмованных хрониках XII–XIII веков под термином «христиане» понимаются исключительно немцы, противниками же «христиан» являются язычники и русские. Русских пока еще не называют даже схизматиками.

Война между крестоносцами и полоцким «королем» шла с переменным успехом. В 1210 г. рижские немцы были вынуждены заключить «вечный мир» с Владимиром. Полный текст договора до нас не дошел, но в рифмованной хронике говорится, что рижский епископ платил «королю» ежегодную дань.

Надо полагать, что в договоре были выгодные для русских условия прохода торговых караванов по Западной Двине.

Весной 1216 г. эсты из приморских областей и острова Сааремаа прислали послов к полоцкому «королю» с предложением захватить Ригу и устье Западной Двины. «Король» собрал большое войско, но, поднимаясь на корабль, Владимир внезапно упал и умер. Поход был отменен.

Судя по всему, после смерти Владимира в Полоцком княжестве началась ожесточенная борьба за власть. А в 1223 г. Полоцк на некоторое время был захвачен смоленскими князьями. Все это позволило крестоносцам закрепиться в нижнем течении Западной Двины. Таким образом, этот выход к морю оказался закрытым для Руси на целых пять столетий.

Завоевание же эстов немцами шло с трудом. Новгородские и псковские князья упорно защищали своих вассалов.

Замечу, что крестоносцы действовали не только кнутом, но и пряником. Немцам удалось сделать своим «агентом влияния» псковского князя Владимира Мстиславовича. Князь даже выдал свою дочь за брата епископа Альберта. Это не понравилось псковичам, и в 1213 г. они выгнали Владимира из города. Владимиру пришлось бежать к зятю в Ригу, где ему дали в управление Идумейскую область между Ригой и Венденом.

Жизнь у немцев князю пришлась не по душе, и он убежал обратно в Псков. Горожане его простили, и он с псковскими и новгородскими ратями в 1217 г. двинулся к Медвежьей Голове[316]. Чухонцы позвали на помощь немцев. Рыцари во главе с магистром ордена Волквином внезапно напали на русский лагерь. Но новгородцы быстро оправились и контратаковали немцев. Рыцари были разбиты, Владимир Мстиславович взял в плен своего зятя Феодориха и привез его в Псков. В летописи почему-то не упоминаются потери немцев, сказано лишь, что у них убито три главных воеводы и взято 700 лошадей. Надо полагать, рыцари отдали 700 лошадей не по доброй воле.

В немецкой хронике[317] говорится, что немцы и русские заключили мир, по которому немцы не должны более появляться в районе Оденпе (Медвежьей Головы), а местная чудь должна по-прежнему платить дань Пскову и Новгороду.

Узнав о разгроме немцев под Оденпе, эсты под руководством Лембита подняли восстание против немцев.

И вот в 1218 г. епископы Рижский, Эстонский и Семигальский вместе с графом Альбертом отправились к датскому королю Вальдемару II. Они «слезно просили его направить в следующем году свое войско на кораблях в Эстонию, чтобы смирить эстов и прекратить их совместные с русскими нападения на Ливонскую церковь. И когда король узнал о великой войне русских против ливонцев, он пообещал на следующий год прийти в Эстонию с войском как ради славы Пресвятой Девы, так и во отпущение грехов своих»[318].

Подчеркиваю, что это не я сказал «слезно просили», это утверждал современник – автор рифмованной хроники.

В 1219 г. на севере Эстляндии высадились войска датского короля Вальдемара II и его вассала правителя острова Рюген и части Померании Вацлава I. Они захватили и разрушили крепость Колывань, а на ее месте построили свою крепость Ревель (нынешний Таллин). Любопытно, что по-эстонски «таллинн» означает «датский город».

Новгородцы под началом князя Владимира Мстиславовича и его сына Ярослава дважды, в 1219 и 1222 годах, осаждали немецкую крепость Венден (Кесь) и один раз, в 1223 г., – Ревель. Но все три осады были неудачны, врага спасали мощные укрепления и метательные (камнеметные) машины. Русским удалось взять много добычи и пленных, но выгнать противника из Прибалтики они не смогли. Немцы и римские папы сделали из Прибалтики восьмивековой очаг напряженности в северо-восточной Европе.

В 1224 г. немцы двинулись на самую сильную русскую крепость в Эстляндии – Юрьев. Там сидел князь Вячеслав Борисович, у которого немцы ранее отняли город Кукейнос. 15 августа Юрьев был осажден. Немцы приготовили много осадных машин, из огромных деревьев выстроили башню в уровень с городскими стенами, и под ее защитой начали вести подкоп. Всю ночь и весь следующий

день над этим трудилась половина войска, одни копали, другие относили землю. На следующее утро большая часть подкопанного рухнула, и башня была придвинута ближе к крепости.

Несмотря на активную подготовку к штурму, осаждающие еще пытались завести переговоры с князем Вячеславом. Они послали к нему несколько духовных особ и рыцарей с предложением свободного выхода из крепости вместе с дружиной, лошадьми и имуществом, если князь согласится покинуть отступников-туземцев (эстов). Вячеслав Борисович не принял это предложение, так как ожидал подкрепления из Новгорода. Тогда осада началась с новой силой и продолжалась много дней без видимого успеха.

Согласно немецкой хронике, осаждающие собрали совет, на котором два рыцаря, Фридрих и Фредегельм, недавно приехавшие из Германии, подали идею: «Необходимо сделать приступ и, взявши город, жестоко наказать жителей в пример другим. До сих пор при взятии крепостей оставляли гражданам жизнь и свободу, и оттого остальным не задано никакого страха. Так теперь положим: кто из наших первый взойдет на стену, того превознесем почестями, дадим ему лучших лошадей и знатнейшего пленника, исключая этого вероломного князя, которого мы вознесем выше всех, повесивши на самом высоком дереве».

Идея понравилась. И на следующее утро осаждающие устремились на приступ, но были отбиты. Осажденные сделали в стене большое отверстие и выкатывали оттуда раскаленные колеса, чтобы зажечь башню, от которой была большая опасность крепости. Осаждающим пришлось сосредоточить все свои силы, чтобы потушить пожар и спасти башню. Между тем брат епископа Иоганн фон Аппельдерн, неся огонь в руке, первым начал взбираться на вал, за ним следовал его слуга Петр Оге, и оба беспрепятственно достигли стены. Увидев это, остальные ратники бросились за ними, каждый спешил, чтобы оказаться первым. Кто же взошел первым на стену, осталось неизвестным. Одни поднимали друг друга на стену, другие прорывались сквозь отверстие, сделанное самими же осажденными для пуска раскаленных колес. За немцами ворвались леты и ливы, и началась резня. Никому не было пощады. Бои в городе продолжались до тех пор, пока русские не были истреблены почти полностью. Немцы окружили крепость и не давали никому спастись бегством. Из всех мужчин, находившихся в городе, оставили в живых только одного – слугу суздальского князя. Ему дали лошадь и отправили в Новгород рассказать своим о судьбе Юрьева, и новгородский летописец записал: «Того же лета убиша князя Вячка немцы в Гюргеве, а город взяша».

К великому сожалению, события в Прибалтике в XII – начале XIII века не нашли должного отражения ни в царской, ни в советской историографии. И по мнению многих поколений наших людей, первым против крестоносцев выступил Александр Невский. Поэтому мне и пришлось приводить подробности боевых действий русских князей против крестоносцев задолго до рождения князя Александра Ярославича.

Из всего сказанного можно сделать очевидные выводы.

Во-первых, к 1158 г. Прибалтика была вассальной территорией русских князей. Князья Рюриковичи действовали по принципу «разумной достаточности».

Они ставили перед собой две основные цели – обеспечение свободного выхода Руси к Балтийскому морю через Западную Двину и Финский залив и обеспечение безопасности своих княжеств от вторжения западных рыцарей.

Поэтому они не вмешивались во внутренние дела местных племен и не навязывали им православие. Вполне достаточно было построить несколько крепостей и держать там небольшие гарнизоны. Местные племена были обложены сравнительно небольшой данью – на содержание гарнизонов и для психологического воздействия, дабы туземцы не забывали, кто их сюзерен.

Во-вторых, вторжение немцев, а позже датчан встретило отчаянное сопротивление не только местных племен, но и дружин русских князей. Война шла свыше 60 лет.

В-третьих, нельзя забывать, что подлинными организаторами и идейными вдохновителями походов на Восток были римские понтифики (папы) и их окружение. Нигде в священных книгах не говорится о том, что-де учения Христа надо насаждать с помощью огня и меча. Но не следует забывать, что каждое языческое племя, обращенное крестоносцами в католичество, принуждалось к уплате церковной

десятины в пользу Рима. Неудивительно, что христиан, отказывавшихся платить десятину папе, католические иерархи приравнивали к язычникам.

Свое истинное лицо рыцари-крестоносцы показали при разгроме Константинополя в 1204 г. Рыцари и католические священники громили православные церкви, рубили и жгли иконы, крали священные сосуды и т. д. В православных византийских храмах под хохот рыцарей плясали проститутки.

Резко контрастировало с этим отношение православных к католикам. Так, например, в Новгороде в XII–XV веках находились сотни западных купцов, их обслуга и охрана. Многие из них жили на «немецком дворе» в Новгороде по много лет. Но вот что удивительно, в вольном Новгороде за всю историю не было погрома католиков, и вообще процветала веротерпимость.

А вот характерное мнение католических иерархов в середине 40-х годов XII века. Краковский епископ Матфей пишет к Бернарду Клервскому (1091–1153), аббату монастыря в Клерво в Бургундии (позже Бернард будет объявлен святым): «Народ же русский, неисчислимый и многочисленностью подобный звездам, не блюдет правил православной (orthodoxa) [то есть католической] веры и установлений истиной религии. Не разумея, что вне католической церкви нет места для подлинного богослужения, он, как известно, позорно заблуждается не только в богослужении Тела Господня, но и в расторжении браков и перекрещивании [супругов], а также и других церковных таинствах. От самого начала своего крещения преисполненный всевозможными заблуждениями, а вернее сказать – еретическим нечестием, он исповедует Христа разве что по имени, делами же совершенно отвергает. Ведь не желая быть в согласии ни с Латинской, ни с Греческой церковью и отделившись от обеих, названный народ не причастен к принятию таинств ни по тому, ни по другому [обряду]». В итоге епископ Матфей призывает Бернарда лично явиться, чтобы своей «проповедью, что пронзает лучше меча обоюдоострого, истребить ересь на Руси, которая – словно другой мир»[319].

Вроде бы пока речь идет о проповедях, но не будем забывать, что именно Бернард был одним из главных вдохновителей второго крестового похода 1147 года.

Римские папы с конца XII века периодически рассылают буллы (послания, обязательные к исполнению всеми католиками) с призывами к торговой блокаде Руси. Так, например, папа Григорий IX в январе 1229 г. отправил буллу к властям Рима с требованием прекратить торговлю с русскими оружием, лошадьми, кораблями, продовольствием и т. д. А в послании Григория IX Ливонскому ордену (1232 г.) рыцари призывались на борьбу с русскими, которых папа прямо именовал «врагами веры».

Глава 2. Князь Ярослав Всеволодович и его два сына

Одним из первых, кто осознал опасность тевтонской экспансии, был князь Переславля-Залесского Ярослав Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо и отец Александра Невского. В 1228 г. новгородцы позвали Ярослава княжить в Новгород. Вскоре он призвал полки из Переславля и начал готовиться к походу на Ригу. А кому-то в Пскове померещилось, что Ярослав вместо Риги хочет завладеть Псковом. Тут нельзя исключить и дезинформацию немцев. Со страху псковичи заключили отдельный мир с немцами, дали им 40 человек в заложники с условием, чтоб они помогли им в случае войны с новгородцами. Но новгородцы также заподозрили Ярослава, стали говорить: «Князь-то нас зовет на Ригу, а сам хочет идти на Псков». Ярослав послал сказать псковичам: «Ступайте со мною в поход: зла на вас не думал никакого, а тех мне выдайте, кто наговорил вам на меня». Псковичи велели отвечать ему: «Тебе, князь, кланяемся, и вам, братья новгородцы, но в поход нейдем и братьи своей не выдаем, а с рижанами мы помирились. Вы к Колываню (Ревелю) ходили, взяли серебро и возвратились, ничего не сделавши, города не взявши, также и у Кеси (Вендена), и у Медвежьей Головы (Оденпе), и за то нашу братью немцы побили на озере, а других в плен взяли. Немцев только вы раздразнили, да сами ушли прочь, а мы поплатились. А теперь на нас что ли идти вздумали? Так мы против вас с святой богородицей и с поклоном: лучше вы нас перебейте, а жен и детей наших в полон возьмите, чем поганые. На том вам и кланяемся». Новгородцы сказали тогда князю: «Мы без свой братьи, без псковичей, нейдем на Ригу, а тебе, князь, кланяемся». Сильно уговаривал Ярослав новгородцев, но все напрасно, тогда от отослал свои полки назад в Переславль.

В 1232 г. новгородский тысяцкий Борис поссорился с князем Ярославом Всеволодовичем и бежал к немцам в Оденпе. Туда же бежал и сын Владимира Псковского Ярослав. Перебежчики вернулись с немецким войском и захватили крепость Изборск. Псковичи отреагировали быстро – Изборск был отбит, а Ярослав Владимирович вместе с несколькими немецкими рыцарями взят в плен и отослан в

Новгород к князю Ярославу Всеволодовичу. Ярослав Всеволодович приказал всех пленных заковать в железо и отправить в Переславль-Залесский. В отмщение за это немцы поймали какого-то новгородца Кирилла Синкиница и засадили в тюрьму. Тогда Великий Новгород, считая этот поступок нарушением мира, объявил войну.

Князь Ярослав Всеволодович с дружиной двинулся к городу Юрьеву, точнее, теперь к немецкому Дерпту. Русские не смогли взять город, зато сильно опустошили его окрестности. На выручку Дерпту подошло немецкое войско. В апреле 1234 г. на реке Омовже произошло сражение, немцы были разбиты и предложили князю мир «по всей его правде». Новгородец Кирилл был отпущен на волю, а Ярослав с торжеством вернулся в Новгород, якобы не потеряв ни одного человека убитым в битве с немцами. Даже если и немного перебрал летописец, то это все равно свидетельствует о полководческом таланте князя. Судя по всему, в этом договоре Ярослав и выговорил дань с Дерпта и других земель для себя и своих преемников, ту знаменитую дань, которая после послужила Ивану Грозному поводом для Ливонской войны.

Еще до битвы на реке Омовже рыцари меченосцы решили объединиться с военно-монашеским Тевтонским орденом. Этот орден был основан в 1128 г. в Палестине. Несколько богатых немецких рыцарей основали в Иерусалиме особое братство для помощи паломникам под названием «Братство святой Марии Тевтонской». Когда арабы выставили крестоносцев из Палестины, гроссмейстер Тевтонского ордена Герман фон Зальц перебрался в Венецию.

В 20-х годах XII века княжество Мазовия (Польша) вело длительную войну с языческими племенами пруссов. Мазовецкий князь Конрад принял христианство и, поверив рассказам попов о бескорыстии и прочих добродетелях военно-монашеских орденов, в 1226 г. решил подарить Тевтонскому ордену Кульмскую и Лебодскую волости. Наивный Конрад надеялся, что рыцари будут защищать его от набегов языческих племен.

В 1228 г. большая часть рыцарей Тевтонского ордена вместе с гроссмейстером Германом фон Зальцем прибыла в Мазовию. Рыцари быстро завоевали земли пруссов. Большая часть населения была истреблена, а оставшиеся обращены в рабство. В Пруссию хлынул поток немецких переселенцев. Тевтонские рыцари построили в Пруссии несколько укрепленных городов, первый из которых, Торн, был заложен в 1231 г.

В 1234 г. Тевтонский орден получил от римского папы права на владение всей Прусской и Кульмской землей за обязательство платить дань лично папе, который таким образом стал сюзереном ордена. Дань орден платил исправно, но власть Папы оставалась номинальной, и фактически орден был независим в своей внешней и внутренней политике.

В 1229 г. умер рижский епископ Альберт. Магистр ордена меченосцев Волквин, воспользовавшись его смертью, решил избавиться от своей зависимости от рижских епископов и предложил Герману фон Зальцу объединить ордена. Однако Зальц отказался.

После разгрома рыцарей на реке Омовже переговоры по объединению орденов возобновились. В 1235 г. Зальц отправил в Ливонию двух командоров Тевтонского ордена Еренфрида фон Неуенбурга и Арнольда фон Неундорфа, поставив им задачу разузнать о правах и обычаях ордена меченосцев и вообще о положении дел в Ливонии. Вскоре посланцы вернулись и привезли с собой троих депутатов от ливонских рыцарей. Лудвиг фон Оттинген, наместник великого магистра в Пруссии, собрал капитул в Марбурге, где ливонских рыцарей подробно расспросили об их правилах, образе жизни, владениях и притязаниях. Потом были расспрошены командоры, посланные в Ливонию. Еренфрид фон Неуенбург представил поведение рыцарей меченосцев совсем не в привлекательном виде, описал их людьми упрямыми и крамольными, не любящими подчиняться правилам своего ордена, ищущими прежде всего личной корысти, а не общего блага, и, указав пальцем на прибывших с ним ливонских рыцарей, добавил: «А эти, да еще четверо мне известных, хуже всех там». Арнольд фон Неундорф подтвердил слова своего товарища. После такой «рекламы» неудивительно, что когда стали собирать голоса, объединяться ли с меченосцами, то сначала воцарилось молчание, а потом единогласно решено было дожидаться прибытия великого магистра.

Замечу, что историю объединения орденов я излагаю не по русским летописям или трудам советских историков, которых можно обвинить в предвзятом отношении к военно-монашеским орденам. Увы, все это взято из немецких хроник. Что донесения немецких рыцарей относительно поведения меченосцев

были справедливы, доказывают послания пап. В 1238 г. папа Григорий IX писал епископу Моденскому, своему легату в Ливонии, чтоб обращенные в христианство язычники не подвергались рабству (Histor. Russ. Monum I, XLVIII). В том же году он писал, чтоб рабам дали облегчение и позволили ходить в церковь (Там же, № XLIX). Известны и другие послания пап, обличающие ордена, как, например, послание Иннокентия IX рыцарям в 1245 г. Так что нравы рыцарей-монахов в художественных фильмах «Александр Невский» и «Крестоносцы» не только не очернены, а скорее приукрашены, поскольку даже сегодня в кино нельзя показать всех мерзостей, которые творили монахи-рыцари. И это касается не только орденов Тевтонского и Меченосцев. Вспомним, сколько гнусных преступлений рыцарей-монахов было выявлено на процессе ордена Тамплиеров во Франции в 1307–1314 гг.

Однако объединиться разбойничьим орденам все же пришлось. В 1236 г. магистр Волквин совершил опустошительный набег на литву, но вскоре был окружен многочисленными толпами язычников и погиб со всем своим войском. Любопытно, что к орденскому войску присоединился и отряд из двухсот псковичей. Вернулось из них в Псков всего двадцать человек.

После этого поражения уцелевшие меченосцы отправили посла в Рим рассказать папе о плачевном состоянии ордена и ливонской церкви и настоятельно просить о соединении их с Тевтонским орденом. Гроссмейстер Тевтонского ордена стал сюзереном ордена меченосцев, который с этого времени стали называть Ливонским орденом. Первым после объединения магистром Ливонского ордена стал Герман фон Балк.

Первое столкновение русских с Тевтонским орденом относится к 1235 г. Мазовецкий князь Конрад уступил ордену какие-то свои земли, на которые претендовал и удельный волынский князь Даниил Романович Галицкий. Согласно летописи, Даниил сказал: «Не годится держать нашу отчину крестовым рыцарям», и пошел с братом на них с большим войском, взял город, захватил в плен старшину Бруно и ратников и возвратился во Владимир.

Рассказав о крестоносцах, стоит несколько слов сказать и о государственном устройстве Господина Великого Новгорода. В отличие от большинства других городов Руси власть в Новгороде принадлежала владыке (архиепископу), посадникам и вечу (народному собранию). Причем и владыка, и посадник были выборными. Правда, выбор владыки был несколько экзотичным: духовенство и миряне выдвигали три кандидатуры, а затем тянули жребий – Божий суд. И после этого новый владыка уже чисто формально утверждался митрополитом, который последовательно жил в Киеве, во Владимире, а затем в Москве.

Примерно такая же система управления была и в Пскове.

А где же княжеская власть? Ведь автор уже писал о новгородских и псковских князьях. По неписаным конституциям Новгорода и Пскова князья выполняли роль кондотьеров – предводителей наемных дружин, которые должны были защищать город. Ну а кому сие утверждение показалось обидным, мол, святой Александр Невский был кондотьером, то я приведу современное определение. Князья были министрами обороны Новгородской и Псковской республик.

Князь и его дружина размещались вне города. Так, наемные новгородские князья занимали замок Рюриково городище. Князю и дружине выдавались в кормление волости республики и, кроме того, производились денежные выплаты.

Главная функция князя – защита от внешнего врага. В отдельных случаях князю доверяли вести внешние сношения с соседями. Всякое же вмешательство князей в городскую жизнь исключалось. Другой вопрос, что своенравные Рюриковичи иной раз пытались творить суд и расправу в Новгороде и Пскове. После этого обычно князю «показывали путь», то есть а пошел ты к… матери во Владимир, Суздаль или Переславль-Залесский. И вместо него приглашали нового князя. Когда среди князей не оказывалось подходящего свободного (от богатого княжества) Рюриковича, или те желали брать не по чину, то новгородцы и псковичи приглашали литовского князя. Литовские князья были людьми покладистыми, сразу по приезде в Новгород или Псков становились православными. А «получив путь» и отправляясь в этническую Литву, вновь возвращались к вере отцов. В западную часть Великого княжества Литовского князь ехал добрым католиком, а в восточной части Литвы оставался православным.

Первый раз князь Александр Ярославич (будущий Невский) был приглашен новгородцами княжить в 1228 г. вместе с братом Федором[320]. Через год вече прогнало обоих. А еще через год обоих братьев пригласили опять. Федор умер, и Александр стал княжить один.

После победы на Неве в июле 1240 г. новгородцы встретили Александра и его дружину колокольным звоном. Однако не прошло и нескольких недель, как властолюбивый князь и беспокойные граждане вольного Новгорода рассорились, и Александр Ярославович вместе с дружиной отправился восвояси в Переславль-Залесский.

Но время для «крамолы великой» и ссоры с князем Александром новгородцы выбрали явно неудачно. В том же 1240 г. рыцари меченосцы под командованием вице-магистра Андреаса фон Вельвена начали большое наступление на Русь. Вместе с немцами шел и перебежавший к ним князь Ярослав Владимирович[321]. Немцы[322] взяли Изборск. Псковское войско вышло навстречу немцам, но было разбито. Погиб и псковский воевода Гаврила Гориславович. Любопытно, что немецкие хронисты сделали из Гаврилы Гориславовича вначале Гернольта, а потом князя Ярополка, заставили его жить после смерти и сдать немцам Псков.

На самом деле немцы осаждали Псков около недели, а затем псковичи согласились на все требования врага и дали своих детей в заложники. В Псков был введен немецкий гарнизон.

Немцы не удовольствовались псковскими землями, а вместе с отрядами чухонцев напали на Новгородскую волость (Вотскую пятину). В Копорском погосте, в 16 км от Финского залива, рыцари построили мощную крепость. В 35 км от Новгорода немцы захватили городок Тесов.

В такой ситуации новгородцам потребовался князь со своей дружиной. К князю Ярославу Всеволодовичу срочно были отправлены послы просить дать в Новгород князя Александра. Однако Ярослав Всеволодович дал им другого своего сына – Андрея (более младшего). Новгородцы подумали и отказались, им нужен был только Александр. В конце концов, Ярослав Всеволодович уступил и дал им Александра, но на более жестких условиях.

В 1241 г. Александр Ярославович приехал в Новгород. Для начала Александр припомнил горожанам старые обиды и повесил «многии крамольники». Затем Александр осадил крепость Копорье[323] и взял ее. Часть пленных немцев князь отправил в Новгород, а часть отпустил (надо полагать, за хороший выкуп), зато перевешал всю чудь из копорского гарнизона. Однако от дальнейших действий против рыцарей Александр воздержался до прибытия сильной суздальской дружины во главе со своим братом Андреем.

В 1242 г. Александр и Андрей Ярославовичи взяли Псков. В ходе штурма погибло 70 рыцарей и множество кнехтов. Согласно Ливонской хроники, Александр приказал «замучить» в Пскове шесть рыцарей.

Из Пскова Александр двинулся во владения Ливонского ордена. Передовой отряд русских под командованием новгородца Домаша Твердиславовича попал в немецкую засаду и был разбит.

Получив известие о гибели своего авангарда, князь Александр отвел войско на лед Чудского озера близ урочища Узмени у «Воронея камени». На рассвете 5 апреля 1242 г. немецко-чухонское войско построилось сомкнутой фалангой в виде клина, в Европе такой строй часто называли «железной свиньей». В вершине клина находились лучшие рыцари ордена. Немецкий клин пробил центр русского войска, отдельные ратники обратились в бегство. Однако русские нанесли сильные фланговые контрудары и взяли противника в клещи. Немцы начали отступление. Русские гнали их на расстоянии до 8 км до противоположного Соболицкого берега. В ряде мест лед подломился под столпившимися немцами, и многие из них оказались в воде.

О Ледовом побоище 1242 г. написано множество книг, в которых приводятся подробнейшие детали битвы, карты, схемы и т. д. У наших верноподданнических имперско-советско-демократических историков, как всегда, все ясно и все разложено по полочкам. Однако на самом деле до сих пор остается множество вопросов, среди которых наиболее важные – сколько же немцев оказалось на льду озера, где конкретно проходило сражение и, наконец, кто же стал победителем в битве?

Так, Новгородская Первая летопись сообщает, что в сражении было убито 400 рыцарей, а 50 рыцарей взято в плен, чуди же побито «без числа». Западные историки, как, например, Джон Феннел, ставят под

сомнение достоверность летописи: «Если летописец считает этих 450 человек рыцарями, тогда приводимая цифра является, несомненно, крупным преувеличением, поскольку в то время, когда произошло сражение, два ордена имели чуть больше ста рыцарей»[324].

Современный историк Анатолий Бахтин утверждает, что все летописные сведения о битве были фальсификацией: «Не было там умопомрачительного столпотворения воюющих сторон, не было и массового ухода людей под лед. В те времена доспехи тевтонцев по своему весу были сопоставимы с вооружением русских ратников. Те же кольчуга, щит, меч. Только вместо традиционного славянского шишака голову братьев рыцарей защищал ведрообразный шлем.

Не было в те времена и латных лошадей. Ни в одной из существующих хроник невозможно отыскать рассказ о треснувшем льде на Чудском озере, об ушедших под воду участниках сражения.

– Еще одна откровенная мистификация, которая сослужила медвежью услугу, – это количество участников сражения, – резюмирует он. – В составлении русских летописей того времени наверняка принимали участие имиджмейкеры, которые для того, чтобы признать значимость победы или объяснить причины поражения, не утруждали себя педантизмом. Количество воинов в те времена указывали одним словом “бещисла”, то есть несметное количество. Эта формулировка дала повод псевдоисторикам в советские времена увеличить на порядок количество участников битвы на Чудском озере. Как анекдот звучали нереальные и необоснованные цифры: восемнадцать тысяч со стороны русских, пятнадцать – со стороны ордена. К концу тридцатых годов XIII века все население Новгорода, включая женщин, стариков и детей, составляло чуть более четырнадцати тысяч человек. Поэтому максимальное количество ополчения, которое мог призвать Александр под свои знамена, не могло превысить двух тысяч ратников. А Тевтонский орден, большинство членов которого в этот период проливали свою и чужую кровь в Палестине за Гроб Господень, состоял примерно из двухсот восьмидесяти братьев-рыцарей. Непосредственно на лед Чудского озера вышли биться не более двух десятков тевтонцев. Остальную тысячную массу, противоборствовавшую русской дружине, составили ливонцы и чуди, предки нынешних эстонцев»[325].

Сторонники «магистральной линии» по-прежнему верны традициям историков царских и сталинских времен. Например, доктор исторических наук Николай Борисов из МГУ подготовил учебник «История России с древнейших времен до конца XVII века», в котором события излагаются следующим образом:

«Своим любимым приемом – внезапной атакой, “изгоном” – Невский овладел городом. После этого, не теряя времени, он пошел на Изборск и дальше, “в землю Немецкую”. Узнав о том, что навстречу ему идет большое рыцарское войско, Александр отступил к Чудскому озеру. Вероятно, этот отход князь совершил умышленно. В его голове уже появилась дерзкая идея: сразиться с врагом на льду озера.

…Утром 5 апреля 1242 г. его войско встретило врага, выстроившись на льду Чудского озера, “на Узмени, у Вороньего камня”. Крестоносцы построились треугольником, острие которого было направлено на русских. На концах и по сторонам этого живого треугольника – “великой свиньи”, по ироническому выражению русских летописцев, – встали закованные в латы всадники, а внутри него двигались легковооруженные воины. Осыпав противника дождем стрел, воины Александра раздвинулись, пропуская “великую свинью”, а затем яростно ударили по ее флангам. Началась тяжелая и кровопролитная битва. Вскоре ослабевший к весне лед – особенно тонкий в этой части озера, на протоке – начал давать трещины. Кое-где, не выдержав тяжести людей и боевых коней, он стал проваливаться. Первыми шли ко дну самые знатные, богатые рыцари: их тяжелые доспехи весили по два-три пуда. Упав с коня, рыцарь, закованный в латы, уже не мог подняться без посторонней помощи. Уцелевшие рыцари обратились в бегство. Победа Александра была полной. Около 500 немцев погибло в битве, а 50 знатных пленников он привел с собой в Псков»[326].

На основании многочисленных вариантов истории битвы современные знатоки тактики и стратегии средневековых войн делают далеко идущие выводы: «Выставив длинные копья, немцы атаковали центр (“чело”) боевого порядка русских. “Вот знамена братьев проникли в ряды стрелков (сторожевого полка). Было слышно, как звенят мечи, и было видно, как рубились шлемы, с обеих сторон падали мертвые”.

О прорыве врагом новгородских полков пишет русский летописец: “Немцы же и чюдь пробишася свиньею сквозе полкы”. Однако, наткнувшись на обрывистый берег озера, малоподвижные, закованные

в латы рыцари не могли развить свой успех. Наоборот, рыцарская конница скучилась, так как задние шеренги рыцарей подталкивали передние шеренги, которым негде было развернуться для боя.

Фланги русского боевого порядка (“крылья”) не позволили немцам развить успех операции. Немецкий “клин” оказался зажатым в клещи. В это время дружина Александра нанесла удар с тыла и завершила окружение противника. “Войско братьев было окружено”.

Воины, которые имели специальные копья с крючками, стаскивали рыцарей с коней; воины, вооруженные ножами “засапожниками”, выводили из строя лошадей, после чего рыцари становились легкой добычей. “И бысть ту сеча зла и велика немцем и чюди и бе труск от копии ломлениа и звук от мечнаго сечениа, якоже озеру померзшу двигнутись, и не бе видети леду, покры бо ся кровию”. Лед под тяжестью сбитых в кучу тяжеловооруженных рыцарей стал трещать. Некоторым рыцарям удалось прорвать кольцо окружения, и они попытались спастись бегством, но многие из них утонули.

Новгородцы преследовали остатки бежавшего в беспорядке рыцарского войска по льду Чудского озера вплоть до противоположного берега, семь верст. Преследование остатков разбитого врага вне поля боя было новым явлением в развитии русского военного искусства. Новгородцы не праздновали победу “на костех”, как было принято раньше.

“Ледовое побоище” стало первым случаем в истории военного искусства, когда тяжелая рыцарская конница была разбита в полевом бою войском, состоявшим в большей части из пехоты. Русский боевой порядок (“полчный ряд” при наличии резерва) оказался гибким, в результате чего удалось осуществить окружение противника, боевой порядок которого представлял собой малоподвижную массу; пехота успешно взаимодействовала со своей конницей»[327].

Боюсь, читателю уже надоели версии битвы, и давно возник вопрос, а что же было на самом деле? Увы, за отсутствием достоверных источников ответ на сей вопрос довольно затруднен.

Так, до сих пор точно не известно даже место битвы. Его наши историки ищут с середины XIX века. Причем одни считают местом битвы западный берег Чудского озера, другие – западный берег Псковского, некоторые называют разные места Теплого озера.

Из десяти историков, занимавшихся этим вопросом (Костомаров, Васильев, Трусман, Лурье, Порфиридов, Бунин, Беляев, Тихомиров, Паклар, Козаченко), только эстонец Паклар производил специальные изыскания на месте, остальные же пытались найти решение в тиши своих кабинетов. В итоге предполагаемые места битвы разбросаны на участке протяженностью около ста километров!

Археологи на берегах и даже в прибрежных водах озера сделали десятки интересных находок, рассказывающих о жизни местного населения в XII–XIV веках. Но, увы, среди них нет ни братских могил, ни групповых захоронений воинов, ни больших находок оружия, словом, ничего того, что могло служить вещественным доказательством битвы в 1240 году.

Фантазировать на тему, кто кого и как «стаскивал крючьями с лошадей», я не стану. Но зато есть серьезные сомнения в том, что все лавры победителя в сражении принадлежат Александру Невскому.

Так, Суздальская летопись отводит главную роль в Ледовом побоище не Александру, а Андрею Ярославовичу и его дружине: «Великыи князь Ярославь посла сына своего Андреа в Новъгород Великыи в помочь Олександрови на немци и победиша я за Плесковым (Псковом) на озере и полон мног плениша и възратися Андреи к отцу своему с честью».

Эта информация косвенно подтверждается немецкой «Рифмованной хроникой». Там повествуется о захвате немцами Пскова, после чего говорится:

Есть город на Руси,

Новгородом он называется.

Их королю стало об этом известно.

Он выступил со многими отрядами…

И пришел он с большой силой.

Он многих русских привел,

Чтобы освободить тех, кто в Пскове[328].

После взятия Пскова и изгнания немцев

Король Новгорода ушел в свою землю,

Недолго было спокойно.

Есть город большой и просторный

Также на Руси.

Суздалем он называется.

Александром звали того,

Кто в то время там был королем[329]

Своим подданным он велел собираться

В поход. Русским их неудачи обидны были.

Быстро они собрались.

И поскакал король Александр,

С ним много других

Русских из Суздаля.

У них было луков без числа,

Очень много блестящих доспехов.

Их знамена богато расшиты,

Их шлемы славились своим сиянием[330].

Судя по тексту, автор «Хроники…» не был на Чудском озере, но слышал рассказы участников битвы. Обратим внимание на очень важную его ошибку: безымянный «король» Новгорода берет Псков и возвращается в Новгород, а в 1242 г. из Суздаля явился «король Александр» с войском в «блестящих доспехах». Он-то со своей кованой ратью и «накостылял» немцам. Надо ли говорить, что если бы «впервые в истории военного искусства» бой против рыцарей выиграла пехота, то это нашло бы отражение в пространном тексте «Хроники…». Но, увы, там нет ни слова ни про пехоту, ни тем более про мужиков с топорами.

Итак, битву на Чудском озере выиграла суздальская кованая рать. Но суздальским князем тогда был Андрей Ярославич, а не Александр Ярославич. Однако ошибка немецкого хрониста вполне объяснима: и до 1242 г., и после Орден вел переговоры с Александром Невским, а Андрей «пришел, увидел, победил» и ушел в родной Суздаль – его немцы и не знали.

Глава 3. Под властью Ордена

Сейчас в Эстонии тщательно уничтожаются все следы русского присутствия, включая даже памятники солдатам, погибшим в 1944 г. при освобождении республики от фашистской оккупации. Тем не менее в историческом центре Таллина осталась улица Вене – улица русских. Почему же ее не переименовали? Увы, такое название улица получила не при Сталине и даже не при Петре Великом, а где-то в XIII или XIV веках.

Еще до прихода датчан в Колывань на горе Олевимеги русские выстроили храм Святого Николая. Во время грандиозного пожара 1433 г., когда выгорел почти весь Ревель, храм тоже сгорел. Новый православный храм Святого Николая выстроили на улице Вене в 1433–1437 гг. В 1599 г. царь Борис

подарил собору огромный серебряный подсвечник с надписью: «Повелением… Царя и Великого князя Бориса Федоровича… сделан сей подсвечник к великому Чудотворцу Николаю в Колывань, в первое лето Государства Его 7107 года».

В феврале 1438 г. в Ливонию в Дерпт (бывший русский Юрьев) приезжает митрополит всея Руси Исидор, направляющийся на Флорентийский собор. Что произошло при его встрече в Дерпте, мы никогда бы не узнали, если бы Исидор в 1441 г. в Москве не был арестован по обвинению в «латинстве». И ему поставят в вину в числе многого другого поездку в Дерпт. Там его встретили две толпы: русские с попами, православными крестами и хоругвями, и немцы со своими латинскими «крыжалами». А Исидор умышленно или по глупости подошел первым к немцам.

Нам же в этом эпизоде интересен вопрос, откуда в 1438 г. в Дерпте взялась толпа «оккупантов»? Ведь в XIV–XV веках никакого массового переселения русских в Прибалтику отмечено не было. На самом деле в Ревеле и Дерпте жили потомки тех русских, которые остались там после оккупации немцами.

Следует заметить, что русское население в Прибалтике постоянно подвергалось нападениям католиков. Так, на Рождество 1472 г. в Дерпте произошел настоящий русский погром. Община церкви Святого Николая 6 января совершала обряд водоосвящения и крестный ход на реку Амовжу. При возвращении на них напала группа фанатичных католиков под предводительством бургомистра Юрия Трасоголового. Городские власти и католическая церковь жестоко расправилась с православными. 8 января по приказу епископа Андрея в Амовже были утоплены священник Исидор и еще 72 человека, в том числе женщины и дети: «Безжалостно побросали в прорубь всех, не пощадив даже матерей с грудными младенцами. Весной, по вскрытию реки… найдены в целости все тела сих 73 замученных, и оставшимися в Дерпте православными честно погребены при церкви Св. Николая»[331].

Так выполнял дерптский епископ договор 1463 года с великим князем московским Иваном III, по которому среди прочего он обязывался оказывать особенное покровительство православным, жившим в «Русском конце», и их церквям, и «то держать по старине и по старинным грамотам».

Ну а после констатации этих очень неприятных прибалтийским и русскоязычным историкам фактов перейдем к государственному устройству Прибалтики после захвата ее немцами.

Начну с того, что Ливонский орден в середине XIV века выкупил у датского короля северную часть Эстляндии. После этого Ливонский орден стал самым крупным землевладельцем в Прибалтике. Площадь его земель составляла около 67 тыс. кв. км, а оставшиеся 42 тыс. кв. км принадлежали четырем епископствам.

Владения Ордена начинались у Финского залива и тянулись по всей территории нынешней Эстонии и Латвии до Клайпеды, а от Либавы они простирались до Резекие и Лудзы. Орденская территория расколола Рижское архиепископство на две, а Курземское (Курляндское) епископство на три части. Орденская территория была разделена на ряд областей с комтурами и фогтами во главе. В центрах областей находились сильно укрепленные замки. До XV века таких областей управления было от 30 до 40, а в XV веке – 20 (9 комтурий и 11 фогтств).

В XIII веке фогты по своему должностному положению стояли ниже комтуров. Они решали все дела, относящиеся к крестьянам, в то время как комтур был начальником размещенного в каком-либо замке гарнизона орденских рыцарей.

Начиная с XIV века эта разница постепенно исчезла. Как фогты, так и комтуры являлись управляющими отдельных областей орденской территории. Наделенными одинаковыми правами. Комтурии и фогства, в свою очередь, делились на округа государственных имений, или аматы, а последние – на погосты, или вакки.

Формально высшая власть в орденском государстве принадлежала избранному пожизненно магистру ордена с резиденцией в рижском замке или в замке Цесис. Однако уже с самого начала власть магистра ограничивалась капитулом – собранием высших членов ордена: комтуров, фогтов и т. п. Позже решающее значение принадлежало только собранию наиболее значительных по положению комтуров и фогтов орденской территории, так называемому внутреннему совету магистра.

Второй по величине территорией (около 18,4 тыс. кв. км) было Рижское архиепископство (до 1251 г. епископство). Его главными составными частями являлись бывшие земли Талавы и Ерсики и

территория, населенная ливами. Архиепископ имел резиденцию в Риге (до 1420 г.), а позже – в Ронненбурге (Рауне).

В управлении территорией архиепископства наряду с архиепископом важную роль играли 12 высших священников – капитул соборных каноников. С ростом же политического значения вассалов, со второй половины XIV века, важным политическим учреждением стало собрание всех вассалов архиепископства – мантаг. В XV веке образовался совет архиепископства, который состоял из шести членов капитула и шести вассалов, во главе с архиепископом как председателем, в котором вассалы играли решающую роль.

Из трех остальных епископских территорий две находились в Эстонии: Дерптское епископство площадью 9600 кв. км и Эзель-Викское (Сааремаа-Ляанское) площадью в 7600 кв. км.

У ревельского епископа не было своей территории, он владел лишь несколькими имениями, выделенными для его содержания (около 80 кв. км).

Третья, Курземская епископская территория насчитывала 4500 кв. км с резиденцией епископа в Пилтене. Управляющим епископством и его высшем судьей был назначенный епископом фогт (судья). Небольшая территория разделялась на восемь административных участков (амтов), которые в свою очередь подразделялись на погосты.

Так как владения Ливонского ордена раскололи территорию Курземского епископа на три части, то она скоро попала под полное влияние Ордена. Кроме того, магистру удалось добиться в Риме постановления, что епископом Курземе может быть только член Немецкого ордена. Тем самым Курземское епископство политически было полностью подчинено ордену.

Самый крупный и богатый город Прибалтики Рига был самостоятельным государством, в которое помимо самого города входил патримониальный округ («марка») площадью около 750 кв. км. Патримониальный округ полностью зависел от города и управлялся по законам и правам, изданным ратом, или магистратом – высшим органом управления Риги.

Верховная власть над Ливонией зависела, по крайней мере, от трех сюзеренов: римского папы (особенно в XIII веке), Немецкого ордена в Пруссии (вплоть до XV века) и, в меньшей степени, от так называемой «Римской империи германской нации». Епископ Альберт, стремясь укрепить международное положение своих владений, а также получить помощь в завоевании Ливонии, в 1207 г. признал себя вассалом германского короля Филиппа. Этим политическим ходом он рассчитывал обеспечить себе некоторую независимость от римского папы. Но расчеты епископа не оправдались, хотя теперь он и его преемники стали князьями Римской империи германской нации с правом участия в рейхстаге, хотя проку от этого права было мало. Императорская власть в Германской империи была чрезвычайно слаба, сама империя сильно раздроблена, так что политическая зависимость Ливонии от нее существовала только номинально. Уже с XIII века Германская империя начала разлагаться, ее центральная власть пришла в упадок. Империя превратилась в весьма непрочное объединение более чем ста княжеств.

Так что политика Германской империи не имела практического значения для дальнейшей истории средневековой Ливонии.

Зато постоянное давление и прямое вмешательство римско-католической церкви сильно влияло на политическое развитие Ливонии. Согласно церковной юрисдикции, высшей властью над рижским архиепископом и четырьмя местными епископами была римская курия, а Ливонский орден непосредственно подчинялся папе римскому. Высшие ливонские феодалы, рижские архиепископы и орден для разрешения своих споров постоянно обращались к папе римскому, как к высшему судье. А так как папы, начиная с XIV века, стабильно испытывали финансовые трудности, то и споры решались в пользу того, кто больше заплатит. А платил больше всех Ливонский орден, потому и выигрывал все споры.

Ливонские орден и подвластные ему территории с 1237 г. стали подчиняться Немецкому ордену в Пруссии. Однако уже в XIV веке среди братьев-рыцарей Ливонского ордена создаются группировки, стремящиеся к независимости. И вот после битвы в 1410 г. под Грюнвальдом Ливонский орден

фактически стал независим от Немецкого ордена, хотя формально эта зависимость и продолжала существовать.

Взаимоотношения высших ливонских феодалов были очень запутанными. В церковно-правовом отношении высшим должностным лицом являлся рижский архиепископ, которому в вопросах вероисповедания и церковного права подчинялась почти вся Ливония, а также Пруссия. Только ревельский епископ, в ведении которого находилась северная Эстония, был в церковно-правовом отношении подчинен не рижскому, а лундскому архиепископу в Швеции.

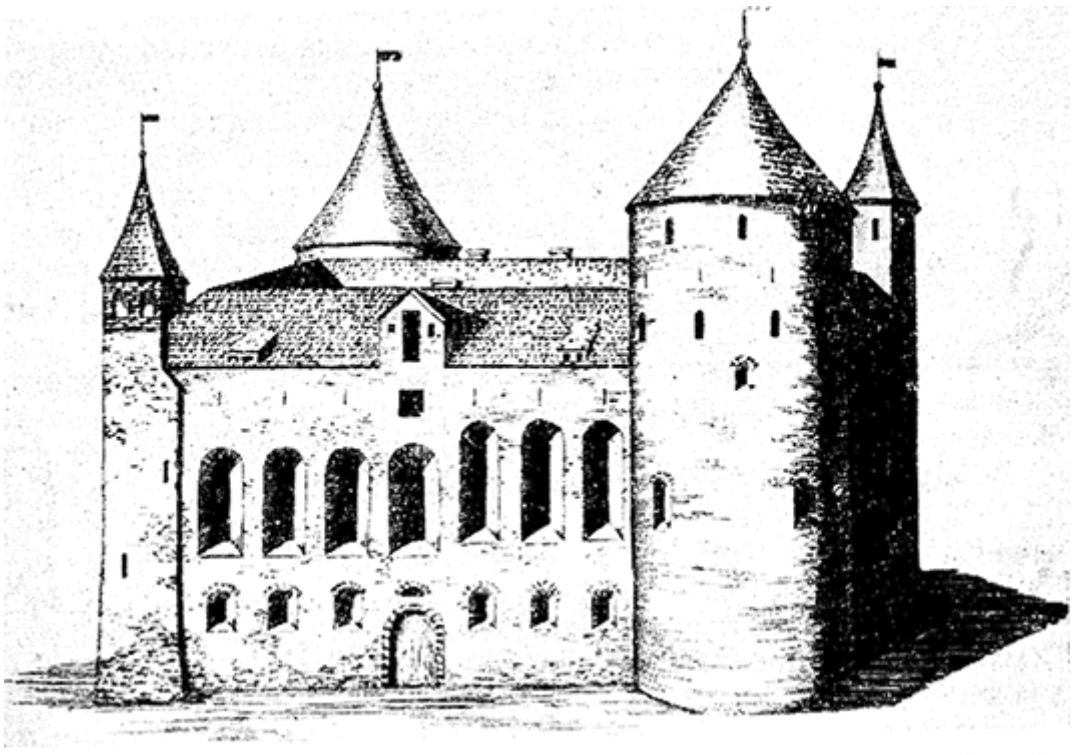
Как светские правители своих территорий, епископы были совершенно независимы от рижского архиепископа и вели самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику.

Особенно запутанными были отношения между рижским архиепископом и Ливонским орденом. Перипетии этой борьбы выходят за рамки нашего труда. Скажу лишь, что доминирования в Риге не удалось достичь ни одной стороне.

Как в Ливонском ордене, так и в четырех архиепископствах феодалы-немцы жестоко угнетали крестьян и представителей коренного населения. К середине XVI века с хозяйства «в одну соху» барщина достигала до 300 дней в году. Держатель надела должен был выставить одного человека с лошадью для исполнения работ в имение.

В 1507 г. крестьянам было запрещено носить любое оружие. Дело в том, что восстания крестьян в XIV–XV веках были в Прибалтике обычным явлением.

С середины XIV века торговлю в Риге захватила организация немецких купцов, так называемая «Большая гильдия», которая стремилась сделать торговлю своей монополией. Одним из средств для достижения этого было запрещение гостям, то есть приезжим купцам, торговать в Риге друг с другом. Торговля разрешалась только через посредников, которыми были исключительно рижские купцы – члены Большой гильдии. Латышам запрещалось заниматься торговлей в Риге. Позже Большая гильдия запретила обучать русскому языку голландцев, чтобы они не могли торговать с русскими без посредничества рижских купцов.

Несмотря на все эти запреты, русские и латышские купцы принимали участие в рижской торговле, о чем свидетельствует создание в Риге в 1522 г. особого цеха русских розничных торговцев, а также многократные повторения о запрете латышам заниматься торговлей. Замечу, что и ревельские купцы запретили «гостевую торговлю», разрешавшую приезжим купцам торговать между собой. Нетрудно понять, какие огромные убытки при этом несла Россия.

С конца XIII века Рига стала членом Ганзейского союза, стремясь обеспечить свои торговые интересы. С XV века рижские купцы установили тесные торговые связи с нидерландскими купцами, хотя те считались самыми опасными конкурентами Ганзы. Несколько раз Ганза пыталась запретить нидерландцам въезд в Балтийское море. Но Рига и другие города Латвии противились этому, поскольку голландские корабли перевозили товары гораздо дешевле, чем ганзейские. Рижские купцы также пытались полностью вытеснить из торговли по Западной Двине купцов ганзейских городов. В

результате столкновений на этой почве в первой половине XVI века (в 1509 г. и 1524 г.) закрывался для рижской торговли Зунд – выход из Балтийского моря в океан.

В 1544 г., когда в Дании были уничтожены привилегии Ганзы, Зунд был открыт и для голландских кораблей. В конце XVI века число голландских кораблей уже превышало половину всех судов, проходивших через пролив.

Как и большинство стран Европы, Прибалтику не обошла и реформация. Первый лютеранский проповедник в Риге Андрей Кнопкен, сын бедного померанского помещика, активно стал проповедовать лютеранство с 1521 г. Проповедники лютеранства вначале искали поддержку в тех слоях рижского населения, которые были наиболее заинтересованы в изменении существующего строя. Этим объясняется, что Кнопкен вступил в латышское братство грузчиков кораблей, а другой проповедник, Иоахим Моллер, стал членом братства разносчиков пива.

Скоро в Риге появились и другие, еще более радикально настроенные проповедники реформации, среди которых наиболее видимым был странствующий ремесленник Мельхиор Гофман. Весной 1524 г. началось уничтожение икон в рижских католических церквях. Успех реформации был обеспечен широким участием низших слоев рижского населения, для которых выступление против церкви было формой протеста против существующего порядка. Из Риги движение перебросилось также и в другие крупные города эстонской части Ливонии (Дерпт, Ревель и др.).

Большинство феодалов считало, что победа лютеранства приведет к упразднению католического епископства и Ливонского ордена. Вассалы таким путем могли не только получить в частную собственность свои лены, но и захватить те земли, на которых до этого непосредственно вели хозяйство епископы и Орден. Лютеранские священники гораздо более зависели от местных помещиков, чем католические, и их легко можно было использовать в качестве средства воздействия на крестьян. Среди рыцарства быстро распространялось лютеранство. В число лютеран господа записывали также и своих крестьян, не спрашивая на это их согласия. Около середины XVI века большинство жителей Ливонии формально приняло лютеранство. В 1554 г. на ландтаге в Валмиере была провозглашена свобода вероисповедания для лютеран всей Ливонии. Только епископы и орденское начальство оставались католиками вплоть до Ливонской войны.

Реформация была одной из причин, которая содействовала гибели Ордена. Однако окончательную его судьбу решила Ливонская война.

Глава 4. Раздел Ливонии

Как уже говорилось, благодаря законам Ливонии русские купцы были лишены права напрямую торговать с Центральной и Западной Европой. Вместо этого приходилось платить огромные суммы рижским, ревельским и другим посредникам. Мало того, власти Ливонии и Польши еще с XIII века ввели эмбарго на поставку в Россию оружия и передовых технологий, а также не пропускали туда западноевропейских мастеров – инженеров, архитекторов и др. Иногда ради тех или иных политических выгод «железный занавес» приподнимался, но вскоре следовал окрик из Рима, и вновь вводилось эмбарго. Допускаю, что кому-то из читателей режет ухо современная терминология, когда речь идет о XIII–XVI веках, но, увы, ситуация была крайне похожей.

Ливония с древних времен платила дань Господину Великому Новгороду. Так, по условиям Псковского перемирия 1503 г. епископ Дерптский должен был платить «старинную» дань, правда, уже не Новгороду, а Московскому государству, в состав которого была включена Новгородская республика.

Но ни в Новгороде, ни в Москве никогда не забывали о том, что наши пращуры были силой вытеснены из Прибалтики, а Ревель и Дерпт первоначально назывались Колыванью и Юрьевым.

В феврале 1557 г. Иван IV потребовал от Ливонского ордена, чтобы Дерптское епископство уплачивало Москве дань – в размере 1 марки с человека в год и, кроме того, покрыло в течение трех лет (до 1561 г.) те недоимки, которые накопились за предыдущие 50 лет, то есть с 1503 г. по 1553 г.

Орден согласился платить дань с 1557 г., а от выплаты старых задолженностей отказался. Мало того, 14 сентября 1557 г. Орден заключил с Великим княжеством Литовским союз против Москвы, хотя, согласно более раннему договору с Россией, Орден не имел права заключать военные союзы с Литвой, Польшей и Швецией.

Терпение Ивана IV переполнилось. В январе 1558 г. сорокатысячная русская армия под началом касимовского царя (хана) Шиг-Алея, князя М. В. Глинского и боярина Даниила Романовича Захарьина вторглась в Ливонию. Ход боевых действий выходит за рамки нашей работы, а интересующихся я отсылаю к моей книге «Северные войны России». Здесь же я отмечу, что Иван Грозный в письме к датскому королю и литовским вельможам постоянно упоминал о праве России на Прибалтийские земли, ссылаясь на завоевания Ярослава Мудрого и других князей.

Ливонская война. Район боевых действий

Царь не рассчитал последствий своей акции. Было нетрудно предположить, что Польша, Литва и Швеция не дадут вернуть России Прибалтику. Для ведения же войны за выход к Балтийскому морю нужна была коалиционная война, в которой участвовали бы соседние страны.

Результатом неудачной для России Ливонской войны стало присоединение к Швеции Северной Эстляндии.

28 ноября 1561 г. польскому королю Сигизмунду II Августу подчинились Ливонский орден и рижский архиепископ. Согласно договору, территория на севере от Западной Двины (Видземе и Латгале и Южная Эстляндия) превращалась в так называемое Задвинсское герцогство, или Ливонскую провинцию, которая была присоединена к Литовскому княжеству (после Люблинской унии 1569 г. и к Польше). Территория на юг от Западной Двины (Курземе и Земгале) была превращена в особое Курземское и Земгальское (Курляндское) герцогство с последним магистром Ливонского ордена

Готадом Кетлером во главе. В состав герцогства не вошло бывшее Курземское епископство, из которого с 1617 г. была образована особая автономная Пильтенская область, подчиненная непосредственно польскому королю.

Город Рига сохранил самостоятельность и только в 1581 г., когда Польше удалось укрепиться в верховьях Западной Двины, был вынужден перейти под власть Польши.

Следует заметить, что, согласно собору 1537 года, Швеция приняла реформацию. А через два года король официально стал главой протестантской церкви.

После смерти польского короля Стефана Батория на престол был избран сын шведского короля Иоанна (Юхана) III Сигизмунд, ставший после коронации 27 декабря 1587 г. Сигизмундом III. В отличие от отца, Сигизмунд был ярым католиком и ненавидел реформацию.

В ноябре 1592 г. умер шведский король Иоанн III. Сигизмунд III отпросился на год у сейма, чтобы уладить свои наследственные дела. В феврале 1594 г. он короновался шведской короной в Упсале. Побыв пять месяцев в Швеции, Сигизмунд отправился в Польшу, поручив управление страной регенту – своему дяде Карлу Зюдерманландскому (1530–1611 гг.)

На родине Сигизмунд популярностью явно не пользовался. Масла в огонь подлила и женитьба Сигизмунда на католичке австрийской принцессе. С отъездом Сигизмунда в Польшу власть в Швеции постепенно стала переходить к его дяде герцогу Карлу Зюдерманландскому. В 1597 г. ригсдаг официально объявил его правителем государства.

В ответ Сигизмунд собрал польские войска и начал боевые действия со Швецией. Он высадился непосредственно на территории Швеции, но 28 сентября 1598 г. был наголову разбит в битве при Стонгебру. В феврале 1599 г. ригсдаг лишил Сигизмунда королевской власти, однако депутаты не дали этого титула и Карлу, провозгласив его лишь наследственным правителем.

Покончив со сторонниками Сигизмунда в Швеции, Карл перенес боевые действия в Прибалтику. В 1600 г. шведы из Эстляндии вторглись в польские владения в Лифляндии. Однако через несколько месяцев полякам удалось вытеснить противника.

С 1604 г. шведский флот блокировал с моря Ригу, а в 1615 г. шведы высадили десятитысячный десант в устье Западной Двины. В битве у Саласпилса шведы были наголову разбиты, а король Карл с большим трудом избежал плена. (Официально он стал королем Карлом IX 22 марта 1604 г.)

По ряду причин в боевых действиях наступила двенадцатилетняя пауза. Одной из важных причин было участие польского и шведского королей в войне в России.

30 октября 1611 г. Карл IX умер, а на престол взошел его 17-летний сын Густав II Адольф. Между тем его двоюродный братец Сигизмунд III по-прежнему считал себя не только польским королем, но и шведским.

В 1617 г. Густав II вторгся в Лифляндию, осадил Ригу и взял Пернов. Однако Рига оказалась крепким орешком, и молодому королю пришлось вернуться в Эстляндию. Было заключено перемирие на 4 года. За это время Густав реорганизовал армию и резко усилил огневую мощь шведской пехоты.

24 июля 1621 г. Густав вывел из Стокгольма огромный флот и высадил в Лифляндии два больших десанта (у Пернова и в устье Двины). Оба десанта вскоре объединились и в августе приступили к осаде Риги. 15 сентября сильнейшая крепость Прибалтики капитулировала. Тем не менее боевые действия с перерывами продолжались еще 8 лет.

В 1629 г. в Альтмарке было заключено перемирие, по которому Швеция получала всю Восточную Лифляндию до устья Западной Двины и большую часть побережья Пруссии.

Интересно, что лишь после Ливонской войны и гибели Ордена в Прибалтике печатаются первые книги на эстонском и латышском языках – псалмы с молитвами. Светские книги пока отсутствуют. Любопытно, что не знавших письменности племена Прибалтики впервые с книгами познакомили русские еще до прихода крестоносцев. Книга у латгалов называлась «gramota», а у эстов – «raamat». Нетрудно сообразить, что оба термина представляют искаженное русское слово «грамота».

Воссоединение Московской Руси и Малороссии (Украины) в 1653 г. привело к войне с Польшей. Русские войска заняли Минск, Гродно, Вильно и вышли к Бресту.

Убитый в 1632 г. в битве при Люцене (Германия) шведский король Густав Адольф не оставил наследников мужского пола, и на престоле оказалась его дочь Кристина. Но поскольку она осталась незамужней, в 1654 г. шведские аристократы заставили ее отречься от престола в пользу 32-летнего Карла Густава, племянника Густава Адольфа по женской линии. Новый король получил имя Карл X Густав.

После отречения Кристины польский король Ян-Казимир вспомнил о правах своего отца Сигизмунда III на шведский престол.

Из-за казацких восстаний и войны с Россией Речь Посполитая и так была на грани краха, но хоть Ян-Казимир и не был этническим поляком, он пропитался «духом польским» и стал задираться со шведами.

В конце 1655 г. шведские войска вторглись в пределы Речи Посполитой и заняли Познань, Краков и Варшаву. Польский король Ян-Казимир бежал в Силезию. Литовский гетман Януш Радзивил перешел на сторону шведского короля Карла X Густава. Кстати, Радзивил был протестант. Принимая под свою руку Радзивила и других литовских панов, Карл обещал возвратить им все владения, занятые русскими. Русские и шведские войска вскоре вошли в соприкосновение, и начались споры за обладание различными населенными пунктами (Друей, Дрисой, Ковно и др.).

Как мы уже знаем, Карл X Густав предложил царю Алексею Михайловичу поделить Речь Посполитую. Но тот по глупости отказался.

17 мая 1656 г. царь Алексей Михайлович объявил войну шведскому королю Карлу X Густаву. Воеводе Петру Потемкину удалось взять Орешек и Ниеншанц. Русские вышли к устью Невы на побережье Финского залива.

Сам царь Алексей торжественно въехал в Полоцк и 15 июля выступил с полками против шведов в Ливонию. В ночь на 31 июля 3400 русских ратников пошли на штурм крепости Динабург[332]. К утру крепость и цитадель оказались в руках русских. Гарнизон крепости был почти полностью истреблен. Царь немедленно велел построить в Динабурге церковь Св. Бориса и Глеба и город назвать Борисоглебовом.

Затем русские войска взяли Кокенгаузен. Этот старинный русский город Кукейнос был переименован в «Царевичев Дмитриев город». О нем царь писал сестрам: «Крепок безмерно, ров глубокий, меньшой брат нашему кремлевскому рву, а крепостию сын Смоленску граду; ей, чрез меру крепок. А побито наших 67 да ранено 430».

23 августа 1656 г. русское войско под началом самого царя Алексея осадило Ригу. 1 сентября шесть мощных осадных батарей открыли по городу стрельбу, которая не прекращалась даже по ночам.

2 октября рижский губернатор граф Магнус Делагарди сделал вылазку и нанес большой урон осаждающим. Эта вылазка, шайки крестьян, нападавшие на русских фуражиров, и слухи о подходе большого шведского войска с самим Карлом X Густавом во главе заставили царя снять осаду Риги и отступить в Полоцк. Дерпт сдался русским, но этим и кончились приобретения в Ливонии.

21 июня 1661 г. на мызе Кярун (в русских источника – Кардис) был заключен Кардисский мирный договор, по которому Россия уступала Швеции все свои завоевания в Прибалтике. Граница между Россией и Швецией была установлена по Чудскому озеру и реке Нарове. Россия по-прежнему оставалась отрезанной от Балтийского моря.

Еще раньше, в 1660 г., в Оливе был заключен мир между Швецией и Речью Посполитой. Швеция получила небольшие приращения в Лифляндии, а король Ян-Казимир навсегда отказался от претензий на шведский престол.

Глава 5. Присоединение Эстляндии и Курляндии к России

Карл Маркс в своей работе «Секретная дипломатия XVIII века» отметил: «Ни одна великая нация не существовала и не могла существовать в таком удалении от всех морей, в каком пребывала вначале империя Петра Великого, …ни одна великая нация никогда не мирилась с тем, чтобы ее морские побережья и устья ее рек были от нее оторваны. Никто не мог себе представить великой нации, оторванной от морского побережья. Россия не могла оставить в руках шведов устье Невы, которое являлось естественным выходом для сбыта продукции… Петр, по крайней мере, в этой части захватил лишь то, что было абсолютно необходимо для нормального развития его страны»[333].

Тут придется заметить, что я, в отличие от всех наших президентов, депутатов, олигархов и т. д., никогда не состоял в КПСС, и здесь мне Маркс интересен не как автор «Капитала», а как ярый ненавистник царизма. Добавлю по секрету, что он и его приятель Энгельс были порядочными русофобами. Тем и ценны свидетельства Маркса.

Петр I, начиная войну за выход России к Балтийскому морю, оказался прозорливее Ивана Грозного и Алексея Тишайшего.

Те пытались вести войну в одиночку, а молодой царь повел коалиционную войну. Против Швеции образовалась мощная коалиция – Россия, Польша, Саксония и Дания. Вероятность вступления в войну на стороне Швеции какого-либо государства была ничтожно мала.

Первым войну начал курфюрст Саксонии Фридрих Август I, он же по совместительству польский король Август II. В феврале 1700 г. семитысячная саксонская армия вошла в шведскую Лифляндию и с ходу овладела крепостью Динамюнде[334]. Однако с ходу взять Ригу саксонцам не удалось и пришлось перейти к правильной осаде.

Шестнадцатитысячная датская армия во главе с королем Фредериком IV вторглась в Голштинию. Датчане взяли крепость Гузум и осадили Тоннинген. После взятия Тоннингена датчане планировали захват шведской Померании.

К большому удивлению противников Швеции, ее поддержали Англия и Голландия. Шведская, голландская и английская эскадры подошли к Копенгагену. Карл XII пригрозил полностью разрушить город, если датчане откажутся подписать мир на его условиях.

Датчане приняли это требование. 7 августа 1700 г. в Травендале между Швецией и Данией был подписан договор, по которому последняя отказалась от союза с Россией, Саксонией и Польшей, признала независимость Голштинии и обязалась уплатить Швеции военные издержки.

15 сентября 1700 г. Август II снял осаду Риги. Таким образом, у Карла XII руки были развязаны, и он мог заняться Россией.

9 августа 1700 г. Россия объявила Швеции войну. 22 сентября русская армия осадила шведскую крепость Нарву. Однако 19 ноября у Нарвы внезапно появилось шведское войско во главе с самим королем Карлом XII. Русские были наголову разбиты.

Но ни «нарвская конфузия», ни поражения союзников не остановили Петра. Для России было важно, чтобы ей никто не мешал воевать со Швецией.

Тем не менее Петр строго выполнял все обязательства перед союзниками. Так, в начале 1701 г. восемнадцать солдатских полков и один стрелецкий полк (всего около 20 тысяч человек) под командованием князя Н. И. Репнина двинулся из Пскова к Динабургу. 21 июня русские полки соединились с саксонским войском.

Однако злодей Карл помешал неторопливым сборам русско-саксонского воинства. 9 июля 1701 г. шведское войско форсировало Двину на глазах изумленных союзников. Саксонский фельдмаршал Штейнау, вместо того, чтобы атаковать шведов на переправе, приказал своей армии готовиться к обороне. Мало того, он разделил свое войско, послав 16 тысяч русских солдат во главе с Репниным строить укрепления на Двине в 12 верстах от основных сил.

На левом берегу Двины Карл XII быстро построил полки и стремительно атаковал противника. Через два часа все было кончено. Союзники потеряли всю артиллерию, лагерь и две тысячи человек убитыми,

большинство из которых было саксонцы, поскольку в битве участвовало только четыре тысячи русских.

Услышав гром артиллерийской канонады, Репнин быстро поднял войска и без потерь форсированным маршем повел их через Друю и Опочку к Пскову. Там 15 августа он соединился с войсками Шереметева.

Новая победа поставила перед шведским королем старую дилемму – с кем воевать дальше? Есть сведения, что Карл думал захватить Псков и двинуться вглубь России. Однако через несколько дней Карл отказался от этого плана. Псков был сильно укреплен, да и от Пскова до Москвы по прямой 600 верст, а дороги плохие, кругом болота.

Совсем иная ситуация была в Польше. Там гораздо проще было решить основную проблему шведской армии – снабжение продовольствием. Плотность населения там высокая, народ побогаче, чем в России. Да и Швеция рядом, нет проблем с перевозкой по Балтийскому морю подкреплений, вооружения и продовольствия. В Польше хватало магнатов, недовольных Августом, а война против своего короля в Польше уже лет 200 считалась не преступлением, а делом житейским. Нельзя сбросить со счетов и субъективного фактора. Девятнадцатилетний Карл люто ненавидел Августа II. В письме к французскому королю Карл выразился таким образом об Августе: «Поведение его так позорно и гнусно, что заслуживает мщения от Бога и презрения всех благомысящих людей».

Наконец, Карл сделал выбор – шведская армия двинулась вглубь Курляндии.

Несмотря на первые неудачи, русские войска под командованием генерал-фельдмаршала Шереметева с сентября 1701 г. начали активные действия в Прибалтике. После нескольких небольших боестолкновений, на Рождество, Шереметев задумал произвести внезапное нападение на шведов, несмотря на сильный мороз и глубокий снег. Тринадцать тысяч русских при двадцати орудиях 23 декабря скрытно перешли границу. Шведские дозоры обнаружили неприятеля, но не смогли правильно определить его численность. Шлиппенбаху доложили о 3–5 тысячах русских.

Генерал Шлиппенбах сосредоточил все свои силы у мызы Эрествере. У него было около четырех тысяч солдат и три тысячи местных жителей – ополченцев. 29 декабря в 11 часов утра русские драгуны атаковали шведов у Эрествере. Однако конница была рассеяна картечью и ружейным огнем шведов. Но вскоре подошла русская пехота, и после пятичасового боя Шлиппенбах был вынужден отступить и укрыться за стенами Дерпта. В руках русских оказалось 350 пленных и 16 пушек. По русским данным, было убито три тысячи шведов (по мнению автора, эта цифра сильно завышена), у русских же убитых около тысячи человек.

Преследовать шведов Шереметев не рискнул и вернулся назад в Псков, оправдавшись перед царем усталостью лошадей и глубоким снегом. Зато вволю пограбили местное население («чухну») малороссийские казаки. Сотни чухонцев были уведены казаками в плен. Шереметев писал царю, что он «не велел отнимать Чухну у черкасс, чтоб охочее были».

Что делать! Война есть война, и у меня нет ни малейшего желания врать и представлять русских солдат ангелами.

В конце мая 1702 г. Петр начал торопить Шереметева к выступлению из Пскова в Лифляндию: «Есть ведомость, – писал царь фельдмаршалу, – что неприятель готовит в Лифлянты транспорт из Померании в 10 000 человек, а сам, конечно, пошел к Варшаве. Теперь истинный час (прося у Господа сил помощи), пока транспорт не учинен, поиском предварить».

Шереметев двинулся с тридцатитысячной армией против Шлиппенбаха, у которого было восемь тысяч человек. 18 июля армии встретились при Гуммельсгофе. В бою шведы потерпели страшное поражение, они потеряли около 5,5 тысячи человек убитыми и 300 пленными. Русским досталось 6 медных и 9 чугунных пушек, а также 16 знамен. У нас убито 411 человек и примерно столько же ранено.

Регулярные войска Шереметева взяли и разорили город Марленбург, а также мызы Валмер, Трикат, Кригедербен и Гемелтай.

В Марленбурге произошел незначительный эпизод, изменивший впоследствии историю России. Русские драгуны схватили шестнадцатилетнюю Марту, жену шведского трубача Иогана Крузе. Сам

трубач бежал из города вместе с остальными солдатами. Марта была свежа и смазлива, и у драгун ее купил или отнял (есть разные версии) генерал Р. Х. Бауэр. Позже Бауэр уступил ее фельдмаршалу Шереметеву. От Шереметева Марта попала к Алексашке Меншикову, а тот предложил ее «мин херцу».

Пока Шереметев громил мызы в Эстляндии, полковник Толбухин на Чудском озере приказал построить солдатам большие лодки. На них Толбухин атаковал отряд шведских судов, состоявший из четырех шкут (в других источниках они названы яхтами). Одну из шкут удалось взять на абордаж, одну шведы взорвали сами, а остальные были брошены у берега.

Однако все успехи русских в Прибалтике король Карл XII рассматривал как булавочные уколы. Шведы взяли Варшаву и нанесли ряд тяжелых поражений саксонским войскам. В Польше Карлу удалось посадить на престол свою марионетку Станислава Лещинского.

В конце мая – начале июня 1703 г. русские войска овладели крепостями Ям, Копорье, Мариенбург. Тем самым шведы были изгнаны с территории Ижорской земли – древней вотчины Господина Великого Новгорода.

Прежде чем овладеть Дерптом и Нарвой, Петр решает разделаться со шведской флотилией на Чудском озере. Шведская озерная флотилия в навигации 1702 г. и 1703 г. опустошала русские берега. Было уничтожено свыше 30 деревень и потоплено много русских судов, включая галиоты и галеасы. Осенью 1703 г. флотилия ушла зимовать в город Дерпт по реке Амовже (она же Эмбах и Эмайыги).

В апреле 1704 г. семитысячный русский отряд при 18 пушках под началом генерал-майора Вердена скрытно занял позицию у впадения реки Амовжи в Чудское озеро. Верден получил указание не впускать шведскую эскадру в озеро.

Ничего не подозревая, шведы двинулись вниз по течению, но 3 мая в устье реки попали в русскую засаду. С берега ударили пушки, а на воду были спущены лодки с пехотой, которая попыталась взять шведские суда на абордаж. Флагманское судно адмирал Лошер приказал взорвать, а остальные 13 сдались русским. Победителям досталось 86 пушек и 138 пленных. В донесениях взятые суда именуются шкутами. Они представляли собой небольшие парусно-гребные суда с вооружением от 2-х до 14 пушек малого калибра.

Вечером 4 июня 1704 г. под Дерптом появился авангард армии фельдмаршала Шереметева. Дерпт был укреплен сравнительно слабо. Строительство земляных бастионов еще не было закончено. Вооружение крепости состояло из 84 пушек, 18 мортир, 6 гаубиц и 16 дробовиков. Гарнизон состоял из 5 тысяч человек под командованием полковника Шютте.

9 июня к Дерпту подошли основные силы русских вместе с Шереметевым. Непосредственно осаду города вели пять драгунских полков общей численностью 4975 человек и шесть пехотных полков численностью 5702 человека. Вместе с ними прибыло 55 орудий и 159 человек прислуги. Всего в районе Дерпта силы русских составляли 21 578 человек.

Бомбардировка крепости была начата 10 июня. Русские осадные батареи расположились на обоих берегах реки Амовжи. 3 июля к осадной армии внезапно приезжает сам Петр и фактически принимает командование на себя. 6 и 7 июля русские огнем 24 пушек и 11 мортир обстреливают Русские ворота, снеся до основания башню над ними. В ночь на 10 июня русские вывели из туров траншеи от ворот Святого Якова до Пороховой башни, приблизившись, таким образом, к пункту атаки с двух сторон. К вечеру 12 июля уже все было готово для штурма. Напротив Русских ворот через Амовжу под прикрытием дыма от загоревшегося на шведском берегу дровяного склада русские наскоро возвели мост.

Штурм длился семь часов подряд. Штурмующие продвинулись до палисада перед крепостной стеной и срубили его, в то время как обороняющиеся расстреляли свои снаряды. Стволы их мушкетов так накалились, что нельзя было держать их в руках. Наши солдаты взобрались на равелин перед Русскими воротами, повернули шесть шведских пушек к воротам и разбили их.

Когда русские овладели Пороховой башней, комендант полковник Шютте решил сдать крепость. Один за другим погибли четыре шведских барабанщика, бивших «шамад» (сигнал к сдаче). Лишь звуки трубы приостановили сражение, и осажденные обратились «со упросительными от всего дерптского гарнизона пунктами», составленными комендантом крепости. Шютте просил разрешить гарнизону

выход «с литаврами, с трубами и со всею музыкою», с распущенными знаменами, шестью пушками, всем огнестрельным оружием и месячным запасом продовольствия.

Царь от имени фельдмаршала отправил коменданту не лишенный иронии ответ: «Зело удивляется господин фельдмаршал, что такие запросы чинятся от коменданта, когда уже солдаты его величества у них в воротах обретаются и которые так озлоблены, что едва уняты». Подобные условия были бы уместны до штурма, а не тогда, когда осажденные лишились выбора. Гарнизону было разрешено покинуть крепость с семьями, пожитками и запасом продовольствия, но без артиллерии. Победителям достались огромные трофеи: 132 орудия, 15 тысяч ядер, запасы продовольствия. Но и потери были достаточно велики: 800–900 человек убитыми и 2250–2500 ранеными. Осажденные потеряли около полутора тысяч человек убитыми.

9 августа 1704 г. русские штурмом взяли Нарву. Шведский комендант Горн отказался сдаться и оборонялся, пока не увидел русских солдат в цитадели. Только тогда Горн приказал барабанщикам в знак сдачи ударить в барабаны. Однако рассвирепевшие русские солдаты не обращали на это внимания и кололи барабанщиков. Тогда сам Горн ударил в барабан. Тем не менее русские продолжали убивать в городе всех, кто попадался под руку, не делая разницы между солдатами и мирными жителями.

Петр приказал навести порядок в городе и, сев на коня, обскакал нарвские улицы. По пути Петр лично заколол двух русских мародеров. Прибыв к ратуше, где собралась знать города, Петр увидел между ними и Горна. Царь подбежал к генералу и влепил ему увесистую плюху. Петр кричал в гневе: «Не ты ли всему виноват? Не имея никакой надежды на помощь, никакого средства к спасению города, не мог ты давно уже выставить белого флага?» Потом, показывая шпагу, обагренную кровью, Петр продолжал: «Смотри, эта кровь не шведская, а русская. Я своих заколол, чтоб удержать бешенство, до которого ты довел моих солдат своим упрямством».

16 августа без боя капитулировал гарнизон Иван-города.

При штурме Нарвы русские потеряли 1340 человек ранеными и 359 человек убитыми. Потери шведов за всю осаду составили 2700 человек. В Нарве было взято пушек, мортир и гаубиц 425, фальконетов и дробовиков 82, ружей 11 200. В Иван-городе пушек взято 95, мортир и дробовиков 33.

3 сентября 1705 г. капитулировала Митава (Елгава). Там было найдено 290 пушек, 58 мортир и гаубиц, 13505 ядер и 2125 бомб.

Ливонцы, а затем шведы и поляки построили в Прибалтике десятки мощных каменных крепостей, и чтобы выбить оттуда шведов, потребовались значительные силы, а они нужны были Петру в Польше, на Украине и в районе Петербурга.

В июне 1709 г. в сражениях под Полтавой и Переволочной шведская армия потерпела страшное поражение, а сам Карл XII стал полупленником-полугостем турецкого султана.

После Полтавы Петр решил окончательно очистить от шведов Эстляндию и Курляндию, где шведские гарнизоны все еще удерживали ряд городов.

Самым укрепленным городом Прибалтики была Рига. Город защищал гарнизон численностью 13 400 человек под началом генерала Нильса Штремберга. В Риге находилось 563 пушки, 66 мортир и 12 гаубиц.

К Риге из-под Полтавы была двинута сорокатысячная русская армия под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева. Кроме того, некоторые части и осадная артиллерия из Центральной России были отправлены на стругах и лодках с верховьев Западной Двины. Армия Шереметева двигалась крайне медленно и лишь в начале октября 1709 г. подошла к крепости Динабург. Обращу внимание читателя, что Динабург был в то время польским городом, но русские войска передвигались по Польше как у себя дома.

Из Динабурга основные силы армии Шереметева двинулись к Риге по правому берегу Двины, а четыре драгунских полка генерал-поручика Р. Х. Боура и донские казаки атамана Митрофана Лобанова шли левым берегом. 15 октября русские вступили в шведские владения, а 27 октября осадили Ригу. Одновременно была осаждена небольшая шведская крепость Динамюнде в семи километрах от стен старой Риги, на берегу моря в устье Западной Двины.

10 ноября под Ригу прибыл Петр I. Через четыре дня началась бомбардировка города. Однако особых повреждений ни стены, ни город не получили. Русскому командованию пришлось отказаться от штурма и ограничиться блокадой города. Эта задача была возложена на шеститысячный отряд под началом князя А. И. Репнина. Остальные войска были уведены на зимние квартиры в Курляндии и Литве. Петр уехал в Петербург, а Шереметев – в Москву.

Тем не менее бомбардировки Риги продолжались. 12 декабря от попадания мортирной бомбы загорелась крепостная башня, в которой были размещены запасы пороха. Сильный взрыв лишил осажденных части их порохового запаса и произвел гнетущее впечатление на горожан.

Несмотря на блокаду, зимой 1709/1710 г. рижане систематически получали продовольствие и боеприпасы из Динамюнде, куда они доставлялись морем. Чтобы прервать эту коммуникацию шведов, Петр специально прислал под Ригу своего фаворита Меншикова с указом: «…от прихода неприятельских кораблей к Риге большую обсервацию иметь, и что принадлежит к пресечению неприятельской коммуникации устроить». Далее в указе говорилось:

«…для принятия с моря неприятельских судов» перегородить Западную Двину «бревнами с цепьми и сделать несколько прамов и на них поставить пушки».

Выполняя указ царя, Меншиков и Шереметев построили свайный мост через Западную Двину. Перед мостом были протянуты связанные цепями бревна. На обоих берегах реки у моста русские построили батареи с тяжелыми пушками калибра 12, 18 и 24 фунтов. Зимой 1709/1710 г. в верховьях Западной Двины близ Торопца корабельным мастером В. Шленграфом были построены два речных прама и пять малых судов, которые после схода льда отправили к Риге.

Эти мероприятия не замедлили сыграть свою роль уже 28 апреля 1710 г., когда девять небольших шведских судов попытались пройти от Динамюнде к Риге. Шведы попали под сильный огонь русских батарей и, не сумев форсировать заграждения на реке, вернулись обратно.

К 29 апреля с зимних квартир к Риге подошла вся армия Шереметева. Петр очень боялся высадки шведского десанта в районе Динамюнде или в районе Пернова.

10 мая осаждающие получили существенное подкрепление – несколько десятков осадных пушек и мортир, доставленных по реке генерал-поручиком Я. В. Брюсом. Русская армия начала подготовку к масштабной бомбардировке Риги и к ее последующему штурму. Однако 14 мая в лагере осаждающих началась «моровая язва» – эпидемия чумы, занесенная, по-видимому, через Курляндию из Пруссии. В результате русский осадный корпус с мая по декабрь 1710 г. потерял 9800 человек.

Чума проникла и сквозь стены Риги. Смертность населения в городе была достаточно велика, источники приводят различные цифры умерших от чумы, максимальная цифра – 60 тысяч человек[335].

Из-за эпидемии русское командование было вынуждено отложить штурм, но приняло решение усилить блокаду, чтобы вынудить город сдаться, не доводя дело до штурма. Для этого перед войсками была поставлена задача овладеть предместьями Риги и установить в непосредственной близости к городу мортирные батареи. Выполнение этого возлагалось на бригадира Штафа и полковника П. П. Ласси с отрядом численностью 2400 человек. В ночь на 30 мая Штаф, атаковавший правый фланг шведских укреплений, ворвался в предместье. Шведы, бросив пушки, отошли за стены города. 31 мая Ласси закрепил успех Штафа, войдя в предместье с левого фланга. В результате положение осажденных еще более ухудшилось. Русские войска развернули интенсивные инженерные работы и постепенно приближались к крепостным веркам. В занятом ими предместье были установлены три мортирные батареи (14 мортир).

С началом навигации шведский флот попытался оказать помощь осажденному городу. У Динамюнде сосредоточилась эскадра в составе 24 судов. Ее появление вызвало «необычную радость» среди осажденных. Но высадить десант противнику не удалось. Все его атаки отбивались огнем русских батарей с обоих берегов Западной Двины. 9 июня трем шведским судам удалось прорваться к Риге, но огонь с русских батарей заставил их отойти назад к Динамюнде. В конце концов, вся шведская эскадра ушла в море и более не появлялась у устья Западной Двины.

В начале июня 1710 г. русское командование вновь начало готовиться к штурму. Шереметев предложил шведскому командованию сдать город, но граф Штремберг ответил отказом. 14 июня

русские начали интенсивную бомбардировку Риги. В течение 10 дней (с 14 по 24 июня) было выпущено 3389 бомб.

25 июня Штремберг наконец вступил в переговоры с русскими. К этому его побудила не столько бомбардировка, сколько требования немецкого населения города (дворянства, купечества и духовенства) о прекращении боевых действий. Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что после Полтавы шведы проиграли войну окончательно и бесповоротно.

Переговоры о сдаче Риги продолжались более недели, и лишь 4 июля был подписан акт о сдаче города. Согласно условиям капитуляции, шведский гарнизон имел право свободно покинуть город. И действительно, 5132 солдата во главе с графом Штрембергом с музыкой вышли из города. Однако, как и в других аналогичных случаях, русские нарушили условия капитуляции. Так, генерал-майор Альфендель и 351 человек офицеров и солдат были сразу оставлены в плену как лифляндцы из завоеванных русскими городов. В городе было арестовано 22 члена магистрата и 610 горожан.

Победителям досталось 561 пушка, 66 мортир и 7 гаубиц. Сообщая в Москву о взятии Риги, Шереметев писал: «С божьей милостью мне удалось с главным лифляндским городом Ригой, который до сего времени никогда и никакими средствами не был взят и во всей Европе непреступной девственницей считался, обручиться и привести его, как невесту, к честному соглашению».

4 июля князь Репнин вступил в город с шестью пехотными полками. 12 июля в Ригу торжественно въехал и сам Б. П. Шереметев. У Карлусовых ворот магистрат преподнес ему золотые ключи от города. В кирхе Шереметев принял присягу Петру от курляндского дворянства и духовенства. Шереметев подтвердил все духовные и гражданские права рижан.

30 сентября Петр в Санкт-Петербурге подтвердил капитуляцию, подписанную Штрембергом и Шереметевым, но велел задержать в плену весь шведский гарнизон. Сам Штремберг был доставлен к царю в Петербург, а позднее обменен на русского генерала Вейде.

После взятия Риги основные русские силы подошли к крепости Динамюнде.

Ее гарнизон к началу боевых действий составлял 1200 человек, позже морем было доставлено еще 700 человек. Во время эпидемии чумы свыше 90 процентов гарнизона умерло, так что оборонять крепость было попросту некому. 8 августа комендант Динамюнде К. А. Штакельберг капитулировал. В Динамюнде русским досталось 198 пушек, 14 мортир и 13 гаубиц.

После взятия Динамюнде русские войска двинулись к небольшой шведской крепости Пернов, расположенной на восточном берегу Рижского залива в устье реки Перновы. Крепость Пернов была вооружена 201 орудием, а ее гарнизон первоначально составлял около тысячи человек, но ко времени подхода русских большая часть гарнизона умерла от чумы. 14 августа гарнизон Пернова капитулировал практически без боя, из крепости вышло лишь 120 солдат и офицеров, остальные стали жертвами чумы. В крепости русскими было найдено 183 пушки, 14 мортир и 4 гаубицы.

Одновременно небольшой русский отряд занял остров Эзель. Единственный укрепленный пункт острова – крепость Аренсбург была занята «без всякого сопротивления от неприятеля». В качестве трофеев русским войскам досталось 66 пушек и 4 мортиры.

Теперь в Прибалтике у Шведов осталась одна только крепость Ревель. Операция против Ревеля была начата еще в декабре 1709 г., когда нарвский комендант полковник В. Н. Зотов двинулся с тремя драгунскими полками к Феллину в Эстляндию. Вступление русских войск побудило большинство жителей Эстляндии укрыться в Ревеле, несмотря на «универсалы» русского командования, призывавшие к спокойствию, и обещания, что разорения им никакого не будет, если русским войскам будет поставляться продовольствие. Шведский гарнизон Ревеля составлял 4500 человек.

Подойдя в августе 1710 г. к Ревелю, отряд Зотова расположился лагерем у Верхнего озера, служившего главным источником снабжения города пресной водой. По приказу Зотова канал, подававший воду из озера в Ревель, был немедленно перекрыт. Город лишился не только пресной воды, но и мельниц, расположенных на канале. Вскоре гарнизон Ревеля и его жители почувствовали тяжесть блокады. Из-за скопления большого числа людей в городе начались болезни. 11 августа в городе был зарегистрирован первый случай чумы, свирепствовавшей затем в Ревеле до самого конца блокады.

15 августа по личному приказу Петра под Ревель прибыло шесть пехотных полков и один пехотный батальон под командованием бригадира Иваницкого. Они заняли высоту на берегу моря, чтобы иметь возможность вести огонь по шведским судам, направляющимся к городу. 18 августа к Ревелю подошла конница генерала А. Г. Волконского.

В конце августа из Пернова к Ревелю подошли войска генерала-поручика Боура. С прибытием этих войск сухопутная блокада Ревеля стала непроницаемой, но с моря шведские корабли свободно входили в Ревельский порт. Русский флот в районе Ревеля вообще не появлялся.

Петр решил воздействовать на психологию немецкого населения Ревеля и отправил в город «универсал», в котором обещал «сохранить в полной неприкосновенности …евангелическую религию, распространенную сейчас во всей стране и городах, все ее старые привилегии, свободы и права».

Универсал Петра, падение Риги и Пернова, а главное, эпидемия чумы, сильно подорвали моральный дух гарнизона и жителей. Поэтому до бомбардировки города и штурма дело не дошло. 29 октября 1710 г. Ревель капитулировал. Согласно условиям капитуляции, гарнизон эвакуировался в Швецию. В Ревеле русскими трофеями стали 10 мортир, 57 медных и 174 чугунных пушек. После взятия Ревеля боевые действия в Прибалтике закончились.

Петр немедленно приступил к исправлению крепостей и гаваней в Лифляндии и Курляндии. По его указу был сформирован 15-тысячный лифляндский корпус из «природных тамошних дворян», то есть немцев. Царь приказал на выгодных условиях пригласить «иноземцев [в основном немцев. – *А.Ш.*] на заселение мест, опустошенных язвою» (чумой). Что, не хватало Петру русских мужиков, или он боялся русским дать вольности, обещанные лифляндцам и курляндцам?

30 августа (10 сентября) 1721 г. в Ништадте был подписан русско-шведский мирный договор. Согласно ему, в утраченных Швецией в пользу России землях русское правительство обязалось сохранять евангелическую веру населения (Прибалтика), все кирхи, всю систему образования (университеты, школы).

Все жители Эстляндии, Лифляндии и Эзеля (епископство Виксское) сохраняли за собой все свои особые «остзейские» привилегии, как дворянские, так и недворянские (цеховые, магистратные, городские, бюргерские), и т. п.

Эстляндия стала Ревельской, а Лифляндия – Рижской губерниями.

Город Ревель получил самоуправление, осуществляемое магистратом, выбранным из наиболее богатых жителей. Магистрат и рейнское управление – обер-лантгерихты – содержались на средства городской казны. Был свой магистрат и в Риге, Дерпте и других крупных городах. Любопытно, что дерптский университет («Коронная школа») при Петре I и его преемниках был на «жаловании императорском», хотя обучение велось исключительно на немецком языке.

Петр I подарил Риге 20 торговых кораблей. Вскоре и рижские бюргеры начали строить большие торговые суда.

В 1710 г. Ригу посетили 15 кораблей, на следующий год – 79, в 1725 г. – 388, в 1740 г. – 597. С 1766 г. по 1776 г. в Ригу прибывали в среднем ежегодно по 765 кораблей, а с 1776 г. по 1785 г. – 841 судно.

В сельской местности также было самоуправление, но чисто сословное – дворянское. Высшей властью были ландраги, куда опять же выбирали самого богатого дворянина. От ландрагов полностью зависели и низшие административные органы, протестантская церковь и школы. Везде делопроизводство велось на немецком языке.

До прихода русских немецкие дворяне имели право по своему усмотрению наказывать, вплоть до квалифицированной казни, своих крепостных. В 1711 г. лифляндские дворяне обратились к Петру с «покорнейшей просьбой» подтвердить 26-ю статью привилегий Сигизмунда II Августа о праве суда над своими крестьянами по уголовным и гражданским делам. Однако русские власти указали, что рассмотрение уголовных дел есть прерогатива государственных судов, то есть казнить или калечить крестьян теперь было запрещено.

Петр и его преемники создали в Прибалтике эдакий германский заповедник. Местное население не только не обрусевало, а все более и более онемечивалось. Вспомним, что до Петра I все московские цари и великие князья, присоединив к Московскому государству окраинные территории, кнутом и пряником пытались перемешать их население с русскими из центральных областей.

Почему же Петр и все последующие цари, за исключением разве что Екатерины Великой, создавали этот заповедник? Основных причин две.

Во-первых, Петр был германофилом и предпочел бы больше иметь германских подданных, чем русских людей. Спор о том, было ли «завещание Петра Великого» подлинным, выходит за рамки работы. Скажу лишь одно, если это завещание и фальшивое, то наш великий реформатор постоянно думал о возможности присоединения германских земель.

Все наши цари лезли в германские дела, и их остановил лишь разгром Франции в 1870 г. и создание Германской империи. Вполне логично, что захват немецких земель царями мог быть облегчен при наличии мини-Германии в составе своей империи.

Была и вторая причина, куда более прозаичная. Ни один царь после Петра не сидел твердо на троне. Недаром в Европе острили, что «русский режим – это самодержавие, ограниченное удавкой». Призрак Ропши или Михайловского замка не давал спокойно спать всем императорам, включая Николая II.

Романовы знали римскую формулу «разделяй и властвуй» и с удовольствием взирали на конфликт между русским и германским дворянством. Вспомним, сколько германских фамилий встречается среди руководителей карательных организаций XIX века. Правда, иной раз и достаточно обрусевшие немцы досаждали династии. Их хватает и среди убийц Павла, и среди декабристов.

Русская образованная общественность от аристократов до разночинцев считала Прибалтику чем-то типа Саксонии или Баварии, а об эстонцах или латышах никто ничего не знал. Так что на фразу из повести и фильма «Гардемарины, вперед» – «Ах ты, сука курляндская» – латыши не обижаются. Русский человек, пусть даже поручик, и не знал, что в Курляндии кроме немцев есть еще какие-то латыши.

Стоит заметить, что «германский заповедник» раздражал Екатерину Великую. Она, будучи этнической немкой, больше заботилась об интересах России, чем псевдорусская династия Романовых.

Вот, к примеру, в 1762 г. рижский магистрат пожаловался русскому генерал-губернатору Броуну, что русские, приехавшие в Ригу, начали заниматься содержанием трактиров и мелкой торговлей. По мнению магистрата, их надо было принудить к физическому труду, «что принесло бы пользу рижской торговле и всей городской общине». Сейчас националисты и их приспешники в России утверждают, что Прибалтика была колонией России. Представим на секунду, что туземцы из Сенегала или Нигерии жалуются, что французы или, соответственно, англичане, ведут у них торговлю, вместо того, чтобы заниматься тяжелым физическим трудом!

Матушка Екатерина оставила сию просьбу без последствий, а 7 декабря 1765 г. утвердила новый Устав о рижской коммерции, сильно ограничивавший права магистрата. Но немцы из магистрата не унимались.

Вот характерный пример. Один приехавший из-за границы немец, по фамилии Эфлейн, женатый на латышке, дочери Яна Штейгнауера, в 1767 г. подал магистрату просьбу о принятии его в полноправные бюргеры Риги. Магистрат отклонил просьбу Эфлейна на том основании, что его жена – латышка и что «пострадает хорошая слава города и торговля с заграницей, если бюргерами начнут принимать латышей, что ни в коем случае не являлось намерением ее императорского величества и ее предшественников…»

Но обстановка была уже иная, и сенат, который должен был решать дело Эфлейна, указал на эту перемену в политике правительства: «Рижское Большой гильдии мещанство, не входя в ее императорского величества попечение о истинной пользе своих верноподданных городов, каково особливо высочайше изъявить… соизволила в изданном 1763 года июля 25 дня манифесте, затмевает опубликованные манифесты…» Сенат приказал зачислить Эфлейна и его жену полноправными рижскими гражданами. Давая по этому делу указание принципиального характера:

«…да и впредь в Риге принятием вы мещанство таковых же, поступать на основании публикованного в 1763 году 25 июля ее императорского величества высочайшего манифеста и тамошних вышеписанных законов».

Глава 6. Конец Курляндского герцогства

В XVIII веке Курляндское герцогство находилось в вассальной зависимости от Речи Посполитой. Однако к 1710 г. на его территории дислоцировались русские войска.

Во время свидания Петра I с прусским королем Фридрихом I в октябре 1709 г. в Мариенвердере было решено, что герцог Фридирих-Вильгельм должен жениться на одной из родственниц русского царя.

Тем самым Петр I рассчитывал обеспечить известное влияние России на дальнейшую политику герцогства.

В 1710 г. Фридрих-Вильгельм приехал в Петербург, где обвенчался с племянницей царя Анной Иоанновной. А перед венчанием был заключен договор, по которому Фридрих-Вильгельм обязывался в случае войны соблюдать по отношению к России доброжелательный нейтралитет, а также содействовать торговым сношениям между Россией и Курляндией и обеспечить русским купцам свободный проезд в Западную Европу. Для герцога самым важным было получение 40 тысяч рублей приданого Анны Иоанновны и 160 тыс. рублей ссуды, на которые он хотел выкупить заложенные имения. Однако на обратном пути в Елгаву, 6 января 1711 г. Фридрих-Вильгельм внезапно умер. Как утверждают современники, герцог в Петербурге попросту запил, и причиной его смерти стало неумеренное потребление алкоголя.

Теперь курляндским герцогом стал наследник престола – дядя умершего герцога Фердинанд. В Митаву он не поехал, а остался в Данциге и оттуда управлял герцогством не столько при помощи советников герцогства, сколько через своих доверенных лиц.

Поскольку Северная война была еще не закончена, Петр I не рискнул силовым путем аннексировать Курляндское герцогство, но и отдавать его тоже не хотел.

По его приказанию в Митаву была отправлена на жительство вдова Фридриха-Вильгельма с «ограниченным контингентом» русских войск.

В результате в герцогстве возникло, как говорят в Польше, «бескоролевье». Формально герцогом был Фердинанд, польское дворянство в Курляндии пыталось вернуть край Речи Посполитой, а русские партии, соответственно, ориентировались на Петербург.

В 1730 г. Анна Иоанновна стала русской императрицей. Ее фаворитом и самым влиятельным человеком при дворе был курляндец Эрнст-Иоганн Бирон. Русская дипломатия уделяла исключительное внимание событиям в герцогстве.

После смерти польского короля Августа II Россия поддерживала его сына, будущего польского короля Августа III, в его борьбе за польскую корону против Станислава Лещинского. Август III при поддержке русских войск стал польским королем, а в 1736 г. польский сейм по настоянию России отказался от включения Курляндии в состав польского государства, признавая по-прежнему личную зависимость герцогства от Польши.

В 1737 г. умер герцог Фердинанд, и курляндский ландтаг в июне того же года избрал герцогом Бирона. Дело решили русские деньги и русские полки на границе.

Став герцогом, Эрнст Бирон продолжал жить во дворце в Петербурге. Анна Иоанновна перед смертью в 1740 г. назначила наследником престола своего трехмесячного внучатого племянника Иоанна, а регентом до его совершеннолетия – Бирона. Однако в ночь с 8 на 9 ноября 1740 г. фельдмаршал Миних с ведома матери императора Иоанна VI Анны Леопольдовны произвел военный переворот. Бирон и его сторонники были арестованы, а затем герцога отправили в ссылку в Сибирь, в Пелым.

Через 16 дней в Петербурге произошел новый переворот – рота гвардейцев 25 ноября возвела на престол Елизавету Петровну. Новая императрица улучшила участь Бирона – ему определили местом ссылки Ярославль вместо Пелыма.

До 1758 г. Курляндия оставалась без герцога, а затем польский король Август III (а по совместительству саксонский курфюрст) уговорил Елизавету Петровну сделать герцогом своего сына Карла Саксонского. Избрание католика герцогом вызвало недовольство населения Курляндии, большинство которого состояло из протестантов.

Императрица Екатерина II нашла решение Елизаветы неразумным: «В деле о Курляндии, чем более о нем думаю, тем менее нахожу там здравого смыслу»[336]. И она надумала вернуть на курляндский престол… Эрнста Бирона, которому шел уже 73-й год.

Польский король Август III потребовал, чтобы Бирон представил ему свои требования, на что русский посол Ржичевский ответил, что «Бирон собственно не обязан просить о том, что у него никто и ни по каким правам отнять не мог»[337]. А матушка государыня пригрозила выгнать непослушного короля из Польши. В Курляндию вновь вошел довольно приличный контингент русских войск.

30 декабря 1762 г. в Митаву с большим торжеством въехал Бирон со своим сыном Петром.

По указу императрицы принц Карл был выслан из Митавы (Елгавы). Однако сторонники Польши, их называли «каролинцами», решили дать бой Бирону в ландтаге. Ландтаг отказался присягать новому герцогу. В ответ Екатерина II предложила дворянам в четырехнедельный срок принести присягу Бирону. Неподчинившимся грозило расквартирование в их имениях русских войск на постой. Угроза эта возымела свое действие, и даже наиболее оппозиционно настроенные дворяне были вынуждены повиноваться.

После смерти Эрнста Бирона ему наследовал сын Петр. «Каролинцы» во главе с дворянином Говеном Младшим начали борьбу против нового герцога. Дворяне опять отказали в присяге герцогу. Дело дошло до того, что в 1771 г. по требованию русского правительства Говена арестовали в Варшаве. Среди его бумаг нашли переписку с саксонским двором. Говен был осужден на три года и заточен в крепость. А после императрица просто купила Говена, и он стал вождем «русской партии».

В 1784 г. Петр Бирон, формально оставаясь герцогом, подался от греха подальше в Германию. Через три года он вернулся в Митаву, но его власть стала номинальной. Герцогство контролировали богатые дворяне и резиденты императрицы.

В мае 1794 г. польские конфедераты вторглись в Курляндию. Герцог и ландтаг обратились за помощью к России. Русские войска к августу навели порядок в Курляндии.

Анархия в герцогстве порядком надоела как дворянам, так и горожанам. Поэтому делегаты курляндского дворянства начали в Петербурге переговоры о возможности подчинения герцогства России. Герцог вначале протестовал против этого, но вскоре понял тщетность подобных протестов и, в свою очередь, начал в Петербурге переговоры о размерах компенсации за добровольный отказ от герцогства.

В январе 1795 г. герцог Петр лично прибыл в Петербург. Через два месяца переговоры завершились, и герцог 28 марта подписал отречение от престола, выторговав себе за это 2 млн рублей компенсации за свои имения, 69 тыс. талеров ежегодной пенсии и обеспечение вдовьей доли для своей жены.

В апреле 1795 г. курляндское дворянство официально признало подчинение своего герцогства России. Екатерина II утвердила за дворянством все его прежние права и привилегии. 27 мая 1795 г. Курляндское герцогство стало Курляндской губернией Российской империи.

Глава 7. Прибалтика в составе империи

Окончательное присоединение Курляндии к России оказало положительное воздействие на экономику и культуру края. Рига стала вторыми после Петербурга морскими воротами империи.

В 1800 г., когда внешнеторговый оборот России составлял 78 млн рублей серебром, на долю Риги приходилось свыше 10,5 млн рублей, то есть более 13 % общей суммы внешнеторговых оборотов империи. В 1806 г. эта доля уже достигла 18 %. В 1820-х годах на долю Риги приходилось 12–15 % внешней торговли России.

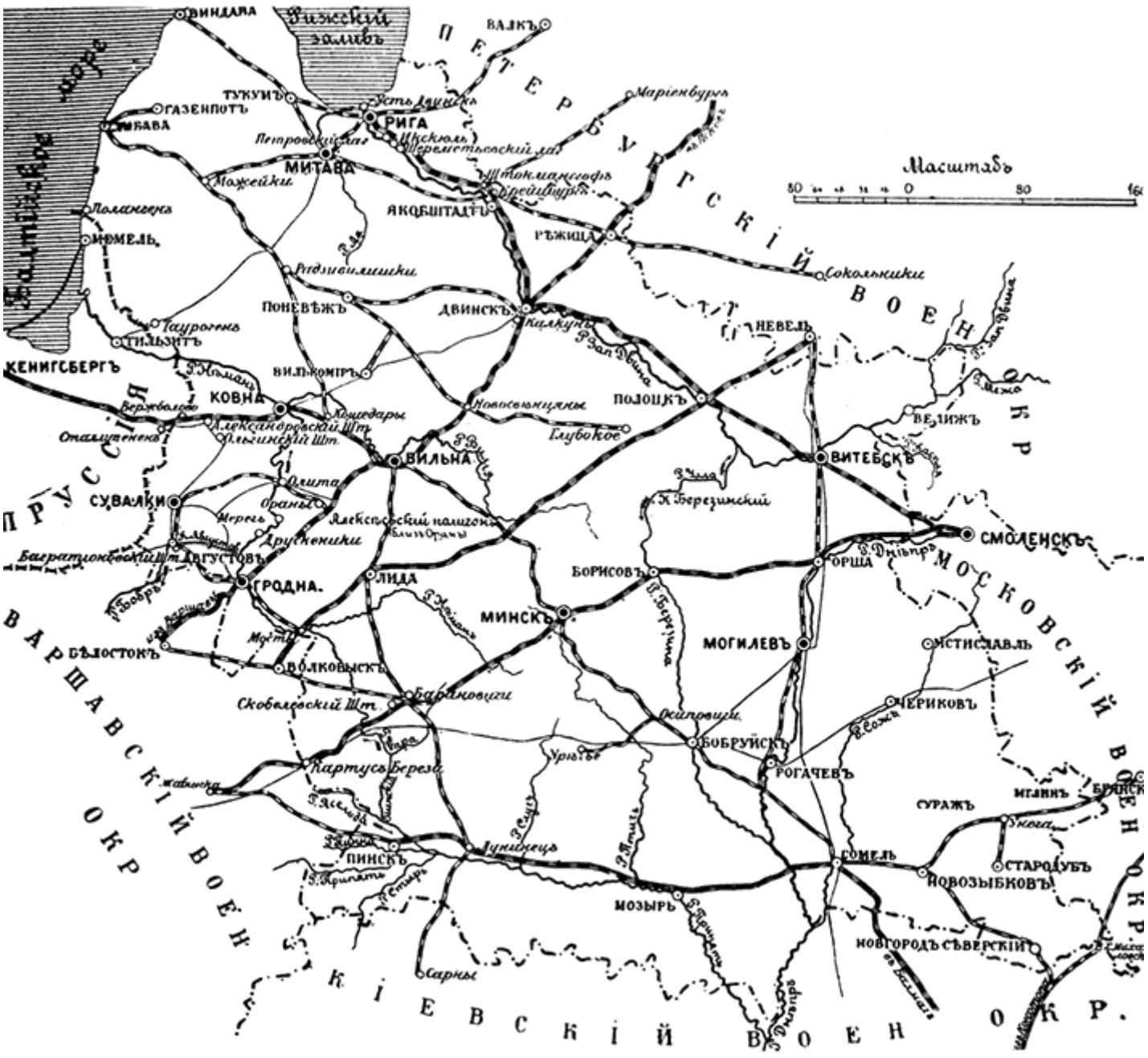
По внешнеторговым оборотам Рига стояла на втором месте в империи (после Петербурга). Рижский порт в начале XIX века ежегодно посещали около 800 кораблей.

Важное место принадлежало Риге в вывозе сельскохозяйственной продукции. Так, в 1802 г. из России было вывезено товаров на сумму свыше 45 млн рублей серебром, в том числе через Ригу – на 8,5 млн рублей, то есть почти на 19 % общей суммы экспорта. В 1806 г. вывоз товаров через Ригу достиг 25 % стоимости товаров, вывезенных из России. В 20-х годах XIX века доля Риги в русском экспорте составляла 15–20 %.

Рижский экспорт обеспечивался подвозом товаров не только из близлежащих губерний, их доставляли и из весьма отдаленных мест. Так, мачтовый лес и другие кораблестроительные материалы шли из Белоруссии, из Смоленской, Орловской и Калужской губерний.

В Ригу же товары доставлялись как по суше, так и по Западной Двине. С 1816 г. по 1825 г. в Ригу по Двине проходили свыше 500 стругов (крупных парусно-гребных судов).

Характерный пример влияния России – Либава. До прихода русских это был бедный поселок. А уже в первой четверти XIX века Либаву посещали до 230 кораблей в год, общий же оборот внешней торговли достиг почти 2 млн рублей в год. К 1906 г. в Либаве жило уже 80 тыс. человек, из которых латышей было около 45 тысяч, русских – 7 тысяч, а остальные – немцы и евреи.

Виленский военный округ

Царское правительство к 1906 г. израсходовало на строительство либавского коммерческого порта 17 млн рублей. Кроме того, огромные средства на создание инфраструктуры Либавы – строительство дорог и казенных домов, прорытие морского канала, и т. д. – выделяло Военное ведомство. В 1928 г. американский журналист, побывавший в опустевшей Либаве, сравнил ее с Лондоном после нашествия марсиан из фантастического романа Г. Уэллса «Война миров».

Кроме того, «даже официальным языком в Прибалтийском крае был признан немецкий, и переписка губернских учреждений с коллегиями велась обычно на немецком языке, исключением являлись лишь бумаги, поступавшие из так называемых “русских канцелярий” лифляндских и эстляндских генерал-

губернаторов. Уже одним этим можно объяснить то обстоятельство, что дела, связанные с Прибалтийским краем, в центральных государственных учреждениях обычно попадали к чиновникам немецкого происхождения соответствующих департаментов. Кроме того, в административный аппарат края подбирались лица, знакомые с остзейскими порядками и привилегиями, а такими опять-таки оказывались чиновники из немцев. Таким образом, получалось, что вплоть до самых высших инстанций управлением Лифляндией и Эстляндией ведали чиновники преимущественно немецкой национальности, что не было предусмотрено никакими привилегиями, но, несомненно, благоприятствовало сохранению остзейской автономии»[338].

В 1786 г. указом Екатерины II было введено Городовое положение. В результате в Риге упразднили магистрат. Административная же власть перешла к Общей Думе, Шестигласной думе и городскому голове. В выборах их могли участвовать все граждане города, платившие в казну налог не менее 50 рублей в год[339].

Что же касается сельской местности, то ситуация там стала меняться лишь после окончания наполеоновских войн. 23 мая 1816 г. Александр I утвердил разработанный эстляндским дворянством проект личного освобождения крестьян с передачей всей крестьянской земли в неограниченную собственность помещиков. Для всеобщего сведения закон был опубликован в Ревеле 8 января 1817 г.

По предложению генерал-губернатора Паулуччи, лифляндский ландтаг в 1818 г. назначил комиссию для разработки законопроекта об освобождении крестьян. 26 марта 1819 г. Александр I подписал «Положение о лифляндских крестьянах». В марте 1820 г. этот закон был зачитан во всех церквях Лифляндской губернии.

Главные положения закона о безземельном освобождении крестьян в прибалтийских губерниях были следующие.

Во-первых, крестьяне были признаны лично свободными людьми, но в то же время целый ряд разных предписаний ограничивал свободу их передвижения и выбор занятия.

Во-вторых, вся земля была признана полной собственностью помещика.

В-третьих, нормальной формой аграрных отношений закон об освобождении крестьян признал арендный контракт, который заключался «по добровольному соглашению между помещиками и крестьянами».

В-четвертых, крестьяне стали членами волостных обществ, но волостные правления находились под строгим надзором помещиков. Таково же было положение крестьянского (волостного) суда, который также находился под контролем помещика, его управляющего и органов дворянского самоуправления и судов.

В-пятых, помещикам было оставлено право наказания в «домашнем порядке» дворовых розгами, осталась и мызная полиция.

В-шестых, освобождение крестьян начиналось не со времени опубликования закона, а проходило постепенно. В результате этого барщина в Эстляндии была отменена лишь в 1868 г.

Все русские цари, за исключением разве что Екатерины Великой и Александра III, всячески тормозили русификацию Прибалтики. Дело дошло до того, что православные цари противились распространению православия в крае!

В сентябре 1836 г. епископом Рижским был рукоположен Иринарх (в миру Яков Дмитриевич Попов). С первых дней своего пребывания в Риге Иринарх вел активную деятельность по распространению православия в крае. Он сделал много для того, чтобы старообрядцы Риги и окрестностей стали посещать православные храмы. Епископ активно обращал эстонцев и латышей в православие.

В конце 30-х годов XIX века в результате сильных неурожаев жизнь крестьян Лифляндской губернии значительно ухудшилась. 1 июля 1841 г. лифляндский губернатор сообщал министру внутренних дел, что «крестьянские поля, засеянные озимыми урожаями прошлого года, не позволяют надеяться даже на самый небольшой урожай». Зима и весна 1841 г. выдались крайне тяжелыми. Хлеба вымокли и не уродились, не хватало и корма для скота. Крестьянам угрожал голод. Большинство помещичьих

имений в результате неурожая также находились в тяжелом положении. На помощь от государства не приходилось рассчитывать, так как во многих других губерниях урожай был еще хуже, чем в Лифляндии.

Среди крестьян Венденского и Валкского уездов пошли слухи о том, будто правительство предлагает им переселиться в южные губернии, где они получат землю в собственность и разные льготы. Для этого якобы нужно объявить желание переселиться и записаться в Риге у начальства или у православных священников. Под влиянием этих слухов в управление рижского генерал-губернатора стали приходить за справками толпы крестьян, где им разъясняли необоснованность дошедших до них сведений.

Хождения крестьян в Ригу приняли массовый характер, и 2 июня генерал-губернатор М. И. Пален опубликовал сообщение, которое затем было зачитано в кирках. Крестьян извещали, что никакого переселения не производится, и что в Россию и в Сибирь переселяют только преступников в кандалах. По распоряжению генерал-губернатора Палена с 9 июня чиновники и полиция стали производить допросы всех являвшихся в Ригу крестьян. В течение первого месяца было допрошено более 600 крестьян. Все жаловались на тяжелое материальное положение, плохие виды на урожай, на притеснения помещиков.

Пален – лютеранин и сам крупный помещик – попытался сделать виноватой православную церковь и лично епископа Иринарха.

Пален добился того, что 29 июля император Николай I запретил епископу принимать от крестьян просьбы по вопросам, не касающимся веры. Но поток просителей не прекращался. 4 августа шестеро латышей не были допущены полицией к Иринарху уже и с прошениями о присоединении их с семьями к православию. Их арестовали, но прошения их все же дошли до епископа – священник рижского кафедрального собора Михаил Заволоцкий составил их по просьбе крестьян и передал Иринарху. В своем рапорте священник писал, что не может отказать гонимым просителям, потому что «отриновение такового их чистого желания почитал неизвинительным проступком перед начальством и непростительным грехом пред Самим Богом; ото всех явившихся мне чухон я отобрал показания, каковые при сем долг имею благопочтительно представить на архипастырское благоусмотрение вашего преосвященства».

В одном из подобных прошений крестьяне писали епископу Иринарху: «Бог положил на сердце нам и всем семействам нашим твердое желание принять ту православную веру, которую имеет наш отец и государь, с тем, чтобы эта вера была бы верой до самой смерти как нас, так и семей, и детей наших, и всего будущего нашего потомства до конца света. Надеясь и веря, что в сей православной вере мы найдем себе покой и утешение, как в вере, которую мы душевно почитаем, которую просим позволить нам и семействам нашим принять, сию православную веру»[340]. Это прошение было составлено от имени 768 крестьян Верроского и Дерптского уездов. Аналогичное прошение поступило еще и от 83 крестьян тех же уездов.

12 августа 1841 г. граф Н. А. Протасов в письме епископу Иринарху предлагал «в точную сообразность высочайшей воли… строго подтвердить подведомственным вам лицам, дабы от помянутых крестьян отнюдь не были принимаемы прошения, какого бы, впрочем, они ни были содержания, впредь до совершенного прекращения возникшего между ними волнения и получения особого высочайшего разрешения на счет изъявляемого ими желания присоединиться к православию»[341].

«Если гражданское начальство, – писал Святейшему синоду епископ Иринарх, – нашло нужным прибегнуть к употреблению военной силы, то это не для утишения возмущения, которого не было и нет… а для истребления возродившегося в крестьянах сильного и решительного желания принять православие. Слышно, что начальник губернии ездит теперь по уездам с жандармами и казаками и отбирает от крестьян показания касательно их религии»[342].

Сложилась поистине дикая ситуация: православный царь Николай I, официальный глава православной церкви, устроил репрессии против прибалтийских крестьян, желавших принять православие. По официальным данным, в православие перешло более 74 тысяч латышей. Лютеранские пастыри запрещали хоронить умерших православных латышей на деревенских кладбищах. А царь-батюшка посылал против них войска.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

В 1858 г. в местечке Махтра в уезде Хароюмаа эстонские крестьяне выступили против введения помещиками-немцами «экстраординарной барщины». Русские власти направили туда большой отряд регулярных войск. В начале 1859 г. военно-полевой суд приговорил 65 крестьян к тысячи ударам палками, а затем 37 из них были насильно сосланы в Сибирь.

В том же 1858 году 56 эстонских крестьян из имений Ання и Курисоо мирно отправились в Ревель, где подали жалобу на помещиков в губернское правление. Только за факт подачи жалобы все 56 человек были арестованы, а затем публично выпороты на базарной площади. История эта достаточно ординарная, обычная для Прибалтики. Получила же она огласку лишь потому, что русский учитель гимназии В. Т. Благовещенский написал о расправе в Лондон А. И. Герцену, а тот описал все в «Колоколе».

Герцен не побоялся сказать то, о чем давно шепотом говорили в Петербурге – Павел I, Александр I и Николай I, будучи этническими немцами, благоволили остзейским баронам, в ущерб интересам государства Российского. В статье «Русские немцы и немецкие русские» в «Колоколе» Герцен назвал Николая I «одним из самых замечательных русских немцев». Герцен со всей ненавистью пламенного русского патриота обрушился на прибалтийских немецких баронов, которые подвизались на царской службе в роли жандармов и палачей. Они всячески выслуживались перед царским правительством, лишь бы сохранить свои привилегии, дававшие им право на эксплуатацию латышских и эстонских крестьян. По адресу прибалтийских дворян и придворных аристократов-космополитов Герцен писал, «что их отечество в канцелярии и казарме, а совесть их в Зимнем дворце, что они слуги государевы, а не государства, что они отделяют в своей привязанности особу государя от отечества»[343].

Первая русская революция не обошла и Прибалтику. Так, 30 апреля – 2 мая 1905 г. в Ревеле произошла первая политическая стачка. Октябрьская всероссийская политическая стачка 1905 г. началась в Эстляндии 14 октября стачкой железнодорожных рабочих в Ревеле, Нарве, Валге и других городах, а также на железнодорожных станциях. 16 октября царские войска обстреляли митинг рабочих в Ревеле, было убито свыше 90 и ранено более 200 человек. Похороны жертв 20 октября вылились в грандиозную 40-тысячную демонстрацию. Всеобщая забастовка закончилась 26 октября. По всей Эстляндии в ней участвовало 20 тысяч промышленных и железнодорожных рабочих.

Еще больший размах приобрело революционное движение в деревне. Эстляндские крестьяне только 12–20 декабря 1905 г. сожгли и разгромили свыше 120 помещичьих имений. Владельцами почти всех этих имений были немцы.

Тут бы царским министрам вспомнить мудрую русскую пословицу: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Нет бы немного погодить, пока усобица между немцами и прибалтами достигнет апогея, а уж потом ввести войска, действуя в качестве третьей нейтральной силы. Объявить, что германские бароны сами спровоцировали беспорядки и выселить немцев с целью обеспечения их же безопасности в центральные районы России, пусть даже с предоставлением компенсации. А конфискованные имения поделить между безземельными русскими крестьянами. Местных жителей, особо запятнавших себя насилиями и убийствами, отправить в пожизненную ссылку в Сибирь.

Таким образом, под предлогом умиротворения края можно было провести интенсивную русификацию Прибалтики. Кстати, очень многие народы в Средней Азии и на Кавказе предпочитали правление русских власти соседей.

Однако Николай II выбрал самый наихудший для России вариант, послав русские карательные отряды. В декабре 1905 г. во всей Прибалтике было введено военное положение. Такое решение вполне объяснимо: сам Николай II на 95 % был немцем, а была ли среди оставшихся 5 % хоть капля русской крови – вопрос спорный. Его жена была немкой, а среди сановников преобладали этнические немцы или их ближайшие родственники.

Большей частью русских карательных отрядов в Прибалтике командовали офицеры из этнических немцев. По их приказанию войска творили дикие расправы над крестьянами. Так, только в Эстляндии с конца декабря 1905 г. по февраль 1906 г. каратели расстреляли около 300 крестьян, а свыше 600 были подвергнуты публичным телесным наказаниям.

То же самое происходило в Лифляндии и Курляндии. Там было разгромлено 573 имения, а убытки немецких помещиков исчислялись в 12 млн рублей золотом. Каратели убили несколько тысяч крестьян.

В ответ были созданы партизанские отряды «лесных братьев». Так, в городе Туккул в ночь на 30 ноября 1905 г. латыши напали на русских драгун и убили 20 из них. С января по ноябрь 1906 г. «лесные братья» совершили свыше 400 вооруженных нападений. Действия партизан продолжались до конца декабря 1906 г.

Позже германские пропагандисты и местные националисты возложат всю ответственность за бойню 1905–1906 гг. исключительно на русских, точнее, на русский народ в целом.

А ведь именно немцы столетиями делали невозможным сближение русского народа и народов Прибалтики. Представим на секунду, если бы Петр I или Екатерина II выдворили бы из Прибалтики немцев. Эстонцы и латыши просто физически не могли бы не воспринять просвещение и культуру от русских. Добавим еще экономические факторы, и в Прибалтике за два-три столетия произошло бы то, что произошло в Вологодской области или на Ижорской земле (в районе Невы), то есть почти полное обрусение населения.

Наконец, не будем забывать, что во второй половине XIX века к империи были присоединены огромные территории в Средней Азии и на Дальнем Востоке – по площади больше, чем Англия, Франция и Италия вместе взятые. Чтобы освоить их, требовались десятки миллионов переселенцев.

Но русское правительство в переселенческой политике с 1861 г. по 1917 г. делало «шаг вперед, два шага назад», то стимулируя переселенцев, то вставляя им палки в колеса.

Робкие попытки русификации Прибалтики наши власти начали производить лишь с конца 60-х годов XIX века. В 1867 г. был принят закон о введении русского языка в качестве основного языка во всех государственных учреждениях прибалтийских провинций. Новый император Александр III, вступив на престол, впервые отказался подтверждать права и привилегии провинций. В 1885–1890 гг. во всех школах было введено преподавание на русском языке, с 1891 г. все приходские книги лютеранской церкви также должны были вестись по-русски. Возвращение в лютеранство из православной церкви было запрещено. В 1888 г. на прибалтийские провинции была перенесена российская полицейская система, а в 1889 г. – судебная. В начале 90-х годов XIX века германские названия ряда городов были заменены на русские. Так, Динабург стал Двинском, Динамюнде – Усть-Двинском, Дерпт – Юрьевым и т. д.

В 1801 г. Лифляндская, Курляндская и Эстляндская губернии были слиты в одну с центром в Риге, а в 1876 г. все три губернии были восстановлены и существовали до 1917 г. По данным переписи населения 1897 г., в Ревеле проживало 10 тыс. русских (около 16 % всех жителей города). В Юрьевском уезде насчитывалось свыше 10 тыс. человек с родным русским языком, из них в самом Юрьеве – около 4 тысяч, почти все они – русские. На западном берегу Чудского озера и по реке Нарва (включая город Нарва) проживало свыше 15 тыс. русских.

По данным переписи 1897 г., литовцы составляли на современной территории Литвы лишь 61,6 %, на втором месте были евреи (13,1 %), потом поляки (9,7 %), русские (4,8 %), белорусы (4,7 %), немцы (4,4 %), латыши (1,3 %). При этом во всех крупных городах литовцы составляли незначительное меньшинство: в Вильно преобладали евреи (40 %), поляки (31 %) и русские с белорусами (24 %), а литовцы составляли 2 %; в Ковно также большинство составляли евреи (35,2 %), русские с белорусами (25,8 %) и поляки (22,7 %), а литовцы – только 6,6 %.

К 1 января 1914 г. в Курляндской губернии проживало 583 тыс. человек, в Лифляндской – 1 062 тыс. человек и в Эстляндской – 395 тыс. человек. А все население империи составляло 151 578 тыс. человек.

В 1912 г. на долю этих трех губерний приходилось 5,9 % обрабатывающей промышленности империи и 5,3 % всей промышленности.

В Прибалтике сеть железных дорог была куда гуще, чем в Центральной России. Уже в 1866 г. в строй вошла 479-километровая железная дорога Рига – Динабург – Витебск; через два года – железная дорога Рига – Митава. В 1871 г. стала действовать 314-километровая железная дорога Либава – Кошедары и т. д.

В 1906 г. на Западной Двине плавало 180 пароходов и 823 баржи и парусных судов.

В 1912 г. из Риги вывозили больше товаров, чем из любого другого порта империи – 140,5 млн пудов. Далее следовал Петербург – 113 млн пудов и Одесса – 99 млн пудов. Правда, по ввозу товаров Рига занимала второе место после Петербурга.

Эти цифры наглядно опровергают миф о том, что Прибалтика была колонией царской России. Наоборот, как к 1914 г., так и к 1991 г. в Прибалтике были сконцентрированы огромные ценности, на 90 % созданные трудом русского народа. Это порты, дороги, заводы, каналы, речные и морские суда, десятки тысяч каменных домов и прочая, и прочая.

И в 1917 г., и в 1991 г. националисты силой захватили огромные ценности, никогда им не принадлежавшие. По аналогии представим себе богатую советскую семью 80-х годов XX века, состоящую из мужа, жены, детей и тетушки-приживалки.

Где были сосредоточены основные ценности семьи? В кабинете мужа? В спальне супругов? В комнате детей? Нет. В большой прихожей, где на диване спала тетушка.

Там стоял гардероб с шубами жены, аудио– и видеоаппаратурой, там же в тумбочке хранились ключи от автомобиля и катера мужа. И вот в результате ссоры семья делит квартиру. И тут тетушка, вклад которой в бюджет семьи был значительно ниже того, что она проедала, заявляет – «шубы, видео, автомобиль и катер мои – они или их ключи находились в моей комнате». «Тетенька, но это все ведь куплено не на твои деньги. Ты не носила шубы, не водила автомобиль или катер». (95 % товарооборота прибалтийских портов в 1914 г. и 1991 г. шло на нужды центральных областей России). «А мне плевать!» – говорит тетушка. А родственники вместо того, чтобы дать ей хорошего пинка, начинают ей платить за пользование своими (!) шубами, автомобилем и катером.

Глава 8. Мировая война и германская оккупация

С началом войны в Прибалтике резко усилились антигерманские настроения. Царское же правительство немедленно взяло немцев под защиту. Главный начальник Двинского военного округа генерал от инфантерии Чурин уже 2 августа 1914 г. издал специальное объявление относительно прибалтийских немцев. Там говорилось, что они «не могут почитаться врагами России и находятся наравне с прочими подданными Российской империи под покровительством правительства».

Гражданская администрация также встала на защиту немцев в Прибалтике. Курляндский губернатор С. Д. Набоков, чтобы предупредить возможные выступления латышей и эстонцев против немцев, 23 июля 1914 г. опубликовал обращение к населению, в котором отмечалась преступность любых насильственных действий по отношению к немцам и указывалось, что немцы, как граждане Российской империи, вправе рассчитывать на защиту закона.

За высказывания против немцев Набоков закрыл газету «Голос Либавы» и арестовал ее редактора.

Немцы вели себя в Прибалтике более чем вызывающе. Когда в 1914 г. в Ригу прибыли первые эшелоны с пленными немцами, рижские соплеменники встретили их с цветами.

По требованию главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича в конце 1914 г. жандармский генерал П. Г. Курлов был назначен в качестве помощника Двинского военного округа особоуполномоченным по гражданскому управлению Прибалтийского края. Ему предоставили все права генерал-губернатора, независимо от прав командующего армией по административным и хозяйственным вопросам.

П. Г. Курлов писал: «Первое, что мне бросилось в глаза в Риге, это – вывески на немецком языке и господствовавший в городе немецкий говор»[344].

Риторический вопрос – а о чем думали русские власти в предшествующие 200 лет?

Замечу, что и Курлов действовал крайне мягко. Например, он запретил государственным служащим разговаривать в «присутственных местах» по-немецки.

Между тем и латыши, и эстонцы постоянно обращались к властям за поддержкой в предотвращении германского засилья. Так, частный поверенный латыш П. А. Эверс писал П. Г. Курлову: «Освободите

нас от них [немцев] и будьте уверены, что нет народа, который будет больше благодарен, больше предан русскому народу и царю»[345].

Между тем не только сановники, но и большая часть либеральной интеллигенции поддерживала германское засилье в Прибалтике. Еще в 1883 г. Н. С. Лесков в статье «Русские деятели в Остзейском крае» писал: «Правитель… обязан заботиться, чтобы всякий племенной антагонизм смешанного населения не усиливался, а сглаживался и чтобы все равно чувствовали справедливость в беспристрастии правящей власти… История русской администрации в Остзейском крае имеет немало доказательств, что предпочтения как в ту, так и в другую сторону приносили гораздо более вреда, чем пользы»[346].

Браво, Лесков! Все произошло с точностью до наоборот!

В связи с наступлением немцев по приказу генерала М. В. Алексеева началось выселение неблагонадежных немцев из района, занимаемого 10-й армией. Их вывозили в тыловые губернии и расселяли там под негласным наблюдением полиции. Так, по приказу военных властей население прибалтийской колонии Штоксмангоф (350 немецких семейств) отправили в Пермскую губернию «за явно враждебное отношение к российским войскам и из опасения шпионажа и содействие противнику»[347].

Высылка немцев шла из рук вон бестолково. Как писала А. Ю. Бахтурина: «Одинаково негативную реакцию вызывали и высылка и аресты в крае, и отмена таких распоряжений, являвшаяся фактическим признанием того, что военные власти творят произвол»[348].

В 1915 г. главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич приказал Курлову выселить из Курляндской губернии всех евреев, невзирая на пол, возраст и положение. Поводом для этого послужила гибель русского отряда под Шавлями. Почему-то командование решило, что внезапное нападение немцев стало возможным благодаря еврейским шпионам. Курляндская губерния входила в черту еврейской оседлости, так что предстояло выслать большую часть населения губернии, в том числе и врачей из лазаретов и госпиталей. И только по ходатайству Курлова Николай Николаевич отменил свой приказ.

8 сентября 1915 г. главнокомандующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский отправил в Совет министров телеграмму с предложением заменить всех немцев, занимавших в Прибалтике административные должности, русскими, что было необходимо для успокоения латышей. Совет министров обсудил это предложение, и выяснилось, что тогда придется заменить половину состава всей администрации прибалтийских губерний. В результате это предложение так и не было реализовано.

В 1915 г. правительство решило провести эвакуацию из Курляндии ряда заводов, имевших важное оборонное значение. Но и это мероприятие царские бюрократы фактически провалили. Эвакуация шла почти в идеальных условиях. Немецкие войска продвигались крайне медленно. Так, в июле 1915 г. фронт шел по линии Газенпот – Ковно, но через полгода фронт проходил по линии Митава – Двинск. Германская авиация не препятствовала эвакуации.

П. Г. Курлов, один из главных организаторов эвакуации, уже в эмиграции писал: «Станки разных заводов смешивались… Внутри империи эти заводы [то есть эвакуированные. – *А.Ш.*], вопреки утверждению генерала Беляева в совещании, восстановлены не были и часть станков совершенно пропала и даже была выброшена из вагонов»[349].

Еще в июне 1915 г. на всей оккупированной территории Белоруссии, Литвы и Курляндии по приказу фельдмаршала Гинденбурга была создана «Область восточного управления». Армия сосредоточила в своих руках практически всю власть, а гражданское управление частично возлагалось на органы самоуправления, созданные из местных прибалтийских немцев.

В сентябре 1917 г. литовские националисты в районах Литвы, оккупированных немцами, создали совет («Летувос тарибу») во главе с Антанасом Сметоной. Совет этот контролировали оккупационные власти. 11 декабря 1917 г. «тариба» провозгласила восстановление Литовского государства и приняла акт «О вечных союзных связях Литовского государства с Германией», которые должны были быть

подкреплены военной конвенцией о транспортном сообщении, таможенным союзом и введением единой валюты.

В оккупированной части Латвии немцы не стали поначалу создавать какие-либо органы самоуправления, вся власть была сосредоточена в руках германских военных комендантов.

Сразу же после Февральской революции все царские чиновники, представлявшие царскую власть, бежали из Латвии. Но чтобы «свято место» не пустовало, Временное правительство назначило исполняющим обязанности комиссара по Лифляндской губернии адвоката Красткална.

Однако тут на политическую арену вышла и новая сила – латышские стрелки. Царское правительство начало формирование латышских национальных частей еще летом 1915 г. К концу 1916 г. было сформировано восемь стрелковых полков (38 тыс. солдат и тысяча офицеров) и один запасной полк (10–15 тыс. военнослужащих). Полки были сведены в две бригады, а затем в Латышскую стрелковую дивизию в составе 12-й армии Северного фронта. Свыше 60 % личного состава латышских стрелков были рабочими и батраками.

26 марта (8 апреля) 1917 г. в Риге был создан Временный комитет большевистской организации СДЛК и латышских стрелковых полков. 27–29 марта (9—11 апреля) 1917 г. на съезде делегатов полковых кандидатов был избран Исполком Объединенного совета латышских стрелков, так называемый «Исколастрел».

В неоккупированной части Латвии образовалось двоевластие, так же как и в Центральной России, то есть Исколат (Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии) и комитет Временного правительства.

21 августа (3 сентября) 1917 г. германские войска взяли Ригу. Деятели из Исколата бежали сначала в Венден, а затем в Валке. Получив сведения о событиях в Петрограде 8–9 (21–22) ноября, руководство Исколата собрало пленум Совета. Пленум объявил о полном переходе власти к Советам на всей территории Латвии, неоккупированной немцами.

16—18 (29–31) декабря 1917 г. на II съезде Советов Латвии в городе Вольмаре был избран новый Исколат в составе 24 человек. Он и стал первым правительством Латвийской социалистической республики. Председателем был избран Ф. Розинь.

В сентябре – октябре 1917 г. германский флот высадил десант на Моонзундские острова. Ленин писал: «Воюют геройские матросы, но это не помешало двум адмиралам скрыться перед взятием Эзеля!!»[350].

Назвать сие иначе, как бессовестным враньем, нельзя. Как раз матросы и солдаты бежали при одном появлении немцев. У русских было достаточно сил, чтобы полностью уничтожить десант и нанести серьезные потери флоту, но личный состав уже не хотел воевать. В Ревеле революционные моряки провели голосование, идти ли на помощь защитникам Моонзунда. Команды эсминцев, канонерских лодок и малых судов проголосовали против, а вот команды дивизии линкоров все как один были за. Итоги голосования определяла осадка судов – дредноуты не могли пройти через Моонзундский пролив.

Я не сгущаю краски. Вот Протокол совета флагманов от 18 октября 1917 г.: «Обстоятельства взятия немцами Моонзундской позиции показывают, что сухопутные части потеряли всякую сопротивляемость воле противника; от начала до конца эта операция полна примеров полного упадка духа наших войск и чрезвычайной восприимчивости к панике и бунту обезумевших от страха людей»[351].

И это говорится в издании Штаба Красного флота.

А вот еще цитата из того же источника: «18 февраля в течение дня Начальник Обороны Финского Залива в Ревеле получил с ряда приморских батарей сведения, что команды батарей не находят возможным сражаться, основываясь, во-первых, на декрете Народных Комиссаров о выходе России из состояния войны и о полной демобилизации армии, и, во-вторых, на декрете о роспуске флота»[352].

18 февраля 1918 г. германские войска из Курляндии начали наступление на Ревель. Большевикам оставалось только драпать. Утром 24 февраля объявили себя распущенными местные советские

организации: Совет Депутатов и Краевой Эстляндский Комитет. В Ревеле накануне его занятия немцами не оказалось никакой гражданской власти, а в крепости – военной.

Правда, большинству судов Балтийского флота удалось уйти в Гельсингфорс. (Идти в Кронштадт не позволяли льды.)

На кораблях было эвакуировано свыше 4 тысяч гражданских беженцев. В Ревеле остались 4 устаревшие подводные лодки («Крокодил», «Пескарь», «Стерлядь» и «Белуга»), портовое судно «Могучий», 11 транспортов, 36 буксиров, теплоходы-заградители № 2, № 3, № 8 и № 9.

19 февраля (3 марта) 1918 г. Советская Россия и Германия в Брест-Литовске подписали мирный договор. Согласно ему, Россия уступала Германии области, лежащие западнее линии Брест-Литовск – Каменец – Литовск – Пружаны – Зельва – Мосты – Орле – Докудова – Дзевенишки – западнее Слободки – Гервяты – Михалишки – восточнее Свенцяны – Маленгяны – Дрисвяты – Друя и далее по течению Западной Двины до Огера, – и, оставляя Ригу к западу, линия границы выходила к Рижскому заливу, проходя по нему в северном направлении между материком и Моозундским архипелагом и к выходу из Финского залива, остающегося целиком к востоку от разграничительной линии.

Россия обязывалась вывести свои войска с территории Эстляндии и Лифляндии, граница России с которыми должна идти по реке Нарове и Чудскому и Псковскому озерам, и куда вводились германские полицейские части.

По инициативе германских оккупационных властей 8 марта 1918 г. в Митаве был собран Курляндский ландтаг из 80 делегатов, большинство которых составляли германские дворяне и богатые бюргеры. Ландтаг принял решение о провозглашении под скипетром германского императора и прусского короля Курляндского герцогства.

15 марта Вильгельм II подписал акт о признании Курляндского герцогства самостоятельным государством. 12 апреля в Риге, на объединенном ландесрате Лифляндии, Эстляндии, города Рига и острова Эзель (так называемый совет прибалтийских земель; 58 делегатов, как и в ландтаге, представляли те же социальные слои), было объявлено о создании Балтийского герцогства (в его состав вошло и Курляндское герцогство), об отделении Эстонии и Латвии от России, установлении персональной унии Балтийского герцогства с Пруссией.

Правителем Балтийского герцогства стал Генрих Гогенцоллерн, брат Вильгельма II. Решение ландесрата вызвало противодействие населения и правительства РСФСР. Полномочный представитель РСФСР в Германии в ноте от 26 мая заявил о непризнании Советским правительством решения маленькой группы лиц за волеизъявление всего народа.

На территории Балтийского герцогства были запрещены все партии, профсоюзы и общественные организации, закрыты газеты и журналы. Единственным государственным языком для делопроизводства и обучения в школах стал немецкий. Дерптский университет в Эстонии был объявлен немецким. Немцы вывозили из Прибалтики все хоть сколько-нибудь ценное, вплоть до древесины и чернозема.

27 августа 1918 г. в Берлине Советская Россия и Германия подписали добавочный договор к Брестскому мирному договору. Согласно статьям этого договора, для облегчения русских торговых сношений через Эстляндию, Лифляндию, Курляндию и Литву с Балтикой устанавливались:

1. Свободный транзитный провоз товаров через них в обе стороны.

2. Низкие железнодорожные и фрахтовые тарифы.

3. Свободное судоходство по Западной Двине (Даугаве), за исключением ряда жандармских правил и постановлений.

4. России должны быть предоставлены в портах Ревеля, Риги и Виндавы (Таллина, Риги и Вентспилса) отдельные свободные гавани (причальные стенки) и складские помещения.

Как видим, и Брестский мир, и Добавочный договор, которые были подписаны Россией, фактически не имевшей армии, под угрозой германского вторжения, были нам намного выгодней, чем позорная капитуляция Горбачева и Ельцина перед прибалтийскими националистами в 1991 г.

Между тем немцы в узком анклаве между линией прекращения огня и административной границей с Эстляндией в сентябре 1918 г. начали формирование русского Особого Псковского добровольческого корпуса (Псков входил в этот анклав). Были сформированы Псковский, Островский и Режицкий полки по 500 человек, две батареи, а также отряды внешней и внутренней охраны.

21 октября в командование Северной армией вступил генерал-майор А. Е. Вандам (настоящая фамилия Едрышкин).

Еще в 1916 г. для борьбы с немцами на Чудском озере была создана небольшая военная флотилия. 28 октября 1918 г. капитан 2-го ранга Д. Д. Нелидов увел из Гдова в Псков три канонерские лодки «Дельфин», «Народник» и «Президент», а команда последней канонерки «София» осталась верной большевикам.

7 ноября к генералу Вандаму перешла часть 3-го Петроградского конного полка во главе с ротмистром С. М. Булак-Булаховичем.

В конце октября 1918 г. в Риге, опять же с санкции немцев, началось формирование ландвера. В состав его вошли латышские и германские (из курляндцев) добровольцы во главе с майором Флотчером, русские белые офицеры во главе с ротмистром князем А. П. Ливеном и солдаты германской армии под командованием полковника Бишофа.

Но вот 9 ноября 1918 г. в Берлине была провозглашена республика, а спустя два дня в Компьенском лесу подписано перемирие между странами Антанты и Германией. Согласно статье 12 Компьенского соглашения, германские войска оставались в захваченных западных областях России «для борьбы с большевизмом». Этот день можно считать началом полномасштабной гражданской войны в Прибалтике.

Глава 9. Гражданская война в Прибалтике

Сразу же после революции в Германии в Прибалтике лопнуло марионеточное герцогство и образовалось национальное буржуазное правительство. 9 ноября Литовский совет (тариба) сформировал правительство во главе с А. Вольдемаросом.

18 ноября в Риге было создано Временное правительство во главе с Карлом Ульманисом.

11 ноября в Ревеле было создано правительство из представителей центристских партий «Союза аграриев», «Эстонской трудовой партии» и правых социал-демократов. Премьером стал Константин Пятс, заместителем премьера и министром иностранных дел – Я. Постка. Последние два еще пару лет назад работали адвокатами, Пяст был присяжным поверенным в конторе Постки.

Обратим внимание, что если Советы выбирала хоть какая-то часть населения – рабочие крупных заводов, воинские части, команды кораблей и т. д., то ни одно из этих правительств не избиралось. Все происходило по простейшей схеме: в годы войны или чуть раньше собирались группы людей, от силы несколько десятков. Затем это объединение называлось партией. Пока Вильгельм II был у власти, эти господа вели себя тихо и богобоязненно, а затем быстро смекнули, что тевтонцам скоро придется собирать чемоданы. Далее представители этих партий заявлялись в германскую комендатуру – вот мы хотим быть правительством «белым и пушистым». Германские офицеры презирали эту публику, но в сложившейся обстановке вынуждены были терпеть.

Советское правительство аннулировало условия Брестского мира, и части Красной Армии повсеместно перешли демаркационную линию. 25 ноября 1918 г. был занят Псков, а через три дня после упорного боя с германскими частями и поддерживавшими их отрядами белоэстонцев была занята Нарва. Наступая вдоль южного берега Финского залива, красные 16 декабря заняли Кунду, и к началу января 1919 г. части 7-й армии находились в 30–35 км от Ревеля.

11 декабря 1918 г. в Ревеле создается Революционный совет. Однако восстание рабочих было подавлено немцами и белоэстонцами.

В то же время левый фланг 7-й армии после занятия Пскова развивал наступление на валкском направлении. 18 декабря 1918 г. части Красной Армии заняли Валку и начали продвижение к Риге. 31 декабря части латышской стрелковой дивизии завязали боевые действия против латышско-немецко-русского ландесвера под Ригой, где 3 января 1919 г. вспыхнуло восстание рабочих. К исходу дня Рига была освобождена, а правительство Ульманиса бежало в Либаву. Красные части, действовавшие севернее Риги, подходили к Пернову и Вильянди.

К началу января 1919 г. линия фронта[353] проходила примерно в 40 км западнее Риги, чуть западнее Митавы, западнее Двинска, взятого 9 декабря, и западнее Минска, взятого 10 декабря 1918 г.

Созданная в Пскове белая Северная армия «отступала с белыми», а на самом деле разбежалась: кто – в Ревель, кто – в Ригу, кто – в Митаву, а оттуда – в Либаву.

Но тут в события в Прибалтике вмешались наши заклятые друзья англичане.

Их войска еще до начала полномасштабной гражданской войны в России оказались по всему периметру бывшей империи – в Мурманске, Архангельске, Карелии, Прибалтике, Крыму, на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Причем, вопреки сказкам советских историков, англичане не собирались восстанавливать царский режим и вовсе не желали быстрой победы белой армии. Англии в 1918–1920 гг., как и сейчас Америке, не нужна была ни царская, ни советская, ни демократическая Россия. В лучшем случае англосаксы согласны на Московское княжество в границах XV века.

Сразу же после перемирия с Германией британское адмиралтейство направило 6-ю эскадру легких крейсеров, флотилию эсминцев и большой транспорт с грузом вооружения и боеприпасов для белогвардейцев и прибалтийских националистов. Командовал соединением контр-адмирал Александер Синклер. 28 ноября 1918 г. британская эскадра была уже в Копенгагене. После краткого захода в Либаву англичане двинулись в Финский залив. В ночь с 4 на 5 января 1919 г. на мине подорвался и затонул британский крейсер «Кассандра». Зато британский транспорт «Принцесса Маргарет» сумел выгрузить в Ревеле несколько тысяч винтовок, пулеметы и 76-мм зенитные орудия, которые немедленно были отправлены на фронт.

С 15 декабря 1918 г. британские крейсера и эсминцы начали систематический обстрел красных частей на правом фланге 7-й армии. После 20 декабря к ним присоединилась канонерская лодка «Лембит» (бывшая русская канонерка «Бобр», захваченная 3 апреля 1918 г. немцами на Аландских островах и переданная ими белоэстонцам).

Балтийский флот, несмотря на подавляющее превосходство по числу кораблей и огневой мощи, не смог оказать достойного отпора англичанам. Отчасти это было связано с ледоставом в районе Кронштадта. (В западной части Финского залива лед встает позже, а то и вообще море не замерзает.) Но главной причиной стали низкий уровень дисциплины военморов и бездарность красного командования. Так, 26 декабря турбинные эсминцы «Спартак» и «Автроил» под командованием Федора Раскольникова вышли на разведку и в исправном состоянии сдались англичанам. Позже Троцкий выменял Раскольникова на 17 британских офицеров. А оба эсминца под названиями «Леннук» и «Вамбола» вошли в состав эстонского флота.

На помощь белоэстонцам в Ревель прибыли сотни белых офицеров и отдельные финские части. Следует заметить, что немцы, освобождая из плена царских офицеров, старались направлять их в Прибалтику, чтобы те смогли принять участие в Гражданской войне.

Лишь активное участие в боевых действиях англичан, финнов и белогвардейцев предотвратило взятие Ревеля красными и вынудило их части отойти на восток.

19 апреля 1919 г. на базе Северного корпуса в Эстонии была создана белая Северо-западная армия. До 2 октября 1919 г. ей командовал генерал-майор А. П. Родзянко (в ноябре 1918 г. он сам себя произвел в генерал-майоры), а затем генерал от инфантерии Н. Н. Юденич.

11 августа 1919 г. британский генерал Ф. Марш у себя в кабинете в Ревеле сформировал «Правительство русской Северо-Западной области» («Северо-Западное правительство»). Председателем Совета министров и министром иностранных дел стал нефтяной магнат С. Г. Лианозов, военным министром – Юденич, морским министром – контр-адмирал Пилкин. Замечу, что иных «морских сил», кроме трех канонерок Чудской флотилии, у этого правительства не было. Для начала

«борцы за единую и неделимую» признали независимость Эстонии, а заодно пообещали Маннергейму отдать Великой Финляндии Карелию и Кольский полуостров.

Даже Колчак отказался признать «Северо-Западное правительство», зато в августе 1919 г. Юденич лично получил от англичан 860 тыс. фунтов стерлингов.

К лету 1919 г. Северо-Западная армия насчитывала около 50 тысяч человек, располагала 56 орудиями, четырьмя бронепоездами, шестью танками, двумя бронеавтомобилями и шестью самолетами.

15 мая Северная армия прорвала фронт на участке Нарва – Гдов и к 19 мая заняла позиции в 45 км западнее линии Ораниенбаум – Гатчина. С моря их поддерживала британская эскадра и довольно мощный для опереточной эстонской армии флот – эсминцы «Вамбола», «Леннук», канонерские лодки «Лембит» и «Ташия» (русский ледокол «Геркулес», вооруженный одной 130-мм и двумя 75-мм пушками). При этом английский крейсер «Кюрасао» подорвался на мине и был уведен в Англию на ремонт.

Британская авиация базировалась в Финляндии и регулярно бомбила Кронштадт и корабли Балтийского флота.

В конце июня – начале июля английский флот был усилен крейсерами «Дели», «Даная», «Дентлесс» и «Каледан», а также базой гидросамолетов «Виндиктив» (12 машин). Однако долго плавать на Балтике «Виндиктиву» не пришлось. 6 июля он налетел на камни у Выборга и ушел на ремонт в Англию.

30 июня в Биоркэ прибыло еще семь торпедных катеров, и еще один затонул при буксировке в Балтийском море. Несколько позже в Финский залив прибыл монитор «Эребус» с 381-мм артиллерией.

В ночь с 17 на 18 августа 1919 г. английские торпедные катера атаковали корабли Балтийского флота в Кронштадтской гавани. Пять катеров вышли из Биоркэ и два катера – из Териоки. Они встретились в районе форта «Ино», а оттуда пошли Северным фарватером к Кронштадту. В результате атаки был поврежден старый линкор «Андрей Первозванный» и потоплен старый крейсер «Память Азова», который использовался как база подводных лодок. При этом три катера были потоплены огнем эсминца «Гавриил».

31 августа подводная лодка «Пантера» у острова Сескар потопила английский эсминец «Витторна», а 4 сентября на русском минном заграждении погиб однотипный с «Витторной» эсминец «Верулам».

11 октября войска Юденича начали наступление на Петроград. 17 октября была взята Гатчина, а через три дня – Детское (Царское) Село и Павловск. Однако 21 октября красные части перешли в контрнаступление. К 1 декабря Северо-западная белогвардейская армия была окончательно разбита, уцелевшие части отступили за реку Нарову в Эстонию, где 5 декабря 1919 г. были интернированы.

В декабре 1919 г. британская эскадра покинула Финский залив. Теперь эстонскому правительству лишь оставалось заключить мир с большевиками. Что же касается генерала Юденича, то он убыл в Париж, где немедленно приобрел особняк за 3 млн франков, а еще 9 миллионов положил в несколько банков. (О сих операциях славного генерала поведала белогвардейская газета «Русское слово»).

31 декабря 1919 г. в городе Юрьеве (Тарту) было подписано перемирие между Эстонией и Советской Россией, а 2 февраля 1920 г. там же заключен мир. Согласно его условиям, Россия признала независимость Эстонии. Государственная граница между РСФСР и Эстонией устанавливалась в основном по линии старой границы с Эстляндской и Лифляндской губерниями с присоединением к Эстонии двух районов.

Первый: Между течением реки Наровы и участком от Нарвского залива до Чудского озера по линии Ропша – Илькино – Кеикино – Извоз – Кобыляки – Кривая Лука – Печурки – слияние трех истоков реки Втроя и отсюда до деревни Куричек, южнее которой граница пересекала берег Чудского озера и шла далее по старой линии границы, следовавшей по акватории озера. и делящей его по фарватеру на западную и восточную половины вплоть до выхода из Псковского озера у Поддубья, откуда начинался второй участок.

Второй: Между старой линией границы, существовавшей до 1917 г. между Псковской губернией и Лифляндией, и участком, ограниченным линией Поддубье – Грящище – Махинцы – Новая – восточнее

озера Поганово – западнее Выморски, далее линия поворачивала на запад к деревне Спрехтичи и от нее к югу до фольварка Кудепи.

Таким образом, к Эстонии прирезывалась от России полоса шириной от 10 до 25 км, проходящая к востоку от старой границы, идущей по естественным рубежам (течению реки Наровы и озерам Чудскому и Псковскому). Эта полоса становилась нейтральной (демилитаризованной) зоной на все время действия договора. Так были отторгнуты исконно русские земли, никогда в истории не переходившие ни к Ливонии, ни к Швеции, ни к иным государствам.

Кроме того, договор 1920 года содержал статьи о безвозмездном отказе РСФСР от прав на бывшее российское имущество на эстонской территории, о выплате Эстонии золотом 15 млн рублей, о возврате в Эстонию культурных ценностей, освобождении Эстонии от ответственности за долговые обязательства России.

Думаю, что сейчас трудно осудить Ленина и Троцкого за подписание столь невыгодного и унизительного мира. Россия по-прежнему была в кольце фронтов. А вот о чем думали Пятс и Ко, унижая великую державу, совершенно непонятно. Преступник, приставивший нож к горлу человеку, находящемуся в беспомощном положении, должен рано или поздно понести ответственность. Наши либералы оплакивают «несправедливо осужденных» в 1940 г. политиков и офицеров Эстонии. Ну что ж, они получили свое хотя бы за один Юрьевский договор.

Почти также как в Эстонии развивались события и в Латвии. В январе 1919 г. на освобожденных от германских войск территориях края была сформирована Армия Советской Латвии, а в марте – даже Военная флотилия Советской Латвии. Последняя состояла из двух отрядов: Приморского с базой в риге и Речного с базой в Витебске.

13—16 января 1919 г. I Вселатвийский съезд советов в Риге провозгласил создание Латвийской Социалистической Советской Республики и принял конституцию, за основу которой положил конституцию РСФСР. Во главе правительства стал П. И. Стучка.

Однако германскому генералу фон-дер-Гольцу, «черному рыцарю», как окрестила его буржуазная печать Курляндии, удалось собрать в районе Либавы 50-тысячную армию. Большинство из этого воинства были немцы и около 10 тысяч белых офицеров во главе с П. Р. Бермондтом, который в ноябре 1919 г. объявил себя князем Аваловым.

Замечу, что и белые офицеры, и немцы были классическими наемниками. Дабы не быть голословным, процитирую рассказ командира роты Балтийского ландвера К. И. Дыдорова: «К числу таких обывательских причин я лично отношу и то особое соглашение между представителями Германии и правительством Латвии, по которому все добровольцы и весь командный состав Германии числились на службе у Латвии.

По этому особому соглашению, заключенному еще в Риге 29 декабря 1918 года, сказано в пункте первом: “Временное правительство Латвии согласно признать по ходатайству о том все права, гражданства в Латвии за всеми иностранцами, состоящими в армии и прослужившими не меньше 4 недель в добровольческих частях, сражающихся за освобождение Латвийской территории от большевиков”. Соглашение это было подписано с германской стороны Виннингом, а с латвийской – председателем совета министров К. Ульманисом и министрами Паэгле и Залитом»[354].

22 мая войска Гольца захватили Ригу.

По свидетельству Дыдорова, в штурме города участвовали аж две (!) латышские роты. Латышское советское правительство бежало в город Резекне.

В Митаве был создан прогерманский «Русский Западный Правительственный Совет» («Западно-русское Правительство») во главе с графом А. П. Паленом.

В октябре 1919 г. немцы и белогвардейцы овладели городом и крепостью Двинск.

Но еще до этого несколько белых частей под командованием Бермондта-Авалова двинулись на Ригу, чтобы свергнуть правительство Ульманиса, которое начало заигрывать с англичанами. К концу октября воинство Бермондта-Авалова заняло предместье Риги.

Немедленно к Риге подошли английская и французская эскадры, и туда же были переброшены белоэстонские части. Войска Бермондта-Авалова потерпели поражение и в начале декабря отошли сперва в Либаву, а затем на территорию Германии. Там русские части были сведены в «Русский отряд на территории Германии» (всего около 5 тыс. человек), размещенный в лагере Альтенграбен, а затем в городе Магдебурге. По требованию Антанты генерал Гольц и германские войска в начале октября 1919 г. тихо покинули Прибалтику.

Советское правительство имело физическую возможность свергнуть правительство Ульманиса, но из-за тяжелой обстановки на других фронтах и в народном хозяйстве страны решило заключить мир. 13 января 1920 г. ЦИК Латвийской Социалистической Советской республики объявил о самороспуске. А 30 января в Москве было подписано перемирие между РСФСР и Латвией.

11 августа 1920 г. в Риге стороны подписали окончательный мирный договор. Согласно договору, к Латвии присоединялась бывшая третья часть Витебской губернии, так называемая Латгалия (Малые Ифлянты).

Новая русско-латвийская граница проходила от фермы Шафраново до города Друя, оттуда на Новое Село, затем поворачивала к северу на Пазино, огибая западнее Росицу и продолжаясь оттуда до Полищино, откуда шла в сторону Себежа, огибая станцию Посиня с востока, а оттуда продолжалась в северном направлении до озера Синее, вдоль реки Синяя с запада, сворачивая у Ровнова до озера Петель и оттуда по реке Лжа продолжалась до Старины, а затем до Малы Мельница – Умерниши и оттуда по реке Кухва до Дубинино и далее по реке Опочка до стыка с русско-эстонской границей.

Экономические статьи договора были явно невыгодны России:

Латвия получала полное право на имущество Российской империи, находящееся на ее территории, а также вывезенное после 1 августа 1914 г.

Россия возвращала Латвии за свой счет эвакуированные из нее во время войны 1914–1918 гг. ценности, а также библиотеки, архивы и т. п.

В счет возвращаемых ценностей Россия передавала Латвии авансом 44 млн рублей золотом в двухмесячный срок.

Россия освобождала Латвию от ее доли долговых и прочих финансовых обязательств по отношению к России и другим кредиторам Российской империи.

Россия предоставляла Латвии право на лесоразработки с площади 100 тыс. десятин на территории РСФСР.

Глава 10. Государства-лимитрофы

Подробное изложение последствий Версальского договора выходят за рамки нашей работы, но именно этот «разбойный мир» стал главной причиной Второй мировой войны. В истории неоднократно бывало, что победители навязывали побежденным несправедливые и оскорбительные условия мира. Но тут был особый случай.

Ни Германия, ни Россия не были побеждены военной силой. Вина за развязывание мировой войны лежит в равной степени как на правительствах Германии и Австро-Венгрии, так и на правительствах Англии, Франции и России.

Бедственное положение, в котором оказались Германия и Россия в 1918 г., было связано с прошедшими там революциями, в ходе которых к власти пришли люди, не имевшие никакого отношения к развязыванию войны. Казалось, почему бы Англии, Франции и США не заключить честный мир без аннексий и контрибуций, к которому давно призывали большевистская и другие левые партии?

Увы, правительства Антанты даже не пригласили в Версаль представителей Советской России. Две великие державы, имевшие самые сильные в мире армии, Германия и Россия, были насильственно расчленены. Причем новые границы были установлены вопреки этническим границам расселения народов, вопреки воле народов, без учета исторических и культурных факторов. По словам В. И. Ленина, Версальский мир создал мировой порядок, державшийся на вулкане. В другом месте

Ленин утверждал, что, подписав Версальский договор, «мировая буржуазия» нанесла сама себе наиболее страшный удар.

А вот свидетельства из другого лагеря. Британский премьер Ллойд Джордж в 1918 г. сказал: «Не надо создавать новую Эльзас-Лотарингию». Он имел в виду Польшу, но это равно подходит и к прибалтийским государствам.

А 25 марта 1919 г. Ллойд Джордж прислал президенту Франции Клемансо и президенту США Вильсону меморандум, озаглавленный «Некоторые замечания для мирной конференции до составления окончательного проекта мирных условий». В меморандуме премьер писал: «Вы можете лишить Германию ее колоний, довести ее армию до размеров полицейской силы и ее флот до уровня флота державы пятого ранга. В конечном итоге это безразлично: если она сочтет мирный договор 1919 г. несправедливым, она найдет средства отомстить победителям»[355].

Январь 1933 года. Маленький городок Ментона на Лазурном берегу на юге Франции. Умирающий старик торопится закончить свои «Воспоминания». Он выводит: «Мне было ясно тогда, неспокойным летом двадцатого года, как ясно и сейчас, в спокойном тридцать третьем, что для достижения решающей победы над поляками Советское правительство сделало все, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство. Какой бы ни казалось иронией, что единство государства Российского приходится защищать участникам III Интернационала, фактом остается то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I: защищать рубежи государства любой ценой и шаг за шагом пробиваться к естественным границам на западе! Сейчас я уверен, что еще мои сыновья увидят тот день, когда придет конец не только нелепой независимости прибалтийских республик, но и Бессарабия с Польшей будут Россией отвоеваны, а картографам придется немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке»[356].

Через месяц состоялись скромные похороны великого князя Александра Михайловича, внука императора Николая I. Большевики убили двух его братьев, лишили его титула, звания полного адмирала, дворцов в Петербурге, Стрельне и Хараксе… Какое же надо было иметь мужество и аналитический ум, чтобы написать эти строки!

Западные политики самостийные государства, созданные на территории бывшей Российской империи, окрестили лимитрофами, по аналогии с государственными образованиями по краям Римской империи. Название «лимитрофы» произошло от латинского слова «лимитрофус» (пограничный, питающий). В «Малой советской энциклопедии», изданной в Москве в 1929 г., говорится, что независимость государств-лимитрофов весьма относительная, и они полностью зависят от Англии и Франции.

В 1922–1938 гг. СССР проводил очень осторожную внешнюю политику. Наше правительство постоянно шло на уступки в политических и экономических вопросах соседям как на Западе, так и на Дальнем Востоке. Сейчас эти уступки нам кажутся унизительными для великой державы[357].

Так было и в отношениях с Прибалтийскими государствами. 28 сентября 1926 г. в Москве был заключен «Советско-литовский договор о ненападении и мирном разрешении пограничных конфликтов», а 4 мая 1932 г. аналогичный договор был заключен в Москве с Эстонией. Согласно его условиям: «Стороны взаимно гарантируют неприкосновенность границ, определенных мирным договором от 2 февраля 1920 г. и обязуются воздерживаться от нападения одна на другую.

Стороны обязуются не принимать участия в политических соглашениях, направленных явно против другой стороны, а также во враждебных экономических или финансовых коалициях, имеющих целью подвергнуть другую сторону бойкоту»[358].

Оба договора после их продления имели срок действия – 1945 год (включительно).

Представляю, как обрадуется читатель-«либерал»: «Вот это коварство Сталина, заключил договор о ненападении, а в 1940 году напал…» Ну, до 1940 года мы еще дойдем, а вот посмотрим, как выполняла договор Эстония в 1930-х годах.

В феврале 1930 г. в Таллине начались первые переговоры Эстонии и Финляндии о военном сотрудничестве. На этом совещании стороны решили попытаться наглухо забить «окно в Европу»,

прорубленное Петром Великим, то есть готовились к морской блокаде СССР. Как блокировать? Ведь в 1930 г. Балтийский флот был сильнее как минимум на порядок флотов Финляндии и всех трех прибалтийских республик вместе взятых.

Да, действительно, в открытом море один линкор «Марат» за полчаса перетопил бы все флоты лимитрофов. Но тут дело было не столько в кораблях, сколько в географии и береговой артиллерии.

Еще в ходе Первой мировой войны Россия в самом узком месте Финского залива, на его южном и северном берегах построила десятки мощных береговых батарей, вооруженных новейшими орудиями калибра 305 мм, 254 мм, 234 мм, 203 мм и 152 мм. Подавляющее большинство этих батарей в целости и сохранности достались финнам и немцам.

С 1922 г. и финны, и эстонцы затратили большие средства на приведение в порядок береговых батарей и их модернизацию. В итоге при попытке прорыва корабли Балтийского флота должны были пройти около 100 км под огнем 305-мм орудий, одновременно стрелявших с финского и эстонского берегов и островов. А на расстоянии около 70 км залив с обеих сторон перекрывался огнем 254-мм, 234-мм, 203-мм и 152-мм орудий. В самом узком месте Финского залива по советским кораблям за 5 минут можно было выпустить до 1000 снарядов крупного калибра. Данные о подготовке к заграждению Финского залива были совсем недавно опубликованы профессором Хельсинкского университета Яри Лескиненом.

Обе страны готовились перекрыть залив несколькими рядами минных заграждений. За минными заграждениями на всякий случай должны были дежурить семь современных подводных лодок (пять финских и две эстонские).

Штабы обеих стран до деталей согласовывали проведение операций по заграждению залива. Ежегодно летом, начиная с 1930 г., оба флота проводили секретные маневры по постановке минных заграждений. В ходе учений 1936 г. береговые батареи финнов и эстонцев обстреливали реальные цели в центре Финского залива.

Любопытна и позиция нейтральной Швеции. Она еще в 1930 г. заключила секретное соглашение с Финляндией и Эстонией, что в случае их конфликта с СССР она не будет формально объявлять войну России, но пошлет в эти страны свои сухопутные части, корабли и самолеты под видом добровольцев.

Финско-эстонский барьер был неприступен для Балтийского флота как в 1930 г., так и в 1939 г. Это подтвердила и советско-финская война 1939–1940 гг., в ходе которой линкорам и крейсерам Балтийского флота не удалось полностью подавить ни одной финской береговой батареи. «Прорубить окно в Европу» могла только Красная Армия.

Знали ли в Москве о вопиющих нарушениях Эстонией договора о ненападении? Разумеется, знали, но Сталину ничего не оставалось, как до поры до времени прикидываться дурачком, которого легко обвести вокруг пальца.

Определенную опасность для Советского Союза представляли и сухопутные силы государств-лимитрофов. Разумеется, в одиночку они не смогли бы вести боевые действия, а вот в случае большой войны с государствами Европы и нашей страной они вполне могли напасть на своего восточного соседа. Согласно «Записке начальника генштаба Красной Армии Наркому обороны СССР Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову о наиболее вероятных противниках СССР» от 24 марта 1938 г., «Финляндия, Эстония и Латвия развертывают 20 пехотных дивизий, 80 танков и 436 самолетов»[359]. Там же говорилось: «Что же касается Латвии, Финляндии и Эстонии, то при их выступлении или же нарушении Германией их нейтралитета нужно считаться с появлением германских войск на их территориях.

Хотя немцы сейчас и помогают Латвии в строительстве железных дорог, однако железнодорожный транспорт этого государства не позволяет развернуть на его территории большие силы. Все же нужно считаться с появлением на территории Латвии 10–12 германских дивизий. Перевозка этих сил может быть совершена как по железным дорогам, так и морем.

В империалистическую войну германское командование стремилось цементировать армии союзников включением в них своих частей. Поэтому весьма вероятно, что на территории Эстонии и Финляндии появятся германские дивизии.

Армии этих государств, весьма вероятно, будут направлены германским командованием для концентрического удара на Ленинград и вообще на отрезание Ленинградской области от остальной территории СССР»[360].

Предоставлю читателю самому судить, насколько прогноз, сделанный в марте 1938 г., оправдался летом 1941 г.

Несколько слов стоит сказать о внутренней политике лимитрофов. Начну с того, что никакой демократии в Прибалтике и на дух не было.

Так, в ответ на успехи компартии Эстонии на выборах Госсобрания второго созыва эстонская охранка отметила день смерти Ленина 21 января 1924 г. волной массовых арестов. Были разгромлены и закрыты 185 обществ и организаций, арестовано около 200 левых депутатов разных уровней. В феврале 1924 г. на таллинском «процессе 12» были осуждены И. Лауристин, Я. Томп, Э. Рынгелепп, А. Ваарман и другие. В результате репрессий численность компартии (около 2000 человек) начала сокращаться. А 27 ноября 1924 г. в Таллине завершилась очередная судебная расправа – «процесс 149». Подсудимый Я. Томп, председатель ЦС профсоюзов и депутат парламента, за возглас «Да здравствует рабоче-крестьянское правительство!» был немедленно подвергнут военно-полевому суду и расстрелян. Были приговорены к пожизненной каторге 39 человек: Г. Абельс, Х. Аллик, Х. Арбон, А. Веймер, Я. Камберг, П. Кээрдо, О. Кюннапуу, Л. Лайд, Э. Моргенсон, Л. Рейнсон, И. Саат, В. Сасси, О. Сепре и другие. Семерым несовершеннолетним (Р. Буш, А. Вальдсак, Л. Вельс, А. Резев и др.) пожизненную каторгу «милостиво» сократили до 15 лет.

«В 1920-х годах рост заработной платы эстонских рабочих резко отставал от роста цен. Номинально заработок увеличивался, но реальная зарплата в 1924–1928 годах была даже намного ниже уровня 1913 года. Кодекс законов о труде, действовавший в Эстонии, был принят еще царским правительством, однако даже он не всегда соблюдался. В марте 1926 года Государственное собрание Эстонии приняло закон о компенсации за земли, отчужденные у помещиков на основании аграрного закона 1919 года, причем сумма компенсации превышала ту сумму, которую крестьяне когда-то уплачивали помещикам при освобождении от крепостной зависимости. Согласно новому закону, крестьяне, поселившиеся на отчужденных землях, фактически превращались на 60 лет в должников помещиков и их банкиров-посредников (именно такой срок потребовался бы на выплату компенсаций за землю при среднем доходе крестьянина)»[361].

Правящей партией в Эстонии долгое время был «Союз земледельцев». Вопреки своему названию он представлял в основном интересы крупных собственников и ориентировался на Англию и США. Лидерами «Союза земледельцев» были Константин Пятс и генерал Йохан Лайдонер.

Крупнейшей оппозиционной партией с 1930 г. стал «Союз ветеранов освободительной войны» (в стране их называли партией «вапсов»). Лидерами «Союза…» были Сирк, Ларка и доктор Хялмар Мяэ, позже, в годы гитлеровской оккупации, возглавивший «Эстонское самоуправление». Вапсы боролись за создание фашистской диктатуры по германскому образцу.

Весной 1934 г., накануне выборов главы государства по новой конституции, премьер-министр Пятс решил не испытывать судьбу. Он сменил начальника штаба армии вапса Ю. Тырванда и 12 марта 1934 г. вывел на улицы Таллина войска. Лидеры вапсов были арестованы, их газеты и организации запрещены, в стране объявлено военное положение.

Государственный переворот свершился, в Эстонии была установлена диктатура Пятса, выборы отложены на неопределенный срок, парламент распущен «на летние каникулы», а затем 2 октября вовсе ликвидирован. Все партии были запрещены, а затем принудительно слиты в единый «Отечественный союз» («Изамаалиит»). В результате репрессий численность компартии снизилась до 400 человек.

В 1936 г. в Эстонии был проведен референдум о принятии новой конституции, при подготовке которого правительство издало секретный циркуляр, предназначенный органам исполнительной власти на местах. В циркуляре говорилось, что «к голосованию не надо допускать таких лиц, о которых известно, что они могут голосовать против национального собрания… Их надо немедленно препровождать в руки полиции». На выборах в парламент кандидатов могли выставлять только «общественные комитеты» из членов «Изамаалиита» или «Кайтселиита» (военизированной

организации наподобие национальной гвардии), к тому же под строгим контролем полиции. В 50 округах из 80 выборы вообще не проводились под тем предлогом, что в них все равно выдвинуто по одному кандидату, а значит, и выбирать незачем. Однако там, где выборы состоялись, число голосов, поданных за правительственных кандидатов, составило менее 50 % (например, в Таллине и Вильянди – 10–20 %). Согласно новой конституции, парламент отныне состоял из двух палат: первая палата (Государственная дума) была выборной, вторая (Государственный совет) состояла из людей, которых назначал сам президент или которые входили туда по должности (в том числе епископы, члены правительства). Президент мог в любое время распустить Государственное собрание или отменить принятые им законы[362].

Историк М. Ю. Крысин писал: «В 1937 году было продано с аукциона рекордное число разорившихся крестьянских хозяйств – 7923. Сумма задолженности крестьянских хозяйств в 1940 году составила 150 миллионов крон. Зато правительством поощрялась скупка земель крупными собственниками – некоторым из них удавалось сосредоточить в своих руках по 3–4 и более усадеб, общей площадью от 100 до 600 гектаров. Например, барон Врангель сосредоточил в своих руках в уезде Вирумаа более 1 тысячи гектаров земель. Таким же путем большинство помещиков вновь восстановило свои владения. Права народа также все более ограничивались, чему служили принятые новым парламентом “Закон об обществах и союзах”, “Закон о профессиональных обществах работополучателей и их союзах”, “Закон о собраниях” и другие. Вся их деятельность должна была строиться “в государственном духе”, любое неодобрение политики правительства вело к их запрету. Полиция имела право под этим предлогом закрыть любую газету или общество. Права профсоюзов были фактически упразднены – любые их акции протеста квалифицировались как “наносящие вред народному хозяйству” или “ направленные на достижение политических целей”.

На основании “Закона о городах” и “Закона об уездах” полномочия бургомистров, волостных и уездных старшин были расширены настолько, что “даже в царской России власть этих должностных лиц не простиралась так далеко”.

В довершение всего, в 1938 году были созданы так называемые “лагеря для лодырей” – лагеря для принудительного труда безработных. В них заключали на срок от 6 месяцев до 3 лет всех “шатающихся без работы и средств к существованию”.

Там для них был установлен тюремный режим, 12-часовой рабочий день и телесные наказания розгами. Говоря о “лагерях для лодырей”, так и хочется вспомнить известную детскую сказку, где полицейский в «стране дураков» обвиняет Буратино в совершении “страшного преступления”, которое заключалось в том, что тот “беспаспортный и безработный субъект”. Что было дальше, всем известно – Буратино бросили… не в лагерь, а в пруд. Однако шутки шутками, а вполне реальные “лагеря для лодырей” в Эстонии, по сути, были прототипом концлагерей и гетто, созданных позднее гитлеровцами по всей Прибалтике»[363].

В феврале 1922 г. в Риге Учредительное собрание принимает конституцию. Латвия становится республикой с парламентом (сеймом) из 100 депутатов, избираемых на три года. Провозглашенные в конституции принципы демократии были нарушены уже при подготовке к выборам.

Так, избирательные списки кандидатов от профсоюзов были отклонены. Проводились массовые аресты коммунистов и профсоюзных активистов. Только 11 июня 1921 г. было казнено два члена ЦК компартии Латвии и 7 активистов. В результате победили только националистические партии. Из 100 депутатских мест социал-демократы (меньшевики) получили 38, «Крестьянский союз» Ульманиса – 17 мест.

В 1920 г. в Латвии латыши составляли 72,8 % населения, русские – 7,8 %, евреи – 5,0 %, немцы – 3,6 %. Для национального состава населения послевоенной Латвии было характерно заметное увеличение численности русских со 125 тысяч в 1920 г. до 207 тысяч в 1935 г. Численность русскоязычного населения была еще выше. Так, в 1930 г. в Латвии доля русских по национальности составляла 10,6 %, а считали русский язык родным 13,3 %.

Однако с 1920 г. по 1934 г. количество русских основных школ сократилось в полтора раза при существенном увеличении латышских школ. Одной из причин этого стали принятые в начале 1932 г. «Правила о государственном языке», которые значительно повысили роль латышского языка в управлении и быту.

В ночь с 15 на 16 мая 1934 г. активисты партии «Крестьянский союз» при поддержке армии и военных отрядов «Айзсаргов» совершили государственный переворот.

Было сформировано правительство во главе с Ульманисом. Он немедленно ввел в стране военное положение сроком на 6 месяцев, но позже его продлил на 6 лет.

На следующий после переворота день «Айзсарги» устроили в Риге сожжение запрещенных книг по образцу германских штурмовиков. Все политические партии и организации запрещались, а введенное военное положение давало право подавлять все выступления против правительства. Так, 16 мая была расстреляна демонстрация коммунистов, а 17 мая новое правительство, пустив в ход оружие, подавило стачку рабочих деревообрабатывающих предприятий.

Сразу после прихода к власти Ульманис создает целый ряд концлагерей для «инакомыслящих», в основном для коммунистов и лидеров профсоюзов. Один из таких лагерей находился в Лиепае (Либаве), а другой – в Калнциемских каторжных каменоломнях.

Права национальных меньшинств в Латвии были ограничены. Школы национальных меньшинств подчинили общему руководству Министерства просвещения. Оно стимулировало обучение детей в латышских школах. Началась довольно быстрая ассимиляция представителей национальных меньшинств в латышскую среду, особенно в смешанных семьях.

В 1939 г. правительство Ульманиса издало «Закон о предоставлении работы и распределении рабочей силы». Согласно новому закону, теперь без разрешения Центрального управления труда рабочий не мог сам выбирать работу. «В соответствии с законом, предприятиям Вентспилса, Даугавпилса, Лиепаи, Елгавы и Риги запрещалось принимать на работу людей, которые в течение последних 5 лет (то есть со дня переворота 1934 года) не жили постоянно в перечисленных городах. Центральное управление труда в принудительном порядке отправляло рабочих на лесо– и торфоразработки и в кулацкие хозяйства. Зарплата была нищенской – 1–2 лата в день – и позволяла лишь с трудом существовать. Вся страна фактически была превращена в большой концлагерь, и неудивительно, что среди рабочих нередки были случаи самоубийств. Не легче было и положение малоземельных крестьян. Налоги с крестьянских хозяйств составляли 70 % бюджета государства в 1938–1938 годах»[364].

В Литве коммунистическая партия находилась под запретом. Поэтому III съезд компартии Литвы пришлось провести в Германии, в Кёнигсберге.

15 февраля 1922 г. Учредительный сейм Литвы принимает закон о земельной реформе. Суть реформы заключалась в конфискации крупных землевладений (в основном польских помещиков) и разделе земли среди новых поселенцев. Реформа носила очень ограниченный характер и была направлена против поляков.

Правительство Литвы в 1920–1923 гг. добивалось передачи важного балтийского порта и города Мемеля и прилегающей области. До 1918 г. Мемель принадлежал в течение нескольких столетий Пруссии. Согласно Версальскому договору, Мемельская область была отдана под управление стран Антанты и оккупирована французскими войсками.

16 января 1923 г. в Мемельскую область вторглись переодетые в штатское литовские войска и военизированные молодежные отряды. Им удалось завладеть Мемелем, причем был убит один французский солдат. Если бы он был убит где-нибудь в Индокитае, то французское правительство немедленно устроило бы кровавую карательную экспедицию, но здесь решило не связываться. Наоборот, многие французы радовались, что литовцы насолили «проклятым бошам». Заняв Мемель, литовцы переименовали его в Клайпеду.

16 февраля 1923 г. конференция послов западных государств приняла решение о передаче Литве суверенных прав на Клайпеду и область (на условиях автономии и права использования Клайпедского порта Польшей).

Перепись в Клайпедской (Мемельской) области, предпринятая литовскими властями в 1925 г., показала, что литовцы, несмотря на два года правления, здесь по-прежнему являются меньшинством (26,6 %). Относительное большинство составляли немцы (41,9 %), следующую значительную группу составляли «мемельцы» (24,2 %), остальные жители были представлены евреями, поляками и другими

национальностями. Кто такие «мемельцы» («мемельляндеры») – вопрос сложный. Многие считают их потомками пруссов, еще не до конца ассимилированных немцами.

17 декабря 1926 г. в Литве произошел государственный переворот, в результате которого была установлена диктатура Анастаса Сметоны. Через 10 дней по приговору военно-полевого суда было расстреляно руководство компартии Литвы.

12 апреля 1927 г. Сметона объявил себя «вождем нации» и окончательно распустил парламент. Вплоть до 1 ноября 1938 г. в стране действовало военное положение.

Итак, судьба всех трех лимитрофов была одинаковой – диктатура, отсутствие нормально функционирующего парламента, запрет политических партий. Советская пропаганда называла эти режимы фашистскими. Я думаю, это явный перебор. Сравнивать лимитрофы с Германией или даже Италией попросту смешно. Ближайшая же аналогия – диктатуры в странах Латинской Америки в 30—40-х годах XX века.

Глава 11. Московский договор и его последствия

20 марта 1939 г. министру иностранных дел Литвы Юозасу Урбшису был вручен так называемый «ультиматум Риббентропа» – требования Германии вернуть Мемельскую область. В противном случае немцы грозили восстанием местных «фольксдойче», а если хоть один из них будет убит в ходе беспорядков, то в Литву войдут части вермахта.

На следующий день Сметона принял условия Риббентропа. 22 марта германо-литовский договор о воссоединении Мемельской области с Германией был подписан.

Посланник Литвы в Москве Ю. Балтрушайтис сообщил о подробностях этих переговоров наркому иностранных дел СССР М. М. Литвинову 29 марта 1939 г.: «Риббентроп обращался с Урбшисом весьма грубо, вручив ему проект соглашения и потребовав немедленного подписания. Когда Урбшис стал возражать, Риббентроп заявил, что Ковно будет сровнен с землей, и что у немцев все для этого готово»[365].

Но правительство Литвы решило обратить потерю Клайпеды в свою пользу. 4 мая 1939 г. литовский посланник в Берлине Казис Шкирпа по заданию литовского правительства обсудил с начальником отдела Прибалтики в МИДе Германии В. Грундхерром вопрос о возвращении Литве Виленской области в случае начала германо-польской войны.

11 апреля Гитлер утвердил «Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.», в которой предусматривалось, что после разгрома Польши Германия должна взять под свой контроль Латвию и Литву. Как было сказано в приложении к директиве: «Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи»[366].

Однако Московский договор 1939 г., из конъюнктурных соображений именуемый «Пактом Молотова – Риббентропа», положил конец всем притязаниям Гитлера на Прибалтику. Одновременно СССР и Германия признали «заинтересованность Литвы в районе Вильно».

10 октября 1939 г. в Москве был подписан «Договор о передаче Литовской республике г. Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между СССР и Литвой». Согласно этому договору, в целях закрепления дружбы между СССР и Литвой Советский Союз передает Литве город Вильно и Виленскую область с установлением новой границы между СССР и Литвой.

27 октября литовские войска под командованием генерала Виткаускаса пересекли полько-литовскую границу и на следующий день вступили в Вильно.

Передача Вильно вызвала протест в Белоруссии, где этот город считали «исконно белорусским». Любопытно, что до конца сентября 1939 г. советские газеты печатали материалы об «историческом праве белорусов на Вильно». Смену ориентации нарком иностранных дел В. М. Молотов объяснил так: «Виленский край принадлежит Литве не по своему населению. Мы знаем, что большинство населения в этом регионе – не литовцы. Но историческое прошлое и стремления литовского народа тесно связаны

с городом Вильно, и правительство СССР сочло необходимым пойти навстречу этим моральным соображениям»[367].

Население Литвы в целом поддерживало заключение договора с СССР. Вот как описывал события, происходившие в Каунасе на следующий день после подписания советско-литовского договора, временный поверенный в делах СССР в Литве Ф. Ф. Молочков в своем письме от 14 октября 1939 г. на имя заведующего отделом Прибалтийских стран Наркомата иностранных дел СССР А. П. Васюкова:

«11 октября 1939 г.

С утра весь город украсился государственными флагами. На улицах царило исключительное возбуждение: люди целовались, поздравляли друг друга, обменивались мнениями и т. п. Бросалось в глаза, что главной причиной возбуждения среди уличной массы была передача Литве Вильно и Виленского края. В 11 часов дня работа учреждений, промышленных и торговых предприятий была прекращена. Рабочие и служащие были призваны демонстрировать перед Военным музеем и домом Президента… После речи Сметоны неожиданно для всех выступил журналист Палецкис.

Он заявил, что действительным виновником торжеств является СССР, а не отдельные литовские учреждения и лица, которые ничего не сделали и сделать в отношении Вильно не могли, что напрасно имя СССР игнорируется. Затем потребовал отставки правительства, как он заявил, насилия и бесправия.

Получилось замешательство. Президент при последних словах ушел с балкона.

Затем колонны демонстрантов по Лайсвес-аллее стали расходиться по домам. Однако для того чтобы эти колонны не прошли мимо здания Полпредства (находится в конце этой улицы), полиция стала направлять поток людей в боковые улицы.

Все же у здания Полпредства с криками “ура” и лозунгами по адресу Советского Союза были демонстрации: большой колонной студенты, затем группа актеров драмы Гостеатра и две огромные демонстрации рабочих…

Вечером у здания Каунасской тюрьмы собралась толпа в 300 человек, главным образом рабочих и трудовой интеллигенции. Состоялся митинг с требованием амнистии, реформ и отставки правительства.

Вызванные наряды полиции и засада митинг разогнали, сильно избив и переарестовав многих участников…»[368].

Однако в договоре с Литвой был и секретный протокол, согласно которому СССР имел право содержать на территории Литвы «20 тысяч человек наземных и воздушных сил».

Еще раньше чем с Литвой Советский Союз заключил пакт о взаимопомощи с Эстонией и Латвией. И оба пакта имели секретные приложения. Так, согласно договору, подписанному 28 сентября 1939 г. в Москве, Эстония обеспечивала за Советским Союзом право иметь на островах Сааремаа, Хийумаа и в городе Палдиски базы военно-морского флота с ограниченным контингентом обслуживающего персонала.

Базы эти сдавались в аренду. Границы баз, их точная дислокация, численность войск и цена аренды предусматривались особым соглашением.

По этому пакту базы не нарушали суверенитета Эстонии, так как участки, отводимые под базы и аэродромы, оставались территорией Эстонской республики.

Как видим, термин «ограниченный контингент» был в моде еще тогда. 10 октября 1939 г. оный «контингент» был ограничен 25 тыс. человек.

5 октября 1939 г. в Москве был подписан пакт о взаимопомощи между СССР и Латвией. Согласно ему, Латвия предоставляла СССР право на организацию военно-морских баз в городах Лиепая и Вентспилс и базы береговой артиллерии на побережье между Вентспилсом и Питрагсом для охраны Ирбенского пролива.

Все базы предоставлялись на условиях арендной платы.

СССР вводил в Латвию для охраны баз ограниченное количество советских войск, численность которых определялась особым соглашением.

С чисто военной стороны Советский Союз приобрел огромные стратегические преимущества, получив базы в Прибалтике. Следует заметить, что во многих случаях части РККА размещались в казармах, построенных русским Военным ведомством, а рядом находились могилы русских военных, служивших в этих гарнизонах в течение двух столетий. Линкоры и эсминцы становились у тех же причалов, которые они были вынуждены покинуть двадцать с лишним лет назад из-за германского наступления.

Важным моментом является и позиция Сталина осенью 1939 г. не только не форсировать процесс «советизации» лимитрофов, а наоборот, осаживать местных коммунистов.

Так, итальянский посол в Эстонии В. Чикконарди сообщал в Рим 11 ноября 1939 г.: «В настоящий момент Советский Союз не заинтересован в ускорении хода событий в Прибалтике… Когда во время прибытия русских войск в Эстонию представители местных коммунистов направились в советское полпредство, чтобы передать послание Сталину, то полпредство само попросило эстонскую полицию вмешаться и арестовать их. Утверждается, что московское правительство сообщило эстонскому правительству о своем намерении не только не одобрять ни одного движения местных коммунистов, но и оставить за эстонским правительством полную свободу противодействия этому и даже подавления, с использованием в случае необходимости крайних мер»[369].

Нарком иностранных дел Молотов для предотвращения выступлений прибалтийских коммунистов направил 23 октября 1939 г. полпреду СССР в Эстонии К. Н. Никитину телеграмму, в которой писал: «Нашей политики в Эстонии в связи с советско-эстонским Пактом взаимопомощи Вы не поняли. Из Ваших последних шифровок видно, что Вас ветром понесло по линии настроений “советизации” Эстонии, что в корне противоречит нашей политике. Вы обязаны, наконец, понять, что всякое поощрение этих настроений насчет “советизации” Эстонии или даже простое непротивление этим настроениям на руку нашим врагам и антисоветским провокаторам. Вы таким неправильным поведением сбиваете с толку и эстонцев, вроде Пийпа [член Госдумы Эстонии, министр иностранных дел Эстонии], который думает, видимо, что ему теперь необходимо говорить просоветские речи 7 Ноября. Вы должны заботиться только о том, чтобы наши люди, и в том числе наши военные в Эстонии, в точности и добросовестно выполняли Пакт взаимопомощи и принцип невмешательства в дела Эстонии, и обеспечить такое же отношение к пакту со стороны Эстонии.

Во всем остальном, в частности 7 Ноября, Вы не должны выходить за обычные рамки работы полпредства. Главное, о чем Вы должны помнить, – это не допускать никакого вмешательства в дела Эстонии»[370].

Глава 12. «Оккупация» Прибалтики

Почему осенью 1939 г. Сталин ограничился вводом в лимитрофы небольших контингентов по 20–25 тыс. человек, а в июне следующего года «оккупировал» Прибалтику?

25 октября 1939 г. Сталин заявил Димитрову: «Мы думаем, что в пактах о взаимопомощи (Эстония, Латвия и Литва) нашли ту форму, которая позволит нам поставить в орбиту влияния Советского Союза ряд стран. Но для этого нам надо выдержать – строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизации. Придет время, когда они сами это сделают!»[371]

Что это – хитрость и коварство кремлевского диктатора? Нет! За 8 месяцев ситуация в Европе кардинально изменилась. Немцы в апреле 1940 г. молниеносно захватывают Данию и большую часть Норвегии. А 10 мая вермахт начинает генеральное наступление на западе. Уже через 5 дней капитулирует голландская армия. Еще через 5 дней немцы прижимают к берегу у Дюнкерка британскую армию и часть войск Франции и Бельгии. 26 мая англичане начинают эвакуацию, а фактически бегство из Дюнкерка, бросив всю артиллерию, танки, автомобили и т. д. 28 мая капитулирует бельгийская армия.

Если в 1940 г. был бы жив Герберт Уэльс, он наверняка бы написал книгу «Два месяца, которые потрясли весь мир». С октября 1939 г. до 10 апреля 1940 г. большинство нейтральных стран,

руководство Германии, да и многие политические деятели Англии и Франции надеялись, что война так и ограничиться Польской кампанией, а в 1940 г. будет заключен компромиссный мир. Действия Сталина в Прибалтике в октябре 1939 г. – апреле 1940 г. показывают, что и он рассчитывал на мирное урегулирование в Европе в течение нескольких ближайших недель.

Здесь и далее стоит отметить, что все обличители Сталина исходят из презумпции его гениальности: мол, все западные политики – наивные люди, они-де могли ошибаться, а злодей Сталин все знал, все предвидел и посему виноват всегда и во всем.

Кроме того, Сталина серьезно удивило и напугало сопротивление Финляндии в 1939–1940 гг. А вдруг и прибалты начнут так сражаться с Красной Армией?

В июне 1940 г. советское правительство предъявило правительствам стран-лимитрофов многочисленные случаи нападений на советских солдат и другие существенные нарушения прибалтами договоров с СССР. Не вижу смысла вступать в полемику с националистическими авторами по поводу того, были ли справедливыми те или иные конкретные обвинения. Важно лишь то, что в целом советское правительство было право.

В начале 1940 г. в странах-лимитрофах произошла резкая поляризация политических сил. С одной стороны – были коммунисты и большая часть рабочих, а с другой – представители буржуазии, зажиточные крестьяне и довольно многочисленная прослойка рабочих и крестьян, обманутых националистической пропагандой. Действительно, основной упор пресса и деятели правых партий делали не на обличение национальных революционеров, а на защиту «свободы и независимости» от русских завоевателей.

У людей, одержимых величием малой нации, постоянно отказывает чувство реальности, адекватности отображения ситуации в мире. Те же поляки с удовольствием вспоминали, как они били немцев и русских в 1919–1920 гг., и были уверены, что то же повторится в 1939 г. Прибалтийские националисты сами себя уверили, что это они победили Россию в 1919 г., а теперь вот и финские друзья накостыляли Красной Армии.

Военные и политики прибалтийских стран решили создать военный союз с привлечением в него Финляндии. Объяснять, против кого был направлен этот союз, думаю, нет нужды.

В мирное время численность армий всех трех лимитрофов составляла 65 тыс. человек, а в случае мобилизации планировалось поставить под ружье 360 тысяч.

Интересен текст телеграммы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова полпредам СССР в Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии. В ней говорилось: «После подписания Эстонией, Латвией и Литвой пактов взаимопомощи с СССР Балтийская Антанта, члены которой, Латвия и Эстония, были еще раньше связаны военным союзом против СССР, не только не ликвидировалась, но усилила враждебную СССР и заключенным с ним пактам деятельность, включив в военный союз и Литву, а также стала подготавливать включение в него Финляндии. До пактов Балтийская Антанта не собиралась почти год. После подписания пактов она имела две конференции лишь на отрезке трех месяцев (декабрь 1939 г., март 1940 г.). На этих, проводившихся фактически за спиной СССР конференциях, секретно намечались способы борьбы против растущего влияния СССР в Прибалтике и против пактов взаимопомощи в частности…

Вообще, начиная с декабря 1939 года, Антанта развила исключительную, никогда в прошлом не наблюдавшуюся активность, причем во всех возможных направлениях – военном, политическом, экономическом, культурном, печати, туризме и пр. Все эти мероприятия, как в крупных, так и второстепенных областях, носили и носят на деле антисоветский характер.

В Балтийской Антанте за последние месяцы усилились секретно от СССР согласованные меры военного характера в Эстонии, Латвии и Литве»[372].

Замечу, что это не пропагандистское заявление, а совершенно секретная информация для советских дипломатов.

В сложившейся ситуации небольшие советские гарнизоны в странах-лимитрофах не только были не в состоянии отразить внешнюю агрессию, но и могли быть блокированы или уничтожены армиями лимитрофов и военизированными молодежными отрядами.

15—16 июня 1940 г. советское правительство предъявило ультиматум правительствам прибалтийских стран. В частности, ультиматум требовал создать такие правительства, которые способны были бы не только честно выполнять договор о взаимопомощи, но и активно бороться за его осуществление.

В Прибалтику были введены новые советские дивизии. Толпы людей повсеместно приветствовали Красную Армию.

Можно ли назвать такую встречу «оккупацией»? Разве так варшавяне и парижане встречали немцев? Ну ладно, там шла война, а Дания была оккупирована без единого выстрела, но вышли ли на улицы Копенгагена толпы людей, чтобы приветствовать части вермахта?

17—20 июня прежние правительства Прибалтики были распущены, а взамен образованы «народные правительства» во главе с Ю. Палецкисом (Литва), А. Кирхенштейном (Латвия) и И. Варесом-Барбарусом (Эстония). Замечу, что ни один из них не был коммунистом, и вообще в этих правительствах коммунистов практически не было.

Вслед за этим последовал роспуск ультраправых партий и вооруженных молодежных организаций.

С 1989 г. в отечественных СМИ появилось множество фантастических по глупости и лживости сенсаций, связанных с заключением пактов с государствами-лимитрофами. Вот, к примеру, М. И. Семиряга писал: «С целью принудить правительство Эстонии принять требование о заключении пакта о взаимопомощи советское руководство прибегло к военной провокации и потопило 27 сентября 1939 года в Нарвском заливе собственное торговое судно “Металлист”. Советская сторона утверждала, что судно было обстреляно “неизвестной” подводной лодкой, которая базировалась в Эстонии, и было потоплено с провокационной целью советским миноносцем путем тарана.

Об этом рассказали оказавшиеся в немецком плену в 1941–1943 гг. советские моряки. Один из членов экипажа подводной лодки Щ-303 сообщил, что его лодка в сентябре 1939 г. получила боевое задание потопить “Металлиста”. Но две выпущенные торпеды не повредили судно. Позже оно было потоплено тараном миноносца»[373].

Что же случилось на Балтике в сентябре 1939 г.? Действительно, 28 сентября 1939 г. газета «Известия» опубликовала сообщение: «27 сентября около 6 часов вечера неизвестной подводной лодкой в районе Нарвского залива был торпедирован и потоплен советский пароход “Металлист” водоизмещением до 4000 тонн». Там же говорилось, что атакованный через несколько часов подводной лодкой транспорт «Пионер» выбросился на камни в районе банки Вигрунд.

Дело в том, что с началом войны Германии и Польши пять больших польских подводных лодок вышли в Балтийское море. Три из них – «Рысь», «Бык» и «Сеп» – 16–17 сентября интернированы в Швеции, а подводная лодка «Орел» («Ожел») 15 сентября прибыла в Таллин, где тоже была интернирована. Вопреки всем морским законам, с интернированного судна не был снят боезапас, а также оставлены топливо и экипаж. В ночь с 17 на 18 сентября «Орел» покинул Таллин и ушел в неизвестном направлении. Позже поляки будут утверждать, что в начале октября «Орел» пытался, но неудачно, торпедировать германский пароход.

Что же касается «Металлиста», то тут возникли две версии. По одной из них он стал жертвой паники, охватившей экипажи наших судов после появления на Балтике пяти польских подводных лодок, и экипаж со страху покинул судно. Подобное случилось и с «Пионером», со страху севшим на мель. По второй версии «Металлист» мог быть действительно атакован (безрезультатно или с легкими повреждениями) польской подводной лодкой («Орлом» или «Волком»).

Кстати, по британской версии, подводная лодка «Волк» прибыла в Англию в конце сентября, а «Орел» – 14 октября. Но по каким-то соображениям об их прибытии объявили аж 8 декабря 1939 г.

В любом случае «Металлист» не был потоплен в сентябре 1939 г. Летом 1940 г. он неоднократно приходил с грузами на Таллинский рейд. 26 июля 1941 г. (!) «Металлист» был потоплен в военно-морской базе Ханко огнем финской береговой батареи. А подводная лодка Щ-303 с начала октября

1939 г. по июль 1941 г. находилась на капремонте в Ленинграде, на заводе № 194. Соответственно, в конце сентября на лодке сдавали боекомплект и проводили обычные мероприятия, предшествующие уходу на завод. Да и кто рискнул бы отправить на «провокацию» неисправную лодку?

Итак, мы имеем статью в газете «Известия», редакция которой получила неверную информацию или спутала версии. А спустя 63 года издательство «Высшая школа» выпускает книгу, полную клеветнических измышлений.

В июле 1940 г. в трех прибалтийских республиках прошли выборы в парламенты (сейм). В Литве в выборах приняли участие 1 386 569 человек, то есть 95,51 % всех имевших избирательное право. За кандидатов «Союза трудового народа» Литвы голосовало 1 375 349 избирателей, то есть 99,19 % участвовавших в голосовании[374]. В выборах во II Государственную думу Эстонии приняли участие 591 030 избирателей, или 84,1 % от их общего числа. За кандидатов «Союза трудового народа» Эстонии проголосовало 548 631 человек, то есть 92,8 % от числа голосовавших[375]. В Латвии в выборах участвовало 1 246 214 избирателей, то есть 94,8 %. За кандидатов «Блока трудового народа» голосовало 1 155 807 человек, или 97,8 % от общего числа проголосовавших[376].

В выборах участвовала и национальная оппозиция – либеральные партии, требовавшие сохранения и защиты частной собственности.

Естественно, в ходе выборов случались и подтасовки, в которых были повинны обе стороны. Так, в списках либералов обнаружилось немало диктаторских функционеров, которые скрывали этот факт. С другой стороны, неожиданно был принят закон, по которому отказывалось в регистрации организациям, не успевшим опубликовать избирательные платформы. В итоге число оппозиционных кандидатов сократилось до минимума: в Эстонии, скажем, остался всего один. Хотя, судя по настроению населения, вполне можно было обойтись и без этого.

Тем не менее выборы состоялись, и, как говорилось выше, явка была массовой.

На выборах присутствовали иностранные корреспонденты. В частности, американская корреспондентка Стронг писала, что люди «просто не понимали, что такое выборы» – большинство людей голосовало впервые. Так, она приводит замечательный диалог с литовской избирательницей:

– Вы за советскую Литву или за так называемую независимую Литву?

– Что я знаю о такого рода вещах?

Но Сталин, отец наш, говорит очень хорошие вещи.

– Кто вы по национальности – русская или литовка?

– Я католичка[377].

Выборы превратились в большой праздник – с пением и концертами.

Наиболее радикальные противники просоветской ориентации пытались вести на участках «агитацию против участия в голосовании и против отдельных кандидатов, а также антисемитскую агитацию… Демонстративно рвались и разбрасывались на пол избирательные карточки…» Массового характера такие действия, однако, не имели. На первые выборы после диктатуры пришло подавляющее большинство населения.

Спору нет, выборы были не особенно демократическими. Но прибалтийские националисты и русские «либералы», говоря о них, передергивают карты и говорят о массовых репрессиях, высылках в Сибирь и т. п. Да, такие явления были в Прибалтике, но через несколько месяцев после выборов.

Риторический вопрос, насколько демократичными будут выборы в Российской Федерации в 2007 г. и в 2008 г. по сравнению с выборами в июле 1940 г.? Самый умеренный ответ тут, что в обоих случаях это «выборы без выбора». Голосуй за правую партию или за «конструктивную оппозицию»! («Чуть-чуть левее, Ваше Сиятельство»). У нас забыли, что термин оппозиция произошел от слова «противоположный». Есть ли сейчас в России партия, платформа которой противоположна на 180° политике «Единой России»: в отношении собственности, по национальному вопросу, по отношению к

США и НАТО? Так было и в Прибалтике в 1940 г. – или за коммунистов, или за «конструктивную оппозицию».

Уже на первом заседании народного сейма Латвии, которое состоялось 21 июля 1940 г., была провозглашена советская власть, принята Декларация о вхождении Латвии в состав СССР, декларировано образование Латвийской ССР, а в Москву направлена просьба о принятии Латвийской ССР в состав Советского Союза.

В тот же день, 21 июля, принимаются Декларации о вступлении Литвы в СССР, о провозглашении в республике советской власти.

21 июля открывается I сессия Государственной думы в Таллине, на которой провозглашается Эстонская Советская Социалистическая республика, а на следующий день принимает Декларация о вступлении Эстонии в СССР.

3—5 августа 1940 г. на VII сессии Верховного Совета СССР принимается решение о вхождении Латвии, Литвы и Эстонии в состав Советского Союза.

Советское правительство не только не изменило навязанные РСФСР в 1919–1920 гг. границы, но и увеличило территорию Литвы. Так, СССР добился у Германии уступки Литве Вилькавишского уезда и части Мариампольского, Сеймского и Алитского уездов с населением 184 108 человек (на декабрь 1939 г.). За это, в соответствии с секретным протоколом, подписанным 10 января 1941 г., СССР согласился уплатить 7 500 тыс. долларов, что соответствовало 31 500 тыс. германских марок.

А еще раньше, в ноябре 1940 г. из состава Белорусской ССР Литве были переданы Свентяны, Солечники и курорт Друскеники. Эта территория с населением 65 тыс. человек составляла 2600 кв. км.

17 августа 1940 г. нарком обороны С. К. Тимошенко издал приказ о сохранении существующих в Эстонии, Латвии и Литве армий. При этом национальные армии преобразовывались в корпуса из двух стрелковых дивизий. Всего в каждом корпусе имелось 15 142 человека. Корпусам присваивались наименования: Эстонскому корпусу – 22-й стрелковый корпус, Латвийскому корпусу – 24-й стрелковый корпус, Литовскому корпусу – 29-й стрелковый корпус.

В состав Латвийского и Литовского корпусов сверх указанных выше частей приказывалось иметь по одному кавалерийскому полку по 1175 человек каждый.

На формирование корпусов приказывалось обратить все войсковые части и учреждения, входившие в состав Эстонской, Латвийской и Литовской армий со всем вооружением, транспортом и военным имуществом. Излишнее военное имущество после преобразования армии надлежало сдать в армейские склады.

Преобразованные корпуса включались в состав Красной Армии и подчинялись: 22-й стрелковый корпус Эстонской ССР, 24-й стрелковый корпус Латвийский ССР и 29-й стрелковый корпус Литовской ССР – командующему войсками Прибалтийского военного округа.

В 22-м, 24-м и 29-м стрелковых корпусах приказывалось сохранить существующую форму одежды, предложив снять погоны и ввести знаки различия начальствующего состава Красной Армии.

Возможно, с политической точки зрения решение оставить в неприкосновенности армии стран-лимитрофов, лишь основательно «почистив» их высший командный состав, было правильным, но в военном отношении это себя не оправдало.

Нелишне напомнить, какие события происходили в июне – августе 1940 г. в Западной Европе. 14 июня немцы взяли Париж. 17 июня новое правительство Франции во главе с маршалом Петэном предлагает Германии заключить перемирие. 22 июня в Компьенском лесу на том же месте и в том же вагоне, что и в 1918 г., было подписано перемирие, согласно которому северные и центральные районы Франции, включая все Атлантическое побережье, были оккупированы немцами.

16 июля издается Директива германского верховного командования о подготовке десанта в Англию (операция «Морской лев»). 13 августа началась первая фаза воздушной «битвы за Англию».

Германскому правительству переход Прибалтики к СССР явно не нравился, но формально оно выразило согласие и поддержало советскую сторону. 24 июля 1940 г. Бенито Муссолини принял советского полпреда Н. В. Горелкина и заявил, «что он вполне понимает советское правительство, когда оно потребовало возвращения того, что СССР должно принадлежать по праву.

Затем он заявил, что столь же благожелательное отношение Италии существует и в вопросе о Прибалтике, повторив, что к Советскому Союзу возвращается то, что ему принадлежало раньше, и что Итальянское правительство считает это вполне справедливым»[378].

Английское правительство скорее положительно, чем отрицательно реагировало на присоединение Прибалтики к СССР. На заседании правительства 17 июня 1940 г. лорд Галифакс заявил: «Не может быть сомнений, что за действиями России скрывается стремление усилить ее позиции против Германии, чьи военные успехи ей совершенно не нравятся». Мало того, Уинстон Черчилль, ставший премьером 10 мая 1940 г., послал в Москву к Сталину известного лейбористского политика Стаффорда Криппса. Последний 1 июля 1940 г. в 17 ч 00 мин передал Молотову личное послание Черчилля и ровно через полтора часа был принят Сталиным. Естественно, Криппс не позволил себе даже сделать «кискин нос» по вопросу о лимитрофах.

Резко позволил себе возразить лишь исполняющий обязанности государственного секретаря США С. Уэллес. 23 июля он заявил: «В эти последние дни подошел к концу тот извилистый процесс, в ходе которого политическая независимость и территориальное единство трех небольших Прибалтийских республик – Эстонии, Латвии и Литвы – были преднамеренно ликвидированы одним из наиболее могущественных соседей… Политика нашего правительства всем известна. Народ Соединенных Штатов против разбойничьих действий, независимо от того, осуществляются ли они с помощью силы или в виде угрозы силой»[379].

12 августа Соединенные Штаты направили Советскому Союзу меморандум, в котором Прибалтийские республики назывались «оккупированными» странами, лишенными свободы распоряжаться своим имуществом. Вскоре в Каунасе, Риге и Таллине были закрыты миссии США.

А в США были задержаны несколько судов, принадлежавших Прибалтийским республикам.

Спору нет, присоединение Прибалтики к СССР произошло с некоторым нарушением международного права. Но ведь и создание этих государств в 1919–1920 гг. произошло с куда более грубыми нарушениями того же международного права. Нелишне вспомнить, что еще до Финской войны о международном праве забыли напрочь западные державы. Так, Англия уже в сентябре 1939 г. начала подготовку к вторжению в нейтральную Норвегию. В 1939–1942 гг. Англия и США осуществили вооруженные вторжения в десятки нейтральных государств и полунезависимых территорий, среди которых Иран (1941 год), Ирак (1941 год), многочисленные французские колонии (1940–1942 гг.) и т. п. Об этом подавляющее большинство российских демократов-образованцев даже слыхом не слыхивали.

На последней сессии Ассамблеи Лиги Наций Уинстон Черчилль заявил, что «мы имеем право, более того, на нас лежит обязанность отклониться в известной мере от некоторых из условностей тех самых законов, которые мы стремимся вновь восстановить и упрочить. Малые нации не должны связывать нам руки, когда мы сражаемся за их права и свободу».

Это означает, что Британская империя имеет право делать, что хочет, во имя светлых идеалов.

Нельзя не упомянуть об одном из главных козырей националистов и их «пятой колонны» в Москве – репрессиях и высылках в конце 1940 г. – первой половине 1941 г. Обратимся не к пропагандистскому, а к совершенно секретным документу: «Докладной записке Наркомата Госбезопасности СССР № 2288/М в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР об итогах операции по изъятию антисоветского, уголовного и социально опасного элемента в Литве, Латвии и Эстонии» от 17 июня 1941 г.

«Подведены окончательные итоги операции по аресту и выселению антисоветского, уголовного и социально опасного элемента из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР.

По Литве: арестовано 5664 человека, выселено 10 187 человек, всего репрессирован 15 851 человек.

По Латвии: арестовано 5625 человек, выселено 9546 человек, всего репрессирован 15 171 человек.

По Эстонии: арестовано 3178 человек, выселено 5978 человек, всего репрессировано 9156 человек.

Всего по всем трем республикам: арестовано 14 467 человек, выселено 25 711 человек, всего репрессировано 40 178 человек.

В том числе по трем республикам:

а) активных членов контрреволюционных националистических организаций арестовано – 5420 человек, выселено членов их семей – 11 038 человек;

б) бывших охранников, жандармов, полицейских, тюремщиков арестовано – 1603 человека, выселено членов их семей – 3240 человек;

в) бывших крупных помещиков, фабрикантов и чиновников бывшего госаппарата Литвы, Латвии и Эстонии арестовано – 3236 человек, выселено членов их семей – 7124 человека;

г) бывших офицеров польской, латвийской, литовской, эстонской и белой армий, не служивших в территориальных корпусах и на которых имелись компрометирующие материалы, арестовано – 643 человека, выселено членов их семей – 1649 человек;

д) членов семей участников контрреволюционных организаций, осужденных к ВМН, арестовано – 27 человек, выселено – 465 человек;

е) лиц, прибывших из Германии в порядке репатриации, а также немцев, записавшихся на репатриацию и по различным причинам не уехавших в Германию, в отношении которых имеется компрометирующий материал, арестовано – 56 человек, выселено – 105 человек;

ж) беженцев из бывшей Польши, отказавшихся принять советское гражданство, арестовано – 337 человек, выселено – 1330 человек:

з) уголовного элемента арестовано – 2162 человека;

и) проституток, зарегистрированных в бывших полицейских органах Литвы, Латвии и Эстонии, ныне продолжающих заниматься проституцией, выселено – 760 человек;

к) бывших офицеров литовской, латвийской и эстонской армий, служивших в территориальных корпусах Красной Армии, на которых имелся компрометирующий материал, арестовано – 933 человека, в том числе: по Литве – 285 человек, по Латвии – 424 человека, по Эстонии – 224 человека…»[380]

Сегодня события 14 июня трактуются в Прибалтике как национальная трагедия. При этом местные политики норовят многократно завысить количество репрессированных, а когда им указывают на документальные данные, пускают в ход демагогию. Как, например, посол Эстонии в РФ Тийт Матсулевич в интервью газете «Известия» говорил: «Наверное, вообще неэтично ссылаться на количественные показатели. 14 июня 1941 года из нашей страны вывезли более 10 тысяч человек, а тысячу, к примеру, или сто следует считать, что ли, более пристойной цифрой? Эти десять тысяч составляли фактически элиту населения страны, насчитывавшей в ту пору немногим более миллиона жителей»[381].

Таким образом, к эстонской национальной элите господин посол причислил не только «охранников, жандармов, полицейских, тюремщиков», но и уголовников с проститутками (см. пункты «з» и «и» докладной записки НКГБ СССР). Стоит ли удивляться, что 11 июля 2001 г. – всего лишь через месяц после интервью – сам Матсулевич был с позором снят с должности за растрату государственных средств.

Зато бывший офицер СС И. Кажоциньш в своих воспоминаниях, опубликованных в эмигрантском журнале «Даугавас ванагу менешракстс» № 3 за 1982 год, утверждает, что 15 июня 1941 г. хорошо вооруженные группы действовавшей на заводе ВЭФ подпольной организации должны были на нескольких грузовиках выехать из Риги на «экскурсию» в Видземе, в Мадонский уезд, где существовала большая подпольная организация айзсаргов. Объединившись с ними, диверсанты планировали захватить Мадонскую радиостанцию и призвать жителей Латвии к свержению советской

власти. Однако в ночь с 13 на 14 июня большая часть организаторов «туристической поездки» стала жертвами депортации. В результате захват радиостанции не состоялся[382].

Согласно обзору, составленному полицией безопасности и СД Латвии в декабре 1942 г., 14 июня было арестовано и выслано около 5000 лиц, связанных с германской агентурой[383].

Последующие события показали, что «чистка» Прибалтики от профашистских элементов не была доведена до конца.

В заключение стоит добавить, что уже в 1990-х годах эстонский историк Магнус Ильмъярва, работая в российских архивах, обнаружил документы, неопровержимо свидетельствовавшие о том, что все три прибалтийских диктатора – Сметона, Ульманис и Пятс – с середины 1920-х годов были платными агентами Москвы. Так, тот же Пятс получал 18 тыс. крон (4 тыс. долларов) в год, что в два раза больше его президентского жалованья.

В «незалежной» Прибалтике разоблачения Ильмъярва поначалу вызвали возмущение, но после обнародования документов его оставили в покое, а публикации на эту тему попросту запретили.

Глава 13. Германское нашествие

К началу войны германские войска сосредоточили на северо-западном направлении 41 дивизию против 26 дивизий Прибалтийского военного округа. Соотношение сил округа и немецких войск из группы армий «Север» и 3-й танковой группы было следующим: Прибалтийский военный округ имел 378 тыс. человек личного состава, 7467 орудий и минометов, 1697 танков и 1211 самолетов; немцы располагали 1 053 тыс. человек, 11 400 орудиями и минометами, 1645 танками и 1676 самолетами.

В первые же дни войны немцам удалось достичь значительных успехов. Уже 26 июня 1941 г. пал Двинск, а 30 июня – Рига. К 30 июня из 1795 советских танков, участвовавших в боях, в строю осталось только 22.

29-й (Литовский) корпус к 22 июня 1941 г. находился в составе 11-й армии и дислоцировался в районе Вильнюса. Входившие в состав корпуса 179-я и 184-я стрелковые дивизии разбежались при первом же контакте с германской мотопехотой. Некоторые советские части, включая 5-й гаубичный артиллерийский полк, попали под обстрел литовских частей. Всего из 29-го стрелкового корпуса, насчитывавшего 18 тыс. человек, на соединение с Красной Армией пробились не более двух тысяч человек.

Эстонские и латышские войска на 22 июня 1941 г. входили в состав 27-й армии, которой командовал генерал-майор Н. Э. Березин. В состав армии входили:

22-й стрелковый корпус (180-я и 182-я стрелковые дивизии) и 24-й стрелковый корпус (181-я и 183-я стрелковые дивизии), а также 16-я и 67-я стрелковые дивизии, 3-я отдельная стрелковая бригада и ряд отдельных частей.

Судьбу эстонских и латышских дивизий по имеющимся довольно противоречивым документам сейчас восстановить достаточно сложно. Так, 180-я дивизия вступила в бой только 13 июля и действовала в первые два дня довольно успешно. Из четырех 40-мм шведских зенитных автоматов Бофорс было сбито шесть вражеских самолетов. В дивизии сказывалась серьезная нехватка артиллерийских снарядов.

Надо сказать, что в июне – июле 1941 г. многие советские дивизии, укомплектованные этническими русскими, действовали не лучше, хотя такого высокого процента дезертирства у них не было.

К концу 1941 г. все «национальные» прибалтийские дивизии были разгромлены, а большая часть их личного состава разбежалась. Советскому командованию оставалось только отдать приказ об их расформировании. Позже номера этих дивизий получили другие части, но там уже не было прибалтов.

Уже при подходе германских войск националисты начали расправы над местными евреями и коммунистами. Из приложения к донесению одного из лидеров «литовских партизан»:

«Количество проведенных экзекуций.

Район Каунаса (город и сельская местность) уничтожено 31 914 евреев, 80 коммунистов.

Район Шяуляя – 41 382 еврея, 763 коммуниста.

Район Вильнюса – 7015 евреев, 17 коммунистов.

Всего по Литве уничтожено 80 311 евреев, 860 коммунистов»[384].

Замечу, что до сих пор не найдено ни одного документа германского командования, где бы санкционировалась подобная деятельность «пятой колонной». Таким образом, ответственность за массовые убийства мирных жителей, как за убеждения, так и за национальность, полностью лежит на буржуазных партиях Прибалтики.

Кое-где органам НКВД удавалось давать отпор бандитам. Вот что докладывал по этому поводу командир прибывшего в Ригу в 18 часов 22 июня 1941 г. 5-го мотострелкового полка войск НКВД полковник Головко: «В г. Риге враждебные элементы развернули активные действия: наводили панику в тылу армии, деморализовали работу штабов, правительственных и советских учреждений, тормозили эвакуацию ценностей и совершали диверсии.

Враги установили на колокольнях церквей, башнях, на чердаках и в окнах домов пулеметы, автоматы и вели обстрел улиц, зданий штаба СЗФ [Северо-Западного фронта. – *А.Ш.*], ЦК ЛКП(б), СНК, телеграфа, вокзала и НКВД.

Такое положение заставило развернуть самую жестокую борьбу с контрреволюционным элементом в городе.

Я объединил все войска НКВД Рижского гарнизона, организовал усиленную охрану всех важных объектов, выставил посты и пикеты на улицах города, систематически освещал патрульными отрядами весь город. С пятой колонной повел жестокую борьбу, на каждый произведенный выстрел из окна, башни или колокольни отвечал огнем пулеметов и танковых пушек.

За 23, 24, 25 июня с. г. активность пятой колонны была подавлена. По приказу начальника охраны СЗФ генерал-майора т. Ракутина были расстреляны 120 пойманных негодяев из пятой колонны, о чем было объявлено населению с предупреждением о сдаче оружия.

Действия частей НКВД парализовали активность пятой колонны, не дали возможности выполнять задания фашистских хозяев…»[385]

Для проведения террористических акций в Эстонии в середине 1939 г. с согласия финских властей в Хельсинки был создан филиал абвера – «Krigsorganisatsion Finland». После оккупации немцами Эстонии он переехал в Таллин и стал там называться «Abwehrnebenstelle Revel». Однако в историко-мемуарной литературе данное заведение обычно фигурирует как «Бюро Целлариуса» – по имени возглавлявшего его с 1941 г. фрегатен-капитана Александра Целлариуса.

Целлариус уже имел практический опыт работы с эстонскими «унтерменшами»: в 1939–1940 гг., вплоть до восстановления советской власти в республике, он был прикомандирован к разведотделу генштаба Эстонии в качестве офицера связи. Действуя совместно с финскими спецслужбами, Целлариус развернул активную работу по созданию шпионско-диверсионных групп из проживавших в Финляндии эстонских националистов.

В мае 1941 г. в Хельсинки при поддержке «Бюро Целлариуса» был создан «Эстонский комитет освобождения» во главе с Хяльмаром Мяэ. Как позже свидетельствовал попавший в советский плен заместитель начальника 2-го отдела абвера Эрвин Штольце, «в тесном сотрудничестве с “балтийскими патриотами” нами были подготовлены специальные диверсионные группы для подрывной работы в прибалтийских советских республиках»[386].

Одной из первых была заброшена на советскую территорию группа «Эрна». В ее состав вошли 14 радистов, окончивших разведшколу в Финляндии, и 70 человек из числа бывших военнослужащих эстонской армии. Возглавлял «Эрну» бывший военный атташе Эстонии во Франции полковник Антс-Хейно Кург.

В ночь с 9 на 10 июля 1941 г. 40 человек во главе с полковником Кургом были доставлены на трех катерах к побережью Эстонии, высадившись в районе местечка Кабернеэме Харьюского уезда. Перед ними стояла задача осуществлять шпионско-диверсионную деятельность на шоссейных и железнодорожных магистралях в тылу Красной Армии. Для поддержания связи с центром группа имела две радиостанции. Оставшийся в Финляндии состав «Эрны» из-за невозможности пробиться по морю был пополнен новыми людьми, разбит на четыре подгруппы и 21–22 июля выброшен в Эстонию на парашютах.

К заброшенным диверсантам начали присоединяться шайки «лесных братьев». Вскоре группа уже насчитывала около 100 вооруженных бандитов и свыше 800 местных жителей. Однако 31 июля «Эрну» обнаружил и разгромил истребительный батальон, сформированный из местных жителей. При этом большая часть «борцов за свободу» была уничтожена или разбежалась, а несколько десятков человек во главе с Кургом смогли уйти болотами и 6 августа выбрались к немцам.

Позднее на основе этой группы был создан «батальон Эрна-II», который использовался немцами при блокаде и захвате островов Муху и Сааремаа. В октябре 1941 г. остатки батальона были расформированы, а его личный состав переведен в подразделения «Омакайтсе» или в организованные оккупантами органы «местного самоуправления».

После оккупации Литвы там были созданы 24 батальона «самообороны», каждый из которых включал 500–600 литовцев и немецкую группу связи в составе офицера и 5–6 старших унтер-офицеров. В ноябре 1941 г. литовская самооборона была преобразована во вспомогательную полицию, при этом сформировали 22 литовских «шума»-батальона общей численностью около 8 тыс. человек, а формирование еще 13 таких батальонов не было доведено до конца. Командующим литовской вспомогательной полицией номинально считался подполковник Спокевичус, однако в действительности его основной функцией было поддержание связи с командованием германскими силами безопасности на оккупированной территории.

Из донесения Партии литовских националистов генеральному советнику Кубилюнасу: «…11-му литовскому батальону было поручено расстреливать привезенных из Белоруссии и Польши русских, евреев, коммунистов и военнопленных Советской Армии… Все эти экзекуции, особенно массовое вешание, документируются с помощью киноаппаратуры…»[387]

Помимо отличившегося в Слуцке 12-го батальона, в карательных акциях на территории Белоруссии участвовали 3, 15, 254 и 255-й литовские батальоны, на Украине – 4, 7, 8 и 11-й, в Ленинградской области – 5-й и 13-й. 2-й литовский полицейский батальон отличился в Польше, а также совместно с латышскими «коллегами» в феврале – марте 1943 г. участвовал в крупной карательной операции с целью создания «нейтральной зоны» шириной 40 км на границе Латвии и Белоруссии. По некоторым сведениям, один из литовских батальонов действовал в Италии, а еще один – в Югославии[388].

В Латвии после прихода немцев из местных националистов были сформированы вооруженные подразделения для прочесывания лесных массивов, где укрывались работники советских и партийных органов, а также красноармейцы, пытавшиеся выйти из окружения. Согласно донесениям, летом и осенью 1941 г. ими были задержаны 7194 невооруженных советских активиста и члены их семей, большинство из которых были расстреляны или заключены в тюрьму.

С сентября 1941 г. начинается формирование латышских полицейских батальонов. Всего на территории Латвии было создано 45 «шума»-батальонов общей численностью около 15 тыс. человек. Латышские полицаи участвовали в массовом истреблении мирного населения в Лиепае, Валмиере, Екабпилсе, Даугавпилсе, Резекне. Позднее их использовали для карательных операций против мирного населения не только на территории Латвии, но и в Белоруссии (там бесчинствовали 26 латышских батальонов)[389], Литве, Новгородской и Псковской областях, а также в Польше.

После оккупации Эстонии немцы из националистов создали организацию «Омакайтсе» («Самозащита»), активно использовавшуюся для проведения карательных акций против населения, охраны тюрем, лагерей, коммуникаций и важных объектов, розыска и задержания партизан и советских парашютистов, конвоирования угоняемых на работу в Германию граждан.

По сохранившимся отчетам «Омакайтсе», только летом 1941 г. участниками этой организации было убито 946 советских активистов, совершено 426 нападений на государственные учреждения. К 1 ноября

1941 г. ими было проведено 5033 облавы, арестовано 41 135 человек, из которых казнены на месте «из-за оказанного сопротивления» 7357 человек[390].

В сентябре 1941 г. немцы сформировали шесть эстонских охранных отрядов, в задачу которых входила охранная служба и борьба с партизанами в тыловом районе 18-й германской армии. С мая 1942 г. часть из них участвовала в боях против Красной Армии. В конце того же года все шесть отрядов были переформированы в три восточных батальона (658-й, 659-й и 660-й) и одну восточную роту (657-я).

Помимо этих подразделений, с сентября 1941 г. на территории Эстонии, так же как в Латвии и Литве, формируются батальоны вспомогательной полиции. Всего за время войны было создано 26 эстонских «шума»-батальонов общей численностью около 10 тыс. человек. Эстонские полицаи участвовали в карательных операциях против партизан на территории Ленинградской и Псковской областей, в Литве, Белоруссии и на Украине, охраняли гетто в Польше, Югославии и даже в Италии. Некоторые из них действовали против Красной Армии, главным образом на Ленинградском и Волховском фронтах, а 36-й эстонский батальон в ноябре 1942 г. оказался в излучине Дона, где и был разгромлен наступающими советскими войсками.

Именно эстонцы первыми начали формирование восточных частей СС. В первую годовщину «освобождения» республики, 28 августа 1942 г., генеральный комиссар Эстонии обергруппенфюрер СС К. Лицманн обратился к местным жителям с призывом вступать в эстонский легион СС для участия в общей борьбе против большевизма. 13 октября первые добровольцы, отобранные в соответствии с требованиями, предъявляемыми к личному составу войск СС, были отправлены в учебный лагерь «Дебица» на территории Польши. Из наличного состава удалось сформировать три батальона, объединенных затем в 1-й эстонский добровольческий гренадерский полк СС. В марте 1943 г. после принятия присяги 1-й батальон полка, получивший название «Нарва», был отправлен на фронт и включен в состав 5-й танковой дивизии СС «Викинг». Он участвовал в Курской битве, а в феврале 1944 г. был почти полностью уничтожен в Корсунь-Шевченковском «котле».

А тем временем для эстонцев была введена обязательная воинская служба в частях СС, поскольку добровольцев уже не хватало. К маю 1943 г. в результате проведенной мобилизации эстонский легион получил значительное пополнение, что позволило развернуть полк в 3-ю эстонскую добровольческую бригаду СС под командованием бригадефюрера Ф. Аусбергера. Окончательно сформированная к 23 октября того же года, она первое время действовала против партизан на территории Эстонии. 17 ноября 1943 г. бригада прибыла на фронт в районе Невеля. Одновременно с формированием бригады для координации связи с германской оккупационной администрацией была создана Генеральная инспекция эстонских войск СС во главе с генералом эстонской армии Йоханнесом Соодлой.

В начале 1944 г. эстонская бригада была пополнена за счет 658-го, 659-го и 660-го полевых батальонов, а также наиболее боеспособных полицейских частей. 24 января 1944 г. на ее базе была развернута 20-я эстонская дивизия СС. Общая численность дивизии достигала 15 тыс. солдат и офицеров. Летом того же года она участвовала в ожесточенных боях под Нарвой, а в ходе сентябрьского наступления советских войск, завершившегося освобождением Таллина и всей материковой части Эстонии, была разгромлена, потеряв до половины личного состава. В октябре остатки дивизии были отведены на переформирование в Силезию.

3 ноября 1942 г. руководителей латышского «самоуправления» пригласили к командующему силами СС и полиции в Латвии бригадефюреру Шредеру, который предложил им обратиться с ходатайством о формировании латышского легиона СС. Приказ о создании латышского легиона был подписан 16 февраля 1943 г. Как с гордостью сообщала в номере от 27 февраля газета местных коллаборационистов «Тевия»: «Будучи признательным за отвагу уже находящихся сейчас на фронте латышских добровольческих частей, вождь Великой Германии дал согласие на создание добровольческого латышского легиона СС. В создающийся латышский легион, как его ядро, уже вошла часть добровольческих соединений.

Легион организуется как единая, боевая часть, включая в него вооруженные формирования СС. Командовать частью будут латышские офицеры.

В легион могут вступить все мужчины латышской национальности 17–45 лет. Служба будет продолжаться до конца войны. Обеспечение, жалование и форма такие же, как и в немецких частях СС…»[391]

Генеральным инспектором легиона был назначен генерал Рудольф Бангерский, бывший царский офицер, в свое время командовавший дивизией у Колчака, а в 1924–1927 гг. занимавший пост военного министра Латвии. По случаю нового назначения он получил чин группенфюрера СС.

Однако в Латвии, как и в Эстонии, желающих вступить в ряды СС оказалось не слишком много. Чтобы компенсировать недостаток добровольцев, была объявлена мобилизация латышей 1914–1924 гг. рождения, которым разослали повестки следующего содержания: «Настоящим вы призываетесь в латышский добровольческий легион СС. Вы обязаны 26 марта 1943 года до 18: 00 прибыть и доложить о своем прибытии в Абренские казармы. С момента призыва вы подчинены немецким вооруженным силам и существующим в них правилам»[392].

После освидетельствования врачебной комиссией мобилизованным предоставлялось право выбора, куда они желают быть направленными: в латышский легион СС, в обслуживающий состав немецких войск или на оборонные работы.

Согласно приказу Гиммлера от 24 марта 1943 г., в структуру формирующегося латышского легиона СС входили 15-я латышская добровольческая дивизия СС, 2-я латышская бригада СС и латышские полицейские батальоны. Впрочем, 15-я дивизия являлась «добровольческой» только по названию, поскольку состояла из трех полков, сформированных к середине июня из мобилизованного контингента. Что же касается 2-й латышской бригады, то она была создана в мае на основе шести полицейских батальонов (16, 18, 19, 21, 24 и 26-го), действовавших в составе группы армий «Север». В соответствии с приказом от 18 мая 1943 г., подразделения легиона, не вошедшие в состав 15-й дивизии, включались во 2-ю бригаду, которая в декабре 1943 г. была переформирована в 19-ю латышскую дивизию СС.

В ноябре 1943 г. 15-я латышская дивизия была срочно переброшена на фронт с задачей задержать наступление советских войск в районе Новосокольников, оказавшись по соседству с уже упомянутой выше 3-й эстонской бригадой СС. В феврале 1944 г. туда же прибыла и 19-я латышская дивизия СС. 16 марта обе латышские эсэсовские дивизии впервые совместно участвовали в крупном бою, оказав, как свидетельствуют боевые сводки, ожесточенное сопротивление советским войскам.

В честь этого события 17 июня 1998 г. парламент «независимой Латвии» подавляющим большинством голосов (54 «за», 4 «против») объявил 16 марта национальным праздником – «Днем памяти латышских воинов». В этот день в Риге проводится ставший традиционным парад недобитых ветеранов СС.

В Риге в актовом зале Технологического университета в торжественной обстановке в присутствии нескольких сотен активистов молодежного движения офицеру СС Андрео Фрейманису был торжественно вручен Рыцарский крест, которым его наградил сам фюрер. Награжденный вытянулся по стойке «смирно» и выкрикнул «Хайль Гитлер». А теперь угадайте, в каком году это было? В 1942-м? В 1943-м? Нет! В 1993-м! В свое время Фрейманис попал в «котел» вместе с соратниками, и лишь через почти полвека «самостийники» решили восстановить справедливость – «награда нашла героя».

Рассказ о жизни современной Латвии выходит за рамки книги. Но я не могу удержаться и не упомянуть о решении рижского суда, постановившего, что фраза «русские жиды», которая постоянно мелькает в литовской прессе, не является оскорблением. Как ни вспомнить о «пархатых казаках» из сериала «Семнадцать мгновений весны».

Но вернемся в 1944 год. Чтобы компенсировать растущие потери, оккупационные власти и контролируемое ими «латвийское самоуправление» провели новую мобилизацию. Призывной возраст был поднят до 37 лет, при этом от призыва освобождались только лица, занятые в военной промышленности или не годные по состоянию здоровья. Для подготовки призывников на основе учебно-запасного батальона 15-й дивизии была развернута 15-я учебно-запасная бригада трехполкового состава. Это позволило существенно пополнить ряды латышских СС: на 30 июня 1944 г. численность 15-й дивизии составляла 18 412 солдат и офицеров, 19-й дивизии – 10 592. Более того, планировалось создание еще одной латышской эсэсовской дивизии – 36-й танково-гренадерской. Однако ввиду обострившейся обстановки на фронте от этой затеи пришлось отказаться, а 240 латышских курсантов, прошедших в Арнеме (Голландия) подготовку в качестве унтер-офицеров танковых частей, направить на пополнение 19-й дивизии.

За что же воевали националисты?

Как сейчас утверждают в Прибалтике, за свободу и независимость Эстонии, Латвии и Литвы. А ради такой великой цели не грех и надеть мундир войск СС.

Можно ли всерьез говорить такие бредни? 16 июля 1941 г. рейхсмаршал Геринг предлагал (имея в виду предполагаемый рейхскомиссариат «Остланд», включавший и Белоруссию) «присоединить к Восточной Пруссии различные части Прибалтики, например, белостокские леса». (Рейхсмаршал был заядлым охотником.) В ответ Гитлер заметил, что «вся Прибалтика должна стать областью империи»[393].

20 июня 1941 г. (то есть еще до войны) Альфред Розенберг[394] в своей речи о политических целях Германии в предстоящей войне против СССР вполне определенно говорил о рейхскомиссариате «Прибалтика» в составе четырех генеральных комиссариатов. Генеральные комиссариаты должны были в свою очередь подразделяться на округа. Граница рейхскомиссариата должна проходить западнее Ленинграда, южнее Гатчины, вдоль озера Ильмень, затеем идти на юг вплоть до «границы украинского населения».

Как писал М. Ю. Крысин: «Летом и осенью 1941 г… планировалось расширить территорию генеральных комиссариатов Эстонии и Латвии до “исторической границы области германского влияния” – линии Ленинград – Новгород – озеро Ильмень – река Ловать. Таким образом, территория Эстонии и Латвии должна была увеличиться почти в два раза. Эти планы были тесно связаны с проектами германизации Прибалтики и так называемой “Ингерманландии” (Псковская и Новгородская области). Рейхсминистр Розенберг, в первые месяцы войны чувствовавший себя творцом истории и склонный к грандиозным планам, предполагал переименовать расширенную таким образом Эстонию в “Peipusland”, Латвию – в “Dünaland” (правда, переименование не предполагало значительного изменения в их статусе германских колоний)»[395].

Германское правительство на захваченных территориях СССР в прифронтовых областях (примерно 200–300 км от линии фронта) передавало управление в полном объеме командованию армий. По мере продвижения войск управление областями переходило в ведение рейхскомиссариатов и других учреждений.

Однако к весне 1942 г. фронт стабилизировался на линии Ленинград – Новгород – Великие Луки. И ни о каком расширении генеральных комиссариатов Эстонии и Латвии не могло идти и речи. Поэтому фактически границы генеральных комиссариатов Эстонии, Латвии и Литвы за небольшими исключениями совпадали с их бывшими государственными границами. Так, Эстония получила город Нарву с окрестностями, а Литва в начале 1942 г. получила три белорусских уезда – Ишмянский, Свиряйский и Эйшишкяйский – площадью около 4000 кв. км и с населением около 200 тыс. человек.

По приказу Гитлера от 17 июля 1941 г. на оккупированных территориях Прибалтики и Белоруссии был создан рейхскомиссариат «Остланд», в который вошли земли Литвы, Латвии, Эстонии и Белоруссии, имевшие статус генеральных комиссариатов. Рейхскомиссаром «Остланда» назначили гаулейтера Лозе, подчинявшегося непосредственно Розенбергу. В тот же день, 17 июля 1941 г., в генеральные комиссариаты «Латвия», «Литва» и «Эстония» были назначены генеральные комиссары, подчинявшиеся рейскомиссару.

Белоруссия входила в состав рейхскомиссариата «Остланд» до апреля 1944 г., хотя еще в апреле 1943 г. было принято решение о передачи ее в непосредственное подчинение имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий.

Генеральные комиссариаты делились на девятнадцать городских и областных (сельских) округов во главе с городскими и областными комиссарами (штадткомиссары и гибитскомиссары), занимавшими самую нижнюю ступень в немецкой администрации. Они контролировали деятельность местных органов самоуправления и обеспечивали выполнение сельскохозяйственных норм.

В немецкой гражданской администрации имелась еще одна должность – сельхозфюрер, подчиненная окружному сельхозфюреру, входившему в аппарат каждого гибитскомиссариата.

Органы же самоуправления, создаваемые из местных жителей, фактически были инструментом германских властей и не играли никакой самостоятельной роли. Никакой независимости немцы прибалтам не обещали даже в перспективе. У нацистов разрабатывались совсем иные планы в

отношении Прибалтики. Так, Розенберг разработал специальную инструкцию, в которой говорилось: «Что касается переселенческой политики, то необходимо иметь в виду, что 50 % эстонцев сильно германизированы вследствие смешения с датской, немецкой и шведской кровью, что позволяет рассматривать их как родственный немцам народ. В Латвии для ассимиляции пригодна гораздо меньшая часть населения. Поэтому здесь нужно ожидать более сильного противодействия, ввиду чего здесь потребуется переселение в более крупных масштабах. Аналогичного развития событий следует ожидать и в Литве…

Край, который был завоеван немецкими рыцарями, поставлен на ноги ганзейскими купцами, и германизация которого осуществлялась путем постоянного притока немецкой и частично шведской крови, должен превратиться в мощный бастион у границ Германии»[396].

Итак, если верить Розенбергу, получается, что жившие в Эстляндии немецкие и шведские феодалы достаточно интенсивно пользовались «правом первой ночи», в то время как их коллеги в Лифляндии и Курляндии в этом отношении несколько подкачали.

А вот выдержка из протокола состоявшегося в Берлине «Совещания по вопросам онемечивания в прибалтийских странах», составленного возглавлявшим спецгруппу «Расовая политика» доктором Эрхардом Ветцелем: «Большая часть населения не годится для онемечивания… Нежелательные в расовом отношении части населения должны быть высланы в Западную Сибирь. Проверка расового состава населения должна быть изображена не как расовый отбор, а замаскирована под гигиеническое обследование или нечто в этом роде, чтобы не вызывать беспокойство среди населения»[397].

Взамен в Прибалтике предполагалось расселить заслуженных ветеранов вермахта.

Из документа «Прибалтийские земли – борцам восточного фронта»:

«1 июня 1943 г. Секретно.

Строго доверительно! Устный пересказ содержания документа разрешен только абсолютно заслуживающим доверия имперским немцам; размножение и распространение текста допустимо лишь со специального согласия…

Для поселенцев в сельской местности следует создавать поместья размером около 1000 га и крестьянские дворы с размером угодий примерно 60 га, причем в обоих случаях одна треть представляет собой пашню, а две трети – лес.

Латышским, эстонским, литовским сельским хозяевам придется расстаться со своими земельными наделами, в случае их политической благонадежности они не должны быть просто согнаны, а переселены в другие районы. Горожан, у которых будут отобраны дома и предприятия для передачи фронтовикам, следует высылать как можно дальше в восточные районы»[398].

Что касается высылки в Западную Сибирь, то этот проект по понятным причинам остался не реализован, а вот на работы в Германию жителей Прибалтики было отправлено немало. По данным советского Управления по делам репатриации, из Литвы было угнано 67 тысяч человек, из Латвии – 160 тысяч, из Эстонии – 74 тысячи. При этом угоняли главным образом женщин от 17 до 40 лет, а подростков 15–16 лет направляли в немецкие лагеря трудовой повинности. В свою очередь, в Литву за первое полугодие 1942 г. было прислано 16 300 немецких колонистов, а к 1 ноября 1943 г. их было уже более 30 тысяч[399].

Таким образом, большинству населения Прибалтики светила не райская жизнь в независимых и демократических государствах, а поездка в Сибирь, правда, не за советский, а за германский счет. Оставшиеся же должны были стать батраками немецких переселенцев. Согласно планам Гиммлера, «тотального онемечивания» Прибалтика должна была достигнуть за 20 лет, а ее жители – забыть свой язык и культуру.

Так что своим нынешним существованием прибалтийские народы целиком и полностью обязаны пресловутым «русским оккупантам» – бойцам Красной Армии.

Однако далеко не все прибалты поддерживали фашизм. Десятки тысяч эстонцев, латышей и литовцев храбро сражались в частях Красной Армии.

В связи с быстрым наступлением германских войск и действиями «пятой колонны» мобилизацию военнообязанных в Латвийской ССР провести не успели. В тыловые районы Советского Союза из Латвии удалось эвакуировать 53 тыс. человек, из которых многие изъявили желание пойти на фронт.

Правительство Латвийской ССР, эвакуированное в глубь России, обратилось в Государственный Комитет Обороны (ГКО) СССР с просьбой разрешить сформировать в составе Красной Армии латышскую стрелковую дивизию. Оно учитывало также и то, что в старых республиках Советского Союза проживало примерно 150 тыс. латышей.

Местом формирования латышской дивизии стали Гороховецкие лагеря под городом Горьким. Туда из разных районов РСФСР, в основном из Северного Поволжья, стали прибывать латыши и граждане Латвийской ССР других национальностей. Среди них было много бойцов батальонов рабочей гвардии и отрядов партийно-советского актива, уже имевших боевой опыт, а также городских и сельских партийных и советских работников, милиционеров, рабочих и крестьян. Прибывали бойцы и командиры бывшего 24-го (латвийского) стрелкового корпуса, 1-го и 2-го латышских стрелковых полков, воевавших в июле – августе 1941 г. в составе 8-й армии.

Рижское пехотное училище было эвакуировано в Семипалатинск, и там доучивались курсанты из Латвийской ССР. Именно 228 выпускников этого училища составили ядро среднего командного состава формируемой дивизии. Часть командных должностей в дивизии заняли кадровые офицеры и младшие командиры бывшей латвийской армии.

К сентябрю 1941 г. численность дивизии достигла 10 348 человек, 90 % из которых составляли латыши и граждане Латвийской ССР других национальностей. Рабочие составляли 62 %, служащие – 29 %, крестьяне – 9 %. 70 % из них пошли в армию добровольцами.

Национальный состав дивизии был следующим: латыши – 51 %, русские – 26 %, евреи – 17 %, поляки – 3 %, другие национальности – 6 %.

Командиром дивизии был назначен полковник Янис Вейкин, за годы войны дослужившийся до генерал-майора.

12 сентября 1941 г. войска дивизии приняли присягу, а сама дивизия получила наименование «201-я Латышская стрелковая дивизия» (1-го формирования).

Дивизия состояла из 92-го, 122-го и 191-го стрелковых полков, 220-го артиллерийского полка, 310-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, 170-го отдельного батальона связи, Латвийского запасного батальона, а также других специальных частей и подразделений.

В феврале 1942 г. приказом командования Московского военного округа в Гороховецких лагерях на базе Латвийского запасного батальона был сформирован 1-й отдельный запасной Латвийский стрелковый полк.

Боевое крещение дивизии состоялось 20 декабря 1941 г. под Можайском в ходе контрнаступления 33-й армии. За мужество и героизм, проявленные в боях под Москвой, ордена и медали получили 201 воин дивизии. Командир пулеметного отделения И. Урбан и командир разведвзвода Я. Кезберис были награждены орденом Ленина. 54 бойца и командира получили орден Красного Знамени, 82 – орден Красной Звезды, 43 – медаль «За отвагу», 20 – медаль «За боевые заслуги». А позже все участники этих боев были награждены медалью «За оборону Москвы».

5 октября 1942 г. за проявленные в боях под Москвой и у Старой Руссы мужество и стойкость, за героизм личного состава приказом наркома обороны 201-й Латышской стрелковой дивизии было присвоено звание гвардейской. Теперь она стала именоваться 43-й гвардейской Латышской стрелковой дивизией.

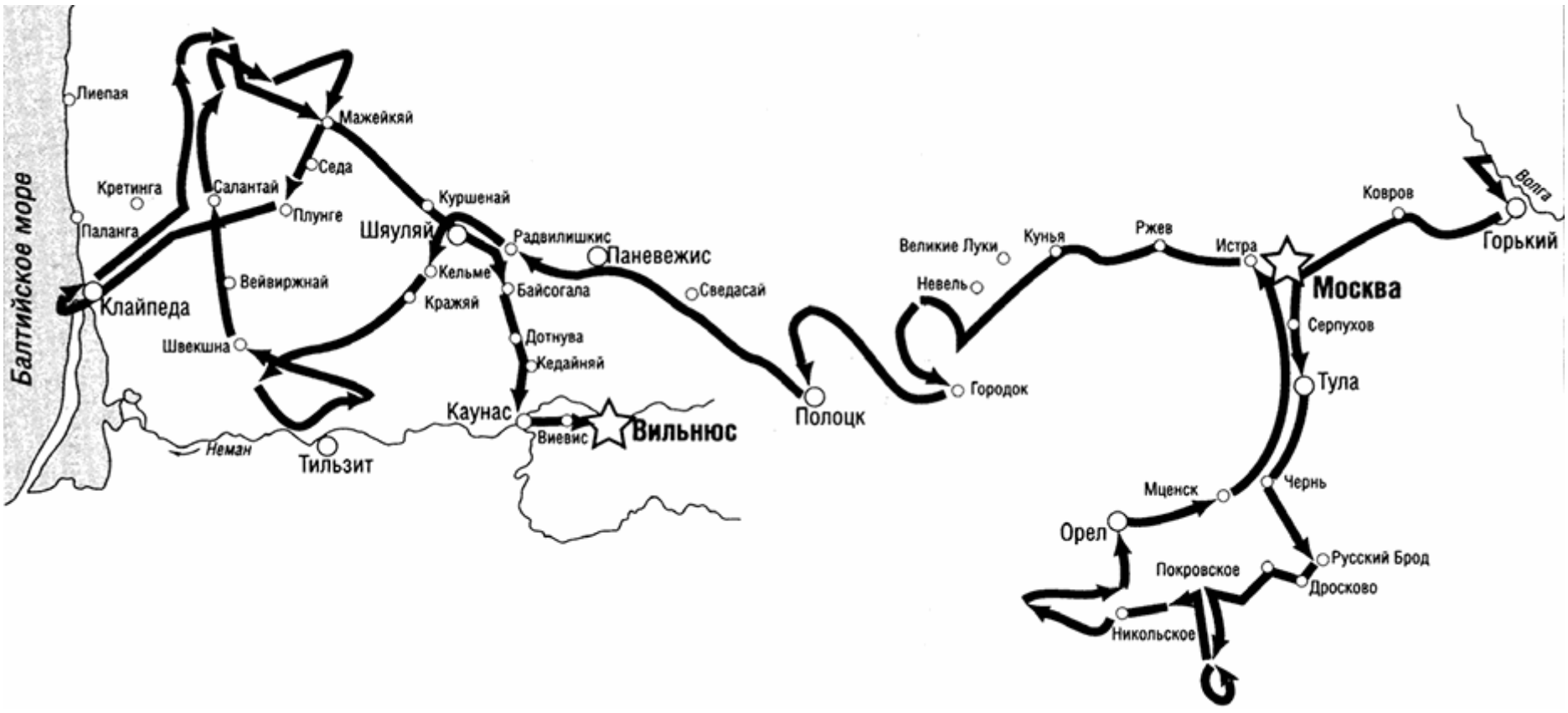
В ходе боев Латышская дивизия несла большие потери, а из-за условий военного времени ее боевой состав зачастую пополнялся солдатами иных национальностей. В результате в июле 1943 г. процент латышей упал до самого низкого уровня (32,4 %). Однако к концу года процент латышей вновь возрос до 60. К этому времени в дивизии состояло 10 752 человека.

К 15 мая 1943 г. в соответствии с распоряжением Генерального штаба Красной Армии от 20 января 1943 г. было закончено формирование 24-й отдельной латышской авиаэскадрильи, в которой состояли 132 летчика-латыша. Половина из них до войны проживала в Латвии, а половина – в СССР. На базе этой эскадрильи 3 июля 1943 г. был создан 1-й Латышский бомбардировочный авиаполк, командовал которым майор (позже полковник) Карлис Кирш.

5 июня 1944 г., перед началом боев за освобождение Латвии, приказом Генштаба Красной Армии был сформирован 130-й Латышский стрелковый корпус, в который вошли 43-я гвардейская (с 9 июля 1944 г. командир гвардии полковник А. Ю. Калныно, ранее командовавший 182-й стрелковой дивизией 1-го формирования) и 308-я (генерал-майор В. Э. Дамберг) стрелковые дивизии.

308-я стрелковая дивизия начала формироваться в Гороховецких лагерях на базе 1-го отдельного запасного латышского полка в конце июня 1944 г. и закончила формирование 7 июля. На фронт она прибыла в последних числах июля.

По просьбе ЦК КП(б) Литвы и Правительства Литовской ССР ГКО СССР 18 декабря 1941 г. принял постановление о формировании 16-й Литовской стрелковой дивизии. Формировалась она в Московском военном округе – в городах Балахне, Правдинске, Городце и поселке Чернораменке Горьковской области.

Боевой путь 16-й Литовской стрелковой дивизии

Среди генералов и командиров 16-й стрелковой дивизии были и ветераны Гражданской войны (например, генерал-майор Ф. Жемайтис, командовавший дивизией с начала ее создания до апреля 1943 г.), и кадровые командиры Красной Армии, и офицеры бывшей литовской армии. Комиссаром дивизии назначили бригадного комиссара И. Мацияускаса, заместителем командира по строевой части – генерал-майора В. Карвялиса (раньше он командовал 184-й стрелковой дивизией 29-го территориального Литовского стрелкового корпуса). Всего в 16-й дивизии насчитывалось свыше 10 тыс. офицеров, сержантов и солдат.

На фронт 16-я литовская дивизия была послана в самом конце 1942 г.

В брежневские времена известный еврейский писатель Эфраим Севела ославил литовскую дивизию в повести «Моня Цацкес – знаменосец» («Зебра Е», 2004 г.):

«…эта [16-я. – *А.Ш.*] дивизия во всей славной советской армии отличалась наибольшим скоплением больших носов, потому что почти все ее солдаты и даже офицеры были евреями…

…В самый разгар войны с немцами Сталин дал приказ прочесать все уголки России и найти литовцев, чтоб создать национальную литовскую дивизию. Как ни старались военкоматы, кроме литовских евреев, бежавших от Гитлера, ничего не смогли набрать. Пришлось довольствоваться этим материалом.

Литовских евреев извлекали отовсюду: из Ташкента и Ашхабада, из Новосибирска и Читы, отрывали от причитающих жен и детей и гнали в товарных поездах к покрытой толстым льдом реке Волге».

Увы, повесть слишком остроумна, чтобы соответствовать истине. На самом деле на 1 января 1943 г. в дивизии было 10 250 человек, из которых около 7 тысяч – литовцы или жители Литвы. По национальному составу ее личный состав распределялся следующим образом: литовцев – 36,3 %, русских – 29,9 %, евреев – 29 %, представителей других национальностей – 4,8 %.

4 июля 1944 г. 16-я дивизия вместе с другими частями Красной Армии освободила древний русский город Полоцк. 12 июля 16-я дивизия вступила на территорию Литовской ССР. 13 июля войска 3-го Белорусского фронта освободили столицу Вильнюс.

В первых числах августа 1944 г. начался призыв в Красную Армию жителей с освобожденных от оккупантов территорий Литвы. В общей сложности было призвано около 13 тыс. человек, так что национальный состав 16-й дивизии изменился. На 1 июля 1944 г. литовцев в дивизии насчитывалось 32,2 %, а 27 апреля 1945 г. – 68,4 %.

За первые две недели после освобождения Вильнюса в армию вступили 1417 человек. С 25 августа по 5 сентября 1944 г. в Каунасе записались добровольцами в Красную Армию 10 145 человек. А из всех освобожденных районов Литвы до 16 сентября ряды красноармейцев пополнили 83 941 человек. Всего же из Литвы на завершающем этапе войны в армию вступили 108 378 человек. Они сражались с немцами на разных фронтах вплоть до 9 мая 1945 г. Более 150 тысяч граждан Литовской ССР в годы войны активно участвовали в вооруженной борьбе с захватчиками.

18 декабря 1941 г., в разгар битвы под Москвой, ГКО СССР принял постановление о формировании 7-й Эстонской стрелковой дивизии, которое началось 7 января 1942 г. Местом формирования определили Свердловскую область.

Рядовой и сержантский состав 7-й дивизии комплектовался из граждан Эстонской ССР – призывников, запасников, военнослужащих из действующей армии, тыловых частей и возвращавшихся из госпиталей. 1 октября 1942 г. по предложению ЦК Компартии Эстонии Наркомат обороны СССР издал директиву, согласно которой направлению в эстонские воинские части подлежали все военнообязанные эстонцы и граждане Эстонской ССР соответствующих возрастов. В 7-ю дивизию также вошли бойцы истребительных батальонов, сражавшиеся под Нарвой и Таллином.

14 марта 1942 г. воины 7-й эстонской дивизии приняли военную присягу. К 25 июля 1942 г. в дивизии состояло 12 676 человек.

10 февраля 1942 г. Наркомат обороны СССР издал распоряжение о формировании второй эстонской стрелковой дивизии. Эта дивизия получила номер 249, и формирование ее началось 1 марта 1942 г. в Челябинской области в лагерях 2-й и 4-й запасных бригад. Только в марте туда прибыли 4 тысячи человек. Командиром 249-й эстонской стрелковой дивизии назначили полковника А. Вассиля.

25 сентября 1942 г. вышла директива Наркомата обороны СССР о формировании 8-го Эстонского корпуса на базе 7-й и 249-й Эстонских дивизий.

К ноябрю 1942 г. в эстонских частях насчитывалось 27 311 человек (7-я дивизия – 10 052 чел.; 249-я дивизия – 10 235 чел.; запасной полк – 6617 чел.). 8-й Эстонский корпус к концу формирования состоял на 75,7 % из рабочих, на 6,6 % – из крестьян, на 7,2 % – из служащих; 10,5 % составляли прочие категории. На 15 мая 1942 г. эстонцы составляли 88,8 % (19 658 человек), а русские – 9,9 %.

7 ноября 1942 г. 8-й Эстонский корпус прибыл на Калининский фронт.

1 февраля 1944 г. вышел приказ о включении Эстонского корпуса в состав войск Ленинградского фронта (командующий фронтом – маршал Л. А. Говоров) и зачислении в резерв Ставки Верховного Главнокомандования.

Эстонский корпус принял участие в Таллинской наступательной операции войск 2-й ударной и 8-й армий 3-го Прибалтийского фронта. 19 сентября 1944 г. части корпуса освободили город Муствеэ.

В Эстонии частям 8-го корпуса противостояли не только германские войска, но и отряды эстонских националистов. Так, 20 сентября 7-я дивизия корпуса у поселка Авинурме вела упорные бои с националистами, в ходе которых были полностью разгромлены два полка 300-й дивизии особого назначения, состоявшей из немецких и эстонских подразделений, и 20-й артиллерийский полк из 20-й эстонской дивизии СС. 46-й полк из этой же дивизии СС сумел уйти лесными дорогами, и утром 21 сентября эстонский корпус начал преследование противника. В районе озера Поркуни была обнаружена колонна войск противника численностью до 1500 человек. Это были остатки 20-й дивизии СС и 209-й пехотной дивизии. Группа была уничтожена войсками 249-й эстонской дивизии. Это был последний серьезный бой в ходе операции. Теперь 20-я эстонская дивизия СС перестала существовать как боевая единица.

Утром 21 августа 1944 г. части Эстонского корпуса начали бои за город Таллин. Во взаимодействии с прибывшими одновременно в город подвижными отрядами 8-й армии уже к полудню был освобожден центр города, а к вечеру – и весь город. Красное знамя на древней башне Длинный Герман таллинского замка Тоомпеа подняли командир взвода 3-й роты 354-го полка лейтенант Йоханнес Лумисте и ефрейтор Эльмар Нагельман из того же полка. А на здании Президиума Верховного Совета Эстонской ССР водрузили красный флаг бойцы 14-го полка 72-й стрелковой дивизии В. Въюков и Н. Головань.

Утром 23 сентября в Таллин прибыл второй подвижный отряд корпуса в составе роты танков, пяти дивизионов артиллерии и дивизиона «катюш». Отрядом командовал генерал Л. Пэрна. Тысячи таллинцев высыпали на улицы, чтобы поприветствовать этот отряд.

В ночь с 14 на 15 октября 1944 г. германское командование начало отвод своих войск из Риги на Тукумский оборонительный рубеж. 15 октября в 10 часов утра части Латышского корпуса с оркестром и развернутыми боевыми знаменами по Лубанскому шоссе вошли в Ригу.

За бои в сентябре и октябре 1944 г. 3418 бойцов и командиров Латышского корпуса, проявивших доблесть и отвагу в боях за столицу Латвии, города и села, были награждены орденами и медалями. Латышскому корпусу была объявлена благодарность, и он получил орден Суворова II степени. 43-й гвардейской дивизии присвоили почетное наименование Рижской.

Еще до взятия Риги Красная Армия вышла к Балтийскому морю в районе Паланги, и германская группа армий «Север» оказалась отрезанной. Так возник знаменитый «Курляндский котел», где были блокированы 26 германских дивизий.

Германские генералы предложили Гитлеру организовать прорыв окруженных войск в Восточную Пруссию. Но фюрер заявил, что скоро положение изменится, и тогда «курляндская группировка» будет необходима ему для нанесения флангового удара по наступающим частям Красной Армии.

Советское же командование поступило весьма мудро и оставило окруженную группировку в покое, высвободив значительные силы для наступления в Восточной Пруссии.

В январе 1945 г. окруженная группировка была переименована в группу армий «Курляндия». Германским генералам с трудом удалось убедить Гитлера эвакуировать из «котла» морем 10 дивизий, но остальным фюрер приказал сражаться до конца.

Конец наступил 9 мая, и «Курляндии» пришлось капитулировать. Среди сдавшихся были 19-я гренадерская дивизия СС (бывшая латышская 2-я дивизия СС), шесть латышских полицейских батальонов, а также четыре литовских полицейских батальона.

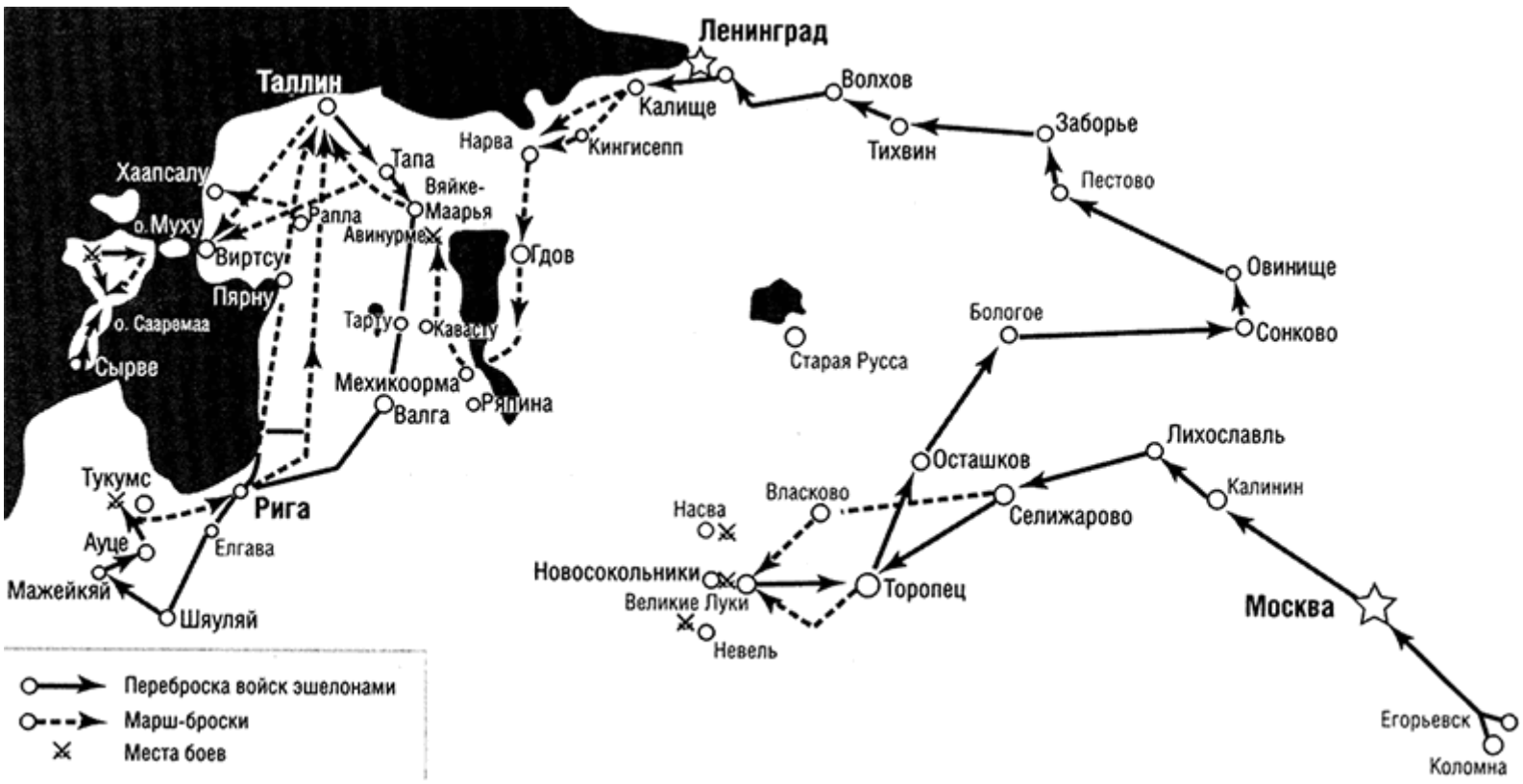
В заключение стоит добавить, что на территории оккупированной немцами Прибалтики действовали многочисленные партизанские отряды, в которых воевали эстонцы, латыши, литовцы, русские и евреи.

Глава 14. Война после войны

Сразу после прихода Красной Армии в Прибалтику сотрудничавшие ранее с нацистами националисты прибегли к тактике террора и партизанской войны. Уже в июле – августе 1944 г. вслед за войсками 3-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на территорию Литвы вступили соединения и части войск НКВД. В республике были развернуты семь пограничных полков, в задачу которых входила очистка прифронтовой полосы и освобожденной территории от «отставших солдат и офицеров германских

частей, мародеров, дезертиров, вражеской агентуры, антисоветских элементов, пособников противника».

С 14 по 20 июля 1944 г. НКВД и НКГБ Литовской ССР было арестовано 516 человек, в том числе 51 шпион, 302 активных пособника немецких оккупационных властей, 36 участников подпольных антисоветских националистических организаций и 35 уголовников.

Боевой путь 8-го Эстонского стрелкового корпуса

Аналогичная ситуация сложилась в Латвии и Эстонии. На освобожденной территории Латвии в мае – августе 1944 г. были арестованы 190 немецких агентов, сотрудников полиции, предателей, изъято 1412 винтовок, 162 автомата, 66 пулеметов, 670 гранат, 43 револьвера. В октябре – декабре того же года отдел по борьбе с бандитизмом НКВД СССР провел несколько чекистско-войсковых операций на территории Эстонии, в результате которых были задержаны 356 повстанцев, 333 бандпособника, изъяты 712 винтовок, 28 автоматов, 45 пулеметов, 32 револьвера, 43 500 патронов.

В Эстонии в 1946–1956 гг. националистами был убит 891 человек, в том числе 447 активистов советских и партийных органов, крестьян, получивших землю в результате проведенной советской властью земельной реформы, а также членов их семей, 295 бойцов отрядов народной самозащиты, 52 сотрудника правоохранительных органов, 47 военнослужащих[400].

Начиная с 1946 г. активную помощь прибалтийским националистам оказывали спецслужбы Англии и США. Они не только предоставляли денежные средства, организовывали на своей территории и на оккупированных территория в Европе базы и учебные лагеря для диверсантов, но и напрямую участвовали в боевых действиях, предоставляя самолеты, корабли и катера для высадки агентов на территорию СССР.

Сейчас у нас многие либералы утверждают, что, мол, зачинщиком «холодной войны» был Советский Союз. Я не буду говорить о речи У. Черчилля в Фултоне в 1946 г., признанной большинством историков в качестве точки отсчета начала «холодной войны». Гораздо менее у нас известно официальное высказывание президента США Д. Эйзенхауэра: «…появление советского самолета над США будет означать начало ядерной войны». А вот советское правительство годами терпело самолеты США и Англии над своей территорией и лишь эпизодически сообщало о них в печати (примерно в одном случае из тридцати).

Так, 11 мая 1954 г. на территорию Эстонской СССР с целью создания нелегальной резидентуры с самолета были десантированы агенты ЦРУ Тоомла и Кукк, а над территорией Латвии с того же самолета был сброшен бывший преподаватель американской разведшколы в городе Кемптен (ФРГ) Бромбергс (оперативный псевдоним Энди). Чуть позже в ходе завязавшейся после ареста указанных агентов оперативной игры, у берегов Литвы был захвачен быстроходный катер, доставивший очередную партию военного груза для «лесных братьев».

Только в процессе проведения оперативных игр в Латвии с 1949 по 1956 год органами госбезопасности было захвачено 15 агентов английской разведки, у которых было изъято 32 портативных коротковолновых радиостанции, 17 радиомаяков, 6 видов тайнописи, более трех миллионов рублей денег и т. п.

Стоит заметить, что документы по борьбе с бандами националистов и англоязычной агентурой в подавляющем большинстве хранятся в архивах РФ под грифами «секретно» и «сов. секретно», особенно это касается Эстонии и Латвии. Рассекречено лишь несколько дел по Литве. Это было связано, с одной стороны, с тем, что масштаб боевых действий в Литве был намного выше, чем в Эстонии и Латвии, а также с рядом утечек информации по «делу Берии» и с другими факторами.

Бандформированиями в Литве руководил Верховный комитет освобождения Литвы (ВКОЛ), лидерами которого были К. Белинис, А. Гинейтис и П. Шилас. ВКОЛ подчинялся Литовской освободительной армии (ЛЛА – Lietuvas Laisves Armia). Вооруженные отряды ЛЛА назывались «Ванагой». Общее руководство их боевыми действиями осуществлял главный штаб, разделивший территорию Литвы на округа: Вильнюсский, Паневежский, Шяуляйский и Ковненский. Южная Латвия, где проживали наиболее бедные слои крестьянства, стала настоящим «партизанским» краем. Каждому округу подчинялись уездные формирования – батальоны или полки. Волостные формирования – роты или батальоны – подчинялись уездным, а деревенские – взводы и роты – волостным. Деревенские подразделения состояли из 2–3 отделений, в состав которых входили как бывшие военнослужащие буржуазной литовской армии, рабочие, служащие, крестьяне, студенты и учащиеся, так и священнослужители (капелланы) и бывшие полицейские, служившие в немецких войсках. На вооружении они имели оружие немецкого и советского производства. В начальный период движения большинство бойцов носили военную форму литовской армии.

Для борьбы с бандами националистов советское командование привлекло отряды местной самообороны («истребители»), которые в октябре 1945 г. по постановлению ЦК компартии Литвы и Совмина Литовской ССР были переименованы в отряды «народных защитников». Сначала они находились в ведении НКВД, а с 1947 г. стали подчиняться органам госбезопасности.

Отряды народных защитников формировались из местных активистов и вооружались в основном трофейным оружием. Бойцы отрядов освобождались от воинской службы и получали различные льготы.

Их формирования были созданы во всех литовских волостях. В каждом отряде насчитывалось около 30 бойцов, а всего по всей Литве их было 8—10 тысяч. Отряды народных защитников участвовали в боевых операциях совместно с оперативными группами войск НКВД и армии.

Большую роль в борьбе с бандформированиями сыграли отряды чекистов, замаскированные под «повстанцев». В июне 1945 г. по указанию наркома внутренних дел Л. П. Берии в Литву «для вскрытия и ликвидации контрреволюционных литовских националистических банд» дополнительно направили четыре спецподразделения отдельного отряда особого назначения (ООН) НКВД-НКГБ СССР. Их личный состав был экипирован в трофейное обмундирование, в том числе и РОА, и вооружен как советским, так и трофейным оружием, в том числе ротными минометами, пулеметами, автоматами и гранатами. Каждое подразделение имело подробную информацию о положении в том уезде, где ему предстояло действовать. Основной задачей командиров ООН было «обнаружение и ликвидация формирований националистического подполья, баз и штабов ЛЛА».

Однако, несмотря на все принятые меры, с 1944 по 1953 год бандами националистического подполья в Литве было убито 12 910 человек из числа партийно-советского актива и трудящихся, положительно относившихся к советской власти.

Националисты в Литве активно поддерживались спецслужбами США и Великобритании. За 1945–1953 гг. ЦРУ и СИС[401]было переброшено в Литву 13 эмиссаров, снабженных радиостанциями, оружием и другими предметами.

История боевых действий в Литве в 1945–1956 гг. еще ждет своих исследователей. Но вот только один пример. Подразделения 4-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД-МВД, располагавшейся в Литовской СССР, в 1944–1954 гг. провели 1764 операции и имели 1413 боестолкновений с

«повстанцами». При этом было убито и захвачено в плен 30 596 бандитов, а части внутренних войск потеряли 533 человека убитыми и 784 человека ранеными.

Чтобы окончательно покончить с бандитизмом, следовало лишить его социальной базы. 21 февраля 1948 г. Совет Министров СССР принял постановление № 417—160сс о выселении из Литвы членов семей бандитов, а также бандпособников из числа кулаков. Операция, получившая название «Весна», проводилась 22–23 мая 1948 г. Ее результатом стало выселение 39 766 человек[402].

29 января 1949 г. было принято постановление Совета Министров СССР № 390—138сс «О выселении с территории Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализованных бандитов, продолжающих вести вражескую работу, и их семей, а также семей репрессированных пособников бандитов».

Исполнение этого решения началось 25 марта 1949 г. Подлежавшие выселению лица направлялись на жительство в районы Казахстана, Башкирской, Бурятской, Якутской и Коми АССР, Красноярского края, Архангельской, Иркутской, Новосибирской, Омской и ряда других областей под административный надзор органов милиции. При этом переселенцам разрешалось брать с собой деньги, ценности, одежду, продукты питания, мелкий сельскохозяйственный инвентарь общим весом до полутора тонн на семью. На каждого арестованного и направлявшегося в лагерь, а также на каждую выселяемую семью заводилось учетное дело.

Разумеется, нынешние прибалтийские политики стараются всячески завысить количество выселенных. Например, бывший посол Эстонии в РФ Тийт Матсулевич писал: «25 марта 1949 года – также мрачный день нашей истории, та волна унесла свыше 60 тысяч человек, коснувшись в основном крестьян, поскольку Советская власть повела решительную борьбу за создание колхозов»[403].

Впрочем, у человека, снятого с должности за финансовые злоупотребления, отношения с арифметикой должны быть, скажем так, своеобразными. На самом деле из Эстонии тогда было выселено 20 173 человека, из Литвы – 31 917, из Латвии – 42 149[404].

Не соответствуют действительности и россказни о высокой смертности среди депортированных прибалтов в местах поселений. Так, в 1945–1949 гг. из Прибалтики в ссылку прибыло 142 543 человек, из них за 1945–1950 гг. умерло 8194 человека[405].

В 1951 г. состоялось еще одно выселение из Литвы – переселили около 23 тысяч кулаков и членов их семей.

Эти решительные меры сыграли свою роль. В 1952 г. бандитизм резко пошел на спад, а к 1956 году националистическое подполье окончательно сложило оружие.

Глава 15. Повседневная жизнь Прибалтийских республик. 1945–1990 гг.

После окончания войны вся страна начала восстановление экономики Прибалтики. Сразу же после освобождения Эстонии от фашистов РСФСР выделила Таллину 300 миллионов рублей на восстановление народного хозяйства. Еще 260 миллионов пострадавшей Эстонии направили другие республики. Они же прислали 40 тысяч тонн угля и кокса, 11,5 тысячи тонн металла, 1150 автомобилей. Для сравнения: в 1945 г. Эстония поставила товаров и промышленной продукции на 85 млн рублей.

В Эстонии, как и во всей Прибалтике, строились многочисленные автострады. В 1980-х годах был реконструирован и существенно расширен строившийся со времен Петра Великого Ревельский порт. Фактически был создан новый порт, получивший название Новоталлинский.

Недалеко от Таллина в местечке Раннамыйза на средства Министерства культуры СССР был создан прекрасный Национальный парк с ветряными и водяными мельницами и другими предметами национальной культуры Эстонии. Вспомним фильм «Три мушкетера», там д’Артаньян скачет на фоне двух живописных ветряных мельниц. Этот эпизод, как и многие другие, снимались в Раннамыйза. А в Пирита был построен Олимпийский парусный центр. Москва тогда даже изрядно подпортила отношения с Киевом, так как украинское правительство считало, что все соревнования по водным

видам спорта Олимпиады-80 должны проводиться исключительно в Крыму и в Одессе. Но Брежнев решил провести Водную часть Олимпиады именно в Эстонии.

В Таллине была построена новая, уникальная по своей архитектуре 340-метровая телебашня, и на сегодняшний день остающаяся самой высокой в северных странах!

За 50 лет «советской оккупации» валовая продукция в промышленности Эстонии возросла в 55 раз, добыча горючих сланцев – в 13,5 раза, объем капиталовложений – в 30 раз. В сельское хозяйство было вложено 6 млрд рублей, в результате чего урожайность и сборы зерновых увеличились вдвое[406].

В 1980-х годах на Западе «главным эстонским диссидентом» считали писателя Уно Лахта. И вот сейчас Уно Лахт рассказывает о секретном докладе ЦРУ «Положение дел в Эстонской ССР»: «В 1980 году эстонскими эмигрантскими кругами, специалистами по разведке и прочими был подготовлен солидный доклад “The Case Study of Estonian SSR”. Естественно, предназначался он не для широкого круга, а потому позволял себе обобщения и выводы, которые у нас практически не встретишь. Американские органы разведки подробно анализировали положение дел в Эстонии того периода, довольно точно характеризовали все стороны жизни в республике, приводили объемные фактические данные, тысячи имен и названий. Вплоть до фамилий участников студенческих обществ или сотрудников НИИ. Всего – 600 страниц мелкого шрифта. Выводы, сделанные американцами об Эстонии 1980 года, были комплиментарными. По докладу получалось, что Эстонская ССР – идеальное государство. И это притом, что отмечалась и умеренная русификация населения, и работа советских органов контрразведки. Меня, помнится, поразил тот факт, что доклад ставил знак равенства между экономикой и развитием Эстонской ССР и Дании. Доклад показал, что, несмотря на известные проблемы, система в целом работала успешно, вся статистика доклада ЦРУ – в пользу той, советской Эстонии. И это весьма необычное признание, учитывая, что книга эта была подготовлена в самый разгар “холодной войны”»[407].

За годы послевоенной «оккупации» республики число средних школ на селе возросло в 4 раза при трехкратном сокращении сельского населения. Обучение в эстонских школах длилось 11 лет (затем 12), на год больше, чем в русских, чтобы дети учили русский язык не в ущерб родному и всем другим предметам. В десятки раз возросло количество студентов вузов и средних специальных учреждений, количество преподавателей и научных работников. Создана Академия наук в составе 11 самых современных институтов. Средний эстонец писал и издавал книг на родном языке в два раза больше, чем литовец или латыш, в три раза больше, чем грузин или русский, в 35 раз больше, чем украинец. По торговому обороту на душу населения Таллин уступал только Москве.

«Восстановление народного хозяйства Латвии первыми в 1945 году начали части Красной Армии. За счет своих сил и средств они восстановили в Латвии почти все крупнейшие мосты и важнейшие предприятия и электростанции.

Значительную помощь в восстановлении латвийской экономики оказали союзные республики СССР, ввозившие в Латвию большое количество машин, заводского оборудования, жидкого топлива, угля, металлов, промышленного сырья, транспортных средств, продуктов питания и товаров широкого потребления.

Капиталовложения в экономику Латвийской ССР в течение первой послевоенной пятилетки (1946–1950) превысили 3 млрд рублей. В 1945 году, дополнительно к плановым ассигнованиям, советское правительство через Сельскохозяйственный банк СССР выделило 15 млн рублей для помощи сельскохозяйственным кредитным товариществам Латвии и образования из основных капиталов. В 1949 году советское правительство снова оказало помощь сельскому хозяйству Латвии кредитами, удобрениями, сельскохозяйственной техникой, тракторами. Кроме того, в 1951 году почти вдвое выросли ассигнования на нужды образования Латвии (по сравнению с 1941 г.) и составили 459 млн рублей.

Благодаря этим усилиям и финансовым вложениям, в течение 1945–1946 годов в Латвии были восстановлены Рижская, Даугавпилсская, Слокская, Айвискстская, Цесисская, Елгавская и другие электростанции, Рижский суперфосфатный завод, Рижский вагоностроительный завод “Вайрогс”, Даугавпилсский паровозо-вагоноремонтный завод, Лиепайский завод “Сарканайс металургс”, Елгавская льнопрядильная фабрика, Крустспилсский, Лиепайский и Елгавский сахарные заводы, электротехнический завод “ВЭФ” (производивший телефонную и радиоаппаратуру), велосипедный

завод “Саркана Звайгзне”, цементный завод, стекольные заводы, механизированный хлебозавод, завод автоэлектроприборов, кожевенный завод “Югла”, кондитерские фабрики “Лайма”, “Узвара”, “17 июня”, текстильные фабрики “Большевичка”, “Мерино”, “Паризес Коммуна” и многие другие.

В течение 1946–1950 годов в Латвии было создано также множество новых промышленных предприятий, в том числе заводы “Автоэлектроприбор”, “Радиотехника”, электромашиностроительный завод, заводы гидро– и автоэлектроприборов и другие. Всего за 1946–1950 годы было восстановлено, построено и введено в действие свыше 6 тысяч промышленных предприятий, не считая мелких.

В результате если в декабре 1944 года валовая продукция промышленности Латвии составляла лишь около 15–16 % от довоенного уровня, то в 1946 году – свыше 80 %. К 1947 году промышленность Латвии достигла довоенного уровня, а в некоторых отраслях даже превзошла его. К 1 января 1948 года валовая продукция превысила довоенный уровень в среднем на 15 %, а в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности – в три с лишним раза. В 1950 году объем промышленного производства вырос в 3 раза, а выработка электроэнергии в 2,3 раза по сравнению с 1940 годом.

Уровень жизни латышей также повысился. Общая сумма доходов рабочих, служащих и крестьян в 1950 году возросла по сравнению с 1940 годом на 62 %, к тому же за 1947–1950 годы цены на товары массового потребления трижды снижались. Уже к 1947 году промышленность советской Латвии превзошла довоенный уровень, тогда как многие районы РСФСР еще жили в разрухе. Кстати, до установления советской власти средняя продолжительность жизни здесь не превышала 58 лет, а детская смертность в 1940 году была одной из самых высоких в Европе – 73 на 1000 новорожденных малышей. К началу семидесятых годов люди стали жить в среднем до 70 лет, а детская смертность сократилась в пять раз…

Восстановление городов и промышленности Литвы началось еще в 1944 году, а уже в 1945 году вступило в строй более 80 % действовавших до войны фабрик и заводов. Крестьянам были возвращены земли, выделенные им советской властью в 1940 году и отнятые впоследствии немецкими колонистами и бывшими землевладельцами и помещиками. В 1948 году промышленность Литвы достигла довоенного уровня, а в 1950-м превысила его на 90 %. Восстанавливать народное хозяйство Литвы помогала вся страна – советское правительство выделило для этой цели дотацию в 200 млн рублей. Другие республики Советского Союза поставляли в Литву стройматериалы, машины, станки, оборудование, транспорт, энергопоезда. С целью восстановления разрушенного хозяйства республики было создано специальное Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР под председательством М. А. Суслова, действовавшее в Вильнюсе с ноября 1944 года по июль 1946 года.

Правительство СССР продолжало заботиться о развитии промышленности, сельского хозяйства, социальной сферы и инфраструктуры Литвы вплоть до конца 1980-х годов. Так, в середине 1980-х годов здесь была построена 300-километровая автомагистраль, прошедшая почти через всю страну от Вильнюса до Клайпеды. До сих пор шикарный автобан Вильнюс – Клайпеда остается гордостью Литвы, даже по современным европейским меркам. Когда-то здесь были даже аварийные телефоны-автоматы через каждые пять километров, хотя сейчас, в эпоху мобильной связи, их убрали за ненадобностью. “…Это лишь один из многих действующих памятников так называемой “советской оккупации”, – пишет клайпедский публицист В. Ныркo. – Вот такой незаживающий “шрам” остался на теле Литвы… Между двумя российскими столицами Москвой и Петербургом подобной дороги нет и поныне! Шикарный автобан проложили почему-то не от столицы сверхдержавы, а на далекой балтийской окраине СССР”»[408].

В 1945–1948 гг. советские власти из Германии и других стран Европы вывезли в Прибалтику 42 принадлежавших ранее немцам промышленных предприятия, в том числе 8800 единиц современного технического оборудования – станков, агрегатов и т. д. Приблизительно столько же трофейной техники было направлено в Литву и Эстонию.

Советское правительство не только не пыталось эксплуатировать Прибалтику в качестве колонии, но и наоборот, стремилось сделать из нее витрину «социалистического образа жизни» за счет других народов СССР и в первую очередь – русского.

В Прибалтике, в отличие от РСФСР, не проводилось поголовной коллективизации и оставалось значительное число частных хозяйств. По данным прибалтийской и общесоюзной статистики, свыше 65 % товарной сельхозпродукции в странах Балтии в конце 1990 г. обеспечивали частные и

кооперативные хозяйства. Только в Прибалтике с 1960-х годов создавались кооперативные (то есть вне общесоюзной собственности) промышленные, транспортные, торговые и курортные предприятия. Минимум половина ежегодных доходов этих объектов оставалась в их собственном распоряжении.

По уровню же накопленной прибыли именно прибалтийская экономика к 1991 г. занимала первое место в СССР (среди регионов теперь уже экс-СССР). А по темпам роста общесоюзных производственных капиталовложений, уровню зарплат и пенсий Прибалтика занимала первое место в СССР со второй половины 1960-х годов.

Замечу, что свыше половины доходов прибалтийских портов от экспортно-импортных и транзитных операций с середины 1950-х оставалось в их распоряжении, чего не было в других регионах СССР.

По темпам создания новых рабочих мест, жилищного строительства, развития транспортной, энергетической и медицинской инфраструктуры Прибалтика с середины 1960-х годов тоже была лидером в СССР. Совокупный же ВВП Латвии, Литвы и Эстонии за 1940–1986 гг. увеличился более чем в 7 раз. И это с учетом восстановления в 1945–1949 гг. разрушенного в годы войны хозяйства, в то время как в межвоенный период (1918–1939 гг.) он возрос только на 35 %. Подобный рекорд был обусловлен и символическими расценками для Прибалтики на российские, азербайджанские, среднеазиатские энергоносители: в странах Балтии нет промышленных запасов нефти, газа, угля, а до второй половины 1940-х годов там не было ни гидроэлектростанций, ни нефтепереработки.

Я до сих пор приводил советские источники и достаточно достоверные данные советской статистики. Но как трактуют экономическое развитие страны Прибалтики? Возьмем, к примеру, книгу Марта Лара «Очерки истории эстонского народа», изданную в Таллине в 1992 г. Замечу, что автор с 1992 г. по 1994 г. и с 1999 г. по 2002 г. был премьер-министром Эстонии.

«Наряду с созданием машиностроительной промышленности, развиваемой на базе привозного сырья рабочей силы в чужих интересах, предусматривалось хищническое выкачивание полезных ископаемых. Особое внимание уделялось сланцу. В 1948 г. в Кохтла-Ярве открылся первый в мире газосланцевый завод, продукция которого вывозилась главным образом в Ленинград. Там же в 1949 г. была пущена мощная ТЭЦ, вслед за ней в 1951 г. – другая, такого же рода, в Ахтме. Если исходить из советской статистики, Эстония в эти годы достигла небывалого промышленного подъема (темп роста – до 66 % в год), но достигалось это не путем интенсификации и повышения производительности труда, а созданием новых рабочих мест. Так, в 1939 г. сланца на одного рабочего добывалось 494 тонны, а в 1950 году – 482 тонны. Новые рабочие места были для советской системы самоцелью»[409].

Тут господин Лаар явно лукавит. Откуда он знает, сколько сланца приходилось на одного рабочего? В СССР никогда не велось такой статистики, статистика велась по числу сотрудников данного предприятия. И в этом большая разница.

Молодой читатель в значительной части своей не знает, что на больших и средних предприятиях СССР человек не только работал, но и лечился, покупал по заниженным ценам, а то и бесплатно продовольственные продукты (система «заказов»), получал за 30 % стоимости или бесплатно путевки в дома отдыха и санатории и т. д. Соответственно, в число сотрудников предприятия как официально, так и неофициально включали врачей ведомственной поликлиники, работников столовых, буфетов, «домов культуры», турбаз, домов отдыха, яслей, детских садов и т. п.

Естественно, что средняя выработка на одного сотрудника предприятия была ниже, чем на одного рабочего. Зато при капитализме человек должен всем платить – и лавочнику, и врачу, и пастору, и владельцу кинотеатра и т. д. В советской Прибалтике, равно как и во всех других республиках, социальная помощь малообеспеченным сотрудникам могла превысить их официальный заработок. Вот, к примеру, женщина – рабочая или техник, имея двух детей, получала бесплатно ясли, детсад, пионерский лагерь, путевку в санаторий или в дом отдыха, бесплатное лечение, посещение клуба предприятия и многое другое.

Следует заметить, что рост экономики и процветание Прибалтики происходили в основном за счет труда приезжих рабочих, инженеров и ученых. Тот же Лаар пишет: «В 1940-х годах приток русских во всяком случае был очень велик. Только в 1945–1947 гг. их прибыло 180 000(!), и еще более 30 000 в течение следующих трех лет. Это была почти четверть тогдашнего населения Эстонии. Целые города и

районы обрусели. Особенно это относится к Нарве и Силламяэ, ставшем впоследствии центром обработки радиоактивных веществ; эстонцев практически здесь нет»[410].

Тезисы архиглупейшие получаются – десятки тысяч прибалтов требовали работы, а злодеи-коммунисты отказывали им и эшелонами гнали десятки тысяч людей из Центральной России.

Увы, прибалты предпочитали, чтобы их дороги, заводы и порты строились чужими руками!

Правда, в чем-то прибалтам нужно отдать должное – культурный уровень мигрантов был весьма низок. И тут дело не в знании Пушкина, Достоевского или Маркса. Темпы урбанизации в Российской империи с 1861 г. по 1917 г. были велики и сопоставимы с аналогичными показателями в СССР в 1945–1970 гг. Но между сельскими жителями, приходившими в город во времена империи и в советское время, была принципиальная разница.

И те, и другие были вынуждены оторваться от сельской жизни, забыть многовековую крестьянскую культуру. Но если первые, приехав в город, всеми силами старались подражать коренным горожанам и быстро впитывали городскую культуру, то с начала 20-х годов значительная часть колхозников, приехав в город, считала себя «гегемонами», ненавидела и презирала коренных горожан и их культуру. В итоге мы получили большую прослойку «перекати-поля», которые давно утратили деревенскую культуру, но не пожелали приобрести городскую.

Те же москвичи и ленинградцы страдали от «перекати-поля» не меньше, чем прибалты. Но там националисты всеми силами пытались доказать, что хамоватая часть мигрантов и есть настоящие русские и, если честно сказать, в этом изрядно преуспели.

Студентом 2-го курса в конце 1960-х годов я три недели путешествовал по Эстонии. Естественно, что я старался быть предельно вежливым, но эпизодически получал в ответ: «Я по-русски не понимаю» («Ма эль оска вене кель» – пишу по памяти).

Это единственная фраза по-эстонски, которую я запомнил. Но как-то в Таллине с другой стороны улицы мне заорал какой-то толстомордый дядька: «Эй, ты, паря… Как пройти….» Дядька явно выпендривался перед своими не менее толстомордыми женой и детьми – «вот какой я крутой!» У меня автоматически вырвалось: «Ма эль оска вене кель!», что вызвало неописуемый восторг у прохожих, уловивших мой акцент.

Эстония показалась мне зарубежным государством. Я впервые увидел цветочные клумбы на неогороженных участках частных лиц. Только позже я понял, что это связано не с высокой культурой эстонцев, а с хамством наших «перекати-поле». Моя жена очень любит цветы, но она перестала их сажать на наших шести сотках.

Их безжалостно рвут, попутно ломая заборы и кусты. В последний раз соседи видели, как это делали вполне респектабельные девицы 14–16 лет. Будь это в деревне до 1917 г., их бы больно высек владелец участка, или экзекуцию бы провели по решению сельского схода. А сейчас с ними ничего нельзя сделать. А, между прочим, они читали и Толстого, и Достоевского, но «перекати-полю» просвещение не впрок. А вот заплатили бы их мамочки штраф в тысячу или пару тысяч евро, как в Европе, тогда бы дочки и призадумались.

Немцы же за 700 лет изрядно выдрессировали чухонцев, и у них по инерции царит европейский порядок.

В Пирите и Пярну я видел нудистские пляжи. Причем меня поразили не сами пляжи, а спокойная реакция прохожих. Зато у нас, если «перекати-поле» заметят девушек, купающихся или загорающих без купальников – пусть даже на другом берегу реки, пусть даже издалека ничего не видно, все равно начнут дико вопить, прыгать, размахивать руками – точная копия стада орангутангов, увидевших леопарда.

Наивная русская интеллигенция, сама много претерпевшая от «перекати-поля», до середины 1990-х годов воспринимала русофобию прибалтов как защитную реакцию от «перекати-поля». Прибалтийский сепаратизм воспринимался как форма борьбы против загнивающей советской партийной бюрократии. Русским, как и эстонцам, надоели «совковые» запреты. Мы тоже хотели читать, смотреть по телевизору и творить в личной жизни все, что хочешь, без оглядки на партком и КГБ.

Хорошей иллюстрацией настроений «творческой интеллигенции» стал фильм «Бакенбарды», снятый в 1990 г. на киностудии «Ленфильм» (автор сценария Вячеслав Лейкин, режиссер Юрий Мамин). Сам по себе фильм – заурядная халтура и злая карикатура на русских патриотов. В небольшой город Заборск приезжают люди, организующие движение «пушкинистов», выступающих против засилья в городе сексуально озабоченных банд хиппи, именующих себя «поцерами». В конце концов «пушкинисты» накостыляли «поцерам», и лидеры последних предлагают всем отправиться в Прибалтику, где есть свобода, демократия и нет злых «пушкинистов».

Вот так представляла себе движение националистов наша «прогрессивная интеллигенция». Вот бы сейчас отправить Мамина да Лейкина в Латвию, да в «неграждане»!

Но они остались и предпочитают по-прежнему нас обманывать.

Глава 16. Прибалтийский финал

«Перестройка», начатая М. С. Горбачевым, стала манной небесной для прибалтийских националистов. Спору нет, партийная геронтократия себя полностью дискредитировала. Советская экономика функционировала крайне неэффективно, началась хроническая нехватка товаров и продовольствия. Во внешней политике Политбюро совершало одну ошибку за другой. Так, в 1987 г. был заключен договор по ракетам средней и малой дальности, означавший по сути одностороннее разоружение СССР[411].

Чтобы противостоять американскому и пакистанскому проникновению в Афганистан, наши престарелые вожди не придумали ничего более умного, как ввести туда «ограниченный контингент советских войск». О поражениях английских войск в Афганистане в XIX веке и начале XX века старцы слыхом не слыхивали. А ведь ситуацию там можно было легко поправить с помощью ответных асимметричных мер. Так, например, можно было передать достаточное количество самого современного оружия арабским странам и Индии. В этом случае сама по себе угроза уничтожения Израиля и Пакистана заставила бы янки пойти на уступки в афганском и других вопросах. Ну а, в крайнем случае, США увязли бы сразу в двух тяжелых локальных войнах.

Самой большой и непоправимой ошибкой советского руководства стало подписание 1 августа 1975 г. Хельсинкских соглашений. Наши вожди всерьез думали, что США и НАТО теперь вечно будут уважать сложившиеся в Европе границы. Советская пресса уверяла собственное население в начале эры мира, добрососедства и т. п. А в это время американские бомбардировщики барражировали на кромке границ СССР, а «черные пташки» SR-71 неоднократно безнаказанно совершали полеты над нашей территорией. Американские и английские атомные подводные лодки столь же безнаказанно действовали в наших территориальных водах на Севере и у берегов Камчатки. Американские подводные лодки ставили в Охотском море западнее (!) Камчатки специальную аппаратуру на наши подводные кабели связи и т. д. Несколько раз вражеские лодки таранили наши субмарины у входа в наши же базы.

Наши моряки имели к тому времени превосходные противолодочные средства, и уничтожение вражеской лодки в наших территориальных водах было весьма несложным делом. Но, увы, Москва запрещала это делать. Естественно, что советскому народу знать обо всем этом было не положено.

Существуют различные пути перехода от тоталитарной доктрины к демократии, например в Испании или Китае. Так, китайцы за два десятка лет сумели перейти от примитивных трудовых коммун к смешанной высокоэффективной экономике. Причем во всех случаях удавалось сохранить территориальную целостность государства. К примеру, в Китае некитайцев на порядок или два больше, чем было нерусских в СССР в 1991 г. Тем не менее КНР, проведя глубокие экономические и политические реформы, не отдала ни пяди своей территории.

Горбачев же повел СССР по пути распада. Подавляющее большинство нашего населения не желало распада Союза. Однако очень многие желали ослабления центра и усиления роли местных властей, видя в этом единственную возможность отстранить от власти КПСС или, по крайней мере, ограничить эту власть.

Прибалтийские националисты начали активно поддерживать горбачевскую перестройку. В свое время по предложению Сталина была создана Литовская академия наук. И вот 3 июня 1988 г. так называемые

представители литовской интеллигенции (коммунисты и беспартийные) создали инициативную группу для поддержки горбачевской программы «гласности».

Это группа вскоре стала называться «Литовским движением возрождения», или просто «Саюдис» (по-литовски «движение»).

Своими главными задачами «Саюдис» провозгласил разоблачение сталинского режима, публикацию секретных протоколов к пактам Молотова – Риббентропа и защиту окружающей среды, в том числе прекращение строительства третьего атомного реактора на Игналинской АЭС.

Всего за несколько дней «Саюдис» стал главной оппозиционной силой в Литве. Теперь и руководители литовской компартии посчитали нужным присутствовать на собраниях и митингах «движения». Причем пример этому подал секретарь ЦК Компартии Литовской ССР Альгирдас Бразаускас, 24 июня 1988 г. появившийся на митинге «Саюдиса».

16 февраля 1988 г. в Вильнюсе впервые с 1940 г. националисты устроили демонстрацию, посвященную «Дню независимости Литвы».

В октябре 1988 г. Бразаускас был назначен Первым секретарем Компартии Литвы. При его поддержке 22–23 октября в Вильнюсе прошел учредительный съезд «Саюдиса», фактически превратившегося в политическую партию. Съезд получил приветственные телеграммы от члена Политбюро А. Яковлева.

Историк Михаил Крысин писал о взлете «Саюдиса»: «Председателем “Саюдиса” был избран мало кому известный музыковед, доцент Вильнюсской государственной консерватории Витаутас Ландсбергис, преподававший там марксистско-ленинскую экономику.

Его отцом был тот самый граф В. Ландсбергис-Жямкальнис, профессор архитектуры, который летом 1941 года в течение сорока дней занимал пост министра коммунального хозяйства во временном правительстве “Фронта литовских активистов”. И хотя немцы разогнали “правительство” ФЛА уже в начале августа 1941 года, граф Ландсбергис-старший за это время успел накопить небольшой капитал за счет ценностей и имущества казненных евреев. Этого хватило на то, чтобы эмигрировать в Австралию, открыть там свое дело и значительно умножить свое состояние. После провозглашения независимости в 1991 году, в самый разгар так называемой реприватизации, Ландсбергис-старший вернулся в Литву и получил назад свой бывший дом в Кочергине под Каунасом, национализированный советской властью после войны. Новое правительство неизвестно за что присвоило ему звание “заслуженного архитектора Литвы”, хотя едва ли он построил хоть что-то на своей родине.

В октябре 1988 года на пост председателя “Саюдиса” были и другие кандидатуры – например, писатель В. Петкявичус, философ Ю. Юзопайтис и другие.

Но сами же власти Литовской ССР упорно проталкивали на председательское кресло Ландсбергиса-младшего. В. Петкявичус впоследствии рассказал, что Ландсбергиса активно поддерживали секретарь Компартии Литвы Л. Шлепетис, председатель КГБ Литовской ССР генерал Э. Эйсмунтас, министр внутренних дел Литвы С. Лисаускас и другие. Они беседовали с каждым из претендентов на пост председателя, убеждая их отказаться в пользу Ландсбергиса. Недовольные этой закулисной игрой, многие члены Совета “Саюдиса” не явились на собрание, посвященное выборам председателя. Из 35 членов пришло только 16. Из этих 16-ти за кандидатуру Ландсбергиса проголосовали только 9 человек. (Любопытно, что сам Ландсбергис тоже отсутствовал, что не помешало его избранию!) Заместителем председателя был избран литератор-переводчик В. Чапайтис. В знак протеста Петкявичус и некоторые другие покинули собрание, а вскоре были отстранены от руководства»[412].

В марте 1990 г. на выборах в Верховный Совет Литвы местная компартия получила 23 депутатских места из 141. Остальные места достались депутатам от «Саюдиса», а также независимым кандидатам.

11 марта 1990 г. председателем президиума нового парламента был избран Ландсбергис. Бразаускас же был вынужден сложить полномочия. В тот же день парламент принял декларацию о независимости Литвы.

Аналогичные события произошли и в Латвии. Там с 1976 г. полулегально действовала «хельсинкская группа». Позже она стала именоваться «Хельсинки-86» и филиалом «Международной хельсинкской

федерации по правам человека» (International Helsinki Federation for Human Rights), штаб-квартира которой находилась в Великобритании.

14 июня 1987 г. группа «Хельсинки-86» организовала в Риге первую демонстрацию, лозунгом которой стало требование независимости для Латвии. В 1987 г. лидеры группы организовали еще несколько демонстраций, в том числе и против строительства Даугавской ГЭС.

27 июля 1989 г. под давлением «Латвийского народного фронта» (ЛНФ) Верховный Совет Латвии принял Декларацию об экономической независимости. Избранный в марте – апреле 1990 г. новый парламент Латвии на две трети состоял из членов ЛНФ. По Конституции СССР этого числа голосов было достаточно для провозглашения независимости республики. И вот 4 мая парламент принимает 138-ю голосами из 201-го Декларацию о демократической и независимой Латвии.

Против выступила лишь партия «Равноправие», представлявшая часть русского населения Литвы. Я говорю «часть», потому что не менее трети русскоязычного населения Прибалтики поддерживало идеалы независимости новых лимитрофов. Причин этому было несколько. Во-первых, русскоязычным там жилось куда лучше, чем, например, в поселках Вологодской области или Поволжья. Поэтому многие верили сказкам националистов, что Прибалтика – колония России, откуда Центр выкачивает средства, и при независимости их материальное благополучие существенно возрастет. Ну а во-вторых, горбачевская власть сквозь пальцы смотрела на деятельность эстонских, латвийских и прочих националистов, но русские националисты подавлялись самым беспощадным образом.

Вспомним судьбу рабочего В. Осташвили, единственной виной которого было устройство скандала 17 января 1990 г. в здании Союза писателей на заседании антисоветского общества «Апрель». Никто при этом не был ни ранен, ни убит, но, увы, Осташвили получил срок, а затем его убили в лагере усиленного режима перед самым освобождением. В 1988–1991 гг. было убито еще несколько лидеров русских националистов. Понятно, что ни одно из этих преступлений не было раскрыто. Русское население было запугано собственными же МВД и КГБ.

А теперь обратимся к Эстонии, где местные националисты не отставали от своих литовских и латвийских коллег. Они создали так называемый «Эстонский гражданский комитет», который начал призывать объявить независимость Эстонии. Комитет организовал регистрацию «всех граждан довоенной Эстонской республики и из потомков», длившуюся целый год. Всего было зарегистрировано свыше 700 тыс. человек. По заявлению лидеров «Эстонского гражданского комитета» только эти граждане должны были пользоваться избирательным правом, чтобы решить судьбу будущей Эстонии. Полутора миллионам русскоязычных и тем, кто не прошел регистрацию, было отказано в праве голоса, а затем предполагалось лишить их и гражданства.

30 марта 1990 г. Верховный Совет Эстонской ССР принял резолюцию о восстановлении независимости Эстонии. Что толку возмущаться деятельностью националистов, когда 12 июля 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял «Декларацию о независимости России». Забавно получается – «метрополия» объявила о своей независимости от «колоний»! Подобного анекдота не было в истории человечества. Позже Ельцин объявит 12 июля «Днем независимости России». Независимости от кого? От Севастополя? Одессы? Нарвы? Наследники Ельцина поняли чудовищность «дня независимости» и переименовали 12 июля в «День России». И, увы, никто нам не объяснил, что, собственно, мы празднуем в этот день? С тем же успехом можно праздновать День битвы на Калке, День Брестского мира и т. п.

Весь 1990 год в Прибалтике царил хаос. Советские и партийные органы не контролировали ситуацию, ну а у националистов хватило силенок окончательно взять власть. Как уже говорилось, русскоязычное население было обмануто и запугано, и лишь кое-где местами коммунисты создавали рабочие дружины, требовавшие выполнения законов СССР и законов союзных республик.

Главными же центрами сопротивления сепаратистам стали Рижский и Вильнюсский ОМОН общей численностью менее 150 человек. Любопытно, что командовали обоими отрядами этнические поляки Чеслав Млынник и Болеслав Макутынович.

Участие обоих отрядов в политической жизни Литвы и Латвии начались с разгона… рабочих дружин, требовавших сохранить единство Союза. Так, например, 8 января 1991 г. Вильнюсский ОМОН применил силу против дружин, протестовавших у здания Верховного Совета Литовской ССР. 15 мая

Рижский ОМОН атаковал демонстрацию латвийских рабочих, шедших к Верховному Совету Латвийской ССР, желая передать свою резолюцию.

Позже Виктор Алкснис писал: «Я позвонил в приемную Бакатина, тогдашнего министра внутренних дел, и сказал, что у меня как народного депутата СССР есть к нему дело. На приеме я рассказал ему о ситуации в республике. Он: “Да, конечно, очень плохо, что там происходит! Да, конечно, обнаглели сепаратисты! Да, надо принимать жесткие меры! ” И как будто в подтверждение моих слов приходит сообщение из Риги, что власти используют силы МВД для разгона сторонников Союза.

Я договорился с Бакатиным, что делегация работников УВД Латвии будет им принята. Делегация приехала. Их было человек пять-шесть, латыши и русские, интернациональный коллектив, как сельских органов внутренних дел, так и Риги, столицы республики. Бакатин назначил встречу в субботу на 10 часов утра. Произносил громкие слова: “Молодцы, так держать! Храните верность Конституции СССР! Вы на переднем крае борьбы с проклятыми буржуазными националистами. Мы вас горячо поддерживаем, окажем максимальную помощь! ”»[413].

На самом же деле Бакатин[414] умышленно предавал интересы СССР. По указанию Бакатина МВД и часть Советской армии передавали оружие боевикам сепаратистов.

Тот же Бакатин выдал данные по секретному оборудованию слежения КГБ американской разведке.

Тем не менее бойцы Вильнюсского, а затем и Рижского ОМОНа распознали подлую игру, которую вели руководители МВД Литвы и Латвии и их покровитель Бакатин. И оба отряда стали центрами сопротивления сепаратистам.

В своих воспоминаниях Алкснис писал, что летом 1990 г. покончить с сепаратизмом можно было без крови или ценой малой крови. «Дело решалось на самом высшем уровне. Сам Горбачев ничего не стал бы предпринимать, но окружение, видя, куда все катится, давило на него, и он был вынужден хоть как-то реагировать. И, пусть со скрипом, начали приниматься меры. Речь шла о введении в Прибалтике чрезвычайного положения, для чего Президент СССР должен был подписать соответствующий указ. Акция назначалась, если не ошибаюсь, на 22 июля 1990 года. Все это можно было сделать совершенно законно, легитимно. Никто не стал бы бросаться под танки. Какие-то акции протеста прошли бы, но не массового характера.

Начались конкретные разговоры и дела по формированию структур, которые будут осуществлять этот режим чрезвычайного положения. Поскольку органы власти раскололись к тому времени по национальному признаку, Москва практически все управление осуществляла в основном через армию. Все директивы, распоряжения, особенно связанные с подготовкой к введению чрезвычайного положения, шли по линии армии. КГБ Латвии уже не доверяли, оттуда была замечена утечка информации. Приходит секретный документ из Москвы, и тут же его содержание становится известно Народному фронту. Поэтому функции КГБ и особые спецоперации были возложены на военную контрразведку ПрибВО. Соответственно политорганы, командование ПрибВО были подключены к организационным вопросам подготовки и введения чрезвычайного положения…

Но Горбачев, как обычно, все откладывал окончательное решение. Пытался заигрывать с лидерами Прибалтийских республик. Те постоянно давили на Москву, в том числе через российский Верховный Совет и Съезд народных депутатов России, которые фактически в тот момент поддерживали “свободолюбивые народы Прибалтики” в их стремлении к независимости. На этой почве у меня возникли серьезные трения с российскими депутатами. Я был одним из инициаторов принятия закона о механизме выхода из СССР. Я видел, к чему идет дело. Раз уж по Конституции республики имеют право выхода из Союза, так давайте определим, как должен быть обставлен этот выход. Откровенно говоря, я надеялся заложить в закон такие нормы, чтобы выйти было просто невозможно.

А Горбачев все откладывал и откладывал введение чрезвычайного положения на неделю, на две… и так из месяца в месяц.

Как-то уже сентябрьской ночью у меня в номере раздается телефонный звонок из Риги. Звонит Член Военного совета ВВС ПрибВО генерал-майор Филатов. – Виктор! У нас беда. Из Москвы прибыл генерал, зам Бакатина, и поставил задачу на разоружение рижского ОМОНа. Что за ерунда?! Мы же у него были только в мае, и он обещал поддержку. Правда, ничего не сделал, но хоть на словах был на

нашей стороне, и в прессе громил сепаратистов. – А это объективная информация? – Да, этот генерал уже провел совещание. Вызвал командира полка внутренних войск, приказал выделить силы и средства для разоружения ОМОНа. Тот встал на дыбы: как так, я буду разоружать своих товарищей?! На базе ОМОНа уже все известно. Там подняли тревогу, заняли оборону, будет оказано сопротивление»[415]. В конце концов, Алкснис позвонил в КГБ Ф. Д. Бобкову: «Он позвонил минут через пятнадцать. – Я говорил с Бакатиным. Открещивается. Он, дескать, слышал, что готовится какая-то операция, потому что ОМОН ведет себя чересчур вызывающе, но сам никакого отношения к этому не имеет. Якобы это инициатива кого-то из его замов. Но он пообещал дать команду отбой. Я тут же звонить в Ригу. Команда действительно, видно, пошла молниеносно, потому что мне говорят: “Да, из Москвы пришел отбой, вопрос снят. Спасибо за помощь”»[416]. Дело кончилось тем, что 29 ноября 1990 г. рабочие Вильнюса обратились к Горбачеву с просьбой снять Бакатина с поста главы МВД: «Может ли быть в составе Президентского совета человек, чья деятельность не препятствует деструктивным силам в Прибалтике, а значит, и во всей стране?» Указом президента Горбачева от 1 декабря 1990 г. Бакатин был снят с поста министра внутренних дел, а вместо него начальником МВД назначен Борис Пуго, латыш по национальности[417].

Латвийские националисты начали устанавливать памятники «легионерам» и войскам СС. 27 ноября министр обороны СССР Д. Язов издает приказ о праве вооруженных сил устанавливать, какие памятники могут находиться на территории республик, и в транслировавшейся по телевидению речи пригрозил идеологически чуждые ликвидировать. В ночь на 5 декабря были взорваны четыре памятника легионерам. Националисты ответили серией из восьми взрывов у партийных зданий, памятников Ленину и на территории военного училища.

В Риге националисты силой захватили Издательство ЦК Компартии Латвии. Министр Пуго отдал приказ, и рижский ОМОН 2 января 1991 г. отбил здание, обошлось без жертв.

В Латвии и Литве были созданы «Комитеты национального спасения», стремившиеся сохранить СССР. Однако Горбачев традиционно колебался, а его ближайшие сподвижники Яковлев, Шеварднадзе, Бакатин и Ко саботировали любые меры против сепаратистов.

20 декабря 1990 г. министр иностранных дел Шеварднадзе устроил великолепное шоу. Он заявил о том, что генералы и «кэгэбэшники» готовят заговор с целью установления диктаторского режима в СССР, и вскоре начнется террор «а ля 37-й год». Я сам видел это шоу на телеэкране – трагические жесты, высокопарные слова и благородная седина производили неизгладимое впечатление. Шеварднадзе объявил о своей отставке и немедленно стал кумиром нашей интеллигенции. А на самом деле он заметал следы, продав США огромный кусок нашей экономической зоны в районе Камчатки. Спросите нашу «рафинированную интеллигецию» о Шеварднадзе, какую русофобскую политику он вел в Грузии, сколько украл сам и сколько – его родня? Наш «рассейский» интеллигент сделает умный вид и скажет, что его «это не интересует».

На самом деле никаких попыток установления диктатуры в СССР не было, а лишь намечались ограниченные мероприятия по наведению порядка в Прибалтике. 7 января 1991 г. маршал Язов издает приказ направить туда подразделения десантных войск.

Наиболее сложная сложилась ситуация в Литве. 1991 год в республике начался с ощутимого повышения цен, вильнюсские предприятия отреагировали на него практически повсеместными забастовками, перед зданием парламента ежедневно шли антиправительственные митинги, которые очень быстро привели к отставке кабинета Казимеры Прунскене. Новое правительство сепаратистов возглавил Гедеминас Вагнорюс. В том же году на заводе электроизмерительных приборов состоялась пресс-конференция нескольких директоров предприятий союзного подчинения и функционеров Компартии Литвы, на которой было объявлено о том, что всю полноту власти в Литве берет на себя Комитет национального спасения – чрезвычайный орган власти, призванный вернуть Литву в советское конституционное поле. Несмотря на то, что даже персональный состав комитета не был объявлен, ему фактически подчинились все местные силовики, в том числе часть республиканской милиции во главе с командиром вильнюсского ОМОНа Макутыновичем.

О последующих событиях лучше всего повествует секретный доклад группы «А» КГБ, которая позже стала известна нам как «группа Альфа».

«11 января 1991 года в 17 час. 39 мин. в соответствии с решением руководства КГБ СССР в подразделении была объявлена боевая тревога и в 20 час. 00 мин. 65 сотрудников с 2 служебными собаками, во главе с начальником 3 отделения подполковником Чудесновым Е. Н. выехали в аэропорт “Внуково”. На 2 самолетах ТУ-134 в 21 час 30 мин. сотрудники группы “А” вылетели в г. Вильнюс, прибыли туда в 23 час. 00 мин. (время московское, далее указано местное время). В г. Вильнюсе группу сотрудников возглавил зам. начальника группы “А” подполковник Головатов М. В.

По прибытии 44 сотрудника были размещены в казармах республиканского пункта призывников военного комиссариата МО СССР, а 21 чел. на территории в/ч 22238 МО СССР. 12 января в 13 час. 00 мин. был проведен инструктаж, где до личного состава подполковником Головатовым М. В. была доведена информация об оперативной обстановке в республике и о предполагаемых действиях группы “А”. В соответствии с разработанным оперативным штабом КГБ Литвы и Прибалтийским ВО МО СССР планом, исходя из складывающейся критической политической обстановки в республике, перед сотрудниками КГБ СССР, КГБ республики, военнослужащими МО и МВД СССР была поставлена задача по разблокированию ряда объектов, недопущению вывода их из строя сторонниками движения “Саюдис”, прекращения вещания провокационных и подстрекательских теле– и радиопередач, и взятия этих объектов под охрану ВВ МВД СССР.

Объектами были определены следующие государственные учреждения:

Объект № 1 – Комитет по телевидению и радиовещанию (ул. Конарского, 49).

Объект № 2 – телевизионная приемно-передающая вышка (ул. Судервес, 10).

Объект № 3 – радиопередающий центр (ул. Менулио).

После принятия Инстанциями решения о проведении операции в ночь с 12 на 13 января был произведен боевой расчет сил и средств сотрудников группы “А”, и в оперативное подчинение были приданы силы 234 полка 76 Псковской воздушно-десантной дивизии МО СССР и сотрудники ОМОН МВД Литвы.

Силы были распределены следующим образом:

Объект № 1—25 сотрудников группы “А” (старший – начальник 3 отделения подполковник Чудеснов Е. Н.), 128 чел. Из ВДВ МО СССР, 8 БМД, 3 танка, 1 БТР связи, 3 автомашины “Урал” и 30 чел. из ОМОН МВД Литвы на 2 БТРах.

Объект № 2—29 сотрудников группы “А” (старший – зам. начальника группы “А” подполковник Головатов М. Н.), 127 чел. из ВДВ МО СССР, 16 БМД, 4 танка, 1 БТР связи, 3 автомашины “Урал”.

Объект № 3—12 сотрудников группы “А” (старший – помощник начальника отдела майор Гречишников А. И.), 30 чел. из ВДВ МО СССР на 2 автомашинах “Урал”.

В 23 час. 00 мин. подполковником Головатовым М. В. был проведен инструктаж с сотрудниками группы “А” по расстановке сил и средств, взаимодействию с военнослужащими СА и МВД Литвы, по организации и поддержанию связи. Было обращено особое внимание на применение стрелкового оружия и определен порядок использования спецсредств, о недопущении жертв со стороны населения. Было дано разрешение лишь на использование гранат ГСЗ, гранатомета РГ-506, изделия ПСЖ и приемов рукопашного боя…

В 01 час. 20 мин. началось выдвижение колон в район проведения операций.

О всех перемещениях военной техники по улицам города через телевидение и радио подробно информировалось население республики, вплоть до момента прекращения их работы. После выхода техники на улицы города к Комитету по телевидению и радиовещанию и телебашне стали стягиваться дополнительные силы, дороги были заблокированы большегрузными самосвалами, груженными камнями.

По замыслу проведения операции на объектах № 1 и № 2 танки должны были расчистить путь для продвижения колонн и с помощью БМД оттеснить людей от объектов, стрельбой холостыми зарядами оказать психологическое давление на толпу (в ходе проведения операции было произведено свыше 30

холостых выстрелов), а личный состав ВДВ и МВД, обеспечив коридор для проникновения в объекты сотрудникам группы “А”, очистить площадь и взять под свою охрану все названные объекты с последующей передачей под охрану дивизии ВВ МВД СССР.

Действовать внутри помещений, выполнить задачу по прекращению трансляции теле– и радиопередач должны были сотрудники группы “А” с приданными им проводниками из числа оперативных работников КГБ Литвы.

Оперативная обстановка характеризовалась следующим фактором. Вокруг объектов несли круглосуточное дежурство толпы людей (в ночь на 13.01.91 доходившие до 5–6 тыс. человек), агрессивно настроенных и возбужденных постоянными заявлениями представителя “Саюдиса”, дороги были блокированы грузовиками, автобусами и легковыми автомобилями. Здания теле-радиоцентра, телевышки были подготовлены на случай попытки их захвата, усилена охрана силами милиции города и сотрудников службы безопасности Скучиса, имевшими на вооружении личное и автоматическое оружие, в большом количестве были приготовлены камни, дубинки, “заточки”, бутылки с бензином. Были приведены в готовность противопожарные системы и брандспойты. Не исключалось наличие оружия у лиц, окружающих объекты…

Далее события развивались следующим образом:

Объект № 1. Подойдя к 02 час. 00 мин. к комплексу зданий Комитета по телевидению и радиовещанию, колона из 8 БМД с ОМОНом Литвы проследовала мимо и свою задачу по оказанию помощи сотрудникам группы “А” не выполнила. Затем, осуществляя маневр и развернувшись, остановилась в 150 метрах от объекта, причем десантирующийся личный состав к толпе людей не выдвинулся и смог лишь пробиться к телецентру лишь спустя 20 минут, в течение которых 2 оперативных группы (одна 5 чел., другая 20 чел.) из числа сотрудников группы “А” самостоятельно выполняли поставленную задачу.

Первыми предприняла попытку проникнуть в радиокомитет группа, возглавляемая помощником начальника отдела капитаном Тонковым О.Е…После чего опергруппа из сотрудников 3 и 4 отделений (в количестве 20 чел.), возглавляемая начальником 3 отделения подполковником Чудесновым Е. И. и начальником 4 отделения майором Мирошниченко А. М.; используя гранаты ГСЗ, стрельбу холостыми патронами и приемы рукопашного боя, группы вытянулись на площадь, на которой находилось до 5–6 тыс. человек.

Благодаря смелым и решительным действиям, группам удалось дойти до зданий радио– и телецентра, расположенных в разных административных корпусах. Части сотрудников приходилось сдерживать напор толпы и лишь 2 сотрудникам из группы к-на Тонкова О. Е. удалось проникнуть на 2-й этаж здания радиоцентра и отключить передающие системы, задержать работников студии. Лишь 8 сотрудников группы подполковника Чудеснова Е. Н. проникли на 2 этаж телецентра и прервали передачу из центральной аппаратной. Помимо этого сотрудниками опергрупп в здании телецентра было разоружено свыше 20 работников милиции, изъяты пистолеты Макарова и 6 автоматов АКСУ-74 с боеприпасами…

Во время проникновения на объекты в месте расположения десантников и сотрудников ОМОН слышались автоматные очереди и взрывы. Все сотрудники теле– и радиоцентра после фильтрования были отпущены.

Оба объекта были взяты под контроль в течение 10–12 минут и удерживались до подхода десантников, которые совместно с сотрудниками ОМОН организовали его охрану.

Разведчик лейтенант Шатских В. В., выполняя задание совместно со всеми, проник в здание телецентра и, лишь достигнув второго этажа, обратился к подполковнику Чудеснову Е. Н. с жалобой на боль в спине, после осмотра оказалось, что он ранен. Сотрудником к-ном Ивлечевым С. И. и л-том Зайцевым И. В. ему была оказана первая медицинская помощь. Л-нт Шатских В. В. имел пулевое ранение из автомата АКМ-74 калибра 5,54 мм в спину, пуля, пробив бронежилет, нанесла ему смертельное ранение»[418].

Все сотрудники группы «А» были в бронежилетах, поэтому кроме Шатских никто не погиб, но раненых было 11 человек. СМИ литовских националистов объявили о 14 убитых и 110 раненых среди толпы, окружавшей телецентр.

Так кто же стрелял в толпу националистов и советских солдат? «Альфа», как уже говорилось, вообще не стреляла боевыми патронами. Вильнюсский ОМОН в тот момент находился у себя на базе. Стреляли боевики «Саюдиса». Генпрокуратура СССР собрала неопровержимые доказательства, что стрельба велась из небольшого леса недалеко от телебашни из 7,62-мм патронных винтовок образца 1891 г. Было найдено место стрельбы, стреляные гильзы и даже пустые бутылки из-под водки. Однако после августа 1991 г. следствие Генпрокуратуры было прекращено, а литовская «незалежная» юстиция почему-то уже 17 лет не желает найти этих снайперов.

Зато в январе 1991 г. «демократы» в Вильнюсе и Москве подняли страшный вой. Громче всех вопили наши деятели культуры от Марка Захарова до Эльдара Рязанова. Над зданием редакции газеты «Московские новости» на Пушкинской площади развевался флаг литовских сепаратистов с траурной ленточкой. Бояться этим ребятам было нечего – МВД ловило русских патриотов, бронзовый же Пушкин не мог сойти с пьедестала. А сошел бы поэт, и новым «клеветникам России» не поздоровилось бы: на дуэль вызвать побрезговал бы, а вот палкой бы отходил…

В защиту прибалтов энергично выступил Ельцин. Он даже не поленился слетать в Таллин для поддержки сепаратистов. В такой ситуации Горбачев, постоянно делавший шаг вперед, а затем шаг назад, не рискнул отдать приказ о штурме здания Верховного Совета Литовской ССР. Мужество «Альфы» и десантников оказалось напрасным, националисты вновь перешли в наступление.

Описание «путча ГКЧП» выходит за рамки нашего рассказа. Лишь по поводу событий в Латвии я процитирую Виктора Алксниса: «В августе 1991 года 200 с небольшим человек Рижского ОМОНа сделали невозможное. Никто про это не говорит, но Латвия оказалась единственной республикой Советского Союза, где ГКЧП победил. И все это заслуга бойцов Рижского ОМОНа. В те два дня они действовали профессионально, жестко и эффективно. В результате их действий были отстранены от власти сепаратистские силы, за два дня ОМОНом практически без единого выстрела были взяты под контроль все стратегические объекты Латвии. И при этом никто не выходил на митинги и демонстрации протеста. Активисты Народного Фронта Латвии (НФЛ) были напуганы и добросовестно выполняли все распоряжения “оккупантов”.

21 августа бойцы ОМОНа готовились взять под свой контроль последний объект, находившийся под контролем сторонников НФЛ – здание Верховного Совета Латвии. И в этот момент поступила информация из Москвы, что члены ГКЧП полетели в Форос сдаваться. ОМОН отошел на свою базу под Ригой, занял круговую оборону, заложил взрывчатку в здания, в которых размещался. На предложения руководства Латвии сдаться омоновцы заявили, что никогда этого не сделают и будут отстреливаться до последнего патрона. Тогда руководство Латвии обратилось в Москву к победившим ельцинским демократам. Оттуда последовал приказ сдаться на милость победителям. ОМОН ответил отказом. Из Москвы последовал приказ полку морской пехоты, базировавшемуся на другой стороне Даугавы, разоружить ОМОН. Морские пехотинцы ответили отказом и добавили, что если будут приняты меры по разоружению ОМОНа, они пойдут им на выручку. Об этом же заявило еще несколько воинских частей. Возникла очень опасная для Ельцина ситуация, когда в Прибалтике армия могла выйти из повиновения.

И Ельцин в этот момент, когда ему позарез надо находиться в столице, бросает Москву и летит в Ригу, чтобы не допустить потери контроля над армией. В результате, под угрозой драматических событий, по сути военного мятежа, принимается решение о гарантиях безопасности бойцам рижского ОМОНа и членам их семей, а также об эвакуации их из Риги. В Ригу направляются самолеты военно-транспортной авиации для вывоза ОМОНа в Тюмень.

Я видел кадры видеосъемки, когда вдоль улицы стояли толпы людей и плакали, а мимо них в сторону аэропорта следовали бронетранспортеры, грузовики и автобусы с омоновцами. А на многих автомобилях были вывешены плакаты “Мы еще вернемся! ”»[419].

Аналогично развивались события и в Вильнюсе. Когда стало ясно, что августовский путч не удастся, на базу вильнюсского ОМОНа позвонил премьер-министр Литвы Вагнорюс: «Предлагаю в течение 20

минут сложить оружие и выйти. Иначе будет предпринят штурм силами Советской Армии. Директива из Министерства обороны у меня на столе».

И действительно, свеженазначенный командир Вильнюсской мотострелковой дивизии подполковник Валерий Фролов пригрозил Макутыновичу нападением на базу. В результате был достигнут компромисс.

К 24 августа из 150 человек с разрешения командира ушли 64 человека, зато к оставшимся присоединились их семьи.

Утром 24 августа из ворот базы ОМОНА в пригород Валакашней вышла колонна из четырех бронетранспортеров и нескольких автомашин. На головной машине развевался флаг милиции, на последней – красный флаг. Отряд прибыл в распоряжение мотострелковой дивизии и там был разоружен. Далее омоновцев на самолетах доставили в Россию.

Итак, в 1991 г. вновь сдетонировал прибалтийский фугас, заложенный Петром I и тщательно хранимый династией Гольштейн-Готторпов – Романовых. И если в 1918–1920 гг. Россия находилась в беспомощном состоянии, ей угрожали превосходящей военной силой вначале Германия, а затем Антанта, то в 1990–1991 гг. наша армия оставалась полностью боеспособной и сильнейшей в мире. Две сотни омоновцев в Вильнюсе и Риге доказали трусость националистов. Достаточно было нескольких дивизий, чтобы навести порядок в Прибалтике.

Наконец, был и другой путь «цивилизованного развода». Ведь и сепаратисты, и московские власти были едины во мнении, что советские республики не являлись суверенными государствами, и границы между ними были чисто административными. Это вроде бы очевидный факт, но наши либералы по-прежнему делают вид, что не понимают разницы между государственной границей и административной. Придется пояснить. У меня есть дачка – шесть соток – на границе с Владимирской областью. Но чтобы на нее попасть по железной дороге, надо сойти на станции на территории Владимирской области, а затем пешком вернуться в Московскую. Если Владимирская область станет «незалежной», то мне по дороге туда придется четыре раза пересекать государственную границу, четыре раза терпеть шмон таможенников и т. д. Понятно, что мне придется продать дачу за дешево. И теперь все идет к тому, что Калининградская область достанется тому, кто больше заплатит.

При разделе наше правительство должно было оговорить права миллионов русскоязычных граждан в Прибалтике. Уверен, что если бы русское большинство городов Нарва, Даугавпилс (Двинск) и других знало бы, что они станут «негражданами», чем-то вроде илотов в Спарте, то вряд ли бы они пожелали отделяться.

В 1990–1991 гг. не было никакого раздела собственности между прибалтийскими республиками и Центром. Просто националисты захватили все, что могли. Замечу, что по оценкам ЦБР и Внешэкономбанка РФ, совокупная задолженность стран Балтии в валютных обязательствах СССР почти достигает 3,1 миллиарда долларов.

Не был оговорен и нейтральный статус новопровозглашенных республик. Вспомним, что в 1962 г. США были готовы начать ядерную войну из-за размещения на Кубе советских военных баз. А вот сейчас на бывших советских аэродромах в Прибалтике базируются сверхзвуковые истребители. Время полета их от эстонской границы до Петербурга и Кронштадта составляет менее 4 минут. Нет никакой гарантии, что следующим после Польши местом размещения американских ракет не станут Латвия и Эстония.

Все вышесказанное общеизвестно и неоспоримо. Об этом знают и в правительстве, и в Генпрокуратуре. Знают пофамильно и конкретных виновников происшедшего – Ельцин, Горбачев, Яковлев, Козырев, Бакатин и прочие. Двое из них умерли и удостоились торжественных похорон, а остальные живут припеваючи, купаясь в роскоши и богатстве.

Наши же историки и писатели уже полвека пережевывают события 1930-х годов и обличают культ личности, «депортации народов» в 1944 г. и т. п. Малограмотные образованцы даже не знают, что «депортация» означает переселение людей из одного государства в другое. Так что переселение крымских татар, чеченцев и калмыков в 1944 г. никак не подходит под термин «депортация». А вот Ельцин в 1991 г. действительно депортировал 25 миллионов русских людей, в одночасье сделавшихся

бесправными мигрантами в незалежных республиках. Но это нашей творческой интеллигенции неинтересно, она предпочитает засорять телеэфир байками о детях Арбата или приключениями семейства Градовых.

Самая бедная, но гордая своей историей страна, уважаема соседями. Но ни одно государство, пусть даже до зубов вооруженное и богатое полезными ископаемыми, не будет уважаться, если его лидеры и послушные СМИ заняты обличениями своей истории. Такая страна не достойна ничего, кроме насмешек и презрения. Стыдно смотреть наши школьные учебники. Возьмем исторический атлас, выпущенный нашими «демократами» в конце 1990-х годов. Там на всей территории Российской империи приведены названия того времени. Там нет Краснодара, Волгограда или Кирова, а есть Екатеринодар, Царицын и Вятка. Зато все города Прибалтики именуются названиями конца XX века: Таллинн, Вильнюс, Даугавпилс, Елгава и т. д. Да не было в XIX веке таких городов. Были Ревель, Вильна (Вильно), Двинск (Динабург), Митава и т. д.

Не пора ли школьникам посылать куда следует таких русофобствующих педагогов, а родителям – подавать на них в суд?!

А если у нас в Министерстве образования сидят недоумки, не способные издать атлас с названиями, соответствующими своему времени, то пусть переиздадут исторические атласы, изданные в 1950–1956 гг.

Вот передо мной «Атлас истории СССР» (Часть 2. М. 1955 г.). На карте «Рост Российской империи с 1801 г. по 1900 г.» все находится на своих местах – Ревель, Юрьев (Дерпт), Митава, Либава, Ковно и Вильно.

Уважение прошлого вовсе не означает желания вернуть его. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку. И в XXI веке райкомы партии, управляющие промышленностью и сельским хозяйством, являются такими же анахронизмами, как и предводители дворянства, и дворянские собрания.

Но знать историю надо. И русское государство, и нас самих создали Иван III, Иван IV, Петр I, Екатерина II и Сталин. И другой истории у нас нет и не будет. А тем, у кого слова «Империя» и «Союз» вызывают лишь злобу и ненависть, стоит поискать иное государство с иной историей. И, видимо, надо не затягивать отъезд, пока это можно сделать с чемоданами и без хорошего пинка.

Сразу после провозглашения «незалежности» в Эстонии, Латвии и Литве началось прославление прибалтийских эсэсовцев. Как мы уже знаем, в 1941–1944 гг. никаких национальных прибалтийских формирований при немцах не существовало, кроме войск СС и полицейских частей, выполнявших карательные функции.

Так, 15 июня 1998 г. Сейм Латвии провозгласил день 16 марта государственным праздником – «Днем латвийских воинов». Именно в этот день в 1944 г. 15-я и 19-я дивизии СС, укомплектованные латышами, получили боевое крещение в районе города Волхова.

Теперь по всей Прибалтике ветераны СС стали национальными героями, а партизаны и бойцы Красной Армии – предателями и преступниками. Перечисление актов прославления гитлеровцев займет не одну страницу и хорошо известно читателю из газет и теленовостей. Я напомню лишь один факт. В конце апреля 2007 г. эстонские власти снесли надгробный памятник советским солдатам в центре Таллина и перенесли его на военное кладбище, лишив постамента. Эта акция вызвала бурю протеста российских властей и депутатов Думы, но, увы, никаких санкций против Эстонии не последовало. Активисты движения «Наши» устроили многодневную бузу у эстонского посольства. Возможно, часть населения одобрила эти акции, мол, ребята протестовали, как могли. Увы, это всего лишь глупый и пошлый фарс. Похулиганив у посольства, эти молодцы и красны девицы затем отправились в студенческие аудитории внимать профессорам, грудью защищавшим прибалтийских националистов в 1990 г., на спектакли Марка Захарова и т. д.

Вот если бы «Наши» от посольства вышли бы в центр Москвы с требованием начать следствие в отношении Ельцина, Горбачева и Ко, то это вызвало бы серьезный резонанс и в Таллине, и в Вашингтоне.

Говоря о правах человека в странах Балтии, нужно отметить два момента.

Там граждане имеют достаточно много прав, а вот неграждане лишены всех прав вопреки всем документам Евросоюза, куда Прибалтика была принята в 2003 г.

Гражданами новых республик стали лишь те, кто проживал там к началу 1940 г. и их прямые потомки. Таким образом, человек, приехавший в Прибалтику 50 лет назад и безвыездно проживавший там все эти годы, становится «негражданином», то есть бесправным лицом. Мало того, таковыми становятся его дети, внуки, правнуки и т. д., которые родились и выросли в Прибалтике. Получается, что ребенок, родители и деды которого родились, скажем, в Эстонии, не может автоматически получить эстонское гражданство. Теоретически он может получить гражданство по достижении определенного возраста, при соответствующем поведении, сдав на «отлично» экзамен по эстонскому языку и т. п.

Формально в Прибалтике есть полная свобода вероисповедания. Так, например, в Эстонии теперь граждане могут совершать религиозный брак, который официально приравнен к государственному. Замечу, что церковный брак был отменен эстонскими властями в 1925 г.

И в целом свобода вероисповедания в Эстонии соблюдается, за исключением мелких эпизодов. Так, например, на острове Хийумаа власть фактически сосредоточена в руках баптистов, которые преследуют язычников, то есть сторонников «Эстонской традиционной религии». Кстати, последних в Эстонии по переписи 2000 года было 1058 человек, а по социологическим исследованиям 2002 года – около 11 % от общего количества населения.

Но на русских свобода вероисповедания не распространяется. Сразу после получения независимости эстонские власти начали захват православных храмов, традиционно с XI века относящихся к Русской православной церкви[420], и стали передавать их своим ставленникам, образовавшим «Православную эстонскую церковь».

К 1 октября 2005 г. сложилась любопытная картина – по эстонским же данным «эстонская православная церковь» владела 60 приходами и имела 25 тысяч прихожан, а РПЦ, соответственно, 31 приходами и 170 тысячами прихожан. Таким образом, на одно церковное здание приходится 417 раскольников и 5484 православных верующих. Наше же правительство никак не реагировало на грабеж русской православной церкви в Эстонии.

Прогноз развития русскоязычного меньшинства в странах Балтии более чем неутешителен. Правительство РФ может сколько угодно стенать в Евросоюзе о правах русских граждан. Но, увы, и США, и Евросоюз давно придерживаются политики двойных стандартов в отношении России. Вспомним, что ни одно европейское государство не поддержало РФ в споре с Эстонией по поводу сноса памятника советским воинам в Таллине.

Максимум, что могут сделать наши политики из кампании по защите прав русскоязычных в Прибалтике, это предъявить Евросоюзу и США ультиматум: или навести порядок в Прибалтике, или Россия прекращает с ними любые переговоры или даже контакты в области прав человека. Благо, права русских людей наших супостатов никогда не интересовали, а «права человека» использовались в качестве повода для вмешательства во внутренние дела России.

Впрочем, эта тема в недалеком будущем отпадет сама собой. Русские в Прибалтике, которым в 1990 г. было двадцать и более лет, умрут русскими людьми. А вот их дети будут полурусскими, а внуки – эстонцами, латышами или литовцами.

За примером далеко ходить не надо.

Из десятков тысяч русских князей и дворян, живших в начале XVI века в Великом княжестве Литовском, через полтора века не оказалось ни одного, для которого русский язык остался бы родным, и ни одного, не перешедшего в католичество.

Сейчас наши СМИ выдают внуков и правнуков русских эмигрантов первой волны (1917–1922 гг.) за русских людей. Увы, они все европейцы или американцы, и не в первом поколении. Подавляющее большинство из них не говорят по-русски, но, самое главное, у них иная система мышления, нежели у нас.

То же неизбежно произойдет и с нашими соотечественниками в Прибалтике. Разумеется, если ситуация будет развиваться в мире так же, как в 1991–2007 гг. В ином же случае, как говорится, возможны варианты…

В 1991 г. страны Балтии освободились от оккупации и… стали жить за счет своей бывшей метрополии. Как уже говорилось, они захватили все предприятия, транспортные инфраструктуры, принадлежавшие Центру и построенные за счет России.

Так, Латвия «прихватизировала» 87 торговых судов, Литва – 70, Эстония – 75. России же остались 178 судов. Таким образом, на Балтийском море, где шли главные грузообороты Союза, русским и остальным народам бывшего СССР досталось лишь 43 % торгового флота.

Правда, распорядиться чужим торговым флотом прибалты толком не сумели. Латвия быстро распродала свои суда в розницу. Среди покупателей были и российские компании. В частности, в октябре 2003 г. было куплено 7 рефрижераторов типа «Курск». А эстонское правительство оптом продало суда норвежской фирме «Nehdi Eitzen Group».

Предприятия, доставшиеся прибалтам от СССР, в большинстве своем не смогли конкурировать с западноевропейскими. Поэтому такая же судьба постигла и большинство крупных предприятий. Вспомним, что продукция знаменитого латышского завода «ВЭФ» славилась по всему Союзу. У меня у самого был приемник «ВЭФ», которым я ловил «Би-би-си» и «Голос Америки». К 1990 г. на «ВЭФе» работало 20 тысяч человек. К 1999 г. оборудование завода было распродано, а четыре огромных корпуса общей площадью 75 тыс. кв. м за полтора миллиона долларов купила итальянская фирма под торговый центр.

В поставках сельхозпродукции Евросоюз тоже не особенно нуждается. Спору нет, экономику Прибалтики существенно пополнили финансовые вливания Финляндии, Швеции и США. Но тут главную роль сыграла политика, а не экономические выгоды.

В основном же Прибалтику кормит Россия. Российские фирмы по-прежнему покупают прибалтийские товары, хотя они по качеству в основном хуже западноевропейских. Почему это происходит? Это – коммерческая тайна, но, я думаю, здесь речь идет не об инерции установившихся торговых связей, а о нажиме российских властей.

Россия в течение 1000 лет никогда не пыталась использовать Прибалтику в качестве своей колонии, то есть объекта экономической эксплуатации. Действия удельных князей, московских государей, императоров и генсеков сводились исключительно к обеспечению безопасности северо-западных границ России и нормальному функционированию «окна в Европу».

Цены поставок российского газа в страны Балтии (в среднем за 2002–2005 гг.)

Государство	Эстония	Латвия	Литва
Цена, долл. США/1 тыс. кубометров	90	93	85
В %% от средней экспортной цены (100 %) в зарубежной Европе	77	83	67
Средняя цена, предлагаемая Норвегией, Данией и Голландией на 2005—2006 годы (долл. США/1 тыс. кубометров)	135	130	140

Теперь же прибалтийские государства вступили в НАТО и начали взимать с России большие деньги за пользование пресловутым «окном». По данным В. Иванова, доля доходов именно от российского грузотранзита в наполнении госбюджетов Латвии, Литвы и Эстонии с 1991 г. достигала, соответственно, 22–25, 18–20 и 15–17 процентов[421].

По неведомым причинам в 1991–2005 гг. российские власти дотировали экономику Прибалтики за счет сверхнизких цен на нефть, газ и электроэнергию.

До 1998 г. включительно на железных дорогах РФ действовали пониженные на 10–15 процентов тарифы на перевозку транзитных и российских экспортноимпортных грузов именно через порты стран Балтии. Низкими были и расценки на перекачку туда же российских нефти и газа. По данным прибалтийских ведомств, за 1991–1998 гг. прибалтийские железные дороги, порты, нефте– и газопроводные объекты благодаря упомянутым преференциям заработали в целом до 750 миллионов долларов (в текущих ценах)[422].

Я уж не буду говорить о 1990-х годах, когда Эстония стала одним из крупнейших экспортеров цветных металлов. Увы, в самой Эстонии их не добывали, все это было украдено из России, когда власти Ленинграда смотрели сквозь пальцы на этот гешефт.

Самое же страшное, что у Российской Федерации нет даже договора с Литвой о надежном и гарантированном сухопутном коридоре в Калининградскую область. Хватит лукавить, надо нашему правительству признать очевидный факт – само существование Калининградской области напрямую зависит от капризов правительства Литвы: перекроет транспортные и энергетические артерии – и конец области. Особенно если это произойдет зимой, когда замерзает Финский залив. Тогда в Калининград можно будет добраться только по воздуху, да и то дальним окольным маршрутом.

Каковы же перспективы российско-балтийских отношений? Если нам и по-прежнему будут навязывать лозунг: «Вначале – экономика, а потом – политика», Российская федерация развалится в течение нескольких лет. С точки зрения рыночной экономики гораздо выгоднее продать Курилы японцам, Приморский край – китайцам, Калининградскую область – немцам, Карелию – финнам, и так далее вплоть до границ Московского удельного княжества времен Ивана Калиты. Увы, я нисколько не утрирую. Я читал в многочисленных серьезных изданиях о том, что наши власти и бизнесмены неэффективно используют богатства Курильских островов, и поэтому их надо продать японцам.

На самом же деле за 1000-летнюю историю русского народа у нас во главе угла была политика, а не экономика. И Дальний Восток в конце XIX – начале XX века не стал ни китайским, ни японским только потому, что в Петербурге не считали барыши от эксплуатации Транссибирской магистрали и Добровольного флота. Формально обе конторы в основном работали в убыток, но фактически приносили огромную государственную пользу. И, замечу, Транссиб был казенной железной дорогой и построен на государственные деньги, а пароходы Доброфлота покупались на рубли и копейки, собранные патриотами по всей России.

Государство Российское может существовать лишь при правителях, ставящих политику во главе угла. Такое правительство… оставит Прибалтику в покое. Да, да, сделает то, что просят националисты – «оставьте Эстонию в покое». Нам все равно ничего не удастся сделать для предотвращения насильственной ассимиляции местных русских. Но вот усиливать лимитрофы нам ни к чему. Хотят получать российские энергоносители – пожалуйста! Но по мировой цене.

Зависимость в коммуникациях должна быть сведена к минимуму. Тарифы и пошлины на перевозки в республики Прибалтики следует поднимать ежегодно. Нужны большие государственные капиталовложения в строительство портов в районе Петербурга и нефте– и газопроводов по дну Финского залива и Балтийского моря.

Как уже говорилось, Ельцин и его окружение даже не попытались оговорить в 1991 г. условия транзита в Калининградскую область через Литву. С 1 января 2005 г. гражданин России, чтобы проехать в Калининград, должен иметь заграничный паспорт и литовскую визу. К настоящему времени стоимость визы составляет 35 евро, то есть около 1200 рублей.

На июнь 2007 г. из Москвы в Калининградскую область ежегодно отправляются два пассажирских поезда и 8 пассажирских самолетов. Причем поезда идут по маршруту Минск – Вильнюс – Кибартай – Нестеров, то есть фактически через всю Литву. При взаимном желании можно было бы пустить поезда через Гродно, сам был там в 1991 г. и видел хорошую железную дорогу, отличный вокзал и т. п., а дальше можно проложить 100-километровое железнодорожное полотно через Литовскую территорию вдоль ее границы с Польшей до Калининградской области.

Таким образом будет разгружена сеть железных дорог центральной Литвы и исключена возможность контрабанды со стороны граждан РФ. Кстати, правительство Литвы постоянно жалуется на россиян,

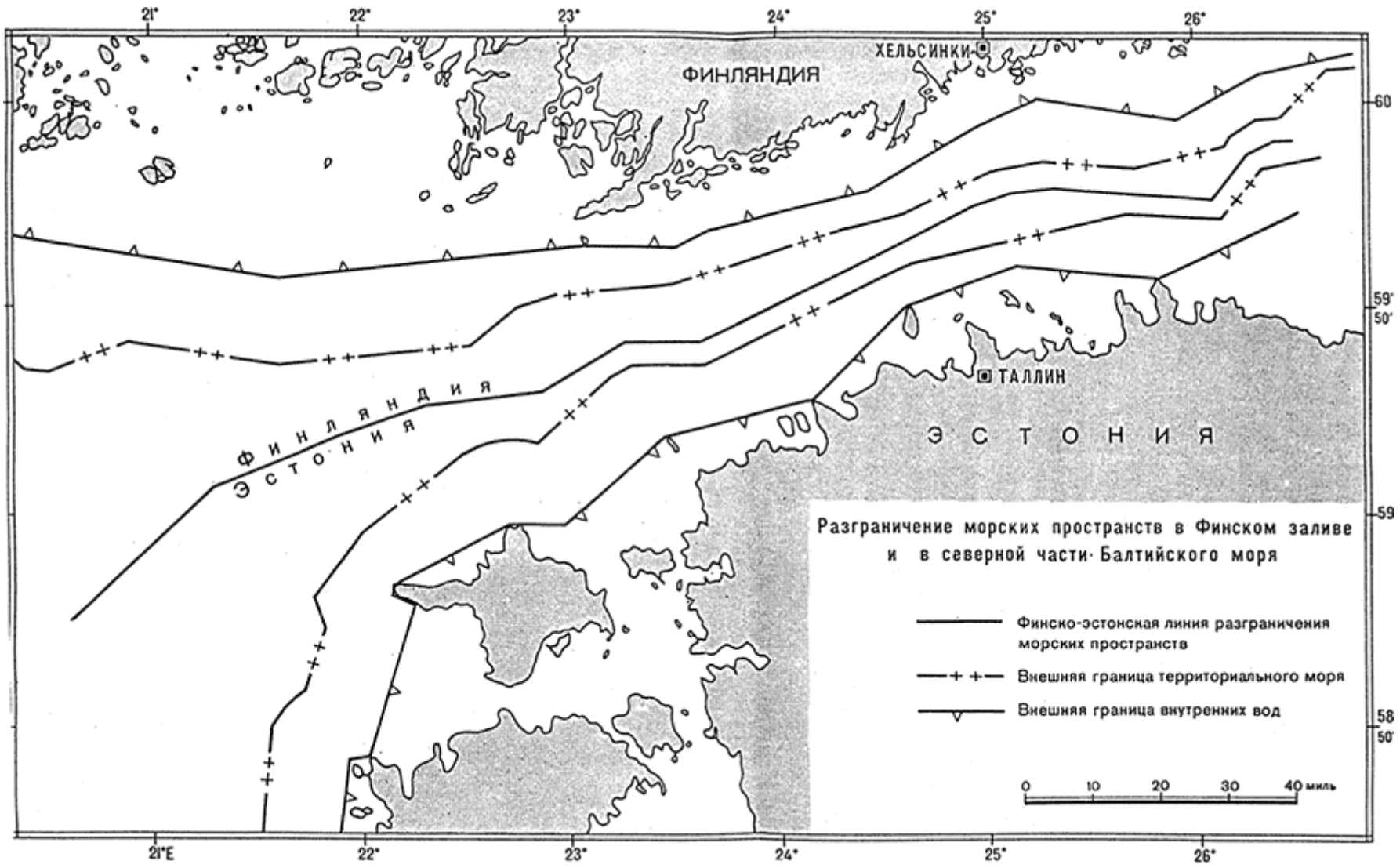
торгующих на остановках и даже выбрасывающих из окна на ходу контрабанду для своих литовских сообщников.

Так ведь именно литовские власти устроили в маленькой Литве даже для фирменного скорого поезда «Янтарь» остановки, где поезд стоит в общей сложности около двух часов. Так тут и законопослушный гражданин от скуки займется мелкой спекуляцией.

Скоростные же поезда с запломбированными дверями и закрытыми окнами смогут пересекать 100-километровый отрезок по литовской территории буквально за полчаса. Российской стороне это сэкономит 5 часов времени и большие средства. Казалось бы, строительство скоростной железной дороги и автомагистрали вдоль границы с Польшей сулит обеим сторонам только выгоды.

Однако Литва против строительства таких магистралей, а Москва не особенно настаивает. Неужели в Москва не понимают, что транзит в Калининград – это поводок, на котором Литва держит Россию? Почему бы нашим СМИ не довести сложившуюся ситуацию до каждого европейского обывателя?

Литва постоянно повышает тарифы на транзит и по любому поводу угрожает «начать ремонт на железной дороге» и тем ограничить или вообще прекратить транзит в Калининградскую область. Западный обыватель должен понять, что в Калининградской области живет больше народу, чем в Западном Берлине в 1948 г., и снабжать край по воздуху российской военно-транспортной авиации будет сложно, и понятно, что делать это они будут через литовское воздушное пространство. С другой стороны, наши сухопутные силы даже при нынешнем их состоянии за несколько часов с двух сторон легко пробьют себе коридор через Литву. А дальше Европа будет решать – промолчать ей или затеять ядерную войну с Россией. Так не пора ли довести до сведения западного обывателя, что его благополучие и даже жизнь зависят от настроения не дюже грамотного в политике литовского чиновника.

Разграничение морских пространств в Финском заливе и в северной части Балтийского моря (К соглашению от 18 октября 1996 г.)

И Литва, и Евросоюз должны быть строго предупреждены, что согласно международному праву блокада территории суверенного государства является актом войны. Вспомним, что в 1967 г. Израиль начал шестидневную войну, в качестве повода использовав блокаду египтянами Акабского залива, где, кстати, израильские суда вообще никогда не ходили.

Достаточно сложная ситуация сложилась и в Финском заливе. Спросить бы у господ Горбачева и Козырева, ну, допустим, эстонцы требовали независимости и им ее дали. Но зачем нужно было

отдавать десятки пустынных островов Финского залива, где вообще не было туземцев, а использовались эти острова лишь Балтийским флотом? Или наши моряки тоже попросили незалежности?

В 1990-х годах литовское правительство разрешало пролеты российской военно-транспортной авиации в Калининградскую область, но с предварительным уведомлением. Затем год от года Литва начала выдвигать все новые и новые мелочные и унизительные требования. Так, срок уведомления был доведен чуть ли не до месяца. Россия обязана была предоставлять подробный список всех грузов, находящихся на борту самолета. А наше военное командование вместо того, чтобы послать лимитрофов к известной матери и спокойно летать, отказалось вообще от сквозных полетов через Литву. Теперь наши военно-транспортные самолеты летают через Санкт-Петербург, Финский залив и Балтийское море, делая огромный крюк.

Но и это не спасает летчиков от претензий лимитрофов. Эстония постоянно жалуется на нарушения ее воздушного пространства российскими самолетами.

Не подумайте, что наши истребители носятся над Таллином. Речь идет исключительно о пролетах в нескольких сот метрах от так называемой «внешней границы территориального моря Эстонии». И каждый раз эстонские политики и СМИ выдают душещипательные комментарии – «Провокация!», «Полчаса страха!» и т. д.

18 октября 1996 г. Финляндия и Эстония разделили между собой всю центральную и западную части Финского залива. России же они выделили для прохода судов и пролета самолетов узенький коридор длиной около 150 км и шириной от 4 до 10 км.

Финский залив мелководен, но очень опасен для судоходства из-за сильных штормов, мелей, подводных скал и сложной ледовой обстановки с декабря по апрель. И вот сейчас отклонится самолет или корабль на несколько десятков метров от этого коридора, и уже летят грозные ноты. А войдут лимитрофы в силу, ведь и стрелять начнут.

Самое любопытное, что проход российских судов и пролет самолетов в Финском заливе не определен никакими международными соглашениями. То есть пока хотят, нас пускают, а дальше…

Ельцин вроде бы приказал вывезти ядерное оружие из Калининградской области и изъял его с кораблей и из арсеналов Балтийского флота. Таким образом, наш флот оказался разоружен, в то время как флоты США и Англии не только не собираются отказываться от атомного оружия, а наоборот, непрерывно совершенствуют как ядерные боевые части, так и средства их доставки.

И опять же, безъядерный статус Калининградской области и Балтийского флота не закреплен ни одним международным договором. С другой стороны, нет никаких гарантий, что американское ядерное оружие не будет доставлено в Польшу или страны Прибалтики. Кстати, Соединенные Штаты уже полвека принципиально не сообщают о наличии или отсутствии ядерного оружия на борту своих кораблей или самолетов, находящихся за рубежом. Предположим, что правительство РФ решит снова вооружить Балтийский флот спецбоеприпасами и доставить их в Калининград. Тогда возникает естественный вопрос – разрешит ли это сделать НАТО?

В 2006–2007 гг. страны Прибалтики и Польша вместе с определенными кругами Швеции и Финляндии предпринимают отчаянные усилия, чтобы помешать строительству газопровода «Nord Stream» («Северный поток») из России в Германию, Францию, Венгрию и Калининградскую область по дну Балтийского моря. Как известно, акционерами этого проекта стали «Газпром» (51 %) и его западные партнеры.

Статус дна Финского залива сейчас не определен. В принципе финны и эстонцы могут заявить, что они не допустят строительства газопровода по дну Финского залива, хотя это может быть оспорено с учетом других международных соглашений. Кроме того, финны и эстонцы утверждают, что трасса газопровода пройдет в «зоне их военных учений».

Публикуются многочисленные дикие сценарии загрязнения Финского залива и Балтийского моря в случае строительства газопровода. Газ – не нефть, воду не загрязняет. Но тут в ход идут старые страшилки о затопленных в 1947–1948 гг. двенадцати тысячах тонн германских химических боеприпасов. США и Англия затопили сами или заставили затопить германских моряков химические

снаряды и бомбы, а также бочки с отравляющими веществами к востоку от острова Борнхольм и к западу от острова Готланд. Однако вероятность прохождения трубы через это захоронение минимальна. И вообще, что, теперь получается, что из-за преступлений правительств США и Англии нельзя вообще использовать ресурсы дна Балтийского моря? Риск здесь минимален, а в случае любого загрязнения моря должны отвечать те, кто сбрасывал туда химбоеприпасы.

Неужели российский МИД не может объяснить Финляндии и Эстонии, что западная часть Финского залива – район особый, и здесь нужна особая договоренность, поскольку дело идет о выходе к морю великой страны, за что в течение 1000 лет отдали свои жизни миллионы русских людей, и что шутить с этим весьма опасно, и при обстреле любого воздушного или морского судна немедленно будут приняты решительные ответные меры. Не следует забывать, что российские зенитные ракеты С-300 способны сбить на своей территории любой воздушный объект над любой точкой Прибалтики. Кстати, случайный пуск более старой ракеты С-200 с украинской пусковой установки около Феодосии, сбивший российский Ту-154 на расстоянии 225 км, реально подтвердил такую возможность.

А береговой ракетный комплекс «Прогресс» может поразить морскую цель во всей акватории Финского залива.

Понятно, что любая угроза России к странам-лимитрофам вызовет истерику западных СМИ – вот русский медведь опять угрожает маленьким независимым прибалтийским государствам. Но есть и иные, куда более эффективные пути воздействия на лимитрофы – наказать их хозяина, то есть США.

Сейчас янки считают себя единственной супердержавой в мире, которой должны подчиняться все другие государства. Американцы разместили свои войска по всей планете и дали гарантии безопасности десяткам стран мира. Таким образом, США поставили себя в крайне уязвимое положение. Поставки современного оружия и массивов разведывательной информации со спутника в режиме реального времени могут помочь даже слабому противнику нанести серьезный удар американскому колоссу. Да, вооруженные силы США имеют суперсовременное оружие, но и у России есть таковое. Зато у янки нет смекалки русского мужика, который может если не уничтожить, то обхитрить любое «интеллектуальное» оружие, и нет презрения к смерти, как у восточных парней.

Янки должны понять, что любое заявление лимитрофов неизбежно будет оборачиваться для США большими неприятностями.

Развал Союза привел к резкому всплеску территориальных претензий почти во всех республиках СССР. Не обошло это явление и Прибалтику. Так, националистам Литвы мало того, что на территории республики проживает свыше 20 % нелитовцев, и они строят планы захвата новых земель. В Литве постоянно печатаются карты, где часть республики Беларусь вплоть до Молодечно указана как литовская территория. «В конце 1999 года там был выпущен “Календарь литовца на 2000 год”. В нем напечатана карта, на которой часть территории Польши, Белоруссии и России (Калининградская область) обозначены как… “временно оккупированные этнические литовские земли”. Российское посольство в Литве расценило календарь как провокацию, белорусское выразило недоумение, а министр иностранных дел Польши Бронислав Геремек заявил, что его страна потребует запретить распространение календаря. МИД Литвы тоже открестился от него, заявив, что выпуск в частном издательстве не согласовывался с государственными институтами и не финансировался за казенный счет»[423].

Литовские политики и видные общественные деятели периодически в своих выступлениях требуют присоединения Калининградской области к Литовскому государству в качестве компенсации «за вред, принесенный в годы советской власти». Ряд польских политиков также заявляют о необходимости произвести польско-литовский раздел нашей территории. В конце 1997 г. несколько политических партий Литвы обратились в ООН и к литовскому Сейму с предложением передать Калининградскую область под временное управление ООН.

Не отстает от Литвы и Эстония, в которой этнических эстонцев не более 60 %.

Им, видите ли, мало неграждан для эксплуатации и срочно требуются новые земли.

Уже в 1991 г. эстонское правительство потребовало от России «пересмотреть» границы на основе Юрьевского договора 1920 года, сославшись на то, что эти переговоры не были денонсированы.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Территориальные претензии Эстонии распространялись на земли, находящиеся на правом берегу реки Нарвы в Ленинградской области и район Печоры в Псковской области. Эстонцы даже изобразили на эстонских пятикроновых купюрах абрис русской Ивангородской крепости, а министр иностранных дел Эстонии Т. Велисте велел всем эстонским посольствам разыскать эстонские карты 1939 года, на которых Печоры входят в состав Эстонии, чтобы было проще обосновывать «правомочность» эстонских территориальных претензий.

В начале 1990-х годов группы эстонцев неоднократно пытались захватить силой территории Печорского района. Так, известны попытки силового захвата здания Печерского военкомата, установка эстонских пограничных знаков на расстоянии нескольких десятков километров от границы бывшей Эстонской ССР.

«В Печорском районе сотрудниками службы безопасности Эстонии проводилась активная работа по созданию “пятой колонны” из эстонофилов. Агенты развернули среди русского населения агитацию за переход в эстонское гражданство, чтобы иметь возможность обосновать свои территориальные претензии тем, что на этих землях живут не российские, а эстонские граждане. В Эстонии была даже разработана специальная инструкция по ведению психологической войны в Печорском районе. В ней, в частности, говорилось: “Печеряне психологически относятся к сенсорному типу людей, которые в большой степени воспринимают информацию на слух, чем в напечатанном виде, поэтому секретным спецпропагандистам Эстонской Республики легче действовать через беседы с печерянами, которые этой осенью в большом количестве посещают с нужными документами Таллин для получения “синих паспортов” эстонского гражданина. Надо учитывать, что МВД России, погранвойска, органы ФСБ не контролируют ситуацию с “синими паспортами”, которые могут дать гражданам Эстонии преимущество в референдуме. Возвращающиеся с “синими паспортами” из Таллина граждане Эстонии русской национальности должны разлагать печорские земли Псковщины”»[424].

К сожалению, только к 7 ноября 1994 г. на российско-эстонской границе был установлен последний 682-й столб. Понятно, что до 1990 г. никаких пограничных столбов и контроля не было, и даже многие местные жители не знали, где проходила административная граница между РСФСР и Эстонской ССР.

Наконец 18 мая 2005 г. в Москве были подписаны договоры о российско-эстонской границе и разграничении морских пространств в Нарвском и Финском заливах. Эстония официально отказалась от своих прежних притязаний на Печорский район Псковской области, включая и сам Псков (эстонцы его называют Пихква), и район к востоку от Нарвы – за рекой Наровой, включая Иван-город в Ленинградской области. Граница прошла по бывшей административной границе РСФСР и Эстонской ССР. В соответствии с договором стороны уступили друг другу по 128,6 гектара суши и по 11,4 кв. км поверхности озер.

В июне 2005 г. договоры были ратифицированы эстонским парламентом. Но, принимая закон о ратификации, эстонский парламент 15 июня включил в его преамбулу ссылки на Тартуский мирный договор между Эстонской Республикой и Советской Россией от 1920 года и на оккупацию страны Советским Союзом в 1940 г.

В ответ МИД и правительство РФ фактически дезавуировали пограничные договоры, на что эстонские власти «промолчали в тряпочку». А что им было сказать? В итоге вопрос о границах остался нерешенным.

Увы, прибалтийские националисты не ограничиваются территориальными претензиями, а выдвигают еще и финансовые. Им недостаточно, что они и так сидят на шее России, выкачивая из нее энергоносители по смешным ценам. Прибалты требуют огромные деньги за пользование шоссейными и железными дорогами, портами и судами, построенными русскими же людьми и на русские деньги.

Летом 2005 г. Латвия, Литва и Эстония официально подтвердили свои финансовые претензии к России в сумме около 100 миллиардов долларов, обусловленные пресловутым «ущербом за период советской оккупации».

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Увы, в Москве могут найтись чиновники высокого ранга, которые будут платить прибалтам. Платили же мы царские долги Франции, позабыв о том, что в 1917 г. она прекратила поставки военной техники в Россию, присвоив миллиарды франков за уже оплаченные заказы. Французы причастны к расхищению золотого запаса России, вывезенного

чехословаками из Казани в 1918 г. Французские оккупанты нанесли огромный ущерб России в ходе Гражданской войны. Так, к примеру, из 131 судна, угнанного из Крыма Врангелем в ноябре 1920 г., подавляющее большинство было захвачено французами. Наконец, именно Красная Армия, разгромив вермахт, позволила освободить Францию от гитлеровцев. Ну а нашей кремлевской мафии на это на все плевать, они платят с удовольствием. Думается, что и прибалтам они тоже станут платить.

В истории России было много неприятных нам событий. Русь платила дань владыкам Востока Батыю и Тамерлану. В 1618 г. было подписано позорное Деулинское перемирие, но тогда Россия воевала одновременно с двумя сильнейшими государствами Европы – Речью Посполитой и Швецией. В 1918 г. был подписан «похабнейший» Брестский мир. Но за тысячелетнюю историю России это первый случай, когда наша страна платит дань и унижается перед такими ничтожествами, как прибалтийские националисты, дети легионеров СС.

Список используемой литературы

Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганского. СПб., 1901.

Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М.: Наука, 1982.

Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917–1920 годах. Севастополь: Телескоп, 2004.

Андреев А. Последний канцлер Российской империи Александр Михайлович Горчаков. М.: Белый волк, 1999.

Арутюнян А.О. Кавказский фронт (1914–1917 гг.). Ереван, 1971.

Асветнікі зямлі Бєларускай X – пачатак XX ст. Энцыклапедычны даведниік. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2001.

Бандеровщина / Составит. А. Андреев, С. Шумов. М.: Эксмо, Алгоритм, 2005.

Баранец В.Н. Генштаб без тайн. М.: Политбюро, 1999.

Басилая Ш.И. Закавказье в годы Первой мировой войны. Сухуми, 1968.

Басмачество / Авторы-составители С. А. Шумов, А. Р. Андреев. М.: Эксмо, Алгоритм, 2005.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука, 1987.

Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.

Беднов В. А. Православная Церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002.

Белая борьба на Северо-Западе России /Состав. С. В. Волков. М.: Центрполиграф, 2003.

Белая книга Абхазии. 1992–1993. Документы, материалы, свидетельства. М., 1993.

Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997.

Берг Л. С. История русских географических открытий. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962.

Берг Н. В. Записки о польских заговорах и восстаниях. М., 1873.

Берг Н. В. Первые два года последнего польского движения. СПб., «Библиотека для чтения» № 1–2/1864.

Березин К., Саар А. Операция «Котбус», или «Очищение» Прибалтики от евреев. Рига – Вильнюс – Таллин, 2001.

Блиев М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М.: Европа, 2006.

Бовыкин В. И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX века —1917 год, М.: Учпедгиз, 1960.

Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981.

Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М.: ИНСАН, 2002.

Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию… М.: АИРО – XX, 1995.

Булгарин Ф. Б. Воспоминания. М.: Захаров, 2001.

Валишевский К. Роман императрицы. М.: Квадрат, 1994.

Великая Октябрьская Социалистическая революция. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1977.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров, АСТ, 1999.

Вениаминов И. Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840.

Верещагин В. В. На войне в Азии и Европе. М., 1898.

Веселаго Ф. Ф. Краткая история русского флота (с начала развития мореплавания до 1825 г.). М. – Л-д: Военмориздат, 1939.

Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991.

Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. Фон-Шварца и др. В 18 т. Петербург, 1911–1915.

Война женскими глазами. Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 годов / Сост., вступ. Статья В. М. Боковой, Н. М. Филатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993.

Восстание меньшинств: Косово. Молдавия. Украина. Грузия. Курдистан. Сборник / Сост.: ИА REGNUM. М.: Европа, 2006.

Восстановление Советской власти в Латвии и вхождение Латвийской ССР в состав СССР. Документы и материалы. Рига, 1987.

Всемирная история: В 24 т. Т. 7. Раннее Средневековье. Минск: Литература, 1997.

Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц, М.: Российский Архив, 2003.

Глущенко Е. Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М.: XXI век – Согласие, 2001.

Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз, М.: РОССПЭН, 1999.

Грабеньский В. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / Под ред. С. С. Хромова. М.: Советская Энциклопедия, 1983.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. 2 (Северо-запад). Ч. I. Балтийский флот 1918–1919 гг. / Под ред. И. В. Егорова, Е. Е. Шведе. Л.: Редакционно-издательский отдел Морских Сил РККФ, 1926.

Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927.

Гришин Я. Я. Польско-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань: Татарское книжное издательство, 1995.

Гродеков Н. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб., 1883.

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. М.: Сварог и К, 2001.

Грушевський М. С. З біжучоі хвилі. Статтій замітки на теми дня. 1905–1906 рр. Київ, 1907.

Губарев В.К. История Украины. Конспект лекций для студентов и преподавателей. Донецк: БАО, 2004.

Гуслистый К. Г. К вопросу о формировании украинской нации. Киев, 1967.

Дивин В. А. Повесть о славном мореплавателе. М.: Мысль, 1976.

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922). Сборник документов в 4 т. М.: Воениздат, 1974.

Документы внешней политики СССР. Т. 1 (7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г.). М.: Политиздат, 1957.

Дороговоз И. Г. Крепости на колесах. История бронепоездов. Минск: Харвест, 2002.

Древнерусские княжества X–XIII вв. / Под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Наука, 1975.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос, 2003.

Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939–1945. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. М., 2000.

Дюличев В. П. Рассказы по истории Крыма. Симферополь: Бизнес-информ, 1998.

Екатерина II и Потемкин. Личная переписка 1769–1791 / Под ред. В. С. Лопатина. М.: Наука, 1997.

Ермолаев С. В. Город Карс. Карс, 1902.

Железный А. И. Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине. Киев: Киевская Русь, 1999.

Заичкин И. А., Почкаев И. Н. Русская история от Екатерины Великой до Александра II. М.: Мысль, 1994.

Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918. М.: Воениздат, 1931.

Западные окраины Российской империи / Авторский коллектив. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Записки императрицы Екатерины Второй. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907.

Запрудник Я. Беларусь на гістарычных скрыжаваниях. Минск, 1996.

Звонарев К.К. Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. Германская агентурная разведка всех видов до и после войны 1914–1918 гг. Киев: Издательский дом «Княгиня Ольга», 2005.

Зевелев А.И. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент: Государственное издательство Узбекской ССР, 1959.

Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М.: Наука, 1981.

Зенкович Н. А. Чья Белоруссия? (Границы. Споры. Обиды). М.: МК-Периодика, 2002.

Иванов В. Б. Тайны Севастополя. Книга 1. Тайны земные. Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2005.

Игнатьев А. В. Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1986.

Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) /Сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969.

Известия таврической учетной архивной комиссии (год девятнадцатый) № 37 / Под ред. А. Маркевича. Симферополь, 1905.

Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать…»: Документы, факты, комментарии / Сост. Н. Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992.

История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1997.

История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. В. П. Потемкина. М. – Л-д.: ОГИЗ Госполитиздат, 1945.

История железнодорожного транспорта в России / Под ред. Е. Я. Красковского, М. М. Уздина. т. I (1836–1917 гг.). СПб. – М.: АО «Иван Федоров», 1994.

История Латвийской ССР /Под ред. К. Я. Страздия, Я. Я. Зутиса и Я. П. Крастыня. Т. 1. С древнейших времен до 1860 г. Рига: Издательство академии наук Латвийской ССР, 1952.

История отечественной артиллерии / Под ред. С. С. Варенцова. М.: Управление командующего ракетными войсками и артиллерией, 1962.

История Польши / Сост. С. А. Шумов, А. Р. Андреев, М.: Монолоит-Евролинц-Традиция, 2002.

История родов русского дворянства / Сост. П. Н. Петров. В 2 кн. Кн. 1. М.: Современник, 1991.

История Северной войны 1700–1721 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М.: Наука, 1987.

История Средних веков / Под ред. С. Д. Сказкина. М.: Госполитиздат, 1954.

История Украинской ССР / Под ред. Ю. Ю. Кондуфора, Киев: Наукова Думка, 1982.

Казачьи войска, сост. Казин В. Справочная книжка императорской Главной Квартиры. 1912.

Казачьи войска. Хроника. Акционерное общество «Дорваль», 1992.

Какурин Н. Е. Вацетис И.И. Гражданская война 1918–1921. СПб.: Полигон, 2002.

Какурин Н. Е., Меликов В. А. Гражданская война в России: война с белополяками. М.: АСТ, 2002.

Карл Густав Маннергейм. Мемуары. М.: Вагриус, 1999.

Керсновский А. А. История русской армии. М.: Голос, 1993.

Кириллов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977.

Клинге М. Имперская Финляндия. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005.

Клинге М. На чужбине и дома. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005.

Князь Михаил Греческий. В семье не без урода. Биография великого князя Николая Константиновича. М.: Захаров, 2002.

Корсун Н. Г. Кавказский фронт Первой мировой войны. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004.

Коцебу О. Е. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

Кочиева И., Маргиев А. Грузия. Этнические чистки в отношении осетин. М.: Европа, 2005.

Кремлев С. Русская Америка: Открыть и продать! М.: Яуза, 2005.

Крылов А. Н. Мои воспоминания. Ленинград: Судостроение, 1984.

Крым многонациональный. Вопросы и ответы. Вып. 1./ Сост. Н. Г. Степанова. Симферополь: Таврия, 1988.

Крысин М. Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность. М.: Вече, 2007.

Крысин М. Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М.: Вече, 2004.

Куделя-Одабашьян М. Л. Туркестан в составе Советской России: проблемы социально-экономического и политического развития (октябрь 1917 г. – октябрь 1924 г.). М.: Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова, 2003.

Курлов П. Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1991.

Лайдинен Э. П. Веригин С.Г. Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск: Компания РИФ, 2004.

Ленский А. Г. Цыбин М.М. Советские сухопутные войска в последний год Союза ССР. Справочник. СПб.: B&K, 2001.

Лихолат А. В. Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917–1922 гг.). М.: Госполитиздат, 1954.

Лопатников В. А. Пьедестал: время и служение канцлера Горчакова. М.: Молодая гвардия, 2004.

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Издательство Московского университета, 1996.

Мавродин В. В. Древняя Русь. М.: ОГИХ, Госполитиздат, 1946.

Мазутова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002.

Маковский А. А., Радченко Б. М. Каспийская Краснознаменная. М.: Воениздат, 1982.

Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1973.

Манюшин И. С. Героическая трагедия. Симферополь: Таврида, 2001.

Мартынов А.И. Археология СССР. М.: Высшая школа, 1973.

Маслов А. Завоевание Ахал-теке, СПб., 1887.

Мейнардер Х. История Финляндии. М.: Весь мир, 2008.

Мельтюхов М.И. Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1940 гг.). М.: Яуза, Эксмо, 2006.

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001.

Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М.: Вече, 2002.

Ментешашвили А. Истрические предпосылки современного сепаратизма в Грузии. Тбилиси, 1998.

Мергиев З. Г. Батум во времена Османской империи. Краткий административный, статистический и исторический обзор г. Батуми и региона в составе Османской империи. М.: Минувшее, 2008.

Мери В. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии. М.: Новое литературное обозрение, 1997.

Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910—1940-х годов. М., 1997.

Митухина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М.: Институт славяноведения РАН, 2003.

Михайлов А. А. Первый бросок на юг. М.: АСТ; СПб.: Северо-Западная Пресса, 2003.

Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941–1945. Кишинев: Штиинца. 1976.

Монархи Европы: судьбы династий / Ред. – сост. Н. В. Попов. М.: Республика, 1996.

Морская война на Балтике (1918–1920 г.). Сборник статей и документов. СПб., 2001.

Накашидзе Н. Т. Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968.

Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М.: Издательство политической литературы, 1990.

Народы мира. М.: Советская энциклопедия. 1988.

Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003.

Нестеренко А. Н. Александр Невский. Кто победил в Ледовом побоище. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006.

Никульченков К. И. Адмирал Лазарев. М.: Воениздат, 1956.

Носов Б. В. Установление российского господства в Речи Посполитой. М.: Издательство «ИНДРИК», 2004.

Нотович Ф. И. Бухарестский мир 1918 г. М., 1959.

Нюрнбергский процесс. М.: Госюриздат, 1954.

Ольденберг С. Царствование Императора Николая II. Белград, Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической литературы, 1939.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Кн. 2. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. М., 2000.

Орлов В. А. Тайны полоцкой истории. Минск: Беларусь, 1995.

Отчет по строительству железной дороги Карс – Сарыкамыш. Тифлис, 1915.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. / Под ред.

А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина. М.: Издательство академии наук СССР, 1955.

Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994.

Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. М.: Муравей-Гайд, 1999.

Петренко А. И. Прибалтика против фашизма. Советские прибалтийские дивизии в Великой Отечественной войне. М.: Европа, 2005.

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Сборник документов / Составители А. И. Чугунов, Т. Ф. Каряева, Е. В. Сахарова, В. А. Червяков, А. Н. Шестовалова. М.: Наука, 1968.

Пограничные войска СССР. 1929–1938. Сборник документов и материалов / Составители П. А. Иванчишин, А. И. Чугунов. М.: Наука, 1972.

Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941. Сборник документов и материалов / Составители Е. В. Цыбульский, А. И. Чугунов,

А. И. Юхт. М.: Наука, 1970.

Под стягом России. Сборник архивных документов / Сост., примеч. А. А. Сазонова,

Г. Н. Герасимовой, О. А. Глушковой, С. Н. Кистерева. М.: Русская книга, 1992.

Подолия. Историческое описание. СПб., 1891.

Полпреды сообщают… Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М.: «Международные отношения», 1995.

Преступные цели – преступные средства. Сборник документов. М., 1968.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958.

Пылёв А.И. Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917–1920 гг. Выбор путей развития. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005.

Раздел Азиатской Турции. М., 1924.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921–1945). М.: Центрполиграф, 2002.

Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе / Под ред. Л. Е. Горизонтова. М.: Институт славяноведения РАН, 2005.

Родин С. Отрекаясь от русского имени. Украинская химера. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2006.

Романько О.В. Крым. 1941–1944 гг. Оккупация и коллаборационизм. Симферополь: АктиквА, 2005.

Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера 1815–1841. Сборник документов / Составители Т. С. Федорова,

Л. И. Спиридонова. М.: Наука, 2005.

Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века /

Под ред. В. А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000.

Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995

Россия. История XIX века. Тайны побед и величия. М: Новь, 1998.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. /Под ред. В. П. Наумова. В 2 кн. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

Русановский В. М. Происхождение и развитие восточнославянских языков. Киев, 1980.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред. А. И. Андреева. М.: ОГИЗ, 1948.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М.: Наука, 1993.

Савченко В.И. Латышские формирования на фронтах Великой Отечественной войны. Рига: Зинатне, 1975.

Свищев В.Н. Начало Великой Отечественной войны. Т.2. Приграничные сражения. М.: Издатель SVN, 2005.

Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992.

Сиполс В. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919–1940 гг. Рига, 1968.

Смолий В. А., Степанков В.С. Украинская национальная революция XVII в. (1648–1676). Киев: Альтернатива, 1999.

Сокол К.Г. Русская Варшава. М.: МИД «Синергия», 2002.

Соловьев С. М. Император Александр I. М.: Мысль, 1995.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.

Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. М.: Мысль, 1993.

Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. Тэксты. Даведнік. Каментарый. Минск, 1989.

Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М.: Международные отношения, 2002.

Стегний П.В. Хроника времен Екатерины II. М.: Олма-Пресс, 2001.

Стечкин В. Кому еще кусок России, или Кто получит от мертвого осла уши? М.: Яуза, 2005.

Субтельный О. Украина. История. Киев: Либідь, 1994.

Сярковский Г. Воспоминания офицера о туркестанских походах 1864–1865 гг. // Военный сборник. 1891. Т. 197. № 1–2.

Тарас А.Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII веках. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006.

Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей / Под ред. С. Л. Тихвинского. М.: Наука, 1977.

Татищев С.С. Император Александр Второй. М.: Алгоритм, 1996.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906.

Термен А.И. Воспоминания администратора. Петроград, 1914.

Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб., 1901.

Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. СПб., 1861.

Томас де Ваал. Черный сад. М.: Текст, 2005.

Труды Среднеазиатского государственного университета. История. Ташкент, 1954.

Тымовсский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М.: Весь мир, 2004.

Уингейт Ф., Миллард Э. Викинги. М.: Росмэн, 1995.

Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. М.: Москва, 1998.

Уорвол Н. Войска СС. Кровавый след. Рост он/Д: Феникс, 2000.

Урланис Б. Ц. История военных потерь. СПб. – М.: Полигон – АСТ, 1998.

Уткин Н.И. Россия – Финляндия: «карельский вопрос». М.: Международные отношения, 2003.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 гг. М.: Прогресс, 1989.

Феоктистов А. Русские, казахи и Алтее. Москва – Усть-Каменогорск: «Альфа и Омега», 1992.

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М.: Издательство восточной литературы, 1960.

Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965.

Хелмицкий П. Карская область. Военно-статистическое обозрение. Тифлис, 1893.

Черников И.И. Энциклопедия речного флота. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2004.

Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник в 2-х томах. Т. 2. М.: Воениздат, 2002.

Чигринов П. Г. История Беларуси с древности до наших дней. Минск: Книжный дом, 2004.

Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. СПб.: Журнал «Нева», 2004.

Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Ленинград: Наука, 1987.

Шевякин А. П. 17 тайн Лубянки. М.: 2007.

Широкорад А. Б. Адмиралы и корсары Екатерины Великой. М.: Вече, 2006.

Широкорад А. Б. Битва за Черное море. М. АСТ: Транзиткнига, 2005.

Широкорад А.Б. Великая речная война. 1918–1920 годы. М.: Вече, 2006.

Широкорад А.Б. Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет. М.: АСТ, 2009.

Широкорад А.Б. Грузия. Закавказский тупик? М.: Вече, 2010.

Широкорад А. Б. Дипломатия и войны русских князей. От Рюрика до Ивана Грозного. М.: Вече, 2006.

Широкорад А. Б. Кавказский капкан. М.: Вече, 2008.

Широкорад А.Б. Польша. Непримиримое соседство. М.: Вече, 2008.

Широкорад А. Б. Прибалтийский фугас Петра Великого. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008.

Широкорад А. Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003.

Широкорад А. Б. Русско-турецкие войны 1676–1918 гг. М.: ООО «Издательство АСТ»; Минск: Харвест, 2000.

Широкорад А. Б. Русь и Литва. Рюриковичи против Гедеминовичей. М.: Вече, 2004.

Широкорад А.Б. Русь и Орда. М.: Вече, 2004.

Широкорад А.Б. Русь и Польша. Тысячелетняя вендетта. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВТК, 2011.

Широкорад А. Б. Северные войны России. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001.

Широкорад А. Б. Соединенные штаты Америки. Противостояние и сдерживание. М.: Вече, 2011.

Широкорад А. Б. Тысячелетняя битва за Царьград. М.: Вече, 2005.

Широкорад А. Б. Украина. Противостояние регионов. М.: АСТ, 2009.

Широкорад А. Б. Финляндия. Через три войны к миру. М.: Вече, 2009.

Широкорад А. Б. Четыре трагедии Крыма. М.: Вече, 2006.

Ширяев Б. Казацька держава. Киев: Абрис. 1995.

Шифман И. Ш. Александр Македонский. Ленинград: Наука, 1988.

Шишов А. В. Русские генерал-фельдмаршалы Дибич-Забалканский, Паскевич-Эриванский. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001.

Шталь А. В. Малые войны 1920—1930-х годов. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003.

Шубин Н. А. Волга и волжское судоходство (История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). М.: Транспечать, НКПС, 1927.

Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.: Памятники исторической мысли, 2004.

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Киев: Наукова Думка, 1990.

Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М.: Издательство Московского университета, 1998.

Demographic statistics in the Baltic countries. Tallinn; Riga; Vilnius, 1996.

Ігнатоўскі. У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Минск, 1992.

Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, Roma, 1860, t. I, N 776.

http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=88&tek=6493&issue=183

http://www.contrtv.ru/common/362/

http://www.kamvesti.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=6694&Itemid=88888906

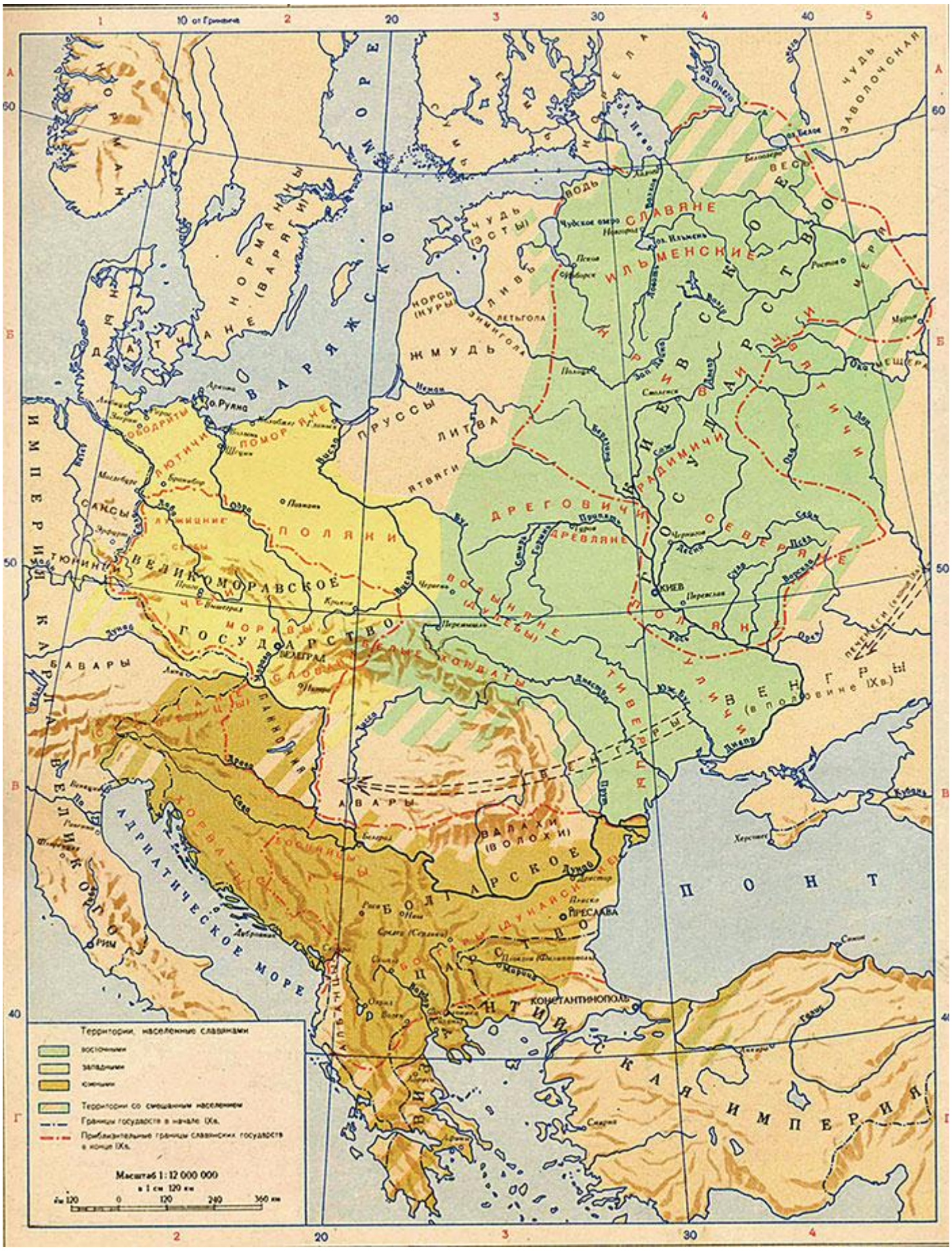
http://www.regnum.ru/news/1245740.html

http://www.vesti.ru/doc.html?id=204707

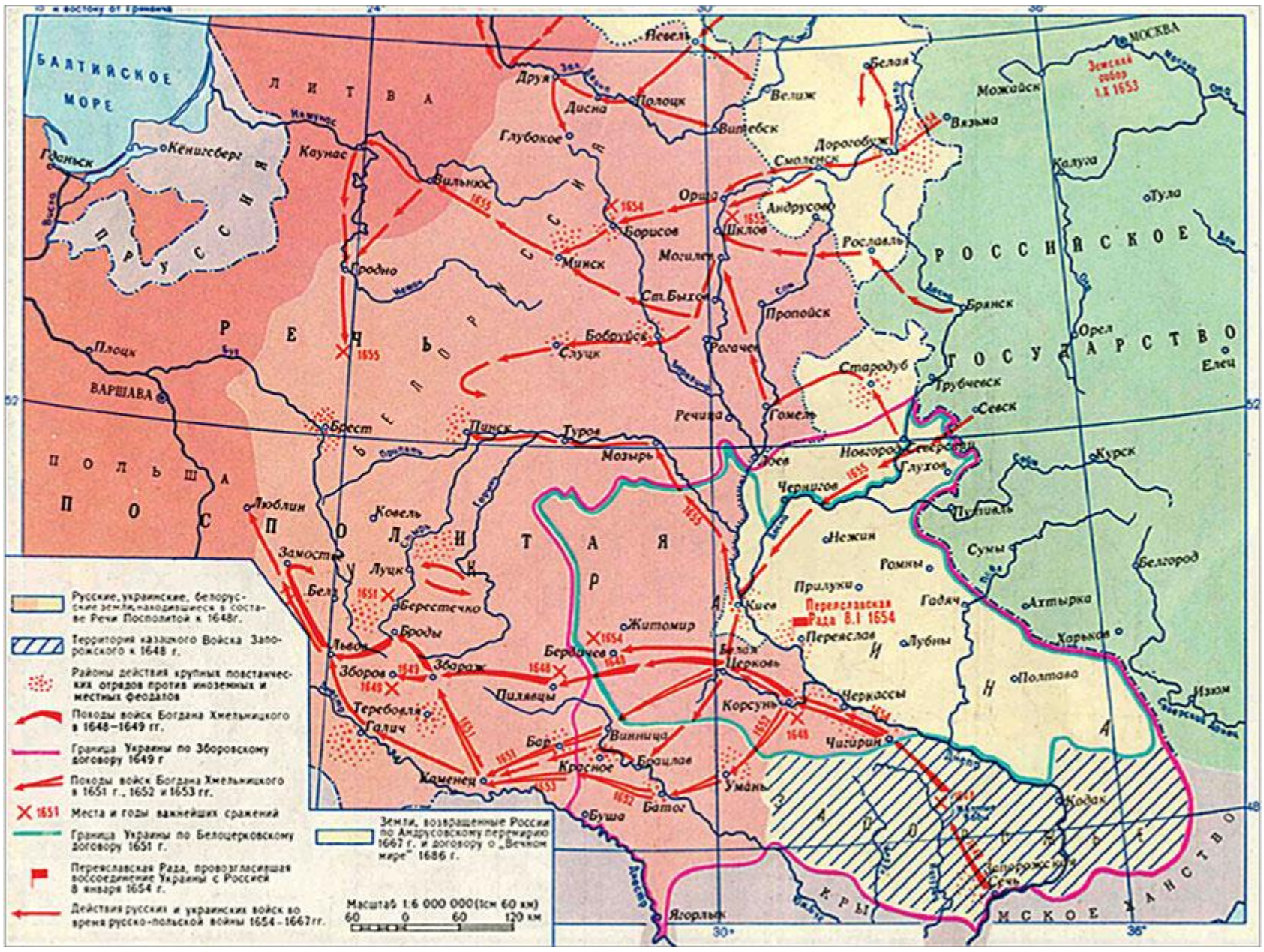
www.pravoslavie.uz

http://pribalty.wordpress.com/2007/06/01/Выдержки-из-книги-в-тч-Марта-Лаара-Оче/

Вкладка

Расселение славян в VIII–IX вв.

Россия и западные земли в XVII в.

Богдан Хмельницкий. Подданство Малороссии в 1654 г. Художник А. Д. Кившенко. 1880-е гг.

Шведский король Карл XII и гетман Мазепа при переправе через Днепр. Гравюра XIX в.

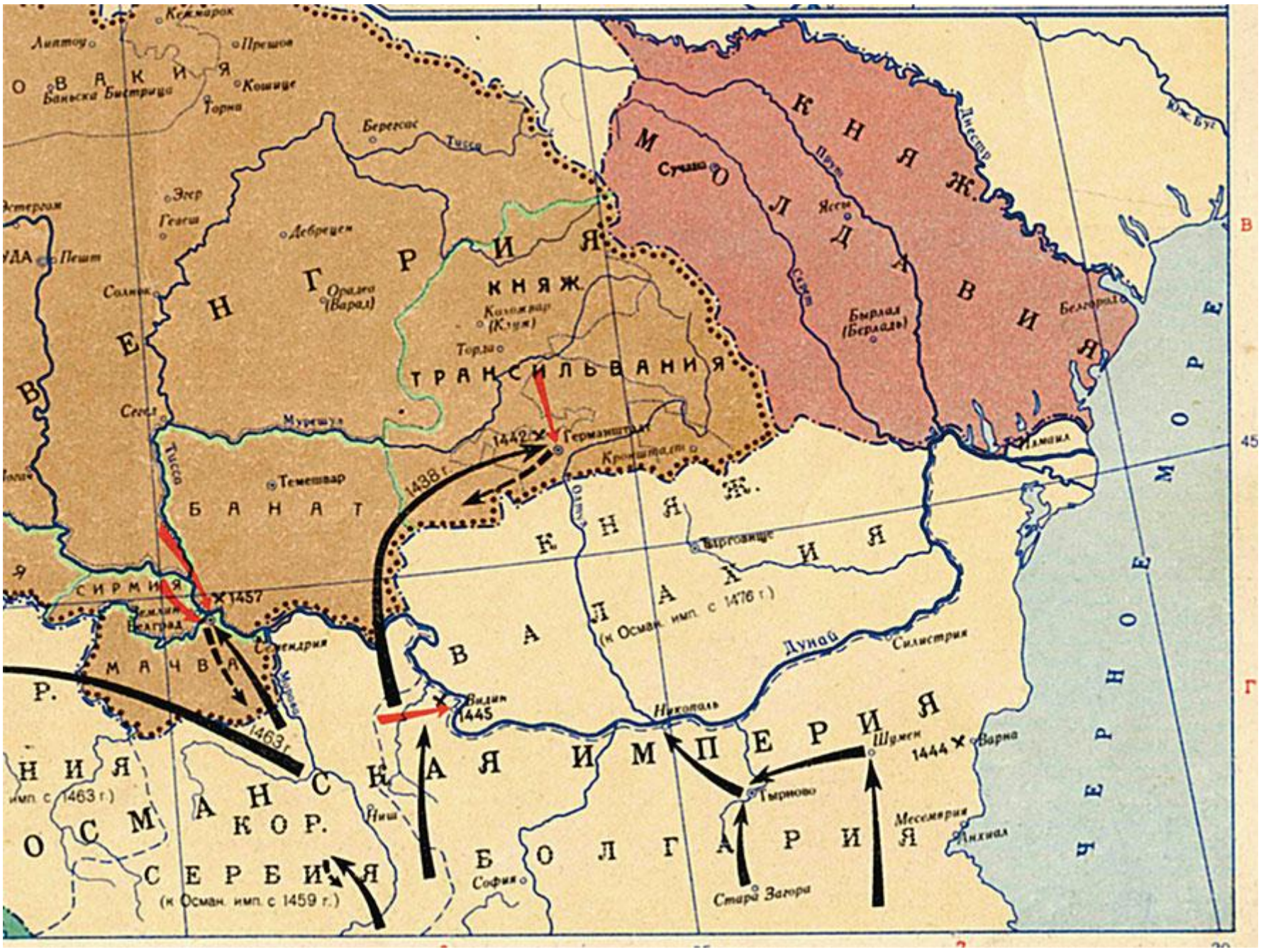
Павло Скоропадский

Симон Петлюра

Образ оранжевой русофобии

Османская империя, Валахия, Молдавия и Венгрия

Административное деление Румынии

Медаль в память заключения Туркманчайского мирного договора с Персией. 1828 г.

Тифлис. Художник Н. Г. Чернецов. 1839 г.

М. С. Воронцов. Художник Т. Лоуренс. 1821 г.

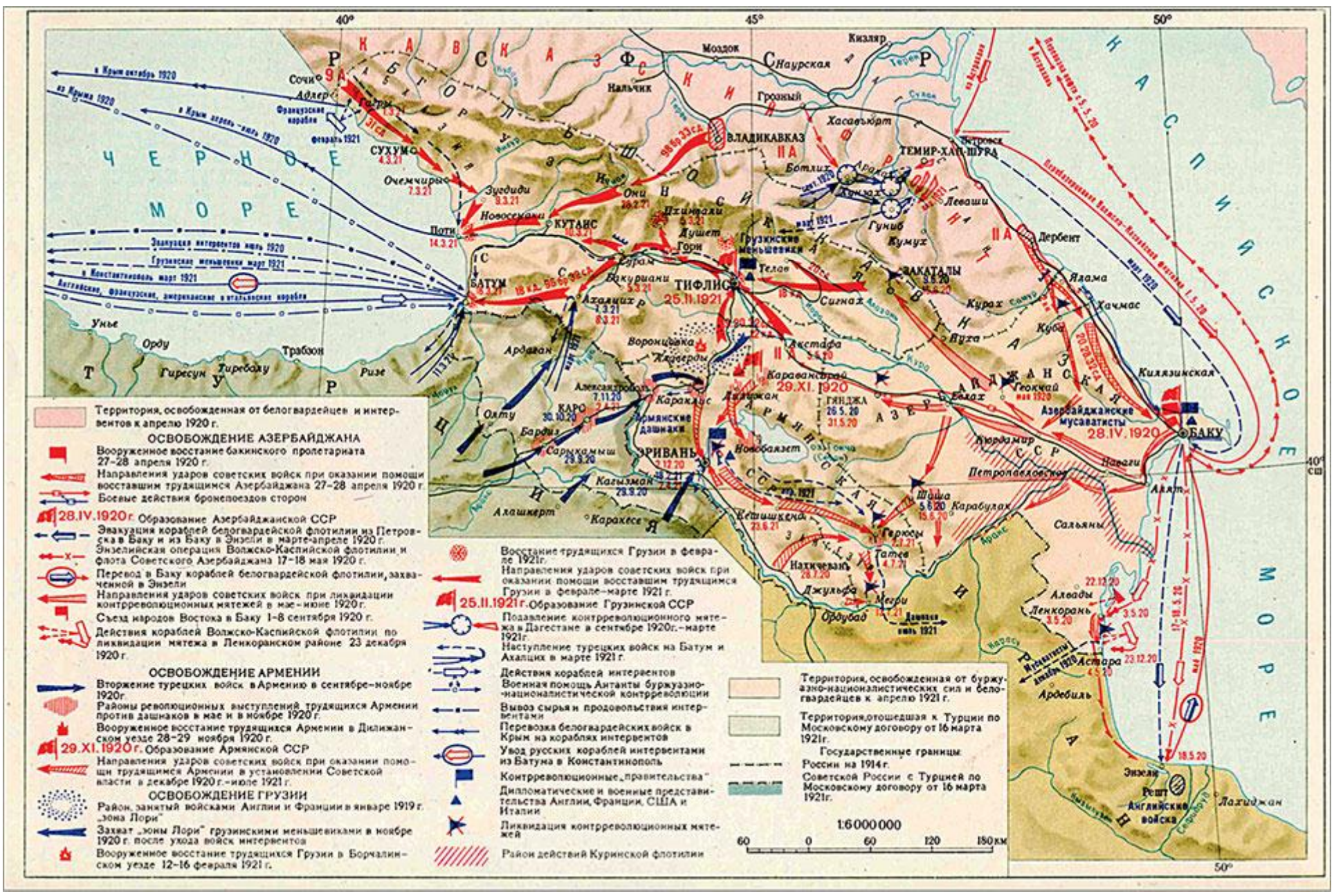
И. Ф. Паскевич. Художник Дж. Доу. 1820-е гг.

А. И. Барятинский. Гравюра XIX в.

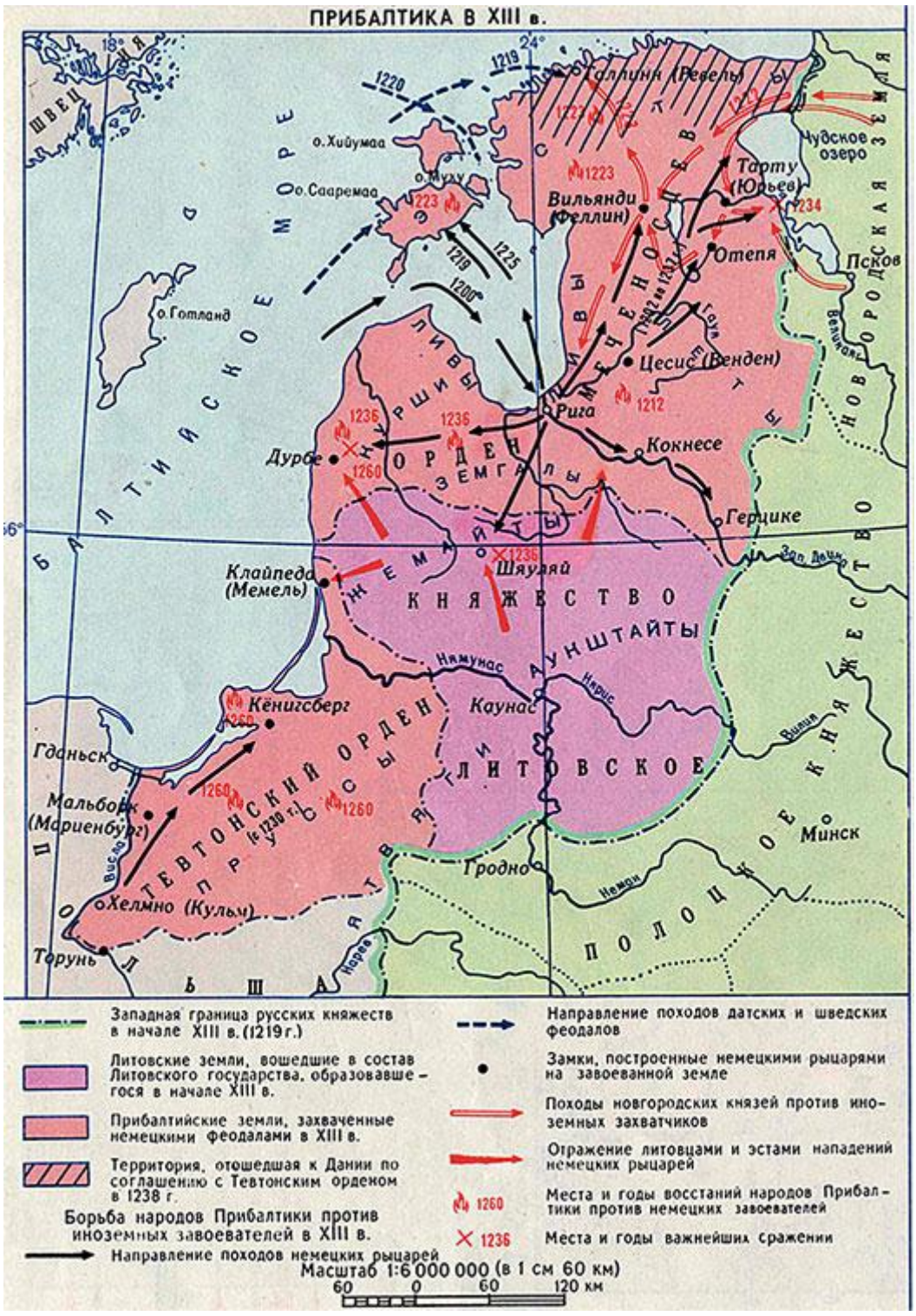
Великий князь Михаил Николаевич. Фото второй половины XIX в.

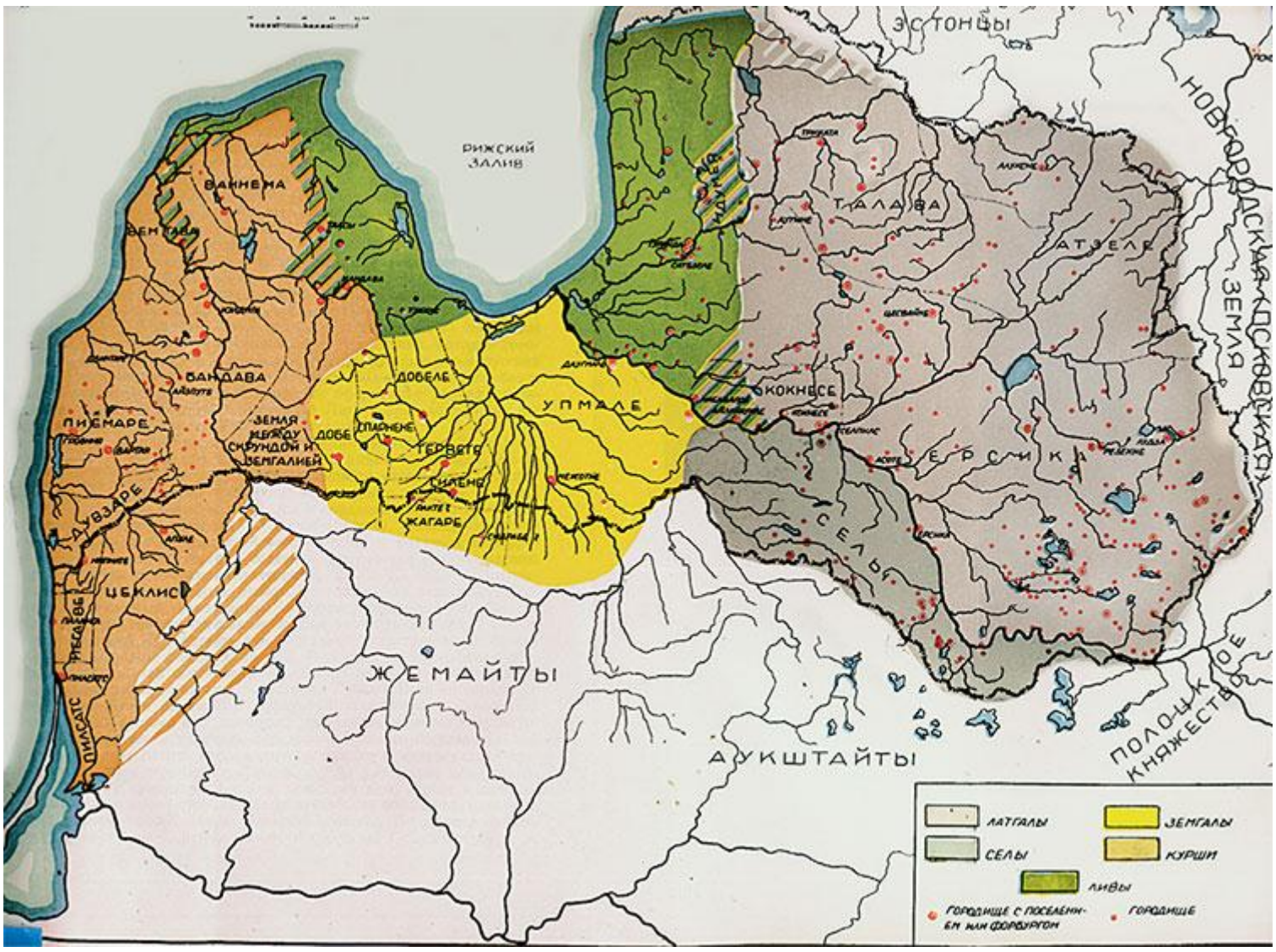
Закавказье в период Гражданской войны

Зона армяно-азербайджанского конфликта

Прибалтика в XIII в.

Территория Латвии в XIII в.

ЛИВОНИЯ
ФИНСКИЙ ЗАЛИВ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
РИЖСКИЙ ЗАЛИВ
ВЛАДЕНИЯ ЛИВОНСКОГО ОРДЕНА
ПАТРИМОНИАЛЬНЫЙ ОКРУГ Г. РИГИ
РИЖСКОЕ АРХИЕПИСКОПСТВО
ТАРТУГСКОЕ ЕПИСКОПСТВО
ГОРОД
ЗАМОК ОРДЕНСКОГО ФОГТА
ЗАМОК ЕПИСКОПА
ЗАМОК ОРДЕНСКОГО КОМТУРА
ОСТАЛЬНЫЕ ОРДЕНСКИЕ ЗАМКИ
ЗАМОК ВАССАЛА
МОНАСТЫРЬ

Ливония

Выезд Ивана Грозного на борьбу с Ливонией. Художник Г. Э. Лисснер. 1947 г.

Высочайше утвержденъ:
8-го Декабря 1856 года.

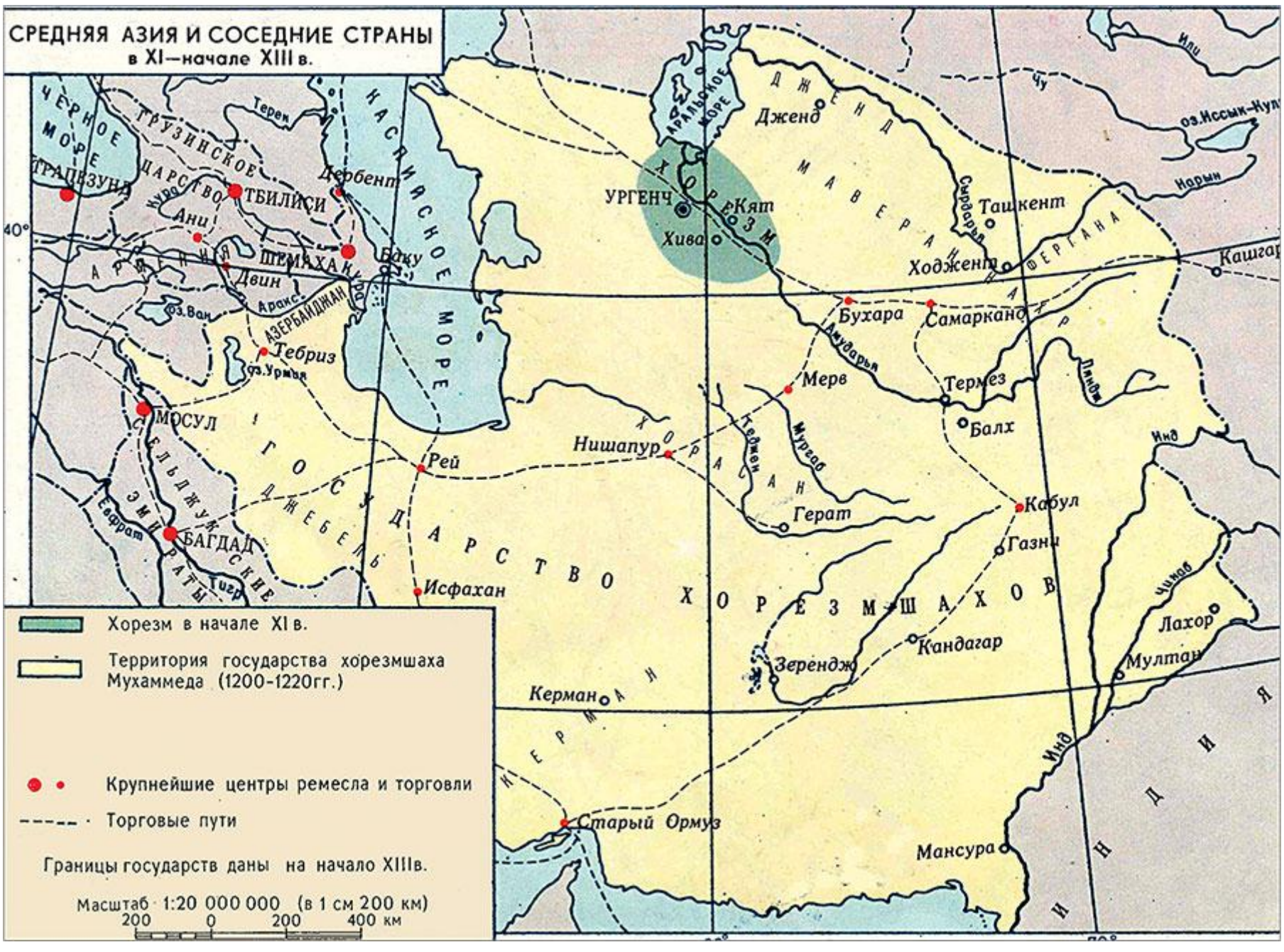
ГЕРБЪ
Эстляндской губерніи.

Въ золотомъ полѣ, три лазуревые леопардные—льва. Щитъ увѣнчанъ Императорскою короною и окруженъ золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою.

Герб Эстляндской губернии

Александро-Невский собор в Таллине

Средняя Азия и соседние страны в XI – начале XIII вв.

М. Д. Скобелев. Гравюра второй половины XIX в.

К.П. фон Кауфман. Гравюра 1860-х гг.

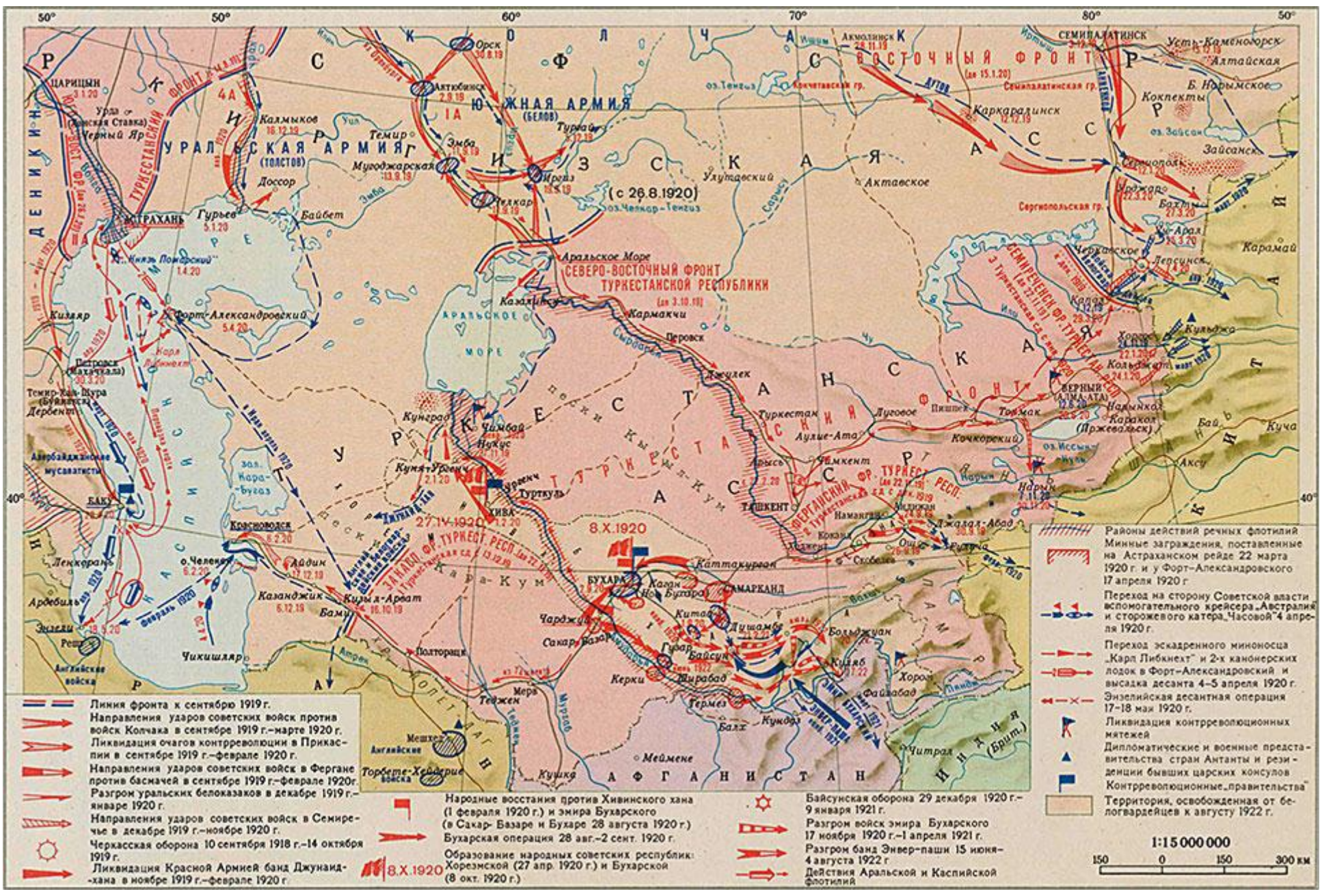
Вступление русских войск в Самарканд 8 июня 1868 г. Деталь. Художник Н. Н. Каразин. 1888 г.

У крепостной стены. Пусть войдут. Художник В. В. Верещагин. 1872 г.

Строительство Турксиба. Деталь. Художник Л. И. Климов. 1928 г.

Средняя Азия в период Гражданской войны

Примечания

1

Говоря о Древнерусском государстве, я с некоторых пор стал избегать антиисторического термина «Киевская Русь» или «Киевское государство», дабы не подыгрывать «самостийникам» – мошенникам от истории. В IX–XVIII вв. ни у нас, ни за границей не был известен термин «Киевская Русь». Его ввели русские историки в XIX веке как удобную метку.

2

Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. / Под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Наука, 1975. С. 188.

3

Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. М.: Российский Архив, 2003. С. 62.

4

Речка, впадающая в Ладожское озеро между Пашею и Сясью, современное название реки – Вороновка или Воронега.

5

Хорош католический архиепископ, он не только 9 лет воевал, да еще и жену имел.

6

Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. СПб.: Журнал «Нева», 2004. С. 80.

7

Точная дата рождения Александра Невского является предметом спора между историками.

8

Нестеренко А.Н. Александр Невский. Кто победил в Ледовом побоище. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С. 34–35.

9

Мейнардер Х. История Финляндии. М.: Весь мир, 2008. С. 8.

10

Хроника Эрика.

11

Хроника Эрика.

12

Drake K. Die Burg Hämeenlinna im Mittelalter, 1968, s. 11; «Mikä oli Vanain Iinna?» – In: Arx Tavastica. Hämeenlinna, 1967, s. 24–38; *Juva E., Juva M.* Suomen kansan historia. Helsingissä, 1964, s. 151.

13

Marscalcus regni – высшее воинское звание в Швеции в XIII–XV вв.

14

Ладулос – амбарный замок *(швед.)*.

15

Некоторые историки, в т. ч. И. П. Шаскольский, утверждают, что Кнутссон лично не участвовал в походе.

16

Время его основания неизвестно, по разным источникам датируют его от XI до начала XIV века.

17

На Руси этот поход называли Дюденевой ратью по имени предводителя татар Дюденя. Ущерб от Дюденевой рати был не меньше, чем от Батыевой рати.

18

Подробнее об этом рассказано в моей книге «Русь и Орда» (М.: Вече, 2004).

19

Роман Глебович – удельный брянский князь, сын смоленского князя Глеба Ростиславича.

20

Цит. по: *Шарымов А.М*. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. С. 90.

21

В это число не включены матросы, оруженосцы и т. д.

22

Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 13–14.

23

Мейнардер Х. История Финляндии. С. 37.

24

В разных источниках г. Ниэн (Ниен) именуют Ниеншанц, Канцы и Нюесканц. Некоторые авторы отделяют крепость Ниеншанц от Ниена.

25

Мейнардер Х. История Финляндии. С. 55.

26

Из романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок».

27

Он вступит в 1761 г. на русский престол под именем Петра III, но через несколько месяцев умер.

28

Клинге М. На чужбине и дома. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. С. 49, 74.

29

Клинге М. Указ. соч. С. 285–286.

30

Подробнее об этом рассказано в моей книге «Россия выходит в Мировой океан (Страшный сон королевы Виктории» (М.: Вече, 2005).

31

Клинге М. Имперская Финляндия. С. 553.

32

Клинге М. Имперская Финляндия. С. 553.

33

Звонарев К. К. Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. Германская агентурная разведка всех видов до и после войны 1914–1918 гг. Киев: Издательский дом «Княгиня Ольга», 2005. С. 546–547, 563.

34

Начиная с 1 января 1918 г. все даты приводятся только по новому стилю.

35

При этом никого не смутило, что столь горячий патриот Финляндии не знал финского языка.

36

Курт Мартти Валлениус (1893–1968) – политик и военный, в 1918–1921 гг. начальник пограничной службы в Лапландии, с 1930 г. генерал-майор, профессор географии северных стран в университете Хельсинки (в 1952–1956 гг.).

37

Мери В. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии. С. 117.

38

Шитик – небольшое палубное парусно-гребное судно с одной или двумя мачтами.

39

Галиот – небольшое двухмачтовое (реже трехмачтовое) парусное торговое судно.

40

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред. А. И. Андреева. М.: ОГИЗ, 1948. С. 272.

41

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред. А. И. Андреева. М.: ОГИЗ, 1948. С. 274.

42

Клинге М. Указ. соч. С. 282.

43

Шканцы – часть верхней палубы от грот-мачты до бизань-мачты, там обычно происходили встречи командования и почетных гостей.

44

Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера 1815–1841. С. 68.

45

Коцебу О. Е. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. С. 205–206.

46

Коцебу О. Е. Указ. соч. С. 227–229.

47

Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М.: Наука, 1982. С. 133.

48

По другим данным, это случилось 30 марта 1806 г. (по ст. стилю).

49

По другим источникам она была падчерицей Шелихова.

50

Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. СПб., 1861. Ч. I. С. 252–253.

51

Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. ч. I. С. 110.

52

Кремлев С. Русская Америка. Открыть и продать! М.: Яуза, 2005. С. 432.

53

Подробнее об этом рассказано в моей книге «Россия выходит в Мировой океан» (М.: Вече, 2005).

54

Цит. по: Кремлев С. Русская Америка: Открыть и продать! С. 419–420.

55

Широкорад А.Б. Русь и Литва. Рюриковичи против Гедиминовичей. М.: Вече, 2004. С. 346.

56

Мальта имеет несколько островов, но в обиходе ее принято называть островом.

57

Россия. История XIX века. Тайны побед и величия. М: Новь, 1998. С. 331.

58

Война женскими глазами. Русская и польская аристократки о Польском восстании 1830–1831 годов / Сост., вступ. статья В. М. Боковой, Н. М. Филатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 23.

59

Война женскими глазами. Русская и польская аристократки о Польском восстании 1830–1831 годов / Сост., вступ. статья В. М. Боковой, Н. М. Филатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 282.

60

Цит. по: Война женскими глазами… С. 326.

61

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 345.

62

Перельмутер В.Г. «Звезда разрозненной плеяды!» М.: Книжный сад, 1993. С. 215.

63

Перельмутер В.Г. Указ. соч. С. 214.

64

mot *(фр.)* – острое слово. Этот термин был очень моден в первой половине XIX века.

65

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. С. 351.

66

Война женскими глазами… С. 273.

67

Керсновский А. А. История русской армии. М.: Голос, 1993. Т. 2. С. 196.

68

МИД Великобритании.

69

По данным: *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 275.

70

Дело в том, что после ликвидации униатской церкви в пределах империи часть бывших униатов (этнических русских) перешла в католицизм.

71

Каюсь, мне самому не по душе термин «буржуазные националисты», но выдумывать новый термин в данной монографии вряд ли целесообразно, поэтому я по возможности пользуюсь сложившейся в нашей стране политической терминологией.

72

СДПГиС – Социал-демократическая партия Галиции и Силезии.

73

Имели в виду пленных, захваченных в ходе Первой мировой войны.

74

Основатель социал-демократической партии Королевства Польского (СДКП) в 1893 г., в 1918 г. – заведующий иногородним отделом ВЦИК.

75

С панами Антону Ивановичу Деникину пришлось познакомиться еще в детстве. Его отец, выходец из крестьян, служил унтер-офицером в Польше и женился на польке. Местный ксендз потребовал от нее воспитать сына русофобом и грозил отлучить от церкви. В конце концов Иван Деникин сходил к ксендзу и сильно набил ему лицо. Таким способом Россия получила боевого генерала Деникина.

76

Ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге.

77

Материалы сайта http://www.regnum.ru/news/1245740.html

78

Неменский О. Поляки и русские: народы разных времён и разных пространств // Материалы сайта http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/

79

Мавродин В.В. Древняя Русь. М.: ОГИХ, Госполитиздат, 1946. С. 125.

80

Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 224.

81

862 год от Рождества Христова.

82

Повесть временных лет // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) /Сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969. С. 35.

83

Уингейт Ф., Миллард Э. Викинги. М.: Росмэн, 1995. С. 40.

84

Так, в 1876 г. германский историк Вильгельм Томсен прочитал в Оксфордском университете лекцию «Начало Русского государства», где утверждал, что «русь IX века – это шведы».

85

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 5.

86

Русановский В.М. Происхождение и развитие восточнославянских языков. Киев, 1980. С. 14–23.

87

Русановский В.М. Происхождение и развитие восточнославянских языков. Киев, 1980. С. 27.

88

Гуслистый К.Г. К вопросу о формировании украинской нации. Киев, 1967. С. 6.

89

В одной из своих статей А. И. Железный пишет: «Я отношусь к категории русскоязычных граждан Украины не потому, что я “русифицировался” и поменял свою фамилию Зализный на Железный, а по той простой причине, что я никогда не изменял своему родному языку, а воспринял его от моих родителей, которые тоже от рождения были русскоязычными, как и их родители, и вообще все предки неизвестно до какого колена (все по отцовской линии испокон веков коренные киевляне). Моя фамилия Железный – наше родовое достояние, и никто ее не “русифицировал”».

90

Железный А.И. Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине. Киев: Киевская Русь, 1999. С. 33–34, 36–37, 39.

91

Здесь и далее, говоря о детях царственных особ, автор, следуя принципу древних летописцев и хронистов, в ряде случаев опускает детей, умерших в молодом возрасте и не совершивших поступков, вошедших в историю.

92

С 1939 г. Вильнюс.

93

Боюсь, что тут у определенной части читателей возникнет аналогия с репрессиями в конце 30-х годов XX в. в Красной Армии. На самом деле аналогия тут чисто внешняя, т. е. похожи факты, но суть совершенно иная. Иван IV уничтожал профессиональных воевод. Так, десятки князей Курбских участвовали в походах Ивана III, Василия III и Ивана IV и честно сложили головы за землю Русскую. Репрессии же конца 30-х годов XX в. были направлены в основном на героев Гражданской войны – выдвиженцев председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого. Вместо них пришли новые командиры, которые и выиграли Великую Отечественную войну, в которой уцелевшие герои Гражданской войны не сыграли особой роли. Аналогичная ситуация была и во Франции, когда десятки и сотни генералов, сделавших молниеносную карьеру во времена Революции, ушли со сцены в конце XVIII в., а Европу покоряли совсем другие люди, которые к 1793 г. были лейтенантами, а то и просто рядовыми.

94

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960 г. Книга 3. С. 614.

95

Князь Криштоф Радзивилл (1547–1603), каштелян трокский, воевода виленский, великий гетман литовский, позже получил за свои военные таланты прозвище «Piorun» («Перун», т. е. «Гром»).

96

Цит. по: *Беднов В. А.* Православная Церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002. С. 96.

97

Беднов В. А. Указ. соч. С. 102–103.

98

Социане – протестантская секта, основанная в XVI веке итальянцами братьями Лелием и Фавстом Социанами. Позже социане получили название унитариев.

99

Ариане – религиозное течение, основанное в IV веке нашей эры александрийским епископом Арием.

100

Беднов В. А. Православная Церковь в Польше и Литве. С. 323.

101

Беднов В. А. Указ. соч. С. 115.

102

Булгарин Ф. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 18.

103

Занков Д. «Блуд бывает всякий…» // «Родина» № 12/2004.

104

Лев-Старович Збигнев. Секс в польской культуре // Материалы сайта http://www.lovestuff.ru/culture/world/30.html

105

В некоторых источниках их называют Чарторыйскими или Чарторижскими.

106

Ряд историков называют и другие даты.

107

Православное имя Дмитрий, а языческое – Корибут.

108

Цит. по: *Антонович В.* Даниил Братковский (1697–1702) // «Киевлянин» № 91/1865.

109

В это время Киев принадлежал России, но в Речи Посполитой осталось Киевское воеводство.

110

Чигринов П. Г. История Беларуси с древности до наших дней. Минск: Книжный дом, 2004. С. 217.

111

Родин С. Отрекаясь от русского имени. Украинская химера. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2006. С. 324–325.

112

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Киев: Наукова Думка, 1990. Т. 2. С. 332.

113

Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд им. И. Д. Сытина; Baltrus, 2005. С. 399.

114

Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. М.: Сварог и К, 2001. С. 419–420.

115

Кириллов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. С. 174.

116

Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. С. 420.

117

Грушевский М.С. Указ. соч. С. 479.

118

Подолия. Историческое описание. СПб., 1891. С. 20.

119

Остапчук О.А. Языковая ситуация на Правобережной Украине // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе / Под ред. Л. Е. Горизонтова. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 69.

120

Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник, СПб.: БЛИЦ, 1995. С. 111.

121

Грушевський М.С. З біжучоі хвилі. Статтій замітки на теми дня. 1905–1906 рр. Київ, 1907. С. 83.

122

Костомаров Н.И. Задачи украинофильства // Вестник Европы. 1882 г. Т. 2. С. 898–899.

123

Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века), М.: Институт славяноведения РАН, 2003. С. 57–58.

124

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 11–12.

125

Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997.

126

Субтельный О. Украина. История. Киев: Либідь, 1994. С. 437–438.

127

Цит. по: *Губарев В.К*. История Украины. Конспект лекций для студентов и преподавателей. Донецк: БАО, 2004. С. 186–187.

128

Зенькович Н. А. Чья Белоруссия? (Границы. Споры. Обиды). М.: МК-Периодика, 2002. С. 62.

129

Здесь и далее я использую прилагательное «буржуазный» скорее не как указатель классовой принадлежности конкретной партии или организации, а как метку, помогающую читателю понять их политическую ориентацию.

130

Царинный А. Украинское движение // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. М.: Москва, 1998. С. 196–197.

131

Лихолат А. В. Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917–1922 гг.). М.: Госполитиздат, 1954. С. 166.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

132

Субтельный О. Украина. История. С. 463.

133

Царинный А. Украинское движение // Украинский сепаратизм в России. С. 225.

134

Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты, М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 268.

135

Каверин А. Кому не дают покоя лавры Лазаря Кагановича? // «Кіевскій ТелеграфЪ» № 2 (12–18 января 2004 г.).

136

Каверин А. Указ. соч.

137

В годы Первой мировой войны рубль потерял свое золотое содержание.

138

Губарев В. К. История Украины. Конспект лекций для студентов и преподавателей. С. 225–226.

139

Губарев В. К. Указ. соч. С. 251–252.

140

Нюрнбергский процесс. М.: Госюриздат, 1954. Т. 2. С. 644.

141

Губарев В. К. История Украины. С. 269–271.

142

По данным Камила Фила, «События на Волыни – взгляд из Польши».

143

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов / Составители А. И. Чугунов, Т. Ф. Каряева, Е. В. Сахарова, В. А. Червяков, А. Н. Шестовалова. М.: Наука, 1968. С. 577.

144

Указ. соч. С. 580.

145

Указ. соч. С. 584–585.

146

Любопытно, что сейчас находятся люди, которые утверждают, что Лаврентий Берия заслал в сотню «Гриня» своих агентов, дабы убить польского министра.

147

Губарев В.К. История Украины. С. 282.

148

Губарев В.К. Указ. соч. С. 293.

149

Цит. по: *Фролов К.* Галицкая и Подкарпатская Русь в борьбе за православие // Альманах «Третий Рим». 1999 г.

150

Губарев В. К. История Украины. С. 313–314.

151

Губарев В. К. Указ. соч. С. 313.

152

Губарев В. К. Указ. соч. С. 314.

153

Губарев В. К. Указ. соч. С. 314–315.

154

Губарев В. К. Указ. соч. С. 336.

155

Бурячок А. Языковая ситуация в Киевской Руси // Вечерний Киев, 23 декабря 1994 г.

156

Гришин Я.Я. Польско-литовские татары (наследники Золотой Орды). Казань: Татарское книжное издательство, 1995. С. 13.

157

Валерий Шевчук – лауреат Государственной премии им. Т. Шевченко, премии фонда Антоновичей, премии им. Е. Маланюка, писатель и историк, автор статьи «Малороссизм – воскресшая старая социо-патологическая болячка» («Вечерний Киев» от 31 января 1995 г.).

158

Железный А. И. Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине. С. 77–79.

159

Железный А. И. Указ соч. С. 47–48.

160

Железный А. И. Указ. соч. С. 107, 119–120.

161

Субтельный О. Украина. История. С. 714.

162

«Свободное слово Карпатской Руси» № 6, 1986 г.

163

По данным: *Брук С. И.* Население мира. Этно-демографический справочник. М.: Наука, 1981. С. 209.

164

Тарас А. Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII веках. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006. С. 20.

165

Зенькович Н.А. Чья Белоруссия? Границы. Споры. Обиды. С. 298.

166

Зенькович Н.А. Указ. соч. С. 298–300.

167

Зенькович Н.А. Указ. соч. С. 300–301.

168

Зенькович Н.А. Указ. соч. С. 308–309.

169

Зенькович Н.А. Указ. соч. С. 287.

170

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 376–377.

171

Дюличев В. П. Рассказы по истории Крыма. Симферополь: Бизнес-информ, 1998. С. 115–116.

172

Подробнее об этом рассказано в моей книге «Военные загадки Древней Руси» (М.: Вече, 2005).

173

Ногай считал себя ханом, хотя он и не был потомком Чингисхана.

174

Яровицкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 322.

175

Здесь и далее я привожу факты из аполитичной книги «Известия таврической учетной архивной комиссии (год девятнадцатый) № 37» под редакцией правителя дел Арсения Маркевича, изданной в 1905 г. в Симферополе. Книга эта представляет собой просто изложение губернских архивных дел без всяких комментариев, и тем более без выводов.

176

Яровицкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 17.

177

Яровицкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 18.

178

Известия таврической учетной архивной комиссии… С. 21.

179

Цит. по: *Алтабаева Е.Б.* Смутное время: Севастополь в 1917–1920 годах. Севастополь: Телескоп, 2004. С. 102.

180

Алтабаева Е.Б. Указ. соч. С. 103.

181

Гидрокрейсер «Румыния» (база гидросамолетов) – бывший румынский пароход водоизмещением 4500 т. Скорость 16 уз. Вооружение: четыре 152/45-мм и одна 75/50-мм пушки.

182

Иванов В. Б. Тайны Севастополя. Книга 1. Тайны земные. Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2005. С. 298.

183

Ефимов А. В. Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941–1944 гг. // Российская община Севастополя. Май 2002 г.

184

Ефимов А. В. Указ. соч.

185

По данным Влады Селиной «За что Сталин выселял народы». Материалы сайта http://rusich.by.ru/histori/deptatar.htm.

186

Манюшин И. С. Героическая трагедия. Симферополь: Таврида, 2001. С. 141–142.

187

Манюшин И. С. Героическая трагедия. Симферополь: Таврида, 2001. С. 190.

188

Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука, 1987. С. 209.

189

По данным Ефимова А. В. «Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941–1944 гг.».

190

Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию… М.: АИРО – XX, 1995. С. 146.

191

Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию… М.: АИРО – XX, 1995. С. 2.

192

Крым многонациональный. Вопросы и ответы. Вып. 1./Сост. Н. Г. Степанова. Симферополь: Таврия, 1988. С. 80.

193

Крым многонациональный. Вопросы и ответы. Вып. 1./Сост. Н. Г. Степанова. Симферополь: Таврия, 1988. С. 80.

194

Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию… С. 146.

195

РОА – здесь «Русская освободительная армии» – мелкие подразделения этнических русских, служивших в немецких частях в Крыму. Генералу Власову они подчинены не были.

196

Цит. по: *Романько О.В*. Крым. 1941–1944 гг. Оккупация и коллаборационизм. Симферополь, 2005. С. 185.

197

Коммунист. 1991. № 3. С. 107.

198

Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать…»: Документы, факты, комментарии / Сост. Н. Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. С. 134–136.

199

Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать…»: Документы, факты, комментарии / Сост. Н. Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. С. 138–139.

200

Материалы сайта http://rusich.by.ru/histori/deptatar.htm

201

Автор использует материалы из статьи Сергея Горбачева «Крымская Калифорния» // Альманах «Остров Крым» № 1 (материалы сайта: http://ok.archipelag.ru/part1/krimskaya-kaliforniy) и Бориса Сибирского «Полуостров замедленного действия» // «За семью печатями» № 7/2005.

202

Согласно новым правилам русского языка, говорится «на Украине», а не «в Украине».

203

По данным: Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. С. 278.

204

Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Борлюгова, М.: Фонд Фридриха Науманна, 2003. С. 86.

205

Аркадий Чикин. Ахиллесова пята Крыма // «Российская община Севастополя». № 6 (140). Июнь 2004.

206

Аркадий Чикин. Ахиллесова пята Крыма // «Российская община Севастополя». № 3 (137). Февраль 2004.

207

Полное собрание русских летописей. Т. I. Вып. 1. Стб. 13.

208

Полное собрание русских летописей. Т. II. Стб. 9—10.

209

Полное собрание русских летописей. Т. I. Вып. 1. Стб. 33.

210

Полное собрание русских летописей. Т. II. Стб. 34.

211

Полное собрание русских летописей. Т. II. Стб. 34.

212

Буджак – это турецкое название южной части междуречья Днестра и Дуная. Произошло от тюркского слова «угол». Местное же население называло этот район Бессарабией (Бассарабией).

213

Под стягом России. Сборник архивных документов / Сост., примеч. А. А. Сазонова, Г. Н. Герасимовой, О. А. Глушковой, С. Н. Кистерева. М.: Русская книга, 1992. С. 50.

214

Под стягом России… С. 56.

215

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М.: Издательство Московского университета, 1996. С. 389–390.

216

Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. Фон-Шварца и др. Петербург, 1911 г. Т. IV. С. 514–515.

217

Монархи Европы: судьбы династий / Ред. – сост. Н. В. Попов. М.: Республика, 1996. С. 485.

218

Четвертной союз – Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария.

219

Нотович Ф. И. Бухарестский мир 1918 г. М., 1959. С. 136–137.

220

Цит. по: *Мельтюхов М.И*. Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1940 гг.). М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 82.

221

Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 101–102.

222

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Кн. 3. С. 189.

223

Цит. по: *Мельтюхов М*. Освободительный поход Сталина… С. 115–116.

224

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921–1945). М.: Центрполиграф, 2002, С. 97.

225

Приапизм – длительное нахождение полового члена в состоянии эрекции, не исчезающее после полового акта. Возможно, что у Кароля было и близкое заболевание того же типа – сатириазис, при котором мужчины имеют патологию сексуального влечения.

226

Россия. XX век. Документы. 1941 год. / Под ред. В. П. Наумова. В 2 кн. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. I. С. 61–62.

227

Россия. XX век… С. 62.

228

Россия. XX век… С. 63.

229

Россия. XX век… С. 68.

230

Россия. XX век.

231

Из стенограммы заседания Совета министров Румынии совместно с губернаторами оккупированных территорий 16 декабря 1941 года // Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941–1945. Кишинев: Штиинца. 1976. Т. 2. С. 97–99.

232

Бершин Е. Берег левый – берег правый // Юность, январь 1993 г.

233

Бабилунга Н. Если бы у нас перед глазами не было горького примера Гагаузии… // Восстание меньшинств: Косово. Молдавия. Украина. Грузия. Курдистан. Сборник / Сост.: ИА REGNUM. М.: Европа, 2006. С. 42–44.

234

Бабилунга Н. Если бы у нас перед глазами не было горького примера Гагаузии… // Восстание меньшинств: Косово. Молдавия. Украина. Грузия. Курдистан. Сборник / Сост.: ИА REGNUM. М.: Европа, 2006. С. 46–47.

235

Ленский А.Г. Цыбин М. М. Советские сухопутные войска в последний год Союза ССР. Справочник. СПб.: B&K, 2001. С. 166.

236

Бершин Е. Берег левый – берег правый // Юность, январь 1993 г.

237

Материалы сайта http://www.parkmira.ru.

238

Материалы сайта http://www.parkmira.ru.

239

Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / Под ред. В. А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. С. 386.

240

Благодатских И. Молдова и Приднестровье в поисках «своей» истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 196.

241

Не путать с грузинскими Багратидами.

242

История родов русского дворянства /Сост. П. Н. Петров. В 2 кн. Кн. 1. М.: Современник, 1991. С. 415–416.

243

Епифанцев А. Была ли Грузия союзником России? Политическая модель выживания грузинского государства. Материалы сайта http://www.vesti.ru/doc.html?id=204707

244

Под стягом России. Сборник архивных документов. С. 182.

245

Накашидзе Н.Т. Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968. С. 53–55.

246

Накашидзе Н.Т. Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968. С. 112–122.

247

Накашидзе Н.Т. Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968. С. 195.

248

Под стягом России. Сборник архивных документов. С. 196.

249

Гекбот – трехмачтовое парусное судно длиной 30,5 м и шириной 8,2 м. Обычно гекботы использовались как транспорты, но в этой экспедиции они действовали в качестве бомбардирских кораблей.

250

Под стягом России. Сборник архивных документов. С. 202.

251

По стягом России. С. 260–261.

252

Керсновский А. А. История русской армии. В 4 томах. Т. 1. От Нарвы до Парижа 1700–1814 гг. М.: Голос, 1999. С. 208.

253

Город Елизаветполь в 1918 г. переименован мусаватистами в Гянджу, а в 1935 г. большевиками в Кировобад.

254

Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. С. 209.

255

Керсновский А.А. Указ. соч. С. 211–212.

256

Военная энциклопедия. Т. XIV. С. 579.

257

Под стягом России. Сборник архивных документов. С. 304.

258

Татарами до 1920 г. на Кавказе считали азербайджанцев.

259

Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995. С. 219.

260

Вилайет – единица административно-территориального деления Турции.

261

Прудникова Е. Берия. Преступления, которых не было. Материалы сайта http://usatruth.by.ru.

262

Цит. по: *Пупко А.Б*. «…Россия не может оставить Кавказ» // Москва № 12/2003. С. 156.

263

С правовой точки зрения вторжение Красной Армии в Азербайджан имеет много нюансов. С одной стороны, Азербайджан не воевал с РСФСР, а, с другой стороны, границы этого государственного образования не были признаны ни одним государством мира, включая Англию. Советская Россия была единственной правопреемницей Российской империи и, соответственно, обладала соответствующими правами по всей территории бывшей империи.

264

По другим источникам бронепоезд № 55 назывался «Дагестанец».

265

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922). Сборник документов. Т. III. С. 317.

266

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922). Сборник документов. Т. III. С. 319.

267

Предревсоветресп – имеется в виду Председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий.

268

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922). Сборник документов. Т. III. С. 318.

269

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922). Сборник документов. Т. III. С. 324.

270

Цит. по: *Персиц М.А*. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. М.: Муравей-Гайд, 1999. С. 20.

271

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 42. С. 54.

272

Шталь А.В. Малые войны 1920—1930-х годов. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 31.

273

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922). Сборник документов. Т. III. С. 371.

274

Баранец В. Н. Генштаб без тайн. М.: Политбюро, 1999. Цитируется по материалам сайта: http://lib.aldebaran.ru/author/baranec_viktor/baranec_viktor_genshtab_bez_tain

275

Томас де Ваал. Черный сад. М.: Текст, 2005. Цитируется по материалам сайта: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/in_depth

276

Таблица приводится по изданию: Белая книга Абхазии. 1992–1993. Документы, материалы, свидетельства. М., 1993.

277

Белая книга Абхазии. 1992–1993. Документы, материалы, свидетельства. М., 1993. С. 155.

278

Белая книга Абхазии. 1992–1993. Документы, материалы, свидетельства. М., 1993. С. 199.

279

Белая книга Абхазии… С. 200.

280

Цит. по: *Мергиев З. Г.* Батум во времена Османской империи. Краткий административный, статистический и исторический обзор г. Батуми и региона в составе Османской империи. М.: Минувшее, 2008. С. 86.

281

Материалы сайта http://www.politjour-nal.ru/index.php?action=Articles&dirid=88&tek= 6493&issue=183

282

Скурлатов В. Что потеряла Россия, сдав Аджарию. Материалы сайта http://www.contrtv.ru/common/362/

283

Материалы сайта http://u-96.livejournal.com/1474024.html

284

Материалы сайта
http://www.kamvesti.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=6694&Itemid=88888906

285

ВТО – Всемирная торговая организация.

286

В ряде источников утверждается, что основал город купец Михаил Гурьев. На самом деле дети Гурия Назарова Михаил, Иван и Андрей Гурьевы продолжили дело отца в освоении устья Яика.

287

Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации. С. 332–333.

288

Цит. по: *Феоктистов А*. Русские, казахи и Алтай. М. – Усть-Каменогорск: Альфа и Омега, 1992. С. 28.

289

Корсак – млекопитающее рода лисиц, обитающее в степях и полупустынях Азии.

290

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. С. 521.

291

ЦГВИА. Ф. 67. Д. 48.

292

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. XV. Изд. 1. С. 172.

293

Толбухов Е. Устроитель Туркестанского края // Исторический вестник, № 6/1913 г. С. 906−907.

294

Цит. по: *Татищев С. С.* Император Александр Второй. М.: Алгоритм, 1996. Кн. 2. С. 117−118.

295

Материалы сайта www.pravoslavie.uz.

296

Термин А.И. Воспоминания администратора. Петроград, 1914. С. 9.

297

Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 275.

298

Военная энциклопедия. Т. V. С. 173.

299

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров; АСТ, 1999. С. 408.

300

В 1935 г. г. Новая Бухара был переименован в Каган.

301

Цит. по: *Пылёв А.И*. Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917–1920 гг. Выбор путей развития. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. С. 106.

302

Пылёв А. И. Указ. соч. С. 169. Туркомиссия в новом составе прибыла в Ташкент 23 августа 1920 г.

303

Цит. по: *Пылёв А.И*. Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917–1920 гг. Выбор путей развития. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. С. 171.

304

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922). Сборник документов. Т. III. Апрель 1920 г. – 1922 г. С. 544–545.

305

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922). Сборник документов. Т. III. Апрель 1920 г. – 1922 г. С. 551.

306

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922). Сборник документов. Т. III. Апрель 1920 г. – 1922 г. С. 558.

307

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922). Т. III. С. 533.

308

ГВИУ – Главное Военно-инженерное управление.

309

Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М.: Наука, 1981. С. 173.

310

Пограничные войска СССР. 1929–1938. Сборник документов и материалов / Составители П. А. Иванчишин, А. И. Чугунов. М.: Наука, 1972. С. 255.

311

Пограничные войска СССР. 1939—июнь 1941. Сборник документов и материалов / Составители Е. В. Цыбульский, А. И. Чугунов, А. И. Юхт. М.: Наука, 1970. С. 515.

312

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Сборник документов. С. 604.

313

Полное собрание русских летописей. Т. II. Стб. 8.

314

Полное собрание русских летописей. Т. I. Стб. 149.

315

Мазутова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. С. 113.

316

Оденпе, с 1917 года – город Отепя.

317

Генрих Латвийский. «Хроники Ливонии».

318

Мазутова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. С. 127.

319

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 388.

320

Оба были еще детьми 8—10 лет. Точная дата рождения их неизвестна.

321

Ярослав Владимирович – удельный князь дорогобужский, сын Владимира Мстиславича, в 1232 г., поссорившись с князем Ярославом Всеволодовичем, бежал к немцам в Оденпе.

322

В исторической литературе принято называть рыцарей орденов Тевтонского и Меченосцев немцами, хотя в их числе было немало французских, итальянских и других западноевропейских рыцарей.

323

Ныне село Копорье Ломоносовского р-на Ленинградской области.

324

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 гг. М.: Прогресс, 1989, С. 145.

325

Материалы сайта http://middleages.sitecity.ru

326

Материалы сайта http://middleages.sitecity.ru.

327

Материалы сайта http://hist-battle.chat.ru.

328

Матузова В. И., Назарова Е. А. Крестоносцы и Русь. С. 232.

329

Выделено мной. – *А.Ш.*

330

Матузова В. И., Назарова Е.А. Крестоносцы и Русь. С. 232–233.

331

Бережков М. О торговле русских с Ригою в XIII–XIV веках // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. С. 353.

332

С 1893 г. Двинск, с 1917 г. Даугавпилс.

333

Цит. по: История Латвийской ССР /Под ред. К. Я. Страздия, Я. Я. Зутиса и Я. П. Крастыня. Т. 1. С древнейших времен до 1860 г. Рига: Издательство Академии наук Латвийской ССР, 1952. С. 289.

334

С 1893 г. Даугавгрива, до 1917 г. Усть-Двинск, с 1959 г. в черте г. Риги.

335

Болдырев В. Осада и взятие Риги русскими войсками в 1709–1710 гг. // Военный сборник № 7, 1910.

336

Брикнер А. История Екатерины Второй. В 2 т. Т. 1. М.: Современник, Товарищество Русских Художников, 1991. С. 285.

337

Брикнер А. История Екатерины Второй. В 2 т. Т. 1. М.: Современник, Товарищество Русских Художников, 1991. С. 287.

338

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Православие в Эстонии. Материалы сайта: http://www.sedmitza.ru/index.html?did=42449

339

При Павле I на некоторое время была восстановлена власть магистрата.

340

Материалы сайта: http://www.sedmitza.ru/

341

Материалы сайта: http://www.sedmitza.ru/

342

Материалы сайта: http://www.sedmitza.ru/

343

Цит. по: История Латвийской ССР / Под ред. К.Я. Страздиня, Я.Я. Зутиса, Я.П. Крастыня, А.А. Дризула. Рига: Издательство Академии наук Латвийской ССР, 1952. Т. 1. С. 606.

344

Курлов П.Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1991. С. 205.

345

Цит. по: *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. С. 92.

346

Лесков Н.С. Русские деятели в Остзейском крае // Исторический вестник № XI за 1883 г. С. 257.

347

Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. С. 114.

348

Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). С. 105.

349

Курлов П.Г. Гибель императорской России. С. 222.

350

Цит. по: Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1977. С. 339.

351

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. II (Северо-запад). Ч. I. Балтийский флот 1918–1919 гг. / Под ред. И.В. Егорова, Е.Е. Шведе. Л.: Редакционно-издательский отдел Морских Сил РККФ, 1926. С. 3–4.

352

Гражданская война. Указ. соч. С. 11.

353

Здесь и далее, говоря о Гражданской войне и используя термин «фронт», я лишь следую традиции. На самом деле в 1918–1920 гг. за весьма редкими исключениями сплошного фронта не было, а боевые действия шли в основном вдоль дорог, судоходных рек и т. д.

354

Дыдоров К. Освобождение Риги от большевиков 22 мая 1919 года // Белая борьба на Северо-Западе России /Состав. С.В. Волков. М.: Центрполиграф, 2003. С. 85.

355

История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. В.П. Потемкина. М. – Л.: ОГИЗ Госполитиздат, 1945. С. 37.

356

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров, АСТ, 1999. С. 408.

357

См.: *Широкорад А.Б.* Русско-японские войны 1904–1945. Минск: Харвест, 2003.

358

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Кн. 3. С. 236.

359

Россия. XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 558.

360

Россия. XX век. Указ. соч. С. 559.

361

Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М.: Вече, 2004. С. 26.

362

Крысин М.Ю. Указ. соч. С. 28–29.

363

Крысин М.Ю. Указ. соч. С. 29.

364

Крысин М.Ю. Указ. соч. С. 31–32.

365

Крысин М.Ю. Указ. соч. С. 47–48.

366

Цит. по: *Мельтюхов М.И*. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001. С. 201.

367

Запрудник Я. Беларусь на гістарычных скрыжаваниях. Минск, 1996. С. 103.

368

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Кн. 2. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. М., 2000. С. 529–530.

369

Сиполс В. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919–1940 гг. Рига, 1968. С. 330.

370

Цит. по: *Крысин М.Ю*. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. С. 55.

371

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М.: Вече, 2002. С. 149.

372

Россия. XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 29.

373

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992. С. 213.

374

Полпреды сообщают… Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990. С. 473.

375

Полпреды сообщают… Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990. С. 474.

376

Восстановление советской власти в Латвии и вхождение Латвийской ССР в состав СССР. Документы и материалы. Рига, 1987. С. 172.

377

Материалы сайта http://www.livejournal.com

378

Россия. XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 127.

379

Цит. по: *Семиряга М.И*. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. С. 245.

380

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга 2. 1 января – 21 июня 1941 г. М., 1995. С. 247–248.

381

Глебов М. Сибирский эшелон. Трагический юбилей массовых депортаций в Балтии // Известия. 14 июня 2001 г. № 103(25941).

382

Дзинтарс Э. «Пятая колонна» в Латвии служила Гитлеру // Независимая газета. 21 июня 2001 г. № 110 (2420). С.10.

383

Дзинтарс Э. «Пятая колонна» в Латвии служила Гитлеру // Независимая газета. 21 июня 2001 г. № 110 (2420). С.10.

384

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.2. Начало. Книга 2. С. 564.

385

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.2. Начало. Книга 2. С. 433.

386

Кузнецов С., Курилов И., Нетребский Б., Сигачев Ю. Вооруженное националистическое подполье в Эстонии в 40—50-х годах // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С.169.

387

Витковский А., Ямпольский В. Вчера это было секретом. Документы о литовских событиях 40—50-х гг. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С.136.

388

Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939–1945. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. М., 2000. С.33; Латышские полицейские в Беларуси // Свободные новости. Минск. 24–31 марта 2000 г. № 11.

389

Латышские полицейские в Беларуси // Свободные новости. Минск. 24–31 марта 2000 г. № 11.

390

Кузнецов С., Курилов И., Нетребский Б., Сигачев Ю. Вооруженное националистическое подполье в Эстонии в 40—50-х годах // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 171.

391

Цит. по: *Березин К., Саар А*. Операция «Котбус», или «Очищение» Прибалтики от евреев. Рига – Вильнюс – Таллин, 2001. С. 23.

392

Березин К., Саар А. Указ. соч.

393

Преступные цели – преступные средства. Сборник документов. М., 1968. С. 55.

394

Альфред Розенберг родился 12 января 1893 г. в семье башмачника. Детство его прошло в Ревеле, в то время входившем в состав России. Поэтому-то Розенберг довольно хорошо говорил по-русски. Он поступил в Рижский политехнический институт, затем перевелся в Московский университет, где учился на архитектора.

395

Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. С. 81–82.

396

Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.2. Начало. Книга 1. С. 631.

397

Витковский А., Ямпольский В. Вчера это было секретом. Документы о литовских событиях 40—50-х гг. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С.137.

398

Витковский А., Ямпольский В. Указ. соч. С. 138.

399

Беляков В. Пойдя за шерстью, как бы стриженым не вернуться // «Союз». Приложение к «Советской Белоруссии» и «Российской газете». 27 декабря 2000 г. № 4 (6). С. 2.

400

По данным: *Кузнецов С., Курилов И., Нетребский Б., Сигачев Ю.* Вооруженное националистическое подполье в Эстонии в 40—50-х годах // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С.176.

401

СИС – британская разведка.

402

Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать…»: Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. С. 205.

403

Цит по: *Глебов М*. Сибирский эшелон. Трагический юбилей массовых депортаций в Балтии // Известия. 14 июня 2001 г. № 103 (25941).

404

Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию… С. 231.

405

Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С.163.

406

Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность. М.: Вече, 2007.

407

Материалы сайта http://www.pravda.info/region/1272.html

408

Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. С. 477–479.

409

Материалы сайта http://pribalty.wordpress.com/2007/06/01/Выдержки-из-книги-в-тч-Марта-Лаара-Оче/

410

Материалы сайта http://pribalty.wordpress.com.

411

Подробнее читатель может узнать об этой позорной сделке из моей книги «Атомный таран XX века» (М.: Вече, 2005).

412

Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. С. 508.

413

Алкснис В.И. Хватит о делах //Материалы сайта http://v-alksnis2.livejournal.com/11620.html

414

Бакатин Владимир Викторович – в 1987–1988 гг. первый секретарь Кемеровского обкома партии; в 1988–1990 гг. министр внутренних дел; в 1991–1992 гг. председатель КГБ; с 1992 г. работал в Международном фонде экономических и социальных реформ «Реформа»; с 1995 г. работал в группе «МФК Ренессанс».

415

Алкснис В.И. Хватит о делах.

416

Алкснис В.И. Хватит о делах.

417

«Комсомольская правда» за 15 января 1990 г.

418

Шевякин А.П. 17 тайн Лубянки. М.: 2007. С. 466–148.

419

Алкснис В.И. Хватит о делах.

420

Эстонская православная церковь с 1923 г. по 1940 г. под нажимом властей подчинялась константинопольскому патриарху.

421

Иванов В. Должники хотя денег // Материалы сайта http://www.p-p-p.ru/?page=J&year=2006&number=1&article=21

422

Иванов В. Должники хотя денег // Материалы сайта http://www.p-p-p.ru/?page=J&year=2006&number=1&article=21

423

Зенкович Н.А. Чья Белоруссия? (Границы. Споры. Обиды). М.: МК-Периодика, 2002. С. 311.

424

Стечкин В. Кому еще кусок России, или Кто получит от мертвого осла уши? М.: Яуза, 2005. С. 178.